

ЧЕЛОВЕК И ДРЕВНОСТИ

ЧЕЛОВЕК
И ДРЕВНОСТИ

ЧЕЛОВЕК И ДРЕВНОСТИ

**Памяти Александра Александровича Формозова
(1928–2009)**

Москва
2010

ББК 63.4
Ч 39

**Генеральный спонсор издания — Автономная некоммерческая организация
содействия сохранению историко-культурного наследия страны
«Наследие» (АНО «Наследие»)**

Ответственные редакторы:
кандидат исторических наук *И.С. Каменецкий*
доктор исторических наук *А.Н. Сорокин*

Составители сборника:
кандидат исторических наук *М.В. Андреева*
кандидат исторических наук *С.В. Кузьминых*
Т.Н. Мишина

Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) /
Отв. редакторы И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. — М: Гриф и К., 2010. — 918 с., илл.

Сборник «Человек и древности» посвящен памяти русского археолога и историка Александра Александровича Формозова (30.12.1928–31.01.2009), внесшего фундаментальный вклад в изучение каменного века России, ключевых проблем источниковедения, теории первобытного искусства и истории науки.

Для археологов, антропологов, историков, студентов гуманитарных специальностей и всех любителей отечественной археологии и истории.

MAN and ANTIQITIES

**Aleksandr Aleksandrovich Formozov in memoriam
(1928–2009)**

Man and Antiquities: Aleksandr Aleksandrovich Formozov in memoriam (1928–2009) / Eds.:
I.S. Kamenetsky, A.N. Sorokin. — Moscow: Grif & C., 2010.— 918 pages, with illustrations.

Collection of articles “Man and Antiquities” is dedicated to commemorate an outstanding Russian archaeologist and historian Aleksandr Aleksandrovich Formozov (30.12.1928–31.01.2009) widely known for his fundamental contributions to the investigations of the Stone Age of Russia, the key problems of source analysis, theoretical studies of primitive art, and the history of science.

For archaeologists, anthropologists, historians, young specialists in humanities, and all those interested in national archaeology and history.

Moscow
2010

Саша Формозов

Портрет А.А. Формозова работы Л.А. Евтюховой, конец 1940-х годов

А. Сорокин

Реквием

Ускакал новогодний олень,
разыгралась всерьёз непогода,
и в январский неласковый день
оборвалась звезда с небосвода.

Без пророков живётся легко,
а с пророками — трудно и сложно:
даже тяжесть духовных оков
ощущать начинаешь подкожно.

Пусть конечны земные года,
пусть у каждого бречное тело,
Дон Кихот не умрёт никогда,
если в наших сердцах его дело.

31.01–3.02.2009

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сорокин А.Н.</i> Реквием.	1
<i>Столяр А.Д.</i> Светлой памяти памяти друга — Александра Александровича Формозова	11
<i>Формозов А.А.</i> «Сберечь памятники сумеют только те, кому они дороги...»	37
Библиография трудов А.А. Формозова.	43

Раздел 1. Восхождение к древности

<i>Щелинский В.Е.</i> Памятники раннего палеолита Приазовья	57
<i>Голованова Л.В., Дороничев В.Б.</i> Время и причины замещения неандертальцев ранними современными людьми в Западной Евразии.	78
<i>Клейн Л.С.</i> Изобразительная деятельность в эволюционной перспективе	112
<i>Смирнов Ю.А.</i> Вновь о неандертальских погребениях Европы	123
<i>Сергин В.Я.</i> К истории изучения палеолитических поселений Восточной Европы (1873 г. — 1930-ые годы)	127
<i>Григорьев Г.П.</i> Женские изображения граветтийского времени	143
<i>Ветров В.С.</i> Концепция «очагов первобытного искусства» А.А. Формозова в контексте возможности выделения стилевых провинций позднепалеолитического искусства (по материалам территории Украины)	165
<i>Булочникова Е.В., Кудрявцев Д.И., Приходько Д.И.</i> Камни верхнепалеолити- ческой стоянки Авдеево	176
<i>Сорокин А.Н.</i> Еще раз о проблеме «постсвидерских» культур Восточной Европы.	188
<i>Колосов А.В.</i> Культурное многообразие в мезолите Верхнего Поднепровья	203
<i>Ошибкина С.В.</i> Орнаменты, условные знаки и гравировки на изделиях культуры веретье	216
<i>Вискалин А.В.</i> Динамика климатических колебаний и культурные процессы в неолите Волго-Уральской лесостепи	228
<i>Лозовский В.М., Лозовская О.В.</i> Изделия из кости и рога раннеолитических слоев стоянки Замостье 2	237
<i>Смирнов А.С.</i> О границах археологических культур (о единстве и различиях в неолите бассейнов Сожа, Десны и Оки)	253
<i>Кузьмин Я.В., Попов В.К., Гласкок М.Д.</i> Источники археологического обсидиана на юге Дальнего Востока России: пример междисциплинарного исследования	263
<i>Сериков Ю.Б.</i> Клады каменных изделий на территории среднего Зауралья как ритуальные комплексы.	276
<i>Шумкин В.Я., Колпаков Е.М.</i> Новый центр наскального творчества Северной Европы: антропоморфные композиции Канозера	294
<i>Жульников А.М.</i> Кремневая скульптура в культуре древнего населения Прибеломорья и соседних регионов.	303

<i>Бурдо Н.Б.</i> Антропоморфные сюжеты в орнаментации трипольской культуры	317
<i>Балабина В.И., Мишина Т.Н.</i> Последний энеолитический поселок на телле Юнаците: история гибели	336
<i>Котова Н.С.</i> О культурной принадлежности группы погребений эпохи среднего энеолита в междуречье Днепра и Дона	343
<i>Юдин А.И.</i> Алтатинская энеолитическая культура Нижнего Поволжья	363
<i>Гей А.Н.</i> Необычный сосуд культуры жемчужно-накольчатой керамики с поселения Мысхако I	381
<i>Поплевко Г.Н.</i> Трасологическое и технологическое исследование материалов поселения Мешоко из шурфа I (раскопки С.М. Осташина 2007 г.)	387
<i>Резепкин А.Д.</i> К вопросу о классификации дольменов и погребальном обряде «дольменной культуры»	412
<i>Спасовский Ю.Н.</i> Анализ фаунистических остатков из культурного слоя поселения Новосвободненское	423
<i>Андреева М.В.</i> Бронзовые орудия из катакомбных погребений Предкавказья: культовая и социально-знаковая функции	426
<i>Отрощенко В.В., Захарова Е.Ю.</i> Феномен сосудов со знаками эпохи бронзы: научное наследие А.А. Формозова и современное состояние проблемы	458
<i>Хаванский А.И.</i> Хронологическое соотношение синташтинского и раннеалакульского населения (на материале керамических комплексов)	464
<i>Дьякова О.В.</i> Древние укрепления в бассейне р. Амур	477
<i>Каменецкий И.С.</i> Карагодеуашх: достоверность старых отчетов	481
<i>Гусаков М.Г.</i> Подсечное земледелие в железном веке Восточной Европы	491
<i>Тугус М.Б.</i> К вопросу об освоении и заселении московского урочища «Глинищи» в Китай-городе (XII – сер. XVII вв.)	508
<i>Державин В.Л.</i> Археологические памятники как аргумент при территориальных спорах в Арктике	515

Раздел 2: Обретение человека

<i>Сорокин А.Н.</i> К 75-летию А.А. Формозова	525
<i>Мельникова О.М.</i> Уроки А.А. Формозова	527
<i>Дубровский А.М.</i> К характеристике взглядов А.А. Формозова на развитие историографии отечественной истории	538
<i>Бердинских В.А.</i> А.А. Формозов — историк (по материалам моего архива)	548
<i>Бочкарева Л.И.</i> О некоторых взглядах А.А. Формозова на русскую культуру XIX века	555
<i>Беляев Л.А.</i> Классические древности как фактор развития западноевропейской культуры	562
<i>Тункина И.Н.</i> Археолого-эпиграфические исследования Ф.К. Маршала фон Биберштейна в Восточном Крыму и на Кавказе в конце XVIII в. (по неизданным архивным документам)	588
<i>Платонова Н.А.</i> Карл Максимович Бэр и начало исследований первобытных древностей России	611
<i>Щавелёв С.П.</i> «Гочевские древности Обоянского уезда Курской губернии» 1909 г.: публикация архивированного отчета последней экспедиции Д.Я. Самоквасова	623
<i>Гусев К.А.</i> О посещении европейских музеев Д.Н. Анучиным во время заграничной командировки 1877–1879 годов (к вопросу о развитии антропологии в России во второй половине XIX в.)	638

<i>Басаргина Е.Ю., Застрожнова Е.Г.</i> Премии имени К.К. Гёрца	642
<i>Смирнов А.С.</i> Несостоявшиеся российские исследования в Персии	654
<i>Тихонов И.Л.</i> Археология в Музее Антропологии и Этнографии Академии наук в XIX – начале XX вв.	665
<i>Макаров Н.П., Вдовин А.С.</i> Археология в Красноярском музее (1889–1940 гг.)	678
<i>Гайдуков П.Г. А.В. Орешников о В.А. Городцове</i>	684
<i>Белозерова И.В.</i> Жизнь и научная деятельность В.А. Городцова в годы Великой Отечественной войны (по материалам личного архива в ОПИ ГИМ)	690
<i>Серых Д.В.</i> Документы о московском периоде биографии В.В. Гольмстен.	703
<i>Иванова Н.В.</i> Письма Бориса Сергеевича Жукова в Нижний Новгород	715
<i>Малов Н.М.</i> Советский археолог Павел Сергеевич Рыков (к 125-летию со дня рождения)	721
<i>Балабина В.И.</i> «...Спасу от поглощения Летой тебя, себя и весь наш круг» (хроника одной давней экспедиции в рисунках и стихах)	734
<i>Кызласова И.Л.</i> Об археологе В.П. Левашевой и ее отце протоиерее П.Н. Левашеве	751
<i>Якушкина М.М.</i> Личный архив М.Е. Фосс в отделе письменных источников Государственного Исторического музея	770
<i>Усачук А.Н.</i> О сборнике Изюмского музея 1923 года издания (история одного экземпляра)	781
<i>Свешникова О.С.</i> Организационные формы освоения марксизма в 1920–1930-х гг. (на примере ГАИМК)	786
<i>Паромов Я.М.</i> Социалистическое соревнование в ГАИМК в 1930–1931 гг.	790
<i>Коренько В.А.</i> Проблемы этики и проявления кризиса в современной археологии (шесть лет спустя)	802
<i>Щавелев А.С.</i> Три мотивно-семантические параллели в славянских легендах о первых князьях	814
<i>Кудрявцев О.Ф.</i> Дипломатия Александра Невского: цели, принципы, направления (опыт реконструкции)	819
<i>Дюрен Ж.</i> Эмоции и интонативные клише в рамках стереолингвистики (к проблеме происхождения человеческого языка)	826
<i>Добровольская М.В.</i> Пищевые стратегии мустьерского и верхнепалеолитического населения Европы	837
<i>Медникова М.Б.</i> Новые методы и данные к диагностике онкологических заболеваний у представителей социальной элиты эпохи раннего металла.	844
<i>Бужилова А.П.</i> Донские аланы по данным антропологии	855
<i>Березина Н.Я.</i> Антропологические особенности населения Кенигсберга XVIII–XIX вв.	867
<i>Шведчикова Т.Ю.</i> Искусственная деформация черепа человека: историография вопроса и современные аспекты исследования	876
Резюме статей	887
Список авторов	909
Список сокращений	913

CONTENTS

<i>Sorokin A.N.</i> Requiem.	1
<i>Stolyar A.D.</i> In my friend's Aleksandr Aleksandrovich Formozov memory	11
<i>Formozov A.A.</i> "Only those having got personal attitude to the sites are able to preserve them..."	37
List of A.A. Formozov's publications.. . . .	43

Part I. Approaching to Antiquity

<i>Shchelinsky V.E.</i> Early Palaeolithic sites in the Azov Sea region	57
<i>Golovanova L.V., Doronichev V.B.</i> Replacement of Neanderthals by early modern humans: Chronology and causes.	78
<i>Klejn L.S.</i> Figurative activity in evolutionary perspective.	112
<i>Smirnov Yu.A.</i> Turning back to the Neanderthal burials in Europe	123
<i>Sergin V.Ya.</i> On the history of investigation of Palaeolithic settlements in Eastern Europe (1873–1930-s)	127
<i>Grigor'ev G.P.</i> Female images of the Gravette epoch	143
<i>Vetrov V.S.</i> Formozov's concept of «primitive art foci» in the context of singling out stylistic provinces of the Upper Palaeolithic art (on the materials from the territory of Ukraine).	165
<i>Bulochnikova E.V., Kudryavtsev D.I., Prihod'ko D.I.</i> Stones at the Upper Palaeolithic site Avdeevo	176
<i>Sorokin A.N.</i> Once again about the problem of Post-Swidry cultures in Eastern Europe	188
<i>Kolosov A.V.</i> Cultural diversity in the Upper Dnieper region in the Mesolithic	203
<i>Oshibkina S.V.</i> Ornaments, signs, and engravings on the objects of Veretye culture.	216
<i>Viskalin A.V.</i> Dynamics of climatic fluctuations and cultural processes in the Neolithic of the Volga-Ural forest-steppe	228
<i>Lozovsky V.M., Lozovkaya O.V.</i> Bone and antler tools from the Early Neolithic layers of site Zamostye 2	237
<i>Smirnov A.S.</i> Concerning delimitation of archaeological cultures (on the unity and difference in the Neolithic of the Sozh, Desna and Oka rivers' basins).	253
<i>Kuzmin Ya.V., Popov V.K., Glascock M.D.</i> Sources of archaeological obsidian in the Southern Russian Far East: Example of multidisciplinary study	263
<i>Serikov Yu.B.</i> Hoards of stone objects in the Middle Transurals as ritual associations	276
<i>Shumkin V.Ya., Kolpakov E.M.</i> New rock art site in Northern Europe: Anthropomorphic compositions of Kanozero	294
<i>Zhulnikov A.M.</i> Flint figurines in the culture of ancient population of the White Sea zone and neighbouring regions.	303
<i>Burdo N.B.</i> Anthropomorphic motifs in Trypillya pottery decoration	317
<i>Balabina V.I., Mishina T.N.</i> The latest Eneolithic settlement at Tell Yunatsite: The history of destruction	336

<i>Kotova N.S.</i> Cultural attribution of a group of the Middle Eneolithic burials in the Dnieper and Don interfluvium	343
<i>Yudin A.I.</i> Altata Eneolithic culture of the Lower Volga region.	363
<i>Gei A.N.</i> An unusual vessel of pearl-and-stroke pottery culture from the Myskhako I settlement	381
<i>Poplevko G.N.</i> Microwear and technological investigation of material from the Meshoko settlement, test-pit I	387
<i>Rezepkin A.D.</i> Concerning classification of dolmens and burial rite of the “dolmen culture”	412
<i>Spasovsky Yu.N.</i> Faunal remains from the cultural deposit of the Novosvobodnenskoe settlement	423
<i>Andreeva M.V.</i> Bronze tools from catacomb burials of the North Caucasus piedmonts: Ritual and social significance	426
<i>Otroshchenko V.V., Zakharova E.Yu.</i> Phenomenon of the Bronze Age vessels with signs: A.A. Formozov’s heritage and present state of the problem	458
<i>Khavansky A.I.</i> Chronological sequence of the Sintashta and early Alakul population (Case study of the pottery associations).	464
<i>D’yakova O.V.</i> Ancient fortresses of the Amur basin	477
<i>Kamenetsky I.S.</i> Karagodeuashkh: Reliability of old field records	481
<i>Gusakov M.G.</i> Slash-and-burn agriculture in the Iron Age of Eastern Europe	491
<i>Tugus M.B.</i> On settling the Moscow locality Glinishchi in Kitaigorod in the XII th –XVII th centuries	508
<i>Derzhavin V.L.</i> The role of archaeological sites in territorial arguments in Arctic	515

Part II. Meeting Man Face to Face

<i>Sorokin A.N.</i> To 75 th anniversary of A.A. Formozov	525
<i>Melnikova O.M.</i> A.A. Formozov’s lessons	527
<i>Dubrovskij A.M.</i> Concerning Formozov’s views on historiography of national history	538
<i>Berdinskikh V.A.</i> A.A. Formozov as a historian (On the materials from the author’s personal archive	548
<i>Bochkareva L.I.</i> On some A.A. Formozov’s views on the Russian culture of XIX century.	555
<i>Beliaev L.A.</i> Classical archaeology: the factor of the development of West-European culture	562
<i>Tunkina I.V.</i> Archaeological-epigraphic investigations of F.K. von Bieberstein in the Eastern Crimea and the Caucasus in the late XVIII (according to unpublished archive records)	588
<i>Platonova N.A.</i> Karl Ernst von Baer and the beginnings of studies of Russia’s prehistoric	611
<i>Shchavelyov S.P.</i> “The Gochevo antiquities in Obayan’ Uyezd of Kursk Province”, 1909: The publication of archive report of D.Ya. Samokvasov’s last expedition	623
<i>Gusev K.A.</i> D.N. Anuchin visiting European museums in 1877–1879 (On development of anthropology in Russia in the second part of XIX century)	638
<i>Basargina E.Yu., Zastrozhnova E.G.</i> Ch. Görtz prizes	642
<i>Smirnov A.S.</i> The Russian might-have-been investigations in Persia	654
<i>Tikhonov I.L.</i> Archaeology at the Museum of Anthropology and Ethnography of the Academy of Sciences in XIX — early XX centuries	665

<i>Makarov N.P., Vdovin A.S.</i> Archaeology in Krasnoyarsk Museum (1889–1940)	678
<i>Gaidukov P.G.</i> A.V. Oreshnikov about V.A. Gorodtsov	684
<i>Belozyorova I.V.</i> V.A. Gorodtsov's life and scientific activities in the years of the Great Patriotic War (Materials from the private archive in State Historical Museum)	690
<i>Serykh D.V.</i> Documents concerning the Moscow period of life of V.V. Holmsten	703
<i>Ivanova N.V.</i> B.S. Zhukov's letters to Nizhnij Novgorod	715
<i>Malov N.M.</i> Soviet archeologist Pavel Sergeevich Rykov (toward the 125 th anniversary of birth	721
<i>Balabina V.I.</i> «Saving us and our friends' circle from the Lethean waves...» (chronicle of a far-off expedition in drawings and verses).	734
<i>Kyzlasova I.L.</i> On archaeologist V.P. Levasheva and her father Archpriest P.N. Levashev	751
<i>Yakushkina M.M.</i> Personal archive of M.E. Foss in the Department of written sources of State Historic Museum.	770
<i>Usachuk A.N.</i> On the collection of articles of Izyum Museum published in 1923 (The history of one copy)	781
<i>Sveshnikova O.S.</i> Organizational forms of introduction of Marxism by the example of State Academy for the History of Material Culture in 1920s – 1930s	786
<i>Paromov Ya. M.</i> Socialist emulation in State Academy for the History of Material Culture in 1930–1931	790
<i>Korenyako V.A.</i> Ethic problems and manifestations of crisis in modern archaeology (Six years later).	802
<i>Shchavel'yov A.S.</i> Three related semantic motifs in Slavic legends on first princes	814
<i>Kudryavtsev O.F.</i> The diplomacy of Aleksandr Nevskiy: objectives, principles and directions (an attempt of reconstruction)).. . . .	819
<i>Durin J.</i> Emotions and intonation cliches in the field of stereolinguistics (concerning the problem of human language origin)	826
<i>Dobrovolskaya M.V.</i> Nutritional strategies of the Mousterian and Upper Palaeolithic humans in Europe.	837
<i>Mednikova M.B.</i> New data and methods for diagnostics of oncological diseases among social elite of the Early Metal Age	844
<i>Buzhilova A.P.</i> The anthropological data concerning the Alans of the Don River area	855
<i>Berezina N.Ya.</i> Anthropological characteristics of Koenigsberg population in the XVIII th –XIX th AD	867
<i>Shvedchikova T.Yu.</i> Artificial skull deformation: Historiography and the state of contemporary study	876
Summaries	887
List of contributors	909
Abbreviations	913

А.Д. Столяр
Санкт-Петербургский государственный университет

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ДРУГА — АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ФОРМОЗОВА

*Случается так, но очень редко, что Судьба
провоцирует случайную встречу незнакомых людей,
для которых последующая пожизненная дружба
представляет естественную необходимость.
В пределах моего кругозора первым такой феномен
осуществил Александр Формозов.*

В моем археологическом онтогенезе исключительное значение принадлежало влиянию основного университетского наставника, профессора Михаила Илларионовича Артамонова и замечательного московского друга, Александра Александровича Формозова. Принадлежа к разным поколениям и представляя отличающиеся научные школы отечественной археологии, они никогда лично или письменно не общались. У каждого из этих, бесспорно, выдающихся русских ученых были свои жизненный путь, проблематика, результаты фундаментальных исследований. А зримо подобной у них была этическая доминанта всей деятельности, заключавшаяся в строгом бескорыстии и мужественном служении науке, не только в полной независимости, но и в активном противостоянии каким бы то ни было соблазнам карьеры. Именно этими началами обуславливалась известная действенность их объединенного этического примера для меня. Встреча с ними случилась на переломном рубеже жизни, вскоре после окончания Великой Отечественной войны и моего возвращения на истфак Ленинградского университета.

НАЧАЛО ДРУЖБЫ

В апреле 1949 г. я (уже в «чине» начинающего аспиранта) в подвальной камералке

ИИМКа (Ленинград) столкнулся с незнакомым юношей Александром Формозовым, студентом 3 курса истфака МГУ (Столяр, 2004). Эта, мимолетно-случайная, встреча получила драгоценное для меня почти шестидесятилетнее продолжение, которое, подчеркнем это, ни разу (!) не было омрачено какими бы то ни было осложнениями эгоистического характера.

Вскоре, командировке в Москве, я ощутил дружественный прием Саши и его мамы Любви Николаевны при посещении занимаемого ими отсека в коммунальной квартире на Гоголевском бульваре. Затем наступил антракт в нашем непосредственном общении. Однако тем же летом, спустя всего четыре месяца после случайного знакомства, Александр не словами, а действием представил совершенно иную, очень редкую форму активного осуществления дружбы. Участвуя в экспедиции Б.Н. Гракова, работавшей в Приазовье, он далеко не безразлично сохранял в активном поле памяти своего крайне не утилитарного (сиречь несовременного) мышления самое кризисное препятствие завершению моей первой научной работы. Споря в апреле, мы обсуждали мою объемную статью («Мариупольский могильник»), представленную к публикации М.И. Артамоновым. Согласно отзывам П.П. Ефименко и П.И. Борисковского, моя разработка от-

вечала требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, и по проблематике была актуальной. Но для ее завершения и подготовки к защите необходим был источниковедческий анализ всей коллекции, которая в 1932 г. была передана Мариупольскому музею. Однако сам музей на почтовые запросы, как мои, так и отправленные ректоратом ЛГУ, упорно не отвечал.

В столь тяжелой ситуации совсем не различным для меня было искреннее сочувствие как моих учителей, так и добрых друзей, но самому преодолению тупика это не помогало. На этом фоне инициатива Саши представила не только новаторскую сторону дружбы, но и реальный путь выхода из кризиса. Более того, источниковедческий фонд археологии обязан акции А.А. Формозова сохранением материалов уникального некрополя неолитической эпохи. Не щадя сил, средств и времени, он со свойственным ему динамизмом добирался до Мариуполя¹ и появляется в музее буквально накануне уже подготовленного вывоза всей коллекции могильника, за исключением трех погребений, взятых монолитом (причина — в инвентарных книгах на них была проставлена большая цена), на свалку. Причина предполагаемого погрома также выясняется сразу же. Согласно высшей партийно-государственной воле бывший Мариуполь должен служить единственной цели — увековечиванию памяти А.А. Жданова. В подобной системе музей должен был приобрести «мемориально-ждановский» характер. А его основной зал был занят археологическими материалами, к тому же добытыми расстрелянным после третьего ареста (1937 г.) «врагом народа» археологом Н.Е. Макаренко. Результаты мариупольского «рейда» Александр сразу же сообщил мне в присланной развернутой справке. Тогда же в музее он подготовил почву, которая облегчила вскоре мою работу с коллекцией. Благо, что его «до-революционным» отделом заведовала недавняя выпускница истфака МГУ Мара Борисова.

Незамедлительно отправляюсь в бывший Мариуполь. Примерно месячная работа над коллекцией и, соответственно, встреча с Ма-

рой Борисовой и директором музея Н.П. Клименко, вполне здоровым человеком, даже с искоркой народного юмора. Документально авторитету памятника посодествовала и подаренная музеем моя публикация («о нашем могильнике даже статьи печатают!»), сказало же и то, что в партийной пропаганде образ Жданова постепенно утрачивал свою актуальность, сменившись накалом ожесточенной борьбы с «космополитами». В общем, установку на сохранение этих материалов в сознании музейщиков удалось закрепить.

А вскоре, на рубеже 1951–1952 гг., в жизни нас обоих одновременно открылся период больших трудностей — «пришла худая пора», по Пушкину. У Формозова она определялась сложностями на пути в штат ИИМКа (Москва). Период моего неустройства, обусловленного национальностью, растянулся на несколько лет. По окончании аспирантуры истфака ЛГУ я безысходно «повис в воздухе». Защита законченной диссертации категорически исключалась, как и работа исторического профиля не только в Ленинграде, но и в провинции. А у меня на иждивении была мама. От нее я скрывал свое положение, так как это убило бы ее. В эти тяжелые годы самоотверженная помощь друга была в значительной мере спасительной.

Степень моей обреченности проявилась особенно зримо в провале двух попыток М.И. Артамонова как директора Эрмитажа зачислить меня в сотрудники Отдела истории первобытной культуры. Подписанные им приказы категорически кассировались «Большим домом», сопровождаясь суровым предупреждением и требованием срочной чистки под этим углом зрения наличного штата сотрудников.

А с трудом преодолевший порог московского ИИМКа А.А. Формозов, в условиях очень трудного для него постижения господствующей атмосферы и правил поведения (которым, заметим, он подчинить себя заведомо не мог), по-прежнему был озабочен моим положением, ориентируя свои поиски на практический характер решения. Первый вариант такого рода был представлен идеей нашей совместной работы в одном отряде на архео-

¹ В 1948 г. переименован в г. Жданов.

логически интересной для нас обеих территорий Приазовья в экспедиции Б.Н. Гракова.

Сразу же после ухода в небытие «вождя и отца всех народов» М.И. Артамонов с трудом добился постановки защиты моей кандидатской диссертации в ЛГУ на май 1953 г. (оппоненты Б.Б. Пиотровский и С.Н. Бибиков). Конец нелегкого периода временных и случайных «кормлений» был отмечен открыткой Александра от 7 июня 1954 г. В ней мой друг сообщил, что достаточно длительные переговоры с П.Н. Шульцем завершились его полным согласием на зачисление меня в штат руководимого им Отдела археологии и истории Крымского филиала Академии наук.

Для меня такое решение было добрым подарком, равно очень интересны были и Крым, и совершенно уникальная личность П.Н. Шульца², которому, к тому же, я был действительно нужен для выполнения срочных раскопок группы курганов на берегах реки Салгир, где начиналось сооружение необходимого Симферополю водохранилища.

Итак, с июня 1954 по март 1956 г. я состоял и. о. старшего научного сотрудника Крымского филиала АН УССР. По завершении раскопок всей курганной группы (погребальные комплексы эпох бронзы и раннего железа) с конца 1955 г. и в течение всей зимы 1955–1956 гг. я проводил (при постоянном участии А.А. Щепинского) полевое исследование зафиксированной ранее А.А. Формозовым многослойной мезолитической стоянки в Алимовском ущелье. Ее материалы существенно пополняли археологическую характеристику «коренной почвы» особого хода «неолитической революции» в Северном Причерноморье.

Несмотря на краткость (менее 2 лет), этот период, как неожиданный подарок, был существенным для расширения моего мировосприятия. А уже чуть ли не сакральной для

меня была семикилометровая горная тропа от Алимовской «щели» до Староселья. Посещая раскопки А.А. Формозова, я был свидетелем его постоянной озабоченности совершенствованием раскрытия памятника и документации работ, при предельной честности и полном исключении каких бы то ни было упрощений. Причем, окружающая обстановка никак не исключала катастрофических опасностей. Постоянные вопросы, задаваемые бахчисарайцами, свидетельствовали об их уверенности в том, что экспедиция, конечно, ищет золото. Особую угрозу представляло распространение такой версии в туристской среде, поэтому экспедиция оставалась в навесе на ночное дежурство. Однажды и я там провел незабываемую ночь.

В общем, в Крыму я адаптировался полностью, был вполне удовлетворен и работой, и всеми условиями существования. Мысль о временности такого адреса и актуальность возвращения на Север как-то утратили свою злободневность. А тем временем колесо отечественной истории достигло отметки «критика культа личности». Ослаблением произвола в кадровой политике незамедлительно воспользовался М.И. Артамонов, направив мне вызов с требованием немедленного возвращения. Для меня столь резкий разрыв с Крымом был просто непосилен, и я попросил шефа дать немалую отсрочку для завершения начатых дел. Телеграфный ответ был в его духе (т. е. категоричным): «Разрешаю отсрочку на месяц, максимум два. Никак не более того». Поскольку всякие дебаты исключались, в апреле 1956 г. я приступил к работе в Эрмитаже научным сотрудником Отдела истории первобытной культуры.

А теперь в интересах хотя бы скупой документации начала институтского пути А.А. Формозова уместно обратиться к выборке из нескольких его писем 1950–1957 гг.

² При воспоминаниях о Крыме у нас совместно неоднократно рождалась мысль о том, что память о, скажем так, «не совсем земном» Павле Николаевиче Шульце заслуживает особого тома, посвященного ему как личности. Мы были готовы активно участвовать в таком начинании. Но оно возможно лишь при заглавной роли дочери Шульца — Наташи (по профессии она журналист), живущей ныне в Львове. Однако ответом на все наши обращения было полное равнодушие. Загадочно, но воистину непреодолимо. Утрата силуэта П.Н. Шульца в историографии ущербна и печальна.

Письмо от 23.02.1950: «Брюсов дошел до того, что сказал в докладе о находке в Египте колесниц из карельской березы... Увлекаюсь сейчас Рыбаковым, его курсом археологии древней Руси и этногенетическими теориями».

Логика такой оценки, при юношеском решении «гнуть свою линию», была основанием для возражения против назначения А.Я. Брюсова его аспирантским руководителем. В принципе, такая позиция была честной, но ее слишком демонстративное выражение привело к завязке той драматургической линии, которая прошла через полувековой срок его службы в Институте.

Открытка от 11.04.1952: «Диссертация вызовет общий отпор». Далее называются ученые как дружественные (С.Н. Замятнин, М.Е. Фосс), так и нейтральные (П.П. Ефименко, П.И. Борисковский) и попросту недоброжелательные (С.Н. Бибиков, А.Я. Брюсов).

В письме от 17.10.1955, сообщая о выступлении на дирекции Института Л. Зяблина, заявившего о «необходимости освобождения Института от людей типа Мерперта и Формозова», он горестно восклицает: «Дай бог протянуть еще 5–7 лет и закончить начатые большие работы (Староселье и этнографические области каменного века)». И далее пишет: «Очень затруднено общение с редакторами Староселья Бадером и Крайновым. Рыбаков категорически настаивает на необходимости одобрения Бибикова». Особенно выделена «задача проработки необщественных личностей...». Завершается это письмо «стоящим на грани истерики», по его словам, вопросом: «и почему я внушаю такую ненависть, ведь, кажется, не делаю карьеры, никого не топлю, никому не перебегаю дорогу и тем не менее?...».

Письмо от 23.11.1956: «Гнусная атмосфера в ИИМКе угнетает выше всякой меры... В новом партбюро нет ни одного лица с научным весом». А в ответ на критический отзыв Формозова на действительно несостоятельную «итоговую» статью А.П. Окладникова по разделу палеолитоведения в сборнике ИИМК к 40-летию Октября он был назван «наглым мальчишкой, неучем, разрушителем археологических памятников...».

Письмо от 10.05.1957: «Совершенно переругавшись в ИИМКе, добился освобождения от редактирования книги Крайновым ценой ссоры с Рыбаковым, Крупновым и Брюсовым, в обстановке близких сокращений штата. Хладнокровность сохраняю».

И в столь сложной и острой для него ситуации, обеспокоенный моими, просто обыденными, трудностями, направляет мне целое наставление (письмо от 10.04.1957) о возможных приемах исключения житейских огорчений, которое завершается подчеркнутой фразой: «постарайся сам от всего открещиваться».

В целом же в этот начальный период службы раздражавшая А.А. Формозова критика осуществлялась, главным образом, по общественной линии. Это было типично для страны. По объективным показателям, дирекция не только не сдерживала, но явно склонялась к поддержке его карьеры. Это свидетельствуется предложением должности руководителя сектора палеолита, заметим, в связи со стремлением противопоставления ленинградскому центру. Молодость в этом случае как бы компенсировалась принадлежащим ему открытием в Староселье. Далее, разве не благо для него (в общем понимании) таилось в настойчивом предложении Е.И. Крупновым места начальника палеолитического отряда в Ливанской экспедиции (1957 г.)? Его ответом был категорический отказ. При продолжении давления дирекции он дал согласие на участие в этих работах, но только в качестве коллектора. В июле 1960 г. он отказался от командировки в Париж. Переживая вынужденный характер подобного решения, писал: «С точки зрения здравого смысла это глупо, но я, к сожалению, не здравый».

Он не был способен к мгновенному старту по свистку начальства, категорически отвергал самые соблазнительные предложения, если не был полностью уверен в своей подготовленности и способности отстаивать честь родной науки.

А чтобы полностью исчерпать тему зарубежных командировок А.А. Формозова, назовем поездку в Польшу (1965 г.), которую он оценил на «5 с плюсом». Видел в стране мно-

го интересного в жизни, науке и искусстве. Встречался с Костешевским и Антоновичем, был совершенно очарован полячками как духовным явлением.

С поры моего возвращения в Ленинград наше общение с А.А. Формозовым приобрело в основном дистанционный характер. Мой друг, генетически унаследовавший высокую эпистолярную традицию, одаривал меня письмами. Одно из них, датированное осенью 1956 г., заставило мысленно вернуться к раскопкам в Алимовском навесе. Оказалось, что А.А. Формозов отдал целый день инспекторскому анализу моих траншей на площади скального укрытия. Его существенные замечания были в полной мере учтены мною при подготовке краткой статьи о раскопках этого объекта (см.: КСИИМК. 1961. Вып. 84. С. 38–44). Я же преимущественно ориентировался на телефон — и по причине лениности руки, да и соблазна слышать его голос с придыханием, отмечающим раздумье.

Принимая как неизбежность новые условия, в которых наши встречи могли случаться благодаря командировкам (не предсказуемым заранее, обычно очень кратким и предельно загруженным целевой работой), я был уверен в аналогичной оценке Александра столь ограниченной перспективы. Вскоре же выяснилось, насколько я в этом случае ошибался, не сознавая еще приверженности его интеллекта к нестандартно трудным, более масштабным, волевым решениям. Прояснению его замысла предшествовали совершенно загадочные, подобные лозунгам призывы («На Кубань!», «На Кубань!»), повторенные в двух открытках весной 1957 г.

«АТАКА КУБАНИ»

Тогда же из его писем я узнал, что на Кубани он проводил разведку еще в 1950 г., открыв несколько нижнепалеолитических комплексов. Они и составили источниковедческую основу его дипломной работы. Одновременно письмами и телефонным обсуждением была внесена полная ясность в характер предлагаемой инициативы — не только идейно очень значительной по цели,

но и основательно (и в общем, и в конкретных частях) продуманной: предлагалось широкое сотрудничество на основе совместного осуществления многолетних экспедиционных работ в одном и том же ареале в соответствии с согласованными личными решениями. Без какого бы то ни было официального оформления А.А. Формозов значился бы по-прежнему начальником Кубанского отряда экспедиции Института археологии РАН, а мне предстояло провести по линии Эрмитажа утверждение его Северокавказской экспедиции под моим началом. Условия моего участия в предполагаемой «артели» (письмо от 25.04.1957), нацеленной на сохранение и развитие научной индивидуальности каждого из нас, были исключительно дружественными (вплоть до варианта принятия на московскую часть всего финансирования работ в случае временной задержки по линии Эрмитажа).

Летом того же года состоялся первый, предельно скромный, выезд «объединения» (состав — четыре участника) на Кубань. Основной целью такой «пристрелки» было уточнение территориальной привязки будущих работ в границах многообразного Предкавказья. Сначала разведка, в основном приуроченная к долине реки Псекупс (скромный «Нил» Адыгеи), выявила несколько пунктов с остатками плейстоценовой индустрии камня. На финал работ, когда к двум авторам идеи прибавился аспирант Г.Ф. Дебеца, антрополог Валерий Алексеев, пришелся аврал.

Под Адлером, у Нижнешиловского поселка, на правом берегу нижнего течения пограничной с Абхазией реки Псоу, мы провели раскопки небольшого останца неолитической стоянки. Срочность работ определялась очевидностью того, что в ближайшие полтора-два месяца осенним паводком уничтожение памятника будет завершено. При всей ограниченности информации, полученной при исследовании этого останца, благодаря исследовательской эрудиции А.А. Формозова Нижнешиловский комплекс вошел в науку как убедительное свидетельство определенных связей неолитической культуры Северного Кавказа с комплексами Восточного Средиземноморья.

Итак, вопреки нашему воодушевлению, начало собственно полевых работ в 1957 г. представляется более чем скромным. Столь камерная прелюдия логически оправдывалась тем, что другой масштаб работ еще предстояло подготовить, определив ряд существенных для старта позиций. Надо было, прежде всего, уточнить исходные географические рамки наших полевых изысканий, а затем, на основе разделения профессионального археологического труда, представить конкретно возможный профиль и специализацию как московской, так и ленинградской частей нашего содружества.

Первый вопрос решался без особых трудностей. В целом мы согласно ориентировались на территорию Адыгеи. Что же касается уточнения нашего археологического поля, то А.А. Формозов предлагал пренебречь археологически слишком «затоптанным» Майкопским районом, ориентируясь на разработку «археологической целины». В таком аспекте нам обоим представлялась достаточно привлекательной полоса предгорий, прорезанная долиной реки Белой выше станицы Каменно-мостской (аул Хаджох).

Что касается специализации двух составляющих задуманного «сообщества», то изначально на Александра, помимо повседневного действительного руководства всей нашей работой, приходилась реализация программы широкой археологической разведки (с установкой на исчерпывающий характер атрибуции всех археологических памятников). Его выбор, пожалуй, наиболее трудной и притом всегда первоочередной задачи полевой археологии был далеко не случайным и соответствовал творческим возможностям и уже накопленному опыту. Инстинкт и талант поисковика сделали его самостоятельным разведчиком древностей в юности, в условиях очень нелегкой в военную пору экспедиционной жизни в Северном Приаралье (1944 г.). В следующем году вышла его публикация, сохраняющая свое значение первого сообщения о памятнике выделенной в дальнейшем культуры.

В отношении целевой ориентировки ленинградской части содружества я не согла-

сился с первым, слегка намеченным, предложением А.А. Формозова о выборе темы дольменов Кубани, небольшое обследование которых (побережье в районе Новороссийска) я выполнил прежде. Доводом служил, в основном, момент исключения в этом варианте самих раскопок. В итоге мы согласились с актуальностью выявления и масштабного раскрытия значительного энеолитического поселения, желательно как-то связанного с наследием Майкопского феномена. Именно такой аспект работ отвечал как исследовательской тематике, так и экспозиции ОИПКа Эрмитажа.

При этом уже в момент принятия последнего решения было предельно ясно, что доступный нам источниковедческий фонд такой объект представить не может. Поселение ключевого значения («зацепку», в терминологии А.А.) для фундаментальных многолетних раскопок еще предстояло открыть. А то, что это никак не гарантировалось самым фактом выезда в поле, наглядно показал первый же сезон. Обсудили перспективу нашего второго выезда, который по составу сначала ограничивался двумя личностями — им и мной. Правда, очень хотел поехать со мной знакомый студент-физик Алеша Ельяшевич, который уже немного потрудился в двух серьезных археологических экспедициях. С тех пор он летом страдал археологической «лихорадкой». А Кубань его особенно привлекала. Сообщил о возможном увеличении штата (аж до трех человек!). А.А. Формозов в трех письмах, без воодушевления коснувшись такого вопроса (копать нечего, следовательно, делом его не займем), предоставил мне полную свободу решения. И я, не ожидая ничего особенного от участия Алеши (его мечта — разведка в альпийских урочищах плато Лагонаки), разбавил им нашу компанию.

В начале полуторамесячного сезона 1958 г. было выполнено разведочное обследование Даховской пещеры (установлено эпизодическое посещение неандертальцами, при отсутствии выраженного культурного слоя). Основной операцией являлись раскопки небольших навесов Хаджох I и III на правом берегу р. Белой у южной окраины станицы

Каменноостской. В них мощные средневековые горизонты (отложения кизяка — следствие содержания скота в природном укрытии) подстилались тонким культурным слоем с фрагментами керамики в целом энеолитического облика. Так, более чем скромно, точнее, совершенно критически для оценки замысла, казалось, завершится второй год. В подобной перспективе он мог стать и последним в мысленно сочиненной нами широкой программе. Так бы оно и случилось, если бы не вольные, никак и никем не предусмотренные действия студента-физика. Сразу же следует признаться в том, что и работа для Алексея нашлась и оказалась существенной. Особенно это относится к раскопкам навесов Хаджуха — вся однообразно утомительная расчистка их культурного слоя в течение всего светового дня выполнялась им. Заслужив уважение и симпатию А.А. Формозова, он общую ситуацию определял образно точно: «Один Балда при двух начальниках!».

Однообразная расчистка кизяка под палящим солнцем и пылью от проходящей рядом грунтовой дороги в Даховскую действовали угнетающе. Когда до конца срока экспедиции осталось несколько дней, Алешина надрывная усталость была слишком явной. Желая подбодрить юношу и зная его особое желание участвовать в археологическом поиске, я освободил его от работы с обеда до следующего утра, предложив побродить по самостоятельно выбранным соседним урочищам.

Он вернулся взволнованный через пару часов и предъявил мне свои находки — пару очень затертых фрагментов посуды и отщепы. На Кавказе такие находки, сами по себе ничего не говорящие, встречаются повсеместно. А на вопрос о месте их обнаружения он рукой махнул в сторону высоко расположенного над нами явно безводного плато, тем самым наглядно показав степень своего «невежества». Азбука археологических разведок древних поселений полностью исключала подобные угоды из поля внимания. Этот эпизод следовало просто забыть, если бы не сопутствующие ему педагого-этические обстоятельства. Так, на заданный Алешей вопрос, осмотрят ли «оба начальника» место его находок, я, естественно, ответил утвердительно. А затем

в течение трех дней, перегруженных завершением работ, отчетливо замечал нарастающую остроту молчаливого ожидания.

В конечном счете, пришлось нам уже в конце светового дня приступить к этому подъему. То, что открылось на плато, потрясло нас. Мы были у очень древней крепости. Так «по вине» непросвещенного дилетанта нам пришлось задержаться за пределами срока, обозначенного в приказе, на две недели. В интересах первичного определения этого комплекса был заложен «в честь Алексея» первый раскоп (16 м²), давший большую коллекцию фрагментов посуды, индустрии камня, фаунистических остатков. Что же касается Формозова, то он, оставив нас в Хаджухе, в соответствии с первоначальным планом, отправился в одиночестве на разведку в горы очень беспокойной Чечни. Так в итоге сезона 1958 г. при настолько удручающих частных результатах основного срока работы, что, казалось, дело идет к краху всего нашего плана, в самом финале была открыта «зацепка» такого характера и масштаба, о каких можно было лишь мечтать.

С 1959 по 1965 г. основным (а точнее, единственным) объектом полевых работ Эрмитажной группы, теперь представленной действительной экспедицией, являлся комплекс Мешоко. В этих операциях постоянное участие принимал и А.А. Формозов (от обсуждения тактики и стратегии раскопок, постановки задач до, порой, участия в разборе культурного слоя). А в особенно ответственных ситуациях, как, например, при кризисных трудностях подготовки Полевому комитету Отчета о раскопках 1960 г., его прямое действие было буквально спасительным для дальнейшего продолжения раскопок.

В 1960 г. штат экспедиции включал 11 сотрудников (в том числе от ОИПК Я.В. Доманский). Площадь раскопов при мощности культурного горизонта до 1,7 м составила 160 м². Полученный материал был очень значительным. Однако условия размещения экспедиции не позволили в самой Каменноостской провести хотя бы первичную камеральную обработку собранной коллекции. В итоге в Ленинграде я оказался в одиночестве перед всей массой пакетов с немойтой

керамикой, множеством каменных артефактов и костей. В моем рабочем плане время на камеральные операции вообще не предусматривалось. К тому же приказом по Эрмитажу мне было предписано срочное выполнение методической разработки для экскурсоводов (по экспозиции ОИПК). Всем этим начисто исключалась возможность подготовки отчета о проведенных раскопках, следствием чего неизбежно было бы лишение меня Открытого листа на работы 1961 г.

Зная о таком тупики, А.А. Формозов, несмотря на большую личную перегрузку, приезжает для подготовки краткого отчета в Ленинград. Добротное, а не фиктивное выполнение такого задания было обеспечено его полной осведомленностью о выполненных раскопках Мешоко, реальным знанием всех деталей этого сезона. Мое участие в этом случае ограничивалось чистовой подготовкой графической документации и отбором наиболее характерных артефактов. Выполненный им отчет был принят Полевым комитетом.

Однако и при таком, благодаря другу, выходе из кризиса все же от раскопок 1961 г. пришлось отказаться — добавка массы новых пакетов к еще не разобранному фонду сделало бы работу в небольшой камералке ОИПКа на чердаке Зимнего дворца невозможной и для меня, и для коллег. В конечном счете, в 1961 г. только Формозов работал за все «объединение», отдав свои силы особо любимому им индивидуальному виду полевого труда.

Именно одиночество в такой работе он считал важной посылкой исторического восприятия и оценки природной среды. А географически поле фундаментального обследования он определил лакуной на археологической карте — труднодоступным ущельем реки Губс. Эта разведка увенчалась важными открытиями. Прежде всего, к ним относятся пещеры Монастырская (в документации А.А. — Губский навес № 1) и Сатанинская (Губский навес № 7).

Рейд в мертвую зону, лишенную всех начал обеспечения человеческой жизни (снабжения, проживания и т. п.), был не только физически трудным, но и очень опасным для индивидуума, вооруженного только сапер-

ной лопаткой. В том, что эта «пустошь» служила укрытием для очень вероятного криминала, А.А. Формозова убедила «постель» из свежей травы в одном карстовом навесе. А в другом укрытии особенно впечатлили еще теплые камни погашенного очага. Думаю, что Саша, у которого уже был опыт индивидуальной разведки в горах Чечни, опасность такого вояжа представлял и именно поэтому свое намерение от всех друзей скрыл. Слава Богу, что в обоих случаях все обошлось.

С 1962 г. наши ежегодные экспедиционные работы возобновились, а их масштабы постепенно наращивались. Это стало возможным благодаря тому, что включенный в постоянный состав экспедиции Владимир Эммануилович Кунин прочно ввел в практику камеральной обработки систему «двух этажей». Первый из них (условно — разборно-санитарный) выполнялся на базе экспедиции. Отмечая эту, практически очень важную, заслугу В.Э. Кунина, мы посвятили его памяти выпущенную Эрмитажем монографию «Мешоко — древнейшая крепость Предкавказья» (2009).

По мере продолжения раскопок крепости Мешоко и постепенного осмысления уже установленных фактов памятник представлялся все более значительным, как бы выходящим за пределы элементарной необходимости жизни древних социумов, в чем-то причастным к духовному феномену древней культуры. В нас укреплялось чувство приближения работ к открытию специфического, совсем не бытового, комплекса. И такую «находку» в 1965 г. действительно дало продолжение раскопа V, заложенного, казалось бы, на совершенно пустой периферии цитадели — около контакта юго-восточного конца крепостной стены со скальным обрывом правого борта ущелья Мешоко. Таким уникалом явилось сложное святилище. Оно, как мне представляется, близко по характеру к ритуальным ансамблям, посвященным быку, в Месопотамии «жреческого» периода (III тыс. до н. э.). Естественно, что такое суждение только предположительно по характеру и требует строгой проверки, желательно — с участием исследователей культуры переднеазиатских цивилизаций.

Обстоятельства ущербного для науки срыва наших работ на ступени изучения уникального святилища древностью примерно в 6000 лет, на наш взгляд, заслуживают предания гласности. Подобную справку следует начать с масштабно драматического события в культурной жизни страны. В апреле 1964 г., за четыре месяца до юбилейных торжеств (200-летие Эрмитажа), Е.А. Фурцевой был снят с работы директор Эрмитажа М.И. Артамонов — «...феноменальный, — по словам главного научного сотрудника Эрмитажа А.Г. Костеневича, — человек... неожиданно совершенно независимая личность... когда это было совершенно невозможным». Действительной причиной являлся категорический (и, заметим, уже не первый!) отказ от выполнения, по мнению М.И. Артамонова, позорящих страну приказов «высшей воли». В данном случае предписывалось немедленное «выбрасывание» из Эрмитажа уникальной коллекции живописи импрессионистов в ознаменование полной победы в искусстве СССР монопольной диктатуры так называемого «искусства социалистического реализма», возглавляемого президентом АХ СССР В.А. Серовым.

В начале 1965 г. я, согласно воле моего наставника, профессора М.И. Артамонова, перешел на преподавательскую работу доцента кафедры археологии истфака ЛГУ. В связи с таким изменением моего служебного положения предварительно приказами по Эрмитажу и ЛГУ была утверждена совместная в 1965 г. Северокавказская экспедиция под моим началом, при заместителе В.Э. Куnine (сотруднике ОИПК). Финансирование работ в основном принял на себя ЛГУ, при условии широкого включения студентов для прохождения практики. Утвержденное Эрмитажем финансирование было дополнительным. Такое сотрудничество существенно умножило ресурс полевых работ благодаря увеличению числа участников до 50 человек. Важным был и состав студенческого пополнения, который можно сейчас представить несколькими именами, получившими известность и научное признание (А.С. Козинцев, В.И. Калинин, В.П. Третьяков).

По окончании экспедиции в октябре 1965 г. весь научный багаж был отправлен в адрес Эрмитажа. Получен он был 25 ноября и выгружен в подвал Зимнего дворца. В один из дней, когда В.Э. Кунин готовился к подъему всей прибывшей коллекции, в нашу камеру буквально ворвалась не слишком обремененная культурой и, тем более, этикой заведующая ОИПК Г.И. Смирнова, именовавшаяся в нашем кругу «Салтычихой». Она объявила свой личный запрет на подъем этих материалов в отдел, поскольку, якобы, это совершенно сторонняя для Эрмитажа экспедиция. В условиях того смутного времени, да и нескольких последующих лет, было утопично рассчитывать на решение этого вопроса по существу (наша жалоба могла привести только к еще одной склоке).

В 1973 г. умер хранитель этого фонда, В.Э. Кунин, которого Смирнова недолюбливала, всячески отягощая условия работы ветерана и инвалида войны, юношей прошедшего через Сталинград, Курск и Польшу. В итоге, как это ни анекдотично, действительно очень важные материалы, венчающие итоги нашего экспедиционного содружества, уже на протяжении 45 лет (!) «хранятся» в ящиках, сложенных штабелем в подвале Зимнего дворца. Эти реликвии уже промыты в пакетах несколькими наводнениями Невы и, что особенно прискорбно, поражены активным развитием микрофлоры. Данное обстоятельство в принципе закрывает путь этим артефактам в музей до их специальной санитарной обработки.

А тогда, в середине 1960-х гг., самым прямым и катастрофическим для нас последствием этого запрета явилось неизбежное прекращение общего экспедиционного дела. Лишенные доступа к материалам последнего сезона, мы не могли представить обязательные отчеты Полевому комитету и, следовательно, категорически лишались Открытых листов.

Не буду вспоминать наши переживания. Их несколько смягчало самое главное. Это, пусть и частичная, но реализация идеи Александра Александровича, которая в условиях нашей действительности представлялась уто-

пичной, выглядела почти младенческим мечтанием.

Неоспоримость фундаментального научного вклада в археологическое источниковедение Предкавказья удостоверяется вещественно большим фондом постоянного хранения Отдела Восточной Европы и Сибири (бывшего ОИПК). В него входят материалы раскопок и разведок 1958–1960 и 1962–1965 гг., предметом которых были следующие объекты: Мешоко (первичная крепость и два последовательных по времени неукрепленных поселения), поселение Скала (раскопки А.А. Щепинского при кураторстве А.А. Формозова), поселение у хутора Веселого (раскопки Е.Н. Черных под руководством А.А. Формозова), поселение Ясенова поляна, Каменноостская пещера и навес Мешоко. При этом важно подчеркнуть достойное постоянство позиции Формозова, который, невзирая на противодействие дирекции ИА АН СССР, настоял на передаче всех коллекций Эрмитажу (открытие от 25.12.1963).

Значительные результаты семилетних работ «союза», основанного на столь «воздушном» начале, как идейно-этическое целеполагание, производят впечатление некоего социального феномена. Становление этого «союза», его существование и развитие определялись инициативой и творческим потенциалом А.А. Формозова, для которого бескорыстное служение науке и культуре не являлось чем-то отвлеченным, виртуальным, а составляло саму сущность бытия.

За все годы совместных работ экспедиционная жизнь не была омрачена ни единым случаем конфликта либо личной обиды. Никак не выделяя себя, Александр собственным поведением наглядно утверждал естественную человеческую форму взаимоотношений. Диапазон его дружелюбия распространялся и на действенную помощь сотрудникам Адыгейского ИЯЛИ П.У. Аутлеву и П.А. Дитлеру по подготовке к изданию второго тома «Материалов по археологии Адыгеи» (1961 г.). Эти же качества способствовали, с начала работ на Мешоко и на все последующие сезоны, формированию постоянной и надежной рабочей «бригады». Она состояла из пяти женщин, живших на Лесной улице

(400 м от цитадели), которые работали под руководством природной казачки Екатерины Красули с полной отдачей, освоив элементарные операции археологических раскопок.

Для нас обоих, при всех неудобствах и неустроенности полевого быта, сама жизнь была безоблачной и радостной. Я понимал, что для Александра не менее существенным, чем археологические результаты раскопок, было осуществление замысла идейного союза. Понятно мне было и значение летней нервной «разгрузки» для восстановления эмоционального равновесия к следующим месяцам нелегкой для него службы в Институте. Такие моменты очень радовали меня. Но А.А. Формозов ни единым словом не выразил особого удовлетворения атмосферой совместных работ в общей экспедиции. Гонорар мне в этой части был отпущен в весьма впечатляющей форме. Обычно принятое в письме обращение «дорогой» заменялось особо личной формой — «брат», «братишка», «браток» и «дружище». Сам факт таких вариаций свидетельствовал живую память сердца, которую я воспринимал как реликтовый отзвук древнего побратимства.

Студенты дополнили состав экспедиции только в ее последний сезон. Поэтому когда, много раньше, в экспедиции появился Жень Черных, археолог, да еще, что немаловажно, москвич, А.А. Формозов сразу же предельно озабочился его археологическим воспитанием. Вопреки уже установившейся традиции, он передал новичку для раскопок открытое им синхронное крепости Мешоко поселение у хутора Веселого. При этом само собой разумелось постоянное личное курирование этих работ А.А. Формозовым. Частично при моем участии, он добивался создания всех условий для успешных раскопок памятника. В программу обучения прочно вошли десятикилометровые «прогулки» наставника на раскопки «студента». Финал этого сюжета представлен их совместной публикацией (КСИА. 1964. Вып. 101). Атмосфера наших работ определялась общностью научных интересов, дружественным взаимным уважением, при сохранении каждым собственной индивидуальности. Все возникающие вопросы становились достоянием общего внимания, а

особенности раскрываемых объектов обсуждались чаще всего прямо на раскопе.

ПИСЬМЕННО-ТЕЛЕФОННОЕ СОРОКАПЯТИЛЕТИЕ

С осени 1965 г. начинается «городской» период нашей дружбы, протяженностью более сорока лет, до горестного январского утра 2009 года. При разделяющих нас семистах километрах она была основана на средствах связи (переписка и телефон). Личных встреч, обычно длившихся два-три дня, за это время было не более 15–20, и, как правило, они приходились на мои командировки в Москву. При редкости таких свиданий на них уже не обсуждались преобладавшие ранее практические экспедиционные вопросы, и беседы приобретали новое, мировоззренческое содержание и, пожалуй, остроту. Шифр всего общения определялся Сашиной формулой, согласно которой «в основе нашего единения есть нечто невещественное, что, несомненно, исключительно важно».

Перечитывая по необходимости неоднократно странички этого очерка, я каждый раз терзался. Причиной была бедность моих литературных возможностей, не позволяющих с нужной выразительностью передать память о друге, и то, что в повествовании об Александре Александровиче Формозове слишком много Столяра. Как было бы славно сократить его, скажем, в три-четыре раза, но сие никак не получается в соответствии с самим канонем этой статьи. Обязательным условием данного посвящения светлой памяти друга всей моей зрелой жизни было принятие полного исключения общих словесных деклараций и представление всех сюжетов только фактами в их самом натуральном виде. Это, и только это, не позволяет мне сократить или, тем более, исключить Столяра.

Приобщение к Москве. Что же касается новой ступени познания друга, то наиболее значительным для меня было открытие в нем достойного сына земли Московии, ее настоящего патриота. До этого в Москве я несколько раз наблюдал его преимущественно в

камерных условиях и реалиях интерьера его комнаты, частично связанных с историей семьи (Столяр, 2004. С. 438). Теперь же я видел Александра в ином олицетворении — на старых улицах центра столицы, когда при любой срочности, да и погоде, он предпочитал пешее передвижение, пренебрегая транспортом. С малолетства родные переулки сохраняли в его памяти старые названия и бывшие адреса домов и квартир, особо памятных в летописи истории страны и ее культуры. Необдуманное вклинивание современности в неповторимо ушедший мир он считал почти всегда ошибочным и ущербным. Так возмущал его поставленный на Гоголевском бульваре, полностью закрытый зеленым забором «шумный» дом, где после войны прожигал свою жизнь Василий Сталин.

Особенно запомнилась воскресная прогулка по берегам Москвы-реки осенью 1979 г., сопровождаемая рассказом о полученном от Д.С. Лихачева письме, поразившем его резким изменением почерка отправителя. Потом он, перешел к вызывающей широкую общественную реакцию дискуссии между Д.С. Лихачевым и историком А.А. Зиминим. Оправданной ему представлялась позиция идейно очень стойкого Зимина, с семьей которого, несмотря на ее «официальную опальность», он поддерживал дружескую связь.

В состоянии расслабленности отдыхающих горожан мы продолжали неторопливую прогулку до открывшейся на противоположном берегу Москвы-реки впечатляющей панорамы — там победно отрывался от земли, устремляясь ввысь, коломенский шатровый столп церкви Вознесения (1532 г.). Веками было признано, что она неповторимо, «величи чудна». В этот момент впечатляюще изменилось лицо Саши. Оно буквально светилось, преобразившись волнующей гордостью от сознания связи через многовековую цепь поколений с этим впечатляющим знаменем духовной истории Отечества. На протяжении всего созерцательного общения с памятником Формозов хранил полное молчание. При этом должен свидетельствовать, что я ни разу не замечал у него проявлений личной религиозности.

Вернувшись на улицы Москвы, мы продолжили разговор, сутью которого было просвещение ленинградца темой сокровищ средневекового Коломенского. А через несколько лет в одном из писем Саша обратился ко мне с просьбой, связанной с оценкой этой «цитадели духа» в Коломенском. Поясняя, он сообщил, что Ленинградское отделение «Музгиза» выпустило публикацию писем выдающегося французского композитора середины XIX века Гектора Берлиоза, где он вдохновенно касается Коломенского. Для некоторых уточнений этого сюжета ему необходимо связаться с составителями публикации — Е.Ф. Бротфин и В.Н. Александровой. Он просил навести справки, прежде всего, найти адреса и телефоны. Этот, казалось бы, очень частный случай передает важную органическую черту всех исследований А.А. Формозова — установку на энциклопедическое осмысление каждого вопроса, сколь бы трудным и внешне, казалось бы, несущественным, ни был предмет дополнительных поисков. Из преподанных мне Сашей уроков по прошлому Москвы помнятся Кривоарбатский переулочек (семья С.А. Пушкина), «мир» Александра Островского и семейства Бахрушиных, «трассы» доктора Лодера. Несомненно, что одной из органических основ личности Формозова было, на мой взгляд, редкое сейчас глубокое знание и патристическое восприятие прошлого Москвы. И это сыновнее чувство Отечества не наносило никакого ущерба отношению моего друга к культурам всего мира. Надо заметить, что столь масштабное, глубокое, переживание фундаментальных составляющих отечественной культуры было сразу же опознано моими друзьями-эрмитажниками (Ю.А. Русаков, Я.В. Доманский, Л.И. Тарасюк, А.М. Микляев). Тогда же была единогласно принята атрибуция его личности: «великий московский интеллигент» (автор — Я.В. Доманский) — явление, до этого нам в натуре не встречавшееся.

Повседневность, после 1965 года, «московского» бытия друга я представлял очень плохо. Расспросам его не подвергал, поскольку бытовая тема изначально устойчиво игно-

рировалась в общении. Никакие его сетования — ни устные, ни письменные — по такому сюжету до меня не доходили. Поэтому только теперь, мысленно возвращаясь в прошлое, я в полной мере представляю, насколько тогда вся его жизнь была трагически аранжирована сразу двумя тупиково-безысходными драматическими ситуациями (институтской и домашней).

Драматические коллизии. В Институте руководство полностью убедилось в несостоятельности замысла приручения и включения в свой актив, в общем-то, потенциально значительной фигуры посредством ее карьерного продвижения. При полной несовместимости нравственных догм дирекции и «много о себе понимающего» сотрудника назревание полного кризиса было несколько задержано до конца 1960 — начала 1970-х гг. периодом его большой экспедиционной деятельности на Кубани (1957–1965 гг.). А дома, начиная с 1967 г., полностью исключалась возможность необходимой релаксации. Здесь на протяжении 23 лет Александра встречала тяжело больная мать, Любовь Николаевна, состояние которой постепенно ухудшалось. Казалось бы, что неизбежным следствием многолетнего давления на психику могла быть только устойчивая депрессия. Однако этого, к счастью, не произошло.

С 1965 г., когда я был принят на штатную работу в ЛГУ, моя жизнь протекала спокойнее и устойчивее, нежели ранее. Но все же пришлось пройти через две кризисные ситуации, которые удалось преодолеть во многом благодаря по-прежнему неизменной помощи Александра Александровича.

Мой университетский наставник М.И. Артамонов, в принципе предоставлял своим сотрудникам полную свободу исследовательской ориентации. Такой принцип «свободной воли» отменялся редко, и лишь в тех случаях, когда он приходил к категорическому заключению о необходимости коррекции. А еще «на эрмитажной ступени» моей биографии, узнав о моем потаенном хобби (загадка происхождения искусства) и некоторых начальных наблюдениях, он всячески стимулировал эту активность. В ЛГУ этот нажим очень усилил-

ся. Спустя примерно пять лет с начала моей работы на кафедре, под новый 1970-й год, я услышал буквально телеграфный текст: «У меня осталось крайне мало времени, и я обязательно должен быть на Вашей защите. Поэтому она твердо поставлена по плану на апрель 1972 года. Ваша забота — в каком виде будет представлено исследование». И точка. Никаких дебатов.

Страшный цейтнот... Основной текст, альбом иллюстраций (помнится большая помощь студентов-вечерников), пропуски в литературе (особенно иностранной), беспомощность во многих практических вопросах. Особенно все осложнилось заявлением М.И. Артамонова на своем дне рождения (при моем отсутствии), что он решил незамедлительно передать мне заведование кафедрой. И это при трехкратном категорическом моем отказе. О крайнем осложнении перспективы защиты подобной новостью, сразу же доведенной до Москвы Г.И. Смирновой, мне сообщил А.А. Формозов, который в эти тяжелые месяцы постоянно держал меня на телефонном «контроле». Тем временем прошли все сроки передачи списка оппонентов. Сочиняю его в последние минуты (Я.Я. Рогинский и два ленинградца). Когда звонит Саша, называю их имена и слышу буквально крик: «Ты совсем сошел с ума!» Успокоившись, переносит продолжение разговора на время после тех консультаций, которые он надеялся получить.

В целом, степень участия А.А. Формозова в обеспечении моего «докторского остепенения» решительно превосходит рамки обычного гуманизма. Начать с того, что именно в эти месяцы он принял решение отказаться от собственной защиты по сугубо моральным мотивам. А его научный ресурс явно превосходил мой актив. С другой стороны, мое исследование было совсем «неформозовским» по исследовательским принципам и методике. Он строгий классический позитивист, я — интуитивист, считающий, что по такой колоссальной теме иная стратегия реконструкции исключается, а результаты заведомо не могут превосходить уровень научной гипотезы.

Следующий директивный звонок А.А. Формозова: «в составе оппонентов необходимы два, минимум один академик.

Обеспечивай. Очень серьезна атеистическая атака. С помощью Шуры Львовича (т. е. А.Л. Монгайта), наверное, найдем личность достаточно образованную и пользующуюся авторитетом в верхах». Подводя итоги этого сюжета, должен подчеркнуть, что положительным завершением ситуации я опять же в основном обязан именно Формозову. Таким образом, вместо себя он «на доктора» как бы дружески подставил меня.

Наступавший относительно спокойный период оказался всего двухлетним. Назревание новой «разборки», в виде краткой дискуссии по моим публикациям и, главное, диссертации, с заведомо отрицательным заключением, было опознано именно им. Это он предупредил меня, но я не особо встревожился, поскольку объектом атеистической критики уже побывал (например, в спекулятивной статье А.А. Тудоровского «О гипотезе магического происхождения искусства» в № 9 «Вопросов философии» за 1963 г.). Совершенно иным образом, с тревогой, такое известие воспринял Р.Б. Климов, редактор моей книги «Происхождение изобразительного искусства». Рукопись и все материалы были переданы издательству «Искусство» в 1973 г. Высоко ценя свой труд, не желая работать впустую, редактор популярно пояснил мне тактику издательства в подобных случаях. В атмосфере того времени даже при частных претензиях «идейной» критики, опирающейся только на толкование цитат, а не собственно научные данные, издательство, перестраховываясь, расторгает договор с автором. Попутно выяснилось, что среди знакомых Климова есть люди, которым досконально известна личность инициатора дискуссии Р.Я. Журова.

Независимо от моих просьб, по собственной воле, Формозов, пользующийся немалым авторитетом у московских коллег-этнографов и основного состава редакции журнала «Советская этнография», добился, скажем так, «оздоровления данной инициативы». Реально это проявилось в том, что я заблаговременно получал все положенные материалы, а обсуждению был придан нормальный характер, более того, было обеспечено привлечение действительных исследователей

генезиса исторического феномена искусства. В дискуссии, длившейся более двух лет, при небольших издержках дилетантизма (например, статьи Р.Я. Журова, В.А. Горчакова), творчески особо значительным оказалось участие Б.Б. Пиотровского, З.А. Абрамовой, А.А. Формозова и Ю.В. Кнорозова.

В повседневном же течении жизни каждая весточка от А.А. Формозова непременно включала искренний призыв: «Не ленись, работай!». Для меня такие обращения действительно были значимы и воспринимались по существу. Причиной тому была неизменная на протяжении десятилетий дружественная критика и доброе шефство над теми моими статьями, которые для публикации адресовались в Москву.

А тем временем в Москве мой друг с чувством глубокой неудовлетворенности своим научным бытием встретил 30-летие своей службы в ИА АН СССР (письмо от 6.02.1984). Последний, достаточно длительный, период был занят научным редактированием очерков по культуре неолита для тома основанной Б.А. Рыбаковым серии «Археология СССР». Авторами основных разделов были Д.А. Крайнов и Н.Н. Гурина. Очень многое отделяло его от этих фигур предшествующего поколения — здесь и общие мировоззренческие устои, и происхождение, и воспитание, и опыт жизни, а также представления о цели (как в общем, так и в данном конкретном случае) археологического труда и литературной форме представления результатов. Трудности необходимых контактов с авторами особенно усугублялись в отношениях с Н.Н. Гуриной из-за ее особой заносчивости. В отличие от моего очень поверхностного знакомства с Д.А. Крайновым, Н.Н. Гурину я знал досконально, начиная с экспедиции В.И. Равдоникаса в 1937 г. (Оленеостровский могильник). В 1970-е гг., когда она заведовала ЛОИА АН СССР, был вынужден обстоятельствами порой представлять срочные отзывы на едва законченные работы, иногда в рукописном состоянии, до их совершенствования постоянным редактором Бочавер. В изначальном виде эти работы порой несли на себе удручающий налет малограмотности. В целом, Н.Н. Гурина представляла собой вы-

разительный портрет грубой и примитивной сталинской выдвигенки. В этом свете читатель вполне может представить всю пессимистическую беспомощность моего друга. Его аргументированные, очевидные замечания вызывали раздражение, а то и возмущение «классика советской археологии», как она себя нередко именовала. Ожидать же какого бы то ни было содействия со стороны дирекции ему, при постоянно ухудшающихся отношениях, конечно, было абсолютно утопично. В таком, отнюдь не вдохновенном, состоянии духа он приближался к острейшему конфликту с двумя академиками — Б.А. Рыбаковым и А.П. Окладниковым.

Б.А. Рыбаков и А.А. Формозов: драматургия отношений. При моем, сугубо внешнем, восприятии Б.А. Рыбакова, я видел в нем несомненную историческую образованность и стойкий исследовательский интерес к проблемам археологического изучения сложных этногенетических процессов. Должность главы археологии всей огромной страны, по-видимому, его устраивала, так сказать, пожизненно. Очевидна была постоянная увлеченность Б.А. Рыбакова руководством, выбранным им «большим» делом (многолетнее фундаментальное издание источников). В то же время, во всем сказывалась строгая «советская выделка» этого руководителя, со всеми ее жесткими ограничениями (непререкаемый диктат партийных догм, а то и даже сиюминутных установок пропаганды) и преимуществами.

Что касается А.А. Формозова, то вполне естественной представляется постепенная утрата, по мере знакомства юноши с прозой археологического труда, яркости воспоминаний об исторических лекциях декана. В целом наиболее вероятно, что в начале их длительного сосуществования в стенах одного Института они были далеки друг от друга. Правда, как-то Саша вспоминал, что изредка директор обращался к нему в особо личной форме («мы же с Вами из одной конюшни», «одного стойла»), чем, по-видимому, как-то отражалась мысль о родственности по происхождению. Документально же можно отметить только соавторство в одной краткой рецензии. Не с директором, а с его ближайшими

сподвижниками (в основном, Е.И. Крупновым), скандалы, конечно, случались. И неоднократно.

На первое двадцатилетие службы А.А. Формозова приходится инициатива и руководство очень значительной и существенной по результатам полевой деятельностью, удостоверявшей его исключительный талант полевого разведчика. Отнюдь не рядовой интеллектуальный ресурс документируется тем, что эти годы отмечены широким диапазоном аналитически совершенных исследований, серьезно обогативших источниковедение первобытного отдела по ряду ключевых проблем. Если же говорить о служебном положении, то надо признать, что оно было не только стабильным, но и могло способствовать успешной личной карьере. Тем не менее, конечный конфликт «с самим» был, несомненно, неизбежен. Причиной была полная несовместимость этических заповедей. Вполне вероятно, Б.А. Рыбаков ощущал свою незыблемую наделенность особыми правами, включая, насколько возможно, неприкосновенность для критики. И такое табу наверняка было абсолютным в границах Института.

При таком режиме тактичные, в нормах научной дискуссии, замечания А.А. Формозова по предложенной в докладе директора атрибуции известного барельефа из с. Буш, хорошо известного моему другу в натуре, явились чем-то экстраординарным. Более того, принципиально никогда не думающий о последствиях своей прямоты, он опубликовал этюд на эту тему (1968 г.). Все это сработало сильнейшим детонатором в разрыве отношений с Б.А. Рыбаковым и его окружением. В результате оказалась срочно необходимой операция под названием «железно поставить на место», с театрализацией — для воспитательного эффекта — акта «под единую волю коллектива».

Подготовку такой экзекуции директор начал с удивительно сердечной беседы с А.А. Формозовым, благодарил его от имени Института за работу и настойчиво просил дать исчерпывающую характеристику всем сотрудникам (с особым акцентированием недостатков) для решительного улучшения их работы. Саша благодати его намерений ни на

грош не поверил, но просьбу исполнил, считая иную позицию недостойной трусостью, и отпечатал за свой счет 100 страниц анализа и рекомендаций. Получив их, директор размножил текст и раздал его по отделам для всеобщего изучения. Большая часть читателей нашла там нелицеприятную, но в основном верную личную диагностику. После этого собрали чрезвычайное производственное совещание с тщательно подготовленными выступлениями. Действо началось с деклараций, изобличающих злостную клевету А.А. Формозова на Институт и его достойное руководство. Затем последовало несколько неопределенных суждений типа «надо признать, но нельзя же не осознать». И вдруг — неожиданный поворот, который случается иногда, когда «на миру» внезапно просыпается совесть. Выступления приобретали все большую резкость в критике руководства, и устроители нашли лишь один способ спасения — ссылаясь на позднее время, заседание прекратить, при условии его обязательного продолжения в ближайшие дни. Однако мероприятие, которое всем своим ходом предрекало поддержку А.А. Формозова, так никогда и не состоялось. Разумеется, лично для него это была «пиррова победа». Данный эпизод я привожу, вспоминая взволнованный рассказ Саши о необычно важном для него событии истории Института («бой с Рыбаковым» в 1973 г.). Совсем не надеясь на сохранение хотя бы протокола заседания в архиве, я уверен, что в его собственных воспоминаниях этот сюжет документируется в полной мере.

В одном из писем этого же года А.А. Формозов сообщил мне о кратком разговоре «на лестнице» с Б.А. Рыбаковым, который подтвердил постоянное телефонное общение двух главных академиков страны, а также представленность «темы Формозова» в этих переговорах. Очевидно, что оба собеседника нуждались в информации, которая могла бы служить защите от необычно прямой в то время критики со стороны «московского правдолюбца».

В интересах уточнения всей ситуации следует подчеркнуть, что основным объектом проблемной критики А.А. Формозова был не Б.А. Рыбаков, а А.П. Окладников. Так, в

статье «Всемирно-исторический масштаб или анализ конкретных источников» (СЭ. 1969. № 4) Формозов определяет его «методологию» как «вариацию спекулятивного агностицизма». Столь же негативно он оценил псевдосенсационные открытия В.Е. Ларичева. Будучи любимым учеником новосибирского академика и вдохновляясь всей атмосферой научной безответственности и свободной (иначе — внеисторической) фантазией, последний переполнил СМИ рекламными сообщениями об открытой им «древнейшей цивилизации планеты» на стоянке Малая Сыя в Хакасии. Крайне насущным было решительное разоблачение этой мистификации как демонстрации предельного невежества, позорящего отечественную науку. Пробриться в СМИ удалось только благодаря помощи С.А. Плетневой, которая держала тогда на своих плечах выпуск журнала «Советская археология». В итоге в № 4 за 1981 г. появилась статья М.П. Грязнова, А.Д. Столяра и А.Н. Рогачева с приложением заключения квалифицированной экспертизы, также категорически отрицательного. Стойкое противостояние афере В.Е. Ларичева укрепляло общность позиции А.А. Формозова и моей.

Находясь в острой для него обстановке в Институте, Александр дружески защищал меня, действительно порой страдающего от «известной наивности и излишней доверчивости» (Формозов, 2006. С. 9), от попытки соблазнения очень заманчивыми предложениями Б.А. Рыбакова. Впервые неожиданное внимание к моей персоне выразилось в «одаривании» (с дружественной надписью) книгой «Язычество древних славян» (1981), где были представлены положительные оценки одной из моих статей. После выхода монографии «Происхождение изобразительного искусства» в 1985 г. (12 лет рукопись лежала в издательстве, что в полной мере удостоверяет небойцовский характер ее автора) последовало предложение Б.А. Рыбакова об организации постоянного творческого семинара под нашим общим руководством. Все последующее достоверно передают письма Александра Александровича Формозова.

Письмо от 12.12.1985: «Вскоре после твоего отъезда состоялось заседание дирекции

ИА, совместно с партбюро, для выработки основных направлений Института до 2000 года. Тут Рыбаков сказал, что еще в 50-х годах он намечал как основное направление Института изучение первобытного искусства, чего, разумеется, не было. Тема была начата, но злостно сорвана Формозовым. В результате тема от нас ушла. Пример — книга Столяра. Как всегда у деятелей такого сорта (национальности? — А.С.) она имеет внешне прекрасный вид, а внутри пуста и сомнительна. Формозов тут тоже руку приложил. Надо отвоевать эту тему. К сожалению, без Формозова не обойтись, но надо поставить его на место, заставить заниматься тем, что нужно Институту, а не одному ему. Коллектив должен в этом помочь».

А.А. Формозов был особенно удручен тем, что ни один из присутствовавших на этом «сеансе» его ни о чем не предупредил. А выяснил он все это в итоге очень тяжелого разговора с глазу на глаз с Б.А. Рыбаковым. Как оказалось, тот хотел втянуть его в свои планы, но повел весь разговор так грубо, что вызвал ответное раздражение. Кончилось все словами Рыбакова: «Вы меня всегда ненавидели, а теперь встали на путь мести и шантажа».

Через несколько дней, встретив Марианну Казимировну (жену А.А. Формозова), Б.А. Рыбаков, по существу, извинился, сказав: «Формозов честный человек, но крайне тяжелый. Надеюсь, что мы как-то договоримся». Финал письма: «со здоровьем очень плохо, впереди много трудного, критическое положение мамы (едва держится на ногах), подумываю о расставании с Институтом». Прочитав это, я сразу же, встревоженный, связался с Сашей по телефону. И в ответ на его фразу: «общаясь с Рыбаковым, не оберешься сраму», — принял твердое решение исключить всякие связи с этим «классиком». Так горький опыт службы А.А. Формозова в Институте оказался для меня счастливым.

«Ахиллесова пята» Александра Александровича. Однако уже приближающийся к финалу очерк слишком однообразен по исключительно позитивному представлению друга во всем течении его сложной жизни. И, наверное, вполне уместно остановиться на внешне

неожиданной, частной особенности личности Формозова, изредка проявлявшейся с начала аспирантского старта и вплоть до конца жизни. В виду имеются его малоуважительные, а то и сугубо отрицательные, краткие суждения об отдельных личностях. Такими эпизодами создавались предлоги для наделения характера А.А. Формозова совсем не свойственными ему реликтами безответственности и зазнайства. Несмотря на частность таких проявлений, для меня они были неприемлемы в принципе. Тем более что в составе мишени его критики значились по меньшей мере пятеро уважаемых мною людей со стажем нашего знакомства от 25 до 73 лет.

Наши принципиальные расхождения в этой части никак не маскировались, отражаясь и в публикациях. Так в отношениях буквально солнечной по ясности дружбы возник «овраг» — единственный, но очень значительный. Опасаясь каких-то отрицательных последствий, он с тревогой пишет (письмо от 17.10.1995): «Вроде бы раньше мы с тобой такие разногласия благополучно переживали». А далее сообщает, что задержал сдачу в печать новой «реплики по Равдоникасу», с тем чтобы предварительно с этим текстом познать меня.

В письме от 15.02.2005 в ответ на мое замечание о возможных отзвуках надменности в только что выпущенной книге Формозова «Человек и наука» он посылает мне изложение теоретических основ своих суждений. Но продолжение им такой защиты своей линии было излишним, поскольку уже в письме от 30.05.2005 он полностью осуждал сам старт подобной активности. Всю эпопею разоблачения «брюсовщины» он определяет бестактностью «мальчишеского задора». Следовательно, всякая сторонняя критика сего сюжета утратила актуальность.

В итоге, касаясь этой, скажем так, незначительной и чужеродной для его духовного склада издержки, казалось бы, более чем уместно обратиться к принятой формуле (*aut bene, aut nihil*). Я же в этом сюжете с позицией умолчания согласиться не могу в связи с кричащей противоречивостью этой слабости самой органике А.А. Формозова. Память о нем

нуждается не в простительной «льготе» усопшему, а в раскрытии основы (точнее, навверное, происхождения) подобного парадокса.

Единственно известный мне опыт объяснения таких осложнений в Сашином сознании принадлежал мудрейшему Я.Я. Рогинскому, очень хорошо знавшему и Александра с малолетства, и его родителей. Он считал, что так сказывался генетический реликт их принадлежности к классическому церебральному типу, у некоторых представителей которого до их зрелости, а то и позднее, сохраняются отзвуки начальной искренности и правдивости. Полагаю, что, отдавая должное исследовательскому дальновидению Я.Я. Рогинского, такое суждение следует принять как исходное генетическое звено объяснения последующего онтогенеза. Александр вошел в реальный, отнюдь не сказочно-светлый, мир с абсолютной верой в то, что всегда и во всем необходимо стойко руководствоваться диктатом правды и добра.

Предположительно можно выделить три фактора, которые крайне ограничивали адаптацию А.А. Формозова к ультимативным требованиям окружающей актуальной повседневности. Если кратко, то это его генетический реликт; отчуждение, а затем и развод (1949) родителей; отсутствие достойного наставника. Впрочем, и этим объяснение ахиллесовой пяты Формозова никак не исчерпывается. Здесь сказывался, без сомнения, сам характер его мировосприятия. Совершенно ясно, что вся служба в Институте, вместе с большими и частными ее ситуациями, помимо его воли откладывалась в его подсознании. Этот фактор был не единственным и, в принципе, даже не определяющим. Была и другая, буквально истощающая, сфера его повседневных тревог и забот, которая почти для всех окружающих оставалась неизвестной. Это, была круглосуточная, на протяжении 23 лет, забота о маме, которая категорически никакого стороннего обслуживания не принимала. Поскольку меня с Сашей роднил характер отношений к родительнице, он раскрывал этот сюжет в письмах.

Постоянное умножение двух сливающихся «драматургий» (институтской и домаш-

ней) держало его в состоянии непрерывно нарастающего стресса, подходящего к границе аффекта. Но сам Формозов старался свои недуги преодолеть собственными силами и никогда ни на грань не отказывался от своей ответственности за все им сделанное.

Позволю себе завершить этот сюжет впечатлением, что при такой катастрофической нервной коллизии совершенно непостижимыми представляются и фундаментальность, и необычный диапазон его вклада в науку. Думаю, что решающим фактором в жизни А.А. Формозова, вопреки всем препятствиям, являлся исключительный потенциал его творческого интеллекта.

В человеческой круговерти. Несомненный характер высокой нравственной подосновы А.А. Формозова в женском «отсеке» человеческой круговерти для меня очевиден и однозначен. Столь же редкий в наше время альтруистический настрой был обычен в массе его контактов с мужским «населением». Первое наблюдение в этой части относится к самому началу наших работ на Кубани. Помню, как А.А. Формозов появился вместе с женщиной, назвавшимся Михаилом Михайловичем Успенским. Их отношения буквально светились теплотой, с некоторым налетом грусти. Последнее, наверное, объяснялось тем, что М.М. Успенский приехал на пару дней в связи с археологическим прощанием. Будучи большим мастером документальной съемки, он был вынужден сменить место работы, предпочтя ИИМКу Институт космических исследований.

А в стенах ИИМКа жила долгие годы его доверительная дружба с В.Н. Кухаренко, пожизненно сохранившим верность заповедям честной крестьянской этики. Как знаменательно, что при самых критических осложнениях в жизни (угроза увольнения в 1957 г.) он находил действительную помощь только у А.А. Формозова как «единственного близкого советчика». Такой же искренностью отличались его взаимоотношения с рафинированным гуманитарием, потомственным интеллигентом Н.Я. Эйдельманом.

Аналогичные отношения удостоверяются и дружеской работой в нашей общей экс-

педиции на Кубани. А также удивительным, порой многочасовым, терпением Формозова при общении с дремуче невежественными «аматорами древности в Предгорьях Кавказа» (например, с К.И. Гумилевским в «Овощесовхозе № 6, Адлер 1957 г.»).

Между тем история неумолимо катилась к концу последнего столетия второго тысячелетия, погружая страну в атмосферу острейшего кризиса и разброда с неведомым исходом. Именно в этой обстановке А.А. Формозов, обычно в письмах никак не выражавший чувства к Родине и тревогу за ее будущее, был вынужден раскрыть себя. Этими переживаниями пронизано его письмо 28 августа 1991 г. Оно посвящено трем памятным всей стране дням, проведенным им вместе с супругой Марианной Казимировной у стен Белого дома. Замечательно искреннее, это письмо сразу же вызвало в моей памяти вдохновенное почитание монумента в Коломенском.

Староселье. Эта тема, в свете характера и задач этого очерка, документально представлена материалами адресованных мне писем друга. И все же сначала нелишне общее замечание по сюжету об одной из еще не упомянутых особенностей А.А. Формозова как археолога.

По существу, в международной практике археологии, в том числе и в нашей стране, имеет место специфически деловая стратегия раскопок значительных памятников, напрямую выгодная предпринимателям от археологии. В счастливом случае обретения такого объекта он в деловом смысле уподобляется хорошей нефтяной скважине. Раскопки, популярные СМИ, коммерчески рассчитываются на много лет вперед. Мой друг, как следует из далее сообщаемых фактов, был совершенно чужд такой деловитости.

Навес Староселье в Крыму, под Бахчисараем, расположенный всего в 1,5 км от Ханского дворца, был затоптан многими сотнями ног. Не раз бывали здесь и археологи, но нужна была интуиция разведчика уровня А.А. Формозова. И, вместе с тем, он совсем не собирался осесть на этой «площадке», так

сказать, «приватизировать» памятник в интересах своей популярности.

Вот письмо давностью в 50 лет (17.09.1955), отправленное в связи с ожидаемой на крымской земле нашей встречей следующим летом. Формозов планирует разведку в районе Кабазы (на Альме), а затем у Тепе-кермен. «Неясно, будет ли продолжаться Староселье. Я предложил копать пещеру Марьяне Гвоздовер, обещая свои консультации... У меня лично нет особого желания копать С., чтобы не путаться в поднятой Бибиковым грязи, чтобы не бросать в этой связи тень на первоклассный памятник. Помимо этого, я считаю, что археологически стоянка ясна, и надо ее копать лишь в поисках останков людей, что лучше всего сделает Музей антропологии... Если Мара не поедет, Староселья в этом году не будет».

Первое сообщение о старосельском кризисе в письме от 29.03.1994: «Недавно вернулся из Парижа Н.О. Бадер и привез мне сообщение французских археологов: Украина продала американцам пещеру Староселье, и некий Маркс из Даллаского университета провел там раскопки и вывез коллекции в США. Как тебе это нравится? Не знаю, как реагировать».

Письмо от 27.04.1996: «В "Current Anthropology" 20 страниц посвящено смешиванию меня с грязью. Опубликован мой протест — полколонки. Начальник американской экспедиции Э. Маркс пишет: я предупреждал редактора, что если он опубликует письмо, научная репутация А.Ф. будет перечеркнута раз и навсегда. Далее 54 колонки текста Чабая, Демиденко, Усика, Ранова. Все кляузы Бибикова извлечены на свет божий и перепечатаны. Я и обокрал несчастного Кацура и присваиваю себе раскопки, которые вела Гвоздовер. И копал я плохо... Ничего не сделал для того, чтобы выяснить условия захоронения ребенка... Наконец, оказывается, я так основательно засыпал раскоп для того, чтобы скрыть свои фальсификации и помешать их разоблачению и т. д. Матюшин уже заявляет доклад "А.Ф. как фальсификатор науки". Никто из моих коллег за меня в печати не вступился. А ответить сам за рубежом я не

могу. Нужен текст — до листа по-английски, а перевод дорог; гарантии же, что кто-нибудь будет печатать, нет никакой. У себя? Но от редактора журнала Гуляева я слышу: "Вы ссорите нас с американцами, вы ссорите нас с украинцами"...».

Все приведенное читается с содроганием. Непостижимо, что специалисты по палеолиту, включая и петербургский отдел, в течение года знали об этой аванюре, но ни словом не сообщили о ней А.А. Формозову, потворствуя тем самым позорящей нас провокации, а то и участвуя в ней.

Финал всей этой провокации ознаменован полным провалом попытки «разоблачения» палеоантропологического характера этого открытия (наиболее выигрышная форма определения его «жившим недавно татарчонком»). Исследование памятника было в полной степени квалифицированным и ответственным. Что же касается антропологической атрибуции погребения, то на рубеже веков благодаря совершенствованию естественных методов, в том числе по разделу определения абсолютного возраста, получены решающие уточнения. Сейчас захоронение в Староселье, открытое А.А. Формозовым, оценивается как особо важное открытие, относящееся к группе первых мустьерских архаических сапиенсов Европы, оставивших здесь охотничье стойбище древностью в 35–36 тысячелетий (см.: Хрисанфова, Перевозчиков, 1999. С. 86; Зубов, 2004; Дороничев, Голованова, 2004; Герасимова, Астахов, Величко, 2007. С. 181–186).

Анафема в печати. Анафема историографическим трудам А.А. Формозова (РА. 2006. № 3. С. 165–181), несомненно, с особой оценкой войдет навсегда в библиографию дисциплины. Сам Формозов, на мой взгляд, тут в очередной раз ошибся, усмотрев в этом акте «организованную кампанию» (письмо от 10.07.2006). Думаю, каждый из пятерки авторов действовал сам по себе, следуя собственным побуждениям.

Печально, хотя и объяснимо, отсутствие у пожилых людей иммунитета против участия в неприглядном коллективном «действии» — «избиении» связанного «преступника». Ведь

самому обвиняемому возможность выступления не была предоставлена ни в этом, ни в последующих номерах «Российской археологии». Мне не ясна позиция более молодых людей, так или иначе причастных к этому прискорбному инциденту. Им, не испытывавшим в полной мере деформирующего давления коммунистического режима, вероятно, понятно, что в целом «действие» не вписывается в нормы современной цивилизации.

За 70 с лишком лет моего археологического стажа я накопил немалый опыт психолого-исследовательского распознавания больших, средних и малых служителей археологии. Вот и двух из пяти «бойцов», выступивших в печально памятном номере «Российской археологии», знаю еще со времен их «археологической девственности» намного больше, чем это полезно для здоровья. Поэтому надеюсь, читатели меня простят, что погружаться здесь в подробный разбор «действия» я не хочу. Тем более что и «листаж» тут нужен совсем другой. Скажу лишь, что А.А. Формозов, конечно, не был святым, впрочем, как и судящие его «отцы-академики». К сожалению, он сам иногда осложнял отношения с людьми своей прямоотой. Но самое главное в человеческой сущности А.А. Формозова определяется тем, что он был нестяжателем, представляя собой очень значительное в русской истории, а сейчас начисто утраченное, духовное явление. Его пожизненное бескорыстие в науке, подчинение себя строжайшей этике, действительный гуманизм, как и глубокий патриотизм, предстают в целостности, исключаящей оговорки и поправки. Предельно показательно, что при самых надрывных усилиях критиков А.А. Формозова, им не удалось выявить в его полувековой службе ни единого случая не то что прямого участия, но даже косвенной связи со сферой корысти, обмана, жульничества и карьеризма.

Не могу в этой связи обойти из всего объема сказанного «отцами-академиками» в адрес Формозова лишь одного. Эффект при «передозировке ядов» всегда противоположен ожидаемому. Вот и тут, несмотря на близкое к профессиональному мастерство

и драматургию отдельных «литературно-психологических ассоциаций», вслед за К.С. Станиславским могу воскликнуть лишь одно: «Не верю!».

А еще сожалею, что моя поддержка в тот момент поневоле была лишь «телефонной». Однако, как это ни странно прозвучит, современная «медвежья услуга» была оказана одним из гонителей. Вот ведь удивительная вещь! Ну какая нужда была в ситуации «коллективного действия» упоминать известное всем наизусть с детских времен лермонтовское стихотворение, более того — выносить хрестоматийную строчку в эпиграф? Ведь любой откликнется сразу: «Погиб поэт! — невольник чести — // Пал, оклеветанный молвой...». И далее, как говорится, по тексту, вплоть до последнего слова «кровь». Так, когда никто из коллег не помог А.А. Формозову, за него вступились (да как!) горячо любимые им классики — Пушкин и Лермонтов. Вот уж, действительно, мистика...

При всех осложнениях, история познания свидетельствует, что со временем все незыблемо ставится на свое место. В перспективе решающим является то, что именно Формозов стал основоположником историографии отечественной археологии в целом, первым заговорил о масштабе тяжелейших потерь в нашей профессиональной среде в 20–40-х гг. XX в., выполнив наш общий нравственный долг перед репрессированными коллегами, и этот факт никакому редактированию не подлежит.

Не подлежит, хотя, как бы мужественно Формозов при этом ни держался, свою негативную роль это «действие» в его судьбе, безусловно, сыграло.

О ВКЛАДЕ А.А. ФОРМОЗОВА В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ НАУКУ И КУЛЬТУРУ

Изначально определив свою специализацию — первобытная археология, — Александр Александрович Формозов более полувека своего труда посвятил обогащению источниковедческой базы истории камен-

ного века, и не просто раскопкам, а теоретическому осмыслению открытых памятников. При этом, как уже отмечалось, многое в его жизненном пути было необычным, далеким от привычного стандарта. Так, начинающий ученый вел очень ответственные раскопки палеолитической стоянки палеоантропа в балке Староселье (под Бахчисараем). Итогом полевых работ крымского цикла (1952–1956 гг.) было, помимо сенсационного открытия погребения в Староселье и связанного с ним комплекса, изучение мустьерских стоянок в Кабази и навесе Холодная балка под Симферополем. Их совокупность позволила Формозову поставить вопрос о локальных вариантах мустьерской культуры в горном и степном Крыму. Завершился этот период изучением впервые выявленной в регионе неолитической стоянки в балке Каляарасы.

Следующим полевым предприятием явились уже упоминавшиеся объединившие нас восьмилетние, масштабные археологические работы в Прикубанье. Раскопками неолитического (Нижнешиловская стоянка) и энеолитических комплексов (древнейшая крепость Мешоко, поселение Скала, навесы Хаджок I и III, хутор Веселый, Ясенова поляна), по существу, была заложена источниковедческая база изучения поселенческих памятников названных эпох в этом регионе. В эти годы Александр Александрович, которого всегда чрезвычайно увлекала индивидуальная разведка, оставлявшая его наедине с природой (несмотря на явную опасность одиночного странствия в карстовой зоне), выявил ряд местонахождений ашельских орудий и открыл верхнепалеолитические стоянки (Каменно-мостская пещера, Губские навесы) большой научной значимости.

Основную научную тему исследовательских разработок Александра Александровича в области каменного века составляла структурно и хронологически сложная проблема локальных вариантов и этнокультурных областей эпохи палеолита. В финале она логически дополнилась темой локальных вариантов и системы периодизации комплексов мезолитических стоянок.

А.А. Формозова, в силу его духовного диапазона, никак не удовлетворял тот ущербный стандарт изучения культур каменного века, который установился в первобытной археологии примерно в середине XX в. Стандарт, который догматически ограничивал цель каждого конкретного исследования лишь сугубо формальным анализом индустрий, обычно поглощающим около 90 % сил и времени ученого.

В отношении общей оценки этого цикла его работ наиболее основательным представляется заключение А.Н. Сорокина: «.. ни один отечественный археолог второй половины XX в. не внес столь же существенного вклада в археологию каменного века, как А.А. Формозов» (Сорокин, 2004. С. 164).

Итак, Александр Александрович специальность исследователя каменного века полностью реализовал на высоком уровне существенного обогащения науки. Следовательно, в соответствии с установившейся практикой он заслуживал присвоения ему звания доктора исторических наук (в том числе путем *honoris causa*). А он стойко держался в Институте с 1954 г. (на протяжении более полувека!) в ранге кандидата.

Теперь о другом направлении его деятельности. Мой друг, начиная с поры студенчества (публикации 1950–1951 гг.), много лет с исключительным пиететом, даже исследовательским воодушевлением, погружался в изучение достоверных, хотя нередко и трудно распознаваемых, следов зачатия творчества, возрождая тем самым прозорливые инициативы отечественных предшественников. И в этом случае он как исследователь пошел по особому, совершенно нестандартному пути. Так, вопреки утвердившейся практике опоры археолого-искусствоведческих работ широкого плана в основном на известные публикации, он, не щадя себя, принимает решение об обязательном ознакомлении с каждым образительным комплексом в натуре, в контексте природного окружения. И такой, казалось бы, фантастический замысел (представьте себе хотя бы диагональ на карте от петроглифов Карелии — к «личинам» на скалах Амура) был осуществлен, что придало его трудам

уникальное ощущение непосредственного восприятия. В итоге А.А. Формозов обогатил еще достаточно скромную библиографию этого предмета пятью книгами. В этой серии особенно выделяются энциклопедические исследовательские «Очерки по первобытному искусству: наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР» (1969), сразу же получившие очень высокую оценку в рецензиях. Нелишне отметить: общее число «искусствоведческих» статей А.А. Формозова — более сорока (!). Столь масштабный и оригинальный научный вклад в изучение мировоззренческого наследия первобытности может оцениваться как в высшей степени значительный итог научной жизни любого исследователя, даже занимавшегося исключительно этой тематикой.

После представления А.А. Формозова в двух его профессиональных олицетворениях — как археолога-каменщика и исследователя «ископаемого» творчества — пришел черед выделения самого главного для археологии Отечества научного направления в исследовательском активе Александра Александровича. Чувство глубокого историзма привело его к заключению о выпадении из структуры современной отечественной археологии осмысления ее собственной истории. Такая, как бы не замечаемая, лакуна неизбежно затрудняла, а то и деформировала раскрытие глубокой связи времен в сложном ходе развития, да и очень ограничивала действенность самопознания дисциплины.

За этим последовала, по выражению Г.С. Лебедева, «титаническая и целенаправленная работа А.А. Формозова», подытоженная фундаментальной, насыщенной конкретным материалом периодизацией археологии России. Тем самым он объективно явился основоположником и первопроходцем истории археологии нашей страны. А насущность такого разворачивания дисциплины, знаменующего ее духовную зрелость, убедительно подтверждается динамичностью становления и успешным трудом нескольких исследовательских групп, получавших от основоположника этого знания самую прямую, согревающую его авторитетом помощь.

При определении подлинно человеческого измерения личности А.А. Формозова следует особо подчеркнуть его постоянную заботу о восстановлении и сбережении памяти Отечества. Первый аспект ее проявления — это его боль и борьба за сохранение памятников истории и культуры, подвергавшихся массовому уничтожению, во многом спровоцированному установками партийной пропаганды. Официальное пренебрежение этой темой исключало возможности публикаций. Поэтому обобщающий труд А.А. Формозова «Русское общество и охрана памятников» полностью в виде отдельной книги так и не вышел.

Очень существенна для общей оценки нравственных устоев А.А. Формозова другая линия, связанная с персоналиями, судьбами невинно репрессированных деятелей науки. При большой опасности расплаты за подобную «любопытность», эти трудные разыскания проходили через всю его жизнь — от студенческих лет и вплоть до кончины. Итогом такого особо нелегкого труда явилось возвращение в науку имен многих погибших исследователей.

К группе работ, отданных памяти о коллегах, принадлежит и десяток некрологов, опубликованных в журнале «Советская (с 1992 г. — Российская) археология». Среди них особенно выделяется очерк о выдающемся ученом и исключительной личности — Сергее Николаевиче Замятнине. Соединявшая их редкая по взаимопониманию и доверительности дружба очень показательна для этической характеристики А.А. Формозова.

Некоторые написанные им некрологи посвящены не «святилам», а скромным служителям археологии (например, младшему научному сотруднику Х.И. Крис и провинциалу-симферопольцу А.А. Щепинскому).

А.А. Формозов на протяжении более полувека предельно активно отдавал себя любой работе, которая была нужна родному для него Институту. Такое участие в общем деле было для него элементарным долгом, при полном исключении каких-то намерений продвижения по служебной лестнице. Помимо редак-

А.А. Формозов – аспирант, 1954 г.

А.А. Формозов в экспедиции, начало 1950-х гг.

А.А. Формозов в экспедиции, начало 1950-х гг.

А.А. Формозов (в центре), М.Д. Гвоздовер (слева) и М.З. Паничкина (справа), 1953 г.,
экспедиция в Авдеево

А.А. Формозов в Костенках, 1953 г.

А.А. Формозов, Крым, конец 1950-х гг.

А.А. Формозов,
Рижское взморье, начало 1960-х гг.

А.А. Формозов,
Кабыстан, Дшир-Гир Даг. 1963 г.

А.А. Формозов (ИА РАН), Л.Н. Корякова (ИИА УрО РАН), Н.Я. Мерперт (ИА РАН),
Н.К. Стефанова (УГУ), Н.А. Боковенко (ИИМК РАН) (слева направо),
Свердловск, 1989 г. Школа молодых археологов Уральского региона

А.А. Формозов в Поленово, 2005 г.

тирования и рецензирования наиболее ответственных изданий в русле его специализации, одним из постоянных участков его труда были издания Института археологии — «Краткие сообщения» и «Советская археология».

На страницах СА (РА) увидело свет более 60 (!) его публикаций, посвященных как конкретным вопросам науки, так и остро дискуссионным темам. Именно в последнем особенно отчетливо проявлялось свойственное А.А. Формозову «одномерное восприятие» оппонентов, вне зависимости от их чинов и положения. Он без какого бы то ни было ранжирования вел спор и с младшим научным сотрудником, и с академиком. Этот устойчивый принцип Формозова виден из его полемики с Б.А. Рыбаковым³ и А.П. Окладниковым⁴. Не отрицая неоднократных случаев необычно резкой откровенности в выступлениях А.А. Формозова, считаю нужным энергично подчеркнуть, что ни в одном казусе не выявляются какие-то его корыстные интересы и побуждения. Он остается совершенно чистым от любого профанного целеполагания.

«ВНЕ АРХЕОЛОГИИ»

В заключение скажу несколько слов о Формозове «вне археологии», отметив сразу же обширность и значительность этого поля. ...Устойчивая простота внешнего обличия. В этом, как и в иных проявлениях, строгое правило — «ничего лишнего!». Категорическое отрицание всяких соблазнов славы. Следствие — ни одного интервью Александра Александровича Формозова в СМИ, а также исключительная редкость его фотографий. Предметом его безграничного интереса, более того, искреннего увлечения, были явления культуры и искусства.

В комнате на Калужской на него со стены всегда смотрел увековеченный кистью Н. Рериха старик у ночного костра. На столе три тома издательства «Scirra» (!), исчерпы-

вающе представляющие импрессионизм. А при первом же совместном посещении Эрмитажа он по памяти, ссылаясь на дореволюционный каталог Н.Е. Макаренко, назвал мне около тридцати ранее принадлежавших Эрмитажу шедевров мирового значения, проданных за рубеж по дешевке «Тракторэкспортом».

С поры юности началось увлечение театром, особенно МХАТом (точнее, постановками В.И. Немировича-Данченко). Позднее такой доминантой стал балет, и у него сложилось содружество с кругом Г.С. Улановой. Поклоняясь ее изумительному искусству, он не пропускал ни одного выступления своего кумира вплоть до ее ухода со сцены (1961 г.). Близкое к профессиональному знание балета стало поводом предложить А.А. Формозову постановку «Лебединого озера» в Новосибирске. Однако к моменту болезни мамы ему удалось завершить лишь разработку начальной сцены.

Исключительный диапазон гуманитарных интересов А.А. Формозова невольно рождает мысль о том, что какую-то их часть можно отнести к категории любительских. Прежде всего при этом думается о балете в силу его особой сложности. Однако переписка Формозова с личностью, представляющей это искусство лишь по его отражению, Н.А. Некрасовым («не все читать Вам Бокля...»), свидетельствует обратное. Дилетантизм А.А. Формозову не был дан в принципе! Вот выборка по этой теме из его писем.

В 1951–1952 гг. А.А. Формозов дважды по телефону сообщает мне как о важном событии в его жизни об определении в труппу Молотовского театра, которая планирует разработку постановки «Спящей красавицы».

Письмо от 3.12.1953: «...в балете бываю редко. Уланова более месяца не танцует. Кшесинская сломала ногу...». В открытке от 6.09.1956 благодарит за полученный им «очень нужный перевод книги Марселя Марсо».

Письмо от 23.11.1956: «Английский балет не приехал. Очень тяжелое впечатление оста-

³ Советская археология. 1968. № 2. С. 103–110.

⁴ Советская этнография. 1969. № 4. С. 99–106.

вила катастрофа с Улановой на первом спектакле по ее возвращении».

Записка от декабря 1956 г., переданная с Валерием Алексеевым: «...поймал Дудинскую и Сергеева на “Дон-Кихоте”. 7-го приезжал Валхвостик, в восторге от аттитюдов и фуэте “Спящей красавицы”».

Письмо 12.10.1957: «Порадовала очень хорошая французская балерина Лиан Денде».

Открытка от 13.05.1958 содержит отзыв о приятельнице Леонида Тарасюка, приведшего ее на балет в Мариинку: «Калерия не тянет — самая банальная балеринка. Но Тарасюк очень мил и судит так разумно». Подобными довольно точными, пусть и краткими, ремарками изобилует вся наша переписка.

Особое, нравственно доминирующее положение в сознании А.А. Формозова занимала русская классическая литература. Началось это, что естественно, со сказок Пушкина, который по мере взросления все полнее олицетворял символ светлой воли и творческого духа. Но почему-то и в этом случае только Формозов выбился из общего ряда и исследовал отношение великого поэта к древностям. Его книга «Пушкин и древности. Наблюдения археолога» (издания 1979 и 2000 гг.), а также семь статей получили одобрение «строгих пушкинистов». Думаю, что Институту в пору гордиться таким инициативным вкладом в общенациональную область знания, именующую пушкиноведением.

Ряд его публикаций, посвященных русской литературе середины XIX — начала XX вв. (Н.В. Гоголь, А.Н. Островский, Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин, А. Блок, А.Н. Толстой), подытоживается неординарной книгой «Классики русской литературы и историческая наука» (1995).

Исключительна заслуга А.А. Формозова в возвращении в науку трудов выдающегося историка Москвы И.Е. Забелина (два тома и серия статей) и в целом в поддержке идеи краеведческого движения в Подмоскovie. А.А. Формозов при первых же встречах в Петербурге поразил меня и моих друзей тем, что в нем мы впервые увидели подлинного патриота Москвы, энциклопедически знающего ее

прошлое и заслуженно носящего звание «великий московский интеллигент».

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Все нынешнее время, начиная с середины 1990-х, для А.А. Формозова было очень тяжелым, особенно нарастающей, после краткой весны духа, безнравственностью общества в условиях диктатуры денег. В самом финале жизни на Формозова были нацелены трагически-тяжелые атаки. Испытания, предельно критические даже для молодых, представляли масштабные провокации, условно обозначенные выше как «Староселье» и «Анафема в печати». Тем не менее, А.А. Формозов и перед таким страшным двойным ударом мужественно выстоял до последнего утра своей жизни.

Многие десятилетия он не щадил себя в трудах на благо общества и никогда не был озабочен условиями своей жизни, в результате никак не подготовился к наступившей немощи. Впервые в его письмах появляются слова «деньги», «очень дорогие лекарства... операции». С душевной болью перечитываю по-прежнему исполненные силы духа письма А.А. Формозова. Считаю своим долгом в этом памятном издании привести в хронологической последовательности их краткую выборку.

17.11.1999: «На твоих глазах меня вышибли из первобытной археологии, теперь меня вышибают из первобытного искусства». А после примирительной фразы «не упрекаю тебя ни в чем» справедливо ругает меня за оппонирование М.А. Дэвлет в далеком прошлом.

16.04.2003: Именуя меня явно отрицательным в его лексиконе словом «миротворец», он далее переходит к строгому наставлению, заведомо предполагая мой отклик на его уход из жизни. Еще до этого он постоянно ругал меня за статью, которую посвятил его 75-летию. Он категорически требует сдержанности и краткости повествования. В качестве образца приводит примерный текст: «Отношение А.Ф. с коллегами были разными. Многие относились к нему неплохо. Другие же, в том

числе люди, определяющие судьбы науки, воспринимали его как человека опасного и мешали его начинаниям». Попутно прибавляет психологически важное замечание: «Письма передают настроение минуты». И совершенно категорично: «Рыбаков не был в моей жизни центральной фигурой... Начало травли положил Бибииков (Староселье), очень много вреда принес Окладников». Далее, раздумывая о причине своей трагедии, находит ключ в суждениях Н.Я. Мандельштам: «Осю убили не ЦК и ГПУ, а его же братья-писатели». И прибавляет критически дружественное в мой адрес замечание: «всегда взваливаешь на себя много лишнего... ты всегда увлекаешься людьми!».

Из Звенигорода, где они с женой провели часть лета 2006 г., критического для его жизни, писал: «все бежали от нас как от огня». То, что «все уходит в кусты», он однозначно определил как «конфликт со всем коллективом». В итоге расценил данную акцию журнала, с которым он сотрудничал на протяжении почти 50 лет, как «надгробное слово, произнесенное российскими археологами». Не соглашусь. Мне очевидна глубокая ошибочность такого заключения, хотя психологические основания для таких мыслей у А.А. Формозова были.

Насколько знаю, в эти же дни он трудился с предельным напряжением, разбирая архив, осуществляя конечную редакцию рукописей подготовленных книг. Состоялась его обстоятельная встреча с А.И. Солженицыным, были и другие дела.

А.А. Формозов никогда не прерывал свой напряженный труд. Так, к примеру, его письмо от 09.08.2008 полностью посвящено проблемам русской историографии в свете прошедших в Петербурге «Спицынских чтений».

Таково весьма краткое представление широты круга глубоких и преимущественно оригинально значимых исследований, которым А.А. Формозов посвятил более полувека своей жизни, представляющей несомненный

научный подвиг. Александр Александрович ушел не в прошлое, а в будущее науки, когда столь ценимая им правда истории сурово и неподкупно все расставит по местам. Оставленное нам богатство творческой мысли и уроки мужественной правдивости А.А. Формозова увековечены более чем в трехстах публикациях, в составе которых 25 книг и брошюр! Большим и радующим событием, свидетелем которого, к большому сожалению, ему не довелось стать, явилась публикация отчетов наших раскопок Государственным Эрмитажем «Мешоко — древнейшая крепость Предкавказья» (2009).

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

В наши дни, при отнюдь не триумфальном, а скорее близком к кризисному, состоянии археологии страны, особенно актуальным представляется честное, сугубо действенное восприятие завещания, выстраданного А.А. Формозовым. Оно представлено в его статье «Русская археология на грани XX–XXI веков».

Масштабное восприятие действительности позволяет с сожалением подчеркнуть, что при множестве кризисов, переживаемых миром, вообще никак не принимаемое всерьез, происходит, по существу, судьбоносное крушение этической личности. Она уже достаточно близка к своему исчезновению. Несмотря ни на что, хочется надеяться, что социально-нравственное Возрождение человечества состоится. В зарождении такого эпохального процесса особый зачин принадлежит жертвенным поборникам суровой правды, сохранившим в наши дни великие корни духовного бессмертия человечества. Место А.А. Формозова в этой когорте бесспорно.

Благодарю судьбу за то, что она осветила мою жизнь дружбой с этим духовно большим, талантливым, сердечно чистым человеком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Герасимова М.М., Астахов С.Н., Величко А.А., 2007. Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда обитания: Иллюстрированный каталог палеоантропологических находок в России и на смежных территориях. СПб.

Дороничев В.Б., Голованова Л.В., 2004. «Гордиев узел» гоминида из Староселья // Невский археолого-историографический сборник: К 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. СПб.

Зубов А.А., 2004. Палеоантропологическая родословная человека. М.

Сорокин А.Н., 2004. О мезолите Волго-Окского бассейна // Проблемы первобытной археологии Евразии. М.

Столяр А.Д., 2004. Мой друг Александр Александрович Формозов. Часть первая (1949–1965) // Невский археолого-историографический сборник: К 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. СПб.

Формозов А.А., 2006. Триада жизнедеятельности А.Д. Столяра // In situ. СПб.

Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В., 1999. Антропология. М.

А.А. Формозов

**«СБЕРЕЧЬ ПАМЯТНИКИ СУМЕЮТ ТОЛЬКО ТЕ,
КОМУ ОНИ ДОРОГИ...»**

Тема сохранения культурного наследия — важнейшая и, можно сказать, системообразующая в творчестве А.А. Формозова-историка. Ощущая себя наследником традиций, сложившихся в русской культуре к началу XX в., он остро переживал их неизбежную деформацию и постепенную утрату в условиях тяжелых социальных катаклизмов, которыми для России оказалось чреватым прошлое столетие. Рожденный в годы «культурной революции» и заставший живыми и здравствующими интеллигентов «дореволюционной выделки», А.А. Формозов верил, что можно подхватить и связать рвущуюся нить, буквально «своею кровью склеить двух столетий позвонки». Поэтому так важно было для него не стать историком (как он сказал бы — «историографом») культуры лишь одной, теперь уже отдаленной от нас, эпохи, а провести в своих книгах сквозную линию от конца XVIII в., когда на исторической сцене появляется русское образованное общество, вплоть до наших дней. Недаром так любил он упоминать в разговорах образную «цепочку рукопожатий» от нас до Пушкина.

Уже в 1963 г. А.А. Формозов закончил книгу, посвященную истории охраны памятников в России от древности до современности.

Опубликовать эту монографию в годы «застоя», несмотря на многочисленные попытки автора, не удалось. Четверть века шла борьба за издание если не всей книги, то хотя бы ее отдельных частей. А.А. Формозову приходилось неоднократно резать и перестраивать текст, но рецензентам, а тем более — редакторам и цензорам, «подозрительным» в конце концов стало казаться решительно все. Лишь один из разделов, в котором речь шла о дореволюционном периоде, в урезанном виде появился в самом начале горбачевского времени в составе книги «Страницы истории русской археологии» (1986 г.) — там, где его могли обнаружить только специалисты-археологи. В 1990 г. этот же раздел без купюр, в авторской редакции 1980 г., был выпущен отдельной брошюрой под названием «Русское общество и охрана памятников культуры». Наконец, еще через 14 лет, А.А. Формозов издал книгу «Русские археологи в период тоталитаризма». В ней «проблема памятников культуры в СССР» отведена последняя глава, переработанный текст которой восходит к рукописи 1963 г.

Следуя воле А.А. Формозова, мы публикуем текст «От автора» из рукописи «Русское общество и охрана памятников культуры (вариант 1962–1963 годов, с дополнениями)»,

которая хранится в Научном Архиве ИА РАН* и выражаем надежду, что когда-нибудь эта книга все же дойдет до читателей в задуманном автором виде.**

Составители

[Л. 2] ОТ АВТОРА

Тех, кому доведется когда-нибудь прочесть этот текст, я должен предупредить, что он написан достаточно давно — в 1962–1963 годах. Я был тогда молодым сотрудником Института археологии Академии Наук СССР и много ездил по нашей стране. При этом я знакомился не только с коллекциями из раскопок, хранившимися в музеях, но и с памятниками архитектуры в городах и селах Центральной России, Украины, Прибалтики, Средней Азии, Кавказа. Эти встречи с прекрасным оставили во мне неизгладимое впечатление. Но одновременно поражало и ужасное состояние большинства зданий, пренебрежение к нашему культурному наследию со стороны властей, равнодушие к его судьбе, охватившее более широкие слои общества. Я знал о том, как целенаправленно разрушали памятники в 1920–1930-ых годах. В 1962 году была взорвана церковь Благовещения XII века в Витебске. Это не прошло незамеченным и вызвало протесты. Зато Хрущев с трибуны *одного из пленумов ЦК КПСС* одобрил эту инициативу. Таков был момент, когда я решил написать очерк, анализирующий причины вандализма на Руси в прошлом и настоящем.

Конечно, я сознавал, что издать сочинение на столь скользкую тему будет нелегко. Но после XX и XXII съездов партии печатали вещи куда более острые. Надеялся я и на помощь коллег, не меньше меня болевших за наше старое зодчество. С этой целью, а в равной мере для того, чтобы застраховать себя от ошибок (как ни как, я специалист по

первобытной археологии, а не по истории русской культуры), я дал прочесть свою рукопись А.В. Арциховскому, Н.Н. Воронину, М.А. Ильину, А.А. Зимину, В.Л. Янину и кое-кому еще. Замечаний я получил немного. Желания помочь совсем не обнаружилось. Арциховский просто испугался. Остальные говорили, что никаких шансов на публикацию книги нет. Прошло [Л. 3] всего девять лет после защиты моей кандидатской диссертации, положение в Институте с тех пор, как директором стал Б.А. Рыбаков, было у меня шатким. На поддержку в иных сферах я рассчитывать не мог и не без сожаления спрятал рукопись в стол.

Через несколько лет забрезжила некоторая надежда. В научно-популярной серии академического издательства в 1966 году вышла моя книжка «Памятники первобытного искусства на территории СССР». Она имела успех, получила диплом на конкурсе общества «Знание». Я решил воспользоваться этим и предложил той же серии свою более раннюю работу об охране памятников (минуя тем самым институт как контролирующую инстанцию). Благоприятна, как будто, была и ситуация в целом: *после падения Хрущева* все чаще появлялись статьи о необходимости беречь наше культурное наследие.

И действительно, на первых порах все шло хорошо. Александр Львович Монгайт — талантливый популяризатор и ученый, близкий к кругу «Нового мира» Твардовского — рекомендовал мою книгу редколлегии научно-популярной серии и заручился поддержкой ее консультанта по исторической тематике В.М. Турока.

Был придуман такой план: редактором мы попросим быть Н.Н. Воронина. Если он, только что получивший Ленинскую премию за монографию о древнерусском зодчестве, на это согласится, да еще напишет предисловие, многие возражения отпадут. Воронин читал рукопись раньше, хвалил ее и обещал свое

* НА ИА РАН. Р-2, № 2533. Рукопись дорабатывалась автором до 1983 г. (эта дата стоит на титульном листе). Текст «От автора» также, вероятно, приобрел окончательный вид в 1983 г. В машинописи имеются немногочисленные рукописные авторские вставки, частично или полностью относящиеся к концу 90-х — началу 2000-х годов, когда рукопись была передана А.А. Формозовым в архив. Эти вставки переданы в публикации курсивом.

** Название публикации — цитата из VIII раздела той же рукописи А.А. Формозова.

содействие. Но, прочитав текст вторично, он, видимо, побоялся ответственности и поставил условие: оборвать изложение на 1917 году, а из большой следующей главы выделить и развить только один сюжет — как высказывания Ленина о культуре прошлого можно применить к волнующей меня проблеме. Я стал спорить, и Воронин тут же взял свое обещание обратно. Из-за этого дело затянулось.

[Л. 4] Все же В.М. Турок сумел мне помочь. Редактором назначили Монгайта. Весной 1969 года я отнес рукопись в издательство, а 16 апреля 1970 года она была утверждена к печати редколлегией серии.

Но за всеми проволочками короткий отрезок времени, когда книга еще могла проскочить — т.е. 1964-1969 годы — был упущен. Как раз в 1969 году вице-президент Академии Наук и член ЦК П.Н. Федосеев объявил, что критику «культы личности» надо прекратить.

Дело, вроде бы, двигалось узаконенным порядком. 23 ноября 1971 года со мной заключили договор. В проспекте изданий 1972 года и на обложках двух брошюр серии¹ анонсировался скорый выход книги. Но редакторы не даром ели свой хлеб и не забывали, что помимо прочих на них возложены цензорские обязанности. Непосредственно моей рукописью занималась И.В. Шевелева. Прочитав ее, она предупредила, что раздел VI о послеоктябрьском периоде (и так сильно мною урезанный) ни за что не пропустит. Я предложил снять всю главу, но заведующий редакцией В.П. Лишевский считал, что этот период должен быть отражен. Пришлось подготовить новый вариант текста, где говорилось и о достижениях в области охраны памятников в первые годы Советской власти, и о позднейших разрушениях, и о благотворных переменах, наступивших сейчас. Лишевский не решился завизировать книгу и в таком виде в начале 1972 года передал ее главному редактору издательства А.Н. Сахарову.

Ученику Л.В. Черепнина, *махровому черносотенцу*, имя мое было известно. Всего два года назад в статье, увидевшей свет в пресловутой «Молодой гвардии», он помянул меня

среди других авторов «Нового мира», чернящих якобы наше прошлое². Естественно, что моя рукопись была прочтена [Л. 5] с особым вниманием. В апреле 1972 года она была возвращена мне с отчеркиваниями красным карандашом на 72 страницах из 160. Никакого письменного отзыва. Претензии предъявлял мне Лишевский в устной форме, пояснив, что знать, чьи это замечания, я не имею права, но принять их обязан.

Возражения вызывали не только и даже, пожалуй, не столько страницы, посвященные нашей эпохе, а по сути дела все факты, положенные в основу работы. Нельзя писать о разрушениях в Кремле при Екатерине II и Александре I, нельзя цитировать слова Чаадаева и Лермонтова, Белинского и Надеждина, Киреевского и Писарева о незначительности нашего культурного наследия, но нельзя и «идеализировать царей», т.е. ссылаться на указы Петра I о собирании древностей.

При этом рукопись не отвергали, а фарисейски предлагали мне перестроить ее в таком духе: «все лучшие русские люди всегда горячо любили памятники старины и оберегали их, в чем, впрочем, не было особой нужды, настолько хорошо заботились об этих реликвиях».

Создавать подобную лживую картину я, разумеется, не захотел. В том, что дело проиграно, я не сомневался, но все же рискнул обратиться в редколлегию научно-популярной серии: может быть, она заступится за автора, разрешит ему говорить то, что он думает. Ответа не последовало — Турока оттуда уже выживали. Зато 8 января 1974 года я получил письмо за подписью А.Н. Сахарова: «В связи с тем, что Ваша рукопись «Археология и русская культура» издаваться не будет, заключенный с Вами договор № 181 от 28 ноября 1971 г. издательство расторгает».

Отстаивать свои права явно не имело смысла. Даже если бы я добился нового рассмотрения подготовленной книги, ее послали [Л. 6] бы продуманно выбранному рецензенту на «черный отзыв» и отвергли окончательно.

¹ В.П. Даркевич. Пути средневековых мастеров. М., 1972. В.М. Массон, В.И. Сарияниди. Каракумы — заря цивилизации. М., 1972.

² А.Н. Сахаров. История истинная и мнимая. Молодая гвардия, 1970, № 3, стр. 299.

Одну попытку я, правда, предпринял в 1975 году, когда Сахаров потерял свой пост, не сработавшись с директором издательства Г.Д. Комковым. Формально Сахаров ушел с повышением — в Комитет по делам печати — но, информируя партсобрание о переменах, Комков высказался с предельной откровенностью: «Наконец-то мы избавились от этого фашиста». Услышав про это, я написал Комкову и просил его пересмотреть принятое Сахаровым решение. К сожалению о сути конфликта помнили твердо, и тот, кто составлял ответ — скорее всего Лишевский, — ограничился советом исправить указанные ошибки, прежде чем тревожить директора, и добавил: да и в чем Ваши претензии? Ведь рукопись Вы забрали сами.

Потеряв надежду напечатать книгу полностью, я решил разбить ее на серию статей. Сперва я взял раздел II — об охране памятников на начальном этапе истории. У Сахарова замечаний он не вызвал, что и неудивительно: «молодогвардейцы» любят подчеркивать свою приверженность к православию. Но попытки пристроить этот раздел последовательно в три институтских сборника — в честь Н.Н. Воронина, А.П. Смирнова и М.П. Грязнова — сорвались. Из первого сборника изъят статью Г.К. Вагнер. Человек, *17 лет мыкавшийся в концлагерях, а потом* написавший неплохие книги о древнерусском искусстве, заявил мне: «Я не могу пропустить эту проповедь поповщины». Во второй сборник статью взяли, но в издательстве ее засекли, а редакторы-археологи не только не защищали своего товарища, но и извинялись перед издательством за оплошность. Сообщить о случившемся мне они даже не сочли нужным. Назову их имена. Это — Л.А. Евтюхова и Г.А. Федоров-Давыдов.

[Л. 7] Просил я о содействии в публикации того же текста и коллегу из Варшавы Анджея Поппе, зная, как много в Польше всевозможных периодических органов по исторической тематике и насколько спокойнее смотрят там на некоторые проблемы. Но и оттуда рукопись вернулась обратно.

Тогда я выбрал раздел III — о классицизме XVIII — начала XIX века — и дал его в журнал «Советская археология». Утвержденная по отзыву В.П. Даркевича статья пошла в на-

бор в № 3 за 1977 год. В Главлите визировать ее отказались. Пришлось прочесть мой очерк директору института Б.А. Рыбакову. Он вычеркнул страницы о разрушениях в Кремле при Екатерине II (это де аллюзии с Дворцом Съездов), а оставшееся послал в отдел науки ЦК, человеку, курирующему наш институт. Он взял сторону Главлита. Редакторы с досадой на меня принялись «ломать корректуру» всего номера. Поскольку Рыбаков был вроде бы за статью, я ее переделал и предложил журналу в новом варианте, отражавшем как небрежение культурным наследием в феодальной России, так и зарождение интереса к нему. Но после проведенных консультаций мнение Рыбакова изменилось. Теперь он подобрал таких рецензентов, какие для данной ситуации и требовались — М.Т. Белявского из Московского университета (о его писаниях речь будет ниже) и своего ученика А.В. Кузу. Их отзывы были в стиле Сахарова: клевета на русский народ! Разве у нас не было Пушкина? Не было Лермонтова?! и т.д., и т.п. Секретарь редакции М.Г. Мошкова пробовала найти более объективных рецензентов, но ее бывший однокурсник, а ныне *академик* И.Д. Ковальченко, от письменного отзыва уклонился, заметив на словах, что я недооценил славянофилов (а Белявский как раз обвинял меня в том, что я стою на «псевдопатриотической [Л. 8] позиции славянофилов». «Так и кажется, что читаешь статью Хомякова или И. Аксакова»). За публикацию моей работы высказалась Т.В. Николаева, но Белявский был, конечно, авторитетнее, и мой очерк отвергли.

Осталась последняя возможность — включить главы из книги в некий текст большого объема, и сдать в печать в составе исследования, выполненного по плану института и рекомендованного им. Это в конце концов удалось, хотя и с изрядными потерями.

На 1981 год я поставил в свой план по сектору неолита и бронзового века монографию «Археология и русская культура», объединившую разделы из четырех книг — двух изданных — «Очерки по истории русской археологии» (1961) и «Пушкин и древности» (1979) — и двух неопубликованных — об охране памятников и начале изучения каменного века в России (позднее вышла целиком в 1983 году). Из книги об охране я использовал

только дореволюционную часть. Важно было подобрать рецензентов и редактора. Из археологов мне помогли В.П. Даркевич и В.В. Кропоткин, из историков — С.О. Шмидт (мой товарищ по университету Я.Н. Щапов писать отзыв побоялся).

В конце 1981 года сектор рекомендовал завершить исследование к печати, но в план редакционной подготовки дирекция его не поставила. Попастъ в такой план удалось год спустя, но и на этот раз книга была от туда выкинута на заседании Редакционно-издательского совета Академии. Лишь весной 1984 года рукопись отвезли в издательство. Увидеть свет она должна была в 1985 году.

Но, как я ни старался, моих купюр в тексте (достигших 54 страниц) оказалось недостаточно. Редактор издательства — Н.И. Сергиевская — человек, ко мне расположенный (с ее помощью выпущено шесть моих больших работ), — не решалась визировать рукопись [Л. 9] в предложенном автором виде. Пришлось пойти на новые изъятия. В основном они шли по двум линиям. Во-первых, нельзя говорить о положительной роли религии и церкви в охране памятников старины. То, что вполне устраивало А.Н. Сахарова в 1972 году, в 1985 — было уже немыслимо. Во-вторых, вырезались высказывания уважаемых деятелей нашей культуры, не согласующиеся с сегодняшними представлениями о прошлом России. Так исчезли все цитаты Белинского, слова Лермонтова и Гоголя, Достоевского и А.Н.Островского, Чаадаева и Стасова, Хомякова и И.С.Аксакова. Особенно пострадал раздел IV. Целиком снято было заключение.

В 1986 году книга вышла под нейтральным заглавием «Страницы истории русской археологии». В 1990 году *Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры* переиздало очерк в полном варианте 1980 года. Откликов обе книги не вызвали. Разворачивалась «перестройка», люди были увлечены другим. Все же вскоре в журналах появились статьи о разрушении памятников культуры в СССР, о распродаже Эрмитажа. Я решил отнести свою рукопись в «Знамя». В.Я. Лакшин вернул мне ее, промолвив, что про взрыв Храма Христа Спасителя теперь и

так все знают. Не уверен, что он понял суть дела, но, видимо, и впрямь дальше возиться со старой книгой не стоит. Минуло более четверти столетия после ее написания.

Есть ли в таком случае смысл сохранить в архиве ее первоначальный полный текст? Ведь отношение к памятникам прошлого уже не то, что раньше, и наверху, и в более широких кругах. Реставрации идут полным ходом. Созданы общества охраны памятников истории и культуры. Все так, и тем не менее я не считаю книгу безнадежно устаревшей.

Во-первых, столь обширной подборки материалов по теме в нашей литературе пока что нет. Смотреть на собранные мною факты [Л. 10] можно по-разному, но все вместе взятые они имеют самостоятельную ценность.

Во-вторых, нельзя сказать, что разрушения остатков старины и произведений искусства всюду прекратились. Напомню хотя бы о судьбе «дома Фамусова» — особняка Римских-Корсаковых — в самом центре Москвы. Никакие протесты не спасли его, а в прессе было выражено удовлетворение сносом здания пушкинской поры³.

Реставрация ведется хотя и шире, чем прежде, но зачастую так плохо, что здания гибнут, а не возрождаются. Об этом писали в газетах в связи с тем, что творится в подмосковных Вяземах и Дубровицах, или в связи с уничтожением деревянной церкви Благовещения под Загорском.

Как и положено в «империи фасадов», восстановления превращаются порой в декорации. В Переславле-[Л. 11] Залесском, стоящем на туристском «Золотом кольце», у Никитского монастыря отремонтировали одну стену, обращенную к шоссе, по которому едут автобусы, а внутри — мерзость запустения. Так же подчищена и подкрашена только одна стена, тянущаяся по берегу Волги, у Макарьевского Желтоводского монастыря, чтобы пассажиры теплоходов могли издали любоваться творением русских зодчих.

Общества охраны памятников существуют, но действуют вяло. Ведь их члены не знают, куда идут взносы — на оплату аппарата общества — людей отправленных туда за ненужностью из каких-нибудь руково-

³ В. Каждая. Страсти на Страстной // Журналист, 1972, № 9. стр. 42, 43.

дящих органов, на ремонт ничем не примечательного дома, где как-то раз останавливался *Свердлов*, или на нечто более важное и нужное.

Проблема охраны культурного наследия будет стоять всегда. Считать ее решенной после принятия даже очень совершенных законов не приходится. Поэтому, как бы ни устарела моя работа, что-то, заслуживающее внимания, в ней останется.

За истекшие годы я внес в текст кое-какие добавки, но переписывать целые разделы заново не стал, хотя не на все вопросы гляжу сейчас так же, как десятилетия назад.

Мои коллеги, знакомившиеся с рукописью, упрекали меня в том, что кое-где я сгустил мрачные краски. Может быть это и так; но я поясню в начале, что пишу не историю охраны памятников в России, а исследую идеи, отразившиеся на состоянии этого дела. Но в том ли причина вандализма? — возражали мне. Разве председатель Витебского горсовета Сабельников, санкционировавший взрыв собора XII века, читал письмо К.Н. Батюшкова к Н.К. Гнедичу 1810 года: «Я за все русские древности не дам гроша»? — Конечно, не читал. Скорее всего и о писаревских

статьях он не имел представления. *Его вела объявленная большевиками еще при Ленине война с церковью и религией.* [Л. 12] Но только там, где Батюшков, Писарев и многие другие с нескрываемым пренебрежением говорили о культурном наследии, могли свершаться вандализмы такого масштаба.

Самому мне сейчас кажется, что, сосредоточившись на том, как в прошлом недооценивали произведения древнерусского искусства, я не придавал должного значения сохранению реликвий у наших предков. А это важное для темы явление, да и почтение к реликвиям — черта древняя, общечеловеческая (согласно К. Леви-Строссу, восходящая к тайникам с чурингами каменного века)⁴.

Немало наивного и в моих призывах к общественной активности. За последние годы в узкой сфере пропаганды памятников отечества она проявилась, но, как правило, получила вовсе не симпатичный мне шовинистический оттенок.

И все же я хочу, чтобы мою старую рукопись когда-нибудь извлекли из забвения. Прошу лишь, читая ее, не забывать в какой период и при каких обстоятельствах она готовилась.

⁴ C. Levi-Strauss. *La pensée Sauvage*. Paris, 1962, p. 34.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ФОРМОЗОВА

1. Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане // ВКФ. 1945. № 2 (5). С. 6–8.
2. Памятники древности Наурзумского заповедника // ВКФ. 1946. № 4 (13). С. 50–52.
3. Новые точки кельтеминарской культуры в Казахстане // ВКФ. 1946. № 5 (14). С. 24, 25.
4. Древности с Усть-Урта // Вестник Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата. 1947. № 7 (28). С. 59–61.
5. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане // КСИИМК. 1949. Вып. XXV. С. 49–58.
6. Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом // БКИЧП. 1950. № 15. С. 64–76.
7. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане // КСИИМК. 1950. Вып. XXXI. С. 141–147.
8. Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы и их семантика // СЭ. 1950. № 3. С. 171–176.
9. Стоянка Песочный ров на реке Десне: К вопросу о мезолитических культурах Восточной Европы // КСИИМК. 1950. Вып. XXXV. С. 42–54 (в соавт. с М.В. Воеводским).
10. Археологические памятники в районе Орска // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVI. С. 115–121.
11. К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИИМК. 1951. Вып. XXXIX. С. 3–18.
12. Книга о древней наскальной живописи в Узбекистане (Рец. на кн.: А. Рогинская. Зараут-сай. М.; Л.: Детгиз, 1950) // СЭ. 1951. № 3. С. 213–216.
13. Нижнепалеолитические местонахождения Прикубанья (по данным разведок 1950 г.) // КСИИМК. 1952. Вып. XLVI. С. 31–41.
14. Новые исследования стоянок первобытного человека в нашем районе // За сталинский урожай. Бахчисарай. 4. 09. 1952 г. № 61 (866). С. 2.
15. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками // ВДИ. 1953. № 1. С. 193–200.
16. Из истории передвижений групп первобытного человека в эпоху мезолита // СЭ. 1953. № 1. С. 168–172.
17. [Рец. на:] Ископаемый человек и его культура на территории СССР (Уч. зап. МГУ. 1952. Вып. 158) // СЭ. 1953. № 4. С. 156–158.
18. Возобновление полевых исследований по каменному веку Крыма // БКИЧП. 1953. № 18. С. 89–94.
19. Из новейшей литературы по палеолиту Казахстана и Средней Азии // БКИЧП. 1953. № 19. С. 90–92.
20. Важное открытие археологов // Крымская правда. Симферополь. 30. 10. 1953 г. № 21 (9363). С. 4.
21. Неолитическая керамика Нижнего Подонья // КСИИМК. 1954. Вып. 53. С. 134–138.

22. Исследования стоянок каменного века в Крыму в 1952 году // КСИИМК. 1954. Вып. 54. С. 62–70.
23. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР // СА. 1954. Т. XXI. С. 38–51.
24. Стоянка Староселье близ Бахчисарая — место находки ископаемого человека // СЭ. 1954. № 1. С. 11–22.
25. Находка остатков ископаемого человека в Крыму // Природа. 1954. № 7. С. 109–112.
26. Новые работы по каменному веку СССР (Рец.: Палеолит и неолит СССР // МИА. 1953. № 39) // ВДИ. 1954. № 3. С. 100–104.
27. Локальные варианты культуры эпохи мезолита Европейской части СССР: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954. 16 с.
28. Находка остатков ископаемого человека в Крыму // Переводы по палеонтологии. Пекин, 1955. № 2. С. 46–49 (на кит. яз.).
29. Изображения на плитах кромлеха из кургана у с. Вербовки (в связи с наскальными изображениями Каменной могилы) // КСИА АН УССР. 1955. Вып. 5. С. 71–74.
30. Сулянь цзишици вэнь хуа яньцзю (Изучение микролитических культур в СССР) // Каогу сюэбао. Шанхай, 1955. Т. X. С. 13–26 (на кит. яз.).
31. О времени возникновения различий между северными и южными культурами каменного века Русской равнины // КСИИМК. 1955. Вып. 59. С. 3–10.
32. Доандроновское погребение в Казахстане // КСИИМК. 1956. Вып. 63. С. 153–155.
33. Исследование погребенной пещеры в Крыму // Природа. 1956. № 7. С. 102–104.
34. Изучение нижнего палеолита СССР за последние десять лет (1946–1955) // Докл. сов. делегации на V Междунар. конгр. антропологов и этнографов. М., 1956. 25 с. (в соавт. с В.П. Любиным) (на рус. и фр. яз.)
35. [Рец. на кн.:] Всемирная история. М., 1955. Т. I // ВДИ. 1956. № 3. С. 49–62. (в соавт. с М.Н. Ботвинником, А. Меликешвили, Р.Н. Рубинштейн).
36. Некоторые итоги последних исследований палеолитических пещерных стоянок Крыма // Собрание по изучению карста: Тез. докл. М., 1956. Вып. 10. С. 10, 11.
37. О датировке неолитических стоянок Черноморского побережья Кавказа // КСИИМК. 1957. Вып. 67. С. 138–141.
38. Исследование памятников каменного века Крыма в 1954 г. // БКИЧП. 1957. № 21. С. 135–138.
39. [Рец. на кн.:] С.А. Сардарян. Палеолит в Армении. Ереван, 1954 // СА. 1957. Т. XXVII. С. 307–309.
40. О времени и исторических условиях сложения племенной организации // СА. 1957. № 1. С. 13–21.
41. Некоторые вопросы возникновения человеческого общества: По поводу статьи Б.Ф. Поршнева «Материализм и идеализм в вопросах становления человека» // СА. 1957. № 1. С. 256–260 (в соавт. с О.Н. Бадером, А.Я. Брюсовым, С.В. Киселевым).
42. Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? // СА. 1957. № 4. С. 66–74.
43. Новые данные о палеолитическом человеке из Староселья // СЭ. 1957. № 2. С. 124–130.
44. Новые мустьерские стоянки Крыма и их значение для стратиграфии палеолита СССР // Всесоюзное междудепартаментальное совещание по изучению четвертичного периода. Секция ископаемого человека: Тез. докл. М., 1957. С. 19, 20.
45. Клады каменных орудий на территории СССР // Archeologické rozhledy. Praha, 1958. Ročník X, sešit 5. С. 637–645.
46. Outillage microlithique du néolithique de la Crimée // Bulletin de la Société Préhistorique Française. Paris, 1958. Т. LV. № 5–6. Р. 263–267.
47. Материалы к изучению искусства эпохи бронзы юга СССР // СА. 1958. № 2. С. 137–142.
48. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите // МИА. 1958. № 71. 125 с. (Рец.: М.Д. Гвоздовер // Советская антропология. 1960. № 1. С. 151–153).
49. Проблема локальных различий в древнем палеолите СССР // Советская антропология. 1958. № 1. С. 33, 34.
50. О «капсийском характере» палеолита Кавказа: К вопросу о локальных вариантах культуры позднепалеолитического человека // КСИЭ. 1958. Вып. XXX. С. 159–165.

51. Древние историко-этнографические области Европейской части СССР (мезолит, неолит, энеолит) // СЭ. 1958. № 5. С. 17–30.
52. Дополнения к главам 1–3 // Очерки истории СССР: Первобытнообщинный строй и древнейшие государства. М., 1958. С. 15–93.
53. Этнокультурные области мезолита и неолита Европейской части СССР // Тез. докл. на пленуме ИИМК АН СССР, посвященном итогам археологических исследований 1957 года. М., 1958. С. 3–6.
54. Мустьерская стоянка Кабази в Крыму: Первый опыт изучения погребенных пещер в СССР // СА. 1959. Т. XXIX–XXX. С. 143–158.
55. Исследования по каменному веку Крыма в 1956 году // КСИИМК. 1959. Вып. 73. С. 39–47.
56. Использование подъемного материала с дюнных стоянок в археологических исследованиях // КСИИМК. 1959. Вып. 75. С. 85–89.
57. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959. 126 с.
58. К изучению неолита и энеолита Северного Кавказа // Тез. докл. на науч. сессии ИИЯЛ им. Г. Цадасы ДФ АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959. С. 31, 32.
59. Микролитические памятники Азиатской части СССР // СА. 1959. № 2. С. 47–59.
60. Сергей Николаевич Замятин // СА. 1959. № 2. С. 143–147.
61. [Рец. на кн.:] Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ, 1957 // СА. 1959. № 3. С. 236, 237 (в соавт. с Б.А. Рыбаковым и А.П. Смирновым).
62. [Рец. на кн.:] А.С. Амальрик, А.Л. Монгайт. Что такое археология? М.: Учпедгиз, 1957 // ПИШ. 1959. № 4. С. 116, 117.
63. Исследования памятников каменного века на Северном Кавказе в 1957 году // КСИИМК. 1960. Вып. 78. С. 13–21.
64. Кубанская экспедиция 1957 г. // СГЭ. 1960. Вып. XVIII. С. 56–58 (в соавт. с А.Д. Столяром).
65. Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае // СА. 1960. № 2. С. 103–114 (в соавт. с А.Д. Столяром).
66. Микролитические памятники Азиатской части СССР // Каогу. Пекин, 1960. № 4. С. 47–56 (на кит. яз.).
67. Использование кости на мустьерской стоянке Староселье в Крыму // *Archeologické rozhledy*. Praha, 1960. Ročník XII, sesit 3. С. 390–402 (в соавт. с М.Д. Гвоздовер).
68. Сбор костных остатков из палеолитических стоянок для изучения относительной хронологии // Сборник инструкций по взятию образцов для анализа археологических материалов методами естественных наук. М., 1960. С. 18–21.
69. О собирании археологических коллекций // ПИШ. 1960. № 3. С. 83–85.
70. Нужен настоящий путеводитель по памятникам старины // Ленинский путь. Самарканд. 27. 10. 1960 г. № 236 (5960). С. 2.
71. *Mezolityczne i neolityczne obszary kulturowo-etniczne Europejskiej części ZSRR // Prace i materiały Muzeum Archeologicznego i etnograficznego w Łodzi*. Łódź, 1960. С. 5–24 (Ser. archeologiczna. № 5).
72. Древнее население Кавказа и его культура [Дополнения к разделу] // Народы Кавказа. М., 1960. С. 33–60 (Сер. «Народы мира»).
73. Археологические исследования пещер в верховьях реки Белой в Краснодарском крае // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961. Т. II. С. 39–72.
74. Открытие свидерской стоянки в Румынии и проблема южных связей и даты свидерской культуры // СА. 1961. № 2. С. 268–270.
75. Образ человека в памятниках первобытного искусства с территории СССР // Вестник истории мировой культуры. М., 1961. № 6 (30). С. 103–112.
76. Очерки по истории русской археологии. М., 1961. 128 с. (Рец.: А.Л. Монгайт // ВИ. 1963. № 4. С. 130–132; 3. Ш-ой // Возрождение. Париж, 1962. № 127. С. 129, 130; F. H. [F. Hančar] // *Jahrbuche für Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden, 1965. Bd. 13: 3. S. 168, 169).
77. [Рец. на:] Проблемы истории первобытного общества (ТИЭ. 1960. Т. LIV) // СЭ. 1961. № 5. С. 168–173 (в соавт. с В.М. Бахтой).
78. *Micro lithic sites in the Asiatic USSR // American Antiquity*. Menasha, 1961. Vol. 27, № 1. P. 82–92 (перевод № 59).
79. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа (материалы к изучению неолита Юга СССР) // МИА. 1962. № 102. С. 89–149.

80. [Рец. на:] Н.А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР (МИА. 1960. № 81) // СА. 1962. № 3. С. 315–318.
81. Относительная хронология древнего палеолита Прикубанья // СА. 1962. № 4. С. 17–27.
82. О хозяйстве племен майкопской культуры Прикубанья // КСИА. 1962. Вып. 88. С. 27–32.
83. Кубанская экспедиция 1959–1960 годов // СГЭ. 1962. Вып. XXII. С. 49–54 (в соавт. с А.Д. Столяром).
84. Периодизация поселений майкопской культуры // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 31–42.
85. Мезолитические племена Европейской части СССР // История СССР в 12 томах: Проект. Т. I: Первобытнообщинный строй, рабовладельческий строй, первые феодальные государства. М., 1963. С. 66–73.
86. Предисловие // П.У. Аутлев. Абадзехская палеолитическая стоянка. Майкоп, 1963. С. 3, 4.
87. Новое о южных связях майкопской культуры // КСИА. Вып. 93. 1963. С. 34–37.
88. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе // СА. 1963. № 4. С. 183–187.
89. [Рец. на кн.:] D.G. Messerschmidt. *Forshungsreise durch Sibirien 1720–1727*. Herausgegeben von E. Winter. Berlin, 1962. Teil I // СЭ. 1963. № 2. С. 171–173.
90. Сосуды со знаками эпохи энеолита и бронзы и история письменности (в связи с выходом книги В.А. Истрина «Развитие письма») // ВДИ. 1963. № 2. С. 180–183.
91. The petroglyphs of Kobystan and their chronology // *Rivista di Scienze preistoriche*. Firenze, 1963. Vol. XVIII. Fasc. 1–4. P. 91–114.
92. Неолит и энеолит Северо-Западного Кавказа в свете последних исследований // СА. 1964. № 3. С. 8–20.
93. Puszkin i Chodakowski // *Slavia Orientalis*. Warszawa, 1964. Rocznik XIII, № 1. P. 11–16.
94. Палеолитические стоянки в пещерах Прикубанья // КСИА. 1964. Вып. 98. С. 9–16.
95. Распространение мустьерских стоянок двух типов в Европейской части СССР // VII Междунар. конгресс антропол. и этнограф. наук. М., 1964. 7 с.
96. Новые поселения майкопской культуры в Прикубанье // КСИА. 1964. Вып. 101. С. 102–110 (в соавт. с Е.Н. Черных).
97. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965. 160 с.
98. Вулканическое стекло из стоянок каменного века в Краснодарском крае и Чечено-Ингушетии // *Археология и естественные науки*. М., 1965. С. 167–170 (в соавт. с В.В. Наседкиным).
99. Материалы по истории русских музеев // СА. 1965. № 4. С. 278–280.
100. К 60-летию Георгия Францевича Дебеца // СА. 1965. № 4. 242–244.
101. [Рец. на кн.:] Ю.И. Семенов. Возникновение человеческого общества. Красноярск, 1962 // ВФ. 1965. № 6. С. 182, 183.
102. Камень «Щеглец» близ Новгорода и камни-«следовики» // СЭ. 1965. № 5. С. 130–138.
103. «Отечественные записки» — первый русский историко-археологический журнал // Тез. докл. сов. делегации на 1 Междунар. конгрессе славян. археологии в Варшаве. М., 1965. С. 84.
104. Предисловие [к статье В. Стеценко. Письмена мертвой пустыни] // ВС. 1965. № 5. С. 15.
105. О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья // СЭ. 1965. № 6. С. 177–181.
106. The rock paintings of Zaraut-Kamar, Uzbekistan // *Rivista di Scienze preistoriche*. Firenze, 1965. Vol. XX. Fasc. 1. С. 63–83.
107. О наскальных изображениях Зараут-камара в ущелье Зараут-сай // СА. 1966. № 4. С. 14–26.
108. Мезолитические племена на территории Восточной Европы // История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. I. С. 35–40.
109. Paleolithicum // *Historische Schatten uit de Sowjet-Unie*. Naage, 1966. S. 17, 18.
110. Mesolithicum en Neolithicum // Там же. S. 19, 20.
111. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1966. 128 с. (Рец.: М.Д. Гвоздовер // НМ. 1967. № 4. С. 280–281; Н. Натанов [Н.Я. Эйдельман]. С глубокой признательностью // ЗС. 1967. № 4. С. 41–43; З.И. Ямпольский. Полнее учитывать новые наблюдения // Изв. АН Азербайджанской ССР.

Сер. ист., филос. и права. 1966. № 4. С. 115, 116)

112. Пушкин, Чаадаев и Гулянов // ВИ. 1966. № 8. С. 212–214.

113. [Рец. на кн.:] С.А. Токарев. История русской этнографии: Дооктябрьский период. М., 1966 // СЭ. 1966. № 6. С. 135–139.

114. Первый русский историко-археологический журнал // ВИ. 1967. № 4. С. 208–212.

115. Paläolithikum // Historische Schätze aus der Sowjet-Union. Essen, 1967. S. 17, 18.

116. Mesolithikum und Neolithikum // Там же. S. 21, 22.

117. Paläolithikum // Historische Schätze aus der Sowjet-Union. Zürich, 1967. S. 17, 18.

118. Mesolithikum und Neolithikum // Там же. S. 19, 22.

119. О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее // СЭ. 1967. № 3. С. 68–82.

120. Наскальные изображения в Центральной Туве // АО 1966 г. М., 1967. С. 133, 134.

121. К 60-летию М.М. Герасимова // СА. 1967. № 3. С. 212–214.

122. Следы, мифы, догадки // ЗС. 1967. № 9. С. 44–46.

123. О наскальном барельефе близ с. Буша в Поднестровье // СА. 1968. № 2. С. 103–110.

124. Про наскальний барельєф поблизу с. Буша в Подністров'ї // Матеріали другої Подільської історико-краєзнавчої конференції. Львів, 1968. С. 112, 113.

125. Из истории Кунсткамеры // ВИ. 1968. № 5. С. 214–216.

126. Очерки по первобытному искусству: Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М., 1969. 256 с. (Рец.: В. Brentjes // *Bibliotheca orientalis. Leiden, 1971. Jahrgang XXVIII, № 1/2. S. 109–111*; Н.Л. Подольский // СА. 1973. № 3. С. 365–375; А.Д. Столяр // СА. 1974. № 4. С. 304–315; З.И. Ямпольский. У истоков искусства нет религии // Изв. АН Азербайджанской ССР. Сер. литературы, языка и искусства. 1970. № 1. С. 111, 112; З.И. Ямпольский. Замечания к книге // Баку. 19. 12. 1969 г. С. 2)

127. «Волшебные фигурки» первобытного человека // ВИ. 1969. № 4. С. 218–220.

128. Новые польские книги по истории археологии // СА. 1969. № 3. С. 286–289.

129. Всемирно-исторический масштаб или анализ конкретных источников? // СЭ. 1969. № 4. С. 99–106.

130. Историзм русской литературы (рец. на кн.: Л.В. Черепнин. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968) // НМ. 1969. № 4. С. 267–271.

131. Искусство эпохи мезолита и неолита // МИА. 1970. № 166. С. 194–205.

132. Предисловие // Там же. С. 5–7.

133. О термине «мезолит» и его эквивалентах // СА. 1970. № 3. С. 6–11.

134. Эпический сюжет в причерноморском искусстве бронзового века // КСИА. 1970. Вып. 123. С. 48–50.

135. Распространение мустьерских стоянок двух типов в Европейской части СССР // Тр. VII Междунар. конгресса антропол. и этнограф. наук. М., 1970. Т. VII. С. 463–466.

136. Тиражи исторических изданий первой половины XIX века в России // ВИ. 1970. № 2. С. 192–196.

137. Об историческом месте неолитической культуры Левобережной Украины (в связи с выходом в свет книги Д.Я. Телегина «Днепро-донецкая культура») // СА. 1970. № 1. С. 280–283.

138. О.А. Кривцова-Гракова // СА. 1970. № 4. С. 322, 323.

139. Предисловие // В.И. Цалкин. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970. С. 3–6.

140. Вениамин Иосифович Цалкин (1903–1970) // Зоологический журнал. 1970. Т. 40. Вып. 1. С. 1589–1591 (в соавт. с А.А. Насимовичем).

141. Каменноостская пещера — многослойная стоянка в Прикубанье // МИА. 1971. № 173. С. 100–116.

142. [Введение к разделу «Искусство первобытного общества»] // История искусств народов СССР. Т. I: Искусство первобытного общества и древнейших государств на территории СССР. М., 1971. С. 7–10.

143. Наскальные изображения Средней Азии // Там же. С. 31–33.

144. Наскальные изображения Кавказа // Там же. С. 47, 48.

145. Искусство неолита и бронзового века в степной полосе Северного Причерноморья // Там же. С. 54–56.

146. Первые научные раскопки в Нижнем Поволжье // СА. 1971. № 1. С. 191–193.
147. О сибирских чертах в палеолите и мезолите Восточной Европы // Вопросы антропологии. 1971. Вып. 37. С. 77–83.
148. Поселения Адыгеи эпохи раннего металла // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1972. Т. III. С. 5–29.
149. Новые памятники первобытной культуры в районе Кавказских Минеральных Вод // КСИА. 1972. Вып. 132. С. 70–73 (в соавт. с А.П. Руничем).
150. «Notes du pays» de P.P. Svin'in — premier journal russe historique et archéologique // I międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. Warszawa, 14–18. 09. 1965. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1972. T. VII. S. 77–88.
151. О роли закаспийского и приаральского мезолита и неолита в истории Европы и Азии // СА. 1972. № 1. С. 22–35.
152. К истории древнейшего скотоводства на Юге СССР // Основные проблемы террологии: Эволюция, зоогеография, экология и морфология млекопитающих и происхождение домашних животных. М., 1972. С. 19–25. (ТМОИП. Т. XLVIII.)
153. Первый собиратель каменных орудий в России // ВИ. 1972. № 1. С. 213–216.
154. Развитие локальных вариантов и спорные проблемы этнокультурной истории каменного века // Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1972. Вып. 2. С. 12–14.
155. Спорные проблемы в этнокультурной истории каменного века // Каменный век Средней Азии и Казахстана: Тез. докл. Ташкент, 1972. С. 11–15.
156. Время возникновения локальных вариантов и археологических культур в каменном веке // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии: Сб. памяти М.М. Герасимова. М., 1973. С. 115–126.
157. О соотношении неолитических и энеолитических культур Кавказа // КСИА. 1973. Вып. 137. С. 36–41.
158. Eelajaloolise kunsti mälestusmärgid NSV lidu territooriuml. Tallinn, 1973. 126 с.
159. Распространение сегментов и трапезий в каменном веке Европейской части СССР // СА. 1973. № 1. С. 235–239.
160. Мезолитические и неолитические орудия Европейской части СССР и проблемы этнической истории // IX Междунар. конгресс антропол. и этнограф. наук: Докл. сов. делегации. М., 1973. 14 с.
161. О месте наскальных изображений в истории искусства // Проблемы археологии Урала и Сибири: Сб. статей, посвящ. памяти В.Н. Чернецова. М., 1973. С. 273–279.
162. Цена ошибки: [Очерк об И.И. Срезневском из неопубликованной книги «Человек и наука»] // ЗС. 1973. № 6. С. 38, 39.
163. Новые книги о наскальных изображениях в СССР (обзор публикаций 1968–1972 г.) // СА. 1973. № 3. С. 257–265.
164. Нальчикский курган // ВИ. 1973. № 12. С. 209–212.
165. Археологические ландшафты // Пути в неизвестное: Писатели рассказывают о науке. Сборник десятый. М., 1973. С. 339–368.
166. Об изображении на костяном топорике из Дударкова // СА. 1974. № 2. С. 249–252.
167. Археология в Академии наук // СА. 1974. № 2. С. 3–13.
168. Пушкин и Ходаковский // Прометей: Ист.-биограф. альманах серии «Жизнь замечательных людей». М., 1974. Т. 10. С. 100–105.
169. Археологические путешествия. М., 1974. 120 с. (Рец.: Природа. 1975. № 11. С. 124)
170. Древнейшее прошлое Европы (Рец. на кн.: А.Л. Монгайт. Археология Западной Европы. В 2-х тт. М., 1973–1974) // НМ. 1974. № 9. С. 279–281.
171. Первая библиотека в Великих Луках // Великолукская правда. 22. 01. 1974 г. № 15 (12459). С. 2.
172. The most important recent archaeological discoveries made in European Russia // Recent Archaeological Excavations in Europe. London; Boston, 1975. P. 188–266 (в соавт. с Р.Л. Розенфельдом, Б.А. Рыбаковым, Е.Н. Черных, Д.Б. Шеловым).
173. К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX века // СА. 1975. № 1. С. 171–175.
174. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии // СА. 1975. № 4. С. 5–13.
175. Из переписки писателей-натуралистов (письма В.К. Арсеньева и Эрнеста Томпсона-

Сетона // БМОИП. Отд. биолог. 1975. Т. LXXX. Вып. 1. С. 31–36.

176. История термина «археология» // ВИ. 1975. № 8. С. 214–218.

177. Поиски гробницы Овидия // НиЖ. 1975. № 11. С. 156–159.

178. Монгайт Александр Львович // СА. 1975. № 2. С. 318.

179. Искусство каменного и бронзового веков // Триста веков искусства. Искусство Европейской части СССР. М., 1976. С. 6–27 (в соавт. с А.Д. Столяром).

180. К характеристике палеолитического поселения Мальта // СА. 1976. № 2. С. 205–210.

181. Неопубликованные произведения искусства палеолитической стоянки Мальта // СА. 1976. № 4. С. 180–184.

182. Памяти А.Л. Монгайта // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 110–112.

183. Предисловие // В.И. Мошинская. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976. С. 3–8.

184. Когда и как складывались современные представления о памятниках русской истории // ВИ. 1976. № 10. С. 203–209.

185. Легенда о гробнице Овидия в русской литературе // ВДИ. 1976. № 4. С. 122–130.

186. О работах А.Д. Столяра по палеолитическому искусству и критике их Р.Я. Журовым // СЭ. 1976. № 1. С. 91–94.

187. Введение; Искусство каменного и бронзового веков; Резюме; Аннотации к таблицам раздела «Искусство каменного и бронзового веков» // А.М. Беленицкий, В.П. Даркевич, А.А. Формозов, И.В. Яценко. Произведения искусства в новых находках советских археологов. М., 1977. С. 5, 6–41, 196–198, 199–202.

188. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М., 1977. 144 с.

189. О критике источников в археологии // СА. 1977. № 1. С. 5–14.

190. «...И мамонта, могуч и страшен, на битву равную охотник вызывал»: Две страницы из истории формирования представлений о первобытном обществе в России // Природа. 1977. № 5. С. 157–160.

191. От составителя; Примечания // А.Н. Формозов. Среди природы: Избранные научно-художественные произведения. М., 1978. С. 5–8, 255–260.

192. Новые книги о наскальных изображениях Кавказа и Средней Азии (обзор публикаций 1973–1976 гг.) // СА. 1978. № 3. С. 270–275.

193. О работах А.Д. Столяра по палеолитическому искусству и критике их Р.Я. Журовым // Soviet Anthropology and Archaeology: Selected Articles from Soviet Journals in English Translations. New York, 1978. Vol. LVI. № 3–4 (на англ. яз.).

194. Дендроглифы и геоглифы // ВИ. 1978. № 4. С. 216–218.

195. Археология и архивы: К вопросу об изучении археологической документации // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 38–48.

196. Пушкин и древности: Наблюдения археолога. М., 1979. 120 с. (Рец.: Н.Я. Эйдельман. Поэт — «историк строгой» // НМ. 1960. № 8. С. 259–262; Э.И. Хантура // Вопросы литературы. 1981. № 10. С. 263–269)

197. Пушкин и древности юга России // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. IX. С. 195–206.

198. О некоторых задачах и спорных проблемах в исследовании памятников первобытного искусства // СА. 1979. № 3. С. 5–15.

199. Заметки о Пушкине (комментарий археолога): 1. О гробнице Овидия; 2. К спору Пушкина и Рылеева о щите Олега; 3. «Археолог» в послании П.А. Катенина «А.С. Пушкину» // Временник Пушкинской комиссии АН СССР — 1976. Л., 1979. С. 131–134.

200. Памятники первобытного искусства на территории СССР. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 1980. 136 с.

201. [Рец. на кн.:] В.И. Марковин. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978 // СА. 1980. № 3. С. 317–321.

202. Александр Николаевич Формозов (1899–1973). М., 1980. 152 с. (Рец.: Природа. 1981. № 1. С. 126; Охота и охотничье хозяйство. 1981. № 2. С. 23; Г.Н. Симкин // БМОИП. Отд. биолог. 1981. Т. 86. Вып. 4. С. 114, 115)

203. О музеях-заповедниках // Актуальные проблемы музейного строительства: Музей и посетитель. М., 1981. С. 126–128 (Тр. НИИ культуры МК РСФСР. Вып. 101).

204. К истории археологических раскопок в Киеве в начале XIX века // СА. 1981. № 1. С. 312, 313.

205. Собиратели каменных орудий в России в середине XIX века // СА. 1981. № 3. С. 97–106.
206. К столетию «Археологии России» А.С. Уварова // Природа. 1981. № 12. С. 61–69.
207. Проблема древнейшего человека в русской печати XIX столетия (наука, церковь, цензура) // СА. 1982. № 1. С. 5–20.
208. Новая книга о пещере Ласко. (Рец. на кн.: Arl. Leroi-Gurhan, J. Allain. Lascaux inconnu. XII suppléments à Gallia Préhistoire. Paris, 1979) // СА. 1982. № 3. С. 250–254.
209. «Намерен писать картину»: К истории создания картины К.Е. Маковского «Призыв Минина» // Горьковский рабочий. 20.09.1982 г. № 216 (9635). С. 3.
210. Начало изучения каменного века в России. М., 1983. 128 с.
211. Первый опыт комплексного исследования памятников первобытной культуры в России // Природа. 1983. № 1. С. 82–89.
212. К проблеме «очагов первобытного искусства» // СА. 1983. № 3. С. 5–13.
213. Молодой Забелин // Куранты: Ист.-краевед. альманах. М., 1983. С. 220–231.
214. Забелин и Некрасов // ВИ. 1983. № 6. С. 182–184.
215. Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984. 240 с. (Рец.: А. Гельман // ВИ. 1985. № 4. С. 136; И. Смирнов. Иван Егорович Забелин и его книги // ЗС. 1985. № 3. С. 48; А. Соловьев. Книжный мир историка Забелина // Альманах библиофила. 1986. Т. XX. С. 312–315; А.М. Турков. Крутая лестница // Известия. 16. 05. 1984 г. № 137 (20848). С. 3; А.В. Ушаков // НМ. 1985. № 9. С. 270, 271; М. Фрейденберг. Исследователь жизни народной // Калининская правда. 27. 12. 1984 г. № 207 (20419). С. 4)
216. Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла // СА. 1984. № 4. С. 238–241.
217. Как смотрели на памятники старины и их охрану // Памятники Отечества. 1984. № 2. С. 136–138.
218. Что такое наскальные изображения (главы из книги) // Панорама искусств. М., 1985. Т. 8. С. 22–46.
219. Воспоминания И.Е. Забелина о Т.Н. Грановском // Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985. С. 100–105.
220. От составителя; Примечания // А.Н. Формозов. Среди природы: Избранные научно-художественные произведения. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1985. С. 5–9, 278–285.
221. Общее и особенное в сложении археологии как науки в России // СА. 1985. № 1. С. 5–8.
222. Документ по истории русской археологии начала XIX в. // СА. 1985. № 3. С. 267–270.
223. Революционер-шестидесятник М.Л. Михайлов о первобытных людях // СЭ. 1985. № 6. С. 73–76.
224. Страницы истории русской археологии. М., 1986. 240 с.
225. Судьба книги [д'Эрвилли «Приключения доисторического мальчика»] // Детская литература. 1986. № 4. С. 39–43.
226. Позднее прозрение [очерк в серии «Библиография в моей жизни»] // Советская библиография. 1986. № 3. С. 57–61.
227. Наскальные изображения и их изучение. М., 1987. 108 с.
228. К биографии А.А. Спицына // СА. 1987. № 2. С. 262–264.
229. Актер с Вятки [Н.М. Падарин] // Кировская правда. 11. 08. 1987 г. № 184 (22237). С. 4.
230. К проблеме письменности у племен Северного Причерноморья в эпоху раннего металла // Studia praehistorica. Sofia, 1988. Т. 9. Р. 147–178. (В соавт. с В.В. Отрошенко.)
231. Следопыты земли Московской. М., 1988. 142 с. (Рец.: В.А. Бердинских // НМ. 1989. № 5. С. 270, 271)
232. О двух документах 1860-х годов, касающихся древнерусской архитектуры // СА. 1988. № 2. С. 132–137.
233. Историк Москвы и русского быта Иван Егорович Забелин // Иван Егорович Забелин: Библиографический указатель. М., 1988. С. 8–19.
234. Памятники материальной культуры в исторических изысканиях Гоголя // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Второй обл. науч.-практ. семинар: Тез. докл. Полтава, 1989. С. 100, 101.
235. Русское общество и охрана памятников культуры. Изд. 2-е, доп. М., 1990. 112 с. (Рец.: В. Семibrатов. О памятниках // Кировская правда. 13. 02. 1991 г. № 31 (21284). С. 3)
236. Историческая наука в 20–30-е годы: «Круглый стол» Научного совета по историографии и источниковедению (выступление) //

- История и историки. М., 1990. С. 76, 77.
237. Классики русской литературы и историческая наука (некоторые наблюдения) // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: Тез. докл. семинара. М., 1990. Вып. II. С. 271–273.
238. Александр Блок читает книгу о первобытном человеке // СЭ. 1990. № 6. С. 123–127.
239. Spitsyn A.A. // *Great Historians of the Modern Age: An International Dictionary*. New York; Westport; Connecticut; London, 1991. P. 575, 576.
240. Uvarov A.S. // Там же. P. 581, 582.
241. Предисловие // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991. С. 3–8.
242. Уральский археолог М.В. Малахов // Там же. С. 70–80.
243. Уралец Малахов // ВИ. 1991. № 4–5. С. 71–74.
244. Литературная судьба книги «Урядник сокольничья пути» // МЖ. 1991. № 8. С. 27–29.
245. Об историке России и Москвы [И.М. Снегиреве] // МЖ. 1992. № 1. С. 30, 31.
246. И.Е. Забелин и А.Н. Островский // МЖ. 1992. № 3. С. 57–59.
247. И.Е. Забелин и А.Н. Островский // Чтения памяти В.Б. Кобрин. Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. М., 1992. С. 185, 186.
248. «Город ведать» у Пушкина // МЖ. 1992. № 4. С. 59.
249. [Предисловие к публикации:] А.А. Зимин «Слово о полку Игореве» (фрагменты книги) // ВИ. 1992. № 6–7. С. 96–103.
250. [Рец. на кн.:] Краеведы Москвы. М., 1991 // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 118, 119.
251. Феномен «Синописа» (из книги «Человек и наука») // Вестник новой литературы. СПб., 1992. № 4. С. 250–261.
252. Сервизизм (из книги «Человек и наука») // Там же. С. 262–266.
253. Рассказ В.П. Боткина о московских кружках 1830-х годов в записи И.Е. Забелина // МЖ. 1992. № 11–12. С. 71.
254. К датировке восточно-сибирских писаниц // Петр Алексеевич Кропоткин: гуманист, ученый, революционер: Тез. докл. Чита, 1992. С. 50, 51.
255. Археология и идеология (20–30-е годы) // ВФ. 1993. № 2. С. 70–82.
256. История уральской археологии — проблемы изучения // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII УАС. Екатеринбург, 1993. С. 207.
257. А.С. Уваров и его место в истории русской археологии // РА. 1993. № 3. С. 228–245.
258. «Процветают ли науки и искусства, им и горя мало...» [Гл. о М.Е. Салтыкове-Щедрине из кн. «Классики русской литературы и историческая наука»] // ЗС. 1993. № 8. С. 47–55.
259. Два очерка из истории отечественной культуры: А.К. Толстой и Н.И. Костомаров // Аequinox. МСМХСШ. М., 1993. С. 196–204.
260. Первым бросивший камень (из книги «Человек и наука») // Там же. С. 204–211.
261. Книги об отечественных археологах // РА. 1993. № 4. С. 249–252.
262. Про «Историю малороссийских казаков» Н.В. Гоголя // Казацькі старожитності Полтавщини: Зб. наук. праць. Полтава, 1993. Вип. 1. С. 85–92.
263. Эпизоды из жизни историка Забелина // МЖ. 1993. № 11. С. 59–61.
264. [Тексты в кн.:] Художественная культура первобытного общества: Хрестоматия. СПб., 1994. С. 16, 18–20, 22, 23, 274, 275, 277, 283, 284, 330, 332–334, 336–338, 378.
265. О периодизации энеолитических поселений Прикубанья // РА. 1994. № 4. С. 44–53.
266. О периодизации истории отечественной археологии // РА. 1994. № 4. С. 219–225.
267. Еще раз о наскальном барельефе у с. Буша // Археологія. 1994. № 3. С. 136–138.
268. Об одной детали в «Войне и мире» // МЖ. 1994. № 9. С. 12.
269. А.С. Уваров и его роль в истории русской археологии // Уваровские чтения — II. Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность. М., 1994. С. 3–32.
270. Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995. 160 с. (Рец.: С.П. Щавелев // ВИ. 1998. № 5. С. 156–158)
271. Русские археологи до и после революции. М., 1995. 114 с.

272. Коротко об авторах // Антология советской археологии (1917–1933). М., 1995. Т. I. С. 154–164, сост., подгот. текстов.
273. Введение; Коротко об авторах // Антология советской археологии (1930-е годы). М., 1995. Т. II. С. 3–10, 218–221, 223–232, сост., подгот. текстов.
274. П.Н. Милюков и археология // Россия в X–XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения: Тез. докл. М., 1995. Ч. II. С. 612, 613.
275. П.Н. Милюков и археология // РА. 1995. № 2. С. 209–216.
276. О книге Л.С. Клейна «Феномен советской археологии» и самом феномене // РА. 1995. № 3. С. 225–232.
277. С.В. Киселев — советский археолог 1930–1950-х гг. // РА. 1995. № 4. С. 151–162.
278. Археология на страницах «Журнала Министерства внутренних дел» 1830–1860 гг. // Санкт-Петербург и отечественная археология: Историографические очерки. СПб., 1995. С. 28–35.
279. Артист Малого театра Николай Падарин // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера: К 450-летию преподобного Трифона вятского чудотворца: Мат. Междунар. науч. конф. Киров, 1996. Т. II. С. 410–422.
280. Коротко об авторах // Антология советской археологии (1941–1956). М., 1996. Т. III. С. 242–256, сост., подгот. текстов.
281. Письмо в журнал «Current Anthropology» об американско-украинских раскопках в Староселье // CurA. 1996. Vol. 37. P. 114, 115.
282. К столетнему юбилею В.И. Равдоникаса // РА. 1996. № 3. С. 197–202.
283. Старая историческая литература на сегодняшнем книжном рынке России // Книжное обозрение. 23. 04. 1996 г. № 2. С. 197–202.
284. Über das Buch von L.S. Klejn «Das Phänomen der sowjetischen Archäologie» und über das Phänomen selbst // Lew S.Klejn. Das Phänomen der sowjetischen Archäologie: Geschichte, Schulen, Protagonisten [так у Клейна — С.К.] / Übersetzt von D. Schorkowitz unter Mitwirkung von W. Kulik. Frankfurt am Main; Berlin: Peter Lang, 1997. S. 366–383.
285. О старых и новых раскопках пещеры Староселье в Крыму (письмо в редакцию) // РА. 1997. № 3. С. 167–175.
286. О немецком краеведении в Нижнем Поволжье // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южно-русских степей: Мат. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997). Саратов, 1997. С. 20, 21.
287. Примечания // А.Н. Формозов. Среди природы. Изд. 3-е, испр. и доп. Новосибирск, 1997. С. 245–254, сост., подгот. текстов.
288. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х годов // РА. 1998. № 3. С. 191–206.
289. Предисловие // Очерки истории отечественной археологии. М., 1998. Вып. II. С. 3–11.
290. М.Е. Фосс и проблема неолитических культур // Там же. С. 214–230.
291. О святилище в Игнатиевской пещере на Урале // Polytron: К семидесятилетию В.Н. Топорова. М., 1998. С. 871–874.
292. Памяти Аскольда Александровича Щепинского (1926–1997) // РА. 1998. № 4. С. 245–247 (в соавт. с А.Д. Столяром).
293. Александр Николаевич Промптов (1898–1948) // Московские орнитологи. М., 1999. С. 375–399.
294. Академия истории материальной культуры как центр советской исторической мысли в 1932–1934 годах // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв. Брянск, 1999. С. 5–32.
295. Памятники первобытной культуры и русская история (к постановке проблемы) // Евразийские древности: 100 лет Б.Н. Гракову (архивные материалы, публикации, статьи). М., 1999. С. 305–309.
296. П.Н. Милюков и археология // Россия в IX–XX вв.: Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 484, 485.
297. М.Е. Фосс и проблема неолитических культур // РА. 1999. № 3. С. 181–192.
298. Пушкин и древности: Наблюдения археолога. Изд. 2-е, доп. М., 2000. 144 с.
299. О датировке росписей в Игнатиевской пещере на Урале // РА. 2000. № 1. С. 215–217.
300. Исторические опыты И.Н. Муравьева // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Докл. и сообщ. науч. конф. М., 2000. С. 183, 184.

301. Исторические опыты И.Н. Муравьева // Источниковедение и краеведение в культуре России. М., 2000. С. 374.
302. Иван Егорович Забелин: Очерк жизни и творчества // Иван Забелин. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 2001. Т. II. С. 569–772.
303. Муромские исследователи каменного века // РА. 2001. № 2. С. 144–149.
304. Муромские исследователи каменного века // Уваровские чтения — III: Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность. Муром, 2001. С. 228–234.
305. Необычная судьба книги о первобытном человеке // РА. 2001. № 4. С. 168–170.
306. Предисловие // Очерки истории отечественной археологии. М., 2002. Вып. III. С. 3–7.
307. О Петре Петровиче Ефименко (материалы к биографии) // Там же. С. 73–126.
308. Памяти Хавы Иосифовны Крис (1921–2001) // РА. 2002. № 2. С. 186, 187 (в соавт. с К.А. Смирновым).
309. [Рец. на кн.:] Дневник и «записные книжки» И.Е. Забелина // РА. 2002. № 3. С. 176, 177.
310. Древнейшие этапы истории Европейской России. М., 2002. 154 с.
311. Выступление на заседании «круглого стола», организованного редакцией журнала «Российская археология» по проблеме «Незаконные раскопки и археологическое наследие России» // РА. 2002. № 4. С. 78, 79.
312. Заметки археолога о романах Юрия Домбровского // Тыняновский сборник. М., 2002. Вып. 11. С. 497–508.
313. О Татьяне Сергеевне Пассек // РА. 2003. № 3. С. 156–165.
314. Вспоминая В.И. Цалкина // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В.И. Цалкина. М., 2003. С. 215–220.
315. А.К. Толстой и А.С. Уваров // Уваровские чтения — V. Муром, 2003. С. 244–245.
316. Роль Н.Н. Воронина в защите памятников культуры России // РА. 2004. № 2. С. 173–180.
317. Историография русской археологии на рубеже XX–XXI веков: Обзор книг, вышедших в 1997–2003 годах // А.А. Формозов. Историография русской археологии на рубеже XX–XXI веков. Курск, 2004. С. 10–54.
318. К истории исследования Авдеевской палеолитической стоянки // Там же. С. 54–63.
319. Следы знакомства с «Историей» Геродота в древнерусской литературе // Памятники археологии и древнего искусства Евразии: Сб. статей памяти В.В. Волкова. М., 2004. С. 187, 188.
320. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2004. 316 с.
321. Исторические сочинения Н.Г. Леклерка и П.Ш. Левека и русская историография // Восточная Европа в средневековье: Сб. к 80-летию В.В. Седова. М., 2004. С. 57, 58.
322. Рассказы об ученых. Курск, 2004. 122 с.
323. Человек и наука: Из записей археолога. М., 2005. 223 с.
324. История раскопок палеолитической стоянки Староселье // На пошану С.С. Березаньской. Київ, 2005. С. 30–37.
325. Судьба «Записок» историка С.М. Соловьева // От древней Руси к новой России: Юбилейный сб., посвящ. Я.Н. Щапову. М., 2005. С. 352–360.
326. Люди ищут клады: Послесловие // В.А. Бердинских. История кладоискательства в России. М., 2005. С. 234–238.
327. Александр Владимирович Виноградов // РА. 2005. № 3. С. 186–189 (в соавт. с Л.Т. Яблонским).
328. Триада жизнедеятельности А.Д. Столяра // In situ: К 85-летию А.Д. Столяра. СПб., 2006. С. 4–9.
329. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. Изд. 2-е, доп. М., 2006. 342 с.
330. Слово об историке; Письмо к В.А. Бердинских, 1987 г. // В.А. Бердинских: историк и писатель: Библиографический указатель. Киров, 2005. С. 8–9, 66–68.
331. Александр Николаевич Формозов: Жизнь русского натуралиста. Изд. 2-е, доп. М., 2006. 208 с.
332. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. Изд. 2-е, доп. М., 2007. 183 с.
333. К истории баллотировки В.А. Городцова на выборах в Академию наук СССР в 1938 г. // EYXAPICTHPION: Антиковедческо-

историографический сборник, посвящ. памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). СПб., 2007. С. 251–258.

334. О письмах Гектора Берлиоза к В.Ф. Одоевскому // Там же. С. 279–282.

335. Ответы на анкету «Историки России. Особенности научной работы» // В.А. Бердинских. Вятские историки: Ремесло историка в России. Киров, 2007. С. 206–210.

336. Отчет об археологических исследованиях в Краснодарском крае в 1960 г. // Мешоко — древнейшая крепость Предкавказья:

А.Д. Столяр, А.А. Формозов. Отчеты Северокавказской экспедиции Государственного Эрмитажа 1958–1965 гг. СПб., 2009. С. 40–61.

337. On the Klejn's book «*The phenomenon of Soviet archaeology*» and on the phenomenon itself // L.S. Klejn. *Soviet Archaeology: Schools, Trends, and History* / Translated by Kevin Windle. Oxford, 2010 (в печати).

Составители: Н.В. Лопатин,
С.В. Кузьминых, С.П. Щавелёв

РАЗДЕЛ 1

ВОСХОЖДЕНИЕ К ДРЕВНОСТИ

В.Е. Щелинский

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

ПАМЯТНИКИ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА ПРИАЗОВЬЯ

Первые раннепалеолитические местонахождения в Приазовье были открыты в середине прошлого века. Имеются в виду местонахождения Цимбал на Таманском полуострове в южном Приазовье и Герасимовка на берегу Миусского лимана в северо-восточном Приазовье (рис. 1). Оба местонахождения не безупречны в археологическом отношении, однако именно они позволили впервые поставить вопрос о возможном весьма раннем заселении первобытными людьми Юга России.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ЦИМБАЛ

Известно с 1948 г., когда у станции Сенной (около 35 км к западу от г. Темрюка) возник песчаный карьер, в котором были обнаружены многочисленные костные остатки ископаемых животных. Впоследствии они неоднократно собирались и были изучены Н.К. Верещагиным, который отнес их к таманскому фаунистическому комплексу раннего плейстоцена (Верещагин, 1957. С. 67, 68), выделенному В.И. Грозовым (Грозов, 1948. С. 460, 461). Костные остатки (не менее 17 видов животных, в том числе слонов, эламотериев, носорогов, лошадей оленей и др.) зале-

гали среди конгломератов и в ожелезненных прослойках песка сравнительно неглубоко от современной поверхности. Кости лежали в основном горизонтально, но в некоторых случаях плоские кости, например лопатки, были поставлены на ребро. Зафиксирован случай расположения лопатки и плечевой кости молодого слона на расстоянии 2,5 м друг от друга. Преобладали разломанные трубчатые кости, обломки черепов, роговых стержней оленей, изолированные зубы. Старые разломы костей нередко были совершенно заполированы, затерты водой и песком. Высохшие кости прочные. Вместе с костями найдены окаменелые экскременты гиен, слонов, свиней, оленей, антилоп и зубров. Н.К. Верещагин полагал, что все эти остатки принадлежат погибшим животным. Трупы их первоначально захоронились в каком-то застойном водоеме (болоте, озере или русле речки со слабым течением), а позднее слои со скелетами были размыты речными потоками и кости оказались рассеянными на значительной площади (Верещагин, 1957. С. 17–19). Однако, судя по составу, расположению и сохранности костей, нельзя исключать и того, что присутствие их на местонахождении в какой-то мере могло быть связано и с деятельностью раннепалео-

---

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Древнейшее наследие и истоки творческих начал человека».

Рис. 1. Карта. Раннепалеолитические местонахождения Приазовья.

1 — Цимбал, 2 — Богатыри / Синяя Балка, 3 — Родники, 4 — Кермек, 5 — Герасимовка

литических людей (Щелинский, 2005. С. 421). Это тем более вероятно, что Н.К. Верещагин обратил внимание на наличие в костном материале явно намеренно расколотых костей животных. Из таких костей наиболее выразительными являются «обломок диафиза бедра копытного величиной с благородного оленя и обломок пясти оленя или антилопы». По мнению исследователя, «скалывание стенок диафиза бедра было произведено несомненно по свежей кости каким-то дробящим орудием». И он призвал археологов к дальнейшему изучению этого местонахождения, т. к. вероятная «находка каменных орудий в Цимбальском захоронении могла бы дать науке ценнейшие указания на наиболее древнее обитание в пределах СССР человекообразных существ» (Верещагин, 1957. С. 21).

Открытие в Цимбале заинтересовало А.А. Формозова. В 1957 и 1962 гг. он нашел в этом карьере два древнепалеолитических изделия: сильно патинированный отщеп из коричневой кремневой породы и дисковидное изделие, изготовленное из сходного материала, возможно служившее рубящим орудием. Эти находки, в совокупности с наб-

людениями Н.К. Верещагина по костям, исследователь оценил как весьма значимые и высказал предположение, что «во время существования таманского комплекса фауны в Прикубанье уже жили древнейшие люди» (Формозов, 1962. С. 25, 26; 1965. С. 10, 22). Для своего времени это было смелое заключение, т. к. каменные изделия в Цимбале не связаны непосредственно с костеносными отложениями и были найдены на поверхности. Поэтому принадлежность их к фаунистическому комплексу, представленному в карьере, до сих пор кажется сомнительной (Любин, 1970. С. 20; 1984. С. 57). И это сомнение, очевидно, останется до тех пор, пока в карьере не будут проведены поиски раннепалеолитических изделий, залегающих в одном контексте с костями ископаемых животных. Многие указывает на то, что такие изделия здесь рано или поздно будут обнаружены. В последнее время нами на этом местонахождении, в осыпи под обнажением галечника с костями животных таманского комплекса, были найдены несколько новых каменных предметов, как будто, со следами обработки. Местонахождение Цимбал, несмотря на слабую изученность,

прочно вошло в список древнейших археологических памятников Евразии, возраст которых определяется в интервале 1,5 млн. — 780 тыс. л. н. (Bosinski, 1996 P. 55).

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ГЕРАСИМОВКА

На местонахождении Герасимовка, открытым в 1959 г. Н.Д. Прасловым, каменные изделия были собраны под обнажением бакинско-чаудинской террасы высотой 45 м над уровнем лимана. Из какого слоя отложений террасы происходят эти изделия, достоверно неизвестно. Изделия окатанные, поэтому предполагается, что они залегали в галечнике под толщей морских осадков, в котором обнаружены костные остатки крупных и мелких млекопитающих: *Archidiscodon wüsti* Pavl., *Mimomys*, *Ellobius*, *Microtus*, *Lagurus*. Эти млекопитающие относятся к тираспольскому фаунистическому комплексу и указывают на среднеплейстоценовый возраст включающих их отложений.

Коллекция каменных изделий местонахождения состоит всего из 7 предметов из кремня. Среди них наиболее выраженными являются крупное нуклевидное орудие, больше напоминающее двусторонний чоппер с выпуклым лезвием, три массивных скребла высокой формы, изготовленные на обломках кремневых галек, и крупный отщеп с широкой неподготовленной ударной площадкой. Археологический материал местонахождения слишком мал для характеристики типа индустрии. Учитывая геологические условия и фауну местонахождения, Н.Д. Праслов считал его наиболее древним местонахождением на Русской равнине (Праслов, 2001. С. 11, 12). Г. Бозински включает это местонахождение в группу раннепалеолитических памятников Евразии, имеющих возраст 780–500 тыс. л. (Bosinski, 1996. P. 86, 89).

Изучение раннего палеолита Приазовья получило новый импульс в связи с открытием в последние годы в южном Приазовье ряда новых раннепалеолитических местонахождений. Речь идет о стоянках Богатыри/Синяя Балка, Родники и Кермек (Щелинский и др., 2003. С. 265–267; Щелинский, Кулаков, 2007. С. 155–165; Bosinski et al., 2003. S. 79–89). Эти

стоянки находятся на северном (азовском) берегу Таманского полуострова вблизи п. За Родину, в 25 км к западу от г. Темрюка (рис. 1).

СТОЯНКА БОГАТЫРИ/СИНЯЯ БАЛКА

Эта стоянка является опорным памятником раннего палеолита Приазовья. Сначала она была известна как местонахождение раннеплейстоценовой фауны крупных млекопитающих, вошедшее в литературу под названием «слои с *Elasmotherium* и *Elephas*» (Губкин, 1914. С. 587–590), позже — «Синяя Балка». Местонахождение получило статус стратотипа таманского фаунистического комплекса раннего плейстоцена (Громов, 1948. С. 460–461). На нем работали многие палеонтологи и геологи (Верещагин, 1957; Дуброво, 1963; Лебедева, 1972; 1978; Вангенгейм и др., 1991), извлекая из костеносных отложений для своих исследований многочисленные костные остатки животных и, к сожалению, не ведая, что работают на археологическом памятнике. Образование костеносной толщи местонахождения связывалось с грязекаменным потоком, заполнившим древний овраг. Первоначальное же накопление костных остатков, попавших в грязекаменный поток, традиционно объяснялось накоплением трупов погибших животных в донных отложениях озерных водоемов, разрушенных позднее природными процессами. Однако после открытия в 2002 г. на этом знаменитом палеонтологическом местонахождении бесспорных раннепалеолитических каменных орудий прежняя точка зрения о его происхождении и геологических условиях стала мало убедительной и нуждалась в дополнительном обосновании или пересмотре (Щелинский и др., 2003. С. 265–268). Тем более что в результате предпринятых масштабных археологических раскопок на местонахождении впервые был получен полный разрез отложений, установлена стратиграфия и зафиксировано в нескольких литологических слоях совместное залегание костных остатков животных и многочисленных каменных орудий и отходов от их изготовления. Для археологов стало очевидным, что местонахождение является многослойной стоянкой раннепалеолитиче-

ских людей. С учетом топонимики и прежнего названия оно получило археологическое название «Стоянка Богатыри/Синяя Балка» (Щелинский, Кулаков, 2005. С. 116). По результатам раскопок и комплексных исследований в настоящее время можно констатировать, что стоянка Богатыри/Синяя Балка залегает в нарушенном положении. Культуросодержащие отложения образуют аллохтонный блок, запрокинутый на север (азимут 195°, угол падения 75°). Его возникновение связано с развитием диапировой складки (Додонов и др., 2008б. С. 57). Несмотря на смещение, в этом блоке полностью сохранилась стратиграфическая последовательность отложений и выявлены три культуросодержащих слоя, различающихся литологическими признаками. Два нижних слоя (3 и 2) залегают *in situ* и имеют водное происхождение. Но поскольку в них содержатся не только обломки костей животных, но и каменные изделия (в основном не окатанные), можно предполагать, что формирование этих слоев происходило не в прибрежной части мелководного бассейна, как полагал А.Е. Додонов (Додонов и др., 2008а. С. 53, 54), а скорее на периодически заливаемом пляже такого бассейна. На это указывает и наличие в отложениях характерных для пляжной зоны глиняных окатышей. Очевидно, что люди жили и изготавливали орудия на пляже мелководного бассейна типа лимана или озера. При этом, судя по относительной малочисленности в этих слоях как костных остатков животных, так и каменных изделий, обитание людей носило кратковременный характер.

Сложнее обстоит дело с интерпретацией условий образования 1 (верхнего) культуросодержащего слоя стоянки, наиболее насыщенного костными остатками животных. Этот слой, в отличие от двух нижних, по видимому, залегает в переотложенном положении, а его структура нарушена. Ряд признаков указывает на то, что в древности он либо сполз вниз по склону, либо был принесен селевым потоком на берег лимана. Однако, судя по хорошей сохранности в слое каменных изделий и наличию в нем анатомических групп костного материала, перенос культуросодержащих отложений произошел одноразово,

быстро и на сравнительно небольшое расстояние. Слой совершенно однородный. Как показали исследования, в нем нет поздних примесей ни среди костных остатков животных, ни в археологическом материале. Пока не ясны первоначальные условия формирования этого культуросодержащего слоя. Озадачивает большое количество в нем костных остатков крупных животных, прежде всего слонов и эласмотериев. Если бы не было среди этих костей многочисленных раннепалеолитических каменных изделий, вполне можно было бы согласиться с мнением геолога А.Е. Додона, что первоначальное накопление костного материала происходило в кратерном озерном понижении грязевого вулкана. Крупные животные использовали кратерное озеро с вязкой глиной как место водопоя и в качестве «грязевой ванны» и, утопая в сопочной грязи, погибали. Это предопределило высокую степень концентрации костных остатков крупных животных. В результате извержения грязевого вулкана сопочная грязекаменная масса вместе с костями вытекла в ближайший межсопочный озерный бассейн или в прибрежную часть лимана, где отложилась в виде грязекаменной брекчии (Додонов и др., 2008а. С. 54). Действительно, именно пресное озеро в кратере грязевого вулкана, скорее всего, могло быть на протяжении длительного времени притягательным местом для водопоя и «грязевых ванн» таких животных, как слоны и эласмотерии. Однако погибали ли они здесь естественной смертью, утопая в грязи? Скорее всего, нет. А.Е. Додонов не учитывал наличия среди костей животных многочисленных раннепалеолитических орудий, однозначно свидетельствующих о том, что к озеру в кратере грязевого вулкана приходили не только крупные звери, но и раннепалеолитические люди. Можно, конечно, предположить, что люди питались трупами погибших животных, вытаскивая их на берег для разделки каменными орудиями. Однако столь же логично предполагать, что они и охотились здесь на обездвиженных в топкой грязи животных. Привлекательное для крупных животных пресное озеро в кратере грязевого вулкана, по всей вероятности, было местом постоянных посещений раннепалеолитических людей на

протяжении длительного времени. Здесь они разделявали свою добычу, запасались мясом, которое, возможно, уносили на стоянки, расположенные поблизости. Таким образом кости животных и остатки деятельности людей накапливались не только в озере, но и на берегу его. Впоследствии, возможно в результате извержения грязевого вулкана или прорыва кратерного озера, сформировавшийся на его берегу культуросодержащий слой был вынесен селевым потоком и переотложен на берегу солоноватоводного бассейна. На солоноватоводный бассейн указывает наличие в переотложенном культуросодержащем слое многочисленных морских микроскопических водорослей (динофлагеллят) (Simakova, 2009. Р. 36). Такова на сегодняшний день предварительная модель формирования верхнего культуросодержащего слоя стоянки Богатыри/Синяя Балка.

Изучение общей коллекции костных остатков на стоянке Богатыри/Синяя Балка, добытых раскопками 2005–2008 гг., показало, что во всех трех культуросодержащих слоях стоянки костные остатки имеют сходный таксономический состав и принадлежат животным таманского фаунистического комплекса раннего плейстоцена. Представлены типичные формы этого комплекса: *Archidiskodon meridionalis tamanensis*, *Equus cf. Major*, *Elasmotherium caucasicum*, *Bison sp.*, *Tragelaphini gen.*, *Miomys savini*, *Lagurodon arankaе* и др. При этом особенностью состава костного материала стоянки является доминирование остатков слонов и эласмотериев. Находки костей лошадей, парнокопытных и других травоядных среднего размерного класса единичны (Титов, Тесаков, 2009. С. 587), что, по-видимому, может свидетельствовать об избирательном характере промысловой деятельности обитателей стоянки.

Данные палинологических исследований образцов из культуросодержащих слоев стоянки указывают на лесостепные и степные ландшафты и смешанные леса с присутствием вяза, дуба, граба, бука и грецкого ореха по долинам рек (Simakova, 2009. Р. 36).

Из разреза стоянки были отобраны 3 образца для палеомагнитного изучения. Первичная намагниченность образцов может

быть уверенно интерпретирована как обратная. Полученные палеомагнитные данные могут свидетельствовать о накоплении осадков на стоянке во время эпохи обратной полярности Матуяма (2,58–0,78 млн. л.). С учетом общепринятой корреляции местонахождений таманского фаунистического комплекса со второй половиной раннего плейстоцена (1,1–0,9 млн. л.), коррелятивный интервал может быть формально сужен до хрона C1r.1r (0,99–0,78 млн. л.). Однако новые биостратиграфические данные по крупным млекопитающим этого комплекса могут указывать и на более древний возраст осадков стоянки и их корреляцию с хроном C1r.2r (1,77–1,07 млн. л.) (Додонов и др., 2008б. С. 58).

Общая коллекция каменных изделий стоянки в настоящее время насчитывает около

340 предметов (без учета чешуек). Подавляющее большинство изделий происходит из 1 культуросодержащего слоя. Изучены 193 изделия, достаточно полно характеризующие каменную индустрию стоянки. Другая часть коллекции пока не описана.

Индустрия стоянки базировалась на местном каменном сырье, предварительно определяемом как окварцованный доломит (рентгеновские исследования). По своей достаточно высокой твердости и изотропным свойствам оно вполне было пригодным для расщепления и изготовления орудий. Орудиями из этого камня можно было выполнять любые работы. Природные отдельности этого сырья, широко распространенного поблизости от стоянки, в основном имеют форму обломков плит и плиток разной толщины. Особенно часто они встречаются в осыпях древних галечников и грязевулканических отложений, а также на современном морском пляже. Галечное сырье в окрестностях стоянки отсутствует. В виде плитчатых отдельностей, в основном не окатанных, доломитовое сырье преимущественно использовалось и обитателями стоянки.

При общей петрографической однородности, это сырье было не одинакового качества. Помимо наличия плитчатых отдельностей разных размеров, оно различалось также структурой и плотностью, влиявшими на его изотропность и характер расщепления. Внешне это проявляется в разной степени

выраженности на изделиях раковистого излома и его шероховатости. На основе этих признаков выделяются разновидности качественного и менее качественного сырья. Качественная разновидность сырья отличается мелкозернистой структурой и довольно высокой плотностью. Раковистый излом у такого сырья хорошо выраженный и довольно гладкий. Менее качественное сырье имеет меньшую плотность, оно мелкопористое и с грубой структурой, что придает ему вязкость при расщеплении. Раковистый излом у этой разновидности доломита сильно шероховатый и не всегда отчетлив. Важно отметить, что обе разновидности сырья весьма часто можно видеть в одних и тех же плитчатых отдельностях. При этом плотная, качественная порода образует центральную часть плиток, тогда как их периферийная часть состоит из менее плотного материала с грубой структурой. Обе стороны плиток обычно покрыты рыхлой, сильно выветрелой коркой, безусловно затруднявшей их обработку.

В индустрии использовались обе разновидности доломита. Однако предпочтение отдавалось более качественному сырью. Из него изготовлено 87,6 % каменных изделий. Производился и некоторый отбор плиток, в основном по их толщине, для изготовления орудий разных категорий.

Каменные изделия стоянки в основной своей массе неплохо сохранились. Изделия не окатанные и не утратили острые края и ребра. Однако многие из них подверглись химическому выветриванию, в результате чего первичный материал горной породы был сильно выщелочен и преобразован. Изделия имеют белесую, желтую, бежевую, коричневую и бурую с различными оттенками патину, варьирующую в зависимости от структуры и плотности исходного доломитового сырья. На поверхности изделий нередко можно наблюдать мелкие и микроскопические трещинки от выщелачивания и высыхания породы. Микрорельеф поверхности большинства изделий слегка сглаженный, и по этой причине на них почти не сохранились микроследы изношенности от использования в работе. Однако макропризнаки износа зафиксированы на ряде орудий.

Общий состав анализируемой коллекции каменных изделий таков.

1	Отщепы	70 экз.
2	Нуклеусы	16 экз.
3	Обломок плитки с негативами краевого расщепления	1 экз.
4	Орудия	106 экз.
	Всего	193 экз.

Анализ обломков плиток, использованных для изготовления орудий, продуктов расщепления (дебитажа) и нуклеусов показывает, что технология первичного расщепления камня в индустрии стоянки была довольно сложной. Выделяются три способа получения заготовок для орудий:

1) раскалывание плиток доломита с целью отбора подходящих обломков для изготовления орудий. При этом нередко практиковалась намеренная дополнительная обколка обломков для придания им нужных размеров и форм;

2) простое краевое расщепление плиток доломита;

3) расщепление нуклеусов.

О раскалывании плиток доломита как способе получения обломков-заготовок для орудий свидетельствуют многочисленные орудия и некоторые нуклеусы, изготовленные на таких заготовках. Всего орудий на обломках плиток 55 экз. При этом только для 7 из них в качестве заготовок были использованы естественные обломки. Большинство же таких орудий (48) изготовлено на намеренно полученных обломках плиток. Процесс получения заготовок мог быть приблизительно таким. Первоначально раскалывались более крупные плитчатые отдельности. Затем отбирались подходящие обломки, которые при необходимости «доводились» до нужных размеров и форм обколкой краев. Негативы раскалывания и обколки плиток хорошо сохранились на плитчатых заготовках, и важно отметить, что по сохранности они ничем не отличаются от негативов последующей обработки и оформления орудий. Чаще всего раскалывались плитки толщиной 1–3 см, несколько реже — 3,1–5 см. Более толстые плитки раскалывались редко.

Простое краевое расщепление плиток доломита, являющееся некоторым аналогом грубого нуклеусового расщепления, документируется соответствующими отщепами и обломками плиток (обычно крупных) с единичными негативами краевого расщепления. При этом плитки перед скалыванием с них отщепов не подвергались никакой подготовительной обработке: ударной площадкой служила одна из поверхностей плитки, как правило покрытая коркой, а поверхностью скалывания — край плитки. Таким способом получали отщепы с характерным отличительным признаком. На них сохраняются участки обеих поверхностей расщепляемой плитки. Одна сторона плитки фиксируется на ударной площадке отщепа, как правило прямой или слабо скошенной и покрытой плитчатой коркой. Другая сохраняется в виде вертикальной или скошенной плоскости с корочным покрытием на дистальном крае отщепа. В коллекции имеются 27 отщепов с отмеченным признаком. Правда, некоторые из них, возможно, не были изготовлены преднамеренно и являются результатом обколки плитчатых заготовок при оформлении орудий.

С помощью простого краевого расщепления плиток изготавливались также своеобразные сколы другой разновидности. Мы назвали их «отщеповидные сколы». Это массивные широкие сколы, представляющие собой значительную часть расщепленной плитки. При отделении такого скола удар наносился в точку, далеко отстоящую от края плитки. Поэтому отщеповидные сколы отличаются от обычных обломков плиток лишь наличием хорошо выраженной плоскости раскола или брюшка скола. Для краевого расщепления использовались плитки толщиной от 1 до 7 см.

Надо отметить, что ряд орудий в коллекции изготовлен на толстых крупных отщепах. Очевидно, что такие отщепы не могли быть получены расщеплением плиток или нуклеусов. Они были сколоты с крупных глыб.

Важную роль в первичном расщеплении играло и расщепление нуклеусов. В коллекции 15 нуклеусов и 1 аморфный нуклевидный предмет. Длина нуклеусов от 3,5 до 9 см.

13 из них изготовлены на обломках плиток, 2 — на отщепах. Среди нуклеусов: 4 одноплощадочных параллельного расщепления, 5 грубопризматических, 2 бессистемного расщепления и 4 с негативом одного скола. Несмотря на это разнообразие форм, все нуклеусы довольно грубые. Они плохо подготовленные и мало сработанные.

Сколы, представленные в коллекции, невозможно разделить на намеренно изготовленные и технические, связанные с изготовлением заготовок, нуклеусов и орудий. Всего зафиксировано 108 отщепов и 8 отщеповидных сколов. 37 отщепов и отщеповидные сколы были превращены в орудия с вторичной обработкой. Большинство отщепов имеет длину от 1 до 5 см, при этом много мелких, длиной 1–3 см. Отщепы, как правило, бесформенные или подчетырехугольные, во многих случаях фрагментированные и редко не имеют на спинке более или менее крупного участка выветрелой плиточной корки. Среди отщепов с сохранившейся ударной площадкой (76 экз.) доминируют отщепы с прямой и скошенной площадкой, покрытой коркой плитки (72,4%). Отщепов с гладкой площадкой 15,8%, с точечной — 7,9%, с обработанной (двугранной, частично фасетированной) — 3,9%. Преобладают отщепы с низким, расплывчатым ударным бугорком (рис. 4, 3). Это указывает на то, что в индустрии стоянки для первичного расщепления доломита и изготовления каменных орудий могли применяться сравнительно мягкие отбойники из кости и рога. Однако не исключено использование примитивных каменных отбойников из окатанных обломков того же доломита, необработанная поверхность которых обычно была выветрелой и не плотной. Скалывающий удар таким отбойником оставляет на продуктах расщепления признаки, сходные с признаками использования мягких отбойников из рога и кости. Следует отметить, что наряду с грубыми отщепами в инвентаре стоянки имеются единичные сколы, которые отличаются довольно правильными очертаниями, удлиненными пропорциями и параллельной огранкой спинки. Однако их ударная площадка не имеет следов обработки на нуклеусе и покрыта, как и у большинства отщепов, плиточной коркой.

Таким образом, можно констатировать, что технология первичного расщепления камня рассматриваемой индустрии, несмотря на ее сложный характер, проявляющийся в разнообразии способов изготовления заготовок для орудий, была довольно неразвитой. При этом использование нуклеусов, как основной индикатор любой технологии изготовления сколов-заготовок, хотя и играло заметную роль в технологии первичной обработки камня этой индустрии, однако находилось на довольно низком уровне развития. Слабое развитие нуклеусового расщепления при широком использовании простого краевого расщепления и элементарного разбивания (дробления) исходных отдельностей каменного сырья является характерной чертой

технологии первичной обработки камня в индустрии стоянки.

Для индустрии стоянки характерны высокий процент оформленных орудий (54,9% от общего количества изделий в коллекции) и многообразие их категорий. Мелких орудий длиной 1–3 см всего 11%. Важным показателем индустрии является преобладание орудий на обломках плиток, хотя примечательно и довольно большое количество орудий, изготовленных на отщепах (36,8%). Ручные рубила и даже проторубила пока не выявлены.

Несмотря на малочисленность в отдельных группах и наличие переходных форм, эти орудия можно разделить на ряд техникоморфологических категорий.

1	Чопперы односторонние (12) и двусторонние (3) разных модификаций (рис. 2, 1, 2; 3, 1)	15 экз.
2	Пики	11 экз.
3	Скребла массивные высокой формы	5 экз.
4	Скребла легкие (рис. 4, 4)	15 экз.
5	Скребки нуклевидные	3 экз.
6	Острия массивные	5 экз.
7	Клювовидные орудия (рис. 4, 2)	11 экз.
8	Шиповидные орудия (рис. 4, 1)	4 экз.
9	Скребки	4 экз.
10	Зубчатое орудие	1 экз.
11	Выемчатые орудия	4 экз.
12	Комбинированные орудия (рис. 3, 2)	6 экз.
13	Отщепы с частичной обработкой краев	12 экз.
14	Отщеповидные сколы с частичной обработкой краев	4 экз.
15	Обломки плиток с частичной обработкой краев	6 экз.
	Всего	106

Состав орудий стоянки типично раннепалеолитический.

Изучение основных составляющих индустрии стоянки Богатыри/Синяя Балка — технологии первичной обработки камня, состава категорий, приемов изготовления и форм орудий — приводит к выводу об общем сходстве ее с олдувайскими индустриями Африки, Ближневосточного региона и Кавказа, описанными многими исследователями (Leakey, 1971; Григорьев, 1977; Борисковский, 1979; Амирханов, 2006; 2007; 2008). На этом основании она определяется как олдувайская. При этом важно, что отнесение стоянки к олдуваю полностью согласуется с ее геологическим возрастом.

Вместе с тем, эта индустрия не копирует типичные олдувайские комплексы и имеет выраженные технологические и технико-типологические особенности. Это позволяет выделить ее в особый таманский вариант олдувая. Индустрия стоянки формировалась на местном не кремневом плитчатом каменном сырье, что не могло не отразиться на технологии изготовления, равно как и на технико-типологическом облике орудий. Некоторые другие признаки (в частности, широкое использование мелких сколов в сочетании с ретушью при оформлении лезвий макроорудий и довольно большой процент орудий на отщепах), отличающие ее от известных и несколько более ранних олдувайских

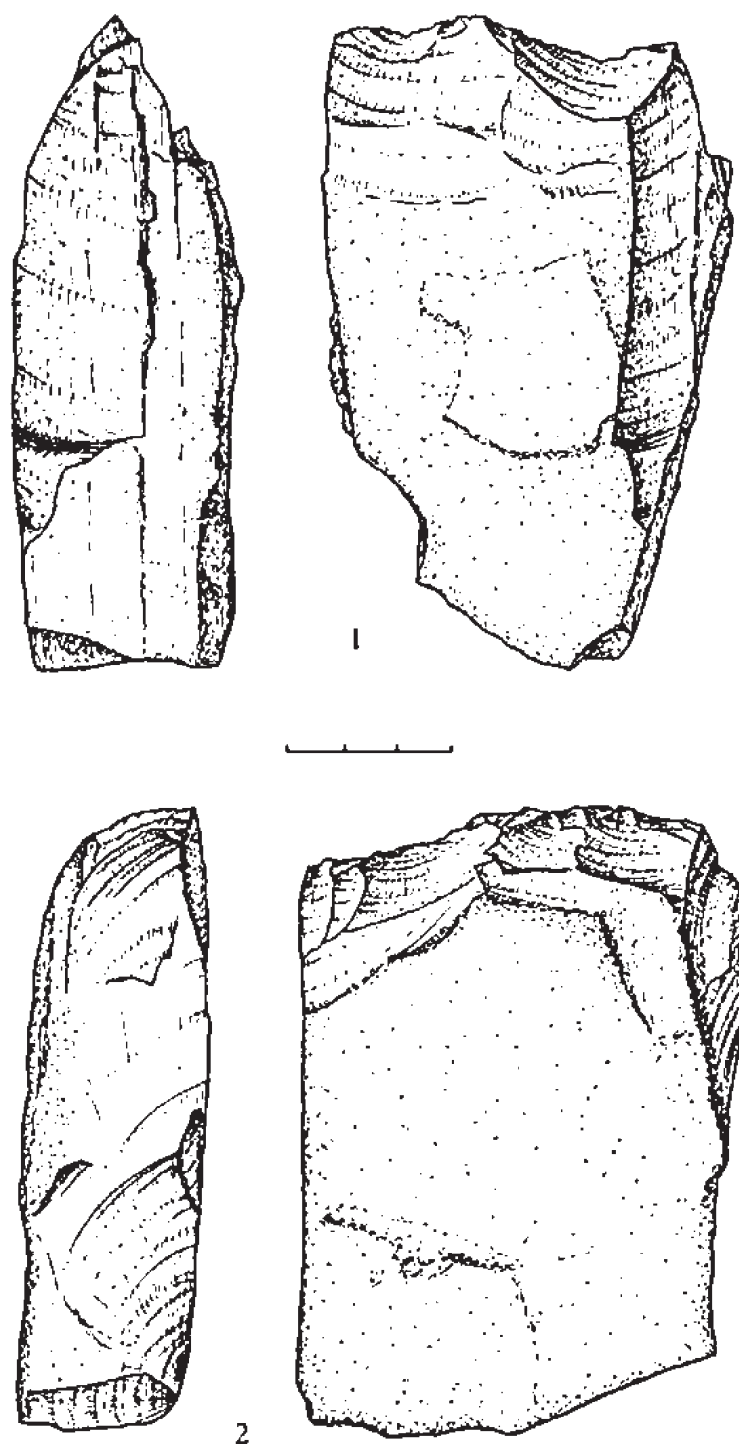

Рис. 2. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри / Синяя Балка.
Чопперы односторонние (1–2).

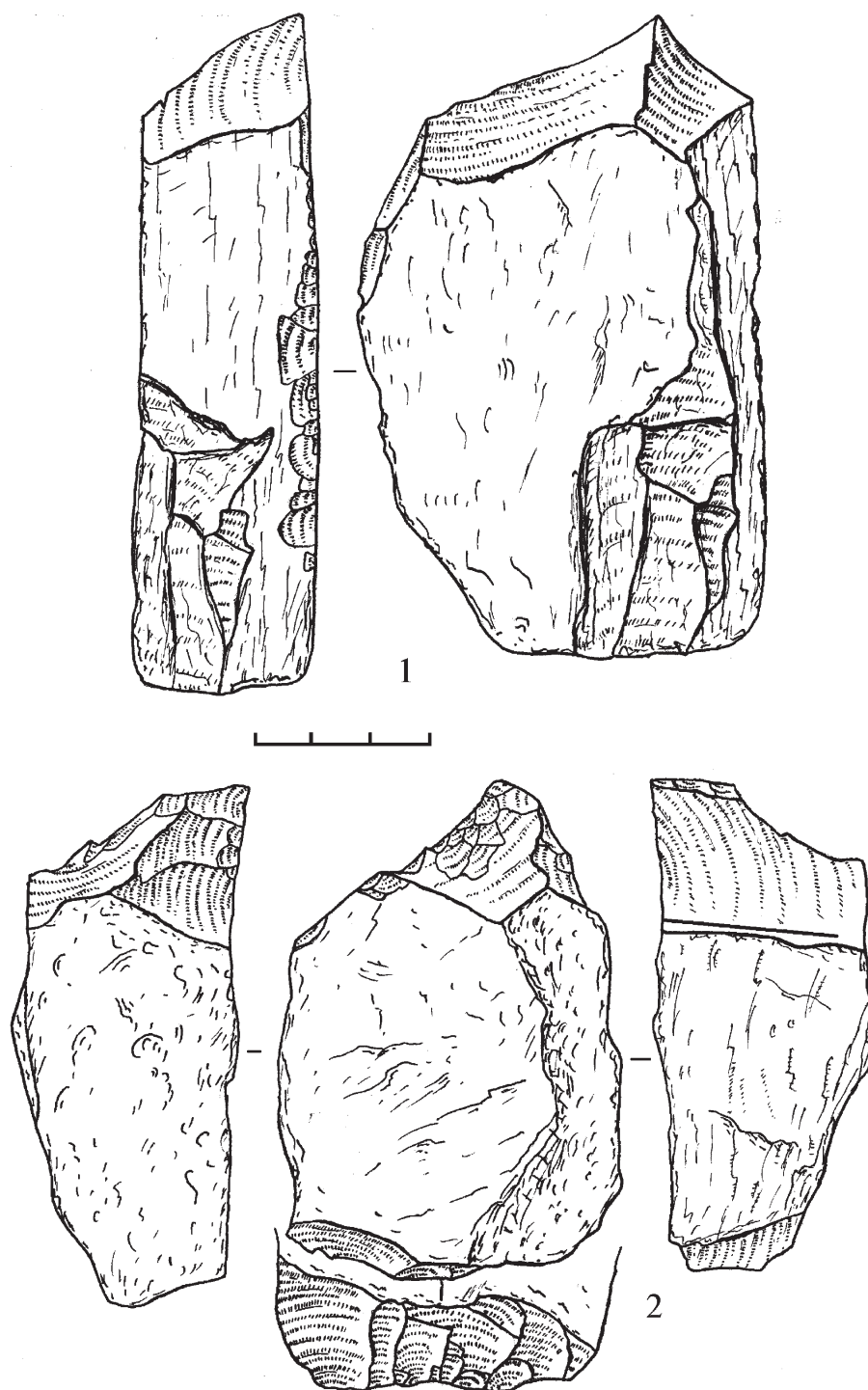

Рис. 3. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри / Синяя Балка.
Орудия: 1 — чоппер односторонний; 2 — комбинированное орудие: грубое остриё и скребло.

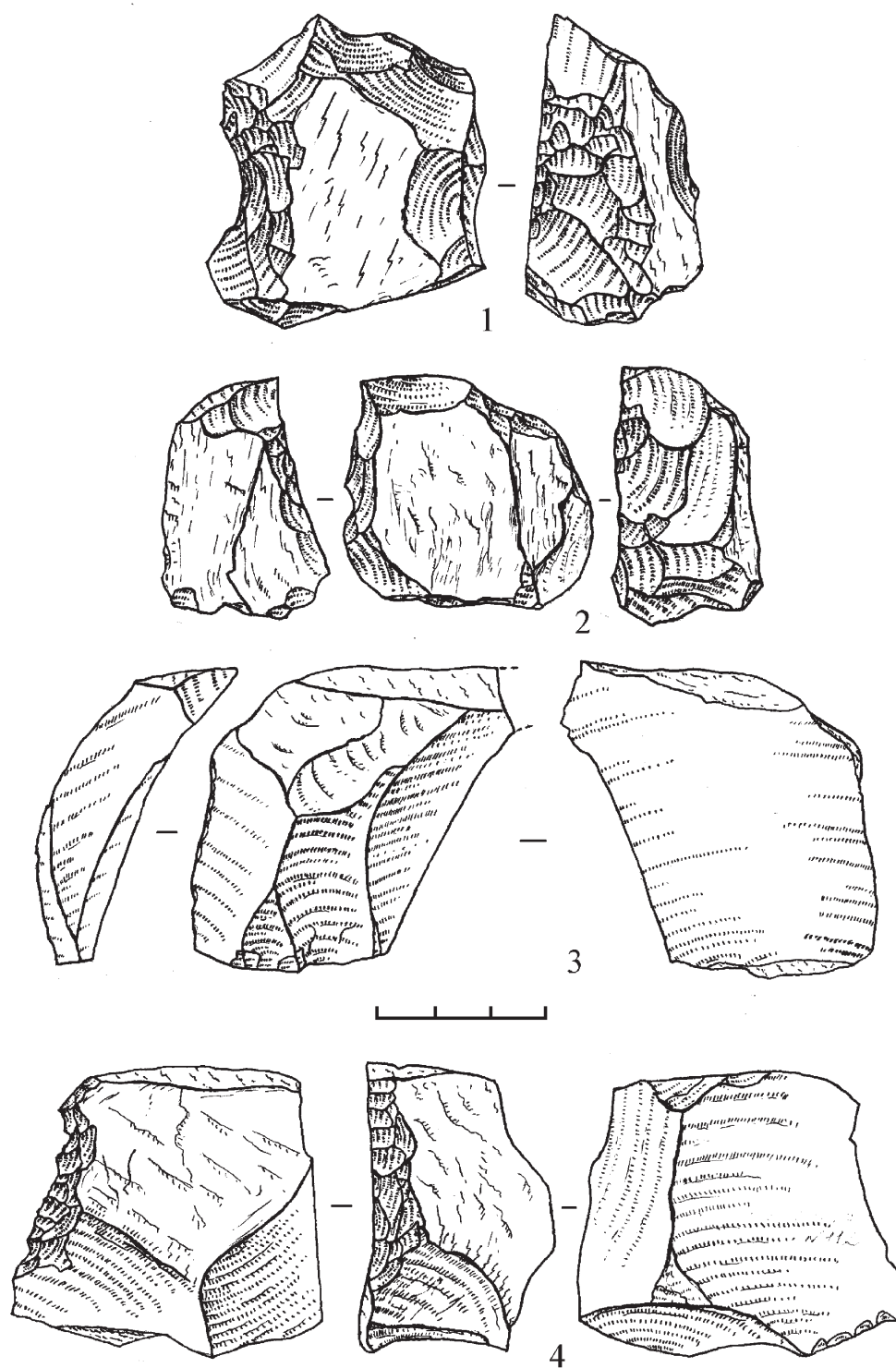

Рис. 4. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри / Синяя Балка.
Орудия: 1 — шиповидное орудие, 2 — клювовидное орудие, 3 — отщеп, 4 — скребло.

индустрий, возможно, объясняются также хронологическими причинами. В целом же своеобразие индустрии стоянки Богатыри/Синяя Балка можно интерпретировать как результат адаптации и длительного относительно изолированного развития культуры древнейших людей, носителей олдувайской традиции, в особых экологических условиях.

СТОЯНКА РОДНИКИ

Находится неподалеку от стоянки Богатыри/Синяя Балка. Выделяются два ее участка: восточный, или Родники 1, и западный, Родники 2, не скоррелированные пока один с другим, но имеющие близкий по структуре и условиям залегания культуросодержащий слой (Щелинский и др., 2008. С. 25–27).

Отложения на стоянке образуют три генетически различные пачки. Верхняя сложена делювиальной супесью (около 1 м) с мало-мощной современной почвой. Среднюю пачку составляют плотные слоистые желто-серые («зеброидные») и серые прибрежно-морские пески мощностью от 3 до 12 м. Нижнюю пачку образуют погребенные пляжные отложения (мощность немногим меньше 1 м) в виде слоистого слабо окатанного грубообломочного материала с песчаным заполнителем. Эта пачка отложений является базальной и подстилается плотными темными глинами куяльника. На некотором удалении от береговых оползней вся толща отложений залегает *in situ*, хотя отмечается ее общая блоковая деформация тектонического происхождения. Культуросодержащей является нижняя пачка отложений, состоящая из слоистого слабо окатанного галечника с глыбами доломита, окатышами плотной глины и серым песком в качестве заполнителя, разделенного (на участке Родники 1) прослойкой слабо окатанного гравия, также с глиняными окатышами и линзочками песка и алевроита. Возраст прибрежно-морских песков, перекрывающих культуросодержащий слой, определяется А.С. Тесаковым как апшеронский (устное сообщение). Базальная пачка отложений (культуросодержащий слой стоянки) надежно датируется обнаруженной в ней фауной мел-

ких млекопитающих. В этой фауне представлены *Allophaiomys cf. Pliocaenicus Kormos*, *Lagurodon arankae*, *Lagurini gen.*, *Mimomys cf. savini*, *Mimomys cf. Pusillus Méhely*, *Mimomys sp.*, *Borsodia sp.*, *Ellobius sp.*, *Spermophilus sp.*, *Allactaga sp.*, *Spalax sp.* и *Allocricetus cf. ehiki Schaub*. Данные таксоны характерны для середины раннего плейстоцена в интервале 1,2–1,6 млн. л. н. (Додонов и др., 2008а. С. 54; Shchelinsky et al., 2010). Таким образом, по фауне мелких млекопитающих стоянка Родники, по-видимому, несколько древнее 1 культуросодержащего слоя стоянки Богатыри/Синяя Балка и, может быть, одновременна 2 и 3 слоям этой стоянки. Ландшафтно-климатические условия обеих стоянок, судя по палинологическим данным, были во многом сходными (Simakova, 2009. Р. 37).

Костные остатки крупных млекопитающих в культуросодержащем слое Родников единичны и представлены обломками. Некоторые из них принадлежат слону, другие неопределимы. Основными культурными остатками являются каменные изделия. В слое они распределяются в основном в рассеянном виде по 1–2 предмета. Однако прослежены и небольшие концентрации изделий, в которых крупные изделия встречены совместно с мелкими отщепами. Такое распределение изделий наводит на мысль, что перед нами остатки кратковременных, возможно, разовых стоянок раннепалеолитических людей, располагавшихся на берегу мелководного опресненного бассейна. На опресненный характер бассейна указывают обломки раковин дрейссен, встречающиеся в пляжных отложениях вместе с культурными остатками.

На двух основных участках стоянки (Родники 1 и 2) в ненарушенном культуросодержащем слое к настоящему времени выявлено около 200 каменных изделий. Все они описаны. Полностью изучена представительная коллекция из 87 изделий, происходящих из раскопок 2007–2008 гг. на восточном участке (Родники 1): 20 отщепов, 4 нуклеуса и 63 оформленных орудия. Эта коллекция достаточно полно характеризует каменную индустрию стоянки.

Исходным каменным сырьем был в основном тот же плитчатый окварцованный доло-

мит, какой использовался на стоянке Богатыри/Синяя Балка. Однако некоторые отличия все же прослеживаются. Орудия стоянки Родники часто изготовлены из плотной мелкослоистой разновидности доломита, редко встречающейся на Богатырях/Синей Балке. Обнаружен пока единственный мелкий отщеп из черного лидита, явно не местного происхождения. Отщеп был сколот с лидитовой гальки. Надо отметить, что некоторые плитчатые отдельности, использовавшиеся для обработки, имеют следы окатанности и, очевидно, были подобраны первобытными людьми на пляже или в осыпях галечных отложений. Большая же часть исходного сырья не окатанная. Это сырье, надо полагать, собиралось людьми на поверхности древних грязевулканических отложений, в которых плитчатый доломит и сейчас встречается довольно часто.

Как отмечалось, культуросодержащий слой стоянки представляет собой субаквальные отложения, сформировавшиеся в пляжной зоне на берегу мелководного бассейна. И, казалось бы, залегающие в них каменные изделия должны быть окатанными. Однако изделий с более или менее отчетливыми признаками сглаженности поверхности водой в коллекции совсем немного (6 экз.). В большинстве своем изделия совершенно не окатанные и сохранили острые края. Это указывает на то, что изделия, брошенные людьми на пляже, не перемещались водой и были быстро «запечатаны» морскими отложениями апшеронской трансгрессии. Вместе с тем, многие изделия подверглись сильному химическому выветриванию, преобразовавшему первоначальную структуру исходной породы камня. В результате этого микрорельеф изделий нередко частично сглажен, что исключает возможность их микротрасологического исследования. Все изделия патинированные и имеют коричневую, бежевую, желтую и серую с различными оттенками окраску, в зависимости от характера выветрелости и степени окварцованности доломита, из которого они изготовлены. Наряду с патиной, многие изделия покрыты ржавыми и черными пятнами гидроокислов железа и марганца.

Анализ сколов и нуклеусов, а также заготовок, превращенных в орудия, показал, что

технология первичного расщепления камня в индустрии стоянки включала три способа изготовления заготовок для орудий:

1) раскалывание плиток доломита и отбор подходящих обломков в качестве заготовок для орудий. Отобранные обломки-заготовки нередко подвергались дополнительной обколке;

2) простое краевое расщепление плиток доломита без какой-либо их предварительной подготовки;

3) расщепление нуклеусов.

Эти способы изготовления заготовок для орудий зафиксированы, как мы видели, и в индустрии стоянки Богатыри/Синяя Балка. В Родниках особенно часто использовалось раскалывание плиток доломита. На обломках плиток изготовлено 69,8 % орудий и 3 из 4 нуклеусов коллекции. При этом, за исключением 6 случаев, обломки были получены именно намеренным раскалыванием более крупных плиток толщиной чаще всего 1–3 см, реже 3,1–5 см и совсем редко — больше 5 см. Сходный отбор плиток для раскалывания отмечен и на Богатырях/Синей Балке. При этом на многих обломках плиток, использованных как заготовки для орудий, имеются негативы дополнительной обработки в виде обколки краев, очевидно, с целью уменьшения их размеров и придания более подходящей формы. Простое краевое расщепление неподготовленных плиток доломита представлено не столь отчетливо, как на Богатырях/Синей Балке. В коллекции имеются всего 4 отщепа, изготовленные этим приемом. Расщеплялись плитки толщиной от 2,2 до 5 см. Единичны и крупные массивные отщепы, отколотые от глыб доломита. Отщеповидные сколы отсутствуют. Единичные нуклеусы коллекции довольно грубые, плохо подготовленные и слабо сработанные. Однако приемы их расщепления были различными. Выделяются:

— нуклеус подтреугольный, слабо укороченный, двуплощадочный, плоскостного параллельно-встречного расщепления, изготовлен на угловатом обломке плитки. Одна ударная площадка (главная) не обработана и покрыта коркой плитки, другая (вспомогательная) образована крупным сколом. Длина нуклеуса 7 см;

— нуклеус двусторонний двуплощадочный, ортогональный, изготовлен на обломке плитки. Ударные площадки покрыты коркой плитки. Длина нуклеуса 5,7 см;

— нуклеус грубопризматический на толстом отщепе. Ударная площадка горизонтальная и образована несколькими разнонаправленными сколами. Длина нуклеуса 6,7 см;

— нуклеус мелкий (длина 3,2 см) с негативом одного скола, изготовлен на обломке плитки. Нуклеус преобразован в зубчатое орудие.

Данные нуклеусы, несмотря на их малочисленность, однозначно указывают на то, что в индустрии стоянки существовала устойчивая практика намеренного изготовления и использования такого рода изделий для получения сколов, служивших заготовками для орудий и простейшими орудиями. Однако эта технология была слабо развитой (предварительная подготовка и изготовление нуклеусов носили нерегулярный характер) и применялась наряду с весьма архаичной технологией изготовления заготовок путем элементарного раскалывания плиток.

Для характеристики продуктов расщепления мы располагаем 38 отщепами, 18 из которых были превращены в орудия с вторичной обработкой. Большинство отщепов (78,9%) имеет длину от 1,1 до 5 см, при этом велика доля мелких (1,1–3 см). Отщепы, как правило, бесформенные, часто первичные и

с участками плиточной корки. 20 отщепов из 30 с сохранившейся ударной площадкой имеют необработанную прямую или скошенную ударную площадку, покрытую плиточной коркой. На 9 отщепах ударная площадка гладкая и только на 1 она фасетированная. Ударный бугорок отщепов чаще всего низкий, расплывчатый. Сколы по своим признакам целиком соответствуют технологическим приемам первичного расщепления камня, практиковавшимся в индустрии стоянки.

Важные сведения получены в результате анализа многочисленных оформленных орудий. Они составляют 72,4% (63 экз.) от всех изделий коллекции. Обращает на себя внимание то, что 69,8% из них (44 экз.) изготовлены на обломках плиток, 28,6% (18 экз.) — на отщепах, и только для одного орудия использована галька. Орудия разных размеров. Однако мелких, длиной 1–3 см, всего 5 экз. Представлены орудия целого ряда техникоморфологических категорий, характерных для раннепалеолитических индустрий.

Орудия в рамках категорий не стандартизованные и различаются степенью и характером отделки, что позволяет выделить среди них особые технико-типологические формы.

Высокий процент и разнообразие оформленных орудий — один из отличительных признаков индустрии стоянки Родники. Однако этот признак сочетается в ней с

1	Чопперы односторонние разных модификаций	9 экз.
2	Пики (рис. 5)	3 экз.
3	Скребло массивное обушковое с двусторонней обработкой рабочего лезвия	1 экз.
4	Скребла массивные высокой формы	3 экз.
5	Скребла легкие (рис. 6, 3)	5 экз.
6	Нуклевидный скребок	1 экз.
7	Частично двусторонне обработанные ножи с обушком	4 экз.
8	Острия массивные (рис. 7, 3)	6 экз.
9	Клювовидные орудия	4 экз.
10	Шиповидные орудия (рис. 7, 2)	6 экз.
11	Скребки (рис. 6, 2; 7, 4)	4 экз.
12	Зубчатые орудия (рис. 6, 4, 5; 7, 1)	7 экз.
13	Выемчатые орудия	2 экз.
14	Комбинированное орудие (чоппер — клювовидное орудие)	1 экз.
15	Отщепы с частичной обработкой краев (рис. 6, 1)	4 экз.
16	Обломок плитки с частичной обработкой края	1 экз.
17	Аморфные частично двусторонне обработанные изделия	2 экз.
	Всего	63 экз.

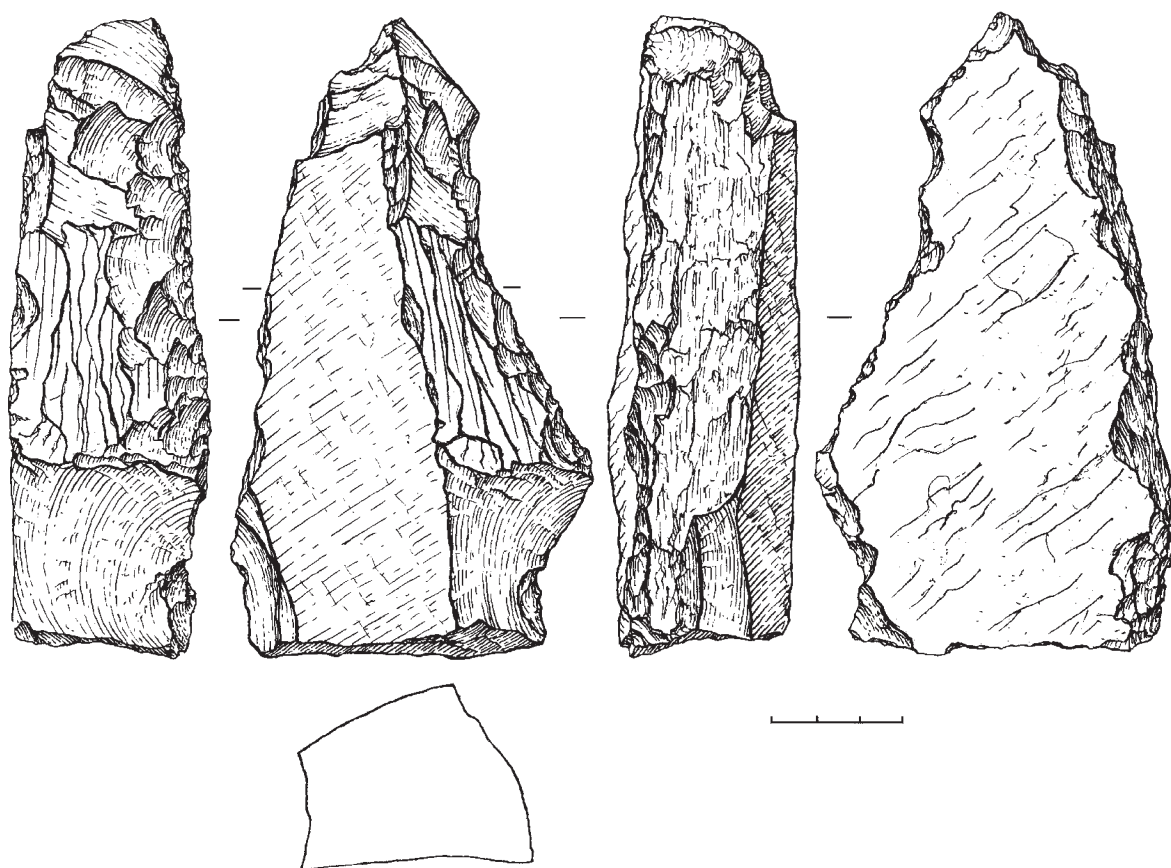

Рис. 5. Раннепалеолитическая стоянка Родники (Родники 1). Пиковидное орудие (pick).

преобладанием орудий, изготовленных на обломках плиток. В технологии изготовления орудий стоянки четко отражаются особенности технологии первичного расщепления камня, в которой превалировало простое раскалывания плиток для получения заготовок в виде подходящих обломков, тогда как расщепление нуклеусов с целью получения сколов имело подчиненное значение.

Индустрия стоянки Родники по технологии изготовления и составу орудий во многом сходна с индустрией Богатырей/Синей Балки и также относится к таманскому варианту олдувая. Однако по сравнению с индустрией Богатырей/Синей Балки она выглядит несколько более развитой и представлена более разнообразным орудийным набором. Особенно обращает на себя внимание наличие в ней явно не случайных частично двусторонне обработанных орудий. Речь идет не только о пиках, которым свойственна такая обработка. Наряду с ними имеются и оригинальные частично двусторонне обработанные ножи

с обушком, а также массивное обушковое скребло с двусторонней обработкой рабочего лезвия. Кроме того, в 2009 г. в комплексе орудий стоянки выявлен и небольшой бифас наподобие «рубильца». Этот протоашельский компонент в индустрии Родников в целом не меняет ее олдувайского облика, но, безусловно, придает ей дополнительную специфику.

СТОЯНКА КЕРМЕК

Стоянка Кермек, открытая в 2008 г., находится в 250 м к западу от Родников. Судя по предварительным данным о геологических условиях залегания, эта стоянка может быть наиболее древней.

Стоянка связана со слоистой толщей раннеплейстоценовых отложений, состоящей из переслаивающихся глин, прибрежно-морских песков и галечников общей мощностью около 50 м. Толща сильно дислоцирована тектоническими процессами и образует

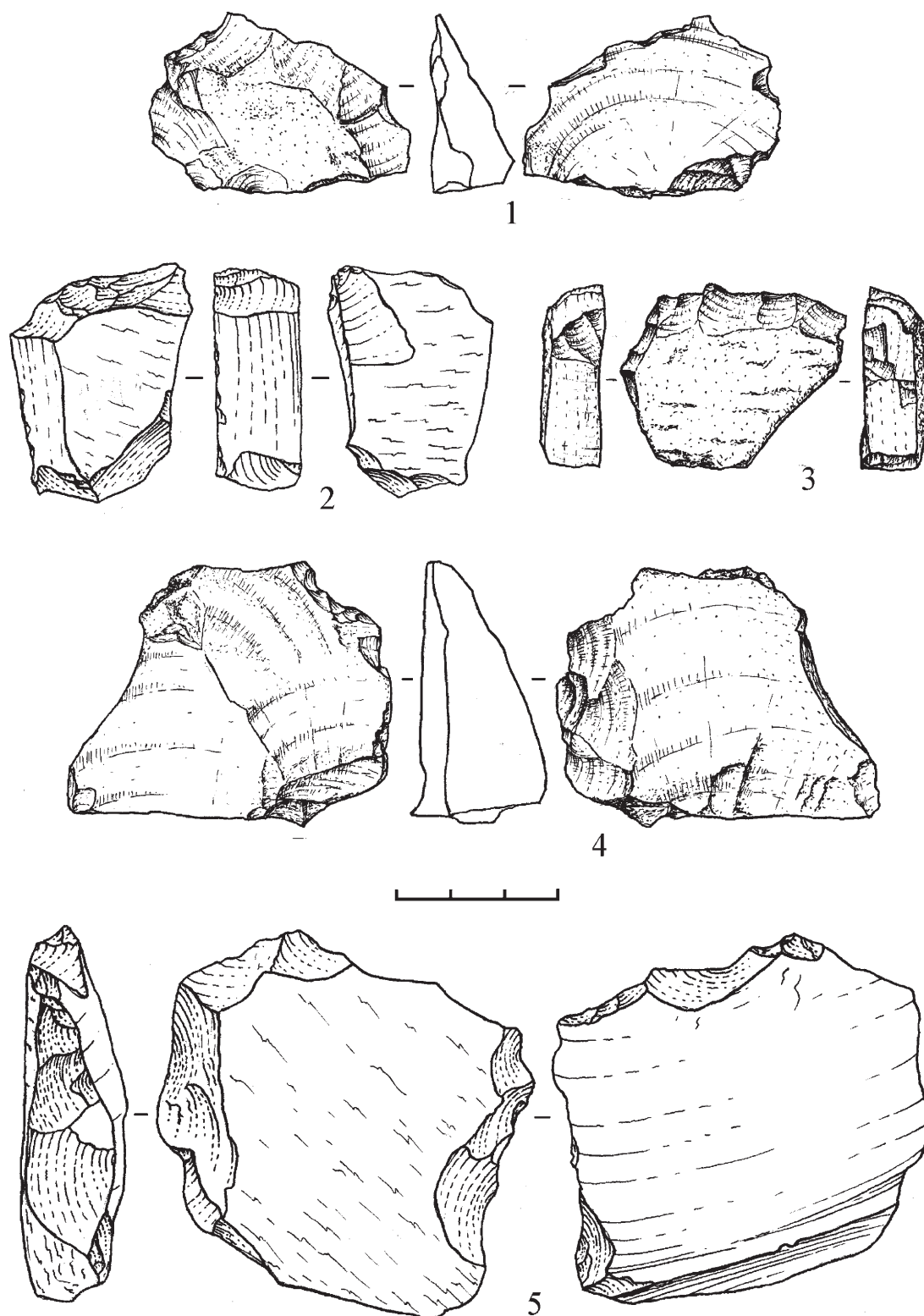

Рис. 6. Раннепалеолитическая стоянка Родники (Родники 1). Орудия: 1 — отщеп с частичной обработкой краёв; 2 — скребок; 3 — скребло; 4, 5 — зубчатые орудия.

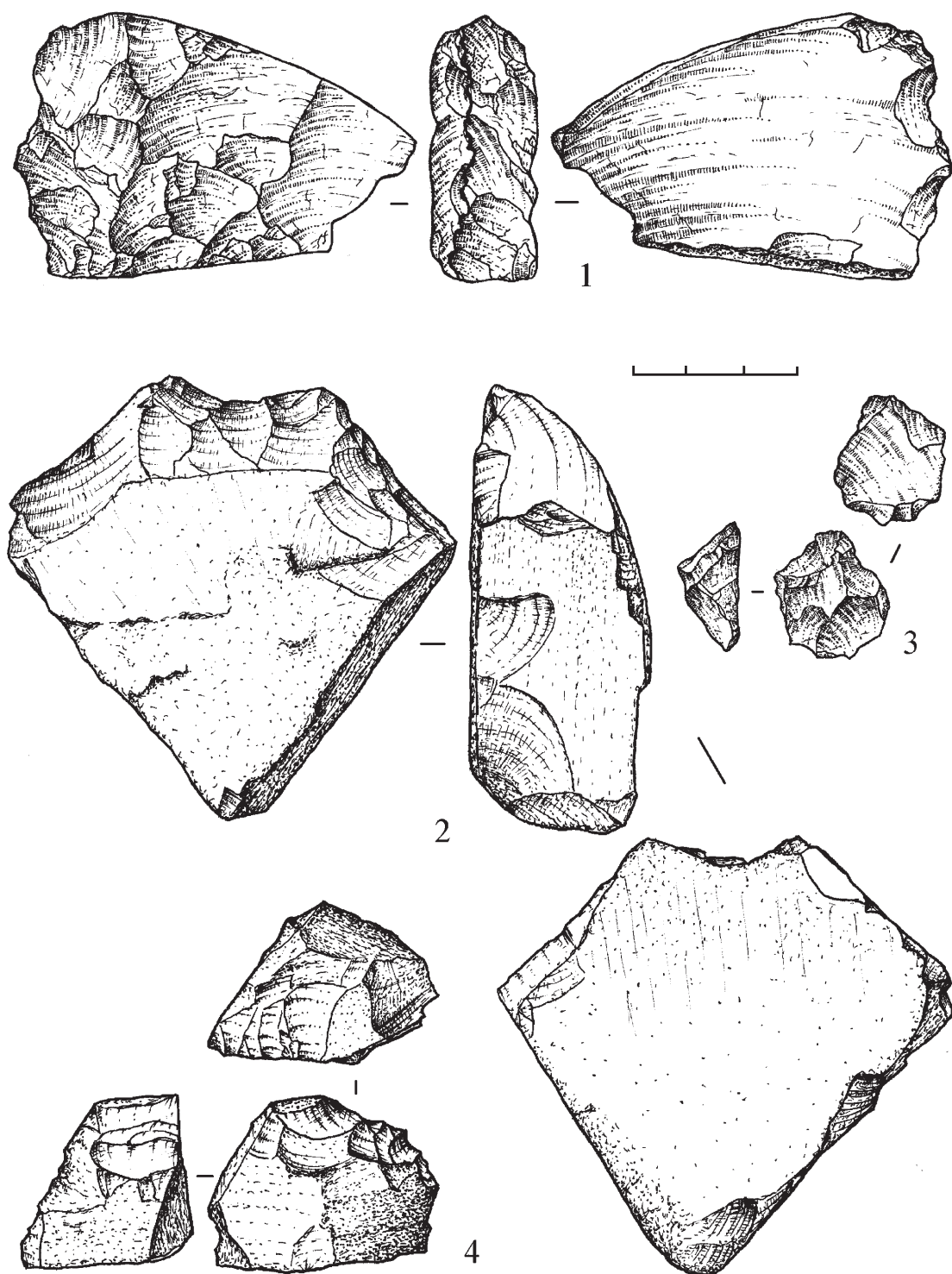

Рис. 7. Раннепалеолитическая стоянка Родники (Родники 1). Орудия: 1 — зубчатое орудие, 2 — шиповидное орудие, 3 — мелкое грубое острие, 4 — скребок.

моноклиналичную структуру, в которой все слои круто наклонены в восточном направлении под углом 50–60°. Верх этой моноклиальной толщи срезан водной эрозией и перекрыт более поздней слоистой пачкой аллювиально-морских отложений. Причем эти отложения залегают горизонтально и не имеют каких-либо признаков тектонических деформаций.

Этот разрез хорошо известен в геологической литературе, т. к. в нем выявлены два разновременных местонахождения весьма древней фауны мелких млекопитающих: Тиздар 1 и 2. При этом остатки млекопитающих сопровождаются фауной солоноватоводных и пресноводных моллюсков. На основании этой малакофауны вся дислоцированная толща отложений отнесена к верхнему куяльнику, верхняя граница которого проводится внутри палеомагнитного эпизода Олдувей (1,96 млн. л. н.) (Pevzner et al., 1998. Р. 95–97). Из верхней и нижней глинистых частей толщи были взяты образцы для палеомагнитного анализа, показавшие обратную намагниченность (эпоха Матуяма). Это подтверждает вывод о куяльническом возрасте толщи (Вангенгейм и др., 1991. С. 42, 43). Местонахождение Тиздар 1 располагается в основании этой толщи, характеризуется наличием архаичной формы *Allophaiomys deucalion*, *Mimomys intermedius* (= *M. savini*) и других показательных таксонов и является типовым местонахождением древнейшей региональной зоны млекопитающих Восточной Европы MQR 11. Обе границы этой зоны древнее эпизода Олдувей (Вангенгейм и др., 2001. С. 85). Местонахождение Тиздар 2 располагается приблизительно в середине толщи. По наличию *Allophaiomys deucalion*, *Lagurodon arankaе*, *Prolagurus ternopolitanus* и некоторых других таксонов оно отнесено к зоне MQR 10, верхняя возрастная граница которой располагается несколько ниже пале-

омагнитного эпизода Олдувей (около 2 млн. л. н.) (Там же).

Верхняя не дислоцированная пачка отложений, перекрывающая дислоцированную толщу, скорее всего, имеет среднеплейстоценовый возраст. В ней нами обнаружена почти целая нижняя челюсть лошади, которая, по определению В.С. Байгушевой и В.В. Титова, принадлежит *Equus cf. chosaricus*, характерной для хазарского фаунистического комплекса второй половины среднего плейстоцена.

Культуросодержащий слой стоянки Кермек залегает в нижней части дислоцированной толщи отложений в промежутке между палеонтологическими местонахождениями Тиздар 1 и Тиздар 2. Он связан с прослоем погребенных галечно-щебневых пляжных отложений с многочисленными раковинами пресноводных моллюсков *Margaritifera sp.*, *Unio (Pseudosturia) sp.*, *Potomida sublitoralis Tschep.*, *Dreissena polymorpha Pall.*, *Viviparus sp.*, *Valvata sp.*, *Fagotia sp.* (определение Т.А. Яниной) и окатышами плотной глины. Возраст стоянки, если основываться на приведенных выше естественнонаучных данных, определяющих ее стратиграфическую позицию, составляет около 2 млн. л. Безусловно, это лишь предварительная датировка. На самом деле она может быть несколько моложе. Дальнейшие исследования фаунистических остатков, прежде всего мелких млекопитающих из культуросодержащего слоя, позволят уточнить возраст стоянки.

В культуросодержащем слое в результате расчистки найдены 80 каменных изделий и единичные обломки костей животных, в том числе обломок эпифиза и фрагмент пластины зуба слона. Довольно крупная коллекция изделий позволяет составить первое представление об индустрии стоянки. В ее состав входят:

1	Чопперы односторонние разных модификаций (рис. 8)	5 экз.
2	Скребла массивные высокой формы	3 экз.
3	Нуклевидные скребки	2 экз.
4	Шиповидные орудия	5 экз.
5	Скребла (легкие)	5 экз.
6	Ножи частично двусторонне обработанные с обушком	3 экз.
7	Небольшие частичные бифасы	2 экз.
8	Лимасовидные орудия	2 экз.

9	Острие грубое	1 экз.
10	Скребки	2 экз.
11	Клювовидное орудие	1 экз.
12	Зубчатые орудия	7 экз.
13	Сколы, в т. ч. с частичной обработкой краев	39 экз.
14	Обломки плиток с частичной обработкой краев	2 экз.
15	Нуклеус	1 экз.
	Всего	80 экз.

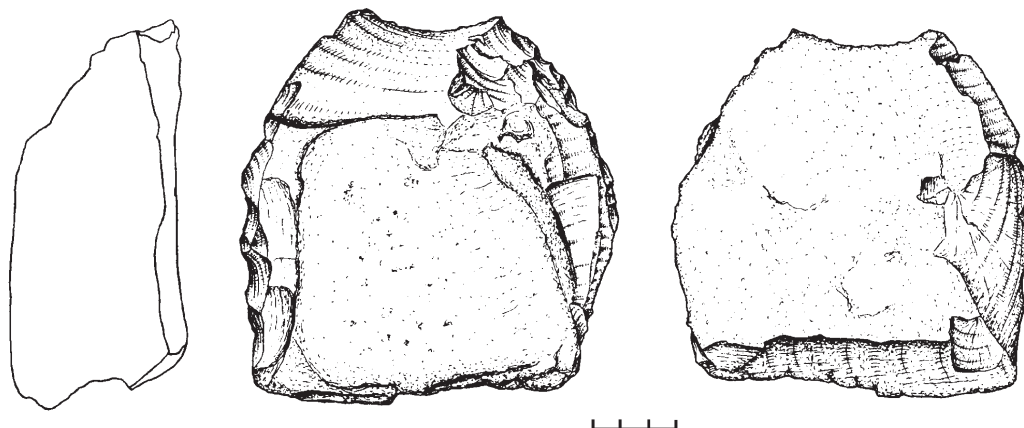

Рис. 8. Раннепалеолитическая стоянка Кермек. Чоппер односторонний

Состав орудий и предварительный анализ технологии их изготовления свидетельствуют об олдувайском типе индустрии стоянки Кермек и значительном сходстве ее с индустрией Родников. Возможно, обе относятся к одной раннепалеолитической индустрии, существовавшей в раннем плейстоцене в южном Приазовье на протяжении длительного времени.

Таким образом, открытие и исследование ряда новых раннепалеолитических стоянок в южном Приазовье существенно дополняют наши представления о раннем палеолите Восточной Европы и Евразии в целом. Становится очевидным, что степные пространства Приазовья были заселены первобытными людьми, продвинувшимися в этот регион с

юга, скорее всего по Каспийскому и Черноморскому побережьям Кавказа (Амирханов, 2007. С. 24; Деревянко, Зенин, 2008. С. 10; Щелинский, 2007. С. 85), уже в первой половине раннего плейстоцена, ориентировочно 1,4–1,6 млн. л. н. Причем произошло это практически в одно время с появлением человека на Кавказе и в южном Закавказье. Этому, надо полагать, способствовали общий достаточно высокий потенциал культуры и адаптивные возможности отдельных популяций древнейших людей, равно как и благоприятные природные и экологические условия в Приазовье в начале четвертичного периода. Есть все основания полагать, что Приазовье сыграло весьма важную роль в процессе первоначального заселения человеком Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирханов Х.А., 2006. Каменный век Южной Аравии. М.
- Амирханов Х.А., 2007. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе: Предварительные результаты. М.

- Амирханов Х.А., 2008. Сравнительная типолого-статистическая характеристика инвентаря стоянки Мухкай-1 в Центральном Дагестане (по материалам раскопок 2007 года) // Ранний палеолит Евразии: Новые открытия:

Мат. междунар. конф. (Краснодар — Темрюк, 1–6 сентября 2008 г.). Ростов-на-Дону.

Борисковский П.И., 1979. Древнейшее прошлое человечества. Л.

Вангенгейм Э.А., Векуа М.Л., Жигало В.И., Певзнер М.А., Тактакишвили И.Г., Тесаков А.С., 1991. Положение таманского фаунистического комплекса в стратиграфической и магнитохронологической шкалах // БКИЧП. № 60.

Вангенгейм Э.А., Певзнер М.А., Тесаков А.С., 2001. Зональное расчленение квартера Восточной Европы по мелким млекопитающим // Стратиграфия. Геологическая корреляция. Т. 9. № 3.

Верецагин Н.К., 1957. Остатки млекопитающих из нижнечетвертичных отложений Таманского полуострова // Тр. Зоологического института АН СССР. Л. Т. 22.

Григорьев Г.П., 1977. Палеолит Африки // Палеолит мира. Л.

Громов В.И., 1948. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит) // Тр. Института геологических наук. М. Т. 48. № 17.

Губкин И.М., 1914. Заметка о возрасте слонов с *Elasmotherium* и *Elephas* на Таманском полуострове // Изв. ИАН. СПб. Т. 8. Сер. 6. № 9.

Дервянко А.П., Зенин В.Н., 2008. Древнейшие индустрии юго-восточного Дагестана // Тр. II (XVIII) Всерос. АС в Суздале. М. Т. I.

Додонов А.Е., Тесаков А.С., Симакова А.Н., 2008а. Таманское местонахождение фауны млекопитающих Синяя Балка: Новые данные по геологии и биостратиграфии // Ранний палеолит Евразии: Новые открытия: Мат. Междунар. конф. (Краснодар — Темрюк, 1–6 сентября 2008 г.). Ростов-на-Дону.

Додонов А.Е., Трубихин В.М., Тесаков А.С., 2008б. Палеомагнетизм костеносных отложений местонахождения Синяя Балка/Богатыри // Ранний палеолит Евразии: Новые открытия: Мат. Междунар. конф. (Краснодар — Темрюк, 1–6 сентября 2008 г.). Ростов-на-Дону.

Дуброво И.А., 1963. Новые данные о таманском фаунистическом комплексе позвоночных // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Т. 38. № 6.

Лебедева Н.А., 1972. Антропоген Приазовья. М.

Лебедева Н.А., 1978. Корреляция антропогенных толщ Понто-Каспия. М.

Любин В.П., 1970. Нижний палеолит // Каменный век на территории СССР. М.

Любин В.П., 1984. Ранний палеолит Кавказа // Археология СССР. Палеолит СССР. М. *Праслов Н.Д., 2001.* Палеолит бассейна Дона (проблемы стратиграфии, хронологии и развития культуры): Дис. ... докт. ист. наук. СПб.

Титов В.В., Тесаков А.С., 2009. Таманский фаунистический комплекс: Ревизия типовой фауны и стратотипа // Фундаментальные проблемы квартера: Итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: Мат. VI Всерос. совещ. по изучению четвертичного периода. Новосибирск.

Формозов А.А., 1962. Относительная хронология древнего палеолита Прикубанья // СА. № 4.

Формозов А.А., 1965. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.

Щелинский В.Е., 2005. Древнейшие раннепалеолитические местонахождения Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. Вып. 5. № 5.

Щелинский В.Е., 2007. Палеолит Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа (памятники открытого типа). СПб.

Щелинский В.Е., Бозински Г., Кулаков С.А., 2003. Исследования палеолита Кубани // АО 2002 г.

Щелинский В.Е., Кулаков С.А., 2007. Богатыри (Синяя Балка) — раннепалеолитическая стоянка эоплейстоценового возраста на Таманском полуострове // РА. № 3.

Щелинский В.Е., Кулаков С.А., 2005. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри (палеонтологическое местонахождение Синяя Балка) на Таманском полуострове: Результаты исследований 2003–2004 годов // Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий: Мат. междунар. конф. (18–20 мая 2005 г., Ростов-на-Дону, Азов). Ростов-на-Дону.

Щелинский В.Е., Додонов А.Е., Байгушева В.С., Кулаков С.А., Симакова А.Н., Тесаков А.С., Титов В.В., 2008. Раннепалеолитические местонахождения на Таманском полуострове (Южное Приазовье) // Ранний палеолит Евразии.

зии: Новые открытия: Мат. Междунар. конф. (Краснодар — Темрюк, 1–6 сентября 2008 г.). Ростов-на-Дону.

Bosinski G., 1996. Les origines de l'homme en Europe et en Asie: Atlas des sites du Paléolithique inférieur. Paris.

Bosinski G., Ščelinskij V.E., Kulakov S.A., Kindler L., 2003. Bogatyri (Sinaja Balka): Ein altpaläolithischer Fundplatz auf der Taman-Halbinsel (Russland) // Erkenntnisjäger. Kultur und Umwelt des frühen Menschen. Festschrift für D. Mania. Veröffentlichungen des Landesamtes für Archäologie Sachsen-Anhalt-Landesmuseum für Vorgeschichte. Bd. 57. Teil 1.

Leakey M.D., 1971. Excavation in Beds I and II, 1960–1963 // Olduvai Gorge. Vol. 3. Cambridge.

Pevzner M., Tesakov A., Vangengeim E., 1998. The position of the Tizdar locality (Taman Peninsula, Russia) in the magnetochronological scale // Paludicola. Vol. 2. № 1.

Shchelinsky V.E., Dodonov A.E., Baigushcheva V.S., Kulakov S.A., Simakova A.N., Tesakov A.S., Titov V.V., 2010. Bogatyri/Sinyaya Balka and Rodniki: Early Paleolithic sites on the Taman peninsula (Southern Azov Sea Region) // Quaternary International. (In press.)

Simakova A., 2009. Palynology study of the Early Pleistocene Bogatyry/Sinyaya Balka and Rodniki sites (Taman Peninsula, Russia) // The Quaternary of Southern Spain: A Bridge between Africa and the Alpine Domain. Tarragona.

Л.В. Голованова, В.Б. Дороничев
АНО Лаборатория доистории, Санкт-Петербург

ВРЕМЯ И ПРИЧИНЫ ЗАМЕЩЕНИЯ НЕАНДЕРТАЛЬЦЕВ РАННИМИ СОВРЕМЕННЫМИ ЛЮДЬМИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРАЗИИ¹

*«И последнее — об умении... менять под напором
новых фактов излюбленные теории...».*
А.А. Формозов. *Человек и наука: Из записей археолога.*

Не случайно эпиграфом к нашей статье выбрана цитата из книги-размышления А.А. Формозова о значении личности человека в науке. Отдавая дань памяти и уважения огромному вкладу Александра Александровича в изучение широчайшего спектра проблем археологии, предлагаем читателям последние результаты исследования одной из важнейших научных проблем, определенной в названии нашей статьи. Эти результаты заставляют во многом пересматривать «излюбленные теории».

Моноцентризм, полицентризм, эволюционный переход от среднего к позднему палеолиту, «позднепалеолитическая революция» — эти и другие гипотезы и теории конкурируют друг с другом на протяжении почти сотни лет активного обсуждения одной из главных проблем антропогенеза: когда, как и почему на территории Западной Евразии исчезают неандертальцы и появляются ранние современные люди (ранние *Homo sapiens*). Новейшие результаты исследований кардинально меняют многие сложившиеся представления о **времени и причинах** заме-

щения неандертальцев ранними современными людьми в Западной Евразии.

ЧАСТЬ 1. ВРЕМЯ

Левант. Территория Леванта, охватывающая восточное Средиземноморье от юга Турции до Синайского полуострова в Египте, занимает одно из центральных мест в дискуссиях об эволюционной взаимосвязи неандертальцев и сапиенсов и переходе от среднего к верхнему палеолиту. С начала 1950-х гг. до настоящего времени наибольшей поддержкой ученых пользуется гипотеза, которая интерпретирует переход от среднего к верхнему палеолиту в Леванте как происходившее в рамках данного региона постепенное изменение каменной индустрии (Garrod, 1951; Copeland, 1975; Marks, 1990; Hovers, 2006).

Считается, что этот переход проявляется в трансформации леваллуазской технологии, которая характеризует позднее левантийское мустье, в пластинчатую технологию раннего верхнего палеолита (Belfer-Cohen, Goring-

---

¹ Авторы выражают благодарность Управлению по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей департамента культуры Краснодарского края и Краснодарскому государственному историко-археологическому музею-заповеднику им. Е.Д. Фелицына за помощь в организации и проведении раскопок в Мезмайской пещере. Авторы благодарят Фонд Лики, Фонд Веннер-Грен и Программу Фулбрайт (США), а также Институт эволюционной антропологии Макса Планка (Германия) за финансовую и научную поддержку.

Morris, 2007). Эта идея перехода как технологического континуума концептуально наиболее полно оформлена в предложенном А. Марксом (Marks, Volkman, 1983; Marks, 1990) понятии «лептолитической линии», которая начинается в конце среднего палеолита и завершается в эпипалеолите.

Логично было бы считать, что данный технологический континуум от среднего к верхнему палеолиту также предполагает существование реальных форм трансформации материальной культуры — в виде переходных индустрий. Но, оказывается, нет. Поскольку, во-первых, — и это признается большинством исследователей (Belfer-Cohen, Goring-Morris, 2007), — поздний средний палеолит Леванта сильно отличается от левантийского раннего верхнего палеолита. В Леванте все хорошо документированные комплексы позднего среднего палеолита датируются от 75 до 45 тыс. л. и относятся к одному типу индустрии — «Табун В» (рис. 2). Его характеризуют леваллуазские одноплощадочные нуклеусы для скалывания треугольных отщепов или острий и антропологические находки неандертальцев. Никакого сосуществования неандертальцев и ранних сапиенсов, которые делали одни и те же каменные индустрии, в Леванте не было. Эта популярная ранее гипотеза — результат ошибочной хронологии и неверной интерпретации комплексов (Shea, 2008).

Во-вторых, никаких переходных от среднего к верхнему палеолиту индустрий в Леванте не обнаруживается. Попытки типологическим методом придать статус «переходности» эмириену (Garrod, 1951) не дали убедительного результата (рис. 3). Они показали существование отдельной фазы, разделяющей средний и верхний палеолит, но не наличие культурной непрерывности от первого ко второму (Marks, 1990). Также и идея технологического континуума («лептолитизации») от леваллуазской технологии нуклеуса для острий к технологии призматического нуклеуса для пластин, внедренная Марксом (Marks, Volkman, 1983; Marks, 1990) на материалах стоянки Бокер Тачтит как модели перехода от среднего к верхнему палеолиту в Леванте, встречает все больше возражений. Многочисленные ремонты нуклеусов по-

казывают, что треугольные отщепы (на многих из которых оформлены острия эмире) в Бокер Тачтит (как и в слоях раннего верхнего палеолита XXIII–XX с орудиями *chanfrein* в пещере Ксар Акил, см. ниже) скалывались с призматических ядрищ противоположащего скалывания, поэтому они не являются остриями леваллуа (Bar-Yosef, 2000. P. 124).

Наконец, в-третьих, даже если предположить реальность данного перехода в Леванте, остается совершенно непонятным, каким образом неандертальцы позднего левантийского мустье (Табун В) трансформировались в сапиенсов раннего верхнего палеолита (ранний ахмариен).

Вот почему сейчас все больше специалистов приходит к отрицанию применимости термина «переходный» к тому периоду, который разделяет типичный средний (Табун В) и типичный верхний (ранний ахмариен) палеолит в Леванте, и соответствующим этому периоду каменным индустриям (Belfer-Cohen, Goring-Morris, 2007; Kuhn et al., 2009). Нейдаче в фактическом обосновании перехода от среднего к верхнему палеолиту в Леванте как эволюционного развития первого во второе привели к тому, что сейчас этот переход пытаются интерпретировать именно как качественное изменение индустрии в начале верхнего палеолита. Так появились понятия «промежуточная от среднего к верхнему палеолиту фаза» (Belfer-Cohen, Goring-Morris, 2007) и «начальный верхний палеолит» (Marks, 1990; Kuhn, 2003; Kuhn et al., 2009).

Однако эти нововведения не отменяют главного — **свидетельств перехода от среднего к верхнему палеолиту в Леванте нет, а есть свидетельства специфического начала верхнего палеолита**. Показательно, например, что синонимом «промежуточной фазы» предлагается термин «прото-Ахмариен» (Belfer-Cohen, Goring-Morris, 2007), который подчеркивает эволюционную связь этой фазы с верхнепалеолитическим ахмариеном. Эволюционная связь «начального верхнего палеолита» с ахмариеном (рис. 4) также не вызывает сомнений (Kuhn et al., 2009). Следовательно, переход от среднего к верхнему палеолиту в Леванте — это не один вопрос, а два не взаимосвязанных, а отдельных вопроса: во-первых, каким был конец позднего

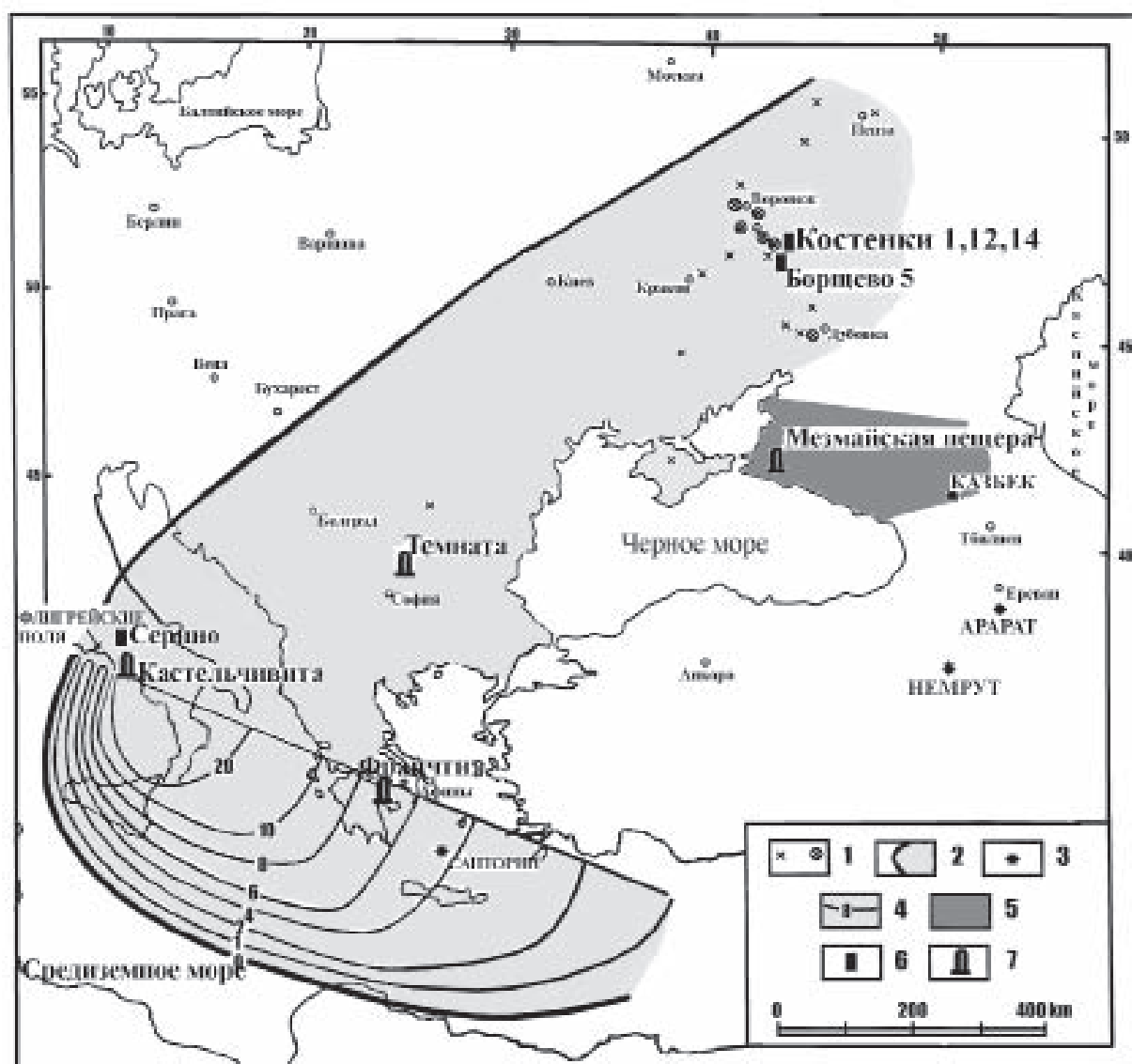

Рисунок 1. Карта распространения тефры Y5 в Центральной и Восточной Европе и вулканического пепла от извержения вулкана Казбек на Центральном Кавказе; оба извержения произошли около 40 тыс. л.н. 1 — основные местонахождения тефры Y5 в Восточной Европе, 2 — граница распространения тефры Y5 в Центральной и Восточной Европе, 3 — вулканы, 4 — изолинии мощности тефры Y5 (в см) в Восточном Средиземноморье, 5 — область распространения пепла от извержения вулкана Казбек на Центральном Кавказе, 6 — палеолитические стоянки открытого типа, на которых обнаружена тефра Y5, 7 — пещерные стоянки, на которых обнаружен вулканический пепел.

Карта составлена с использованием: Лаверов и др., 2005, рис. 1.8; Mussi 2001, fig.5.9; Fedele et al., 2008, fig. 1, с дополнениями авторов

левантийского мустье типа Табун В; во-вторых, каким было начало левантийского верхнего палеолита. Рассмотрим сначала второй из них.

То, что начало верхнего палеолита в Леванте имеет свою специфику по сравнению с Европой, ни у кого не вызывает сомнения. Это было отмечено еще на заре его изучения

Д. Гаррод (Garrod, 1951) и обозначено введением нового термина — «эмириен». И сейчас эмириен представляет собой исключительно местный, специфический для Леванта тип индустрии, «руководящим ископаемым» которого является острие эмире (рис. 3, 1, 2). К настоящему времени данный тип индустрии лучше всего изучен в Бокер Тачтит

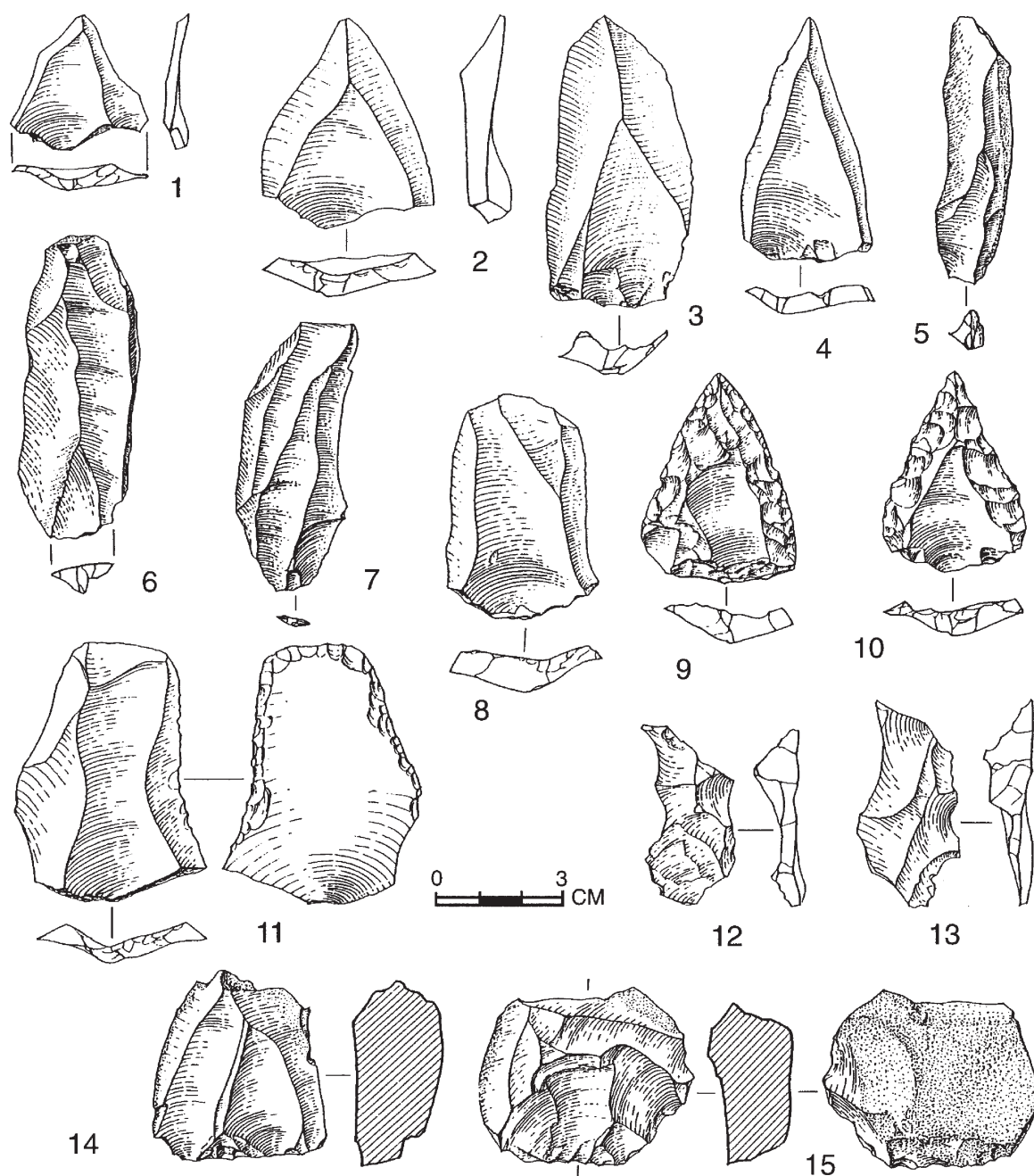

Рисунок 2. Среднепалеолитическая индустрия типа Табун-В из пещеры Кебара (по: Bar-Yosef, 2000, fig. 5).

(Marks, 1983; 1990) и Тор Садаф (Fox, Coinman, 2004).

Другой специфический тип индустрии раннего верхнего палеолита, который иногда называют «Ксар Акил, фаза А», был открыт позже, в 1970–1980 гг. «Руководящим ископаемым» этой индустрии являются орудия с поперечным резцовым сколом, которые принято называть шанфрей (*chanfrein*). Этот

тип индустрии ограничен преимущественно средиземноморским побережьем северного Леванта, где он был выделен и лучше всего изучен на стоянках Ксар Акил, Антелиас и Абу Халка в Ливане (Coreland, 1975; Azoury, 1986; Bar-Yosef, 2000) и Усагизли на юге Турции (Kuhn et al., 2009).

Последним крупным достижением в изучении раннего верхнего палеолита Леванта

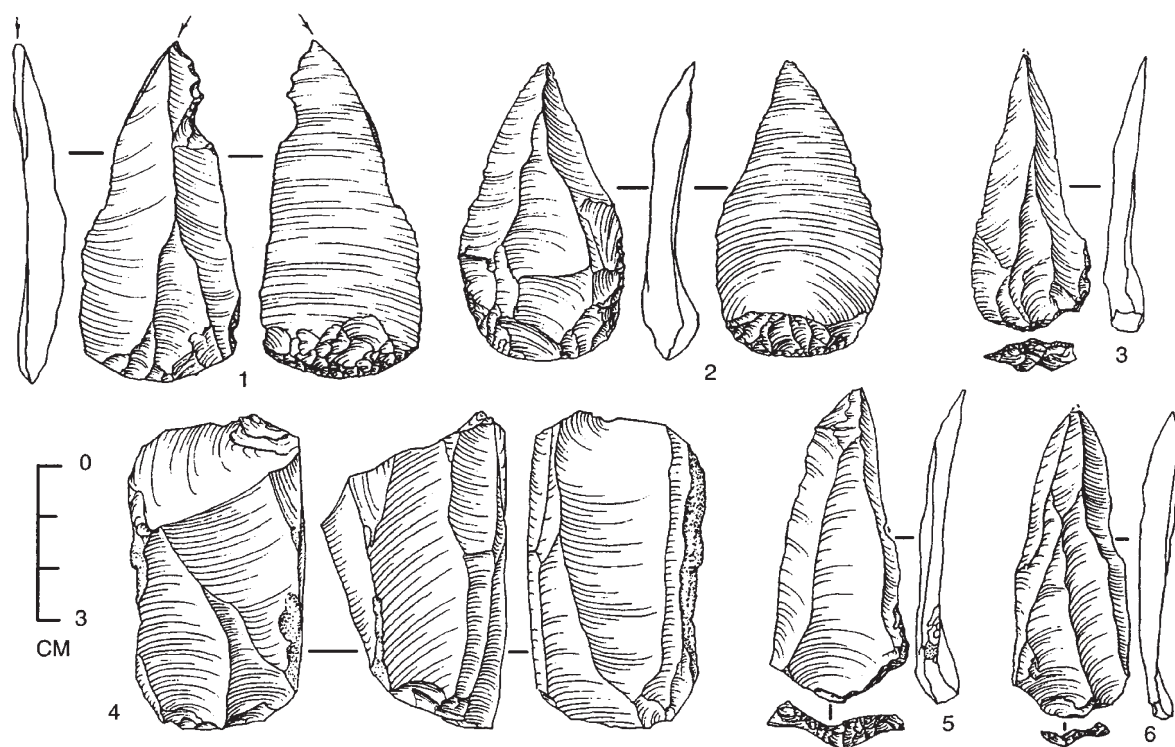

Рисунок 3. Ранняя позднепалеолитическая индустрия эмириен из Бокер Тачтит
(по: Bar-Yosef, 2000, fig. 9)

стали результаты раскопок 1999–2005 гг. в пещере Усагизли. Здесь лучше, чем на других памятниках, изучена индустрия, которая занимает промежуточное положение между самой ранней (с орудиями шанфрей) и самой поздней (ахмариен) стадиями раннего верхнего палеолита Леванта. Этот вновь открытый тип индустрии был назван «начальный верхний палеолит» (Kuhn, 2003; Kuhn et al., 2009). Этот термин было предложено распространить на все варианты раннего верхнего палеолита Леванта (с орудиями шанфрей, с остриями эмире или без них), которые предшествовали появлению типично верхнепалеолитического ахмариена.

Подобное широкое понимание термина «начальный верхний палеолит» поддерживают далеко не все ученые, предпочитая выделение более ранних индустрий с орудиями шанфрей или остриями эмире в отдельную группу, обозначая ее как «промежуточную фазу» (Belfer-Cohen, Goring-Morris, 2007) или «эмиран» (Shea, 2008). Действительно, и в Усагизли, и в Ксар Акиле слои с орудиями шанфрей залегают под слоями начального верхнего палеолита без этих орудий (Kuhn

et al., 2009), а также (в Усагизли) отмечены и другие качественные отличия раннего (с орудиями шанфрей) и поздних (без этих орудий) комплексов начального верхнего палеолита. Однако более важно то, что именно в рамках специфического для Леванта раннего верхнего палеолита, от эмириена, через начальный верхний палеолит, до ахмариена, прослеживается как настоящий технологический континуум, так и постепенные трансформации каменных индустрий и других элементов материальной культуры.

Показательно, что, объясняя необходимость введения термина «начальный верхний палеолит», С. Кун (Kuhn, 2003; Kuhn et al., 2009), подчеркивает следующее. Данное понятие, во-первых, не содержит намеков на генетическую связь со средним палеолитом; во-вторых, напротив, оно указывает, что индустрии начального верхнего палеолита имеют почти все характеристики (включая изготовление костяных орудий и украшений из раковин), которые считаются типичными для верхнего палеолита. Более того, начальный верхний палеолит Леванта не является переходной от среднего к верхнему палеолиту

индустрией, а представляет продолжительную по времени (несколько тысяч лет) фазу культурного развития, которая имеет свои характерные черты. Основной чертой, которая сближает его с левантийским поздним мустье, является сохранение леваллуазских черт (присутствие леваллуазских заготовок, преобладание фасетированных площадок над точечными и линейными площадками, редкое применение абразивной подправки площадок) в технологии расщепления камня. Однако основные технико-типологические черты начального верхнего палеолита имеют верхнепалеолитический облик (преобладание призматических пластин над сколами леваллуа, серийность реберчатых сколов, доминирование скребков, острий на пластинах и резцов среди орудий) и резко отличаются от характеристик позднего левантийского мустье.

Вопрос происхождения начального верхнего палеолита в Леванте остается открытым (Kuhn et al., 2009. P. 111). Наиболее вероятным географическим регионом, откуда этот тип индустрии был принесен в Левант популяциями ранних *Homo sapiens*, некоторые ученые предположительно считают северо-восток Африки (Bar-Yosef, 2000; Shea, 2008).

Хронологические рамки начального верхнего палеолита в Леванте сейчас определяются на основе серий радиоуглеродных дат с нескольких памятников. Продолжительность так называемой «промежуточной фазы», от эмириена Бокер Тачтит до начального верхнего палеолита Усагизли (Belfer-Cohen, Goring-Morris, 2007), — как минимум 5000 радиоуглеродных лет (45–40 тыс. л. н.). Радиоуглеродный возраст начального верхнего палеолита в Усагизли составляет как минимум 41,4–35 тыс. л. (Kuhn et al., 2009). Календарный возраст этих индустрий может превышать их радиоуглеродные даты по крайней мере на 3500–5000 лет, в зависимости от методов калибрования.

Однако точность ранее полученных радиоуглеродных дат древнее 40 тыс. л. сейчас часто подвергается сомнению. Так и в Леванте, наиболее ранние даты от 47 до 45 тыс. л. для слоя 1 (эмириен) в Бокер Тачтит (Marks, 1983) имеют большую погрешность в две сигмы. Они фактически перекрываются с наиболее

древней датой 41,4 тыс. л. (с погрешностью в одну сигму) в Усагизли, которая при калибровании дает возраст около 45 тыс. л. н. (Kuhn et al., 2009). Таким образом, хотя проблемы хронологии остаются, **фактический (калиброванный) возраст начального верхнего палеолита Леванта сейчас определяется в интервале от 50/45 до 40 тыс. л.**

Переход от начального верхнего палеолита к раннему ахмариену лучше всего изучен в пещерах Усагизли и Ксар Акил. На обоих памятниках этот переход имел характер постепенной трансформации индустрии, но в Усагизли удалось лучше детализировать картину этих изменений (Kuhn et al., 2009). Например, в Усагизли отмечено, что данный переход коррелирует со сдвигом в технологии производства пластин — началом использования мягкого отбойника или непрямого удара взамен прямого удара твердым отбойником. Эта инновация была подготовлена предшествующими технологическими изменениями: 1) от техники фасетирования площадок к технике абразивной обработки приплощадочной части отделяемой заготовки и 2) от плоскостного к объемному скалыванию и, соответственно, появлению призматических и торцовых нуклеусов.

В Леванте ранний ахмариен представляет первый тип индустрии, который имеет полностью верхнепалеолитический облик (рис. 4). Создателем этой индустрии был определенно *Homo sapiens*, что подтверждают разрозненные антропологические находки на нескольких памятниках и погребения в Ксар Акиле (Shea, 2008). Комплексы раннего ахмариена датируются в интервале 40–28 тыс. л. н. (калиброванный возраст). Они широко распространены на территории всего Левантийского коридора (Belfer-Cohen, Goring-Morris, 2007. Fig. 6, 3). Важно отметить, что на тех памятниках, где отсутствуют индустрии начального верхнего палеолита или «промежуточной фазы», т. е. слои среднего палеолита лежат непосредственно под слоями ахмариена, фиксируется **стратиграфический hiatus**. Это служит еще одним доказательством того, что ахмариен не является эволюционным наследником среднего палеолита Леванта.

Другим комплексом раннего верхнего палеолита в Леванте является так называемый

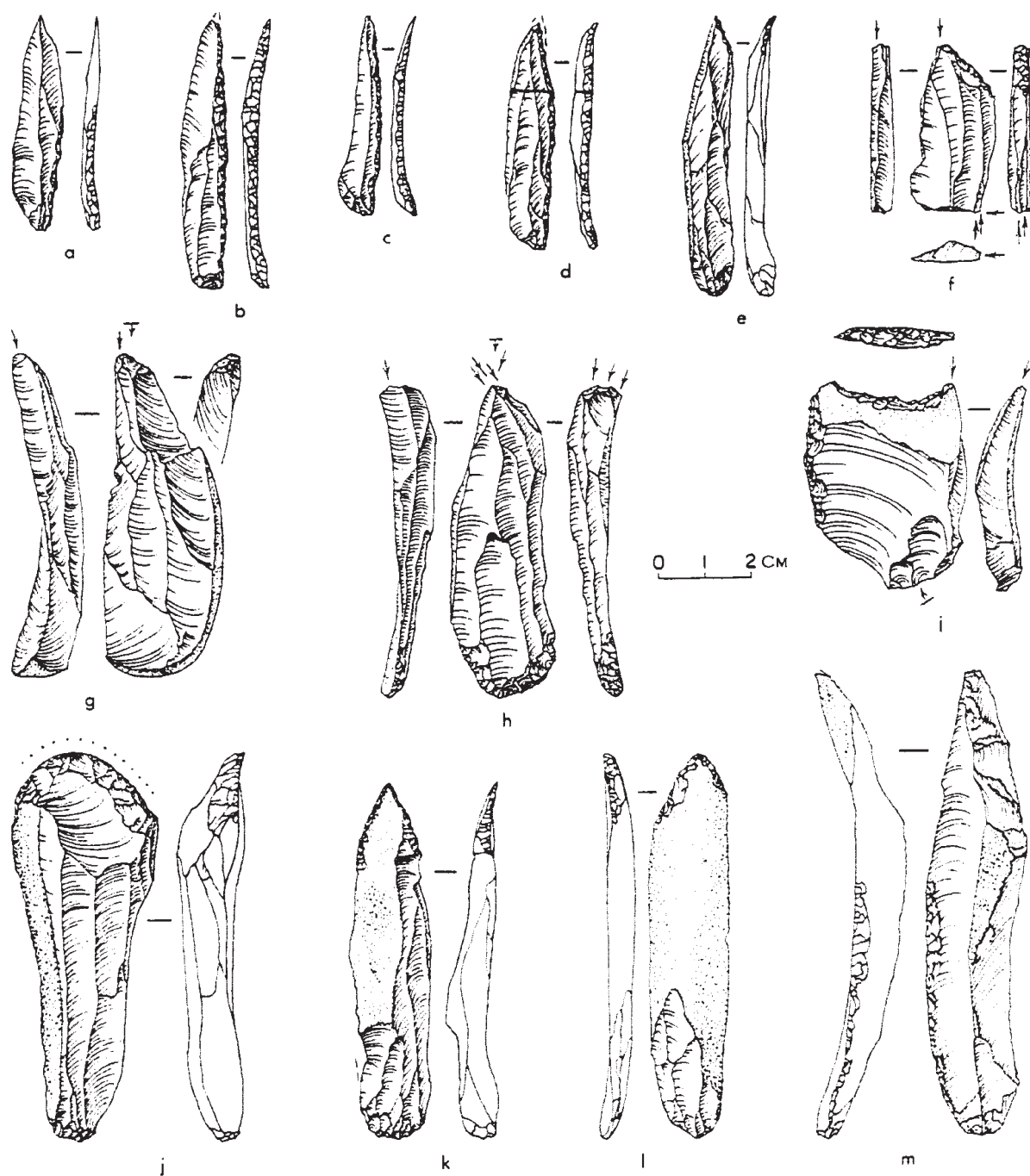

Рисунок 4. Ранняя позднепалеолитическая индустрия ахмариен из Абу Ношра II
(по: Phillips, Saca, 2003, fig. 9.7)

«левантийский ориньяк». Эта индустрия имеет очевидные черты сходства с европейским ориньяком в технике и типологии каменной индустрии, костяной индустрии (костяные острия с расщепленным основанием и двухконечные острия) и украшениях. Но европейский ориньяк — это самая древняя индустрия верхнего палеолита, наиболее

ранние достоверные даты которой — около 39–35 тыс. л. н. (калиброванный возраст). Напротив, левантийский ориньяк представляет кратковременный эпизод экспансии ориньякской культурной традиции в прибрежные районы Леванта, который произошел в конце раннего позднего палеолита, около 32–30 тыс. л. н. (калиброванный возраст). Ни-

какого отношения к переходу от среднего к верхнему палеолиту в Леванте эта индустрия не имеет (Belfer-Cohen, Goring-Morris, 2007).

Таким образом, современные данные свидетельствуют о том, что *после 45 тыс. л. н. в Леванте исчезают неандертальцы вместе с их каменной индустрией (типа Табун В) и появляются комплексы начального верхнего палеолита.*

Как показывают новейшие исследования (Shea, 2008), этот поворотный в истории заселения людьми Леванта период около 50–45 тыс. л. н. совпадает с сильным кратковременным похолоданием хейнрих 5 (Heinrich 5) в Северном полушарии. В Леванте это похолодание вызвало аридизацию климата и расширение пустынь, что, в свою очередь, спровоцировало резкое сокращение территории распространения неандертальцев до размеров прибрежной зоны Средиземного моря. Стоянки позднего среднего палеолита на средиземноморском побережье Леванта документируют возросшую интенсивность заселения и эксплуатации природных ресурсов этого региона (Lieberman, Shea, 1994; Shea, 2008) в условиях экологического стресса.

Несмотря на усилия последних неандертальцев Леванта преодолеть кризис жизнеобеспечения, они исчезают вместе с их культурой в этом регионе около 45 тыс. л. н. Как и в других регионах Западной Евразии, в Леванте отсутствуют убедительные свидетельства сосуществования неандертальского и современного человека (Shea, 2008). После 45 тыс. л. н. обезлюдивший Левант был вновь заселен популяциями *Homo sapiens*, вероятно мигрировавшими из северо-восточной Африки (Bar-Yosef, 2000).

Кавказ. До середины 1990-х гг. вопрос об истоках позднего палеолита на Кавказе практически не стоял. Общепринятым было мнение, что локальные культуры неандертальцев плавно эволюционируют в индустрии позднего палеолита. В трехступенчатой периодизации позднего палеолита Кавказа С.Н. Замятнина (1957) для первого этапа было характерно сочетание мустьерских элементов (скребла, типично мустьерские остроконечники) и позднепалеолитических типов орудий (острия граветт, ППК, концевые скребки, полиэдрические резцы, нуклевидные скреб-

ки). К памятникам ранней поры позднего палеолита относили Хергулис-кльде, Таро-кльде, Свантесаване (Замятнин, 1957; Церетели, 1982) на Южном Кавказе и Каменноостскую пещеру (Формозов, 1971; Амирханов, 1986) на Северном Кавказе. Собственно, памятников, на которых бы в одной стратиграфической колонке залегали и средний и поздний палеолит, на Кавказе немного. На ряде памятников (Апианча, Ортвала-кльде) «переходными» назывались самые поздние мустьерские слои, в индустриях которых обнаруживалось значительное количество орудий позднепалеолитических типов (Тушабрамишвили, 1994; Церетели, 1982). Обращаясь к проблеме генезиса верхнего палеолита, исследователи искали его истоки в ближайших мустьерских памятниках.

В 1970-е и 1980-е гг. происходят инновационные изменения в методике изучения палеолитических памятников на Кавказе. Обзор и критический анализ основных стратифицированных памятников позднего палеолита Кавказа были проведены Т.К. Мешвелиани (1986), В.П. Любиным (1989) и Х.А. Амирхановым (1994). Подвергнув ревизии материалы из старых раскопок, они независимо друг от друга пришли к выводу о вероятном смешении мустьерских и позднепалеолитических материалов во многих коллекциях.

С середины 1990-х гг. начинается современный этап в изучении позднего палеолита Кавказа. В результате использования новых методов археологические коллекции значительно обогащаются категориями изделий, которые ранее полностью отсутствовали. Для нескольких памятников были получены серийные абсолютные даты, в том числе с использованием разных методов датирования. Новые данные принципиально меняют представления о позднем палеолите Кавказа.

В Западной Грузии в ходе новых раскопок пещер Дзудзуана и Ортвала-кльде датирование показало не предполагавшееся до этого сравнительно раннее появление позднепалеолитических индустрий на Южном Кавказе — калиброванный возраст в интервале 42,7–39,5 тыс. л. н. (Adler et al., 2008).

Раскопки в Ортвала-кльде установили, что не существует переходной от среднего к позднему палеолиту индустрии в Западной Гру-

зии. Для среднепалеолитических комплексов этого памятника (рис. 5) характерно левалуазское пластинчатое расщепление, производство удлинённых заготовок, преобладание среди орудий скребел. Между средним и поздним палеолитом отмечен хронологический разрыв, не представленный отложениями. Самый ранний позднепалеолитический комплекс из слоев 4d и 4c содержит материалы, которые резко отличаются от среднепалеолитических индустрий (рис. 6). Он включает одноплощадочные призматические нуклеусы для пластин, концевые скребки на пластинах, круглые скребки на отщепках, ретушные резцы, многочисленные пластинки с тонкой ретушью и пластинки с притупленным краем. Следует также отметить наличие трех острий со скошенным основанием из кости или рога, два ложила из кости или рога и заполированную кость с серией параллельных насечек неизвестного назначения (Adler et al., 2006). Эти технологии обработки камня и кости раннего позднего палеолита не имеют никаких истоков в предшествующем финальном среднем палеолите.

Самый ранний позднепалеолитический комплекс из пещеры Дзудзуана (рис. 7) характеризуется присутствием нуклеусов для пластин и пластинок со скалыванием в одном направлении, производством коротких пластин и пластинок. Среди орудий присутствуют резцы и концевые скребки на отщепках и пластинах. Показательно наличие отретушированных тонкой ретушью пластинок, часто имеющих ширину менее 4 мм (Meshveliani et al., 2004). Во второй индустрии раннего комплекса пещеры Дзудзуана, которая объединяет несколько стратиграфических подразделений, преобладают мелкие пластины и пластинки, а также кареноидные нуклеусы. Комплекс включает простые концевые скребки на отщепках и пластинках, резцы и редко проколки. Фрагменты костяных изделий с геометрическими орнаментами опубликованы (Мешвелиани и др., 2002) также из среднего комплекса Дзудзуаны. Из этого же комплекса происходят две подвески: одна изготовлена из резца оленя, вторая — из кости (Golovanova et al., 2010b). В пещере Дзудзуана большая часть подвесок изготовлена из резцов козлообразных (устное сообщение Т. Мешвелиани).

На Северном Кавказе Мезмайская пещера, изучаемая с 1987 г., широко известна как среднепалеолитическая стоянка (Голованова и др., 1998; Голованова, Дороничев, 2003; 2004; 2005; Golovanova et al., 1998a; 1999; Golovanova, Doronichev, 2003). В 1997 г. при раскопках в глубине пещеры впервые были обнаружены позднепалеолитические отложения *in situ* (Голованова, 2000; Golovanova et al., 2006). К 2009 г. на памятнике было изучено семь позднепалеолитических слоев. Для них получено 19 радиоуглеродных датировок в шести разных лабораториях.

Поздние среднепалеолитические индустрии Мезмайской пещеры относятся к восточноевропейскому микроку (рис. 8). Для них характерны параллельное скалывание, низкие индексы пластинчатости и фасетирования площадок. Преобладание простых скребел, наличие совокупной группы конвергентных орудий, единичные скребки на отщепках и плоские резцы, а также небольшое количество бифасиальных изделий являются характерными чертами этих комплексов. В слое 2 найдены фрагменты черепа неандертальца (Briggs et al., 2009). На Северо-Западном Кавказе близкими по времени и культуре также являются среднепалеолитический слой Губского навеса 1 и верхние слои Монашеской пещеры, в которой также найдены кости неандертальца. Сейчас этот хронологический период можно датировать древнее 40 тыс. л. н. (Golovanova et al., 2010a).

Следует отметить, что на Северном Кавказе в интервале от стадиала хейнрих 5 (слой 2В-1 с вулканическим пеплом в Мезмайской пещере) до хейнрих 4 (от 50 до 40 тыс. л.) в индустриях позднего среднего палеолита отмечаются определенные эволюционные изменения (прежде всего в технике расщепления). Однако они имеют многочисленные аналогии в более ранних комплексах восточного микрока. Именно поэтому их никогда не выделяли как переходные индустрии.

В Мезмайской пещере между самым поздним среднепалеолитическим слоем 2 и самым ранним позднепалеолитическим слоем 1С изучен слой 1D, который сохранился только в глубине пещеры. Геохимическое изучение определило вулканический пепел в слое 1D, который был сопоставлен с высококалийными

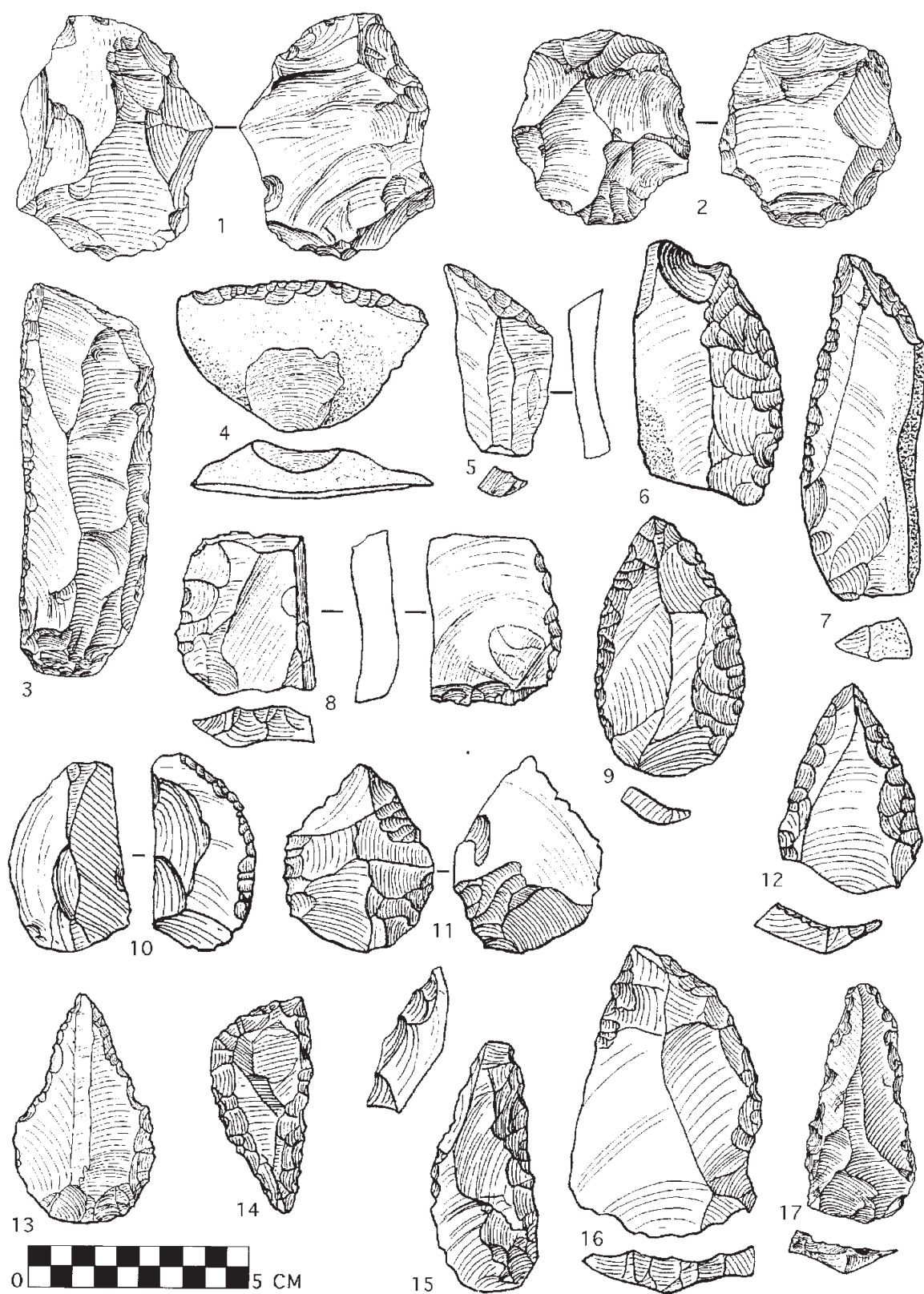

Рисунок 5. Самая поздняя среднепалеолитическая индустрия из слоя 5 Ортвала-клде (по: Adler, Tushabramishvili, 2004, fig. 9).

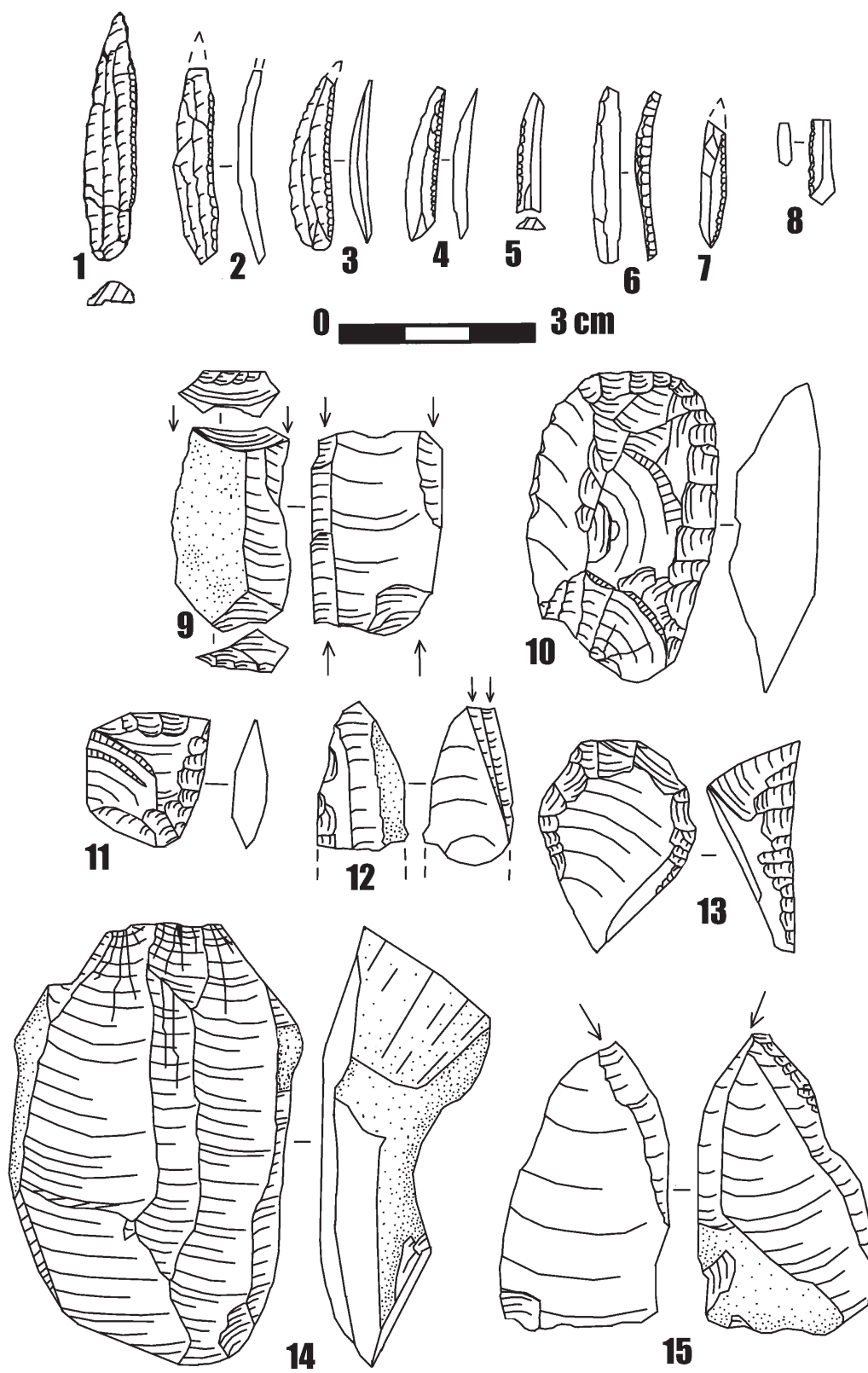

Рисунок 6. Ранняя позднепалеолитическая индустрия из пещеры Ортвала-кде, 14 — слой 3; 1–10, 13, 15 — слой 4с; 11 — слой 4d (по: Adler et al., 2006, fig. 10).

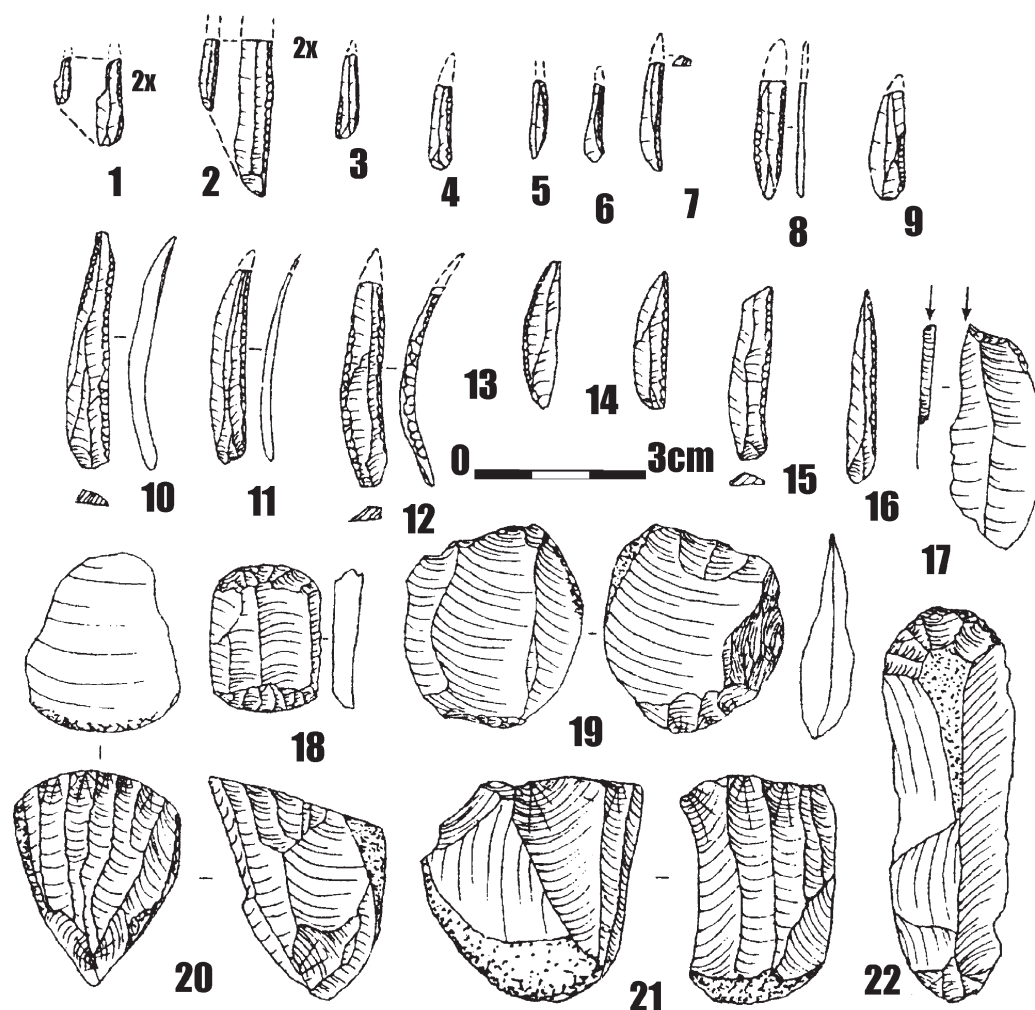

Рисунок 7. Ранняя позднепалеолитическая индустрия из пещеры Дзудзуана. Нижний комплекс. Номер 1 и 2 включают рисунки реальных размеров и увеличенные в 2 раза (по: Meshveliani et al., 2004, fig. 9.2)

базальтами — андезитовыми базальтами. Эти породы характерны для вулканитов Казбека. По-видимому, формирование этого слоя связано с вулканическим извержением Казбека (рис. 1) около 40 тыс. л. н. (Golovanova et al., 2010a). Таким образом, в Мезмайской пещере зафиксированы важные геологические процессы, с которыми связан хронологический разрыв между средним и поздним палеолитом, фиксируемый не только на Северо-Западном Кавказе, но и в Западной Грузии.

Для самого раннего позднепалеолитического слоя 1С имеется шесть радиоуглеродных дат, на основании которых календарный (т. е. калиброванный) возраст слоя 1С определяется в интервале 40–36 тыс. л. н. Этот

слой Мезмайской можно синхронизировать с ранними позднепалеолитическими слоями пещер Ортвала-клде и Дзудзуана, которые имеют калиброванный возраст в интервале от 42,7–39,5 до 34 тыс. л. н. (Adler et al., 2008).

Для каменной индустрии слоя 1С (рис. 9) характерна высокоразвитая пластинчатая техника расщепления. Пластины составляют 61,7% от общего числа сколов (все статистические данные приводятся по коллекции 2004 г.). Среди пластин — 84,6% пластинок и микропластинок. Большая часть орудий — пластинки с притупленным краем (59,4%). Представлено несколько типов острий, среди которых наиболее многочисленны острия граветт, острия с симметрично ретуширован-

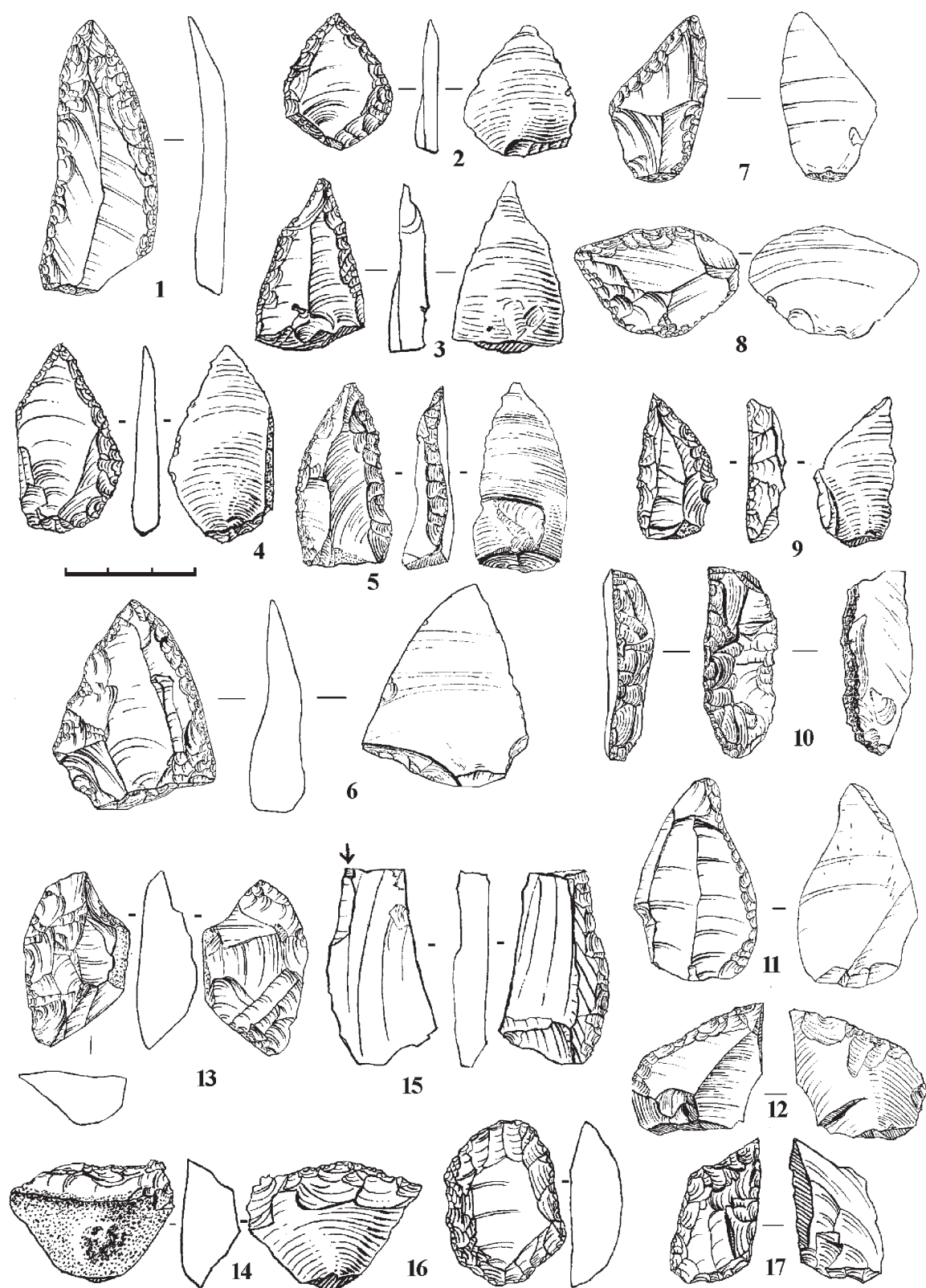

Рисунок 8. Поздняя среднепалеолитическая индустрия из слоев 2 и 2А Мезмайской пещеры

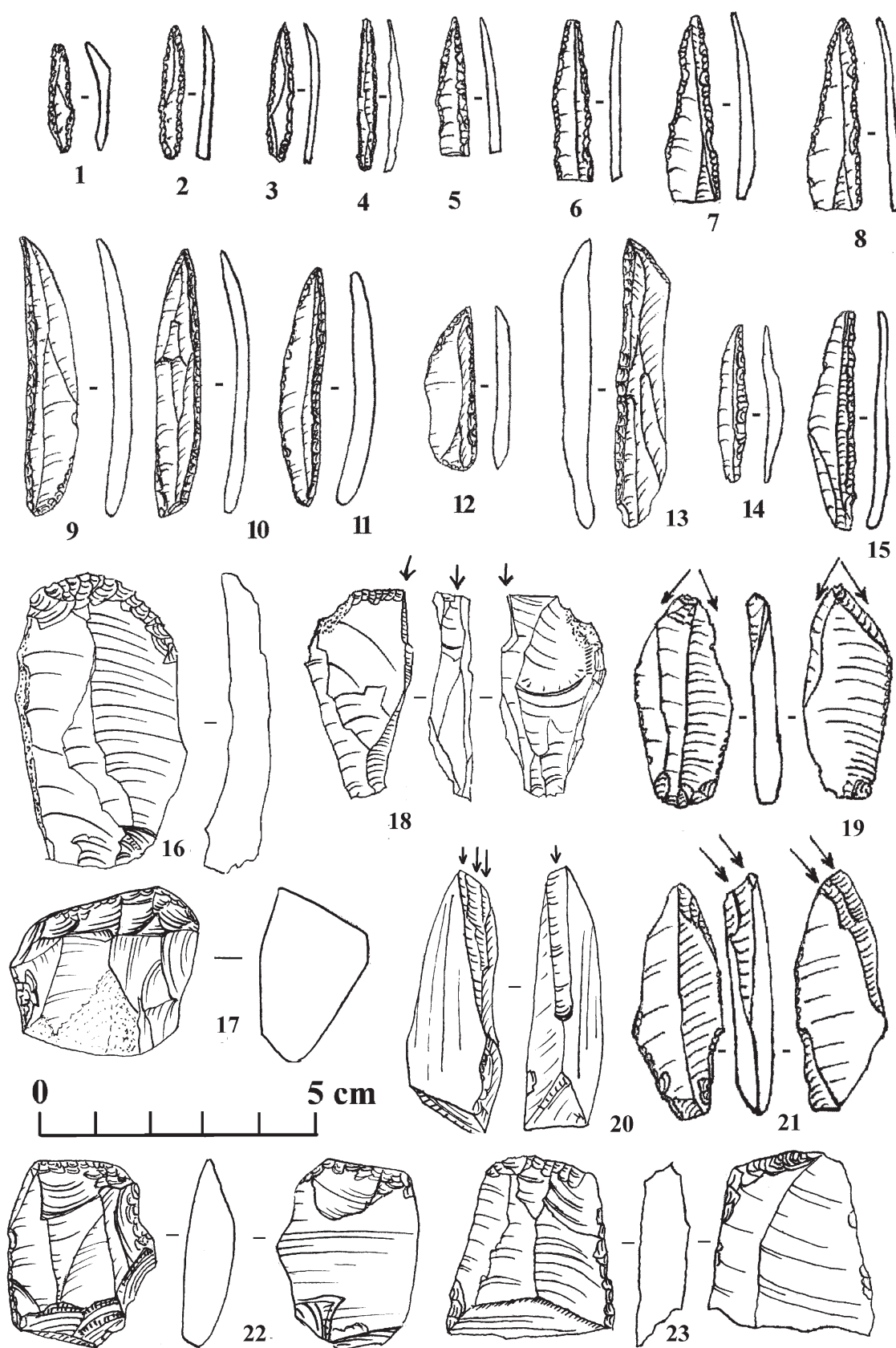

Рисунок 9. Ранняя позднепалеолитическая индустрия из слоя 1С Мезмайской пещеры

ными краями, игловидные, острия со скошенным концом. Скребки и резцы немногочисленны (5 и 7% всех орудий соответственно), долотовидные орудия единичны. Большинство скребков изготовлено на массивных отщепах или технических сколах. Среди резцов имеются многофасеточные формы.

Из слоя 1С происходит многочисленная и разнообразная коллекция изделий из кости. Большинство острий (9 из 10) относятся к типу круглых в сечении двухконечных острий. Также найден один фрагмент плоского наконечника, который имеет симметричный двояковыпуклый профиль. Большинство (5 экз.) проколов имеет массивные сечения, одним экземпляром представлена проколка-лощило. Также единичны изделие типа лопаточки и долотовидное орудие. Фрагмент иглы с ушком имеет плоское сечение. Важно отметить, что у подвески, изготовленной из резца копытного, ушко прорезное (Golovanova et al., 2010b).

Комплекс средних слоев (1В и 1А) близок индустрии слоя 1С. Несколько увеличивает микропластинчатый компонент. В коллекции слоя 1А (рис. 10) пластины составляют 70,6% всех сколов. Среди пластин преобладают пластинки и микропластинки (88,5%), причем микропластинок больше (61,1%), чем пластинок. Пластинки с притупленным краем составляют 69,2% орудий. Интересна пластинка с притупленным краем и скребковидным концом. В слое 1А появляются острия фонт-ив (рис. 10, 1). Наиболее многочисленны острия граветт. Скребки чаще изготовлены на пластинах.

Богатая коллекция костяных изделий пополнилась новыми изделиями. Острия представлены круглыми в сечении формами (4 экз. — в слое 1В, 4 — в 1А). Более многочисленны иглы, в слое 1В (4 экз.) они имеют плоское в основании сечение, в слое 1А (3 экз.) они круглые по всей длине. Начиная со слоя 1В встречаются тонкие в сечении проколки. В слое 1А найдены и массивные, и тонкие проколки. Также из этих слоев происходят лощило и другие орудия.

Уникальным изделием является игольница с геометрическим орнаментом, найденная в кровле слоя 1В. Фрагменты костяных изделий с геометрическими орнаментами найде-

ны также в слое 1А. Из слоя 1А происходят и две подвески из молочных резцов оленя с просверленными ушками и две уникальные для палеолита Кавказа плоские нашивки-бусины, изготовленные из пластины бивня мамонта (Golovanova et al., 2010b).

Во всех ранних позднепалеолитических слоях (1А, 1В и 1С) обнаружены мелкие морские раковины — *Trophon muricatus* (Mtd.) или *Nassarius reticulatus* (L.) (определение А.Л. Чепалыга), но только раковины из слоев 1А и 1В имеют отверстия. Из слоя 1А также происходит подвеска из морской раковины *Cyclope neritea* (Linne).

Таким образом, новые исследования позволяют говорить, что индустрии раннего позднего палеолита на Кавказе появляются в интервале от 40 до 35 тыс. л. н. Между концом среднего палеолита и началом позднего палеолита выявлен хронологический разрыв. На Северо-Западном Кавказе (в Мезмайской пещере) этот разрыв документируется отложениями вулканического пепла, фиксирующими активный вулканизм в данный период на Кавказе. Вулканический пепел вулкана Казбек (рис. 1), расположенного на расстоянии около 400 км, залегает в Мезмайской пещере слоем мощностью до 40–50 см. Активные вулканические извержения, вероятно, имели характер крупной природной катастрофы и отразились на палеоклимате как Северного, так и Южного Кавказа.

Ранние позднепалеолитические индустрии появляются на Кавказе как полностью сформировавшиеся культурные традиции. Аналогии кавказским материалам обнаруживаются среди ахмарских позднепалеолитических памятников Ближнего Востока. Исследователи позднего палеолита Грузии также указывают на близость материалов Дзудзуаны и Ортвала-кде прежде всего ахмариену Леванта (Adler et al., 2006). При сравнении грузинских и северокавказских материалов, индустрии Мезмайской пещеры отличаются большим процентным содержанием пластинок с притупленным краем. Подробная публикация материалов закавказских памятников позволит точнее определить сходства и различия ранних позднепалеолитических индустрий Южного и Северного Кавказа.

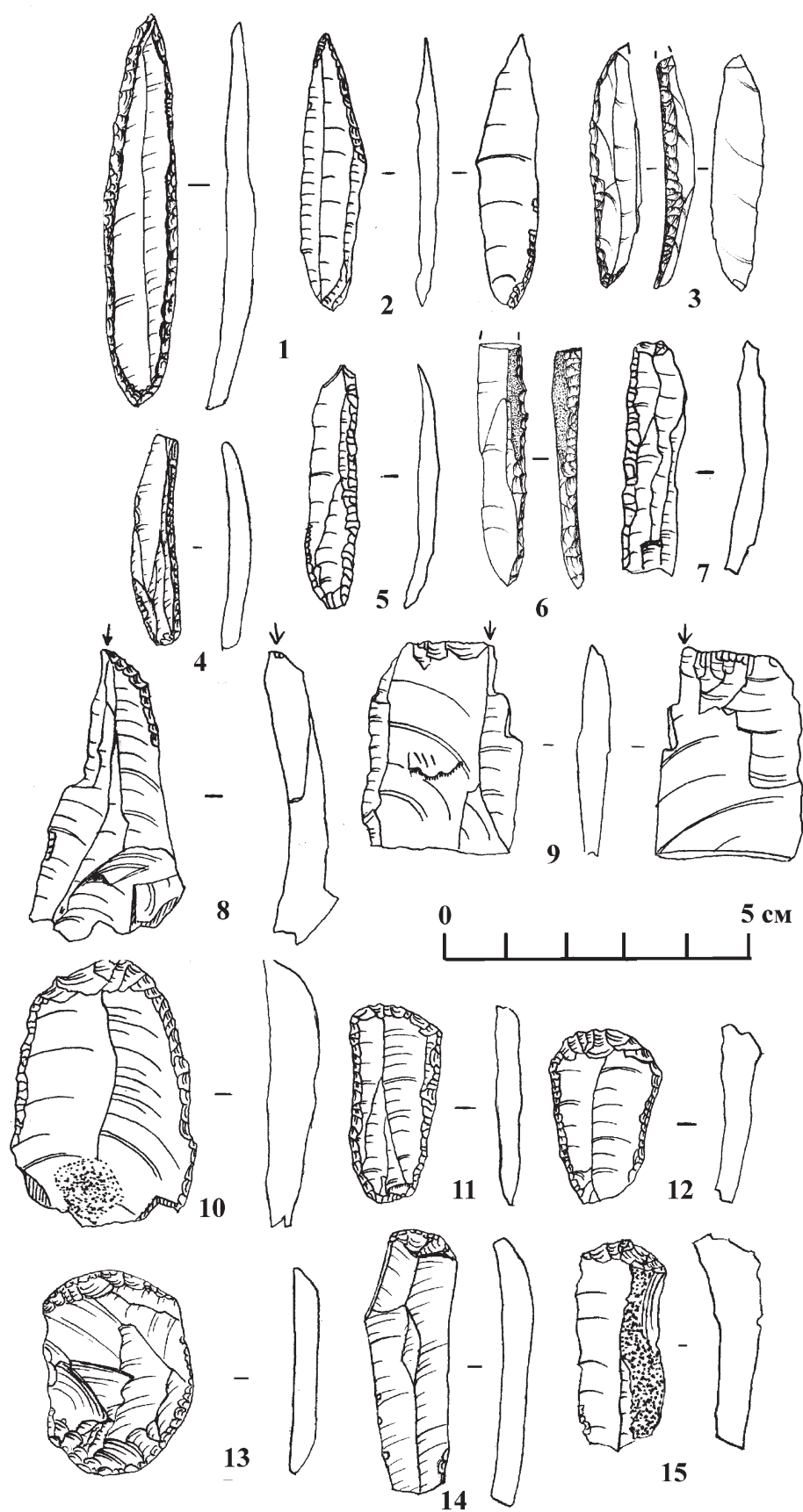

Рисунок 10. Мезмайская пещера. Каменные орудия из слоя 1А

Одним из самых важных результатов изучения позднего палеолита Кавказа в последние годы является обнаружение богатой и разнообразной костяной индустрии. Особенно характерными для позднего палеолита Кавказа являются подвески из резцов копытных и изделия с геометрическими орнаментами (Golovanova et al., 2010b).

Европа. Переход от среднего к верхнему палеолиту в Западной и Центральной Европе охватывает период времени (примерно от 45 до 35 тыс. л. н.), в течение которого произошло замещение индустрий позднего среднего палеолита комплексами раннего верхнего палеолита, и европейских неандертальцев — популяциями анатомически современных людей. Несколько типов каменных индустрий выделяется для этого периода и обсуждается в обширной литературе, посвященной проблеме перехода. Эти индустрии можно разделить на три группы:

1) индустрии позднего среднего палеолита (мустье ашельской традиции во Франции, зубчатое мустье, группа Кайльмессер в Центральной Европе, восточный микок в Восточной Европе и др.);

2) так называемые «переходные индустрии», сочетающие черты среднего и позднего палеолита в технике и типологии (шательперрониен, селетиен, улуззиен, бачокириен, богунисиен и др.);

3) подлинные индустрии раннего верхнего палеолита (ранний ориньяк и так называемый «протоориньяк»).

Ведущаяся на протяжении многих десятилетий в науке дискуссия о том, кто был создателем этих разных индустриальных комплексов (современные люди, неандертальцы, или некие гибридные популяции), почти исключительно базировалась на качественных методах диагностики физической антропологии. Однако основную часть ископаемых антропологических находок (неопределимые фрагменты костей и изолированные зубы) до недавнего времени не удавалось диагностировать традиционными антропологическими методами. В последние годы прогресс в этой области связан с достижениями генетического анализа ископаемых останков неандертальцев (Serre et al., 2004; Green et al., 2006; Krause et al., 2007; Briggs et al., 2009) и совре-

менных людей (Krause et al., 2010) и новыми методами диагностики видовой принадлежности по изолированным зубам (Bailey et al., 2009). Генетический анализ позволил сделать два важных вывода.

1) Создателем различных индустрий позднего среднего палеолита от Испании (Эль Сидрон), Франции (Сен-Сезар, Шапель-о-Сен и Роше-де-Вильнев), Германии (Фельдхофер), Бельгии (Энджи и Складина) и Италии (Монте Лессини) в Западной Европе, Балкан (Виндия в Хорватии) и Кавказа (Мезмайская) до Средней Азии (Тешик-Таш в Узбекистане) и Алтая (стоянка Окладникова) был европейский неандерталец.

2) Смешения генов европейских неандертальцев и современных людей не обнаружено, что указывает на отсутствие гибридизации этих двух популяций либо на ее очень незначительные масштабы.

Статистический анализ ископаемых зубов (Bailey et al., 2009) не только подтвердил генетические данные, но и добавил к ним новые выводы:

1) все антропологические находки, связанные с поздним средним палеолитом в Западной и Центральной Европе, принадлежат европейским неандертальцам;

2) зубные системы неандертальцев и современных людей имеют качественные различия и не обнаруживают признаков гибридизации этих двух популяций (включая современного по строению зубов, но сочетающего неандерталоидные и современные черты ребенка из Лагар Велхо в Португалии, которого некоторые ученые рассматривают как одно из главных доказательств гибридизации неандертальцев и современных людей);

3) создателем «переходной» индустрии шательперрониен был европейский неандерталец (неандертальцы были создателями и другой «переходной» индустрии — улуззиен в южной Италии: Gambassini et al. In press);

4) антропологические находки в Европе, которые можно уверенно связывать с индустриями раннего верхнего палеолита (ориньяком), датирующимися от 40 до 30 тыс. л. н., принадлежат анатомически современным людям.

Значительный прогресс в фактическом обосновании отсутствия сосуществования (и,

следовательно, возможности гибридизации) неандертальцев и современных людей связан с прогрессом в методах датирования и калибрования радиоуглеродных дат. В Западной и Центральной Европе древнейшей культурой, создателем которой был современный человек, является ориньяк (Bar-Yosef, Zilhao, 2006), с его развитой технологией обработки кости, орнаментацией, украшениями и древнейшим пещерным искусством (около 36 тыс. л. н., пещера Шове, Франция: Clottes, 2003). Время появления ориньякских стоянок в Европе не превышает калиброванный возраст около 40,5 тыс. л. (Zilhao, 2006. Р. 187) или около 41 тыс. л. (Mellars, 2006. Р. 934).

Также и древнейшие в Европе ископаемые останки современного человека (в пещере Осе, Румыния), которые, вероятно, представляют первых современных людей, пришедших на Европейский континент, имеют средний калиброванный возраст около 40,5 тыс. л. (Zilhao, 2006. Р. 185). Находки в Осе лишены археологического контекста. Другие наиболее ранние датированные находки современного человека в Европе имеют радиоуглеродные даты менее 35 тыс. л. н. (соответственно, калиброванный возраст моложе 40 тыс. л.) и связаны с ориньякскими комплексами (Churchill, Smith, 2000; Trinkaus et al., 2003; Trinkaus, 2005; Bailey et al., 2009).

Напротив, существование неандертальцев в Европе после 40 тыс. л. н. вызывает все больше возражений. Очень немногие останки поздних европейских неандертальцев имеют прямые датировки. Самые поздние из этих дат (за исключением тех, которые признаны ошибочными) указывают на существование неандертальского человека в Европе незадолго до 38 тыс. л. н. (радиоуглеродный возраст) в Фельдхофер, Германия (Schmitz et al., 2002), Эль Сидрон в Испании, Роше-де-Вильнев во Франции (Beauval et al., 2006), Кюльна в Чехии (Mook, 1988) и слое G3 в Виндии, Хорватия (Serre et al., 2004).

На некоторых стоянках поздние даты являются результатом ошибок датирования. Например, повторные анализы показали, что самые молодые непосредственно датированные находки неандертальцев из слоя G1 в Виндии (29080 ± 400 и 28020 ± 360 радиоуглеродных лет: Smith et al., 1999) и слоя 3 в Мез-

майской (29195 ± 965 радиоуглеродных лет: Ovchinnikov et al., 2000) загрязнены современным карбоном (Skinner et al., 2005; Higham et al., 2006). В Мезмайской пещере возраст слоя 3 с находкой неандертальца определен на основании ЭПР-дат в интервале 63–73 тыс. л. н. (Skinner et al., 2005). В пещере Виндия, в слое G1, который формировался в течение длительного времени, вероятно, произошло смешение (палимпсест) стоянок неандертальцев и современных людей (Zilhao, 2006).

В целом, по мере прогресса в методах датирования и получения больших серий дат на все большем количестве памятников, содержащих индустрии позднего среднего и раннего верхнего палеолита, хронологический интервал так называемого «переходного периода» все более сужается. По некоторым современным оценкам (Joris, Street, 2008), период времени, в течение которого произошло замещение неандертальцев позднего среднего палеолита современными людьми раннего верхнего палеолита, в Европе занял не более 2500 лет. Точность современных методов датирования пока не позволяет оперировать столь узкими интервалами времени (например, погрешность радиоуглеродного метода составляет не менее 5000 лет), что, естественно, обуславливает неизбежное перекрывание датировок заведомо разновременных комплексов. Тем не менее, именно этот кратковременный интервал времени продолжительностью не более 3000 лет, от 38 до 35 тыс. радиоуглеродных лет, не представлен находками ни неандертальцев, ни современных людей в Европе (Joris, Street 2008. Р. 788). Является ли этот хиатус временным явлением, которое исчезнет в ходе новых открытий и прогресса в методах датирования, либо он отражает подлинный вакуум населения в Европе в данный промежуток времени — вопрос будущих исследований.

Все отмеченные выше достижения последних лет в изучении периода «перехода» от среднего к верхнему палеолиту в Европе связаны как с применением новейших методик лабораторного анализа ископаемых материалов, так и с использованием более тщательных и современных методов раскопок и полевых исследований палеолитических стоянок. Ниже мы рассмотрим некоторые результаты

этих работ, результаты, благодаря которым начинают меняться традиционные представления о процессе замещения неандертальцев современными людьми и начале верхнего палеолита в Европе.

В Европе все каменные *индустрии позднего среднего палеолита* везде, где представлены антропологические находки, обнаруживают связь с неандертальцами. Этот антропологический факт подтверждают как проведенные в последние годы генетические анализы (Briggs et al., 2009), так и исследования ископаемых зубов (Bailey et al., 2009).

Во многих регионах Европы выделяются так называемые *«переходные» индустрии*. Время их существования охватывает хронологический интервал между комплексами достоверно позднего среднего палеолита и комплексами достоверно верхнего палеолита (ориньяк). Общей чертой «переходных» индустрий (отличающей их от комплексов позднего среднего палеолита) является присутствие выраженных элементов верхнего палеолита в технологии (систематическое производство массивных пластин) и типологии (большой процент изделий верхнепалеолитических типов, таких как скребки, резцы, орудия с притупленной спинкой). Также некоторые из этих комплексов характеризуются спорадическим появлением украшений и новых технологий обработки кости.

Эти «переходные» индустрии долгое время рассматривались, и нередко до сих пор рассматриваются, либо как результат аккультурации европейских неандертальцев пришедшими в Европу популяциями современных людей, либо как творения исключительно современного человека. Один из новейших обзоров (Joris, Street, 2008) показал, что «переходные» индустрии могут быть связаны с двумя конвергентными по направленности изменений (верхнепалеолитические инновации), но различными по своему происхождению культурными феноменами.

Первую группу «переходных» комплексов (улуззиен, шательперрониен, индустрии с листовидными остриями) предложено определять как индустрии финального среднего палеолита (Joris, Street, 2008). В Западной и Центральной Европе, эти комплексы разделя-

ются на два крупных варианта, географические рамки которых различны:

1) от Британии, через Северную Европу (к северу от Альп), до Карпат распространены индустрии с листовидными, частично или полностью бифасиально обработанными наконечниками;

2) во Франции, Испании и средиземноморской Европе представлены индустрии, которые характеризуются изделиями с выпуклой притупленной спинкой, включая шательперрониен и улуззиен.

Радиоуглеродный возраст этих «переходных» комплексов определяется в основном интервалом 41–38 тыс. л. н., но не моложе 35–34 тыс. л. н., т. е. их калиброванный возраст составляет около 45–40 тыс. л. Везде, где с этими индустриями связаны антропологические находки (шательперрониен, улуззиен), определяется неандерталец.

Вторую группу «переходных» комплексов (включая бачокириен, богунисиен, протоориньяк) предложено определять как индустрии начального верхнего палеолита (Joris, Street, 2008). Подобная трактовка может быть оспорена. Во-первых, радиоуглеродный возраст этих «переходных» комплексов составляет от 39–38 до 35 тыс. л., т. е. практически совпадает с интервалом времени, которым датируются комплексы первой группы (т. е. «переходные» индустрии финального среднего палеолита). Во-вторых, ни для одного из комплексов второй группы нет антропологических находок, доказывающих, что эти комплексы созданы современными людьми. Предположение, что создателями данных индустрий были ранние сапиенсы, очевидно, исходит в значительной степени из инерции традиционного представления, что переход к верхнему палеолиту связан исключительно с анатомически современным человеком.

Известно, что шательперрониен во Франции и Испании (рис. 11) первоначально был определен как самая ранняя индустрия верхнего палеолита в Западной Европе и назван «нижним ориньяком» (Breuil, 1913). Потом в нем стали находить все больше черт среднего палеолита (Zilhao, d'Errico, 1999) и, наконец, установили его вероятную генетическую связь с местным поздним средним

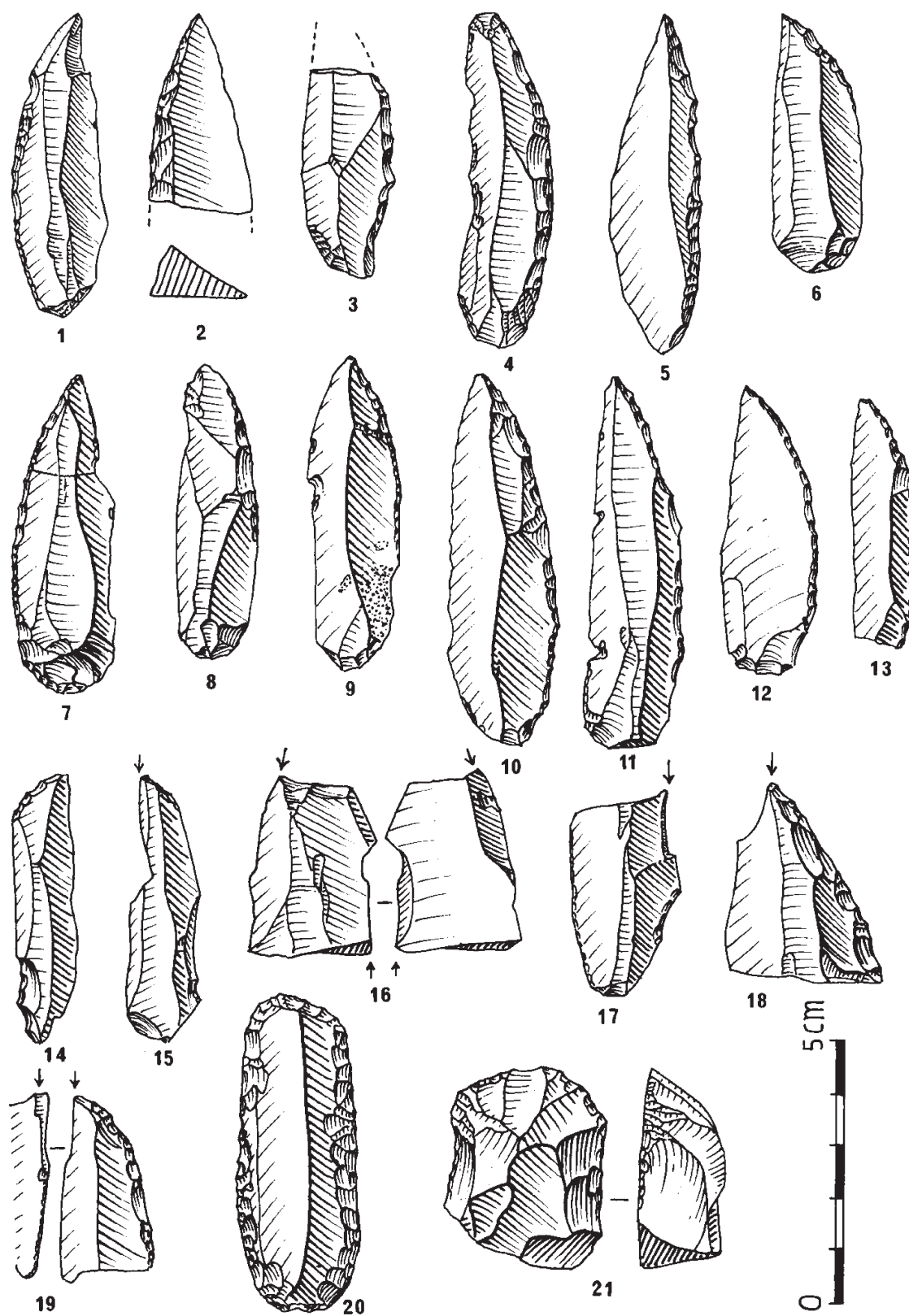

Рисунок 11. Индустрия шатальперрон (по: Delporte, 1976, fig. 1)

палеолитом (мустье ашельской традиции: Soressi, 2002) и неандертальскую принадлежность создателей этой индустрии (Bailey et al., 2009). Схожую траекторию от почти сапиентного раннего верхнего палеолита до неандертальского финального среднего палеолита демонстрирует другая «переходная» индустрия — улуззиен в Италии (рис. 12) и Греции. В длительной дискуссии о том, кто был создателем этих комплексов, точку ставят антропологические находки, подтверждающие неандертальскую принадлежность и шательперрониена, и улуззиена (Bailey et al., 2009; Gambassini et al. In press).

История изучения богунисиена (рис. 13) в Центральной Европе также весьма показательна. Первоначально К. Валох (Valoch, 1976) определил эту индустрию как селетиен фации леваллуа на основании сочетания листовидных бифасов и нуклеусов леваллуа. Позже Ю. Свобода (Svoboda, 1990; Svoboda, Skrdla, 1995) иначе интерпретировал особенности этой индустрии (сочетание призматической технологии верхнего палеолита с производством леваллуазских острий и пластин, значительная доля верхнепалеолитических типов орудий) и определил ее как богунисиен. Предложенное Ю. Свободой выделение на востоке Центральной Европы двух технокомплексов раннего верхнего палеолита, более раннего богунисиена (без листовидных бифасов) и более позднего селетиена (с листовидными бифасами), получило поддержку многих ученых. Богунисиен стал активно обсуждаться как продукт экспансии анатомически современных людей с Ближнего Востока (Svoboda, 1990; Svoboda, Bar-Yosef, 2003; Kozłowski, 2004; Tostevin, Skrdla, 2006; Mellars, 2006).

Однако траектория, по которой движется датирование комплексов богунисиена, ведет не к раннему верхнему палеолиту, а в глубь позднего среднего палеолита. Наиболее ранние калиброванные радиоуглеродные даты комплексов богунисиена (в Кежбали и Сихелна) варьируют от 48 до 43 тыс. л. н. Они согласуются с усредненной термолюминесцентной датой около 48 тыс. л. н., недавно полученной (Richter et al., 2008) по 11 обожженным кремням из новых раскопок 2002 г. на стоянке Богунице. Радиоуглеродные датировки

определяли более поздний калиброванный возраст этой индустрии — от 44 до 35 тыс. л. В Закарпатской Украине комплексы слоя II в Королево II и слоя 3 в Сокирнице, которые близки богунисиену (Usik et al., 2006), имеют радиоуглеродные определения возраста около 39 тыс. л. (Joris, Street, 2008).

Новые археологические данные также вступают в противоречие со сложившимся представлением о характере богунисиена. Последние раскопки, проведенные в 2002 г. на стоянке Богунице, выявили производство листовидных бифасов на этом памятнике (Skrdla, Tostevin, 2005), подтвердив тем самым принадлежность богунисиена к индустриям с листовидными бифасами. Эти индустрии широко распространены в финальном среднем палеолите в Европе к северу от Альп. Они образуют обширный по своим географическим рамкам комплекс «переходных» индустрий, определяемый как группа блаттшпитцен или индустрии с листовидными остриями и остриями на пластинах (Joris, Street, 2008).

Этот комплекс индустрий характеризуется типологическим разнообразием и включает много региональных вариантов: жермановичен, группа альтмюль или ранисиен, селетиен и др. (Joris, Street, 2008). Предполагается автохтонное происхождение этих индустрий от более ранних комплексов позднего среднего палеолита, объединяемых в группу кайльмессер в Центральной Европе (Bosinski, 1967; Joris, 2004). Хотя раньше многие комплексы с листовидными бифасами датировали довольно поздним временем (до 29–27 тыс. радиоуглеродных лет), полученные с использованием современных методик новые даты определяют гораздо более древний возраст данных индустрий, в интервале от 40 до 37,5 тыс. радиоуглеродных лет (Joris, Street, 2008).

Близкая богунисиену, но без технологии листовидных бифасов, «переходная» индустрия представлена бачокириеном. Этот тип индустрии был определен на материалах стоянок Бачо Киро (слой 11) и Темната (слой 4) в Болгарии как индустрия раннего верхнего палеолита, предшествующая ориньяку (Kozłowski, 1982). В одной из публикаций (Kozłowski, Otte, 2000) бачокириен был обозначен как «преориньяк» и определен как

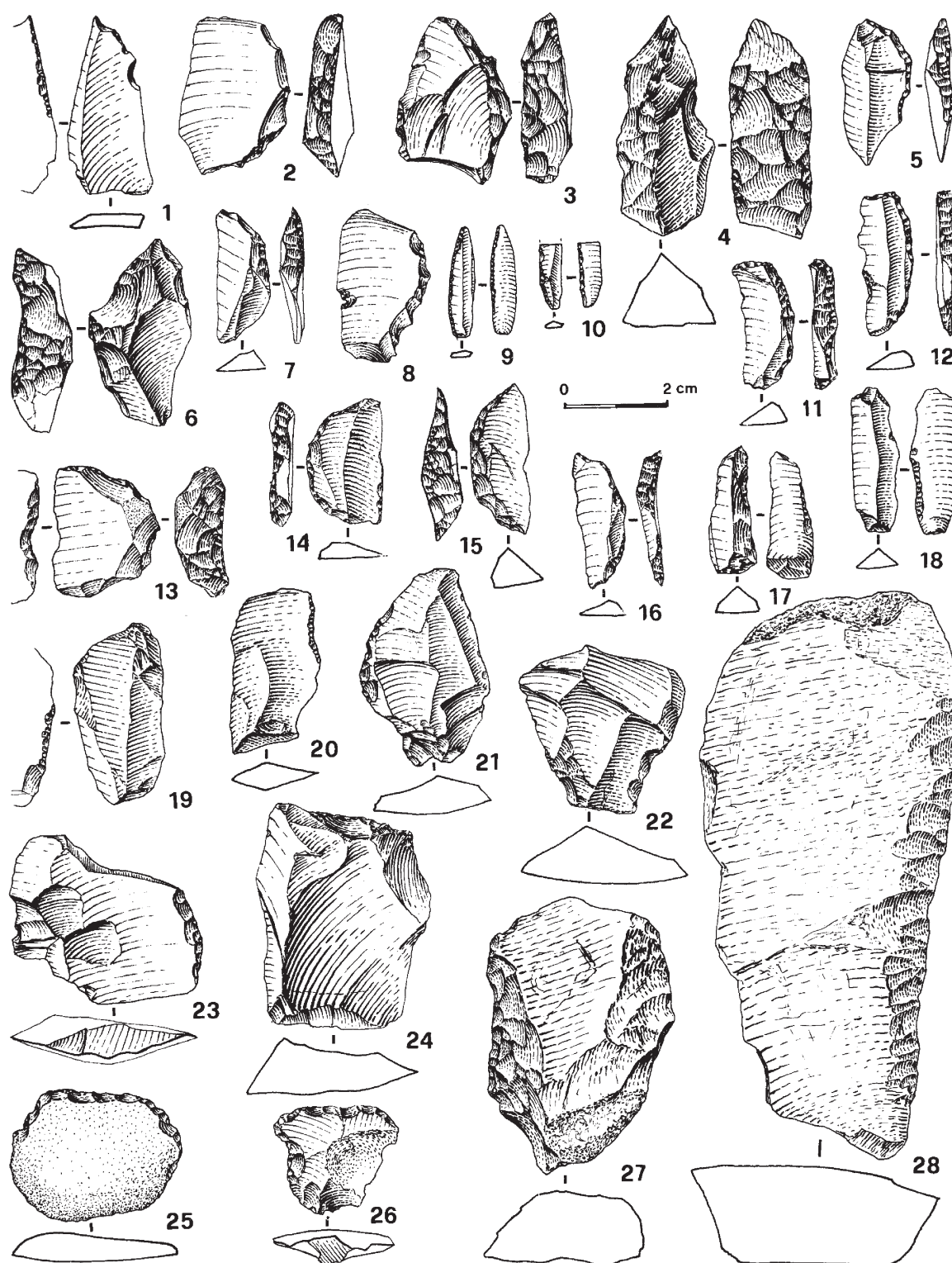

Рисунок 12. Индустрия улуззиен из пещеры Кастельчивита (по: Gambassini, 1997, fig. 20)

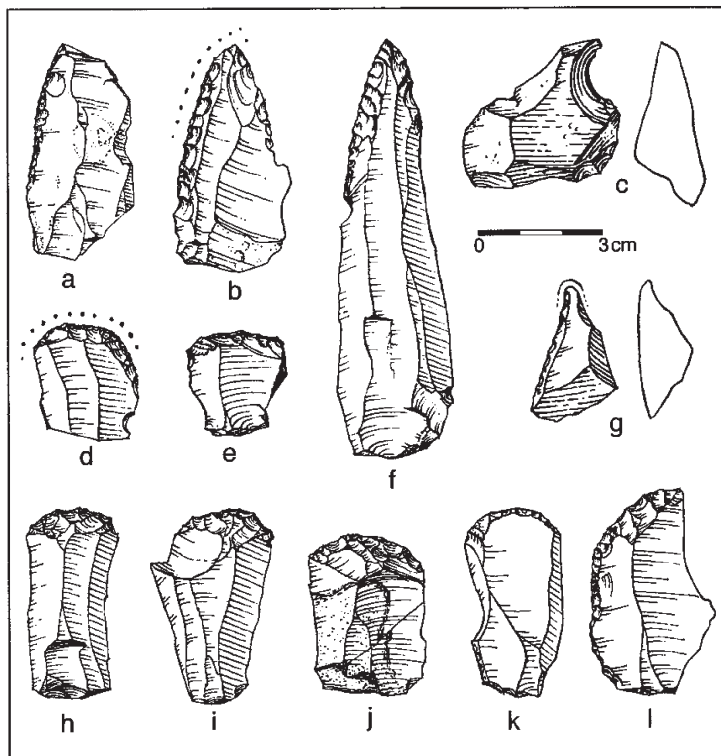
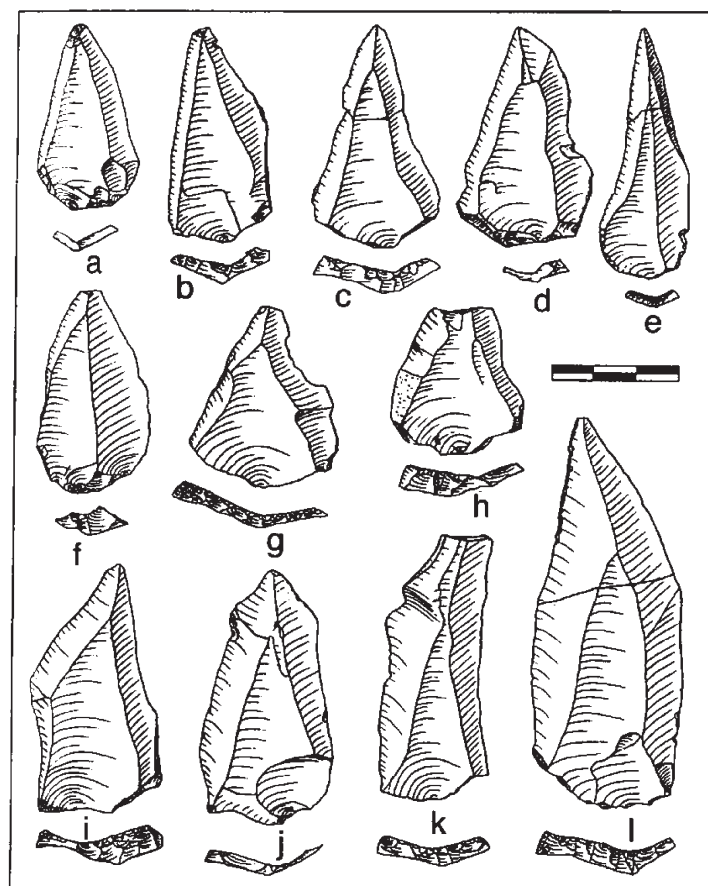

Рисунок 13. Индустрия богунисиен из Странска Скала
(по: Skrdla, 2003, fig. 7.17; Svoboda, 2003, fig. 10.4)

самая ранняя на Балканах ориньякоидная индустрия верхнего палеолита. Возраст бачокириена составляет от 40 до 45/46 тыс. л. на основании радиоуглеродных и термoluminesцентных дат (Kozłowski, 2006. Fig. 1).

Другие исследователи указали не только на существенные отличия бачокириена от ориньяка (Rigaud, Lucas, 2006), но и на близость его леваллуа-мустье позднего среднего палеолита. Основываясь на этих данных, Ж. Зильхао (Zilhao, 2006) предположил, что и богунисиен, и близкий ему по возрасту и техно-типологическим особенностям бачокириен являются индустриями среднего палеолита, основанными на леваллуазской пластинчатой технологии, и созданы неандертальцами.

Подводя итог рассмотрению «переходных» индустрий, можно отметить, что в последнее время появляется все больше фактов, свидетельствующих, что **переход к верхнему палеолиту был начат независимо неандертальцами и современными людьми**. В Европе неандертальские варианты трансформации среднего палеолита в верхний палеолит представляют так называемые «переходные» индустрии финального среднего палеолита (шательперрониен, улүззиен, богунисиен, бачокириен и др.), календарный возраст которых превышает 40 тыс. л.

Индустрии раннего верхнего палеолита (протоориньяк и ориньяк). В средиземноморской Европе начало верхнего палеолита часто связывают с комплексами, которые хронологически предшествуют типичному ориньяку. Эти комплексы обычно определяются предложенным Г. Лапласом (Laplace, 1966) термином «протоориньяк». Сейчас существует широкий консенсус среди специалистов в интерпретации протоориньяка как самого раннего типа (или одного из самых ранних типов) индустрии, принесенной в Европу современными людьми (Zilhao, 2006).

Однако время появления протоориньяка (рис. 14) в Европе определяется далеко не однозначно. Хотя на некоторых памятниках слои с материалами, определенными как протоориньякские комплексы, имеют довольно ранние даты, это единичные датировки, не подкрепленные большими сериями дат. Например, для протоориньякского слоя 9 в гроте Пайна (Италия) опубликованы две радио-

углеродные даты около 38 тыс. л. н. (Mussi et al., 2006). В Испании протоориньякские комплексы имеют близкий радиоуглеродный возраст — 36,6 тыс. л. в слое 2 Абри Романи и 38,3 тыс. л. в Л'Абреда (Joris, Street, 2008).

На тех памятниках, где для протоориньякских слоев получены серии радиоуглеродных дат, средний возраст протоориньяка не превышает 35–36 тыс. радиоуглеродных лет. Например, протоориньякские комплексы в Рипаро Мочи, Италия (Mussi et al., 2006), и слой 4d в Истурице, Франция (Zilhao, d'Errico, 1999), имеют средний радиоуглеродный возраст около 35 тыс. л. В гроте Фумейн (Италия) древнейший ориньякский (протоориньякский) слой А2 залегает непосредственно на пачке слоев позднего мустье (А11–А5) и финального мустье — улүззиена (А4 и А3). Для слоя А2 получена самая большая для протоориньяка серия радиоуглеродных дат. Они определяют калиброванный возраст протоориньякского комплекса слоя А2 в интервале 41–40,5 тыс. л. (Higham et al., 2009. Tab. 3), т. е. в тех же хронологических рамках, что и возраст самых ранних ориньякских комплексов в Западной Европе (Joris, Street, 2008. Fig. 2a).

Таким образом, серийное датирование выявляет на самом деле, во-первых, синхронность протоориньякских и ориньякских комплексов и, во-вторых, возрастные рамки этих типов индустрий не древнее 35–36 тыс. радиоуглеродных лет (калиброванный возраст около 40–41 тыс. л.). Сравнительные анализы стратиграфического положения и датировок протоориньякских (рис. 14) и ориньякских (рис. 15) комплексов в Западной и Центральной Европе (Zilhao, d'Errico, 1999) свидетельствуют, что везде в Европе ориньякские (и протоориньякские) комплексы имеют более поздний возраст, чем шательперрониен и другие «переходные» индустрии финального среднего палеолита.

Технико-типологический анализ показывает большое сходство протоориньякских и ориньякских комплексов в гроте Фумейн, за исключением характерного для протоориньяка более высокого процента пластинок (Bartolomei et al., 1992. P. 165–167). На других памятниках отмечается присутствие в протоориньяке пластинок дюфур и костяных наконечников с расщепленным основанием.

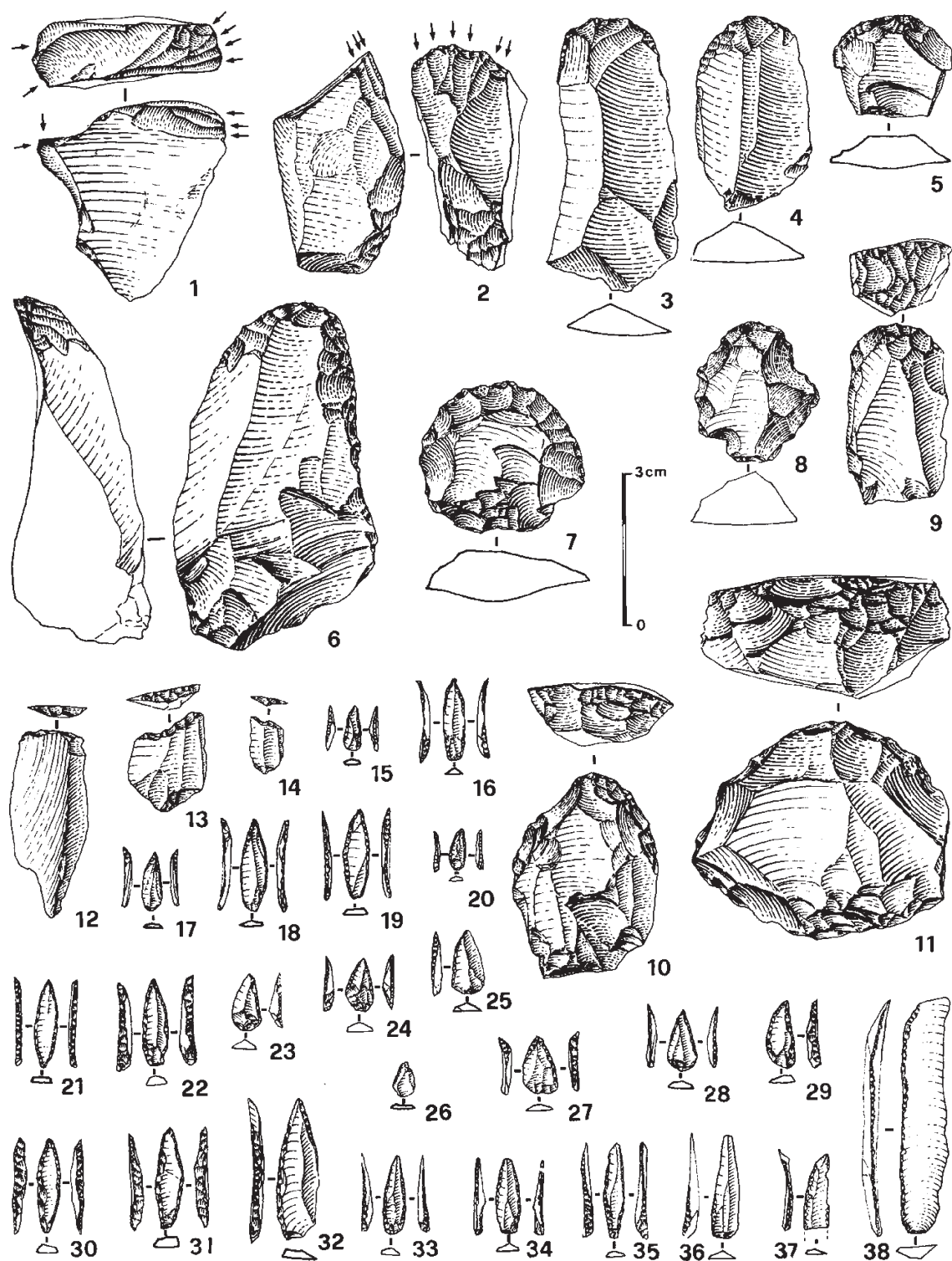

Рисунок 14. Индустрия протоориньяк из пещеры Кастельчивита (по: Gambassini, 1997, fig. 30)

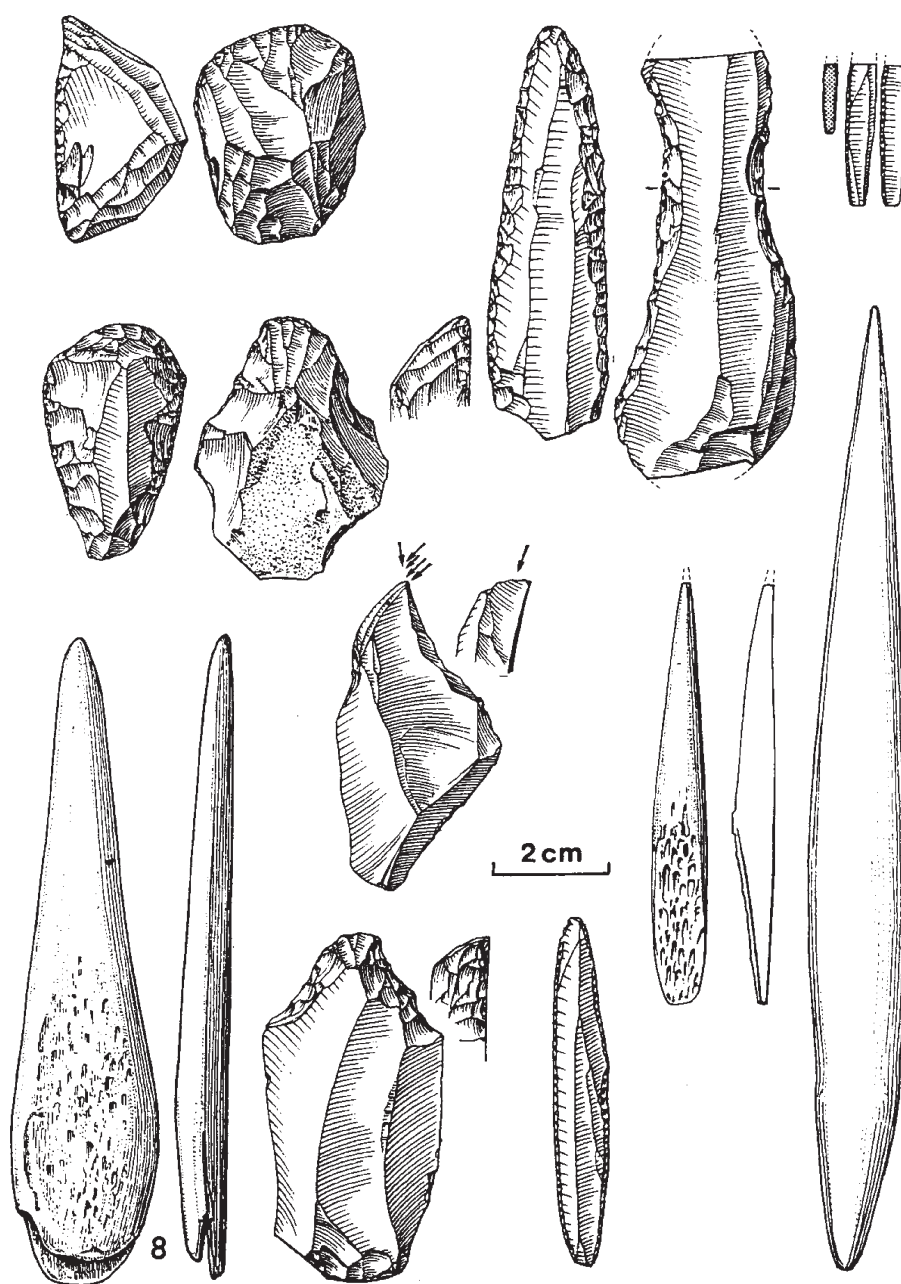

Рисунок 15. Ориньякские каменные и костяные орудия из стоянок Западной Франции (по: Bordes, 1968, fig. 56)

В некоторых стратиграфических колонках протоориньяка отмечается изменение микропластинчатого компонента в каменных индустриях. Например, в гроте Пальичи, который содержит древнейший на юге Италии ориньякский комплекс (около 34 тыс. л. н., некалиброванная дата), ориньякская индустрия с классическими пластинками дюфур трансформируется в ориньяк с пластинками с краевой притупляющей ретушью (тип

Пальичи: Palma di Cesnola, 2006). Схожее изменение от ориньяка дюфур к ориньяку с ретушированными пластинками отмечено на двух других итальянских памятниках, в гроте Кастельчивита (Gambassini, 1997) и открытой стоянке Серино (Accorsi et al., 1979). Сопоставление протоориньякских и ориньякских комплексов показывает, что протоориньяк можно рассматривать как средиземноморский вариант ориньякского тех-

нокомплекса — «средиземноморский ориньяк» (Kozłowski, 2006).

Общепризнанной парадигмой является интерпретация европейского ориньяка как интрузивного культурного феномена, привнесенного в Европу современными людьми (Mellars, 2006). В вопросе о возрасте древнейшего появления этой индустрии в Европе, который еще недавно горячо дебатировался, в последние годы вырабатывается все более широкий консенсус специалистов. Например, аргументы в поддержку раннего (свыше 35 тыс. радиоуглеродных лет) появления ориньяка в Центральной Европе (Conard, Volus, 2003) были подвергнуты критике (см., напр.: Verpoorte, 2005). Переоценка радиоуглеродных дат приводит исследователей к выводу, что наиболее надежные радиоуглеродные даты древнейших ориньякских комплексов (напр., Гейсенклостерле) в Европе падают на интервал 35–33 тыс. л. н. (при этом наиболее молодая фаза ориньяка датируется интервалом около 33–30 тыс. л. н.). На большей части Европы ориньякские индустрии появляются не ранее 35 тыс. радиоуглеродных л. н., т. е. после извержения (рис. 1) Кампанийского ингимбрита (CI) в Италии (Joris, Street, 2008; Hingham et al., 2009. Tab. 3).

ЧАСТЬ 2. ПРИЧИНЫ

Современные данные свидетельствуют о том, что неандертальцы как антропологический тип сформировались в суровых перигляциальных условиях примерно 400 тыс. л. н. и были единственными людьми в Европе и Центральной Азии до 40 тыс. л. н. (Krause et al., 2007; Briggs et al., 2009). Напротив, время появления анатомически современного человека определяется на основании антропологических и генетических данных от 200 до 150 тыс. л. н. в тропических и субтропических условиях Африки (Mellars et al., 2007). В Европе и Азии процесс исчезновения неандертальцев и замещения их ранними современными людьми, который фиксируется в ископаемых антропологических источниках в период от 40 до 30 тыс. радиоуглеродных лет, совпадает с эпохальным изменением в археологических источниках — переходом от среднего к верхнему палеолиту.

В настоящее время большинство моделей интерпретации этих процессов основано на идее «контакта», т. е. сосуществования и взаимодействия между аборигенными неандертальцами с культурами позднего среднего палеолита и пришлыми современными людьми, принесшими индустрию раннего верхнего палеолита. Большинство «моделей контакта» исходит из «сценария замещения», при котором исчезновение неандертальцев связывают с их неспособностью противостоять физически и культурно мигрировавшим из Африки в Евразию популяциям современного человека. Следовательно, проблема исчезновения неандертальцев решается путем выявления факторов, которые дали современному человеку конкурентное превосходство над неандертальцем в борьбе за существование. Среди физических преимуществ современных людей над неандертальцами отмечаются факторы, связанные с репродукцией и демографией популяций, такие как коэффициент рождаемости, продолжительность жизни, смертность, время отнимания ребенка от груди, размер группы, разделение труда и др. Прямые фактические данные, подтверждающие эти гипотезы, практически отсутствуют. Другие подходы указывают на факторы, которые связаны с поведением или социальной организацией и в большей степени проверяемы на ископаемых источниках: увеличение разнообразия пищи, лучшая искусственная защита от холода, более интенсивная эксплуатация ресурсов, формирование обширной сети социальных или торговых контактов (Stiner, Kuhn, 2006; Mellars et al., 2007). Меньшая часть моделей контакта исходит из «сценария поглощения», предполагающего физическое и генетическое взаимодействие неандертальцев и современных людей, которое привело к растворению неандертальцев в популяциях современных людей благодаря их смешению (Zilhao, 2006).

Некоторые ученые связывают исчезновение неандертальцев исключительно (или преимущественно) с влиянием стрессовых для их популяций условий окружающей среды. В рамках этих «бесконтактных моделей» исчезновение неандертальца и расселение современного человека рассматриваются как

два независимых, происходивших параллельно и без явного взаимодействия процесса, которые были связаны с глобальными изменениями климата. Опять же, как и модели контакта, бесконтактные модели основаны на идее превосходства современных людей над неандертальцами в борьбе за существование. Среди факторов, обусловивших лучшую приспособляемость современного человека к стрессовым условиям природной среды, называются различия в стратегиях добычи природных ресурсов (например, более эффективные способы охоты на травоядных животных: Finlayson, 2004) или биологических адаптациях (например, эволюционная приспособленность неандертальской линии к специфическим континентальным условиям Западной Евразии: Steward et al., 2004).

В последние годы появляется все больше фактов, которые вступают в противоречие с рассмотренными выше моделями, основанными на идее сосуществования неандертальцев и ранних современных людей в Европе:

1) Генетические исследования (Green et al., 2006; Krause et al., 2007) не выявляют признаков обмена генами между неандертальцами и современными людьми. По данным генетиков, вероятность гибридизации этих двух популяций очень невелика.

2) Выявляется все больше фактов, противоречащих идее значительного биологического и культурного превосходства современного человека над неандертальцем. Например, установлены одинаковые возможности в охоте на крупных млекопитающих неандертальцев и ранних современных людей (см., напр.: Adler et al., 2006; Cleghorn, 2006; Stiner, Kuhn, 2006) и значительное сходство экологической приспособляемости (толерантности) к климатическим показателям Европы (Davies, Gollop, 2004).

3) Новейшие исследования определяют неандертальскую принадлежность индустрий шательперрон (Bailey et al., 2009) и улусзиен (Gambassini et al. In press), которые ранее рассматривались как ранний верхний палеолит или переходные от среднего к верхнему палеолиту индустрии.

4) Прогрессивные методы датирования свидетельствуют, во-первых, об отсутствии реального сосуществования в Западной Ев-

разии неандертальцев и современных людей (которое раньше предполагалось на основании перекрытия радиоуглеродных дат); во-вторых, о возрасте наиболее ранних находок современного человека и достоверно связанных с ним индустрий (ориньяк) в Европе не ранее 40,5 тыс. л. н.; в-третьих, о том, что период времени, в течение которого произошло замещение неандертальцев позднего среднего палеолита современными людьми раннего верхнего палеолита в Европе, — не более 2500–3000 лет (Joris, Street, 2008).

5) Промежуток времени, отделяющий самые поздние индустрии среднего палеолита (включая так называемые «переходные» комплексы) от индустрий достоверно раннего верхнего палеолита (ориньяк, протоориньяк и ахмариен), на многих стоянках представлен стерильными слоями, в которых в некоторых случаях определен вулканический пепел.

В последние годы растет число исследований, ориентированных на изучение фактора, который мог сыграть решающую роль в быстром исчезновении неандертальцев, — извержение Кампанийского игнимбрита (Campanian Ignimbrite — CI) на Флегрейских полях (рис. 1) в Италии (Fedele et al., 2002; 2008). Это было крупнейшее вулканическое извержение в Средиземноморском бассейне за последние 200 тыс. лет. Многочисленные даты методом $^{40}\text{Ar}/^{39}\text{Ar}$ определяют абсолютный возраст извержения CI в интервале от 38 до 41 тыс. л. Это извержение имело внезапный и разрушительный эффект на экологию Восточного Средиземноморья, Восточной и Центральной Европы, которые оказались в зоне непосредственного воздействия выброшенных извержением масс вулканического пепла (тефра Y5), и оказало влияние на резкое похолодание климата в Северном полушарии, вызвав эффект «вулканической зимы» (Fedele et al., 2008). Это событие стало прелюдией к сильному глобальному похолоданию и аридизации климата Земли, известному как хейнрих 4.

Выброшенный этим извержением пепел покрыл площадь $14 \times 10^6 \text{ км}^2$ и зафиксирован на расстоянии более 1500 км от его источника — на Кипре (Mussi, 2001) и в Костёнках на Среднем Дону (Holliday et al., 2007). В Восточной Европе слой пепла Y5 варьирует от

1 до 2 см в восточной части установленной зоны пеплопада (по линии Пенза — Ростов-на-Дону) и от 5 до 8 см на юге Украины и в Молдове, составляя в среднем 3–4 см (Лаверов и др., 2005. С. 51).

Все большее количество исследований свидетельствует о том, что извержение СІ, исчезновение неандертальцев, завершение существования так называемых «переходных» индустрий и появление самых ранних комплексов типичного верхнего палеолита в Европе (ориньяк и протоориньяк) и Западной Азии (ранний ахмариен) произошло примерно в одно и то же геологическое время — около 40–40,5 тыс. л. н. (Zilhao, 2006; Belfer-Cohen, Goring-Morris, 2007).

Исследования вулканических пеплов (рис. 1) в Мезмайской пещере (Golovanova et al., 2010) впервые выявили синхронность извержения СІ в Италии с извержением на Центральном Кавказе (вероятно, на вулкане Казбек) и исчезновением неандертальцев в Кавказском регионе. Эти данные дают дополнительные аргументы в поддержку гипотезы о том, что существование неандертальских популяций и связанных с ними типов индустрий прекратилось в течение очень короткого периода времени, когда вулканическая активность Земли привела к синхронным извержениям в Италии, на Кавказе и, возможно, в других регионах.

Очевидно, вулканическая деятельность оказала различное влияние на разные регионы обитания неандертальцев. Но вызванный этими извержениями эффект «вулканиче-

ской зимы» (т. е. внезапного и резкого похолодания, вероятно, сопоставимого с моделью так называемой «ядерной зимы»), видимо, стал критическим для выживания неандертальцев в целом. Эта катастрофа привела к резкому разрушению экологических ниш. Она вызвала массовую гибель животных и вымирание самих неандертальцев на значительной части их ареала в Западной Евразии. Популяция европейских неандертальцев потеряла свою жизнеспособность, что, видимо, и внесло критический вклад в окончательное и полное исчезновение неандертальцев.

Рассмотренные данные позволяют предполагать, что так называемый «переход от среднего к верхнему палеолиту» включает, на самом деле, три разных процесса:

1) исчезновение популяций неандертальцев и связанных с ними индустрий в результате вулканогенной катастрофы («вулканической зимы») около 40 тыс. л. н.;

2) отсутствие человеческих популяций на значительной части Евразии в течение 2000–3000 лет после этого события («вакуум населения»);

3) новое заселение этих безлюдных территорий пришедшими из Африки популяциями анатомически современных людей, с которыми связано появление индустрий верхнего палеолита.

Все эти явления составляют специфический для Западной Евразии феномен, в основе которого лежит вулканогенная природная катастрофа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирханов Х.А., 1986. Верхний палеолит Прикубанья. М.

Амирханов Х.А., 1994. К проблеме эволюции и периодизации верхнего палеолита Западного Кавказа // РА. № 1.

Голованова Л.В., 2000. Рубеж среднего и позднего палеолита на Северном Кавказе // Стратум. Кишинев.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б., 2003. Палеолит Северо-Западного Кавказа // Сборник материалов по археологии Кубани. Краснодар.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б., 2004. Средний палеолит Кавказа // АА. 13.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б., 2005. Экологические ниши и модели адаптации в среднем палеолите Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.

Голованова Л.В., Хоффекер Д.Ф., Харитонов В.М., Романова Г.П., 1998. Мезмайская пещера (результаты предварительного изучения 1987–1995 гг.) // РА. № 3.

Замятин С.Н., 1957. Палеолит Западного Закавказья: Палеолитические пещеры Имеретии. // СМАЭ. Т. 17.

Лаверов Н.П., Добрецов Н.Л., Богатиков О.А., Бондур В.Г., Гурбанов А.Г., Карамурзов

Б.С., Коваленко В.И., Мелекесцев И.В., Нечаев Ю.В., Пономарева В.В., Розогин Е.А., Собисевич А.Л., Собисевич Л.Е., Федотов С.А., Хренов А.П., Ярмолюк В.В., 2005. Новейший и современный вулканизм на территории России. М.

Любин В.П., 1989. Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л. (Палеолит мира.)

Мешвелиани Т.К., 1986. О раннем этапе верхнего палеолита Западной Грузии // Тр. Государственного Музея Грузии. Тбилиси.

Мешвелиани Т.К., Джаши Н., Бар-Йозеф О., Белфер-Коэн А., 2002. Обновленная археологическая экспедиция в Дзудзуане (итоги 2000 г.) // Academia. Тбилиси. № 3. (На груз. яз.)

Тушабрамишвили Н.Д., 1994. Средний палеолит Западной Грузии и этапы его перехода к верхнему палеолиту (по материалам Ортвала-кльде) / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси.

Формозов А.А., 1971. Каменноостская пещера — многослойная стоянка в Прикубанье // МИА. № 173.

Церетели Л.Д., Мгеладзе Н.Р., 1982. Раскопки пещеры Апианча // ПАИ в 1979 г.

Accorsi C., Aiello E., Bartolini C., Casteletti L., Rodolfi G., Ronchitelli A., 1979. Il Giacimento di Serino (Avellino): Stratigrafia, Ambienti, e Paleontologia // Atti della Società Toscana di Scienze Naturali. A 86.

Adler, D.S., Bar-Oz G., Belfer-Cohen A., Bar-Yosef O., 2006. Ahead of the Game: Middle and Upper Palaeolithic Hunting Behaviors in the Southern Caucasus // CurA. 47 (1).

Adler D.S., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Tushabramishvili N., Boaretto E., Mercier N., Valladas H., Rink W.J., 2008. Dating the demise: Neanderthal extinction and the establishment of modern humans in the Southern Caucasus // JHE. 55.

Adler D.S., Tushabramishvili N.D., 2004. Middle Palaeolithic Patterns of Settlement and Subsistence in the Southern Caucasus // Conard N.J. (ed.). Settlement Dynamics of the Middle Paleolithic and Middle Stone Age. Tuebingen. Vol. II.

Azoury I., 1986. Ksar Akil, Lebanon: A Technological and Typological Analysis of the Transitional and Early Upper Palaeolithic Levels of Ksar Akil and Abu Halka // BAR Int. Ser. 289.

Bailey S.E., Hublin J.-J., 2005. Who made the Early Aurignacian? A reconsideration of the Brassempouy dental remains // BMSAP. 17.

Bailey S.E., Weaver T.D., Hublin J.-J., 2009. Who made the Aurignacian and other early Upper Paleolithic industries? // JHE. 57.

Bartolomei G., Broglio A., Cassoli P., Castelletti L., Cremaschi M., Giacobini G., Malerba G., Maspero A., Peresani M., Sartorelli A., Tagliacozzo A., 1992. La Grotte-Abri de Fumane: Un site Aurignacien au Sud des Alps // Preistoria Alpina. 28.

Bar-Yosef O., 2000. The Middle and Upper Paleolithic in Southwest Asia and neighbouring regions // Bar-Yosef O., Pilbeam D. (eds.). The Geography of Neanderthals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean. Cambridge, MA. (Peabody Museum Bulletin. 8.)

Bar-Yosef O., Zilhao J. (eds.), 2006. Towards a definition of the Aurignacian // TA. 45.

Beauval C., Lacrampe-Cuyaubère F., Maureille B., Trinkaus E., 2006. Datation absolue (14C) et isotopes stables du femur neandertalien des Rochers-de-Villeneuve (Lussac-les-Châteaux, Vienne) // BMSAP. 18.

Belfer-Cohen A., Goring-Morris N., 2007. The shift from the Middle Palaeolithic to the Upper Palaeolithic: Levantine perspectives // The Mediterranean from 50,000 to 25,000 BP: Turning Points and New Directions / Eds. M. Camps and C. Szmidt. Oxford.

Bosinski G., 1967. Die mittelpalaeolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa // Fundamenta. A/4. Köln.

Breuil H., 1913. Les subdivisions du Paléolithique supérieur et leur signification // Congrès International d'Anthropologie et d'Archéologie préhistoriques: Compte-rendu de la 14ème session. Genève. 1.

Briggs A.W., Good J.M., Green R.E., Krause J., Maricic T., Stenzel U., Lalueza-Fox C., Rudan P., Brajković D., Kučan Ž., Gušić I., Schmitz R., Doronichev V.B., Golovanova L.V., de la Rasilla M., Fortea J., Rosas A., Pääbo S., 2009. Targeted Retrieval and Analysis of Five Neanderthal mtDNA Genomes // Science. 325.

Churchill S., Smith F., 2000. Makers of the early Aurignacian of Europe // Yearbook of Physical Anthropology. 43.

Cleghorn N., 2006. A Zooarchaeological Perspective on the Middle to Upper Paleolithic Tran-

sition at Mezmaiskaya Cave, the Northwestern Caucasus, Russia: Unpublished Ph. D. dissertation. Stony Brook University, New York.

Clottes J. (director), 2003. Chauvet Cave: The Art of Earliest Times. Salt Lake City.

Conard N.J., Bolus M., 2003. Radiocarbon dating the appearance of modern humans and timing of cultural innovations in Europe: new results and new challenges // JHE. 44.

Copeland L., 1975. The Middle and Upper Palaeolithic of Lebanon and Syria in the light of recent research // Wendorf F., Marks A.E. (eds.). Problems in Prehistory: North Africa and the Levant. Dallas. Pp. 317-350.

Davies W., Gollop P., 2004. The Human Presence in Europe during the Last Glacial Period II: Climate Tolerance and Climate Preferences of Mid- and Late Glacial Hominids // van Andel T.H., Davies W. (eds.). Neanderthals and modern humans in the European landscape during the last glaciation: archaeological results of the Stage 3 Project. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research.

Delporte H., 1976. Les civilisations du Paleolithique superieur en Auvergne // La Prehistoire Française. Paris. Vol. 1.

Fedele F.G., Giaccio B., Hajdas I., 2008. Timescales and cultural process at 40,000 BP in the light of the Campanian Ignimbrite eruption, Western Eurasia // JHE. 55.

Fedele F.G., Giaccio B., Isaia R., Orsi G., 2002. Ecosystem impact of the Campanian Ignimbrite Eruption in Late Pleistocene Europe // Quaternary Research. 57.

Finlayson C., 2004. Neanderthals and Modern Humans: An Ecological and Evolutionary Perspective. Cambridge.

Fox J.R., Coinman N.R., 2004. Emergence of the Levantine Upper Paleolithic: evidence from the Wadi al-Hasa // Brantingham P.J., Kuhn S.L., Kerry K.W. (eds.). The Early Upper Paleolithic beyond Western Europe. Berkeley.

Gambassini P. (ed.), 1997. Il Paleolitico di Castelcivita culture e ambiente. Materiae 5. Napoli.

Gambassini P., Mallegni F., Ricci S. In press. Grotta del Cavallo: the finding of a Neanderthal deciduous tooth associated to uluzzian industry // Proceedings of the XV U.I.S. P.P. Congress.

Garrod D.A.E., 1951. A transitional industry from the base of the Upper Paleolithic in Palestine // Journal of the Royal Anthropological Institute. 80.

Golovanova L., Doronichev V., 2003. The Middle Paleolithic of Caucasus // JWP. Vol. 17. № 1.

Golovanova L., Hoffecker D.F., Nesmeyanov S., Levkovskaya G., Kharitonov V., Romanova G., Svejenceve I., 1998. Site du Micoque Esteuropéen du Caucase de Nord: Resultats presentifs des etudes de la grotte Mezmaiskaya, les fouilles des annes 1987–1993 // L'Anthropologie. № 1.

Golovanova L.V., Hoffecker J.F., Kharitonov V., Romanova G., 1999. Mezmaiskaya cave: Neanderthal Occupation in the Northern Caucasus // CurA. № 1.

Golovanova L.V., Cleghorn N., Doronichev V., Hoffecker J., Burr G., Sulergizkiy L., 2006. The early Upper Paleolithic in Northern Caucasus (new data from Mezmaiskaya cave, excavation 1997) // Eurasian Prehistory. 4 (1–2).

Golovanova L.V., Doronichev V.B., Kulkova M.A., Cleghorn N., Sapelko T.V., 2010a. Significance of ecological factors in the Middle to Upper Paleolithic transition // CurA. (In press.)

Golovanova L.V., Doronichev V.B., Cleghorn N., 2010b. The emergence of bone-working and ornamental art in the Caucasian Upper Paleolithic // Antiquity. (In press.)

Green R.E., Krause J., Ptak S.E., Briggs A.W., Ronan M.T., Simons J.F., Du L., Egholm M., Rothberg J.M., Paunovic M., Paabo S., 2006. Analysis of one million base pairs of Neanderthal DNA // Nature. 444.

Higham T., Brock F., Peresani M., Broglio A., Wood R., Douka K., 2009. Problems with radiocarbon dating the Middle to Upper Palaeolithic transition in Italy // Quaternary Science Reviews. 28.

Highlan T., Bronk R.C., Karavanic I., Smith F.H., Trinkaus E., 2006. Revised direct radiocarbon dating of the Vindija G1 Upper Paleolithic Neanderthals // PNAS. 103.

Holliday V.T., Hoffecker J.F., Goldberg P., Macphail R.I., Forman S.L., Anikovich M., Sinitsyn A., 2007. Geoarchaeology of the Kostenki-Borshchevo Sites, Don River Valley,

Russia // *Geoarchaeology: An International Journal*. Vol. 22. № 2.

Hovers E., 2006. Neanderthals and Modern Humans in the Middle Paleolithic of the Levant: what kind of interaction? // Conard N.J. (ed.). *When Neanderthals and Modern Humans Met*. Tuebingen.

Joris O., 2004. Zur chronostratigraphischen Stellung der spatmittelpalaeolithischen Keilmessergruppen: Der Versuch einer kulturgeographischen Abgrenzung einer mittelpalaeolithischen Formengruppe in ihrem europaischen Kontext // *Berichte der Roemisch-Germanischen Kommission*. 84.

Joris O., Street M., 2008. At the end of the 14C time scale — the Middle to Upper Paleolithic record of western Eurasia // *JHE*. 55.

Kozłowski J.K. (ed.), 1982. *Excavation in the Bacho Kiro Cave (Bulgaria): Final Report* // Polish Scientific Publishers. Warsaw.

Kozłowski J.K., 2004. Early Upper Palaeolithic Levallois derived industries in the Balkans and the middle Danube basin // *Anthropologie*. Brno. 42.

Kozłowski J.K., 2006. A dynamic view of Aurignacian technology // Bar-Yosef O., Zilhao J. (eds.). *Towards a Definition of the Aurignacian*. (TA. 45.)

Kozłowski J.K., Otte M., 2000. The formation of the Aurignacian in Europe // *Journal of Anthropological Research*. 56.

Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prufer K., Richards M.P., Hublin J.-J., Hanni C., Derevianko A.P., Paabo S., 2007. Neanderthals in central Asia and Siberia. // *Nature*, 449

Krause J., Briggs A.W., Kircher M., Maricic T., Zwyns N., Derevianko A., Paabo S., 2010. Complete mtDNA Genome of an Early Modern Human from Kostenki, Russia // *Current Biology*. 20.

Kuhn S.L., 2003. In what sense is the Levantine Initial Upper Palaeolithic a «transitional» industry? // Zilhao J., d'Errico F. (eds.). *The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes: Dating, Stratigraphies, Cultural Implications: Proceedings of Symposium 6.1 of the XIVth Congress of the U.I.S.P.P.* (TA. 33.)

Kuhn S.L., Stiner M.C., Guleç E., Oezer I., Yilmaz H., Baykara I., Açıkkol A., Goldberg P., Molina K.M., Uenay E., Suata-Alpaslan F., 2009. The early Upper Paleolithic occupations at Ueçagızlı Cave (Hatay, Turkey) // *JHE*. 56.

Laplace G., 1966. *Recherches sur l'origine et l'évolution des complexes leptolithiques* // *Ecole Française de Rome, Melanges d'Archeologie et d'Histoire*. Suppl. 4. Paris.

Lieberman D.E., Shea J.J., 1994. Behavioral differences between archaic and modern humans in the Levantine Mousterian // *American Anthropologist*. 96.

Marks A.E., 1983. The sites of Boker Tachtit and Boker: a brief introduction // Marks A.E. (ed.). *Prehistory and Paleoenvironments in the Central Negev, Israel. The Avdat/Aqev Area (Part 3)*. Dallas. Vol. III.

Marks A.E., 1990. The Middle and Upper Paleolithic of the Near East and the Nile Valley: the problem of cultural transformations // Mellars P. (ed.). *The Origins of Modern Humans: An Archaeological Perspective*. Ithaca; New York.

Marks A., Kaufman D., 1983. Boker Tachtit: the artifacts // Marks A. (ed.). *Prehistory and Paleoenvironments in the Central Negev, Israel*. Dallas. Pp. 69-126.

Mellars P.A., 1996. *The Neanderthal Legacy: An Archaeological Perspective from Western Europe*. Princeton.

Mellars P.A., 2006. Archaeology and the dispersal of modern humans in Europe: deconstructing the «Aurignacian» // *Evolutionary Anthropology*. 15.

Mellars P., Boyle K., Bar-Yosef O., Stringer C.H.R. (eds.), 2007. *Rethinking the Human Revolution: New Behavioural and Biological Perspectives on the Origin and Dispersal of Modern Humans*. Cambridge. (McDonald Institute Monographs.)

Meshveliani T., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., 2004. The Upper Paleolithic in western Georgia // *The Early Upper Paleolithic beyond Western Europe* / Eds. P.J. Brantingham, S.L. Kuhn, K.W. Kerry. Berkeley; Los Angeles; London.

Mook W.G., 1988. Radiocarbon-Daten aus der Kulna-Hoehle // Valoch K. *Die Erforschung der Kulna-Hoehle 1961–1976* // *Anthropos New Ser.* Brno. 16.

Mussi M., 2001. Earliest Italy: An Overview of the Italian Paleolithic and Mesolithic. New York.

Mussi M., Gioia P., Negrino F., 2006. Ten small sites: the diversity of the Italian Aurignacian // Bar-Yosef O., Zilhao J. (eds.). Towards a Definition of the Aurignacian. (TA. 45.)

Ovchinnikov I.V., Gotherstrom A., Romanova G.P., Kharitonov V.M., Liden K., Goodwin W., 2000. Molecular analysis of Neanderthal DNA from the Northern Caucasus // Nature. 404.

Palma di Cesnol A., 2006. L'Aurignacien et le Gravettien ancien de la grotte Paglicci au Mont Gargano // L'Anthropologie. 110.

Phillips J.L., Saca I.N., 2003. Variability and Change in the Early Upper Palaeolithic of the Levant // Goring-Morris A.N., Belfer-Cohen A. (eds.) More than Meets the Eye. Studies on Upper Palaeolithic Diversity in the Near East. Oxford.

Richter D., Tostevin G., Skrdla P., 2008. Bohunician technology and the thermo luminescence dating of the type locality of Brno-Bohunice (Czech Republic) // Journal of Human Evolution. 55. Pp. 871-885.

Rigaud J.-P., Lucas G., 2006. The first Aurignacian techno complexes in Europe: a revision of the Bachokirian // Bar-Yosef O., Zilhao J. (eds.). Towards a definition of the Aurignacian. (TA. 45.)

Schmitz R.W., Serre D., Bonani G., Feine S., Hillgruber F., Krainitzki H., Paabo S., Smith F.H., 2002. The Neanderthal type site revisited: interdisciplinary investigations of skeletal remains from the Neander Valley, Germany // PNAS. 99.

Serre D., Langaney A., Chech M., Teschler-Nicola M., Paunovic M., Menecier Ph., Hofreite M., Possnert G., Paabo S., 2004. No evidence of Neanderthal mtDNA contribution to early modern humans // PLoS Biology. 2.

Shea J.J., 2008. Transitions or turnovers? Climatically-forced extinctions of Homo sapiens and Neanderthals in the east Mediterranean Levant // Quaternary Science Reviews. 27.

Skinner A.R., Blackwell B.A.B., Martin S., Ortega A., Blickstein J.I.B., Golovanova L.V., Doronichev V.B., 2005. ESR Dating at Mezmaiskaya Cave, Russia // Applied Radiation and Isotopes. 62.

Skrdla P., 2003. Bohunician and Aurignacian Technologies: Morphological Description // Svoboda J., Bar-Yosef O. (eds.). Stranska skala: Origins of the Upper Paleolithic in the Brno Basin, Moravia, Czech Republic // ASPRB. 47. Cambridge, MA.

Skrdla P., Tostevin G., 2005. Brno-Bohunice, analysis of the material from the 2002 excavation // Prehled vyzkumu. 46.

Smith F., Trinkaus E., Pettitt P., Karavanic I., 1999. Direct radiocarbon dates for Vindija G1 and Velika Pecina Late Pleistocene hominid remains // PNAS. 96.

Soressi M., 2002. Le Mousterien de tradition acheuleienne du sud-ouest de la France: Discussion sur la signification du facies a partir de l'etude comparee de quatre sites: Pech-de-l'Aze I, Le Moustier, La Rochette et la Grotte XVI: Ph. D. Diss. University of Bordeaux.

Steward J.R., van Kolfschoten T.H., Markova A., Musil R., 2004. The Mammalian Faunas of Europe during Oxygen Isotope Stage Three // van Andel T.H., Davies W. (eds.). Neanderthals and modern humans in the European landscape during the last glaciation: archaeological results of the Stage 3 Project. Cambridge.

Stiner M.C., Kuhn S.L., 2006. Changes in the «Connectedness» and resilience of Paleolithic societies in Mediterranean ecosystems // Human Ecology. 34.

Svoboda J., 1990. The Bohunician // Kozlowski J.K. (ed.). Les feuilles de pierre // ERAUL. 42.

Svoboda J., 2003. Bohunician and Aurignacian Typology at Stranska skala // Svoboda J., Bar-Yosef O. (eds.). Stranska skala: Origins of the Upper Paleolithic in the Brno Basin, Moravia, Czech Republic // ASPRB. Cambridge, MA. 47.

Svoboda J., Bar-Yosef O. (eds.), 2003. Stranska skala: Origins of the Upper Paleolithic in the Brno Basin, Moravia, Czech Republic // ASPRB. Cambridge, MA. 47.

Svoboda J., Skrdla P., 1995. Bohunician technology // Dibble H., Bar-Yosef O. (eds.). The Definition and Interpretation of Levallois Technology. Madison.

Tostevin G.B., Skrdla P., 2006. New excavations at Bohunice and the question

of the uniqueness of the type-site for the Bohunician industrial type // *Anthropologie*. XLIV.

Trinkaus E., 2005. Early modern humans // *Annual Reviews in Anthropology*. 34.

Trinkaus E., Milota S., Rodrigo R., Mircea G., Moldovan O., 2003. Early modern human cranial remains from the Pesetera cu Oase, Romania // *Journal of Human Evolution*. 45.

Usik V.I., Monigal K., Kulakovskaya L., 2006. New perspectives on the Transcarpathian

Middle to Upper Paleolithic boundary // *Conard N.J. (ed.). When Neanderthals and Modern Humans Met*. Tuebingen.

Valoch K., 1976. Die altsteinzeitliche Fundstelle in Brno-Bohunice // *Studie Archeologickeho ustavu CSAV v Brne*. Prague. 4.

Verpoorte A., 2005. The first modern humans in Europe? A closer look at the dating evidence from the Swabian Jura (Germany) // *Antiquity*. 79.

Zilhao J., 2006. Neandertals and Moderns Mixed, and It Matters // *Evolutionary Anthropology*. 15.

Zilhao J., d'Errico F., 1999. The chronology and taphonomy of the earliest Aurignacian and its implications for the understanding of Neandertal extinction. // *JWP*. 13.

Л.С. Клейн

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЭВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Эволюция как закон. Современному человеку свойственно представлять всякий ход событий в какой-либо отрасли *эволюцией*. Библейское мировоззрение, некогда диктовавшее прямые и наглядные образы разового сотворения мира и человека (*креационизм* — от лат. *creatio*, «сотворение»), если и сохранило свое значение для части человечества, то отступило в область очень символических и философских толкований. Никто из современных образованных людей не воображает себе благостного старичка, мастеращего мир, как на иллюстрациях Доре. Реально все имеют дело с эволюцией, осуществляемой по законам, далеким от библейских, законам, действующим в игре со случайностями. Эволюция подразумевает постепенное изменение в направлении прогресса, т. е. усложнения, упорядочения и совершенствования. Так люди представляют себе и развитие изобразительных искусств. Человек не получил свои способности к ним непосредственно и в готовом виде от Бога. Предполагается постепенное овладение секретами условности (в передаче на плоскости трехмерного объекта), овладение рисунком с натуры и цветопередачей, открытие перспектив, расширение тематики и т. д.

В этом убеждении поддерживает современных людей и теория *рекапитуляции*, или *биогенетический закон* Э. Геккеля — повторение онтогенезом филогенеза. Это учение

о том, что ребенок в своем индивидуальном развитии (онтогенезе) повторяет биологическое развитие всего вида (филогенез), стадия за стадией. А ребенок научается воспринимать изображение, а тем более рисовать, далеко не сразу — это каждый наблюдал неоднократно.

От года до двух с половиной — трех лет дети ограничиваются каракулями и овладевают речью. С трех–четырёх лет до шести–семи ребенок нащупывает карандашом контуры, схематически изображает предмет, но рисует не то, что он в данный момент видит, а то, что он знает о предмете (даже в профиль у человека должны быть два глаза). Часто детали не связаны воедино, а изображены порознь, композиция «фризовая» — в ряд. В семь лет ребенок связывает части в целое, видит целое прежде частей. В девять–одиннадцать лет он научается делать правдоподобное изображение предмета, каким тот отпечатывается на сетчатке глаза, но рисунок еще сохраняет некоторые особенности детского восприятия: контурность, непропорциональность, «прозрачность» (тело просвечивает сквозь одежду, у всадника сбоку видны две ноги). Те взрослые, которые не учились рисунку, сохраняют эти особенности на всю жизнь (Денисова, 1974; Шер, 2006. С. 293–307).

Черты ранних этапов детского рисунка видны и в ранних стадиях развития изобра-

зительной деятельности человечества. Контурные рисунки в ориньяке (начало верхнего палеолита), фризовые композиции в пещерах, схематизм и лаконизм многих палеолитических изображений, «рентгеновский стиль» энеолита (на антропоморфных стелах показаны внутренности) и т. д. (Шер, 2006. С. 307–315).

Таким образом, эволюционное происхождение изобразительного искусства, точнее изобразительной деятельности, это закон, и констатация этого факта сама по себе есть достижение. Но при всей своей несомненной пользе, выявление закона не самое интересное для исследователя. Нужно искать не закон, а нарушение закона. Где есть нарушение, аномалия, — там проблема, а где проблема, — там потенциальные открытия.

Главных аномалий в эволюции изобразительного искусства три. С первой ученые столкнулись, как только была обнаружена палеолитическая живопись, со второй — на пути к модернизму, с третьей — в тоталитарных государствах.

Первая аномалия. Палеолитическая живопись нарушила основное правило эволюции живописи — чем древнее, тем примитивнее и дальше от умелой передачи натуры. Изображения бизонов, диких лошадей и мамонтов, сделанные красками 20–22 и 32 тыс. л. н., примерно за 15–25 тысячелетий (за 150–250 веков), до египетских пирамид, оказались столь совершенны, что далеко не всякому современному человеку под силу их повторить. Они сделаны очень реалистично и мастерски, причем таких изображений множество в разных странах (Испании, Франции, России). Этим фрескам сопутствуют вырезанные из кости женские статуэтки — «палеолитические Венеры», — несколько условные (лицо не детализировано, руки только намечены), но с точной передачей пропорций, объемов и форм. Статуэток таких тоже немало.

Только в мезолите — 12–10 тыс. гг. до н. э. — появились примитивные изображения, вполне ожидаемые для ранних стадий развития. А затем началось постепенное овладение тайнами реалистической передачи натуры, продвижение к современному искусству.

Причины такого внезапного появления изобразительных способностей у человека всегда были загадкой. В последние годы на русском языке вышло несколько очень интересных книг, в которых заново решается эта проблема (Первобытное... 1998; Происхождение... 2004; Вишняцкий, 2002; 2005; Филиппов, 2004; Шер и др. 2004; Шер, 2006).

Зачинатель исследования этой проблемы, французский археолог Эдуард Пьетт, в 70-е гг. XIX в. (с началом эволюционизма) предположил, что человек сначала изготавливал грубые скульптуры (это еще очень близко к реальности), затем перешел к барельефу, а от него уже к гравировке и рисунку. Через сто с лишним лет эту гипотезу постарался конкретизировать и подтвердить фактами ленинградский исследователь А.Д. Столяр (1985). Он обратил внимание на находки черепов пещерного медведя в пещерах с остатками жизни неандертальцев. Особенно интересен грот Монтеспан с глиняной фигурой медведя, у которого на месте головы был якобы укреплен настоящий череп медведя (найден между лапами фигуры). Вероятно, шкура убитого медведя покрывала глиняную фигуру, вокруг которой происходило празднование успеха в охоте. Но этот грот — не ашельской культуры, не мустьерской (времени ранних неандертальцев, средний палеолит), а более поздний: ему около 12 тыс. л. Есть в нем и горельефы и рисунки. Столяр предположил, что такие макеты делались и раньше, а от них (предполагаемых) он провел линию эволюции к более поздним фрескам (верхнего палеолита). Но все у него строится на введении дополнительных гипотез. Да и в развитии детей не наблюдается путь от скульптуры (или макета, чучела) к рисунку.

Выдающиеся французские археологи XX в. аббат Анри Брёйль и Андре Леруа-Гуран предложили другой путь объяснения — проследить эволюцию в самих изображениях верхнего палеолита (между 40 и 8 тыс. л. н.). Брёйль считал палеолитическую живопись магико-мифологической, приводя аналогии из этнографии, а как раз этнолог Леруа-Гуран отвергал привлечение этнографических аналогий, предпочитая извлекать выводы о первобытной системе мифологии

из структурных соотношений самого материала. Но оба строили периодизацию по стилистическим особенностям и стратиграфическим наблюдениям. Выделенные ими этапы различаются в деталях, у Брёйля это периоды, названные по культурам ориньяк-перигор и солютре-мадлен (Breuil, 1952), у Леруа-Гурана периоды соотносятся с культурами шателперрон — ориньяк — граветт — солютре — мадлен (Leroi-Gourhan, 1965). Но в том и другом случае самыми ранними оказываются дофигурные изображения — полосы, извилистые линии, знаки, не образующие реальных фигур, затем (28 тыс. л. н.) появляются схематические фигуры с грубыми опознавательными контурами, потом более детализированные, но еще непропорциональные фигуры и, наконец, реалистические изображения.

Однако усовершенствование радиоуглеродного метода датирования к началу XXI в. позволило узнать возраст пигментов палеолитических фресок (Lorblanchet, Bahn, 1993), и не подтвердились обе периодизации. Весьма совершенные изображения бизона и лошадей из пещеры Шове получили дату около 32 тыс. л. н. (Arnold et al., 2001), хотя это самое начало верхнего палеолита, там должны были оказаться только дофигурные росписи.

Американский психолог Н. Хамфри недавно объяснил поразительный «фотографический» натурализм ранних палеолитических художников именно их интеллектуальной и языковой ограниченностью. Он обратил внимание на рисунки английской девочки Нади, очень отсталой, страдавшей аутизмом и не способной разговаривать и общаться. Эти рисунки, выполненные ею в возрасте от трех до шести лет, абсолютно реалистичны, хотя рисованию девочку никто не учил. Они очень похожи по стилю на изображения из пещеры Шове. Хамфри решил, что в отличие от обычных детей, Нади воспринимала животных не посредством символов-слов (как абстрактные идеи), а непосредственно — как зрительное впечатление. То же он предположил и у людей верхнего палеолита (Humphrey, 1998). В этом его не поддерживали другие археологи: для верхнего палеолита (культуры ориньяк, солютре, перигор, мадлен) характерны слиш-

ком сложные постройки, совершенные орудия, ритуалы (погребения). Их невозможно вообразить без языка.

Аллан Снайдер и Джон Митчелл, как и Куценков в России, расширили трактовку Хамфри «идиотических дикарей», страдающих аутизмом (Snyder, Mitchell, 1999; Snyder, 2001; Snyder et al., 2003; Куценков, 2001; 2007). Они пришли к выводу, что каждый обладает «фотографическим глазом» — способностью наблюдать и вспоминать конкретные детали, но у нормальных людей результаты такого восприятия тотчас подавляются высшими частями мозга, которые удаляют эту ненужную информацию ради обобщения. У детей же и взрослых с умственными заболеваниями эта воспринятая информация не удаляется. То же могло быть реализовано на ранних стадиях общего художественного развития.

Противоположную концепцию построили независимо друг от друга в конце XX — начале XXI вв. кемеровский (прежде петербургский) археолог Я.А. Шер и южноафриканский исследователь Дж. Д. Льюис-Уильямс (Шер, 2004; 2006; Lewis-Williams, 2002). Они предпочли исходить из родственности нейropsychологических механизмов языка и изобразительной деятельности у нормальных людей. Для того и другого нужны одни и те же нервные процессы взаимодействия правого и левого полушарий. Правое отвечает за восприятие цельных образов, левое — за расчленение их на части и сбор из частей. Речь больше нуждается в левом полушарии, эмоции и образы — в правом. Но для совершенной изобразительной деятельности требуется и анализ образов левым полушарием. Между тем, массовое обследование первобытных фресок и наскальных изображений показало, что в палеолите люди в большинстве не были ни праворукими, ни левшами, а обоюдосторонними. Это видно по ориентации изображений (куда фигуры обращены лицом) и по ритуальным отпечаткам рук (преобладают ли как объекты изображения левые руки). Как показал Шер, разделение функций между полушариями устанавливалось постепенно в течение каменного, бронзового и железного веков.

Это отвечает развитию ребенка. У детей вначале нет разделения функций между по-

лушариями. А поскольку правое полушарие генетически старше, то у младенца как бы оба полушария — правые. Когда ребенок после года черкает первые каракули, а затем рисует простейшие контуры, и позже, вычерчивая свои грубо схематические, приблизительные рисунки с деталями порознь, — все это время функции между полушариями еще не разделены четко. В семь лет, когда он начинает видеть целое и собирает части в целое, в его рисунках появляется человеческий профиль, повернутый влево — это означает, что стала формироваться левополушарность. Таким образом, как в онтогенезе, так и в филогенезе предполагается постепенность развития (Игнатьев, 1961; Выготский, 1997; Шер и др., 2004. С. 194–227; Шер, 2006. С. 289–321).

Но Шер предполагает два обстоятельства, объясняющих внезапность появления блестящих шедевров палеолитической живописи. Во-первых, по его расчетам, эти фрески появлялись в глубине пещер очень редко, это произведения гениев, которые во все времена единичны. Они и тогда намного опережали развитие соплеменников. Во-вторых, прохождение многих этапов могло быть осуществлено в сознании некоторых людей быстро и без оставления видимых археологам следов. Проверить или доказать это затруднительно. Ведь по-прежнему в нашем распоряжении только археологические материалы, аналогии с этнографическими наблюдениями и попытки прямо понять психологию создателей первобытных изображений, исходя из одинаковости их мыслительных механизмов с простейшими подсознательными нынешними (пример такой попытки см.: Клейн, 2006).

Здесь коротко пересказаны только некоторые гипотезы происхождения изобразительной деятельности, акцентированные на механизмах и источниках ее возникновения. Но когда речь идет об особенностях появления такой деятельности (темпы, ограниченная локализация), получают значение также причины и условия возникновения. О них есть еще ряд гипотез (см.: Филиппов, 2004. С. 53–76; Вишняцкий, 2005. С. 372–387) — игровая, магическая, мифологическая, демографическая (сгущение населенности и конфликты, требующие сплоченности и опоры на символы), гипотеза информационного

взрыва (информации стало слишком много, и ее пришлось хранить в знаках, в том числе и в образах). Эти условия возникали не всегда и не везде — как и изображения. Во Франции и Испании, например, палеолитических изображений больше, чем где бы то ни было, а в Африке изображения появились только 12–10 тыс. л. н.

Все эти концепции не дают абсолютно надежного достоверного решения, но показывают, что решение в рамках естественной эволюции на основе реалистичных и рациональных факторов вполне возможно. Впрочем, ведь и у детей период интересных рисунков, многие из которых представляются взрослым талантливыми, вдруг кончается, дети в массе умнеют, скучнеют, а талантливыми остаются единицы. В одно и то же время могли существовать изображения разного уровня развитости, сделанные обычными людьми и гениями. В этом свете требует решения не столько внезапное появление палеолитической живописи, сколько ее столь же внезапное исчезновение при смене палеолита мезолитом.

Наступление мезолита означало резкую смену климата и экологической среды, исчезновение крупных животных — предметов охоты, от которых зависела жизнь племени, — словом, катастрофу. Пришлось переспециализироваться на иной тип хозяйствования и быта — охотиться на мелкую дичь, усилить собирательство, изобрести лук и стрелы, приручить собаку. Человечество адаптировалось и выжило. Орудия стали сложнее, человек стал умнее, в его сознание вошли абстрактные понятия — им соответствовали схематические изображения, схожие с детскими периода освоения абстракций (Clark, 1962. Р. 100; Ошибкина, 1992; Шер и др., 2004. С. 39–46). Натуральные, почти «фотографические», изображения живых фигур ушли в прошлое.

Вторая аномалия. Вторая аномалия выявилась в конце XIX в. Вдруг обозначился отход от достижений реалистического искусства, новый всплеск условности и грубости форм, примитивизация.

Импрессионисты вместо реалистической (или, если угодно, натуралистической) пере-

дачи форм стали добиваться разными трюками (небрежными мазками, скоплениями пятен и т. п.) лишь общего впечатления у зрителя, схожего с впечатлением от наблюдения реальности при разных дополнительных условиях (погода, освещение, настроение наблюдателя). Для них больше значила световоздушная среда вокруг предмета, чем сам предмет. Ее они стремились передать прежде всего (может быть, это и было более натуралистичным!).

Экспрессионисты, стремясь к выразительности, гиперболизовали наиболее важные для этого детали, не очень заботясь о правдоподобии. Это четко прослеживалось в немецком искусстве 20-х гг. XX в., а также в раннем советском изобразительном искусстве. Выставка немецкого искусства в Москве прошла как раз перед знаменитой выставкой ОСтА в 1924 г., и критики упрекали остовцев в подражании немецким экспрессионистам. Ранние советские *авангардисты*, даже те, которые не называли себя футуристами и подобными-«истами», придерживались основных принципов экспрессионизма. Например, А.А. Дейнека, всю жизнь обожавший французских импрессионистов и постимпрессионистов (Ненарокова, 1987. С. 67), формулировал как общую норму: «Художник сознательно, с целью достижения определенного живописного эффекта, идет на некоторое искажение форм, например, изображая слишком вытянутые фигуры, нарушая пропорции, но это не правило для живописца, а исключение...» (Дейнека, 1974. С. 78). На деле он делал это не как исключение, а гораздо чаще: его фигуры часто утяжелены, массивны. В его картине 1931 г. «Футболист» икра левой ноги игрока почти равна ширине бедра, а бедро почти равно талии!

Еще дальше пошли *сюрреалисты*, *концептуалисты* и *модернисты* всех сортов. Они нарочито искажали изображаемые объекты не только в цвете, но и по рисунку. Последним криком моды была *абстрактная живопись*, ничего общего с натурой не имеющая.

Импрессионизм начался с появления на выставке в Париже картины Моне «Impression» («Впечатление») в 1874 г. Экспрессионизм в живописи (ядро его было в Дрездене) начинают примерно с 1905 г., хотя термин возник

в 1911–1912 гг. Абстрактная, т. е. беспредметная, нефигуративная, живопись начинается после 1910 г. работами В. Кандинского. Сюрреализм сформировался в 20-е — 30-е гг. XX в. Концептуализм относится уже ко второй половине XX в. Итак, возникновение стилей, основанных на все большем усилении условности, сгущено в последней четверти XIX — первых десятилетиях XX в.

Можно выявлять разные стимулы появления этих стилей и течений, но главный и общий корень у них всех один: изобретение фотографии. Совпадение по времени примечательно. Камера-обскура была известна еще в XVI в., а принцип ее знал и Аристотель в IV в. до н. э. Но лишь с 1802 г. начались попытки закрепить на бумаге изображение, производимое светом. В 1820 г. Ж.Н. Ньепс изобрел *гелиографию*, закрепляя изображение асфальтовым лаком. К 1835 г. У. Тэлбот добился закрепления позитивных изображений (*каллография*), но не мог размножать их. В 1839 г. знаменитый физик Д.Ф. Араго доложил Французской Академии об открытии Дагерром способа закреплять негативы, с каждого из которых можно производить множество позитивов, — это называли *дагерротипией* и лет 20 так и называли, хотя в год выступления Араго другой знаменитый физик, Гершель, предложил и термин *фотография*.

С конца 30-х гг. XIX в. начали, как грибы, вырастать кабинеты, в которых, заплатив, можно было получить свой портрет размером с табакерку. В 1840 г. такой «художественный кабинет» появился и в Москве. К 1870-м гг. фотография уже была повсеместным явлением и стала вытеснять с книжных страниц гравюру.

В 1880-е гг. в Америке стали производить целлулоидную пленку в катушках, в 1888 г. на рынок был выпущен первый компактный фотоаппарат Кодак, в 1890 — камера для моментальной фотосъемки со щелевым затвором. XX в. начался с производства цветных пленок и бумаги для цветной фотографии. Таким образом, именно в период последней четверти XIX — первых десятилетий XX в. люди жили в обстановке интенсивного вхождения фотографии в быт, прежде всего в портретной и репортерской сфере. В середине века появился *полароид*, в конце века — *циф-*

ровая аппаратура. Возможности фотографии необычайно возросли.

Проследим, как изменялась необходимая экспозиция (выдержка). Ньепсу требовалось 6 часов неподвижности, Дагерру уже только полчаса, Тэлботу — 3 минуты, к середине XIX в. мокроколлодионные материалы позволили ограничиваться 10 секундами, в 1878 г. бромжелатиновые фотоматериалы позволили съемку с выдержками в $\frac{1}{200}$ секунды, а к 1900 г. дальнейшее улучшение материалов привело к выдержкам в $\frac{1}{1000}$ секунды. Пошла именно моментальная съемка, фотография начала схватывать моменты.

Разумеется, воздействие фотографии на живопись доказывается не простым хронологическим совпадением ее массового разворота с возникновением новых стилей живописи. Дело в логике взаимодействия частей культуры, в сравнении задач, стоявших перед живописью и фотографией. Задач и возможностей.

Как писал перед самой перестройкой социолог искусства Н.А. Хренов (1984), «история искусства развивается в перспективе отношений между художественными и нехудожественными пластами культуры. Это имеет прямое отношение к фотографии. С момента изобретения фотография была включена в нехудожественный пласт культуры. Поэтому видные эстетики XIX и даже XX века этой сферой искусства почти не занимались. Они, наоборот, отождествляли с ней худшие, натуралистические тенденции искусства. <...> Таким это положение оставалось до тех пор, пока в культуре не возникла потребность в смене того, что ученые называют “парадигмой”. Почему время от времени в культуре происходит смена художественных “парадигм”, когда иерархия систем видов искусства изменяется и когда нехудожественные проявления приобретают статус художественных?»

Очевидно, дело именно в соотношении технических возможностей, которые изменяются все быстрее, и порою кардинально.

Когда фотоаппарат стал выдавать массу фотоснимков, точно и механически передающих натуру, сначала свет и тень, а потом и цвет, и стал делать это все более совершенно, система задач и ценностей мастеров изобразительных искусств совершенно пере-

нилась. Раньше первым свидетельством их мастерства была точность передачи натуры, а лишь после этого оценивались чисто художественные задачи — эстетические и смысловые: сочетаемость цветов, изящество линий и красота пропорций, воздействие на зрителя. «Как живой!», «Как настоящее!», — было высшей степенью оценки. Чтобы показать талантливость молодого Леонардо, Вазари рассказал историю о расписанном юным Леонардо щите. Тот, получив заказ на роспись, собрал в своей комнате всяких гадов, чтобы нарисовать на щите чудовищ, а, нарисовав ящериц увеличенными, поставил щит в выгодном освещении и позвал отца в комнату, исполненную зловония от издохших пресмыкающихся. Увидев разверстые пасти, отец в ужасе отшатнулся, приняв их за настоящие. Так оценивали мастерство художников.

Теперь точность передачи натуры достигается просто и быстро, в массовом порядке, все более дешево, и в этом с фотографией стало невозможно конкурировать. Поэтому в изобразительных искусствах на первый план выступили чисто художественные задачи, а вместо точной передачи натуры получили значения намеренные искажения ее в художественных целях — ради того или иного эффекта. От зрителя стали требовать все большей готовности к восприятию условностей, все большего понимания художественных изысков, все более тонкого проникновения в смысл, все более изощренной расшифровки замыслов творца — и почти собственного творчества. Во всяком случае — сотворчества с художником. На этом пути было уже не остановиться.

Это воздействие появления фотографии на живопись предсказывали уже первые энтузиасты фотографии в 30-х гг. XIX в., говоря о грядущей смерти станковой картины и т. п. Но первое серьезное исследование проблемы содержалось в работах немецкого философа-парамарксиста и литературного критика XX в. Вальтера Беньямина «Краткая история фотографии» и «Живопись и фотография», а в более общем виде — в его работе 1936 г. «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (Беньямин, 1996; Benjamin, 1991). В современном российском искусствоведении можно видеть более кон-

кретные проявления той же тенденции. Так, И. Данилова в книгах «Судьба картины в европейской живописи» и «Проблема жанров в европейской живописи» (Данилова, 1996; 1998) полагает, что сугубо искаженные формы лиц в современных портретах, имеющих художественный спрос (Пикассо и др.), свидетельствуют о том, что портрет как жанр в живописи умер, да и судьба станковой картины вообще под вопросом. Нужно было бы только уточнить: реалистической картины.

На деле ситуация была сложнее. Было и влияние живописи на фотографию. В XX в. в фотографии стал складываться так называемый «пикториальный стиль» — фотоснимки всячески старались уподобить картине, «поднять» фотографию до уровня живописи. В фотографии имитировали рисунок, технику масляной живописи и т. п. С другой стороны, многие фотографы разрабатывали как раз те стороны фотографии, которые для нее специфичны, в которых она заведомо была вне конкуренции, — моментальные снимки в быстром движении, серийные снимки разных фаз изменений (фазы роста растений, микросъемка, движение туч в пейзаже).

Наиболее успешно и радикально фотография вытесняла живопись из портретного искусства, особенно из миниатюры. За живописными и рисованными портретами осталась только репрезентативная функция — они дороги, внушительны и уникальны. К мастерству известного художника прибавляется слава его имени. По сравнению с этим фотоснимки дешевы и массово воспроизводимы.

Но и живопись не только уступала многие свои функции и области применения, но и стала, прежде всего, обильно подвергаться влиянию фотографии. У Дейнеки рисунки футбола 1920-х гг. показывают футболистов как бы застывшими в прыжке. Таковы же его зарисовки 1928 г. «Теннис». Особенно примечательна его картина 1934 г. «Вратарь», показывающая вратаря в полете за мячом, — фигура вратаря распластана горизонтально в длинной узкой картине, чтобы не сказать «в кадре». По динамике и ракурсу это не картина, а моментальный фотоснимок. Живопись определенно стала пользоваться фотографией для усовершенствования и удешевления ряда

своих операций. Вообще-то функцию подспорья для художников увидели уже в камере-обскуре: еще в 1655 г. на основе усовершенствований немецкого астронома И. Кеплера была создана компактная камера-обскура, передававшая с помощью зеркала изображение снизу на стеклянный стол, — стало возможно рисовать очень точно. Больше века спустя это изобретение мало продвинулось, а практического применения оно не находило, вероятно, вследствие дороговизны и неудобства. Кстати, это были первые опыты закрепления светового изображения на бумаге. Но с изобретением и массовым распространением фотоаппарата все изменилось. Вместо серии подготовительных набросков художник теперь мог заснять фотоаппаратом те ситуации, которые прежде он мог зафиксировать только карандашом. Живопись и плакатное искусство стали вводить в свою стилистику элементы фотоискусства — фотографическую динамику, схваченные моменты движений.

И все же появление фотографии изменило систему ориентиров и ценностей изобразительной деятельности, почти обесценив стремление к точности передачи натуры и усилив роль воображения, фантазии и условности. Именно это стало магистральным путем развития живописи и изобразительных искусств вообще, от импрессионизма к абстракции и авангарду.

Одну оговорку нужно здесь добавить. Как отмечено многими, тенденция к условности может быть прослежена со сравнительно ранних стадий развития, и чем позже, тем больше. Некоторые ученые идут так далеко, что формулируют закон общего развития первобытного и традиционного искусства от натурализма к условности (Мириманов, 1986; 1997; Куценков, 2007. С. 36–45). Это вряд ли так: после условных форм снова появлялись натуралистические изображения, все более совершенные. Так что нужно видеть в условных формах аномалии и искать для них дополнительных причин (развитие символизма, религиозные интересы, трудности в адаптации).

Третья аномалия. И вот тут выявилась еще одна аномалия — третья, обратного характера. В XX в. тоталитарные режимы с социали-

стическими и национал-социалистическими лозунгами и с революционной риторикой, советский и нацистский, выступили с отказом двигаться в этом направлении. Они отвергли искусство с высокой условностью как упадническое, дегенеративное и антинародное, тягу к условности они обозвали формализмом, художественное искажение реалий — отказом от правды, нужной народу. У них была своя условность, но менее заметная, — идеализация силы, молодости и здоровья, превознесение коллектива (класса, партии, государства, нации) над личностью, культ вождей, а также прославление успехов своей политики и возвеличение жертвенности ради нее.

Сейчас уже накопилось немало работ о поразительном формальном сходстве советских и нацистских произведений искусства (Голомшток, 1994; Хмельницкий, 2007 и др.). Возьмите скульптуры гитлеровского фаворита Арно Бреккера и советских скульпторов Вучетича, Мухиной или Микенаса, смените символические аксессуары, — и будет не узнать, где чье. Разве что у Бреккера больше обнаженности и близости к античным традициям. «Триумф воли» Лени Рифеншталь и «Броненосец Потемкин» Сергея Эйзенштейна сделаны в одной монументально-романтической стилистике. Сформировавшийся в советской архитектуре «стиль Лубянки» практически неотличим от стиля гитлеровского архитектора Шпеера. Правда, Хмельницкий настаивает на субъективных вкусовых предпочтениях Сталина в сложении «советского ампира», но очень уж точно укладывались индивидуальные вкусы вождей в рамки идеологических предпочтений тоталитаризма. Только в этом ключе можно понять замеченное Хмельницким продолжение «сталинского ампира» в строениях лужковской Москвы.

В обоих режимах на первых порах были попытки использовать авангардизм в целях пропаганды революционных идей, а в фашистской Италии футуризм был поощряем. В СССР в этом направлении призывал двигаться Луначарский, в Германии — Геббельс, но в обоих государствах эти попытки были резко отвергнуты.

В чем причина столь одинаковой приверженности этих враждебных друг другу режи-

мов одним и тем же консервативным устоям в искусстве, даже реакционности — возвращению назад, к эпохе до фотографии?

Первое возможное объяснение — это ориентация на низшие слои общества, которым было чуждо требование, характерное для сложного искусства верхов, постигать трудные способы понимания искусства. У большевиков и сам состав вождей, вначале с большим процентом интеллигенции, быстро обновился за счет сельской бедноты и городского пролетариата. У немецких нацистов вожди были разного происхождения, но основные кадры штурмовиков и партийцев поставляли мелкие лавочники и пролетариат, в котором три четверти миллиона составляли недавние переселенцы из села и за симпатии которого нацисты соревновались с коммунистами.

Любопытно в этом свете прошлое самих вождей. Гитлер, как известно, в юности мечтал стать художником, учился в художественной школе, писал маслом довольно приличные сентиментальные пейзажи, делал акварели и рисунки (Price, 1983), но был отвергнут художественной академией. За ним не признали таланта. Он не был принят в студенты и на всю жизнь сохранил ненависть к высоколобым интеллектуалам, задававшим тогда тон в художественных кругах. И еще больше — к тем, кто добивался тогда успеха на художественных салонах и выставках, а это были импрессионисты, символисты, экспрессионисты. Личные вкусы Гитлера отражали настроенность целого слоя почвенных художников Германии. В 1911 г. 20 художников во главе с К. Вииненом выступили с протестом в защиту отечественного искусства от разрушительного засилья творческих принципов заграничных постимпрессионистов Сезанна, Ван-Гога и Гогена (Hütt, 1969). Начинаящий художник Адольф просто срисовывал натуру, делал это умело и не понимал, чем же искаженные и грубые формы лучше его гладеньких рисунков, почему эти небрежные зарисовки, сделанные тят-ляп, вызывают у знатоков восхищение, а его правильные картинки отвергаются. Он считал это признаками извращенного вкуса профессоров Академии, свидетельствами декаданса, упад-

ка, морального разложения, и искал за этим проявления расовой загрязненности художественной элиты.

Кроме того, Гитлер обожал вовсе не варварскую культуру древних германцев, как можно было ожидать от вождя Тысячелетнего Рейха с крикливой германоманией, а искусство античное — архитектуру и скульптуру древней Греции (Наßmann, 2000. S. 115–117). По-видимому, сказалось длительное воздействие филэллинизма в немецком образовании, особенно художественном. Эллины же добивались именно точной передачи натуры (и, разумеется, отыскания идеала).

Ленин воспринял от семейного воспитания и революционно-демократической среды почитание критического реализма шестидесятников и передвижников как высшей формы искусства. В искусстве они приучали искать не красоту, а прежде всего — «правду жизни». И тут мы подходим ко *второму объяснению* возврата к реализму. Марксистскими теоретиками искусство рассматривалось не как средство наслаждения, не как способ коммуникации (своеобразный язык), не как компонент культуры (понятие культуры вообще на первых порах отсутствовало в марксизме), а прежде всего как способ *познания мира* — наряду с наукой.

Как признает М.С. Каган (1971. С. 49), «в искусстве увидели теперь форму отражения и познания действительности, и на авансцену эстетической теории вышла категория “реализм”... К сожалению, в эти годы преимущественное внимание стало уделяться гносеологическому аспекту художественного творчества, что нередко приводило к абсолютизации познавательного начала искусства, к представлению о реализме как о внеисторическом, вечном качестве».

Познание должно было, естественно, добиваться истины. Все попытки усилить условность в искусстве, разработать формальные варианты преобразования натуры художником, творческой деформации реальных, ради красоты или ради выразительности, рассматривались как уклонение от главной функции искусства — правильно познавать мир. Отражать его в верном свете. В советской практике искусства определение «эстет» было бранной

кличкой. «Эстетствующий критик» — это было позорное клеймо.

Познание мира как функция искусства — это была традиция, полученная марксизмом от немецкой классической философии. Но в ту же философию, с ее культом государства и национальной идеи (миссия исторической нации), уходят и корни национал-социализма. В нацизме 1930-х гг. эта традиция познания мира искусством выражается не так четко, как в марксизме, и имеет от него два существенных отличия. Первое: искусство выступает в ней конкурентом не науки, а религии. Второе: познать надлежит прежде всего душу собственного народа, его расово определенные способности, его историческую миссию. Так или иначе, это положение и здесь вело к признанию реализма единственным и естественным путем развития искусства.

Сталин перенял от Ленина общий стиль отношения к искусству, опустив его с уровня дворянской и разночинной интеллигенции до уровня плебеев, провинциальных городских низов. Его личные вкусы теперь известны. Он любил ночные попойки, пляски и обожал порнографию (его адъютант получал специальные командировки за границу за такими фильмами). В порнографии же чем ближе к натуре, тем ценнее. Кроме того, Сталин еще больше, чем Ленин, оценил другую функцию искусства — не познание мира, а пропаганду определенного мировоззрения, воспитание и формирование человека.

Так вот, *третье возможное объяснение* тяги к реализму заключается в том, что оба режима видели в искусстве только один прок — пропаганду своих целей, воспитание «одномерного человека», послушного велениям режима. Простейшим средством для этого было изображение идеализированной жизни при данном режиме и представление этого изображения как реальности, как правды, единственной правды. Для сталинских идеологов это был социалистический реализм, противостоящий буржуазному разложению. Для гитлеровской пропаганды — представление о расовом здоровье немецкой нации и ее победоносных качествах, которым не могут противостоять все прочие нации, разной степени порочности.

Всякая фантазия возбранялась, человек с воображением — с ранних лет советской власти и до ее последних дней — один из главных внутренних врагов социалистического государства. Художник должен или стать копиистом реальности, или исчезнуть. Как в платоновском идеальном государстве не место поэтам, так в однопартийных диктатурах XX в. не место вольнодумным творцам. В появившемся в конце перестройки учебном пособии Т.В. Ильина (1989. С. 314) характеризует ситуацию 30-х гг. (злоупотреблений «культ личности»), но в значительной мере это можно отнести ко всему советскому искусству: «За все более жестким утверждением единственного стиля и образа жизни, при исключении из действительности какого бы то ни было проявления свободы выбора, все в большей мере декретировалась и единая художественная форма. Поскольку искусству отводилась роль “разъяснителя” директив в наглядной форме, оно естественно превращалось в искусство иллюстративное и прямолинейное (“понятное”), утрачивая всю полноту и многогранность художественных средств. Несмотря на демагогическое воспевание простого труженика — “строителя светлого будущего”, отрицалось само право человека на свободу духа. На свое видение мира, наконец, на сомнение...».

Конечно, и в критическом подходе к тенденциям тоталитарной консервативности, тоталитарного возвращения к обязательному реализму, есть свои сложности. Не все так однозначно.

С одной стороны, в превознесении мастерства точного изображения реальности есть резон: как иначе отличить мастерство, достигающее до степени *искусства* (то, в чем мастер «искусен»!), от несовершенного ремесленничества? Где искажение — от замысла, а где — от простого неумения? Рембрандта скопировать вручную нелегко, а «Черный квадрат» может скопировать всякий маляр.

С другой стороны, и неумение выполнить какие-то вещи реалистично может обладать эстетическим эффектом — как дальтонизм Врубеля или длинные шеи Модильяни. Известно, что рисунки сумасшедших часто обладают художественной силой и стилистическим своеобразием.

Эти сложности и являлись основой для поисков поддержки антихудожественной тоталитарной идеологии у некоторых больших мастеров, для попыток сближения идеологических норм с психологией творчества. Когда Хрущев обзывал произведения «пидарасов» в Манеже мазней, это, конечно, коробило творческую интеллигенцию, но иные профессионалы в глубине души опасались, что в этом есть некая «сермяжная правда». Хрущев выразил недоумение народных масс, очень близкое к восприятию «дегенеративного» искусства простонародьем в Германии, так умело использованному нацистами в пресловутой выставке 1937 г. Очевидно, в этой проблеме, в проблеме третьей аномалии, как и везде, все дело в мере — в данном случае в соотношении реалистичности и воображения, условности и натуры, образа и идеала. В их свободном взаимодействии и в подготовленности публики к восприятию такого взаимодействия.

Две первые аномалии отводят ход развития изобразительной деятельности от того курса, который был намечен натуральной эволюцией, соответствующей закону рекапитуляции Геккеля. Но именно они делают это развитие сложным, интересным и значительным, способствуя превращению изобразительной деятельности в искусство. Третья аномалия стремилась повернуть это развитие вспять, но тоталитарные власти опирались в ней на народный протест против слишком большого отрыва искусства от изобразительной деятельности, против нарушения чувства меры, которое делает искусство искусством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вишняцкий Л.Б., 2002. Введение в преисторию. Кишинев.

Выготский Л.С., 1997. Воображение и творчество в детском возрасте. СПб.

Голомисток И.Н., 1994. Тоталитарное искусство. М.

Данилова И.Е., 1996. Судьба картины в европейской живописи. М.

- Данилова И.Е., 1998. Проблема жанров в европейской живописи. Человек и вещь. Портрет и натюрморт. М.
- Денисова З.В., 1974. Детский рисунок в физиологической интерпретации. Л.
- Игнатъев Е.И., 1961. Психология изобразительной деятельности детей. М.
- Ильина Т.В., 1989. История искусств. Русское и советское искусство. М.
- Каган М.С., 1971. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Л.
- Клейн Л.С., 2006. Запятнанная классика // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк. Т. 3.
- Куценков П.А., 2001. Начало: Очерки истории первобытного и традиционного искусства. М.
- Куценков П.А., 2007. Психология первобытного и традиционного искусства. М.
- Мириманов М.Б., 1986. Искусство тропической Африки: Типология, систематика, эволюция. М.
- Мириманов В.Б., 1997. Искусство и миф: Центральный образ картины мира. М.
- Ненарокова И.С., 1987. «Люблю большие планы...»: Художник Александр Дейнека. М.
- Ошибкина С.В., 1992. Искусство эпохи мезолита // Искусство каменного века. М.
- Первобытное искусство: проблема происхождения. Кемерово, 1998.
- Столяр А.Д., 1985. Происхождение изобразительного искусства. М.
- Филиппов А.К., 2004. Хаос и гармония в искусстве палеолита. СПб.
- Хмельницкий Д., 2007. Зодчий Сталин: Очерки визуальности. М.
- Хренов Н., 1984. О научной реконструкции истории фотографии // Советское фото. № 10.
- Шер Я.А., 2006. Первобытное искусство. Кемерово.
- Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С., 2004. Происхождение знакового поведения. М.
- Arnold M., Aujoulat N., Baffier D. et al., 2001. La grotte Chauvet: L'art des origines. Paris.
- Breuil H., 1952. Quatre cents siècles de l'art pariétal. Paris.
- Clark J.G.D., 1963. A survey of the Mesolithic phase in the prehistory of Europe and the Southwestern Asia // Atti 6 Congresso Internazionale delle Scienze Preistoriche e Protostoriche. 1.
- Haßmann H., 2000. Archaeology in the «Third Reich» // Härke H. (ed.). Archaeology, ideology and society: The German experience. Frankfurt a. M.
- Humphrey N., 1998. Cave art, autism and the evolution of the human mind // Cambridge Archaeological Journal. 8 (2).
- Hütt W., 1969. Deutsche Malerei und Grafik im 20. Jahrhundert. Berlin.
- Leroi-Gourhan A., 1965. Préhistoire de l'art occidental. Paris.
- Lewis-Williams D., 2002. The mind in the cave: Consciousness and the origin of art. New York.
- Lorblanchet M., Bahn P. (eds.), 1993. Rock art studies: The post stylistic era, or Where do we go from here? // Papers presented in symposium A of the 2nd AURA Congress, Cairns 1992. Oxford. (Oxbow Monograph. 35.)
- Price B.F. (Hrsg.), 1983. Adolf Hitler als Maler und Zeichner: Ein Werkkatalog der Ölgemälde, Aquarellen, Zeichnungen und Architekturskizzen. Zug, Gallant.
- Snyder A.W., 2001. Paradox of the savant mind // Nature. # 413.
- Snyder A.W., Mitchell J.D., 1999. Is integral arithmetic fundamental to mental processing? The mind's secret arithmetic // Proceedings of the Royal Society. London. B. # 266.
- Snyder A.W. et al., 2003. Savant-like skills exposed in normal people by suppressing the left front-temporal lobe // Journal of Integrative Neuroscience. # 2.

Ю.А. Смирнов
Институт археологии РАН, Москва

ВНОВЬ О НЕАНДЕРТАЛЬСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ ЕВРОПЫ

К настоящему времени на территории Европы в отложениях мустьерского возраста обнаружено 20 (17 одиночных, одно двойное и два тройных) неандертальских погребений, содержащих 25 преднамеренно погребенных индивидуумов.

В *Бельгии* открыты три погребения: Спи 1 (мужчина? 35 лет, «классический неандерталец»); Спи 2 (мужчина, около 25 лет, «классический неандерталец») и, условно, Спи 3 (ребенок)¹.

Во *Франции* открыто 13 погребений: Ла Шапель-о-Сен 1 (мужчина, 40–50 лет, «классический неандерталец»); Ле Мустье 1 (мужчина? 16–18 лет, «классический неандерталец»); Ле Мустье 2 (новорожденный, не старше 4 месяцев); Ла Ферраси 1–7 (1 — мужчина, примерно 45 лет, «классический неандерталец»; 2 — женщина, 25–30 лет, «классический неандерталец» (?); 3 — ребенок, примерно 10 лет, «классический неандерталец»; 4 бис — новорожденный, 15 дней, «классический неандерталец» (?); 5 — новорожденный 7–8 месяцев, «классический неандерталец» (?); 6 — ребенок, примерно 3 лет, «классический неандерталец» (?); 7 — ребенок, 23 меся-

ца, «классический неандерталец»?); Ла Кина 1 (женщина? 30–35 лет, «классический неандерталец»); Регурду 1 (мужчина? примерно 20 лет, «классический неандерталец»); Рок де Марсаль 1 (ребенок, примерно 3 лет, «классический неандерталец» (?); Арси-сюр-Кюр; Грот Волка; Арси 5–7 (разрозненные останки трех взрослых индивидуумов).

На *Украине* в Крыму открыты четыре погребения (три одиночных и одно тройное), содержавшие шесть индивидуумов: Киик-Коба 1 (мужчина? 40–45 лет, неандерталец); Киик-Коба 2 (новорожденный, 5–8 месяцев, неандерталец); Староселье 1 (ребенок, 15–19 месяцев, *Homo sapiens sapiens* с некоторыми неандерталоидными морфологическими признаками); Заскальная VIa, б, в (VIa — ребенок, 2–3 лет, неандерталец с некоторыми прогрессивными морфологическими признаками; VIб — ребенок, 1 год, неандерталец с некоторыми прогрессивными морфологическими признаками; VIв — ребенок, 5–6 лет, неандерталец с некоторыми прогрессивными морфологическими признаками).

Временной диапазон таков: все слои, в которых обнаружены перечисленные погребения.

---

¹ Кости ребенка (Спи 3) были обнаружены среди неопределенных костей обоих взрослых при просмотре антропологической коллекции из Спи. Так как пол погребенных Спи 1 и 2 рассматривается большинством специалистов как мужской, ребенок Спи 3 условно объединен со взрослым Спи 2 (Смирнов, 1991. С. 238).

бения, относятся к эпохе мустье (средний палеолит), а геологически — к периоду Вюрм I–II. В абсолютных датах (в Западной Европе они имеются только для некоторых памятников на территории Франции) он составляет временной промежуток от 68000–75000 BP (Ла Ферраси) до 40300±2600 BP (Ле Мустье) (Смирнов, 1991. С. 243, 246). На Украине погребение Киик-Коба 2 (Крым) датируется 55000–40000 л. н. (Демиденко, 2004. С. 22). Стоянка Староселье датируется в диапазоне от 35510±1170 до 42500±3600 (Герасимова и др., 2007. С. 184). Возраст мустьерского слоя III стоянки Заскальная VI, в котором было открыто погребение, составляет примерно 45000 л. (Смирнов, 1991. С. 270), по другим данным — 35520±900 (Чабай, 2004. С. 19).

Как видно, местонахождения с неандертальскими захоронениями в высшей степени неравномерно распределены по территории Европы, как в пространстве, так и во времени. Более того, из тринадцати погребений на территории Франции десять обнаружены в департаменте Дордонь, в том числе в Ла Ферраси и Ле Мустье. При этом временной разрыв между ними составляет почти 30000 лет. Все это позволяет говорить об «очагах» тафологической активности (в известных нам формах) только у определенных сообществ палеоантропов и, в общем-то, в уже известных исследователям местах².

Необходимо отметить, что третий, и на сегодняшний день последний, «очаг» тафологической деятельности известен на территории Израиля, где в мустьерских отложениях на разных среднепалеолитических памятниках было открыто 24 преднамеренно погребенных индивидуума, причем 14 в районе хребта Кармел и 8 в районе утеса Джебел Кафзех. Временной разрыв между погребениями составляет около 60000 лет — от 98000 л. (Кафзех) до 30000–35000 л. (Амуд и Кебара).

Еще девять погребенных (шесть погребенных, включая пять одиночных и одно коллек-

тивное, с четырьмя погребенными) были обнаружены на территории Ирака (Шанидар) и по одному — в Сирии (Дедерийя, Dederiyeh)³ и Узбекистане (Тешик-Таш).

Этим исчерпывается список известных на настоящее время неандертальских погребенных.

Целью данной заметки служит попытка ознакомить с информацией об обнаружении в музейном хранении костных останков детского погребения из Ле Мустье 2, считавшихся давно утраченными.

В 1996 г. во Франции в ходе изучения антропологических коллекций Национального музея первобытной истории в Лез Эзиде-Тайяк-Сирей (Les Eyzies-de-Tayac-Sireuil) были обнаружены две кости новорожденного — правая плечевая и правая бедренная, — находившиеся еще в остатках содержавшей их породы (Maureille, Bar, 1999. Р. 137–152). Кости эти могли принадлежать погребению Ферраси 4 или 4 бис, которые изучал Ж.-Л. Хем. Он обозначил их как погребение второго индивидуума, а именно Ферраси 4, захороненного в той же могильной яме, что и Ферраси 4 бис (Heim, 1976b. С. 36, 37). Итак, костные останки ребенка (новорожденный 15 дней) Ж.-Л. Хем обозначил как Ферраси 4 бис, а правые плечевую и бедренную (новорожденный 4–8 месяцев), которые антропологически не соответствовали костным останкам Ферраси 4 бис, — как Ферраси 4.

В 2002 г. журнал «Nature» опубликовал заметку антрополога Б. Морейя (Maureille, 2002. Р. 33, 34) о потерянных и вновь найденных ископаемых останках четырехмесячного неандертальца Ле Мустье 2. Погребение Мустье 2 — новорожденный (Heim, 1976a. Р. 582) — было открыто Д. Пейрони в 1914 г. Его преднамеренный характер автор обосновывал наличием прослеженной в отложениях ямы, выкопанной в форме опрокинутого конуса (верхний диаметр 0,50 м, глубина 0,40 м) и впущенной из слоя J (типичное мустье)

² Представление об «очагах» тафологической деятельности можно сопоставить с представлением об «очагах» первобытного искусства (Формозов, 1983), поскольку оба отражают неравномерность распространения определенного рода памятников и не исключают возможность существования той же деятельности, но в иных (археологически не фиксируемых) формах, как в тех же, так и в других местах, как в то, так и в другое время.

³ <http://www.msu.edu/~helslipst/contents/ANP440/neanderthalensis.htm>

через слой I (песок) в слой H (мустье с ашельской традицией). Рядом со скелетом найдены «различные предметы, относящиеся к мустье» (Reugony, 1930. Р. 160). Д. Пейрони писал о сохранившихся черепе, нижней челюсти и костях посткраниального скелета (Ibid. Р. 48–54, 155–176). Положение скелета зафиксировано не было, а кости, как считалось, были утрачены вскоре после раскопок (Смирнов, 1991. С. 119, 244, 245). Таким образом, по прошествии 82 лет комплектные останки новорожденного (Мустье 2) — исключительно редкие по своей целостности и полноте — были вновь открыты в музейном хранилище.

Это открытие заставило автора (авторов?) обратиться к другим подобным находкам на территории Франции. Была пересмотрена антропологическая коллекция из Ла Ферраси, где и были изучены останки из считавшегося парным погребения Ферраси 4 и 4 бис. Оказалось, во-первых, что порода, в которой первоначально были заключены останки Ферраси 4 (по Ж.-Л. Хему), соответствует отложениям Нижнего грота Ле Мустье⁴. Во-вторых, совпадает состав ископаемой фауны из монолита,

в котором находились кости новорожденного Ферраси 4, и из слоя J⁵. В-третьих, аналогичен характер индустрий⁶. И, наконец, в-четвертых, правые плечевая и бедренная кости новорожденного морфологически идентичны останкам новорожденного Ле Мустье 2. Что касается антропологической стороны вопроса, то Б. Морей отмечает, что «морфология Ле Мустье 2 в значительной степени отличается от морфологии современных новорожденных», и указывает «на большое количество черт, сходных с юными и взрослыми неандертальцами» (Maureille, 2002. Р. 33).

Таким образом, с одной стороны, была восстановлена «историческая справедливость», и костные останки погребенного новорожденного Ле Мустье 2, во всей своей полноте, вошли в палеоантропологический научный контекст. А с другой — был уточнен тафологический контекст мустьерского, возможно семейного, могильника Ла Ферраси, содержащего только одиночные захоронения, в которых покоились двое взрослых (мужчина и женщина среднего возраста) и пятеро детей в возрасте от 15 дней до 10 лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Герасимова М.М., Астахов С.Н., Величко А.А., 2007. Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда обитания: Иллюстрированный каталог палеоантропологических находок в России и на смежных территориях. СПб.

Демиденко Ю.И., 2004. Общая характеристика стоянок и комплексов находок кииккобинского типа микокских индустрий среднего палеолита Крыма // Грот Буран-Кая-III, слой В — эталонный памятник кииккобинского типа индустрий крымской микокской традиции: Комплексный анализ кремневых артефактов. Симферополь.

Смирнов Ю.А., 1991. Мустьерские погребения Евразии: Возникновение погребальной практики и основы тафологии. М.

Формозов А.А., 1983. К проблеме «очагов первобытного искусства» // СА. № 3.

Чабай В.П., 2004. Средний палеолит Крыма: Стратиграфия, хронология, типологическая вариабельность, восточно-европейский контекст. Симферополь.

Heim J.-L., 1976a. Les Néandertaliens en Périgord // La Préhistoire Française. Paris.

Heim J.-L., 1976b. Les Hommes Fossiles de La Ferrassie // Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine. Mémoire 35. T. 1. Paris.

⁴ Ископаемые останки находились в осадочном песке, содержавшем зеленые крупницы амфибола (роговые обманки), частицы граната и слюды, — состав, который всегда связывался с отложениями р. Везер, текущей мимо утеса Ле Мустье. Предварительный седиментологический анализ показал много сходства со слоями I и J в Ле Мустье.

⁵ *Rangifer tarandus*, *Cervus sp.*, *Capra hircus*, *ibex* и крупный бовид.

⁶ Кремневые пластины, характерные для индустрии типичного мустье слоя J Ле Мустье, в то время как в Ла Ферраси представлено шарантское мустье типа Ферраси, фация леваллуа.

Heim J.-L., 1982. Les Enfants Néandertaliens de La Ferrassie. Paris.

Maureille B., Bar D., 1999. A lost Neanderthal found // Journal of Human Evolution. Vol. 37.

Maureille B., 2002. A lost Neanderthal neoant found // Nature. Vol. 419.

Peyrony D., 1921. Les Moustériens inhumaint-

ils leurs morts? // Bulletin de la Société Historique et Archéologique du Périgord. Périgueux. T. 48.

Peyrony D., 1930. Le Moustier: Ses gisements, ses industries, ses géologiques // Revue anthropologique. Paris. T. 40. # 4–6.

Peyrony D., 1934. La Ferrassie // Préhistoire. Paris. T. 3.

В.Я. Сергин
Институт археологии РАН, Москва

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (1873 г.— 1930-е гг.)

1873 г. — 1930-е гг. были периодом становления методики раскопок древних памятников в связи с решением усложняющихся задач. Долгое время исследования палеолита в Восточной Европе были мало связаны друг с другом. Что-то учитывая из опыта предшественников, последователи копали памятники, опираясь на знания по своей, в каждом случае иной, профессии и на свой кругозор в области первобытной археологии, также весьма различный. Изучение памятников палеолита, которые в конце XIX в. только начали обнаруживаться, могло быть лишь более или менее продолжительным эпизодом в деятельности причастных к этому лиц. Об индустриях палеолита они имели приблизительное понятие, но принадлежность памятника к древнекаменному веку надежно определялась по присутствию среди культурных остатков ископаемой фауны, прежде всего костей мамонта. Первоначально констатация такого факта и была основной задачей и главным результатом раскопок, но требовалось установить, что наблюдаемая взаимосвязь не случайна. Характерно, что с самого начала исследователи стремились дать бытовое истолкование наблюдаемой ситуации и отразить ее не только в записях, но и в рисунках и фотографиях.

Честь обнаружения в Восточной Европе первого палеолитического памятника при-

надлежит Ф.И. Каминскому — выпускнику физико-математического факультета Киевского университета, молодому гимназическому учителю г. Лубны, уже имевшему некоторый опыт раскопок поздних древностей (Супруненко, 2000. С. 52–55). В течение двух дней он исследовал место находки костей мамонта, послуживших поводом к поездке в село Гонцы, и геологическое строение урочища.

Кости находились в прямоугольной яме. Вероятно, Ф.И. Каминский сразу же выяснил, что они не были остатками трупа животного. Но, располагая минимумом времени и желая рассмотреть залегание костей, он равномерно обкопал все стенки ямы до уровня, на котором из них выходили кости. Слой с костями оказался на ступеньке общей площадью около 4 м². Расчистку его Ф.И. Каминский производил ножом, стараясь не извлекать кости из земли и сохранять на месте даже мелкие кости. Такой подход позволил сделать целый ряд наблюдений. Кости не составляли скелетов. Они лежали в беспорядке и принадлежали разным частям различных животных. Трубочатые кости были разбиты, черепа мамонта не содержали бивней и мозговых камер. Ф.И. Каминский отметил залегание костей в три яруса и положение относительно них изделий из кремня. Он расчистил утолщение слоя, состоявшее из угля, кремня и других

мелких остатков, и перебрал его. Все найденные кремни были взяты в музейную коллекцию (Каминский, 1878). Нельзя не признать рациональность действий Ф.И. Каминского и ценность сделанных им наблюдений. Его методичность заслуживала большего внимания последующих открывателей палеолитических памятников.

Состав, количество, взаимоположение и состояние костей, нахождение их не только в обследованной яме и наличие разнообразных кремневых изделий навело Ф.И. Каминского на мысль о продолжительном пребывании в Гонцах одновременно с мамонтом «большого охотничьего племени», тут же изготавливавшего кремневые орудия и разводившего костры для приготовления пищи (Каминский, 1878. С. 149). К.М. Феофилакт, засвидетельствовавший как геолог совместное залегание находок в Гонцах, считал, что обнаружено место трапезы первобытных людей вблизи жилища или любимая стоянка для отдыха и приготовления пищи (Феофилакт, 1878. С. 157–159).

В тех же словах определил А.С. Уваров палеолитическое местонахождение под Карачаровым, открытое им в 1877 г. В исследовании культурных остатков нового памятника принимали участие И.С. Поляков, В.Б. Антонович и В.В. Докучаев. В слое желтой глины лежали в беспорядке кости мамонта, носорога, быка, оленя. С глубины около 1,5 м отмечена «куча» костей разных животных, содержащая также угли и сотни кремневых изделий (Уваров, 1881. С. 112–118). Ее изображение — первая в регионе иллюстрация раскопок (рис. 1, 1). Возможно, «куча» являлась хозяйственной ямой. Видя в Карачарове любимую стоянку для дележа и потребления пойманных животных, постоянным местом жизни палеолитических людей А.С. Уваров считал пещеры (Там же. С. 249). Такого же мнения после раскопок в Костёнках придерживался и А.И. Кельсиев, полагая, что пещеры успели засыпаться (Кельсиев, 1883. С. 177).

Убедительные факты существования человека совместно с мамонтом и другими ископаемыми животными в Карачарове, а до этого в Гонцах и на территории Польши, натолкнули И.С. Полякова на мысль, что аналогичных свидетельств можно ожидать и на других местонахождениях вымершей фауны.

Для проверки своего вывода он решил воспользоваться часто встречавшимися в литературе сведениями С.Г. Гмелина о нахождении большого количества костей мамонта в Костёнках. В 1879 г. им были открыты Костёнки 1 и ряд местонахождений, отношение которых к палеолиту в дальнейшем подтвердилось раскопками. По сравнению с последующими работами А.И. Кельсиева, описания раскопок И.С. Полякова более подробны. В двух ямах (4 × 3 и 4 × 1,4 м) встретилось много костей мамонта, кости других животных, много кремневых изделий. И.С. Поляков отметил, что в местах скопления костей имелось больше кремневых орудий, золы, а там, где кости располагались реже, лежали лишь осколки кремня, вероятно, выброшенные за пределы жилья. Замечены были признаки сортировки костей: сосредоточение в одном скоплении преимущественно оснований лопаток мамонта, а в другом — бивней (Поляков, 1880. С. 22–27). Более мелкие детали соотношения культурных остатков не привлекли его внимания.

Интересны соображения, высказанные И.С. Поляковым в связи с раскопками. По его мнению, человек жил в Костёнках, используя огонь для согревания и приготовления пищи, основу которой составляли мамонты. Указывая на беспочвенность увлечения, с которым многие стали переносить мысль о пещерном жилище из богатых пещерами мест Западной Европы на равнины европейской России, он считал, что здесь человек должен был устраивать искусственное жилье. Оно могло напоминать чумы северных народов и в Костёнках покрывалось, вероятно, шкурами мамонтов (Там же. С. 33, 34).

Раскопки А.И. Кельсиева охватили еще большую площадь культурного слоя со значительным количеством находок. В отличие от И.С. Полякова, А.И. Кельсиев составил план усадьбы с раскопами, но залегание культурных остатков также не зарисовывал. Его замечания относительно сохранности костей, их положения, наличия следов огня и др. в основном подтверждают наблюдения И.С. Полякова. А.И. Кельсиев думал, что мамонт доставался человеку в виде скоплений замороженных трупов, частично пригодных для потребления. Нахождение ископаемых

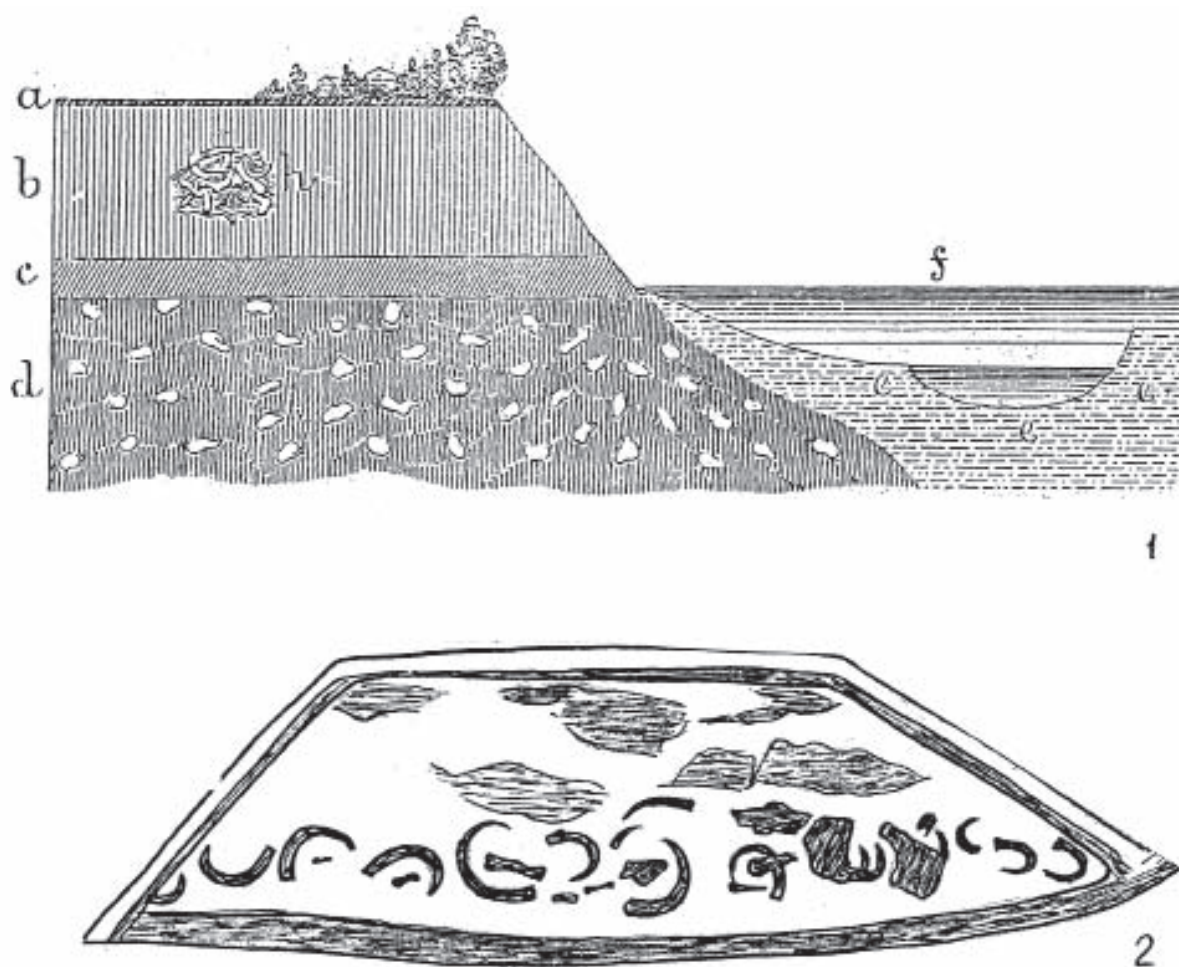

Рис. 1. 1 — Карачарово. Разрез отложений. 2 — Кирилловское поселение. План раскопок 1893 г.

костей в разных пунктах села объяснялось им особенностями питания людей, менявших места трапезы, чтобы избежать душного запаха остатков (Кельсиев, 1883. С. 170–178).

С открытия В.В. Хвойко Кирилловского поселения в 1893 г. начались первые многолетние систематически проводившиеся раскопки палеолитического памятника. До 1896 г. было вскрыто на единой площади около 240 м² культурного слоя. В методическом отношении стояли особняком первые 10 дней раскопок 1893 г., когда В.В. Хвойко задался целью оставлять все найденные кости животных на месте до конца работ для последующего изучения и зарисовки. Если бы обстоятельства позволили ему придерживаться этого плана, могли бы быть получены детальные по тому времени сведения о культурном слое и структуре части поселения. Однако,

под угрозой разрушения костей местными жителями, их пришлось оставлять на месте лишь до тех пор, пока они не были срисованы и сфотографированы. Раскоп 1893 г. на площади 13 × 6 м документирован лучше последующих. На план (рис. 1, 2) попало большинство встреченных на краю поселения крупных костей. Как отмечено, они залегали разрозненно, а малочисленные кремневые изделия чаще находились ниже костей. Западнее В.В. Хвойко пронаблюдал три углистые прослойки, не упустив из вида их взаимоположение, мощность, состав, окраску, характер культурного слоя в местах утолщения (Хвойко, 1901). Четыре культурные прослойки были обнаружены с противоположной стороны Кирилловского мыса в 1897 г. Археологические интересы В.В. Хвойко в то время быстро расширялись (Колесникова, 2006.

С. 5–7), и с середины 1890-х гг. он уже не мог уделять Кирилловскому поселению столько же внимания, как в первые годы.

Основная часть памятника была разрушена в 1899–1902 гг. в процессе разработки глины для производства кирпича. В.В. Хвойко мог лишь зарисовывать и брать в музей многочисленные кости, замечать самые общие изменения в характере культурного слоя и очень приблизительное положение его в пространстве. На основе своих зарисовок и наблюдений он изобразил планиграфию культурного слоя (рис. 2). Эта картина надолго стала туманным образом целого палеолитического поселения, которое в обычных условиях удавалось лишь затрагивать раскопками.

Начиная от исследований в Мезине в 1912–1916 гг. и в Гонцах в 1915, 1916 гг., веде-

ние раскопок стало приобретать узнаваемый регулярный характер. А.А. Спицын отметил для этого времени: «Русские археологи, избалованные легкими раскопками в курганах, еще не выработали детальных приемов для разборки культурных слоев» (Спицын, 1910. С. 78). «Культурным слоям», имея в виду поселенческие и некоторые другие памятники разных эпох, он посвятил в своем солидном руководстве всего две странички. В качестве образца им указаны раскопки вокруг Десятинной церкви, которые велись по кессонам со снятием четырех разрезов, отдельного плана каждого слоя, с шифровкой и взятием всех находок. В.А. Городцов советовал вести раскопки памятников каменного века траншеями, разбив их на участки в зависимости от ширины траншей и числа рабочих. Участки нумеровались, и сведения о находках за-

Рис. 2. Кирилловское поселение. Культурные остатки по рисунку В.В. Хвойко

носились в дневник с указанием глубины и места на участке. При необходимости исследовать большую площадь она размечалась на траншеи, которые раскапывались последовательно одна за другой (Городцов, 1911. С. 26, 37, 38. Рис. 30; 31). Эти наставления отражали общеевропейский методический опыт. С ним был хорошо знаком Ф.К. Волков, долго живший во Франции.

Правильным по своему времени работам в Мезине предшествовал эпизод 1909 г., когда П.П. Ефименко и В.В. Сахаров, еще студенты, раскопали около 18 м² культурного слоя со скоплением костей животных, множеством кремневых орудий, раковин и статуэтками из бивня. Раскопки проводились без разбивки площади, составления планов и разрезов, а возможно, и без записи наблюдений. Положительной стороной являлся бережный сбор коллекции и получение фотографий раскопа, правда, мало информативных в отношении культурного слоя (Сергин, 1987. С. 6, 21–29).

Работы 1912–1914, 1916 гг. велись траншейным способом, «вперевал», с последовательным продвижением раскопок. В 1912 г., имея возможность лишь временами присутствовать на раскопках, Ф.К. Волков писал П.А. Смерлову: «Дражайший Павел Алексеевич, сделайте одолжение — не забудьте снять промеры с обнаруженного вчера профиля, имея в виду главным образом те места, где видны кости. Сверяйте вообще длину всей канавы (А–В) и затем высоты а, b, с, d, e, f и т. д. (первоначальные обозначения квадратов по линии запад — восток. — В. С.) до культурного слоя и до дна канавы. Затем дальше делайте план поперечных траншей, обозначая в каждой высоту культурного слоя. Лучше всего вычерчивать профиль каждой траншеи отдельно и записывать в каждой траншее глубины найденных предметов и скоплений костей, намечая их на плане и разрезе. Кроме того, надо вести дневник ежедневных работ и находок... На костях делайте пометки чернильным карандашом, отмечая траншеей (тр. f'). Пока и довольно» (Чикаленко, 1912. Л. 4).

Планы размещения костей составлялись в основном лишь в 1912 г., хотя и тогда часть костей не изображалась, а обозначалась. Ско-

пления костей и очажные пятна обозначались общим контуром. Только в 1916 г. все крупные кости зарисовывались (рис. 3, 1) и впервые шифровались кремни (Сергин, 1987. С. 6, 7). Эти работы проводил Л.Е. Чикаленко. Однако еще ранее, в 1915 г., план раскопа с зарисовкой костей был составлен В.М. Щербаковским в Гонцах. Известно, что в том году Л.Е. Чикаленко посетил раскопки Гонцов (Щербаківський, 1919. С. 62).

В.М. Щербаковский также присутствовал на раскопках в Мезине и не принял траншейную методику в качестве основы своих будущих раскопок. На его взгляд, узкие площади не позволяют составить представления о жизни палеолитического человека. Он первый в российском палеолите одновременно раскопал относительно большую площадь — около 60 м², полностью открыв встреченные объекты (рис. 4). Для человека, считавшего себя учеником В.В. Хвойко, такой подход вполне понятен. Тем не менее, В.М. Щербаковский и В.А. Городцов не смогли уяснить значение планировочной связи крупных костей, приняв остатки жилища за огражденную кучу мусора или место сохранения огня (Щербаківський, 1919. С. 65–68; Городцов, 1926. С. 20, 22).

В Гонцах и Мезине вследствие слабости стратиграфических наблюдений заполнение хозяйственных ям приняли за кучи костей и только начали выделять в скоплениях костей отдельные структурированные участки. Установление характерных для этих поселений жилищ среднеднепровского типа по их развалам было более сложным, чем жилищ иных типов. Оно стало возможным благодаря дальнейшему совершенствованию методики раскопок и новым открытиям.

После войн, в начале 1920-х гг., исследование палеолитических памятников возобновилось и вскоре интенсифицировалось. В подавляющей части это были небольшие, преимущественно разведочные раскопки, проводимые ограниченным кругом профессиональных археологов. За короткое время были обнаружены Супонево, Тимоновка, Бердыж, Гагарино, Пушкари, около 10 памятников в Костёнках и много памятников в соседних областях. Это способствовало развитию научной проблематики, более строгому под-

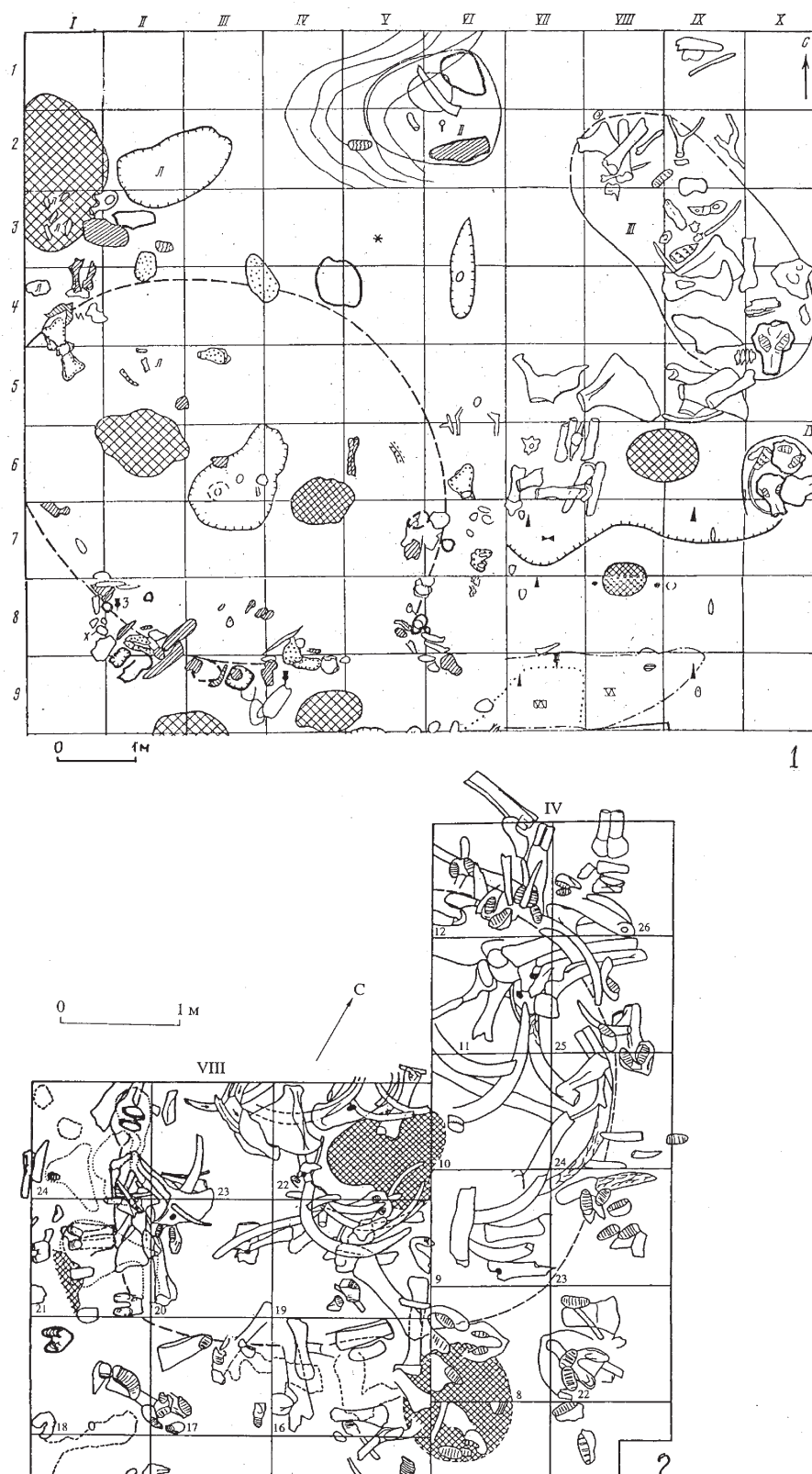

Рис. 3. 1 — Мезин. План основной части раскопов 1912, 1913 и 1916 гг. Раскоп 1916 г. расположен на кв. VII-X, 1-6. Обозначения предметов инвентаря и контуры скоплений II-IV в северо-восточной части нанесены нами. 2 — Супонево. Остатки жилища в раскопе VIII Б.С. Жукова и траншее IV П.П. Ефименко

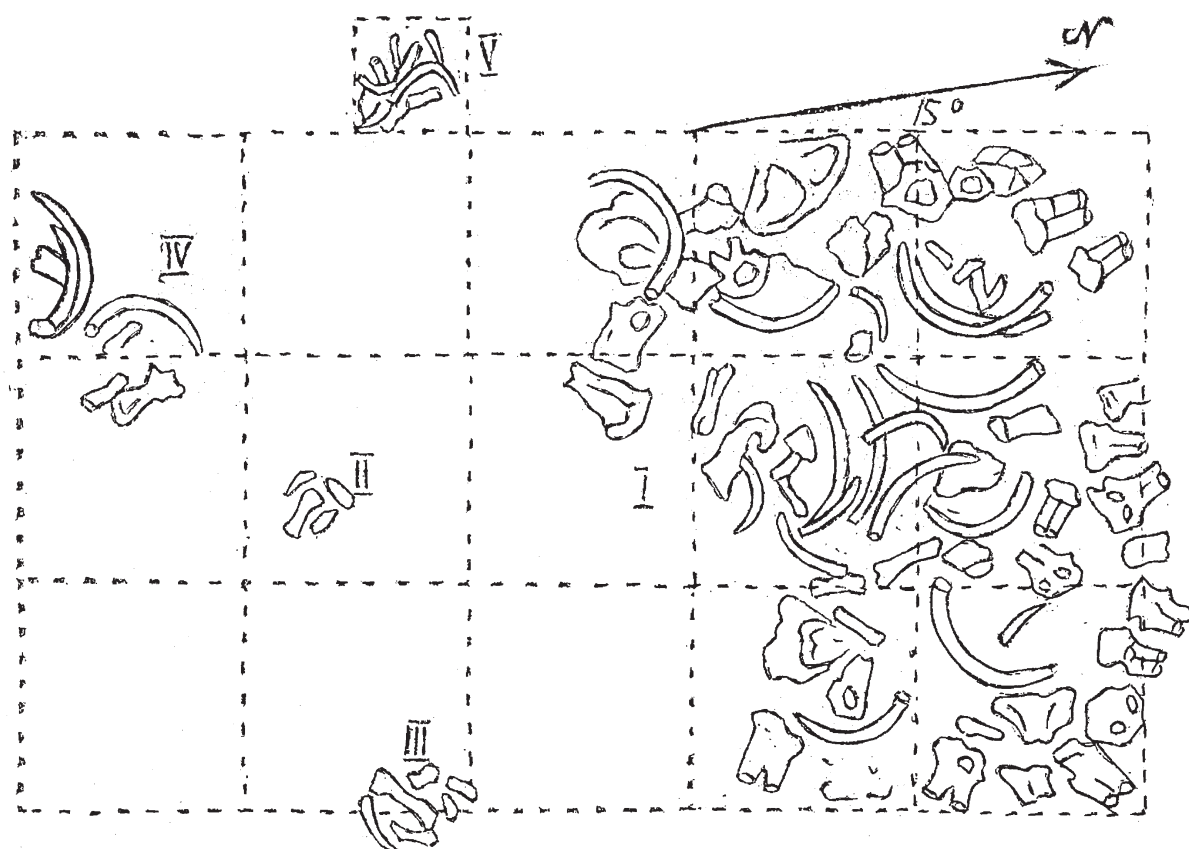

Рис. 4. Гонцовское поселение. План раскопа 1915 г. В.М. Щербаковским добавлены на нем кости, снятые в разведочной траншее 1914 г.

ходу к документации раскопок, большей их унификации и методическим поискам.

Раскопки проводились посредством шурфов, траншей, небольших раскопов, делившихся на квадраты. Кости обычно зачерчивались на плане, где отмечались и особые находки. В шурфах указывалась общая глубина находок от современной поверхности, а в траншеях и раскопах с конца 1920-х гг., как правило, уже от нулевой линии. Кратко характеризовался культурный слой, если он был достаточно выражен. Кости и кремневые материалы снимали и шифровали по квадратам с составлением описи, включая опись костей, определенных специалистами. Качество документации разных работ заметно различалось. В раскопках 1922–1925 гг. в Борщеве 1 и 2 и в Костёнках 1 и 2 она в целом имела более упрощенный характер. В особенности это касается траншеи П.П. Ефименко 1923 г. на месте жилища в Костёнках 2. Ее описание и профиль вполне приемлемы для своего времени, но схематический набросок костей на

плане траншеи являлся крайним анахронизмом. В том же году П.П. Ефименко аккуратно исследовал первую в Костёнках яму (она получила номер 12), содержащую женскую статуэтку из бивня и другие ценные находки (Ефименко, 1923. Рис. 1; 2; 1958. С. 54. Рис. 6).

Работы 1926–1927 гг. выполнялись заметно лучше. В 1926 г. в Супоневе, в основном с использованием траншей, вел раскопки П.П. Ефименко. О методике работ, как обычно и бывало, в отчете он не упоминал. Отсутствуют и фотографии, которые позволили бы составить некоторое впечатление о ней. Велся дневник, делались краткие поквadratные заметки о глубинах залегания культурных остатков, составлялась коллекционная опись, зачерчивались общие стратиграфические разрезы и разрезы отдельных участков, относительно четкие планы (рис. 3, 2). Документация не во всем выдержана, и в ней имелись лакуны, но позднее она оказалась достаточной для понимания общего характера поселе-

ния. В частности, вместе с материалами работ Б.С. Жукова 1927 г., она позволила составить план остатков жилища и распределения различных предметов в нем и на прилегающей площади (Сергин, 2003а; 2003б).

Б.С. Жуков ставил перед собой задачу выявить характер культурного слоя и бытовые детали, а также, по возможности, границу памятника. По его собственному определению, был применен метод вскрытия больших площадей. В основном раскопе VIII одновременно изучалась вся площадь 8×3 м (рис. 3, 2). Мелкие предметы снимали по горизонтам во время работы, крупные кости оставляли на месте до полной расчистки раскопа, когда их наносили на план, зарисовывали и фотографировали (Жуков, 1927а). Единицей документации в значительной степени служил квадратный метр. По нему составляли необходимое количество планов культурных остатков и стратиграфические карточки. Недостаточная подробность описаний (что относится и к раскопкам 1926 г., и вообще было характерно для того времени) отчасти компенсировалась информацией, содержащейся в описях (Сергин, 2003а. С. 5–8). Общие схемы, разрезы, разнообразные письменные материалы соответствовали общей системе документации раскопок, разработанной Б.С. Жуковым (1927б. С. 17, 18).

Мощный пласт костей животных, встреченный С.Н. Замятниным и К.М. Поликарповичем в Бердыже в 1927 г., был полностью расчищен, зарисован и сфотографирован. Кости, залегавшие в основании пласта, не попали на план. Имеется хороший разрез. В остальном документация работ беднее, чем в Супоневе. В том же году С.Н. Замятнин вел работы на Волге и в Костёнках. Он открыл Костёнки 4 и шурфовал памятник, на площади 40 м^2 раскапывал Костёнки 3 (Палеолит... 1982. С.74) и на площади 33 м^2 — Костёнки 2 (Борисковский, 1963. С. 30). В обоих случаях встретилось значительное количество культурных остатков. Документация работ в Костёнках 3 не сохранилась. Исследование Костёнок 2 С.Н. Замятнин планировал, исходя из обнаружения там П.П. Ефименко в 1923 г. упомянутого скопления костей. По представлениям того времени, подобные скопления как пищевые отбросы, запас топлива и т. п.

сопровождает «очаги» или «кострища» — места обитания, где люди разжигали костры, ели, изготавливали орудия и прочие предметы, оставляя уголь, кремневые изделия, расколотые кости и др. «Очаг» найти удалось, но отчетные материалы о его раскопках или были утеряны, или оказались малоинформативными, так что недавнее упоминание о раскопках дано в старых понятиях об «очаге» (Палеолит... 1982. С. 69).

Также в 1927 г., как известно, С.Н. Замятнин провел раскопки Гагаринского поселения. Почти все полевые материалы этих работ не сохранились (Тарасов, 1979. С. 9). Но то, с чем столкнулся Л.М. Тарасов при повторном вскрытии раскопов С.Н. Замятниной на месте жилища (Там же. С. 38–50, 64), не свидетельствует ни о более продвинутой методике раскопок, ни о большей их тщательности по сравнению с тем, что делалось в Бердыже и, тем более, в Супоневе. Достаточно отметить оставшийся не раскопанным участок мощного культурного слоя, входивший в границы остатков жилища, при разборке которого Л.М. Тарасов обнаружил ямку с двойной статуэткой, срезанную на $2/3$ и не замеченную очажную лунку и сборы кремня из перемешанного грунта, составившие более половины коллекции кремня, найденного в жилище.

Таким был методический уровень работ, достигнутый в то время. Он оказался достаточным для обнаружения первого палеолитического жилища. Обозревая палеолитические жилища, выявленные в довоенное время, можно убедиться в том, что остатки гагаринского жилища, будучи небольшими и сочетая углубленность, каменные плиты и крупные кости мамонта по краю и локализованный в углублении обильный инвентарь с особо ценными находками, являлись удачным вариантом для опознания. Они были подарком судьбы, сократившим время, предшествовавшее осознанному выявлению жилищ.

С.Н. Замятнин был еще молодым ученым, занятым интенсивными полевыми исследованиями. О том, как он воспринял обнаружение остатков жилища, можно судить по первым итогам работ в Гагарино. Подводя их, С.Н. Замятнин писал: «Раскопки этого местонахождения дали исключительно богатые результаты. Из них особого внимания заслуживает

открытие в Гагарине ряда скульптур из бивня мамонта...» (Замятнин, 1929. С. 213). Он указал, что в Восточной Европе первая подобная находка уже была сделана П.П. Ефименко в Костёнках в 1923 г. Далее он отметил значительный интерес, который представляет большая серия костяных изделий, и, перечислив их, закончил сообщение словами: «Среди других результатов исследований в Гагарине следует отметить открытие остатков сооружения из камней, по-видимому, основания шалаша или чума, впервые позволяющее составить некоторое суждение о характере жилища палеолитического человека в тех случаях, когда он не мог пользоваться пещерами и другими естественными укрытиями» (Там же. С. 214). Из нескольких специалистов, основой деятельности которых в эти годы было изучение палеолита, лишь П.П. Ефименко обладал достаточными знаниями и зрелостью, чтобы в полной мере оценить значение открытий в Гагарине и перспективы, которые появились в связи с ними в науке.

Со времени, когда в Костёнках 1 были найдены женские статуэтки из бивня и мергеля (последняя — С.Н. Замятниным в том же 1923 г.), этот вид источников, знакомый П.П. Ефименко по европейским материалам, обратил на себя более пристальное его внимание. Можно предположить, что обнаружение в гагаринском жилище серии статуэток из бивня послужило толчком для углубленного изучения хозяйственно-бытовых условий жизни в палеолите и места, которое могла занимать в ней женщина. Сочетание статуэток с жилищем позволило перевести осмысление женского образа ближе к той среде, в которой он был порожден. П.П. Ефименко привел сведения в пользу того, что на ряде поселений, в основном в Западной и Центральной Европе, имелись структуры, которые можно считать остатками жилищ (Ефименко, 1931а. С. 36–59). Теперь, при сколько-нибудь строгом подходе к этим сведениям, в них можно увидеть лишь отдельные намеки на возможное наличие жилищ. Неполнота и ущербность сведений в какой-то мере создавалась и самим П.П. Ефименко. Видимо, не случайно он получил возможность первым опубликовать гагаринское жилище в своей работе, несмотря на то, что его отношения с С.Н. Замятниным

не располагали к лишним просьбам (Формозов, 2002. С. 89, 104). Это жилище явилось единственным надежно установленным фактом палеолитического строительства. Тем не менее, П.П. Ефименко уловил главное — жилища были необходимым условием жизни на относительно долговременных поселениях.

От теоретического вывода о связи женских статуэток с хозяйственно-бытовым укладом позднего палеолита, долговременной оседлостью и прочными жилищами П.П. Ефименко перешел к постановке общих и личных задач. Он отметил, что большие успехи в исследованиях палеолита в 1920-е гг. носят экстенсивный характер. Их цели определялись слишком узко и формально, поэтому они страдают неполнотой и односторонностью. Почти ничего не известно о характере поселений, палеолитических жилищах, тогда как коллекционный материал занимает совершенно подавляющее положение (Ефименко, 1931б. С. 9). В личном плане П.П. Ефименко стремился скорее проверить литературные данные собственными наблюдениями (Ефименко, 1931в. С. 59). Выбирать памятник не требовалось: кроме Гагарина, статуэтки были найдены только в Костёнках 1, и прежние раскопки свидетельствовали о наличии в них богатого культурного слоя.

Возможность исследований на площади Костёнок 1 появилась в 1931 г. (Ефименко, 1958. С. 28). В ходе раскопок этого года П.П. Ефименко разработал новую методику исследования палеолитических памятников (Ефименко, 1934. С. 67). Говоря о ней, нередко указывают лишь на производство раскопок широкой площадью. Но и это условие далеко не все считают оригинальным нововведением П.П. Ефименко (Формозов, 2002. С. 102). Действительно, широких раскопок памятников разных эпох в конце XIX — первой трети XX в. было немало. Так, большие площади вскрывались на ряде стоянок каменного века в Финляндии, входившей в состав России. Одна из них, план которой приведен, но не комментирован А.А. Спицыным (1910. Рис. 12), была раскопана на площади свыше 240 м². В большинстве случаев поставленная цель достигалась последовательной разработкой площади, и культурные остатки сводились на общих планах. Но производилась

и единовременная расчистка культурных остатков на широкой площади. В этой связи вновь укажем на раскопки Гонцов в 1915 г.

П.П. Ефименко не был одинок в своих поисках. Более совершенные методические подходы, которые ранее в значительной мере зависели от индивидуальных решений, с 1920-х гг. постепенно отбирались и через посредство школ, дискуссий входили в более широкую практику. Большое внимание разведкам, раскопкам, документации работ и ряду других аспектов изучения памятников уделяла Палеоэтнологическая лаборатория Антропологического института при I МГУ в лице Б.С. Жукова и О.Н. Бадера. Б.С. Жуков считал, что стоянки и городища необходимо раскапывать длинными (для выяснения стратиграфии) и широкими (для установления бытовых деталей) разрезами. Разрезы должны по возможности рассекают памятник вплоть до его выклинивания. Но в целях установления бытовых деталей и сбора максимального объема материалов желательно вскрытие больших сплошных площадей (Жуков, 1927б. С. 17). Здесь еще нет постановки вопроса о полных раскопках памятников или относящихся к ним комплексов, что, вероятно, отражает очень скудные возможности исследований в период послевоенной разрухи. Но уже намечен выход за стесняющие рамки траншейной методики. В скромных размерах метод вскрытия больших площадей, как помним, был успешно использован Б.С. Жуковым в Супоневе.

В начале 1930-х гг., в связи с идеологической переориентацией науки, в археологии остро обсуждались вопросы методики исследования памятников, включая и работы на широкой площади. Чтобы убедиться в этом, достаточно открыть № 4–5 «Сообщений» ГАИМК за 1931 г. со статьями И.Н. Мещанинова, К.Э. Гриневича, С.Н. Замятина, А.А. Миллера, В.И. Равдоникаса. С.Н. Замятин констатировал непригодность всех имевшихся в то время руководств по раскопкам (Замятин, 1931. С. 58, 59). А.А. Миллер, касаясь более поздних эпох, отметил, что научный интерес к поселениям и городищам начал формироваться лишь в последнее время, но до более полной оценки культурных слоев как первоисточника для реконструкции и

понимания поселения еще далеко. Культурные слои зарисовывают и описывают без количественного анализа, получая в результате лишь приуроченность вещевого материала, бывшего ранее самоцелью раскопок, к слоям «коричневатым», «сероватым», «супесчанистым» и т. д. Перед исследованием необходима постановка четких задач, выполнению которых и должна соответствовать методика раскопок. А.А. Миллер протестовал против использования в раскопках траншей, колодцев, шурфов, разрушающих те целостные комплексы, которыми являются стоянки и городища (Миллер, 1931. С. 22, 23, 50).

У В.И. Равдоникаса заслуживает внимания требование вести раскопки стоянок, селищ, городищ таким образом, чтобы памятник раскрывался возможно полнее по целостным его комплексам, с точной фиксацией взаимных связей комплексов с окружающей средой и внутренних элементов комплексов. Например, жилище необходимо раскапывать так, чтобы проявлялась не только его структура, но и характер прилегающих участков. Это даст возможность судить о хозяйственно-бытовом окружении жилища и соотношении одного жилища с другими. Раскапывать поселения нужно как можно более широкими площадями из одного места (Равдоникас, 1931. С. 60). А.А. Формозов отметил, что идея раскопок поселений широкими площадями носилась тогда в воздухе (Формозов, 2002. С. 102). Но она, видимо, не только носилась, но и приобретала до некоторой степени директивный характер.

В методике, выработанной П.П. Ефименко, раскопки широкой площадью не являлись обязательным пунктом исследований. В Костёнках 1 необходимость раскопок широкой площадью вытекала из масштаба работ, поскольку они были направлены к полному охвату комплекса (Ефименко, 1958. С. 33–39). В других случаях, как, например, в Костёнках 8, объектом исследований было жилище, для раскопок которого достаточно было небольшой площади (Ефименко, Борисковский, 1957). П.П. Ефименко подчеркивал, что раскопки на памятниках, подобных Костёнкам 1, должны строиться в полном соответствии с их конкретными особенностями. Памятник необходимо изучать в его целом, в подчине-

нии деталей вопросам общей планировки (Ефименко, 1932. Л. 2). «Должно, однако, сказать, — писал он, — что по принятому обыкновению ни один из раскопов на стоянке не считался законченным до тех пор, пока вся раскрытая площадь в целом не была нами изучена. Это имело то значение, что позволяло все время вести проверку наблюдений по разным возникающим в ходе работ вопросам» (Ефименко, 1934б. Л. 3, 4).

Производство работ описанным образом является сердцевинной и наиболее оригинальной частью методики П.П. Ефименко. Другие ее особенности имели подчиненный характер: площадь вскрытия определялась размерами изучаемого объекта, консервация раскопов позволяла при необходимости использовать отдельные их части для текущих наблюдений и всю площадь раскопок — для заключительных исследований. В первый год работ П.П. Ефименко стал различать «то, что находится в основании культурного слоя и связано с обстановкой жилья, и толщу так называемого культурного слоя» (Ефименко, 1932. Л. 2). Эта толща, как он думал, являлась наплывом отбросов, первоначально накаливавшихся по соседству с жилищем или лежавших на его земляной кровле (Ефименко, 1931б. Л. 59; 1934а. Л. 67; 1958. С. 31). Отсюда наиболее важной стороной исследования культурного слоя по вертикали являлось установление пола с отложившимися на нем остатками. Детальнее методика раскопок, выработанная в Костёнках, изложена А.Н. Рогачёвым (1959).

Начиная с 1931 г. при раскопках в Костёнках разрезы делались по границе раскопов. На планах зарисовывали углубления, целые и относительно крупные обломки костей, отмечали глубину пола и ям. С 1934 г. на планы стали наносить и мелкие кости, а для более крупных — эпизодически указывать глубину. В 1936 г. зарисовывали и кремни. Все нивелировалось. По качеству рисунков костей и графики в целом и по остальной документации работ этот год мало отличался от раскопок палеолитических памятников недавних десятилетий.

По этой методике в 1937 г. раскопано основание полуземлянки в Костёнках 8 (Ефименко, Борисковский, 1957), в 1937–

1938 гг. — округлые углубленные и длинные многоочажные жилища в Костёнках 4 (Рогачёв, 1955), в 1937–1939 гг. — длинное жилище с использованием костей мамонта в конструкции в Пушкарях (Борисковский, 1953. С. 176–236). В статьях 1931 г. П.П. Ефименко даже не упоминал Гонцы в связи с исследованием жилищ. В 1934 г. он ввел Гонцы в круг жилых объектов, о которых писал ранее. По его мнению, кости мамонта очерчивали в Гонцах овал 14 × 8–9 м. На периферии овала были расположены верхние и нижние челюсти, лопатки и другие кости, а внутри лежал толстый слой культурных отбросов, прикрытый бивнями. П.П. Ефименко рассматривал их как возможный запас материала, лежавший на кровле (Ефименко, 1934в. С. 109). Такая реконструкция гонцовского жилища возникла под влиянием соображений по поводу Костёнок 1. Она искаженно отражала конкретные сведения, сообщенные В.М. Щербаковским (1919) и В.А. Городцовым (1926), поскольку включала в пределы жилища «кучи» костей — хозяйственные ямы. Лишь с 1938 г. в качестве остатков жилища в Гонцах фигурируют действительно относящиеся к нему материалы (Ефименко, 1938. С. 557, 558). Стал известен еще один тип палеолитического жилища. Назначение гонцовских объектов, в том числе и жилища, было установлено И.Ф. Левицким в 1935 г. (Левицкий, 1947).

Однако, как ни парадоксально, завершение раскопок комплекса 1 Костёнок 1 в 1936 г. не увенчалось удовлетворительной его интерпретацией. Даже в монографии, изданной 22 года спустя, несмотря на своевременные критические замечания (Childe, 1950. Р. 7; Формозов, 1954. С. 102, 103), П.П. Ефименко реконструировал комплекс в виде наземного жилого сооружения 36 × 14 м с примыкающими к нему и связанными с ним углубленными жилищами (Ефименко, 1958. С. 40, 41, 204–208). Такое видение комплекса было обусловлено рядом обстоятельств. Первыми из них были сведения по западным памятникам, прежде всего по Ланг-Маннерсдорфу, где отдельный наиболее изученный участок представлял собой площадку около 20 × 14 м с обычным культурным слоем. На ней были обнаружены очаг с пережженными костями, место обработки кремня, скопление костей

животных, глубокая яма и 3 ямы предположительно для опорных столбов. П.П. Ефименко считал, что площадка была в значительной части или полностью перекрыта (Ефименко, 1931а. С. 53, 54, 59). Ширина костёнковской площадки совпала с шириной площадки Ланг-Маннерсдорфа. Это было уже некоторым основанием для того, чтобы предполагать наличие перекрытия также и в костёнковском комплексе. Впрочем, в виде крупных сооружений, включавших наземные и полуподземные помещения, стал рассматривать П.П. Ефименко и разнородные объекты в Елисеевичах, Мальте, Афонтовой горе (Ефименко, 1938. С. 391).

Существенное влияние на понимание комплекса могли оказать и собственные раскопки П.П. Ефименко на раннеславянском Борщевском городище в 1928, 1929 гг., где были расчищены углубленные основания 15 небольших камер. Он писал о них: «...жилища имеют вид не отдельных жилых помещений, а целого улья помещений, лежащих одно возле другого. Эти обширные сооружения, дававшие приют, видимо, не одной сотне человек, запечатлевают картину настоящего общинно-родового хозяйственного гнезда» (Ефименко, 1931 г. С. 8). Это было созвучно мысли П.П. Ефименко о наличии родового строя в позднем палеолите. В 1930-е гг. идея большого родового дома имела широкое хождение (Формозов, 2002. С. 102).

Но имелись и вполне реальные обстоятельства, которые склоняли П.П. Ефименко к реконструкции комплекса по схеме большого дома, — четкая замкнутая планировка комплекса, совпадавшая с распространением культурных остатков, и отсутствие на площадке структурных различий, которые позволили бы сузить границы предполагаемого жилища. Постройка представлялась П.П. Ефименко в виде легкого остова из тонких жердей, покрытых в основном шкурами мамонтов и подпертого в разных местах не очень большими слегами (Ефименко, 1958. С. 207). Говоря об этой во всех отношениях уязвимой реконструкции, П.П. Ефименко забыл о тут же помещенных его соображениях о земляном покрытии, которое после разрушения постройки превратилось в наплыв.

При наличии ограниченных данных естественно было бы признать реконструкцию комплекса пока невозможной. Но П.П. Ефименко, должно быть, действительно не вполне сознавал шаткость своих предположений. Если другим типам жилищ он находил внешне подходящие этнографические параллели, то для площадок они не подбирались. Между тем с 1930-х гг. в Костёнках и повсюду в сельской местности появились облегченные постройки, в грубых чертах моделировавшие ситуацию, при которой требовалось с минимумом средств перекрыть и сделать пригодной для обитания большую площадку. Это были коровники и некоторые другие хозяйственные постройки. Ширина их обычно была меньше, чем у костёнковской площадки, но перекрытие могло конструироваться только из балок и по необходимости не было слишком низким. Но эти сооружения, видимо, не привлекали внимания работников экспедиции.

Соображения П.П. Ефименко по поводу Костёнок 1 повлияли на первоначальное восприятие исследователями ситуации на других поселениях. Так, несмотря на различие в характере культурного слоя и инвентаря, а также частичное перекрывание остатками одного из жилищ верхнего слоя Костёнок 4 остатков северного жилища нижнего слоя, А.Н. Рогачёв ссылаясь на менее значащие детали в подтверждение одновременности и непосредственной связи круглых жилищ с длинными (Рогачёв, 1940. С. 40. Рис. 10). Это соответствовало связи округлого жилища, предполагавшегося П.П. Ефименко на юго-восточном краю площадки Костёнок 1, с большим жилищем (Ефименко, 1958. Рис. 6). А П.И. Борисковский полагал, что бивни, обнаруженные в жилищной западине Пушкарей 1, могли находиться в соседстве с ней, а после оставления жилища заполнили ее. Или же меньшая часть бивней была помещена на кровле (Борисковский, 1940. С. 85).

В недавнее время М.В. Александрова подвергла критике подход к раскопкам, выработанный П.П. Ефименко, и в целом «методику широких площадей», насаждавшуюся, как она пишет, в отечественной археологии каменного века (Александрова, 1998). Однако,

как изложено выше, эта методика возникла в качестве альтернативы траншейному и кессонному методам, при использовании которых произвольно взрезался культурный слой, и единые комплексы изучались по отдельным отчлененным частям. Каких-либо альтернатив не было, и если считать новый метод непродуктивным, нужно обосновать, что старые методы, вопреки мнению цитированных ученых, больше соответствовали изучению памятников в единстве составляющих их объектов.

Новый метод создавался не одним человеком. Но П.П. Ефименко, видимо, был первым, кто сумел выработать свой вариант. Думается, что в основном он входил в науку посредством достаточно обычной передачи опыта от учителя к ученику и от специалистов научных центров к менее подготовленным провинциальным коллегам. Люди старшего поколения могли сохранять свои методические пристрастия. Это видно, в частности, по деятельности В.А. Городцова, который до конца копал траншейным способом и в 1928–1933 гг. вскрыл с его применением на Тимоновском поселении 1178 м² (Величко и др., 1977. С. 94). Позднее на Сухой Мечетке С.Н. Замятнин счел более удобным изучать культурный слой не сразу на большой площади, а по отдельным участкам (Замятнин, 1961). Никто не мог насаждать новую методику за рубежом, но, как известно, ее там нередко высоко оценивали и какие-то стороны перенимали.

По мнению М.В. Александровой, в методике раскопок существовала некая исходная линия правильного развития. Она была представлена Г. де Мортилье, Ф.К. Волковым, А.А. Спицыным, а позже А.А. Миллером, которые, по ее словам, отождествляли культурный слой со стоянкой. Распространение методики П.П. Ефименко обрвало эту линию (Александрова, 1998. С. 143). Неясно, как оценивает М.В. Александрова ведение полевых работ специалистами по палеолиту после Ф.К. Волкова. Но судя по тому, что ни один из них не упомянут и продолжателем линии назван А.А. Миллер, исследование палеолита, согласно ее позиции, сошло с первоначального пути еще до появления новой методики.

В основе изменения стратегии раскопок, считает М.В. Александрова, лежало иное

отношение к стоянке, чем у приверженцев указанной линии. П.П. Ефименко начал рассматривать стоянку «исключительно как «памятник первобытной истории», то есть исторический, а не геоархеологический объект» (Александрова, 1998. С. 143). Если это высказывание следует понимать прямо и оно действительно отражает позицию П.П. Ефименко, то дальше можно было бы не вести речь об археологии. Но стоянка (след кратковременного обитания) или поселение, так же как городище, курган, наскальное изображение, будучи археологическим памятником, является одновременно памятником истории и культуры. Новая методика раскопок памятников в 1930-е гг., в том числе методика П.П. Ефименко, строилась не на противопоставлении исторического археологическому.

Изучение памятника как палеолитического поселения означало, по М.В. Александровой, переориентацию от «культурного слоя» к «жилому комплексу», от «разреза» к «плану». Культурный слой вместо главного предмета изучения, как было принято до П.П. Ефименко, объявлялся «наплывом», «засыпью», т. е. помехой, нуждавшейся в «удалении» (Александрова, 1998. С. 143). Как обстояло дело практически? Определение утолщенных участков культурного слоя на древней поверхности как в основном неинситуальных образований было ошибочным. Но «удаление» не означало отсутствие фиксации культурного слоя, его особенностей и содержания на разрезах, планах или в записях. В книге (Ефименко, 1958) при описании культурного слоя упомянут каждый квадрат. В целом качество фиксации соответствовало ее уровню в то время.

Количество разрезов в Костёнках 1 ввиду того, что они делались по границам раскопов, невелико, и ориентация на план — как общая черта новой методики раскопок стоянок, поселений, городищ и некоторых других памятников — выражена вполне четко. Но до раскопок Костёнок 1 и при исследовании этого памятника разрезы делались лишь для общей характеристики отложений, включая культурный слой. Поэтому меньшее количество разрезов на единицу площади при устойчивости особенностей отложений не наносило серьезного ущерба наблюдениям.

Что касается обвинения в переориентации раскопок от культурного слоя к жилому комплексу, не следует идеализировать уровень изучения культурного слоя палеолитических поселений во времена Ф.К. Волкова и к 1930-м гг. В разрезе отмечались прослойки и расслоения культурного слоя, его изменения по характеру породы, цвету и содержимым остаткам. При горизонтальной расчистке выделяли «очаги», «кучи» костей, указывая на их взаимную встречаемость и возможную роль. В поле зрения попадали и более ясные структурные детали: кострища, места обработки кремня, вкопанные кости и др. В Мезине, Супоневе и Костёнках 1 были обнаружены первые углубленные объекты. Все же, несмотря на то, что стремление в какой-то мере понять и реконструировать бытовые детали по характеру культурных остатков было постоянной тенденцией в истории исследований палеолитических памятников, дело ограничивалось в основном общими наблюдениями культурного слоя. Структура жизнедеятельности, отразившаяся в особенностях культурного слоя, ни в одном случае не была выявлена, и слой представлялся собранием причудливо варьировавшихся в пространстве разнообразных культурных остатков.

Вряд ли в таких условиях могли развиваться микростратиграфические исследования, в невнимании к которым М.В. Александрова укоряет также и современных исследователей (Александрова, 1998. С. 145–148). Хотя отдельные элементы микростратиграфических наблюдений были свойственны ряду исследований, начиная с раскопок Ф.И. Каминского в Гонцах и В.В. Хвойко на Кирилловском поселении, использование их не стало систематическим к 1930-м гг. При неясном культурном контексте это было бы микростратиграфией для микростратиграфии. Изучение целостных комплексов путем широких раскопок выявило структуру мест обитания и тем самым открыло путь для дальнейшего более осмысленного изучения культурного слоя.

Следует также отметить, что верхний культурный слой Костёнок 1 залегает в тонком суглинке, в основном не окрашен и местами замещен отдельными находками. Он пронизан большим количеством кротовин, так что в некоторых случаях производит впечатление останцов. Проследить в нем

сложнейшие эволюции локусов культурного слоя, связанных с выкидыванием грунта из ям, его выносом или разгребанием, смешением с остатками на поверхности, перекрытием новыми выбросами и т. д., едва ли возможно и во всеоружии современных методов. Слабая выраженность культурного слоя и его отсутствие на значительных участках раскопок — обычное положение и на многих других памятниках. Поэтому сравнительная редкость случаев, когда надежно устанавливается место удаления грунта из ямы или по культурному слою синхронизируются отдельные объекты, чаще объясняется сложностью задачи, а не тем, что археолог не ставит ее перед собой.

За десятилетия работы по уже традиционной методике задачи исследований детализировались и усложнились. Произошло значительное обогащение способов исследования. Необходимым стало применение микростратиграфических наблюдений, методов точной фиксации, тесное сотрудничество со специалистами по естественным наукам. Едва ли можно упрекнуть исследователей Каменных Балок, Пушкарей, Гонцов, Зарайска, Хотылёва или Костёнок в чрезмерном увлечении реконструктивной стороной исследований и в некачественном по нынешнему времени изучении памятников.

Палеолитические памятники были открыты в России много позже, чем в Западной Европе, и долгое время их количество оставалось незначительным. Поэтому основные стороны исследований зависели от западных разработок. Так, однослойные памятники, в отличие от пещер, не позволяли заниматься стратиграфическими наблюдениями и самостоятельно проследить развитие палеолитической культуры. Это обстоятельство способствовало сосредоточению внимания на изучении культурного слоя. То же диктовалось и новыми задачами, вставшими перед археологией с начала 1930-х гг. Появление новой методики раскопок дало возможность сделать оригинальный вклад в науку о палеолите. За короткое время на поселениях были раскопаны остатки ряда жилищ. По счастливой случайности, они отличались эффективностью и продемонстрировали исключительное типологическое разнообразие, маня перспективами дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александрова М.В., 1998. «Идеология» раскопок палеолитических поселений (у истоков советской методики раскопок палеолитических поселений) // Восточный гравитт. М.
- Борисковский П.И., 1940. Пушкарёвское палеолитическое жилище // КСИИМК. Вып. VII.
- Борисковский П.И., 1953. Палеолит Украины / МИА. № 40. М.; Л.
- Борисковский П.И., 1963. Очерки по палеолиту бассейна Дона / МИА. № 121. М.; Л.
- Городцов В.А., 1911. Руководство для археологических раскопок и обработки добытого раскопками материала (составлено С.И. Флях по лекциям В.А. Городцова). М.
- Городцов В.А., 1926. Исследование Гонцовой палеолитической стоянки в 1915 г. // Тр. Секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. М. Вып. I.
- Ефименко П.П., 1923. Палеолитическая стоянка в Костёнках под усадьбами Покровского оврага // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. № 77.
- Ефименко П.П., 1926. Статуэтка солютрейского времени с берегов Дона // Материалы по этнографии. Вып. 1. Т. III.
- Ефименко П.П., 1931а. Значение женщины в ориньякскую эпоху // ИГАИМК. Т. 11. Вып. 3–4.
- Ефименко П.П., 1931б. Костёнки 1: Из итогов экспедиции 1931 г. // СГАИМК. № 11/12.
- Ефименко П.П., 1931в. Палеолит СССР: Итоги и перспективы его изучения // СГАИМК. № 3.
- Ефименко П.П., 1931г. Раннеславянские поселения на Среднем Дону // СГАИМК. Вып. 2.
- Ефименко П.П., 1932. Экспедиция по изучению палеолитических местонахождений Центральной черноземной области // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. № 103.
- Ефименко П.П., 1934а. Итоги раскопок в Костёнках (август — октябрь 1933 г.) // ПИДО. № 4.
- Ефименко П.П., 1934б. Материалы по раскопкам палеолитической стоянки Костёнки I, Воронежской области // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. № 394.
- Ефименко П.П., 1934в. Палеолитические стоянки Восточно-Европейской равнины // Тр. II Международной конференции АИЧПЕ. Л.; М.; Новосибирск.
- Ефименко П.П., 1934г. Дородовое общество. М.; Л.
- Ефименко П.П., 1938. Первобытное общество. Л.
- Ефименко П.П., 1958. Костёнки 1. М.; Л.
- Ефименко П.П., Борисковский П.И., 1957. Тельманское палеолитическое поселение (раскопки 1937 г.) / МИА. № 59.
- Жуков Б.С., 1927а. Отчеты о разведках и раскопках Палеоэтнологической лаборатории Антропологического института при I МГУ в 1927 г. // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1927. № 113.
- Жуков Б.С., 1927б. Из методологии изучения культур стоянок и городищ // Материалы к доистории Центрально-промышленной области. М.
- Замятнин С.Н., 1929. Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. // СГАИМК. Вып. II.
- Замятнин С.Н., 1931. К вопросу о библиографии по производству раскопок // СГАИМК. № 4–5.
- Каминский И.Ф., 1878. Следы древнейшей эпохи каменного века по р. Суле и ее притокам // Тр. III АС. Киев. Т. I.
- Кельсиев А.И., 1883. Палеолитические кухонные остатки в с. Костёнках Воронежского уезда // Древности. М.
- Колеснікова В.А., 2006. Наукова та культурно-просвітницька діяльність В.В. Хвойки: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ.
- Миллер А.А., 1931. К вопросу об охране памятников старины // СГАИМК. № 4–5.
- Палеолит Костёнковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Л., 1982.
- Поляков И.С., 1880. Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию, исполненная по поручению императорской Академии наук. СПб.
- Равдоникас В.И., 1931. О работе Д.Н. Эдинга «Сарское городище» // СГАИМК. № 4–5.
- Рогачёв А.Н., 1940. Палеолитическое поселение Костёнки IV // КСИИМК. Вып. IV.

- Рогачёв А.Н., 1955.* Александровское поселение у с. Костёнки на Дону. М.; Л. (МИА. № 45.)
- Рогачёв А.Н., 1959.* Раскопки палеолитических стоянок и погребений // Известия на археологический институт. София. Кн. XXII.
- Сергин В.Я., 1987.* Структура Мезинского палеолитического поселения. М.
- Сергин В.Я., 2003а.* Супонево: общие сведения. Остатки жилища // РА. № 2.
- Сергин В.Я., 2003б.* Супонево: внежилищный участок. Структура поселения // РА. № 3.
- Спицын А.А., 1910.* Археологические раскопки. СПб.
- Супруненко О.Б., 2000.* Археологія в діяльності першого приватного музею України (Лубенський музей К.М. Скаржинської). Київ; Полтава.
- Тарасов Л.М., 1979.* Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л.
- Уваров А.С., 1881.* Археология России. Каменный период. М. Т. I.
- Феофилакт К.М., 1878.* О местонахождении кремневых орудий человека вместе с костями мамонта в с. Гонцах на р. Удае Лубенского у. Полтавской губ. // Тр. III АС. Киев. Т. I.
- Формозов А.А., 1954.* Новые работы по каменному веку СССР // ВДИ. № 3.
- Формозов А.А., 2002.* О Петре Петровиче Ефименко (материалы к биографии) // Очерки отечественной археологии. М. Вып. III.
- Хвойка В.В., 1901.* Каменный век Среднего Приднепровья // Тр. XI АС в Киеве. М. Т. I.
- Чикаленко Л.Е., 1912.* Розкопки 1912 року // Научный архив ИА НАН Украины. Ф.А.В/41.
- Шовкопляс И.Г., 1965.* Мезинская стоянка. Киев.
- Щербаківський В.М., 1919.* Розкопки палеолітичного селища в с. Гонцях Лубенського повіту в 1914 і 1915 р. // Зап. Українського наук. товариства дослідження й охорони пам'яток старовини та мистецтва на Полтавщині. Полтава. Вип. I.
- Childe V.G., 1950.* Cave Men's Buildings // Antiquity. Vol. XXIV.

Г.П. Григорьев

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

ЖЕНСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГРАВЕТТИЙСКОГО ВРЕМЕНИ

Анализ женских статуэток времени верхнего палеолита с разных концов Европы обнаруживает их близкое стилистическое сходство. Равным образом, и структура групп статуэток, происходящих из одного и того же подразделения палеолитической Европы, оказывается сходной — как это оказалось при сравнении групп статуэток из Восточной Европы, с одной стороны, и из Средней Европы — Моравии, группы памятников, которые называются «павловская культура», — с другой. Это эпонимная стоянка Павлов, Дольни Вестонице, стоянка Пшедмость, расположенная севернее, и стоянка Петржковице в пределах Силезии. Помимо памятников павловской культуры, существуют еще и памятники сходного типа на территории Словакии. Перечисленные памятники сходны между собой, прежде всего по массовому материалу, найденному в их культурных слоях. Как правило, это памятники, распространенные на очень большой площади, возможно, каждый из них — это остатки нескольких развалин (остатков) жилищ, использовавшихся последовательно, а не строго одновременно. Однако этот вопрос далеко не простой: одни археологи согласны с таким предположением, другие его оспаривают. Изделия из кости и бивня на этих памятниках дополняются изделиями из обожженной глины.

Исследование памятников Моравии начато еще в конце XIX в., с тех пор накоплен

огромный материал. Однако классификация этого материала была сильно замедлена. Изучение палеолитического материала в целях определения культурной принадлежности этих памятников — дело совсем недавнее. Понятие «павловская культура» введено в обиход только в 1950-е гг. Еще важнее то, что разные исследователи по-разному понимают, что такое павловская культура. Одни более опираются как раз на предметы искусства для определения павловской культуры, другие предлагают основываться на типологии каменных орудий. Эта точка зрения более других близка мне. Одни археологи включают в павловскую культуру и Виллендорф, ссылаясь на то, что он расположен совсем недалеко от Дольни Вестонице и Павлова. Дело не в том, чтобы мерить расстояние между разнотипными памятниками. Существен методический подход к вопросу. Близость Павлова и Виллендорфа определяется не географической близостью двух памятников, а сходством их типологического облика. Примерно известен возраст павловской культуры — от 25 до 28 тыс. л. Более молодой возраст памятника предпочтительнее по ряду причин. Количество определений возраста для памятников, которые раскапывались во второй половине XX в., не слишком большое, и при всем желании уточнить, к чему же он ближе, пока нельзя. Но зачем нам нужно знать возраст павловских памятников с точ-

ностью до тысячи лет? Не достаточно ли того, что павловские памятники входят в граветтийскую совокупность, как и Виллендорф, как и костёнковские памятники в Восточной Европе? Теперь не достаточно. Археологов в течение всего XX в. волновал вопрос: а не происходят ли костёнковские памятники на Дону от павловских памятников? И как они соотносятся по возрасту — которые из них раньше, которые позже? Этот вопрос пытался поставить еще П.П. Ефименко в 1930-е гг. Но он держался того мнения, что статуэтки в памятниках, которые теперь называются граветтийскими, появляются независимо в любой части Европы. Он полагал их возникновение следствием одинакового уровня развития общества во всей Европе. Раз вся Европа перешла от стадных отношений к родовому строю, то, соответственно, и статуэтки, символизировавшие родовой строй и матриархальные порядки, появились повсюду. Для П.П. Ефименко не существовало сложной проблемы, раньше или позже на 2000 лет памятники Костёнок, чем Пшедмости или Виллендорфа. Радиоуглеродный возраст Костёнок и Авдеева теперь известен, есть около 40 его определений, и можно сказать, что он составляет около 22 тыс. л. Исходя из того, что все даты для павловской культуры помещаются в пределах 36–25 тыс. л. н., можно утверждать, что павловская культура существовала раньше костёнковской и, что еще важнее, окончила существование раньше, чем на Дону и на Сейме возникла костёнковская культура. Все бы было хорошо, если бы искусство не предоставляло свидетельств близкого сходства Костёнок/Авдеева и Пшедмости.

Помимо женских статуэток, изготовленных из бивня, в Авдееве были найдены еще такие изделия, которым место в хижине нынешних охотников-собирателей. Эти фигурки изготовлены из костей конечностей мамонта, и особенно много работы в этих изделиях не заметно. Эпифиз кости снабжен глазами и ушами, — и больше ничего. Уже очень они просты, но встречаются только в Пшедмости и Авдееве. Таких статуэток нет ни в Павлове, ни в Дольни Вестонице. Впрочем, найти, опознать их очень трудно: при невнимательном просмотре их сложно отличить от костей стопы мамонта без обработ-

ки. При всей простоте, или именно благодаря своей редкости, они указывают на какие-то контакты между двумя группами населения. Какие это были контакты, никто сказать не возьмется, но возникнуть независимо эти две группы антропоморфных фигурок не могли. Скорее будет сказать — это маловероятно. Эта группа изделий — не единственный показатель близости Пшедмости (и павловской культуры) и костёнковских памятников на Русской равнине. А ведь они так далеки друг от друга, их разделяет около 2000 км. И они разновременны, хотя и близки по возрасту. Контакты между населением Моравии и Русской равнины могли быть и прямыми, и опосредованными, но независимое возникновение двух таких групп изображений — менее вероятное событие истории культуры, чем их взаимная зависимость.

К этому нужно добавить некоторые совпадения орнаментальных мотивов Моравии и Русской равнины. В Дольни Вестонице есть несколько изделий, орнаментированных самым простым способом: глубокими нарезками по краю изделия. В памятниках костёнковской культуры таких нарезок нет, они не типичны, но в Авдееве нашелся один кусок ребра, по краю которого нанесены нарезки, делающие край ребра зубчатым. Только в Авдееве и в Пшедмости есть изделия, орнаментированные кривыми линиями. В Авдееве это изделие, видимо, служило украшением, как предполагал П.П. Ефименко, — налобным. Кривые линии идут не по краю его, а занимают всю поверхность. Такого рода орнамент — такие композиции, как отметила М.Д. Гвоздовер (1953), имеют параллели в Павлове, например, и в Пшедмости. Если в павловской культуре изделий с криволинейным орнаментом много, то в Авдееве они единичны. Наконец, совершенно уникален бивень с сомкнутыми участками, покрытыми сплошь линиями орнамента. Такой бивень есть только в Авдееве. Он не был бы столь интересен, если бы не параллели (и опять многочисленные) в Пшедмости. Это — особый род совпадений.

В других случаях параллели между павловской культурой и костёнковской прослеживаются в массовом материале — орудиях. Поэтому параллели между Пшедмостью

(или другой стоянкой павловской культуры) и костёнковской культурой, во-первых, говорят о неслучайности таких совпадений, а во-вторых — это особого рода совпадения, совпадения в уникальных (для костёнковской культуры) предметах. Можно гипотетически представить дело так, что связи между двумя регионами — Моравией и бассейном Дона — относятся к какому-то отдаленному времени, когда существовали (около 25 тыс. л. н.) какие-то предки костёнковской культуры, памятники которых до нас не дошли или еще не найдены. А редкие предметы, о которых шла речь, являются пережитками тех времен, вышедшими уже из моды, но все-таки еще изредка изготавливавшимися. Одним словом, совпадениям между костёнковскими предметами, статуэтками ли, декоративными ли комбинациями, нужно найти объяснение. Суждения, будто при одинаковом устройстве общества возникают стилистически тождественные статуэтки, теперь не принимаются. В палеолитическом искусстве граветтийские женские статуэтки — не единственные, есть другая группа женских статуэток, которые в совокупности резко отличны от статуэток граветтийского времени. И разница эта именно стилистическая. Отсюда мой интерес к стилистике женских статуэток. И раз уж совпадают какие-то формы, то они представлены в большом количестве и тут, и там — и в костёнковской культуре, и в Авдееве, — как, например, форма, именуемая «нож костёнковского типа». Совпадения между Виллендорфом и Костёнками также относятся к совпадениям наконечников с боковой выемкой.

В Костёнках орнаментировали край изделий, притом самых разных, косым крестиком. Этот орнамент располагался строго определенным образом, под определенным углом к плоскости изделия и только по его краю. Составной элемент костёнковского орнамента тем важнее для нас, что он встречен впервые — и в более примитивном виде — в Виллендорфе. Образцы этого орнамента в Виллендорфе производят впечатление еще не устоявшихся мотивов. Их мало, они появляются там раньше, чем в слое 9, — а именно начиная со слоя 5. И главное, в Виллендорфе это ряды крестика, которые могут располагаться и на середине ребра, и на его краю, тог-

да как в Костёнках место этого орнаментального мотива уже устоялось — только по краю изделия и только под углом 45° к плоскости изделия. На этом основании я вижу возможность отнести появление костёнковского орнамента ко времени слоя 5 Виллендорфа, заведомо раньше, чем Костёнки.

Многие археологи признают, что костёнковские памятники — более позднее явление, чем памятники к западу от Русской равнины — в Моравии и Нижней Австрии. Стало быть, корни палеолитического искусства Костёнок, как оно выражено женскими статуэтками и орнаментом крестиком, нужно искать за пределами Русской равнины.

Происхождение павловской культуры по формам каменных орудий рассматривается по-разному. В недавнее время взгляды археологов значительно изменились под влиянием последних определений возраста 9 слоя Виллендорфа в соседней Австрии. Пока радиоуглеродный возраст слоя 9 не был известен, а для всего Виллендорфа была одна дата — слоя 5, — признававшаяся надежной, археологи, исследователи павловской культуры, считали возможным происхождение павловской культуры от Виллендорфа, но это мнение не пользовалось особой популярностью. Новое поколение археологов, работающих с материалами павловской культуры, сняло этот вопрос, признав и Виллендорф, и Павлов/Дольни Вестонице составляющими одну павловскую культуру. Однако вопрос о том, включает ли павловская культура в себя Виллендорф, не так прост. Столь же непросто ответить на вопрос, с какого момента — или с какого слоя — в Виллендорфе начинаются граветтийские материалы? Одни считают возможным начинать граветтьен со слоя 5, другие — со слоя 9. Вопрос был бы не столь уж и важным, поскольку в этих слоях материал до известной степени похож, есть общие формы каменных орудий. Но важность его определяется тем, что, начав граветтьен со слоя 5, мы получим древний граветтьен в Австрии, более древний, чем в соседних странах — и в Германии, и в Моравии. По моему мнению, слой 9 Виллендорфа древнее, чем павловские памятники. Такого постепенного изменения форм каменных орудий, как в Виллендорфе от 4–5 слоя к 9, нет на тер-

ритории Моравии. Здесь граветтийские памятники, лишь в малой степени отличные от слоя 9 Виллендорфа, появляются неожиданно. Радиоуглеродный возраст для памятников павловской культуры — от 25 до 28 тыс. л. Чтобы точно решить, что раньше — 9 слой Виллендорфа или павловская культура, — нужна большая точность. Правда, она более всего нужна тем, кто работает с памятниками искусства, которых так много в Моравии, и именно в это время, в пределах существования павловской культуры. Здесь есть два-три памятника, раскопанные сравнительно недавно, — это расположенные по соседству Дольни Вестонице и Павлов. Павлов раскапывали уже после Второй мировой войны, а Дольни Вестонице — с 1924 г. Другой памятник — Пшедмость, немного в стороне от первых двух, — известен с конца XIX в., к тому же он многослойный, а раскопкам в полной мере в недавнее время не подвергался, поскольку на его территории находится сельское кладбище. Точная привязка найденных там замечательных предметов искусства — т. е. установление принадлежности к тому или иному слою — пока невозможна. Из Дольни Вестонице происходят замечательные женские статуэтки, из которых на первое место нельзя поставить ни одну. Тем не менее, выделяется статуэтка, изготовленная из обожженной глины (другие — из бивня). Нигде за пределами Моравии (и соседней Словакии) женских статуэток из глины не делали. Техника изготовления статуэток из глины довольно трудная, как объясняют американские исследователи керамики, но помимо глины, в которой и залегает слой с находками, никаких примесей в составе обожженной статуэтки П. Вандивер не нашла. Американская исследовательница опровергла существовавшее ранее мнение, будто к глине примешивали пережженные костные угли, и предложила объяснение большому количеству фрагментов обожженной глины в культурном слое. По ее мнению, при обжиге фигурок из глины их разрывало на части, поскольку отошители и вообще какие-либо примеси к глине отсутствовали.

Как мне кажется, обломки могли быть и любого иного происхождения, ведь нет свидетельств, что они все или их большая

часть — обломки фигурок. Фигурка женщины из Дольни Вестонице обладает некоторыми уже знакомыми нам по Восточной Европе признаками. Она безлика, на ее лицевой части — лишь та канавка (здесь двухчастная), которая отделяет волосы от собственно лица. Правда, волосы не переданы, только в темени статуэтки прослеживаются 4 углубления, назначение которых, наверно, никому и никогда не станет понятным. Утопленные в массу тела руки не удивляют тех, кто видел костяные статуэтки с аналогичным оформлением рук. Грудь также близка по конструкции — это грудь-живот, которую мы знаем по костяным статуэткам. Этих признаков достаточно для того, чтобы отнести эту скульптуру к граветтийской. Один из исследователей рисует на лице вестоницкой статуэтки еще и вертикальную полосу книзу от черты, делящей волосы и лицо (Marshak, 1991). Заодно он неверно определяет линию, очерчивающую волосы, как глаза. Продольная черта, видимо, означает некое повреждение статуэтки по сырой еще поверхности. Она не имеет отношения к рисунку на лице/голове статуэтки. А далее — черты, которые нигде, ни в каком семействе женских статуэток палеолита, не встречаются. Первое, что бросается в глаза, это внешний контур бедер статуэтки: он вогнутый, а не выпуклый. Почему художник так обрисовал ноги — ведь они выпуклые? Бывает, ноги у статуэток из Африки или Полинезии переданы двумя параллельными линиями — но чтобы вогнутыми? Если посмотреть на статуэтку со спины, то станет понятно, к чему стремился скульптор. Он достигал симметрии создаваемой им фигуры относительно поперечной оси. Вогнутому внешнему контуру ног отвечает вогнутый контур торса, отчего получается симметричная относительно некоей поперечной оси фигура (разумеется, надо опустить плечи, намеренно отчеркнутые от торса глубокими врезами). Интересно, что на спине и на животе есть горизонтальная линия, столь же глубоко врезанная, как все основные линии построения. Но она не совпадает с осью построения, и это объясняется тем, что врезная линия призвана передать низ живота и границу между ягодицами и бедрами линиями сзади. Условность этой линии ограничивает-

ся только тем, что она прямая. Если вспомнить статуэтки костёнковского круга, то там низ живота исполнен без всякого схематизма, точно отражая сложную кривую, которая существует в этом месте. Место это — самое значимое, как полагают сторонники точки зрения, что акцент делался на половых признаках — животе, груди, ягодицах (см.: Soffer et al., 1999). Итак, перед нами выраженный сдвиг в построении фигуры, намеренная геометризованная стилизация человеческой фигуры, ее внешних контуров. Однако при этом художник предполагает объемное построение. Живот статуэтки выступает вперед, хотя и очеркнут снизу врезной горизонтальной ровной линией. Пупок, как у некоторых статуэток костёнковской группы, обозначен ямкой, в других случаях возможен вариант — нащепка. Прямая линия — один из моментов геометризации. Второй — это вертикальная линия, разделяющая ноги. Получается весьма условное геометрическое «место» статуэтки — крестообразно расположенные линии в нижней ее половине. Иная мера геометризации наблюдаема в линии, очеркивающей прическу от лица, в строго горизонтальных плечах, слегка выпуклых руках, — здесь скульптор ограничился только предплечьем, далее руки, как у костёнковских образцов, утоплены в массе тела. При взгляде со спины видно, что руки даны условно границей между предполагаемыми руками и собственно спиной. Но эта граница прочерчена так, чтобы быть симметричной по отношению к слегка вогнутым внешним контурам ног. Спереди эта линия, так сказать, ничему не соответствует. Натуралистичность видна в одном только: на спине две симметричные горизонтальные нарезки — пара справа, пара слева. Это не пояс, как думают, а, судя по месту их расположения, как этот отметил еще П.П. Ефименко, жировые складки на спине. Условно дана и (редко сохраняющаяся) голова. Она уплощена с боков и симметрична при виде сбоку, что возможно, поскольку лица нет. Нельзя забыть груди — у этой статуэтки они (до известной степени) таковы, как у некоторого числа статуэток восточноевропейского семейства.

На первое место среди прочих признаков нового семейства — форма головы, кон-

струкция рук, складки на спине — следует поставить именно решение фигуры в целом. Но об этом можно говорить после того, как познакомимся с другими скульптурами из Дольни Вестонице. Из глины же изготовлена почти целая статуэтка, которая у автора раскопок носит № VI. К. Абсолон (Absolon, 1949) счел ее неинтересной, однако, на мой взгляд, именно она наиболее близка к первой статуэтке и позволяет увидеть повторяющиеся признаки павловской скульптуры. У нее такое же симметричное относительно поперечной оси построение и те же глубокие врезы на спине, которые обозначают руки, спереди никак не обозначенные. Самое важное то, что у нее та же продольная канавка — граница между ногами, и поперечная линия, опять прямая. И у нее нет сложной кривой между низом живота и ногами. Жировые складки на спине обозначены точно так же, как у первой статуэтки из Дольни Вестонице. Ни ступни ног, ни колени не обозначены (в этом случае ноги сохранились целиком). Голова не сохранилась. Эта фигурка, можно сказать, проще: у нее нет рельефа, зато она не выглядит такой «академичной», если можно этот термин применить к палеолитической скульптуре. Третья фигурка, носящая у К. Абсолона № V (Absolon, 1949), изготовлена уже из пластины бивня мамонта. Здесь варибельность в семействе статуэток представлена полностью: торс по длине и ширине равен ногам — той части, что к низу от поперечной линии; ноги даны раздельно, но сильно упрощенными, — однако примечательно, что пупок помещен точно на том месте, что и у первой статуэтки. Спина также разделена канавкой на правую/левую половины. Статуэтка украшена орнаментом, неизвестным в Костёнках. Это косо поставленные штрихи вдоль ног и примерно так же косо поставленные нарезки на животе. На спине несколько параллельных горизонтальных линий. Статуэтка такая же плоская, как и предыдущая. Видимо, здесь и в самом деле нет причин останавливаться на остальных статуэтках из Дольни Вестонице, поскольку уже по первым трем видно, что перед нами совершенно иное семейство, в общих чертах отличное от того, что названо костёнковским. Отмечу только, что есть одна головка с такими же четырьмя ямками на

темени, что и у первой статуэтки. Два торса говорят о том, что и мотив жировых складок на спине был устойчивым в Дольни Вестонице. Все предшествующие статуэтки были без орнамента — а он представлен в Дольни Вестонице. И он в такой же степени отличен от костёнковского орнамента, как и морфология статуэток. На груди/животе статуэтки IX виден орнамент в виде спирали, выполненной ямками. От одного плеча к другому проходит линия, обозначенная такими же ямками. Орнамент есть и по внешней стороне руки — те же ямки в линию. Горизонтальная линия присутствует, а сразу же под ней обозначен признак пола. Иное расположение построения — в виде спирали, иной элемент орнамента, размещение его на животе, — все не так, как у костёнковских статуэток. У другой статуэтки орнамент — в виде насечек по низу живота. На этом статуэтки обычного типа кончаются, а следует некоторое количество явлений, в высшей степени своеобразных. Вполне читаема, хотя и необычна своим упрощением, статуэтка XIV. Это стерженек длиной чуть меньше 9 см, на котором в средней части помещены груди, обе орнаментированные по внутренней кривой. Сам стерженек тоже орнаментирован — косо поставленными линиями в нижней части и горизонтальными сразу под грудями. Американская феминистка в порядке гипотезы предположила, что это вовсе не то, что мужчины думали, а мужской половой орган с орнаментированными яичками. Я не могу с ней согласиться, поскольку на обратной стороне стерженька есть тот валик, что отмечен у статуэток костёнковского круга. Орнаментирован валик не по-костёнковски, а так, как в Павлове. Верхняя часть стерженька отклонена назад точно так, как отклонен торс у статуэток костёнковского круга. Вот что удивительно: такого валика на спине нет у статуэток павловской группы! И такого отклонения торса назад тоже нет у павловских, но есть у костёнковских статуэток. Трудно отделаться от впечатления, что скульпторы в Дольни Вестонице знали что-то — пусть не о костёнковских статуэтках, которые появились, скорее всего, когда носителей павловской культуры уже не существовало. Есть еще одна статуэтка, хотя и схематичная, но невероятно оригинальная. При взгляде на

нее в профиль еще можно догадаться, что это женская статуэтка. Но в плане она — вилка, а в том месте, где можно было бы предположить голову, есть отверстие сверху стержня. Ноги странно развернуты кренделем, но между ними — штрих, который местом своего расположения, скорее, усиливает предположение: это — женская статуэтка, хотя и схематичная.

Схематизм, оказывается, может зайти еще дальше: К. Абсолон нашел ожерелье, состоящее из изображений отдельно взятых женских грудей, а вместо торса у них — штырь, и довольно короткий. Грудь имеют ближайшее отношение к тому стерженьку, что я описал раньше, ибо они точно так же орнаментированы. Сзади у них для удобства ношения что-то вроде петельки. Обозревая совокупность костёнковской скульптуры, я говорил, что к безликим скульптурам всегда добавляется одна с лицом, проработанным довольно подробно для женских статуэток. В Дольни Вестонице как раз такая головка (хотя не вся статуэтка) была найдена. Она маленькая — меньше 5 см, хотя на большинстве изображений в публикациях кажется намеренно изготовленной головой, а не головкой фигурки. Вряд ли сходство с головкой/лицом статуэтки из Авдеева бросится в глаза. Однако если просто перечислить особенности лица из Дольни Вестонице — длинный нос, проработанные глазницы, убегающий назад подбородок, отсутствие рта, — то окажется, что эти признаки описательного характера, лишённые эстетической нагрузки, есть и в авдеевской статуэтке с лицом. Сохранность головки из Дольни Вестонице плохая, поэтому рисуемые художником глаза или рот у меня вызывают сомнения: именно на этих участках поверхность бивня разрушена. А это открывает ворота для незаметного, не ощущаемого рисовальщиком нашего времени улучшения палеолитического творения. Сверху головки виден некий холмик — теперь стало понятно, что это обломок того большого куска бивня, из которого вырезалась статуэтка. Один фрагмент статуэтки, изготовленной из глины, привлекает внимание тем, что у него есть пояс — так принято называть изображение валика на спине статуэтки. Этот валик не кажется мне поясом, он не замыкается ни в какой точке, а только

украшает поясицу статуэтки. У одной павловской статуэтки есть такой пояс, украшенный не по-костёнковски. Валики такого рода в Костёнках орнаментируются косыми нарезками по краям, в Павлове это косые нарезки через весь валик, по всей его ширине. И сидит этот валик не там, где в Костёнках. Он идет не по линии границы спина-ягодицы, а по низу ягодиц.

По нескольким статуэткам из Авдеева, частью неоконченным, теперь известно, что скульптор не сразу вырезал заготовку из бивня по размерам статуэтки и обрабатывал ее. Он резал статуэтку на конце куска бивня, что и понятно: так работать удобнее. Появление одного проработанного лица в семействе статуэток, единичность такого лица при безликости массы женских изображений — типичная черта любого семейства граветтийских женских изображений. Таким образом, головка из Дольни Вестонице — типовое явление для семейства женских статуэток, ожидаемое после выявления подобного в костёнковской группе статуэток. Это лицо уже не уникально, а просто редко. И тем самым снимается предположение, будто палеолитический художник не умел изображать лица человека или не придавал ему значения. Оказывается, существовало некое правило, которое определяло редкость таких изображений.

До сих пор речь шла о Дольних Вестониках, но существует еще и Павлов — стоянка, раскопанная на громадной площади и, видимо, представляющая не один момент присутствия здесь человека, не одну стоянку. И в Павлове были статуэтки, но по причинам, нам неизвестным, они были не столь яркими и не столь многочисленными. Одна из них привлекает общее внимание — в частности М.Д. Гвоздовер. Она придает особое значение не только морфологии, но и предполагаемой позе статуэтки. Хотя слово «поза» менее всего подходит для определения того, что интересно. Это — отклонение кпереди бедер статуэтки относительно продольной оси. У одних статуэток это отклонение больше, у других — меньше. Наибольшее такое отклонение, наверно, у павловской статуэтки. К сожалению, она не дошла до нас целиком. Тем не менее, М.Д. Гвоздовер полагает, что это изображение сидящей. Я не думаю, чтобы это

было изображение сидящей женщины, ведь в палеолите, насколько нам известно, не было стульев и кресел. Я предпочитаю рассматривать эту статуэтку как один из крайних вариантов статуэток с отклоненными кпереди бедрами.

До сих пор о Пшедмости говорилось только в связи со странными статуэтками из метакarpальной кости мамонта. Но из Пшедмости происходит и знаменитый рисунок, который настолько условен, что его удалось разгадать — понять, что это изображение женщины, — далеко не сразу. Изображение это нанесено на бивень мамонта, причем в средней его части. Длина сохранившейся части рисунка — более 15 см, но там, где предположительно были изображены ноги, верхний слой бивня утрачен. Человеческое тело трактовано палеолитическим художником не как масса, а как сумма фигур. Контур каждой фигуры сходным образом обозначен полосой из нескольких линий (от трех до пяти). Внутри этого контура дана дополнительная штриховка, отчасти заполняющая пространство. Пространство же между этими геометризванными фигурами не заполнено. Голова и груди даны как три фигуры, где голова имеет вогнутые стороны, груди — выпуклые, и при этом они уравнивают друг друга. Ничем другим верхняя половина торса не обозначена, груди висят в воздухе, в пространстве, при этом можно сказать, что они смещены кверху, до уровня середины головы. Голова исполнена особенно сложно. Руки примыкают в верхней своей точке (собственно, одна рука, другая не сохранилась) к груди. Они обозначены тремя линиями и поперечными штрихами и даны как «плеточки» костёнковских статуэток, лишенными массы и объема, но без разделения на плечо и предплечье. Кисти тоже нет. То, что ниже грудей, дано также как две фигуры. Живот, надо полагать, это полуовал, примыкающий к грудям. В центре этого полукруга — пупок, и от него в четыре стороны идут ряды штрихов, которые организуют пространство полукруга. А ниже идет вытянутый в ширину овал, и остается только догадываться, что он означает. Наверно, чрево, или вместилище женское. Оно очерчено полосой из 5 линий. В средней части каждой линии идут шевроны, разрывающие полосу.

Но догадаться, что они значат, трудно: на самом важном месте изображение утрачено. Наверняка вертикальные линии, примыкающие снизу к вытянутому полуовалу, — это ноги, но сохранилась только одна, и та наполовину. Изображение это уникально, начиная с того, что другие гравированные изображения человека для граветтийского времени, для середины верхнего палеолита, нехарактерны, они в большом количестве появляются в позднюю пору верхнего палеолита. Но более всего удивляет столь высокая степень художественности: оно стоит выше прочих произведений палеолитического искусства. Стоит только обратить внимание на совершенство композиции, сочетания двух разных овалов в верхней половине композиции с фигурой, обозначающей голову! Эти три фигуры в известной мере подобны. Вместе с тем они не тождественны — вогнутая верхняя граница головы отличает ее от груди. И какова смелость — во времена скульптуры взять и изобразить женское тело как сумму геометрических тел! Характеристика этих тел дана каждый раз по-своему. Голова разделена полосами на несколько отделов, истолковать которые с уверенностью нельзя. Может быть, самое верхнее подразделение означает прическу. Но найти, чему в этой композиции соответствуют глаза, — невозможно. Грудь дана только контуром, руки — лентой из нескольких параллельных линий, живот разделен радиусами внутри полукруга, живот/чрево снабжен рядом шевронов. Никаких специфически человеческих элементов орнамента выделить по мотивам изображения, нами сейчас разбираемого, нельзя. Эти мотивы и композиции слишком разнообразны в зависимости от места, где этот элемент использован. Замечательно, что единственным указанием на пол изображенного существа является изображение груди. Интересно было бы найти доказательства единства этого изображения с кругом граветтийских (скульптурных) изображений. Ведь неизвестно, из какого именно слоя Пшедмости извлечен это бивень. Может быть, и следует говорить о конструктивности изображения из Пшедмости как о граветтийской черте, но тогда придется отказать в конструктивности художникам иного круга. Но, пожалуй, этого другого круга пока не нахо-

дится. И притом построение хоть и присутствует в скульптуре и в рисунке на бивне, но ведь построения эти разные. Костёнковская статуэтка, а равно и павловская, строится вокруг живота — груди как вокруг треугольника. Повторяемая в разных изданиях ромбическая фигура А. Леруа-Гурана вокруг женских статуэток любого происхождения (Leroi-Gourhan, 1985) никак не помогает построить женскую фигуру. Такой ромб можно построить вокруг любого изображения. Пропорции женских статуэток, при столь любимой всеми их каноничности, меняются поразительно. Есть такие, у которых голова в треть фигуры, а есть статуэтки с маленькой головкой. А вот равнобедренный треугольник в области живота — это устойчивый признак для построения большинства статуэток. Преобладают в пшедмостском рисунке все-таки оригинальные черты. Это и сдвиг груди до уровня ушей, и расчленение торса на две части (полукруг и удлинённый овал), хотя это все может быть объяснено как следствие перехода от круглой скульптуры к рисунку на плоскости (пусть и на поверхности круглого бивня). Признак наверняка граветтийский — лишь ручки плеточками, лишённые телесности. Если есть какое-то доказательство художественного мышления, мышления формами для эпохи верхнего палеолита, то это, конечно, рисунок из Пшедмости. В этом выделении овалов, их сопоставлении, конструировании — размещении на плоскости нельзя не увидеть того, что называется творчеством. Часто говорят, что искусство — это тот род человеческой деятельности, где мелочь — самое главное. Вот то ничтожное с виду, что отличает художника из Пшедмости от ремесленников, — это легкий изгиб внешнего контура груди. Это деталь, которая важнее всего прочего. И, конечно, только художнику могло придти в голову это расчленение человеческого тела на отдельные овалы и треугольники. Для такого решения надо себя осознать творцом, творцом нового мира — мира художественных образов. Это и есть искусство — видимому миру противопоставить творимый художником мир.

Рядом с Чехией и Моравией расположена Словакия, теперь независимое государство. И здесь есть палеолит, и в частности гра-

ветъен, и, стало быть, статуэтки. Это единственное место в Европе, где есть, как и в Моравии, статуэтки из обожженной глины. Деревня, где найдены стоянки этого времени, называется Мораваны, но стоянок там много, и название оттого у них всегда двойное — Мораваны-Подковице, Мораваны-Лопата и т. д. Статуэтка Мораваны — одна из самых интересных, и вдобавок она обладает романтической историей нахождения, похищения и т. д. Стоянки у Мораван были известны давно, еще перед Второй мировой войной. Их успешные раскопки начал Лотар Цотц, переехавший из Германии в Карлов университет в Праге перед началом войны. Он-то и нашел статуэтку на стоянке Мораваны-Подковице в разгар войны. Но дальше он для реставрации отправил статуэтку во Францию, где она потерялась, о ней существовали только слухи.

При первом же взгляде на эту статуэтку сразу видно, что она — не павловского круга. У нее круглая линия живота и расчлененные ноги, что исключает принадлежность к павловской культуре. Следует добавить, что с этим согласуются и сведения о наборе каменных орудий из Мораван-Подковице, в котором есть наконечники с боковой выемкой, отсутствующие в павловской культуре. В остальном статуэтка, конечно, обладает общеграветтийскими чертами. Это и массивные груди, спускающиеся на живот, и утопленные в массу тела руки, и построение торса вокруг треугольника груди — живот. А еще у нее много индивидуальных черт. Это и плоский живот, не повторяющий контуры грудей, и выраженные половые органы, уж слишком покатые плечи, и длинная, как можно предположить (голова статуэтки не сохранилась), шея. Грудь у нее начинается прямо от уровня шеи, чего никогда не бывает у других статуэток. Перед нами пример вариативности, свойственной группе статуэток граветтийской совокупности. Жаль, что эта статуэтка — единственная из памятников Словакии. Если говорить о ее художественной оценке, до известной степени отвлекаясь от проблем ее родства с другими статуэтками/группами статуэток в Европе, то она производит на меня отрицательное впечатление. Обычно деформация человеческого тела у статуэток граветтийского круга включает

в себе нечто привлекательное, оправданное языком художника. Здесь же эти опущенные книзу плечи и вытянутая шея скорее производят впечатление искажения. Судя по всему, это своеобразное явление, но судить о нем можно будет только тогда, когда в Словакии наберется 5–6 статуэток — семейство, как я предпочитаю выражаться.

Есть еще один памятник с граветтийскими орудиями, который расположен в Силезии, почти на границе с Польшей. Это был бы самый северный памятник граветтьена, если бы не граветтийский памятник в пределах г. Кракова на ул. Спадзистой. Со стоянки Петржковице происходит замечательная маленькая статуэтка, высотой 4,5 см, изготовленная из мягкого камня — кровавика. Она из ряда не слишком выпуклых, у нее скромных размеров груди, они не опускаются на живот, ноги в бедрах очень толстые, голова, к сожалению, отсутствует. Как положено статуэткам павловского круга, она имеет ровную горизонтальную линию, которая очерчивает низ живота. Такая же горизонтальная линия и сзади. При этом образуется равносторонний треугольник в том месте, что называется низ живота (*sous-poubien*). Половые органы обозначены, но скромно — одной чертой. Корпус прогнут в талии кпереди, что увеличивает выпуклость в районе живота.

Теперь, после обзора совокупности восточноевропейских статуэток, или статуэток костёнковского круга, и статуэток из Моравии и Словакии, стоит вернуться к статуэтке из Виллендорфа, чтобы понять ее на фоне всей этой совокупности.

Статуэтка из Виллендорфа соединяет черты и той, и другой совокупности статуэток граветтийского времени — и костёнковской, и павловской. Естественно, более всего выступают общеграветтийские черты. Это треугольник как основа построения (грудь — живот), руки — как плечочки, волосы на месте лица. Если можно так выразиться, позиция двух статуэток из Виллендорфа типична для других семейств. Одна статуэтка — укороченных пропорций, с преувеличенно большими грудями, укороченными ногами (ноги по длине составляют около 30% от длины тела), с мощным торсом (торс по ширине 53% и по толщине 45% от длины статуэтки). Вто-

рая статуэтка по своим пропорциям почти антипод первой. Оригинальной чертой первой виллендорфской статуэтки является положение рук — оно нигде больше не повторяется: руки лежат на грудях. Они повторяют очертания грудей, на которых лежат. На руках прорисованы браслеты. Орнамент головы схож с орнаментом некоторых костёнковских головок из Костёнок и Авдеева. Первое, что можно сказать, что лежит на поверхности, — статуэтка из Виллендорфа ближе к костёнковским, чем к павловским. Однако следует рассмотреть вопрос: а какие признаки из общего списка указывают на сходство между статуэтками костёнковского круга и первой виллендорфской статуэткой? Признаки эти скорее общеграветтийские, но не признаки, выделяющие именно костёнковские статуэтки из общей массы женских изображений граветтийского времени. В самом деле, виллендорфская первая статуэтка сходна с некоторыми костёнковскими, и более всего — с недавно найденной (и утраченной) бивневой статуэткой из второго жилого объекта Костёнок. Их различия сводятся к тому, что у костёнковской статуэтки проработано лицо, а у виллендорфской в типичном варианте место лица занято волосами. Другое отличие: у костёнковской статуэтки нет тех преувеличенных грудей, без которых трудно теперь и представить виллендорфскую и костёнковские статуэтки. Общими же признаками являются пропорции тела — крупная голова, построение ног. Ноги у обеих статуэток короткие, типична укороченность не только ног, но и голеней по отношению к бедрам. Типичная для той и другой статуэтки прямая спина (в профиль), слегка выпуклые ягодицы. На спине видны те самые жировые складки, что есть у павловских статуэток и обозначены у виллендорфской статуэтки. Однако такие статуэтки, как бивневая костёнковская 1983 г., редки в костёнковской совокупности. Это не препятствует тому, чтобы оценивать статуэтку 1983 г. как наиболее близкую к первой виллендорфской статуэтке. Кроме нее, в Костёнках есть и мергелевая статуэтка 1934 г., которая более других мергелевых статуэток из Костёнок сходна с виллендорфской. Еще одна общая черта виллендорфских статуэток с костёнковскими — это оформле-

ние ягодиц. Эта черта естественно разделяет павловские статуэтки и все другие, поскольку павловские статуэтки имеют прямую, ровную горизонтальную линию, отмечающую границу между ягодицами и ногами. Такая линия исключает сложную разделку низа ягодиц, свойственную костёнковским статуэткам. У костёнковских статуэток по низу ягодиц проходит валик, часто разделенный пополам. Это сочетается с выпуклой линией, которая служит нижней границей ягодиц. У виллендорфской статуэтки есть деление низа ягодиц на две половины, что еще раз говорит о близости виллендорфской скульптуры и костёнковской. Это находится в согласии с мнением археологов, которые и по формам каменных орудий с удивлением отмечают большую близость костёнковского набора орудий к Виллендорфу, чем к набору орудий павловской культуры. Казалось бы, именно павловские орудия должны быть похожими на орудия Виллендорфа, но и скульптура павловской культуры, и каменные орудия в большей степени отличны от виллендорфских, чем костёнковские, столь географически далекие.

Женские изображения эпохи верхнего палеолита оставляют впечатление искусства высокого класса, это скульптура, сравнимая по своему художественному уровню со скульптурой любой последующей эпохи. У палеолитической скульптуры — особая судьба. Вот палеолитическая живопись доступна народу, огромное количество туристов осматривает палеолитические пещеры во Франции и в Испании, это уже часть туристического бизнеса. Наскальную живопись видят и в натуре, и в журналах самого популярного свойства, хотя бы в «National Geographic» с его многомиллионными тиражами. Палеолитическая скульптура выставлена в музеях и у нас, и во Франции. Однако это музеи не столь популярные (Музей антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге и Музей национальных древностей в Сен-Жермен), где искусство — на втором месте, а на первом плане — археология и этнография. Палеолитическая скульптура известна тончайшему слою археологов, и есть лишь единичные примеры занятия искусствоведов этим материалом. Статуэтки, отмеченные таким

совершенством, еще долго будут оставаться забавными редкостями. К тому же там, где они выставлены, способ выставлять далеко не современный и несовершенный. Нельзя не сожалеть о судьбе замечательных статуэток. Но надо сказать, что, конечно, античная скульптура ближе и понятнее народу, хотя и она происходит из раскопок археологов. Был один, кажется, только человек, который воздал должное палеолитической скульптуре. Пабло Пикассо, как рассказывают, хранил у себя копию одной из французских статуэток (из Леспюг). Известно, что Пикассо отвергал предположения, что на него влияет чье-либо искусство, в частности африканская скульптура, хотя это достаточно хорошо видно по его произведениям. Можно предположить, что и наклоненные кпереди головы у его женских фигур 1930-х гг. появились не случайно, что здесь Пикассо сознательно или, может быть, бессознательно повторил голову статуэтки из Леспюг. Но о Леспюг — дальше, а пока о статуэтке, которая географически помещается между Пшедмостью и Бордо, — о статуэтке из пещеры Вайнберг, что расположена в Германии, в Баварии. Она была найдена в слое с орудиями, которые некоторыми формами напоминают граветтьен, но таких форм немного. Во всяком случае, эти формы говорят о близости этого памятника к граветтьену хотя бы по времени. Эта статуэтка, вопреки мнению исследователя памятника, Л. Цотца, женская, хотя она и отлична от павловской скульптуры. Торс статуэтки круглый в сечении, преувеличенные ягодицы, как положено, разделены канавкой, а ноги, как это часто бывает в граветтийское время, сильно укорочены. Они, можно сказать, согнуты в коленях. Статуэтка напомнила А. Дельпорту статуэтку из Тюрсака во Франции, и действительно, в ней можно видеть тот вариант граветтийской скульптуры, когда ноги согнуты (или подогнуты). В случае с немецкой статуэткой ноги более верно назвать согнутыми — так, как они согнуты у статуэтки из Павлова. Но я бы не стал такую условную статуэтку трактовать как изображение определенной женской позы. Таким образом, эта коротышка занимает свое место среди остальной женской скульптуры. Но в Германии есть еще один памятник со статуэтками, называется

он Линзенберг, а расположен в пределах г. Майнца. Каменные и костяные орудия из Майнца могут быть отнесены к германскому варианту граветтьена, не очень, надо сказать, определенному. Но статуэтка из Майнца — типичная, укороченных пропорций, с развитыми ягодицами, только не сидячая.

Эти статуэтки, вернее, два обломка статуэток, заполняют лакуну в пространстве, но про них нельзя сказать что-то с такой же определенностью, как про группу статуэток из Моравии или с берегов Дона. Заполнение же лакуны необходимо потому, что далее я перехожу к находкам статуэток на территории Франции, и необходимо выяснить, в каком отношении находятся французские женские статуэтки к ранее рассмотренным.

Начнем с одинокой статуэткой из Леспюг — она единственная найденная в пещере, зато при довольно совершенных по методике раскопках 1922 г. в гроте Ридо. К тому же она относится к числу наиболее полно сохранившихся. Наличие орнаментальных мотивов позволяет развернуть систему аргументации шире. Археологический материал, поступивший из слоя, говорит о V ступени перигордьена, или, что то же самое, о граветтьене, но уже западном граветтьене. В археологическом материале чаще всего не усматривается ничего общего с восточным граветтьеном, о котором ранее шла речь, и употребление термина граветтьен для Австрии и Моравии — скорее совпадение терминологическое, чем указание на какую-то степень родства между Виллендорфом и обильным перигордьеном V ступени. Тем более что многие признают происхождение перигордьена V от более ранних ступеней той (перигордийской) культуры, что исключает родство с Виллендорфом. Там граветтийские материалы из слоя 9 происходят от более ранних, принимаемых мною за ориньякские.

Статуэтка из грота Ридо немногим меньше 15 см, т. е. она из крупных. Выполнена из бивня. Прежде всего, следует рассмотреть общую конструкцию женской фигуры. Она состоит из двух равных почти половин (относительно поперечной оси). И торс, и ноги обрисованы в плане примерно одинаковыми кривыми линиями, сильно выпуклыми: эти кривые — почти четверть круга. Вспомним,

что у костёнковской скульптуры всегда бывают обрисованы плечи, прямые или слегка покатые, но таких плеч, которые были бы обрисованы единой линией с контуром руки, нет. В павловской скульптуре возможны прямые или даже вогнутые линии очертаний фигуры. Но никогда не бывает таких, сильно выпуклых и кривых, как у статуэтки из Леспюг. Можно говорить о преувеличенных грудях, но существеннее то, что груди также построены как два симметричных овала. Груды были разрушены при извлечении статуэтки из земли, и часть бивня утрачена. Индивидуальная особенность статуэтки из грота Ридо — выпуклые кривые, которыми очерчены ноги и торс: в других французских памятниках нет такого построения фигуры. Надо сказать, что скульптор очень тонко работал с общим контуром статуэтки. В самом деле, торс и ноги (верх статуэтки и низ) почти одинаковы по своему контуру. Автор смягчает геометризм, показывая легкую асимметрию фигуры по отношению к нижней половине фигуры. Как два симметричных овала построены и ягодичы, но тоже с легкой асимметрией этих овалов. У статуэток костёнковского семейства ягодичы сзади и живот спереди обычно приближаются к кругу, часто совершенному. Руки лежат на грудях так, как у виллендорфской Венеры. И они такие же тоненькие, как у всей граветтйской скульптуры. И здесь бы уже пора перейти к общим чертам французской статуэтки с теми, которые много точнее ее, но следует заметить орнамент на ногах статуэтки и сзади. По низу ягодич проходит канавка, а от нее еще множество вертикальных резных линий по всей длине ног. Но ноги, впрочем, не такие уж и длинные — они укорочены. Этот орнаментальный мотив достигает середины икр. Археологи хотят видеть в этом мотиве передачу фартука, который в верхнем палеолите носили сзади (?). Но треугольник на спине — это чисто декоративный момент: никакой фартук на этом месте удержаться не может. Если лента на груди еще как-то может восприниматься как реальная лента — она там может держаться (если она и сзади была бы передана), то для «фартука» — это невозможное дело. Теперь о том, что у этой статуэтки общего с другими, при всей ее безусловной оригинальности. Тут

сразу вспоминаются и тоненькие ручки, лежащие на груди, — один случай на всю совокупность статуэток Европы в пределах Франции. Так просто, без связи с Виллендорфом, такие редкие признаки независимо от стилистического облика группы не появляются. То же можно повторить и про лицо, на месте которого расположены волосы. Это тоже костёнковский и в равной степени виллендорфский признак, который не мог возникнуть дважды примерно в одно и то же время и независимо. Показателен и наклон головы вперед — черта, общая для всего граветтйского надсемейства статуэток. Осталось посмотреть на статуэтку в профиль. Здесь она обнаруживает общие граветтйские черты: контраст плоской досочки — торса — и выпуклой, объемно проработанной груди, опущенной так низко. Типичная черта костёнковского семейства — горизонтальная нижняя поверхность живота, условность, упорно проводимая скульптором, — здесь представлена. Типичны для граветтйской совокупности (надсемейства) и укороченные по отношению к бедрам лодыжки. Оригинальная черта французской статуэтки — резкая граница и контраст плоской спины и выпуклых ягодич. Французская статуэтка оригинальна, как всякое истинное произведение искусства. Самым общим признаком именно этой статуэтки является геометричность ее построения анфас: две почти симметричные фигуры, из которых одна чуть короче другой. Симметрично и геометрично и положение средней части фигуры — живота/ягодич. И в этой статуэтке достаточно признаков, свойственных костёнковскому семейству женских статуэток. Эти, казалось бы, мелкие признаки настолько индивидуальны для статуэток граветтйского круга, что их появление нужно относить на счет каких-то контактов со скульптурой восточного граветтьена. Этот вопрос, хотя и принадлежит к компетенции археологов, как вопрос культуры, культурных контактов, ими не обсуждался. Точнее, не допускались такие контакты, без обсуждения иных вариантов решения этого вопроса. Считалось, что для эпохи верхнего палеолита контакты на таких огромных расстояниях были невозможны, поскольку общество эпохи верхнего палеолита было не развито. Совпадение в

художественном языке скульптуры оценивалось как следствие одинаковых условий развития общества, например, одинаково высокого положения женщины в обществе. Как сказал один из яростных сторонников такой концепции, «художественная законченность образа женщины-прародительницы и высокое мастерство воплощения в камне и кости подчеркивают огромное значение материнской линии родства и заставляют думать о раннем возникновении этого образа... Образ женщины-матери в искусстве палеолита отражает укрепляющуюся идеологию первобытно общинного матриархально-родового строя» (Рогачев, 1962).

Статуэтка из Леспюг, в самом деле, совершенна. Контрастность — противопоставление плоского торса и двух объемно проработанных овалов-грудей — не может оставить зрителя равнодушным. Тонкость замысла, совершенство исполнения заставляют думать не об идеологии материнского рода, а о вечно юном французском искусстве, с присущей ему тонкостью художественной мысли. Прочие французские статуэтки происходят из местечка Брасампуи, из грота Папы, как его назвал исследователь Эдуард Пьетт (Piette, 1907). В одном из слоев грота Папы были найдены статуэтки, как правило, фрагментированные. Та из них, которая, как мне кажется, наиболее подходит для определения ее культурной принадлежности, как выражаются археологи, т. е. ее связи с граветтийскими слоями в гроте Папы (а такие слои там есть, что было обнаружено при недавних раскопках), носит название Груша. Это живот статуэтки и нога (чуть меньше 8 см в длину). Мало что можно сказать про этот фрагмент (в свою очередь собранный из фрагментов). Эта статуэтка, скорее всего, принадлежала к кругу граветтийской скульптуры, что и утверждает А. Дельпорт (Delporte, 1993). Примерно те же части фигуры сохранились от скульптуры, называемой «рукоять кинжала». Ее морфологические особенности известны по одной из статуэток Авдеева — груди фигурки удлинённых пропорций (ср. груди Леспюг), и при этом оконтурены прямыми линиями. Эта особенность опять напоминает совокупность статуэток, которая в разнообразных своих проявлениях несет общие с костёнков-

ским, например, семейством черты. Это позволяет говорить, что статуэтки возникали в разных концах Европы в некоторой связи, а не независимо. Третья статуэтка, наверное, не заслуживала бы упоминания, если бы не ее ноги, в бедрах отклоненные впереди, что уже встречалось нам в костёнковском семействе женских статуэток. На конец я оставил головку из Брасампуи. Она популярнее, чем все статуэтки Франции вместе взятые. Я же предложу только задержать внимание на том, что на головке изображено, а что не изображено. Обозначены глазницы, нос (длинный и с горбинкой), и нет рта. Это те же признаки, те же моменты характеристики лица, которые я отметил и в авдеевской, и в костёнковской статуэтке с проработанными чертами лица. Мне же интересно только скучное совпадение скучных признаков — нос с горбинкой, рот не проработан, — но это совпадение говорит о художниках, которые составляли двадцать пять тысяч лет тому назад единство, своего рода коллектив, внутри которого свободно обращались идеи, образы, приемы. Тут не случайным покажется — при совпадении некоторых признаков — и сходный орнамент на головке из Брасампуи: он совпадает с орнаментом и виллендорфской головки (хотя она и без лица), и авдеевской крупной головки из мергеля (она тоже без лица). Поразительно, как мало сопряжены между собой признаки, о которых я не устаю говорить. Один и тот же орнамент украшает и головку с чертами лица, и головку без таковых, там, где место лица занято теми самыми волосами, которые одинаково в разных статуэтках переданы художником. У головки из Брасампуи лицо короткое, у головки из Дольни Вестонице — удлиненное, но они построены одинаково — из тех же самых элементов. Для картины, которую я предлагаю читателю, существенно, что изображение лица всегда составляет редкий случай внутри семейства, но проработанные черты лица встречаются в каждом семействе статуэток, в разных концах Европы. Присутствие проработанных черт лица в каждом из выделяемых семейств статуэток говорит об их особенном единстве — структурном. Если счесть определенным образом соединяемые морфологически подразделения (статуэтки с проработанными чертами лица, статуэт-

ки с подогнутыми ногами и др.) единицами структуры, то сходство между семействами можно называть структурным подобием. Рядом со статуэтками, которые укладываются в норму граветтских статуэток Восточной Европы, с объемно проработанными формами, были найдены особенные статуэтки, где очертания тела даны в прямых линиях. Хотя уже найдено известное количество статуэток без большого живота, без огромных грудей на стоянках Костёнки и Авдеево, за норму, и притом единственную, принимают статуэтки с непременно выпуклым животом и большими грудями. Статуэтки без живота часто принимают за мужские. В Брасампуи есть несколько статуэток, к сожалению, без верхней части. Они, упрощенно говоря, тощие, их построение примитивно, неинтересно. Их особенностью является, на мой взгляд, то, что это незаконченные статуэтки — и не мужские. К моему глубокому сожалению, они доступны для обозрения только в витрине, и относительно их делать выводы частного порядка — насколько они обработаны — просто невозможно. Не опубликовано даже хороших фотографий этих (невзрачных, как кажется на первый взгляд) статуэток. Им не повезло сравнительно с найденной там же головкой. А они, при некоторой точке зрения, интересны. Как и головка, они являются структурным подразделением совокупности статуэток на территории Франции. Будучи тощими — что, безусловно, очень общая характеристика, — они достаточно выразительны для того, чтобы быть отличенными от двух-трех статуэток с большим животом. Они не похожи на прочие «тощие» статуэтки — на вторую виллендорфскую или на авдеевскую, которая и без живота, и без грудей. Но у них есть некоторое количество признаков, которые говорят, что они не просто «тощие», они еще и обладают скрытыми на первый взгляд признаками, их соединяющими. У всех статуэток с проработанным лицом нет рта, не обозначены глаза, нос длинноват. К тому же, у них у всех есть разграничивающая линия между областью, где есть волосы, и областью, где проработаны черты лица. У одной из гагаринских статуэток граница проведена почти там, где ее провел бы Налбандян, но черт лица нет. Хотя это не самое надежное основание для объе-

динения статуэток в две группы (с лицом и без лица), однако и это надо принять во внимание. Даже две статуэтки из Брасампуи обладают общими признаками помимо худобы: это нерасчлененность ног на бедро и лодыжку (редкое в других семействах) и присутствие так называемого пояса в средней части фигуры. Как мне кажется, это не передача пояса, а техническая особенность выработки формы женской фигуры. Я исхожу из того, что в европейских палеолитических статуэтках одежда и даже элементы одежды никогда не изображались. Лишь одна такого рода статуэтка сохранилась полностью. Пожалуй, про нее можно с известно долей уверенности сказать, что это — статуэтка в процессе работы над ней. По причинам, нам неизвестным, она осталась неоконченной и была утрачена или выброшена. Сравнение ее с неоконченными статуэтками, известными по Авдееву, показывает, что неоконченные статуэтки Брасампуи не такие, как в Авдееве. Но я еще раз оговорю, что не видел эти статуэтки, и фотографии их не опубликованы, а есть только рисунки начала XX в. Конечно, можно было бы ожидать сходства статуэток Брасампуи с выдающейся статуэткой из Леспюг, но его почти нет. Если и есть некоторые черты сходства, то это общеграветтские черты. Они проявляются вполне определенно в статуэтке, называемой «рукоятка кинжала». Верхняя часть торса у этой статуэтки — такая же тонкая досочка, как у костёнковских статуэток или у статуэтки из грота Ридо. Именно этот обломанный верх статуэтки Э. Пьетт и принял за начало лезвия кинжала. Конечно, очертания ягодиц у этой рукоятки не такие, как у статуэтки из Леспюг, но они сходны с леспюгскими своей симметричностью относительно поперечной оси. И, конечно, варибельность, которая была отмечена для костёнковского семейства или для павловского, в такой же степени типична для группы статуэток Брасампуи.

Далее следует обратиться к замечательному памятнику Лоссель в бассейне р. Везер, где расположена основная масса французских пещер с их наскальными изображениями. Речь пойдет о произведениях искусства на каменных плитах. Плиты эти залегали в пещерных отложениях с культурными остатками, и оттого (в отличие от наскальных изображений

на стенах пещер, о возрасте которых сейчас так много споров) лоссельские находки произведений искусства могут считаться датированными более точно. Нет сомнений, что они относятся к граветтийскому времени, но, может быть, имеют более поздний возраст. По этому предмету есть разногласия между французскими археологами. Ведь открытия относятся ко времени после 1911 г. Раскопки вели местные крестьяне под руководством более опытного старосты (он же и продал одну из плит в Германию, где она пропала во Вторую мировую войну). Французы различают большой камень с рельефом, найденный утопленным в граветтийский культурный слой, и прочие изображения женщин, которые были нанесены на плиты, залегавшие в том же примерно слое. Большой камень был примерно 4 м³ (2 м в высоту и 120 x 160 см по плоскости, на которую было нанесено изображение). Изображение было сколото с камня, оно высотой 42 см. Прежде всего — об этом изображении, хотя остальные ничуть не менее важны для понимания всей совокупности. Это рельеф, и притом высокий, а до сих пор мы имели дело только со статуэтками и один раз — с гравюрой, рисунком на бивне мамонта. В наибольшей степени этот рельеф выпукл в области живота, т. е. там, где нужно. Поверхность камня рядом с краем рельефа выбрана где больше, где меньше, в жанре *champ élevé*. Рельеф несет окраску охрой, но это, по-моему, следствие пребывания камня в культурном слое, богато окрашенном охрой. Это обычный случай окрашивания непреднамеренного. С одной стороны, рельефность изображения — единственное, что отличает его от статуэток, круглой скульптуры. Здесь видны хорошо нам знакомые стилистические признаки граветтийских изображений. Это и безликость (волосы в этом случае не проработаны, но по рельефу видно, что они опускались на плечи, хотя и не были слишком длинными). Изображение строго фронтальное, а голова повернута направо. Плечи довольно крутые, не такие, как в Леспюг, груди умеренных размеров, но начинаются почти от шеи. Интересно проработан живот: он выделен линией, отделяющей его от торса, и он горизонтально трехчастен. Решусь предположить, что художник воспроизвел

ягодицы в виде сбоку, а живот — в виде спереди. Оттого живот снабжен справа и слева значительными дополнениями — ягодицами, развернутыми на 45°. Внешний контур как раз и соответствует ягодицам, как они видны сбоку. Такое развертывание в скульптуре граветтийцев на востоке нам еще не встречалось, но в палеолитических наскальных росписях так называемая скрученная перспектива — обычное дело. Пропорциональное сокращение ног к низу, что наблюдаемо у лоссельской фигуры, — обычное дело для граветтийских статуэток. Больше всего привлекает внимание исследователей положение рук лоссельской Венеры. Одна рука традиционно лежит на животе, а вот другая — держит предмет, скорее всего рог быка, судя по размерам и нарезкам на теле рога. Здесь правила, свойственные граветтийской манере изображать женщину, не соблюдаются. Руки впервые даны работающими — они заняты, в данном случае одна согнута в локте и держит рог. Правая и левая руки тоже даны по-разному. Не соблюдено и правило построения фигуры вокруг треугольника «груди — живот». Надо сказать, что остальные изображения женщины на территории Франции более точно соблюдают правила граветтийской скульптуры. Перед нами редкий случай перевода из одного рода искусства (скульптура) в другой (высокий рельеф). Отмечу, что существенных перемен в стилистике изображения при этом переводе не произошло. Рисунок на бивне из Пшедмости показывает, что иногда (правда, это всего второй случай) происходят более существенные перемены.

Лоссель — исключительно богатый памятник. На небольшой площади (12 x 6 м) найдено еще несколько изображений женщин на плитах. Изображение с головой в шашечку (такое название дали ей французы) по величине примерно такое же, как знаменитая женщина с рогом, — его длина 40 см. Но это размеры только торса, ноги не сохранились. Видимо, поверхность плиты сохранилась не лучшим образом. Но что вне всякого сомнения — это то, что на месте лица изображены волосы, как у статуэтки из Леспюг. Они переданы перекрещивающимися вертикальными и горизонтальными линиями. Смотрит ли это изображение направо или налево, сказать

трудно, по-моему, это голова анфас. Торс построен изумительно. Здесь треугольник «груди — живот» еще более ясно выделен скульптором через уравнивание этих трех элементов. Особенно сильно действует на зрителя вертикаль, делящая интересующую нас область на две равные части, две груди. Выделенная средняя часть живота вместе с грудями дана общей массой, что подчеркивает конструктивность этого построения, в противоположность большей натуралистичности такого же по замыслу построения у костёнковских статуэток. Я полагаю, что и у этой статуэтки живот представлен выделенной средней частью и добавочными, пониже в рельефе, частями справа и слева. Тот регион, что называется *sous-poubien*, на статуэтке не выражен, хотя он — почти неизменная деталь множества статуэток. Положение рук у статуэтки (точнее, одной руки) вызывает споры. Левая рука согнута в локте — это вне всякого сомнения, а вот положение правой спорно. Скорее, она выходит за пределы сохранившейся части плиты. Отмечу, что ручка — тоненькая в предплечье, а плечо собственно дается и здесь, как в других статуэтках, как часть торса, границей руки служит здесь край груди. Устойчиво, стало быть, изображение тоненькой ручки. Изображение, безусловно, оригинально, и в нем есть признаки граветийской скульптуры, известной в восточной части Европы. Еще раз напомним, что эта плита лежала в близком соседстве с остальными антропоморфными изображениями навеса Лоссель. Сразу же, еще в начале XX в., это дало повод предположить, что плиты вместе с огромным камнем, на котором было первое изображение, отмечают место святилища, «целлы», по выражению исследователя этого памятника. Однако только спустя полвека этот термин применительно к памятникам палеолитического искусства укрепился благодаря популярности работ А. Леруа-Гурана (Leroi-Gourhan, 1965).

Если уже по поводу этого рельефа возникает множество споров, то следующее изображение, двойное антиподальное, еще менее поддается однозначной интерпретации. Интересно, что даже в отечественной литературе по искусству палеолита, столь небогатой сравнительно с литературой Франции, о ре-

льефах и рисунках Лосселя писали несколько раз. А С.Н. Замятнин счел необходимым опустить этот рисунок: он не вписывался в его истолкование (остальных) рельефов (Замятнин, 1935). Странным образом оно смещено на край плиты, на которую нанесено. Все изображение невелико, 20 см в длину. Овал, призванный изобразить две человеческие фигуры, снабжен соответственно головами на противоположных концах. Обе головы условны, видимо, даны анфас, деталей нет никаких, например, нет волос, хотя бы и переданных условно. Одна половина изображения читается легко и просто. Она традиционна. Это плечи/руки, отделенные канавкой от грудей, почти так, как в предшествующем изображении. Конструктивно это тот же вариант построения. Здесь все точно так же построено на равенстве и подобии объемов. Грудь так же даны овалами, подобным овалом изображен и живот, или выделенная центральная часть живота. И так же справа и слева от центральной части живота — дополнительные овалы, предположим, как менее выпуклые части живота или как изображения бедра сбоку. Но руки этой половины изображения переходят без перерыва в руки антипода так, что получается замкнутый контур двух фигур. Условимся называть верхним изображением то, у которого от головы отходят в обе стороны некие кривые линии. Общепринято, что верхняя половина — это женская фигура, а про нижнюю говорится, что пол ее неопределен. Я вижу в нижней фигуре женское изображение. Этнограф Кагаров истолковал это антиподальное изображение как роды, но не существует ни одного случая, чтобы изображение палеолитического времени изображало действие. Оно всегда *обозначает* нечто, но никогда не *изображает* (действие, событие). Поэтому я предпочитаю видеть в двойном антиподальном изображении геральдическую композицию, а не действие, — что-то вроде символа. Конечно, на это можно возразить, что и геральдические композиции куда как редки в искусстве раньше шумерского. Если иметь в виду построение этой сложной композиции, то она формальна своей антиподальностью. Увидеть действие в этой композиции, по-моему, сложнее. Это ведь истолкование, а антиподальность к разряду истолкований не

относится. Как я и обещал, новое изображение не увеличивает понимания этого сложного явления, называемого Лоссель. Непонятного остается много. Но странно было бы, если нам все было понятно в искусстве человека ледникового времени. Известно, что современное искусство австралийцев остается весьма часто непонятным нам, современным исследователям, пока не придет автор наскального изображения и не объяснит, по какому случаю он нанес изображение и что хотел сказать этим произведением. Если даже половая принадлежность изображенного сомнительна, то как можно подойти к истолкованию такого изображения?

Изображение, обычно называемое берлинской Венерой по первоначальному ее местонахождению в Берлинском музее (теперешнее местонахождение неизвестно, она считается утраченной, но в музеях Франции есть три ее муляжа), — женское изображение, об этом спору нет. Впрочем, знаменитый череп из Ле Мустье (хранившийся в Берлинском музее, поскольку также был куплен немецким торговцем у французских рабочих) тоже считался утраченным, однако в конце концов нашелся в одном из московских музеев. Так что нельзя исключить, что и плита из Лосселя лежит в одном из них. Это изображение плотной женщины, и одна рука у нее отставлена в сторону, она в ней что-то держит. А вот что именно — на этот счет мнения расходятся. Либо это сосуд, скажем, в виде желудка какого-то животного (есть такое предположение), либо что-то другое. На мой взгляд, овальный предмет в руке женщины — это условное изображение, знак женского пола. Вряд ли справедливо искать в этих изображениях жанровую сцену, а в предмете в руке — что-то бытовое, полезное, из повседневного быта. Да и не знаем мы этого повседневного быта.

Наконец, последнее изображение давно было понято и рассматривается как рельеф, изображающий мужчину, охотника, то ли стреляющего из лука, то ли метящего копье. Но ни лука, ни копья на изображении нет, и лишь положение руки позволяет строить предположения, что делает этот стройный мужчина. Эта стройность и есть причина определить изображение как мужское.

Высота рельефа около 40 см. Как все исследователи палеолитического искусства — и последний по времени выхода своей монографии об изображениях человека, — Анри Дельпорт пишет, что пропорции ног у изображения нормальные. Это означает, что обычная укороченность лодыжек здесь не отмечается, а что касается того, что пропорции нормальные, — известно, как широко они, эти пропорции, варьируют. У этого изображения ввиду повреждений плиты многого не хватает. До нас не дошли голова, правая рука, левая нога книзу от колена. Признаков пола нет, приходится основываться только на отсутствии груди и живота. Изображение не простое — скорее всего, автор изображал человека в профиль или три четверти. Такие изображения из других пещер неизвестны. В пользу трехчетвертного изображения свидетельствует выступающий угол груди человека. Если в первой половине XX в. об изображении говорили как об охотнике без оговорок и колебаний, то теперь авторы оговариваются: это может быть и женская фигура, но молоденькой стройной девушки. По моему мнению, следует говорить о качестве этого изображения, об определенном упрощении манеры. И это не только трехчетвертной поворот, скрученная перспектива при передаче ног. Это еще и исчезновение плавных кривых линий, или энергичных кривых линий для передачи человеческого тела. Это существеннее, чем присутствие/отсутствие половых органов — признаков пола. Разумеется, мое утверждение относится только к изображениям человека времени верхнего палеолита. Помимо столь полно выражающих художественные идеалы своего времени изображений человека, в Лосселе, в тех же самых слоях, были найдены и изображения вульвы на плитках, и изображения фаллоса. Но они прежде всего символы, и их значение как произведений искусства, особенно на фоне замечательных рельефов и гравюр, не существенно.

С изображениями человека (и животных) из Лосселя связана одна замечательная по красоте догадка, которую, как сейчас будет видно, не следует называть гипотезой. С.Н. Замятнин, раскопав замечательную Гagarинскую стоянку с множеством статуэток (в нынешней Липецкой области), занялся,

прежде всего, статуэтками. Это было вполне понятно: ведь в первый раз на Русской равнине была найдена целая группа статуэток. Это был 1927 г., из Костёнок были известны только две статуэтки, из которых одна была найдена С.Н. Замятниным, а другая — С.Н. Замятниным вместе с П.П. Ефименко. Тогда существовало (и сейчас существует) понятие «женский образ». В это понятие входили и статуэтки, известные к тому времени, и наскальные изображения. С.Н. Замятнин, знакомый с французской литературой и с работами немецких доисториков, в основу своего понимания женского образа положил соображения немецких авторов. Немцы же полагали, что женские статуэтки — изображения женщин, достаточно натуралистические. С.Н. Замятнин принял эту точку зрения. В ее пользу говорило то, что статуэтки, найденные на одном памятнике, в одном слое, изображают и толстых, и тонких женщин. Стало быть, точка зрения П.П. Ефименко неверна. Ведь если это руководительницы коллектива, женщины-предки родового коллектива, их изображения должны быть одинаковыми. Они должны представлять канонический образ предка родового коллектива. С.Н. Замятнин считал женские изображения не просто изображениями женщин, а изображениями женщин-жриц. По прошествии семидесяти лет эти две точки зрения (П.П. Ефименко и С.Н. Замятина) кажутся похожими. Не так казалось С.Н. Замятнину. Он решительно противопоставлял свою точку зрения точке зрения П.П. Ефименко. Ведь и изображения жриц должны быть каноничными и сходными. Жрица в наших уж очень общих представлениях об обществе времени верхнего палеолита — та же женщина, исполненная довольства, степенная, полная. В совокупности наскальных изображений и изображений на плитах С.Н. Замятнин увидел, как он выражался, кукольный театр. Мужчина — это охотник, поставлявший пропитание общине. Он изображен с двумя жрицами, которые одинаковы и смотрят в сторону друг друга. Они — участницы обряда, который должен принести охотнику удачу в добывании мясной пищи. А к этой своей картинке он добавил изображение лани или оленя, которое было найдено, но, по малой своей важности,

в то время не опубликовано. Догадка Замятина, о которой он писал с таким воодушевлением, почему-то не стала популярной. Изображенных в статуэтках и в лоссельских рельефах женщин почему-то стали считать, в соответствии с другой догадкой, женщинами-прародительницами. Хотя этой гипотезе 65 лет, она снова стала предметом обсуждения в монографии А. Дельпорта, посвященной всем изображениям человека в эпоху палеолита (Delporte, 1993). Конечно, теперь написанное молодым С.Н. Замятниным блестящее сочинение имеет интерес только для историографии вопроса. Сегодня представления о методике исследования сильно изменились. Места для догадок не осталось, есть место для гипотез как развития анализа материала. Анализ материала в первой половине XX в. занимал мало времени и мало места.

Да, скорее всего не случайно, что в огромном навесе (длиной более 100 м) изображения женщин (и одного мужчины?) занимали ограниченное пространство. Хотя для целлы тут место очень открытое, с нашей нынешней точки зрения. Что касается ограниченного пространства (6 × 12 м), то с точки зрения археолога не такое уж оно и маленькое! Оно скорее большое. И зависит это от привычки смотреть в течение сезона на раскоп 30 × 10 м — или на раскоп в 12 м². Очевидно, что автор этого термина имел в виду, что в пределах некоей площади, обжитой человеком и используемой им, был некий выделенный уголок с исключительным скоплением объектов, имеющих, предположительно, культовое назначение. Но такое заключение лишено оснований, оно — на уровне впечатления. На самом деле этот участок никак и ничем не ограничен, его границы совершенно условны, речь идет просто о расстоянии в 6 м между самыми отдаленными плитами с изображениями женщин. Но если представить себе обиталище палеолитических женщин, детей и охотников, а превыше всего этого — 2-метровый камень с изображением женщины с рогом, — то действительно, хочется это связать в некую картину. Однако такое желание — на уровне обыденного суждения. Раньше и не мыслилось, что требуется анализ ситуации в пределах раскопанной площади. Теперь это неперемнное условие, анализи-

руем ли мы с искусствоведами стилистику множества статуэток с одного памятника или анализируем пространственное распределение находок с точки зрения археологии методом планиграфии.

О красоте этих статуэток. Они, несомненно, совершенны, и среди них есть такие, которые уступают другим, найденным на том же самом памятнике, в том же самом культурном слое. Коллекция из Брасампуи демонстрирует это с достаточной убедительностью. Если предполагать, что совершенные в художественном отношении статуэтки делали профессиональные художники, то следует заключить, что упрощенные изображения человека, каких несколько в Брасампуи, изготавливали не профессионалы. И им не запрещалось изготовить фигурку с головой и ногами, с выпуклыми ягодицами и по своей простоте доступные всем и каждому. Представление о некоем вообще художнике первобытности, который сегодня работал над фигурой женщины с рогом, украшавшей всю стоянку лоссельцев, а завтра изготавливал простенькую фигурку на потребу коллективу, — это упрощение, с которым в новом веке надо проститься. Высокое качество, мастерство, свобода во владении образами и идеями, передача этих художественных идей на большие расстояния, устойчивые нормы изображений при высокой (индивидуальной) изменчивости изображений определенного рода, — все вместе это показатели профессионального творчества. Иногда говорят, что таково наше восприятие палеолитических шедевров. А вот в их, палеолитическое, время они таковыми не слыли. На первый взгляд, очень понятная точка зрения. Но мне непонятно: если это — нечто не значимое в том обществе, то кто же создавал эти многочисленные шедевры? И можно ли создавать шедевры для общества, в котором нет ни одного ценителя этого шедевра? А что, творцы этого устойчивого ряда шедевров тоже не понимали, что сегодня они творят нечто совершенное? Кто же понял и оказал поддержку (скажем так — общественную) этим произведениям? Нет, воля ваша, что-то тут не так. Что же это за общество, в котором и творцов нет, и ценителей прекрасного нет, а шедевры появляются?

Остается рассмотреть совсем немного статуэток граветтийского времени в пределах

Франции. Это рельеф, найденный при неизвестных обстоятельствах возле известной пещеры Ля Мут (Delporte, 1993). Обстоятельства находки изложены у Дельпорта, насколько это возможно, — изображение в итоге всех перипетий оказалось в Америке. Предмет сомнений — сохранившаяся целиком плитка, на которой в высоком рельефе изображена женская фигура анфас, с той мерой упрощения, которая известна для граветтийского искусства. Лицо не показано, к голове непосредственно примыкают груди, вытянутые в длину. Ниже грудей живот также вытянут в длину. Живот дан одним массивом, т. е. не так, как у женщины из Лосселя, где живот трехчастен. Оттого, может быть, и нет той необыкновенной ширины в бедрах, которую привычно видеть у этого рода изображений. Ноги укорочены и не слишком определенно проработаны. Как будто, его отличает от всех прочих французских изображений то, что живот по длине равен ногам и равен верхней части торса — другими словами, вытянут в длину, а в других случаях его скорее увеличивали в ширину. Это изображение слишком оригинально, чтобы быть подделкой.

Все-таки мир знатоков палеолитического искусства не перестает удивлять. Вот этот оригинальный рельеф из Ля Мут вызывает у Дельпорта сомнения в своей подлинности. Напротив, на основании технического анализа голова, найденная где-то в Чехословакии (возможно, в Моравии) признана подлинным изделием эпохи верхнего палеолита. При взгляде на эту голову не остается никаких сомнений: ее сделал человек нашего времени. Тут и тщательно, объемно проработанная голова, лицо с подробно прочерченным ртом, конечно, глазницы со столь же подробно прорисованными глазами — полный список того, чего избегали скульпторы эпохи палеолита. И она признана подлинной, а о стилистическом анализе не сказано ни слова! Ведь в наше время, при всем техническом прогрессе, никто не отменил стилистический анализ. Пусть он где-то подвел нас, но он единственное и главное орудие определения подлинности вещи, а технические анализы — вспомогательное средство. Но — нет, последнее женское изображение граветтийского времени тоже с легендой. Оно происходит из на-

веса Пато, из раскопок профессора Мовиуса 1950-х гг. Навес расположен в Лез Эзи, центре палеолитических исследований в юго-западной Франции. Отсюда рукой подать до самых знаменитых пещер Франции, здесь же, в Лез Эзи, и музей доистории с огромными коллекциями. Известно, как был найден этот рельеф. В момент большого ветра и дождя нужно было закрыть расчищенный слой и придавить чем-то бумагу с находками. Когда на третий день участница раскопок посмотрела на камень, придавливавший лист бумаги, она увидела на обратной стороне камня рельеф. Изображение как будто имеет безупречный паспорт, но французские исследователи морщатся, когда речь заходит об этой находке. Этот рельеф — подлинный, подделать, сделать такой в наше время возможно, только если знать о рельефе из Ля Мут и при этом очень глубоко понимать стилистику женских изображений граветтена, и не только французского. В самом деле, сколь своеобразны и вместе с тем находятся в рамках граветтской традиции эти груди, заостренные, вытянутые в длину. А их помещение — они начинаются от головы непосредственно — разве оно не своеобразно и вместе с тем не типично для граветтских статуэток? Этот ромбический живот — подобный по форме грудям, почти ромбический и заостренный книзу, — стилистическая особенность, которую в наше время никому не придет в голову реализовать. По общему впечатлению, этот рельеф достаточно полная аналогия рельефу из Ля Мут и прекрасная вещь сам по себе. Теперь время вспомнить для полноты картины, что во Франции есть две статуэтки, относящиеся к группе статуэток с подогнутыми ногами. Они найдены в Сирее и Тюрсаке — в том регионе, где больше всего стоянок палеолита и, соответственно, больше всего произведений искусства самого разного рода. Наиболее интересна статуэтка из Тюрсака. Ее ноги изображены в виде почти правильного полукруга, что является довольно сильным деформированием исходного облика человека. Само сведение ног в области пяток вместе еще усиливает представление о весьма условной передаче человеческих конечностей палеолитическим скульптором. То ли в соответствии с размерами исходной гальки,

то ли по другим причинам, но статуэтка из Тюрсака передает человеческое тело сильно уплощенным с боков. Поскольку чаще всего эту статуэтку публикуют в виде сбоку или в три четверти, такая ее особенность остается незамеченной. А уплощенность эта велика: фигурка в области торса больше в передне-заднем измерении, чем по своей ширине. Широкой фигурка является только в области ног/бедер. Единственным близким к натуре моментом построения фигуры остается прогнутость в области спины, хотя и она преувеличена. А. Дельпорт достаточно точно пишет, что торс статуэтки сведен к самому простому выражению. Другими словами, не выражены плечи, голова, груди и руки (Delporte, 1993). В самом деле, как можно выразить плечи или руки, если торс уплощен? Живот у статуэтки велик, как и у многих других статуэток граветтского времени, но он иной формы. У того же А. Дельпорта можно прочесть: «Живот очень массивный, опущен очень низко, достигая почти уровня колен, гинекологи видят указание на скорые роды...» (Delporte, 1993). Стилистическая особенность французской скульптуры — уплощенность с боков — установлена только во Франции, но не у всех французских статуэток. Это пример того же самого стилистического разнообразия, вариативности, которую ранее я отметил для искусства восточной половины Европы.

Я нахожу, что совокупность статуэток и рельефов из Франции — не просто еще одна совокупность в Европе, а новое семейство, подразделение внутри единого надсемейства граветтских статуэток. Следует подчеркнуть: единого надсемейства, поскольку и во французском семействе ясно выражены признаки, свойственные статуэткам Моравии и Русской равнины. В этом семействе нет специфических черт павловской культуры — симметричного построения фигуры относительно поперечной оси, — но выражены другие признаки женских статуэток восточной половины Европы. Таковы построение статуэтки вокруг треугольника груди — живот, уплощенность торса контрастно по отношению к объемно трактованным грудям и животу, укороченность голени по отношению к бедру. Добавим к этому ручки-плечики, вдобавок еще (в Леспюг) лежащие на грудях,

волосы спереди на том месте, где предполагается лицо. Смелые деформации, те, что отмечены для искусства Моравии, Дуная и Дона, отмечаются и для территории Франции. Это сдвиг книзу груди, укорачивание пропорций ног, ноги, согнутые колесом. Это сходство в стилистике, в решении женского образа. Но не менее существенно и совпадение структуры французского семейства со структурой павловской или костёнковской. И там, и тут отмечаются единичные изображения с проработанным лицом, притом что основная масса изображений без лица, а на месте, где могло бы быть лицо, изображены волосы. Заметно, что и здесь, в юго-западной Франции, ноги не выражают функции опоры, они часто исчезают в массе камня. Помимо статуэток с прямыми ногами есть две статуэтки с подогнутыми, согнутыми кренделем ногами. Нигде больше не встречается такая трактовка ног и торса почти полуовалами. Конечно, представление С.Н. Замятниным суммы рельефов как кукольного театра — вещь упрощенная, и теперь ее справедливо отвергли или забыли. Напомню, что С.Н. Замятнин комбинировал плиты, сблизил их и поставил в ряд, в центре пометил маленькую плитку с изображением оленя так, чтобы обряд, обеспечивающий успех на охоте, оказался в центре композиции. Плитка эта, как оказалось, найдена не там, композиция эта произвольна, она сделана под заданную мысль об охотничьем обряде. Однако совокупность плит, хотя и достаточно удаленных друг от друга (площадь 72 м²), имеет несколько необычный вид. По крайней мере два изображения — это изображения женщин с неким предметом в руке, отставленной в сторону. Двухметровый камень с изображением (хотя бы и около 40 см) также наводит на мысль о каких-то групповых действиях на виду у всего коллектива, а не индивидуальном действии магического характера. Честнее будет признать, что содержание этих действий для нас пока остается неизвестным, чем представлять более или менее остроумные догадки. Еще в 1934 г. знаток палеолита и палеолитического искусства справедливо сказал: «Нам трудно пока отдать себе ясный отчет в содержании тех идей, которые первобытный человек вкладывал в эти изображения» (Ефименко, 1934).

Мы не знаем содержания мистерий, которые изображены на фресках в Помпеях, но вряд ли уж это так сильно обеднило наше знание о духовной культуре римского времени. По поводу неизвестного нам смысла каких-то обрядов, что совершались в Лосселе (чего мы не знаем), также не стоит особенно расстраиваться. Ведь предположение, что там совершались обряды, — не более чем предположение. Никто не знает, как можно проверить справедливость этого предположения. И чем раньше это будет осознано, тем полезнее это будет для процесса исследования. Что это — изображения простых женщин или жриц, женщин, занимавших высокое общественное положение? Изображали ли они женщин-родоначальниц данного (или более широкого) общественного коллектива? Надо тут заметить, что теперь уже археологи отказались от представления, что палеолитические остатки лежат там и в том порядке, как это было при жизни. Плиты (кроме камня, конечно, на котором женщина с рогом) могли перемещаться по площади стоянки под навесом (а культурные остатки на ней распространялись на протяжении 100 м). Стало быть, их расположение в пределах площади в 70 м² не может быть использовано для реконструкции на этой площади (ее части) святилища. Также выяснено, что изображения не должны восприниматься как результат однократного действия. По меньшей мере одна из плит (двойное изображение — валетом) несет следы доработки и поправки (Delporte, 1993). Наконец, жестикуляция двух женских персонажей (женщина с рогом и женщина со знаком пола в руке) — не бытового характера. Женщины скорее выглядят, в самом деле, как участницы какого-то «мероприятия», где они в поле зрения большого коллектива, на который и рассчитаны их жесты. Но идти далее, по моему мнению, значило бы обманывать публику и создавать впечатление, что я знаю что-то, хотя на самом деле я не знаю смысла этих (ритуальных, магических?) действий. И только во Франции, в ее юго-западной части, есть материал, способный не открыть тайну, а только намекнуть на ее существование. С точки зрения прочей археологии (помимо археологии искусства, если можно так выразиться), это не случайно. Это связано с особым развитием, по данным

археологии, этой замечательной области. Она невелика — это южная половина Франции к западу от долины р. Рона. Здесь впервые появляются археологические культуры, здесь развитие верхнего палеолита, даже ориньяка и перигордийской культуры, отчетливо членится на несколько ступеней. Этот район на протяжении всего верхнего палеолита (и ранее — в мустьерскую эпоху) имеет определенные границы, тогда как между ориньяком Крыма и ориньяком среднего Дона нет отчетливой разницы. Эти структурные особенности развития ансамблей каменных орудий сопоставимы с некоторыми особенностями в развитии палеолитического искусства в юго-западной Франции. Поэтому неудивительно, что на территории юго-западной Франции выделяется особая группа палеолитической скульптуры, отличной от той скульптуры, что известна в Германии. Как было уже сказано, скульптура, изображающая женщину на этих территориях, ближайших к Франции, не слишком обильна, но структура этого семейства сходна со структурами французского и павловского семейств. Французская группа фигурок, изображающих женщин, обладает такой же определенностью, как и другие семейства (по нашей терминологии). Я оттого

предпочитаю эту терминологию, что она при правильном употреблении сразу задает два уровня (семейство-надсемейство), что вносит определенность. Конечно, эта терминология заимствована из биологии, она не искусствоведческая. Но в искусствоведческой терминологии не сразу просматривается (где она вообще просматривается?) многоуровневая классификация.

Изображения женщин широко распространены в пределах верхнего палеолита. Отчасти это изображения, пришедшие из соседних регионов, отчасти местные. Можно говорить, что изображения женщин были (или стали — в пределах верхнего палеолита) повсеместно распространенными. Из этого нельзя вывести значение «женского образа». Но наличие этого устойчивого значения и повсеместное распространение этого женского образа говорит о его важности.

Важнее всего, что «женский образ» распространен повсеместно в пределах Европы, не выходя за эти пределы. Идти далее утверждения, что женский образ универсален и важен, нет оснований. Он возникал и через влияние, и через заимствование, и независимо от соседних художников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гвоздовер М.Д., 1953. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки // Палеолит и неолит СССР // МИА. № 39.

Ефименко П.П., 1934. Дородовое общество. М.; Л.

Замятнин С.Н., 1935. Раскопки у с. Гагарина (верховья Дона ЦЧО) // ГАИМК. Вып. 118. М.; Л.

Absolon K. 1949. Moravia in Paleolithic times // American journal of Archeology. LIV.

1. Delporte H., 1993. L'image de la femme en Prehistoire. Paris.

Leroi-Gourhan A., 1965. Prehistoire de l'Art Occidental. Paris.

Marshak A., 1991. The Female Image // A Time Factored Symbol. (PPS. 57.)

Soffer O., Vandiver P., Oliva M., Seidl L., 1999. Case of the Exploding Figurines // Archaeology. January-February.

В.С. Ветров
Археологическая студия ЦТДЮ, Луганск

**КОНЦЕПЦИЯ «ОЧАГОВ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА»
А.А. ФОРМОЗОВА В КОНТЕКСТЕ ВОЗМОЖНОСТИ
ВЫДЕЛЕНИЯ СТИЛЕВЫХ ПРОВИНЦИЙ
ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА
(по материалам территории Украины)**

В своих работах Александр Александрович Формозов уделял большое внимание духовной культуре первобытных социумов, его попытки выявления эпохальных тенденций развития первобытного искусства в различные периоды доистории нашли отражение в монографиях «Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР» (Формозов, 1969) и «Памятники первобытного искусства на территории СССР». (Формозов, 1980). Отдельное внимание исследователей привлекла концепция А.А. Формозова о территориальной неравномерности распределения памятников искусства. Впоследствии А.А. Формозов отмечал: «Изучение памятников первобытного искусства на территории СССР привело автора к выводу, что эти памятники распространены не повсеместно; есть районы, где их много, и районы, где их нет или почти нет. Я писал, что это не случайное явление, а отражение различий в облике отдельных древних культур: в части из них изобразительная деятельность получила большое развитие (это и есть “очаги первобытного искусства”), в части — минимальное или совсем не была развита» (Формозов, 1983. С. 5). Концепция очагов первобытного искусства породила дискуссию с участием Я.А. Шера (1980. С. 176–181) и А.П. Окладникова (1980. С. 5–7). Резюмируя

некоторые замечания Я.А. Шера, А.А. Формозов пишет: «Таким образом, наблюдения, лежащие в основе сделанного мною вывода, Я.А. Шер не отрицает (по крайней мере для верхнего палеолита). Но мое истолкование собранного материала он решительно отвергает. Аргументов у него три. Первый: “находки художественных изделий можно считать редкими событиями” (Шер, 1980. С. 179). Уцелела ничтожная часть таких изделий, и, если мы их не находим, это не значит, что их вообще не было. Второе: многие районы изучены недостаточно, и находки произведений искусства в дальнейшем будут сделаны и там, где сейчас их нет. Третье — общетеоретические соображения: тот, кто утверждает, что существовали только “очаги первобытного искусства”, отвергает “объективно-историческую обусловленность феномена искусства” (Шер, 1980. С. 181). Ни одна культура без искусства существовать не может, поскольку это один из “важнейших способов... познания и образного моделирования окружающего мира” (Шер, 1980. С. 178)» (Формозов, 1983. С. 5). Со времени этой дискуссии прошло более четверти века. Значительно пополнилась источниковедческая база палеолитического искусства. Однако некоторые аспекты, связанные с принципами пространственного распределения памятников с предметами искусства, остались нерешенными. В настоящей рабо-

те мы рассмотрим один из вариантов интерпретации территориального распределения позднепалеолитических памятников с предметами мобильного искусства на территории Украины.

К «искусству малых форм», или «мобильному» искусству, относятся те произведения, которые возможно перемещать с места на место. Это, как правило, достаточно небольших размеров скульптура, рисунок, графика, гравировка, барельеф, горельеф, сделанные из разнообразных минеральных или остеологических материалов. К этому виду палеолитического искусства также относятся всевозможные украшения (Graziosi, 1960. Р. 37–42). В процессе подготовки работы нами картографировано 78 стоянок и местонахождений позднего палеолита с предметами искусства, которые отображены на карте (рис. 1) 55 пунктами (с учетом наличия многослойных объектов). Очевидно, что территориальное распределение отмеченных нами памятников неравномерно. В то время как основное пространство территории Украины остается незаполненным, наблюдаются отдельные концентрации памятников, приуроченные в основном к крупным рекам. Если предположить, что такая система отдельных концентраций памятников отражает естественную картину размещения памятников палеолита вообще, то подобные концентрации должны быть отражены на других картах — например, на карте палеолитических и мезолитических местонахождений, составленной Н.А. Береговой (1969. Рис. 3). Действительно, при сравнении мы видим частичные совпадения повышенной концентрации памятников в среднем и нижнем течении Днепра, а также в среднем течении Днестра. Но кроме этого, на карте Н.А. Береговой видна значительная концентрация памятников в Восточном Приазовье, в верховьях Днестра и Прута, а также в целом более равномерное размещение памятников вне привязки их к крупным рекам, чего мы на нашей карте размещения позднепалеолитических памятников с предметами искусства не наблюдаем.

В картографированном нами массиве памятников достаточно ясно видны семь локальных концентраций позднепалеолитических памятников с предметами искусства

(рис. 2), или, как мы в дальнейшем будем их называть — локализаций. На территории Украины нами выделяются следующие локализации: Восточная Среднеднепровская, Западная Среднеднепровская, Центральная Среднеднепровская, Днестровская, Нижнеднепровская, Северскодонецкая, Крымская. Рассматривая указанные локализации, мы, безусловно, можем констатировать компактность их размещения и относительную географическую обособленность друг от друга (эти факторы первоначально и легли в основу их выделения). Это в свою очередь дает нам возможность предположить, что мы имеем дело с некими центрами, или «эмбрионами», более значительных территориальных объединений (провинций). Таким образом, если мы видим некие центры, то, вероятно, можем выделить и сами провинции. В основу их выделения нами будут положены географическая целостность, а также качественные признаки единства стилистики орнаментации, особенностей обработки материала при изготовлении предмета искусства, доминирования той или иной типологической группы предметов искусства.

Зачастую в основе формирования культурно-исторических областей первобытного мира лежит глобальное ландшафтное районирование. На территории Украины мы имеем три таких глобальных региона: степной — занимающий южные и восточные области; лесостепной — занимающий северные области; предгорный и горный — расположенный в Крыму и на западе Украины. В целом эта глобальная система ландшафтного районирования сохраняется и по сей день. Однако следует обратить внимание на то, что в плейстоцене северное побережье Черного моря располагалось значительно южнее, а Азовского моря не существовало вовсе (Зализняк, 2005. С. 3–12). Соответственно, современная территория горного Крыма находилась в окружении огромных степных пространств и, возможно, входила в область культурного влияния степных охотников. Далее мы соотнесем отдельные локализации памятников с предметами искусства с границами ландшафтных зон, в которых происходило формирование хозяйственно-культурных типов позднепалеолитических социумов (Зализняк,

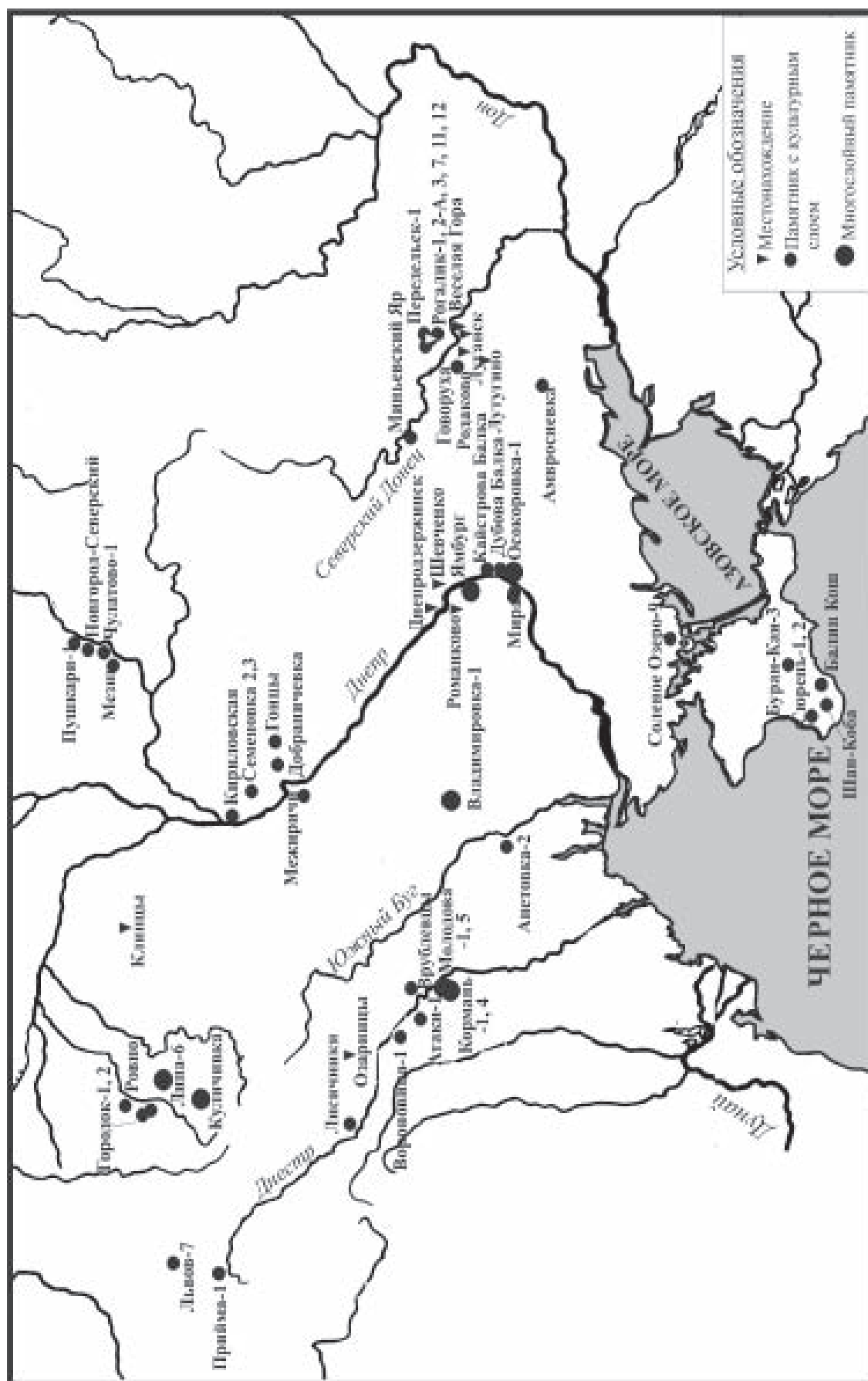

Рис. 1. Карта позднелеолитических памятников и местонахождений с предметами искусства на территории Украины

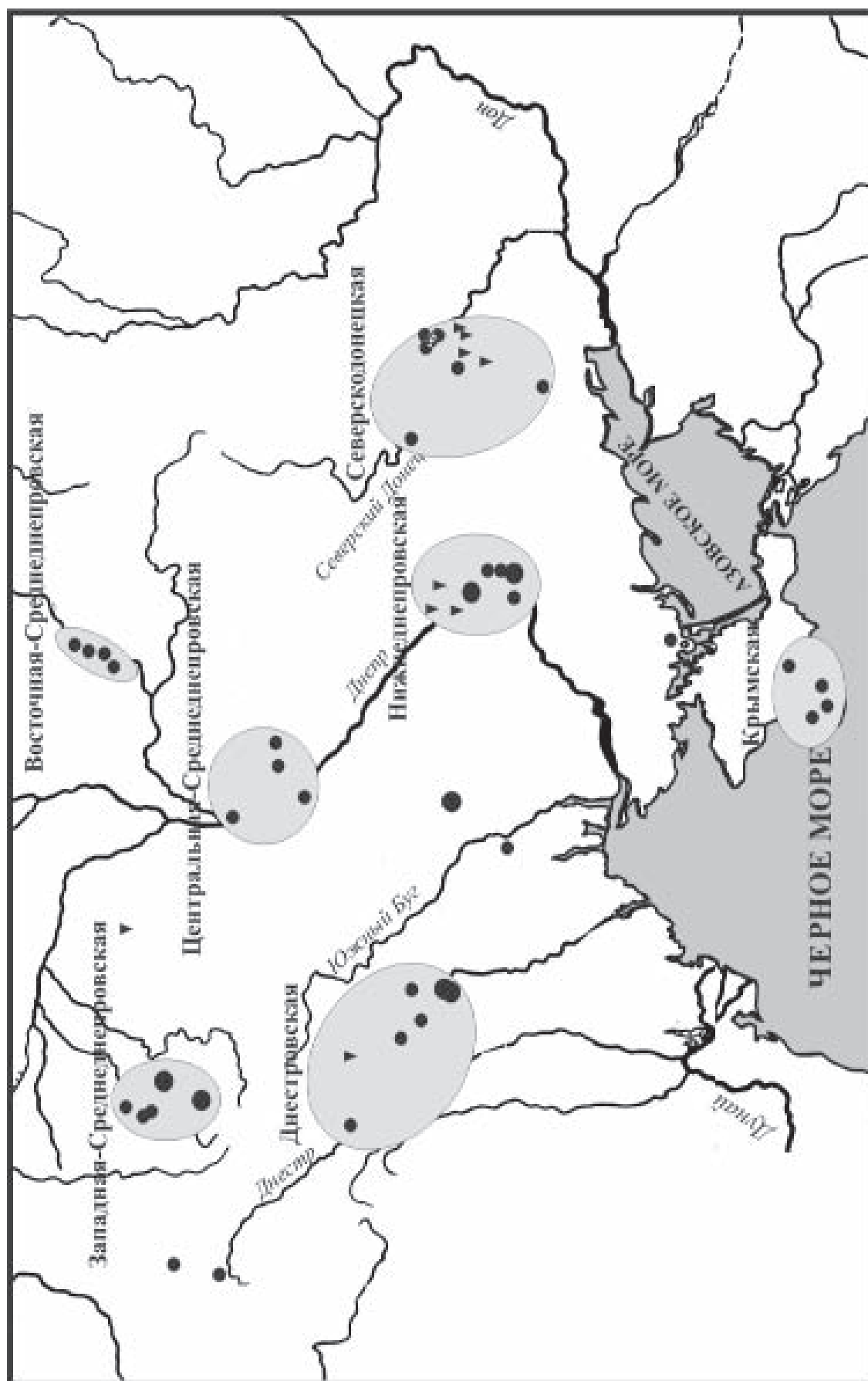

Рис. 2. Карта локализации позднепалеолитических памятников и местонахождений с предметами искусства на территории Украины

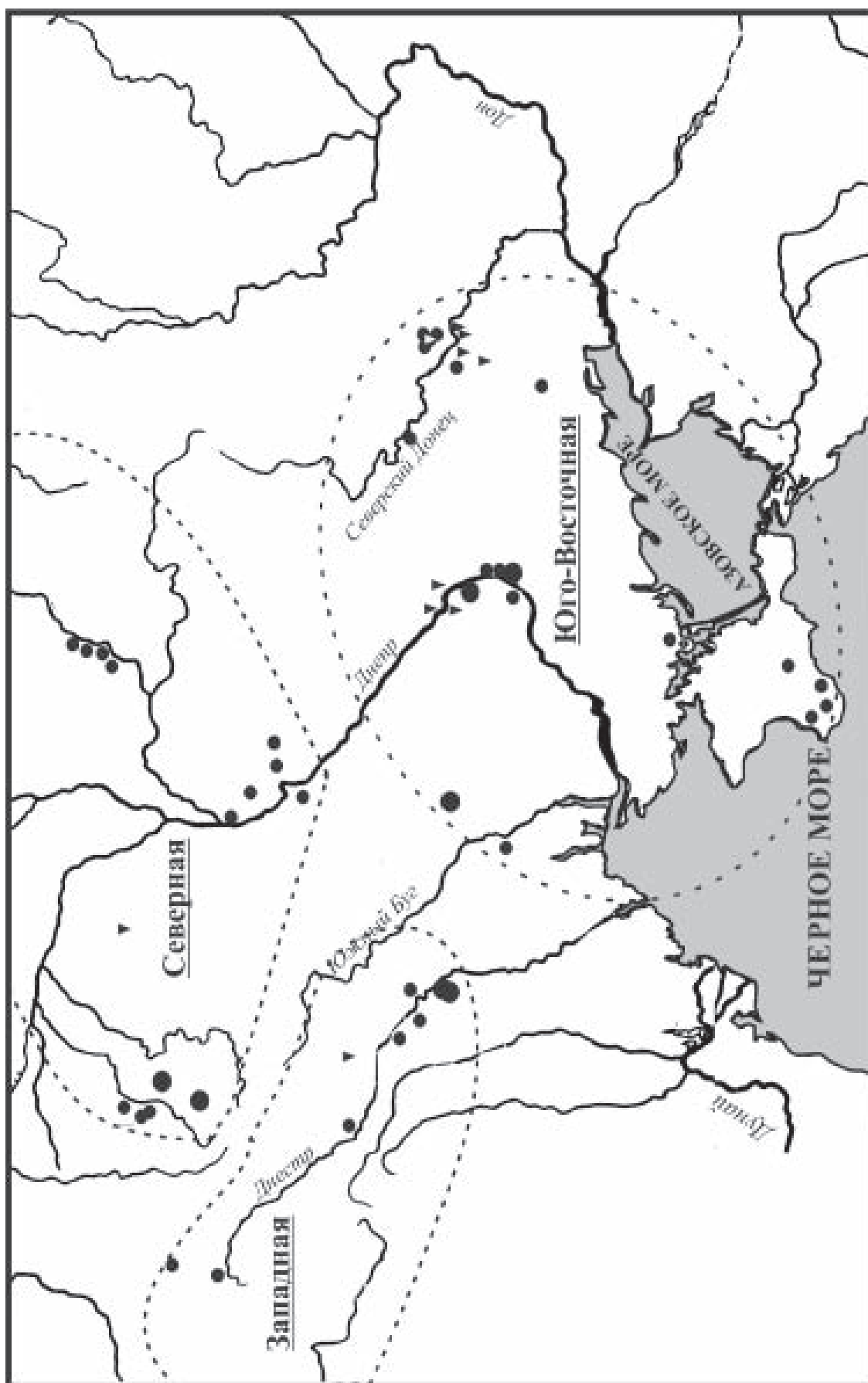

Рис. 3. Карта стилевых провинций позднепалеолитического искусства на территории Украины

1999. С. 26–38). Степные области юга и востока Украины соотносятся с хозяйственно-культурным типом степных охотников, специализирующихся на стадных копытных (бизон, дикая лошадь). Северные лесостепные области — с хозяйственно-культурным типом охотников на мамонтов. Западные области Предкарпатья и Карпат соответствуют хозяйственно-культурному типу охотников приледниковых гор. Далее мы рассмотрим выделенные нами локализации в рамках упомянутых ландшафтных зон. Эти большие по своей территории образования мы, вероятно, можем назвать провинциями. Таким образом, на территории Украины нами выделяются три провинции (рис. 3): Западная, Северная и Юго-Восточная.

Если выделенные нами провинции позднелитических памятников с предметами искусства имеют смысл, то вполне вероятно определенная стилистическая разница между ними, а также некоторые общие стилистические черты, присущие каждой из них. В Западную провинцию входят палеолитические памятники с предметами искусства, расположенные в бассейне Днестра. Это выделенная нами ранее Днестровская локализация и расположенные несколько северо-западнее пещерные стоянки Прыйма 1 и Львов 7. Рассматривая произведения искусства этой провинции, мы, с одной стороны, отмечаем ряд объединяющих их черт, а с другой — ряд уникальных, не присущих никаким другим памятникам на территории Украины стилистических черт. Прежде всего, мы можем отметить особенности краевой обработки каменных плиток (ретушеров, растиральных). Такие плитки вообще характерны для этой группы памятников, и особенно много их обнаружено в культурных слоях молодых стоянок, где они часто использовались для растирания минеральных красителей. На стоянке Врублевцы мы видим такую плитку с нанесенными на ее торцевую часть насечками (Кучугура, 2003. С. 309. Рис. 1, 2). Схожая краевая обработка — на фрагменте аргиллитовой плитки со стоянки Молодова 5, слой 6 (Абрамова, 1962. Рис. XL, 16). Несмотря на то, что край аргиллитовой плитки более тонкий, чем у плитки из Врублевцев, и насечки на ней приобретают характер зубцов, принцип их

расположения позволяет нам проводить аналогию между этими предметами. Следующей стилистической чертой этой провинции являются гравированные на кости реалистичные изображения людей (Молодова 5, слой 7: Черныш, 1987. С. 43. Рис. 23, 1, 4, 5) и животных (Молодова 5, слой 7: Черныш, 1987. С. 42–44; Озарынцы: Рудинский, 1929. С. 236. Рис. 2). Подобные реалистичные гравировки на кости не отмечены нами на других позднелитических памятниках территории Украины. Что же касается гравированного изображения женщины на каменном ретушере из местонахождения Рогалик 11, то я уже указывал (Ветров, 2007. С. 15–17) на ряд факторов, касающихся неопределенности происхождения этого изделия (мои суждения были основаны, в частности, на стилистике гравировки, имеющей ближайшие аналогии на территории Франции, но отнюдь не среди близкого к Рогаликам круга позднелитических памятников). Относительно предположительной гравировки животного со стоянки Кулычивка (Савич, 1977. С. 125. Рис. 3, 1) отметим, что эта гравировка слишком стилизована, неопределенна и не носит такого ярко выраженного реалистичного характера как, например, гравировка мамонта из Озарынцы. То же можно сказать и в отношении фрагмента гравированного изображения из местонахождения Луганск (Писларий, Филатов, 1972. С. 34). Далее, говоря о стилистике Западной провинции, следует отметить обнаруженную на стоянках Атаки 1 (Черныш, 1987. С. 88. Рис. 41, 4) и Молодова 5 (Там же. Рис. 41, 1–3) серию «флейт», действительно, вероятнее всего, являющихся простейшими духовыми музыкальными инструментами. И хотя музыкальные инструменты встречаются и на других украинских памятниках (например, в Мезине), все они относятся к группе ударных инструментов, а не духовых, которые мы встречаем только в Западной провинции.

В Северную провинцию входят палеолитические памятники с предметами искусства, приуроченные к среднему течению Днепра. Это выделенные нами Западная, Центральная и Восточная Среднеднепровские локализации, а также местонахождение Клиницы. Количественно эта группа памятников значительно больше описанной выше Западной

провинции, кроме того, здесь больше и количество предметов искусства на отдельных стоянках. Эти факторы, безусловно, способствуют выделению большего числа стилистических особенностей, объединяющих эти памятники. Переходя к рассмотрению особенностей искусства Северной стилиевой провинции, отметим использование янтаря для изготовления поделок и украшений на стоянках Гонцы (Сергин, 1978. С. 83), Добраничевка (Шовкопляс, 1972. С. 187), Межирич (Пидопличко, 1976. С. 157), Семеновка 2 (Нужный, 1997. С. 16. Рис. 8, 1), Семеновка 3 (Нужный, 2000. С. 130). И хотя в позднем палеолите встречается перемещение предметов при товарообмене на 300–500 км, мы не видим широкого использования янтаря на территории Украины за пределами Северной провинции. Далее отметим, что фрагменты бивней мамонта с короткими поперечными нарезками, расположенными группами, также встречаются исключительно на стоянках этого круга позднепалеолитических памятников Украины (Гонцы: Абрамова, 1962. Рис. XXXIV, 2; Кирилловская: Борисковский, Праслов, 1964. Рис. XXVII, 20, 21). Также интересная стилистическая черта — орнаментация поперечными нарезками на традиционно женских костяных орудиях — шильях и проколах, отмеченная на стоянках Гонцы (Гавриленко, 2003. С. 241. Рис. 3, 8, 13) и Межирич (Пидопличко, 1976. С. 184. Рис. 71). Следует заметить, что, хотя орнаментации поперечными нарезками как единичные случаи встречаются и на других стоянках, на перечисленных выше стоянках Северной провинции изделия с таким элементом орнамента или знаком встречаются массово, а как отдельные случаи фиксируются и на стоянках Новгород-Северский (Абрамова, 1962. Рис. XXXIV, 1), Липа 6, слой 5 (Савич, 1975. С. 66. Рис. 22, 11, 12), Пушкари 1 (Хлопачев, 1997. С. 91. Рис. 26). Далее обратим внимание на отдельные элементы геометрических орнаментов, которые также выделяют стоянки Северной провинции из всего массива позднепалеолитических памятников территории Украины. Если элемент орнамента в виде зигзага, распространенный в Межириче (Филиппов, 2003. С. 212. Рис. 8, 7) и Мезине (Шовкопляс, 1965. С. 240. Табл. LIII), в нескольких

случаях встречается еще на стоянках Балин-Кош (Абрамова, 1962. Рис. XXXIV, 3) и Молодова 5, слой 1а (Черныш, 1987. С. 75. Рис. 36), то орнамент елочкой присутствует и имеет распространение исключительно в Северной провинции (Липа 6, слой 5: Савич, 1975. С. 66. Рис. 22, 4; Межирич: Пидопличко, 1976. С. 208. Рис. 83, 2; Мезин: Бибилов, 1981. С. 69. Рис. 39; Клинец: Абрамова, 1962. Рис. XL, 1). Также следует заметить, что сложные сюжетные гравировки неясного для нас смыслового содержания, выполненные на бивнях мамонта, на территории Украины присущи исключительно стоянкам Северной провинции (Кирилловская: Борисковский, Праслов, 1964. Рис. XXVII, 23; Межирич: Пидопличко, 1976. С. 212. Рис. 84). Еще одна важная черта, характеризующая искусство данной провинции, — это стилизованные антропоморфные статуэтки из кости, найденные в Мезине, Межириче и Добраничевке (Яковлева, 1989). Подобных костяных изделий мы больше не встречаем на территории Украины. Также характерной чертой является наличие ударных музыкальных инструментов из костей мамонта, выявленных на стоянках Мезин и Городок 2 (Бибилов, 1981) и пока не обнаруженных на других памятниках территории Украины. И, наконец, важной стилистической чертой Северной провинции являются красочные орнаментальные изображения на костях мамонта, обнаруженные на стоянках Мезин и Межирич и не выявленные на других украинских стоянках позднего палеолита.

В Юго-Восточную провинцию входят позднепалеолитические памятники, расположенные в обширном степном регионе юга и востока Украины. Это выделенные нами Нижнеднепровская, Северскодонецкая и Крымская локализации, а также стоянки Владимировка 1 и Анетовка 2. Территориально и по количеству памятников и местонахождений это самая большая провинция на территории Украины, однако представлена она в значительной степени случайными находками. Переходя к рассмотрению особенностей стилистики искусства Юго-Восточной провинции, прежде всего отметим крайнюю простоту и бедность предметов искусства этой группы памятников. Преобладающая категория находок — простейшие украшения, сде-

ланные из просверленных раковин или зубов животных. Подобные украшения характерны для многих памятников на территории Украины, причем на некоторых из них (например, в Мезине) они представлены сотнями, а не единичными экземплярами, как на памятниках Юго-Восточной стилевой провинции. Фактически, кроме однородной бедности и общей простоты предметов искусства, характерных для всех памятников этой группы, можно обратить внимание на не характерную для памятников других провинций орнаментацию дротиков из местонахождений Днепродзержинск (Семенчук, 1994. С. 134) и Веселая Гора (Писларий, Филатов, 1972. С. 29, 30). Также обращают на себя внимание каменные стилизованные женские статуэтки из местонахождения Родаково (Писларий, Филатов, 1972. С. 33) и стоянок Миньевский Яр (Формозов, 1959. С. 57) и Рогалик 12 (Горелик, 2001. С. 265), поскольку такая традиция больше не встречается на территории Украины.

Завершая краткое рассмотрение провинций позднепалеолитического искусства на территории Украины, обратим внимание на их границы, обозначенные нами на карте (рис. 3). Границы Западной и Северной провинций остаются открытыми на участках, выходящих за пределы территории Украины, потому что, на наш взгляд, эти провинции простираются далее. Так, вполне очевидные стилистические аналогии предметам искусства молодых стоянок мы видим в материалах молдавских памятников Брынзены и Косауцы. Не менее отчетливые параллели стилистике Северной провинции просматриваются в материалах позднепалеолитических стоянок Верхнего Поднепровья, расположенных на территории Белоруссии и России (Юдиново, Елисеевичи, Тимоновка). Что касается Юго-Восточной провинции, то она практически вся территориально расположена в границах Украины, за исключением единичных памятников, относящихся к российскому Приазовью (Мураловка). Далее на восток выделенная нами Юго-Восточная провинция соприкасается со стоянками костёновского круга, которые относятся к совершенно другой культурной традиции, что соответствующим образом отражается в стилистике их искусства.

Поскольку памятники каждого из рассмотренных территориальных образований имеют индивидуальные стилистические особенности позднепалеолитического искусства, обусловленные объективными различиями в развитии и существовании окружающей среды и общества, то выделенным сочетаниям локализаций, на наш взгляд, может быть дано определение «стилевая провинция». Таким образом, на территории Украины выделяются три стилевые провинции: Западная, Северная и Юго-Восточная.

Понятие «стилевая провинция» активно используется археологами и этнологами, занимающимися анализом материальной культуры традиционных обществ. Говоря о процессе становления этого понятия, Л.С. Клейн указывает, что еще в конце XIX в. С. Мюллер называл «стилевыми периодами» (Stilperioden) периоды северного бронзового века и отмечал области, в которых были распространены эти стили (Клейн, 1991. С. 137). Позже К. Шухарт выдвинул стилистическое единство в качестве основания для выделения «культурных кругов». В основе стилистического единства лежали принципы тектоники форм и основные черты орнаментации. По его мнению, в культурах и типах наиболее значим именно стиль, ибо по нему, прежде всего, можно выявить крупные линии развития. И, наконец, в середине XX в. Р. Услар, разрабатывая это положение К. Шухарта, начинает рассматривать круги форм (Formenkreise) как стилевые провинции, в которых выражается преобладание стилистической воли и единства пространства и времени (Клейн, 1991. С. 137). Обратим внимание, что стилистическую волю следует понимать в контексте модуляции выраженного в артефактах ценностного предпочтения одних форм другим с возможной канонизацией орнаментов или изображений. В этом контексте и мы будем понимать стилевые провинции, применяя этот термин к локальным особенностям развития палеолитического искусства.

Одним из основных компонентов территориальной целостности культурного явления, на наш взгляд, является стиль. Рассмотренный нами ранее термин «стилевая провинция» — достаточно общий, и требует некоторой конкретизации смыслового значе-

ния его опорного понятия «стиль» в контексте историко-культурных интерпретаций. На наш взгляд, стиль является фактором историко-культурно-антропологической целостности, а само понятие «стиль» обладает уникальным эвристическим потенциалом в системе гуманитарного знания. Зачастую стиль и стилизация считались исключительно эстетическими понятиями. Впоследствии сферой их действия стало признаваться все пространство культуры (стиль культуры, стиль мышления), а также жизненного поведения человека (стиль жизни). В современной литературе, посвященной проблеме стиля, приоритет принадлежит категории «стиль жизни», а все другие стилевые формы (стили искусства, научного мышления, культуры) считаются производными от нее. (Устюгова, 2000. С. 157–160). Эта трактовка стиля позволяет нам по-новому взглянуть на смысл стилизации — широко распространенной стилевой формы культуры. Таким образом, мы считаем, что историко-культурные разновидности стилизаций, при всем их различии, выражают исторически определенное, детерминированное содержание культуры.

Характеризуя художественные особенности развития первобытной культуры, мы согласны с существенным уточнением Е.Н. Устюговой, что во всех культурах преобладает так называемый «большой стиль» с устойчивой формой. Большой стиль трактуется как форма самого универсума и поэтому приобретает характер определенного формализма, распространяющегося, как правило, нормативно и охватывающего максимально широко мировоззренчески значимые сферы культуры. Нормативность стиля проявляется в наличии писанных или неписанных правил, регулирующих продуктивную деятельность в ее различных предметных областях. Вместе с тем, для таких культур свойственно распространение стилевых ориентаций в процессе восприятия стилевых установок как интуиции мировоззренческой целостности данной эпохи и как соответствия коллективным ожиданиям глобальной культурной общности. Малый стиль в этом контексте выражает отсутствие авторских мировоззренческих притязаний личности и служит укоренению развития глобальных общекуль-

турных стилевых форм, уберегая их от чистого формализма, схематизма, придавая им органичность и многокрасочность. На фоне большого, коллективного стиля они приобретают значение индивидуальной, ситуативной стилистики (Устюгова, 1997. С. 38). По мнению Е.Н. Устюговой, «универсалистская форма “больших стилей” — каноническая; она формировалась в традиционной культуре, с присущей ей мировоззренческой неотрелефлексированностью... Стиль канонической культуры распространяется по принципу взаимонастраивания участников на общий смысловой контекст культуры, представление о котором интуитируется из коллективного образа жизни... Стиль традиционных общностей, укорененный на бытийном уровне низового массового субъекта, наиболее органичен и устойчив в культуре...» (Там же. С. 39).

Учитывая предметы палеолитического искусства на территории Украины, мы провели их источниковедческое разделение на две группы в зависимости от характера их обнаружения: на стационарно исследуемых стоянках с выявленным культурным слоем или на случайных местонахождениях. Таким образом, с одной стороны мы максимально полно учли и картографировали все находки палеолитического искусства, что значительно расширило наши представления о географии их распространения. С другой стороны, источниковедческий характер выделения в отдельную группу предметов искусства из случайных местонахождений лег в основу более осторожной оценки этих находок и повышенного внимания к интерпретациям самого различного уровня, которые строятся на их анализе. Опираясь на современные культурологические и археологические разработки, мы попытались теоретически обосновать группировку позднепалеолитических памятников с предметами искусства, что привело нас к возможности выделения стилистических единств разного уровня. Переходя к фактической группировке позднепалеолитических памятников с предметами искусства, мы учли их географическое размещение. Двигаясь от частного к общему, применяя картографический метод, мы выделили на территории Украины семь географических локализаций позднепалеолитических памят-

ников с предметами искусства: Восточная Среднеднепровская, Западная Среднеднепровская, Центральная Среднеднепровская, Днестровская, Нижнеднепровская, Северско-донецкая, Крымская. Проанализировав особенности стилистики искусства выделенных нами локализаций и соотнеся их с глобальными границами ландшафтных зон (учитывая важность фактора всестороннего влияния окружающей среды на развитие первобытной культуры), мы выделили на территории Украины Западную, Северную и Юго-Восточную позднепалеолитические стилевые провинции.

Безусловно, приведенная нами схематическая попытка рассмотрения особенностей территориального размещения позднепалеолитических памятников и местонахождений с предметами искусства на территории Украины не может претендовать на бесспорность и окончательность. Также не окончательны приведенные стилистические интерпретации. По мере открытия новых памятников с предметами искусства могут изменяться

географические границы и количество локализаций. Однако, на наш взгляд, очевидно, что новые открытия могут лишь уточнить и расширить представления о стилистике внутри выделенных нами провинций, но не нивелировать глобальные качественные и количественные отличия предметов искусства, представленные в рамках каждой провинции. И хотя на нашей карте схематичные границы стилевых провинций занимают почти всю рассматриваемую территорию, границы отдельных локализаций четко очерчены и не соприкасаются друг с другом. Таким образом, мы, вероятно, можем рассматривать такие группы памятников как очаги первобытного искусства, или, как более конкретно определил их А.А. Формозов, «centres of primitive art» (Формозов, 1983. С. 9). Поэтому, на наш взгляд, концепция очагов первобытного искусства, выдвинутая почти полвека назад А.А. Формозовым, обладает большим научным потенциалом для решения вопросов о специфике территориального распределения памятников с предметами искусства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова З.А., 1962. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л.

Береговая Н.А., 1969. Палеолитические местонахождения СССР. М.; Л.

Бибииков С.Н., 1981. Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта: Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека. Киев.

Борисковский П.И., Праслов Н.Д., 1964. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. М.; Л.

Ветров В.С., 2007. Искусство позднего палеолита степей Северного Причерноморья и Приазовья // Искусство и религия древних обществ. Луганск.

Гавриленко І.М., 2003. Кам'яні та кістяні вироби гінцівського пізньопалеолітичного поселення (за матеріалами Полтавського краєзнавчого музею) // АА. № 13.

Горелик А.Ф., 2001. Памятники Роголико-Передельского района: Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины. Луганск.

Зализняк Л.Л., 1999. Первісна історія України. Київ.

Зализняк Л.Л., 2005. Чорноморській потоп та його археологічні наслідки // Археологія. № 3.

Клейн Л.С., 1991. Археологическая типология. Л.

Кучугура Л.И., 2003. К вопросу о типологии изделий из неизоморфных пород в верхнем палеолите // АА. № 13.

Нужний Д.Ю., 1997. Проблема сезонної адаптації фінально-палеолітичних мисливців на мамонтів Середнього Подніпров'я і нові епіграфічні пам'ятки у басейні Трубежу // Археологія. № 2.

Нужний Д.Ю., 2000. Пізньопалеолітичний комплекс Семенівки 3 та особливості веснянолітніх поселень межиричської культури в Середньому Подніпров'ї // АА. № 9.

Окладников А.П., 1980. Предисловие // Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.

Пидопличко И.Г., 1976. Межиричские жилища из костей мамонта. Киев.

Писларий И.А., Филатов А.П., 1972. Тайны степных курганов. Донецк.

Рудинський М., 1929. Поповгородський вияв культури мальованої кераміки // Антропологія. № III.

Савич В.П., 1977. Жилище верхнего позднелептестического слоя стоянки Киличівка в Тернопольской области // БКИЧП. № 47.

Савич В.П., 1975. Пізньолептестичне населення Південно-Західної Волині. Київ.

Семенчук И.А., 1994. Костяной наконечник дротика из Поднепровья // РА. № 4.

Сергин В.Я., 1978. Раскопки палеолитического жилища в Гонцах // АО 1977 г.

Устюгова Е.Н., 1997. Культура и стили // Метафизические исследования. СПб. Вып. 5.

Устюгова Е.Н., 2000. Этические и эстетические смыслы стиля и стилизации // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя. СПб.

Филиппов А.К., 2003. Трасология верхнелептестических изделий из кости со стоянки Межирич (Украина) // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Европы: В честь юбилея Г.Ф. Коробковой. СПб.

Формозов А.А., 1959. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.

Формозов А.А., 1969. Очерки по первобытному искусству: Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М.

Формозов А.А., 1980. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.

Формозов А.А., 1983. К проблеме «очагов первобытного искусства» // СА. № 3.

Хлопачев Г.А., 1997. Обработанная кость Пушкарей I: Раскопки 1981–1997 гг. // Пушкаревский сборник: По материалам исследований палеолитической стоянки Пушкарей I. СПб.

Черныш А.П., 1987. Эталонная многослойная стоянка Молодова V: Археология // Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V: Люди каменного века и окружающая среда. М.

Шер Я.А., 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.

Шовкопляс И.Г., 1965. Мезинская стоянка: К истории Среднеднепровского бассейна в позднелептестическую эпоху. Киев.

Шовкопляс И.Г., 1972. Добраничевская стоянка на Киевщине // МИА. Т. VII. № 185.

Яковлева Л.А., 1989. Позднелептестические схематические статуэтки на территории Поднепровья // Первобытная археология. Киев.

Graziosi P., 1960. Paleolithic Art. London.

Е.В. Булочникова*,
Д.И. Кудрявцев**, Д.И. Приходько*
* НИИ и Музей антропологии МГУ
** Государственный геологический музей РАН

КАМНИ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ АВДЕЕВО

Камни относятся к малопривлекательной для исследователей палеолита категории вещей, если только они не несут на себе каких-либо следов обработки, не являются конструктивным элементом и не образуют выразительных скоплений. Не все они точно фиксируются при разборке культурного слоя и берутся в коллекцию, особенно в тех случаях, когда являются массовым материалом. О камнях не всегда упоминают при публикации материалов той или иной стоянки. Как правило, сведения о них носят самый общий характер: часто не указывается порода или количество камней, обнаруженных на том или ином участке стоянки. Думается, однако, что камни являются полноценным источником, которым незаслуженно пренебрегают. Их в большом количестве приносили на стоянку, вероятно, они играли важную роль в быту древнего человека.

В публикации материалов частично исследованной стоянки Зарайск приведена статистическая таблица камней, что является приятным исключением из общего правила. К камням исследователями памятника отнесено 4420 предметов, из них 837 штук — это песчаники, 864 — кремневые породы, 283 — кварциты, к базальтам и сланцам отнесено 78 и 6 штук соответственно. 2352 предмета,

т. е. более половины камней, обозначены как «прочие» (Лев, 2009. С. 54).

Часть камней отнесена исследователями Зарайска к группе «очажных камней». Дефиниция группы неопределенная: «Это массивные камни песчаника или базальта, во множестве обнаруживаемые в больших очагах центральной линии поселения». Часто эти камни обожжены (Там же. С. 55). У Х.А. Амирханова находим при описании западины 100: «В заполнении найдено также 12 известняковых обломков с явными признаками пережженности. Такие предметы мы называем очажными камнями» (Амирханов, 2009. С. 25). Что положено в основу определения — местонахождение, порода или обожженность, — остается неясным.

Составить представление о пространственном распределении камней по площади стоянки на основе имеющихся на сегодняшний день публикаций Зарайска нельзя. Можно лишь, основываясь на количественной представительности в коллекции камней, предположить, что они встречены во многих ямах и западинах и в горизонтально лежащем культурном слое. При описании структурных элементов стоянки Х.А. Амирханов в некоторых случаях упоминает камни или обозначает их на планах. О камнях сказано

---

¹ Поддержка РФФИ (проект 09-0073/04) способствовала осуществлению данной работы.

при описании очагов 1, 3, 4, 6; ям 16, 21, 25, 33, 34, 36; западины 100, трещины на кв. И-2. Во всех случаях, когда речь заходит о породе, они обозначаются не как песчаники или базальты (см. Лев, 2009), а как известняковые камни или известняковые обломки (Амирханов, 2000; 2009).

Как следует из описания, камни представлены единичными экземплярами, если речь идет о ямах, о десятках — в случае с очагами. В заполнении очага 1 обнаружено несколько «очажных» камней (Амирханов, 2000. С. 105). В очаге 3 найдены (как явствует из рис. 41, очаг содержал 14 камней) «мелкие (до 12 см в поперечнике) сильно обожженные известняковые камни» (Там же. С. 107, 108). «Впечатление о наличии обкладки сложилось при наблюдении над расположением сохранившихся в непо потревоженном состоянии камней в южной части очага» (Там же. С. 110), от которого исследователь отказался, «поскольку аналогичные камни стали достаточно часто встречаться и в самом заполнении очага» (С. 108). Собственные наблюдения, сделанные при разборке очага 3 (Е.В. Булочникова), не позволяют принять данную точку зрения. Расположение камней по контуру в южной его части не было случайным (северная часть очага разрушена современной траншеей). Наличие камней в заполнении очага могло быть следствием его разрушения в древности, конструктивными особенностями очага или следствием иных причин, которые не отрицают факта его внешней обкладки. В очаге 4, судя по рис. 47, обнаружено 15 камней. «В верхней части заполнения встречались единичные обожженные известняковые камни... непосредственно на дне ямы в юго-западном секторе обнаружено семь обожженных известняковых камней» (Амирханов, 2000. С. 121, 122). «Как в верхней, так и в нижней части заполнения (очага 6) встречено несколько десятков обожженных известняковых камней. Какого-либо порядка и систематичности в их расположении по горизонтали и вертикали не наблюдается. На самом дне обнаружено девять таких камней» (С. 125).

Первый исследователь Зарайской стоянки — А.В. Трусов — упоминает «обгорелый кварцитовый камень», обнаруженный на дне очажка (кв. И-6), и несколько камней из

золяника (кв. Г-Д-6-7). Кроме того, он пишет о 6 наковальнях, 6 отбойниках и ретушерах, 4 терочниках (Трусов, 1994). Определения отсутствуют. Все эти предметы, по устному сообщению А.В. Трусова, были из песчаника.

Более перспективными, если говорить о пространственном распределении камней по площади памятника, являются материалы Костёнок I/1 в изложении П.П. Ефименко. Он дает достаточно подробное поквadratное описание культурного слоя, позволяющее понять, на каких участках стоянки найдены камни. К сожалению, лишь в редких случаях указывается их количество, чаще говорится о «камнях», «нескольких камнях», «большом» или «небольшом» количестве камней. П.П. Ефименко упоминает серый и красный кварцит, сланцевые плитки, кремнистую породу, гальки, сферосидериты, гранит.

Камни найдены на всех участках жилой площадки Костёнок I/1. Они связаны как минимум с 37 структурными элементами костёнковской стоянки (ямы, землянки, очаги, западины) и с 66 квадратами (рис. 1). Камни, в том числе обожженные, упомянуты при описании трех из девяти очагов (1, 4, 9) основной линии и «заброшенного» очага на кв. О-18. Однако закономерности в расположении камней (обкладка и пр.) внутри очагов зафиксировано не было, во всяком случае, П.П. Ефименко она не отмечена. Камни, как обожженные, так и необожженные, встречаются на всех участках жилого объекта Костёнок I/1, как в культурном слое, так и в заполнении ям и землянок. Их много в приочажной зоне, в частности в районе очагов 7 и 10.

Думается, что плотность камней на памятнике была значительно выше, чем можно представить по публикации (рис. 1). П.П. Ефименко пишет о камнях как об обычных отбросах обитания, таких же, как кости и их обломки. Камни не привлекают его внимания, попадают в простое, механическое перечисление предметов, обнаруженных при исследовании того или иного квадрата. Исключение — два валуна, гранитного и серой кремнистой породы, особо отмеченных П.П. Ефименко как предметы, служившие для раскалывания костей (Ефименко, 1958. С. 94, 125).

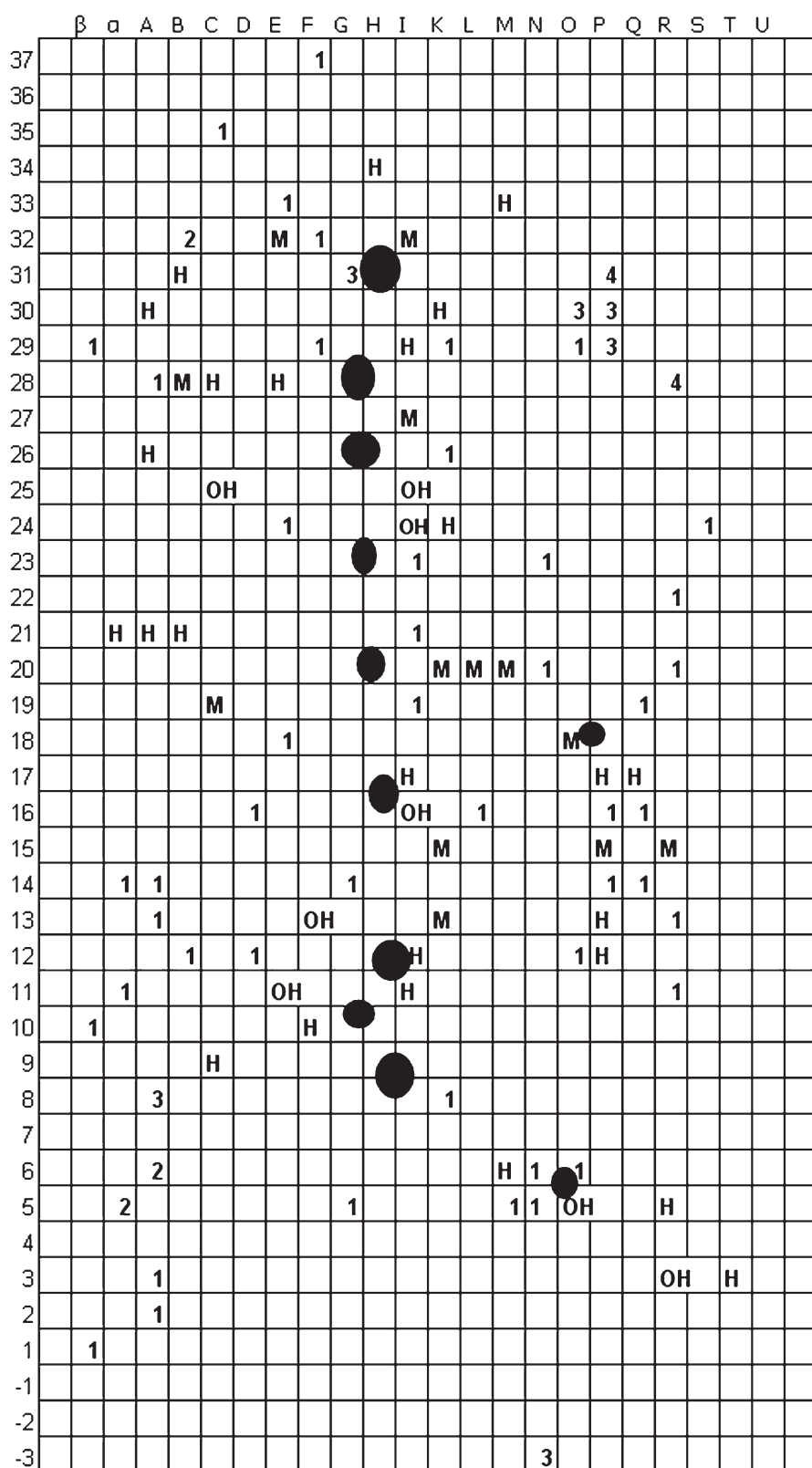

Рис. 1. Костенки I/I. Распределение камней

Является ли исключением Авдеево, если речь заходит о такой составляющей культурного слоя, как камни? Ответ: нам мало известно о камнях из Авдеево (старый объект). В описи находок, составленные по результатам раскопок М.В. Воеводского, попало лишь несколько камней. Интенсивность работ, отсутствие опыта раскопок памятников подобного типа, обилие материала (каменные орудия, обработанная кость) могли определить отношение исследователя к «второстепенному» материалу. Кроме того, в отношении старого объекта Авдеево трудно говорить определенно о наличии такого важного структурного элемента, как центральная линия очагов, а именно с ним традиционно связываются камни. Обнаружение многочисленных очагов с каменной обкладкой или наполненность их камнями, несомненно, привлекли бы к себе внимание. Вероятно, не было на старом объекте и сколько-нибудь заметных скоплений камней в культурном слое. Исследователи стоянки отметили бы этот факт в полевых дневниках и отчетах.

А.Н. Рогачев, доисследовавший старый объект Авдеево в районе землянок, упомянул о камнях при описании ям 4, 9 14; западин 2, 7, 17, 18, 20; землянок Б, Ж; краевых ям I, II. Практически во всех случаях, по мнению исследователя, это были фосфориты. Их количество не указывается, речь идет о «кусках» или «кусочках», в яме 4 — обожженных (Рогачев, 1953).

В коллекционных описях Авдеево (новый объект) значится 509 камней (далее обозначены нами как коллекционные), не менее 140 из них происходит из ям и землянок (как минимум 60 ям). В коллекцию попали или самые заметные (по внешнему виду) камни, или камни, заинтересовавшие исследователей своим местонахождением или особенностями контекста, в котором они были обнаружены. Непосредственно с заполнением очагов связано два коллекционных камня: один происходит из очага 6 (кв. д-6), другой — из очажка на кв. а-2-3. Скорее всего, их было больше, но как бы то ни было, речь идет о единичных находках. Распределение камней по площади жилой площадки более или менее равномерное (рис. 2).

Многие камни, главным образом вследствие термического раскалывания, представлены обломками. Как показал ремонтаж, обломки одного и того же камня могут быть далеко разнесены по памятнику. Подобрались между собой обломки с кв. Ю-20 и из ямы 223. Обломки одного камня (песчаник) оказались в землянках Ш, Щ и в яме 299. В другом случае обломки камня (песчаника) были разнесены по всей северо-западной части стоянки. Они были найдены на квадратах б-25, б-27, Я-23, а-25 и а-26, один обломок этого камня оказался в яме 203, другой — на кв. Х-20, и еще один в землянке Б. Результаты ремонтаж в этом последнем случае не дали нам целого предмета, изначально не крупного. Мы можем предположить, что объекты, в которых найдены обломки камня, функционировали одновременно, но мы не можем найти объяснения, почему осколки этого «непримечательного» камня были разнесены на такое большое расстояние.

Петрографический анализ камней, отобранных для уточнения их названий, показал, что коллекция содержит следующие группы.

Метапесчаники кварцевые (по обр. 576/670 и 638/138). Текстура породы массивная, неравномерно зернистая. Структура породы — конформная, отмечаются шиповидные формы инкорпорации зерен. В обр. 638/138 отмечаются начальные стадии бластеза зерен. Кварц составляет более 90% объема породы. В качестве аксессуара встречен обломок кислого плагиоклаза. Новообразованная слюда образует тонкие чешуйчатые оторочки вокруг зерен кварца, наибольшая ее концентрация наблюдается в относительно мелкозернистых участках.

Песчаники с карбонатным цементом (по обр. 571/2813, 604/2321, 633/42). Текстура массивная, равномерно зернистая. Структура псаммитовая, участками коррозионная. Порода сложена хорошо окатанными, редко угловатыми, зернами кварца мелко- и среднепесчаной размерности. Породы хорошо сортированы. Присутствуют обломки кварцита, в качестве аксессуаров встречаются листочки слюды, зерна глауконита. Карбонат (арагонит) активно корродирует кварц, обра-

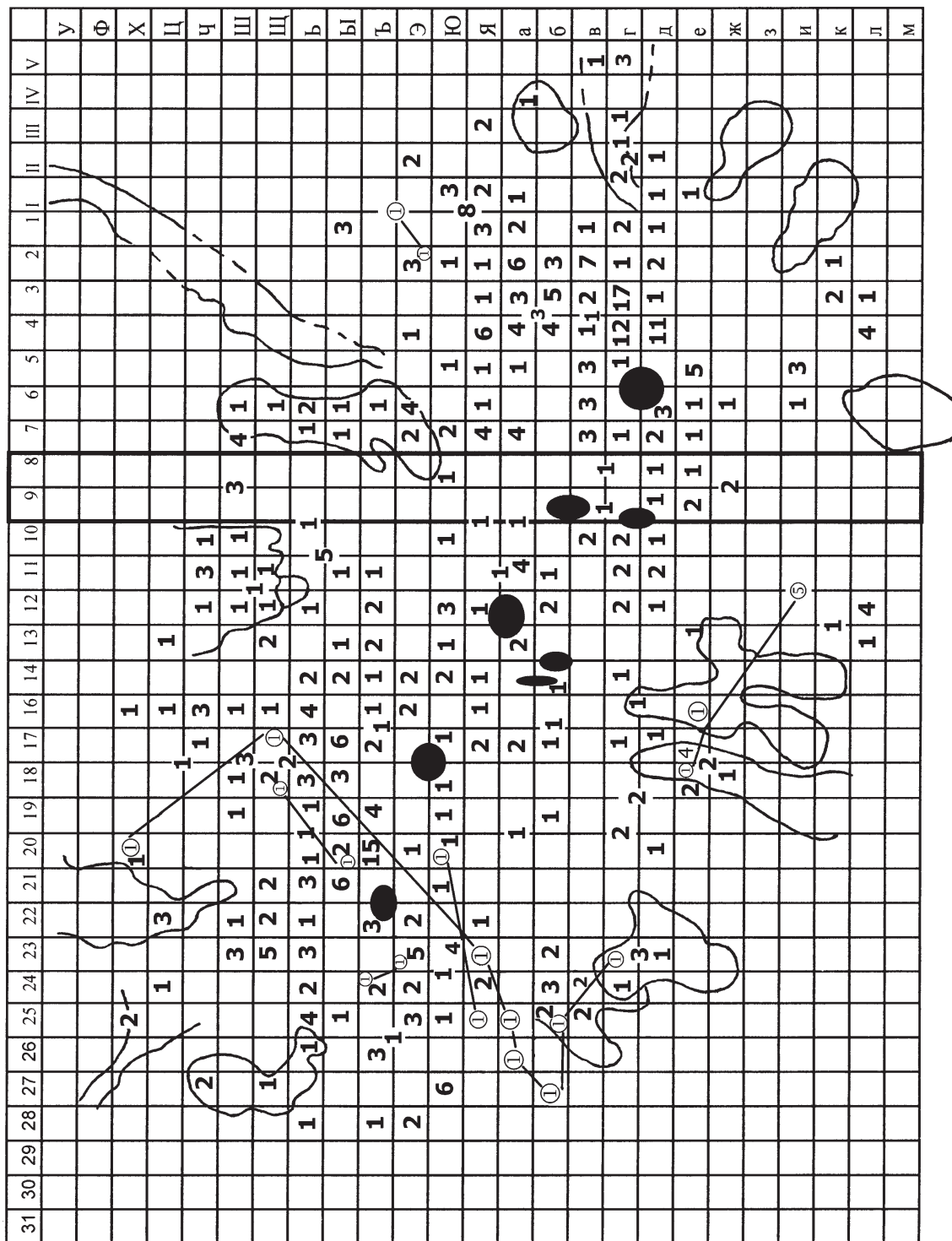

Рис. 2. Авдеево новый объект. Распределение коллекционных камней

зую крустификационный цемент. В шлифах наблюдается открытая пористость.

Песчаники с глинистым цементом (по обр. 597/2413, 597/731). Текстура породы массивная неравномернозернистая. Структура псаммитовая. Порода сложена обломочным кварцем, наблюдается бимодальное распределение гранулометрического состава. Крупные, хорошо окатанные обломки имеют размер 0,2–0,5 мм, обломки матрикса — оскольчатой формы — 0,03–0,05 мм.

Песчаник с фосфатным цементом (по обр. 633/45). Текстура породы массивная. Структура псаммитовая, участками конформная, отмечается регенерация кварцевых зерен. Кварц составляет 100% обломков, среди них встречаются обломки с различной степенью насыщения минеральными включениями, со следами высокого давления, богатые газовой-жидкими включениями. Порода сцементирована фосфатным цементом контактово-порового, иногда пленочного типа.

Колломорфное фосфатное образование (по обр. 597/91). Образец сложен глобулями светло-желтого цвета в проходящем свете, с показателями преломления ~1,580 и при этом почти изотропными. Межглобулярные пространства заполнены криптозернистой низкорефракционной массой.

Кварциты — зернистая метаморфическая порода, состоящая главным образом из кварцевых зерен, а также массивные мелкозернистые кварцевые песчаники. На стоянке встречаются орудия, изготовленные из плотного, прочного кварцита. Также встречаются кварциты без следов обработки, они менее плотные, чем кварциты, из которых изготовлены орудия. По размерам это образцы от первых сантиметров до 10–15 см.

Основные выводы, которые позволяет сделать петрографический анализ:

1) на участке памятника, обозначаемом как Авдеево новый объект, можно выделить три большие группы камней — песчаники, кварциты, фосфориты;

2) часть камней, в свое время отнесенных исследователями стоянки к фосфоритам, оказались песчаниками с карбонатным цементом. Отличить фосфориты от этих пес-

чаников визуально, не будучи специалистом, очень сложно.

Мы не можем сказать, насколько существенно отличаются (применительно к нашим обстоятельствам) по своим физическим свойствам разного типа песчаники. Прежде всего, потому, что мы не знаем, что ценил в них древний человек, отбирал ли он специально для разных целей разные песчаники и каковы были эти цели. Известно, что песчаник морозостойкий и влагостойкий материал, он занимает золотую середину между известняком и гранитом. Наиболее высокие физико-механические свойства имеет песчаник с кремнистым и карбонатным цементирующим веществом, худшие — с глинистым. Огнеупорность песчаника также различна, наивысшая (до 1700°C) характерна для чистых кварцевых песчаников, с кремнистым цементом.

Судя по следам термического раскалывания и обожженности на многих камнях, можно предполагать, что определенная часть камней подвергалась воздействию огня не случайным (?) образом. Смущает то, что камни в очагах Авдеево крайне редки. Заметная доля расщепленного кремня и орудий из него также несет на себе следы огня, что существенно снижало его качественные характеристики. Вряд ли изделия из кремня обжигались намеренно. И там, и там случайность? Эти обстоятельства несколько дискриминируют гипотезу о том, что камни служили для аккумуляции тепла, а применительно к Авдееву, — еще и использовались для обкладки очага. Вместе с тем идея обкладки не была чужда авдеевцам. Несмотря на обилие камней, они предпочитали использовать для этих целей кости. Одним из примеров тому может служить очаг, исследованный в 2008 г. на кв. С-Т-I-II (рис. 3). По периметру очага располагались кости крупной особи (особей) мамонта. Это были стопные, эпифизы и зубы, подвергшиеся сильному воздействию огня. Заполнение очага — пережженная в центральной своей части до состояния золы кость. Положение костей по борту очага, подбор их по размеру и распределение примерно на равном расстоянии друг от друга не оставляют сомнений в их назначении. Очаг, по

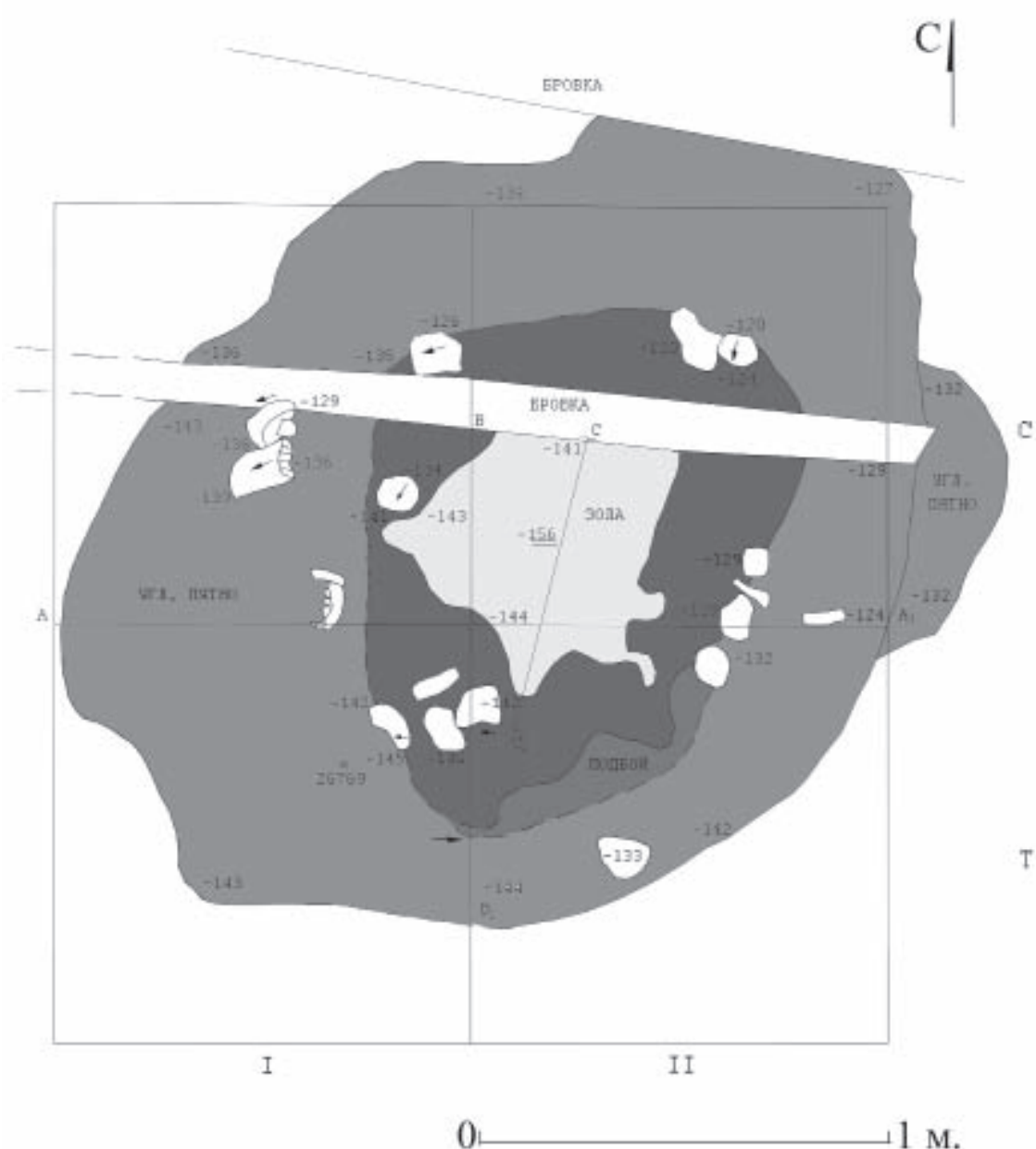

Рис. 3. Авдеево-2008. Очаг на кв. С-Т-I-II

всей вероятности, неоднократно вычищался, что фиксируется прослоем мелкодисперсного угля, разнесенного по площади не менее чем 20 м². Кости и кремль из углистого прослоя не несут на себе следов огня, вмещены или перекрыты углистым выбросом, как и кости обкладки, нижней своей частью соприкасающиеся с неокрашенной супесью. Камней в очаге не обнаружено.

Вернемся к фосфоритам, а вернее, к ним и песчанкам с карбонатным цементом, которые ошибочно воспринимались исследова-

телями стоянки как фосфориты. Песчанки с карбонатным цементом из Авдеево имеют тот же темный (черный) окрас, что и фосфориты, и схожую текстуру. Если судить по камням, попавшим в коллекцию, т. е. иметь в виду, что выборка носит случайный характер, можно допустить, что песчаник с карбонатным цементом составляет от половины до двух третей от всех камней, отнесенных к фосфоритам. Эти две породы камней (далее условно — «фосфориты») были крайне привлекательны для авдеевцев и приносились на

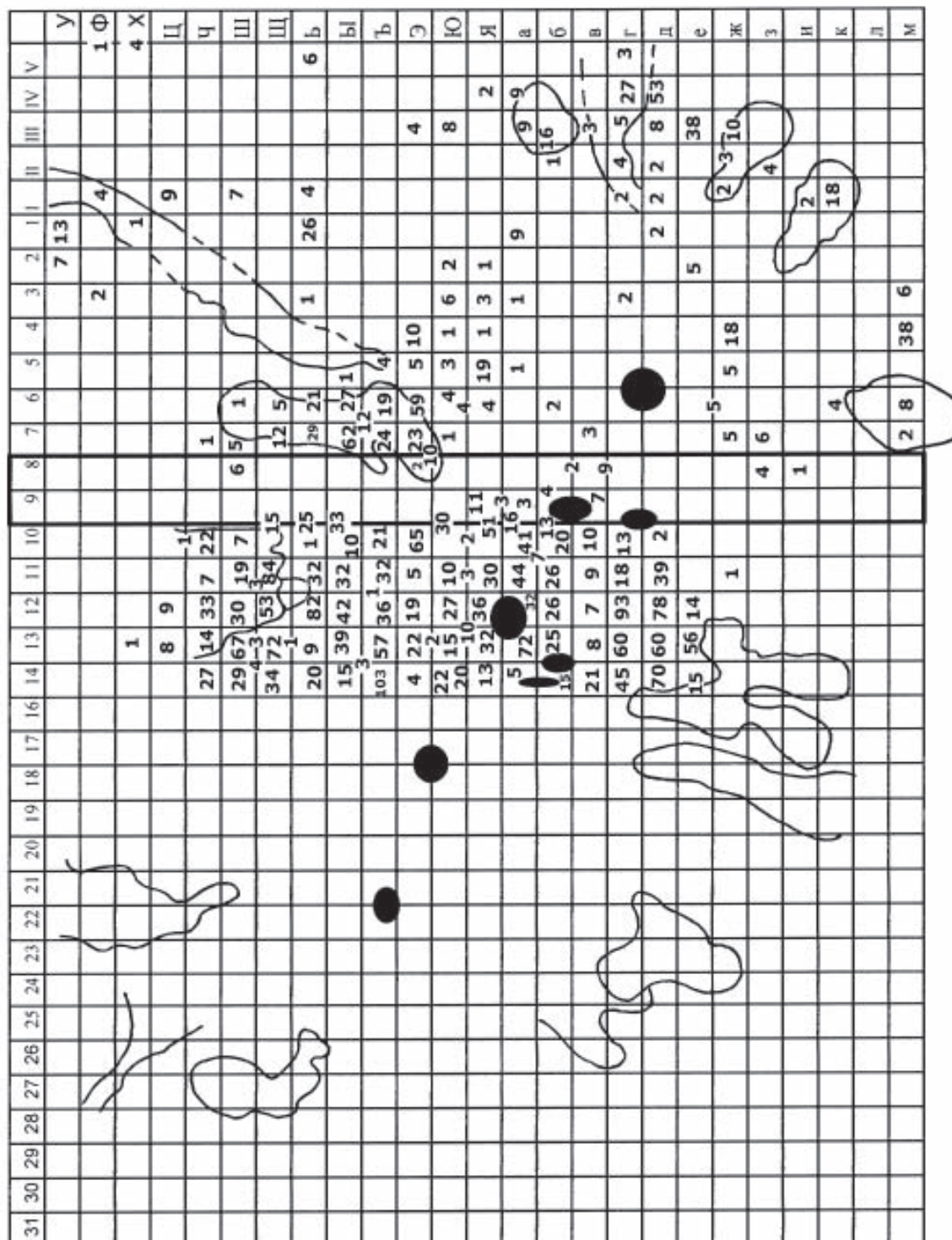

Рис. 4. Авдеево новый объект. Распределение «фосфоритов»

стоянку в огромных количествах. Именно их многочисленность (массовость) и определила то, что они фиксировались при раскопках памятника, но в коллекцию не брались. Работа с полевой документацией Авдеево показала, что плотность «фосфоритов» колеблется от 1 до 90 и более предметов на 1 м² (рис. 4). Почти ни одно из описаний заполнения ям и землянок не обходилось без упоминания «фосфоритов». Скопления камней на отдельных участках жилой площадки не определялись близостью к очагам. К сожалению, мы не можем обработать весь полевой материал, т. к. ввиду внешних обстоятельств (ремонтные работы здания, занимаемого Институтом антропологии) доступной для анализа оказалась полевая документация только за 8 из возможных 20 лет раскопок. Однако и те данные, которые удалось получить на сегодняшний день, впечатляют. В полевых документах за 1972–1974, 1989–1993 гг. значится около 3500 «фосфоритов». Размеры «фосфоритов» невелики (в среднем 8–10 см), часть из них подверглась сильному воздействию огня, вследствие чего их структура была нарушена (?) настолько, что многие из них рассыпались/разламывались в руках (полевые наблюдения Е.В. Булочниковой).

Вероятно, «фосфориты» обладали такими физическими свойствами, которые сделали их предпочтительнее всех других пород камня. Но нельзя исключать и того, что выходы фосфоритов и песчаников с карбонатным цементом находились в непосредственной близости от стоянки, что хотя бы частично определяло интерес к ним. Впрочем, судя по современным геологическим картам, многочисленные месторождения фосфоритов сосредоточены на севере и северо-востоке Курской обл., а не на юге и юго-западе, как того хотелось бы. Относящиеся к «фосфатным породам», фосфориты и песчаники с карбонатным цементом явно подменяли друг друга. Разгадка интереса к ним со стороны авдеевцев кроется в их общих физических свойствах, которые предстоит еще выяснить. Известно, что при обжиге (при невысоких температурах) фосфоритов помимо фосфорного удобрения можно получить фосфорную кислоту, используемую в пищевой промышленности, при производстве лекарств и моющих средств. Обработка кислотой древесины делает ее устойчивой

к огню. Вероятно, фосфориты обладают и иными полезными свойствами, не столь существенными для современного человека, но крайне важными для человека древнего, в противном случае крайне сложно объяснить обилие этих камней на стоянке.

Немногочисленные кварциты (скорее всего, они все взяты в коллекцию) более или менее равномерно распределены по площади жилой площадки нового объекта Авдеево (рис. 5), чего не скажешь о также немногочисленных песчаниках с глинистым цементом (как минимум 50 шт.). Не считая их скопления (11 предметов) на квадрате д-I, другая их часть равномерно рассредоточена по северо-западной части стоянки (рис. 6).

Известен только один случай, когда песчаник был обработан, из него была вырезана фигурка мамонта. Находка лежала на боку, ногами вверх, примерно в 18–20 см от верха культурного слоя, в слабоокрашенной супе-си. Никакой ямки, в которую могла бы быть намеренно положена фигурка, не обнаружено. Возле самого бока фигурки лежал кусок охры, который частично ее окрасил. На квадрате д-9, 10 в 80 см к югу от мамонта лежали четыре небольших, довольно плоских камня, два из того же песчаника, что и фигурка (Гвоздовер, 1975).

Что касается кварцитов, то не исключено, что их приносили из того же месторождения, что и кварциты, служившие для изготовления орудий (кварцитовых орудий и отходов производства в новом объекте Авдеево обнаружено около 1400 шт.). Возможно, кварцитовые камни оказались не пригодными для производства орудий или были необходимы для решения иных производственных задач.

И в Авдеево, и в Костёнках I/1, и в Зарайске (в таблице значится 1418 шт.) найдены железистые конкреции, но вопрос, являются ли они манупортами, остается открытым. Наблюдения, сделанные в Авдеево, говорят о том, что эти стяжения образовались на месте стоянки.

Камни в большом количестве приносились на Авдеевскую, Костёнковскую и Зарайскую стоянки. С какой целью это делалось? И была ли она одной и той же во всех этих случаях? Дальнейшая работа с камнями, обнаруженными на палеолитических стоянках, может принести много самых неожиданных открытий.

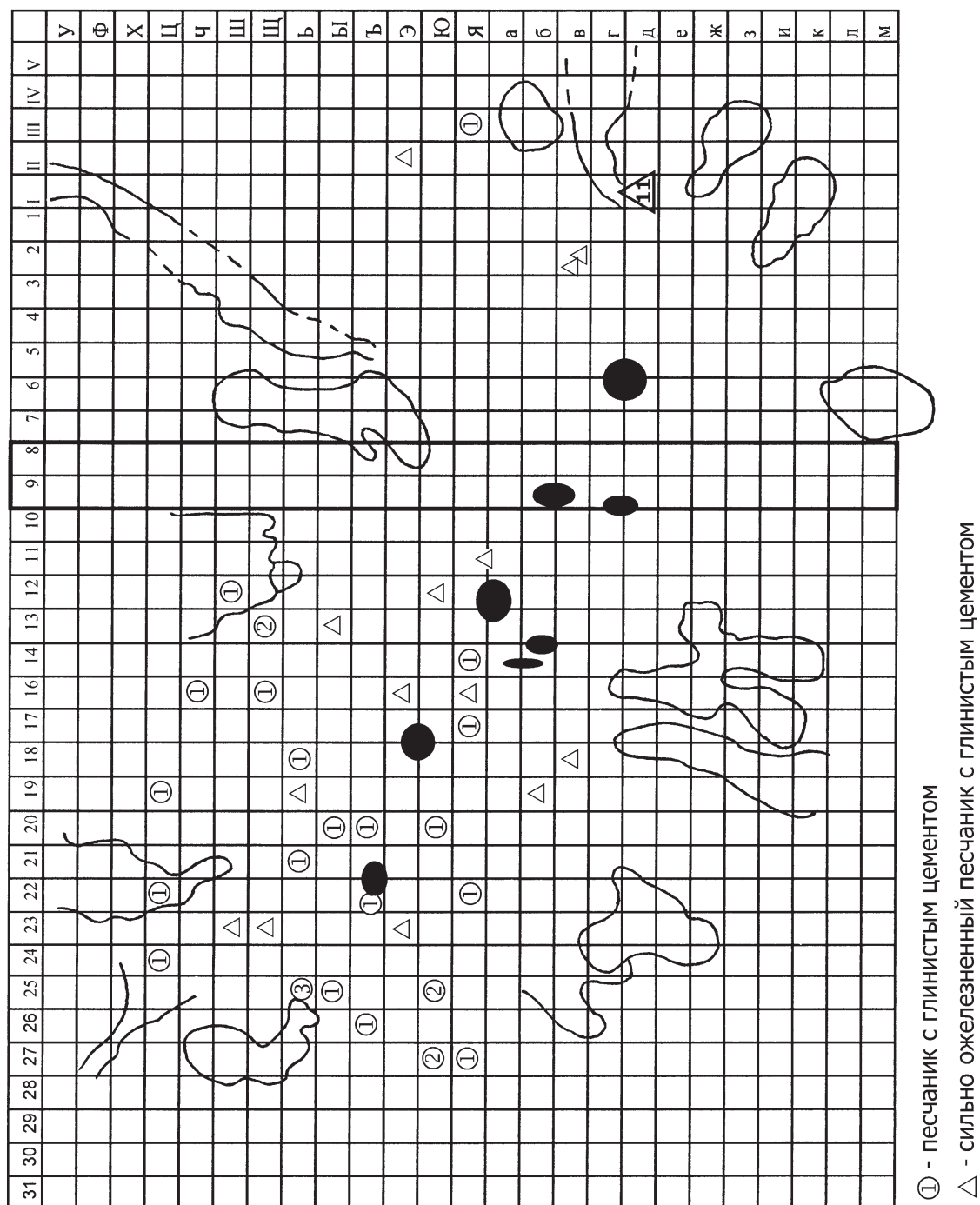

Рис. 5. Авдеево новый объект. Распределение коллекционных песчаников с глинистым цементом

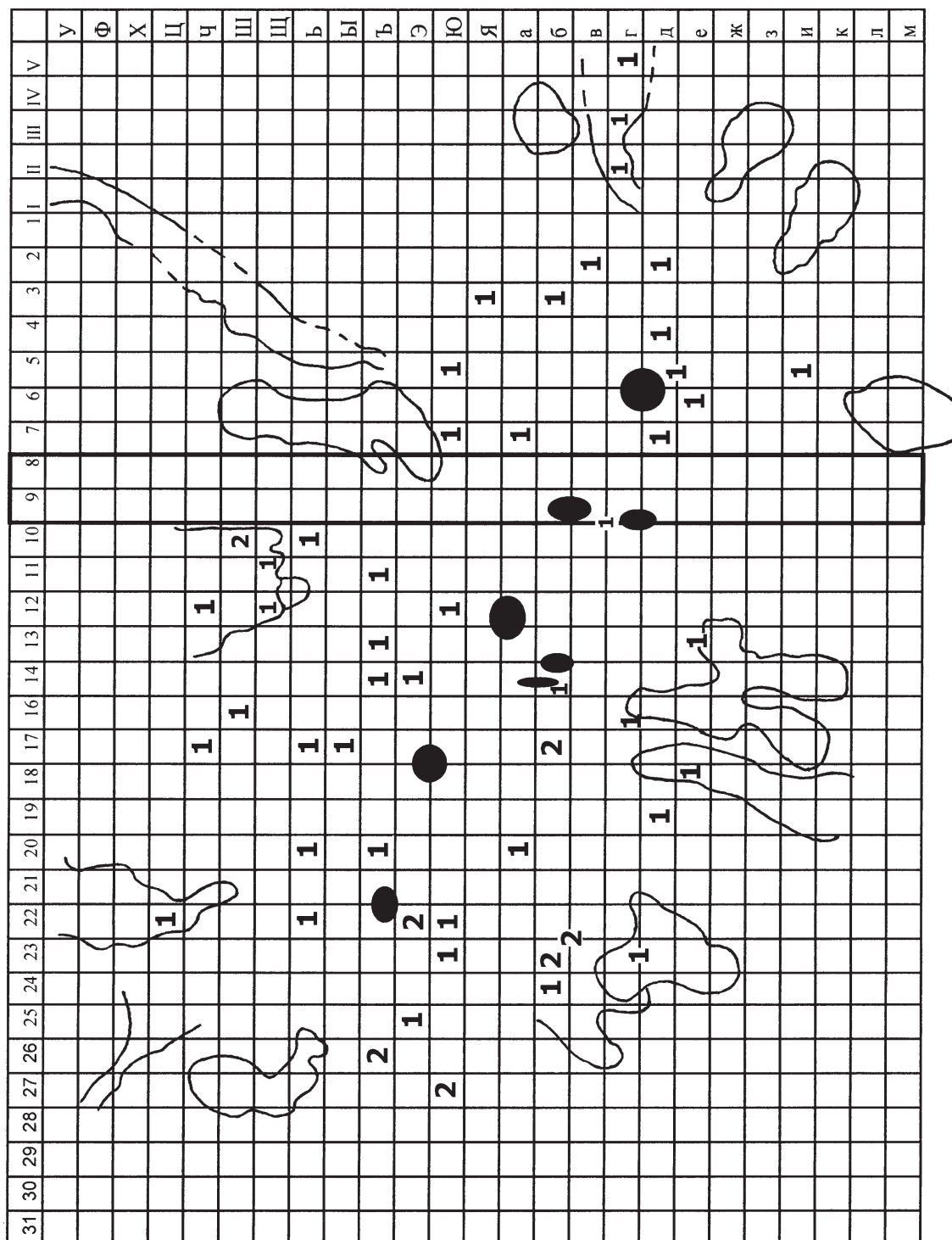

Рис. 6. Авдеево новый объект. Распределение коллекционных кварцитов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирханов Х.А., 2000.* Зарайская стоянка. М.
Амирханов Х.А., 2009. Стоянка Зарайск А: характеристика объектов третьего культурного слоя // Исследования палеолита в Зарайске 1999–2005 гг. / Ред. Х.А. Амирханов. М.
Гвоздовер М.Д., 1975. Отчет о раскопках верхнепалеолитической стоянки Авдеево 1975 года // НИИ и Музей антропологии МГУ. Ф. Х.
Ефименко П.П., 1958. Костенки 1. М.; Л.
Лев С.Ю., 2009. Каменный инвентарь Зарайской стоянки // Исследования палеолита в Зарайске 1999–2005 / Ред. Х.А. Амирханов. М.
Рогачев А.Н., 1953. Исследование остатков первобытнообщинного поселения верхнепалеолитического времени у с. Авдеево на р. Сейм в 1949 году // МИА. № 39.
Трусов А.В., 1994. Культурный слой Зарайской верхнепалеолитической стоянки // Древности Оки. М. / Тр. ГИМ. Вып. 85.

А.Н. Сорокин
Институт археологии РАН, Москва

ЕЩЕ РАЗ О ПРОБЛЕМЕ «ПОСТСВИДЕРСКИХ» КУЛЬТУР ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Точная дата появления термина «постсвидер» достоверно не устанавливается. Он пришел на смену понятию «эписвидер», которое возникло в довоенное время и использовалось подобно термину «эпипалеолит» для обозначения «хронологической позиции древностей, существовавших в послепалеолитическое время» (Гурина, 1966. С. 7). При этом, вкладывался ли в него принцип наследования традиций или сходство объяснялось всего лишь стадильностью, зависело от взглядов конкретного исследователя. Термин «эпипалеолит» исчезает на рубеже 1960–1970-х гг. Судя по всему, Р.К. Римантене была последней, кто в отечественной литературе его широко употреблял, более того, выделял в «отдельную культурно-хронологическую группу... в развитии культуры каменного века в восточной Прибалтике», хронологически совпадающую с пребореалом (Римантене, 1971. С. 98, 117). Примерно в это же время исчезает из обихода и «эписвидер», которому на смену во второй половине 1970-х гг. приходит термин «постсвидер» (Кольцов, 1977), правда, никакого обоснования ему не приводится, и он возникает как некая данность.

В этой связи достаточно привести единственную фразу, ярко демонстрирующую «доказательность» процедуры выведения «памятников мезолита свидерской традиции»: «Генезис этих памятников совершенно ясен. Они ведут свое происхождение от свидерской культуры, что четко видно не только по форме наконечников свидерской традиции, но и во всем комплексе орудий» (Кольцов, 1977. С. 95). Если учесть, что на момент выхода в свет данной компиляции Л.В. Кольцов ни одной свидерской коллекции не видел, как, впрочем, и с отечественными материалами был знаком исключительно по публикациям, становится очевидной безосновательность этого утверждения. А если вспомнить еще и то, что предложенная им характеристика «постсвидерских» материалов базировалась исключительно на смешанных коллекциях (Там же. С. 95–119), стоит ли удивляться тому, что однажды кто-то должен был неизбежно усомниться в достоверности его выводов и подвергнуть их проверке.

Тем не менее, в конкретных условиях советской действительности сказанное привело к тому, что несформулированная и необосно-

---

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук (ОИФН) РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей». Проект «Материальная и духовная культура обитателей Минино 2: от открытий к осмыслению».

ванная гипотеза «постсвидерских культур» стала доминирующей в отечественной историографии 1980–1990 гг. Совершенно очевидно, что произошло это из-за малочисленности исследователей и отсутствия широкого интереса к данной проблематике. Если же сюда добавить скудость конкретного материала и практическую недоступность иностранных коллекций, становится понятным, почему не возникало и никаких попыток прояснить, а что же за этим термином скрывается? В результате он кочевал из одной статьи в другую без какой-либо попытки разобраться с его значением. Таким образом неоднократно повторенный, он начал восприниматься, особенно начинающими исследователями, как некая всем известная данность, устоявшееся понятие, своеобразный постулат и даже азбучная истина. Это объясняет, почему не возникало никакого желания разобраться с его содержанием, а тем более, усомниться в его истинности. И как здесь не вспомнить слова А.А. Формозова о магии печатного слова: «Попав в печать, любое, в том числе и самое нелепое построение получает какое-то признание, а нередко без всякой проверки принимается за доказанное и долгое время давит не психику исследователей...» (Формозов, 1977а. С. 11, 12). Сейчас, когда добыто значительное число разнообразных материалов, возникла не только возможность, но и настоятельная необходимость вернуться к первоисточкам и установить, имеет ли отношение «постсвидер» к свидерской культуре? Однако прежде чем перейти к конкретному сравнительному анализу, следует вкратце рассмотреть предысторию вопроса и коснуться современной характеристики свидерской культуры.

Предыстория вопроса такова. Как известно, наконечники с плоской ретушью на брюшке стали известны на территории Европейской России еще в конце XIX в. По формальному сходству начиная с рубежа 1920–1930-х гг. они отождествлялись со свидерскими изделиями. Причины этого достаточно очевидны: в отличие от западноевропейских, восточно-европейские польские стоянки расположены территориально ближе к среднерусским памятникам, они сравнительно полно изучены

и опубликованы. В результате волго-окские коллекции стали рассматриваться сначала в качестве изделий свидерской стадии развития, затем, в 1940-е гг., — уже как стоянки свидерской культуры. В 1950–1960-е гг., на фоне известного прироста данных, их стали относить к волго-окской мезолитической культуре. А с середины 1970-х гг. они были приписаны к так называемой бутовской культуре (Воеводский, 1934; 1940; 1950; Воеводский, Формозов, 1950; Формозов, 1954; 1959; 1961; 1977б; Кольцов, 1965; 1976; 1989; Крайнов, Кольцов, 1979; 1983; Кольцов, Жилин, 1999). И, наконец, уже в XXI в. возник термин «заднепилевская культура», объединяющий ряд подобных материалов (Сорокин, 2008).

Краткий экскурс в историографию свидетельствует, что сначала П.П. Ефименко, а затем М.В. Воеводский, О.Н. Бадер, П.Н. Третьяков и другие, заговорили о развитии «свидерской стадии» в эпипалеолите Восточной Европы. Этот вывод явился следствием лучшей изученности польских материалов по сравнению со среднерусскими, наличием публикаций, а также их относительным сходством. Хотя отнесение, например, коллекции Гремячего 1 к свидерским комплексам явно ошибочно, ибо это охотничий лагерь аренсбургской культуры (Сорокин, 2006а).

В связи с гонениями на приверженцев стадияльной концепции и возникновением гипотезы археологических культур М.В. Воеводский отождествил среднерусские материалы со свидерскими, о чем совершенно определенно свидетельствует его изданная посмертно статья, посвященная мезолитическим культурам Восточной Европы, в которой можно прочесть: «На Русской равнине имеется шесть стоянок свидерской культуры... — Елин бор... Гремячая и Борковская на Оке, Скнятинская и Соболевская — на Верхней Волге и Грянск² на Соже» (Воеводский, 1950. С. 97, 98). Помимо этого в Подесенье им была выделена деснинская культура, представленная стоянками Покровщина и Песочный Ров, и по две в Крыму (шан-кобинская и мурзак-кобинская) и Прибалтике. На территории последней, по его словам, «выделяются мезолитические культуры Лингби и Гамбургская,

² Все наименования приводятся по тексту.

возникшие на основе свидерской» (Воеводский, 1950. С. 119). Последнее утверждение неверно, т. к. обе культуры финальнопалеолитические и, как теперь установлено, предшествуют свидерской культуре (Сорокин и др., 2009). Об особой свидерской культурной области, в которую входят и окские стоянки, написано и в вышедшей одновременно статье, посвященной публикации материалов Песочного Рва и подготовленной к печати А.А. Формозовым (Воеводский, Формозов, 1950. С. 52, 53).

Уже в первой половине 1950-х гг. А.А. Формозов, развивая идею М.В. Воеводского о специфике среднерусских материалов, не только отмечает своеобразие изделий волго-окских стоянок, но и непосредственно указывает на их отличие от польских и деснинских коллекций. В итоге он выделяет их в особую волго-окскую мезолитическую культуру (Формозов, 1954). По истечении времени выяснилось, что памятники, отнесенные к деснинской и волго-окской культурам, принадлежат не только к разным археологическим культурам, но даже эпохам. В контексте обсуждаемой темы важнее, однако, другое: понятие «эписвидер» стало восприниматься не столько в генетическом, сколько в хронологическом плане. К нему, прежде всего, были отнесены стоянки, возраст которых казался моложе свидерских, говоря другими словами, мезолитическим (Формозов, 1954; 1959; 1977). На самом деле весомых оснований считать все волго-окские стоянки голоценовыми тогда не было. В этой связи, например, достаточно упомянуть, что стоянка Покровщина в настоящее время относится к поздней поре верхнего палеолита, а Гремячее 1 — к финальному палеолиту.

Судя по всему, при первоначальном определении возраста более всего довлело их визуальное несходство с палеолитическими стоянками, особенно теми, где были окрашенные слои и многочисленная мамонтовая фауна. Сыграли негативную роль и единичные палинологические заключения, дававшие, как правило, достаточно поздний возраст образцов — от атлантикума до суббореала включительно (Третьяков, 1950). Неудивительно, что вплоть до начала 1960-х гг. было широко распространено мнение о «переживании ме-

золитических традиций» и «сохранении микролитических изделий в культуре сетчатой керамики» (Третьяков, 1963. С. 9–15).

Как бы то ни было, просуществовав более 20 лет, волго-окская мезолитическая культура была упразднена во второй половине 1970-х гг., когда известные к тому времени малочисленные и скудные мезолитические коллекции были поделены Л.В. Кольцовым между тремя отдельными «культурами» — «елиноборской», «бутовской» и «иеневской» (Кольцов, 1976; Крайнов, Кольцов, 1979; 1983). По истечении времени стало очевидным, что оснований для этого не было, более того, материалы первых двух из них были им попросту фальсифицированы (Сорокин, 2001; 2006б; 2008; Сорокин и др., 2009).

Историографический анализ показывает, что названия «свидерская стадия», «свидерская» и «волго-окская» культуры в отношении атрибуции среднерусских стоянок возникали по мере развития общих представлений о мезолите региона и были точно так же по разным причинам утрачены. Им на смену пришла так называемая бутовская культура (Кольцов, 1976; 1989). Источниковедческий анализ показал некорректность дальнейшего использования и этого термина, а также определил настоятельную необходимость его замены (Сорокин, 2008). Необходимость этого была вызвана вскрывшимся подлогом, который был осуществлен М.Г. Жилиным и Л.В. Кольцовым с документацией и материалами эпонимной стоянки Бутово (Кольцов, Жилин, 1999). Поскольку этот сюжет достаточно освещен в печати (Сорокин, 2008; Сорокин и др., 2009), нет смысла в его повторении. В результате комплексы, содержавшие в своем наборе симметричные наконечники с вентральной ретушью, были переименованы (Сорокин, 2008) по первому полноценно изученному и «чистому» комплексу — стоянке Задне-Пилево 1 в Мещерской низменности (Сорокин, 1990).

Таким образом, в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств обозначилось следующее:

1) польские свидерские стоянки расположены территориально ближе к среднерусским, чем западноевропейские финальнопалеолитические памятники культур гамбург,

федермессер, бромме (лингби) или аренсбург;

2) они многочисленнее комплексов перечисленных западноевропейских культур и полнее них опубликованы;

3) свидерские и среднерусские памятники имеют известное сходство друг с другом;

4) единичность естественно-научных определений для Волго-Окских коллекций и их поздний возраст;

5) малочисленность отечественных исследователей, отсутствие источниковедческой критики (Формозов, 1977а), наконец, наличие «железного занавеса» и своеобразного информационного вакуума.

В результате немногочисленные и скудные среднерусские материалы стали своеобразными заложниками «свидерской» доктрины. Для решения вопроса о генетической связи свидерской и «постсвидерских» культур целесообразно рассмотреть их современную характеристику.

Свидерская культура получила известность в результате раскопок в начале 1920-х гг. стоянки Свидры Вельке 1 (в окрестностях Варшавы), по которой и была названа. Приоритет выделения культуры принадлежит польским исследователям первой половины XX в. С. Круковскому, Л. Козловскому и Л. Савицкому. Тем не менее, впервые термин «свидерская культура» употребил британский археолог Г. Кларк (Clark, 1936). Помимо них значительный вклад в изучение свидерских древностей внесли: З. Шмит, Р. Шильд, М. Хмелевска, З. Сульгостовска, В. Тауте, Н.Я. Рудинский, Р.Т. Грибович, Г.В. Охрименко, В.К. Пясецкий, Н.Н. Гурина, А.А. Формозов, Р.К. Римантене, Е.А. Векилова, В.Д. Будько, В.Ф. Исаенко, Д.Я. Телегин, В.Ф. Копытин, В.П. Ксензов, И. Загорска, С.Н. Бибилов, А.А. Яневич и Л.Л. Зализняк. По данным последнего, в настоящее время известно около 1000 свидерских стоянок (Зализняк, 2005. С. 51). Даже если эта цифра завышена, ведь количество значков на картах всегда существенно меньше, то и ее четверть свидетельствует, что она представлена максимальным числом памятников по сравнению с любой другой из финальнопалеолитических культур Европы.

Основные памятники: Свидры Вельке 1, 2, Велишев 15, Витув, Добегнево, Гойч 1, Гулин,

Марьянки-Выглендув, Плуды А, Подлесице, Рыдно 2/56, 4/57; Станьковиче 1–5, Тржебча 1, Цаловане, Цихмяна, Червоны Борек 24 (Польша); Березно 6 и 14, Бор, Бугры, Дидивка, Кобылья Гора, Кричельск А и В, Котера, Нененково, Нобель 1, 2, 2В, 3–6; Омыт, Прибор 7, 9, 13, 13А, 13Б, 13Е, 13Ж; Раска, Сад, Самары, Сенчицы 1 и 2, Тутовичи 3, 4, Смячка 14, Делятин, Врублевцы, Старуня, Сюрень 2, Буран-Кая, Суат, Ямица А (Украина); Яново, Баркалабово, Горки (Белоруссия); Эжяринас 1, 2, 4, 9, 14, 19, 21; Эйгуляй А, Б, Д; Скаруляй, Пувочай 1В (Литва); Саласпилс-Лаукскола (Латвия), Большой Славков (Словакия); Скауна (Румыния). Стоянки концентрируются на компактной территории Повисленья, Поприпятя, Понеманья, а также в Верхнем Поднепровье (Schild, 1964; 1967; 1975; Sulgostowska, 1999; 2000; Зализняк, 1989; Зализняк, 1998; 1999; 2005). Очевидно также, что одиночные памятники, открытые в Прикарпатье (Делятин, Врублевцы, Старуня), Южных Карпатах (Скауна), Татрах (Большой Славков), Крымских горах (Сюрень 2, Буран-Кая, Суат) и на западном побережье Швеции, очерчивают отнюдь не «родовую территорию», а всего лишь временные экологические ниши. Таким образом, имеющиеся данные позволяют со всей очевидностью исключить из ареала свидерской культуры не только Волго-Окский бассейн, но и всю Центральную Россию.

Население свидерской культуры использовало высококачественное кремневое сырье, которого в пределах ее исконных земель было в избытке. В результате нуклеусы с круговым скалыванием в ней практически неизвестны. Более того, свидерская технология кремнеобработки была по сути своей весьма материалоемкой. Она требовала значительного числа крупных конкреций высокого качества. Недаром нуклеусы в ней не только многочисленны, но большинство из них в сравнении с ядрищами других культур имеют длину свыше 8 см (Зализняк, 1989; Зализняк, 2005), соответствующую максимальным размерам остаточных экземпляров, тогда как при призматическом расщеплении обычно это «верхний предел» всей технологической цепочки.

Первичная обработка основывалась на прямом расщеплении нуклеусов «мягким», возможно роговым, отбойником. Основная

форма ядрищ — так называемая «челновидная»: это двухплощадочные монофронтальные экземпляры встречного скалывания, рабочая поверхность которых располагалась на торце желвака. Их характерная особенность — поперечная подвеска контрфронта и две сильно скошенные ретушированные площадки. Скалывание велось последовательно, то с одной, то с другой из них, что достигалось вращением желваков вокруг длинной оси в вертикальной плоскости. В этом их принципиальное отличие от призматических нуклеусов, распространенных в таких финальнопалеолитических культурах, как гамбург, федермессер, бромме-лингби или аренсбург, и во всех мезолитических культурах, приписываемых к «постсвидерской традиции». В них двухплощадочные ядрища подвергались вращению в двух плоскостях, причем не столько в вертикальной, сколько в горизонтальной, отчего рабочий фронт был не торцевым, а замкнутым и менее выпуклым. Выпуклость фронта челновидных ядрищ является неизбежным следствием острых рабочих углов площадок, которые определяют кривизну снимаемой пластины-заготовки и доминирует минимальный размер желвака.

Техника первичного расщепления позволяла получать длинные правильные пластины шириной от 0,8 до 3 см в массовом количестве. Они и служили основной заготовкой для изготовления орудий. Пластины, как правило, имели правильную встречную огранку дорсальной поверхности и листовидную форму, почти не требовавшую вторичной обработки. В результате стандартным для культуры является наконечник иволистной формы с естественным пером и минимумом обработки по насаду. Впрочем, и черешковые экземпляры отнюдь не отличались значительной степенью вторичной отделки. Показатель пластинчатости свидерских комплексов, как правило, достаточно высок, но он зависел от качества сырья и характера памятника. Наивысшая пластинчатость зафиксирована в Березно 14 (83%), где первичной обработки кремня почти не было (Зализняк, 1989. С. 28).

Орудийный набор достаточно беден и стандартизован. Охотничье вооружение

однообразно и представлено почти исключительно наконечниками стрел черешковой и иволистной формы. Оба типа имеют одинаковые элементы обработки черешка: на спинке краевая крутая или полукрутая, главным образом среднефасеточная, ретушь, формирующая контур, а на брюшке — плоская, утончающая ударный бугорок. Черешок всегда дислоцирован на более массивной проксимальной части заготовки. Плоская ретушь обычно занимает значительную часть черешка, но иногда наносилась всего две-три фасетки, что дало основание В. Тауте выделить подобные наконечники в особый хвалибоговицкий тип (Taute, 1968). Перо свидерских наконечников или естественное, или скашивалось крутой ретушью на спинке, подобно обработке черешков. В исключительных случаях оно заострялось. Изредка целиком ретушировался на спинке один из краев заготовки. Как правило, наконечники стрел составляют 10–12% всех орудий памятника.

Кроме свидерских, эпизодически присутствуют лингбийские и аренсбургские наконечники, лишенные плоской вентральной ретуши, но истинную природу их появления установить по имеющимся источникам невозможно.

На большинстве стоянок резцы в два-три раза многочисленнее скребков. Основной тип резцов — двугранные, их дополняют ретушные и на сломе заготовки. В этом качестве служили по преимуществу пластины, реже — отщепы, и в порядке исключения — осколки или сработанные нуклеусы.

Доминирующей формой скребков была концевая, существенно меньше двойных экземпляров и с выступом; концевые-боковые и подокруглые — вообще единичны. Некоторые концевые скребки имеют выделенный крутой ретушью черешок. Изготавливались чаще на пластинах, но и на отщепах довольно обычны. Лезвия оформлены крутой или полукрутой крупно- и среднефасеточной ретушью.

Из комбинированных орудий наиболее часты модификации скребков с резцами, встречаются также резцы-скобели и резцы-ножи. Рубящие орудия, особенно в восточной части ареала свидерской культуры, встречаются серийно, часто их насчитывается более сотни

экземпляров (Нобель, Переволока, Сенчицы, Омыт, Люботынь и др.). Все это топоры и тесла с перехватом из кремневых желваков или, реже, отщепов. Перехваты формировались грубыми сколами или крутой крупнофасеточной ретушью по одной или обеим сторонам. Лезвия оставались без обработки или иногда оформлялись траншевидным сколом. Имеются изделия, обработанные двусторонней оббивкой по всей поверхности.

Прочие категории орудий малочисленны и встречаются лишь спорадически. Среди них косые и симметричные острия на пластинах, острия типа цонхофен, симметричные сверла и проколки с выделенными жальцами на пластинах, скобели на пластинах и отщепах, ножи с приостряющей краевой ретушью, долотовидные изделия, желобчатые абразивы из песчаника и отбойники.

Таким образом, свидерская индустрия характеризуется специализированной технологией первичного расщепления, отсутствием техники отжима и скудостью типологического набора. В ней нет вкладышевой технологии и неизвестны стандартизированные микролиты.

Хронология свидерской культуры фиксируется немногочисленными палинологическими данными, а также радиоуглеродными датами стоянок Витув и Цаловане в Польше. Они находятся в диапазоне от 10820 ± 90 (GrN-5253) до 9700 ± 80 (Gd-1717) л. н., что соответствует молодому дриасу — началу пребореала (Schild, 1975. Р. 258–338). Достоверная периодизация культуры по объективным причинам отсутствует.

Проблему происхождения свидерской культуры тоже нельзя считать решенной. Гипотезы польских исследователей первой половины XX в., как и более поздние советских археологов (Гурина, 1965; 1966; Римантене, 1971; Кольцов, 1977), представляют в настоящее время лишь историографический интерес. В. Тауте видел истоки свидерской культуры «в позднем палеолите востока» (Taute, 1968. Р. 281). Наиболее распространенная в настоящее время гипотеза высказана Р. Шильдом. Он выводит аренсбургскую и свидерскую культуры из бромме-лингби (Schild, 1975. Р. 333). Эту же точку зрения разделяет и Л.Л. Зализняк (1989; Зализняк, 1998; 1999;

2005). А. М. Кобушевич не только поддержал идею общего корня свидерской и аренсбургской культур — броммийской индустрии, — но и высказал мысль, что они представляют собой разные формы адаптации одного и того же населения (Kobusiewicz, 1999a–b). Этот тезис не совсем понятен, ибо возраст обеих культур примерно одинаков, природная среда была одной и той же, а охотничья стратегия их носителей была ориентирована в молодом дриасе на северного оленя, а в пребореале, по всей видимости, они стали приспосабливаться к лесному окружению. Тем не менее, между их индустриями прослеживаются существенные отличия в технологии первичного расщепления и вторичной отделки. Сложно объяснить адаптационными причинами и изобретение плоской свидерской ретуши, особенно в свете того, что аренсбургское население в совершенно аналогичных условиях ее не знало.

Судьба свидерского населения достаточно сложна. Переломным моментом в истории мог быть рубеж плейстоцена — голоцена, когда изменение природных условий привело к развитию лесной зональности. Это неизбежно должно было подтолкнуть к поиску «собственной экологической ниши». Не исключено, что этим и вызвано появление свидерских стоянок в горном Крыму, Словакии и Румынии, но привычный ареал тоже оставался обитаем, пока территории Польши и Украины в пребореале не были освоены населением коморницкой культуры. Считается, что свидерское население в голоцене стало предком для носителей нескольких мезолитических культур, объединяемых термином «постсвидерские». В этом списке числятся кундская, сухонская, парчевская, бутовская и днепро-деснинская культуры. Эпизодически к ним относят также гренскую культуру и культуру веретье. В этой связи нелишне напомнить, что никто не только не проводил их практического сравнения между собой и не доказывал их единства, но вообще никогда и никем не приводилось корректного объяснения их обозначения (Sulgostowska, 1999). В этой связи постараемся выяснить, правомерно ли такое объединение и есть ли основания для существования подобного термина?

Учитывая, что соотношение кундской и свидерской культур детально рассмотрено в серии статей автора (Сорокин, 1994; 2002; 2004а; 2004б; 2006в; 2008; Sorokin, 1999), и не имея возможности из-за объема статьи для детального сравнительного анализа всех их, обратимся к наиболее яркой из восточноевропейских культур — заднепильевской (Сорокин, 2008; Сорокин и др., 2009).

Эпоним заднепильевская культура введен лишь в 2008 г., когда был установлен факт использования М.Г. Жилиным и Л.В. Кольцовым процедуры «улучшения качества источников» и фальсификации ими материалов стоянки Бутово (Сорокин, 2008; Сорокин и др., 2009). Не вызывает сомнения, что стоянки с симметричными иволистными и черешковыми наконечниками с вентральной ретушью следует называть так, чтобы их название не ассоциировалось с фальсификацией. Среди тех комплексов, которые были признаны достоверными и надежными и составили основу этой культуры, была и стоянка Задне-Пилево 1, материалы которой детально опубликованы (Сорокин, 1990. С. 25, 58–65. Рис. 10–12). Вот почему все сходные коллекции были отнесены к заднепильевской культуре.

Исходя из принципа критики источников, наиболее выразительными памятниками заднепильевской культуры являются стоянки Суконцево 7, Петрушино, Задне-Пилево 1 и 2, Заборовье 2, Черная 1, Борисово, Красное 3, Исток 1 (верхний слой) и Соболево 5 (Сорокин, 1990) в Волго-Окском бассейне; Васильево 1 и Курово 4 в бассейне р. Съежи (Сидоров, 1996). Кроме того, аналогичные материалы получены в бассейнах р. Вычегды (Парч 1, 2; Археология Республики Коми, 1997; Волокитин, 2006), р. Сухоны (Колупаевская, Яснополянская; Ошибкина, 1983), в Посожье на стоянках Криничная (Липницкая, 1979; Кудряшов, Липницкая, 1993) и Дедня (Копытин, 1995; Колосов, 2007) и даже на территории Финляндии. Это материалы стоянок Ристола и Суяла (Takala, 2004; Kankaanpää, Rankama, 2005. Р. 109–161; Rankama, Kankaanpää, 2004; 2005. Р. 113–121). Появление новых данных со всей очевидностью расширяет некогда очерченный ареал (Сорокин, 1990) и позволяет говорить о том, что известные к настоящему

времени заднепильевские стоянки располагаются не только в задровской зоне Восточной Европы, но и далеко на Севере. Такие подвижки находят объяснение в тех глобальных палеогеографических трансформациях и изменениях растительного и животного мира, которые сопрягаются с ранним голоценом (Хотинский, 1977; Динамика ландшафтных компонентов... 2002; Эволюция экосистем... 2008).

Источниковедческий анализ (Сорокин, 1990; 2006а; 2006б; 2008) дает основание утверждать, что эталонные памятники заднепильевской культуры обладают единством в первичной и вторичной обработке, а также в типологии инвентаря. Первичная обработка основывается на отжимной технике утилизации нуклеусов параллельно-призматического снятия, предназначенных для получения пластин и микропластин. Однако широко использовались в качестве заготовок и отщепы. При расщеплении применялись костяной и/или роговой посредник. Ударные площадки тщательным образом ретушировались, редуцировались и подвергались абразивной подправке, причем последняя использовалась и для подработки ребер. По мнению Е.Ю. Гири, система первичного расщепления находит прототип в индустрии «восточного гравета».

Во вторичной обработке применялись: 1) крутая затупливающая ретушь, 2) резцовая техника, 3) приостряющая и уплощающая ретушь, 4) двусторонняя оббивка и 5) шлифовка. Эпизодически встречаются двустороннее краевое ретуширование и псевдомикрорезцовая техника.

Стандартный типологический набор заднепильевской культуры включает: скребки концевые, двойные, подокруглые и боковые; резцы на сломе заготовки; ножи с приостряющей краевой ретушью; вкладыши из фрагментированных пластин; косые острия; сверла с невыделенными рабочими концами; скобели с мелкими дугообразными узкими или широкими выемками; наконечники стрел иволистной и черешковой форм; микролиты с затупленным ретушью краем; изделия с поперечно срезанным ретушью концом и комбинированные орудия (резцы-скребки, резцы-ножи, скребки-ножи). Эти 18 типов яв-

ляются массовыми. Ретушные и двугранные резцы, симметричные острия, плечиковые сверла, трапеции, рубящие орудия, скробачи и предметы со шлифовкой встречаются на большинстве стоянок, но число их ограничено. Прочие орудия встречаются sporadически, они единичны и не влияют на облик культуры (Сорокин, 1990). Данный набор характерен не только для Волго-Окского бассейна, но и тех стоянок, которые обнаружены на Вычегде и Сухоне, а также в Белоруссии и Финляндии. При сравнении этого списка со свидерским набором видно его большее разнообразие, присутствие развитой вкладышевой индустрии, а также существенная разница в технике первичного расщепления и вторичной отделки. Более того, и по накопникам, при их сопоставлении друг с другом, видны существенные различия как на технологическом, так и на морфологическом уровнях. Достаточно указать на иной характер заготовки и вторичной отделки, которой подвергались насады и перья. Таким образом, даже этого беглого обзора свидерской и заднепильевской культур достаточно для утверждения об их практическом несходстве.

Судя по радиоуглеродным данным, классические памятники заднепильевской культуры существовали в диапазоне от 9800/9500 до 7500 л. н., т. е. от пребореала до начала атлантикума включительно. В 1990–2000-х гг., главным образом по памятникам, раскопанным М.Г. Жилиным (Кольцов, Жилин, 1999; Жилин, 1998; 2000; 2001; 2004а; 2004б; 2006; Zhilin, 1996; 2005), получены радиоуглеродные даты и палинологические определения, удлиняющие ее хронологию. В частности, для нижнего слоя Станового 4 получена дата 10000 л. н., сближающая, в случае ее достоверности, заднепильевскую и свидерскую культуры. В результате становится совершенно очевидным, что на фоне технологических и типологических различий между ними не остается никакого времени на трансформацию одного в другое. А это по существу равносильно отсутствию между ними перехода и наследования традиций.

Между тем «постсвидерская» концепция по-прежнему имеет на «постсоветском пространстве» значительное число сторонников (Кольцов, 1998; 2000 а; 2000б; Зализняк, 2004;

2005; Жилин, 2000; 2001; 2004; 2006). Например, Л.Л. Зализняк утверждает: «Судя по дате пребореальной стоянки Пулли в Эстонии... с выразительным постсвидерским кремневым инвентарем, трансформация Свидера в Постсвидер произошла достаточно быстро — к середине Пребореала в Восточной Балтии. Самым ранним вариантом Постсвидера являются пребореальные памятники типа Пулли Литвы, Латвии и Эстонии» (Зализняк, 2005. С. 55). Аналогичные высказывания есть у М.Г. Жилина, Л.В. Кольцова (Кольцов, 1998; 2000а; 2000б; 2002; Жилин, 2000; 2001; 2004) и др. Практика, однако, убедительно свидетельствует об ином: между «челновидными» и призматическими двухплощадочными ядрищами, а тем более коническими, имеется технологический разрыв, причем эта лакуна так ничем и не была заполнена. Особо следует подчеркнуть тот факт, что даже в Посожье, где кремневая галька чрезвычайно мала для специфической свидерской индустрии, «челновидные» ядрища сохраняются и никакого массового перехода к призматической форме желваков не наблюдается. Не происходит и изобретения вкладышевой технологии, влекущей автоматическое производство стандартизированных микролитов с затупленным краем и их производных (треугольников, прямоугольников). Ни в одной из «чистых» коллекций свидерской культуры Посожья этих неизбежных маркеров вкладышевой технологии, несмотря на все предпринимаемые усилия полевых исследователей, как не было, так и нет. В этой связи распространенное мнение о быстром прогрессе в технологии первичного расщепления и открытии отжимной технологии и вкладышевого вооружения свидерским населением уже в начале пребореала (Кольцов, 1977; 1998; 2002; Зализняк, 1989; Зализняк, 1999; 2005; Жилин, 2000; 2001; 2004) голословно, оно совершенно лишено основания и представляется атавизмом, не выдерживающим никакой критики. Ни отжим, ни вкладышевая индустрия, ни полный орудийный набор не имеют прототипов в свидерском «арсенале», значит, не могли подвергаться ни быстрой, ни медленной трансформации. Ибо трансформировать и развивать было нечего (Сорокин, 2001; 2006а; 2006б).

Значительное приращение материалов, произошедшее с начала 1980-х гг., и появление серий естественнонаучных дат, а также возможность перекрестного сопоставления массовых комплексов, обнажили глубокую пропасть и показали невыводимость «постсвидера» из свидерской индустрии. Это касается и технологии первичного расщепления, и всего типологического набора. В самом деле, «челновидное» ядрище, которое служит своеобразной визитной карточкой свидерской культуры, раскалывалось прямым ударом отбойника по желваку, зажатому в другой руке. Таким образом, присутствие поперечной подтески контрфронта вызвано элементарным требованием техники безопасности. Была и другая причина. Успех расщепления «челновидных» монофронтальных ядрищ зависел не столько от специальной подправки ударных площадок, сколько от величины рабочего угла, — это определяло их значительный скос по отношению к рабочей поверхности. В результате острый угол тыльной поверхности неизбежно требовал своего удаления, что и достигалось его подтеской. Скалывание производилось последовательно, то с одной, то с другой площадки, при этом из-за зауженной рабочей поверхности вращение желвака производилось исключительно в вертикальной проекции — вдоль длинной оси. Искривление рабочего фронта происходило довольно быстро, и расщепление становилось невозможным. В результате крупное остаточное ядрище просто выбрасывалось. Такая технология, как совершенно правильно отмечают все исследователи, была чрезвычайно затратной и предполагала значительный расход сырья. Совершенно иную картину дает параллельно-призматическая индустрия. Если «челновидный» нуклеус в вертикальной плоскости поворачивали на 180°, то конические и призматические ядрища, характерные для «постсвидера», вращали в горизонтальной плоскости на 360°. При этом первый всегда развернут фронтом к мастеру, а второй — от него. Особенности процесса их расщепления находят несомненное проявление и в разнице присущих для каждого из них технологических сколов. Гипотетически был возможен зажим «челновидных» нуклеусов ногами или щемилкой и высвобождение

другой руки для удержания посредника. При этом плоский контрфронт был бы удобен и для отжима, если бы нуклеус размещался на подставке с упором. Однако оба этих технологических приема до сих пор не отмечены в свидерской культуре, и потенциальная возможность так и не была реализована.

Расщепление одноплощадочных призматических и конических ядрищ основывается на иных принципах. Их вращение осуществляется в горизонтальной плоскости, фронт скалывания круговой, часто замкнутый. Угол между площадкой и рабочей поверхностью приближается к прямому. Из-за этого даже при расщеплении без посредника площадки ретушировались, кромки затупливались, карнизы удалялись. Достаточно обычным было и специальное выделение точек удара, которое, помимо ретуширования, достигалось редуцированием и абразивной подработкой.

Крепление желвака в руке использовалось, однако чаще он зажимался коленями или щемилками, отчего обе руки были свободны. В одну из них брали отбойник, другая была необходима для вращения нуклеуса или удержания посредника. Для фиксации нуклеусов и оживления фронта использовались поперечные снятия в виде ребристых сколов. Одновременно, как отмечалось, гораздо больше внимания уделялось фасетированию и другой специальной подработке ударных площадок. Утилизация была полнее, и требования к качеству сырья могли быть ниже. Не влияло на процесс расщепления и наличие двух или большего числа площадок, т. к. каждое из них минимизировало кривизну снимаемых сколов и способствовало получению максимального числа снятий. А главное — использование технологии отжима, который физически не может плавно вытекать из свидерского «прямого расщепления». Трансформация свидерских «челноков» в призматические и конические нуклеусы не запрограммирована в технологической цепочке. Это определяет наличие непроходимой границы между свидерской и всеми так называемыми постсвидерскими индустриями. Неубедительно звучат и упоминания о примеси единичных призматических нуклеусов в некоторых поздних свидерских материалах, встречающиеся у приверженцев свидерских

корней «постсвидера» (Залізняк, 1999; 2005; Кольцов, 1998; Жилин, 2000), ибо никто из них даже не пытался посмотреть на них с этой, наиболее простой точки зрения. Весьма вероятно, что свидерская технология вообще оказалась тупиковой. На это указывает тот факт, что «челновидные» ядрища не зафиксированы ни в одной из культур, относимых к «постсвидерским», что само по себе странно при допущении реальности такой последовательности. Все это однозначно указывает на отсутствие между ними преемственности.

Немаловажно и еще одно обстоятельство. Орудийный состав любой из культур, имеющих симметричные черешковые наконечники с вентральной ретушью, сложнее стандартного набора стоянок свидерской культуры, как по количеству типов, так и по разнообразию вариантов внутри них. За редчайшим исключением это касается практически всего «модельного» ряда, включая основные типы, — резцы, скребки, перфораторы, сверла, рубящие орудия и т. д. Не говоря уже о технологии стандартизированных вкладышей, которой в свидерской культуре вообще никогда не существовало. Более того, несмотря на все усилия, даже наличие оправ в ней достоверно пока не доказано. Напротив, любая из так называемых наследниц обладает весьма выразительным набором стандартизированного микролитического вооружения. Следовательно, идея радикальной смены технологии расщепления с полной утратой «челновидного» нуклеуса не имеет под собой фактического основания за полным отсутствием доказательной базы. Она никак не объясняет кардинальных типологических различий, наблюдаемых в свидерском наборе и составе изделий любой из культур симметричных черешковых наконечников с вентральной ретушью. Тем более что и сами наконечники обеих культур, при всей их похожести, совсем не тождественны друг другу.

Наконец, стоит вспомнить и такую характерную для восточной части ареала свидерской культуры форму, как топор с перехватом. При многообразии топоров и тесел, которое характерно для любой из культур-«наследниц», топоров с перехватом ни в одной из них нет. Это тоже весьма странно при их гипотетическом родстве, а значит, ги-

потеза «постсвидерских культур» неверна по сути.

Если что-то и связывает свидерскую культуру и «постсвидер», — это исключительно наличие плоской вентральной ретуши на наконечниках. Однако никаких убедительных доказательств ее заимствования из этого единственного источника никем по-прежнему не приведено. Напротив, этот прием распространен весьма широко, причем в культурах предшествующего финалу палеолита времени, прежде всего, в среде «восточного граветта». Помимо верхнепалеолитической стоянки Авдеево наконечник с плоской ретушью на брюшке представлен в таких памятниках, как Костёнки 1, Хотылево 2, Гагарино и некоторых других (Ефименко, 1953; 1958; Заверняев, 1974; 1991; Тарасов, 1965; 1979; Палеолит Костенковско-Боршевского района... 1982; Палеолит СССР, 1984; Амирханов, 1998; Гвоздовер, 1998). В литературе даже не исключается, что генезис самой свидерской культуры мог быть связан с одной из перечисленных индустрий. Например, В. Тауте совершенно определенно высказывался на этот счет (Taute, 1968. Р. 281). Поэтому нельзя исключить того, что материалы, объединяемые термином «восточный граветт», могут иметь непосредственное отношение к генезису «постсвидера». Во всяком случае, линия развития от Хотылево 2 и Гагарино к рессетинской, кундской и заднепильевской культурам представляется вполне осязаемой (Sorokin, 1999; Сорокин, 2004а; 2004б; 2006а; 2006б; 2008). Более того, в индустрии Авдеево можно найти и прототипы мезолитических иволистных наконечников, как, впрочем, и стандартизированных вкладышей, не говоря уже о скребках, резцах, скобелях и прочих предметах. Значит, на повестку выходит актуальная задача отыскать между ними промежуточные звенья или показать противоположное — отсутствие родства и их независимость.

Следует отметить и тот факт, что классические «постсвидерские» наконечники есть в неолитических стоянках Аравийского и Анатолийского полуостровов, синхронных по времени ранним кундским и заднепильевским памятникам (Амирханов, 1997; 2006; Neolithic in Turkey, 1997). Но вряд ли можно всерьез го-

ворить о какой-либо связи населения Аравийского полуострова и европейских зандровых равнин друг с другом или каком-либо обмене между ними. Никак не объяснить развитием свидерских традиций и присутствие выразительных «постсвидерских» наконечников на северо-востоке Азиатского материка (Слободин, 1999). Очевидно, что выводить все исключительно из свидерской культуры при полном несходстве первичного расщепления, вторичной обработки и типологического набора, по меньшей мере, нерационально. Например, сопоставление такой традиционно «постсвидерской» культуры, как кундская, со свидерской, выполненное польской исследовательницей С. Сульгостовской, ставит под сомнение наличие между ними существенной связи. И единственный признак, который может расцениваться в качестве свидерского наследия, — это плоская ретушь на наконечниках (Sulgostovska, 1999. Р. 91), однако автор тут же справедливо замечает, что плоская ретушь не является атрибутом свидерской культуры, поэтому не может претендовать на исключительную роль. Аналогичные мысли неоднократно высказывались и другими исследователями (Филатова, 1991; 2002; 2004; Желтова, 2000; Археология Республики Коми, 1997; Волокитин, 2006). Таким образом, вероятность генетической связи «постсвидера» со свидерской культурой ничтожна и держится на единственном приеме вторичной обработки. Достаточно ли этого для обоснования их родства? Думается, что нет.

Анализ показывает, что для так называемых постсвидерских культур характерна отжимная технология, неизвестная в свидерской культуре; их типологический состав существенно сложнее и значительно разнообразнее свидерского набора и никак к нему не сводим; для всех них характерны вкладышевые изделия, полностью отсутствующие в свидерской культуре. В то же время, и отжимная индустрия, и вкладышевая технология, и развитой типологический состав характерны для граветтской индустрии, где и следует, вероятно, искать истоки «постсвидера». Здесь и технология, и типология показывают плавную эволюцию от верхнепалеолитических комплексов к финальнопалеолитическим

и мезолитическим. Судя по всему, генезис заднепилевской индустрии, как и других, имеющих в своем наборе симметричные наконечники с вентральной ретушью, связан с граветтскими традициями (Сорокин, 1989; 2006а; 2006б; 2008; Sorokin, 1999).

Эволюционная гипотеза (Сорокин, 1989; 1990; 2004а; 2004б; 2006; Sorokin, 1999), в отличие от «контактной» (Кольцов, 1979; Кольцов, Жилин, 1999; Жилин, 2000), позволяет не просто говорить о наличии генетической связи между граветтской рессетинской, пуллийской и заднепилевской индустриями, но и непротиворечиво объясняет механизм передачи и усвоения навыков в единой генетической среде. «Контактная» модель, предложенная Л.В. Кольцовым (1979) и поддержанная его последователями (Жилин, 2000; 2001; Зализняк, 1989; 1991; Зализняк, 1999; 2004; 2005), не только не приводит к образованию новых археологических культур, но и служит примером вывода, построенного на самом ненадежном в источниковедческом отношении материале — подъемном. Не вызывает сомнения, что единственный общий признак, объединяющий «постсвидерские» культуры со свидерской, — это плоская вентральная ретушь на наконечниках, появление которой чаще всего и объясняют развитием традиций и заимствованием. Однако корректного доказательства происхождения «постсвидерских» наконечников от свидерских так до сих пор и не предложено, хотя сама идея была высказана в незапамятные времена и с тех пор неоднократно дискутировалась. В этой связи нелишне вспомнить, что еще А.А. Формозов в одной из своих работ первой половины 1950-х гг. указывал на его формальность. Он писал: «Как известно, со свидерской культурой принято связывать мезолитические стоянки бассейна Оки и Верхней Волги... Сходство материалов этих стоянок с собственно свидерским значительно, но далеко не полно. Более всего напоминают наконечники стрел на пластинах. Однако такие наконечники распространяются далеко за пределами свидерской культуры и присущи не только ей» (Формозов, 1954. С. 44). Эти слова, впервые прозвучавшие более полувека назад, блестяще подтверждаются в настоящее время.

Действительно, за последние 15–20 лет стало очевидным, что видеть в свидерской культуре единственный источник широко распространенного в Восточной Европе приема плоского ретуширования — это глубокое заблуждение. Никаких оснований для отождествления приема вентрального ретуширования исключительно с ней в настоящее время нет. «Постсвидерская гипотеза» стала, по существу, той ширмой, за которой потерялась реальная исследовательская работа. Совершенно очевидно, что ни хронологически, ни территориально, ни типологически, ни, тем более, технологически плоское вентральное ретуширование не может быть связано исключительно со свидерскими источниками. Абсолютно все так называемые постсвидерские индустрии основываются на иных принципах расщепления, типологический состав их изделий существенно разнообразнее и вкладышевое вооружение в них не имеет там своих прототипов. А сближение возраста радиоуглеродных образцов, которое четко наметилось в последнее десятилетие, также не оставляет времени для возможности трансформации свидерской технологии в мезолитические. Напротив, истоки всех мезолитических технологий и новаций можно проследить в верхнепалеолитических индустриях

Русской равнины, если конкретнее — то в граветтских памятниках.

Таким образом, сама идея «постсвидерских» культур показала свою несостоятельность, но это автоматически означает, что от данного термина следует отказаться. Ни технологически, ни типологически перехода между ними нет. «Постсвидер» — это очередной миф, который пора считать достоянием историографии. Популярная в 1970–1990-е гг. идея «постсвидерских» культур оказалась на поверку бессодержательной. Никаких весомых аргументов в свою поддержку за последние четверть века она так и не получила. Все, кто на практике работают с коллекциями, сходятся во мнении, что не объясненный никем термин «постсвидер» лишь скрывает суть проблемы. В силу всего вышесказанного нет никаких оснований считать свидерскую индустрию единственным источником восточноевропейских культур черешковых наконечников с плоской вентральной ретушью. Более того, необходимо доказать реальное участие свидерского населения в данном процессе. Таким образом, слова А.А. Формозова о специфике волгоокских коллекций по сравнению со свидерскими находят свое красноречивое подтверждение в современных материалах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирханов Х.А., 1997. Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры. М.

Амирханов Х.А., 2006. Каменный век Южной Аравии. М.

Археология Республики Коми. М., 1997.

Воеводский М.В., 1934. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита на территории Восточной Европы // Тр. 2 Междунар. конф. АИЧПЕ. М. Вып. 5.

Воеводский М.В., 1940. К вопросу о развитии эпипалеолита в Восточной Европе // СА. Вып. V.

Воеводский М.В., 1950. Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИИМК. Вып. XXXI.

Воеводский М.В., Борисковский П.И., 1937. Стоянка Елин Бор // СА. Вып. III.

Воеводский М.В., Формозов А.А., 1950. Стоянка Песочный Ров на реке Десне // КСИИМК. Вып. XXXV.

Волокитин А.В., 2006. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар.

Гвоздовер М.Д., 1998. Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // Восточный граветт / Отв. ред. Х.А. Амирханов. М.

Гурина Н.Н., 1965. Новые данные о каменном веке Северо-Западной Белоруссии // МИА. Вып. 131.

Гурина Н.Н., 1966. Предисловие; К вопросу о позднепалеолитических и мезолитических памятниках Польши и возможности сопоставления с ними памят-

ников Северо-Западной Белоруссии // МИА. Вып. 126.

Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130000 лет // Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии. Поздний плейстоцен — голоцен: элементы прогноза / Под ред. проф. А.А. Величко. М., 2002. Вып. 2. Общая палеогеография.

Ефименко П.П., 1953. Первобытное общество. М.

Ефименко П.П., 1958. Костёнки 1. М., Л.

Желтова М.Н., 2000. Некоторые технико-морфологические особенности свидерской индустрии // ТАС. Вып. 4. Т. 1.

Жилин М.Г., 1998. Адаптация мезолитических культур Верхнего Поволжья к каменному сырью // ТАС. Вып. 3.

Жилин М.Г., 2000. О связях населения Прибалтики и Верхнего Поволжья в раннем мезолите // ТАС. Вып. 4. Т. 1.

Жилин М.Г., 2001. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.

Жилин М.Г., 2004а. Мезолит Волго-Окского междуречья: Некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины / Под ред. Х.А. Амирханова. М.

Жилин М.Г., 2004б. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.

Жилин М.Г., 2006. Мезолитические торфяниковые памятники Тверского Поволжья: культурное своеобразие и адаптация населения. М.

Заверняев Ф.М., 1974. Новая верхнепалеолитическая стоянка на р. Десне // СА. № 4.

Заверняев Ф.М., 1991. Кремневый инвентарь Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // СА. № 4.

Зализняк Л.Л., 1989. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев.

Зализняк Л.Л., 1998. Передісторія України Х–V тис. до н. е. Київ.

Зализняк Л.Л., 1999. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи. Київ.

Зализняк Л.Л., 2005. Фінальний палеоліт та мезоліт континентальної України // Кам'яна доба України. Вип. 8. Київ.

Колосов А.В., 2007. Памятники бутовской культуры на территории Белорусского Посожья // Романовские чтения — 3: Сб. тр. Междунар. науч. конф. / Под ред. И.А. Марзалюка. Могилев.

Кольцов Л.В., 1965. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья // СА. № 4.

Кольцов Л.В., 1976. Культурные различия в раннем мезолите Волго-Окского бассейна // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.

Кольцов Л.В., 1977. Финальный палеолит и мезолит Южной и Юго-Восточной Прибалтики. М.

Кольцов Л.В., 1979. О характере сложения раннемезолитических культур Северной Европы // СА. № 4.

Кольцов Л.В., 1989. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. М. (Археология СССР)

Кольцов Л.В., 1998. О характере взаимоотношений соседних культур в мезолите Северной Европы // ТАС. Вып. 3.

Кольцов Л.В., 2000а. Варианты развития культурных общностей мезолита Северной Европы // ТАС. Вып. 4. Т. 1.

Кольцов Л.В., 2000б. О формах конца существования мезолитических культур Северной Европы // Там же.

Кольцов Л.В., 2002. Формирование мезолитических культур Северной Европы // ТАС. Вып. 5.

Кольцов Л.В., Жилин М.Г., 1999. Мезолит Волго-Окского междуречья: Памятники бутовской культуры. М.

Копытин В.Ф., 1995. Дедня — новый памятник мезолита в бассейне реки Проня // Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроўя: Тэз. дакл. рэг. навук. канф. Магілеў. Ч. 1.

Крайнов Д.А., Кольцов Л.В., 1979. Проблемы первобытной археологии Волго-Окского междуречья (по результатам работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР) // Советская археология в X пятилетке: Тез. пленарн. докл. Всесоюз. конф. Л.

Крайнов Д.А., Кольцов Л.В., 1983. 25 лет (1959–1983) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии наук СССР // СА. № 4.

Кудряшов В.Е., Липницкая О.Л., 1993. К вопросу о кудлаевской культуре эпохи ме-

золита на Могилевщине // Дняпроускі край: Паведамленні абл. краязнауч. канф. Магілеу.

Липницкая О.А., 1979. Мезолитическая стоянка Криничная // КСИА. Вып. 157.

Ошибкина С.В., 1983. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.

Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет: Атлас-монография / Под ред. проф. А.А. Величко. М., 1982.

Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону: Некоторые итоги полевых исследований 1879–1979 гг. Л., 1982.

Палеолит СССР. М., 1984. (Археология СССР)

Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии. Поздний плейстоцен-голоцен: элементы прогноза / Под ред. А.А. Величко. М., 1993. Вып. 1: Региональная палеогеография.

Римантене Р.К., 1971. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс.

Сидоров В.В., 1996. Мезолит бассейна р. Съежи // ТАС. Вып. 2.

Слободин С.Б., 1999. Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан.

Сорокин А.Н., 1986. Мезолит бассейнов Десны и Оки: по материалам работ Деснинской экспедиции // КСИА. Вып. 188.

Сорокин А.Н., 1989. Ресетинская культура // Мезолит СССР. М. (Археология СССР)

Сорокин А.Н., 1990. Бутовская мезолитическая культура (по материалам Деснинской экспедиции). М.

Сорокин А.Н., 1994. Еще раз о происхождении кундской культуры // Междунар. конф., посвящ. 100-летию В.И. Равдоникаса: Тез. докл. СПб.

Сорокин А.Н., 2001. [Рец. на кн.:] Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М., 1999 // РА. № 3.

Сорокин А.Н., 2002. Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М.

Сорокин А.Н., 2004а. Диалог о генезисе культуры кунда // РА. № 3.

Сорокин А.Н., 2004б. Актуальный диалог о генезисе культуры кунда // Исторические исследования: Сб. науч. тр. Самара. Вып. 5.

Сорокин А.Н., 2006а. Проблемы мезолитоведения. М.

Сорокин А.Н., 2006б. Мезолит Оки: Проблема культурных различий. М. // Тр. Отдела охранных раскопок. Вып. 5.

Сорокин А.Н., 2006в. Диалог о генезисе кундской культуры // ТАС. Вып. 6.

Сорокин А.Н., 2008. Мезолитоведение Польша. М.

Сорокин А.Н., Ошибкина С.В., Трусов А.В., 2009. На переломе эпох. М.

Тарасов Л.М., 1965. Палеолитическая стоянка Гагарино (по раскопкам 1962 г.) // МИА. Вып. 131.

Тарасов Л.М., 1979. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л.

Тарасов Л.М., 1997. Стоянка Гагарино в свете новых исследований // Развитие культуры в каменном веке. СПб.

Третьяков П.Н., 1939. Древнейшее прошлое Верхнего Поволжья. Ярославль.

Третьяков П.Н., 1940а. К вопросу об эппалеолитических памятниках Верхнего Поволжья // СА. Вып. V.

Третьяков П.Н., 1940б. Новые данные по эппалеолиту Верхнего Поволжья // БКИЧП. № 6–7.

Третьяков П.Н., 1950. Эппалеолитические поселения Скнятинских дюн // МИА. Вып. 13.

Третьяков П.Н., 1963. Позднемезолитические местонахождения Костромского и Ярославского Поволжья // МИА. Вып. 110.

Филатова В.Ф., 1991. Хронология и периодизация мезолита Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск.

Филатова В.Ф., 2002. Оленеостровский могильник в системе мезолитических поселений Карелии // Кижский вестник. Петрозаводск. Вып. 7.

Филатова В.Ф., 2004. Мезолит бассейна Онежского озера. Петрозаводск.

Формозов А.А., 1954. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР // СА. Вып. XXI.

Формозов А.А., 1959. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.

Формозов А.А., 1961. Открытие свидерской стоянки в Румынии и проблема южных связей и даты свидерской культуры // СА. № 2.

Формозов А.А., 1977а. О критике источников в археологии // СА. № 1.

Формозов А.А., 1977б. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М.

Хотинский Н.А., 1977. Голоцен Северной Евразии. М.

Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24–8 тыс. л. н.). / Отв. ред. А.К. Маркова, Т. ван Кольфсхотен. М., 2008.

Clark J.G.D., 1936. The Mesolithic Settlement of Northern Europe. Cambridge.

Kankaanpää J., Rankama T., 2005. Early Mesolithic Pioneers in Northern Finnish Lapland // H. Knutsson (ed.) Pioneer settlements and colonization processes in the Barents region. Vuollerim. (Vuollerim Papers on Hunter-Gatherer Archaeology. Vol. 1.)

Kobusiewicz M., 1999a. Tanged Points Cultures of Greater Poland: 25 Years from the First Approach // Tanged Points Cultures in Europe: Lubelskie materiary archeologiczne. Lublin. T. XIII.

Kobusiewicz M., 1999b. Ahrensburgian and Swiderian: Two Different Modes of Adaptation? // Recent Studies in the Final Palaeolithic of the European Plain. Stockholm.

Kobusiewicz M., 1999c. Ludy łowieckozbierackie północno-zachodniej Polski. Poznań.

Neolithic in Turkey. The Cradle of Civilization. New Discoveries / Ed. by M. Ozdoğan, N. Başgelen. Istanbul, 1997.

Rankama T., Kankaanpää J., 2004. First Preboreal inland site in north Scandinavia discovered in Finnish Lapland // Antiquity. Vol. 78. # 301.

Rankama T., Kankaanpää J., 2005. History and prehistory of Lake Vetsijärvi // A.E.K. Ojala (ed.). Quaternary studies in the northern and Arctic regions of Finland. Geological Survey of Finland, Special Paper. # 40.

Schild R., 1964. Paleolit schyłkowy i końcowy // Materiały do prehistorii ziem polskich. Warszawa.

Schild R., 1967. Wieloprzemysłowe stanowisko Rydno IV/57 (Grzybowa Góra), pow. Starachowice // Materiały do prehistorii

plejstocenu i wczesnego holocenu Polski. Warszawa.

Schild R., 1975. Późny paleolit // Prahistoria Ziemi Polskiej. Paleolit i Mezolit / Ed. by W. Chmielewski, W. Hensl. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk. T. I.

Schild R., 1984. Terminal Palaeolithic of the North European Plain: A Review of Lost Chances, Potential and Hopes // Advances in World Archaeology. Vol. 3.

Sorokin A.N., 1999. On the problem of influence of Volga-Oka Mesolithic to the origin of Kunda culture // L'Europe des derniers chasseurs: Epipaleolithique et Mesolithique: Actes du 5-e Colloque International UISPP, Commission XII (Grenoble, 18–23 Septembre 1995) / Ed. par A. Trevenin, sous la direction scientifique de P. Bints. Paris.

Sulgostowska Z., 1989. Prahistoria międzyzrzecz Wisły, Niemna i Dniestru u schyłku plejstocenu. Warszawa.

Sulgostowska S., 1999. Final Palaeolithic Masovian Cycle and Mesolithic Kunda culture Relations // Tanged Points Cultures in Europe / Eds. Kozłowski S. et al. Lublin.

Sulgostowska Z., 2000. The Achievements and Topics Worth Discussing on the Palaeolithic and the Mesolithic of the South-Eastern Subbalticum // Lietuvos archeologija. Vilnius. T. 19.

Takala H., 2004. The Ristola Site in Lahti and the Earliest Postglacial Settlement of South Finland. Lahti.

Taute W., 1968. Die Stielspitzen-Gruppen im nördlichen Mitteleuropa: Ein Beitrag zur Kenntnis der späten Altsteinzeit // Fundamenta. Reihe A. Bd. 5. Köln; Graz.

Zhilin M.G., 1996. The Western Part of Russia in the Late Palaeolithic — Early Mesolithic // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. Stockholm. (Acta Archaeologica Ludensia. # 24.)

Zhilin M.G., 2005. The terminal Palaeolithic — early Mesolithic of the Upper Volga and colonization of the north-west of Eastern Europe // Pioneer Settlements and Colonization Processes in the Barents Regions / Ed. H. Knutsson. Vuollerim Papers on Hunter-Gatherer Archaeology. Vol. 1. Vuollerim.

А.В. Колосов

Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова

КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ В МЕЗОЛИТЕ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Верхнее Поднепровье географически охватывает восточные районы Витебской, Могилевскую и Гомельскую области Республики Беларусь и западные районы Смоленской области Российской Федерации. Эта территория характеризуется разветвленной системой притоков верховьев Днепра, среди которых наиболее крупные реки Сож, Беседь, Березина, Друть, Ипуть, Остер. История изучения мезолита Верхнего Поднепровья своими корнями уходит в конец XIX — начало XX в. (Беляшевский, 1889. С. 443–444; Данилевич, 1895. С. 12–19; Романов, 1908. С. 65–110; 1910. С. 97–128; 1912. С. 33–63). Она ознаменовалась открытием серии мезолитических стоянок в междуречье Днепра и Сожа, заложившим основы отечественного мезолитоведения. Существенный вклад в развитие представлений о среднем каменном веке Верхнего Поднепровья внесли Н.Ф. Беляшевский, В.Е. Данилевич, Е.Р. Романов, А.Н. Лоначевский, К.М. Поликарпович, А.Н. Лявданский, А.Д. Коваленя, С.С. Шутов, С.А. Дубинский, В.Д. Будько, В.Ф. Исаенко, И.М. Тихоненков, В.Ф. Копытин, Е.Г. Калечиц, В.П. Ксензов и О.Л. Липницкая.

В процессе многолетних работ была создана прочная база источников, в интерпретации которых, начиная с 1970-х гг., произошел существенный сдвиг. Широкомасштабные раскопки мезолитических па-

мятников в 1970–1990-е гг. позволили отечественным исследователям поставить вопрос о культурном своеобразии мезолита Восточной Беларуси (Калечиц, 1987; 2003; Копытин, 1992; 1999; Ксензов, 1988; 2006). Однако в процессе обобщения материалов в конце 1980 — начале 1990-х гг. обнаружился ряд проблем, касающихся прежде всего генезиса и хронологии мезолитических памятников, поиска возможных путей освоения бассейна Днепра и его притоков на рубеже плейстоцена — голоцена, решения вопросов культурных контактов древнего населения.

До недавнего времени эпоха мезолита Верхнего Поднепровья рассматривалась в контексте материалов двух-трех археологических культур. В мезолитоведении этого региона сложились две наиболее устойчивые схемы интерпретации источников, которые на протяжении 1980–1990-х гг. давали возможность исследователям решать актуальные проблемы происхождения и развития культур каменного века в Восточной Беларуси. По мнению В.Ф. Копытина и Е.Г. Калечиц, в финальном палеолите и раннем мезолите (этот этап датировался 10–8 тыс. л. н.) на территории Верхнего Поднепровья обитало население двух культурных групп — гренской и свидерской (Калечиц, 2003. С. 54–72; Копытин, 1992. С. 27–47). К числу гренских раннемезолитических памятников относились

стоянки Гренск, Дальнее Лядо, Лудчицы, Могилевская (Копытин, 1992. С. 32–47). Сви́дерским памятником раннего мезолита считалась стоянка Баркалабово (Там же. С. 30–31). На позднемезолитическом этапе (8–6 тыс. л. н.) в результате слияния гренских и сви́дерских традиций кремнеобработки формируется своеобразная локальная культура, получившая у В.Ф. Копытина название «сожская» (Там же. С. 48–58). Специфика сожских древностей доказывалась материалами стоянок Береговая Слобода, Глыбовка (Бабулин Бугор), Горки, Журавель, Клины, Нераж, Новые Громыки (Аврамов Бугор), Новый Быхов (Калечиц, 1987. С. 16–30; 2003. С. 58–72; Копытин, 1992. С. 48–58).

Определенную позицию в отношении интерпретации источников по мезолиту Верхнего Поднепровья занял В.П. Ксензов (1988; 1997. С. 5–20; 2006). Культурное своеобразие эпохи подчеркивалось материалами выделенной им днепро-деснинской культуры (Ксензов, 1988. С. 61–86; 1997. С. 15–20; 2006. С. 40–59). Ее генезис, как считал исследователь, был результатом контактов населения двух финальнопалеолитических культур — лингбийской и сви́дерской. В своем развитии днепро-деснинская культура прошла два этапа: раннемезолитический (10–8 тыс. л. н.) и позднемезолитический (8–7 тыс. л. н.). Хронологическим репером для такой периодизации послужило широкое распространение в поздних днепро-деснинских комплексах разнообразных ланцетовидных изделий и геометрических микролитов (трапеций) (Ксензов, 1997. С. 15–20; 2006. С. 53–56). Мезолитом В.П. Ксензов датировал памятники гренской культуры и отдельные местонахождения кудлаевской (Криничная, Речица II) и яниславицкой (Городок IV, Красновка IБ, Старая Лутава) культур (Ксензов, 1988; 2006).

Таким образом, в рассуждениях исследователей наблюдалась попытка обоснования культурной специфики мезолита Верхнего Поднепровья, которая выражалась в идее аккумуляции традиций ряда финальнопалеолитических и мезолитических культур. При этом для характеристики выделенных локальных культур использовались коллекции одних и тех же памятников, что вызывало некоторые недоразумения: перед нами

два или одно культурное явление, которое фигурирует под разными названиями? Неясным оставалось также и то, данные какой из этих культур — сожской или днепродеснинской — могли объективно отражать процесс адаптации мезолитического населения на территории Верхнего Поднепровья в начале голоцена?

Одной из главных причин сложившейся ситуации являлось (и является до сих пор) отсутствие памятников, обеспеченных данными естественных наук. Культурный слой большинства мезолитических стоянок Верхнего Поднепровья залегает в песчаных отложениях, не имеет выраженной окраски и плохо сохраняет вещества органического происхождения. Понятие «культурный слой» в данном случае является весьма условным и определяется по уровню вертикального распространения находок в подзолистом и иллювиальном литологических горизонтах.

Следовательно, основными источниками по мезолиту Верхнего Поднепровья по-прежнему остаются коллекции кремневого инвентаря, большая часть которых получена путем поверхностных сборов и имеет в своем составе разновременные находки. Составляющей базой их анализа являлись методы сравнительной типологии, а начиная с 1970-х гг., с увеличением количества источников, появилась необходимость в использовании методов статистической обработки и математического моделирования с помощью ЭВМ (Копытин, Морозов, 1995. С. 25–33). Для территории Восточной Беларуси статистический анализ массового материала успешно применялся В.Ф. Копытиным (Копытин, Морозов, 1995. С. 25–33). Теперь становится понятным, что присутствие нестратифицированных памятников на территории Верхнего Поднепровья осложняет культурно-хронологическую интерпретацию, основанную только на статистическом обобщении всех материалов в пределах одного или нескольких раскопов. Стратегия источниковедческого изучения должна быть направлена на доказательство или отрицание факта пригодности материалов, обеспечение высокого методического уровня их исследования, с учетом всех данных о памятнике, об условиях получения материалов и их сохранности.

Впервые о необходимости критического отношения к источникам по мезолиту Верхнего Поднепровья заговорил А.А. Формозов (1977. С. 5–14), обосновавший свои выводы материалами Гренской стоянки в бассейне р. Сож. Создание широкой источниковедческой базы в 1970–1980-е гг. и усложнение представлений о развитии мезолитических культур Восточной Европы, основанных на использовании более совершенных методов исследования памятников, позволили обратиться к вопросу о состоянии накопленных материалов и определить возможность их использования для решения культурно-хронологических проблем мезолита конкретной территории. В конце 1980-х — 1990-е гг. в литературе появилось мнение о возможной смешанности и статистической непригодности коллекций отдельных мезолитических памятников Восточной Беларуси (Калечиц, 1987. С. 118; Кравцов, Сорокин, 1991; Копытин, 1992. С. 47; Ксензов, 1994а. С. 70; 1994б. С. 16; 2006. С. 51; Залізняк, 1999. С. 73, 218). В этот список первоначально попали стоянки Речица II, Рекорд и Гренская, в коллекциях которых было отмечено наличие синкретических, механически смешанных, комплексов. Присутствие в кремневом инвентаре разновременных примесей, особенно эпохи неолита и бронзового века, которые вычленились типологически, не исключалось для стоянок Аврамов Бугор и Бабулин Бугор в бассейне р. Беседь (Кравцов, Сорокин, 1991. С. 16; Ксензов, 1994а. С. 70; 2006. С. 51; Сорокин, 2002. С. 125, 141).

Для мезолита Верхнего Поднепровья отношение к источнику сегодня складывается в двух диаметрально противоположных направлениях. Одно из них, как отмечалось ранее, допускает вариант возможной аккумуляции древнего населения в результате их контакта в пределах конкретной территории (Калечиц, 1987; 2003; Копытин, 1992; 1999. С. 256–266; Ксензов, 1988; 1994б; 1997. С. 5–20; 2006). В этом случае полученные в процессе раскопок материалы характеризуются как единый комплекс, независимо от масштабов исследованной площади памятника.

Второй подход предполагает наличие механически смешанных коллекций; для доказательства его правомерности присутствие

«гибридных форм и технологий» в комплексах с поликультурными признаками отрицается. Сторонник этого взгляда А.Н. Сорокин выделяет на территории Верхнего Поднепровья стоянки, которые, с одной стороны, в источниковедческом отношении являются «чистыми», без инокультурной примеси, с другой — демонстрируют пример смешанности находок (Сорокин, 2002. С. 125–126). К первой группе памятников он относит «чистые» свидерские и аренсбургские комплексы (Боровка, Журавель), к другой — коллекции стоянок Аврамов Бугор и Бабулин Бугор, Гренская, Коромка и, возможно, Горки, которые признаются смешанными (Кравцов, Сорокин, 1991. С. 16; Сорокин, 2002. С. 125, 141).

Анализ коллекций отдельных мезолитических стоянок Верхнего Поднепровья (в первую очередь бассейна р. Сож) показал, что основная их часть включает механически смешанные разнокультурные комплексы каменного и бронзового веков. Новые материалы, полученные автором в бассейне Верхнего Днепра и Сожа, позволяют выразить свой взгляд на проблему культурного своеобразия эпохи мезолита рассматриваемой территории (Колосов, 2005. С. 8–14; 2008. С. 23–31). Не отрицая возможности культурных контактов мезолитического населения, на данном источниковедческом уровне у нас не имеется реальной доказательной базы, которая бы позволила говорить о слиянии традиций в процессе формирования отдельных локальных культур, таких как сожская или днепро-деснинская (Колосов, 2005. С. 8–14). Становится очевидным, что в материалах этих культур не имеется каких-либо специфических типобразующих признаков, которые могли бы характеризовать своеобразие мезолита Верхнего Поднепровья. Конгломерат кремневых комплексов сожской и днепро-деснинской культур является результатом механического смешения разнокультурных материалов, представленных в достаточно широком хронологическом диапазоне — от финального палеолита до эпохи бронзы включительно.

Дискуссионным остается вопрос и о хронологической принадлежности отдельных памятников гренской и свидерской культур к мезолитической эпохе. Основная часть грен-

ских стоянок концентрируется на территории Верхнего Поднепровья и Посожья (Боровка, Веричев, Вишенька, Гренская, Дальнее Лядо, Коромка, Лудчицы, Могилевская, Орша, Хвойная, Поклады и др.) (Копытин, 1992. С. 11–27, 32–47; Колосов, 2008. С. 24; 2009. С. 41; Ксензов, 1988; 2006. С. 16–39). Комплексы с асимметрично-черешковыми наконечниками стрел известны также среди памятников Волго-Окского междуречья, где они связываются с древностями иеневской культуры (Кравцов, Сорокин, 1991; Сорокин, 2004. С. 76–78), бассейна р. Десна (песочноровская культура) (Зализняк, 1999. С. 96–101; 2005. С. 55–62) и культур Севера Европы (фосна и комса) (Зализняк, 2005; Taute, 1968; Kozlowski, Kozlowski, 1975). В последнее время наконечники гренского типа обнаружены в материалах отдельных стоянок в междуречье Припяти, Немана и Вислы (Обуховский, 2007. С. 157–161; Szymczak, 1995. S. 70; Sulgustowska, 2005. S. 123–133).

Для гренской культуры характерно монофронтальное скалывание заготовок, преимущественно с одноплощадочных нуклеусов, морфология которых была подчинена форме и размерам исходного сырья. Предпочтение отдавалось конкрециям овально-уплощенной формы, размеры которых соответствовали 50–80 мм длины, 30–40 мм ширины и 20–40 мм толщины. В качестве заготовки для орудий труда использовались отщеп и пластина неправильной огранки, которые получали в технике твердого удара. Во вторичной обработке гренским населением широко применялось крутое и полукрутое ретуширование заготовки, направленное на изменение ее формы, техника резцового скола и оббивка. Наконечники стрел представлены двумя основными формами: асимметричными с боковой выемкой и черешковыми. Перо черешковых наконечников имеет естественное, без дополнительной обработки, окончание либо скошено полукрутой ретушью и, в отдельных случаях, дополнительно подправлено резцовым сколом.

Большинство специалистов по финальному палеолиту и мезолиту Восточной Европы видит в гренских древностях прямого генетического предка населения иеневской культуры междуречья Волги и Оки и песоч-

норовской Средней Десны (Зализняк, 2005. С. 44–51; Копытин, 1992. С. 46). На фоне этих родственных культур гренская представляется наиболее ранней, по времени относящейся к финальному палеолиту. Процесс распространения в Верхнем Поднепровье культуры асимметрично-черешковых наконечников стрел с боковой выемкой, очевидно, приходится на поздний дриас (10,8–10,3 тыс. л. н.), что согласуется с результатами естественнонаучных датировок отдельных иеневских памятников и стратиграфией стоянки Хвойная (Копытин, 1992. С. 25–27; Kravtsov, 1999. P. 272–279). Отсутствие в составе кремневого инвентаря гренской культуры геометрических микролитов (трапеций, треугольников и сегментов) отражает, с одной стороны, специфику этого культурного явления на фоне песочноровских и иеневских древностей, где подобного рода находки достаточно широко распространены, с другой — является хронологическим показателем (Зализняк, 2005. С. 55–62; Сорокин, 2004. С. 74–78). С учетом радиоуглеродных дат, возникновение кремневых комплексов с трапециями в иеневской культуре относится ко второй половине пребореала — началу бореального времени (Kravtsov, 1999. P. 272–279; Сорокин, 2004. С. 77–78). К таким же выводам приходит и Л.Л. Зализняк, характеризуя материалы песочноровской культуры (Зализняк, 2005. С. 60–62). Если признать логику таких хронологических построений, то следует согласиться: либо песочноровско-иеневские комплексы с геометрическими микролитами возникли значительно раньше, и тогда выводы А.Н. Сорокина о необходимости удревнения иеневской культуры верны (Сорокин, 2004; 2006; 2008), либо гренское население продолжало обитать в начале мезолитического времени. В этом случае необходимо признать справедливым гипотезу Л.Л. Зализняка о генетической роли памятников типа Боровка раннего пребореала в формировании песочноровской культуры (Зализняк, 2005. С. 62).

Памятники еще одной культуры — свидерской — на территории Верхнего Поднепровья ранее были известны в трех пунктах — Яново I и II и Баркалабово (Копытин, 1992. С. 27–31; 1999). Материалы Яновских стоянок, по данным В.Ф. Копытина, датиро-

вались финальным палеолитом; стоянка Баркалабово по времени относилась к раннему мезолиту. Таким образом, отмечалось, что в финальном палеолите — раннем мезолите отдельные группы свидерских охотников достигли правобережья Верхнего Днепра, а их расселение сдерживалось проживанием здесь автохтонного населения гренской культуры (Ксензов, 1997. С. 5–15). Однако в последнее время материалы свидерской культуры были обнаружены и в Посожье (Колосов, 2008в. С. 24–25; 2009. С. 39–41), что позволяет расширить представления о среде обитания свидерского населения и признать факт малочисленности или полного отсутствия свидерских памятников как результат слабой изученности этого культурного явления на территории Восточной Беларуси.

Техника расщепления кремня на свидерских стоянках в Посожье характеризуется односторонним параллельным снятием пластинчатых заготовок с одно- и двухплощадочных нуклеусов, которые имеют тщательно оформленные боковые стороны и контрфронт. Среди наконечников стрел выделяются изделия черешковых форм, имеющих плоскую вентральную обработку насада. По способу оформления пера выделяются наконечники, сохраняющие естественные очертания дистального конца заготовки. Острия отдельных экземпляров подправлены мелкой дорсальной ретушью. В некоторых случаях перо наконечников дополнительно обработано фасетками плоской ретуши со стороны брюшка. На стоянке Горки обнаружены также черешковые наконечники стрел со скошенным пером (тип Смячка XIVa).

Схожие черты, особенно в предметах вооружения, материалы посожских стоянок имеют со свидерскими памятниками финального палеолита Восточного Полесья, а также среди свидерских стоянок Литвы позднего дриаса — начала пребореального времени (Зализняк, 2005. С. 51–55; Неприна, Зализняк, Кротова, 1986. С. 83–105; Римантене, 1971. С. 39–61, 85–89; Šatawičius, 2005. Р. 159–162). Находки отдельных наконечников стрел позднесвидерских форм (Борисовичи, Горки), а также единичных трапеций (Баркалабово, Горки), допускают возможность обитания

свидерского населения в Посожье в начале голоцена.

В свете новых данных можно констатировать, что мезолит Верхнего Поднепровья проявляет культурное многообразие. На данном источниковедческом этапе можно выделить несколько групп мезолитических памятников. Среди них определенный интерес вызывают материалы песочноровской культуры, обнаруженные в поверхностных сборах Е.Г. Калечиц на разновременных стоянках Романовичи и Калинино (Чурилово) в бассейне р. Сож (рис. 3, *з, д, 1–13*). Кремневый комплекс этих поселений представлен одно- и двухплощадочными нуклеусами, с которых скалывали отщепы и пластинчатые отщепы в технике твердого удара, в результате чего сколы имеют выраженный ударный бугорок и характеризуются определенной аморфностью форм. Среди многочисленных изделий с вторичной обработкой типичными для песочноровской культуры являются находки высоких симметричных и асимметричных трапеций, которые дополняются асимметрично-черешковыми наконечниками стрел с боковой выемкой и черешковыми наконечниками стрел на пластинчатых заготовках (рис. 3, *1–7*). К песочноровскому комплексу находок можно отнести также серию крупных пластин со скошенным концом и треугольники (рис. 3, *8–13*).

Определить точное время появления песочноровских стоянок в Нижнем Посожье по-прежнему не представляется возможным. Не исключено, что отдельные группы песочноровского населения продолжали существовать в бассейне р. Сож в начале мезолитической эпохи. По данным Л.Л. Зализняка, распространение песочноровских комплексов с трапециями и вкладышами алтыновского типа приходится на вторую половину пребореала — бореальное время (Зализняк, 2005. С. 62). Аналогичным образом датируются иеневские комплексы, начало появления геометрических микролитов в которых относится к концу VIII — началу VII тыс. до н. э. (Kravtsov, 1999. Р. 272–279). Хотя следует отметить и четко обозначившуюся в последнее время тенденцию к их значительному удревнению (Сорокин, 2006; 2008).

В первой половине 1990-х гг. в бассейне р. Сож стали известны памятники так называемой бутовской культуры (Копытин, 1995. С. 3–13; Колосов, 2007. С. 154–156; 2008б. С. 44–62), переименованной недавно в заднепилевскую (Сорокин, 2008; Сорокин и др., 2009). Среди её посожских памятников в настоящее время следует назвать стоянки Дедня, Криничная, Рудня I (Климовичский р-н), Коробчино, Горки, Гренск, Присно (Однополье), Пролетарский (ур. Попово), Устье II (рис. 1). Отдельные из них исследованы путем раскопок — Дедня (408 м²) и Криничная (406 м²); материалы с остальных происходят из разновременных комплексов, полученных в итоге стационарных работ (Горки, Рудня I, Устье II), или представлены немногочисленными находками из поверхностных сборов — Коробчино, Гренск, Присно (Однополье), Пролетарский (ур. Попово). Стоянки приурочены к первым надпойменным террасам или их останцам, отдельные из них расположены в местах выхода сожского мелового кремня (Горки, Криничная, Рудня I). Культурный слой памятников залегает в иллювиальных отложениях на глубине 0,2–0,5 м и стратиграфически не выражен.

Производственный комплекс ряда стоянок (Дедня, Коробчино) базируется на использовании импортного полупрозрачного кремня серого или темно-серого цвета, покрытого тонкой и гладкой желвачной коркой. В отдельных случаях сырье имеет пятнистую структуру и сохраняет на поверхности следы легкой патины голубого цвета. В качестве заготовок для орудий использовались регулярные отжимные пластины, полученные с одноплощадочных нуклеусов конической формы (рис. 1, 46–49). Индекс пластинчатости этих памятников достаточно высок и, например, для коллекции стоянки Дедня составляет 1,3, а для орудий труда — 13,7.

Изделия с вторичной обработкой представлены несколькими морфологически устойчивыми категориями, которым присуща определенная стандартизация форм заготовок. Наиболее выразительную серию образуют резцы, которые представлены преимущественно экземплярами на сломе заготовки (рис. 1, 26–37). Комплекс находок дополняют вкладышевые изделия из медиальных сече-

ний пластин, сохраняющих фасетки краевой нерегулярной полукрутой ретуши, в том числе образовавшейся в результате утилизации. Концы отдельных вкладышей на месте слома подправлены плоскими поперечными микро-резцовыми снятиями (Дедня, Рудня I, Устье II). Группа микролитов включает микропластины с притупленным краем и средневысокие трапеции (Криничная, Рудня I) (рис. 1, 11–25). Наконечники стрел представлены черешковыми изделиями (рис. 1, 1–10), отдельные из которых обработаны плоской встречной ретушью со стороны брюшка. Имеются наконечники с четко выделенным черешком, который ограничен зубцами с двух сторон и подправлен плоской вентральной ретушью (рис. 1, 9–10). Перо таких наконечников на треть или половину длины заготовки также обработано фасетками встречной плоской ретуши со стороны брюшка. По морфологии предметы этой группы напоминают наконечники типа Пулли (Янитс, 1990. С. 20; Ostrauskas, 2002. Р. 93–106).

Интересные данные получены по хозяйственно-бытовой структуре исследованных заднепилевских памятников в Посожье (Колосов, 2007. С. 154–156; 2008б. С. 44–45). На стоянке Дедня в 2006–2007 гг. изучены остатки жилищного комплекса, представляющего собой подовальное скопление нескольких линз темно-серого песка, общей площадью до 78 м² (Колосов, 2008б. С. 44–45). Объект был углублен в материк на 0,20–0,45 м и, видимо, мог представлять собой остатки жилой постройки в виде чума или яранги, известных по этнографическим материалам народов Крайнего Севера. Планиграфические наблюдения показывают заметную концентрацию находок в пределах исследованного объекта. Визуально выделяются несколько скоплений и микроскоплений кремневых артефактов, отдельные из которых, судя по орудийному составу, связаны с местом разделки охотничьей добычи.

По аналогии со стоянками Волго-Окского междуречья (Сорокин, 1990, 2004, 2006, 2008; Кольцов, Жилин, 1999. С. 7–16, 26–29, 36, 93–95, 109–112, 120–121; Сорокин и др., 2009), кундской Восточной Прибалтики (тип Пулли) (Ксензов, 2001. С. 20–35; Ostrauskas, 2002. Р. 93–106) и культуры Веретье на севере Вос-

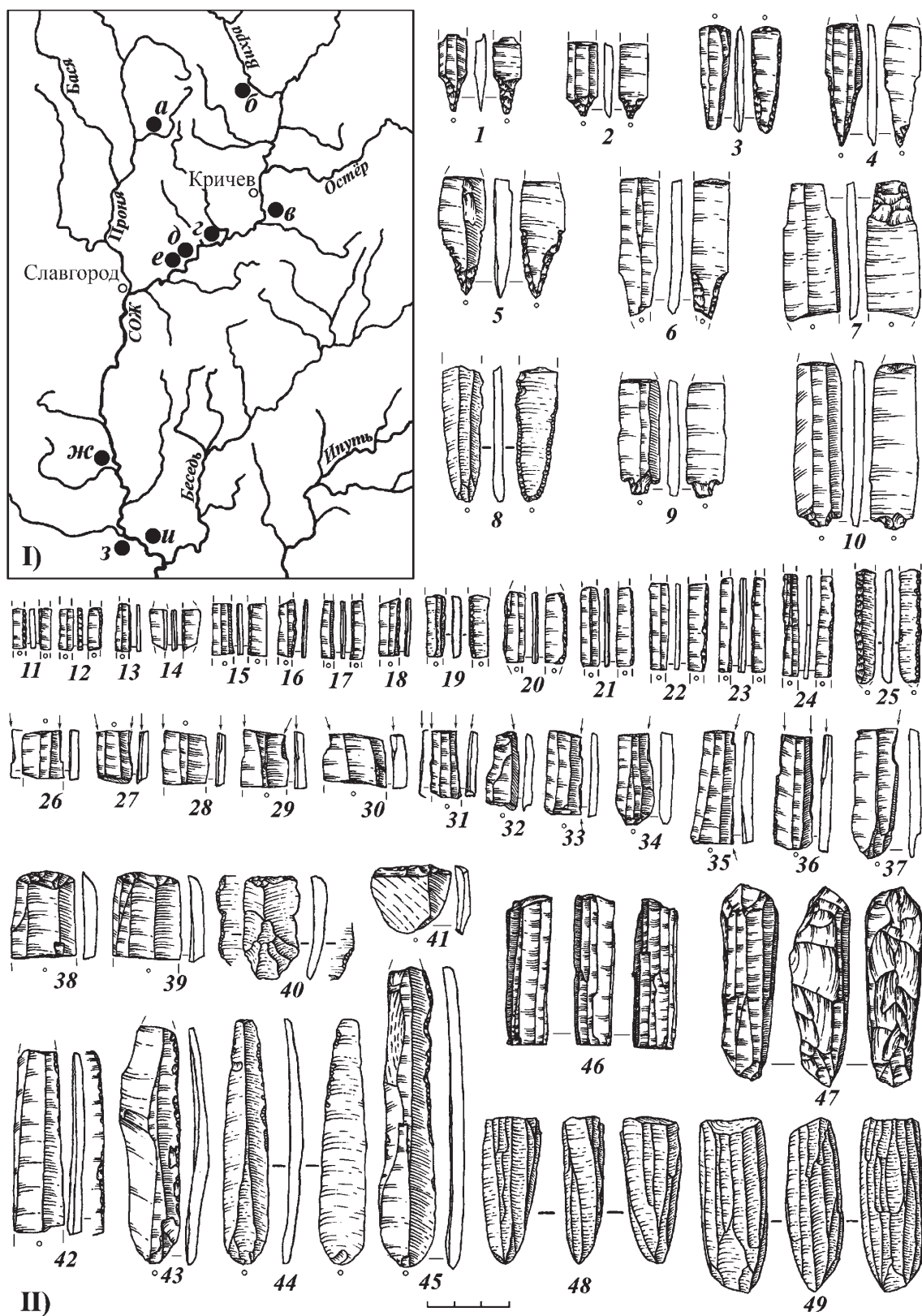

Рис. 1. Заднепилевская культура в бассейне р. Сож:

I) памятники: а) Дедня; б) Коробчино; в) Рудня I; г) Устье II; д) Горки; е — Криничная; ж) Гренск; з) Присно (Однополье); и) Пролетарский (Попово); II) кремневый инвентарь стоянки Дедня.

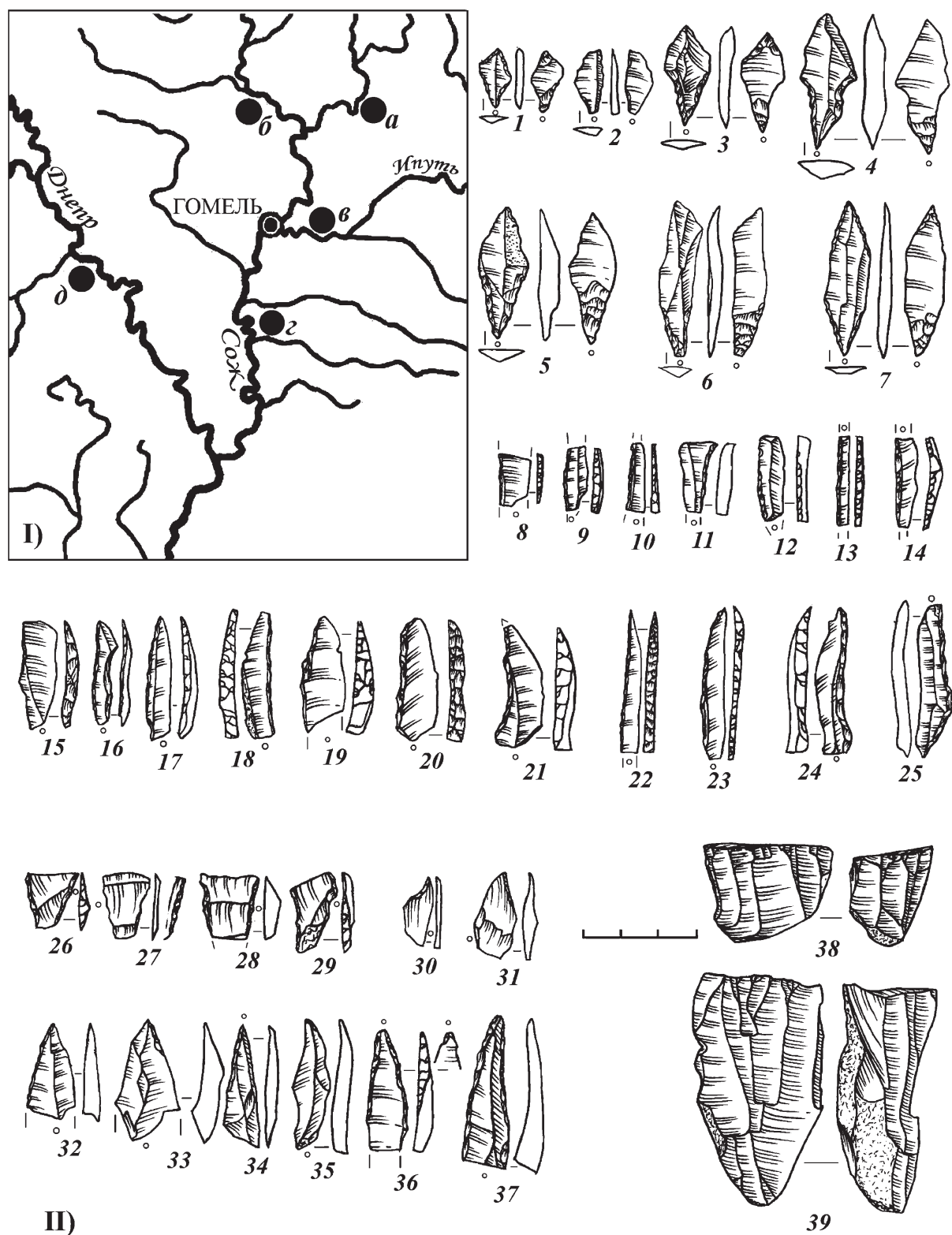

Рис. 2. Кудлаевская культура на территории Верхнего Поднепровья:
 I) памятники: а) Новые Громыки (Аврамов Бугор); б) Присно (Старое Однополье); в) Романовичи;
 г) Новые Терешковичи (Крыга); II) кремневый инвентарь стоянки Новые Громыки
 (Аврамов Бугор)

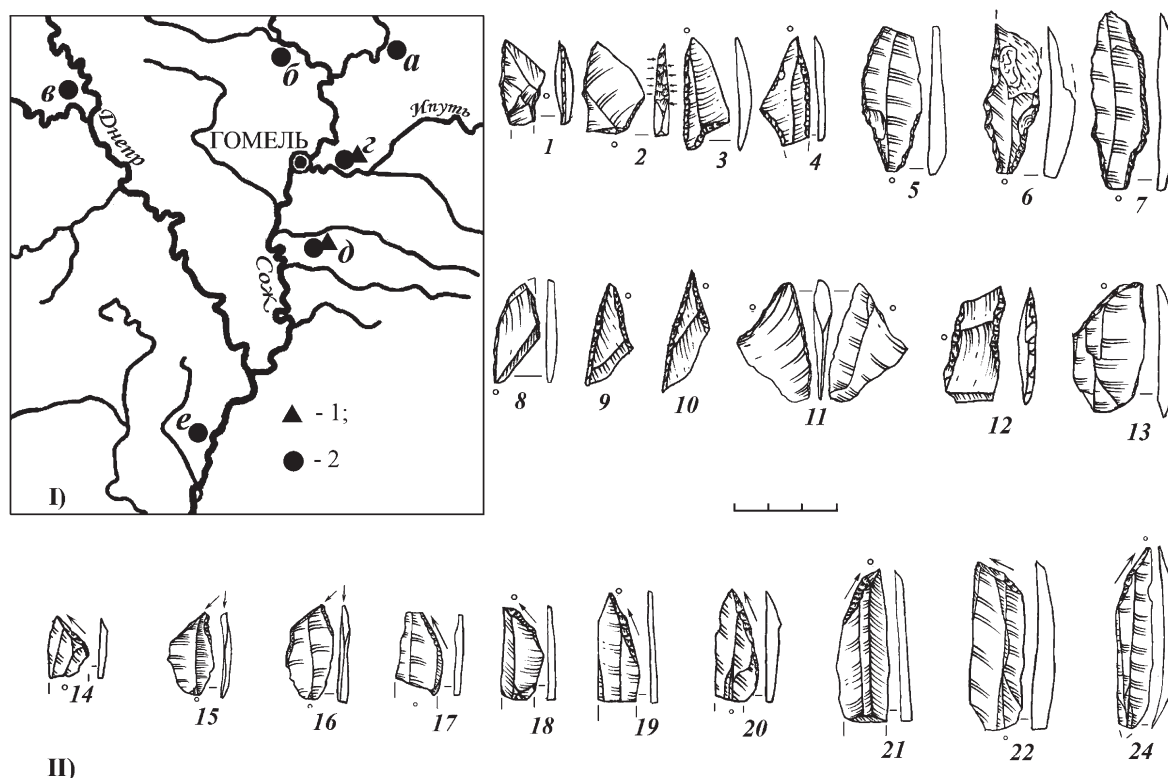

Рис. 3. Песочноровская культура и местонахождения с находками яниславицкого типа:
 I) памятники песочноровской культуры (1) и местонахождения с находками яниславицкого типа (2):
 а) Глыбовка (Бабулин Бугор); б) Присно (Замостовье); в) Городок IV; г) Романовичи; д) Калинино
 (Чурилово); II) кремневый инвентарь стоянок Калинино (Чурилово) (2, 5–7, 14, 17),
 Романовичи (1, 3–4, 8–13, 18–24), Глыбовка (Бабулин Бугор) (15–16)

точной Европы (Ошибкина, 2006. С. 13–26, 59–60, 170, 259, 320) время обитания заднепильевского населения на территории Посожья следует отнести к раннему мезолиту, вероятно, ко второй половине пребореального — началу бореального времени (9,6–8,8 тыс. л. н.). Факт их появления в Посожье может объясняться сезонными миграциями мезолитического населения из Волго-Окского междуречья, которое первоначально шло сюда со своим сырьем и впоследствии адаптировалось к использованию местного кремня (Криничная, Рудня I). На стоянках, расположенных непосредственно возле источников кремневого сырья, старались использовать желваки овально-уплощенной формы или формировали пренуклеус, боковые стороны которого специально выравнивали поперечными сколами. Ударная зона создавалась путем поперечного усечения желвака, с последующей ее подправкой в процессе расщепления. Скалы-

вающая сторона формировалась на узкой торцевой стороне конкреции, при этом боковые плоскости и контрфронт подавляющего большинства нуклеусов (около 80%) оставались неоформленными. Фактор изобилия кремня в бассейне р. Сож и его низкое качество стали причиной выбраковки основной части нуклеусов, оставленных уже на начальной стадии расщепления.

В целом кремневый инвентарь стоянок, расположенных «на сырье», характеризуется низкими индексами пластинчатости. Примером последнего являются материалы стоянки Криничная. Индекс пластинчатости кремневого инвентаря этого памятника составляет всего 0,3; изделий с вторичной обработкой — 0,9. Среди орудий преобладающей категорией являются скребки, и резцово-скребковый показатель на памятнике отрицательный (0,5). Среди других изделий с вторичной обработкой на стоянке Криничная выделяются также

скробачи, скребловидные изделия, ретушные, двугранные и комбинированные резцы, пластинки с притупленным краем, черешковые наконечники стрел, рубящие орудия. Находка средневысокой трапеции, типологическое своеобразие коллекции и развитость кремневого инвентаря в целом, — все это позволяет датировать стоянку Криничная более поздним (очевидно, бореальным) временем.

В процессе изучения коллекций посожских стоянок автором были получены новые данные и по кудлаевской культуре (Колосов, 2008а. С. 96–98; 2008в. С. 26–27). На территории Верхнего Поднепровья присутствие памятников этого культурного явления установлено в 1980-е гг. К числу кудлаевских, по мнению Л.Л. Зализняка и В.П. Ксензова, причислялись материалы двух стоянок — Речица II на Днепре и Криничная на Соже (Зализняк, 1991. С. 12–13. Карта 1; Ксензов, 1988. С. 105–110; 1994б. С. 25–26). Однако, как было отмечено выше, культурную принадлежность стоянки Криничная теперь следует рассматривать в контексте традиций кремнеобработки заднепилевской культуры (Колосов, 2007. С. 154–156). А коллекция стоянки Речица II является смешанной, поэтому для решения культурологических проблем региона самостоятельного значения она не имеет. В ней кроме кудлаевских (пластины с притупленным краем, острия типа Ставинога-Кудлаевка, средневысокие и высокие трапеции) имеются находки гренской культуры, выражающиеся наличием ассиметричных наконечников стрел с боковой выемкой (Ксензов, 1988. С. 105–110). Смешанность ее материалов признавал и сам первооткрыватель стоянки — В.П. Ксензов (1988. С. 105–110). Несмотря на это, коллекция рассматривалась им в качестве единой, и служила для характеристики и кудлаевских древностей, и для обоснования позднемезолитического этапа гренской культуры. Хронологическим показателем для гренских материалов являлось наличие в них трапеций и пластин с затупленным краем, которые были известны и в кудлаевском комплексе находок Речицы II.

Среди памятников кудлаевской культуры в Посожье следует назвать стоянку Аврамов Бугор (Новые Громыки), материалы которой ранее относили к сожской позднемезолитиче-

ской культуре (Калечиц, 1987. С. 18–26; 2003. С. 62–63). Памятник открыт в 1977 г. и исследован в 1977–1981 гг. Е.Г. Калечиц на площади 775 м² (Калечиц, 1987. С. 20–26; 2003. С. 62–63). В количественном отношении коллекция кремневого инвентаря стоянки отвечает критерию «достаточности» (нами проанализировано 25502 ед.), однако она лишь условно пригодна для характеристики кудлаевской культуры в Посожском регионе. Эта условность выражается присутствием в материалах памятника многочисленных находок эпохи неолита — бронзового века.

Для характеристики поселенческой структуры кудлаевских стоянок в Посожье заслуживают внимания остатки двух жилищ округлой формы и 24 очажных пятна, обнаруженных в Аврамовом Бугре. Часть из них, по мнению Е.Г. Калечиц, относится к хозяйственным ямам (Калечиц, 1987. С. 20; 2003. С. 62–63). Не исключено, что обнаруженные жилища могут быть мезолитическими, как считает Е.Г. Калечиц, что для реконструкции хозяйственной деятельности населения кудлаевской культуры приобретает свое актуальное значение. Однако жилища округлой формы известны и в неолите (Калечиц, 1987. С. 40–96). Учитывая то, что в коллекции памятника присутствуют материалы неолитического времени, а все находки были распределены равномерно в пределах вскрытой площади, не образуя закрытых комплексов, связать хозяйственно-бытовой комплекс стоянки Аврамов Бугор с конкретным культурным явлением не представляется возможным.

Находки кудлаевской культуры известны еще в трех пунктах Белорусского Посожья — Новые Терешковичи (Крыга) (Палікарповіч, 1928. С. 106, 179. Табл. XIX, 15; XLIV, 1–7; 1930. С. 435. Табл. 16, 23), Присно (Замостовье) и Романовичи (рис. 2, 1). Но все они происходят из поверхностных сборов, в которых, кроме кудлаевских, содержатся находки других культур от финального палеолита до эпохи средневековья.

Кремневый инвентарь стоянок кудлаевской культуры в Посожье демонстрирует яркий пример развития микролитойной индустрии, основанной на утилизации монофронтальных одно- и двухплощадочных нуклеусов (рис. 2, 38, 39). Техника расщепления

кремня была направлена на скалывание пластин неправильной огранки, полученных в технике удара с помощью твердого отбойника, в качестве которого могли использоваться кремневые конкреции (Аврамов Бугор).

В технике вторичной обработки на кудлаевских стоянках широко использовались крутое и полукрутое ретуширование заготовки, техника резцового скола и оббивка. Определенное своеобразие кудлаевским комплексам Посожья придают различные по форме и способам изготовления микролиты — пластинки с притупленным краем, острия типа Ставиного-Кудлаевка, высокие и средневые симметричные трапеции (Аврамов Бугор и Романовичи) (рис. 2, 8–24, 30–35). В коллекции стоянки Аврамов Бугор единично изделие, напоминающее коморницкий треугольник (рис. 2, 25). Набор охотничьего вооружения дополняется черешковыми наконечниками стрел, отдельные из которых имеют подправку насада и пера плоской ретушью со стороны брюшка (рис. 2, 1–7).

Состояние источников в настоящее время не позволяет с полной уверенностью говорить о хронологии кудлаевских стоянок на территории Посожья, поскольку основная часть коллекций в своем составе содержит смешанные разнотипные комплексы. Определенное сходство кремневый инвентарь стоянок Аврамов Бугор и Романовичи обнаруживает с материалами таких поселений, как Люботынь III и Кудлаевка, время существования которых, по данным Л.Л. Зализняка, определяется концом бореального — началом атлантического времени (Зализняк, 2005. С. 73–74). Типологический состав коллекций, характеризующихся развитым комплексом микролитов, позволяет условно датировать памятники кудлаевской культуры Нижнего Посожья

позднемезолитическим временем, что не исключает присутствия более ранних кудлаевских комплексов в этом регионе.

В Посожье стали известны также памятники, в материалах которых присутствуют острия и микрорезцы яниславицкого типа (рис. 3, а–е, 14–24). Острия яниславицкого типа обнаружены в коллекциях стоянок Калинино (Чурилово), Романовичи и Присно (Старое Однополье) (рис. 3, 14, 17–24). Два микрорезца яниславицкого типа выявлены среди орудий стоянки Глыбовка (Бабулин Бугор) (рис. 3, 15–16). Ближайшие памятники с находками яниславицкой культуры известны в бассейне р. Припять (рудноостровский вариант, по Л.Л. Зализняку, на территории Киевского Полесья) (Зализняк, 2005. С. 82–89). Присутствуют они также в Белорусском Поднепровье на стоянках Красновка IB, Городок IV, Старая Лутава (Ксензов, 1988. С. 70–79, 114–123). Учитывая немногочисленность находок, происходящих из смешанных коллекций, присутствие яниславицких элементов в Посожье требует специального изучения.

Таким образом, современное состояние источников по мезолиту Верхнего Поднепровья не позволяет признать объективной идею поликультурного синтеза традиций в составе отдельной локальной культуры (например, сожской или днепро-деснинской). Результаты исследования демонстрируют картину сложного и многообразного процесса освоения Верхнего Поднепровья населением разных культур — песочноровской, заднепильевской, кудлаевской, яниславицкой, — существовавших (сосуществовавших) в начале голоцена, что не выходит за рамки современных представлений о развитии культур среднего каменного века лесной полосы Восточной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беляшевский Н.Ф., 1891. Несколько новых стоянок каменного века по Днепру и его притокам // Киевская старина. Киев. Т. XXXII.

Данилевич В.Е., 1895. Стоянка и мастерская каменного века в Могилёвской губернии, исследованные летом 1893 г. // Киевская старина. Отд. II. Киев.

Зализняк Л.Л., 1991. Население Полесья в мезолите. Киев.

Зализняк Л.Л., 1999. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи. Київ.

Зализняк Л.Л., 2005. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України: Культур-

ний поділ та періодизація // Кам'яна доба України. Київ. Вип. 8.

Калечиц Е.Г., 1987. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. Минск.

Калечиц Е.Г., 2003. Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век. Минск.

Колосов А.В., 2005. История изучения и проблемы историографии сожской мезолитической культуры // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. № 4.

Колосов А.В., 2007. Памятники бутовской культуры на территории Белорусского Посожья // Романовские чтения-3: Сб. тр. Междунар. науч. конф. (Могилев, 23–24 ноября 2006 г.). Могилев.

Колосов А.В., 2008а. Древности кудлаевской мезолитической культуры Верхнего Поднепровья // Романовские чтения-4: Сб. тр. Междунар. науч. конф. (Могилев, 22–23 ноября 2007 г.). Могилев.

Колосов А.В., 2008б. Мезолитическая стоянка Дедня // Acta Archeologia Albaruthenica. Минск. Т. III.

Колосов А.В., 2008в. Финальный палеолит и мезолит Белорусского Посожья // Русский сборник: Тр. кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского гос. ун-та им. И.Г. Петровского. Брянск.

Колосов А.В., 2009. Финальный палеолит и мезолит Посожья: новые данные — новые вопросы // Романовские чтения-5: Сб. тр. Междунар. науч. конф. (Могилев, 27–28 ноября 2008 г.). Могилев.

Кольцов Л.В., Жилин М.Г., 1999. Мезолит Волго-Окского междуречья: Памятники бутовской культуры. М.

Копытин В.Ф., 1992. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. Могилев.

Копытин В.Ф., 1995. Дедня — новый памятник мезолита в бассейне реки Проня // Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроўя. Магілёў. Ч. 1.

Копытин В.Ф., 1999. Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья // Tanged points cultures in Europe. Lublin.

Копытин В.Ф., Морозов Н.П., 1995. Типометрический анализ продуктов расщепления кремня // Гістарычныя лёсы Верхняга

Падняпроўя: Мат. рэг. навук. канф. (Магілёў, 12–13 мая 1994 г.) Магілёў. Ч. 1.

Кравцов А.Е., Сорокин А.Н., 1991. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М.

Ксензов В.П., 1988. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. Минск.

Ксензов В.П., 1994а. Мезолитическая днепро-деснинская культура // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. № 5.

Ксензов В.П., 1994б. Мезолитические культуры Белорусского Подвинья и Поднепровья: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Минск.

Ксензов В.П., 1997. Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси // РА. № 1.

Ксензов В.П., 2001. Культура кунда // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. № 16.

Ксензов В.П., 2006. Мезолит Северной и Центральной Беларуси // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск. Вып. 13.

Неприна В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А., 1986. Памятники каменного века левобережной Украины. Киев.

Обуховский В.С., 2007. «Гренский след» в финальном палеолите междуречья Немана, Припяти и Вислы // Романовские чтения-3: Сб. тр. Междунар. науч. конф. (Могилев, 23–24 ноября 2006 г.). Могилев.

Ошибкина С.В., 2006. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. М.

Палікарповіч К.М., 1928. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сожа (па досьледах 1926 г.) // Працы кафедры археалёгіі. Мінск. Т. 1.

Палікарповіч К.М., 1930. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сожа // Працы кафедры археалёгіі. Мінск. Т. 2.

Римантене Р.К., 1971. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс.

Романов Е.Р., 1908. Старина доисторическая Северо-Западного края // Виленский календарь на 1908 г. Вильно.

Романов Е.Р., 1910. Археологический очерк Гомельского уезда // Записки Северо-Западного отделения Русского географического общества. Вильно. Кн. I.

Романов Е.Р., 1912. Археологические разведки в Могилёвской губернии // Записки Северо-Западного отделения Русского географического общества. Вильно. Кн. III.

Сорокин А.Н., 2002. Мезолит Жиздринского Полесья: Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М.

Сорокин А.Н., 2004. Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины. М.

Сорокин А.Н., 2006. Проблемы мезолитоведения. М.

Сорокин А.Н., 2008. Мезолитоведение Почья. М.

Сорокин А.Н., Ошибкина С.В., Трусов А.В., 2009. На переломе эпох. М.

Янитс К.Л., 1990. Кремневый инвентарь стоянок кундаской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Kozłowski J.K., Kozłowski S.K., 1975.

Pradzieje Europy od XL do IV tysiąclecia p.n.e. Warszawa.

Kravtsov A.E., 1999. Concerning the dating of the Yenevo culture // Tanged points cultures in Europe. Lublin.

Ostrauskas T., 2002. Kundos kultūros tyrinėjimų problematika // Lietuvos archeologija. Vilnius. T. 23.

Štawičius E., 2005. Swidrų kultūra Lietuvoje // Lietuvos archeologija. Vilnius. T. 29.

Sulgustowska Z., 2005. Kontakty społeczności późnopaleolitycznych i mezolitycznych między Odrą, Dzwina i górnym Dniestrem. Warszawa.

Szymczak K., 1995. Epoka kamienia Polski północno-wschodniej na tle środkowoeuropejskim. Warszawa.

С.В. Ошибкина
Институт археологии РАН, Москва

ОРНАМЕНТЫ, УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ И ГРАВИРОВКИ НА ИЗДЕЛИЯХ КУЛЬТУРЫ ВЕРЕТЬЕ

Памятники культуры веретье находятся в озерном крае к востоку от Онежского озера. Поселения и могильники, исследованные раскопками, сосредоточены у восточного побережья озера Лача в Архангельской области. Они занимают древние берега озера бореального времени, отстоящие на 1–1,8 км от современных побережий. Наиболее ранние памятники культуры веретье появились здесь в конце пребореала — начале бореала. Со временем, в результате изменений уровня воды в сложной гидросистеме, состоящей из больших озер Воже и Лача и впадающих в них рек, рельеф местности изменялся. Поэтому мезолитическое население было вынуждено передвигаться на повышенные жилые площадки, но оставалось в регионе до конца бореального периода и начала атлантикума. У берегов озера Лача исследованы раскопками на больших площадях культурного слоя два поселения, несколько стоянок и два могильных комплекса культуры веретье. Каменный, кремневый инвентарь, изделия из кости, рога и древесины, найденные на поселениях и стоянках, а также палеоантропологический и вещевой материал из погребений, дают основания говорить об этнокультурном единстве этой группы населения и непрерывном развитии культуры во времени.

На поселениях и стоянках представлены художественно оформленные изделия, вы-

полненные в едином стиле, что подтверждает предположение о культурном и генетическом единстве рассматриваемой группы охотников-собирателей. Особенно много изделий из органических материалов, в том числе предметов искусства, найдено на памятниках, культурные слои которых перекрыты торфяниками. В тех случаях, когда культурный слой залегает в песчаных почвах, костяные и роговые орудия сохраняются в меньшем количестве.

Для населения культуры веретье творческий подход к изготовлению и оформлению оружия и бытовых предметов оказался вполне традиционным, поэтому даже на самых поздних памятниках сохранились вещи с характерным оформлением в виде орнаментов или декоративных деталей. Нужно отметить, что в погребениях могильных комплексов Песчаница и Попово предметов с орнаментом не оказалось, хотя здесь представлены типичные для культуры веретье каменные и костяные орудия. Погребальный обряд был достаточно сложным, сопровождался сооружением ритуальных ям, засыпкой погребенных красной охрой, размещением в погребениях топоров, украшений в виде отдельных подвесок из резцов лося или целых ожерелий, составленных из зубов и подязычных костей лося, из клыков мелких хищников и собак. Оружие и орудия в погребениях имели

простую форму, орнамент или скульптурные детали на них отсутствовали, что можно считать особенностями погребального обряда. Исключением является единственный случай, когда в одном из погребений могильника Попово под правой ключицей погребенной женщины был оставлен обломок костяного кинжала с орнаментом. Кинжал, без сомнения, послужил орудием убийства.

Представительная коллекция художественных изделий найдена на поселении Веретье 1 (более 70 экз.), она включает предметы с орнаментом, гравированными рисунками, условными знаками, скульптурными изображениями. На других памятниках изделия с орнаментацией или другими художественными деталями встречаются значительно реже, что зависит, очевидно, от размеров исследованной раскопками площади и количества сохранившихся предметов из органических материалов. Основные приемы украшения изделий из кости и дерева сохраняются до конца существования рассматриваемой группы населения.

Орнаментальное оформление и скульптурные детали обычно встречаются на охотничьем вооружении, сделанном из кости и рога, реже такими же узорами оформлены бытовые орудия из кости и древесины.

Орнаменты из повторяющихся элементов и композиций могли иметь не столько декоративное значение, сколько нести определенную информацию традиционного характера. Общей классификации орнаментов не существует, чаще их представляют в виде схемы основных элементов или мотивов орнамента. В свое время С.В. Иванов (1963. С. 8) в результате изучения орнаментов современных этнографических народов Сибири выделил среди них несколько основных групп — узоры, включающие фаунистические и растительные (флора) мотивы, геометрические и смешанные узоры. Видимо, уже древние орнаментальные композиции могли соответствовать основным перечисленным группам орнаментов, связанных с охотничьей деятельностью древних или их магическими действиями. Поэтому среди орнаментальных мотивов палеолитической стоянки Штелльмоор А. Рустом впервые выделены геометрические и символические узоры (Rust, 1936.

Abb. 10). Для мезолита известна схема элементов орнаментов, составленная Т. Матиассеном (Matiassen, 1943. Fig. 44) по материалам стоянки Эгорде (Øgaardе). Есть и другие схемы, описывающие орнаментальные узоры эпохи мезолита. Например, схематическое описание геометрических орнаментальных композиций на костяных орудиях со стоянок бореального времени в Скандинавии составлено Дж. Дж. Д. Кларком (Clark, 1975. Fig. 37).

Для культуры веретье систематизация орнаментов составлена на основе художественных изделий, найденных на поселении Веретье 1, поскольку это один из самых ранних памятников культуры, а его коллекция наиболее представительна. На других поселениях и стоянках найдены костяные и роговые изделия с оформлением, соответствующим этой схеме, даже если эти стоянки относятся к более позднему времени. Орнаментальные композиции можно разделить на четыре основные группы — узоры геометрические, узоры из небольших овальных углублений, декоративные насечки по краям и ребрам орудий, прочерченный орнамент.

Геометрический орнамент состоит из резных линий определенной длины, собранных в треугольные и прямоугольные фигуры, елочных узоров или ломаных линий. Линии выполнены глубокой резьбой, следуют поверхности костяной заготовки, поэтому часто они волнистые, что придает орнаменту особую пластичность и декоративность. Очевидно, резьба выполнялась кремневым орудием движением от себя. Геометрические узоры отличает законченность композиции, высокая техника выполнения, сочетание прямых и волнистых линий, другие элементы орнаментов в эти узоры включались скорее в виде исключения (рис. 1). Геометрическим орнаментом, как правило, украшено оружие — ножи или кинжалы, на бытовых предметах этот орнамент использовали редко. Например, есть фрагмент деревянного изделия, со всех сторон покрытого геометрическими фигурами, заполненными резными линиями (Ошибкина, 1983. Рис. 36). Еще в одном случае поверхность пластины из дерева с одной стороны покрыта сплошным геометрическим рисунком и по рисунку протерта красной охрой (Ошибкина, 1997. Рис. 115).

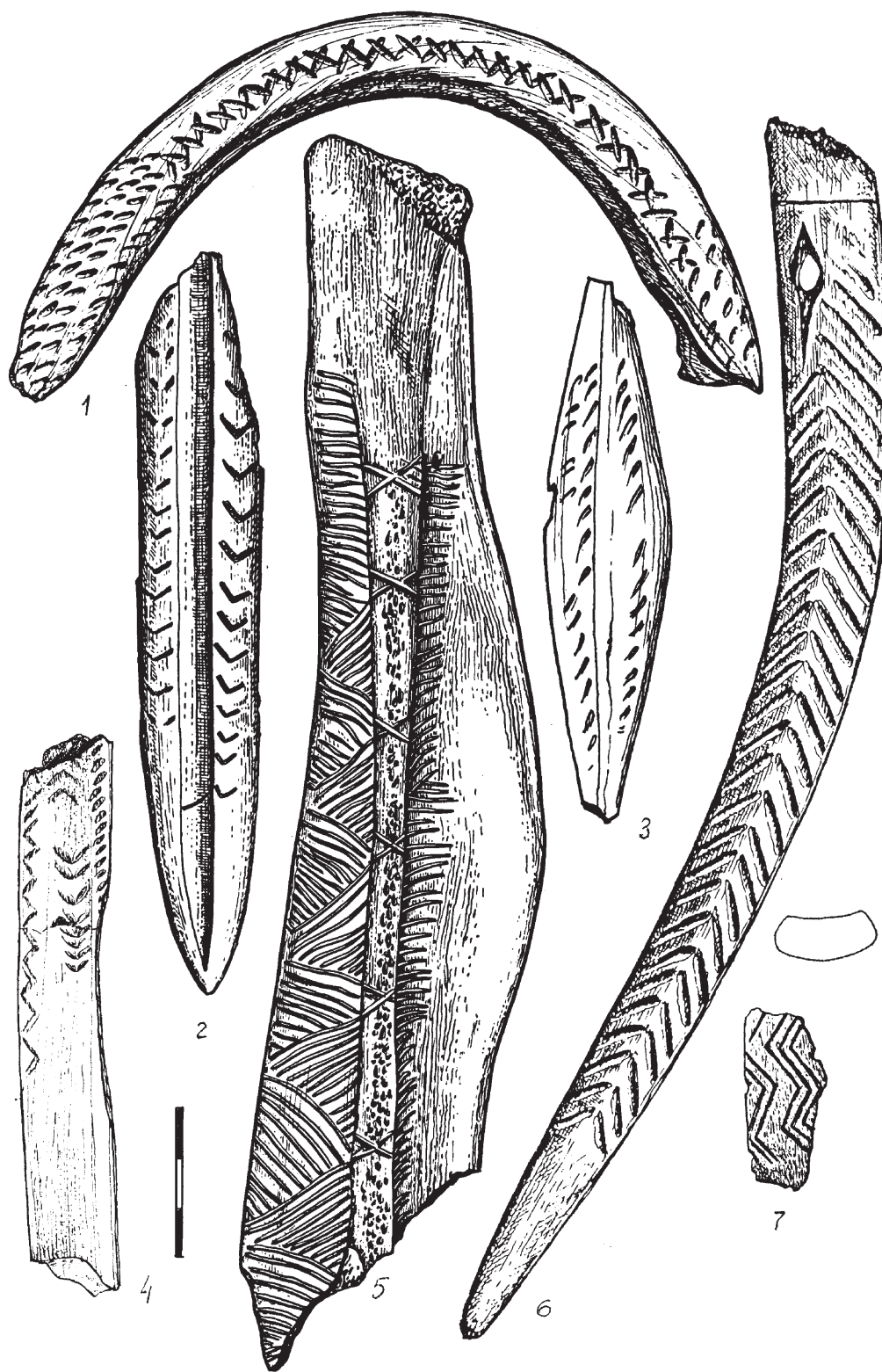

Рис. 1. Предметы с геометрическим орнаментом и узором из овальных углублений
 1, 2, 4, 5 — Веретъе 1; 3 — Сухое; 6 — Лукинчиха; 7 — Нижнее Веретъе.
 (1 — дерево; 2-7 — кость и рог)

Орнамент из мелких овальных углублений, расположенных с одинаковым наклоном, покрывает, как правило, всю поверхность предметов. Он встречается на деревянных и роговых изделиях. Иногда овальные углубления перекрещены, расположены елочкой или нанизаны на резную линию. Типичным примером является оружие из полой кости с острым концом и выступом на нем, вероятно, наконечник копья. Прекрасно отполированная поверхность оружия покрыта орнаментом из овальных углублений, верхняя расширенная часть имеет два сквозных отверстия, служивших для укрепления наконечника на древке (рис. 2, 1). Этим узором чаще украшали бытовые предметы, в том числе также деревянные (рис. 1, 1).

Декоративные углубления треугольной формы или узкие насечки, расположенные на равном расстоянии или группами, наносились по краям ножей, кинжалов, наконечников стрел некоторых типов. Углубления не группировали. Они выполнены глубокими встречными надрезами, формирующими рельефный край орудий.

Прочерченный орнамент состоит из тонких прямых или волнистых линий, нанесенных острым оружием, на первый взгляд расположенных в полном беспорядке. На самом деле бессистемные линии образуют своеобразный узор на поверхности тщательно отполированных ножей или кинжалов с пазами для кремневых лезвий или без них, на орудиях из плоских и трубчатых костей животных (рис. 3). Некоторые фигуры, выполненные прочерченными линиями, могли быть сюжетными символическими рисунками. Орнаменты этой группы особенно многочисленны, нанесены чаще всего на оружие. Прекрасным образцом подобного стиля является ритуальный кинжал, завершенный стилизованным изображением ушей и гривы лося. Вся тщательно отполированная поверхность этого орудия с двух сторон покрыта тонкими прочерченными линиями (Ошибкина, 2006. Рис. 51, 1). Существуют аналоги подобного оформления оружия, как например, двухпазовый кинжал с остатками кремневых лезвий из Блоксбьерг (Bloksbjerg) в Зеландии (Дания), который орнаментирован таким же прочерченным орнаментом из внешне

беспорядочных линий (Clark, 1975. Fig. 42, left.)

В отдельных случаях орнаментальные композиции достаточно сложны и включают разные элементы. Например, на стоянке Нижнее Веретье найдено роговое лезвие топора, на плоскости которого нанесен характерный узор из прочерченных линий. На одну изогнутую линию нанизана серия овальных углублений (рис. 4, 7). Этот своеобразный и редкий узор не повторяется на изделиях в других памятниках культуры веретье.

На костяных наконечниках стрел, реже на костяных ножах, представлены отдельные резные изображения или условные знаки. Они имеют форму косых крестиков в рамке или без нее, рядов мелких крестиков, фигур из нескольких коротких линий или косой сетки (рис. 5). Знаки выполнены в технике глубокой резьбы или прочерчены на полированной поверхности изделий острым лезвием. Обычно они размещены на выступах перед насадом наконечника или на стержне наконечника. Иногда на длинном выступе орудия помещен сложный процарапанный рисунок. Представляет интерес наконечник, у которого на выступе цилиндрической формы высверлены три ряда ямок — по семь в ряду (рис. 2, 2). Очевидно, мезолитические охотники-собиратели уже имели представление о простом счете и придавали значение семи единицам, что подтверждает найденная в Веретье 1 подвеска из грудной кости бобра, в которой вдоль дугевого изгиба просверлено семь сквозных отверстий.

Условные знаки на наконечниках стрел и ножах можно считать личными метками владельца оружия. В свое время А. Руст обратил внимание на помеченные крестиками изделия со стоянки Мейендорф, в числе которых две рукояти костяных ножей, плитка песчаника и янтарная шайба (Rust, 1937. Taf. 55). Исследователь считал эти крестики личными знаками мастера. Подобные условные знаки встречаются на некоторых стоянках мезолита. Например, на стоянке Кунда найден костяной наконечник с тремя крестиками, расположенными вокруг стержня (Indreko, 1948. Abb. 80). На памятниках культуры веретье подобные личные метки обнаружены на наконечниках стрел и ножах, их нет на гарпунах и бытовых

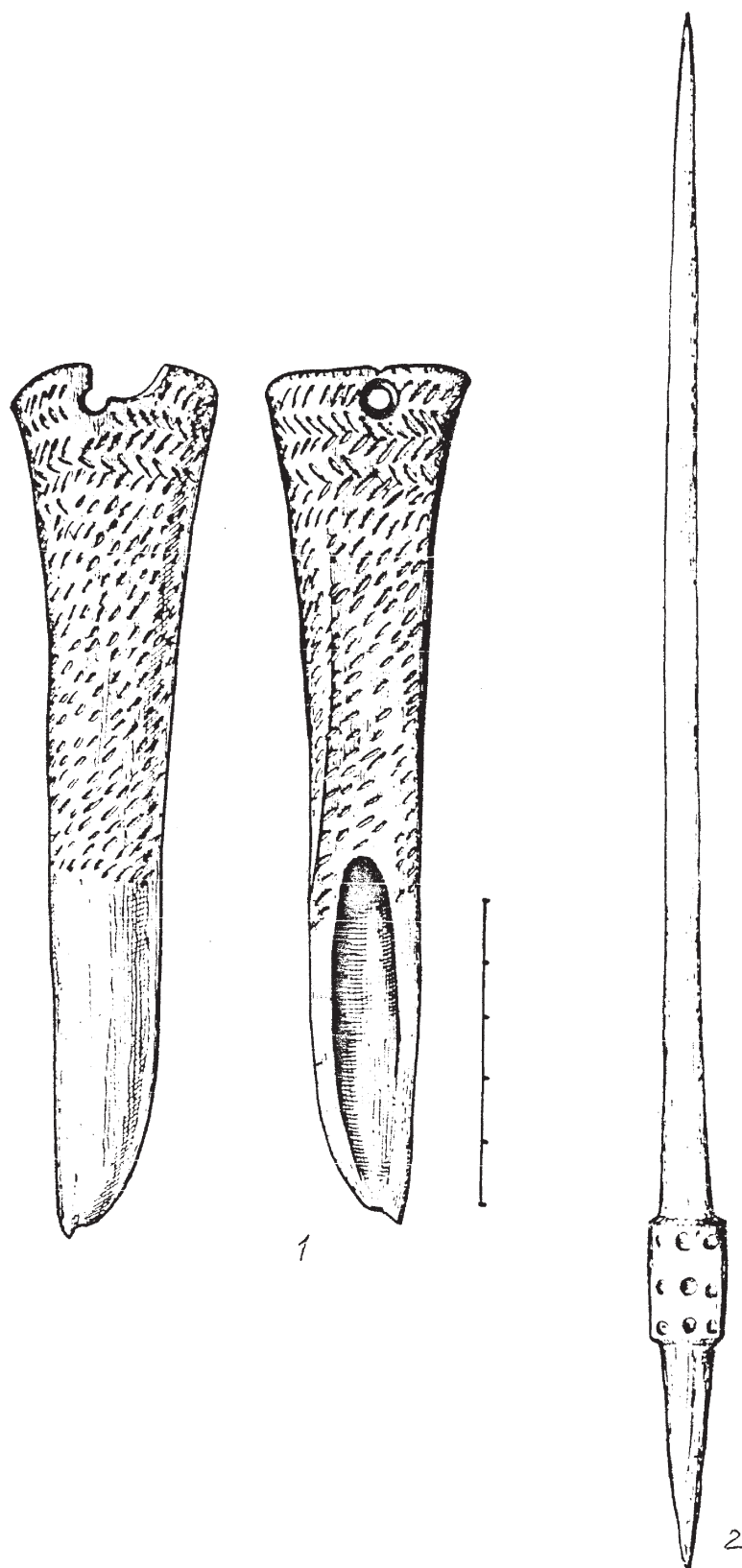

Рис. 2. Наконечник копья с орнаментом из овальных углублений и наконечник стрелы.
Веретъе 1. Кость

Рис. 3. Орудия с прочерченным орнаментом из Веретья 1. Кость

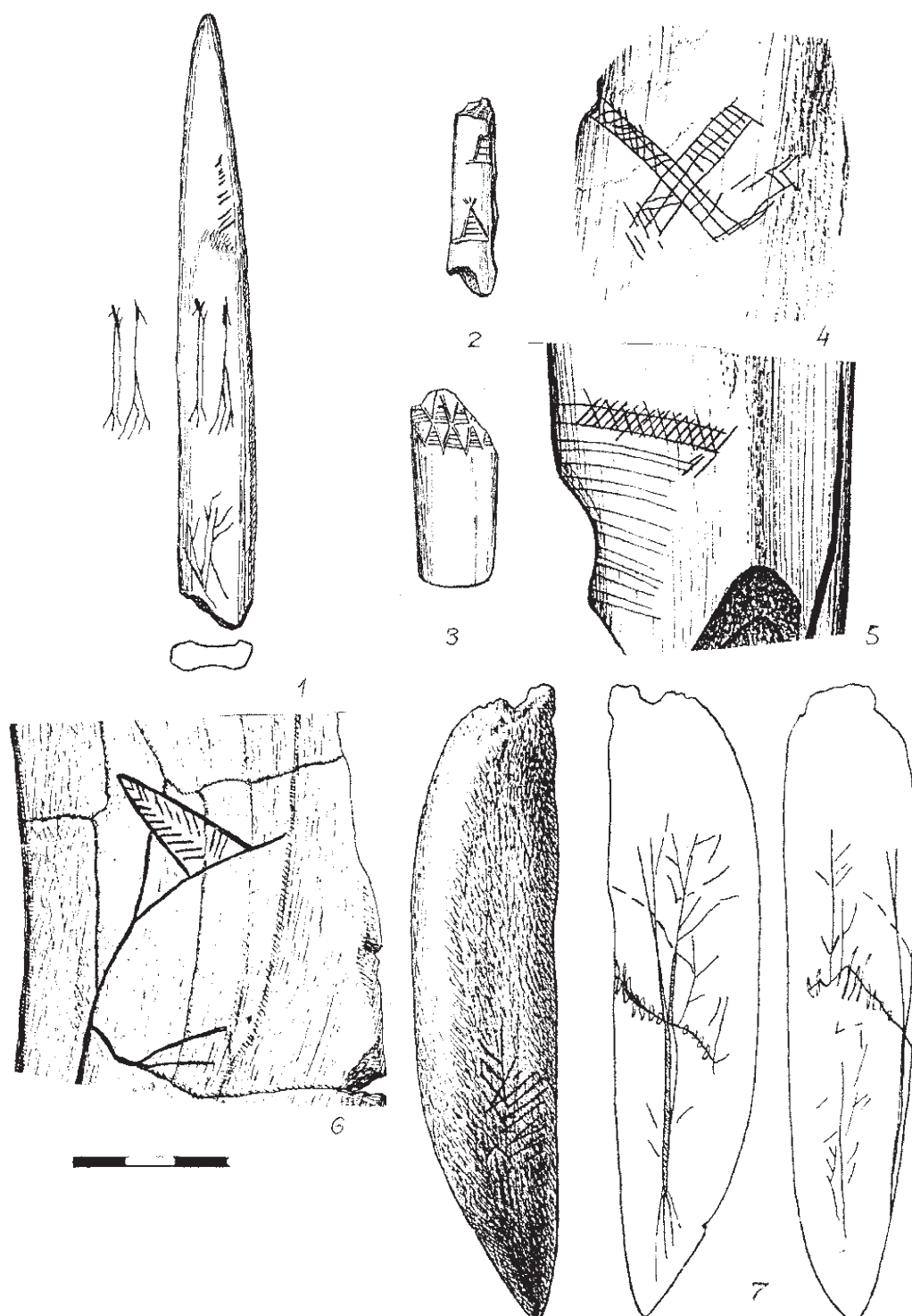

Рис. 4. Гравировки на предметах из кости и рога
1, 4, 5 — Веретъе 1; 2, 3 — Сухое; 6, 7 — Нижнее Веретъе

предметах. Интересно отметить, что на мезолитических стоянках Верхнего Поволжья пометка крестиком встречена дважды — на обломке копья и челюсти лося (Жилин, 2001. С. 194). Здесь метки на наконечниках стрел состояли из других сложных рисунков — в виде лесенок и линий с «ресничками» (Там же. С. 195).

Назначение меток могло быть разным. Наиболее вероятно, что их появление связано с правилами охоты и раздела добычи, принятыми в коллективах мезолитических охотников-собирателей. Существовали разные виды регламентации на охоте, например, когда раненая добыча могла уйти, унося на себе остатки стрел. У некоторых современных народов известно правило, по которому в течение определенного числа дней нашедший раненого зверя или птицу должен был вернуть их хозяину оружия. Таким образом, метки на оружии можно рассматривать не столько как знак мастера, сколько как знак собственности и первый признак социального разделения внутри групп мезолитического населения (Ошибкина, 1992).

К гравировкам относятся законченные рисунки, выполненные в технике резьбы или нанесенные тонкими прочерченными линиями. Их размещали на широких поверхностях — лопатках лося, роговых пластинах, реже на узких поверхностях ножей или роговых предметах (рис. 5). Содержание гравировок и их назначение остаются в области догадок, во всяком случае, их нельзя принять за художественное оформление предметов. Например, на кинжал из локтевой кости лося нанесена фигура в виде паруса, на лопаточную кость — изображение, похожее на солярный знак (рис. 4, 4), на выпрямленные ребра лося — линии, расходящиеся веером. Некоторые рисунки определенно имели символический смысл. К ним относится своеобразный предмет — тщательно отполированный кусок челюсти лося с тремя резными знаками из пересекающихся линий (рис. 6). Подобные сетчатые знаки встречены на разных изделиях всех поселений культуры веретье (рис. 5, 5–8).

Некоторые гравировки можно понять как изображения жилищ, или тектиформы. Так, на обломках костяных ножей, найденных на

поселении Сухое, показаны высокие треугольники, заштрихованные горизонтальными линиями, что делает их похожими на легкие строения или чумы (рис. 5, 12, 14). Сюжет повторяется на роговой пластине из Нижнего Веретья. В композиции высокий, заштрихованный резными линиями треугольник находится в окружении глубоко протертых линий, что могло бы означать жилище или стоянку в окружении троп (рис. 4, 6). В Нижнем Веретье также найдено орудие из лопатки лося, на полированную сторону которого нанесены рисунки из перекрещенных линий в виде треугольников — пять по одному краю и три по другому (Фосс, 1952. Рис. 20, 5). На челюсти лося из Веретья 1 глубокими резными линиями выполнен рисунок, также похожий на символическое изображение жилища (рис. 5, 10). Заслуживает внимания широкий нож, сделанный из лопатки лося со срезанным гребнем и тщательно отполированной поверхностью. По трем сторонам изделия нанесен геометрический орнамент из треугольников, внутренняя поверхность которых заполнена пересекающимися косыми или вертикальными волнистыми линиями, идущими от вершины к основанию. В сложном рисунке можно видеть фигуры, напоминающие те же тектиформы, или условные изображения жилищ (рис. 6). Конечно, содержание этой группы гравированных изображений остается в области догадок, но повторяемость самого сюжета говорит о его важном смысловом значении для обитателей поселений.

Нужно заметить, что на поселениях культуры веретье нередко встречаются пластины из рога лося, оформленные зубчатыми срезами, которые выполнены лезвиями кремневых пластин и выкрашены красной охрой. Две подобные пластины, сложенные вместе и пересыпанные охрой, были найдены в яме около погребения VI могильника Попово. Возможно, такие пластины наделяли особыми свойствами, на них также помещали гравировки или другие рисунки, подобные изображению из Нижнего Веретья (рис. 4, 6).

Некоторые гравировки заслуживают особого внимания, поскольку характеризуют творчество населения культуры веретье в связи с традициями других культур эпохи мезолита. Представляет интерес рисунок из

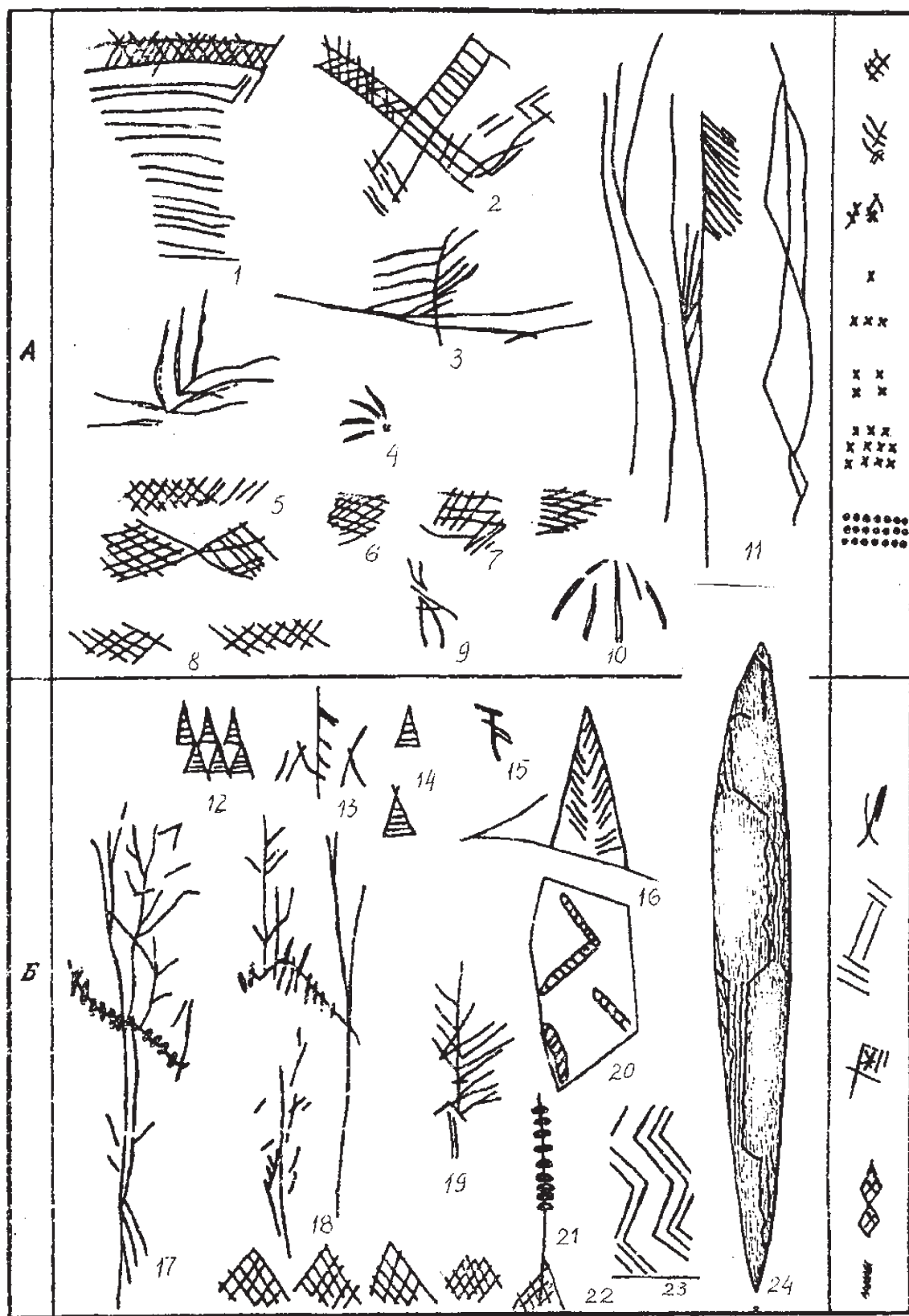

Рис. 5. Гравировки и условные знаки на изделиях из Веретья 1 (А)
и других памятников культуры веретье (Б)

овальных углублений, нанизанных на произвольно изогнутые прочерченные линии, на роговой мотыге из Нижнего Веретья. Аналогичный рисунок рядом с сетчатой фигурой нанесен на кость дикой лошади, которая найдена на стоянке Фризак 4, датированной пребореалом. По мнению Б. Грамша, сетчатый рисунок в контуре резных линий оригинален и похож на лыжи для снега. Резная линия с прикрепленными к ней овальными выемками — общий мотив для мезолита Северной Европы (Gramsch, 2008. P. 42).

В Нижнем Веретье найдена узкая костяная пластина с острыми концами, принятая за наконечник стрелы. На пластине выполнен сложный гравированный рисунок — группы волнистых линий выделяют свободные плоскости овальной формы, напоминающие соты. На одном остром конце предмета расположена короткая пунктирная линия, придающая изделию сходство с рыбой и символической водой. Уникальное изображение имеет близкое сходство с гравировкой на кинжале с пазами из Конгемозе, Дания (Clark, 1975. Fig. 31, 4). Сходство гравировок и орнаментов из Нижнего Веретья с древнейшими орнаментами торфяниковых стоянок Балтики отмечала в свое время М.Е. Фосс (1941. С. 43), очевидно, имея в виду стоянки Северной Европы.

Среди изображений на орудиях Веретья 1 есть антропоморфные фигуры, сохранившиеся на обломке кинжала с полированной поверхностью. На узкой плоскости размещены три рисунка — серия коротких линий у острия, две схематические антропоморфные фигуры, под ними рисунок из тонких прочерченных линий (рис. 4, 1). Фигуры изображены в условном стиле, без рук. Они напоминают стилизованные антропоморфные изображения в мезолите Северной Европы. Подобные схематические рисунки на костяных предметах известны на торфяниковых стоянках в Зеландии (Дания), Вексо (Vekso bog), Рюэмарксгорд (Ryemarksgaard), Йорлосе (Jordlose bog) и Когэ Сонакке (Koge Sonakke) (Clark, 1975. Fig. 35).

В Польше среди случайно найденных орудий с орнаментом есть роговая мотыга, на которой в сложном рисунке показана антропоморфная фигура — голова, туловище и руки, без ног (Kobusiewicz, 1975. Fig. 11). Сюжеты

и стилистика подобных рисунков сходны с приемами изображения антропоморфной фигуры на оружии в Веретье 1.

Отдельную группу художественных изделий составляют примитивные объемные изображения, найденные среди развалин жилищ на поселении Веретье 1, среди которых представлены антропоморфные и зооморфные фигуры из кости и дерева (лебедь, лось). Одним из наиболее ярких изображений является маска, выполненная на лопатке лося (рис. 7).

В заключение нужно заметить, что в орнаментации изделий разного назначения обитатели поселений культуры веретье следовали определенным правилам. Геометрический орнамент, нарезки по краям изделий и прочерченный орнамент применяли для украшения оружия. Узоры из овальных углублений применяли только на бытовых предметах. Условные знаки вместе с геометрическим орнаментом встречены один раз — на ноже из лопатки лося: на гребне вырезаны шесть крестиков (рис. 1, 5). Гравировки с орнаментами не сочетались. Оружие изредка дополнено скульптурными деталями, обозначающими животных. Очевидно, орнаментация оружия следовала определенным правилам и традициям.

Своеобразие художественного творчества населения, как и особенности всего каменного и костяного инвентаря поселений, выделяет культуру веретье из круга мезолитических культур лесной зоны (Мезолит СССР, 1989). Существует гипотеза о возникновении культуры веретье в результате миграции на север населения так называемой постсвидерской традиции (Залізняк, 1999. С. 233; Кольцов, Жилин, 1999. С. 78), чему противоречит весь фактический материал, в том числе и художественные изделия. В то же время многие аналогии каменному инвентарю, изделиям из кости, рога и художественным изделиям культуры веретье имеются в памятниках культуры кунда (Гурина, 1989). Известную близость мезолита Восточного Прионежья и культуры кунда справедливо отмечал в свое время С.К. Козловский (Kozłowski, 1975. P. 256). Существует сходство ранних памятников культуры веретье и некоторых стоянок мезолита Северной Европы, что ждет еще своего объяснения.

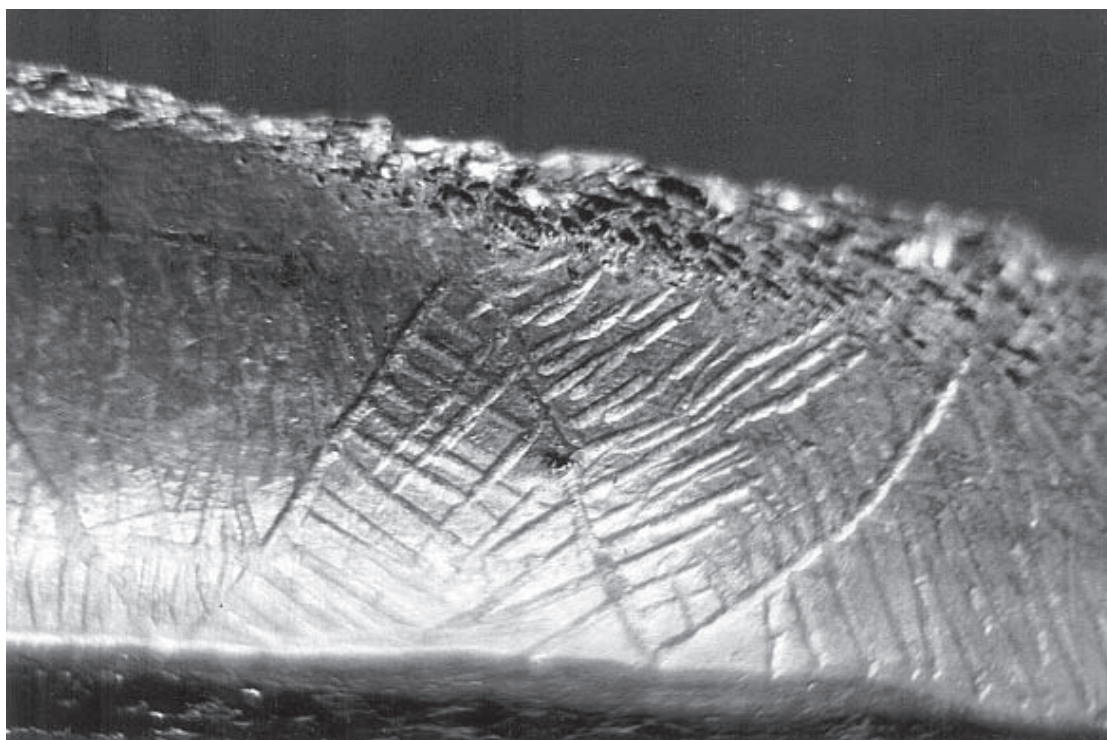

Рис. 6. Нож с геометрическим орнаментом (деталь). Веретъе 1

Рис. 7. Маска. Веретъе 1

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989.
- Гурина Н.Н., 1989. Мезолит Латвии и Эстонии // Археология СССР. Мезолит СССР. М.
- Жилин М.Г., 2001. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.
- Залізняк Л.Л., 1999. Фінальний палеоліт північного заходу східної Європи. Київ.
- Иванов С.В., 1963. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л.
- Кольцов Л.В., Жилин М.Г., 1999. Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники буттовской культуры. М.
- Ошибкина С.В., 1983. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.
- Ошибкина С.В., 1992. Искусство эпохи мезолита // Искусство каменного века. М.
- Ошибкина С.В., 1997. Веретье 1: Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.
- Ошибкина С.В., 2006. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье.
- Фосс М.Е., 1941. Стоянка Веретье // Тр. ГИМ. Вып. 12.
- Фосс М.Е., 1952. Древнейшая история севера Европейской части СССР // МИА. Вып. 29.
- Clark J.G.D., 1975. The Earlier Stone Age of Scandinavia. Cambridge.
- Gramsch B., 2008. An early Mesolithic ornamented bone implement from the Friesack-4-site in Northern Germany // Man — Millennia — Environment: Studies in Honour of Romuald Schild.
- Indreko R., 1948. Die mittlere Steinzeit in Estland. Stockholm.
- Kobusiewicz M., 1975. Late Pleistocene and early Holocene hunting and fishing societies in north-western Poland // Archaeologia Polonia. # 16.
- Kozłowski S.K., 1975. Cultural differentiation of Europe from 10-th to 5-th millennium B.C. Warsaw.
- Mathiassen T., 1943. Stenalder bopladser I Aamosen. Kobenhavn.
- Rust A., 1936. Die Grabungen beim Stellmoor: Berichte und Mitteilungen des Museums vorgeschichtlicher Altertumer in Kiel (OFFa).
- Rust A., 1937. Das altstezeitliche Renntierjagerlager Meiendorf. Neumünster.

А.В. Вискалин

Ульяновский государственный университет

ДИНАМИКА КЛИМАТИЧЕСКИХ КОЛЕБАНИЙ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В НЕОЛИТЕ ВОЛГО-УРАЛЬСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ*

История человечества представляет собой историю его взаимосвязи с окружающей природой, являющейся средой обитания и источником получения жизненных ресурсов. Неразрывную связь с природной средой демонстрирует и культура этносов, концентрирующая в себе опыт выживания многих поколений. Возникнув как способ приспособления людей к условиям окружающей среды, культура чутко реагирует на состояние климата и тесно связанного с ним ландшафта. Особенно остро климатические изменения ощущаются по границам ландшафтных зон, экологические системы которых находятся в состоянии неустойчивого равновесия. Даже незначительное изменение температурных и влажностных характеристик климата грозит разрушить сложившееся природное равновесие и вызвать смещение ландшафтных зон на многие километры в ту или иную сторону, в зависимости от вектора изменений. Изменение привычного ландшафта, растительного и животного мира наносит хозяйству человека ощутимый урон и сопровождается снижением уровня потребления. Все это в итоге ставит человеческие коллективы на грань выживания, заставляя их либо покидать обжитые места и переселяться в районы с привычны-

ми природными условиями, либо приспосабливаться к новым условиям, корректируя сложившиеся культурные традиции. В такие периоды чаще происходят столкновения культур, заканчивающиеся гибелью одних и слиянием других. Возросшая подвижность населения способствует усилению межкультурных контактов и взаимодействий. К числу классических контактных зон, отличающихся невероятным культурным разнообразием, относится и волго-уральская лесостепь, расположенная между обширными лесными и степными пространствами на восточной окраине Европейского континента.

Попытки выявить взаимозависимость природных и культурных процессов в неолите Волго-Уральского региона предпринимались неоднократно. Но достижение поставленной цели было затруднено по причине малочисленности и спорности имеющихся датировок и неясности хронологического положения многочисленных культурных групп неолитического населения. Появление исследований по динамике природной среды в голоцене (Климанов, 1989) и бурное развитие радиоуглеродного метода датирования, вызвавшее многократное увеличение числа новых дат по финальному этапу каменного века

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках РК 2009 «Волжские земли в истории и культуре России» (проект 09-01-21104 а/в).

волго-уральского региона (Выборнов, 2008), позволили вернуться к названной проблеме и провести сопоставление динамики культурных и природных процессов.

Появление ранненеолитического населения, изготавливавшего древнейшую на Средней Волге керамику, на территории Волго-Уральской лесостепи устанавливается по 10 радиоуглеродным датам, полученным по образцам раковин речных моллюсков, кости и керамики из ранненеолитических слоев со стоянок Ивановская¹, Елшанка X (Усть-Ташёлка)² и Чекалино IV³. Все эти даты компактно укладываются в первую половину VI тыс. до н. э., с учетом допустимого удревнения раковинных образцов по причине бассейнового эффекта. В середину и даже первую половину VII тыс. до н. э. «проваливаются» лишь 3 «старшие» даты, полученные по образцам раковин из слоя стоянки Чекалино IV⁴ и Лебяжинка IV⁵. Величина «отрыва» «старших» дат достигает 500–1000 лет, что заставляет относиться к ним с особой осторожностью. Ненадежными «старшие» даты делает не только возможный бассейновый эффект, но и уже высказанное ранее опасение в естественном характере раковинных скоплений стоянки Чекалино IV (Вискалин, 2006а. С. 260, 261).

Таким образом, если исключить наиболее ранние даты, то появление древнейших неолитических сообществ Волго-Уральской лесостепи с достаточной долей уверенности синхронизируется с началом атлантического периода. Примечательно, что этим же временем датируется появление и первых неолитических сообществ в южных районах Русской равнины (Тимофеев, Зайцева, 2004. С. 38, 39) и восточного Кавказа (Кушнарева, Рысин, 2004. С. 17).

В предшествующий бореальный период территория современной Волго-Уральской лесостепи была занята сосново-еловыми та-

ежными лесами, на что указывают результаты изучения палинологических образцов из основания культурных горизонтов поселений Ивановское и Русско-Луговское II, полученные Г.М. Левковской (1995. С. 174) и Л.С. Тузовой (Халиков, 1960. С. 19, 20). Проживающие здесь племена так называемого «пластинчатого технокомплекса» камской, романовской и ильмурзинской культур ведут охотничий образ жизни, свидетельством чего являются развитая микропластинчатая кремневая индустрия, единичность и невыразительность рубящих орудий, кратковременный характер поселений, имеющих тонкий культурный слой, отсутствие на поселениях долговременных углубленных жилищ.

Наступление в конце бореального периода засушливого и холодного климата привело к началу деградации лесного ландшафта на юге современной Волго-Уральской лесостепи и замене его лесостепным и степным (Лаврушин, Спиридонова, 1995. С. 191). Ландшафтная перестройка оборачивается кризисом охотничьего хозяйства и вынуждает племена «пластинчатого технокомплекса» переместиться на север, вслед за южной границей таежных лесов. И хотя отсутствие датировок по мезолиту южных районов Волго-Уральской лесостепи затрудняет определение точных временных границ отхода местного населения, но верхняя граница этого события едва ли выходит за рамки бореального периода.

Основание для таких выводов дает сравнительное изучение эталонных комплексов позднемезолитического и ранненеолитического кремня, выявившее системное различие между ними, проявляющееся в ориентации на разные источники кремневого сырья, использовании различных приемов его расщепления, выборе заготовок для орудий, вторичной обработке и типологическом наборе изделий. Особое внимание обращает на себя появление в раннем неолите черешковых на-

¹ Ле-2343: 8020±90 л. н. (кость); Ki-14568: 7930±90 л. н. (керамика); Ki-14631: 7780±90 л. н. (керамика); Ki-14567: 7680±90 л. н. (керамика).

² Ki-12166: 7810±190 л. н. (керамика); Ki-12167: 7680±190 л. н. (керамика).

³ Гин-7086: 7950±130 л. н. (раковина); Ле-4782: 8000±120 л. н. (раковина); Ле-4783: 8050±120 л. н. (раковина); Ле-4784: 7940±140 л. н. (раковина).

⁴ Гин-7085: 8680±120 л. н. (раковина); Ле-4871: 8990±100 л. н. (раковина).

⁵ Гин-7088: 8470±140 л. н. (раковина).

конечников стрел, шлифованных рубящих орудий трапециевидной формы и симметричного сечения, не имеющих местных истоков. Все это достаточно определенно указывает на разрыв культурных традиций при переходе от мезолита к неолиту, явившийся следствием отхода местного мезолитического населения и проникновения в южные районы Волго-Уральской лесостепи раннеолитических групп населения, являющихся носителями иных традиций кремнеобработки и изготовления орудий (Вискалин, 2008. С. 74–88).

Между уходом местного мезолитического населения и распространением на этой территории раннеолитического проходит некоторый временной промежуток, с которым, видимо, следует связать образование в южных районах Волго-Уральской лесостепи тонкого горизонта степных позднеолитических древностей. Распространение степного населения на территории, занятой в предшествующий бореальный период таежными лесами, могло произойти только в условиях деградации лесного покрова и отхода проживающих здесь групп лесных охотников. Образовавшиеся открытые пространства заселяются степными животными и становятся привлекательными для мезолитических обитателей степного Поволжья, адаптированных к жизни на открытых пространствах. Одна из таких разрушенных стоянок с кремнем жекалгановского типа, включающего пластины, ретушированные вкладыши, сегменты с гелуанской ретушью дуги, обнаружена вблизи г. Сызрани на Волге (История Самарского Поволжья... 2000. С. 100, 101). Но это не единственное доказательство проникновения в южные районы Волго-Уральской лесостепи степного мезолитического населения. Следы его присутствия, возможно, являются и эпизодически встречающиеся на дюнных стоянках р. Самара так называемые «рогатые» трапеции.

А.А. Выборнов связывает эту группу изделий с раннеолитической эпохой, не представляя тому убедительных доказательств (Выборнов, 2008. С. 207, 208). Между тем изучение данного вопроса показывает, что вероятно не неолитическая, а мезолитическая атрибуция данного вида изделий. Все найденные в Волго-Уральском регионе «рогатые» трапе-

ции происходят из многослойных памятников с перемешанными культурными слоями, а на однослойных раннеолитических памятниках не обнаружено ни одного подобного изделия. «Рогатые» трапеции встречаются на памятниках, где примесь мезолитического кремня также не исключена, и в ряде соседних регионов: в Северном Прикаспии (Выборнов, Козин, 1988. Рис. 3, 1; Ластовский, Комаров, 1988. Рис. 2, 30), на Северо-Восточном Кавказе (Амирханов, 1987. Рис. 17, 1), в Северо-Восточном Приазовье (Манько, 1996. Рис. 1, 5–7, 10, 14; Горелик и др., 2003. С. 28, 29; Цыбрий, 2003. С. 44. Рис. 3, 1, 2, 7, 36), Среднем и Верхнем Подонье (Сурков, Федюнин, 2006. Рис. 1).

Тяготение «рогатых» трапеций к южным районам Волго-Уральской лесостепи показывает, что степное мезолитическое население осваивает освобождающиеся от леса территории и не продвигается в ее северную часть, возможно, из-за сохранения здесь лесных массивов и местного населения, оставившего памятники типа Деуковской II стоянки. Имеющиеся скудные источники не дают оснований продлевать время существования в регионе степного мезолита до появления раннеолитических групп населения, материальная культура которых не содержит ни одного элемента, указывающего на возможные контакты со степным населением.

Таким образом, выделение в южных районах Волго-Уральской лесостепи маломощного горизонта степного мезолита указывает на существование временного отрезка, разделяющего периоды обитания позднеолитических племен микропластинчатого технокомплекса и раннеолитических, и объясняет отсутствие между ними прямых культурных контактов.

Атлантический период, по И.А. Хотинскому, начинается около 8000 л. н. и сопровождается серьезными климатическими изменениями, связанными с общим потеплением и увеличением влажности по сравнению с последней фазой предшествующего бореального периода. В это время на территории Русской равнины происходит масштабное смещение ландшафтно-климатических зон в северном направлении, достигающее 200, а в отдельные периоды и 400 км (Хо-

тинский, 1977. С. 162). В средних широтах на смену сосново-березовым лесам повсеместно приходят широколиственные, в южных — наблюдается подвижка границы лес-степь в северном направлении. Сходные ландшафтно-климатические изменения в начале атлантического периода реконструируются палеоклиматологами и на территории Волго-Уральской лесостепи (Спиридонова, Алешинская, 1999).

Поселения начальной поры раннего неолита, выделенные А.Е. Мамоновым в ранненеолитическую елшанскую культуру, обнаружены на территории Самарской, Оренбургской, Ульяновской областей (Мамонов, 1999. С. 17). Наиболее ранние из них занимают южные районы лесостепи и не проникают на север дальше р. Сок. Хронологические рамки этого периода по имеющимся радиоуглеродным данным определяются первой четвертью VI тыс. до н. э. Во второй четверти VI тыс. до н. э. ранненеолитическое население продвигается до широты Ульяновска, где находится исследованная автором стоянка Елшанка X. Севернее Ульяновска следы присутствия елшанского населения пока не обнаружены, несмотря на относительно хорошую изученность этой территории.

При анализе размещения памятников елшанской культуры внимание обращает их тяготение к открытым, остепненным пространствам и отсутствие в лесных районах. Широтная зональность ранненеолитического населения не является случайной и отражает специфику хозяйственной деятельности этого населения, приспособленного к жизни на открытых пространствах, а возможно, и наличие в северных районах волго-уральской лесостепи, сохраняющих в это время лесной покров, мезолитического населения так называемой русско-луговой культуры (Никитин, 2006). Основным занятием этого населения являлось круглогодичное рыболовство, дополняемое сезонной охотой и собирательством. Им оставлены многочисленные поселки, застроенные рядами углубленных в землю долговременных жилищ (Никитин, Соловьев, 2002. С. 24, 25), испытавших неоднократные сезонные перестройки (Березина, 2006. С. 38). Культурные слои памятников насыщены находками, среди которых присут-

ствуют крупные рубящие орудия — топоры, тесла, долота, в том числе и пешни, использовавшиеся при зимнем лове рыбы.

Вопреки высказанным ранее предположениям, происхождение ранненеолитических комплексов не удастся связать с местным позднемезолитическим населением, являющимся носителем совершенно иной стратегии добычи пропитания, иных традиций изготовления каменных орудий, иных форм жилищ и т. д. Наметить истоки елшанской культуры помогает изучение ее керамики. По мнению И.Н. Васильевой, керамическое производство ранненеолитического населения волго-уральской лесостепи не имеет местных корней и обладает достаточно развитым характером, свидетельствующим о длительном пути развития за пределами региона (Васильева, 2006. С. 434–436). На роль исходных территорий формирования елшанской керамической традиции сегодня претендуют Среднеазиатский (Выборнов, 2005. С. 154, 155) и Анатолийско-Кавказский регионы (Вискалин, 2006б. С. 90–92), где керамическое производство появляется в сходных формах и задолго до елшанского. Продвижение южного ранненеолитического населения на территорию волго-уральской лесостепи происходит в условиях ландшафтной перестройки начала атлантического периода, приведшей к распространению на юге Русской равнины обширных степных ландшафтов. Связь ранненеолитического населения с древнейшими центрами производящего хозяйства, прослеживаемая через сходство керамики, его «встроенность» в степные ландшафты, косвенно указывает на особую направленность хозяйства, отличающуюся от направленности хозяйства местных мезолитических племен.

Вопрос о характере хозяйственных занятий ранненеолитических обитателей Волго-Уральской лесостепи поднимался неоднократно. Н.Л. Моргунова допускала возможность знакомства ранненеолитического населения со скотоводством, опираясь на южные параллели в керамике и выявленные А.Г. Петренко в нижних слоях стоянок Ивановская и Виловатовская остатки одомашненного быка, лошади и овцы (Моргунова, 1995. С. 81–89). А.Е. Мамонов является сторонником комплексного присваивающего

хозяйства раннеолитического населения (Мамонов, 2006). В последнее время в распоряжении науки появились новые доказательства знакомства елшанского населения со скотоводством. Анализ остеологической коллекции нижних слоев (3 и 4) стоянки Усть-Ташёлка (Елшанка X), проведенный А.Г. Петренко, выявил наряду с местными видами диких животных (лось, бобр, косуля, выдра, заяц) останки особей быка (3) и лошади (1)⁶. В этой связи уместно вспомнить, что это не единственный случай выделения одомашненных животных на стоянках елшанской культуры. П.М. Косинцев ранее уже выделял на стоянках Чекалино IV и Лебяжинка IV особи быка, лошади и сайги (или овцы?), отнесенных им к диким видам (Там же. С. 94), что вполне объяснимо, учитывая слабую морфологическую выраженность признаков доместики животных на ранних этапах.

Развитие елшанской культуры обрывается в середине VI тыс. до н. э., с началом кратковременного похолодания, продлившегося всю третью четверть этого тысячелетия. Наиболее поздние даты для керамики елшанского типа со стоянок Чекалино IV⁷, Н. Орлянка II⁸, Старая Елшанка II⁹, полученные в Киевской радиоуглеродной лаборатории по почвенной органике, раковине и костям, ложатся на V, частью на IV, тыс. до н. э. Между «ранними» и «поздними» датами появляется разрыв в 500 лет, не заполненный ничем.

В последней четверти VI тыс. до н. э. кратковременное похолодание заканчивается и начинается новое потепление, продолжившееся до рубежа VI–V тыс. до н. э. Максимум этого потепления приходится на рубеж 7200 л. н. Вместе с приходом тепла в Среднем Поволжье и Приуралье появляются новые группы неолитического населения. Одна из таких

групп распространяется в южных районах Предволжья (а возможно, и Заволжья). Для нее характерна тонкостенная керамика с профилированным эсовидным верхом и острыми донцами. От посуды елшанской культуры ее отличает отсутствие биконических сосудов, слабых утолщений-наплывов на венчиках, уменьшение роли ямочно-жемчужных поясков, орнаментальных мотивов из прочерченных лент с точечным заполнением и др. Вместо них появляются не характерные для елшанской посуды шевронные композиции, свойственные для более поздней накольчатой керамики (Вискалин, 2002. С. 275, 282). Происхождение данной группы В.В. Ставицкий связывает с сурской культурой, отдельные группы которой проникли на Правобережье Волги из Приазовья по рекам Хопер и Мокша (Ставицкий, 2005). Следовательно, ее связь с елшанской культурой нуждается в дополнительной аргументации.

В начале V тыс. до н. э. на юге Заволжья появляются самые первые группы накольчатой керамики (Ивановская стоянка)¹⁰. Под влиянием продолжающегося теплого периода к началу второй четверти V тыс. население накольчатой керамики проникает значительно севернее, на территорию Марийского Поволжья (Никитин, 2004. С. 139) и Прикамья, о чем говорят даты по углю с поселения Отарское VI¹¹ и по керамике с Щербетской II¹² и Лесного Никольского III¹³. Отдельные экземпляры накольчатой керамики из комплексов Отарской, Лесной Никольской III и др. стоянок имеют горловины с отогнутыми венчиками, напоминающими архаичные «воротнички» ранней азово-днепровской культуры (Вискалин, 1997. Рис. 9, 2, 14). Столь ранний возраст воротничковой керамики исключает ее заимствование у племен самарской культу-

⁶ Автор выражает искреннюю признательность А.Г. Петренко за анализ остеологических образцов.

⁷ 6030±100 л. н. (почва); 5840±80 л. н. (керамика); 5910±90 л. н. (почва); 4980±70 л. н. (кость); 5470±70 л. н. (кость) — сообщение А.А. Выборнова.

⁸ Ki-14084: 5630±80 л. н. (керамика); Ki-14123: 5720±80 л. н. (керамика).

⁹ Ki-14413: 6820±80 л. н. (керамика); Ki-14569: 6760±80 л. н. (керамика); Ki-14570: 6480±80 л. н. (керамика).

¹⁰ Ki-14118: 7060±100 л. н.; Ki-14119: 6930±90 л. н.; Ki-14079: 6980±80 л. н.; Ki-14080: 6840±90 л. н.

¹¹ Ле-5998: 6700±40 л. н.

¹² Ki-14134: 6620±90 л. н.; Ki-14098: 6530±90 л. н.

¹³ Ki-12169: 6570±170 л. н.

ры и указывает на возможные юго-западные истоки этой группы. Связь племен накольчатой керамики со степными и лесостепными районами Русской равнины подтверждают находки каменных утюжков-шлифовальников, не имеющих местных истоков, но зато хорошо представленных в мезолите и неолите юга Русской равнины (Панченко, 2004. С. 247–252). Во второй четверти V тыс. до н. э. на Средней Волге появляются и первые комплексы неорнаментированной плоскодонной керамики луговского типа (стоянки Красный Городок¹⁴, Ильинская¹⁵, Луговое III¹⁶), а также особая группа керамики «с насечками» (стоянки Ильинская¹⁷, Елшанка XI и др.).

В середине V тыс. до н. э. на 200 лет возвращаются холода, пик которых приходится на 6400 л. н. Под влиянием ухудшившегося климата и сопровождающего его наступления леса на юг происходит смещение неолитического населения из северной части региона несколько южнее. Следы присутствия одной из таких групп были обнаружены автором на упомянутой выше стоянке Лесное Никольское III на р. Майна в Ульяновской обл. Культурный горизонт стоянки содержит несколько скоплений накольчатой керамики и кремня, сконцентрированных вокруг кострищ. Керамика практически не имеет ямочно-жемчужных поясков, характерных для накольчатой керамики Самарской и Оренбургской лесостепи. Среди кремневых изделий найдено несколько орудий из плитчатого кремня, выходы которого находятся значительно севернее, в бассейне р. Илети и Вятки (Вискалин, 1997. Рис. 3, 21, 22).

В последней четверти V тыс. до н. э. вновь наступает потепление, пик которого приходится на 6200 л. н. Среднегодовая температура в это время поднимается значительно выше, чем современная. Потепление продолжается до самого начала IV тыс. до н. э. и вызывает подвижку ландшафтов в север-

ном направлении. Распространение на север лесостепных и степных ландшафтов способствует неолитизации лесных территорий и приводит к появлению здесь нескольких новых групп переселенцев с юга. В южных районах волго-уральской лесостепи в это время получают развитие комплексы виловатовского типа, плоскодонная посуда которых украшена накольчатым орнаментом в геометризированной манере. Появление этой посуды А.И. Юдин связывает с миграцией племен орловской культуры с территории Саратовского Поволжья (Юдин, 1993). Какая-то часть виловатовского населения, в свою очередь, по долине Волги распространяется еще севернее, до приустьевой части Камы, где возникают памятники типа Щербетской II стоянки. Уже отсюда по степным коридорам, образовавшимся в долинах крупных рек, племена накольчатой керамики продвигаются в районы Среднего Прикамья и на Вятку, что подтверждают даты стоянок Кошкинская¹⁸, Кыйлуд II¹⁹, Чашкино Озеро IV²⁰, Усть-Шижма²¹. Еще одна группа неолитического населения в это время проникает на территорию Среднего Посурья с территории Среднего Подонья и Похоперья. На обнаруженной под г. Алатырь стоянке Утюж I выявлены необычные для Среднего Поволжья комплексы остродонной накольчато-прочерченной керамики, сходной с керамикой дронихинского типа (Березина и др., 2008). Следы присутствия третьей группы накольчато-прочерченной керамики выявлены в северной части региона, вблизи впадения в Волгу р. Ветлуга и на р. Вятке. Отличительной особенностью керамики Сутырской VII и Кошкинской стоянок является оформление по краю плоских днищ выступающих закраин, не характерных для посуды других групп накольчатой керамики Среднего Поволжья и Прикамья (Николаев, 2007. Рис. 2, 7; Гусенцова, 2000. Рис. 3, 11, 13). Истоки этой группы не вполне ясны, но мож-

¹⁴ Ki-14078: 6730±100 л. н.; Ki-14117: 6550±130 л. н.

¹⁵ Ki-14111: 6740±70 л. н.; Ki-14145: 6680±70 л. н.

¹⁶ Ki-14584: 6700±100 л. н.

¹⁷ Ki-14147: 6770±90 л. н.; Ki-14113: 6670±100 л. н.

¹⁸ Ki-14913: 6480±90 л. н.; Ki-14576: 6260±90 л. н.; Ki-14577: 6110±90 л. н.

¹⁹ Ki-14434: 6410±80 л. н.

²⁰ Ki-14539: 5920±80 л. н.

²¹ Ki-14436: 6130±100 л. н.; Ki-14435: 6020±90 л. н.

но предположить ее связи с Верхней Волгой (Вискалин, 2002).

В финале теплой фазы в самом конце V тыс. до н. э. на юге волго-уральской лесостепи появляется еще несколько новых групп неолитического населения. Одна группа представлена наиболее ранней гребенчатой керамикой, отличительными чертами которой являются плоские днища и многорядные ямочно-жемчужные пояски на горловине. Наиболее ранние комплексы этой керамики обнаружены на стоянках Виловатовская²², Лебяжинка IV и др. Местное происхождение данной керамики не имеет убедительных доказательств, зато многочисленные аналогии в неолитических культурах юга Русской равнины свидетельствуют о ее южном происхождении (Вискалин, 2006в). На рубеже V–IV тыс. до н. э. на юге лесостепи появляются и наиболее ранние комплексы самарской и хвалынской культур, происхождение которых связано со степными районами Русской равнины (Выборнов, 2008. С. 211).

В первой четверти IV тыс. до н. э. начинается похолодание, продлившееся до середины этого тысячелетия. Наиболее холодный период приходится на 5800 л. н. С этим похолоданием связано распространение 2 новых групп неолитического населения. Первая группа представлена племенами гребенчатой керамики камского типа, имеющей характерную яйцевидную форму, венчики с утолщениями-наплывами, орнаментацию из плотных рядов зубчатого штампа. Происхождение данной группы гребенчатой керамики А.А. Выборнов связывает с лесными районами Примокшанья, где выявлены достаточно ранние комплексы — Подлесное III²³, Имерка Ia²⁴ и Имерка IV²⁵ и др. Но имеющиеся даты по Приуралью показывают,

что гребенчатая керамика в восточной части региона появляется столь же рано, как и в западной,²⁶ что не исключает существования нескольких самостоятельных каналов распространения данной традиции в регионе. Вторая группа нового населения приходит с территорий Волго-Окского междуречья и приносит с собой ямочно-гребенчатую керамику. Она распространяется преимущественно в лесной части региона, вытесняя проживающие здесь племена накольчатой и гребенчатой керамики. Наиболее ранние комплексы ямочно-гребенчатой керамики обнаружены в западной части Среднего Поволжья, на стоянках Озимёнки II²⁷, Дубовская III²⁸, Отарская VI²⁹.

В середине IV тыс. до н. э. начинается продолжительное похолодание, продлившееся до середины III тыс. до н. э. Но общий спад температуры периодически прерывается кратковременными возвращениями тепла, одно из которых приходится на последнюю четверть IV тыс. до н. э. Под влиянием теплового климата и очередной ландшафтной перестройки в регионе появляются новые группы керамики, связанные своим происхождением с южными районами Приуралья. Наиболее ярким памятником первой группы является Татарско-Азибейская II стоянка³⁰, давшая выразительный комплекс плоскодонной накольчатой керамики, напоминающей керамику более ранней Виловатовской стоянки. Следы металлообработки на памятниках татазибейского типа подтверждают версию о ее южном происхождении. Вторая группа представлена керамикой с «насечками», имеющей ту же датировку, что и татазибейская³¹. Новые группы неолитического населения не только осваивают Нижнее Прикамье, но и продвигаются по речным системам значи-

²² Ki-14088: 6160±100 л. н.; Ki-14087: 6010±80 л. н.; Ki-14833: 5920±90 л. н.; Ki-14126: 5880±90 л. н. и др.

²³ Ki-14565: 6110±80 л. н.; Ki-14566: 5940±80 л. н.; Ki-14558: 5930±80 л. н. и др.

²⁴ Ki-14563: 5920±80 л. н.; Ki-14562: 5820±90 л. н.

²⁵ Ki-14561: 5860±80 л. н.; Ki-14575: 5670±80 л. н. и др.

²⁶ Ki-15087: 6110±80 л. н.; Ki-15061: 6070±80 л. н.

²⁷ Ki-14571: 5840±90 л. н.

²⁸ Ki-14535: 5930±80 л. н.

²⁹ Ki-14425: 5810±80 л. н.; Ki-14449: 5930±90 л. н.

³⁰ Ki-14136: 5270±90 л. н.; Ki-14100a: 4930±90 л. н.

³¹ Ki-14093a: 5280±100 л. н.

тельно севернее — на Вятку, что указывает на появление степных проходов и свободных территорий.

Таким образом, сопоставление динамики климатических колебаний и смены неолитических культур Волго-Уральского региона выявляет существование между ними зависимости. В периоды климатических потеплений территорию региона занимает население

предположительно южного происхождения, осваивающее привычные степные и лесостепные ландшафты. В периоды похолоданий происходит распространение лесной растительности, в результате чего прежнее население отходит с территории региона, а вместо него приходят племена, связанные своим происхождением с лесными районами Восточной Европы и Урала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирханов Х.А., 1987. Чохское поселение. М.
- Березина Н.С., 2006. Итоги исследования Мукшумской XVIII стоянки в Чувашском Поволжье // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья. Чебоксары.
- Березина Н.С., Березин А.Ю., Вискалин А.В., Выборнов А.А., Коноваленко А.В., Королев А.И., Ставицкий В.В., 2008. Исследование многослойного поселения Утюж 1 на Суре // Научно-педагогическое исследование В.Ф. Ках и проблемы истории и археологии. Чебоксары.
- Васильева И.Н., 2006. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Самара. Вып. 4.
- Вискалин А.В., 1997. Новые данные по неолиту Ульяновского Поволжья // Историко-археологические изыскания: Сб. тр. молодых ученых. Самара. Вып. 2.
- Вискалин А.В., 2002. Пути неолитизации Волго-Камья (к постановке вопроса) // ТАС. Вып. 5.
- Вискалин А.В., 2006а. К вопросу о датировке раннеолитической керамики елшанского типа // ТАС. Вып. 6.
- Вискалин А.В., 2006б. К вопросу о происхождении Елшанской культуры // Археологическое изучение Центральной России. Липецк.
- Вискалин А.В., 2006в. О роли юго-западных контактов в формировании неолита Волго-Уральской лесостепи // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность. Самара.
- Вискалин А.В., 2008. Сравнительный анализ кремневого инвентаря позднеолитических и раннеолитических памятников волго-уральской лесостепи // Археология вос-точноевропейской лесостепи. Пенза. Вып. 2. Т. 1.
- Выборнов А.А., 2005. О раннем неолите Поволжья // Новые гуманитарные исследования. Самара. (ИСНЦРАН.)
- Выборнов А.А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара.
- Выборнов А.А., Козин Е.В., 1988. Неолитическая стоянка Каиршак I в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.
- Горелик А.Ф., Удовиченко Н.И., Удовиченко А.Н., 2003. Группа мезо-неолитических памятников в районе пгт. Георгиевск (Луганская область) // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. Луганск. № 1.
- Гусенцова Т.М., 2000. Комплекс с неолитической накольчато-прочерченной керамикой Кошкинской стоянки на Правобережье р. Вятки // ТАС. Вып. 4. Т. 1.
- История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000.
- Климанов В.А., 1989. Цикличность и квазипериодичность климатических колебаний в голоцене // Палеоклиматы позднеледникового и голоцена. М.
- Кушнарёва К.Х., Рысин М.Б., 2004. К проблеме неолитизации Кавказа и Передней Азии // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб.
- Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., 1995. Результаты палеоморфологических исследований на стоянках неолита-бронзы в бассейне р. Самара // Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Приложение 2. Оренбург.

Ластовский А.А., Комаров А.М., 1988. Памятники с микролитическим инвентарем низовьев реки Малый Узень // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.

Левковская Г.М., 1995. Заключение по результатам споро-пыльцевого анализа образцов из разрезов Ивановского микрорегиона на р. Ток // Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Приложение 1. Оренбург.

Мамонов А.Е., 1999. О культурном статусе елшанских комплексов // Вопросы археологии Поволжья. Самара. Вып. 1.

Мамонов А.Е., 2006. Природная среда в раннем неолите Самарского Заволжья и Оренбургского Приуралья и адаптационный аспект изучения елшанской культуры // Археологическое изучение Центральной России. Липецк.

Манько В.А., 1996. Проблемы зимовниковской культуры в северо-восточном Приазовье // Древние культуры Восточной Украины. Луганск.

Моргунова Н.Л., 1995. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург.

Никитин В.В., 2004. А.Х. Халиков и проблема неолитизации Волго-Камья // Древность и средневековье Волго-Камья: Мат. Третьих Халиковских чтений. Казань; Болгары.

Никитин В.В., 2006. Мезолит левобережья Средней Волги (к проблеме культурной принадлежности) // ТАС. Вып. 6. Т. 1.

Никитин В.В., Соловьев Б.С., 2002. Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы). Йошкар-Ола.

Николаев В.В., 2007. Сутырское VII поселение (к проблеме изучения раннего неолита Марийского Поволжья) // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. Йошкар-Ола.

Панченко Ю.В., 2004. К вопросу о хронологии распространения неолитических челоноков // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., 1999. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА. № 1.

Ставицкий В.В., 2005. Проблемы неолитизации Волго-Донской лесостепи // Новые гуманитарные исследования. Самара. (ИСН-ЦРАН.)

Сурков А.В., Федюнин И.В., 2006. Геометрические микролиты Среднего и Верхнего Дона // Археологическое изучение центральной России. Липецк.

Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., 2004. К проблеме датировки начала неолита в Восточной Европе // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб.

Халиков А.Х., 1960. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху камня и бронзы. Йошкар-Ола.

Халиков А.Х., 1960. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху камня и бронзы. Йошкар-Ола.

Хотинский Н.А., 1977. Голоцен северной Евразии. М.

Цыбрий А.В., 2003. Неолитические памятники Восточного Приазовья // Неолит-энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб.

Юдин А.И., 1993. Орловская культура Волго-Уральского междуречья и ее соотношение с неолитом сопредельных территорий // Археологические культуры и культурные общности Большого Урала. Екатеринбург.

В.М. Лозовский, О.В. Лозовская
*Сергиево-Посадский Государственный историко-художественный
музей-заповедник*

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ И РОГА РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИХ СЛОЕВ СТОЯНКИ ЗАМОСТЬЕ 2

Интерес к ранненеолитическим комплексам Волго-Окского междуречья, характеризующимся появлением верхневолжской керамики, связан с вопросами генезиса неолита на этой территории. С этой точки зрения несомненный интерес представляют материалы многослойной стоянки Замостье 2, расположенной в Сергиево-Посадском районе Московской области. Представленные на памятнике слои позднего и финального мезолита перекрыты слоем верхневолжской культуры, датирующимся в интервале 6800–6300 гг. до н. э. В слое, помимо кремневого инвентаря и керамики, найдена большая коллекция изделий из кости и рога. Ее анализ позволит выявить черты сходства и различия ранне-неолитического комплекса и материалов мезолитических слоев.

В ходе исследования верхневолжских слоев стоянки Замостье 2, раскопанных (1989–1991, 1995–2000 гг.) на площади 154 м², собрана обширная коллекция изделий из кости. Самой многочисленной категорией инвентаря являются **наконечники стрел** (166 экз.). Среди них выделяются несколько типов.

1) Игловидные наконечники:

а) игловидной формы удлинённых пропорций, округлые в поперечном сечении, с плавным коническим насадом и приостренным уплощенным пером, иногда намечается

огранка острия (37 экз.). Некоторые орнаментированы (рис. 1, 1–6, 41);

б) аналогичной формы, но на острие пера присутствует небольшое плавное утолщение (2 экз.).

в) игловидной формы укороченных пропорций (10–12 см), с округлым поперечным сечением, коническим острием и слегка уплощенным насадом (11 экз.; рис. 1, 7–11);

г) аналогичной формы, только уплощенные (плоские) в поперечном сечении (34 экз.).

2) Плоский наконечник с выделенным треугольным пером и округлым насадом представлен единственным экземпляром (рис. 1, 40).

3) Фигурные наконечники. Имеют средние, в некоторых случаях вытянутые, пропорции, два или три по-разному оформленных утолщения расположены на неравном удалении друг от друга. На утолщении, расположенном в верхней части, как правило, имеется кольцевая нарезка, поверх которой параллельно продольной оси вырезаны одна-три небольшие канавки.

Поперечное сечение обычно подовальное или подтреугольное. Выделяются два подтипа:

а) с двумя утолщениями — одно расположено в верхней части наконечника, другое, меньшее по размерам, — в нижней или средней части. От последнего начинается хорошо

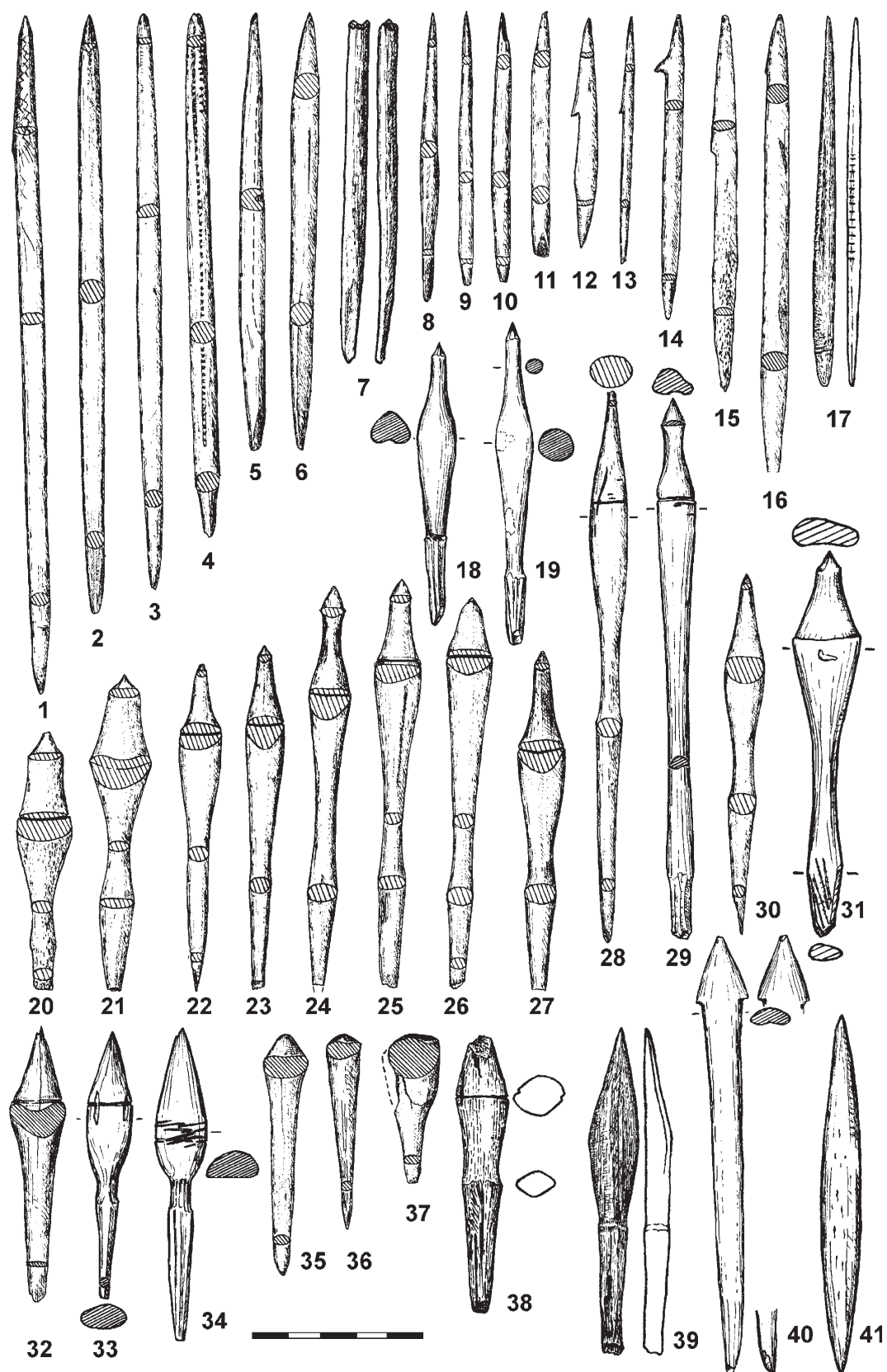

Рис. 1. Стоянка Замостье 2: раннеолитический горизонт — изделия из кости

выраженный насад (12 экз.; рис. 1, 19, 22, 23, 26–28, 30, 38);

б) с тремя утолщениями — два расположены аналогично, третье, шиповидное, расположено у самого острия (12 экз.; рис. 1, 20, 21, 24, 25, 29, 31).

4) Биконические наконечники:

а) уплощенные биконические (4 экз.), с резко укороченной боевой частью и вытянутым уплощенным насадом (рис. 1, 32–34);

б) стержневидные, с острием, оформленным в виде биконического утолщения (5 экз.);

в) биконический наконечник укороченных пропорций с выделенным тонким насадом и округлым поперечным сечением (1 экз.). По центру на утолщении прорезана кольцевая канавка.

5) Наконечники с утолщенным тупым острием и с уплощенным насадом из укороченного стержня (5 экз.; рис. 1, 35, 36).

6) Зубчатые наконечники:

а) с плоским поперечным сечением и 1–3 мелкими зубцами, расположенными в верхней части изделия. Насад оформлен в виде лопаточки (7 экз.; рис. 2, 4, 5);

б) с округлым поперечным сечением и одним зубцом, расположенным близко к острию. Насад конический, слегка уплощен (7 экз.; рис. 1, 12–16);

в) игловидные с плоским поперечным сечением, у которых по одному краю вырезан ряд мелких зубцов (4 экз.; рис. 1, 17; 2, 1).

7) Наконечники с односторонним пазом для вкладышей, начинающимся от самого острия (2 обломка) (Лозовская, 2001).

К костяному охотничьему вооружению относятся также **гарпуны** и **остроги** — всего 81 экз. и 10 фрагментов рукоятей (рис. 2, 9–14, 18, 19; 3, 3).

1) Мелкозубчатые наконечники острог. Изготовлены из трехгранного стержня, на одной из граней вырезаны мелкие косые зубцы через минимальное расстояние (14 экз.). Характерна тщательная обработка и полировка всего изделия (рис. 2, 3, 6–8). Размеры орудий колеблются от 10,5 до 24 см. На одном целом крупном экземпляре (23,3 × 1,1 см) в зоне насада сохранились остатки обмотки в виде нескольких рядов бересты, обвязанной вокруг насада (рис. 2, 7).

2) Наконечники гарпунов средних размеров, изготовлены из стержней подовальной формы, тщательно обработаны. На одной из граней вырезались 3–4 мелких клювовидных зубца, расположенных на большом расстоянии друг от друга, на двух экземплярах зубцы средних размеров поставлены близко друг к другу. Насад уплощен и оформлен выступами (7 экз.); в одном случае насад не оформлен. Размеры целых орудий колеблются от 8 до 23 см. Найдено 2 обломка насада четырехгранного поперечного сечения. Близко к кончику насада вырезаны полукруглые выемки для привязывания.

3) Крупные наконечники острог из слабо обработанных бедренных костей лося (34 экз.). Характерна тщательная обработка острия и нескольких крупных боковых зубцов. Зубцы (от одного до трех) крупные, редко поставленные. Насад только слегка подрабатывался; возможно, иногда прорезалось отверстие (рис. 2, 18, 19). Один практически целый экземпляр (23,5 × 3,5 см) с двумя клювовидными зубцами отличается тем, что у него острие оформлено двумя уплощающими срезами, направленными под углом 45°; в зоне насада пробито овальное отверстие. Другой почти целый экземпляр (13,6 × 2,2 см) имеет обломанный насад, боковые стороны сколоты; на конце острия оформлен крупный зубец (рис. 2, 13).

Фрагментов острия найдено 13 экз. Они представлены как мелкими, так и достаточно крупными обломками с сохранившимися зубцами (3 экз.). В двух случаях острие по краям украшено мелкими насечками, у одного — на внешней поверхности выгравирован орнамент в виде полос, заполненных лесенкой (рис. 2, 10, 14; 3, 3).

Обломков средней части орудий найдено 14 экз. Их размеры сильно колеблются: от мелкого участка края с остатками зубца (4,5 × 1,3 см) до крупных фрагментов верхней части орудия (15,2 × 2,5 см). Зубцы или их остатки сохранились на 6 экз. На трех фрагментах присутствует геометрический орнамент, яркий пример которого представлен на крупном фрагменте с двусторонним зигзагом, одна из вершин которого украшена ромбом (рис. 2, 14).

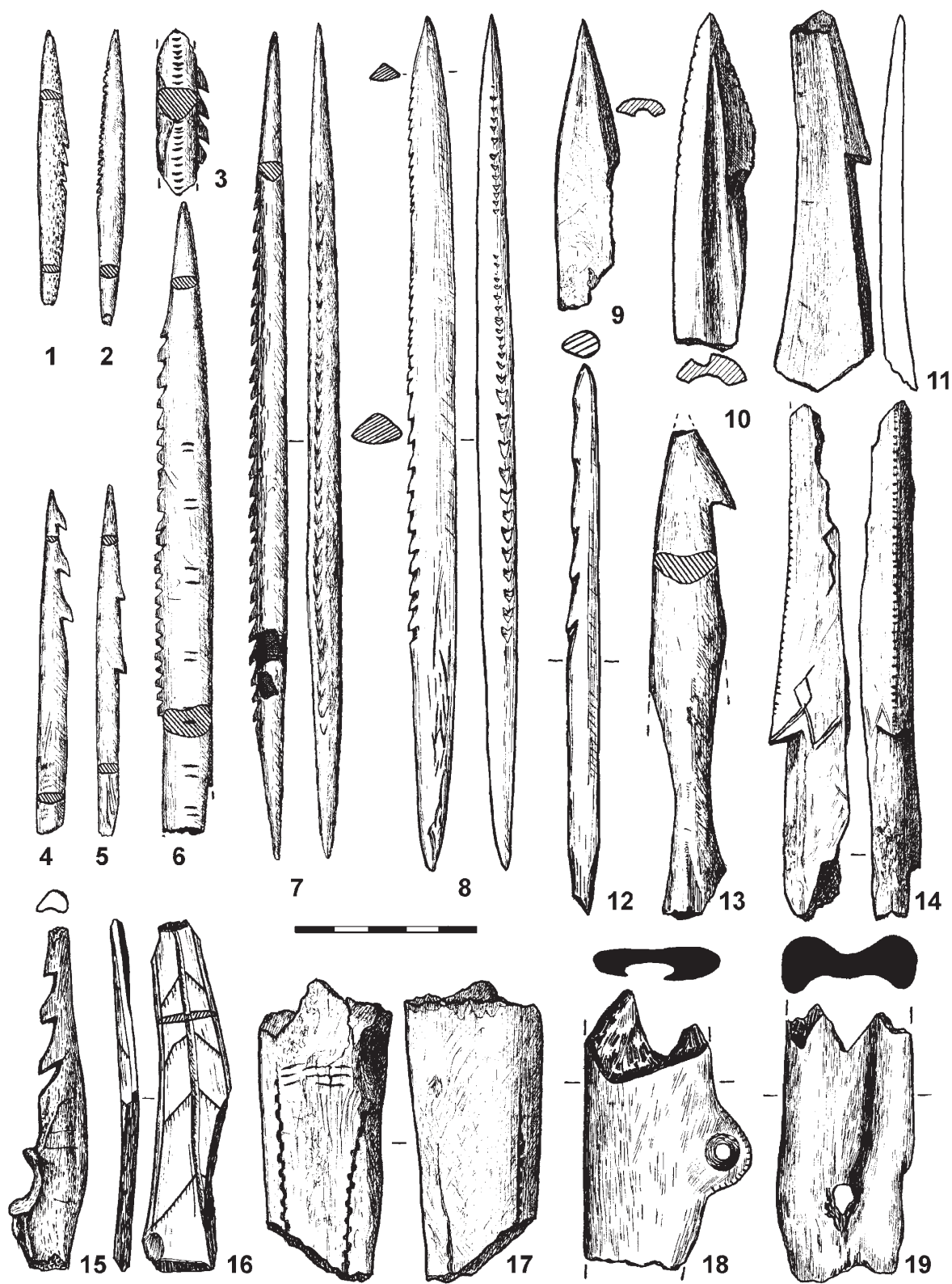

Рис. 2. Стоянка Замостье 2: ранненеолитический горизонт — изделия из кости

Фрагменты насада представлены 10 экз. У всех отмечается грубая обработка конца, оформленного на месте эпифиза. У пяти фрагментов имеется отверстие — у двух оно овальное, пробито в центральной части, у трех расположено сбоку и просверлено специально подготовленной для этого площадки (рис. 2, 18, 19).

Ножей из ребер лося и их фрагментов в раннеолитическом слое найдено 121 экз. Как и в слоях мезолита, подавляющее большинство этих изделий представлено фрагментами острия, средней части и рукояток (рис. 3, 1, 2, 5-11, 13-15, 18).

Целых ножей, длиной от 8,5 до 17 см, — 7. Обе поверхности у них заполированы в процессе использования, боковые края сильно скруглены, в двух случаях они приобрели волнистый характер. На одном экземпляре возле рукоятки по обеим кромкам вырезаны крупные зубчики. Острие у всех орудий симметричное, оформлено плоским срезом с одной из поверхностей. Одно изделие с двух сторон украшено геометрическим орнаментом (рис. 3, 6, 14).

Фрагментов рукояток ножей — 12. На 10 экземплярах конец рукоятки срезан, форма подпрямоугольная с закругленными сглаженными углами или округлая (3 экз.). Длина фрагментов колеблется от 7 см до 16,5 см. На большинстве предметов отмечается заполировка сторон и краев орудий. Оформление рукоятки в виде «головы птицы» в слое раннего неолита встречено только на 2 ножах. Первый — небольшой фрагмент (длина 4 см) с четко вырезанным профилем; слом произошел в месте перехода навершия в рукоять (рис. 3, 13); у второго экземпляра фигурная головка была только намечена (рис. 3, 15).

Для всех обломков острий (43 экз.) характерна сильная заполировка поверхности. Заострение у большинства симметричное, у четырех — асимметричное, еще один фрагмент отличается притупленным скругленным кончиком. Длина варьирует от 2 до 11 см, однако у подавляющего большинства не превышает 7 см. Наиболее характерны поперечные сломы. На одном фрагменте вдоль кромки нанесен орнамент в виде волнистых линий (рис. 3, 1, 2, 11).

Обломки средней части ножей представлены 49 экз.; длина фрагментов от 1,5 до 20 см. Крупные экземпляры представляют собой целое ребро с заполированными краями (25 экз.), мелкие фрагменты — в основном расщепленные стенки ребра. Десять фрагментов украшены геометрическим орнаментом (рис. 3, 7-10), у одного боковые кромки волнистые. Некоторые из этих ножей, возможно, не имели заостренного конца и выполняли другое назначение (Клементе, Гиря, 2003). Кроме того, на 6 фрагментах средних частей орудий и одном фрагменте рукоятки отмечается удлиненный треугольный или подпрямоугольный вырез, в одном случае эта выемка доведена почти до самого верха рукоятки (рис. 3, 5, 18).

Ножи из лопаток лося представлены 25 экз. Только один предмет является целой формой (рис. 3, 19). Это небольшое орудие (11,3 × 2,5 × 0,5 см) заостренной клиновидной формы; вырезано из участка лопатки, примыкающего к сбитому и сnivelированному ребру. Острие симметричное, заполировано с двух сторон. На внешней стороне нанесен простой орнамент в виде зигзага. Большая часть фрагментов представлена мелкими обломками лезвия; только четыре изделия имеют относительно крупные размеры (13,5-16 см); на двух отмечена глубокая вогнутость режущего края; один экземпляр имеет волнистый край (рис. 3, 12).

Струги из крупных трубчатых костей лося (7 экз.) представлены небольшими фрагментами, длина самого крупного 15 см. Основным характерным элементом является протяженная двусторонне заостренная режущая кромка. На всех орудиях отмечается заполировка как лезвия, так и отдельных участков поверхности.

Кинжалы представлены 9 экземплярами, все фрагментированы. Фрагментов острия — 3, на одном с обеих сторон вдоль краев нанесен орнамент в виде линий с насечками; такая же линия идет по центру орудия с внешней стороны. Рукоятки представлены 5 фрагментами, из них 2 с просверленным и пробитым отверстием в рукояточной части, 2 — со скругленным верхом, и 1 — с двусторонним орнаментом в виде линий с ресничками (рис. 2,

Рис. 3. Стоянка Замостье 2: ранненеолитический горизонт — изделия из кости

16). Остальные обломки — от средних частей орудий.

Орудий с заточкой рабочего конца под углом 45° (**скошенные орудия**) и их обломков найдено 34 экз. На всех орудиях оформлено резцевидное лезвие, аналогичное встреченному на орудиях из мезолитических слоев. Материал, использовавшийся при их изготовлении, тот же — трубчатые, плечевые кости лося и его метаподии (рис. 4, 2). Одно целое изделие с углом 45° представляет собой отделяющийся гарпун с 2 зубцами и отверстием для привязывания к древку, рабочий угол 45° совпадает с острием оружия. Это изделие является исключением из общей массы скошенных орудий с углом 45° ($23,4 \times 3 \times 1,3$ см). Еще 6 экземпляров — это целые традиционные формы: три орудия укороченных пропорций (длиной 7–10 см) и три несколько удлиненных (12,5–14,5 см). Торцы рукояток в трех случаях сужены и закруглены, в двух — прямые и подправлены грубыми срезами и ретушью. На одном предмете кончик острия поврежден. Еще 11 предметов представляют собой крупные поврежденные экземпляры длиной 7–13 см.

Обломков кончиков острия 45° найдено 12 экз., из них 8 представляют собой продольные сколы от острия орудий вдоль скошенной поверхности. Еще четыре предмета — поперечные фрагменты острия.

В отдельную группу выделены обломки **рукоятей орудий** (21 экз.). Все они изготовлены из крупных локтевых костей с эпифизом, которому придана четырехугольная или зауженная форма со скругленным концом. Длина фрагментов от 5 до 20 см. Судя по тщательности подработки и находке одного целого изделия, эти предметы могут быть соотнесены с вышеописанным типом скошенных орудий (с рабочим концом 45°).

К группе скошенных орудий примыкают еще 5 изделий, они представлены фрагментами рабочих кончиков. Острие образовано у них не пересечением двух поверхностей, а заострением с 4 сторон, сечение четырехгранное. Самый крупный экземпляр длиной 11,5 см зашлифован со всех сторон (рис. 4, 3, 4).

Проколки и иглы найдены в количестве 130 экз.

Проколки из грифельных костей лося (41 экз.) и локтевой кости зайца (1 целый экз.) имеют естественную изогнутую форму. Конец с эпифизом не обрабатывался, противоположный конец заострялся. Длина целых проколов (19 экз.) варьирует от 8,3 до 12,5 см (рис. 3, 4) в силу многократного переоформления острия. Тип, широко распространенный на памятниках мезолита и неолита.

Среди проколов из других костей (57 экз.) 18 — из обрезков трубчатых костей, 10 — из плоских ребер, расколотых пополам. Из последних 3 экземпляра — укороченных пропорций, с относительно широкой рукояткой, противоположный кончик заужен, и на нем выделено маленькое заполированное жальце (длина 7–7,5 см); 5 имеют удлиненные пропорции, острие плавно приострено (9,5–15 см). Пять экземпляров изготовлены из изогнутых ребер с остатками эпифиза; одна проколка вырезана из изогнутой части лопатки лося и отличается тонким поперечным сечением (0,2 см), у нее трапецевидная форма с одним вытянутым кончиком, на котором оформлено маленькое жальце.

В последнюю группу (32 экз.) включены орудия, изготовленные из птичьих полых костей, — проколки и иглы (13 экз.). Проколки частью изготовлены из целых костей, частью из расколотых; в двух случаях сохранилось расширение у эпифиза, которое, возможно, служило рукояткой. Иглы, как правило, сделаны из тонких пластин расколотых костей. Их ширина варьирует от 0,3 до 0,6 см. У всех тщательно вырезана общая форма и приострен тонкий кончик. Длина целых (5 экз.) — 6,1–7,2 см.

Ложки представлены 1 целым экземпляром и 8 небольшими фрагментами средних частей и ручек. Они изготовлены из тонких (1–2 мм) частей лопаток овальной или каплевидной формы. Целый предмет изготовлен из тонкой плоской пластины рога аналогичной формы с вытянутой ручкой, на вершине которой оформлена небольшая шишечка (размер $14 \times 4,7 \times 0,2$ см). На всех фрагментах присутствует небольшое углубление, как на современных ложках; контур орудий, как правило, тщательно вырезан. На 2 экземплярах на руч-

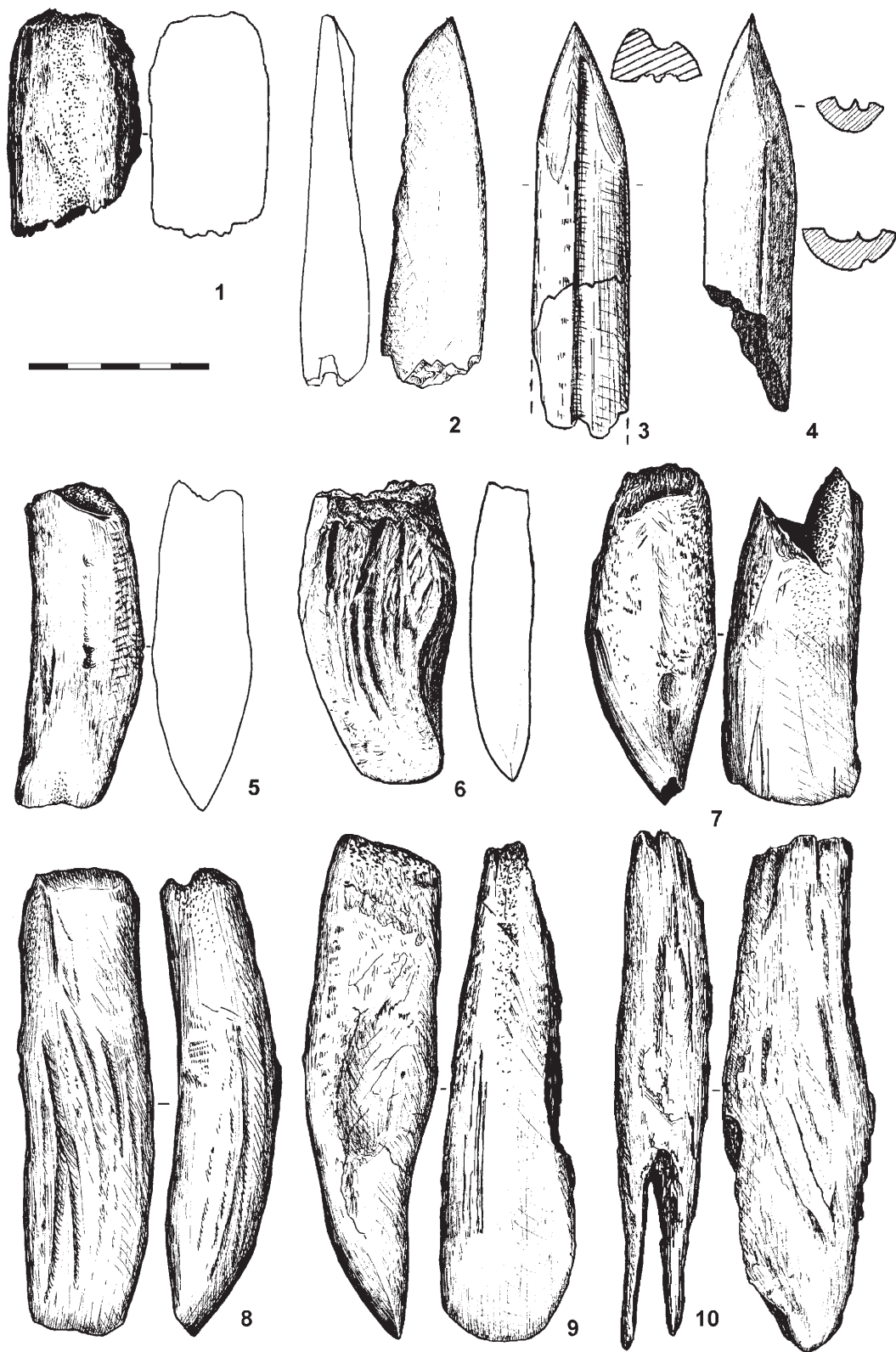

Рис. 4. Стоянка Замостье 2: ранненеолитический горизонт — изделия из кости и рога

ке сохранились просверленные круглые отверстия диаметром 3 и 4 мм.

Рыболовные крючки в раннеолитическом слое представлены выразительной серией из 16 экземпляров, в том числе 7 целых, 4 обломков и 5 фрагментов заготовок (стержней). По крайней мере 15 изделий относятся к одному типу крючков, характерному для верхневолжской культуры. Их отличает стандартный способ изготовления: на костяной пластине толщиной 3–4 мм с помощью двусторонних разделочных пазов вырезалась заготовка крючка — длинный, обычно ровный, стержень и, под острым углом к нему, основа для будущего острия. Остатки или фрагменты таких пазов наблюдаются на сломанных заготовках и на большей части законченных изделий (кроме рис. 5, 13, 14). Найдены также два уплощенных фрагмента трубчатой кости с негативами от выреза таких заготовок. В месте пересечения пазов просверливалось отверстие (двустороннее разворачивание) диаметром 2–4 мм, которое иногда дополнительно подрезалось и расширялось; в двух случаях следы сверления не сохранились (рис. 5, 5, 13, 14). В зависимости от тщательности последующей обработки стержни таких крючков имеют прямоугольное или подокруглое сечение. Верхний конец стержня в сохранившихся случаях оформлен в виде простого расширения или слабопрофилированного шишковидного навершия (рис. 5, 1, 2, 6); исключение составляет миниатюрный, тщательно отделанный крючок с фигурным навершием (рис. 5, 13). Острие отогнутое, без дополнительного зубца, длина его колеблется от 0,7 до 2,7 см. Нижний конец крючков иногда угловатый (рис. 5, 1–3), иногда округлый (рис. 5, 5–8). Размеры целых изделий — от 3 x 0,8 см до 8,3 x 1,3 см. Следует отметить, что конечная форма миниатюрного крючка и обломка с крупным просверленным отверстием, несмотря на ряд общих признаков с остальными изделиями, в целом несколько перекликается с формой некоторых крючков из позднеолитических слоев стоянки Замостье 2 (рис. 5, 21, 30).

Последнее изделие (рис. 5, 15) представляет совсем иной тип рыболовного приспособления. Это жальце составного крючка, массивное, с овальным поперечным сечени-

ем, на конце которого оформлен небольшой, тщательно приостренный зубец. В нижней части снаружи вырезано четыре углубления для привязывания; с внутренней стороны конец срезан наискось. Подобного рода составные крючки известны в основном из раскопок стоянок развитого и позднего неолита Русской равнины.

В целом, наблюдаемые для верхневолжской культуры признаки стандартизации в изготовлении рыболовных крючков могут свидетельствовать об увеличении роли индивидуальной рыбной ловли в хозяйстве. Это отчетливо видно при сравнении с находками из мезолитических слоев стоянки Замостье 2, в которых крючки представлены единично и типологический состав не столь выражен. Так, в финальном мезолитическом слое, непосредственно залегающем под слоем верхневолжской культуры, найдено всего три изделия — два предмета с обломанным острием отличаются массивностью, овальным сечением стержня, плавно сужающегося к верхнему концу, в одном случае завершающемуся миниатюрной фигурной головкой; их объединяет способ формирования острия — прорезание (следы сохранились в виде пучка надрезков), но отличает размер — один почти в два раза крупнее (рис. 5, 19, 20). Третий крючок целый, характеризуется массивной нижней частью, под острым углом к стержню вырезано короткое острие без зубца; устройство для привязывания оформлено в виде треугольного уплощенного расширения с легким отгибом наружу. На нижнем скругленном конце сохранились следы срезов — возможно, попытка уплощения или остатки срезанной бородки (?) (рис. 5, 18). Подстилающий верхний слой позднего мезолита — самый богатый по числу найденных изделий из кости-рога — дал всего 1 целый крючок и 6 обломков. Среди них выделяются три ровных плоских стержня с плавным нижним скруглением, признаки сверления отсутствуют, верхний конец одного оформлен в виде овального симметричного плоского навершия, у другого — в виде поперечного расширения (рис. 5, 23–25). Один обломок напоминает стержни вышележащего слоя (рис. 5, 22). Особого внимания заслуживает маленький крючок совершенных пропорций (рис. 5, 21):

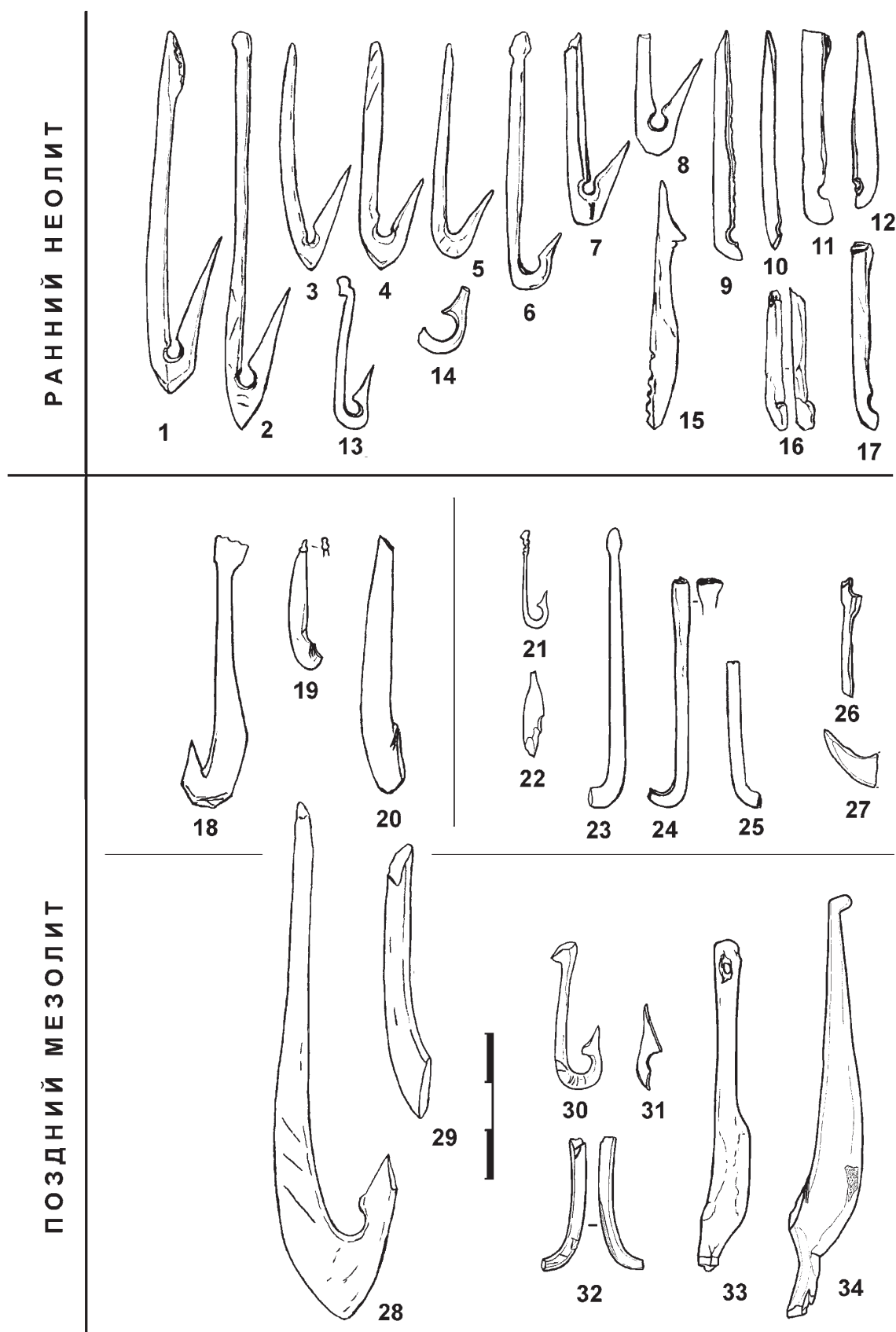

Рис. 5. Стоянка Замостье 2: рыболовные крючки

он имеет тонкий ровный стержень с кольцевыми выступами и фигурным утолщением на конце, плавно скругленный, без признаков сверления, переход к изогнутому острию с зубцом. В нижнем слое позднего мезолита представлены три крупных массивных крючка (рис. 5, 28, 29, 34). Один — целый, с сужающимся кверху стержнем, угловатым нижним концом и коротким массивным зубцом. Второй отличается сужающимся стержнем с плоским отогнутым навершием и длинной бородкой на нижнем конце, его острие обломано; третий фрагментирован, стержень с равномерным прямоугольным сечением. Четыре других изделия относятся к разным типам — целый напоминает крючок из верхневожского слоя, тщательная вторичная обработка не позволяет судить о наличии или отсутствии следов сверления и пазов, острие короткое фигурное, конец стержня утолщен и отогнут наружу (рис. 5, 30); на обломке острия, напротив, сохранились следы двустороннего разворачивания, что свидетельствует о знакомстве с этим приемом в позднем мезолите (рис. 5, 31); фрагмент тонкого на всем протяжении стержня имеет плавный перегиб к острию (рис. 5, 32); четвертый выделяется прорезанным отверстием для привязывания лески, резким утолщением нижней части стержня и отломанной бородкой на нижнем конце, острие было сделано прорезами с двух сторон (рис. 5, 33). Таким образом, для слоев позднего — финального мезолита характерен индивидуальный подход к изготовлению крючков и, как следствие, большое типологическое разнообразие.

Орудий из челюстей бобра найдено 79. Так же, как и в слоях мезолита, это одна из самых распространенных категорий находок. Использованы в равной степени правые и левые нижние челюсти, в большинстве случаев удалены оба верхних отростка, часто также угловой. Преобладают сквозные отверстия в зоне роста резца. Их предназначение было подтверждено находкой одного орудия с сохранившейся деревянной палочкой, продетой в отверстие (внутреннее) и заклинившей резец изнутри через его внутреннюю полость. Аналогичное изделие было найдено в слое мезолита. Отверстия с внутренней (лингвальной) стороны сделаны продавливанием

(когда кость тонкая) или ударами; с внешней (щечной) стороны отверстия демонстрируют разные способы изготовления. Наиболее частый — нажимом (отжимом) или ударами, с последующим ретушированием кромки, иногда с помощью резцового резания, проскабливания с подготовленной площадки или сверления. Подготовка резца для использования проводилась посредством вырезания (затем ретуширования) участка кости для доступа к резцу и удаления части резца скоблением. Ни на одном орудии верхневожского слоя резцовое лезвие не сохранилось. Присутствует достаточно много изделий с остатками обработанного скоблением резца или его нижним обломком. Поскольку эта категория орудий, с одной стороны, очень недолговечна (резец часто ломался), с другой — очень изменчива (фиксируются многочисленные формы и этапы подправок и переоформления), то подразделение на типы не видится обоснованным. Кроме того, широко практиковалось изготовление из использованных резцов подвесок. На большинстве экземпляров наблюдается заполировка поверхности и кромок в процессе использования.

Все **подвески из зубов животных** (124 экз.) характеризуются наличием полукольцевой канавки или не менее чем двух нарезок в корневой части зуба. Изделия можно разделить только по характеру используемой заготовки: подвески из резцов бобра, резцов лося, клыков и резцов хищников. Подвески из резцов бобра — не менее 20 целых экз. и много фрагментов — представляют собой части расколотых или обрезанных вдоль резцов. На одном конце с двух сторон прорезаны симметричные неглубокие выемки для подвешивания, второй конец скруглен (вследствие использования в качестве резца или при ношении). Длина от 2 до 3 см.

Размеры подвесок из резцов лося (92 экз.) в среднем колеблются от 3 до 5,5 см. Большинство подвесок целые, у некоторых срезан или сбит конец с эмалью, есть намеренно уплощенные экземпляры. Способ оформления и число насечек (или канавок) в корневой части зуба разнится. В частности, встречаются надрезы-надпилы, надрезы с элементами расширения, тонкие вертикальные царапины, много пробных нарезок. Расположение боко-

вых нарезок (2 или 3, иногда в сочетании с полукольцевой канавкой) чаще симметричное, в единичных случаях образует фигурную головку. Канавки встречаются намного чаще, чем в мезолите.

Среди подвесок из клыков и резцов хищников (12 экз.) по одной — из клыка медведя и лисицы, 2 из клыков барсука, остальные из резцов кабана (2), медведя (4), волка или собаки (2) (определения выполнены проф. Луи Шэ, Музей естественной истории, Женева). Отличаются более мелкими размерами, чем подвески из резцов лося, — от 2 до 3,5 см. Исключение составляет фигурная подвеска из клыка медведя, размерами 5,3 x 1,9 x 1,1 см, подтреугольной формы, с заостренным концом и головкой с волнистым контуром.

Шлифованные рубящие орудия. В верхневолжском слое найдено 40 рубящих орудий и их обломков (рис. 4, 1, 5–10). Все изготовлены из кусков лосиного рога, как правило, из отростков, которые подвергались незначительной обработке. Целых изделий найдено немного — 18 экз. Среди обломков преобладают фрагменты обушковых частей, все со следами рубки и строгания, особенно на краях и торце. По всей видимости, они сломались в ходе работы, будучи закрепленными в муфте (рис. 4, 1). Как и в нижележащих слоях, профиль большинства лезвий четко не выражен и имеет и симметричные, и асимметричные участки, что не позволяет разделить орудия на топоры и тесла. Исходя из общей формы и приемов обработки, мы выделили несколько групп.

Первая группа включает 6 изделий из удлиненных изогнутых отростков, на которых обушок оформлялся на расширенной части, а лезвие — на узкой. Поэтому у всех наблюдаются следы строгания боковых поверхностей (особенно у обушка) с целью спрямления контуров. На обушке видны следы отделения отростка от основной части рога путем подрубания по периметру и последующего слома. Остальная поверхность почти не подвергалась обработке и сохранила первоначальный рельеф рога (рис. 4, 6).

Вторая группа состоит из 4 изделий подпрямоугольной формы, изготовленных из прямых отростков удлиненных пропорций (длина от 8 до 13 см, ширина от 2 до 5 см).

Большая часть поверхности выстругана и зашлифована. Шлифовке также подверглось лезвие с двух сторон, боковые края и обушковая часть. Но участки первоначального рельефа рога остались. На одном, почти законченном, орудии лезвие с одной стороны зашлифовано, с другой — только срезано (рис. 4, 5, 8).

Третья группа представлена 2 массивными теслами. Первое, орудие подпрямоугольной формы укороченных пропорций (9,5 x 4,5 см), имеет массивный, тщательно выделенный обушок, на зашлифованном лезвии глубокая выемка от работы (рис. 4, 7). Второе орудие имеет резко асимметричный, слегка изогнутый в профиле рабочий край и четырехугольный в поперечном разрезе обушок (14 x 3,5 x 3,5 см) (рис. 4, 1).

Одно тесло миниатюрных размеров имеет правильные подпрямоугольные пропорции (12,5 x 1,8 см) и зашлифовку по всей поверхности.

Среди обломков рубящих орудий — 6 продольных фрагментов и 3 обломка лезвий. Найдены также 4 заготовки орудий.

Долота и стамески из трубчатых костей (10 экз.). Все орудия изготовлены из слабо обработанных трубчатых костей с помощью ретуши и строгания боковых краев. Лезвие оформлялось на одном из концов строганием и шлифовкой: у долот (6 экз.) ширина вогнутого лезвия равняется ширине трубчатой кости (2–3 см), у стамесок (4 экз.) оно намеренно сужалось (ширина в среднем 0,7 см). Найден только 1 целый экземпляр долота, остальные представлены в обломках.

В верхневолжском слое найдено 80 неопределимых фрагментов орудий, а также 340 заготовок и технологических отходов из кости и 25 из рога.

Грубые заготовки из трубчатых костей (40 экз.). Эта группа находок является характерной для костяной индустрии памятника, т. к. представляет собой первое звено технологической цепочки обработки кости. На всех изделиях имеются характерные признаки расщепления кости вдоль и обработки кромок крупными сколами или ретушью с внутренней стороны кости. Этапы эволюции необработанной кости в почти готовую заготовку следующие:

1) расщепление кости вдоль с сохранением эпифизов и очень редкие следы ретуширования, иногда на эпифизах заметны следы его оббивки с торца;

2) удаление эпифизов оббивкой с торца;

3) уплощение заготовки с помощью тщательного ретуширования с внутренней стороны стенки кости.

Отщепов ретуширования кромки кости и оббивки эпифизов — 244.

Один из последующих этапов изготовления орудий представлен 15 стержнями, их концы, как правило, заужены. На поверхности присутствуют следы строгания и нивелировки рельефа фасеток ретуши.

Другим видом обработки кости является продольная фрагментация с помощью паза («разделочного»); найдено 8 фрагментов трубчатых с остатками такого паза.

Лопаток со следами срезов и оббивки ребра найдено 5 экз. Очевидно, что эти находки являются отходами производства ножей. В 4 случаях наблюдаются следы от фрагментации лопатки путем прорезания паза и последующего слома.

Яркий пример использования приема пазов для вырезания из кости будущей формы орудия представлен 6 предметами, острый угол которых в точности соответствует форме найденных в слое крючков, и их можно отнести к отходам производства последних.

На 30 изделиях присутствуют следы намеренной обработки, но из-за фрагментарности трудно их соотносить с определенным этапом технологического процесса. Куски рога с четкими следами рубки и строгания представлены в количестве 25 экз.

Костяная индустрия ранненеолитического комплекса стоянки Замостье 2 показывает целый ряд новых черт, которые были неизвестны в слоях мезолита (Лозовский, 2008) и которые появляются в регионе только вместе с верхневолжской керамикой.

В числе традиционных типов в первую очередь необходимо отметить крупные наконечники острог. Следующим компонентом являются ножи из ребер; хотя их процент снижается по сравнению с верхним мезолитическим слоем, характер обработки и следы использования идентичны. Оформление наконечника в виде «головы птицы» также

представлено в верхневолжском комплексе. Крупные ножи из лопаток показывают те же способы изготовления; однако их число заметно уменьшается.

Отдельного анализа заслуживает серия рубящих орудий из рога, находки которых отмечались только на памятниках верхневолжской культуры (изредка — мезолита) данного региона. Для различных типов рубящих орудий применялись определенные приемы обработки. Так, для орудий с симметричным расположением лезвия характерны два способа обработки. Первый — выбор отростка рога прямой либо несколько изогнутой формы с участком расширенной лопасти; его отделение от основного ствола рога происходило путем обрубания. И второй — отделялся только сам отросток без прилегающей лопасти. В зависимости от типа заготовки проводилась вторичная обработка изделий — кусок или обрезался, или слегка подправлялась часть, прилегающая к обушку. Лезвие в обоих случаях зашлифовывалось. Остальная поверхность почти не обрабатывалась.

Типологически выраженные топоры и тесла, как правило, имеют тщательную вторичную обработку, четко выраженное в профиле рабочее лезвие и хорошо обозначенный обушок, который в некоторых случаях отделялся выступом. Вся поверхность изделий несет следы обработки.

Обе технологии изготовления орудий прослеживаются в слоях как позднего мезолита, так и раннего неолита, и отличий практически не имеют. В обоих случаях отмечается резкое преобладание минимально обработанных орудий с нечетким профилем над небольшой серией типологически выраженных топоров и тесел.

В целом, весь основной комплекс орудий из кости и рога, характерный для мезолитических слоев стоянки Замостье 2 (Лозовский 2008), — орудия из челюстей бобра, рубящие орудия из рога, кинжалы, скошенные под углом 45° орудия, проколки — остается и в раннем неолите, техника их изготовления и типы орудий практически не меняются. Однако налицо тенденция уменьшения численности этих категорий по сравнению с мезолитическими слоями. Происходит это в связи с появлением новых категорий изделий, и в

первую очередь наконечников метательного вооружения. Бросается в глаза резкий скачок процентного содержания этой группы в ранненеолитическом слое (от 3–6 до почти 20%). Значительно возрастает количество новых типов наконечников охотничьего вооружения, в том числе среди наконечников стрел появляются: игловидные, с подокруглым сечением и небольшим утолщением на острие; фигурные, с тремя или двумя утолщениями, с кольцевой нарезкой; типологически неустойчивые биконические формы небольших размеров. Новым типом являются зубчатые острия — мелкозубчатые наконечники трехгранного поперечного сечения, на одной из граней которых через минимальное расстояние вырезались косые зубцы.

К новому типу можно отнести наконечники гарпунов с выделенным выступами насадом средних размеров, на одной из граней которых вырезано три-четыре мелких клювовидных зубца, расположенных на большом расстоянии друг от друга.

Следующей важной группой орудий являются крючки, вырезанные из пластины кости. Их относительная многочисленность и, главное, характерный тип, неизвестный в слоях мезолита, заставляют говорить о них как о новом типе орудий, присущем только ранненеолитическому комплексу. Тем более что их появление отразилось и в группе технологических отходов: в этом слое впервые были встречены пластины кости со следами фрагментации по пазу, которые полностью вписываются в форму.

Еще одна группа орудий, на которую необходимо обратить внимание, — это острия с углом заострения кончика 45°. Форма этих предметов представляется дальнейшим развитием скошенных орудий с углом заострения 45°. Однако их четырехгранный заостренный конец дает возможность предположить их использование в качестве наконечников охотничьего вооружения.

В связи с выявившейся тенденцией развития костяной индустрии от нижнего мезолитического горизонта (7900–7800 л. н.) до комплекса раннего неолита (6800–6300 л. н.) необходимо проследить, как идет развитие костяной индустрии в промежутке 7900–6300 л. н. на других памятниках Волго-Окского

междуречья. В последние годы благодаря работам М.Г. Жилина был исследован и опубликован ряд торфяниковых стоянок в Тверской области и в западной части бассейна Дубны (Жилин, 1993; 1995; 1997; 2001; Кольцов, Жилин, 1999; Zhilin, 1999). Это такие стоянки, как Окамово 4, 5, 18, 18а, 29, Нушполы 11, Озерки 5, 16, 17. Большая часть памятников датируется концом бореального периода и представляет собой позднемезолитические комплексы. Некоторые стоянки (Окамово 5, слой 3 и 18, слой 3) содержат также слои с верхневолжской керамикой.

Первая характеристика комплекса охотничьего вооружения верхневолжской культуры была дана в работе Д.А. Крайнова и Н.А. Хотинского: «Основную массу костяных изделий составляют всевозможные наконечники стрел. Среди них есть биконические наконечники особой формы: с утолщенным концом и коротким заострением на нем, с утолщенной серединой, шейкой и конической головкой на конце (т. е. фигурные наконечники стрел. — В. Л.) и другие формы наконечников. Вместе с ними найдены удлиненные наконечники стрел с утолщенным концом и коническим острием. Близкими к ним являются удлиненные наконечники стрел с копьевидным концом... Встречены в значительном количестве уплощенные короткие наконечники стрел, не редки и игловидные наконечники стрел. В значительном количестве встречаются и гарпуны. Среди них есть древние формы одно- и двузубых коротких гарпунов, сходных с мезолитическими гарпунами кундской культуры. На некоторых гарпунах мелкие зубцы имеют еще и надрезы-насечки. Есть гарпуны крупнозубчатые, короткие и длинные» (Крайнов, Хотинский 1977. С. 58, 59).

Впоследствии эта характеристика подверглась некоторым уточнениям в связи с пересмотром старых коллекций и появлением новых материалов. В работе М.Г. Жилина мы находим для комплексов раннего неолита следующие типы наконечников: 1) простые игловидные (стоянки Окамово 18, Берендеево 5 и 8); 2) игловидные наконечники стрел с длинным, круглым в сечении насадом и правильной биконической головкой с ободком на острие (Окамово 5); аналогичные формы, но с укороченным насадом (Окамово 5 и 18); 3)

фигурные наконечники с двумя-тремя утолщениями (Окаево 18, Берендеево 1А и 5); 4) укороченные наконечники с игловидным округлым насадом и плоским расширенным острием с канавкой (Берендеево 1А, 5 и 8, Окаево 5 и 18, Ивановское — слой мезолита); 5) наконечники с перовидным острием с выделенными зубцами (Окаево 5 и 18, Берендеево 1А); 6) игловидные наконечники с уплощенным острием с выделенным одним зубцом (Окаево 18, Берендеево 5); 7) мелкозубчатые наконечники (Ивановское 3 — верхневолжский слой, Окаево 18, Берендеево 1А и 8); 8) наконечники с тупым массивным острием (Озерки 18, слой 3); 9) наконечники гарпунов с крупными клювовидными зубцами (Берендеево 1А и 8); 10) мелкозубчатые острия трехгранного сечения (Берендеево 2А и 5, Окаево 18, Озерки 5 слой 2, Ивановское 3, верхневолжский слой).

Таким образом, анализ материалов мезолитических и раннеолитических поселений с костяным инвентарем показывает наличие типов орудий, аналогичных материалам стоянки Замостье 2. Отмечается широкое разнообразие форм наконечников охотничьего вооружения, но наряду с формами, сходными для всех этих памятников, — игловидные наконечники стрел, наконечники с уплощенным острием и выделенным зубцом, — существует ряд форм, типичных только для памятников конкретного микрорайона.

Характерной чертой костяного инвентаря раннеолитического и мезолитических слоев стоянки Замостье 2 являются наконечники острог. Напротив, в материалах памятников Ивановско-Берендеевской группы и в памятниках, исследованных в Тверской области и в западной части бассейна Дубны, широкое распространение имеют наконечники стрел с длинным насадом и биконической головкой с ободком. Далее к северу (стоянка Нижнее Веретье 1) среди наконечников встречаются в основном эти формы (Ошибкина, 1997).

Дальнейшее развитие форм охотничьего вооружения в раннем неолите приводит к модификации старых типов, появлению новых вариантов и исчезновению локальных особенностей. Так, развитие игловидных форм и наконечников с биконической головкой приводит к появлению нового типа игловид-

ных наконечников с небольшим утолщением у острия. Наконечники с биконической головкой изменяются, появляются фигурные изделия с тремя утолщениями. Эти орудия широко распространены в материалах большинства стоянок с верхневолжской керамикой (Лозовский, 1993).

Наряду с сохранением некоторых старых типов (простые игловидные и наконечники с выделенным у острия зубцом) в этой группе появляются и новые. Яркой чертой комплексов раннего неолита являются подтреугольные в поперечном сечении мелкозубчатые остроги. Вместе с тем, в верхневолжских слоях стоянки Замостье 2 найдены мезолитического типа грубые 1–2-зубцовые остроги, т. е. эта форма вооружения на данном памятнике оказалась устойчивой. Впервые появляются наконечники гарпунов средних размеров, с 3–4 мелкими клювовидными зубцами на большом расстоянии друг от друга и с выделенным выступом-насадом. С верхневолжской культурой также впервые появляются наконечники укороченных пропорций биконической формы с резко укороченным острием (Лозовский, 1993).

В целом же техника изготовления орудий из кости у населения верхневолжской культуры достаточно разнообразна, т. е. можно отметить определенную вариативность в пределах типов (игловидные — различные способы изготовления острия и насада, разнообразные формы зубчатых наконечников), широкий набор типов зубчатых наконечников острог и гарпунов. Прослеживаются тесные связи между комплексами позднего — финального мезолита и раннего неолита, и можно говорить о продолжении одной традиции, к которой в раннем неолите добавляется ряд новых элементов, не связанных ранее с местной культурой (Лозовский, 1993).

Что касается других компонентов орудийного набора, выявленного по материалам стоянки Замостье 2 (ножи из ребер, ножи из лопаток, струги, скошенные орудия 45°, проколки-иглы, орудия из челюсти бобра, рубящие орудия из рога), их типология не столь выраженная. Можно лишь отметить наличие или отсутствие тех или иных категорий находок. Но в целом все типы изделий, найденные на стоянке Замостье 2, представлены и в мате-

риалах других памятников — Ивановское 3, 7, Озерки 5 (Крайнов, Хотинский, 1977; 1984; Жилин, 1994), которые также демонстрируют ситуацию, когда основной орудийный набор позднемезолитических комплексов повторяется в комплексах раннего неолита. Очевидно также, что ряд типов костяных орудий (ножи из лопаток и ребер, кинжалы, проколки и иглы) встречается и в материалах более поздних памятников льяловской культуры

(стоянки Черная Гора, льяловские слои Ивановского 3, Варос). Однако только некоторые типы (орудия с углом заострения рабочего конца 45° и рубящие орудия из рога) в Волго-Окском междуречье хронологически связаны исключительно с памятниками позднего мезолита и раннего неолита, и их можно назвать своего рода маркирующими для этого отрезка времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жилин М.Г., 1993. Костяное вооружение древнейшего населения Верхнего Поволжья. М.

Жилин М.Г., 1994. Археологические исследования на Озерецком торфянике в 1990–1992 гг. // ТАС. Вып. 1.

Жилин М.Г., 1995. Стоянка Окаемово IV на Средней Дубне // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново. Вып. 2.

Жилин М.Г., 1996. Некоторые итоги раскопок поселения Озерки 5 в 1990–1994 гг. // ТАС. Вып. 2.

Клементе Конте И., Гиря Е.Ю., 2003. Анализ орудий из ребер лося со стоянки Замостье 2 (7 слой, раскопки 1996–97 гг.) // АВ. № 10.

Кольцов Л.В., Жилин М.Г., 1999. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники буттовской культуры). М.

Крайнов Д.А., Хотинский Н.А., 1977. Верхневолжская раннеэнеолитическая культура // СА. № 3.

Лозовская О.В., 2001. Вкладышевые орудия стоянки Замостье 2 // Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры: Мат. междунар. конф. (1–5 июля 1997 г., Сергиев Посад). М.

Лозовский В.М., 1993. Костяное охотничье вооружение первобытного населения Волго-Окского междуречья // СА. № 3.

Лозовский В.М., 2008. Изделия из кости и рога мезолитических слоев стоянки Замостье 2 // Человек, адаптация, культура. М.

Ошибкина С.В., 1997. Веретье 1: Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.

Zhilin M.G., 1999. New Mesolithic peat sites in the Western Part of Eastern Europe // Tanged Points Cultures in Europe. Lublin.

А.С. Смирнов
Институт археологии РАН, Москва

О ГРАНИЦАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР (о единстве и различиях в неолите бассейнов Сожа, Десны и Оки)

В современной археологии одной из важнейших методических проблем является определение границ культурных сообществ, отдельных культур, их локальных вариантов. Редкий археолог не касался этого вопроса. А.А. Формозов также неоднократно обращался к подобной теме в своих работах (Формозов, 1954; 1958а; 1958б; 1959; 1962; 1972; 1973; и др.) Тем не менее, дискуссия по методологии определения границ древних обществ далека от завершения.

Чаще всего исследователи используют одноуровневую систему культурного деления. Единственная таксономическая единица в подобной структуре — археологическая культура. Даже если применяется многоуровневая система, выделение сообщества, культуры, локального варианта часто осуществляется на интуитивном уровне. Объективные критерии оценки сходства нередко отсутствуют. В подобной ситуации осуществить проверку выдвинутого тезиса весьма сложно. Оппоненту необходимо самому ознакомиться со всеми коллекциями и произвести их повторный анализ, чтобы, основываясь на индивидуальных методиках и представлениях, составить собственное мнение о правомерности выдвигаемой гипотезы. Следующий участник дискуссии вынужден или повторить весь путь анализа материала вновь, либо, основываясь на своих представ-

лениях о предмете, отдать предпочтение той или иной гипотезе.

Накопление информации продолжается годами. Лишь чрезвычайно редко мы становимся свидетелями открытий, которые позволяют окончательно и бесповоротно решить ту или иную археологическую проблему. Подобная ситуация ведет к многочисленным дискуссиям, продолжающимся годами и десятилетиями.

В мировой археологической практике достаточно широко применяются методы объективного анализа материала, в том числе — пространственного анализа. Один из основных выводов «пространственной археологии» — вывод о «многоуровневости» границ внутри и между культурными образованиями. Выделяются «центральный регион», «годовой ареал», «жизненный ареал», в пределах которого существует то или иное сообщество (Peterson, 1977. Р. 53–68), и нередко «зона передаривания предметов», или «зона обмена» (Wiessner, 1977) (рис. 1). Пересечением этих ареалов и объясняется обилие «пограничных зон», столь распространенных в отечественной археологии, и «многокомпонентных культур». В зарубежной литературе неоднократно отмечалось, что «четкость» пограничных рубежей изменяется в зависимости от экологических (Caraco, Woif, 1975. Р. 343–353) и демографических (Cohen, 1977;

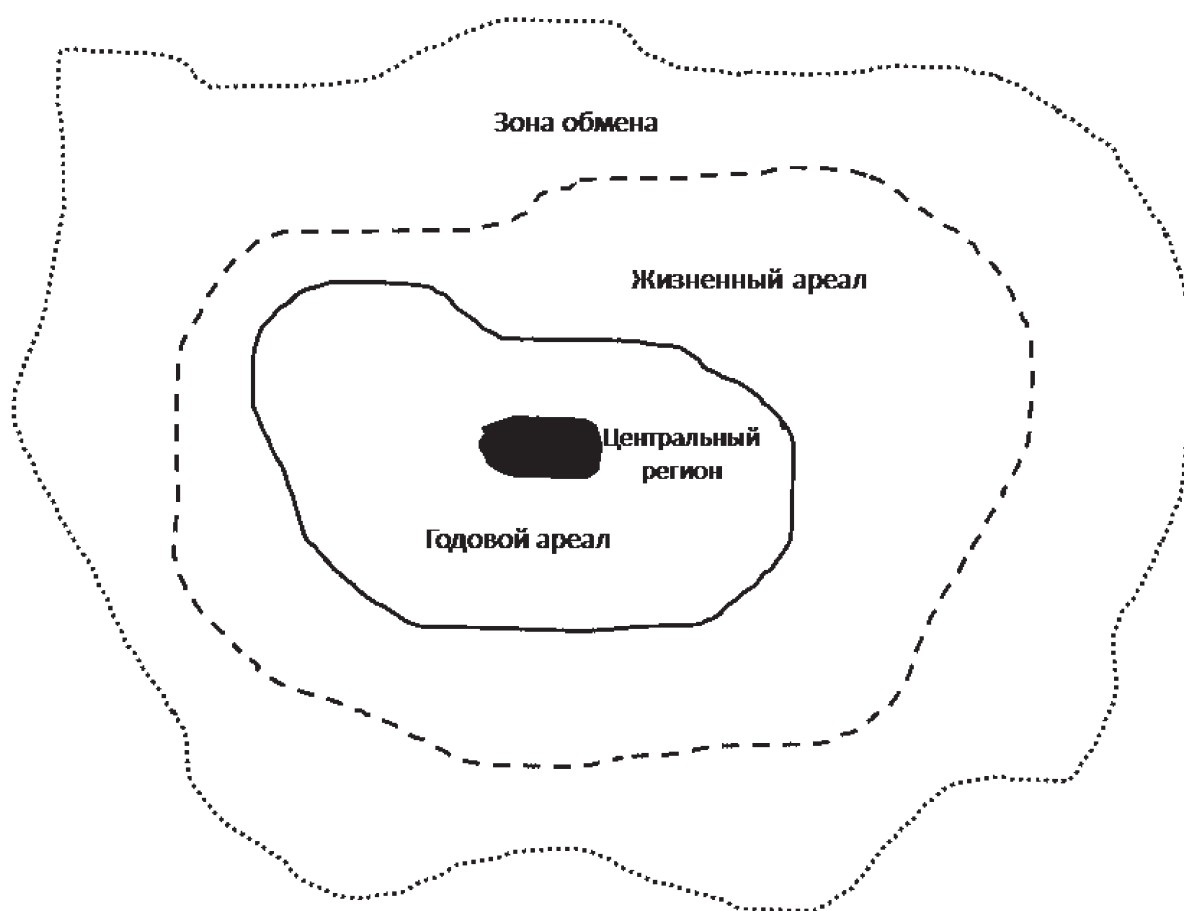

Рис. 1. Схема расположения «центрального региона», «годового ареала», «жизненного ареала» и «зоны обмена»

Gramly, 1977. Р. 601–605; Hassan, 1981) условий, характера хозяйства и уровня развития общества. Большое внимание уделяется вопросам таксономического подразделения тех или иных культурных сообществ (Sampson, 1988).

Проиллюстрируем возможности применения некоторых методик «пространственной» археологии на конкретном примере. В российской археологии неолита границы культур или их локальных вариантов, как правило, определяли по границам бассейнов тех или иных рек. Отечественные ученые признают определенную подвижность неолитического населения, но обычно связывают территорию их миграции границами одной (большой или малой) водной системы. Присутствие материалов, характерных для памятников иного бассейна, объяснялось «проникновениями» или «влияниями». Весьма характерным примером может служить дискуссия о соотно-

шении неолитических памятников лесного Подесенья и верхнего Поочья. Одни исследователи относят их к различным культурам, деснинской и белевской, обсуждая вопросы их взаимовлияния. Другие считают их единой культурой. Эта дискуссия продолжается уже около полувека (Смирнов, 1986. С. 5–21). Подобная ситуация имеет место в вопросе соотношения деснинских неолитических памятников и стоянок верхнего Поднепровья (Тюрина, 1967. С. 86; Левенок, 1973. С. 191).

В данной работе мы использовали методику, именуемую за рубежом «теорией стилей» (Wiessner, 1983. Р. 253–276; 1984. Р. 190–234; 1985. Р. 60–166). В отечественной археологии этому более всего соответствует понятие «анализ орнаментации керамики», хотя этот термин скорее описательный и не сопоставляется с конкретной методологией.

Объектом исследования являлся орнамент керамики развитого и позднего неолита. Это

материалы деснинской культуры в Подесенье, синхронные материалы Верхней Оки и левобережного притока Сожа — р. Ипуть. Основой исследования являются материалы из раскопок автора в Посожье, Подесенье и Верхнем Поочье (Смирнов, 1991), а также данные, почерпнутые из публикаций других ученых, изучавших памятники этого региона (Полякова, 1970. С. 79–96; Калечиц, 1987).

В качестве факторов, затрудняющих анализ неолитических материалов бассейнов Верхнего Днепра и Верхней Оки, следует отметить отсутствие хорошо стратифицированных памятников и, как следствие, недостаточно обоснованную периодизацию. Не существует и единой типологии керамического материала в целом и его орнаментации в частности. К тому же основная масса многочисленных публикаций, посвященных памятникам Верхнего Поочья, основывается на сборах и издана достаточно давно — как минимум 30 лет назад (Полякова, 1970. С. 79–96). Все это не могло не сказаться на результатах работы и проявилось в определенной обобщенности и схематизме выводов. Но они вполне заслуживают внимания как один из примеров использования методов пространственного анализа археологических данных.

В данном случае использован достаточно простой математический анализ, не требующий сложных вычислений. Этот подход был использован Сэмпсоном при анализе керамики охотников-собирателей Южной Африки (Sampson, 1988. Р. 13–28). Примечателен тот факт, что элементы орнамента и приемы орнаментации рассмотренной им керамики практически неотличимы от приемов украшения неолитической керамики центральной России.

Предложенная Сэмпсоном система анализа заключается в следующем. Если мы принимаем существование центрального, годового и жизненного ареала для каждого первобытного коллектива, то на каждом из исследуемых памятников могут присутствовать остатки материальной культуры различных групп населения. В нашем случае это керамика с различными видами орнаментации. Но соотношения различных типов орнаментации будет различно. Поэтому задачей является определение расположения центральных

регионов для каждой группы и определение границ между ними с учетом значения последних. Это предлагается сделать путем несложного математического аппарата. В первых, определяются основные типы керамики. На этом этапе все зависит от качества и количества коллекций и представлений исследователя об их структуре. Далее вычисляются процентные соотношения типов керамики на каждом памятнике. Затем сравниваются процентные соотношения типов керамики на соседних памятниках и определяется разница процентных соотношений по каждому типу. И, наконец, вычисляется сумма разниц. Это и есть весь «математический» аппарат. Для подобных вычислений нами была создана таблица в системе Excel, что позволило достаточно быстро производить анализ количественных и процентных данных с различными вариантами представления исходных материалов (табл. 1).

Следующим этапом является работа с картой. Все использованные для анализа памятники наносятся на топооснову. Затем вычерчиваются связи между соседними памятниками. На этом этапе важно правильно определить интервалы, или шаг, на основании которого осуществляется градуировка связей. Это важно, чтобы выделить различия или подавить фоновый или статистический шум. В принципе для этого существует специальный математический аппарат, но в данном случае мы действовали чисто опытным путем. Используя различные варианты, мы выбрали систему градации связей памятников. Уже на этом уровне можно получить принципиальное представление о структуре расселения изучаемого региона. На последнем этапе определяются границы между памятниками и группами памятников. Для этого линиями различной толщины или вида соединяются точки, расположенные посередине между памятниками с одинаковым значением связей. В этом случае опять следует обратить внимание на определение шага, о чем уже говорилось при описании отображения связей.

Анализ количественных данных по орнаментации неолитической керамики по предложенной методике и картографирование его результатов позволил нам прийти к следующим заключениям.

Таблица 1

**Процентное соотношение типов орнаментации на памятниках
первого этапа Деснинской культуры**

Деснинская культура						
<i>Памятники первого этапа</i>						
Памятник	Ромбоямочный орнамент	Лапчатый орнамент	Круглоямочный орнамент	Гребенчатый орнамент	Прочие виды орнаментации	Сумма разниц
Лунево 2 — западная	26 %	9 %	57 %	1 %	7 %	
Чернетово 1, раскоп 1	34 %	24 %	20 %	16 %	6 %	76
Чернетово 2	44 %	22 %	24 %	0 %	10 %	68
Жерено 2	30 %	27 %	21 %	12 %	10 %	72
Жерено 3	39 %	12 %	24 %	18 %	7 %	66
Устье Ревны 2	64 %	3 %	17 %	35 %	5 %	120
Устье Ревны 4	100 %	0 %	0 %	0 %	0 %	148
Партизанское	53 %	36 %	3 %	0 %	8 %	110
Чернетово 1, раскоп 1	34 %	24 %	20 %	16 %	6 %	
Чернетово 2	44 %	22 %	24 %	0 %	10 %	36
Жерено 2	30 %	27 %	21 %	12 %	10 %	16
Жерено 3	39 %	12 %	24 %	18 %	7 %	24
Устье Ревны 2	64 %	3 %	17 %	35 %	5 %	74
Устье Ревны 4	100 %	0 %	0 %	0 %	0 %	132
Партизанское	53 %	36 %	3 %	0 %	8 %	66
Чернетово 2	44 %	22 %	24 %	0 %	10 %	
Жерено 2	30 %	27 %	21 %	12 %	10 %	34
Жерено 3	39 %	12 %	24 %	18 %	7 %	36
Устье Ревны 2	64 %	3 %	17 %	35 %	5 %	86
Устье Ревны 4	100 %	0 %	0 %	0 %	0 %	112
Партизанское	53 %	36 %	3 %	0 %	8 %	46
Жерено 2	30 %	27 %	21 %	12 %	10 %	
Жерено 3	39 %	12 %	24 %	18 %	7 %	36
Устье Ревны 2	64 %	3 %	17 %	35 %	5 %	90
Устье Ревны 4	100 %	0 %	0 %	0 %	0 %	140
Партизанское	53 %	36 %	3 %	0 %	8 %	64
Жерено 3	39 %	12 %	24 %	18 %	7 %	
Устье Ревны 2	64 %	3 %	17 %	35 %	5 %	60
Устье Ревны 4	100 %	0 %	0 %	0 %	0 %	122
Партизанское	53 %	36 %	3 %	0 %	8 %	78
Устье Ревны 2	64 %	3 %	17 %	35 %	5 %	
Устье Ревны 4	100 %	0 %	0 %	0 %	0 %	96
Партизанское	53 %	36 %	3 %	0 %	8 %	96
Устье Ревны 4	100 %	0 %	0 %	0 %	0 %	
Партизанское	53 %	36 %	3 %	0 %	8 %	94

Деснинская культура времени развитого и позднего неолита делится на два этапа. Рассмотрим стоянки этих двух периодов раздельно. Памятники первого этапа распадаются на две группы (рис. 2). Одна расположена по течению р. Десны выше г. Брянска, вторая — южнее, близ границы России и Украины. Памятники первой группы объединяет больший процент керамики с ромбоямочной орнаментацией. Во второй, «южной», группе больше фрагментов керамики с так называемой «прочей» орнаментацией. По всей видимости, сказалась близость к зоне лесостепи. Кроме этого, возможно, сказалось влияние неолитических памятников Посожья.

На втором этапе существования Деснинской культуры можно говорить лишь об одной локальной группе, памятники которой по керамическому инвентарю достаточно близки друг другу (рис. 3). Они расположены на верхней Десне выше г. Брянска. Памятники южной части лесного Подесенья расположены особняком и проявляют больше сходства с посожскими стоянками, о чем будет сказано ниже.

Следующим этапом исследования было сравнение, по единой методике, материалов памятников двух различных бассейнов — Десны и Сожа. К сожалению, авторы, исследовавшие стоянки Десны и Сожа, использовали различные типологии керамики и различные системы описания ее орнаментации. Попытки механического совмещения нескольких систем к положительному итогу не привели. В результате проведенного анализа мы пришли к выводу, что наиболее информативная картина получается, когда за основу берется типология орнаментации керамики деснинской неолитической культуры. Кроме того, судя по описанию материалов, памятники Посожья следует сравнивать с памятниками второго этапа деснинской культуры. Этот тезис не всегда удастся однозначно доказать, но он представляется нам достаточно правдоподобным. Проведенное по той же схеме сравнение материалов памятников лесного Подесенья и верхнего Поочья привело нас к аналогичному заключению.

Основываясь на этих результатах, мы создали единую схему связей неолитических

Рис. 2. Схема связей между памятниками первого этапа Деснинской культуры

памятников бассейнов р. Ипути, лесного Подесенья и верхнего Поочья (рис. 4). Их анализ позволил прийти к следующим выводам.

Памятники Посожья, в данном случае поречья Ипути, образуют компактную структуру и в целом отличны от стоянок бассейна р. Десны. Однако они проявляют определенную близость со стоянками южной части лесного Подесенья. Последние, в свою очередь, отличаются от верхнедеснинских стоянок.

В бассейне р. Десны, в районе г. Брянска и выше, расположена относительно компактная и многочисленная группа памятников. С этой группой связаны стоянки левобережного притока Оки — р. Ресеты.

Стоянки собственно поречья верхней Оки проявляют значительно больше сходства между собой, нежели со стоянками р. Ресеты.

Если мы введем элемент таксономического анализа связей между описанными выше памятниками, т. е. попытаемся создать многоуровневую систему, мы получим следующую картину (рис. 5).

Наиболее выраженная граница, граница первого порядка, проходит между памятниками Посожья (бассейн р. Ипути), а также стоянками южной части лесного Подесенья, составляющими вместе с ипутскими поселениями одну большую группу, и памятниками верхней Десны и Оки. Как мы видим, эта граница не совпадает с «классическим» разделением археологических культур по рубежам речных бассейнов.

Западнее этой границы можно говорить о различиях в стоянках собственно бассейна Сожа и южной части Брянского течения р. Десны.

Памятники верхней Десны и верхней Оки подразделяются на две подгруппы. В первую входят стоянки верхней Десны и Ресеты, а во вторую — стоянки собственно поречья Оки. Как видим, и здесь выявленная граница не совпадает с водоразделом речных систем.

Внутри этих подгрупп можно наметить границы третьего порядка. Так, в Подесенье выделяются две группы памятников: первая включает стоянки, расположенные выше г. Брянска и в верховьях р. Ресеты, вторая в основном расположена ниже брянской излучины р. Десны. В долине Оки выявляется гра-

ница между памятниками, расположенными выше и ниже устья р. Жиздра. Но наибольшим своеобразием в Поочье характеризуются стоянки на восточной границе Калужско-Алексинского каньона.

Таким образом, можно говорить об общем культурном единстве памятников Подесенья и верхней Оки и их отличии от памятников Посожья. Хотя граница между этими культурными сообществами не совпадает с границей Деснинско-Сожского водораздела. В то же время, внутри этого деснинско-окского «единства» существуют группы памятников, объединенные близостью инвентаря. Границы между этими группами различны по своему значению и практически не совпадают с границами речных систем. Закономерности расположения стоянок и их культурного своеобразия находят объяснение при анализе геоморфологической ситуации верховьев Днепровского и Окского бассейнов (рис. 6).

Рассмотрим памятники бассейнов Десны и Сожа. Каждая из этих двух групп расположена в границах обширных аллювиальных или аллювиально-зандровых равнин. Стоянки собственно долины Десны концентрируются в Деснинской аллювиально-зандровой равнине — Деснинском полесье, за пределами которого стоянок практически нет. На севере Деснинское полесье ограничено южными отрогами Смоленско-Московской моренной возвышенности, на востоке — сильно эродированными склонами Среднерусской возвышенности. Водораздельные пространства Присудостьского и Новгород-Северского ополей отделяют Деснинскую низменность от задровых и задрово-моренных равнин Посожья.

Неолитические памятники с наиболее своеобразным «деснинским» материалом расположены в долине р. Десны от границ Московско-Смоленской моренной возвышенности примерно до впадения р. Судость. Памятники, расположенные южнее, дают смешанный — днепровско-деснинский — материал. Если мы детально рассмотрим геоморфологию этого микрорегиона, то заметим интересную особенность. На правобережье р. Десны ниже впадения р. Судости расположены древние проходные долины, по которым вплоть до позднеледникового времени воды

Рис. 3 Схема связей между памятниками второго этапа Деснинской культуры

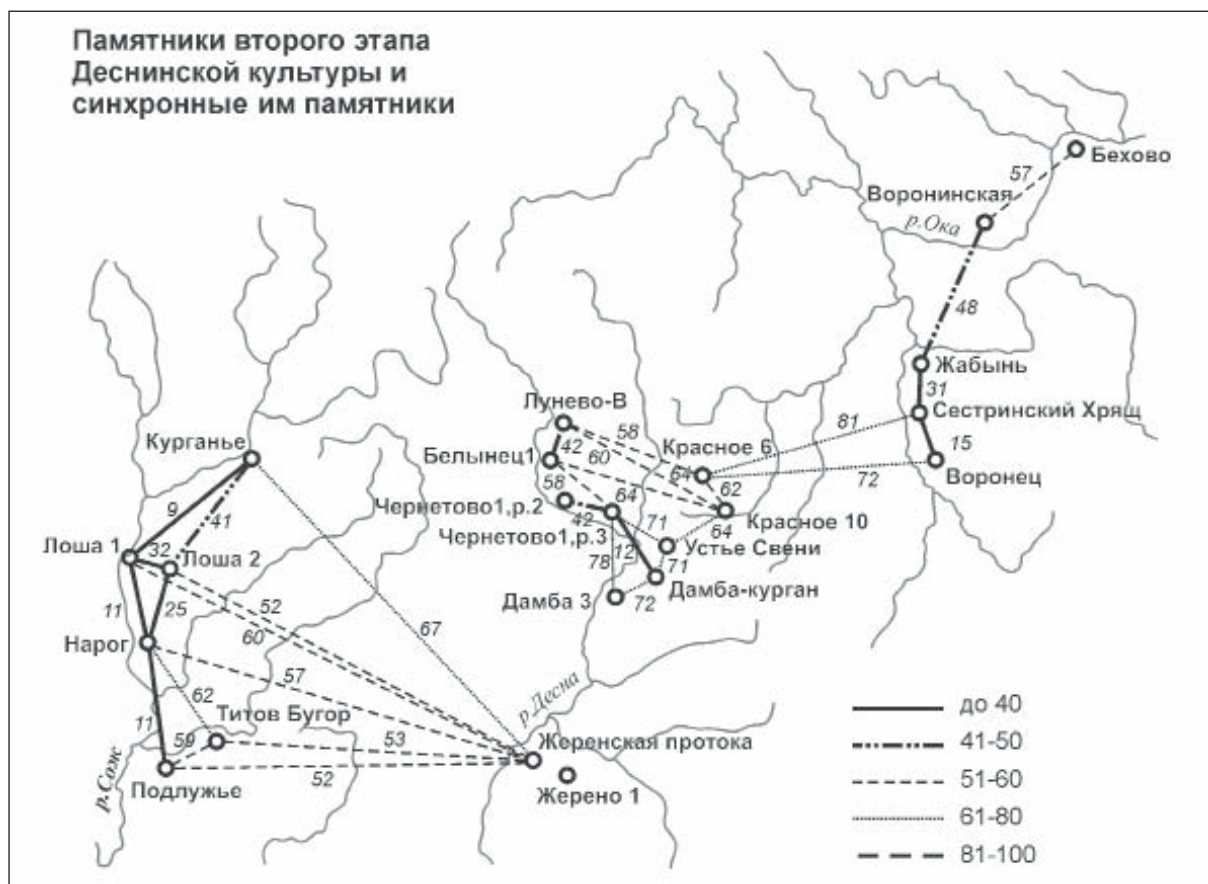

Рис. 4. Схема связей неолитических памятников Посожья, (бассейна р. Ипути), лесного Подесенья и верхнего Поочья

Рис. 5. Границы между памятниками второго этапа Деснинской культуры и синхронными памятниками р. Сожа и верхней Оки

Днепровско-Сожского бассейна попадали в р. Десну. Участки таких долин в большинстве случаев отражены в современном рельефе и являются естественными легкопроходимыми путями, по которым верхнеднепровское население могло попадать в долину средней Десны. Этим объясняется смешение культурных традиций на памятниках этого региона.

Геоморфологическая ситуация на Деснинско-Окском водоразделе более сложная. Ока, начинаясь на Среднерусской возвышенности, в своих истоках прорезает известняковый слой девонской системы, что объясняет узость и глубину речной долины. Неолитические стоянки здесь неизвестны. Ниже, где Ока размывает песчано-глинистые породы, долина расширяется, появляется пойма шириной 4–5 км. В результате образовалась меридионально вытянутая зандровая равнина. Этот физико-географический район резко отличается от окружающих его возвышенных эродированных равнин Среднерусской возвышенности. На этом участке течения верх-

ней Оки концентрируется основная масса неолитических памятников.

Близ устья р. Жиздры зандровая равнина сменяется зандрово-моренной, количество памятников сокращается. Их характер позволяет делать вывод о кратковременности стоянок.

Ниже впадения р. Угры Ока вновь течет в узкой каньонообразной долине, образуя Калуго-Алексинский каньон, что является следствием залегания здесь известняков. Неолитические материалы на этом участке немногочисленны, часто представлены случайными находками.

Далее по течению стоянки с выраженным культурным слоем известны лишь после впадения р. Протвы, где долина Оки вновь расширяется, образуя аллювиально-зандровую равнину, протянувшуюся до устья р. Москвы и сливающуюся с обширными территориями Мещерской низменности.

Можно говорить, что стоянки долины верхней Оки находятся преимущественно в

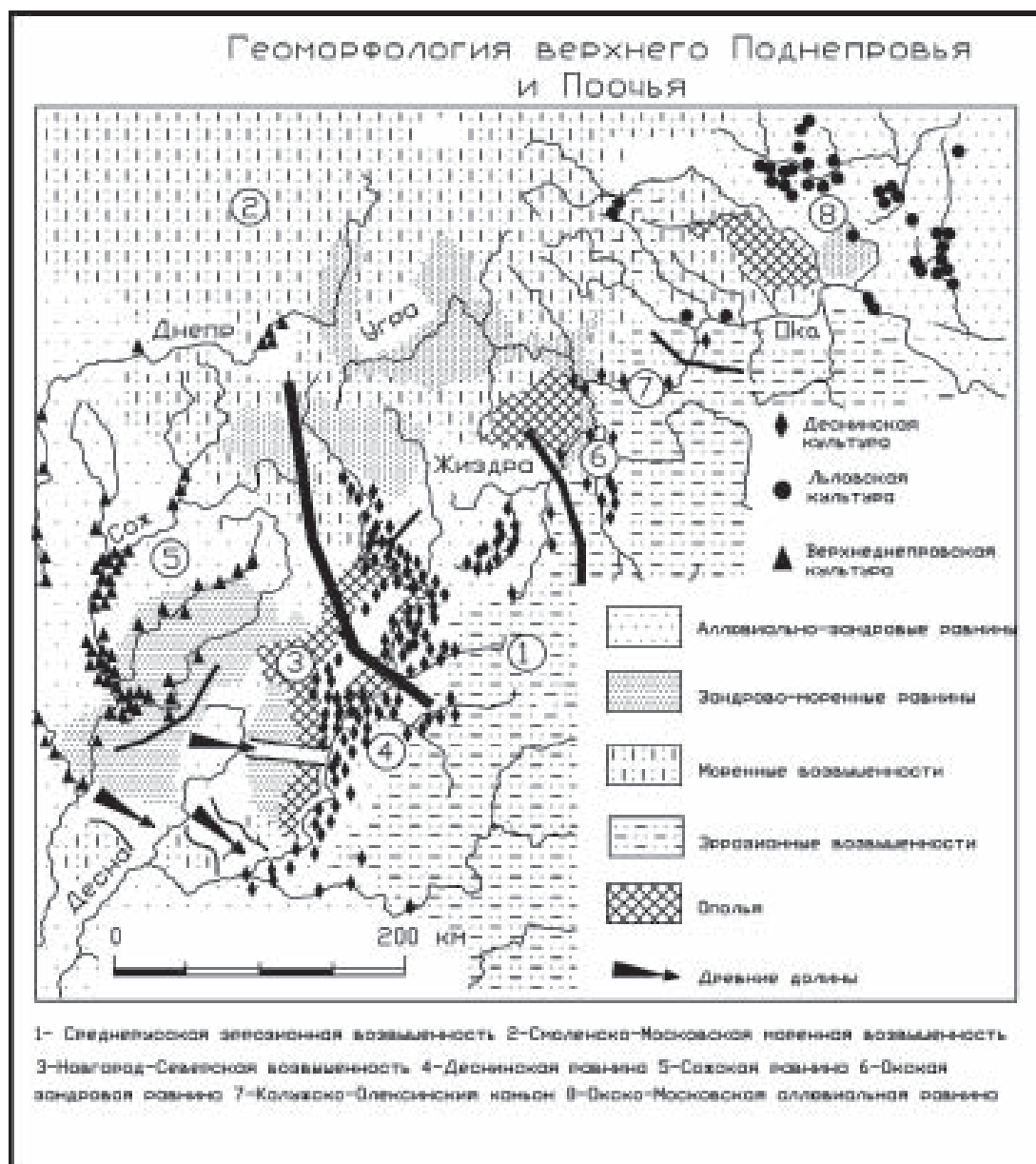

Рис. 6. Геоморфология верхнего Поднепровья и Поочья. Памятники нанесены согласно их традиционной культурной принадлежности

пределах зандровой равнины, ограниченной хорошо выраженными эрозионными и моренными возвышенностями.

В верхнем Поочье стоянки эпохи неолита имеются лишь в бассейне левобережного притока Оки, р. Жиздры, где расположено Брянско-Жиздринское полесье — часть более обширного Деснинского полесья, клином вторгающегося в возвышенные ландшафты Среднерусской возвышенности. Оно представляет собой коридор, соединяющий бассейны Десны и Оки, образовавшийся в ледниковый период, когда подпруженные лед-

никовым щитом воды Оки по долине современной Жиздры впадали в Десну.

Геоморфологическая характеристика региона недвусмысленно показывает, что зандровые равнины верхнего течения Оки, и особенно ее левобережных притоков, расположенных в пределах Брянско-Жиздринского полесья, географически тесно связаны с обширной Деснинской низменностью. Небольшая зандровая равнина по течению р. Оки, описанная выше, также географически ближе к Деснинской низменности, с которой связана зандрово-моренной рав-

ниной, вытянутой по направлению долины Жиздры.

Существование в долине Оки двух зандровых равнин — Брянско-Жиздринского полей и зандровой равнины в долине Оки — обусловило наличие двух групп неолитических памятников с определенными различиями в материальной культуре.

Полученные нами данные и сделанные на их основании выводы могут быть приняты не все-

ми исследователями. Однако в любом случае весь процесс исследования, от представления исходных данных, последующего математического анализа и до предложенной интерпретации достаточно объективен и проверяем. Описанная методика пространственного анализа распределения материала может быть применена практически к любому виду археологического инвентаря — кремневой индустрии, костяным орудиям, вещевым комплексам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Калечиц Е.Г., 1987. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. Минск.

Левенок В.П., 1973. Неолитические племена лесостепной зоны Европейской части СССР / МИА. № 172. Л.

Полякова Г.Ф., 1970. Племена белевской культуры: Окский бассейн в эпоху камня и бронзы / Тр. ГИМ. Вып. 44.

Смирнов А.С., 1986. Белевская культура (проблемы неолита верхней Оки) // СА. № 4.

Смирнов А.С., 1991. Неолит верхней и средней Десны. М.

Тюрина И.М., 1967. Неолитические племена Посожья // КСИА. Вып. 111.

Формозов А.А., 1954. Локальные варианты культуры эпохи мезолита Европейской части СССР: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Формозов А.А., 1958а. Древние историко-этнографические области Европейской части СССР (мезолит, неолит, энеолит) // СЭ. № 5.

Формозов А.А., 1958б. Этнокультурные области мезолита и неолита Европейской части СССР // Тез. докл. на пленуме ИИМК АН СССР, посвящ. итогам археол. исследований 1957 г. М.

Формозов А.А., 1959. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.

Формозов А.А., 1962. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа: Материалы к изучению неолита Юга СССР // МИА. № 102.

Формозов А.А., 1972. Развитие локальных вариантов и спорные проблемы этнокультур-

ной истории каменного века // Успехи среднеазиатской археологии. Л. Вып. 2.

Формозов А.А., 1973. Время возникновения локальных вариантов и археологических культур в каменном веке // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии: Сб. памяти М.М. Герасимова. М.

Caraco T., Wolf L.I., 1975. Ecological determinants of group sizes of foraging lions // The American Naturalist. 109.

Cohen M.N., 1977. The Food Crisis in Prehistory. New Haven.

Gramly R.M., 1977. Deerskins and hunting territories: Competition for a scarce resource of the northeastern woodlands // American Antiquity. 42.

Hassan F.A., 1981. Demographic Archaeology. New York.

Peterson N., 1977. Hunter-gatherer territoriality: The perspective from Australia // American Anthropologist.

Peterson N., 1979. Territorial adaptations among desert hunter-gatherers: The Kung and Australians compared // P.C. Burnham, R.F. Ellen (eds.). Social and Ecological Systems. London.

Sampson C.G., 1988. Stylistic Boundaries among Mobile Hunter-Foragers. Washington; London.

Wiessner P., 1983. Style and social information in Kalahari San projectile points // American Antiquity. 48.

Wiessner P., 1984. Reconsidering the behavioral basis of style // Journal of Anthropological Archaeology. 3.

Wiessner P., 1985. Style or isochest variation? A reply to Sackett // American Antiquity. 50.

Я.В. Кузьмин*, В.К. Попов**, М.Д. Гласкок***

* Институт геологии и минералогии СО РАН, Новосибирск

** Дальневосточный геологический институт ДВО РАН, Владивосток

*** Исследовательский реакторный центр, Университет Миссури, Колумбия, США

ИСТОЧНИКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБСИДИАНА НА ЮГЕ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ: ПРИМЕР МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Контакты и миграции доисторического населения всегда были предметом пристального изучения археологов и представителей смежных наук. Одним из наиболее эффективных методов исследований в этом направлении является определение места происхождения импортного инвентаря (каменного сырья, керамики, стекла, изделий из металла, украшений, объектов престижного статуса и т. п.) и путей его транспортировки (см., напр.: Renfrew, Bahn, 2004. Р. 357–392). Важную роль в этих работах играют артефакты, которые явно были доставлены издалека — янтарь, раковины экзотических моллюсков, редкие минералы и горные породы; к их числу относятся изделия из вулканического стекла.

Изучение источников вулканических стекол в культурах камня и раннего металла Европы, Ближнего Востока, Японии, Америки и Океании проводится с 1960-х гг. на междисциплинарной основе — с применением различных методов геологии, географии и других наук о Земле, в сочетании с собственными археологическими данными (см. сводные работы: Renfrew, 1969; Suzuki, 1973; Renfrew, Dixon, 1976; Cann, 1983; Pollmann, 1993; Carlson, 1994; Williams-Thorpe, 1995; Cook, 1995; Kilikoglou et al., 1996; Fredericksen, 1997; Brooks et al., 1997; Glascock et al., 1998; Weisler, Clague, 1998; Burger et al., 2000; Glascock, 2002a; 2002b; Tykot, 2002; Ambrose

et al., 2003; Chataigner et al., 2003; Yacobaccio et al., 2004; Ponomarenko, 2004; Bressy et al., 2005; Shackley, 2005, 2008; Dillian et al., 2007; Carter et al., 2008; см. библиографию: Skinner, Tremaine, 1993). В Российской Федерации эти работы ведутся в ограниченном объеме (Вулканические стекла... 2000; Kuzmin, 2006a).

Определенную роль в подобных исследованиях на юге России в конце 1950-х–1960-х гг. сыграл А.А. Формозов, памяти которого посвящен настоящий том. Уже в ранних работах (см., напр.: Формозов, 1959) он использовал данные о находках раковин морских моллюсков на стоянках палеолита Кавказа и Русской равнины как свидетельство дальних контактов. На примере Кавказа было показано, что обсидиан в каменном веке приносился из источников, находившихся на расстоянии до 275 км от стоянок, а в энеолите — до 600–650 км (Наседкин, Формозов, 1965. С. 170). В более поздней сводной работе (Формозов, 2002. С. 50) говорится о наличии в мезолитических комплексах Северного Прикаспия обсидиана, который мог попасть в данную местность только с Кавказа.

Необходимо пояснить, что «вулканическое стекло» («...магматический расплав, застывший в виде аморфного стекла с полным отсутствием или небольшим количеством кристаллов»: Геологический словарь, 1978. С. 264) — более общий термин, чем «обси-

диан» («...вулканическое стекло, чаще всего темного цвета. Имеет раковистый излом, иногда пятнистую или струйчатую окраску за счет рассеянного пепловидного гематита. По химическому составу обсидианы разнообразны, но обычно соответствуют кислым породам (липаритам и т. п.): Там же. С. 25). В обсидианах содержание воды не превышает 1 % (Петрографический словарь, 1981. С. 270); известны другие разновидности вулканического стекла (перлит, пехштейн) с более высоким содержанием воды — от 1 до 10% (Вулканические стекла... 2000. С. 14–15). Перлиты и пехштейны практически не использовались древним человеком как сырье для изготовления орудий, поскольку они не дают острого раковистого излома. Следует отметить, что базальтовые вулканические стекла, как и собственно обсидианы (см. ниже), имеют в своем составе не более 1% воды и обладают высокими технологическими качествами.

РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ РАБОТ

С 1992 г. нами проводятся систематические геоархеологические исследования источников обсидиана юга Дальнего Востока России — Приморья (Kuzmin et al., 2002b; Попов и др., 2005; 2006a; Doelman et al., 2008), Приамурья (Попов и др., 2006б), Сахалина (Kuzmin et al., 2002a; Kuzmin, Glascock, 2007), а также прилегающих частей Северо-Восточной Азии (Попов и др., 2006a; Kuzmin, Glascock, 2007). Результаты работ 1990-х — середины 2000-х гг. обобщены в монографии (Вулканические стекла... 2000) и ряде обзоров (Попов, Шекли, 1997; Kuzmin, 2006a). В последнее время (с 2004 г.) наш коллектив ведет исследования источников археологического обсидиана на Камчатке (Speakman et al., 2005; Glascock et al., 2006; Кузьмин и др., 2008; Kuzmin et al., 2008); другими специалистами начаты работы на Курильских островах (Phillips, Speakman, 2009).

В данном очерке представлены результаты более чем 15-летних исследований источников обсидианового сырья на юге Дальне-

го Востока России (см. первые публикации: Shackley et al., 1996; Glascock et al., 1996) и некоторые выводы, важные для археологии региона. Методика работ по определению источников обсидиана в археологических комплексах охарактеризована ранее (Glascock et al., 1998. Р. 15–32; Вулканические стекла... 2000. С. 44–48; Shackley, 2005. Р. 88–105, 125–130). Следует особо отметить, что все наши аналитические работы выполнены в одной лаборатории (Исследовательский реакторный центр, Университет Миссури, г. Колумбия, шт. Миссури, США) с использованием единого геохимического стандарта, что делает их сравнимыми друг с другом.

В **Приморье** (рис. 1; 2) вулканическое стекловатое сырье на археологических памятниках чаще всего представлено двумя типами: стеклами базальтового состава и обсидианами. Основным источником базальтовых вулканических стекол является Шкотовское плато на юге региона (источник «Базальтовое плато»; рис. 1). Вулканические стекла составляют корки закалки подушечных лав в нижних частях разрезов базальтовых покровов, а также встречаются в гиалокластитах — стекловатых обломочных породах, образовавшихся при соприкосновении изливающейся лавы с водой. Характерной особенностью гиалокластитов является наличие обломков вулканического стекла и палагонитового цемента.

В результате водной эрозии обломки стекла поступают по склонам плато в русла рек и окатываются текучими водами; на прирусловых отмелях верхнего течения р. Илстой можно и сегодня собрать гальки размером с куриное яйцо, а также окатанные обломки меньшего размера. Именно галька из руслового аллювия служила основным источником вулканического стекла отличного качества в древности (Кузнецов, 1992; Pantukhina, 2007; Doelman et al., 2008), хотя проводился отбор сырья и непосредственно из коренного источника (Kluyev, Sleptsov, 2007; Doelman et al., 2008). В некоторых археологических комплексах, особенно на юге Приморья, базальтовое стекло является преобладающим видом каменного сырья (Андреев, 1957; Табарева, 2004), хотя чаще всего доля стекловатого

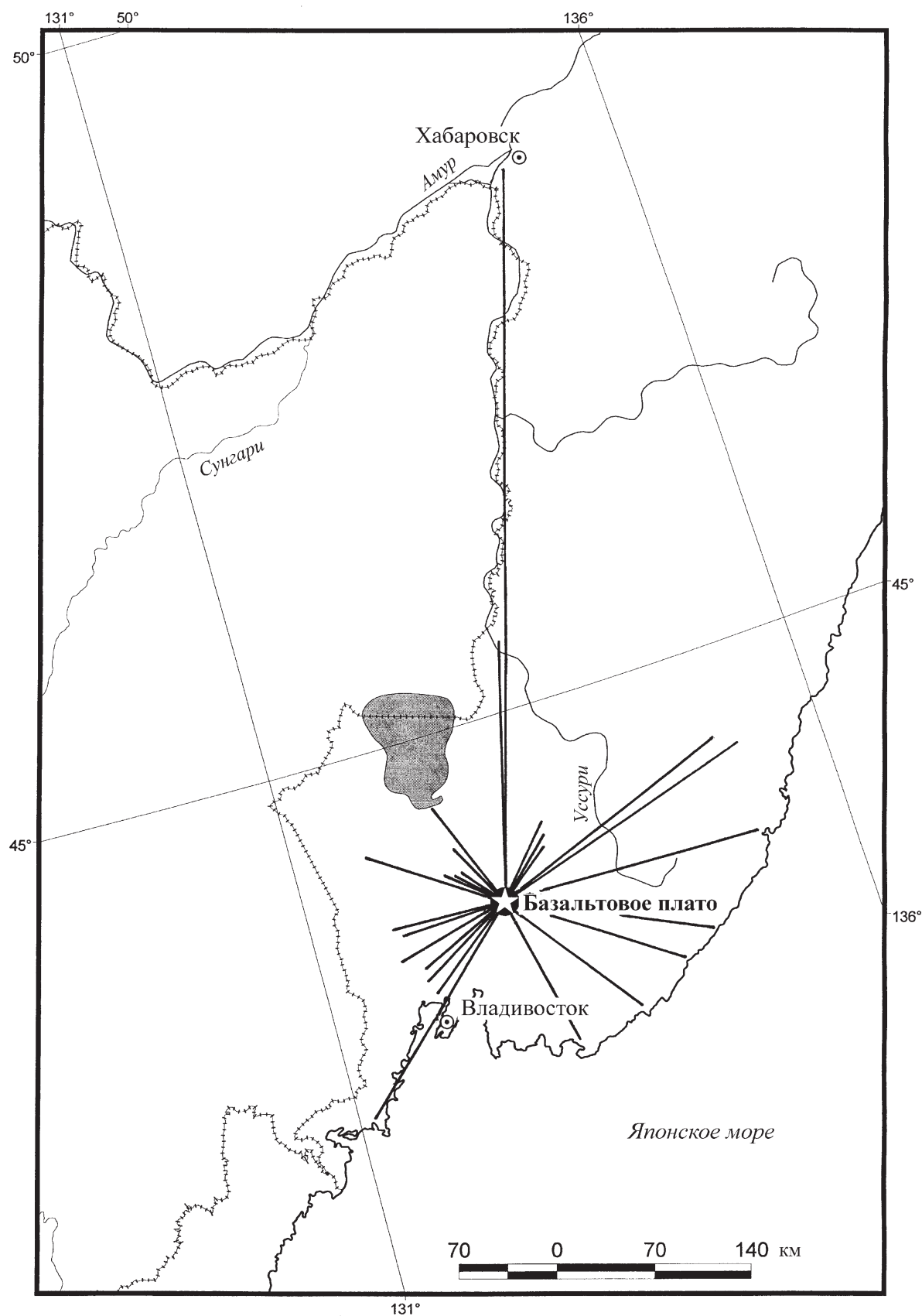

Рис. 1. Источник вулканических стекол «Базальтовое плато»
зона распространения артефактов их него в Приморье и Приамурье

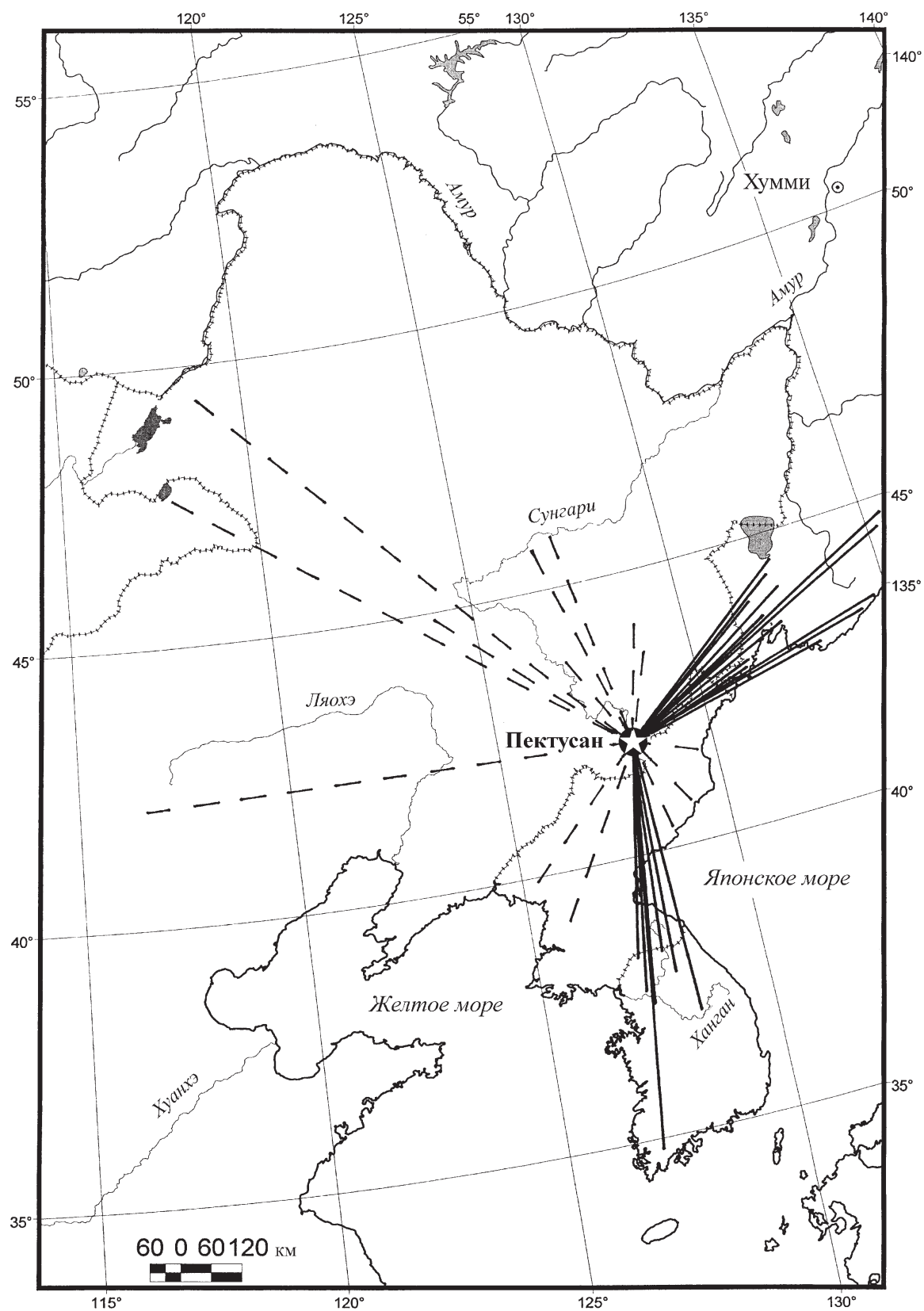

Рис. 2. Распространение обсидиана источника «Пектусан» в древних культурах Северо-Восточной Азии (сплошные линии — пути переноса, доказанные геохимическими данными; пунктирные линии — предполагаемые пути переноса)

материала не превышает 10–15% (Кузнецов, 1992; Крупянко, Табарев, 2001; Pantukhina, 2007).

Вулканические стекла источника Базальтового плато широко использовались древними обитателями Приморья с позднего палеолита, около 15–10 тыс. л. н. (Kuzmin et al., 2002b). Находки этого вида каменного сырья известны практически по всему Приморью (за исключением северо-восточной части), а также на юге Хабаровского края близ г. Хабаровска (рис. 1). Кратчайшее расстояние по прямой, т. е. без учета рельефа и возможных путей транспортировки (см.: Gillam, Tabarev, 2004) от источника до стоянок, составляет в целом около 20–300 км, достигая в исключительных случаях 660 км (Попов и др., 2006б. С. 101).

Вторым по значимости источником высококачественного стекловатого сырья на древних поселениях Приморья являются обсидианы (вулканические стекла риолитового состава) вулкана Пектусан, находящегося на границе современных КНР и КНДР, за пределами России (источник “*Пектусан*”; рис. 2). Нашими исследованиями убедительно показано, что на юге и в центре Приморья многие археологические памятники содержат в наборе артефактов изделия из обсидиана, происходящего из этого района (Kuzmin et al., 2002b; Попов и др., 2005). Наиболее ранние свидетельства транспортировки обсидиана источника Пектусан в Приморье могут быть датированы финальным палеолитом, около 12–10 тыс. л. н. (Kuzmin et al., 2002b; Кузьмин, 2005. С. 157). В неолите, особенно на его поздней стадии — в зайсановской культуре, около 5800–3000 л. н. (см.: Кузьмин, 2005. С. 89), — обмен обсидианом между районом источника Пектусан и югом Приморья был весьма интенсивным, что подтверждается новейшими археологическими данными (Яншина, Ключев, 2005. С. 199; Алкин, 2007. С. 75). Дистанция между источником Пектусан и археологическими памятниками Приморья составляет от 230 до 710 км (рис. 2).

Для **Корейского полуострова** источник Пектусан был основным местом получения обсидиана древними обитателями; начало его эксплуатации можно датировать поздним палеолитом, около 24–25 тыс. л. н. (Попов и

др., 2005; Kim et al., 2007) (рис. 2). Расстояние от источника до мест утилизации обсидиана из него для позднего палеолита Кореи составляет от 430 до 800 км. За исключением северной и центральной частей полуострова, где обсидиан в археологических комплексах довольно обычен (до 25–30% от общего состава сырья; см.: Ларичев, 1978. С. 25, 38–39; Бутин, 1979; Nelson, 1993. Р. 88–94; Choi, 2001. Р. 172; Орудия древнекаменного... 2001; Hong, Kim, 2008), в целом количество обсидиана на стоянках каменного века Кореи невелико (Ларичев, 1978; Деревянко, 1983. С. 107–130). Интересно отметить, что на самом юге Корейского полуострова на археологических памятниках палеолита и неолита известны находки обсидиана, источник которого («*Косидаке*») находится на о. Кюсю на юге Японского архипелага (Оно и др., 1992. С. 79; Обата, 2003; Kim et al., 2007); он был отделен от стоянок Кореи морским проливом, постоянно существовавшим во второй половине позднего плейстоцена (Кузьмин, 2005. С. 31, 47).

В **Приамурье** в качестве основного источника редких артефактов из вулканического стекла в комплексах неолита и палеометалла выступает, вероятно, «*Облучьенское плато*» на границе Амурской области и Еврейской автономной области (рис. 3). Здесь вулканические стекла найдены в коренных обнажениях базальтовых подушечных лав в районе п. Облучье и, в виде галек, в русловом аллювии р. Хинган выше п. Облучье (Попов и др., 2006б). По геохимическому составу они близки археологическим образцам из Приамурья (Попов и др., 2006б. С. 102; Kuzmin, 2006a. Р. 66). Следует сразу отметить, что точное положение источника вулканического стекла для Приамурья пока не определено, т. к. проведенные нами геологические работы являются предварительными (Попов и др., 2006б); источник может располагаться на правом берегу Амура, в пределах плато Суньхэ (территория КНР) (рис. 3). Тем не менее, на основании имеющихся данных можно сделать некоторые выводы. Вулканическое стекло использовалось древними обитателями Приамурья начиная с раннего неолита (около 13 тыс. л. н.); расстояние от предполагаемого источника Облучьенское плато до мест его утилизации составляет от 65 до 700 км (рис.

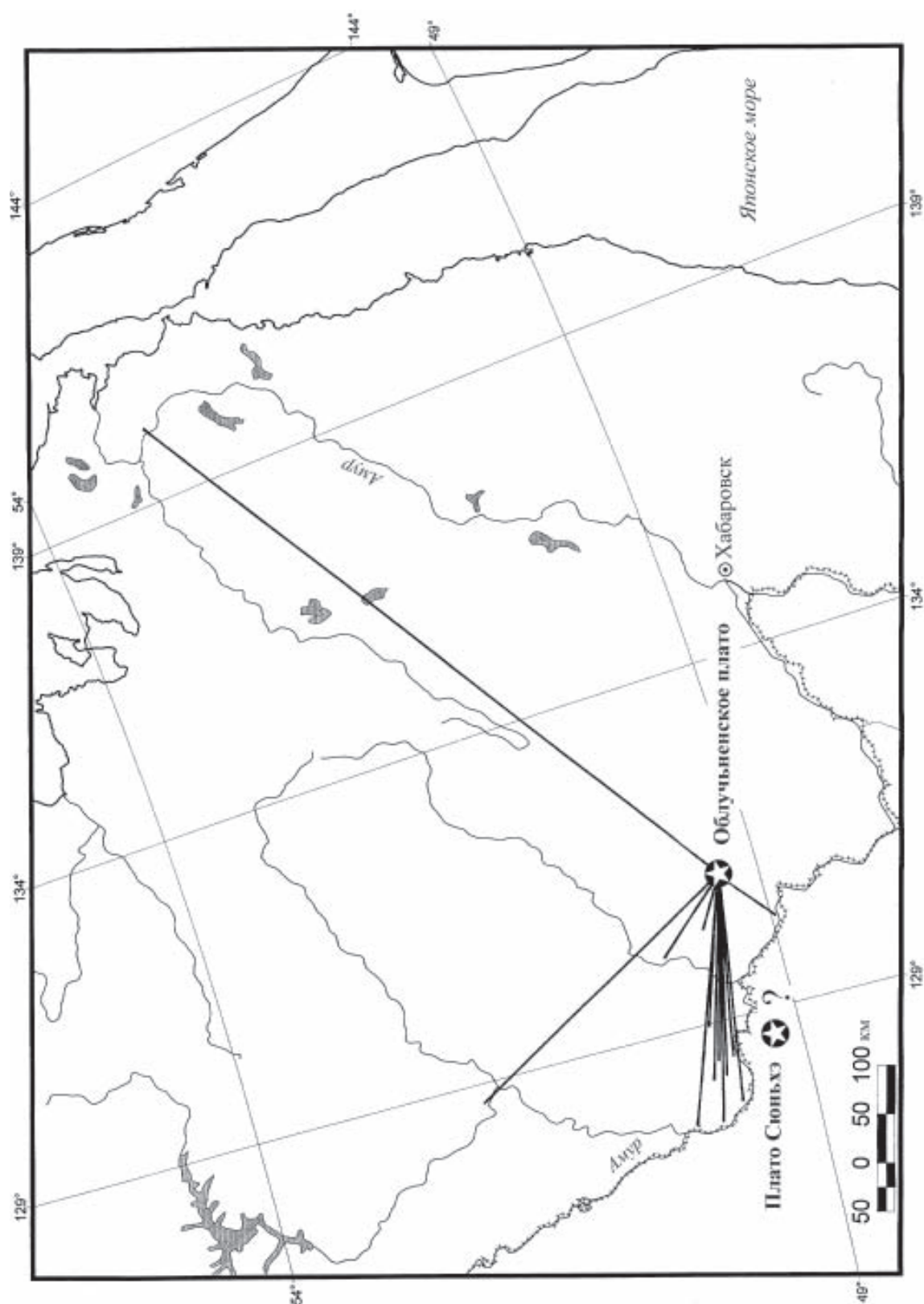

Рис. 3. Источник вулканического стекла «Облученское плато» (предполагаемый) и расположение изготовленных из него артефактов

3). Для Нижнего Приамурья известны случаи транспортировки стекловатого сырья из более южных районов (источник Базальтовое плато; см. выше).

На ряде археологических памятников Нижнего Приамурья и севера Приморья (рис. 4) встречены артефакты из вулканического стекла, геохимическая характеристика которых позволяет объединить их в единую группу с условным названием «Самарга», не имеющую сходства ни с одним из известных источников юга Дальнего Востока России и прилегающих районов Северо-Восточной Азии (Вулканические стекла... 2000. С. 54; Kuzmin et al., 2002b. Р. 512; Попов и др., 2006б). Очевидно, что коренной источник этого высококачественного вулканического стекла еще не найден. В качестве возможного места его расположения может быть предложено междуречье Светлой, Самарги и Коппи на севере Восточно-Сихоте-Алинского вулканического пояса (рис. 4) (Попов и др., 2006б. С. 103). Необходимы дальнейшие работы в этом направлении.

Данные о присутствии обсидиана источника Пектусан в Нижнем Приамурье на стоянке Хумми (Варашина и др., 1998), на наш взгляд, не доказаны путем геохимической корреляции образцов из источника Пектусан и артефактов Хумми, т. к. цифровые значения содержания химических элементов (Варашина и др., 1998) отсутствуют. Не подтвердилась гипотеза Х. Кимуры (1995; Василевский, 2008. С. 163) об «обсидиановом пути» с о. Хоккайдо через Сахалин на Нижний Амур. Обсидиан нижеамурского памятника Малая Гавань (рис. 5) по геохимическому составу идентичен источнику в Приамурье (неопубликованные данные авторов), как и остальные образцы базальтовых вулканических стекол стоянок Нижнего и Среднего Амура (Kuzmin, 2006а. Р. 66). Это же касается стоянки Осиновка в Приморье (рис. 5), один из образцов обсидиана на которой первоначально был ассоциирован с источниками о. Хоккайдо (Kuzmin et al., 2002b. Р. 512); дополнительные анализы не выявили геохимического «сигнала» главных источников о. Хоккайдо (Kuzmin, 2006а. Р. 68). Здесь уместно методологическое замечание:

в изучении источников вулканического стекла геохимическими методами единичные образцы способны давать «отскоки» (см. пример с о. Сахалин: Kuzmin et al., 2002а. Р. 745; Кузьмин и др., 2005; Kuzmin, Glascock, 2007. Р. 65). Таким образом, только анализ не менее чем 5–10 образцов обсидиана из конкретного археологического компонента (Shackley, 2008. Р. 202) способен, как правило, дать надежный материал для выводов об использовании тех или иных источников.

На о. Сахалин неизвестны источники высококачественного вулканического стекла (Вулканические стекла... 2000. С. 91; Kuzmin, Glascock, 2007. Р. 101–103). В составе сырья палеолитических и неолитических памятников доля обсидиана значительна (до 50 %) на юге региона (Голубев, Лавров, 1988. С. 108–131; Василевский, 2008. С. 113–150), тогда как в центре и на севере острова она минимальна (Голубев, Лавров, 1988; Василевский, 2008; Василевский, Шубина, 2002. С. 206–211). В результате сравнения геохимического состава обсидиановых артефактов из археологических памятников Сахалина и изученных нами и другими исследователями основных источников обсидиана о. Хоккайдо («Сира-таки», «Окетто», «Акаугава»; см.: Kuzmin et al., 2002а; Hall, Kimura, 2002) выяснено, что все вулканическое стекло, использовавшееся для изготовления орудий, было доставлено на Сахалин с близлежащего о. Хоккайдо (рис. 5) (Вулканические стекла... 2000; Kuzmin et al., 2002а; Kuzmin, Glascock, 2007). Возраст самого раннего памятника — Огоньки 5 — около 19,4–17,8 тыс. л. н. (Василевский, 2008); использование обсидиана в качестве сырья на Сахалине практиковалось вплоть до эпохи палеометалла (около 2000 л. н. и, возможно, еще позднее). Расстояние от источников на о. Хоккайдо до стоянок на Сахалине в позднем палеолите составляло от 250–300 км в начале (около 19–18 тыс. л. н.) до 1000 км в конце (около 10 тыс. л. н.) (Kuzmin, Glascock, 2007). В неолите и палеометалле (около 9000–2000 л. н.) обсидиан с Хоккайдо проникал во все части о. Сахалин, вплоть до самого северного окончания, но не распространялся на примыкающую к Сахалину устьевую часть долины Амура и далее, в Приморье (см. выше).

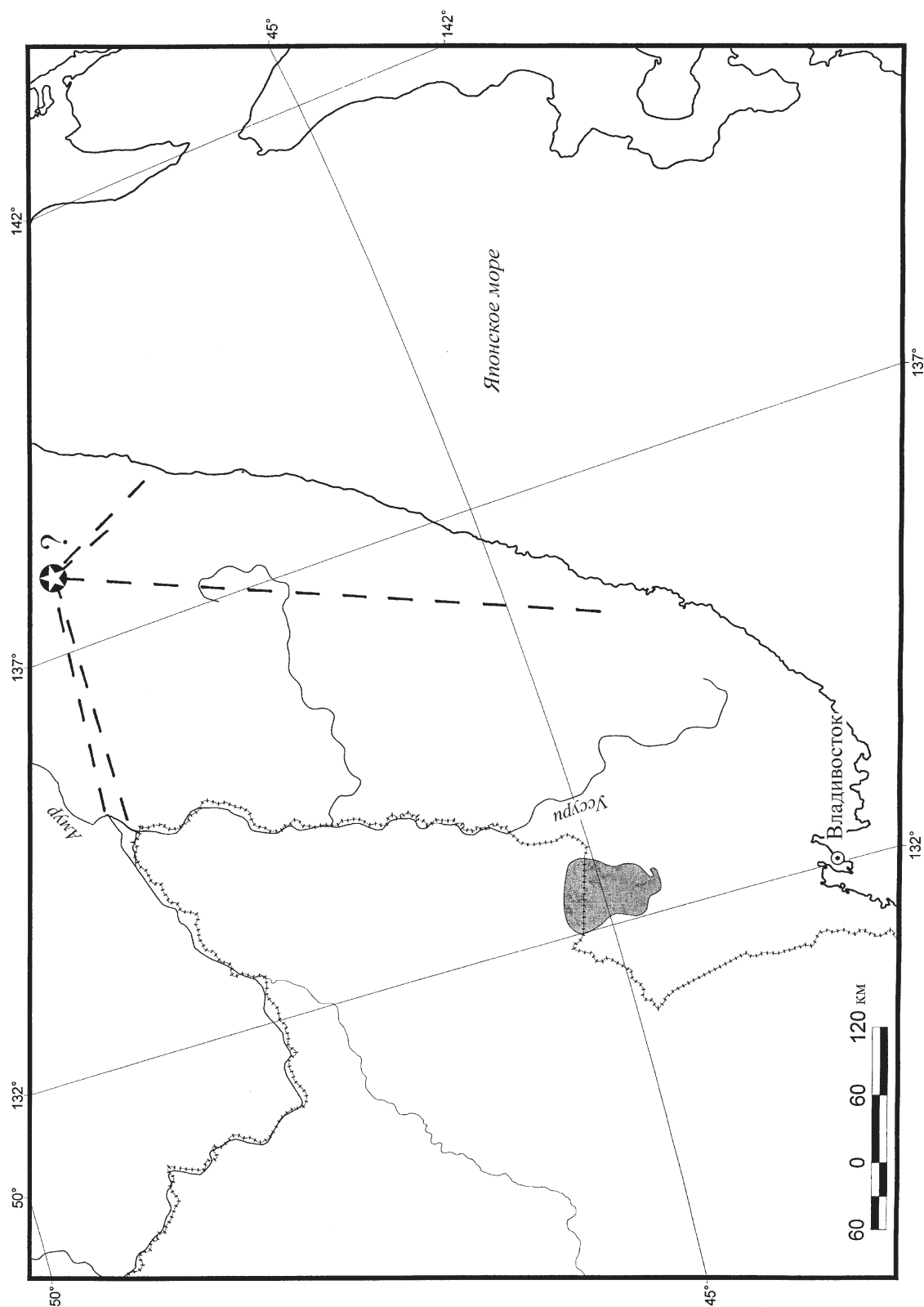

Рис. 4. Памятники Приморья и Приамурья с вулканическими стеклами геохимической группы «Самарга» и возможное положение коренного источника

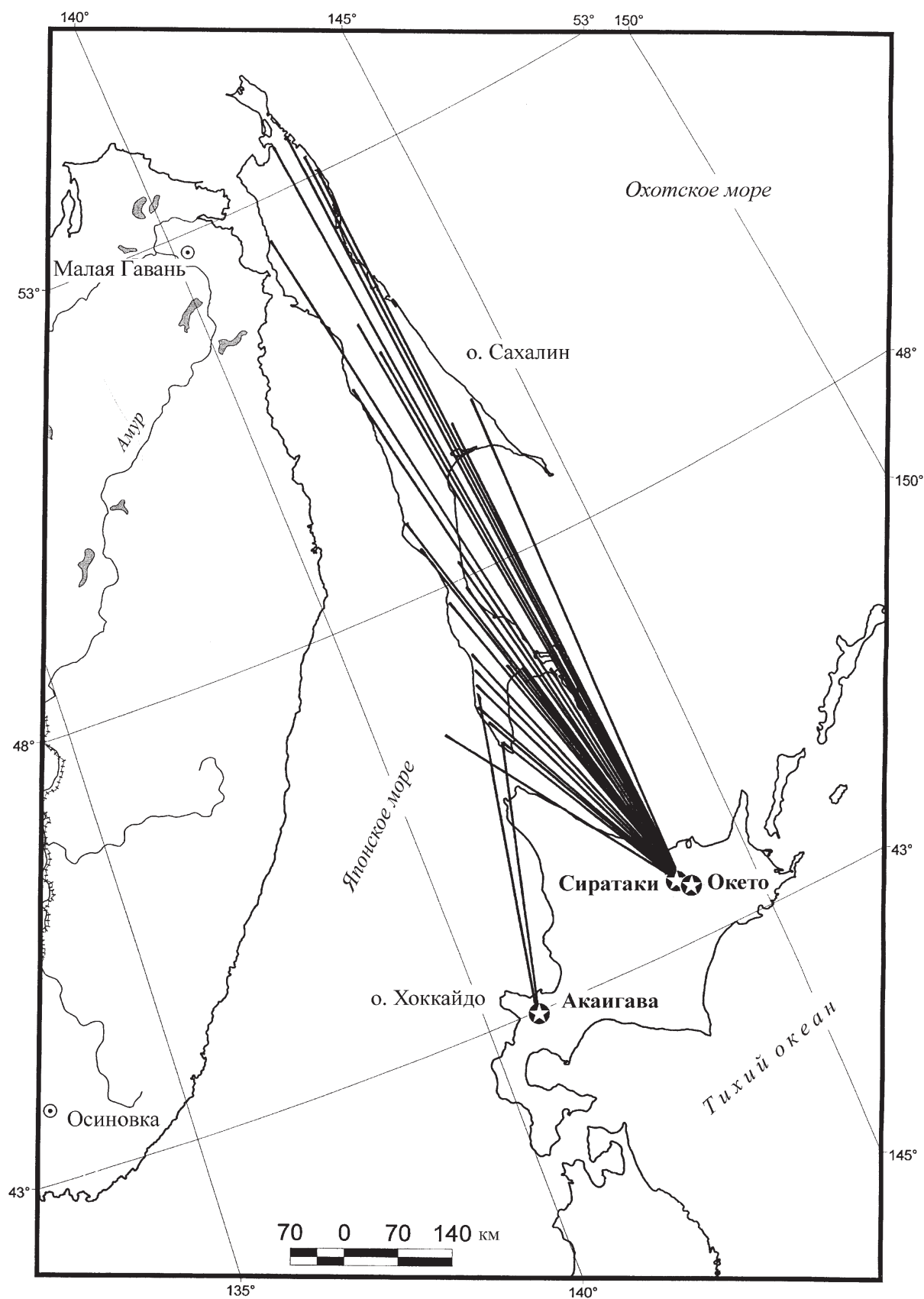

Рис. 5. Источники обсидиана о. Хоккайдо и зоны распространения изготовленных из него артефактов на о. Сахалин

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

В чем же состоит важность полученных нами данных для археологии Дальнего Востока России? **Во-первых**, идентификация источников «археологического» обсидиана инструментальными геохимическими методами в сочетании с данными других естественных наук позволяет надежно реконструировать масштабы, время и направления доисторических миграций. Это *прямые* свидетельства контактов людей из различных регионов, в отличие от археологических данных по типологии артефактов, которые в некотором смысле ограничены в возможностях реконструкций миграций и контактов. **Во-вторых**, данные по источникам вулканического стекла позволяют лучше понять некоторые специфические проблемы археологии региона. Так, обмен обсидианом между Хоккайдо и Сахалином, который начался в эпоху низкого стояния уровня Мирового океана в конце плейстоцена, продолжался и в голоцене, после возникновения между островами водной преграды — пролива Лаперуза (Kuzmin et al., 2002a; Kuzmin, Glascock, 2007). Это означает, что древние люди имели средства морского судоходства (лодки) для пересечения водной преграды пролива. Другой пример — сложная стратегия эксплуатации источников обсидиана, когда при наличии расположенного неподалеку и легко доступного высококачественного сырья население использовало также ресурсы гораздо более удаленного источника; такая ситуация существовала в эпоху камня на юге Приморья (рис. 1; 3) (Kuzmin et al., 2002b. Р. 513; Doelman et al., 2008). На Сахалине нами отмечено одновременное использование нескольких удаленных источников обсидиана (Kuzmin, Glascock, 2007); в последнее время сходное явление зафиксировано на Камчатке (Kuzmin et al., 2008). **В-третьих**, удалось установить существование в каменном веке целого ряда обширных (не менее 500–1000 км в длину) систем обме-

на обсидианом на северо-востоке и востоке Азии: 1) на Сахалине и Хоккайдо (рис. 5); 2) на о. Кюсю — островах Рюкю — Корейском полуострове (Kuzmin, 2008. Р. 7); 3) на стыке современных КНР, КНДР, Республики Корея и России (с центром у вулкана Пектусан) (рис. 3). Эти данные однозначно свидетельствуют о времени и масштабах контактов и миграций в Северо-Восточной Азии начиная как минимум с позднего палеолита. **В-четвертых**, геоархеологические исследования позволяют проводить *независимую* проверку моделей миграций и взаимодействия древнего населения, созданных на основе археологических данных (см. примеры с зайсановской культурой Приморья и возможным обменом обсидианом между Хоккайдо, Приамурьем и Приморьем).

Таким образом, междисциплинарные (археолого-естественнонаучные) исследования на Дальнем Востоке России имеют высокий научный потенциал для дальнейшего, более углубленного изучения вопросов природной обстановки (Кузьмин, 2005), хронологии (Kuzmin, 2006b), палеодиеты (Kuzmin et al., 2002c), источников сырья (Kuzmin, 2006a) и других аспектов геоархеологии региона (Кузьмин, 2005; Kuzmin, 2008). Важнейшую роль в этих работах продолжает играть изучение источников вулканического стекла (Kuzmin, 2006a; Kuzmin, Glascock, 2007; Doelman et al., 2008).

В заключение, не имея возможности назвать поименно всех коллег и соавторов работ по изучению источников обсидиана Дальнего Востока России и сопредельных регионов Северо-Восточной Азии, мы благодарим их за сотрудничество, помощь и поддержку. Данные работы были поддержаны различными организациями и фондами: РФФИ и РГНФ (Россия); АФГИР, Программой Фулбрайт и Национальным научным фондом (США); Фондом Японии и Министерством образования, науки, культуры и спорта Японии; Фондом Кореи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алкин С.В., 2007. Древние культуры Северо-Восточного Китая: Неолит Южной Маньчжурии. Новосибирск.

Андреев Г.И., 1957. Поселение Зайсановка I в Приморье // СА. № 2.

Бутин Ю.М., 1979. Новые данные по ар-

хеологии Корейского полуострова (стоянка Помый-Кусок) // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.

Варашина Тетцую, Хигашимура Такенобу, Сато Хироюки, Лашина З.С., 1979. Анализ источников каменных орудий // Нихон Бункадай Кагаку-кай Дай 15 Кай Тайкай Кенкю Хаппио Йоши. Нара. (На яп. яз.).

Василевский А.А., 2008. Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск.

Василевский А.А., Шубина О.А., 2002. Неолит Сахалина и Курильских островов // Вестник Сахалинского музея. № 9.

Вулканические стекла Дальнего Востока России: Геологические и археологические аспекты / Ред. Я.В. Кузьмин, В.К. Попов. Владивосток, 2000.

Геологический словарь. 2-е изд., испр. / Отв. ред. К.Н. Паффенгольц. М., 1978. Т. 2.

Голубев В.А., Лавров Е.Л., 1988. Сахалин в эпоху камня. Новосибирск.

Деревянко А.П., 1983. Палеолит Дальнего Востока и Кореи. Новосибирск.

Кимура Хидеаки, 1995. Обсидиан, люди и технология // Хоккайдо Кокогаку. № 31. (На яп. яз.).

Крупянка А.А., Табарев А.В., 2001. Археологические комплексы эпохи камня в Восточном Приморье. Новосибирск.

Кузнецов А.М., 1992. Поздний палеолит Приморья. Владивосток.

Кузьмин Я.В., 2005. Геохронология и палеосреда позднего палеолита и неолита умеренного пояса Восточной Азии. Владивосток.

Кузьмин Я.В., Горбунов С.В., Попов В.К., Гласкок М.Д., Изухо М., 2005. Источники обсидиана в доисторических комплексах Сахалина // Вестник Сахалинского музея. № 12.

Кузьмин Я.В., Попов В.К., Гребенников А.В., Пташинский А.В., Дикова М.А., Гласкок М.Д., 2008. Источники обсидианового сырья в доисторических культурах Камчатки: Результаты и перспективы исследований // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. М. Т. 3.

Ларичев В.Е., 1978. Неолит и бронзовый век Кореи // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Новосибирск.

Наседкин В.В., Формозов А.А., 1965. Вулканическое стекло из стоянок каменного века

Краснодарского края и Чечено-Ингушетии // Археология и естественные науки. М.

Обата Хироки, 2003. Изучение использования обсидиана в древности в Восточной Азии — обзор и перспективы // Секки Генсачи. № 2. (На яп. яз.).

Оно Акира, Харунари Хидеи, Ода Шизуо (ред.), 1992. Атлас японской археологии. Токио. (На яп. яз.).

Орудия древнекаменного века Кореи. Сеул, 2001. (На кор. яз.).

Петрографический словарь / Ред. В.П. Петров, О.А. Богатиков, Р.П. Петров. М., 1981.

Попов В.К., Кузьмин Я.В., Гласкок М.Д., Гребенников А.В., Ключев Н.А., Попов А.Н., Слепцов И.Ю., Батаршев С.В., Крупянка А.А., Крутых Е.Б., Малков С.С., 2006а. Новые данные по геохимии вулканических стекол из археологических памятников Приморья // V Гродековские чтения. Хабаровск.

Попов В.К., Кузьмин Я.В., Шевкомуд И.Я., Гребенников А.В., Гласкок М.Д., Зайцев Н.Н., Петров В.Г., Наумченко Б.В., Конопацкий А.К., 2006б. Обсидиан в археологических памятниках Среднего и Нижнего Приамурья: геохимический состав и источники // V Гродековские чтения. Хабаровск.

Попов В.К., Сахно В.Г., Кузьмин Я.В., Гласкок М.Д., Цой Б.-К., 2005. Геохимия вулканических стекол вулкана Пектусан // Докл. РАН. Т. 403. № 2.

Попов В.К., Шекли С., 1997. Обсидиан Приморья: Первые результаты археолого-геологической корреляции // Вестник ДВО РАН. № 3.

Табарев А.В., 2004. Обсидиан в неолите Приморья // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (17).

Формозов А.А., 1959. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.

Формозов А.А., 2002. Древнейшие этапы истории Европейской России. М.

Янишина О.В., Ключев Н.А., 2005. Поздний неолит и ранний палеометалл Приморья: критерии выделения и характеристика археологических комплексов // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: Открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток.

Ambrose W., Stevenson C.M., Suzuki M., 2003. Current trends in obsidian studies in the Circum-

Pacific region // Bulletin of the Meiji University Center for Obsidian and Lithic Studies. Tokyo. № 2.

Bressy C., Poupeau G., Yener K.A., 2005. Cultural interactions during the Ubaid and Halaf periods: Tell Kurdu (Amuq Valley, Turkey) obsidian sourcing // JAS. Vol. 32.

Brooks S.O., Glascock M.D., Giesso M., 1996. Source of volcanic glass for ancient Andean tools // Nature. Vol. 386. # 6624.

Burger R.L., Chávez K.L., Chávez S.J., 2000. Through the glass darkly: Prehispanic obsidian procurement and exchange in Southern Peru and Northern Bolivia // JWP. Vol. 14.

Cann J.R., 1983. Petrology of obsidian artefacts // The Petrology of Archaeological Artefacts. Oxford.

Carlson R.L., 1994. Trade and exchange in prehistoric British Columbia // Prehistoric Exchange Systems in North America. New York.

Carter T., Dubernet S., King R., Le Bourdonnec F.-X., Milić M., Poupeau G., Shackley M.S., 2008. Eastern Anatolian obsidians at Çatalhöyük and the reconfiguration of regional interaction in the Early Ceramic Neolithic // Antiquity. Vol. 82. № 318.

Chataigner C., Badalian R., Bigazzi G., Cauvin M.-C., Jrbashian R., Karapetian S.G., Norelli P., Oddone M., Poidevin J.-L., 2003. Provenance studies of obsidian artefacts from Armenian archaeological sites using the fission-track dating method // Journal of Non-Crystalline Solids. Vol. 323.

Choi B.K. (ed.), 2001. The Janghung-ri Palaeolithic site. Chunchon.

Cook J.P., 1995. Characterization and distribution of obsidian in Alaska // Arctic Anthropology. Vol. 32. № 1.

Dillian C.D., Bello C.A., Shackley M.S., 2007. Crossing the Delaware: Documenting super-long distance exchange in the Mid-Atlantic // Archaeology of Eastern North America. Vol. 35.

Doelman T., Torrence R., Popov V., Ionescu M., Kluyev N., Sleptsov I., Pantyukhina I., White P., Clements M., 2008. Source selectivity: An assessment of volcanic glass sources in the southern Primorye region, Far East Russia // Geoarchaeology. Vol. 23.

Fredericksen C., 1997. The maritime distribution of Bismarck Archipelago obsidian and Island Melanesian prehistory // The Journal of the Polynesian Society. Vol. 106.

Gillam J.C., Tabarev A.V., 2004. On the path of Upper-Paleolithic obsidians in the Russian Far East // Current Research in the Pleistocene. Vol. 21.

Glascock M.D., 2002a. Obsidian provenance research in the Americas // Accounts of Chemical Research. Vol. 35.

Glascock M.D. (ed.), 2002b. Geochemical Evidence for Long-Distance Exchange. Westport.

Glascock M.D., Braswell G.E., Cobean R.H., 1998. A systematic approach to obsidian source characterization // Archaeological Obsidian Studies: Method and Theory. New York.

Glascock M.D., Krupianko A.A., Kuzmin Y.V., Shackley M.S., Tabarev A.V., 1996. Geochemical characterization of obsidian artifacts from prehistoric sites in the Russian Far East: Initial study // Археология Северной Пацифики. Владивосток.

Glascock M.D., Popov V.K., Kuzmin Y.V., Speakman R.J., Ptashinsky A.V., Grebennikov A.V., 2006. Obsidian sources and prehistoric obsidian use on the Kamchatka Peninsula: Initial results of research // Archaeology in Northeast Asia: On the Pathway to Bering Strait. Eugene.

Hall M.E., Kimura H., 2002. Quantitative EDXRF studies of obsidian sources in northern Hokkaido // JAS. Vol. 29.

Hong M.-Y., Kim J.H., 2008. Hopyeong-Dong Palaeolithic Site (Namyangju, Gyeonggi Province, Korea). Vols. 1–2. Seoul. (На кор. яз.).

Kilikoglou V., Bassiakos Y., Grimanis A.P., Souvatzis K., Pilali-Papasteriou A., Papanthimou-Papaefthimiou A., 1996. Carpathian obsidian in Macedonia, Greece // JAS. Vol. 23.

Kim J.C., Kim D.K., Yoon M., Yun C.C., Park G., Woo H.J., Hong M.-Y., Lee G.K., 2007. PIXE provenancing of obsidian artefacts from Paleolithic sites in Korea // Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association. Vol. 27.

Kluyev N.A., Sleptsov I.Y., 2007. Late Pleistocene and Early Holocene uses of basaltic glass in Primorye, Far East Russia: A new perspective based on sites near the sources // Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association. Vol. 27.

Kuzmin Y.V., 2006a. Recent studies of obsidian exchange networks in prehistoric Northeast Asia // Archaeology in Northeast Asia: On the Pathway to Bering Strait. Eugene.

Kuzmin Y.V., 2006b. Palaeoenvironment and chronology // Archaeology of the Russian

Far East: Essays on Stone Age Prehistory. Oxford.

Kuzmin Y.V., 2008. Geoarchaeology of prehistoric cultural complexes in the Russian Far East: Recent progress and problems // Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association. Vol. 28.

Kuzmin Y.V., Glascock M.D., 2007. Two islands in the ocean: Prehistoric obsidian exchange between Sakhalin and Hokkaido, Northeast Asia // Journal of Island and Coastal Archaeology. Vol. 2.

Kuzmin Y.V., Glascock M.D., Sato H., 2002a. Sources of archaeological obsidian on Sakhalin Island (Russian Far East) // JAS. Vol. 29.

Kuzmin Y.V., Popov V.K., Glascock M.D., Shackley M.S., 2002b. Sources of archaeological volcanic glass in the Primorye (Maritime) Province, Russian Far East // Archaeometry. Vol. 44.

Kuzmin Y.V., Richards M.P., Yoneda M., 2002c. Palaeodietary patterning and radiocarbon dating of Neolithic populations in the Primorye Province, Russian Far East // Ancient Biomolecules. Vol. 7.

Kuzmin Y.V., Speakman R.J., Glascock M.D., Popov V.K., Grebennikov A.V., Dikova M.A., Ptashinsky A.V., 2008. Obsidian use at the Ushki Lake complex, Kamchatka Peninsula (Northeastern Siberia): Implications for terminal Pleistocene and Early Holocene human migrations in Beringia // JAS. Vol. 35.

Nelson S.M., 1993. The Archaeology of Korea. Cambridge.

Pantukhina I., 2007. The role of raw material in microblade technology at three Late Palaeolithic sites, Russian Far East // Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association. Vol. 27.

Phillips S.C., Speakman R.J., 2009. Initial source evaluation of archaeological obsidian from the Kuril Islands of the Russian Far East using portable XRF // JAS. Vol. 36.

Pollmann H.-O., 1993. Obsidian im nordwestmediterranen Raum: Seine Verbreitung und Nutzung im Neolithikum und Äneolithikum. Oxford.

Ponomarenko A.L., 2004. The Pachuca obsidian source, Hidalgo, Mexico: A geoarchaeological perspective // Geoarchaeology. Vol. 19.

Renfrew C., 1969. Trade and culture process in European prehistory // Current Anthropology. Vol. 10.

Renfrew C., Bahn P., 2004. Archaeology: Theories, Methods, and Practice. 4-th edit. New York.

Renfrew C., Dixon J., 1976. Obsidian in western Anatolia: A review // Problems in Economic and Social Archaeology. London.

Shackley M.S., 2005. Obsidian: Geology and Archaeology in the North American Southwest. Tucson.

Shackley M.S., 2008. Archaeological petrology and the archaeometry of lithic materials // Archaeometry. Vol. 50.

Shackley M.S., Glascock M.D., Kuzmin Y.V., Tabarev A.V., 1996. Geochemical characterization of archaeological obsidian from the Russian Far East: A pilot study // International Association for Obsidian Studies Bulletin. # 17.

Skinner C.E., Tremaine K.J., 1993. Obsidian: An Interdisciplinary Bibliography. San Jose.

Speakman R.J., Glascock M.D., Popov V.K., Kuzmin Y.V., Ptashinsky A.V., Grebennikov A.V., 2005. Geochemistry of volcanic glasses and sources of archaeological obsidian on the Kamchatka Peninsula (Russian Far East): First results // Current Research in the Pleistocene. Vol. 22.

Suzuki M., 1973. Chronology of prehistoric human activity in Kanto, Japan. Part 2: Time-space analysis of obsidian transportation // Journal of the Faculty of Science, University of Tokyo. Section 5: Anthropology. Vol. 4. # 4.

Tykot R.H., 2002. Chemical fingerprinting and source tracing of obsidian: The central Mediterranean trade in black gold // Accounts of Chemical Research. Vol. 35.

Weisler M.I., Clague D.A., 1998. Characterization of archaeological volcanic glass from Oceania: The utility of three techniques // Archaeological Obsidian Studies: Method and Theory. New York.

Williams-Thorpe O., 1995. Obsidian in the Mediterranean and Near East: A provenancing success story // Archaeometry. Vol. 37.

Yacobaccio H.D., Escola P.S., Pereyra F.X., Lazzari M., Glascock M.D., 2004. Quest for ancient routes: Obsidian sourcing research in Northwestern Argentina // JAS. Vol. 31.

Ю.Б. Сериков

Государственная социально-педагогическая академия, Нижний Тагил

КЛАДЫ КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ КАК РИТУАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ

Более 50 лет назад в чешском журнале вышла статья А.А. Формозова «Клады каменных изделий на территории СССР» (Формозов, 1958. С. 637–645). В ней приводится обзор всего 10 кладов и подчеркивается необходимость сбора сведений об этом виде интересных комплексов. К настоящему времени на территории России известны уже десятки кладов каменных изделий, но далеко не всегда они опубликованы в полной мере. Отчасти это относится и к кладам, найденным на территории Среднего Зауралья.

Сейчас на данной территории известно восемь кладов каменных изделий, которые датируются от эпохи мезолита до раннего железного века (Сериков, 2007а. С. 182–188).

К мезолиту относятся два клада, оба найденные автором, — в 1975 и 2006 гг. Первый клад обнаружен на мезолитическом поселении Выйка II (Красноуральский р-н Свердловской обл.). Он выглядел как скопление диаметром около 15 см, в котором находилось 17 пластин, 17 отщепов и 9 поперечных сколов с нуклеуса. Все изделия находились в вертикальном или почти вертикальном положении и плотно прилегали друг к другу. Залегали они в культурном слое на глубине 8–28 см от современной поверхности. Следы ямки отсутствуют. Все изделия залегали в очаге (на его границе) и имели следы термического воздействия (Сериков, 1988. С. 24).

Среди пластин присутствует 7 отсеченных верхних и 3 нижних частей, 2 пластины с отсеченными нижними частями и 5 сечений (рис. 1, 1–16, 25). Причем только 2 сечения, обработанные по обоим краям крутой ретушью со спинки, имеют правильное гранение (рис. 1, 1). Остальные пластины имеют неправильные очертания и, по сути, являются отходами производства. Длина пластин укладывается в размеры от 1,3 до 3,9 см. Преобладают пластины длиной 2–2,4 см (10 экз.). Пластин длиной свыше 3 см в составе клада только 3. Ширина пластин колеблется от 1,1 до 2,3 см. Преобладают пластины шириной 1,1–1,6 см (13 экз.). Ширину свыше 2 см имеют 4 пластины. Следует отметить, что в пластинчатом комплексе поселения чаще всего использовались пластины шириной 0,5–0,7 см (53%). А пластины шириной свыше 1 см составляют чуть более 7% (Сериков, 1988. С. 25). Из орудий в кладах присутствуют срединный резец (рис. 1, 3), резчик с двумя клювовидными рабочими краями (рис. 1, 2) и 2 пластины с ретушью со спинки. Эти пластины склеились между собой (рис. 1, 1). Можно отметить, что еще 2 пластины склеились внакладку (рис. 1, 5, 12), а к одной пластине подклеился небольшой обломок, найденный не в кладах, а на поселении (рис. 1, 7).

Все поперечные сколы (за исключением одного) являются массивными экземплярами

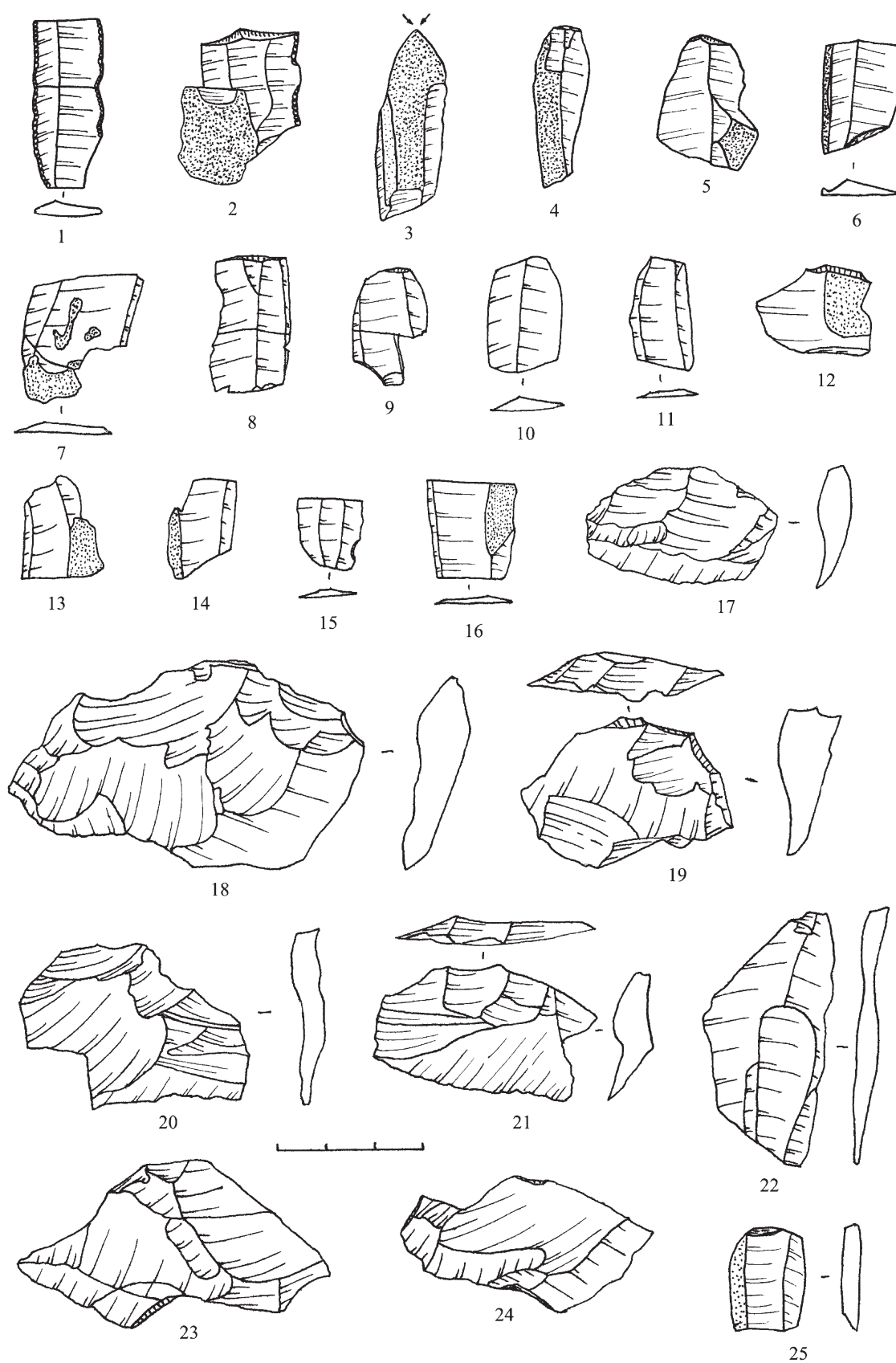

Рис. 1. Выйка II. Клад каменных изделий (1–16, 25 — пластины; 18–21, 23–24 — поперечные сколы с нуклеусов; 22 — пластинчатый отщеп)

длиной от 4 до 7,5 см (рис. 1, 18–21, 23, 24). Причем, если измерять по оси скалывания, то длина поперечных сколов почти у всех изделий будет в 1,5–2,3 раза меньше их ширины. К одному поперечному сколу приклеился небольшой отщеп (рис. 1, 23). Большая часть отщепов имеет длину от 1,5 до 3,5 см. И только у двух отщепов длина превышает 5 см (рис. 1, 22). Толщина отщепов доходит до 1 см, но обычно не превышает 0,3–0,4 см. На поверхности всех отщепов присутствуют белые пятна, которые появились, скорее всего, в результате термического воздействия.

Все изделия сколоты с одного нуклеуса, который был изготовлен из плитки зеленоватой слабокремнеоловой породы типа алевротуфа. Следы плиточной корки сохранились на 9 пластинах, 3 отщепах и 4 поперечных сколах. За пределами клада найдено 5 изделий из такого же сырья: 2 поперечных скола (рис. 1, 17), пластина (рис. 1, 16) и 2 обломка пластин. Следует отметить, что оба поперечных скола и один обломок имеют следы пребывания в огне, а пластина и второй обломок в огне не были (Сериков, 2008а. С. 157–159).

Компактное расположение находок, их плотное и вертикальное залегание и нахождение рядом с очагом позволяют предположить, что данное скопление не является кладом в полном смысле слова. По всей видимости, это содержимое мешочка («ранцевый набор»), которое вместе с ним по какой-то причине попало в очаг и впоследствии было в нем захоронено.

Второй клад эпохи мезолита найден в 320–330 м от вершины горы Трехскалка (окраина г. Нижнего Тагила) (Сериков, 2007б. С. 113–116). Находки в виде скопления длиной около 40 см и шириной до 10 см располагались сразу под дерном на глубине 8–10 см в слое серо-коричневого супесчаного суглинка. Мощность залегания — не более 6–8 см. Никаких следов ямы не обнаружено. Материком является более плотный светло-коричневый суглинок с примесью камней. Тщательное обследование окрестностей клада показало полное отсутствие культурного слоя. Таким образом, данное скопление каменных изделий можно считать кладом. Всего в скоплении найдено 104 изделия: 5 нуклеусов, отбойник, 2 скребка и 96 микропластинок.

Один нуклеус изготовлен из красно-зеленой яшмы хорошего качества. Он имеет форму правильного конуса высотой 5,4 см (рис. 2, 1). Ударная площадка имеет овальную форму, ее диаметр 1,6–1,9 см. Количество негативов от сколотых пластин — 10. Их ширина в средней части составляет 4–5 мм, только один негатив имеет ширину 7,5 мм. В коллекции присутствуют 11 пластинок, сколотых с этого нуклеуса. Второй нуклеус склеен из двух расслоившихся фрагментов (рис. 2, 4). Его высота 2,2 см. Он имеет призматическую форму и предельную степень сработанности. В коллекции присутствует еще один нуклеус из такого же сырья — кремевой яшмы. По видимому, он составлял с вышеописанным нуклеусом единое изделие (рис. 2, 5). Высота его — 1,4 см. В коллекции присутствуют 54 пластинки, сколотые с этих нуклеусов. Анализ пластин показывает, что заготовкой для нуклеуса послужила плитка кремевой яшмы. Еще 2 нуклеуса изготовлено из галек чистого горного хрусталя (рис. 2, 2, 3). Их высота 4,5 и 2,5 см, ширина соответственно — 2,7 и 2,9 см, толщина обоих — 2 см. Слегка скошенные ударные площадки образованы одним сколом, несколькими сколами подготовлены плоскости скалывания.

Отбойник (весом всего 30,5 г) представляет собой плоскую овальную гальку молочного кварца длиной 4,4 см (рис. 2, 8). Продольные концы гальки забиты от использования.

Оба скребка изготовлены на пластинах яшмы — полосчатой (красно-зеленой) и бурой. Скребок из полосчатой яшмы изготовлен таким образом, что одна грань пластины оказалась бурой, а вторая — зеленой. Лезвие скребка оформлено приостряющей ретушью, угол заострения лезвия — около 60°. Боковые края пластины имеют ретушь утилизации, довольно заметную, как со спинки, так и с брюшка. Высота скребка 2,9 см, ширина — 1,4 см (рис. 2, 7). Скребок из бурой яшмы изготовлен из первичной пластины, имеет высоту 3 см, ширину — 1,1 см, угол заострения лезвия — около 65°. Он активно использовался для обработки кожи: лезвие скребка, место слома и боковые края сильно стертые и заглажены от долгого употребления. Им же работали еще и в качестве углового резца.

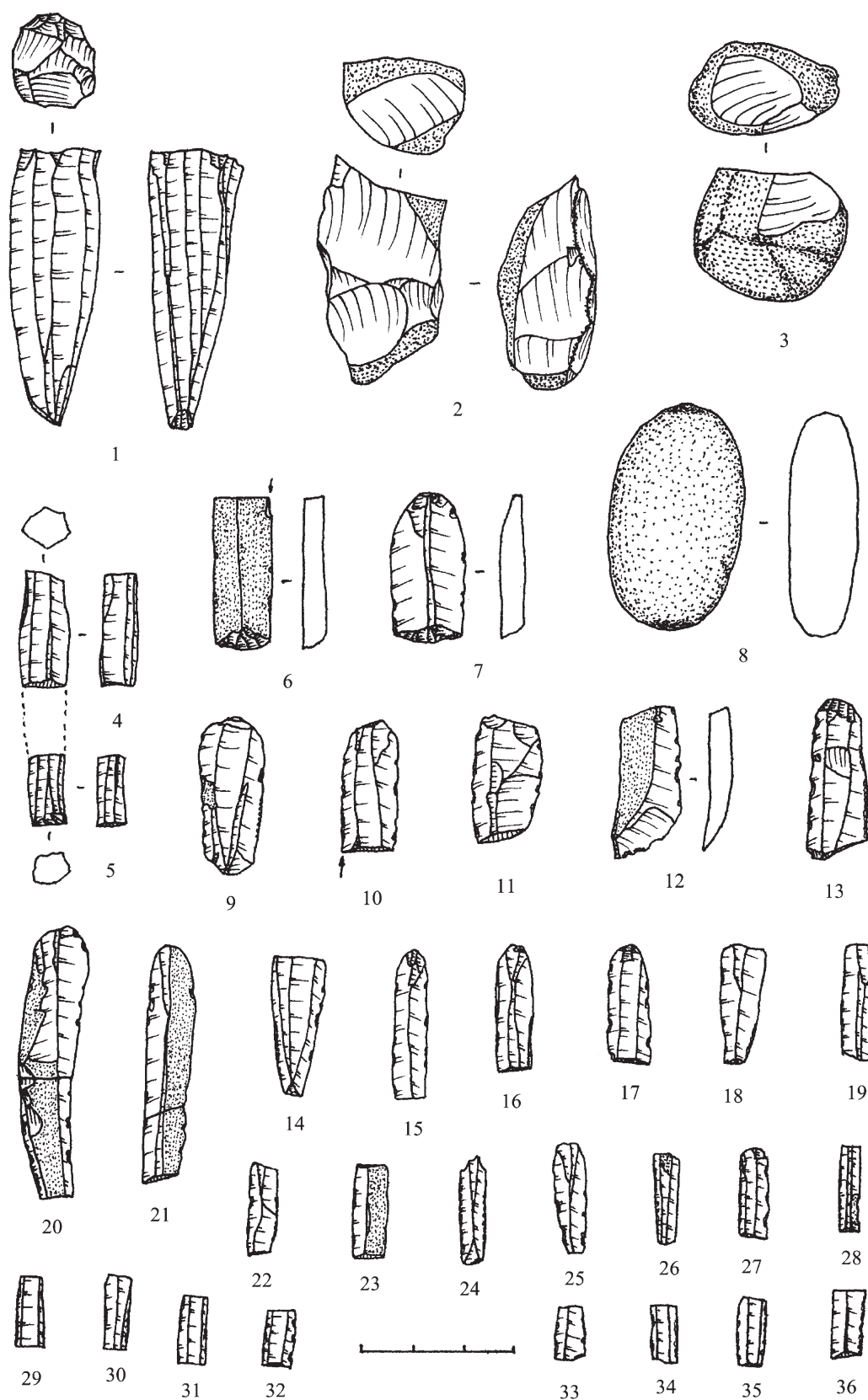

Рис. 2. Трехскалка. Клад каменных изделий (1-5 — нуклеусы; 6, 7 — скребки; 8 — отбойник; 9-36 — микропластинки)

96 микропластинок, судя по минеральному сырью, происходят как минимум от 11 нуклеусов (рис. 2, 9–36; 3, 1–63). Из разных видов яшмы (зеленой, серой, серо-зеленой, кремовой) изготовлено 88 пластин (91,7%). Преобладают изделия из кремовой яшмы местного происхождения (56,3%). Следует отметить, что похожая кремовая яшма в небольшом количестве встречена еще на одном мезолитическом памятнике — Крутяки I, расположенном на Черноисточинском пруду в 21 км к югу от Нижнего Тагила (Сериков, 2000. С. 78, 79). Из кремня (черного и полосатого) и кремнистого сланца (черного) изготовлено по 4 пластинки (по 4,15%). Первичную корку имеют 28 пластинок (29,2%). Ретушь отсутствует только на 7 пластинках. Обычно это толстые пластинки с коркой по одной или двум граням. На 86 пластинках по двум краям присутствует ретушь утилизации. Ретушью обработано 13 пластинок (на большинстве из них имеется и ретушь утилизации). Всего в коллекции 89 пластинок (92,7%) несут на себе следы использования. Ширина пластинок колеблется от 0,4 до 1,7 см. Преобладают пластинки шириной 0,5–0,7 см — 59 экз. (61,5%). Пластинок шириной до 0,8 см в комплексе 71 экз. (74%), шириной до 1 см — 84 экз. (87,5%). Пластины имеют длину от 0,6 до 3,5 см. С учетом того, что 12 пластинок склеились между собой в торец (попарно), их максимальная длина увеличилась до 5,3 см. Преобладают пластинки длиной до 1,5 см — 40 экз. (41,7%). Пластинок длиной до 2 см в коллекции 77 (80,2%). Суммарная длина всех пластинок составляет 152,3 см. В коллекции представлены все части пластин: сечения — 52 (54,2%), отсеченные верхние части — 16, отсеченные нижние части — 9, с отсеченной верхней частью — 3, с отсеченной нижней частью — 14. Целых пластин всего 2 экз.

Особенностью данного комплекса является полное отсутствие в нем отходов обработки нуклеусов и отщепов. Учитывая, что свыше 90% пластинок имеют ретушь утилизации, их все можно отнести к вкладышам составных орудий. Принимая во внимание компактное залегание каменных изделий, можно предположить, что в кладе кроме нуклеусов, скребков и отбойника находилось несколько вкладышевых изделий. Их костяные оправы

не сохранились, но по оставшимся вкладышам можно попытаться реконструировать их вид и количество. Предлагаемая автором реконструкция выполнена с учетом ширины, толщины пластин, а также минерального сырья. Итак, в кладе мог находиться двулезвийный вкладышевый кинжал. Длина рядов вкладышей составляла 19,4 и 19,5 см. В одном ряду могло быть 8 пластин, в другом — 10. Их ширина равнялась 1–1,3 см. Оба ряда заканчивались резко сужающимися книзу и изогнутыми вправо и влево пластинами. Второе изделие также являлось кинжалом или ножом, но уже однолезвийным. Длина ряда вкладышей составляла 19,3 см. Десять пластин из этого ряда имели ширину 0,8–1 см. Последний вкладыш также сильно сужается книзу и загибается влево. Кроме кинжалов в состав клада могло входить шесть вкладышевых однолезвийных наконечников стрел. Если часть из них были двулезвийными, то число их могло сократиться до четырех. Длина ряда вкладышей у первого наконечника равнялась 14,4 см. В нем находилось 10 пластин шириной 0,7–0,9 см. Оправа второго наконечника включала 8 достаточно толстых пластин шириной 0,6–0,7 см. Их длина составляла 15 см. Все вкладыши (как и в первом наконечнике) были изготовлены из темных пород камня. В оправу третьего наконечника входило 12 пластинок кремовой яшмы шириной 0,5–0,7 см (в основном — 0,5 см). Общая длина вкладышей — 17,3 см. Также из кремовой яшмы изготовлены вкладыши четвертого наконечника. Их 15 экз. шириной 0,6–0,7 см. Длина ряда — 16,5 см. В оправу пятого наконечника было вставлено 12 пластинок зеленой и серой яшмы. Ширина вкладышей — 0,5–0,6 см, длина ряда — 14,5 см. В оправу шестого наконечника были собраны самые узкие пластинки шириной 0,35–0,5 см. Их количество — 10 экз., все из разного сырья. Длина ряда вкладышей — 12,8 см. Безусловно, эта реконструкция представляет один из возможных вариантов (Сериков, 2007б).

Если сравнивать данный пластинчатый комплекс с материалами Камня Дыроватого, то поражает их полное несоответствие. В том, что пластинки из клада являлись вкладышами, сомневаться не приходится — 92,7% пластинок имеют следы использования. Но в

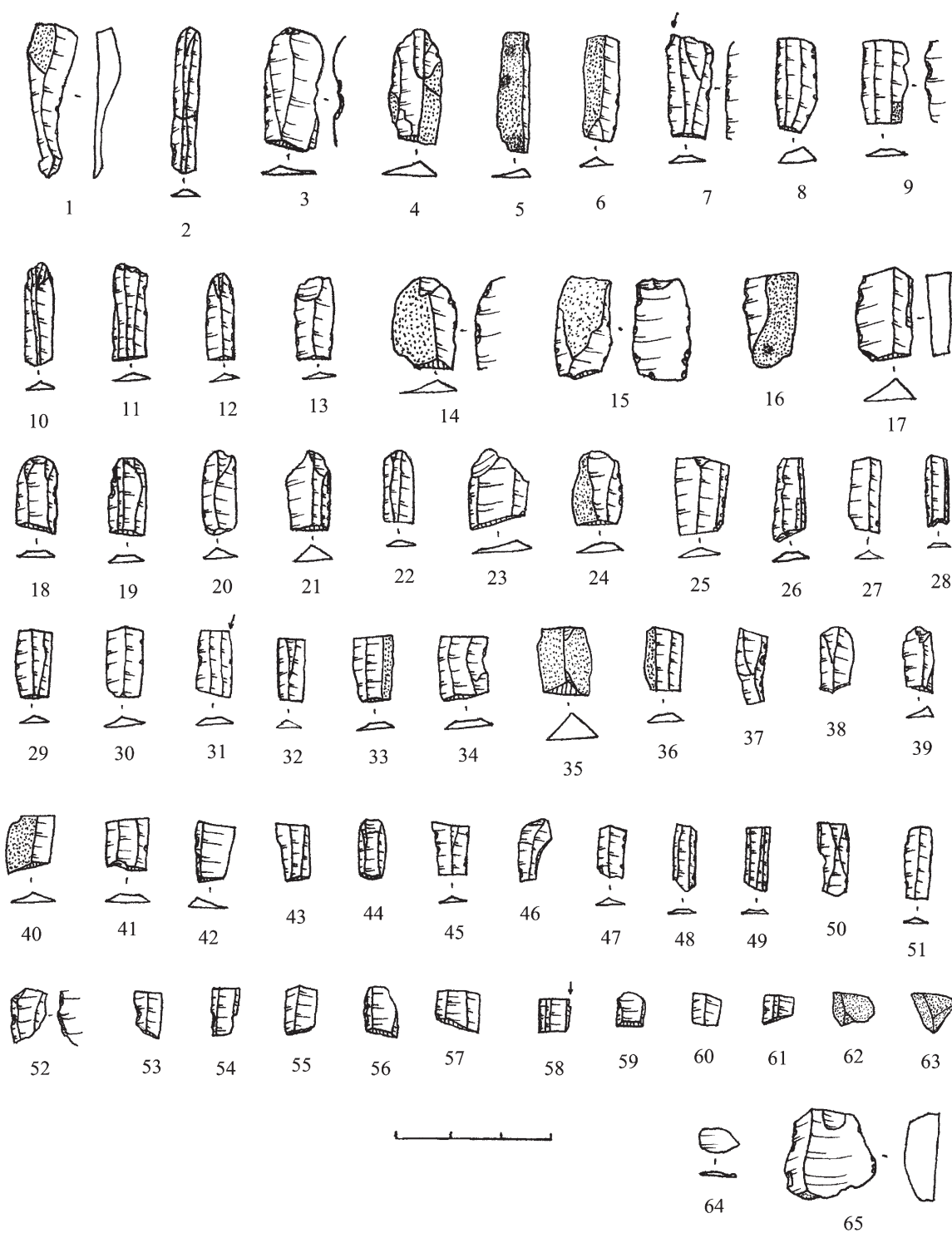

Рис. 3. Трехскалка. Клад каменных изделий (1–65 — микропластинки)

отличие от вкладышей Камня Дыроватого пластинки из клада часто изогнутые, толстые, с первичной коркой, имеют неправильную форму и непараллельные края. Тогда как среди вкладышей Камня Дыроватого преобладают микропластинки правильного гранения, ширина которых составляет 0,4–0,5 см (70,7%), а сечений среди них — 97,4% (Сери́ков, 2008б. С. 6, 7).

Чем можно объяснить такие заметные различия в оформлении вкладышевых орудий, пока неясно. Вряд ли они связаны с разной хронологией памятников. Даже палеолитические вкладыши стоянки Талицкого и Черноозерья II имеют гораздо более правильные очертания и стандартные размеры, чем вкладыши из клада Трехскалки. Не исключено, что в клад поместили изделия, специально подготовленные для жертвоприношения. Наличие в скоплении сильно сработанных нуклеусов из качественного сырья, подготовленных для обработки хрустальных нуклеусов и нестандартного комплекса пластин-вкладышей подчеркивает неординарный характер данного клада.

Следует отметить, что еще один мезолитический клад, в котором находилось 6 каменных топоров, найден на западном склоне Среднего Урала — на поселении Огурдино (Усольский р-н Пермского края) (Мельничук, Чурилов, 2007. С. 32–38).

К эпохе неолита относится только один клад. Найден он автором в 2003 г. на западном берегу Шайтанского озера (Кировградский р-н Свердловской обл.). Клад располагался на границе с болотом у северной кромки мыса, на котором расположен культовый озерный центр Шайтанское озеро I (Сери́ков, 2004. С. 104). Высота залегания клада над уровнем болота — 1,06 м. От клада до границы болота (к северу) — 5,5 м, а до осевой линии мыса (к югу) — 38 м. От кромки воды, у которой располагался большой валун — нулевая отметка памятника, клад находился в 92,5 м к западу. Залегал он на глубине около 20 см и был накрыт небольшой (около 30 x 20 см) каменной плиткой. В состав клада входили нуклеус, шлифованный топорик, нешлифованное тесло и заготовка утюжка. Нуклеус высотой 16,7 см изготовлен из плитки светло-серой сла-

боокремнелой породы (рис. 4, 1). Относится он к типу торцовых трехсторонних двухплощадочных. Одна ударная площадка прямая, вторая — скошенная. Размеры ударных площадок соответственно — 5,5 x 3,3 и 6 x 5 см. С площадок путем встречного скалывания снимались пластины шириной от 1,8 до 3,2 см (преобладают 2,3–2,5 см). Такие крупные нуклеусы на территории Среднего Зауралья встречаются крайне редко. Топорик имеет треугольную форму, его высота 8,3 см, ширина дугообразного лезвия 5,7 см (рис. 4, 3). Его боковые стороны обработаны двусторонней оббивкой. Лезвие и часть боковых поверхностей отшлифованы. Тесло изготовлено из плитки камня путем двусторонней оббивки. На боковых поверхностях частично сохранилась первичная корка. Высота тесла 12,7 см, ширина 5,4 см. Имеет асимметричный профиль (рис. 4, 2). И топорик, и тесло несут на себе следы использования в работе. Оба рубящих изделия изготовлены из зеленоватого туфопорфи́рита. Утюжок выполнен из куса талька техникой пикетажа. Длина утюжка 12,5 см, высота 5,2 см, ширина в основании 4,7 см. Поперечный желобок, типичный для законченных изделий, в нем отсутствует (рис. 4, 4) (Сери́ков, 2008в. С. 47–50).

Вопрос о хронологии клада решается довольно уверенно. Слабоокремнелые сланцы светло-серых оттенков широко использовались в развитом неолите Среднего Зауралья. В связи с новыми источниками минерального сырья в это же время происходит и развитие крупнопластинчатой техники. На эталонных памятниках неолита Кокшаровском холме и Юрьинском поселении преобладают пластины шириной 1,8–2,5 см, встречаются также шириной до 3 см и больше. А вот находки целых нуклеусов в развитом неолите очень редки. Видимо, происходила их полная утилизация. Зато присутствуют находки поперечных сколов и сколотых ударных площадок нуклеусов диаметром 5–7 см. Утюжок по всем направлениям имеет округлые очертания, что значительно отличает его от утюжков эпохи энеолита, для которых характерны резко очерченные угловатые формы, полученные обычно при помощи шлифовки. Но утюжки именно таких очертаний, только выполнен-

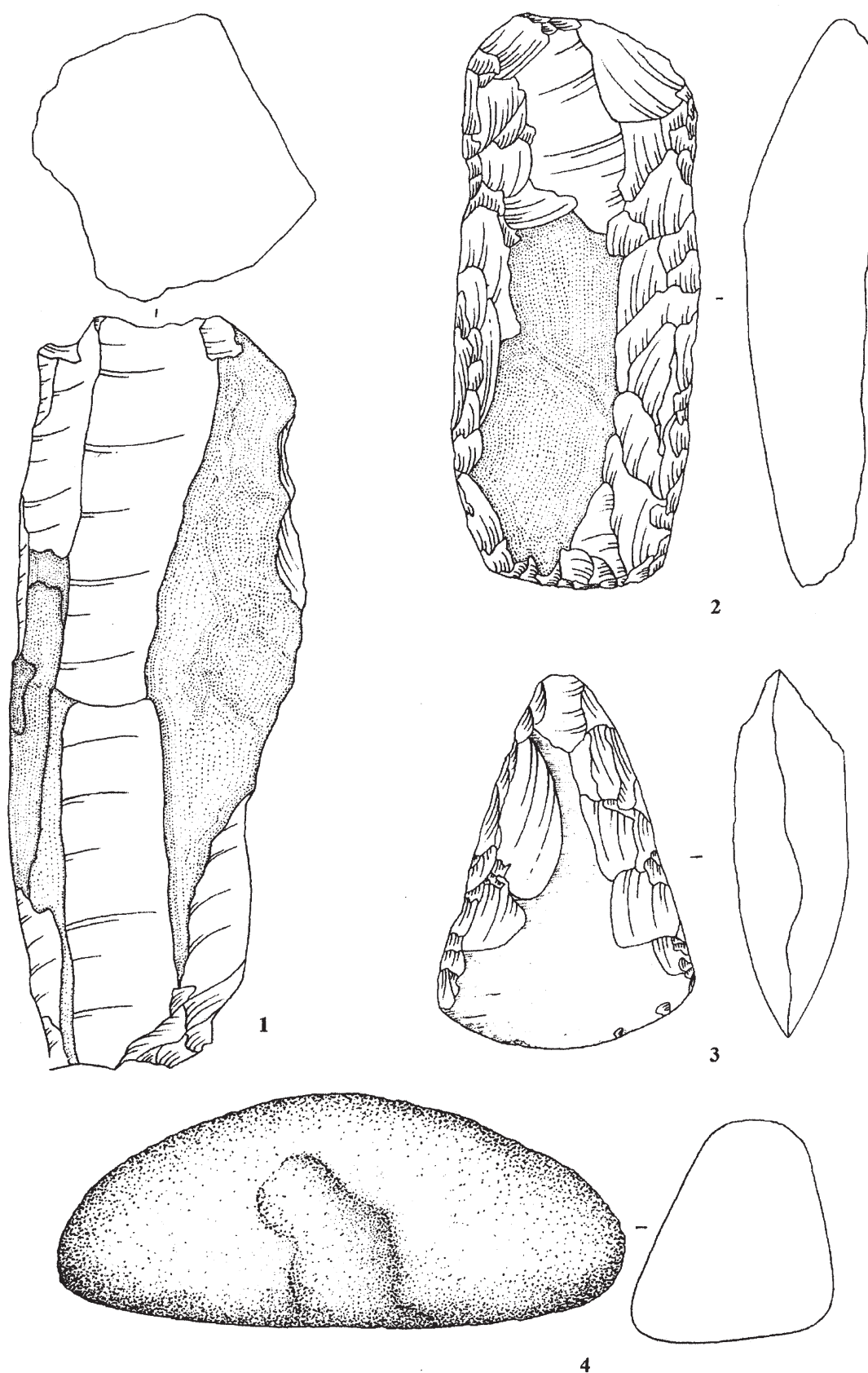

Рис. 4. Шайтанское озеро I. Клад каменных изделий (1 — нуклеус; 2 — тесло; 3 — шлифованный топорик; 4 — заготовка «утюжка»)

ные из глины, представлены на культовом памятнике эпохи неолита — Кокшаровском холме (Шорин, 2003. Рис. 9, 1–4).

С эпохой энеолита можно связать 3 клада каменных изделий. Два найдены Е.М. Берс на острове Макуша, расположенном среди болот у п. Палкино в окрестностях Екатеринбурга. Первый клад обнаружен на дне энеолитического жилища поселения Нижняя Макуша, расположенного на нижней площадке острова. В небольшой ямке на дне жилища лежали каменные топор и тесло, сверху прикрытые сланцевой плиткой (Берс, 1963. С. 42). Другой информации об этом кладе нет. Предметы хранятся в фондах Свердловского областного краеведческого музея, но обнаружить их пока не удалось.

Второй клад выявлен под остатками сгоревшего энеолитического жилища на поселении Верхняя Макуша. Поселение расположено на вершине большой и широкой «каменной палатки». При раскопках жилища были обнаружены три больших камня, которые перекрывали яму с кладом каменных изделий. Порядок залегания находок подробно описан Е.М. Берс: «под камнями лежала большая, в несколько килограмм весом, заготовка зеленокаменной породы со следами отпила каменной пилой. Наклонно к ней представлена плитка сланца, а у заготовки и под плитой лежали орудия: большой, сделанный из зеленого камня полированный топор, тесло, скребок и 43 каменные стрелы различной величины и формы» (Берс, 1963. С. 46). По мнению Е.М. Берс, орудия были приготовлены для обмена. Датирует она их бронзовым веком (Там же. С. 47). Однако, как справедливо отмечает А.В. Шаманаев, по типам наконечников стрел его можно отнести к эпохе энеолита (Шаманаев, 2000. С. 41). Клад хранится в Свердловском краеведческом музее, но в связи с переездом фондов музея найти его пока не удастся.

Некоторое представление о кладе дает В.М. Раушенбах в своей монографии 1956 г. В ней она приводит рисунки 4 наконечников стрел и 3 шлифованных рубящих орудий (к сожалению, без линейного масштаба) (Раушенбах, 1956. Рис. 16, 1–5, 16, 17). Их анализ показал, что фотографии 3 предметов из клада присутствуют и в книге Е.М. Берс,

но обозначены как каменные орудия эпохи неолита (Берс, 1963. Рис. 8). Наконечники из клада имеют длину от 5 до 11,5 см, ширину до 1 см. Основной формой изделий являются наконечники в виде узкого, сильно вытянутого треугольника, с прямым, слегка закругленным или слабо выемчатым основанием. Три наконечника имеют листовидную форму. Все изделия обработаны двусторонней ретушью, причем три из них — хорошо выраженной пильчатой ретушью. Изготовлены наконечники в основном из шиферного сланца (по В.М. Раушенбах; на самом деле из кремнистого сланца), серой яшмы (листовидные) и молочно-кварца (2 экз.).

Шлифованные рубящие орудия (топоры-тесла, по В.М. Раушенбах) представлены двумя крупными изделиями длиной до 15 см. Одно орудие имеет пятигранное сечение, второе — четырехгранное. Первое орудие имеет форму сильно вытянутой трапеции с шириной лезвия 7 см. Второе — форму прямоугольника. Судя по профилю, оба орудия являлись топорами. Третье орудие, небольшого размера (длиной 5,5 см), с шестигранным профилем и слегка расширенным рабочим лезвием, служило теслом. Все изделия тщательно отполированы, изготовлены из кремнистого сланца (Раушенбах, 1956. С. 47). Здесь, по-видимому, опять неточность: в Среднем Зауралье для изготовления шлифованных рубящих орудий практически всегда применялся туфопорфирит зеленоватого цвета. Последнее орудие из клада В.М. Раушенбах определяет как массивное скребло (у Е.М. Берс — скребок) из кремнистого сланца.

Здесь необходимо привести некоторые пояснения. Раскопки Верхней Макуши производились в самом начале 1950-х гг. На рисунке местности, приведенном Е.М. Берс, можно увидеть вершину горы со скалистым останцом («шиханом»). Под шиханом находится такая же скалистая площадка, на которой, по реконструкции Е.М. Берс, была сооружена полуземлянка. Причем, по ее мнению, она была вырублена в скале (Берс, 1963. С. 43, 44. Рис. 9). Во времена Елизаветы Михайловны такие построения были вполне возможны. Однако спустя почти 50 лет мы знаем, что жилищ и поселений на вершинах гор и скал никогда не было. Судя по всему, на том месте

располагалась культовая площадка. И набор находок из «жилища» (наконечники стрел и копий, подвеска, литейная форма, гребенчатые штампы) вполне соответствует известным в настоящее время культовым комплексам. Целая серия аналогичных культовых памятников, расположенных на скалистых шиханах, изучены автором на берегах Шайтанского озера (Сериков, 2007в. С. 42–49).

Третий клад эпохи энеолита найден С.Н. Паниной на многослойном поселении Палатки II, расположенном в верховьях р. Исети недалеко от Екатеринбурга. В яме под прямоугольной формы размерами 1,6 х 0,6 м и глубиной 16 см от уровня дневной поверхности проживания населения аятской энеолитической культуры залегали 27 массивных заготовок черного слоистого сланца. Яма была заполнена углистым слоем и перекрыта прослойкой золы. Автор раскопок считает, что клад был просто забыт, после того как поселок уничтожило пожаром (Панина, 1988. С. 27). Клад хранится в Свердловском краеведческом музее, 8 предметов из клада находятся в экспозиции. Автору удалось познакомиться с частью клада, причем две плитки удалось склеить в одну, более крупную.

Клад каменных пестов был открыт в 1973 г. А.И. Россадович на поселении бронзового века Балакино I (окрестности Нижнего Тагила) (Россадович, 1973). Поселение расположено на левом берегу р. Тагил, в 1 км к северу от с. Балакино. Песты (10 экз.) залегали на кв. 3 в пределах 1 м² на глубинах от 6 до 18 см. К кладу А.И. Россадович отнесла еще один пест, который был найден на соседнем кв. 4 при расчистке корней дерева. По размерам и весу песты можно разделить на три группы, по 3 экз. в каждой (два песта из клада находятся в экспозиции музея и пока недоступны для изучения).

В первую группу отнесены 3 песта длиной 35,4; 35 и 33,2 см и весом соответственно 2,4; 2,5 и 2,7 кг (рис. 5, 1–3). У всех пестов техникой пикетажа выделены рукоятки, длина которых составляет соответственно 10,5; 9,5 и 12,5 см. Боковые ребра пестов также оформлены пикетажем, а в двух случаях подработаны абразивом. Самый короткий пест выполнен из гальки зеленоватого туфопорфира, остальные — из плиток зеленокаменной по-

роды. Все 3 песта были в работе. Наибольшую сработанность имеет пест длиной 35 см. Ударная часть песта, в отличие от других, сильно заглажена и залощена. При этом вмятины от ударов сильно затерты. Следы залощения от ударной поверхности смещаются к рукоятке вверх на 2–2,5 см.

Вторая группа включает песты длиной 32; 31,6 и 31,3 см, вес которых составляет соответственно 2; 2 и 1,9 кг (рис. 5, 4–6). Рукоятки и боковые ребра пестов обработаны пикетажем в сочетании с оббивкой (в двух случаях) и шлифовкой (в одном случае). Изготовлены песты из серицитового сланца, туфопорфира и зеленоватой породы. На всех пестах присутствуют следы сильной забитости. В эту же группу включен еще один пест, который находится в экспозиции музея. Его длина составляет 32 см, вес не определен, изготовлен из серицитового сланца.

Третья группа состоит из пестов длиной 32,3; 28,6 и 26,6 см и весом соответственно 1,6; 1,2 и 1,6 кг (рис. 5, 7–9). Все они изготовлены из сланцев зеленоватого и серого цветов. Песты частично разрушены, видимо, поэтому они самые невыразительные как по форме, так и по технике изготовления. У всех пестов рукоятки обработаны техникой пикетажа. На разрушенных ударных поверхностях сохранились следы использования. Четвертый пест из этой группы находится в экспозиции музея. Он самый короткий, длина его всего 25,5 см, но ширина рабочей части доходит до 8,5 см. Изготовлен также из зеленого сланца.

Следует отметить, что в 1973 г. на памятнике было найдено еще 2 песта, а в 1974 г. коллекция пестов увеличилась сразу на 10 экз. По форме и технике изготовления они полностью аналогичны пестам из клада. Однако необходимо подчеркнуть, что в кладе находились самые выразительные и законченные изделия. А.И. Россадович считала, что на этом месте происходили дробление и плавка медной руды, хотя ни остатков руды, ни следов плавки на памятнике не обнаружено.

К бронзовому веку относится еще один клад. Если все предыдущие клады относились к моносырьевым, т. е. представленные одним видом сырья (камнем), то данный клад является полисырьевым (в нем представлены бронза и камень).

Рис. 5. Балакино I. Клад каменных пестов (1-9 — песты)

Клад обнаружен на многослойном памятнике Шайтанское озеро II (Сериков и др., 2009. С. 70). Здесь необходимо упомянуть, что на южной окраине памятника найдено 6 скоплений бронзовых изделий, некоторые из них по условиям залегания можно считать кладами. Они находились в компактном залегании, изолированно от других находок. Следов ям не зафиксировано, также не выявлено остатков перекрытия. Захоронение бронзовых изделий производилось непосредственно в культурном слое.

Большой интерес представляет клад № 6. Это единственный клад, в котором кроме бронзовых изделий находились и каменные. Залегал он в культурном слое на глубине около 40 см. Клад состоял из кельта со сломанным лезвием, который налегал на острие пластинчатого ножа. Рядом с ножом лежали два каменных изделия: крупный скребок и отщеп из халцедона. Двулезвийный нож длиной 19,3 см имеет форму пластинки, плавно сужающейся к кончику острия. На обушковой части ножа присутствуют следы крепления его в рукоять (рис. 6, 4). По технике изготовления и сохранности это самый неказистый из коллекции кельтов данного памятника. На его втулке и лезвии присутствуют довольно крупные свищи, образовавшиеся при заливке металла в литейную форму. Поясок в верхней части кельта украшен типичной «лесенкой». Под ним расположен горизонтальный пояс из заштрихованных треугольников (рис. 6, 1). Реставрируемая длина кельта — 13,5 см, реальная — 11,5 см. Лезвия кельта и ножа были направлены в сторону от памятника. Лезвие кельта было обращено на юг, а ножа — на юго-запад.

Скребок длиной 5 и шириной 3,4 см имеет подовальную форму (рис. 6, 3). Изготовлен он из отщепов пятнистого (желто-красно-черного) полупрозрачного халцедона. Изделия из такого минерала на территории Тагильского Зауралья не встречаются. Это явно не местное минеральное сырье. Интересно отметить, что на соседнем памятнике Шайтанское озеро I найден скребок (меньшего размера), изготовленный из абсолютно идентичного материала, возможно даже из того же куса минерала.

Отщеп изготовлен из однотонного темно-коричневого халцедона. На спинке отщеп

местами сохранилась желвачная корка бежевого цвета. Отщеп имеет коленчатую форму без всяких следов дополнительной обработки. Его длина 5,2 см, ширина в средней части 2,4 см, толщина — до 0,8 см (рис. 6, 2). Еще в процессе расчистки клада было замечено, что отщеп своими очертаниями напоминает голову животного. Зауженный конец отщеп, обращенный вправо, похож на голову медведя (рис. 6, 2б). Но если отщеп повернуть на 90° по часовой стрелке, то в закругленном конце отщеп можно увидеть голову лося (рис. 6, 2а). Если же отщеп развернуть еще на 180° по часовой стрелке, то он превращается в птицу с вытянутой кверху шеей (рис. 6, 2). Таким образом, можно предположить, что перед нами полиэконическая скульптура, в которой зашифрован образ мирового дерева. С каждым из миров мирового дерева соотносится определенное животное: символом верхнего мира является птица, среднего — лось, а нижнего — медведь. Подобная полиэконическая скульптура, изображающая лося, медведя и бобра, известна на стоянке Юрьино VII (Юрьинское озеро). Как и скульптура из клада, она имеет Г-образную форму, заостренный конец и изготовлена также из коричневого халцедона (Литвиненко, Сериков, 1998. С. 221). Данное предположение может объяснить, почему простой отщеп оказался среди орудий.

На северной окраине этого же памятника (Шайтанское озеро II) изучены еще два комплекса, которые можно охарактеризовать как клады. Первый «клад», состоящий из отщепов, плиток и заготовок, обнаружен А.В. Шаманаевым в 1998 г. (Шаманаев, 1999; 2000; 2002). При расчистке корней упавшей березы им были выявлены 102 находки: фрагмент керамики, галька, пластина, отщепы (54 экз.), плитки и сколы с них (45 экз.). Они залегали скоплением 0,3 × 0,2 м. А.В. Шаманаев подчеркивает, что культурного слоя в месте находки клада не выявлено. Керамика представлена мелким фрагментом без орнамента. Кварцитовая галька яйцевидной формы и длиной около 6 см служила отбойником: на одном из концов зафиксированы следы забитости. Все каменные изделия выполнены из зеленой кремнистой породы разных оттенков. Длина плиток колеблется от 3,5 до 10,5 см,

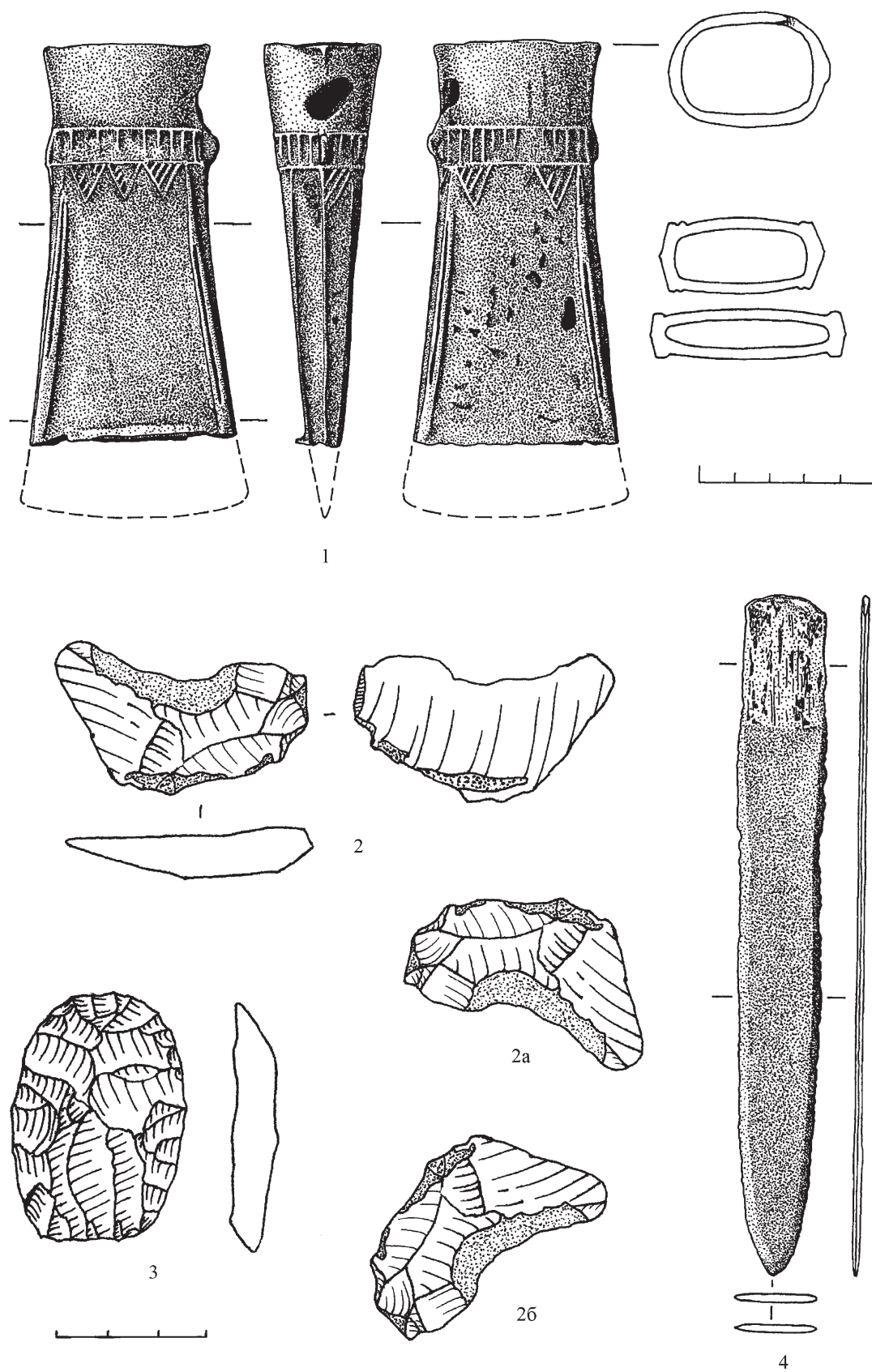

Рис. 6. Шайтанское озеро II. Клад № 6 (1 — бронзовый кельт; 2 — отщеп; 3 — скребок; 4 — бронзовый нож)

ширина — от 2 до 3,5 см. На некоторых из них присутствуют краевые сколы. Автору находки удалось склеить две плитки — из двух и четырех фрагментов. Сколы с плиток являлись результатом продольного раскалывания. Отходы производства в кладе представлены 3 чешуйками, 39 мелкими отщепами, 11 средними и 8 крупными. Пластина сколота с угловой грани плитки. По мнению А.В. Шаманаева, данные находки являются результатами пробы сырья (Шаманаев, 1999. С. 20, 21). Сравнивая материалы клада с комплексом соседнего памятника Шайтанское озеро I, автор отмечает на нем многочисленные изделия из подобного сырья. На этом основании он предположительно относит клад к аятской культуре эпохи энеолита (Шаманаев, 2002. С. 198).

Следует подчеркнуть, что, поскольку раскопки в месте находки клада не производились, все выводы А.В. Шаманаева носят предположительный характер. Раскопки автора, проведенные в районе «клада», позволили пересмотреть предварительные выводы А.В. Шаманаева.

В 2004 г. в 1,5 м к востоку от места находки клада был заложен раскоп площадью 25 м². В центральной части раскопа выявлено большое пятно прокала и углей размером 2,8 × 1,8 м и мощностью до 33 см. Учитывая находку возле пятна тигля для плавки меди и двух капель меди, можно предполагать, что очаг связан с медеплавильным производством.

С юго-западной стороны непосредственно к очагу примыкала каменная вымостка. Она имела овальную форму длиной 0,75 м и шириной 0,5 м. Вымостка перекрывала неглубокую (до 8 см) ямку с довольно плоским дном. В ямке обнаружены 2 венчика и 6 стенок от двух сосудов иткульского типа, а также 2 отщепа из алевротуфа. Отщепы получены при оббивке рубящих орудий: если замерять по оси скалывания, то ширина отщепов превосходит длину (соответственно 3,2 × 2,5 и 1,5 × 1,2 см). Два венчика происходят от одного сосуда, но между собой не склеиваются (рис. 7, 1, 2а). Зато к одному из них подклеился венчик, найденный у очага (рис. 7, 2б). Это свидетельствует о том, что плавильный очаг и яма с каменной вымосткой одновременны. Находящийся в ямке и изолированный вымосткой комплекс находок вполне может

быть интерпретирован как клад. По керамике он датируется иткульской культурой раннего железного века.

В 2005 г. раскоп площадью 20 м² был заложен вокруг места находки «клада» А.В. Шаманаева. Полная расчистка (с промывкой) корней березы позволила дополнительно обнаружить заготовку рубящего орудия (рис. 7, 5), два куса со сколами (рис. 7, 7, 8) и с десяток отщепов алевротуфа. Раскопки показали наличие культурного слоя, отсутствие которого неоднократно подчеркивал А.В. Шаманаев. По всей видимости, именно из слоя в «клад» и попал фрагмент керамики, т. к. А.В. Шаманаевым кроме корней березы был расчищен и участок вокруг выворотня длиной около 2 м и шириной 0,5–0,7 м (но не до материка). К сожалению, он не указывает, что находилось в скоплении 0,3 × 0,2 м, а что найдено при расчистке вокруг скопления. Вряд ли «клад» залегал в мешке, как предполагает А.В. Шаманаев. Никаких следов ямы, в которой мог бы находиться «клад», в раскопе не выявлено. Следовательно, каменные изделия залегали в культурном слое. План раскопа (а на план заносились все находки, в том числе и отщепы) не показывает изолированности «клада» от других находок.

Всего из раскопа получено 213 разновременных находок. Единичными находками представлены эпохи мезолита (6 экз.), неолита (2), энеолита (один фрагмент керамики) и средневековья (5). Остальные находки (93,4%) относятся к иткульской культуре раннего железного века.

Следует отметить, что фрагменты двух иткульских сосудов найдены в обоих раскопах. Причем, два венчика залегали непосредственно у «клада», а стенка от этого же сосуда найдена в раскопе 2004 г. рядом с плавильным очагом. От второго сосуда два венчика (рис. 7, 3) обнаружены в 0,8 и 1,2 м от «клада». Они приклеились к венчикам из раскопа 2004 г. (на рисунке они изображены раздельно: рис. 7, 2 + 3), один из которых залегал у плавильного очага, а второй найден в яме под каменной вымосткой. Данные «связи» доказывают, что все выявленные раскопками объекты (плавильный очаг, яма с каменной вымосткой и «клад») функционировали одновременно в рамках раннего железного века.

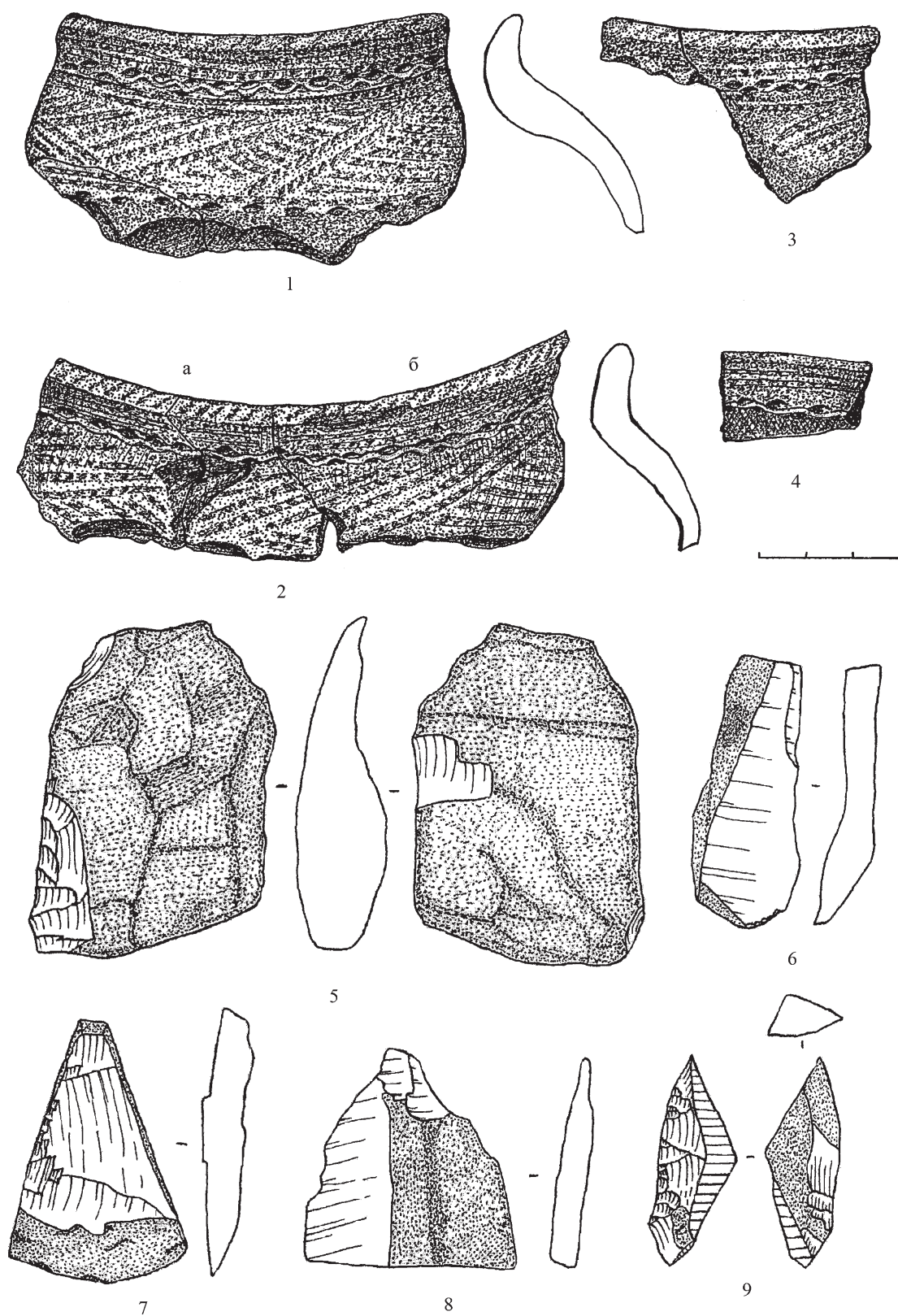

Рис. 7. Шайтанское озеро II. Керамика (1–4) и каменные изделия (5–9) (1–4 — фрагменты одного сосуда, найденные под каменной вымосткой (1, 2а), около плавильного очага (2б) и рядом с «кладом» А.В. Шаманаева (3, 4); 5–9 — каменные изделия из «клада» А.В. Шаманаева (5, 7, 8) и раскопа 2005 г. (6, 9))

Анализ каменных изделий из раскопа 2005 г. свидетельствуют о том, что в данном месте происходила первичная обработка минерального сырья. Состав «клада» также свидетельствует в пользу этого предположения — из 54 отщепов чешуйки и мелкие отщепы составляют 77,8%. По всей видимости, «клад», найденный А.В. Шаманаевым, можно определить либо как своеобразный склад сырья в месте первичной обработки материала, либо как скопление заготовок и отходов производства в месте работы мастера. Характер каменных изделий в «кладе» и вокруг него с большой долей достоверности позволяет предполагать, что перед нами место работы мастера, расположенное на периферии памятника.

В настоящее время по ряду признаков клады делят на возвратные, которые прятались с целью сокрытия и последующего возвращения владельцу, и безвозвратные, которые называют культовыми, ритуальными, votивными (Клады... 2002. С. 8). Для выяснения характера кладов Среднего Зауралья необходимо обратиться ккладам Шайтанского озера. Тем более что на нем выявлено уже 9 кладов разнопланового наполнения. Важно отметить, что 8 кладов Шайтанского озера II располагались на периферии памятника: на северной — «клад» А.В. Шаманаева и клад под каменной вымосткой, на южной — 5 кладов бронзовых изделий и один смешанный. Клады северной периферии от центра памятника находились в 80 м (в 33 м по прямой от береговой линии и в 90 м от стрелки мыса), а клады южной — в 25–35 м (в 30–40 м от стрелки мыса).

Исследование площади вокруг «клада», обнаруженного А.В. Шаманаевым, выявило несколько интересных объектов, которые позволяют высказать предположения о характере вскрытого раскопками участка северной периферии памятника. Самым восточным объектом является плавающий очаг. К нему примыкала каменная вымостка, которая перекрывала ямку с находками керамики и отщепами из камня. Рядом с каменной вымосткой отмечено скопление из 118 отщепов. Еще одно скопление каменных изделий («клад» А.В. Шаманаева) находилось в 3,5 м к западу от плавающего очага. Можно также

добавить, что в 2,5–3 м к западу от «клада» на проселочной дороге найдена подвеска из темно-серой просверленной гальки. Она находилась в вертикальном положении, сверлиной вверх. Склеенные фрагменты сосудов свидетельствуют о том, что все три объекта (очаг, яма и «клад») связаны между собой во времени и являются частью одного комплекса, который вполне можно считать ритуальным. Все объекты культового комплекса вытянуты строго с востока на запад. Его протяженность от тигля на востоке и до подвески на западе — 10,5–11 м. Комплекс маркирует северную границу обжитой территории.

Клады бронзовых изделий обычно представлены изолированными компактными скоплениями (часто парными), в которые входили кельт в сопровождении ножа или копья. Следов ям не обнаружено, бронзовые предметы были захоронены в культурном слое. По всей видимости, данные изолированные скопления нельзя считать кладами, скорее это ритуальные комплексы. Вместе с другими находками (а здесь найдено уже свыше 160 бронзовых изделий и 130 каменных наконечников стрел и дротиков) эти комплексы образуют своеобразную культовую площадку, которая маркирует южную окраину обжитой территории.

В мифопоэтической традиции охрана освоенного пространства решалась путем обхода территории по периметру, созданием одного или нескольких основных центров, а также освящением ключевых точек нового пространства. Эти точки маркируются помещением в них разнообразных сакральных ценностей или же охранителей границ пространства (Топоров, 1994. С. 341).

Таким образом, топография и условия залегания выявленных кладов и объектов вполне обоснованно позволяет считать их жертвенными комплексами, которые являлись культовыми маркерами и охранителями на границе освоенного и неосвоенного пространства. Клад топоров в Огурдино, как и клад пестов в Балакино, находились на кромке берега реки, неолитический клад Шайтанского озера I найден на границе с болотом, т. е. во всех случаях на символической границе между мирами, т. к. мир воды считался чужим миром (Сериков, 2007 г. С. 231, 232).

Клад на энеолитическом поселении Палатки II, наоборот, был закопан в напольной части мыса, в нескольких десятках метров от береговой линии, и, соответственно, маркировал границу между своим (освоенным) и чужим (неосвоенным) мирами. Клад на Верхней Макуше был спрятан на скальном выходе озера острова, т.е. на границе между верхним и средним мирами. Клады медных изделий на вершинах гор и скал хорошо известны на территории Среднего Зауралья, но характерны уже для раннего железного века (Викторова, 2002. С. 38–42). Топография клада на Нижней Макуше автору неизвестна, но тот факт, что он был закопан в жилище, позволяет считать его ритуальным комплексом типа известных строительных «прикладов».

Не совсем понятна семантика клада с горы Трехскалки. Обычно клады находят на территории памятника или вблизи него. Но клад

с Трехскалки не привязан ни к стоянке, ни к поселению, ни к святилищу. Ритуальный характер клада подчеркивается наличием в нем двух хрустальных нуклеусов. С одной стороны, он может определять символическую границу между верхним и средним мирами (находится на горе), а с другой — являться маркером освоенного пространства, но не поселения, а территории определенной социальной группы. И тогда данный клад представляет редкий случай обнаружения своеобразного «пограничного столба», найти который специальными поисками навряд ли возможно, но которые теоретически вполне вероятны (Байбурин, 1989. С. 82–86).

Что касается клада с Выйки II, то, по-видимому, его можно трактовать как типичный «ранцевый набор», хотя и в этом случае необходимо отметить, что залегал он на границе с очагом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Байбурин А.К., 1989. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.
- Берс Е.М., 1963. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск.
- Викторова В.Д., 2002. Клады древних металлургов Урала // Клады: состав, хронология, интерпретация: Мат. тематич. науч. конф. СПб.
- Клады: состав, хронология, интерпретация: Мат. тематич. науч. конф. СПб., 2002.
- Литвиненко Ю.П., Сериков Ю.Б., 1998. Новые находки произведений первобытного искусства на территории Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург. Вып. 23.
- Мельничук А.Ф., Чурилов Э.В., 2007. Клад топоров из мезолитического поселения Огурдино // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург. Вып. 5.
- Панина С.Н., 1988. Палатки II — поселение аятской культуры на р. Исеть // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск.
- Раушенбах В.М., 1956. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы // Тр. ГИМ. Вып. 29.
- Россадович А.И., 1973. Археологический отчет 1973 г. // Научный архив Нижнетагильского музея-заповедника. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 43.
- Сериков Ю.Б., 1988. Выйка II — опорный памятник эпохи мезолита в Среднем Зауралье // СА. № 1.
- Сериков Ю.Б., 2000. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил.
- Сериков Ю.Б., 2004. Культовый памятник нового типа на западном берегу Шайтанского озера // Уч. зап. Нижнетагильской гос. социально-педагогич. академии. Обществ. науки. Нижний Тагил.
- Сериков Ю.Б., 2007а. Клады каменных изделий на территории Среднего Зауралья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: Проблемы изучения и историография. Уфа.
- Сериков Ю.Б., 2007б. Клад эпохи мезолита с окраины Нижнего Тагила // XVII Уральское археологическое совещание: Мат. науч. конф. Екатеринбург.
- Сериков Ю.Б., 2007в. Скальные культовые памятники Шайтанского озера // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). Курган.

Сериков Ю.Б., 2007г. Культурные объекты и памятники как маркеры освоенного пространства (по материалам Среднего Зауралья) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург; Сургут.

Сериков Ю.Б., 2008а. Клады эпохи мезолита на Среднем Урале // Тр. II (XVIII) Всерос. АС в Суздале. М. Т. I.

Сериков Ю.Б., 2008б. Микропластинчатый комплекс святилища на Камне Дыроватом // РА. № 3.

Сериков Ю.Б., 2008в. Случайная находка с Шайтанского озера // Случайные находки: Хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: Мат. тематич. науч. конф. СПб.

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И., 2009. Шайтанское озеро II: Новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2.

Топоров В.Н., 1994. Пространство // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х тт. 2-е изд. М.

Формозов А.А., 1958. Клады каменных изделий на территории СССР // Archeologicke rozhledy. № X.

Шаманаев А.В., 1999. Клад каменного сырья и заготовок с оз. Шайтанского // 120 лет археологии Восточного склона Урала: Первые чтения памяти В.Ф. Генинга: Мат. конф. Екатеринбург. Ч. 1: Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала.

Шаманаев А.В., 2000. Клады каменного сырья и изделий: проблемы интерпретации // Документ. Архив. История. Современность: Мат. науч.-практ. конф., посвящ. 30-летию историко-архивной специальности в УрГУ. Екатеринбург. Ч. 1.

Шаманаев А.В., 2002. Клад каменного сырья с озера Шайтанского (горно-лесная часть Среднего Зауралья) // Клады: состав, хронология, интерпретация: Мат. тематич. науч. конф. СПб.

Шорин А.Ф., 2003. Кокшаровский холм — новый тип культовых комплексов в Северной Евразии // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург.

В.Я. Шумкин, Е.М. Колпаков
Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург

НОВЫЙ ЦЕНТР НАСКАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ: АНТРОПОМОРФНЫЕ КОМПОЗИЦИИ КАНОЗЕРА

В научном наследии Александра Александровича Формозова тема наскального творчества, при всей многогранности и широте его интересов, занимает очень значительное место. Нелишне напомнить, что в одной из первых, еще студенческих, статей пятидесятилетней давности (Формозов, 1950) им были подняты сложные проблемы изучения наскальных изображений Урала и Казахстана. Не оставлял он эту тематику и позднее, уже опубликовав ряд великолепных монографий по первобытному искусству. Знаем это наверняка, поскольку во время, к сожалению, не очень частых встреч А.А. Формозов всегда живо интересовался нашими заполярными петроглифическими открытиями, давал дельные советы. Последняя беседа (В. Шумкин) состоялась осенью 2007 г., когда, передавая поручения петербургских коллег, посчастливилось встретиться с ним на его «домашней территории». Было приятно и удивительно, что он был полностью в курсе всех новых открытий, проблем, научных направлений, методик. Задавал острые, точные, продуманные вопросы, интересовался судьбой памятников, находящихся в плачевном состоянии, спрашивал о перспективах их охраны, документации, изучения, искренне радовался нашим «полевым» успехам, передавал приветы и пожелания экспедиционному Кольскому коллективу и другим коллегам.

Из гигантского научного вклада А.А. Формозова, не умаляя достоинства других блестящих публикаций, из которых студенты, и не только, «черпали» историко-археологические знания, можно особо выделить монографию «Очерки по первобытному искусству» (Формозов, 1969). За 40 лет со дня издания этой первоклассной, полемически заостренной, по тем временам даже «бесстрашной» работы, она не потеряла значения и творческого прогнозного характера. Многие проблемы, зачастую «нелицеприятно» поставленные автором, сохраняют свою актуальность и в XXI веке. Три направления, определенные в изучении первобытного искусства, анализ их разработанности и потенциальных возможностей (Формозов, 1969. С. 13–22), стали одним из краеугольных камней постепенно оформляющегося раздела археологии — петроглифологии. Завершая это небольшое вступление — дань памяти великого Ученого и Гражданина — приведем дословно цитату из «Очерков...»: «Очевидно, мы знаем далеко не все петроглифы Севера, и археологи могут надеяться на важные открытия в этой области» (Там же. С. 128). Частично исполнив это прогнозное изречение и приняв напутствие А.А. Формозова — создавать достойную доказательную базу при изучении наскальных изображений, «которое не легче, а, пожалуй, сложнее раскопок погребений и стойбищ»

(Там же. С. 14), — предлагаем наше скромное исследование.

К настоящему времени в Российской части Северной Фенноскандии (Восточная Лапландия, Кольский полуостров) открыты (рис. 1) четыре локализованных местонахождения наскальных изображений: петроглифы (1973 г.) на р. Поной (Шумкин, 1990; Gurina, 2005), писаницы (1985 и 1986 гг. — две отдельные разновременные группы) на полуострове Рыбачий (Shumkin, 1991) и самый крупный комплекс — петроглифы (1997 г.) на озере Канозеро (Shumkin, 2000; Шумкин, 2001; 2004; Лихачев, 2007; Kolpakov, Murashkin, Shumkin, 2008).

По состоянию на 2009 г. на островах Канозера зафиксировано 1140 изображений. По сходству с другими памятниками они могут быть датированы в пределах IV–II тыс. до н. э. (Шумкин, 1990; 2004; Жульников, 2006а; 2006б). Часть фигур образует связанные композиции, которых мы насчитываем не менее 114. Основным сюжетом как отдельных изображений, так и композиций, является охота, и прежде всего охота с лодок на китов. Однако четверть композиций не относится к охотничьей тематике и состоит только из антропоморфов, лишь крайне редко сопровождаемых зооморфами. Фактически, к этому классу относятся композиции, состоящие из двух или трех антропоморфов. Вот они-то и будут рассмотрены на уровне структурного сходства в данной статье.

ТИПЫ АНТРОПОМОРФНЫХ КОМПОЗИЦИЙ КАНОЗЕРА

Как композиции, которые можно рассматривать в виде некоего единого целого, нами принимаются группы отдельных изображений в трех случаях:

1) пространственно отделенные друг от друга (самые большие композиции, выделенные таким образом, — это сами группы петроглифов, выбитые на отдельных скалах);

2) соединенные в одно целое физически (например, выбитыми линиями);

3) связанные единым сюжетом (разумеется, в этом случае должна быть приведена до-

полнительная аргументация в пользу композиционного единства изображений).

Антропоморфные композиции на Канозере, за редкими исключениями, относятся к первым двум случаям.

На основании сходства и различия структур антропоморфных композиций Канозера их можно разделить на семь типов, которым даны условные названия.

1. «Бес с бабой» (6 + 3 + 1 экз.) (рис. 2, 1–10; илл. 1): *большой антропоморф «хватает» меньшего по размерам антропоморфа*.

Наибольшее количество деталей имеют 6 композиций (рис. 2, 1–6). У крупной фигуры руки подняты вверх, хотя бы на одной из них обязательно изображены пальцы (от 3 до 5), четко показан фаллос (кроме фигуры на рис. 2, 6, у которой нижняя часть закрыта плавником ихтиоморфа), а в трех случаях (рис. 2, 1, 3, 5) присутствуют и тестикулы. Второй антропоморф, меньшего размера, расположен над головой и/или сбоку от верхней части большей фигуры. В четырех случаях он уверенно определяется. Это обосновано в отдельном исследовании (Колпаков, 2007) как «женское» изображение (рис. 2, 1–3, 6); в одном признаки пола отсутствуют (рис. 2, 5) и еще в одном плохо выражены (рис. 2, 4). Предплечья («руки») у женских фигур опущены вниз, и только у одной изображены пальцы.

Во всех случаях фигуры или соединены между собой, или расположены вплотную друг к другу. Характерно, что у четырех мужских фигур изображены пальцы на обеих руках, а у остальных они показаны лишь на правой руке, которая соприкасается с женским образом. Мужской персонаж как бы хватает или уже схватил и держит женщину.

К этим композициям, выполненным сплошной силуэтной выбивкой, примыкают два сюжета из однолинейных фигур. В первом рука меньшей фигуры соединяется с рукой более крупного фаллического персонажа (рис. 2, 8). Во втором нога маленькой фигуры соединяется с головой крупной (рис. 2, 7). Рядом с ними в обоих случаях находится изображенный в профиль зооморф, вероятнее всего, также являющийся элементом композиции.

Рис. 1. Карта местонахождения комплексов наскального творчества, упоминаемых в тексте
 1 — Канозеро; 2 — Поной; 3 — Пяйве и Майка (Рыбачий полуостров); 4 — Залавруга; 5 — Онежское озеро; 6 — Альта; 7 — Немфорсен; 8 — Скарванген; 9 — Квилле; 10 — Витлюк

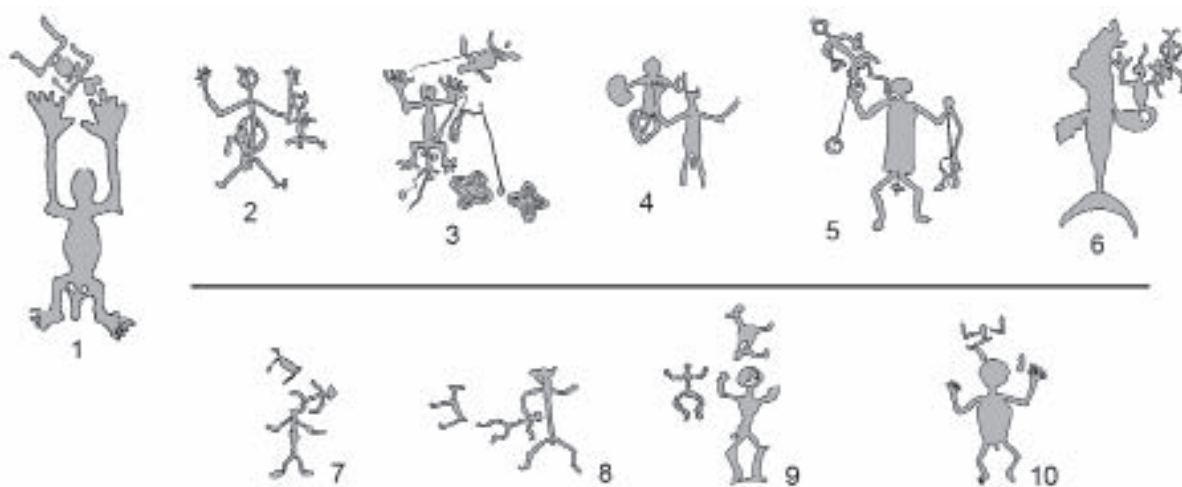

Рис. 2. Композиции «Бес с бабой». Канозеро

Присутствует еще один сюжет (рис. 2, 9), в котором фигуры, аналогичные «бесу», «бабе» и зооморфу, не соединены друг с другом.

В группе Еловый 6 над фигурой «маленького беса» расположено неясное изображение — возможно, вместе они также образуют относящуюся к этому типу композицию (рис. 2, 10).

2. «Двое» (4 экз.) (рис. 3, 1–4): *два антропоморфа разного размера (маленький расположен у левой руки большого).*

Композицию «бес с бабой» весьма напоминают 4 композиции из пар антропоморфов, в которых фигуры не имеют признаков пола. Одна из них находится на отдельном камне и состоит всего из двух фигур: маленькая головой вниз у левой руки более крупного персонажа (рис. 3, 1). Другая наложена на более ранние выбивки и отделяется от них по технике и стилю изображения (рис. 3, 2).

3. «Семья» (5 экз.) (рис. 4, 1–5): *три антропоморфные фигуры разного размера рядом друг с другом.*

В одной из таких композиций третья фигура абстрактная, напоминает кисть руки с пальцами (рис. 4, 5). В двух случаях самая крупная фигура, а в одном — средняя по размерам, имеют фаллос (рис. 4, 2, 4, 5). У всех более крупных фигур необычная голова, представляющая собой «рога», «лучи», «ленты» и что-нибудь в этом роде. У одной голова из пяти лучей, один из которых оканчивается лосиной головой (рис. 4, 1). У другой от головы отходят две «развевающиеся ленты» (рис. 4, 2). У третьей (рис. 4, 3) голова с «рогами» (голова и ноги сильно затерты). Все эти композиции пространственно отделены от ближайших изображений.

4. «Пара» (2 экз.) (рис. 5, 1, 2; илл. 2): *две антропоморфные фигуры разного размера, физически связанные друг с другом.*

В первой паре фигуры соединены друг с другом по рукам (как бы взявшись за руки), у одной точкой обозначена вульва (рис. 5, 1). Во второй паре фигуры соединяются в области рук и ног и у одной изображен фаллос (рис. 5, 2).

5. «Пара с копьями» (1 экз.) (рис. 6; илл. 3): *две антропоморфные фигуры разного размера вплотную друг к другу, у обеих в правой руке копье (рогатина с нижним упором).*

У обеих фигур изображен фаллос, маленькая фигура держит почти горизонтально в левой руке изогнутый продолговатый предмет, на голове большой фигуры «шапка» в виде горизонтальной и двух вертикальных линий над ней.

6. «Любовь» (4 экз.) (рис. 7, 1–4): *пара антропоморфов, один из которых с фаллосом, другой с вульвой (фаллос или рука мужского персонажа направлены к вульве).*

В двух случаях фигуры расположены ногами друг к другу и фаллос направлен к вульве (7, 1, 2). В третьем (рис. 7, 3) — мужская фигура расположена под женской, рука мужской фигуры направлена к вульве, а под мужской расположена антропоморфная фигура меньшего размера (третья фигура, вероятно, не относится к этой композиции). К последней композиции типологически примыкает плохо сохранившаяся четвертая, но без признаков пола (рис. 7, 4). В принципе, этот тип можно разделить на два подтипа: первый — с фаллосом, направленным к вульве, второй — с рукой, направленной к вульве.

7. «Любовный треугольник» (2 + 1 экз.) (рис. 8, 1–3): *антропоморф противодействует паре антропоморфных персонажей, один из которых обладает явными признаками женского пола.*

В наиболее разработанном виде этот тип представлен в одном случае — на отдельной скальной поверхности, где нет других изображений, кроме этой композиции. Здесь изображены беременная женщина (ребенок показан внутри фигуры), а по левую руку от нее — мужчина с длинным извивающимся «фаллосом», держащий в левой руке копье с нижним упором. К нему «идет» цепочка следов. По левую руку от него — другой, изображенный в профиль, антропоморф, держащий поднятый топор с лосиной головой, направленный на мужчину. По правую руку от женщины — непонятная фигура и лодка (рис. 8, 1).

Во втором случае также изображены беременная женщина (ребенок показан половой внутри фигуры), по правую руку от нее похожее на ящерицу (или выдру) существо с длинным «хвостом-фаллосом», за который его держит обеими руками антропоморфный персонаж. У последнего рядом с правым лок-

Рис. 3. Композиции «Двое». Канозеро

Рис. 4. Композиции «Семья». Канозеро

Рис. 5. Композиции «Пара». Канозеро

Рис. 6. Композиции «Пара с копьями». Канозеро

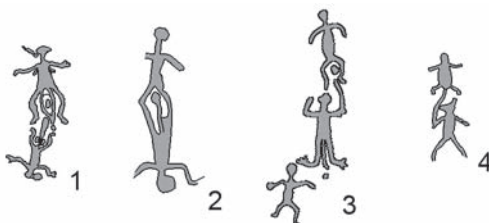

Рис. 7. Композиции «Любовь». Канозеро

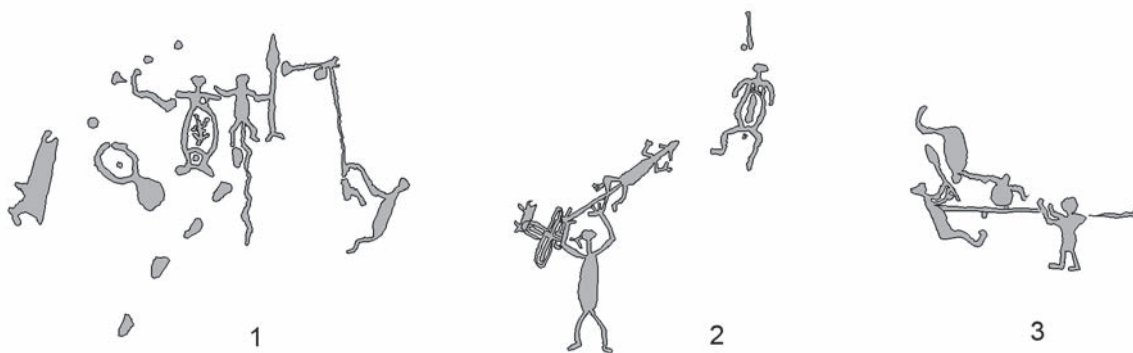

Рис. 8. Композиции «Любовный треугольник». Канозеро

тем находится «крест», часть которого перебита изображением лодки (рис. 8, 2).

К этим двум композициям структурно-типологически примыкает третья, фигуры которой являются периферийными в большом и плотном скоплении выбивок. Это две профильные антропоморфные фигуры, одна из которых поражает другую в грудь копьем с нижним упором; между ними, над копьем, мелкая антропоморфная фигура анфас, связанная с орнитоморфом (цаплей?). Антропоморф, которого поражают копьем, держит перед собой предмет, напоминающий поставленное лопастью вверх весло (рис. 8, 3). Подключение последней композиции к этому типу подкрепляется дополнительно двумя факторами. Во-первых, эти три случая являются на Канозере единственными, в которых антропоморфные персонажи противостоят один с другим. Во-вторых, ничего даже отдаленно сходного с ней на Канозере нет, за исключением первых двух композиций.

АНТРОПОМОРФНЫЕ ПЕТРОГЛИФИЧЕСКИЕ КОМПОЗИЦИИ КАНОЗЕРА КАК ЧАСТЬ СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКОГО НАСКАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА

Включение Канозерских петроглифов в круг уже известных памятников наскального творчества Северной Европы является, несомненно, одной из важнейших исследовательских задач. Если рассматривать отдельные изображения лодок, людей, семейства оленых, морских животных, птиц, знаков и т. д., которые можно описать несколькими признаками, то легко найти сходство фигур на многих, зачастую территориально чрезвычайно удаленных, наскальных поверхностях. Для перехода в будущем на интерпретационный уровень исследования важно выявить устойчиво повторяющиеся в ряде композиций сочетания признаков, относящиеся к структуре композиций и, таким образом, близко связанные с сюжетами и «распознаванием» изображений.

С этой целью рассмотрим антропоморфные композиции Канозера на фоне антропо-

морфных композиций в наскальном творчестве Фенноскандии и наоборот. При этом нас будет интересовать не сходство отдельных фигур по отдельным признакам, а сходство композиций в целом, с точки зрения их формальной структуры (Колпаков, 1991). Сходство некоторых композиций и сложных фигур — действительно удивительное.

Композиция «**Любовь**» имеется на Канозере (рис. 9, 1–4), Залавруге (рис. 9, 5), Онего (рис. 9, 6), Поное (рис. 9, 7), Немфорсене (рис. 9, 8).

«**Любовный треугольник**». Композиция представлена на Канозере (рис. 10, 1–3),

Витлюке, Квилле, Альте, вероятно Немфорсене.

В Витлюке (рис. 10, 4) антропоморф, «нападающий на милующуюся парочку», вооружен топором (по: Анати, 1994. С. 34), в Квилле (рис. 10, 5), в аналогичном сюжете, — копьем, причем композиции на этих скальных поверхностях выполнены в совершенно разных техниках и стилях.

В Немфорсене (рис. 10, 6) эта композиция на разных прорисовках имеет небольшие отличия в несущественных деталях, не влияющих на основную сюжетную линию, и, в любом случае, структурно-типологически сходна с рассматриваемым типом.

В Альте одна из двух композиций (рис. 10, 7) является многофигурной. Изображения соединяются между собой, и детали плохо различимы. Вторая композиция (рис. 10, 8) состоит из двух фигур: персонажа мужского пола, держащего в руках оружие (кирка? топор?), и антропоморфа с раздутым, частично «заполненным», животом. Характерно, что эти две фигуры по стилю отличаются от других антропоморфов Альты.

«**Семья**» — очень сходные с этим типом композиции, помимо Канозера (рис. 11, 1–5), есть в Альте, Немфорсене и Скарвангене (в Скарвангене — писаницы) (рис. 11, 6–9). Следует отметить, что они имеют одно отличие от канозерских: в них нет персонажа с необычной «олене-/лосеобразной» головой, правда, такие образы присутствуют в одиночных (несюжетных) изображениях Фенноскандии (например, Альта — группа Амтманнснес) и даже в канозерской композиции «двое» (рис. 3, 1).

Рис. 9. Композиции «Любовь» в Фенноскандии
1–4 — Канозеро; 5 — Залавруга (Саватеев, 1970); 6 — Онежское озеро (Равдоникас, 1936);
7 — Поной (Gurina, 2005: 22); 8 — Немфорсен (Hallström, 1960. Pl. XIV. F:2)

Рис. 10. Композиции «Любовный треугольник» в Фенноскандии
1–3 — Канозеро; 4 — Витлюк; 5 — Квилле (Ling, 2008: 169); 6 — Немфорсен (Forsberg, 2000: 82);
7 — Альта (Helskog, 1988: 55); 8 — Альта (Sveen, 1996: 35)

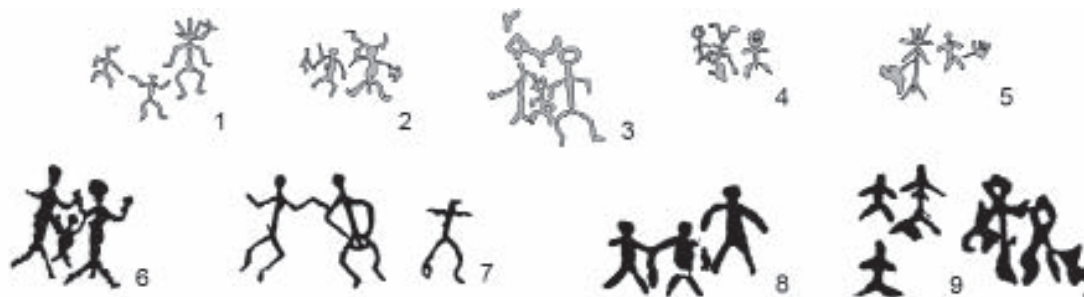

Рис. 11. Композиции «Семья» в Фенноскандии
1–5 — Канозеро; 6, 7 — Альта (Sveen 1996: 33, 19); 8 — Немфорсен (Hallström 1960. Pl. XI, D:10);
9 — Скарванген (Hallström, 1960. Pl. II, A, B: 2)

Доля всех рассмотренных композиций на отдельных памятниках крайне ограничена — максимум несколько экземпляров в комплексах, насчитывающих тысячи фигур. При этом нередко они выполнены в иных стилях разными техниками выбивки. Сходство между ними проявляется в их структурном единстве.

Повторяемость этих сюжетов в разных петроглифических комплексах на огромной территории, нередко при исполнении в разных стилях, свидетельствует в пользу того, что они отражают важные мифологические представления, общие для населения Северной Европы в эпохи неолита и раннего металла. Их исключительная редкость свидетельствует о том, что в мировоззрении древних людей они занимали особое положение. Следует особо отметить, что наскальные изображения в Витлюке и Квилле в Южной Швеции (в которых присутствуют композиции «любовный треугольник»), выполнены населением «мира» производящей, земледельческо-скотоводческой «экономики», в то время как Северная Фенноскандия — это область присваивающего, охотничье-рыболовного хозяйства.

Можно было бы ожидать, что в фольклоре или в традиционном изобразительном искусстве коренного населения Северной Фенноскандии — саамов — должны быть многочисленные сюжеты, соответствующие композициям, имеющимся в «первобытном» наскальном творчестве. Однако, как это ни удивительно, ничего подобного у саамов мы не находим. Правда, есть отдельные, сходные по формальным признакам, изображения на «волшебных» бубнах (Manker, 1938; Shumkin, 1996; 2000) саамских нойдов (колдунов).

Единственный сюжет, который можно сопоставить с одним из типов антропоморфных композиций («семья»), — это легенда о Мяндаше, человеке-олене, который женится на представительнице рода человеческого и у них рождаются дети.

В композиции «семья» один из персонажей обычно изображен со странной головой, снабженной (или заменяющими ее) «рогами», «лучами», «лентами», «олене-/лосиноподобными» фигурами. Если его связать с образом Мяндаша, то эту композицию можно трактовать

как отражающую сюжет о браке человека с необычным персонажем и рождении у них детей. Однако следует признать, что такая прямая трактовка пока весьма условна и уязвима. Во-первых, изображения с необычной головой (именно в этом типе композиции) есть только на Канозере. Во-вторых, в одной из канозерских композиций необычная голова принадлежит, вероятно, женскому персонажу. Таким образом, аналогия с сюжетом о Мяндаше в «семейном» композиционном исполнении получается не абсолютно убедительной. Для интерпретации данной композиции, как и всех других, можно привлечь очень отдаленные «примеры» из любого уголка мира — и в таком случае наш анализ петроглифов станет абсолютно произвольным и ненаучным.

Однако конкретно «персоны с олене-/лосиноподобными» головами, наряду с другими антропоморфными изображениями с явно «нечеловеческими» частями тела (чаще голова, реже ноги, руки), безусловно требуют особого специального изучения.

В заключение стоит обратить внимание на то, что на фоне распространения по всей Фенноскандии обозначенных нами антропоморфных композиций канозерский сюжет «бес с бабой» пока выглядит уникальным. На Онеге, Залавруге и Поное (Равдоникас, 1936; 1938; Саватеев, 1970; Шумкин, 1990; Shumkin, 1991; 1996; 2000; Gurina, 2005) есть сюжеты, которые с большими оговорками могут быть подведены под этот тип, но и в этом случае они значительно отличаются от ярко выраженных канозерских композиций.

В данной статье представлен лишь небольшой фрагмент нашего десятилетнего исследования Канозерских петроглифов (к печати уже подготовлен полный иллюстрированный каталог с документацией и типологическим анализом всех зафиксированных к настоящему времени наскальных изображений Канозера).

За пределами рассмотрения, конечно, остался сравнительный анализ, как отдельных фигур и их типов, так и других разнообразных типов композиций (включая охотничьи «повествовательного характера сюжеты»). Наша задача состояла в конкретном представлении лишь одной категории

композиций еще малоизвестного, но интересного, многопланового и потенциально очень информативного канозерского комплекса наскальных изображений, пока еще не утра-

ченного в результате все нарастающего антропогенного воздействия, сохранившегося до наших дней благодаря уникальной природной ситуации на скалах Русского Севера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жульников А.М., 2006а. К вопросу о датировке Беломорских петроглифов // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: Проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки.

Жульников А.М., 2006б. Петроглифы Карелии: Образ Мира и мир образов. Петрозаводск.

Колпаков Е.М., 1991. Теория археологической классификации. СПб.

Колпаков Е.М., 2007. Петроглифы Канозера: Типологический анализ (по состоянию на 2005 г.) // Кольский сборник: К 60-летию В.Я. Шумкина. СПб.

Лихачев В.А., 2007. Петроглифы оз. Канозера: история открытия // Там же.

Равдоникас В.И., 1936. Наскальные изображения Онежского озера. М.; Л.

Равдоникас В.И., 1938. Наскальные изображения Белого моря. М.; Л.

Саватеев Ю.А., 1970. Залавруга. Л. Ч. 1: Петроглифы.

Формозов А.А., 1950. Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы и их семантика // СЭ. № 3.

Формозов А.А., 1969. Очерки по первобытному искусству. М.

Шумкин В.Я., 1990. Новые наскальные изображения Северной Фенноскандии и старые проблемы их изучения // КСИА. Вып. 200.

Шумкин В.Я., 2001. Наскальные изображения реки Умба: Новый уникальный комплекс Северной Европы // Археология в пути или путь археолога: Сб. в честь А.А. Столяра. СПб. Ч. 2.

Шумкин В.Я., 2004. Наскальные изображения Кольского полуострова как часть мо-

нументального творчества Фенноскандии // Невский археолого-исторический сборник: К 75-летию А.А. Формозова. СПб.

Anati E., 1994. World Rock Art: The Primordial Language. (Studi Camuni. Vol. XII.)

Gurina N.N., 2005. The Petroglyphs at Čalmn-Varré on the Kola Peninsula. Trondheim.

Forsberg L., 2000. The social context of the Rock Art in Middle Scandinavia during the Neolithic // Myanndash: Rock Art in the Ancient Arctic. Rovaniemi.

Hallström G., 1960. Monumental Art of Northern Sweden from the Stone Age. Stockholm.

Helskog K., 1988. Helleritningene i Alta. Alta.

Kolpakov E.M., Murashkin A.I., Shumkin V. Ya., 2008. The Rock Carvings of Kanozero // Fennoscandia Archaeologica. XXV.

Ling J., 2008. Elevated rock art: towards a maritime understanding of Bronze Age rock art in northern Bohuslan, Sweden // GOTARC. Ser. B. Gothenburg Archaeological Thesis. 49.

Manker E., 1938. Die lappische zaubertrommel. Stockholm.

Shumkin V. Ya., 1991. Rock art of Russian Lapland // Acta Borealia: Rock Art Research. Tromsø. Vol. 8. # 2.

Shumkin V. Ya., 1996. The wizards of Lapland and Saami «shamanism» // Shamanism and Northern Ecology / Ed. Ju. Pentikainen. Berlin; New York. (Religion and Society. # 36.)

Shumkin V. Ya., 2000. The rock art, labyrinths, seids and beliefs of Eastern Lapland's ancient population // Myanndash: Rock Art in the Ancient Arctic. Rovaniemi.

Sveen A., 1996. Rock Carvings. Jiepmaluokta. Alta.

А.М. Жульников
Петрозаводский государственный университет

КРЕМНЕВАЯ СКУЛЬПТУРА В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИБЕЛОМОРЬЯ И СОСЕДНИХ РЕГИОНОВ

Скульптурное изображение белухи, найденное в 1877 г. Н.К. Зенгером на стоянке Верхняя Золотица на Зимнем берегу Белого моря, является первым образцом кремневой пластики, ставшим известным для науки (Замятнин, 1948. С. 85). В середине XX в. на территории Восточной Европы было зафиксировано приблизительно 100 кремневых фигурных изделий в 30 пунктах (Там же. С. 98). К концу XX в. здесь было известно уже около 100 памятников, на которых обнаружено около 300 экз. кремневой скульптуры (Уткин, Костылева, 1996. С. 264). В настоящее время количество кремневых фигурок, найденных на территории лесной полосы Восточной Европы, по данным автора данной статьи, составило около 400 экз.

Первым исследованием, посвященным анализу кремневой скульптуры Восточной Европы, стала статья С.Н. Замятнина (1948), в которой была опубликована большая часть известных к середине XX в. кремневых скульптурок. Исследователь высказал предположения о датировке и семантике фигурного кремня, а также мнение об особенностях изучения заимствований в области религиозных представлений. С.Н. Замятнин полагал, что установление культурных связей в духовной сфере требует анализа «перемен в среде, для которой заимствование становится исторически необходимым, или хотя бы возможным».

Подобный анализ, а также выяснение значения фигурок, возможны, в первую очередь, при детальном изучении фигурного кремня с учетом всего археологического контекста той территории, откуда они происходят (Замятнин, 1948. С. 102). Исследователь отметил трудности изучения этой категории находок, связанные с разрозненностью информации о кремневых фигурках, почти полным отсутствием данных об их контексте, субъективизмом исследователей в отнесении некоторых кремневых изделий к группе изображений. С.Н. Замятнин предложил деление кремневых фигурок на антропоморфные, зооморфные, символические и неопределенные. Эта первичная классификация фигурного кремня продолжает с успехом применяться и современными исследователями.

В последние десятилетия вопросы изучения кремневой скульптуры постоянно находились в поле зрения исследователей. Наряду с публикациями появились статьи, посвященные подробному анализу антропоморфных изображений из кремня (Студзицкая, 1985; Уткин, Костылева, 1996; Кашина, 2006). Особое внимание исследователей к антропоморфным изображениям связано с относительной многочисленностью этой разновидности фигурного кремня.

Символические кремневые изображения, несмотря на их сравнительную многочис-

ленность, ранее не становились предметом специального рассмотрения. Специфику некоторых видов символических фигур определяет, прежде всего, их оригинальная форма, не имеющая прямых аналогий в природных объектах (за исключением, пожалуй, так называемых «лунниц»), животном мире и предметах быта, что снижает вероятность их конвергентного появления. Символические изображения могли играть роль знаков, значение которых было доступно только посвященным.

Кремневую пластику, особенно антропоморфную, некоторые исследователи связывают исключительно с волосовской культурой (общностью) (Студзицкая, 1971; 1985; 1994; Крайнов, 1978; 1987; Уткин, Костылева, 1996). Согласно С.В. Студзицкой, появление кремневых антропоморфных фигурок на стоянках Восточного Прионежья является результатом постоянных контактов древнего населения Каргополя с племенами волосовской культуры (Студзицкая, 1985. С. 114). С.В. Ошибкина не согласилась с этой точкой зрения, отметив широкое распространение кремневых фигурок на территории Евразии, в том числе и на стоянках Карелии, где отчетливые следы волосовского влияния не фиксируются (Ошибкина, 2000. С. 234, 235). В последние десятилетия на территории бассейна Белого моря, находящегося в основном за пределами распространения волосовской общности, были выявлены новые многочисленные пункты находок кремневой скульптуры (Куратов, 1978; 1983; Шевелев, 1986; 1990; Жульников, 1993; 1999; 2005; Иванищева, 1994; Недомолкина, 2000; Карманов, Семенов, 2001; Семенов, 2006; Беличенко, 2003; 2006; Едовин, 2006), что поставило вопрос о значении данной категории изделий в структуре связей древнего населения лесной полосы Восточной Европы.

Большая часть исследователей относит кремневые скульптурки к финалу неолита и энеолиту (Замятин, 1948; Буров, 1967; Крайнов, 1987; Зимина, 1993, Студзицкая, 1994; Уткин, Костылева, 1996). По данным С.В. Ошибкиной, кремневые скульптурки на территории Восточной Европы появляются, видимо, еще в эпоху мезолита (Ошибкина, 1992. С. 40). А.А.Формозов (1959. С. 103) и С.В. Ошибкина (2000. С. 235) предполагают,

что кремневые фигурки в неолите связаны с общностью ямочно-гребенчатой керамики. Как полагает С.В. Ошибкина, возникшая в неолите практика изготовления кремневых фигурок получила продолжение и достигла расцвета в энеолите (Там же).

В рамках данного исследования фигурный кремль рассматривается в качестве одного из важных источников по изучению связей древнего населения Восточной Европы в энеолитическую эпоху. Основное внимание уделено классификации символических изображений, их картографированию, изучению примеров их сочетаемости с другими видами фигурного кремня, а также анализу данных по хронологии и контексту кремневой скульптуры. Результаты картографирования некоторых видов кремневой скульптуры были сопоставлены с данными, полученными при анализе энеолитической керамики и процессов обмена на территории Восточной Европы. Кроме того, автором статьи рассмотрен вопрос о принадлежности кремневых фигурок в гендерном отношении и связанная с этим проблема определения формы взаимодействия разнотерриториальных групп древнего населения, а именно: при каких условиях стало возможным распространение на определенной территории устойчивых наборов отдельных видов кремневой скульптуры.

Символические изображения, найденные на территории лесной полосы Восточной Европы, были разделены на 7 групп в зависимости от формы изделия в плане, наличия/отсутствия выступов и их расположения, наличия/отсутствия выемок для привязывания.

Первые три группы относятся к фигуркам, обычно определяемым исследователями как «лунницы». К первой группе лунниц отнесены изделия в виде месяца без выступов, с приотстренными «рогами» (25 экз.). Выделено два варианта: А — без выемок (рис. 1, 1–4), Б — с выемкой на выпуклой и вогнутой сторонах (в центральной части изделия) (рис. 1, 5–8). Серповидные изделия с притупленными концами и «лунницы» в виде полумесяца, встречающиеся на стоянках Прибеломорья (Фосс, 1952. Рис. 104, 10), Верхнего Поволжья (Черных, 1996. Рис. 5, 13), Зауралья (Сериков, 2005. Рис. 1; 3; 4), из-за их возможной при-

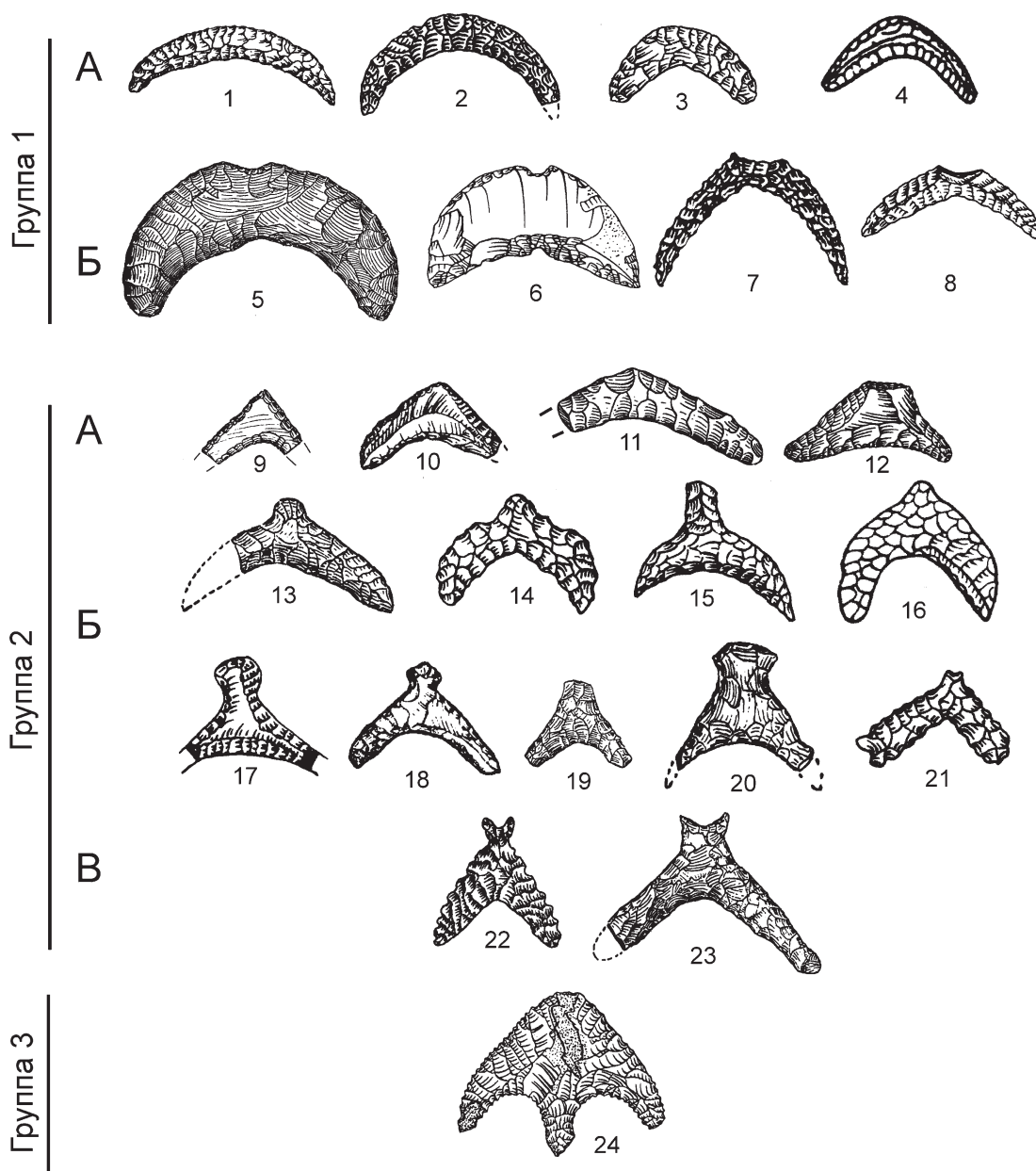

Рис. 1. Символические изображения из кремня. Группы 1–3.

1 — Тихманга (Ошибкина, 1988. Рис. 75, 2), 2 — Вис I (Буров, 1967. Табл. XVI, 1), Кубенино (Шевелев, 1986. Рис. 1, 4), 4 — Вёкса (Недомолкина, 2000. Рис. 5, 7), 5 — Волосово (Замятнин, 1948. Рис. 6, 1), 6 — Репище (могильник) (Зими́на, 1992. Рис. 167, 9), 7 — Сахтыш Па (Крайнов, 1992. Рис. 135, 5), 8 — Майданское (Никитин, 1996. Рис. 64, 21), 9 — Кубенино (Фосс, 1952. Рис. 109, 9), 10 — Войнаволок XXVII (Жульников, 1993. Рис. 6, 6), 11 — Устье Кинемы (Фосс, 1952. рис. 63, 3), 12 — Вашутинская (Крайнов, 1992. Рис. 135, 2), 13 — Халамони́ха (Замятнин, 1948. Рис. 6, 9), 14 — Ильинский Остров (Ошибкина, 1992. Рис. 74, 3), 15 — Золотец I (Панкрушев, 1964. Табл. 35, 2), 16 — Золотец XI (Савватеев, 1977. Рис. 25, 4), 17 — Юльяльская (Никитин, 1996. Рис. 64, 19), 18 — Заречье I (Раушенбах, 1985. Рис. 5, 7), 19 — Волосово (Замятнин, 1948. Рис. 6, 12), 20 — Волосово (Замятнин, 1948. Рис. 6, 15), 21 — Юртик (?) (Наговицин, 1987. Рис. 10, 4), 22 — Вёкса (Недомолкина, 2000. Рис. 2, 1), 23 — Волосово (Замятнин, 1948. Рис. 6, 11), 24 — Сахтыш Па (Крайнов, 1992. Рис. 135, 4)

надлежащие к серповидным ножам в данной классификации не рассматриваются.

Ко второй группе отнесены лунницы, имеющие выступ на выпуклой стороне (25 экз.). Различия в формах и размерах выступа позволяют выделить три варианта: А — выступ выражен слабо (рис. 1, 9–12); Б — выступ выражен отчетливо (рис. 1, 13–21); В — выступ выполнен в виде пары «рогов» (рис. 1, 22–23). Большая часть выступов не имеет выемок для привязывания. Имеются фигурки, у которых выступ несколько смещен от оси изображения (рис. 1, 15).

Третья группа — единственная лунница с выступом на вогнутой стороне (рис. 1, 24).

Достаточно многочисленную группу 4 символических фигур составляют изображения, напоминающие по форме якорьки или сдвоенных птиц (18 экз.) (рис. 2, 1–8). В отличие от лунниц, у «якорьков», как правило, на выступе имеются выемки, видимо, для привязывания. Имеется единственный экземпляр «якорька», напоминающий изображение рогов с четырьмя отростками — вариант Б (рис. 2, 9).

Группа 5 (5 экз.) — изображения, в плане напоминающие крест или фигуру летящей птицы (рис. 2, 10–12).

Группа 6 (3 экз.) — фигурка в виде листовидного наконечника с двумя выемками в средней части изделия (рис. 2, 13–15).

К седьмой группе отнесены изображения с выступом, выполненные в виде геометрической фигуры — овала, четырех- или пятиугольника. Выступы у изображений этой группы разнообразны по размерам и форме (рис. 2, 16–19).

Возможно, к символическим изображениям следует отнести и группу кремневых фигурок в виде удлиненного бифаса с несколькими выемками на противоположных сторонах, найденных на стоянках Бесовы Следки (Святилище) (Панкрушев, 1964. Табл. 35, 11), Сухое (Ошибкина, 1992. Рис. 64, 2–4) и др., а также фигурки в виде «когтя медведя» или «серповидного ножа». Кремневые изделия в виде когтя медведя со стоянок Модлона (Фосс, 1952. Рис. 63, 3; Ошибкина, 1978. Табл. 47, 16, 17, 22, 23) и Вёкса (Недомолкина, 2000. Рис. 2, 4), судя по их миниатюрным размерам, наличие выступов с выемками для

привязывания, вряд ли использовались в качестве ножей. Эти изделия по своей форме напоминают подвеску в виде когтя хищного зверя.

Всего в коллекциях со стоянок Восточной Европы имеется около 80 символических изображений, относящихся к первым шести группам (рис. 3). Из них 20 происходят с территории южной части бассейна Белого моря. На территории юго-западной части бассейна Белого моря встречены символические изображения всех семи групп. В восточной части региона и Северном Приуралье найдены только четыре лунницы — на четырех стоянках (рис. 3) — и одно символическое изображение, относящееся к седьмой группе.

Среди имеющихся классификаций антропоморфной скульптуры наибольшей четкостью выделяется группировка, предложенная Е.А. Кашиной (2006. С. 408). Все три основных вида антропоморфной скульптуры, по данным исследователя, найдены на большей части территории распространения фигурного кремня. Основной массив находок изображений «без рук» локализуется в восточной и юго-восточной части ареала — в бассейне Средней Оки и Средней Волги, что, возможно, связано с их более поздним возрастом по сравнению с другими вариантами антропоморфной скульптуры (Кашина, 2006. С. 410, 412). Антропоморфных изображений в южной части бассейна Белого моря найдено 15, что составляет около 14% от общего числа фигурок этого вида, известных на территории Восточной Европы.

Среди антропоморфных скульптур особо следует выделить две фигурки, выполненные в профиль, с обозначенным «чубом», т. е. они найдены только на территории бассейна Белого моря — на стоянках Ольский Мыс (бассейн р. Онега) и Вис II (бассейн р. Вычегда) (Карманов, Семенов, 2001. Рис. 2, 1, 2). На поверхности фигурки со стоянки Вис II зафиксированы частицы охры (Там же. С. 114). Основываясь на сходстве этих кремневых скульптурок и антропоморфных фигур с «чубом» на Онежских петроглифах (Жульников, 2006. С. 96), можно утверждать, что перед нами какой-то мифический персонаж, при изображении которого в III тыс. до н. э. существовал определенный канон. Антропоморф-

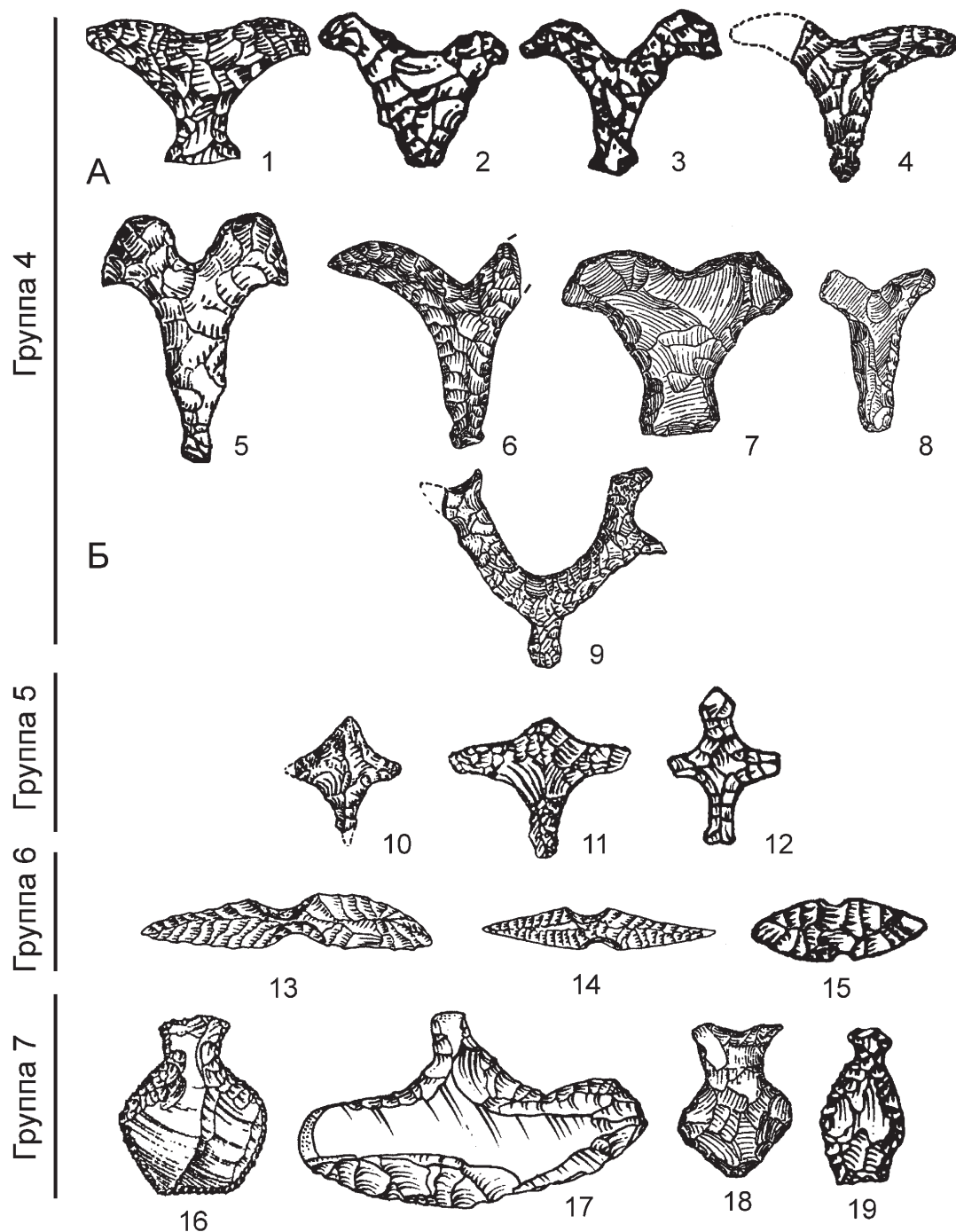

Рис. 2. Символические изображения из кремня. Группы 4–7.

1 — Репище (Зими́на, 1992. Рис. 167, 5), 2 — Модлона (Ошибкина, 1978. Табл. 50, 3), 3 — Сахтыш I (Студзицкая, 1994. Рис. 5, 9), 4 — Кубенино (Шевелев, 1990. Рис. 1, 3), 5, 7, 8, 18 — Волосово (Замятнин, 1948. Рис. 6, 8, 10, 15, 17), 6 — Уница (Крайнов, 1992. Рис. 135, 3), 9 — Мстино (Замятнин, 1948. Рис. 6, 7), Оровनावолок XVI (Витенкова, 1996. Рис. 39, 5), Синяя Гора (Черных, 1996. Рис. 4, 9), 12 — Вёкса (Недомолкина, 2000. Рис. 3, 2), 13 — Барские Кужеры III (Никитин, 1996. Рис. 64, 17), 14 — Мариер (Никитин, 1996. Рис. 64, 18), 15 — Вёкса (Недомолкина, 2000. Рис. 5, 1), 16 — Ярей-ты (Фосс, 1952. Рис. 65, 7), 17 — Модлона (Ошибкина, 1978. Табл. 50, 2), 19 — Языково (Сидоров, 1992. Рис. 26, 2).

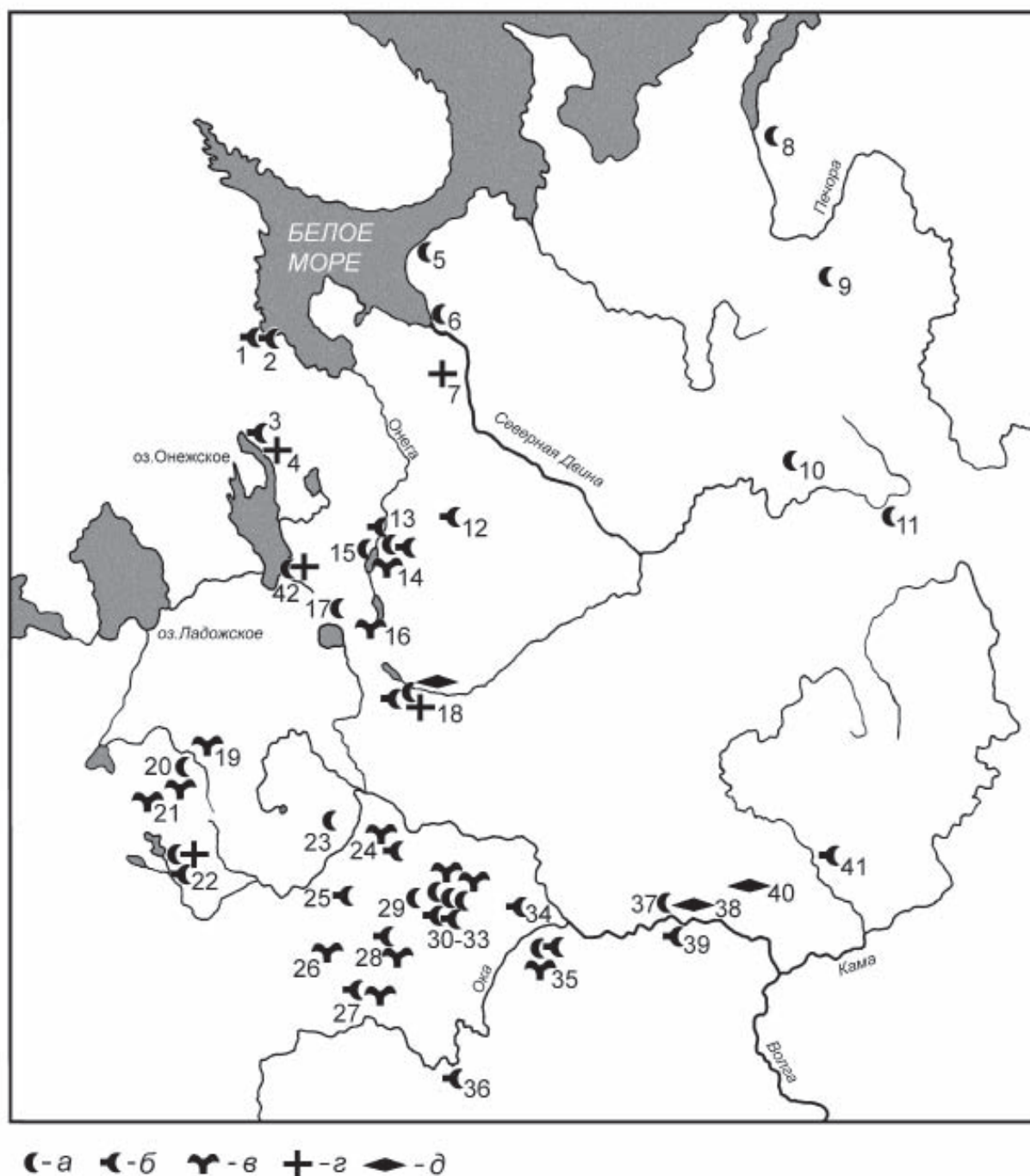

Рис. 3. Карта находок символических изображений на территории Восточной Европы.
 а — лунницы, б — лунницы с выступом, в — фигурки в виде якорька, г — крестовидные изображения, д — фигурки в виде листовидного наконечника стрелы с выемками в средней части.
 1 — Золотец I, 2 — Золотец XI, 3 — Войнаволок XXVII, 4 — Оровнаволок XVI, 5 — Нижняя Золотица (пункт 5), 6 — Мудьюг II, 7 — Большое Слободское Озеро, 8 — Куя VI, 9 — Ласта VIII, 10 — Вис II, 11 — Себьяг I, 12 — Ильинский Остров, 13 — Устье Кинемы, 14 — Кубенино, 15 — Тихманга, 16 — Модлона, 17 — Мартышкин Остров, 18 — Вёкса, 19 — Кончанское, 20 — Репище, 21 — Мстино, 22 — Синяя Гора, 23 — Языково, 24 — Уница, 25 — Вашутинская, 26 — Никольское II, 27 — Коренец I, 28 — Заречье I, 29 — Ивановское VII, 30-33 — Сахтыш I, II, III, 34 — Холомониha, 35 — Волосово, 36 — Шилово VII, 37 — Майданское, 38 — Мариер, 39 — Юльяльская, 40 — Барские Кужеры III, 41 — Юртик, 42 — Тудозеро V

ная фигурка со стоянки Усть-Яренга (южный берег Белого моря), имеющая в верхней части головы выступ, сходна со скульптуркой, найденной в Волго-Окском междуречье на стоянке Шагара II (Кашина, 2006. Рис. 3, 16).

Среди зооморфных фигур, найденных на территории южной части бассейна Белого моря, выделяются изображения водоплавающей птицы, лося, медведя, волка, лисы или иного пушного зверя, собаки (?), выдры и бобра, белухи, змеи. Особо следует выделить изображения змеи и водоплавающей птицы как наиболее многочисленные виды зооморфной кремневой скульптуры на стоянках бассейна Белого моря. Имеющийся состав зооморфных образов в кремневой скульптуре во многом сходен с репертуаром изображений животных на петроглифах Карелии.

Опорными для установления хронологии кремневых фигурок и их связи с определенным типом керамики являются результаты раскопок на территории Прибеломорья и соседних регионов энеолитических полуземляночных жилищ и иных памятников однократного заселения. На территории Юго-Западного Прибеломорья и в бассейне Онежского озера кремневые фигурки обнаружены на шести энеолитических поселениях или в жилищах с асбестовой керамикой типа Оровнаволоок и Войнаволоок — Войнаволоок XXV, XXVII, Оровнаволоок XVI, Фофаново XIII, Тунгуда III, V (Жульников, 1993; 1999; 2005; Жульников, Спиридонов, 2003). Показательно, что ни на одном раскопанном поселении Карелии с чистыми комплексами поздненеолитической ромбоямочной и гребенчато-ямочной керамики и сетчатой керамики эпохи бронзы не обнаружено достоверных кремневых изображений.

В бассейне рек Онега, Северная Двина и Сухона кремневые фигурки в четырех случаях найдены в ситуации, когда их можно вполне определенно связать с пористой керамикой: это погребенный речными наносами слой с керамикой с раковинной и асбестовой примесью на стоянке Модлона (Брюсов, 1951), слой с керамикой типа Тихманга — Модлона на поселении Вёкса (Недомолкина, 2000. С. 225), комплекс с пористой (чойновтинской?) керамикой из полуземляночного жилища однослойного поселения Варжа (Семенов, 2006.

С. 90), перекрытый речными отложениями слой с пористой керамикой поселения Кузнечиха (Едовин, 2006. С. 220). Все разновидности пористой и иной энеолитической керамики, найденной на этих поселениях, судя по имеющимся аналогиям и единичным датам по C14, относятся к периоду от второй четверти III до рубежа III–II тыс. до н. э. Кроме того, кремневые фигурки обнаружены на двух поселениях с пористой керамикой, обследованных шурфовкой и зачистками, — Мудьюг II (Беличенко, 2006. С. 225) и Пельшма II (Недомолкина, 2000, С. 225).

Отдельные фигурные кремни найдены на поселении Вёкса в слоях среднего и позднего неолита (Недомолкина, 2000. С. 225–229). Эти изделия (Недомолкина, 2000. Рис. 5, 2–5; 6, 4), в отличие от скульптурных изображений из слоя с пористой керамикой, имеют аморфную форму или относятся с большой долей вероятности к угловым или серповидным ножам.

На мезолитических и неолитических памятниках Восточной Европы кремневые фигурки единичны. В неолитической могиле поселения Андозеро 2 (бассейн Белого озера) С.В. Ошибкиной найдено фигурное изделие, интерпретируемое как изображение змеи (Ошибкина, 1978. Табл. 13, 2). В коллекции материалов неолитической Старомазиковской III стоянки (Среднее Поволжье) имеется фигурка, напоминающая по форме миниатюрный лосиноголовый жезл (Никитин, 1996. С. 160).

Имеется достаточно много данных, подтверждающих связь кремневой скульптуры с волосовскими памятниками. В частности, на некоторых волосовских поселениях Среднего Поволжья найдены символические фигурки, в том числе лунницы, зооморфные изображения (Никитин, 1996. С. 159–162). По данным Д.А. Крайнова и В.В. Сидорова, находки кремневой скульптуры на поселениях Волго-Окского междуречья связаны с волосовскими слоями (Сидоров, 1970; Крайнов, 1987; 1992. С. 88, 89). Единичные кремневые фигурки зафиксированы на энеолитических памятниках юртиковской и гаринско-борской культур (Ошибкина, 1980. С. 53; Уткин, Костылева, 1996. Рис. 1).

Кремневые скульптурки найдены в отдельных погребениях могильников, отно-

сящихся к финалу неолита или к энеолиту. В энеолитическом волосовском Тенишевском могильнике (Средняя Волга) в погребении 8 найдена кремневая фигурка птицы (Габышев, Беговатов, 1984. С. 70). В могильнике Иловец I в погребении с антропоморфной фигуркой найдены еще два фигурных кремня (Урбан, 1973). В одном из погребений могильника Репище обнаружена кремневая лунница, в Кончанском могильнике — фигурка в виде якорька (Зими́на, 1992. Рис. 167, 5, 9). Судя по имеющимся данным, в мезолите и неолите кремневые скульптурки на территории Восточной Европы изготавливались только эпизодически. Идея скульптуры из кремня, как полагал Д.А. Крайнов, могла возникнуть самостоятельно у отдельных групп неолитического населения Восточной Европы (Крайнов, 1992. С. 89). В подтверждение данного вывода можно привести находки кремневых лунниц и антропоморфных изображений на стоянках Дальнего Востока (Ки́рьяк, 2003. Рис. 29, 2, 3) — при отсутствии подобных изделий на обширных пространствах от Урала до Камчатки.

Серии сходных по форме кремневых скульптурок появляются лишь на рубеже неолита и энеолита у волосовских племен, а также у некоторых групп энеолитического населения, проживавшего в южной части бассейна Белого моря и восточной части бассейна Онежского озера (с керамикой типа Тихманга, Войнаволоок, Оровнаволоок, Кузнечиха, изредка на памятниках с чойновтинской посудой). Памятники с асбестовой керамикой Карелии, на которых были найдены кремневые фигурки, датированы по радиоуглероду второй половиной III тыс. до н. э. (Жульников, 1999; 2005). Волосовские памятники Верхнего Поволжья имеют несколько более ранние радиоуглеродные датировки — вторая четверть — конец III тыс. до н. э. (Сидоров, Энговатова, 1996. С. 165). Имеющиеся даты, а также результаты картографирования и количественные данные по распространению кремневых скульптурок, позволяют согласиться с мнением исследователей, полагающих, что данная традиция первоначально сформировалась на территории волосовской общности (Студзицкая, 1971; 1994; Крайнов, 1978; 1987).

В материалах исследованных поселений и могильников можно выявить лишь некоторые данные о функциональном назначении фигурного кремня. На могильниках Репище и Кончанское исследовано более 300 погребений, большая часть которых содержала янтарные украшения, однако кремневые фигурки обнаружены всего в нескольких могилах. Для сравнения — на прилегающей к могильнику стоянке Репище найдено 18 кремневых фигурок, из них 6 антропоморфных, тогда как янтарные украшения в поздненеолитических и энеолитических слоях поселения, напротив, единичны (Зими́на, 1993). В погребениях волосовского могильника Сахтыш Па кремневые фигурки отсутствуют, хотя на прилегающих к могильнику участках поселения они представлены в довольно большом количестве (Костылева, Уткин, 1994). Эти данные свидетельствуют о том, что кремневые фигурки, в отличие от янтарных украшений, не являются обязательной принадлежностью погребального инвентаря волосовского населения Верхнего Поволжья и бассейна р. Мста. К сожалению, в материалах исследованных могильников нет данных о принадлежности кремневых скульптурок мужским или женским погребениям.

Выемки, имеющиеся на некоторых фигурках, особенно символического характера, а также данные, полученные в ходе раскопок могильников, свидетельствуют о ношении этих изделий в виде подвесок или о пришивании их на какую-то основу (одежду?). По данным С.В. Ошибкиной, лунница с поселения Тихманга выглядит заполированной (Ошибкина, 1988. С. 76), что может являться следствием ее долгого ношения на одежде или в виде подвески. Заполированы края и у лунницы с выступом с поселения Золотец I. Некоторые антропоморфные кремневые скульптуры Сахтышских стоянок подвергались трасологическому исследованию. На них были выявлены «следы привязывания», в том числе в области «шеи» (Кашина, 2006. С. 412). По мнению Е.А. Кашиной, антропоморфные кремневые скульптурки, будучи сходными по размерам и форме с резными костяными фигурками Восточной Балтии, вероятно, предназначались для пришивания и подвешивания (Там же). В Тенишевском могильни-

ке кремневая фигурка найдена на месте, где, судя по плану погребения, находился череп (Габяшев, Беговатов, 1984. Рис. 7, 1а). Эта фигурка могла быть нашта на головной убор или положена в качестве подношения у изголовья погребенного. В Кончанском могильнике фигурные кремни обнаружены в районе груди погребенного (Зими́на, 1993. С. 220).

Е.Л. Костылева и А.В. Уткин, опираясь на материалы раскопок могильника и стоянки Сахтыш Па, предполагают, что кремневые фигурки использовались при совершении каких-то погребальных обрядов (Костылева, Уткин, 1994. С. 57). Этому выводу противостоят многочисленные примеры нахождения кремневых скульптурок в котлованах энеолитических полуземлянок (Тунгуда III, V, Войнаволок XXV, Варжа, Ласта VIII) и на территории поселений вне жилищ.

Стоянки или микрорегионы, где наблюдается устойчивое сочетание нескольких видов символических фигурок и антропоморфных изображений, определенным образом локализируются на территории лесной полосы Европы: Волго-Окское междуречье, Средняя Волга, бассейн р. Мста, верховья рек Онега и Сухона, южное побережье Белого моря. Примечательно почти полное совпадение территории распространения антропоморфных изображений и наборов из символических фигур (рис. 4). Эта территория занята памятниками не только с волосовской керамикой, но и с керамикой типа Тихманга — Модлона, Войнаволок — Оровнаволок и Кузнечиха.

Небольшое количество кремневых фигурок на стоянках Карелии и Финляндии, видимо, отчасти связано с отсутствием на этой территории кремня. Относительная концентрация находок фигурного кремня в Прибеломорье и бассейне Онежского озера наблюдается на территории, примыкающей к западной границе выходов кремня (рис. 4). Напротив, в юго-восточной части побережья Балтийского моря кремневые фигурки полностью отсутствуют, хотя в соседнем регионе — бассейне р. Мста — они многочисленны. В то же время, именно с территории Восточной Балтии в западные районы волосовской культуры в значительных количествах поступали янтарные украшения. С востока, в том числе с территории волосовской культуры, население

Балтии получало кремень и кремневые орудия. Эти данные свидетельствуют о том, что кремневая скульптура, в отличие от янтарных украшений, кремневых, сланцевых орудий и каменного сырья, не была продуктом обмена. Почти полное отсутствие фигурного кремня на территории Восточной Балтии дает дополнительное основание для предположения о том, что обмен янтарем и кремнем носил поэтапный характер (в виде цепочки последовательных обменных операций), а не осуществлялся путем организации дальних экспедиций групп населения этих регионов. Кроме того, имеющиеся данные о динамике распространения фигурного кремня противостоят предположению А.Л. Никитина, А.В. Уткина и Е.Л. Костылевой о сложении волосовской культуры на основе прибалтийской культуры пористой керамики (Никитин, 1974; Костылева, Уткин, 2000. С. 182).

Некоторые общие черты в волосовской керамике бассейна р. Мста и восточно-прибалтийской керамике типа пиестиня свидетельствуют, видимо, о наличии брачных связей между населением этих регионов. Если это так, то отсутствие кремневых фигурок на территории Восточной Балтии, при их многочисленности на памятниках бассейна р. Мста, косвенно указывает на принадлежность этого вида мелкой пластики в основном к миру мужской субкультуры.

Устойчивые сочетания сходных кремневых фигурок встречаются на памятниках, относящихся к разным культурам, распространяющихся на обширных территориях, что отличает их от групп наскальных изображений Фенноскандии и Карелии, где каждое скопление характеризуется во многом оригинальным стилем и набором сюжетов. В то же время, несмотря на существенные различия онежских и беломорских петроглифов, обе эти группы наскальных изображений относятся к одной культуре ямочно-гребенчатой и ромбоямочной керамики. Эти отличия между кремневой скульптурой и наскальными изображениями связаны, вероятно, с тем, что образы петроглифических святилищ были доступны в основном только определенной локальной группировке древнего населения, тогда как кремневые фигурки иногда перемещались на значительные расстояния вместе

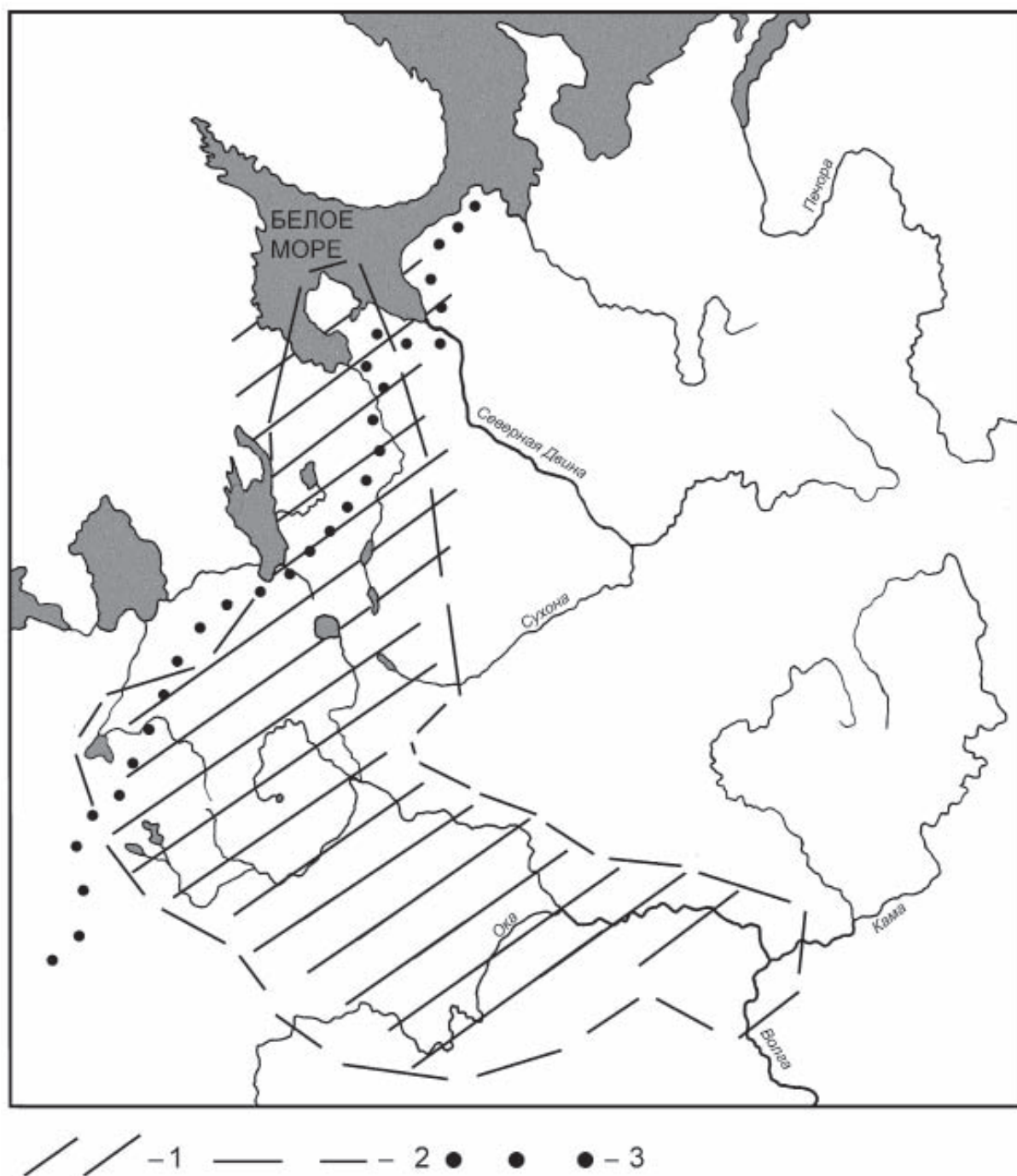

Рис. 4. Основная территория распространения кремневых антропоморфных и символических изображений.

1 — основная территория распространения кремневых символических изображений, 2 — основная территория распространения кремневой антропоморфной скульптуры, 3 — западная граница выходов кремня на Севере Восточной Европы

с их владельцами. В последнем случае были неизбежны контакты с представителями иных группировок древнего населения.

Наличие наборов из разных видов кремневых фигурок на некоторых поселениях и в микрорегионах в южной части бассейна Белого моря и Онежского озера — далеко за пределами волосовской общности, — при отсутствии кремневой скульптуры на территории Восточной Балтии, ставит вопрос о причинах этого явления. Если исходить из косвенных данных об использовании фигурного кремня в основном мужской частью населения Волго-Окского междуречья, то широкое распространение этой категории изделий в некоторых регионах за пределами волосовской культуры вряд ли может быть объяснено через механизм брачных связей. Кроме того, необходимо учитывать, что население южного побережья Белого моря, бассейна Верхней Сухоны и Онеги восприняло не просто идею создания фигурного кремня, а устойчивый набор образов, выполненных по определенной иконографической схеме. Передача традиции в этой ситуации возможна только в ходе непосредственного многолетнего межличностного взаимодействия представителей групп разнокультурного населения. Такие устойчивые контакты в обществах охотников и рыболовов Севера Евразии обычно происходили на пограничной территории между этносами или являлись результатом миграций некоторых групп населения (Спеваковский, 1984). Так как миграции являются одной из важнейших форм межкультурного взаимодействия, то стоит еще раз обратить внимание на наличие на территории Восточного Прионежья памятника с волосовской керамикой верхневолжского облика — стоянки Модлона. Находки на этом поселении разнообразных кремневых изображений, при их полном отсутствии на стоянках Восточной Балтии, дополнительно подтверждают верхневолжское происхождение населения, оставившего этот памятник. Керамика, напоминающая по орнаментации верхневолжскую волосовскую посуду, найдена в нижней части культурного слоя этого памятника (Ошибкина, 1978). Незначительное влияние керамики типа Модлона прослеживается в орнаментации асбестовой керамики типа Войнаволока в бассейне

Онежского озера и, отчасти, керамики с примесью раковины и органики типа Тихманга, распространяющейся в Восточном Прионежье. Отсутствие других стоянок с керамикой волосовского типа в Восточном Прионежье позволяет согласиться с мнением С.В. Ошибкиной о том, что небольшая группа пришлого населения была быстро ассимилирована аборигенами (Там же). Одним из результатов взаимодействия пришлого и местного населения (с керамикой типа Войнаволока и Тихманга), видимо, и стало распространение традиции изготовления кремневых скульптурок. В дальнейшем традиция была воспроизведена населением Юго-Западного Прибеломорья и бассейна Онежского озера с керамикой типа Оровнаволока, генетически связанной с более ранним типом асбестовой посуды. Население с керамикой типа Оровнаволока, проживавшее в юго-западной части побережья Белого моря, имело постоянные контакты с восточными территориями, откуда в Западное Прибеломорье поступал кремень. Результатом этих связей, видимо, и стало появление «наборов» кремневых фигурок у населения, обитавшего на Летнем и Зимнем берегах Белого моря.

Имеющиеся данные по хронологии кремневых фигурок и петроглифов Карелии, о динамике распространении фигурного кремня на территории Восточной Европы, позволяют рассмотреть вопрос об их соотношении. Представляется, что некоторые виды кремневой скульптуры имеют очевидные стилистические параллели в петроглифах Онежского озера (профильные антропоморфные изображения «с чубом», зооантропоморфные образы, антропоморфные фигурки с расставленными руками, лунарные изображения с выступом, фигуры животных, соединенные с лунарными символами, фигурки птиц с выступом на спине). Некоторые такие аналогии отметил в свое время С.Н. Замятин (1948). В то же время, вряд ли можно согласиться с мнением исследователя о равнозначности функций петроглифических святилищ и памятников мобильного искусства. Представляется, что сходство в иконографии некоторых разновидностей фигурного кремня и некоторых наскальных изображений, видимо, связано с существованием у населения ряда неолитических и энеолитических культур лесной

полосы Восточной Европы общих представлений об облике некоторых мифологических персонажей. Эта общность обусловлена существованием многолетних связей населения, проживавшего на территории Волго-Окского междуречья, Карелии, западной части Вологодской и Архангельской областей, что подтверждается находками на этой территории типологически близких комплексов ямочно-гребенчатой (гребенчато-ямочной) керамики.

Отсутствие наборов фигурного кремня в погребениях, при многочисленности разнообразных кремневых фигурок на соседних поселениях, не позволяет рассматривать эти изделия только как атрибуты служителей культа. Устойчивая сочетаемость некоторых видов кремневых фигурок на стоянках, разбросанных на огромной территории, может указывать на их использование в виде набора образов для определенного ритуала, имевшего, что не исключено, общественный характер. Это не противоречит предположению Е.А. Кашиной о ношении и подвешивании на одежду некоторых кремневых фигурок — в индивидуальных охранительных и иных целях (Кашина, 2006. С. 412). Особенно это касается символических фигур в виде сдвоенных изображений птиц — космогонического

символа, который обладал продуцирующей и охранительной силой в мифологических представлениях древних людей (Жульников, 2006. С. 46–56). Индивидуальный характер использования данной категории фигурного кремня подтверждается тем, что эта разновидность кремневой скульптуры, в отличие от многих других подобных изделий, снабжена выступом с выемками для привязывания.

Проведенный анализ кремневой скульптуры показывает, что распространение на Север некоторых разновидностей фигурного кремня связано с локальной миграцией в Восточное Прионежье в конце эпохи неолита одной из групп волосовского населения Верхнего Поволжья. Локализация в юго-западной части бассейна Белого моря наборов из некоторых видов кремневой скульптуры и единичность кремневой скульптуры к востоку от Онеги и Сухоны демонстрируют неустойчивость культурных связей населения, проживавшего в западной и восточной частях данного региона. Отсутствие фигурного кремня на стоянках восточной Балтии и его единичность на территории гаринско-борской культуры (Прикамье) могут служить в пользу гипотезы об автохтонном происхождении волосовской общности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беличенко А.Е., 2003. Поселение «Металлург»: Исследования у г. Северодвинска и его окрестностей // Северная археология. Молодежная археологическая школа. Исследования. Архангельск.

Беличенко А.Е., 2006. Памятники неолита и энеолита южного побережья Белого моря // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки.

Брюсов А.Я., 1951. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // МИА. № 20.

Буров Г.М., 1967. Древний Синдор. М.

Витенкова И.Ф., 1996. Памятники позднего энеолита с керамикой с примесью органики и асбеста // Археология Карелии. Петрозаводск.

Габяшев Р.С., Беговатов Е.А., 1984. Тенишевский («Сорокин Бугор») энеолитический могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья / Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола. Вып. 8.

Едовин А.Г., 2006. Культурные и хронологические группы первобытного населения дельты Северной Двины в эпохи неолита — бронзы (V–I тыс. до н. э.) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки.

Жульников А.М., 1993. Мелкая глиняная и каменная скульптура из позднеэнеолитических поселений Карелии // Вестник Карельского государственного краеведческого музея. Петрозаводск. Вып. 1.

- Жульников А.М., 1999. Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск.
- Жульников А.М., 2005. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск.
- Жульников А.М., 2006. Петроглифы Карелии: Образ мира и миры образов. Петрозаводск.
- Жульников А.М., Спиридонов А.М., 2003. Древности Петрозаводска. Петрозаводск.
- Замятин С.Н., 1948. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // СА. X.
- Зими́на М.П., 1992. Запад Русской равнины // Искусство каменного века: Лесная зона Восточной Европы. М.
- Зими́на М.П., 1993. Каменный век бассейна реки Мсты // Российский этнограф. М. № 16.
- Иванищева М.В., 1994. Работы в бассейне р. Сухоны // АО 1993 г.
- Карманов В.Н., Семенов В.А., 2001. Миниатюрная кремневая скульптура на памятниках Европейского Северо-Востока // Археология в пути или путь археолога. СПб. Ч. 2: Археология в пути...
- Кашина Е.А., 2006. К вопросу об антропоморфных изображениях из кремня в лесной зоне Европейской России // ТАС. Вып. 6. Т. 1.
- Ки́рьяк (Дикова) М.А., 2003. Древнее искусство Севера Дальнего Востока как исторический источник: Каменный век. Магадан.
- Костылева Е.Л., Уткин А.В., 1994. Фигурный кремль со стоянки Сахтыш Па // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны восточной Европы. Иваново. Вып. 1.
- Костылева Е.Л., Уткин А.В., 2000. Вологовские погребения с янтарем могильника Сахтыш ПА // ТАС. Вып. 4. Т. 1.
- Крайнов Д.А., 1978. Кремневые и костяные скульптурки со стоянок Верхнего Поволжья // Древняя Русь и славяне. М.
- Крайнов Д.А., 1987. Волосовская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.
- Крайнов Д.А., 1992. Русская равнина, Центр // Искусство каменного века: Лесная зона Восточной Европы. М.
- Кура́тов А.А., 1978. Археологические памятники Архангельской области: Каталог. Архангельск.
- Кура́тов А.А., 1983. Соловецкие стоянки II–I тыс. до н. э. // СА. № 4.
- Нагови́цин Л.А., 1987. Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.
- Недомолкина Н.Г., 2000. Сухонские кремневые фигурки // ТАС. Вып. 4. Т. 1.
- Никитин А.Л., 1974. Существовала ли волосовская культура? // СА. № 2.
- Никитин В.В., 1996. Каменный век Марийского края // ТМАЭ. Т. IV.
- Ошибкина С.В., 1978. Неолит Восточного Прионежья. М.
- Ошибкина С.В., 1980. Поселение Юртик: Результаты исследования // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск.
- Ошибкина С.В., 1988. Стоянка Тихманга // КСИА. Вып. 193.
- Ошибкина С.В., 1992. Искусство эпохи мезолита // Искусство каменного века: Лесная зона Восточной Европы. М.
- Ошибкина С.В., 2000. Кремневая скульптурка из Джанбас 12 в Средней Азии // ТАС. Вып. 4. Т. 1.
- Панкрушев Г.А., 1964. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.; Л.
- Раушенбах В.М., 1985. Неолитические поселения у села Заречье // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы / Тр. ГИМ. Вып. 60.
- Савватеев Ю.А., 1977. Залавруга. Л. Ч. 2: Стоянки.
- Семенов В.А., 2006. Фигурный кремль Северо-Востока Европейской России: атрибуция и интерпретация // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки.
- Сери́ков Ю.Б., 2005. Кремневая скульптура Урала (вопросы хронологии, происхождения и семантика) // Сери́ков Ю.Б. Проблемы археологии и древней истории Урала: Сб. науч. работ. Нижний Тагил.
- Сидоров В.В., 1970. Мезолитические и неолитические памятники в Подмоскowie // АО 1969 г.
- Сидоров В.В., 1972. Многослойные стоянки в Подмоскowie // АО 1971 г.
- Сидоров В.В., 1992. Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Язы-

ково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М.

Сидоров В.В., Энговатова А.В., 1996. Протоволосовский этап или культура? // ТАС. Вып. 2.

Спеваковский А.Б., 1984. Этнокультурные контакты тунгусоязычных народностей на востоке Сибири (эвены и эвенки) // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л.

Студзицкая С.В., 1971. Отражение этнических процессов в мелкой пластике древнейшего населения Севера европейской части СССР // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.

Студзицкая С.В., 1985. Изображение человека в мелкой пластике неолитических племен лесной зоны Европейской части СССР // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы / Тр. ГИМ. Вып. 60.

Студзицкая С.В., 1994. Особенности духовной культуры волосовских племен // Древности Оки / Тр. ГИМ. Вып. 85.

Урбан А.С., 1973. Поселение и могильник Иловец // КСИА. Вып. 137.

Уткин А.В., Костылева Е.Л., 1996. Антропоморфные изображения волосовской культуры // ТАС. Вып. 2.

Формозов А.А., 1959. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР. М.

Фосс М.Е., 1952. Древнейшая история Севера Европейской части СССР // МИА. № 29. М.

Черных И.Н., 1996. Мелкая кремневая пластика со стоянки «Синяя Гора» 1 (Ботово 1) на оз. Селигер // ТАС. Вып. 2.

Шевелев В.В., 1986. Кремневая скульптура из окрестностей озера Лача // СА. № 1.

Шевелев В.В., 1990. Кремневые фигурки из Каргополья // СА. № 3.

Н.Б. Бурдо
Институт археологии НАН Украины, Киев

АНТРОПОМОРФНЫЕ СЮЖЕТЫ В ОРНАМЕНТАЦИИ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В широком спектре научных интересов А.А. Формозова трипольская проблематика присутствует в виде двух небольших сюжетов. Исследователь обращался к находке В.В. Хвойкой трипольского сосудика с линейно расположенными знаками и учел ее при рассмотрении других изделий со знаками, относящихся к энеолиту и бронзовому веку (Формозов, 1963. С. 180–181). В книге, посвященной изучению памятников первобытного искусства в СССР, А.А. Формозов коснулся и трипольской изобразительной традиции (Формозов, 1980. С. 32, 33), отмечая, что «общий облик трипольской керамики удивительно цельный, эстетически выразительный» (Формозов, 1980. С. 85).

Особого внимания заслуживают позиции, с которых исследователь подходил к изучению сложной проблематики. Так, А.А. Фор-

мозов обратил внимание на многослойность первобытной орнаментики. Соответственно в орнаменте можно различать графические особенности, его символику, отражающую древнюю магию или племенные культы, его декоративные качества, его роль в быту человека (Там же. С. 88). В нашем исследовании мы обратились к одной из наиболее интересных категорий сюжетов трипольских орнаментальных композиций — антропоморфным изображениям.

Культурно-историческая общность Триполье — Кукутень объединяет несколько археологических культур периода энеолита — раннего бронзового века (табл. 1).

С конца VI до начала III тыс. до н. э. носители этих родственных культур занимали обширную территорию лесостепной зоны от восточных Карпат до Днестра. Трипольская

Таблица 1

Триполье	Прекукутень - Кукутень	Даты, гг. до н. э. (cal. BC)
Триполье А	Прекукутень	5400–4600
Триполье В I	Кукутень А	4600–4400
Триполье В I–В II	Кукутень А–В	4400–4100
Триполье В II	Кукутень В I	4100–3800
Триполье С I	Кукутень В 2	3800–3300/3200
Триполье С II Усатово	Городишта – Эрбичень Фолтешть	3300/3200 – около 2650

культура оказалась восточным форпостом ойкумены древних земледельческих цивилизаций энеолита Юго-Восточной Европы.

Антропоморфные сюжеты на керамике представлены немногочисленными, но весьма выразительными находками, относящимися к разным периодам трипольской культуры. Их можно рассматривать как особую категорию изобразительной традиции Триполья — Кукутени. Доступные нам изображения собраны в каталог, прилагаемый к статье. По технике исполнения антропоморфных изображений их можно разделить на рельефные, резные и расписные. В данной статье рассматриваются не все антропоморфные сюжеты, а только рельефные личины или протомы на посуде, а также рисунки антропоморфных фигур. Наиболее древними являются трипольские рельефные и скульптурные антропоморфные детали сосудов.

РЕЛЬЕФНЫЕ И ПЛАСТИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ

Впервые антропоморфные изображения на посуде трипольской культуры обнаружил В.В. Хвойка. Анализ публикаций В.В. Хвойки (1901. С. 782–805; 1904. Табл. V) и его рисунков из Научного архива Института археологии Национальной академии наук Украины (Дослідження... 2006. Т. I. С. 72) позволил выявить двенадцать таких рельефных изображений (кат. № 2–13). Три из них (2, 4, 6) происходят из Веремья, остальные не имеют точной привязки к конкретным поселениям, однако все относятся к щербаневской локально-хронологической группе Триполья В I–В II (кат. №№ 2–13).

Личины на сосудах щербаневской группы воспроизводят подтреугольное лицо с расширенными глазами, а некоторые — с широко открытым ртом. Эти изображения различаются большей или меньшей степенью схематизации и техникой изготовления в виде низкого рельефа или пластического выступа. В тех случаях, когда это позволяют установить фрагменты, рельефные личины располагаются в верхней части сосуда. В большинстве случаев личины изображены на сосудах, вылепленных из глины с примесью шамота

и украшенных углубленным орнаментом в виде ямок (рис. 1, 1 — 3, 6).

В одном случае личина размещена на плечиках горшка с примесью толченой раковины в формовочной массе. Горловина его украшена вертикальными полосами, образовавшимися от заглаживания зубчатым орудием. По краю венчика расположена цепочка «жемчужин» (рис. 1, 4). Личина выполнена низким рельефом и размещена в выступе каймы, опоясывающей плечики сосуда. Очень похожая личина найдена в Веремье. Она выполнена точно в такой же технике, размещена на плечиках сосуда с довольно высокой и широкой горловиной с маленькой ручкой-ушком (рис. 1, 3), относящегося к другой категории керамики. Обе личины воспроизводят широкое, сужающееся к низу лицо с рельефно проработанными сливающимися носом и бровями. Широко открытые глаза и рот переданы достаточно крупными ямками. Примечательно размещение практически идентичных изображений на посуде разных категорий. Все остальные личины, выполненные низким рельефом, еще более схематичны (кат. №№ 7–12). Они воспроизводят лицо овальной (рис. 1, 1) или треугольной формы (рис. 1, 5). На части личин доминируют огромные глаза, рот не показан.

Все пластически выполненные личины (кат. №№ 4–6) воспроизводят треугольное лицо с острым выступающим подбородком, огромными глазами и ртом, которые переданы большими ямками (рис. 1, 2, 6). То есть, они передают тот же образ, что и личины, выполненные в технике низкого рельефа. Прототипом личин на памятниках Триполья В I–В II, вероятно, можно считать единственное аналогичное изображение (кат. № 1) из раннетрипольского поселения Александровка (Патокова и др., 1989. Рис. 8, 14).

На этапах Триполья В II–С I рельефные изображения лица представлены уникальными находками. Рельефно-пластическая личина является случайной находкой на поселении владимировской группы Полонистое в Кировоградской области (рис. 1, 7). Фрагмент происходит от сосуда с примесью толченой раковины в тесте, в месте крепления головки к сосуду отмечена цилиндрическая полость диаметром около 2 см (Овчинников, Квітницький, 2002. С. 134–136). Скульптур-

ная деталь сосуда воспроизводит человеческое лицо в условно-реалистической манере, присущей некоторым образцам так называемой реалистической антропоморфной пластики Триполья. Последняя характерна также и для эпонимного памятника владимировской группы.

К чертам, объединяющим протому из Полонистого с пластикой Владимировки, относятся близкие размеры головы, крупные выступающие уши, моделированные в виде полудисков с тремя проколами по краям (левое ухо утрачено), а также общие приемы моделировки лица и его некоторая уплощенность. Однако в отличие от реалистических владимировских фигурок, лица которых отличаются круглой формой и большой шириной (Бурдо, 2001. Рис. 31, 1, 2; Табл. 2, 1), лицо из Полонистого овальное, высокое. Прямой небольшой и не очень выступающий нос передан рельефом. Ноздри показаны двумя аккуратными проколами. Рельефно подчеркнуты надбровные дуги и глазные впадины, глаза переданы небольшими овальными ямками. Тонкая, довольно широкая, неглубокая линия рта как бы воспроизводит полуулыбку. Такая же вертикальная линия рассекает подбородок, а вместе они образуют «Т»-образный знак. Лицо от левого до правого уха обрамлено двумя рядами оттисков круглого штампа (рис. 1, 7а). Верхняя часть головы протомы слегка вогнута и образует очень неглубокую чашевидную впадину, которая оформлена штампованными ямками, образующими круговую фигуру по краю и крестообразную в центре (рис. 1, 7б). Шея орнаментирована чередующимися рядами тонких прочерченных линий и оттисков штампа сегментовидной формы (рис. 1, 7в).

При всей очевидности стилистических отличий протомы из Полонистого от личин более ранних периодов Триполья, их объединяет то, что они были пластическим декором сосудов.

Среди материалов Триполья С I известна только одна находка рельефного изображения лица на сосуде — в одном из жилищно-хозяйственных комплексов крупного трипольского поселения Майдаецкое (кат. № 15). Сохранился лишь фрагмент миниатюрного сосуда со скульптурной проработ-

кой лица (рис. 1, 8). Изделие изготовлено из тонкоструктурной глины, обжиг слабый. Аналогичные технологические показатели характерны для значительной части культовой миниатюрной посуды, антропоморфных статуэток небольшого размера и зооморфных фигурок, происходящих, как правило, из углубленных объектов Майдаецкого. Крупное округлое лицо и большой сильно выступающий нос с горбинкой проработаны рельефом, глаза переданы оттисками подтреугольного штампа, остальные детали лица не показаны. В целом антропоморфное изображение выполнено в той же условно-реалистической манере, которая характерна для образцов антропоморфной пластики с реалистическими чертами из Майдаецкого (Шмаглий, Видейко, 2001–2002. Рис. 49, 4, 6).

АНТРОПОМОРФНЫЕ ФИГУРЫ В УГЛУБЛЕННОЙ ОРНАМЕНТАЦИИ

Антропоморфные фигуры, выполненные в технике углубленного орнамента, для трипольской культуры уникальны. Наиболее раннее изображение относится к этапу Триполья В II. На большом сосуде-зерновике с поселения Гребени в Киевской области (Цвек, 1964), изготовленном из глины с примесью песка и толченых раковин, зафиксировано изображение двух динамичных фигур (рис. 1, 10). Широкий орнаментальный фриз из змееобразных лент опоясывает практически все тулово зерновика, снабженного двумя рядами ручек-ушек (рис. 1, 10а). Две как будто танцующие антропоморфные фигуры размещены в центре с двух сторон фриза, ближе к нижней его части, подчеркнутой лентой из трех параллельных линий. Антропоморфные фигуры схематичны, образованы лентой из трех прочерченных линий и отлично гармонируют с остальной частью орнаментальной композиции, состоящей из таких же лент. Хорошо сохранилась только одна фигура, стоящая анфас и слегка склоненная влево (рис. 1, 10б). Между антропоморфными фигурами расположены дуговидные отрезки лент, а движущиеся слева направо спирали подчеркивают динамичность всей композиции.

Этот орнамент в целом весьма типичен

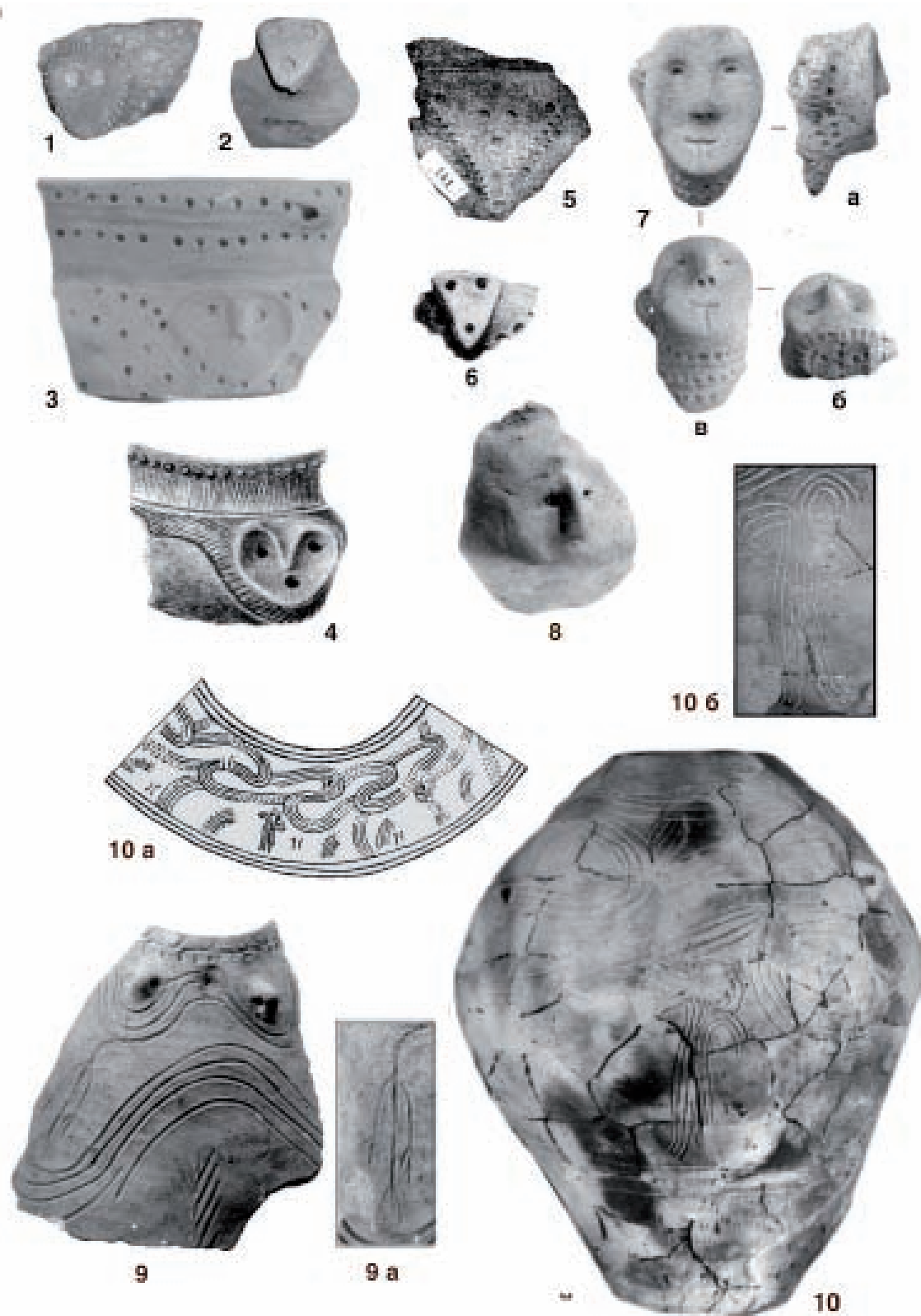

Рис. 1. Антропоморфные изображения трипольской культуры
 1, 4–6 — район с. Триполье; 2–3 — Веремье (по В.В. Хвойке); 7а, б, в — Полонистое (по Э.В. Овчинникову); 8 — Майданецкое; 9, 9а — Жуковцы (по В.В. Хвойке); 10а, 10б — Гребени (по Е.В. Цвек)

для грушевидных сосудов трипольских памятников Среднего Поднепровья, а традиция углубленного спирального орнамента восходит к раннему периоду культуры. Однако пока антропоморфные изображения на сосудах из Гребеней не имеют аналогий.

Еще одно антропоморфное изображение, выполненное в резной технике, происходит из того же региона. Фрагмент с изображением схематической антропоморфной фигуры найден В.В. Хвойкой на поселении коломыйщинской локально-хронологической группы этапа Триполье С I Жуковцы (Хвойка, 1901. Табл. XXIV, 9). Вероятно, фигура мужская, руки трехпалые, как лапа птицы (рис. 1, 9а; кат. № 17). Это антропоморфное изображение зафиксировано на фрагменте грушевидного сосуда, по форме близкого зерновнику из Гребеней. Интересен контекст, в который помещена антропоморфная фигура. Под венчиком размещена пара сосцевидных ручек с горизонтальными отверстиями. Верх сосуда опоясывали змеевидные ленты из трех и четырех параллельных прочерченных линий. В изгибе между лентами и расположена антропоморфная фигура анфас (рис. 1, 9а). Справа от нее, но уже в другом ярусе, под нижней лентой сохранилось изображение растительного символа («дерева»). Среди материалов коломыйщинской группы известны еще как минимум два аналогичных сосуда с «деревьями» и извивающимися лентами (Черныш, 1982. Табл. LXXXII, 1; LXXXIII, 15), но без антропоморфных символов.

АНТРОПОМОРФНЫЕ ФИГУРЫ В РАСПИСНОЙ ОРНАМЕНТАЦИИ

Антропоморфные изображения гораздо чаще встречаются на расписной керамике Триполья — Кукутени; известно 40 сосудов или отдельных фрагментов, на которых присутствуют антропоморфные символы (кат. №№ 18–58). Именно антропоморфные символы на расписной керамике постоянно привлекают наибольшее внимание исследователей. Они стали визитной карточкой Триполья, украсив обложки многих изданий. Антропоморфным сюжетам посвящены специальные статьи Г. Думитреску (1960),

Т.Г. Мовши (1991). Анализ, а иногда и интерпретация, расписных антропоморфных символов содержатся в работах Б.А. Рыбакова (1981. С. 204, 205), Т.Г. Мовши (1979), Е.К. Черныш (1982. С. 250; Табл. LXXIV), Т.М. Ткачука (1993; 2005; Ткачук, Мельник, 2005).

Круг локально-хронологических групп, в материалах которых присутствуют антропоморфные сюжеты, ограничен. Наиболее распространены они в росписях на посуде брынзенско-жванецкой группы Триполья С II (кат. №№ 34–53). Самыми древними являются антропоморфные фигуры на сосудах из поселения периода Кукутень А–В Траян Дялул Фынтынилор (кат. №№ 18–21), памятников финала Кукутени А–В — начала Кукутени В Подурь (кат. №№ 22) и Гилюешть (кат. №№ 23–24), поселения Триполья В II Небелевка (кат. № 25). Единичные находки представлены на памятниках Триполья С I в Варваровке XV (кат. № 30), петренской (кат. №№ 27–29), томашевской (кат. № 31), каневской (кат. № 26) группах и Триполья С II в материалах кошиловецкой (кат. №№ 32, 33), гординештской (кат. № 57) групп, типа Кирилень (кат. №№ 55, 56) и Городиштя-Эрбичень (кат. №№ 58, 59).

Все антропоморфные изображения на расписных сосудах представляют собой силуэтные (рис. 2, 3, 4, 7, 15), реже контурные (рис. 2, 6, 14), иногда заштрихованные (рис. 2, 1–2, 5, 13) условно-схематические фигуры, нанесенные, как правило, черной (темно-коричневой) краской на фон сосуда в желто-оранжевых тонах. Однако абсолютно идентичных изображений нет. Даже фигуры из одной орнаментальной композиции или расположенные рядом разнятся между собой. Отличие заключается в форме и размере фигур, жестах, наличии таких деталей, как прорисовка ног и рук, головы, наличия бахромы на юбке, диска или других символов на голове.

Большинство антропоморфных символов представляет собой стоящую фигуру (считается, что женскую) в виде двух треугольников, соединенных вершинами (так называемые «песочные часы»). Два рисунка на сосудах из Ржищева передают антропоморфный силуэт с определенной степенью реализма, изображая обнаженную (или в шароварах?) стоящую фигуру с тонкой талией, приподнятыми

острыми плечами и трехпалой рукой (рис. 2, 3, 3а). Силуэт фигур из Небелевки (рис. 2, 13), Вертебы (кат. № 33) и, отчасти, Бернашевки (рис. 2, 12), Кошиловцев (кат. № 32) как бы повторяет форму картуша, в который заключено битреугольное антропоморфное изображение из Траяна (рис. 2, 5) за счет плавного расширения линии фигуры в области талии. Все известные фигуры, кроме одной, — стоящие анфас. Большинство из них статично, но некоторые приобретают динамичность за счет жестов рук (рис. 2, 15). На фрагменте сосуда из Траяна наклон битреугольной фигурки придает положение головы и ног. Она слегка согнута, как будто скорчена, для того чтобы поместиться в окружающий ее овальный картуш (рис. 2, 6). На сосуде культуры Городиштя-Эрбичень антропоморфная фигура показана как бы вполоборота (рис. 3, 1).

Для антропоморфных фигур жванецко-брынзенской группы характерно изображение на подоле юбок бахромы, причем иногда линия бахромы как бы выступает за края юбки (рис. 2, 10, 11; 3, 6–8). Т.Г. Мовша предположила, что бахрома на юбке является не просто частью ритуального костюма, а выступает как определенный антропоморфный символ, употребляющийся отдельно от антропоморфных битреугольных фигур, но близкий им по смыслу (Мовша, 1991).

Независимо от формы туловища антропоморфных расписных фигур их головы переданы в большинстве случаев темным кругом. Шея, как правило, довольно длинная, показана тонкой вертикальной чертой. В отдельных случаях на голове зафиксировано изображение черного диска (рис. 3, 5), растительного символа (кат. № 46), роговидных петельчатых выступов — «маски» (кат. № 44; рис. 2, 14).

Антропоморфные расписные фигуры в большинстве случаев показаны с руками, кроме изображений из Гилеешть (рис. 2, 1) и Майданецкого (кат. № 31). Опушенные вдоль тулова руки у фигур с разной формой туловища показаны прямыми или дуговидными тонкими линиями и почти всегда заканчиваются трехпалой кистью (рис. 2, 2–3, 5–6, 13). Большое разнообразие в положении рук наблюдается у изображений жванецко-брынзенской группы памятников (рис. 2, 16).

Ноги у битреугольных фигур могут быть не обозначены (рис. 2, 2), едва видны из-под бахромы на юбке (рис. 2, 10), показаны анфас (рис. 2, 15) или в профиль (рис. 2, 5; кат. № 38).

Встречаются одиночные антропоморфные фигуры (рис. 2, 1–6), пары фигур одного (рис. 2, 15) или разного роста (кат. №№ 36, 38). Известно одно групповое изображение на фрагменте керамики, обнаруженном на поселении Кирилень III (кат. № 56) В.М. Бикбаевым (Бикбаев, Никулица, 2005).

В орнаментальных композициях антропоморфные фигуры размещались в разных местах, в сопровождении различных символов. Для фазы Кукутень А-В — В известно семь сосудов или их фрагментов с антропоморфными сюжетами. На них изображено в общей сложности 19 фигур. Все орнаментальные композиции с участием антропоморфных символов построены по принципу двусторонней симметрии. Древнейшие антропоморфные фигуры на сосудах из Траяна битреугольные, контурные или заштрихованные. На одном из сосудов они помещены в прямоугольный с вогнутыми сторонами картуш, который как бы повторяет абрис фигуры (рис. 2, 5). Три других фрагмента представляют антропоморфные изображения, заключенные в овал (рис. 2, 6). Следующая хронологическая ступень представлена изображениями заштрихованных битреугольных фигур, занимающих центральное положение в метопах между полями с угловым орнаментом на сосудах из Гилеешть (рис. 2, 1–2).

На сосуде из Подури основной орнаментальный фриз состоит из двух дважды повторяющихся орнаментальных блоков. Он занимает почти все тулово сосуда с узким горлом и двумя ручками, расположенными несколько ниже середины высоты тулова. К первому блоку относятся метопные картуши, которые расположены над каждой из ручек. Рисунок состоит из двух овалов, размещенных один над другим, причем верхний овал несколько меньше нижнего. В овалах изображено по одной антропоморфной фигуре. Туловище фигур образовано двумя равнобедренными разного размера треугольниками (нижний треугольник меньше), соединенных вершинами. Шея не обозначена, голова в виде круга посажена прямо на плечи. Удлиненные

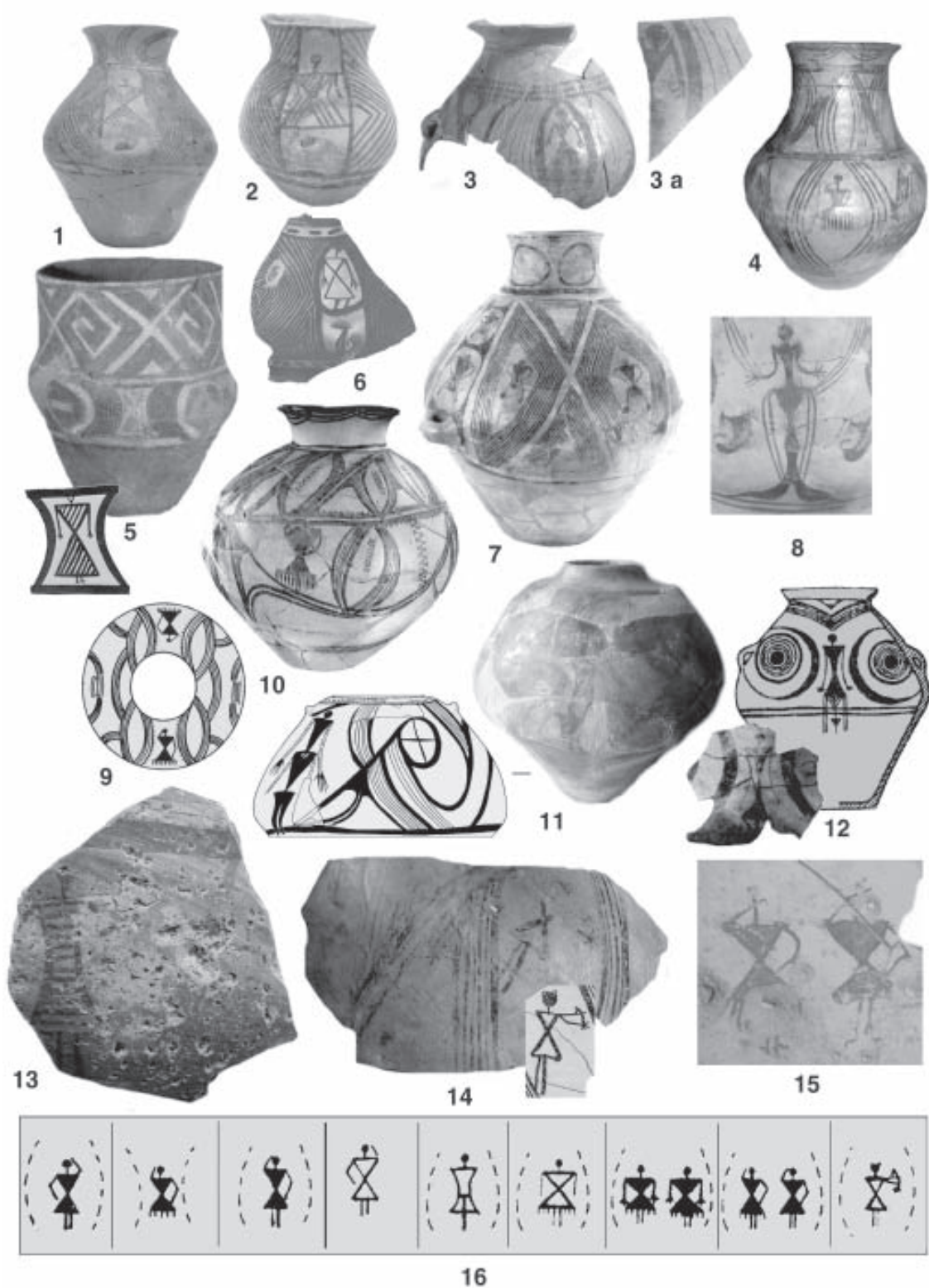

Рис. 2. Антропоморфные изображения в расписной орнаментации трипольской культуры
 1–2 — Гилешть (по Г. Думитроая и др.); 3, 3а — Ржищев (по Е.А. Якубенко); 4 — Царничень (по Г. Думитроая); 5–6 — Траян (по Г. Думитреску); 7 — Подурь (по Д. Монаху и др.); 8 — София VIII (по В.М. Бикбаеву); 9 — Жванец (по Т.М. Ткачуку); 10 — Брынзень III (по В.И. Маркевичу); 11 — Петрены (по Э.Р. Штерну); 12 — Бернашевка (по Т.М. Ткачуку, И.И. Зайцю); 13 — Небелевка; 14 — Жванец (по Т.Г. Мовше); 15 — Непоротово; 16 — Жванец (по Т.М. Ткачуку)

руки, опускающиеся ниже туловища, показаны тонкой извивающейся линией, заканчивающейся кругом. Соответственно размерам овала верхняя фигура меньше нижней. Центральный орнаментальный блок размещен между метопами. Композиция состоит из геометрических фигур, образованных лентой из тонких параллельных линий. В центре ее пентакль. К боковым выступам пентакля примыкают вершины двух равнобедренных треугольников, основания которых параллельны вертикали, образующей метопу. Между ними вписаны четыре равносторонних треугольника. В пентаклях и равнобедренных треугольниках размещены такие же антропоморфные фигуры, как и в овалах метоп, причем фигуры в пентаклях несколько крупнее. Одна из фигур, помещенных в пентакле, отличается от всех остальных тем, что у нее обозначены ноги, каждая из которых нарисована в виде двух параллельных линий, заканчивающихся кругом. Если согласиться с трактовкой символики черного круга как знака полной Луны (Ткачук, Мельник, 2005), то можно констатировать, что на сосуде из Подури антропоморфные фигуры передают сакральный образ, обладающий лунными признаками. Отсутствие у девяти из десяти фигур ног и как бы укороченные их туловища позволяют предполагать, что перед нами изображение с элементами расчленения, связанного с жертвоприношением.

Среди росписи керамики Триполья В II антропоморфные фигуры ранее не были известны (Ткачук, 1993. С. 96). Этот пробел восполняет единственная пока находка антропоморфного изображения не очень хорошей сохранности на фрагменте сосуда из Небелевки (раскопки 2009 г.). Изображение нанесено коричневой краской по желто-горячему ангобу. Фигура стоит, насколько позволяет судить поле фрагмента, на свободном пространстве под широкой лентой с короткими вертикальными штришками, окаймляющей снизу фестон из тонких параллельных линий. Вероятно, антропоморфная фигура размещалась в центре орнаментальной композиции на сфероконическом сосуде, орнаментированном фестонной схемой. Рисунок необычен по форме туловища, заштрихованного не угловыми композициями, как в Траяне, а гори-

зонтальными параллельными линиями (рис. 2, 13). Руки опущены, одна из них утрачена, вторая полустерта, однако читается трехпалая кисть. Это антропоморфное изображение этапа Триполья В II по оформлению и положению фигуры отличается от рисунков предыдущего периода культуры Кукутень А-В и начала Кукутени В. Пока оно не имеет точных аналогий ни среди рисунков того же периода, ни среди более поздних.

В росписи керамики этапа С I известно 15 антропоморфных фигур на 7 сосудах. Т.М. Ткачуком и В.М. Бикбаевым высказано сомнение по поводу принадлежности сосуда из Вараровки XV к этапу Триполья С I. Они полагают, что сосуд происходит из брызненского слоя поселения (Ткачук, Мельник, 2005. С. 107). Если это верно, то количество сосудов Триполья С I с антропоморфными сюжетами сокращается до 6, а число фигур до 9. На тулове шаровидного сосуда из Варваровки XV (Маркевич, 1981. Рис. 3, 12), имеющего спорную датировку, шесть стоящих силуэтов с короткими поднятыми вверх руками (оранты) размещены в метопах, образованных тремя вертикальными параллельными линиями (кат. № 30). Точно такая же фигура в аналогичном контексте присутствует на фрагменте керамики с поселения периода Триполья С II Кирилень III (Бикбаев, 1994. Рис. 2, 16). Это совпадение заставляет с вниманием отнестись к предположению о том, что варваровский сосуд следует относить к Триполью С II.

Первая находка расписного антропоморфного изображения на керамике Триполья С I была сделана В.В. Хвойкой на поселении Ржищев. Исследователь опубликовал два фрагмента расписного сосуда с антропоморфными фигурами, одна из которых сохранилась почти полностью, а другая частично (Хвойка, 1904. Табл. III, 2, 5). Хранитель трипольского фонда Национального музея истории Украины Е.А. Якубенко лишь в начале XXI в. выделила из коллекции В.В. Хвойки и подобрала некоторые фрагменты этого уникального сосуда, что дало возможность осуществить реконструкцию его верхней части (Якубенко, 2006. Табл. 8, 1–2).

Следует особо отметить, что в искаженном виде ржищевское антропоморфное изо-

бражение было помещено в книге Б.А. Рыбакова (1981. С. 205) вместе с рисунками змей, которые были на фрагментах совсем других сосудов, опубликованных В.В. Хвойкой. Неправильная реконструкция сосуда из Ржищева предложена М. Гимбутас (Gimbutas, 1989. Fig. 165, 3).

Наиболее хорошо сохранившееся ржишевское антропоморфное изображение воспроизводит пропорциональную силуэтную человеческую фигуру с тонкой талией, круглой головой на короткой широкой шее, опущенными трехпальными руками, напоминающими птичью лапу. Верхняя часть фигуры несколько угловата, плечи заостренные, нижняя часть, напротив, моделирована плавными линиями, подчеркнуты утолщенные икры ног (рис. 2, 3). Антропоморфная фигура помещена в овал, который является центральной частью орнаментального фриза на верхней части сфероконического сосуда с небольшими ручками. Размещение антропоморфной фигуры в овале аналогично описанным выше изображениям человеческих фигур из Траяна. Вероятно, с противоположной стороны сосуда размещалась аналогичная фигура в овале, которая сохранилась лишь частично (рис. 2, 3а). Голова этой фигуры как бы вдавлена в острые плечи, которые приподняты и отведены назад. Сохранившаяся левая рука — с тремя пальцами.

Пожалуй, самая известная находка антропоморфного расписного сюжета трипольской культуры принадлежит Э.Р. Штерну. Исследуя поселение Петрены, он обнаружил сосуд с двумя необычными трехъярусными антропоморфными фигурами (Штерн, 1905. Табл. II, 3). Б.А. Рыбаков верно подметил космизм этих необычных фигур, о котором свидетельствуют их гигантские размеры — во всю высоту орнаментального фриза — и размещение между космическими символами в виде кругов с крестами, включенными в ритм бегущей спирали (рис. 2, 11). Петренские фигуры, кроме двух торсов и четырех рук, имеют еще ряд важных особенностей. Они состоят из треугольников, как и рисунки Кукутени А-В — В, но эти треугольники скомпонованы вниз вершинами один над другим. В среднем треугольнике вписан светлый треугольник с чертой, очень напоминающий символику

лона на трипольских женских статуэтках. Необычно длинные руки титана напоминают веревочную лестницу. Они заканчиваются кистью с пятью удлинёнными и заостренными пальцами. Это вовсе не человеческая рука, а лапа земноводного или рептилии. Очевидно, что на петренском сосуде изображен не человек, а фантастическое существо.

Еще одно фантастическое существо представлено на сосуде из Бернашевки (Ткачук, 1993. Рис. 8, 5). Оно отличается необычными деталями в нижней части и гигантскими размерами. Вероятно, две фантастические фигуры занимали центральное место между черными кругами (символ полной Луны) в орнаментальном фризе на противоположных сторонах сосуда (рис. 2, 15). Руки этого великана — с пятью пальцами, а нижняя часть фигуры подчеркнута уходит вниз, за пределы орнаментированной зоны.

Две фантастические фигуры, сочетающие антропоморфный силуэт с рыбьим хвостом, изображены на сосуде, обнаруженном В.М. Бикбаевым на поселении София VIII (Бикбаев, Никульца, 2005). Существа гигантского роста в окружении космической символики и фантастических зверей — летящих собак (рис. 2, 8). На их руках по пять пальцев.

Парадоксальным выглядит наличие у человеческих изображений периода Кукутени А-В и В и Триполья В II трехпалых рук, вызывающих четкие ассоциации с птичьей лапой, а у фантастических антропоморфных фигур — рук (в одном случае лап) с пятью пальцами. Очевидно, в обоих случаях трипольская изобразительная традиция представляет нам сакральные образы, только формально антропоморфные, а на самом деле наделенные териоморфными чертами, которые символизируют их сверхъестественную природу и подчеркивают фантастическую, сверхчеловеческую сущность.

Битреугольное изображение из Майданецкого — пока единственное зафиксированное на дне миски с внутренней стороны. Голова и ноги показаны короткими штришками, руки отсутствуют (кат. № 31). Антропоморфные изображения Триполья В II и С I стилистически заметно отличаются от рисунков более ранних фаз, Кукутени А-В и Кукутени В.

Можно говорить о возрождении интереса к битреугольным антропоморфным символам у племен жванецко-брынзенской локально-хронологической группы этапа Триполья С II. По данным Т.Г. Мовши, насчитывается 53 изображения (Мовша, 1991. С. 35). Насчитывается 28 сосудов или фрагментов с антропоморфными рисунками, что значительно превышает количество таких изображений в предшествующее время.

На сосуде из Кошиловцев (кат. № 32) с одной стороны в центральной части орнаментальной композиции в овале размещена динамичная антропоморфная фигура, изображенная как бы вполоборота. Голова в виде круга посажена прямо на плечи. Удлиненный корпус показан так же, как у небелевской фигуры, но заканчивается он пышной короткой юбкой. На груди прорисован медальон на длинной ленте. Правая рука выпрямлена и поднята вверх. Непропорционально длинная левая рука опущена. Предполагается, что в ней показана трость или жезл, используемый при исполнении ритуального танца (Королева, 1977. С. 81). В материалах кошиловецкой группы, относящейся к началу Триполья С II, антропоморфные фигуры единичны и отличаются индивидуальными чертами, в какой-то мере сближающими их с такими рисунками предыдущих этапов.

Иная картина наблюдается при рассмотрении брынзенско-жванецких антропоморфных фигур. Как и древнейшие антропоморфные рисунки, они образованы двумя равнобедренными треугольниками, соединенными вершинами, а их голова передана в виде черного круга. Остальные детали разнятся. В изображениях с финальных памятников Триполья редко встречаются фигуры с опущенными руками и трехпалой кистью, что было типично для древнейших прототипов. Большинство фигур изображено с изогнутыми руками, левая поднята к голове, правая — на талии или чуть ниже (рис. 2, 10). Есть фигуры, у которых обе руки подняты к голове. Позы весьма разнообразны. Различные их варианты в росписи Жванца (рис. 2, 16) представлены Т.М. Ткачуком (2005. С. 381). Отличительная особенность жванецко-брынзенских рисунков — появление на многих из них бахромы на подоле юбки, диска или разных знаков на

голове. Наряду с одиночными фигурами появляются парные изображения (рис. 2, 15), многофигурные композиции и сцены (рис. 2, 14; 3, 3, 6–8), в которых принимают участие животные. Орнаментальные композиции с участием антропоморфных фигур усложняются, некоторые из них двухъярусные. Часть антропоморфных фигур по-прежнему изображена в центре овалов (рис. 3, 6, 8), другие, напротив, рядом с ними (рис. 2, 9–10). Увеличивается количество символов, сопровождающих антропоморфные рисунки. Среди них символы змеи, воды, растительности, вертикальные цепочки из «М»- и «W»-образных знаков.

Соединенные вершинами равнобедренные треугольники, вероятно, стали одним из антропоморфных символов трипольской расписной орнаментации. Заштрихованная битреугольная фигура нарисована на стенке модели жилища (рис. 3, 4). Встречаются такие фигуры как элементы орнаментальных композиций в росписи Триполья С I (Мовша, 1991. Рис. 4, 6) и С II (Kadrow et al., 2003. Abb. 24, 5).

В росписи финальных памятников трипольской культуры битреугольные фигуры неизвестны, а антропоморфный сюжет представлен лишь одной крестообразной фигурой, нарисованной красной краской на высоком цилиндрическом горле сосуда из поселения гординештской группы Ханкеуц (кат. № 58).

Три расписных сосуда с антропоморфными изображениями происходят с памятников культуры Городиштя-Эрбичень, которая распространена в Прикарпатской Молдове, где ей предшествовала культура Кукутень. На поселении Циричень (Dumitroaia, 2000. Fig. 4, 2) найден сосуд, орнаментированный двухъярусной композицией из вертикальных овалов, характерной для брынзенско-жванецкой росписи (рис. 2, 4). В одном из овалов нижнего яруса размещена битреугольная фигура, а на противоположной стороне сосуда в таком же в овале нарисован растительный символ (рис. 3, 2). Два антропоморфных изображения известны на керамике из Белтени (Zaharia, 1964. Tab. I). На сосуде из Белтени (Dumitroaia, 2000. Fig. 4, 1) расписной орнамент соответствует орнаментальной схеме, характерной для памятников гординештской

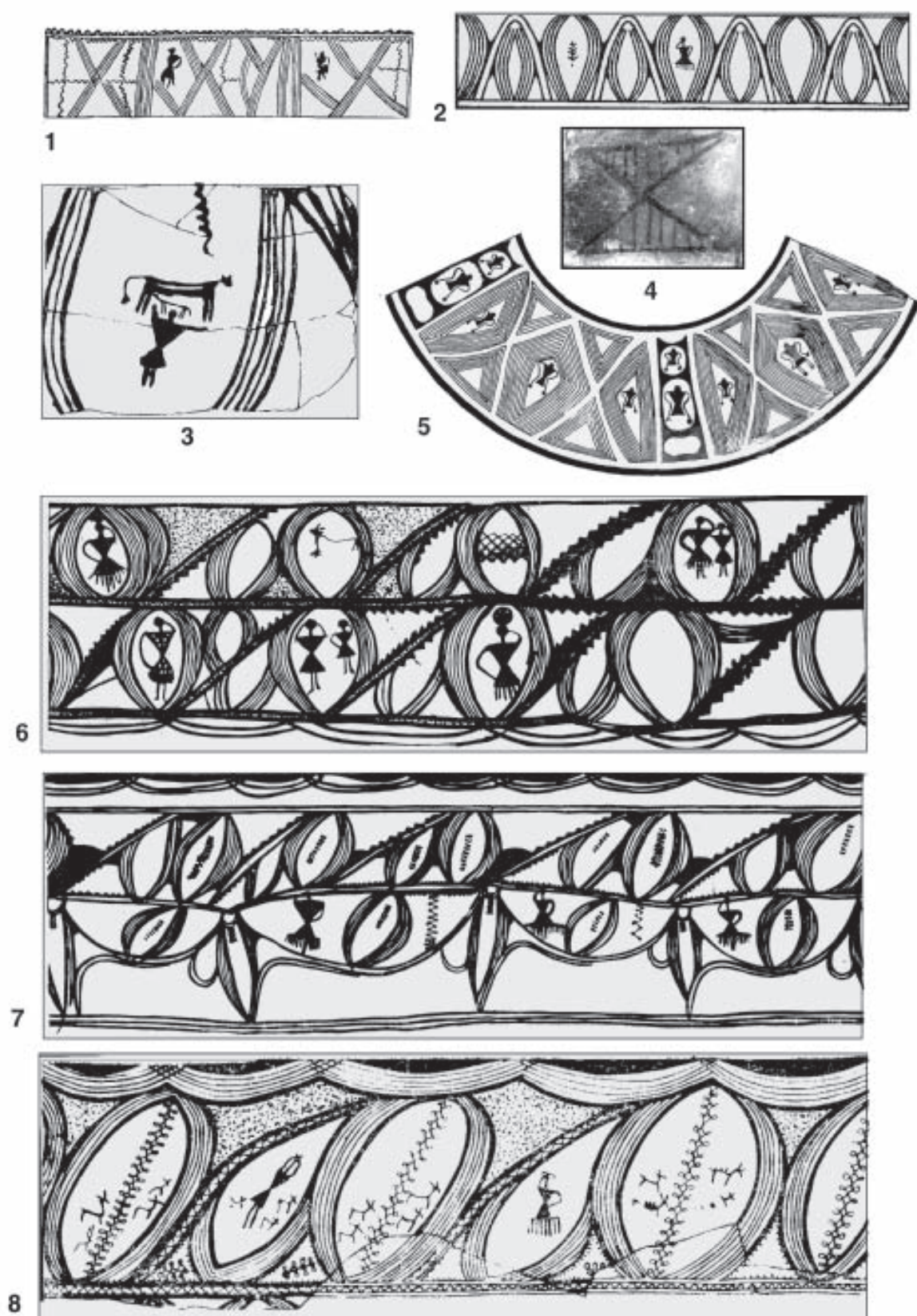

Рис. 3. Орнаментальные композиции расписных антропоморфных сюжетов
 1 — Белтень (по Г. Думитроая); 2 — Царничень (по Г. Думитроая); 3, 6–7 — Брынзень III (по В.И. Маркевичу); 5 — Подурь (по Д. Монаху); 8 — Костешть IV (по В.И. Маркевичу)

**КАТАЛОГ АНТРОПОМОРФНЫХ
ИЗОБРАЖЕНИЙ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Номер и изображение	Памятник	Этап Триполья/Кукутень	Локально-хронологическая группа	Библиография
1 	Александровка	А	Триполье А-Прекукутень III	Патокowa, Петренко, Бурдо, Полищук, 1989, рис. 8, 14
2 	Веремье	В I – В II	щербаневская	Хвойка, 1901, с. 784, рис. 85
3 	Район с. Триполья	В I – В II	щербаневская	Хвойка, 1901, с. 805, рис. 94
4 	Веремье	В I – В II	щербаневская	Хвойка, 1901, с. 785, рис. 86
5 	Район с. Триполья	В I – В II	щербаневская	Хвойка, 1904, табл. V
6 	Веремье	В I – В II	щербаневская	Хвойка, 1901, с. 782, рис. 83
7 	Район с. Триполья	В I – В II	щербаневская	Хвойко, 2006, с. 72
8 	Район с. Триполья	В I – В II	щербаневская	Хвойка, 1901, с. 805, рис. 95
9 	Район с. Триполья	В I – В II	щербаневская	Хвойка, 1901, с. 804, рис. 92

Номер и изображение	Памятник	Этап Триполья/ Кукутень	Локально-хронологическая группа	Библиография
10 	Район с. Триполья	В I – В II	щербаневская	Хвойка, 1904, табл. V.
11 	Район с. Триполья	В I – В II	щербаневская	Хвойко, 2006, с. 72
12 	Район с. Триполья	В I – В II	щербаневская	Хвойка, 1904, табл. V.
13 	Район с. Триполья	В I – В II	щербаневская	Хвойка, 1901, с. 804, рис. 93
14 	Полонисте	В II	владимирская	Овчинников, Квітницький, 2002, рис. 1 Овинников, 2004, с. 430
15 	Майданецкое	С I	томашевская	
16 	Гребени	В II	коломишинская	Цвек, 1964
17 	Жуковцы	С I	коломишинская	Хвойка, 1901, табл. XXIV, 9
18 	Траян (Traian- Dealul Fintinilor)	Кукутень А-В I		Думитреску, 1960, рис. 1

Номер и изображение	Памятник	Этап Триполья/ Кукутень	Локально-хронологическая группа	Библиография
19 	Траян (Traian- Dealul Fintinilor)	Кукутень А-В I		Думитреску, 1960, рис. 3
20 	Траян (Traian- Dealul Fintinilor)	Кукутень А-В I		Думитреску, 1960, рис. 4
21 	Траян (Traian- Dealul Fintinilor)	Кукутень А-В I		Думитреску, 1960, рис. 2
22 	Подурь - Дялуд Гиндару (Poduri – Dealul Gindaru)	Кукутень В I		Monah and oll..., 2003, p. 133, 211
23 	Гелэешть (Ghelaiesti – Nedeia)	Кукутень В I		Dumitrescu, 1974, p. 142-143, fig. 143
24 	Гелэешть (Ghelaiesti – Nedeia)	финал Кукутень А В начало Кукутень В I		Dumitrescu, 1974, p. 142-143, fig. 146
25 	Небелевка	В II	небелевская	Находка 2009 г.
26 	Ржищев	С I	каневская	Хвойка, 1904, табл. III, 5. Дослідження..., Т. II, табл. VIII, 1-2
27 	Бернашевка	С I	петренская	Засць, 2001, с. 164
28 	Петрены	С I	петренская	Штерн, 1905, табл. II, 3

Номер и изображение	Памятник	Этап Триполья/ Кукутень	Локально-хронологическая группа	Библиография
29 	София VIII	С I	петренская	Бикбаев, Никулица, 2005
30 	Варваровка XV	С I	кукуетская	Маркевич, 1981, с. 33, рис. 3, 12
31 	Майданецкое	С I	томашевская	Ткачук, 2005, с. 102 ((138, № 55. Ткачук, Мельник, 2000, с. 48.
32 	Кошиловцы	С II	кошиловецкая	Hadaczek, 1914, tabl. 18, 154
33 	Вертеба	С II	кошиловецкая	Kadrow and oll, 2003, p. 92, fig. 23, 7.
34 	Брынзень III	С II	брынзенско-жванецкая	Маркевич, 1981, вкл. 4, с. 43, рис. 59, 2((61.
35 	Брынзень III	С II	брынзенско-жванецкая	Маркевич, 1981, с. 43, рис. 59, 1.
36 	Брынзень III	С II	брынзенско-жванецкая	Маркевич, 1981, с. 48, рис. 72, 3.
37 	Брынзень III	С II	брынзенско-жванецкая	Маркевич, 1981, с. 157, рис. 103, 2.
38 	Брынзень III	С II	брынзенско-жванецкая	Маркевич, 1981, с. 157, рис. 103, 4

Номер и изображение	Памятник	Этап Триполья/Кукутень	Локально-хронологическая группа	Библиография
39 	Брынзень III	С II	брынзенско-жванецкая	Маркевич, 1981, с. 157, рис. 103, 6
40 	Брынзень III	С II	брынзенско-жванецкая	Маркевич, 1981, с. 157, рис. 103, 7
41 	Брынзень III	С II	брынзенско-жванецкая	Маркевич, 1981, с. 157, рис. 103, 8
42 	Брынзень III	С II	брынзенско-жванецкая	Маркевич, 1981, с. 157, рис. 103, 10
43 	Брынзень III	С II	брынзенско-жванецкая	Маркевич, 1981, с. 48, рис. 72, 4.
44 	Варатик - Холм	С II	брынзенско-жванецкая	Маркевич, 1981, с. 157, рис. 103, 11
45 	Костешть IV	С II	брынзенско-жванецкая	Маркевич, 1981, с. 48, рис. 72, 1.
46 	Костешть IV	С II	брынзенско-жванецкая	Маркевич, 1981, с. 157, рис. 103, 1
47 	Костешть IV	С II	брынзенско-жванецкая	Маркевич, 1981, с. 157, рис. 103, 3
48 	Костешть IV	С II	брынзенско-жванецкая	Маркевич, 1981, с. 157, рис. 103, 5
49 	Костешть IV	С II	брынзенско-жванецкая	Маркевич, 1981, с. 157, рис. 103, 9
50 	Костешть IV	С II	брынзенско-жванецкая	Маркевич, 1981, с. 157, рис. 103, 12

Номер и изображение	Памятник	Этап Триполья/Кукутень	Локально-хронологическая группа	Библиография
51 	Жванец-Лысая Гора	С II	бронзенско-жванецкая	Мовша, 1991, рис. 5, 2.
52 	Жванец-Лысая Гора	С II	бронзенско-жванецкая	Мовша, 1979, рис. 1
53 	Жванец-Лысая Гора	С II	бронзенско-жванецкая	Мовша, 1991, рис. 5, 3.
54 	Непоротово	С II	бронзенско-жванецкая	
55 	Кирилень III	С II	тип Кирилень	Бикбаев, 1994, с. 67, рис. 2, 16
56 	Кирилень III	С II	тип Кирилень	Бикбаев, Никулица, 2005
57 	Ханкеуць	С II	гординештская	Бикбаев, 1990, рис. 1, 1
58 	Церничень (Carniceni)	Городиштя-Эрбичень		Dumitroaia, 2000, fig. 4, 2
59 	Белтень (Balteni)	Городиштя-Эрбичень		Dumitroaia, 2000, fig. 4, 1

группы. Здесь на противоположных сторонах сосуда в центре ромбических фигур нарисованы антропоморфные изображения в манере, не характерной для брынзенско-жванецкой орнаментации (рис. 3, 1).

ВЫВОДЫ

Анализ расписных антропоморфных изображений в изобразительной традиции длительного периода развития культурно-исторической общности Триполье-Кукутень показывает неравномерность их распространения во времени и пространстве. Расписные антропоморфные изображения в таких деталях, как некоторые жесты рук, стоячая поза, находят соответствие в антропоморфной пластике. В то же время, такие элементы, как голова в виде черного круга, руки-лестницы у петренского «великана», бахрома на подоле юбок некоторых битреугольных фигур, созвучны символам пиктографических знаковых систем трипольско-кукутенской общности. Перечисленные особенности рассмотренных антропоморфных изображений, сопровождающий контекст орнаментальных

композиций и их элементов свидетельствуют об органической связи этих достаточно редких и специфических знаков, присущих только отдельным локально-хронологическим группам, с сакральной традицией трипольского общества, которой в целом был присущ антропоморфизм.

Стилистические особенности расписных антропоморфных изображений Триполья-Кукутени, контекст орнаментальных композиций и возможная семантика сопровождающих их знаков подтверждают предположение о том, что они могли быть составляющими определенных невербальных священных текстов и сохранить в изобразительной традиции священные символы и сакральные образы древних земледельцев, так же как и какие-то фрагменты их мифов.

Конкретные выводы пока еще представляются преждевременными, однако рассмотрение систематизированных трипольских материалов на широком культурно-историческом фоне верований аграрных цивилизаций может дать новые результаты для понимания сакрального мира древнеземледельческих племен, населявших земли между Карпатами и Днестром в V–IV тыс. до н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бикбаев В.М., 1990. Данные к ритуалу, связанному с оставлением кукутень-трипольских гончарных печей // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине: Тез. докл. I полевого семинара. Киев.
- Бикбаев В.М., 1994. Предгординештские памятники типа Кирилень в Северной Молдове // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. Мат. Междунар. археолог. конф. Тирасполь.
- Бикбаев В., Никулица А., 2005. Из сокровищницы Музея Археологии и Этнографии Академии Наук Молдовы. Координатор В. Дергачев: Набор открыток. Кишинев.
- Бурдо Н.Б., 2001. Теракота трипольської культури // Давня кераміка України. Київ. Дослідження трипольської цивілізації у науковій спадщині археолога Вікентія Хвойки. Київ, 2006. Т. I–II.
- Думитреску Х., 1960. Антропоморфные изображения на сосудах из Траяна // *Dacia*. N. S. IV.
- Засць І.І., 2001. Трипільська культура на Поділлі. Вінниця.
- Королева Э.А., 1977. Ранние формы танца. Кишинев.
- Мовша Т.Г., 1979. Новые данные по идеологии трипольско-кукутенских племен // Первобытная археология: Поиски и находки. Киев.
- Мовша Т.Г., 1991. Антропоморфные сюжеты на керамике культур Трипольско-Кукутенской общности // Духовная культура древних обществ на территории Украины. Киев.
- Овчинников Е.В., 2004. Антропоморфна пластика з реалістичними рисами з Буго-Дніпровського межиріччя // Енциклопедія трипольської цивілізації. Київ. Т. II.
- Овчинников Е.В., Квітницький М.В., 2002. Нові знахідки трипольської антропоморфної

пластики з реалістичними рисами // Археологія. № 3.

Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю., 1989. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. Киев.

Рыбаков Б.А., 1981. Язычество древних славян. М.

Ткачук Т.М., 1993. Знакова система Трипільської культури // Археологія. № 3.

Ткачук Т.М., 2005. Знакові системи трипільсько-кукутенської культурно-історичної спільності (мальований посуд). Вінниця. Ч. I.

Ткачук Т.М., Мельник Я.Г., 2005. Семіотичний аналіз трипільсько-кукутенських знакових систем (мальований посуд). Вінниця.

Формозов А.А., 1963. Сосуды со знаками эпохи энеолита и бронзы и история письменности // ВДИ. № 2.

Формозов А.А., 1980. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.

Хвойка В., 1901. Каменный век Среднего Приднепровья // Тр. XI АС в Киеве в 1899 году. М. Т. 1.

Хвойка В., 1904. Раскопки 1901 г. в области трипольской культуры // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического о-ва. СПб. Т. 5. Вып. 2.

Цвек О.В., 1964. Трипільська посудина з антропоморфними зображеннями // Археологія. Київ. Т. 16.

Черныш Е.К., 1982. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // Археология СССР. Энеолит СССР. М.

Шмаглей Н.М., Видейко М.Ю., 2001-2002. Майданецкое — трипольский протогород // Stratum plus. № 2. С.44–140.

Штерн Э.Р., 1906. Доисторическая греческая культура на юге России // Тр. XIII АС в Екатеринославе в 1905 г. М. Т. 1.

Якубенко О.О., 2006. Колекції із розкопок В.В. Хвойки на трипільських поселеннях у Національному музеї історії України // Дослідження трипільської цивілізації у науковій спадщині Вікентія Хвойки. Київ. Т. II.

Dumitroaia G., 2000. Comunitati preistorice din nord-estul Romaniei // Biblioteca Memoriae antiquitatis. Piatra-Niamt. # VII.

Dumitroaia Gh., Preoteasa C., Munteanu R., Nicola D., 2005. Primul muzeu Cucuteni din Romania // Biblioteca Memoriae Antiquitatis. # XV.

Gimbutas M., 1989. The Language of the Goddess: Sacred Images and Symbols of Old Europe. San Francisco.

Kadrow S., Sokhachy M., Tkachuk T., Trela E., 2003. Sprawozdanie ze studiow i analiz materialow zabytkowych z Bilcza Zlotego znajdujacych sie w zbiorach Muzeum Archeologicznego w Krakowie // Materialy archeologiczne. T. 34.

Monah D., Monah F., Dumitroaia G., Preotesa C., Munteanu R., Nicola D., 2003. Poduri — Dealul Gindaru, o Troie in Subcarpatii Moldovei. Piatra-Niamt.

Hadaczek K., 1914. La colonie industrielle de Koszylowce de l'epoque neolithique: Album des fouilles. Leopold.

Zaharia N., 1964. Vase pictate grupul Horodistea-Foltesti in raionul Jasi // Arheologia Moldovei. Jasi. # II–III.

В.И. Балабина, Т.Н. Мишина
Институт археологии РАН, Москва

ПОСЛЕДНИЙ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПОСЕЛОК НА ТЕЛЛЕ ЮНАЦИТЕ: ИСТОРИЯ ГИБЕЛИ

Данная работа посвящена рассмотрению особенностей формирования так называемого «горизонта со скелетами», маркирующего для нас ключевое событие финала энеолита на телле Юнаците — обстоятельства гибели последнего энеолитического поселка.

По всей площади раскопа (восточная половина памятника) более 10 лет постепенно выявлялся единый горизонт с разрушенными и обгоревшими постройками, в которых находились останки людей разного возраста. На костях часто фиксировались следы огня. Человеческие скелеты, их части в сочленении, отдельные кости обнаруживались и вне построек.

Первые публикации этого материала появились в начальный период исследования «горизонта со скелетами» (Мацанова, 2000. С. 121–131; Merpert, 1995. Р. 364–383). Накопленная с тех пор информация, как археологическая, так и антропологическая, позволяет более полно реконструировать события, связанные с гибелью энеолитического поселка на телле Юнаците.

За время работы Болгаро-Российской экспедиции под руинами построек и вне их было зафиксировано более 70 индивидов разного

пола, возраста и сохранности. Присутствовали и кости, растащенные хищниками, которые не всегда удавалось соотнести с имеющимися скелетами. Отметим, что число индивидов возросло при антропологическом анализе материала. В процессе разборки содержимого пакетов иногда обнаруживались кости маленьких детей среди костей взрослых. Тогда же к некоторым неполным скелетам удалось подобрать разрозненные и частично сочлененные кости, растащенные животными. Но не всегда это удавалось сделать (соответственно такие костные останки могут принадлежать индивидам либо из тех же построек, волею обстоятельств достигшим столь плачевной степени сохранности, либо происходящим из еще не исследованных археологических комплексов и лишь частично разнесенным животными).

В последние годы в процессе исследования «горизонта со скелетами» Болгаро-Греческой экспедицией снова были выявлены человеческие останки: скелет ребенка 7–8 лет (Бужилова, 2005. С. 109), три взрослых индивида, один из которых женщина с ампутированной кистью, а остальные — разрозненные кости, принадлежащие еще двум (взрослым?) инди-

видам (Бояджиев и др., 2007. С. 24, 25; информация на симпозиуме в 2009¹).

Таким образом, на исследованной площади обнаружено не менее 75 достаточно сохранных скелетов и неясное количество индивидов, от которых сохранились лишь единичные кости.

В процессе раскопок «горизонта со скелетами» представления о контекстной составляющей претерпевали изменения. Сначала, при исследовании первых таких комплексов, материал казался единообразным (Merpert, 1995. Р. 364–383). Потом, по мере накопления данных, стали различать скелеты в постройках, погребения, а также сочлененные части скелетов и отдельные кости, скорее всего растащенные животными (Мацанова, 2000. С. 121–131). Настоящее рассмотрение материала будет вестись в тех же дефинициях, отчасти позволяющих проследивать микрохронологию событий, но с учетом стратиграфии.

СКЕЛЕТЫ ПОД РУИНАМИ ПОСТРОЕК

По всей площади раскопа (чуть меньше половины телля) зафиксирован горизонт с разрушенными и обгоревшими постройками, останками людей в постройках и вне их. Жизнь этого поселка прервалась вследствие трагических событий: мы фиксируем следы нападения, которое повлекло за собой пожары, разрушение, гибель десятков людей. Однако артефактов, которые можно было бы отнести к предметам вооружения, в рассматриваемом горизонте поразительно мало (немногочисленные кремневые стрелы и камни для пращи). Создается впечатление, что «сражения» не было. Обитатели телля убегали, прятались в домах, пытаясь избежать гибели. Скорее всего, нападение на поселок было внезапным и очень жестоким. Большая часть жителей поселка погибла.

На исследованной части телля скелеты людей встречены во всех постройках данного горизонта. Отметим, что эти 9 построек по

разным причинам были исследованы частично: №№ 1, 4, 5а попали под центральный профиль, №№ 2, 3 нарушены зондажем 1939 г., №№ 12 и 13 пострадали при сооружении рва эпохи ранней бронзы, №№ 6, 11 разрушены оборонительным сооружением римского времени и эрозией склона.

Количество погибших в постройках не одинаково. Под завалами домов по южному и восточному краям поселка, на его более низкой и пологой части, обнаружено от 1 до 6 скелетов. В постройках центральной и северной части их было несколько больше. Так, в небольшой постройке № 3 — 11, в постройке № 4 — 7, а в постройке № 12 — 8 индивидов. Видимо, дома, расположенные по южному и восточному краям телля, первыми подверглись нападению, что подтверждает выявленный Болгаро-Греческой экспедицией вход на поселение именно с южной стороны. Жители из этих крайних домов, видимо, пытались скрыться в глубине поселка и в его северной (более высокой) части. Этим объясняется большее количество погибших в домах №№ 3, 4 и 12 и более сильные разрушения и пожары, которым они подверглись. Скелеты в этих домах располагались скученно, перекрывали друг друга, многие со следами огня.

Контуры глинобитных руин расплывчаты и не соответствуют планам построек, поскольку стены и перекрытия падали и вовнутрь, и наружу. Погибшие обитатели поселка оказались погребены под тяжелыми стенами и перекрытиями. Большинство их находилось внутри домов, но в отдельных случаях можно говорить и о скелетах людей под стенами, упавшими наружу. Так, скелет 32, принадлежащий (по определению д-ра С. Чолакова) девочке 6–7 лет, выявлен под обрушившейся наружу стеной постройки 1. Погибшая лежала на спине с прижатыми к груди ногами — скорее всего, пряталась, сидя на корточках, за стеной дома, которая на нее и рухнула.

Скелет женщины 30–35 лет (№ 68) был обнаружен в сводчатом углублении, видимо

¹ Bojadjev, Aslanis und anderen, 2009. Ynatsite: Ein bulgarisch-griechische Grabungsprojekt: Bericht über die Heriaden 2002–2008 // The Golden Fifth Millennium: Thrace and its neighbor areas in the Chalcolithic (City of Pazardjik, November 27–30, 2009). Приносим благодарность коллегам за предоставленную дополнительную информацию.

выходившем на край поселка, которое находилось рядом с постройкой 6 или в ее пределах. Похоже, что эта женщина тоже пряталась и была завалена сводом сооружения, а также рухнувшей постройкой.

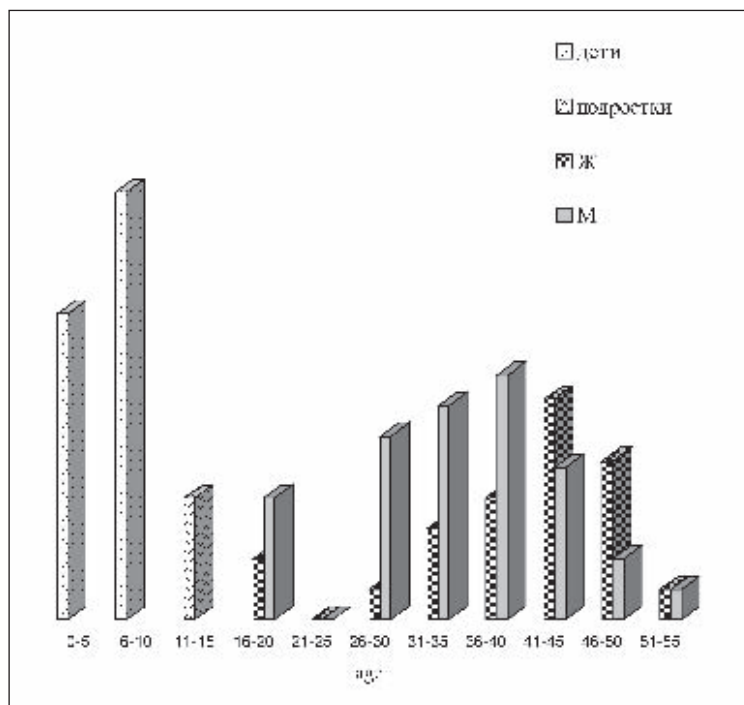
В нескольких случаях выявлены следы черепных травм, не совместимых с жизнью (у двух взрослых и у ребенка 7–8 лет). Эти люди были найдены в разных комплексах — в двух постройках и в погребении 96, к которому мы обратимся чуть позже. В постройке 12 на черепе ребенка 7–8 лет присутствуют 2 отверстия от оружия с острым режущим краем; «...удары наносились ребенку сверху, причем он опустил голову вниз, возможно пытаясь уклониться...». Еще один подобный случай отмечен в постройке 3. У мужчины 35–45 лет на черепе тоже есть прямоугольные следы от 3 ударов подобным оружием, которые «наносились сзади, а последний — смертельный — сверху, уже лежавшему лицом вниз» (Бужилова, 2005. С. 109, 110. Рис. 3.2.6).

Под скелетами взрослых, рядом с ними (или уже в пакетах при антропологическом исследовании), нередко обнаруживались кости, принадлежащие детям. Можно упомянуть такие комплексы из нескольких по-

строек в разных частях поселения: №№ 3, 5а, 11, 12. В постройке 3 их было не менее двух: № 90–90а (рядом с мужчиной 25–35 лет найдены кости ребенка плохой сохранности, возраст не определим) и № 93–93а (среди костей женщины 18–20 лет — кости младенца). В постройке 5а рядом с женщиной 35–45 лет (№ 69) выявлены кости младенца (№ 100). В постройке 11 среди костей женщины 45–55 лет (№ 67) обнаружены кости ребенка 2–4 лет (№ 67а). В постройке 12 среди костей мужчины 25–35 лет (№ 72) выявлены кости ребенка 7–8 лет (№ 72а). Очевидно, защищая детей, взрослые прикрывали их своим телом.

Всего под руинами домов зафиксировано 47 скелетов разной сохранности. Их распределение по полу и возрасту в принятых возрастных диапазонах приведено на гистограмме 1.

Как мы видим, останки детей составляют четверть выборки — две возрастные группы: маленькие дети (до 5 лет) и дети 6–10 лет. Обращает на себя внимание малочисленность молодых людей. Очень скромна уже группа подростков (11–15 лет), мало, условно говоря, «молодых взрослых индивидов» обоего пола (16–20 лет), люди в возрасте 21–25 лет отсут-

Гистограмма 1. Вероятностное распределение по полу и возрасту индивидов, погибших под руинами домов

ствуют вовсе. Взрослые мужчины и женщины оказались преимущественно «зрелого» и «пожилого» возраста, особенно по меркам традиционных обществ. Причем есть различия в средневозрастных тенденциях для тех и других. Мужчины в среднем несколько моложе женщин (среди них преобладают 30–40 или даже 35–40-летние), в то время как женщины несколько старше — 40–50 лет, с обладанием 45-летних.

МОГИЛЬНИК

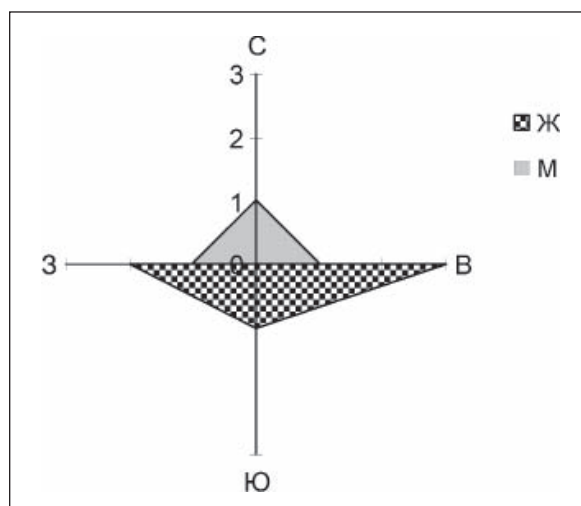
Кроме скелетов в постройках и под завалами между ними, на поселении к настоящему времени обнаружено не менее 11 погребений, которые рассредоточены на большой площади; часть из них образует небольшие группы на свободном от построек пространстве. Похоронены только взрослые индивиды обоего пола.

Всем им были приданы совершенно одинаковые позы. Погребенные уложены на боку с подогнутыми ногами. Углы в тазобедренных суставах близки 90° или несколько больше (до 120°). Голеностопы сведены вместе, стопы подтянуты к тазу (в ряде случаев вплотную). Руки согнуты в локтях, запястья сведены вместе, кисти находятся у подбородка или чуть выше — перед лицом. По-видимому, можно констатировать намеренную фиксацию голеностопов и запястий. В ряде случаев отмечался вторичный разворот корпуса вперед или назад, поскольку погребенные лежали грудной клеткой вниз или вверх.

Все три мужских погребения уложены на правом боку, но ориентированы по-разному: головой на север, восток, запад.

Женские бывают и на правом, и на левом боку. Погребения на правом боку ориентированы головами на запад, восток, юг, а уложенные на левый бок — на восток.

В целом, как мы видим, погребенные на Юнаците ориентированы строго по сторонам света, причем явно преобладает ориентировка в широтном направлении (гист. 2), что отмечают как характерную черту обряда культуры КГК² (Бояджиев, 2006. С. 15, 41).

Гистограмма 2. Ориентировка погребений на Юнаците

Лишь в одном погребении (№ 99), принадлежащем женщине 35–45 лет, присутствует достоверный сопутствующий инвентарь. Она была уложена на левом боку, головой на восток. Между локтями и коленями — перед тазом — находился двуручный сосудик с овальным горлом и подчетыреугольным туловом, характерный для культуры Селкуцы.

В четырех погребениях (мужских и женских), совершенных в разных частях поселка, использованы крупные фрагменты толстостенных тарных сосудов с характерными пальцевыми расчесами. Примечательно, что пока только эти погребенные на Юнаците ориентированы головой на запад (трое на правом боку, а один — на левом). Возможно, обрядовая обособленность данной группы подчеркивает какую-то связь — родственную, этническую, социальную, иерархическую. У двух погребенных разного пола фрагменты сосудов оконтуривают голову и торс, еще в одном случае фрагменты сосуда находятся у таза и на коленях. У женского погребения 96, совершенного на правом боку, фрагментами сосудов перекрыты туловище и колени. Данное погребение можно с уверенностью интерпретировать как принадлежащее погибшей обитательнице поселка, похороненной сразу после «ухода врагов». Женщина 40–49 лет имеет на черепе следы от двух ударов тем же оружием с острым режущим краем, «оба были смертельны, нанесены сзади сверху» (Бужилова, 2005. С. 109–110. Рис. 3.2.7). Очень

² Коджадермен-Гумельница-Караново VI.

интересен контекст этого погребения. Оно совершено в руинах постройки 5а, в которых было вырыто углубление, ориентированное в широтном направлении и не достигшее пола. Засыпка погребения получилась неплотной, поскольку под ним и между костями читались следы цветных глиняных затеков, проникавших с потоками дождевой воды. Именно это и указывает на поспешность похорон только что убитой женщины. Хочется обратить внимание, что это пока единственное погребение на Юнаците со следами столь тяжких травм.

Можно отметить небрежность некоторых погребений. Погребальные ямы прослежены в единичных случаях. В плане они невелики, их длина соответствовала длине погребенного с подогнутыми ногами и подтянутыми к тазу пятками. В целом энеолитический могильник на Юнаците отличается столь четкое единообразие, даже унификация обряда, что ему, пожалуй, пока трудно найти аналоги среди опубликованных некрополей КГК (Бояджиев, 2006. С. 13–55).

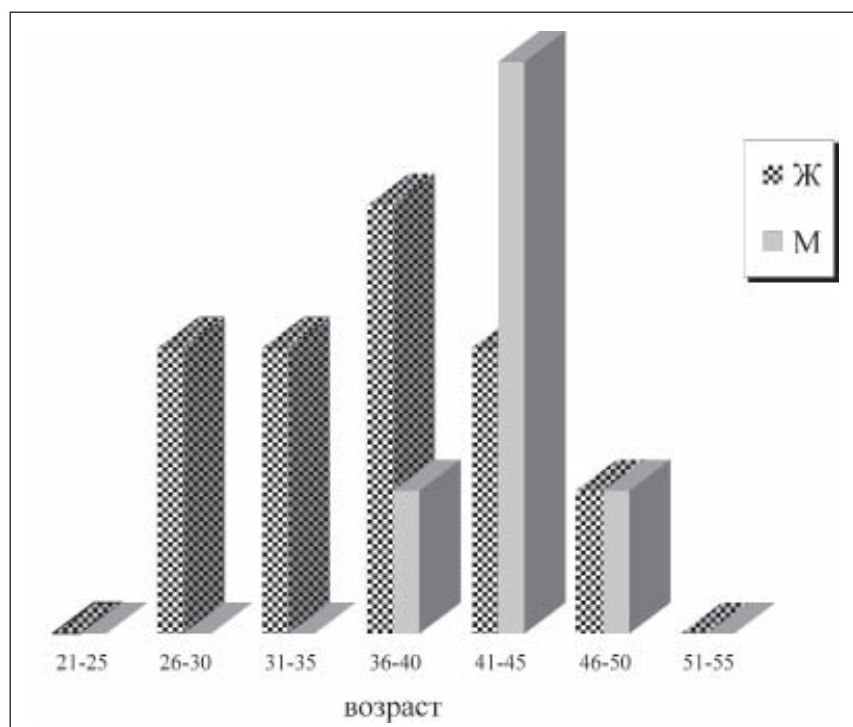
Половозрастной состав людей, погребенных в могильнике на телле Юнаците, приведен на гистограмме 3, которая показывает в тенденции очень узкую возрастную группу

пожилых мужчин (с преобладанием 45-летних) и менее специфичную группу женщин зрелого возраста (от 26 до 50 лет).

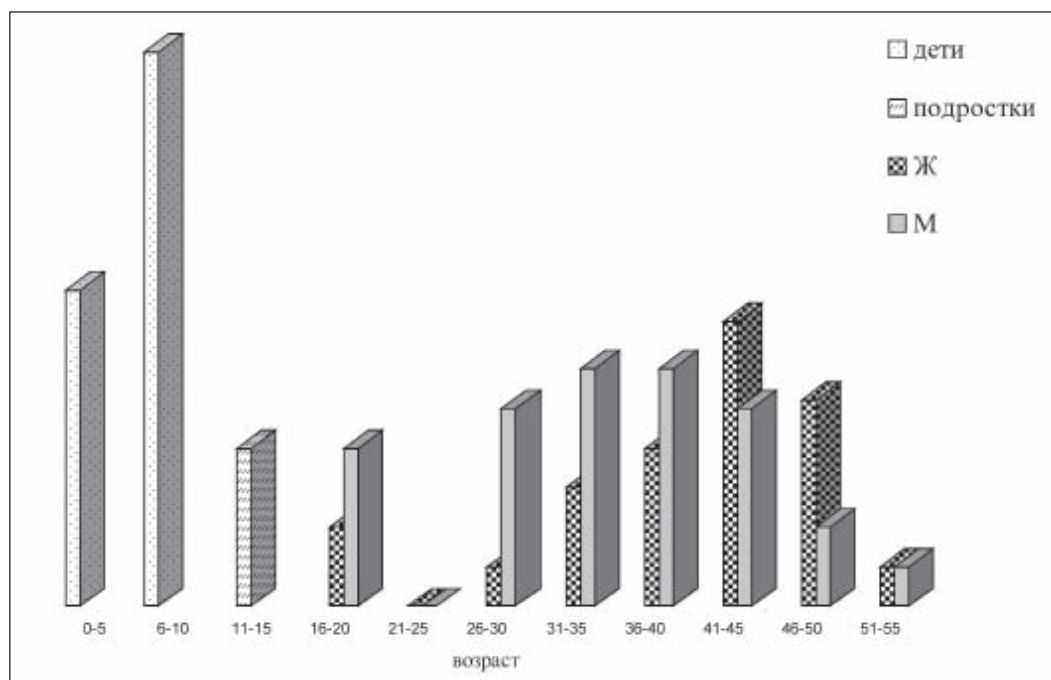
Некоторые погребальные комплексы пока выпадают из этой группы (№ 46 и 98). В первом случае (№ 46) мы наблюдаем следующую ситуацию: скелет мужчины 35–40 лет был уложен на правом боку, с подогнутыми ногами и руками (с фиксированными голенистопами и запястьями), прямо внутри постройки 6, на неровной поверхности (перепад до 15 см), усыпанной фрагментами сосудов, и ориентирован головой на ЗСЗ. Возможно, его просто не успели похоронить «как должно».

Во втором случае (№ 98) скелет пожилой женщины (более 50 лет), ориентированный головой на запад, оказался вне постройки, но почти полностью разрушен зондажем 1939 г.

Мы попытались проанализировать вероятностное распределение пола и возраста для большинства индивидов, найденных на Юнаците, с учетом скелетов под руинами построек, погребений, а также скелетов, которые не удалось пока присоединить ни к одной из этих групп (№ 46 и № 98).

Гистограмма 3. Вероятностное распределение по полу и возрасту индивидов, похороненных на Юнаците

Гистограмма 4. Вероятностное распределение по полу и возрасту всех индивидов «горизонта со скелетами» на Юнаците

Совмещенная гистограмма 4 демонстрирует картину, близкую гистограмме 1. Мужчины в среднем заметно моложе женщин (среди них доминируют 30–40 или даже 35–40-летние), в то время как преобладающий возраст женщин 45 лет, что для традиционных обществ — «возраст бабушек», а не матерей. Поражает почти полное отсутствие молодых женщин репродуктивного возраста (16–25 лет). Возможно, в этом один из ключей к разгадке трагических событий, произошедших на телле Юнаците.

ПОДСЫПКА, ПЕРЕКРЫВАЮЩАЯ РУИНЫ ПОСТРОЕК

На большей части площади памятника дневная поверхность «горизонта со скелетами» была перекрыта рыхлым слоем серого цвета (разной толщины), содержащим очень мало индивидуальных находок. В нем присутствовали битая керамика, относящаяся к энеолиту, крупные камни, кости животных. Данный слой был определен как подсыпка, перекрывшая и сnivelировавшая руины поселка. Она была выявлена на многих бровках северного сектора памятника и отчетливо

прослеживается в центральном профиле. Ее толщина в северной части телля достигает 60 см, а в середине его южной части сходит на нет (Телль Юнаците, 2007. Рис. 111; 112). Эту подсыпку мы в свое время не совсем удачно назвали «нивелировочной» (Балабина, Мацанова, Мерперт, Мишина, Терзийска-Игнатова, 2002. С. 132). Она, скорее, имела иные функции: перекрывала, по сути дела погребала, руины домов и останки их обитателей. С течением времени, распределяясь вниз по склону холма под влиянием дождей и ветров, она действительно превратилась в «нивелировочный прослой».

Очевидно, что столь масштабные земляные работы предполагают перемещение колоссального количества грунта, требуют соответствующих трудозатрат и значительного времени. Все это указывает на длительное присутствие на телле — уже после трагедии — группы людей, близких погибшим обитателям поселка. Возможно, среди них были и выжившие насельники Юнаците. Отметим также, что на этой подсыпке были возведены последние сооружения эпохи энеолита, фиксирующиеся в центральном профиле (Телль Юнаците, 2007. Рис. 113; 114).

На временной разрыв между разрушением поселка и его засыпкой указывают выявленные перемещения сочлененных костей как внутри разрушенных построек, так и за их пределами (деятельность достаточно крупных хищников?). Об этом же свидетельствуют и некоторые полевые стратиграфические наблюдения.

Разрушенные постройки, их погибшие обитатели маркируют момент жестокого нападения. Могильник, находящийся на разрушенном поселении, отчасти соответствует

моменту гибели поселка (есть примеры погребения убитых людей). С другой стороны, не исключено, что его функционирование было растянуто во времени, поскольку прослежены погребения, впущенные в подсыпку, перекрывающую руины.

Таким образом, события, связанные с гибелью и запустением последнего энеолитического поселка на Юнаците, имеют свою микрохронологию, частично укладывающуюся в часы и дни, частично — в месяцы и годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балабина В., Мацанова В., Мерперт Н., Мишина Т., Терзийска-Игнатова С., 2002. Относительна хронология на пластовете от късния халколит и ранната бронзова епоха на селищна могила Юнаците (по данни на микростратиграфията и планиграфията) // Годишник на археологически музей Пловдив. Пловдив. Т. IX/1.

Бояджиев Я., 2006. Мобилност на индивидите и контакти между отделните общности през V хил. Пр. Хр. (по данни от некрополите) // Известия на археологическия институт. София. XXXIX.

Бояджиев Я., Асланис Я., Терзийска-Игнатова С., Мацанова В., 2007. Селищна могила Юнаците — проучвания през 2006 г. // АОР 2006. София.

Бужилова А.П., 2005. Homo sapiens: история болезни. М.

Мацанова В., 2000. Интрамурални погребения от късния халколит в селищната могила при с. Юнаците, Пазарджишко // Тракия и съседните райони през неолита и халколита: Карановски конференции праисторията на Балканите I. София.

Телль Юнаците. Эпоха бронзы. М., 2007. Т. II. Ч. 1.

Merpert N.J., 1995. Bulgaro-Russian Archaeological Investigations in the Balkans. Ancient Civilizations from Scythia to Siberia // International Journal of Comparative Studies in History and Archeology. Vol. 2. № 3. (Ancient Civilizations. 2.3. Leiden.)

Н.С. Котова
Институт археологии НАН Украины, Киев

О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ГРУППЫ ПОГРЕБЕНИЙ ЭПОХИ СРЕДНЕГО ЭНЕОЛИТА В МЕЖДУРЕЧЬЕ ДНЕПРА И ДОНА

За последние 30 лет в междуречье Днестра и Дона были исследованы многочисленные энеолитические погребения. Наиболее полная их подборка опубликована Ю.Я. Рассасмакиным (2004). Им же рассмотрены история их исследования, существующие варианты интерпретации, что позволяет мне в данной статье лишь кратко обрисовать основные точки зрения на культурную принадлежность и хронологию энеолитических погребений.

Наиболее многочисленная группа представлена вытянутыми подкурганскими погребениями, которые объединены И.Ф. Ковалевой (1979; 1984; и др.) в рамках постмариупольской культуры эпохи позднего энеолита. Для нее типично вытянутое положение костяка, использование в погребальном обряде огня, органической подстилки, подсыпки мела и охры, наличие жертвенных площадок, присутствие в погребальном инвентаре своеобразной посуды и сформованных кусков охры.

Исследовательница предполагает, что постмариупольская культура генетически связана с нео-энеолитическими могильниками так называемого мариупольского типа. Она убедительно показала, что генетическая связь прослеживается по вытянутому обряду захоронений, использованию огня, тризн, окраски погребений охрой и расположению могил в ряд. И.Ф. Ковалева также отметила

сходство неолитической керамики северного степного Поднепровья с керамикой из тризн вытянутых захоронений. По ее мнению, стратиграфия курганов не дает оснований для выделения хронологических групп в рамках постмариупольской культуры, которую она датирует серединой IV — первой половиной III тыс. до н. э. (Ковалева, 1984; 1991).

Идея И.Ф. Ковалевой получила развитие в концепции Ю.Я. Рассасмакина, который изменил наименование культуры, назвав ее квивтянской, чем подчеркнул сходство посуды из тризн вытянутых погребений с керамикой из тризны в погребении у балки Квивтяной (Рассасмакин, 1993; 1999; 2000; 2004). Вслед за И.Ф. Ковалевой, исследователь считает, что вытянутые погребения синхронны памятникам Триполья С I и С II, опираясь на находки отдельных статуэток серезлиевского типа и трипольской керамики, а также на сходство квивтянской керамики и отдельных сосудов поселения Константиновка. В отличие от И.Ф. Ковалевой, в рамках этой культуры Ю.Я. Рассасмакин объединяет не только вытянутые погребения, но и ряд стоянок, среди которых Раздольное, Серогозская Балка, Вознесенка, Соловьиная Роща, Виноградный и Келеберда (Рассасмакин, 2000; 2004).

В целом, по мнению исследователя, в эпоху среднего энеолита (3900/3800–3500/3400 гг. до н. э.) в степной зоне и на юге лесостепи

предполагается сосуществование четырех типов памятников: на юге степи между Днепром и Прутом — нижнелихачевской культуры со скорченными на боку погребениями; севернее, в степном и лесостепном Поднепровье, — кивчанской культуры с вытянутыми погребениями; в лесостепной зоне — дереивской культуры; в степном междуречье Днепра и Буга — постстоговской группы со скорченными на спине захоронениями.

Иной подход к анализу подкурганых погребений предложил Д.Я. Телегин (1987). Он возражал против объединения вытянутых захоронений в рамках одной культуры, предлагая тщательно проанализировать погребальный инвентарь, и в первую очередь керамику, сравнив ее с материалами энеолитических поселений. Отмечая типологическую неоднородность посуды из вытянутых энеолитических захоронений, он выделил серию сосудов, которые находят аналогии на поселениях поздней среднестоговской культуры (Млынок, Зимогорье, Вильно-Грушевка и др.). Опираясь на этот факт, Д.Я. Телегин предположил, что часть вытянутых захоронений является среднестоговскими. Керамику из погребений Кабаки, Великая Маевка, Спасское он сравнивал с раннеямной посудой и относил эти захоронения к ямной культуре. Часть наиболее южных вытянутых захоронений Нижнего Поднепровья и Поингуля, по его мнению, принадлежала к нижнелихачевскому типу памятников. Так же как и И.Ф. Ковалева, Д.Я. Телегин связывал вытянутый обряд погребения с сохранением традиций местного днепро-донецкого населения. Необходимо подчеркнуть верное наблюдение Д.Я. Телегина о биритуализме погребального обряда многих культур, что позволяет предполагать одновременное существование у энеолитического населения степной Украины как скорченных, так и вытянутых захоронений.

Подход Д.Я. Телегина к анализу энеолитических погребений был использован Л.А. Спицыной и автором (Котова, Спицына, 1999) при анализе погребений, объединяемых в рамках нижнелихачевской культуры. Было показано, что посуда лишь четырех из них имеет сходство с керамикой нижнего слоя Михайловки. Все остальные сосуды ана-

логичны керамике среднего слоя памятника и относятся к рогачикской позднеэнеолитической культуре, что заставляет рассматривать эти захоронения в ее рамках.

К сожалению, точка зрения Д.Я. Телегина не получила должного признания. В первую очередь это было обусловлено тем, что он, хорошо зная материалы поселений и отмечая в них аналогии погребальной посуде, не привел достаточного количества соответствующих иллюстраций, которые бы подтверждали его выводы. Ситуация, когда материалы поселений опубликованы довольно скудно и мало знакомы читателям, не позволила точке зрения Д.Я. Телегина найти поддержку исследователей. В настоящее время и он сам присоединился к мнению И.Ф. Ковалевой о правомерности выделения постмаршупольской культуры, указывая при этом, что постмаршупольские захоронения сопровождаются среднестоговской керамикой, что предполагает синхронность этих культур (Телегин, 1999. С. 66). Скорченные подкурганные погребения с керамикой, близкой Деревке, Д.Я. Телегин рассматривает как поздние среднестоговские (Телегин и др., 2001. С. 18).

Этот подход к анализу критиковал Ю.Я. Рассмакин (2000. С. 156), считая, что он не учитывает обрядовое и территориальное единство захоронений. Судя по тексту, Ю.Я. Рассмакин отрицает саму идею многообразия погребального ритуала в рамках одной культуры и, вслед за И.Ф. Ковалевой, не рассматривает сосуды как культуроопределяющий признак при оценке погребений. При этом он выделяет большую группу погребений, сопровождавшихся сосудами, близкими керамике поселения Деревка, считая, что в тризнах преобладает посуда кивчанского типа (Там же. С. 156–158). Он пишет о существовании связи между синхронными кивчаныскими и дереивскими бытовыми памятниками и вытянутыми погребениями, указывая, однако, что он не хотел бы пока объединять эти компоненты, и не объясняя характера этих связей (Там же. С. 171).

В настоящее время существуют три точки зрения на хронологическое положение памятников с керамикой кивчанского или чигирино-кивчанского типа. Большинство исследователей считает памятники кивчан-

ского типа более древними, чем дереивские, опираясь, в первую очередь, на присутствие шнурового орнамента в последних (Телегин, 1973; Телегин и др., 2001; Даниленко, 1974; Шапошникова, 1987; Мовша, 1998). Ю.Я. Рассамакин относит их к отдельной культуре эпохи среднего и позднего энеолита, синхронизируя с поселениями типа Деревки (Рассамакин, 1999; 2000; 2004). Автор рассматривает памятники с фрагментами керамики квитянского типа в рамках дереивской культуры эпохи среднего энеолита (Санжаров и др., 2000. С. 89).

Коротко остановимся на обоснованности выделения стоянок чигирино-квитянского типа или квитянской культуры. Наиболее полный их список предложен Ю.Я. Рассамакиным (2001): Раздольное, Бугаево, Серогозская Балка, Серебрянское, Вознесенка, Соловьиная Роща и Келеберда (рис. 1). Действительно, на этих стоянках известны сосуды, близкие горшку из тризны в балке Квитяной, однако Ю.Я. Рассамакин не указывает, что все коллекции включают также типичную посуду дереивской культуры, о чем уже упоминалось ранее (Санжаров и др., 2000. С. 89). Ярким примером являются стоянки Бугаево и Серебрянское, где найдена как типичная дереивская керамика (рис. 2, 1, 2; 3, 1–3), так и по одному сосуду, похожему на горшок из балки Квитяной (рис. 2, 3; 3, 4). Наиболее многочисленны горшки квитянского типа в коллекции, собранной в пункте Келеберда в Полтавской области (Рассамакин, 2003. Рис. 4). Однако она также содержит типично дереивскую посуду (Там же. Рис. 3, 1, 3). Исключением является лишь очень маленький комплекс Соловьиной Рощи под Запорожьем с фрагментами одного или двух сосудов.

Фрагменты сосудов квитянского типа найдены и в коллекциях, которые всегда рассматривались как типичные дереивские: эпонимное поселение, Успенка. Они есть и на стоянках Собачки, Вовниги, Виноградный, Похилый (Котова, 2008), Черниково Озеро 1, Сосновая Роща (Санжаров и др., 2000). Рассматривать керамику квитянского типа как импортную на стоянках и поселениях дереивской культуры нельзя из-за ее общих черт с остальной керамикой. Такими чертами являются вытянутые пропорции, острое или

слегка округлое дно, высокое желобчатое горло, орнамент из горизонтальных и вертикальных рядов гребенчатых оттисков, разделенных зигзагом (рис. 2, 3). Перечисленные факты заставляют считать керамику квитянского типа одним из вариантов посуды дереивской культуры (Котова, 2008). Ю.Я. Рассамакин привел сравнительную таблицу керамики квитянского типа, с одной стороны, и дереивского типа — с другой, пытаясь показать их типологические отличия (Рассамакин, 2000. Рис. 25). К сожалению, он не имел полного набора поселенческой посуды, что не позволило ему найти аналогии посуде квитянского типа в поселениях дереивской культуры.

В данной статье будет рассмотрена группа погребений эпохи среднего энеолита, сопровождавшихся посудой дереивской культуры. Ю.Я. Рассамакин отмечает, что сосуды, близкие Деревке, известны только среди вытянутых подкуранных погребений (Там же. С. 157). Однако они найдены также в разрушенных погребениях и в захоронениях, произведенных скорченно на спине. В настоящее время известно 23 таких погребения.

Десять захоронений сопровождалась целыми сосудами, являвшимися частью инвентаря и обнаруженными в могильных ямах. Все они имеют примесь толченой раковины в глине и найдены при скорченных на боку погребениях в балке Квитяной, скорченных на спине захоронениях у балки Майорка (Даниленко, 1974), Богуслава 23/1 (Андросов и др., 1991), Октябрьского 3/5 (Санжаров, Подобед, 1992); при вытянутых погребениях Верхней Маевки 3/3, Кабак 1/1 (Рассамакин, 2004), Кировограда п. 2 (Рябков, 1927); Млынка 44/8 и 44/10 (Рассамакин, 2004) и в кенотафе Высокого 1/4 (Кульбака, Качур, 2000).

Д.Я. Телегин указывал на сходство сосуда из Млынка 44/8 с керамикой Деревки, горшков из Кабак 1/1 и Верхней Маевки 3/3 с раннеямной посудой (Телегин, 1987). Ю.Я. Рассамакин (2000) считает, что сосуды из Млынка 44/8 и 44/10, Верхней Маевки 3/3, Кабак и Богуслава напоминают посуду поселения Деревка. Сравнение сосудов из всех перечисленных выше погребений с посудой поселений дереивской культуры показывает их сходство.

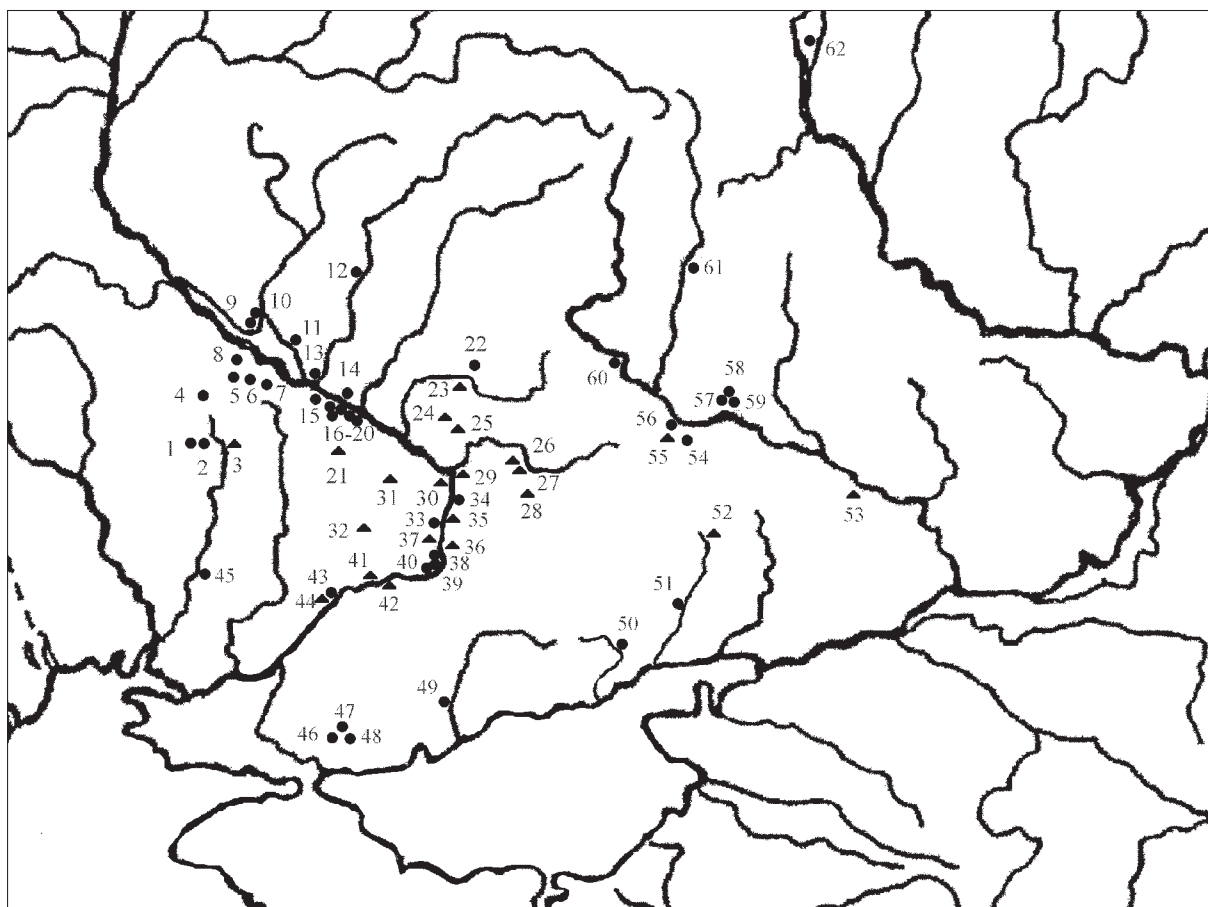

Рис. 1. Карта памятников дереивской культуры

1 — Мокрая Калгирка; 2 — Веселый Кут; 3 — Кировоград; 4 — Сунка; 5 — Тетянчино; 6 — Моллюхов Бугор; 7 — Чигирин; 8 — Адамовка; 9 — Жовнин; 10 — Воинска Гребля; 11 — Радущивка; 12 — Остапье; 13 — Келеберда; 14 — Солошино; 15 — Каменные Потоки; 16 — Успенка; 17 — Партизан; 18 — Деревка; 19 — Новоселки; 20 — Суловка; 21 — Млынок; 22 — Чернявщина; 23 — Бузовка; 24 — Верхняя Маевка; 25 — Спасское; 26 — Кабаки; 27 — Булаховка; 28 — Богуслав; 29 — Игрень; 30 — Майорка; 31 — Новоалександровка; 32 — Усть-Каменка; 33 — Малый Дубовый; 35 — Ясиноватка; 36 — Вильно-Грушевка; 37 — Квитяня; 38 — Собачки; 39 — Хортица; 40 — Соловьиная Роща; 41 — Никополь; 42 — Каменка-Днепровская; 43 — Леонтьевка; 44 — Михайловка; 45 — Новорозановка; 46 — Сергеевка; 47 — Вознесенка; 48 — Ферма 2; 49 — Каменная Могила; 50 — Бугаево; 51 — Раздольное; 52 — Высокое; 53 — Зимогорье; 54 — Усово Озеро; 55 — Октябрьское; 56 — Миневский Яр; 57 — Черниково Озеро 1-3; 58 — Серебрянское; 59 — Подпесочное, Надтеррасное, Сосновая Роща, Алешин Ручей; 60 — Веревкинские Хутора; 61 — Александрия; 62 — Ямное

Остродонный горшок из балки Майорка (рис. 4, 4) имеет асимметричную форму. Одна его сторона была вылеплена как округлотелая непрофилированная банка с отогнутым наружу венчиком, вторая — как горшок с высоким желобчатым и склоненным внутрь горлом. Под венчиком располагался ряд оттисков «шагающей гребенки», на плечиках — две линии гребенчатых отпечатков, между которыми помещался гребенчатый зигзаг. Ниже были два коротких ряда коротких гребенчатых и гладких отпечатков штампа. По

своей форме и орнаменту из горизонтальных рядов «шагающей гребенки», зигзага и коротких оттисков штампа, в том числе гладкого, сосуд близок керамике Деревки и Моллюхова Бугра (рис. 4, 4-6).

Небольшой остродонный горшок из погребения в балке Квитяной имеет высокое горло, оформленное в виде воротничка (рис. 4, 2). Сосуд, близкий ему по форме тулова, найден на поселении Александрия (рис. 4, 9). Оформление верхней части длинным плоским воротничком на склоненном внутрь горле ти-

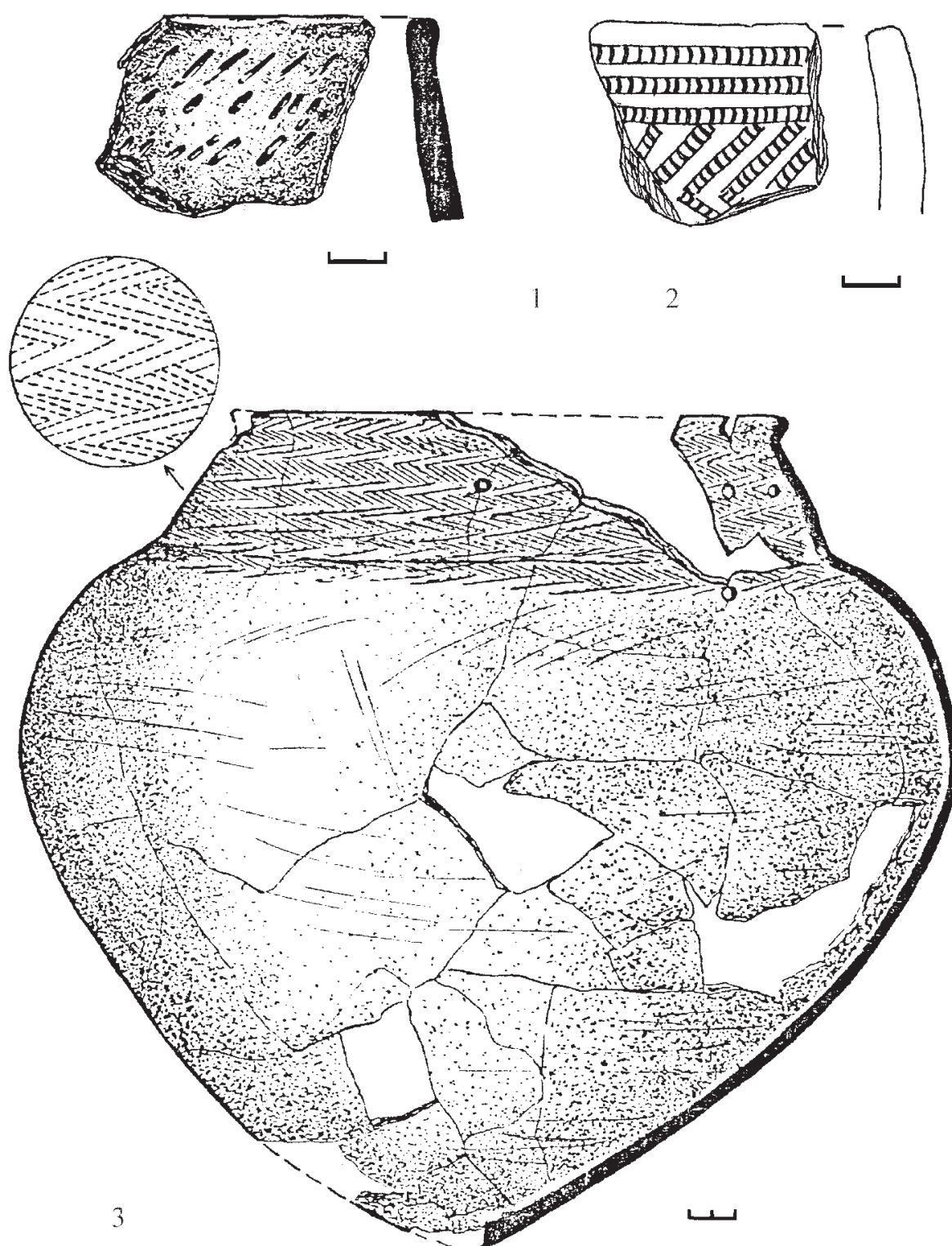

Рис. 2. Керамика дереивской культуры со стоянки Бугаево

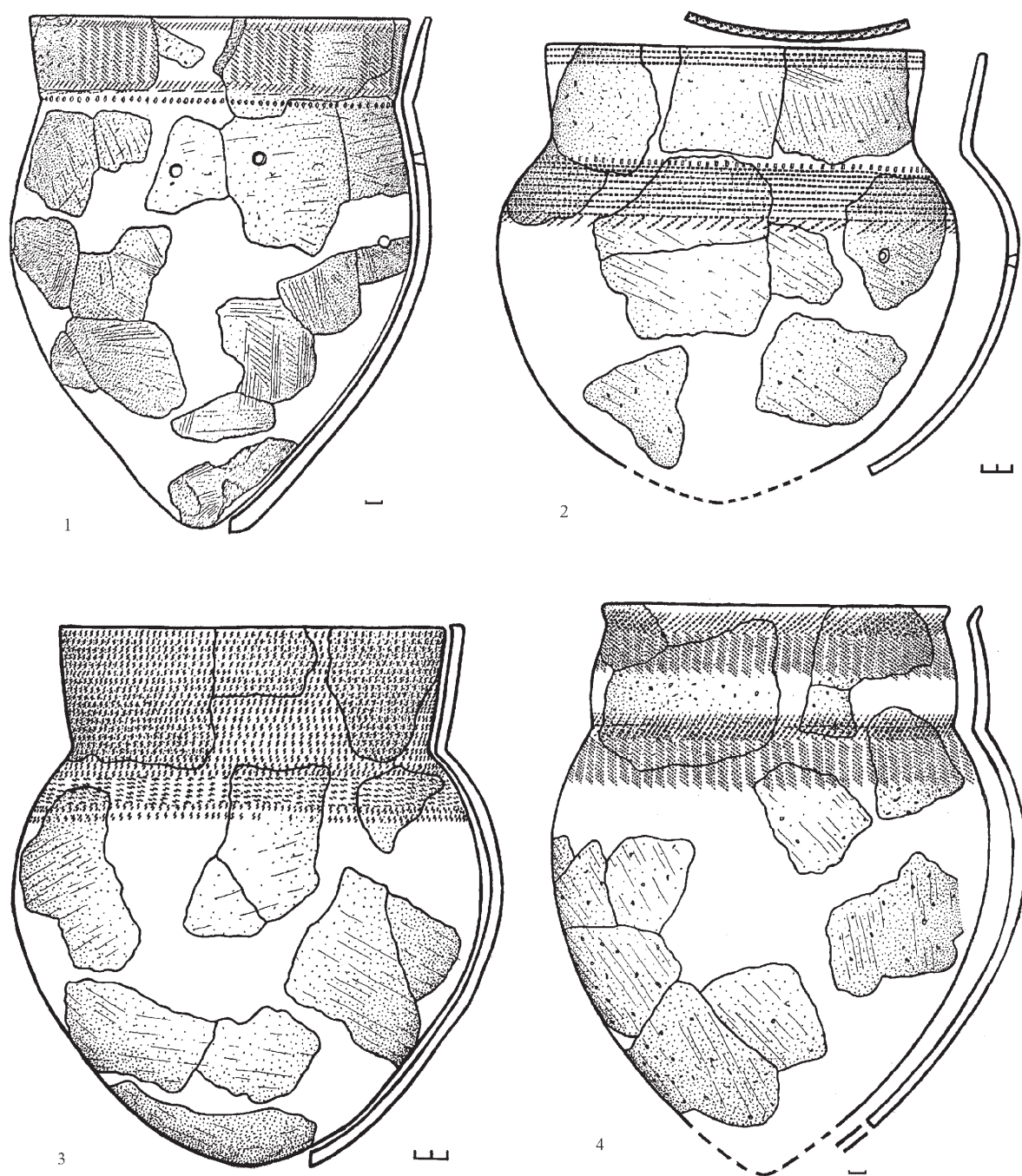

Рис. 3. Керамика дереивской культуры со стоянки Серебрянское

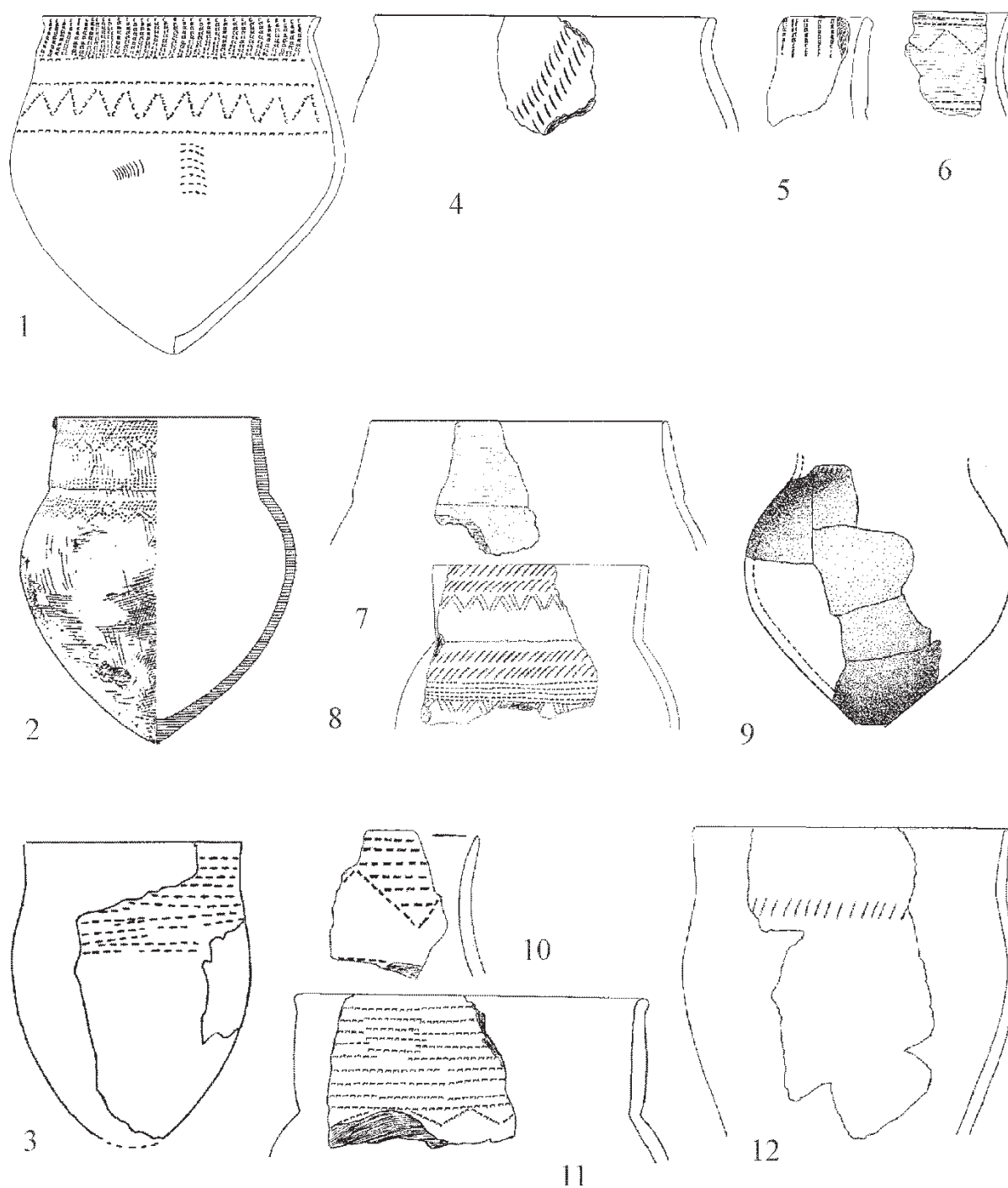

Рис. 4. Керамика из погребений и поселений дереивской культуры
 1 — Майорка; 2 — Квитяна; 3 — Млынок 44/8; 4, 7, 8, 11, 12 — Деревка; 5, 6, 10 — Молюхов Бугор;
 9 — Александрия

пично для керамики Деревки (рис. 4, 7). Там же есть параллели в орнаментации, включающей горизонтальные ряды, зигзаги и сетку, выполненные гребенчатыми оттисками (рис. 4, 8; 7, 15; 8, 5).

Вытянутый сосуд со слабо профилированным верхом и гребенчатым орнаментом из Млынок 44/8 также близок посуде Деревки и Молухова Бугра (рис. 4, 3, 10–12). Вытянутая яйцевидная форма тулова у горшка из Млынок 44/10 (рис. 5, 1) напоминает горшок с поселения Черниково Озеро 2, а плавно профилированное невысокое горло и расчесы по внешней поверхности сближают его с керамикой поселения Деревка (рис. 5, 4, 5).

Горшок из Богуслава по своей остродонной форме со сглаженной биконичностью тулова, высокому горлу с вертикальной штриховкой, Т-образному венчику находит соответствия в сосудах Деревки (рис. 5, 6, 7).

Горшок из Кабак имеет слегка подлощенную поверхность, острое дно и невысокое, плавно отогнутое наружу S-видное горло (рис. 5, 3). Подлощенность внешней поверхности отмечена у ряда сосудов поселения Деревка, а подобная форма характерна для керамики этой культуры (рис. 5, 8–10).

Серый лощеный сосуд из Верхней Маевки 3/3 своими вытянутыми пропорциями, острым дном, довольно высоким и утолщенным снаружи горлом также находит аналогии в Деревке и Серебрянском (рис. 6, 5, 6). Лощение поверхности тоже известно на посуде Деревкинского поселения.

Горшок из Кировограда своим желобчатым горлом, раздутым туловом и орнаментом из горизонтальных рядов парных наколов аналогичен группе керамики Деревки (рис. 6, 2, 7, 8).

В материалах этого поселения имеет соответствия и горшок из Октябрьского. Общими чертами являются мешковидная форма тулова, желобчатое высокое горло, прочерченный орнамент в виде сетки (рис. 6, 3, 9, 10).

Близкую форму с желобчатым горлом и гребенчатым орнаментом в виде «елочки», типичным для керамики деревской культуры, имеет и горшок из кенотафа в Высоком (рис. 6, 4, 11–13).

Таким образом, посуда, использовавшаяся в качестве инвентаря в 10 рассмотренных по-

гребениях эпохи среднего энеолита, находит аналогии только в керамике поселений деревской культуры, — в том числе и сосуды с мешковидным туловом и желобчатым горлом. Последний тип сосудов не являлся ведущим в этой культуре и традиционно считался наиболее характерным для репинских памятников. Однако он присутствует практически во всех деревских коллекциях, отличаясь от репинской керамики меньшей толщиной горла и стенок, отсутствием косого среза на внутренней стороне венчика, жемчужин или ямок по горлу.

Немногочисленны фрагменты сосудов, обнаруженные в могильных ямах и являющиеся, вероятно, остатками тризны. Они найдены в погребении у с. Михайловка, где костяк с разрушенными ногами лежал на спине (Шапошникова и др., 1957), в скорченном на спине погребении 5 Ясиноватки (Телегин и др., 1978), вытянутых захоронениях Булаховки 1/1 (Ковалева, 1979) и Спасского 3/14 (Ковалева и др., 1977).

Фрагмент горшка, найденный у головы костяка из Михайловки, имеет воротничок на горле и гребенчатый орнамент в виде горизонтальной и вертикальной «елочки», что сближает его с керамикой Деревки и Черникова Озера 1 (рис. 7, 1, 8–11).

В погребении 5 Ясиноватки около черепа лежали два обломка маленького кубка с довольно высоким, слегка выпуклым с внешней стороны горлом и отогнутым наружу венчиком. Он орнаментирован горизонтальными рядами коротких гребенчатых оттисков по горлу и плечикам. А.В. Бодянский отметил, что кубок близок горшку из балки Квитяной, однако похож также на керамику Деревки и Успенки, с которой его сближает форма верхней части с довольно высоким, наклоненным внутрь и слегка выпуклым с внешней стороны горлом, отогнутым наружу венчик и орнамент из горизонтальных рядов коротких гребенчатых оттисков (рис. 7, 2, 12, 13).

Фрагмент венчика из Булаховки 1/1 найден в засыпке ямы выше черепа и имеет типичную для деревских горшков форму с отогнутым S-видным горлом, нижняя часть которого орнаментирована (рис. 7, 3, 14–16). Характерной является и орнаментация, кото-

рая включает горизонтальные ряды гребенчатых оттисков и зигзаг.

Фрагмент венчика из Спасского 3/14 лежал в пятне охры перед лицевыми костями. По расширяющемуся в верхней части горлу, прямо срезанному венчику и косому ряду гребенчатых оттисков фрагмент горшка похож на керамику стоянок дереивской культуры Надпорожья (рис. 7, 4, 17, 18).

Как следы тризны можно рассматривать фрагменты сосудов, найденные в 10 случаях вне погребальных ям. Они сопровождали вытянутые на спине погребения Бузовки 1/3 и 4/5 (Ковалева, Потехина, 1991; Марина и др., 1981), Зимогорья 2/2 (Рассамакин, 2004), Новоалександровского кургана (Ковалева, 1991), Усть-Каменки п. 11 (Ковалева, 1998), а также скорченное на животе захоронение в Вильно-Грушевке 2/3 (Телегин и др., 1977), скорченное на боку захоронение в балке Квитяной (Бодянский, 1954), плохо сохранившийся костяк младенца в Каменке-Днепровской 11/18 (Рассамакин, 2000), разрушенные погребения в Никополе 2/4 (Чурилова, Нор, 1986) и к. 4 у Каменского Поля (Андросов и др., 1990).

Нижняя часть орнаментированного сосуда и фрагменты стенок с венчиком были найдены в кострищах рядом с погребальными ямами Бузовки 1/3 и 4/5. Прямосрезанный венчик с оттисками гребенчатого штампа похож на фрагмент из ямы в Спасском 3/14 и на обломки горшков со стоянки дереивской культуры у с. Вовниги в Надпорожье (рис. 7, 5, 17, 18). Нижняя часть сосуда из Бузовки 1/3 по своей остродонной форме и гребенчатому орнаменту, в котором сочетаются горизонтальные ряды и двойной зигзаг, находит параллели в керамике дереивской культуры с Черникова Озера 3 (рис. 8, 1, 5).

Между бревен перекрытия в Зимогорье 2/2 найден фрагмент горла сосуда с близким к горшку Бузовки 1/3 и типичным для дереивской культуры орнаментом из горизонтальных рядов коротких гребенчатых оттисков и зигзага (рис. 8, 2, 5).

Рядом с ямой погребения в Новоалександровском кургане были фрагменты разбитого сосуда, который И.Ф. Ковалева (1991) связывает с керамикой доквитянского или раннеквитянского времени. Он, однако, наибольшее сходство обнаруживает с посудой Деревки

и стоянок дереивской культуры Надпорожья (рис. 8, 3, 6–9). Общими являются плавно профилированное S-видное горло, венчик с желобком по срезу, орнамент в виде горизонтальных и диагональных рядов гребенчатых оттисков, в том числе образующих ромбы.

В непосредственной близости к могиле 11 Усть-Каменки был развал сосуда со следами лощения внешней поверхности, желобчатым горлом и сложным гребенчатым орнаментом. Его косо срезанный внутрь венчик орнаментирован гребенчатыми оттисками по срезу (рис. 8, 4). И.Ф. Ковалева по орнаменту относит этот сосуд со «скелянкой» и «стоговской» керамикой (Ковалева, 1998. С. 59). Действительно, по косо срезанному желобчатому венчику с орнаментированным срезом, сложной орнаментальной композиции он похож на керамику типа Средний Стог (третий период среднестоговской культуры), хотя полная аналогия этому сосуду в материалах среднестоговских поселений отсутствует. При этом близкие формы керамики известны и в памятниках дереивской культуры (рис. 8, 10, 11). Возможно, это одно из наиболее древних дереивских погребений, совершенное в период формирования традиций новой культуры, когда еще продолжали изготавливать сосуды, близкие среднестоговским.

Фрагменты разбитого сосуда, вероятно связанные с тризной, были найдены в культовом комплексе, условно названном «жертвенником» и примыкавшем к южной стороне кромлеха, возведенного вокруг разрушенного погребения в Никополе 2/4 (рис. 7, 6). Ограниченная ямками площадь «жертвенника», особенно ее северный участок, была обильно насыщена фрагментами керамики и раковин *Unio*, а также костями лошади. По форме венчика с Г-образным утолщением, орнаменту из коротких гребенчатых оттисков в виде сетки и штриховке на внешней поверхности фрагменты найденного горшка близки керамике дереивской культуры с эпонимного поселения и стоянки Вовнигская правобережная (рис. 7, 19–21).

С дереивской культурой можно связывать и разрушенное основное погребение 5 в кургане 4 у Каменского Поля в Днепропетровской области (Андросов и др., 1990). Оно сопровождалось тризной, от которой сохранился

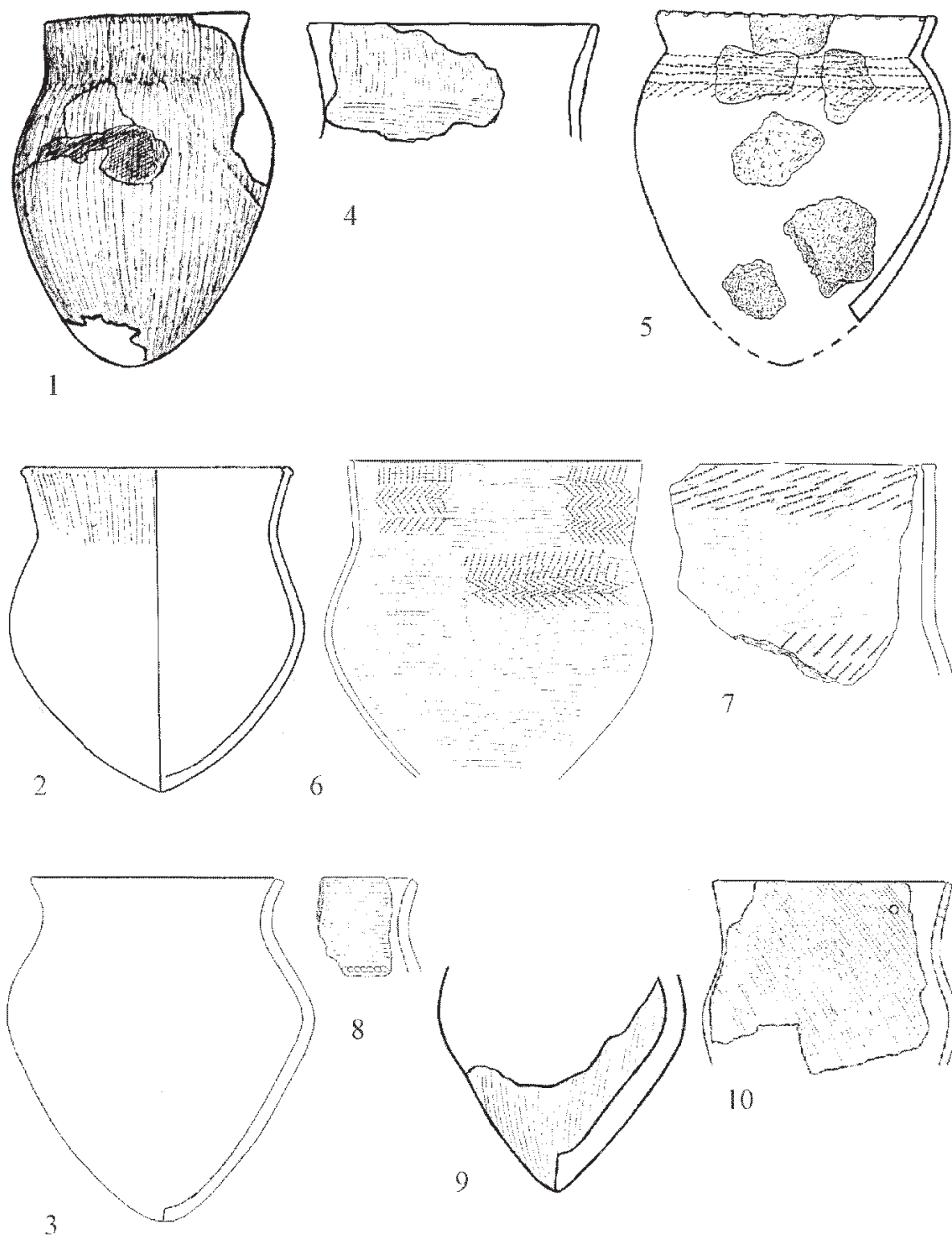

Рис. 5. Керамика из погребений и поселений дереивской культуры
 1 — Млынок 44/10; 2 — Богуслав 23/1; 3 — Кабаки 1/1; 4, 6, 7, 9, 10 — Деревка;
 5 — Черниково Озеро 2; 8 — Молухов Бугор

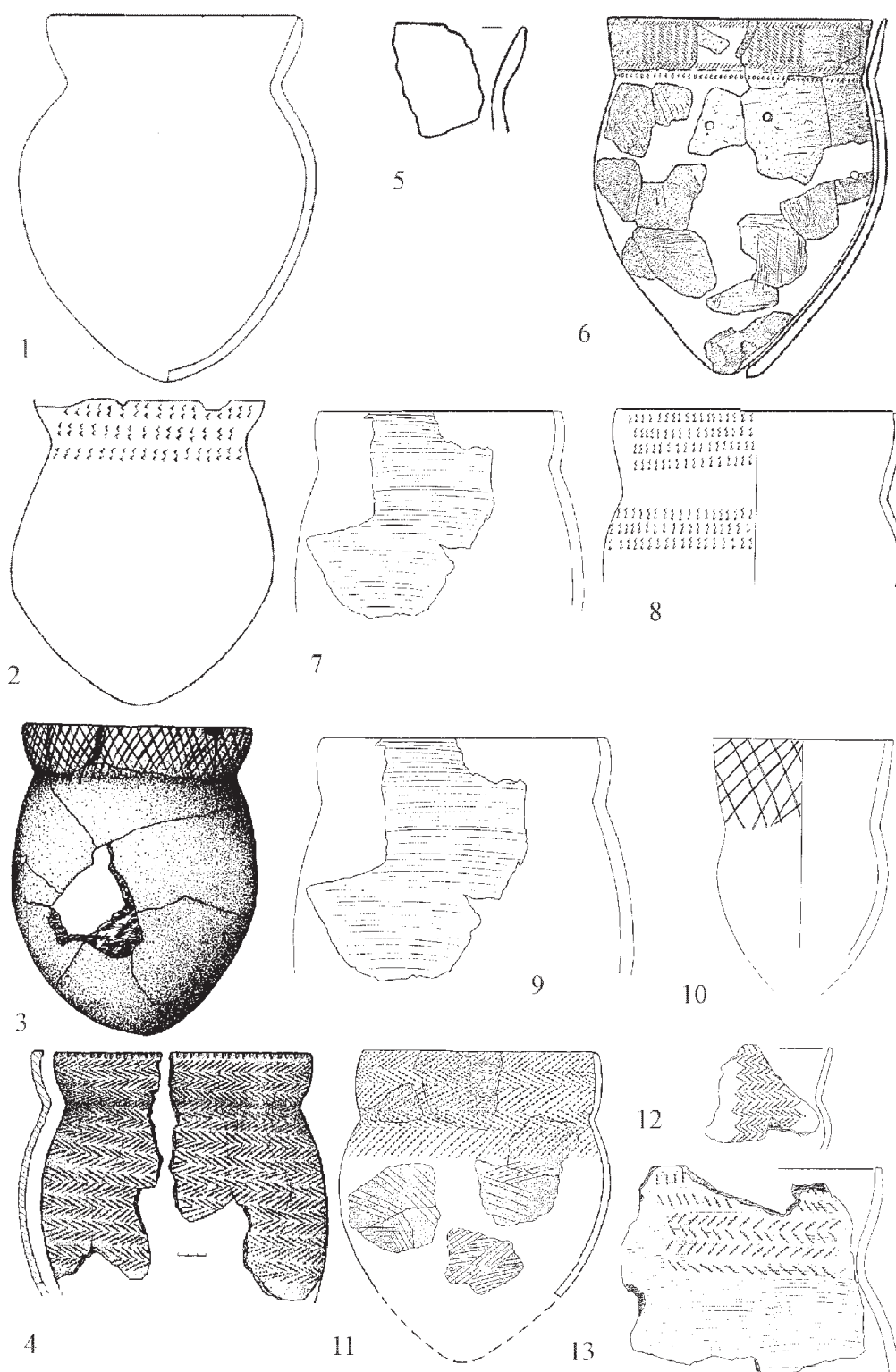

Рис. 6. Керамика из погребений и поселений дереивской культуры
 1 — Верхняя Маевка 3/3; 2 — Кировоград; 3 — Октябрьское 3/5; 4 — Высокое 1/4;
 5, 7–10, 12, 13 — Деревка; 6 — Серебрянское; 11 — Черниково Озеро 3

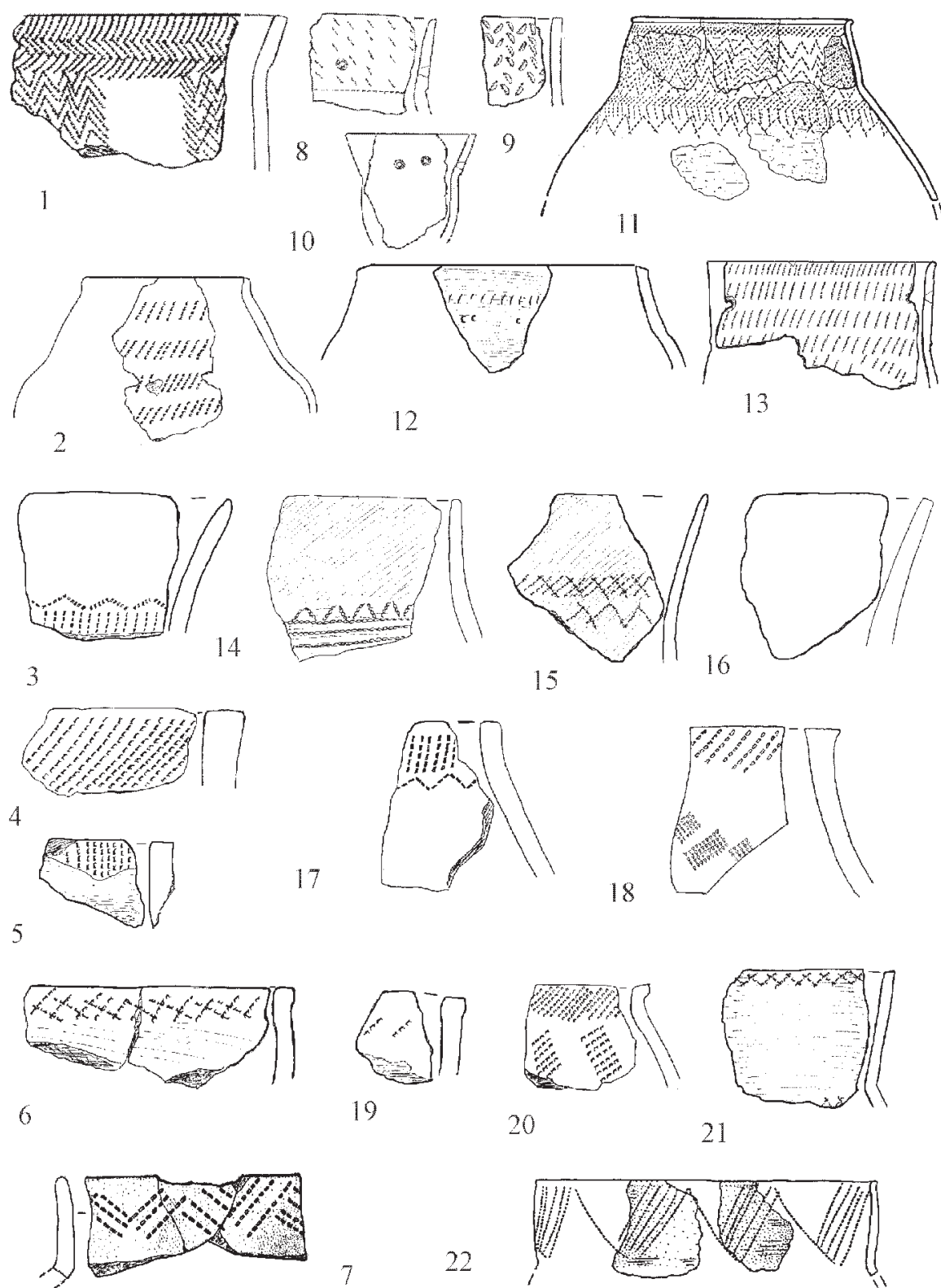

Рис. 7. Керамика из погребений и поселений дереивской культуры

1 — Михайловка; 2 — Ясиноватка; 3 — Булаховка 1/1; 4 — Спасское 3/14; 5 — Бузовка 4/5; 6 — Никополь; 7 — Каменское Поле 4/5; 8–10, 12, 13, 15, 20, 21 — Деревка; 11 — Черниково Озеро 1; 14 — Молюхов Бугор; 16 — Успенка; 17, 19 — Вовнигская правобережная стоянка; 18 — Вовнигская стоянка; 22 — Сосновая Роща

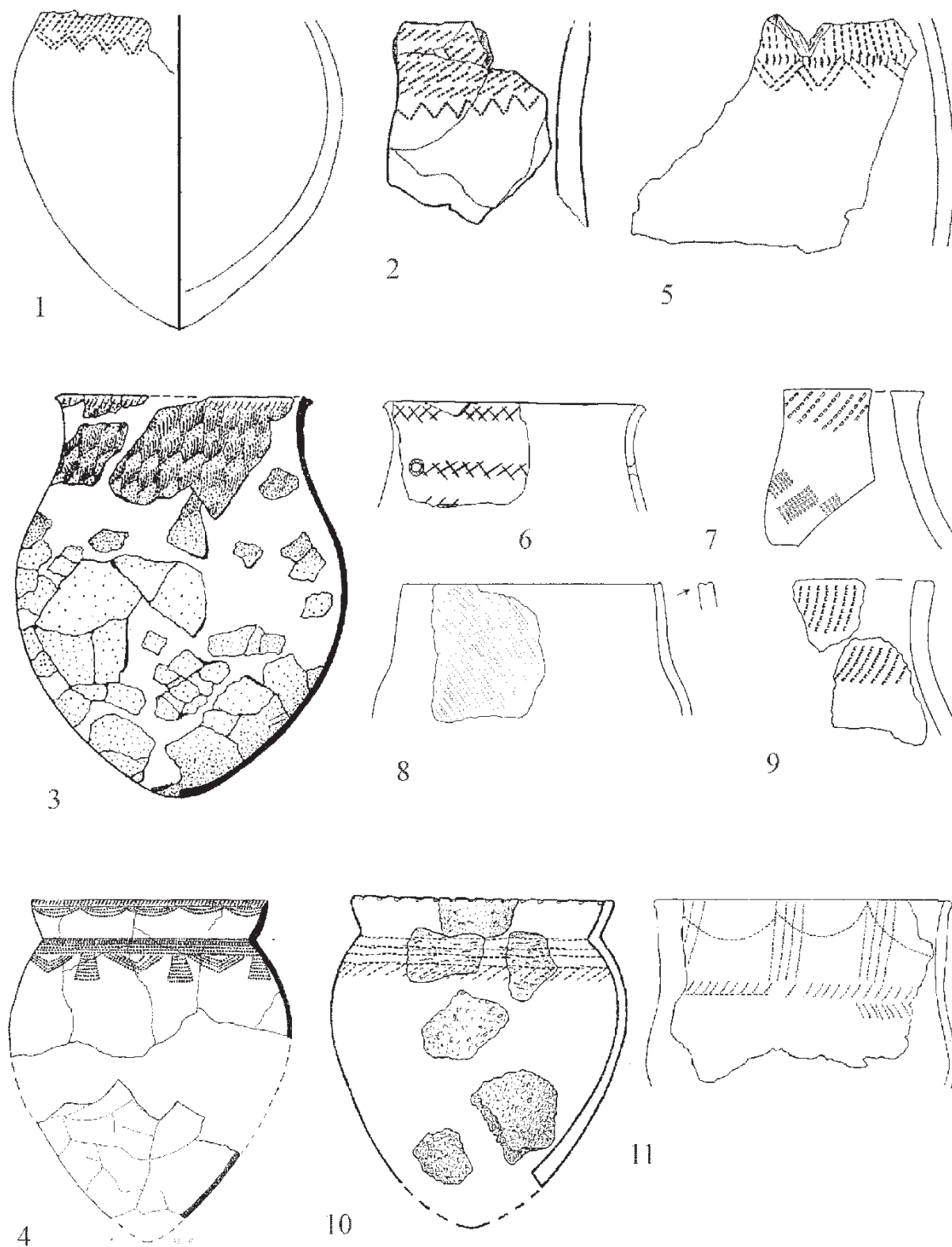

Рис. 8. Керамика из погребений и поселений дереивской культуры
 1 — Бузовка 1/3; 2 — Зимогорье 2/2; 3 — Новоалександровка 1/16; 4 — Усть-Каменка 1/11; 5 — Черниково Озеро 3; 6 — Александрия; 7 — Вовнигская стоянка; 8, 11 — Деревка; 9 — Виноградный; 10 — Черниково Озеро 2

фрагмент венчика горшка, имевшего примесь раковины в глине и орнамент в виде зигзага из гребенчатых оттисков средней длины (рис. 7, 7). Несмотря на тот факт, что погребение разрушено, Ю.Я. Рассамакин относит его к числу «постстоговых», т. е. скорченных на спине захоронений, и считает, что сосуд похож на керамику нижнего слоя Михайловки или Среднего Стога (Рассамакин, 2001. С. 79). Однако большую близость горшок обнаруживает к сосуду дереивской культуры со стоянки Сосновая Роща, с которым его объединяют высокое горло и орнаментация (рис. 7, 22).

Как дереивскую керамику Д.Я. Телегин характеризовал сосуд из кургана в Вильно-Грушевке (Телегин, 1987. С. 24). Он лежал на уровне древнего горизонта, с которого было впущено погребение 3, на расстоянии приблизительно 3–4 м от угла могильной ямы. Действительно, по своей форме (высокое, склоненное внутрь горло, Т-образный венчик), орнаменту («елочка» и горизонтальные ряды среднего гребенчатого штампа) этот сосуд близок посуде поселения Деревка (рис. 9, 3, 11–13).

В балке Квитяной большой разбитый сосуд, представляющий собой остатки тризны, лежал на расстоянии 1,5 м к югу от скорченного на боку энеолитического погребения, под камнями закладки, вместе с кремневыми орудиями. Развал горшка по своему раздутости тулову, склоненному внутрь горлу с отогнутым наружу венчиком, а также по орнаменту, в котором сочетаются горизонтальные и вертикальные ряды гребенчатых оттисков, обнаруживает сходство с посудой Деревки и Успенки (рис. 9, 2, 7–10).

Фрагменты близкого по форме сосуда найдены в основании юго-западной части кромлеха вокруг плохо сохранившегося костяка младенца в Каменке-Днепровской 11/18. Возможно, на горле были сделаны два налепа в виде плоских жемчужин, которые, однако, могут оказаться и просто выпуклинами, случайно образовавшимися при изготовлении сосуда. Этот горшок близок керамике поселений типа Деревки по своей форме со стянутым внутрь желобчатым горлом, отогнутым наружу Г-образным венчиком, гребенчатым орнаментом в виде горизонтальных и диагональных рядов в сочетании с «елочкой», в том

числе выполненных «шагающей гребенкой» (рис. 9, 1, 4–6).

Как показано выше, керамика дереивской культуры служила инвентарем для одного скорченного на боку костяка, трех скорченных на спине и пяти вытянутых захоронений. Аналогична картина с керамикой из тризн, которая связана с сопровождением семи вытянутых, одного скорченного на боку и одного скорченного на спине захоронения. Основанием для объединения всех описанных выше погребений в одну группу послужил ряд факторов. Главным из них было сходство предметов инвентаря с материалами поселений дереивской культуры.

С дереивской посудой керамику этих погребений объединяют специфические черты технологии изготовления: примесь раковины и обработка поверхности. У многих сосудов из погребальных памятников внешняя и внутренняя поверхности заглажены гребенчатым штампом, как в вертикальном, так и в диагональном направлениях (рис. 5, 1, 2; 7, 6; 9, 3), что типично для дереивской керамики (рис. 5, 4, 7, 9, 10; 7, 14, 15, 21; 8, 8; 9, 11). Часть погребальной керамики имеет внешнюю поверхность без штриховки или подлощенную. Такая посуда также найдена в Деревке.

Разнообразие форм погребальной посуды повторяет набор керамики поселений. В захоронениях найдены в основном остродонные сосуды (рис. 4, 1, 2; 5, 2, 3 и др.), известны также сосуды с подокруглым дном (рис. 5, 1; 6, 3; 9, 2). Преобладание остродонной посуды с присутствием округлодонной типично для поселений дереивской культуры.

Большая часть дереивской посуды имеет вытянутые пропорции, которые также преобладают у погребальной керамики (рис. 4, 2, 3; 5, 1; 6, 1, 3). Однако на поселениях встречаются и сосуды более приземистых пропорций, также известные в погребальных памятниках (рис. 4, 1; 5, 2, 6; 9, 2).

Большая часть горшков дереивской культуры имеет высокое и очень высокое горло, именно такие горшки наиболее многочисленны в рассмотренных погребальных памятниках (рис. 4, 2, 3, 7–12; 5, 6; 7, 2, 3, 11–16; 8; 9). Некоторые из них имеют желобчатое изнутри или снаружи горло (рис. 5, 3; 6, 2–4; 8, 4) либо горло, оформленное в виде вытянутого во-

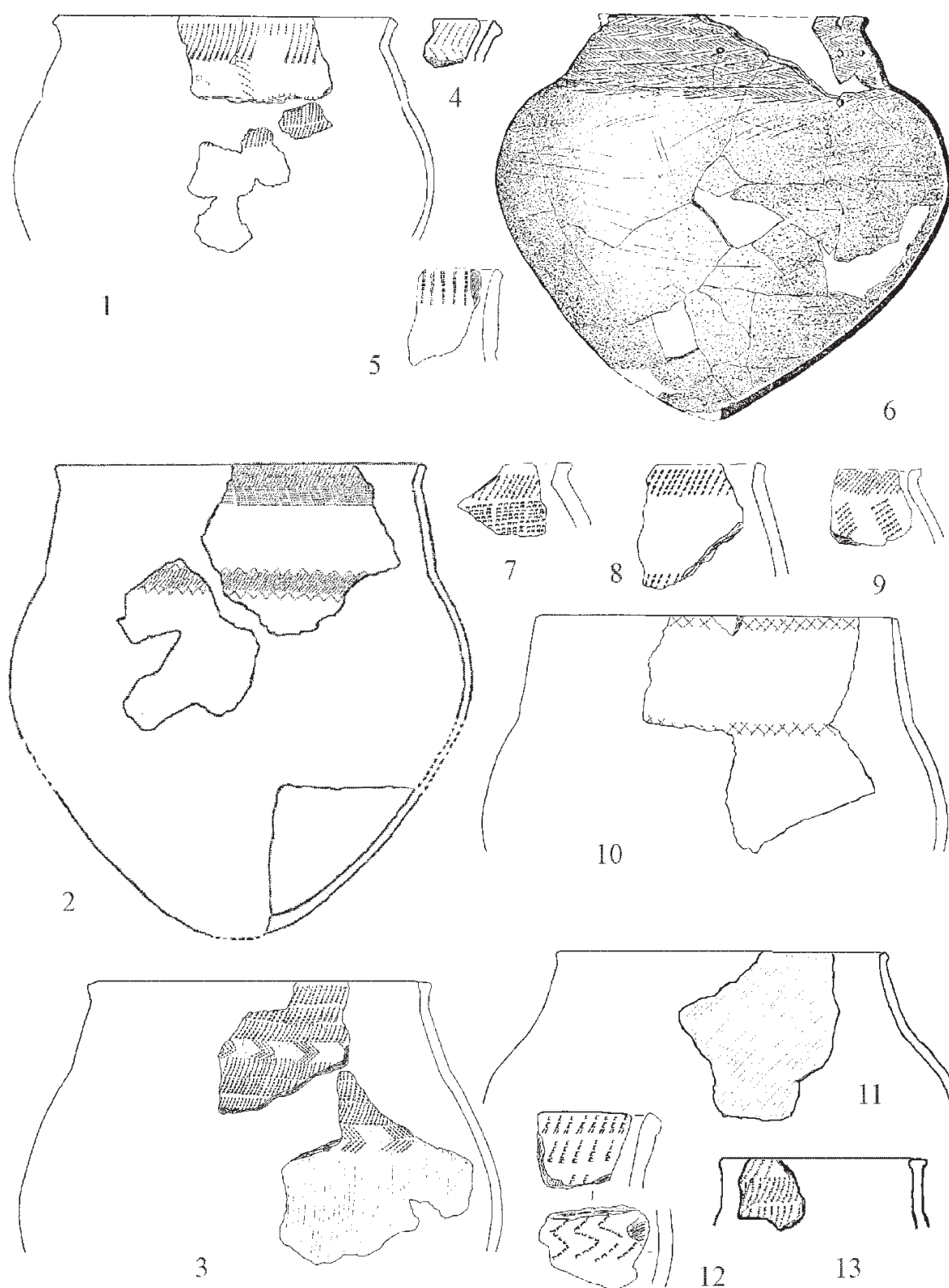

Рис. 9. Керамика из погребений и поселений дереивской культуры
 1 — Каменка-Днепровская 11/18; 2 — балка Квитяна, 3 — Вильногрушевка; 4, 9–11 — Деревка;
 5 — Молюхов Бугор; 6 — Бугаево; 7, 8 — Успенка; 12 — Вовнигская правобережная стоянка;
 13 — Александрия

ротничка, что также объединяет их именно с дереивской посудой (рис. 4, 2; 7, 1). В посуде поселений дереивской культуры распространено и утолщенное снаружи горло, как у горшка из Верхней Маевки (рис. 6, 1).

Общими являются и типы венчиков, имеющие утолщения снаружи (Г-образная форма: рис. 7, 6, 19, 20), изнутри или с обеих сторон (Т-образная форма: рис. 5, 2, 7; 8, 7; 9, 2, 3, 13). Именно в посуде Деревки многочисленны горшки с венчиком, как в Новоалександровском кургане, имеющим желобок по срезу (рис. 7, 3, 8).

Кроме этого, совпадают элементы орнамента, включающие короткие и длинные гребенчатые оттиски, в том числе и в виде «шагающей гребенки» (рис. 4, 1, 5; 9, 1, 5, 12), парные наколы (рис. 6, 2, 8), прочерченные линии (рис. 6, 3, 10). Единицы и орнаментальные композиции: горизонтальные ряды отпечатков штампа и их сочетание с вертикальными рядами и/или с зигзагом; горизонтальная и вертикальная «елочка», иногда сочетающаяся с рядами и/или зигзагом; горизонтальные и диагональные линии. Для погребальной посуды, как и для керамики поселений дереивской культуры, известны композиции в виде сетки, зигзага, горизонтального ряда в сочетании с ромбами (рис. 4, 2; 6, 3, 10; 7, 6, 7, 21, 22; 8, 3, 7). Распространены также довольно сложные орнаментальные композиции (рис. 8, 1, 11).

Сходство с дереивской посудой имеет и ряд неорнаментированных горшков, в том числе те, которые Д.Я. Телегин сравнивал с раннеямной керамикой: Кабаки, Верхняя Маевка (рис. 5, 3; 6, 1). Именно для Деревки характерно большое число неорнаментированной посуды, часть которой имеет заглаженную по расчесам или подлощенную внешнюю поверхность, как у сосудов из Кабак и Верхней Маевки, или расчесы на внешней поверхности, как у сосудов из Млынка и Богуслава (рис. 5, 1, 2, 4, 6, 7).

Ю.Я. Рассмакин (2000) пишет, что керамика с дереивскими чертами преобладает среди инвентаря, тогда как керамика квитянского типа типична для тризн. Как было показано выше, вся посуда находит прямые аналогии в материалах поселений дереивской культуры. Рассмотренные сосуды, несмотря

на все их разнообразие, Ю.Я. Рассмакин объединяет в рамках квитянского типа, о чем, например, сообщают подписи под рисунками в одной из статей (Рассмакин, 2000. Рис. 4; 5). В результате в один тип попали такие непохожие друг на друга сосуды, как горшки с высоким желобчатым изнутри и склоненным внутрь горлом из балки Квитяной, Вильно-Грушевки, Ясиноватки (рис. 7, 2; 9) и горшок с горлом S-видной формы с желобком на внешней стороне из Новоалександровского кургана, горшки с воротничком на высоком горле без желобка из балки Квитяной и Михайловки (рис. 4, 2; 7, 1; 8, 2). Приведенный пример объединения в рамках «посуды квитянского типа» таких разнородных форм делает неприемлемым столь широкое использование этого термина. Как название типа его можно применять только для горшков с высоким желобчатым изнутри и склоненным внутрь горлом, аналогичных горшку из тризны в балке Квитяной.

Среди погребальных энеолитических памятников юга Восточной Европы Ю.Я. Рассмакин выделяет четыре основные обрядовые традиции по положению костяка, с которыми, по его мнению, связан устойчивый набор предметов (Рассмакин, 2000. С. 170). Однако керамика дереивской культуры сопровождает как вытянутые, так и скорченные на спине, боку и животе захоронения. И если в качестве инвентаря часто использовалась импортная посуда, например трипольская, то в тризны попадала местная керамика. Как видим из приведенного выше описания, керамика дереивской культуры происходит как из тризн, так и из погребального инвентаря энеолитических погребений всех обрядовых групп.

Общими являются и иные черты обряда рассмотренных выше погребений. Так, при их совершении сооружались кромлехи. Каменные кромлехи были у скорченного погребения в Высоком, разрушенных захоронений Каменки-Днепровской и Никополя, вытянутых погребений в Кировограде и Новоалександровском кургане. Деревянный кромлех окружал вытянутое погребение в Зимогорье.

В ряде случаев погребальные ямы имели перекрытие. В двух вытянутых захоронениях (Бузовка 4/5; Млынок 44/8) и одном скорченном (Октябрьское) оно было сделано из дере-

ва. Яма скорченного на животе погребения в Вильногрушевке имела каменное перекрытие. У скорченного погребения в Богуславе было комбинированное (каменно-деревянное) перекрытие.

В погребальном обряде всех захоронений использовался огонь. Среди вытянутых захоронений зафиксирована прокаленность земли на погребальной площадке в Спасском и обожженное дно гробницы в Новоалександровском кургане, угли на дне ямы в Бузовке 4/5 и на растительной подстилке в Новоалександровском кургане, в заполнении ям в Кабаках, Верхней Маевке 3/3 и Млынке 44/8 (хотя в последнем случае угли могли попасть в засыпку ямы с горевшего перекрытия). Костер горел на перекрытии могильных ям вытянутых погребений в Бузовке 4/5, Млынке 44/8. Для скорченных захоронений костер на перекрытии отмечен в Богуславе и следы огня фиксируются в могильной яме в Октябрьском.

Использование охры также типично как для вытянутых, так и для скорченных захоронений. Следы растительной подстилки прослежены в могилах с вытянутыми (Бузовка 1/3; Булаховка 1/1, Зимогорье, Верхняя Маевка 3/3, Кабаки, Новоалександровский курган, Спасское 3/14) и скорченными костяками (Вильногрушевка, Богуслав, Октябрьское).

Даже такие своеобразные предметы инвентаря, как изделия, сформованные из охры и каолина, найдены не только в вытянутых погребениях (Бузовка 4/5 и 1/3, Верхняя Маевка 3/3, Новоалександровский курган, Усть-Каменка), но и в скорченном захоронении Богуслава.

Все перечисленные общие черты заставляют учесть мнение Д.Я. Телегина (1987), который напоминал о существовавшем разнообразии поз умерших в первобытных культурах, и рассматривать большинство вытянутых и скорченных погребений эпохи среднего энеолита в рамках одной культуры. Погребения, имевшие в инвентаре или тризне керамику дереивской культуры, были синхронны друг другу и поселениям этой культуры.

В настоящее время поселения дереивской культуры известны на юге современной лесостепной зоны от правобережного Поднепровья до низовьев р. Воронеж (рис. 1). На севере степного и юге современного лесостепно-

го Поднепровья обнаружено и исследовано наибольшее их число: Дереевка и Успенка в Кировоградской области; Келеберда, Вереемевка, Воинска Гребля, Радущивка, Остапье и Жовнин в Полтавской области; Молюхов Бугор, Тетянчино, Мокрая Калгирка, Веселый Кут, Сунка, Адамовка, Чигирин в Черкасской области. В Днепропетровской области находки дереивской керамики сделаны у сел Чернявщина, Суловка, Новоселки.

В бассейне Северского Донца и на востоке Украины к дереивской культуре относится часть энеолитических материалов поселений у х. Александрия в Харьковской области, Миневский Яр и Усово Озеро в Донецкой области (Телегин и др. 2001. Рис. 24), Серебрянское, Черниково Озеро 1, 2 и 3, Подпесочное, Алешин Ручей, Надтеррасное, Сосновая Роша в Луганской области (Санжаров и др., 2000).

Стоянки с малочисленной керамикой исследованы в степной зоне между Кальмиусом и Ингульцом (рис. 1). В Надпорожье они расположены на островах (Виноградный, Похилый, Таволжаний, Хортица), а также на берегу Днепра: Вовнигские стоянки, Собачки, Соловьиная Роша (Котова, 2008). Стоянки с единичными материалами известны также в нижнем Поднепровье и в западном Приазовье: Золотая Балка, Федоровка, Леонтьевка, Серогозская Балка, Вознесенка, Каменная Могила 1, Бугаево, возможно, Раздольное.

Поселения иных синхронных культур в основном ареале дереивской культуры отсутствуют, за исключением нижнего слоя Михайловки в Нижнем Поднепровье. С этим уникальным поселением можно соотнести только четыре погребения (Котова, Спицына, 1999). В северной части ареала дереивской культуры известны стоянки культуры ямочно-гребенчатой керамики, которые, судя по материалам Дереевки с немногочисленной синкретической посудой, могли сосуществовать с памятниками этой культуры.

Не вызывает сомнений принадлежность к дереивской культуре погребений Дереевского могильника и части захоронений Игреньского могильника (Котова, 2005). Эти погребения совершены на спине скорченно и вытянуто, так же как и рассмотренные выше подкурганые захоронения. Рассматривая погребения постстоговой группы (скор-

ченные на спине подкурганные), Ю.Я. Рассамакин пишет об отсутствии в них определяющего набора инвентаря, как, впрочем, и в «среднестоговских» могильниках Поднепровья (Рассамакин, 2001. С. 84). Трудно согласиться с обоими утверждениями. Материалы грунтовых могильников дают четкие основания связывать их древнейшие погребения с эпохой раннего энеолита и среднестоговской культурой, а позднюю их часть — с дереивской культурой (Котова, 2006). Главным культурным и хронологическим репером является инвентарь, находящий соответствия в материалах поселений. Аналогична ситуация и с подкурганными погребениями.

Территория распространения рассмотренных выше погребений совпадает с ареалом

дереивских поселений: они занимают степь и юг современной лесостепи от Ингульца на западе до Дона на востоке. Таким образом, совпадение территории и времени существования, а также аналогии предметам погребального инвентаря в материалах поселений, позволяют объединить рассмотренные погребения с поселениями типа Дереивки в рамках одной культуры.

Учитывая радиоуглеродные даты поселений Дереивка, Молюхов Бугор (из раскопок Т.Н. Нераденко), Туба 2, Зановское, погребений Игреньского и Дереивского могильников (табл. 1), время существования этой культуры определяется около 4300–3700 гг. до н. э., и она синхронизируется с памятниками периода В II трипольской культуры.

Таблица 1

Радиоуглеродные даты дереивской культуры (по кости)

Памятник	Индекс	BP	CalBC Weninger 2005	
Дереивка 1, поселение	Ucla-14660	5515±90	4354±91	Телегин и др., 2001
Дереивка 1, поселение	Ki-6966	5370±70	4195±103	Телегин и др., 2001
Дереивка 1, поселение	Ki-6960	5330±60	4158±85	Телегин и др., 2001
Дереивка 1, поселение	Ki-6964	5260±75	4104±100	Телегин и др., 2001
Дереивка 1, поселение	Ki-6965	5210±70	4056±91	Телегин и др., 2001
Дереивка 1, поселение	Ucla-1671	4900±100	3697±124	Телегин и др., 2001
Дереивка 2, п.5	OxA-5030	5380±90	4197±111	Телегин и др., 2001
Игреньский могильник, п.13	Ki-12560	5340±60	4169±90	Котова, 2005
Молюхов Бугор, раскоп 1, кв.пр 2а, гл.40-50	Ki-7993	5330±80	4163±102	Котова, 2005
Молюхов Бугор, раскоп 1, кв.пр 2а, гл.40-50	Ki-7994	5270±80	4110±102	Котова, 2005
Туба 2, кв.3, гл.60 см	Ki-8256	4900±70	3706±61	Манько, Телиженко, 2002
Зановское, кв.12, гл.50 см	Ki-9245	4910±80	3720±75	Манько, Телиженко, 2002

В заключение нужно отметить, что рассмотренные в статье захоронения свидетельствуют о сложности и многообразии погребального ритуала дереивской культуры, который включал грунтовые и подкурганные захоронения, под каменными закладками и без них, вытянутые, скорченные на спине, на боку и на животе погребения. При этом захоронения

с керамикой являются лишь незначительной группой большого массива подкурганных и грунтовых погребений дереивской культуры. Однако их инвентарь и специфика погребального ритуала могут послужить своеобразным эталоном при выделении захоронений именно этой культуры из общего числа энеолитических погребальных памятников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андросов А.В., Яременко И.И., Мартюшенко Д.В., 1990. Курганы эпохи энеолита — бронзового века Каменского поля // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск.
- Андросов А.В., Марина З.П., Завгородний Д.И., 1991. Энеолитический курган у села Богуслав в Присамарье // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
- Бодянский А.В., 1954. Древнейшее ямное погребение в южном Поднепровье // КСИА АН УССР. Вып. 3.
- Даниленко В.Н., 1974. Энеолит Украины. Киев.
- Ковалева И.Ф., 1979. Вытянутые погребения Днепровского ареала Волго-Днепровской культурно-исторической области эпохи энеолита // Курганные древности степного Поднепровья. Днепропетровск.
- Ковалева И.Ф., 1984. Север степного Поднепровья в энеолите — бронзовом веке. Днепропетровск.
- Ковалева И.Ф., 1991. Новоалександровский энеолитический курган в Днепровском Надпорожье // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
- Ковалева И.Ф., 1998. Усть-Каменский курган в системе древностей степного Поднепровья // История та культура Подніпров'я. Днепропетровськ.
- Ковалева И.Ф., Волкобой С.С., Марина З.П., Лихачев В.А., Попцов В.А., 1977. Исследование курганных могильников у с. Верхняя Маевка в степном междуречье рек Орели и Самары // Курганные древности степного Поднепровья. Днепропетровск.
- Ковалева И.Ф., Потехина И.Д., 1991. Новые энеолитические постмариупольские погребения Приорелья // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
- Котова Н.С., 2003. Энеолитические материалы поселения и могильника у хутора Александрия на реке Оскол // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. Луганск.
- Котова Н.С., 2005. Игреньский энеолитический могильник // Збірка на пошану С.С. Березанської. Київ.
- Котова Н.С., 2008. Поселения среднего энеолита в степном Поднепровье // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ.
- Котова Н.С., Спицына Л.А., 1999. Керамика позднеэнеолитических погребений степной Украины и ее аналогии в материалах поселений // Старожитності північного Причорномор'я і Криму. Запоріжжя.
- Кульбака В., Качур В., 2000. Індоевропейські племена України епохи палеометалу. Маріуполь.
- Манько В.А., Телиженко С.А., 2002. Мезолит, неолит и энеолит Подонечья: Кат. радиоуглеродных дат. Луганск.
- Марина З.П., Костенко В.И., Никитин С.В., 1981. Курганный могильник у с. Бузовка // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск.
- Мовша Т.Г., 1998. Зв'язки Трипілля-Кукутені зі степовими енеолітичними культурами // Записки наукового товариства імені Шевченка. Львів.
- Рассамакин Ю.Я., 1993. Энеолит степного Причерноморья и Приазовья (по погребальным памятникам) // The Fourth Millennium B.C. Sofia.
- Рассамакин Ю.Я., 2000. Квитянская культура: история и современное состояние проблемы // Stratum plus. № 2.
- Рассамакин Ю.Я., 2003. Келеберда — забытое поселение с керамикой квитянского типа на Дніпрі // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. Київ.
- Рассамакин Ю.Я., Евдокимов Г.Л., 2001. Новый энеолитический могильник на р. Ингулец и проблема выделения «постстоговских» погребений // Археологический альманах. Вып. 10.
- Рябков П.З., 1927. Раскопки курганов // Научный архив ИА НАН Украины. Фонд ВУАК. 109/9а.
- Санжаров С.Н., Бритюк А.А., Котова Н.С., Черных Е.А., 2000. Поселения неолита — ранней бронзы Северского Донца. Луганск.
- Санжаров С.Н., Подобед В.А., 1992. Исследования кургана 3 у с. Октябрьское // Древ-

ности Северского Донца: Кат. археол. коллекций. Луганск. Вып. 3.

Телегін Д.Я., 1973. Середньостогівська культура епохи міді. Київ.

Телегін Д.Я., 1987. Культурна належність і датування випростаних енеолітичних поховань Степового Подніпров'я // Археологія. № 60.

Телегін Д.Я., 1999. До питання про культурну атрибуцію поховань постмаріупольського типу та виделення так званої «квітянської культури» в степовому енеоліті України // Проблемі археології Подніпров'я. Дніпропетровськ.

Телегін Д.Я., Бодянский А.В., Козловский А.А., Балакин С.А., Нужный Д.Ю., 1978. Отчет о раскопках и разведках экспедиции «Славутич-2» в Надпорожье в 1978 году // Научный архив ИА НАН Украины. 1978/7.

Телегін Д.Я., Братченко С.Н., Смирнов С.В., 1987. Вильно-Грушевская курганный группа и курган на территории Запорожской опытной сельскохозяйственной станции // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев.

Телегін Д.Я., Нечитайло А.Н., Потехина И.Д., Панченко Ю.В., 2001. Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита азово-черноморского региона. Луганск.

Чурилова Л.Н., Нор Е.В., 1986. Отчет о раскопках курганов на землях колхоза «Аврора» Никопольского района Днепропетровской области в 1986 году // Научный архив ИА НАН Украины. 1986/50.

Шапошникова О.Г., 1987. Эпоха раннего металла в степной полосе Украины // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев.

Шапошникова О.Г., Бодянский О.В., Щепинський А.О., 1957. Звіт про роботу Дніпровського загону Дніпровської експедиції за 1957 р. // Научный архив ИА НАН Украины. 1957/10 «б».

Rassamakin Yu., 1999. The Eneolithic of the Black Sea Steppe: Dynamics of Cultural and Economic Development 4500–2300 BC // Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe. Cambridge.

Rassamakin Yu., 2004. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit / Y.Y. Rassamakin // Archäologie in Eurasien. Bd. 17.

А.И. Юдин

Комитет по охране культурного наследия Саратовской области, Саратов

АЛТАТИНСКАЯ ЭНЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Неолит Нижнего Поволжья представлен тремя, в целом синхронными, родственными культурами — орловской, джангарской и сероглазовской — в рамках нижеволжской культурной общности (Юдин, 2008. С. 362–373) В энеолитическое время также отмечены три основные линии культурного развития. Ранний энеолит (нео-энеолитический период) представлен памятниками прикаспийской культуры мариупольской культурной области. В дальнейшем на территории региона развиваются хвалынские и алтатинские памятники. Прикаспийские и хвалынские памятники изучаются в рамках соответствующих культур, а алтатинские рассматриваются как тип памятников не в последнюю очередь из-за кажущейся эклектичности керамического комплекса. Полученные за 40 лет с момента открытия стоянки Алтата материалы позволяют уже на качественно ином уровне рассматривать алтатинские памятники.

Стоянка Алтата была первым памятником, с которого началось изучение энеолита в степном Заволжье. Раскопки были начаты Ю.В. Деревягиным еще в конце 1960-х гг. В середине 1970-х их продолжили Д.Я. Телегин и В.И. Еремин. В эти же годы они и В.П. Третьяков производили небольшие раскопки в Волгоградской области, где на нескольких памятниках (Царица I и II, Латошинка, Каменка I) были получены близкие материалы.

Однако коллекции со всех этих стоянок были немногочисленны, что не позволяло дать им обобщающую характеристику. Тем не менее, при создании первой схемы развития энеолита Нижнего Поволжья все они, вместе с рядом других стоянок, расположенных вдоль правого берега Волги, были рассмотрены И.Б. Васильевым как позднеэнеолитические памятники алексеевского типа (Васильев, 1981. С. 44–50). Памятники алексеевского типа находятся на значительном удалении друг от друга и почти все материалы происходят со стоянок с разрушенным культурным слоем. Полные аналогии в комплексах этих памятников не прослеживаются, что отмечал и сам И.Б. Васильев.

При исследовании поселения Пшеничного в середине 1980-х гг. была получена уже более представительная выборка керамики и каменных орудий. Это позволило автору вычленить из Алексеевских памятников группу стоянок с общими культурными признаками и объединить их в один культурный тип — алтатинский, добавив к ним еще несколько памятников в бассейне рек Большой и Малый Узени (Юдин, 1989. С. 148–167). Дополнительные исследования стоянки Алтата, проведенные Н.М. Маловым в 1989–1990 гг. (Малов, 2008. С. 65), дали новые материалы, которые подтвердили правомерность выделения памятников алтатинского типа.

Первоначально предполагалось, что памятники алтатинского типа занимают компактную территорию в бассейнах рек Б. и М. Узени, Торгун и, судя по материалам местонахождений, основная зона их распространения — степи Волго-Уральского междуречья. Однако накопление новых материалов позволило рассмотреть также и некоторые энеолитические стоянки Волгоградского Правобережья сквозь призму алтатинских признаков. Позднее стали известны памятники, сопоставимые по части параметров с алтатинскими, и значительно севернее, в лесостепном Посурье (Ставицкий, Хреков, 2003. С. 138–154), однако они отличаются от степных некоторым своеобразием, и, вероятно, их целесообразнее рассматривать в рамках алексеевского типа. Их сравнительная характеристика со степными была произведена ранее (Юдин, 2006а. С. 153–160).

К настоящему времени в степях Нижнего Поволжья известно более 10 алтатинских памятников с сохранившимся культурным слоем. В действительности, насколько можно судить по местонахождениям с весьма характерной кварцевой индустрией, их количество значительно больше. Широкое территориальное распространение этих памятников, наличие стоянок с «чистыми» алтатинскими комплексами и большой хронологический диапазон бытования позволили выдвинуть тезис об алтатинском типе памятников как потенциально новой культуре в энеолите Нижнего Поволжья (Юдин, 2006б. С. 39). Коротко остановимся на характеристике алтатинских памятников.

Поселение **Пшеничное** расположено на правом берегу р. Торгун в Старополтавкинском районене Волгоградской области (рис. 1, 1). Верхняя часть культурного слоя (средняя бронза) разрушена при сооружении плотины. Исследованы 300 м² оставшейся нижней части культурного слоя энеолитического времени.

Всего найдено 650 предметов из камня и фрагменты керамики приблизительно от 90 сосудов. Керамика распределяется на накольчатую и гребенчатую. Накольчатая керамика имеет примесь толченой ракушки — от обильной до едва уловимой (рис. 2, 8–13). На двух фрагментах накол сочетается с гребен-

кой. Гребенчатая керамика разделяется на три группы. Сосуды первой группы имеют округлое тулово, хорошо выраженную шейку и резко отогнутый венчик, иногда слегка желобчатый (рис. 2, 1, 3; 3, 1–3, 5, 8; 4, 9). Диаметр сосудов по венчику от 20 до 27 см. Венчики орнаментированы вертикальными, наклонными или горизонтальными оттисками гребенчатого штампа. Еще один ряд наклонных оттисков штампа проходит по краю венчика или его срезу. Шейка часто выделяется полосой овальных насечек, рядами оттисков перевитой веревочки или горизонтальными полосами крупнозубчатого штампа. В основном украшалась верхняя треть сосуда. Но встречено несколько орнаментированных боковин и обломки придонной части, покрытые гребенчатым штампом (рис. 2, 15).

Вторая группа керамики представлена пряموстенными или со слегка прикрытым устьем сосудами (рис. 3, 4, 7; 4, 2, 3). Часть венчиков имеет небольшой наплыв с внешней стороны (рис. 4, 1, 4, 5). Керамика орнаментирована гребенчатым штампом, коротким изогнутым штампом на створке раковины, насечками, «гусеничками». Значительное количество сосудов украшено только по верхнему краю венчиков. Тесто глины всегда плотное, с небольшой, едва уловимой, примесью толченой раковины. Из этой серии выделяется сосуд со слегка утолщенным венчиком, который, по рыхлой фактуре теста, обильной примеси органики и раковины, аналогичен керамике первой группы. Украшен оттисками длинного гребенчатого штампа, разделенными овальными насечками. С внутренней стороны венчика отпечатаны 2 ряда веревочки (рис. 2, 4).

К третьей группе относится слегка профилированная керамика. По плотности черепка, составу примесей и элементам орнамента она сочетает признаки 1 и 2 групп (рис. 2, 2, 7; 4, 6). Несколько фрагментов орнаментированы шагающей гребенкой (рис. 2, 5–7).

Несмотря на кажущуюся эклектичность керамической коллекции, она представляет собой единый комплекс, что подтверждается проведенной корреляцией взаимовстречаемости элементов орнамента на посуде всех групп (Юдин, 1989. С. 150). Большинство элементов орнамента (гребенка, овальные насеч-

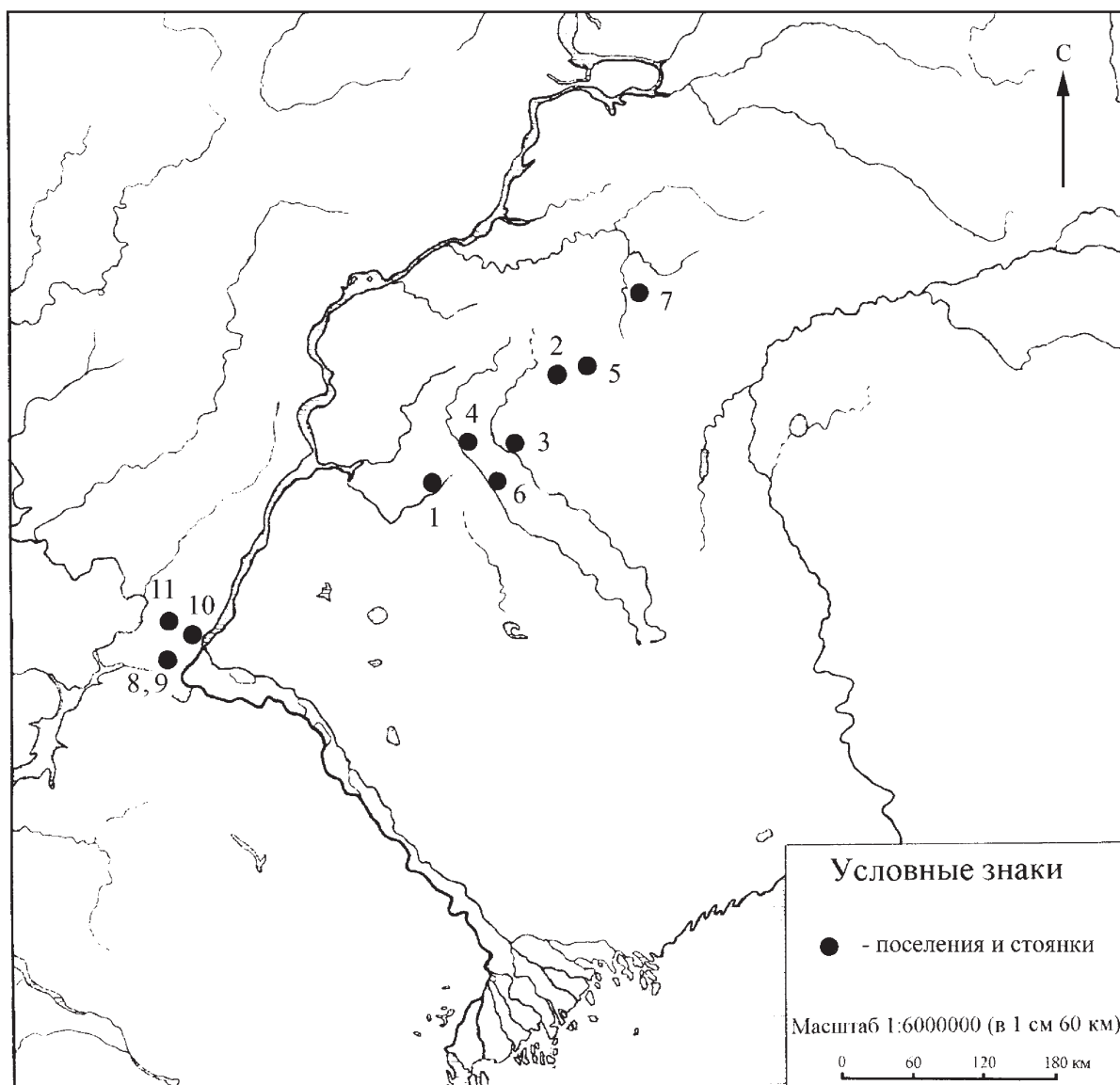

Рис. 1. Памятники Алтатинской энеолитической культуры Нижнего Поволжья
 1 — Пшеничное; 2 — Алтата; 3 — Монахов I; 4 — Первомайская; 5 — Петропавловская; 6 — Ветёлки;
 7 — Непряхино; 8 — Царица I; 9 — Царица II; 10 — Латошинка; 11 — Каменка I

ки, штамп на створке раковины, веревочка) украшают посуду всех групп. В этом плане особенно показательна керамика, орнаментированная коротким гребенчатым штампом на створке раковины (рис. 4, 1–8). Сосуды первой и второй групп сильно различаются по форме, но керамика третьей группы выступает как бы промежуточной формой между ними. О принадлежности керамики к одному культурному типу свидетельствуют и каменные изделия, которые невозможно расчлениить на несколько комплексов.

Каменные изделия характеризуются двумя основными признаками: серый кварцит

как основное сырье и использование отщепов в качестве главной заготовки для орудий. Всего найдено около 200 комплексов изделий с вторичной обработкой и свыше 400 отщепов и сколов без обработки. Предметы из кремня составляют всего 4,5% от общего количества. Ножевидные пластины и орудия на них — 13,2%. Причем все пластины аморфны, среди них почти нет пластин правильной огранки.

Самую многочисленную категорию орудий составляют скребки на отщепах (рис. 4, 11–18). Вторая по численности категория — отщепы с ретушью.

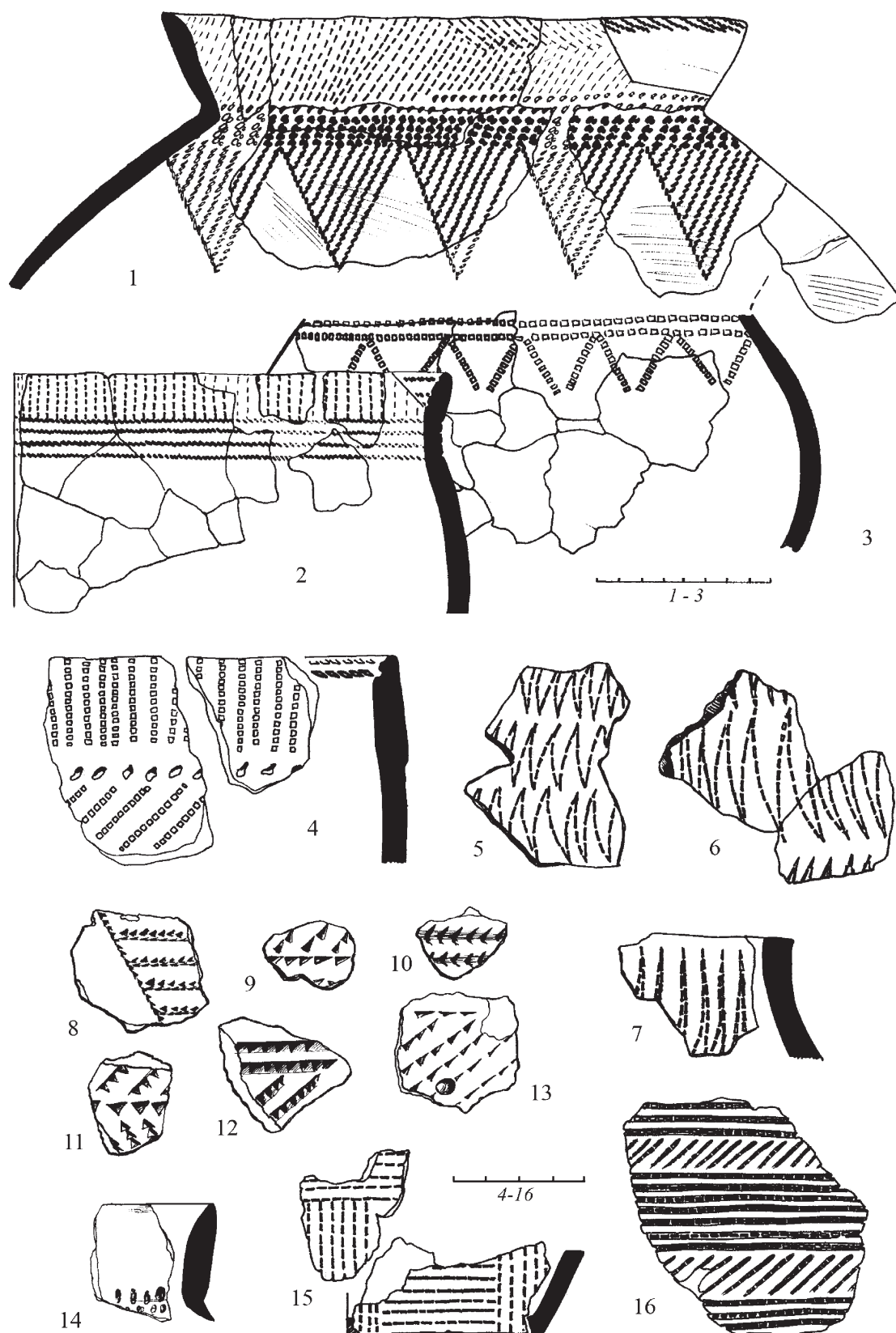

Рис. 2. Пшеничное. Керамика

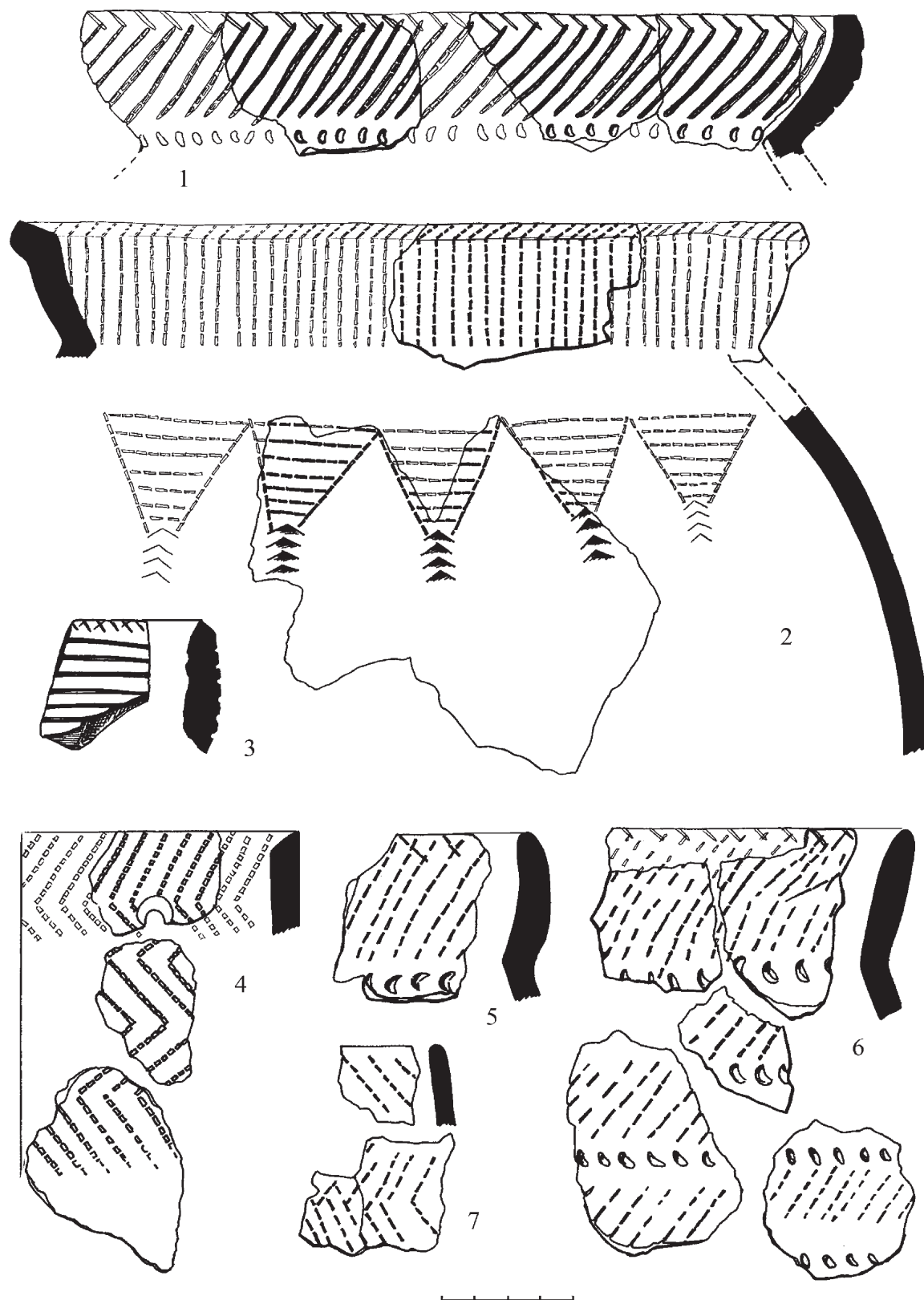

Рис. 3. Пшеничное. Керамика

Рис. 4. Пшеничное. Керамика (1-9) и каменные изделия (10-30)

На пластинчатых и плоских отщепах выполнена выразительная серия ножей. Простейшие из них подвергались вторичной обработке только по краю лезвия. Большая часть ножей покрыта сплошной двусторонней ретушью (рис. 4, 21–23). Интересной находкой является крупный кварцитовый кинжал (рис. 4, 30).

Наконечники дротиков и стрел с прямым или выемчатым основанием представлены несколькими типами: подтреугольные, ромбовидные и листовидные с усеченным основанием, черешковые, с выемчатым основанием (рис. 4, 19, 21, 20, 24–29). Небольшая серия пластинчатых изделий включает пластины шириной от 8 до 24 мм, пластины с ретушью и скребки. Уникальной находкой является трапеция со струганной спинкой из серого полосчатого кремня (рис. 4, 10).

Именно после исследования поселения Пшеничное были выделены памятники алтатинского типа (Юдин, 1989. С. 162–165).

Стоянка **Алтата** расположена на правом берегу р. Алтаты (приток р. Б. Узень), в Дергачевском районе Саратовской области (рис. 1, 2). С конца 1960-х гг. стоянка периодически подвергалась раскопкам (Деревягин, Третьяков, 1974; Телегин, 1981; Еремин, 1977; Малов, 2008).

Исследовано свыше 400 м² культурного слоя, который достигает толщины 1,8 м. Стратиграфическая ситуация на памятнике сложная и не подлежит однозначному толкованию. Автор последних по времени раскопок считает, что на памятнике представлена ненарушенная хронологическая колонка от хвалынского времени до ямно-катакомбного (Малов, 2008. С. 65, 66). Однако осмотр обнажений выше и ниже стоянки по течению реки показал, что все высокие поймы, идентичные той, на краю которой расположена стоянка, сложены одинаково: чередуются слои темного гумуса и светлого суглинка. Аналогичная стратиграфическая картина наблюдается и на стоянке. Над стоянкой, выше по террасе, гумусный слой практически отсутствует, а на дне тальвегов, разрезающих склон террасы, встречаются осколки кварцита, которые могут быть связаны только с культурным слоем. Все это свидетельствует о том, что слой все же перемещался вниз по склону террасы и

накапливался в понижениях высокой поймы. Кроме того, о сложных условиях формирования и сохранения культурного слоя свидетельствует и облик керамики, фрагментированной и не поддающейся реконструкции.

По сохранившимся фрагментам можно установить, что по форме сосуды распределяются на три группы: с выраженной шейкой и отогнутым венчиком (рис. 5, 1); с прикрытым устьем (рис. 5, 2); слабопрофилированные (рис. 5, 6). В тесте глины сосудов имеется примесь толченой раковины.

Основные орнаментальные композиции: сочетание наклонных и вертикальных оттисков гребенки, разделенных горизонтальными строчками гребенки; наклонные оттиски длинного гребенчатого штампа с горизонтальными разделителями из полукруглых насечек (рис. 5, 3); шагающая гребенка и плетенка. Небольшая часть коллекции представлена керамикой, находящей аналогии в энеолитических комплексах орловской культуры (рис. 5, 4, 7). Кроме того, встречены фрагменты керамики хвалынской культуры (рис. 5, 5).

Подавляющее большинство орудий изготовлено из кварцита, изделия из кремня единичны. В качестве основных заготовок для орудий использовались отщепы. Немногочисленные пластины короткие, не имеют правильной огранки. На таких пластинах изготавливались перфораторы и скребки (рис. 5, 10). Самая представительная категория орудий — небольшие (2,5–3,5 см в поперечнике) скребки на отщепах, в том числе двойные и с зеркальным расположением лезвий (рис. 5, 9, 13–19). Большой серией представлены наконечники стрел различных типов — ромбовидные, листовидные, подтреугольные, черешковые с прямыми или выемчатыми основаниями. Часто встречаются крупные (до 15–18 см длиной) ромбовидные, подовальные и серповидные ножи со сплошной двусторонней обработкой (рис. 5, 12).

Из этого краткого анализа видно, что в культурном отношении Алтата и Пшеничное — явления одного порядка.

Поселение **Монахов 1** расположено на левом берегу р. Б. Узень в Александровогайском районе Саратовской области (рис. 1, 3). Поселение двухслойное. Верхний слой (до 0,5 м) относится к средней бронзе, нижний (0,25–

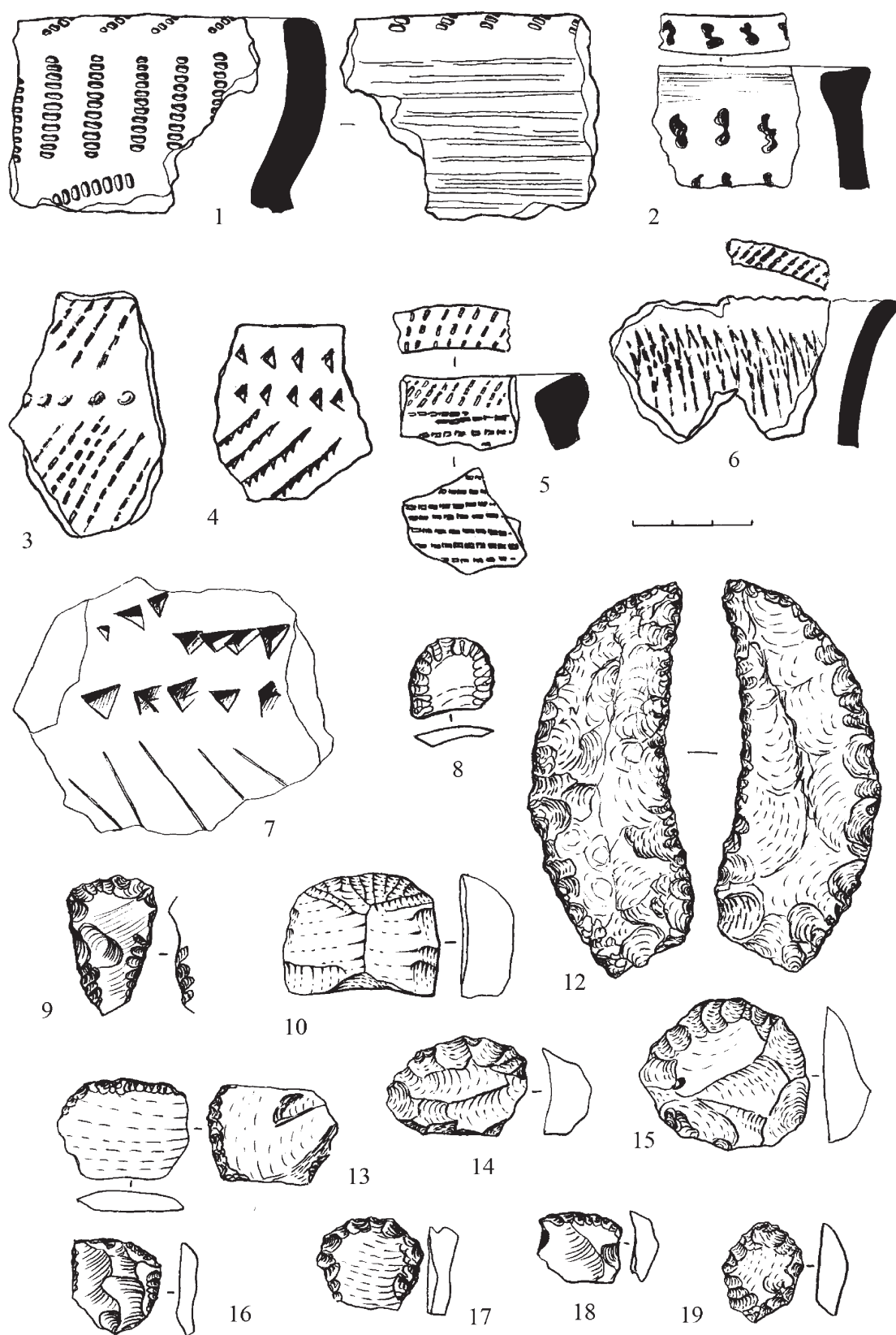

Рис. 5. Алтата. Керамика (1–7) и каменные изделия (8–19)

0,5 м) — к энеолиту. Слои разделены стерильной прослойкой. На поселении вскрыто 28 м² культурного слоя (Юдин, 1986. С. 37–40).

Керамический комплекс нижнего энеолитического слоя состоит из фрагментов от примерно 10 сосудов. Как и на стоянках Алтата и Пшеничное, здесь керамический комплекс включает керамику неолитического облика — накольчатую и гребенчатую, залегающую совместно с энеолитической. Орнамент выполнен наколами различной формы в отступающей технике и вертикальными рядами мелкозубчатого штампа, разделенными насечками (рис. 6, 1–3, 7, 8). Примесь ракушки небольшая.

Другая часть керамики содержит в тесте обильную примесь толченой ракушки и украшена отпечатками зубчатого штампа, вертикальными рядами шагающей гребенки, а также горизонтальной елочкой, разделенной полосами зубчатого штампа. В некоторых случаях орнамент заходит на срез венчика или даже его внутреннюю часть. Шейка одного сосуда выделена желобком (рис. 6, 4–6, 9).

Коллекция каменных находок из культурного слоя включает 104 предмета. Кроме кремневого скребка и наконечника стрелы из кремневой корки, все находки кварцитовые. Большинство орудий — это скребки на отщепах различной формы. 5 скребков изготовлены на сечениях ножевидных пластин. Найдены орудие со скобелевидной выемкой, 3 наконечника стрел и обломок наконечника дротика, обработанные двусторонней ретушью (рис. 6, 10–14).

По набору категорий и технико-типологическим признакам монаховские каменные орудия полностью идентичны более представительным коллекциям Пшеничного и Алтаты.

Стоянка **Первомайская** расположена на левом берегу р. М. Узень в Новоузенском районе Саратовской области (рис. 1, 4). Культурный слой обнажается на протяжении 110 м, достигая толщины 1,3 м, но насыщен находками чрезвычайно слабо. В шурфе и сборах получены фрагменты от 13 сосудов (рис. 6, 15–17; 7, 12, 15) всех трех групп, а также неолитоидной со скобковидными наколами. Вся керамика содержит обильную примесь толченой ракушки, стенки многих фрагментов

обработаны зубчатым штампом. Орнамент выполнен гребенкой (в том числе шагающей), наколами различной формы, веревочкой и перевитым шнуром.

Каменные изделия включают более 80 предметов из кварцита и всего 3 кремневых, в том числе трапецию со струганной спинкой (рис. 7, 11–14, 15–19). Последняя находка, как и в комплексе Пшеничного, указывает на сохранение неолитических традиций не только в керамике, но и в каменной индустрии. Каменные орудия по набору категорий и технологическим признакам полностью соответствуют комплексам Пшеничного и Алтаты.

Петропавловская стоянка находится на правом берегу р. Алтаты в Дергачевском районе Саратовской области (рис. 1, 5). Раскоп площадью 16 м² показал, что культурный слой толщиной 0,4 м перекрыт пойменными отложениями из гумусированных суглинков мощностью 1,8 м (Черкасова, 1992. С. 18–22).

Обнаруженные фрагменты керамики принадлежат пяти-шести сосудам с обильной примесью толченой ракушки в тесте глины. Типологически сосуды относятся ко второй и третьей группам алтатинской керамики: с прикрытым устьем и профилированные. Орнаментирована керамика отрисками гребенчатого штампа, образующими зигзаг, волну (изогнутый штамп), а также вертикальными и наклонными рядами отпечатков гребенчатого штампа, разделенными строчками отрисков короткого двузубого штампа (рис. 7, 1–3, 7–9). Каменные орудия изготовлены из кварцита, за исключением двух кремневых скребков (рис. 7, 4–6, 10).

Стоянка **Ветёлки** находится на правом берегу р. М. Узень в Александровогайском районе Саратовской области (рис. 1, 6). Обнаружена Ю.А. Лаврушиным при зачистке береговых обнажений для геологического описания стратиграфии четвертичных отложений. Культурный слой достигает 1 м и включает находки энеолитического времени. Фрагменты нескольких сосудов с примесью ракушки в тесте глины орнаментированы коротким четырехзубым штампом. Коллекция каменного инвентаря включает около 30 орудий и отщепов из кварцита и кремневый скребок на отщепе.

Рис. 6. Находки с поселения Монахов 1 (1–14) и Первомайской стоянки (15–18)

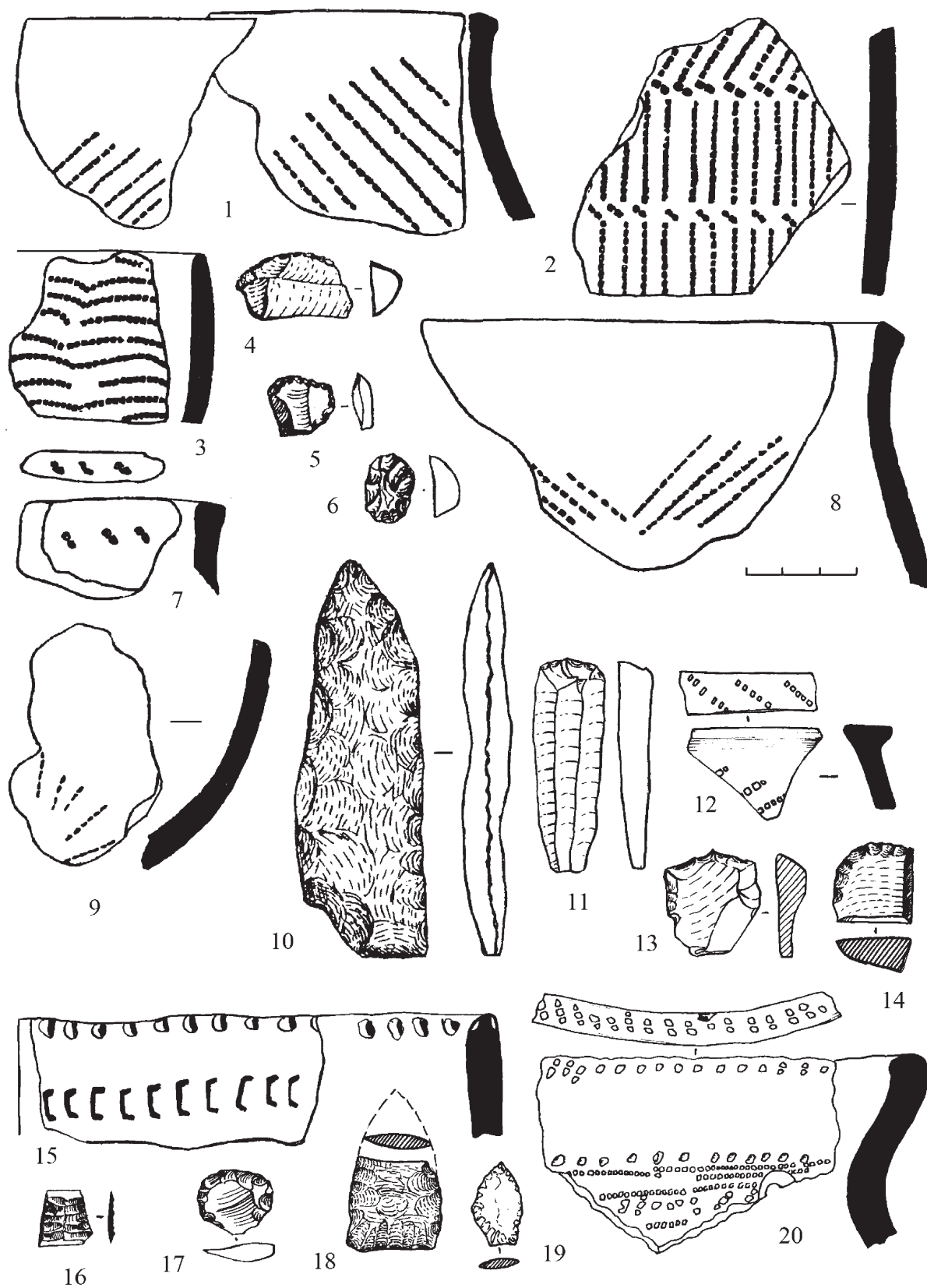

Рис. 7. Находки со стоянок Петропавловская (1–10), Первомайская (11–19) и Непряхино (20)

В основании культурного слоя обнаружено скопление створок речных ракушек *Unio*, по которым получена радиоуглеродная дата — 4631 ± 98 BC cal. (ГИН-6554).

Стоянка **Непряхино** находится на правом берегу р. Большая Чалыкла (бассейн р. Большой Иргиз) в Озинском районе Саратовской области (рис. 1, 7). Кроме палеолитических материалов здесь известны и алтатинские, которые составляли на исследованном участке самую верхнюю часть свиты культурных слоев. Найден фрагмент сильно отогнутого и слегка желобчатого венчика сосуда с примесью толченой раковины (рис. 7, 20). Находка здесь алтатинской керамики вполне закономерна, т. к. весь кварцит и кварцевый песчаник на стоянках каменного века степного Заволжья происходят из месторождений в обнажениях Южного Общего Сырта в районе Озинок. Естественно, что каменный инвентарь Непряхино представлен исключительно кварцитовыми предметами. В слое также найдены две запястные кости и фаланга овцы/козы (Захариков, 1997. С. 99–106).

Стоянки **Царица I и II** расположены в 10 км к западу от г. Волгограда, в долине притока Волги, р. Царицы (рис. 1, 8, 9). На стоянке Царица I исследовано раскопками 127 м². Находки эпохи бронзы, неолита и энеолита залегают до глубины 4 м, но толщина собственно культурного слоя не превышала 1,3 м. Среди керамики стоянки преобладает энеолитическая. Это крупные округлобокие сосуды с резко отогнутым и иногда желобчатым венчиком (рис. 8, 1, 2). Орнамент выполнен скобковидными и ногтевидными насечками и мелкозубчатым штампом. В тесте глины имеется значительная примесь толченой раковины. Данная группа керамики сопоставляется с первой группой алтатинской керамики поселения Пшеничное, отличаясь более плавной профилировкой. Исследователями данная керамика реконструируется как округлодонная, но в культурном слое встречены обломки и плоских днищ.

Из нижней части культурного слоя получена небольшая серия тонкостенной керамики с небольшой примесью толченой раковины в тесте глины. На нескольких фрагментах есть едва заметные разреженные наколы-ямки. Также обнаружен развал небольшого

сосуда с округлым дном и S-видным профилем. Внешняя поверхность сосуда заглажена и слегка подлощена (рис. 8, 6). Также найдены фрагменты от трех сосудов хвалынской культуры (рис. 8, 4, 5).

Коллекция изделий из камня немногочисленна. Орудия изготовлены из кремня коричневого и черного тонов. Исключение составляет одна ножевидная пластина из кварцита, хотя среди отходов производства абсолютное большинство составляют предметы из кварцита. Орудия представлены скребками на отщепках, скребками на укороченных пластинах, ножевидными пластинами и отщепами с ретушью. Культурный слой стоянки включал большое количество обломков костей животных, часть которых была подвергнута остеологическому определению. В верхней части культурного слоя определены только домашние виды животных: овца, коза и лошадь. В нижней помимо остатков домашних залегали также кости диких животных — кулана, медведя и суслика.

Стоянка Царица II расположена напротив стоянки Царица I, на другом берегу балки. Сохранилась окраинная часть стоянки с культурным слоем толщиной до 0,4 м. Немногочисленные материалы аналогичны находкам на стоянке Царица I. Это фрагменты керамики от профилированного сосуда, близкого керамике первой группы Царицы I (рис. 8, 3). Найдено несколько отщепов и одно орудие из кремня. Определения фаунистических остатков показали их совпадение с видами животных на стоянке Царица I (Третьяков, 1974а. С. 211, 212).

Поселение **Латошинка**. Расположено на высокой надпойменной террасе правого берега Волги в 1,5 км выше плотины Волжской ГЭС, на северной окраине г. Волгограда (рис. 1, 10). На стоянке вскрыто шурфами 70 м² культурного слоя на площади около 1 га. Культурные напластования составляли 0,95 м от дневной поверхности. Ранние находки залегали в нижней части культурного слоя (Третьяков, 1974а. С. 208–213; Еремин, 1977. С. 57–59). Керамика стоянки своеобразна (рис. 8, 7–9) и находит параллели среди керамики Пшеничного в Волгоградском Заволжье. Она представлена профилированными формами, сосудами с прикрытым устьем,

сосудами с желобчатым венчиком. Каменные изделия (уплощенные нуклеусы, нуклеусы со скалыванием по части периметра, скребки с высокой спинкой, ножевидные пластины с ретушью, орудие со сплошной двусторонней обработкой) изготовлены из галечного кремня серых и коричневых оттенков (59%), серого кварцита (36%) и окаменелого дерева (5%) (рис. 8, 10–13).

Стоянка **Каменка I** расположена на правом берегу р. Пичуга Нижняя в Дубовском районе Волгоградской области (рис. 1, 11). Культурный слой имел мощность до 0,4 м и был исследован на площади около 20 м². Керамика стоянки представлена фрагментами сосудов открытой формы с прямым венчиком. Большая часть керамики орнаментирована горизонтальными рядами серповидных насечек (рис. 8, 16). Встречается керамика, украшенная отпечатками плоского штампа и гребенчатого штампа (рис. 8, 14, 15, 17). Фрагмент одного из венчиков имеет внутренний наплыв и примесь толченой ракушки в тесте глины (рис. 8, 15). Большинство каменных орудий изготовлено на отщепах. Среди орудий преобладают концевые скребки на отщепах различных типов, встречаются двусторонне обработанные формы. В качестве сырья использовался кремь, окаменевшее дерево и кварцит (Третьяков, 1974б. С. 8, 9; Еремин, 1975. С. 103–109).

Рассмотренные энеолитические памятники отличаются ярко выраженным своеобразием и единством культурных признаков. Что же выделяет алтатинские памятники среди синхронных культур? В первую очередь это наличие в керамических комплексах всех памятников керамики неолитического облика (с неолитоидной орнаментацией), как степного характера, так и более северного, лесостепного. Черты позднего лесостепного неолита проявляются в таких орнаментальных композициях, как наклонные ряды гребенчатого штампа, разделенные овальными насечками; косая сетка; плетенка; вертикальный зигзаг (рис. 2, 4, 15; 3, 6; 6, 1). Степной компонент проявляется в накольчатой орнаментации орловского характера (рис. 2, 8–13; 5, 3, 4, 7; 6, 2, 3; 8, 9). Ближе всего к неолитическим формам сосудов стоит керамика второй группы,

но неолитоидный орнамент встречается и на сосудах типично энеолитических форм.

На всех памятниках, имеющих достаточную выборку, представлены три основные формы (группы) сосудов: с выраженной шейкой и желобчатым венчиком; прямостенные или со слегка прикрытым устьем; профилированные. Одни и те же элементы орнамента используются на сосудах разных групп. Отмечаются также разнокультурные признаки на одном сосуде: высокий желобчатый венчик с выделенной шейкой и типично неолитическим орнаментом (рис. 3, 5, 6); неолитический орнамент и форма в сочетании с отпечатками веревочки по внутренней стороне венчика (рис. 2, 4). При этом весь керамический комплекс отличается единой технологией производства, выраженной в раковинной примеси, штриховой зачистке поверхности, способе обжига. На алтатинской керамике наблюдается не механическое смешение разнокультурных черт, а их органичный сплав, придающий данному комплексу неповторимость и делающий его легко узнаваемым.

Неолитоидная керамика, как степного, так и лесостепного облика, присутствующая на всех алтатинских памятниках, не может рассматриваться как чужеродный элемент, случайно попавший в комплекс, т. к. в трех случаях (Пшеничное, Петропавловка, Монахов I) бесспорно ее залегание совместно с энеолитической. Принадлежность керамики одному культурному комплексу подтверждается и однородными по составу наборами каменных орудий. Комплексы орудий из камня на всех памятниках не могут быть расчленены на неолитические и энеолитические в силу их специфичности, заключающейся как в выборе исходного сырья (кварцит), так и в отсутствии части категорий орудий в неолитическое время в степном Поволжье (орудия со сплошной двусторонней обработкой).

Использование кварцита в качестве основного сырья является одной из характернейших особенностей алтатинских памятников. Только на алтатинских стоянках его доля в комплексах составляет 92–99%. Преобладание отщепной технологии расщепления камня — еще одна особенность алтатинских комплексов. Орудия на отщепах составляют от

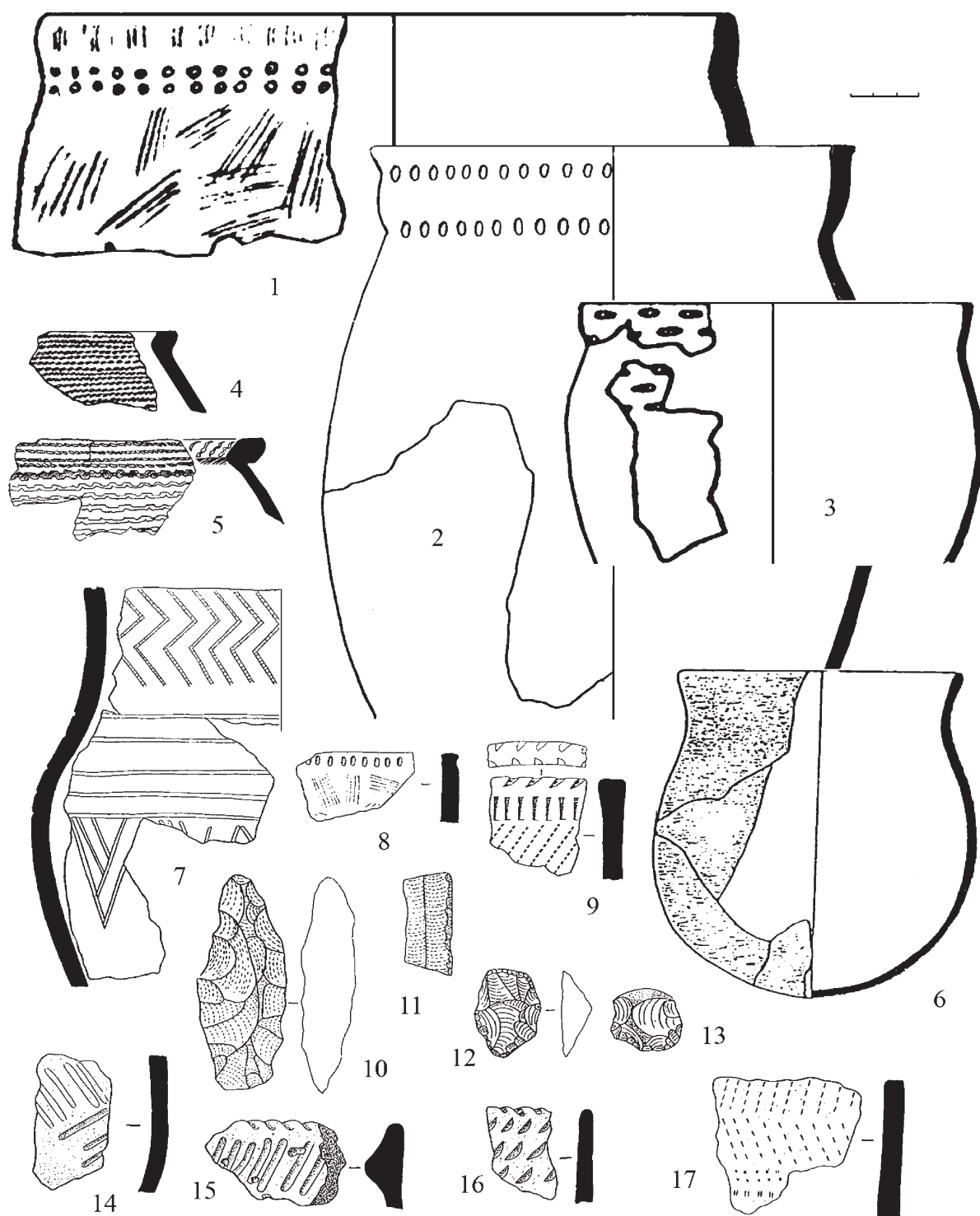

Рис. 8. Находки со стоянок Царица I (1, 2, 4–6) и Царица II (3), поселения Латошинка (7–13) и стоянки Каменка I (14–17)

75 до 92%. На других энеолитических памятниках региона от местного неолитического населения была унаследована пластинчатая техника расщепления.

Все алтатинские памятники имеют несколько основных категорий орудий. В первую очередь, это скребки, среди которых выработаны стандартные формы, повторяющиеся на всех памятниках: округлые или овальные; с ретушью на 3/4 или по всему периметру (рис. 4, 14, 15, 18; 5, 14, 15, 17, 19); подпрямоугольные и трапецевидные концевые, иногда ретушь заходит на одну или обе боковые грани (рис. 5, 9, 16); с двумя рабочими лезвиями на противоположных концах с внешней и внутренней сторон (рис. 5, 13; 4, 16, 17); с высоким профилем (рис. 4, 13).

Ножи с двусторонней обработкой имеют листовидную и подовальную форму (рис. 4, 21–23, 30; 7, 10; 8, 10). Уникальной формой является серповидный нож с усеченным основанием со стоянки Алтата (рис. 5, 12).

Также многочисленны листовидные, ромбовидные, подтреугольные и изредка черешковые наконечники стрел и дротиков (рис. 4, 19, 20, 24–29; 6, 11–13; 7, 18, 19).

Напротив, орудия скобляще-режущего типа немногочисленны, но являются характерной особенностью комплексов, принципиальным образом отличаясь от подобных в прикаспийской культуре, где они выполнялись на макропластинах и крупных продольных сколах. В алтатинских комплексах они изготовлены на крупных отщепах различной формы с массивным основанием и однодвусторонней притупляющей ретушью.

Эти четыре вышеназванные категории изделий не исчерпывают всего многообразия каменных орудий, но являются маркером, по которому алтатинские стоянки вычлениаются из общей массы энеолитических памятников степного Поволжья.

Перечисленные характерные черты комплексов керамики и каменных орудий позволили ранее (Юдин, 1989. С. 148–167; 1995. С. 11, 12) объединить их в один культурный тип и назвать его алтатинским типом памятников по первой исследованной стоянке. Стоянка Алтата, как уже говорилось выше, первоначально рассматривалась И.Б. Васильевым в одной культурной группе с алексеевскими.

Однако по мере накопления новых полевых материалов, несмотря на ряд общих признаков в керамике, все же стало очевидным культурное различие между лесостепными алексеевскими и степными алтатинскими стоянками. Правомерность культурного разграничения алтатинских и алексеевских памятников подтверждает их географическая локализация: линия разграничения пришлась на границу степи и лесостепи; все степные памятники в Заволжье и степном Волго-Донье оказались по комплексу признаков алтатинскими, а лесостепные — алексеевскими. Соответственно, и «алтатинские» памятники, исследуемые на территории Пензенской области, следует сопоставлять с алексеевскими, где комплекс северных черт проявляется более отчетливо.

Расширение алтатинской ойкумены в степное Правобережье Волги и на север, в бассейн р. Большой Иргиз, и увеличение хронологического интервала бытования алтатинских стоянок дают основание говорить уже не о типе памятников, а об алтатинской археологической культуре с соответствующим комплексом признаков.

Начало формирования алтатинской культуры совпадает со временем затухания орловской культуры на ее позднейшей энеолитической фазе, синхронной первому этапу прикаспийской культуры. Наличие керамики с неолитоидной накольчатой орнаментацией, близкой к орловской, в Пшеничном, Алтате, Монахове I, Первомайском и др. можно объяснить хронологической стыковкой поздних орловских памятников и ранних алтатинских. Более конкретно начальный этап алтатинской культуры определяется импортами хвалынской керамики на Алтате и стоянках Царица I и II (рис. 5, 5; 8, 4, 5). Хвалынская культура датируется достаточно узко — в пределах второй четверти V тыс. до н. э. в калиброванном значении (Черных, Орловская, 2004). Единственная дата для алтатинских памятников в Нижнем Поволжье, полученная на стоянке Ветёлки, — 5790 ± 80 л. н., или 4631 ± 98 BC cal. (ГИН-6554), — возможно, маркирует наиболее ранний памятник культуры. Синхронизация ранних алтатинских материалов с хвалынскими предполагает также синхронность с прикаспийскими второго этапа, которая должна отразиться в

керамике. При рассмотрении наиболее представительной коллекции Пшеничного можно сопоставить несколько фрагментов с прикаспийской керамикой (рис. 2, 2, 14).

Гребенчатая алтатинская керамика, особенно второй и третьей групп, в орнаментальных композициях хорошо сопоставляется с керамикой средневожской неолитической культуры. Это сосуды, украшенные коротким изогнутым штампом (рис. 4, 1–8) и длинным гребенчатым штампом с разделителями в виде насечек (рис. 2, 4; 3, 6; 6, 1). Керамика с коротким изогнутым штампом (зубчатым орнаментом) является характерной чертой средневожской культуры, и такая техника орнаментации известна на всех трех группах алтатинской керамики. Даты, полученные по зубчатой керамике со средневожской стоянки Лебяжинка IV, очень близки к дате Ветёлок: 5690 ± 80 л. н., или 4620–4450 BC (Ki-14083), и 5590 ± 80 л. н., или 4500–4340 BC (Ki-14122). Гребенчатая керамика с той же стоянки, аналогии которой есть в алтатинских комплексах, имеет несколько более поздний возраст (Выборнов, 2009. С. 135, 136).

Данная линия сопоставлений и наличие хвалынской керамики в культурных слоях алтатинских стоянок позволяют провести синхронизацию со вторым этапом самарской культуры и поздними памятниками средневожской. Подобная синхронизация будет вполне правомерна для ранних алтатинских памятников. На своем позднем этапе культура соотносится по времени уже со среднестоговскими древностями Подонья. Ряд параллелей можно провести с керамикой Раздорского I поселения, где уже в четвертом слое имеется сосуд с желобчатым венчиком (Кияшко, 1994. С. 92. Рис. 6, 9), а с пятого слоя отмечен переход на отщепную технику обработки камня. Типологически поздняя алтатинская керамика находит параллели в VI–VII слоях Раздорского I поселения.

О длительном бытовании алтатинских памятников свидетельствуют керамические комплексы, имеющие различия, вероятно, хронологического порядка. Например, на стоянках Петропавловка и Ветёлки керамика имеет неолитическую технику орнаментации (рис. 7, 1–3, 8, 9), а на Пшеничном значитель-

на серия сосудов с ярко выраженным желобчатым или резко отогнутым венчиком (рис. 3, 1, 2, 5, 6). Подобные различия, отражающие эволюцию керамического комплекса, предполагают достаточно продолжительное существование алтатинских памятников в рамках энеолитической эпохи.

Керамика алтатинских стоянок показывает многокомпонентность сложения культуры. Накольчатая керамика орловского типа и плоскодонность части сосудов указывают на местный поздненеолитический компонент, но, судя по количеству такой керамики, не основной. Происхождение алтатинских памятников следует связывать не столько с местными поздненеолитическими племенами, сколько с населением лесостепного культурного мира и культурным влиянием нижнедонского населения.

Гребенчатая традиция орнаментации в местном неолите неизвестна и появляется только в нео-энеолитический период на памятниках прикаспийской культуры. Поиск аналогий алтатинской гребенчатой керамике неизбежно приводит в северные сопредельные регионы Волго-Уральской лесостепи, где сопоставления в первую очередь проводятся с поздними памятниками средневожской неолитической культуры.

Северные гребенчатые орнаменты проникают из лесостепи глубоко на юг и есть на всех памятниках Заволжской степи, даже на самых южных, расположенных на границе современной степи и полупустыни (рис. 6, 1). Какую-то часть алтатинских орнаментов — гребенка, фигурные наколы, короткие зоноразделители (рис. 7, 2, 7) — возможно связывать и с энеолитическими памятниками тоцкого типа.

Еще один элемент орнамента — шагающая гребенка — также появляется в степи только в энеолитическое время. Украшение сосудов шагающей гребенкой было широко распространено на ранних этапах энеолита как в лесостепном Поволжье, так и южнее, в Прикаспии. На промежуточной территории, в степном Поволжье, керамика, орнаментированная шагающей гребенкой, встречается в небольшом количестве почти на всех алтатинских памятниках. Постоянные контакты

лесостепного и степного населения, вероятно, привели к еще одной степной инновации — технике двухсторонней обработки камня.

Если наиболее вероятным местом заимствования техники гребенчатой орнаментации керамики является территория лесостепного Поволжья, то появление на алтатинской керамике резко отогнутых и желобчатых венчиков следует считать результатом взаимодействия с населением Нижнего Дона, контакты с которым отмечены еще с неолитического времени, а также, как отметил В.В. Ставицкий (2006. С. 24–26), с племенами среднестоговской культуры Среднего Подонья. Не случайно такая керамика преобладает на стоянках степного Волго-Донского междуречья (рис. 8, 1–3).

Широкие культурные контакты алтатинского населения обусловлены общекультурной ситуацией в степях Восточной Европы, связанной с переходом к производящему хозяйству. На двух алтатинских памятниках определена домашняя фауна — овца/коза в Непряхино и овца, коза и лошадь на Царице I и II. Следует также отметить находку ку-

сочка меди на стоянке Алтата (Малов, 2008. С. 68).

Судя по широкому распространению алтатинских памятников в степной зоне Поволжья, позднее население культуры явилось одним из компонентов сложения ямной культуры эпохи ранней бронзы.

Разумеется, для полной характеристики алтатинской культуры необходимо продолжение полевых исследований, т. к. пока остаются неизвестными такие составляющие археологической культуры, как тип жилища, погребальный обряд, очень скудны данные о хозяйстве. С другой стороны, пласт памятников с «чистыми» культурными слоями, содержащими устойчивый и характерный набор артефактов, приуроченных к южной степной зоне Нижнего Поволжья и развивавшихся на значительном хронологическом отрезке энеолита, можно трактовать только как свидетельство бытования в Нижнем Поволжье самостоятельной алтатинской археологической культуры, параллельно с поздней прикаспийской и хвалынской.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев И.Б., 1981. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев.

Васильев И.Б., Овчинникова Н.В., 2000. Энеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара.

Выборнов А.А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара.

Деревягин Ю.В., Третьяков В.П., 1974. Неолитическое поселение у с. Алтата Саратовской области // СА. № 4.

Еремин В.И., 1975. Неолитическое поселение Каменка I // Историко-краеведческие записки. Волгоград. Вып. III.

Еремин В.И., 1977. Стоянки предьямного и ямного времени на территории Нижнего Поволжья // Историко-краеведческие записки. Волгоград. Вып. V.

Захариков А.П., 1997. Многослойная стоянка Непряхино // Археологическое наследие Саратовского края: Охрана и исследования в 1996 году. Саратов. Вып. 2.

Кияшко В.Я., 1994. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тысячелетиях до н. э.) // Донские древности. Азов. Вып. 3.

Малов Н.М., 2008. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов. Вып. 6.

Ставицкий В.В., 2006. Неолит, энеолит и ранний бронзовый век Сурско-Мокшанского междуречья и Верхнего Прихоперья: динамика взаимодействия культур севера и юга в лесостепной зоне: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ижевск.

Ставицкий В.В., Хреков А.А., 2003. Неолит — ранний энеолит Посурья и Прихоперья. Саратов.

Телегин Д.Я., 1981. Про неолітичні пам'ятки Подоння та Степового Поволжжя // Археологія. Вип. 36.

Третьяков В.П., 1974а. Обследование неолитических стоянок в Волгоградской области // СА. № 1.

Третьяков В.П., 1974б. Стоянка Каменка // Тез. докл. 1-го Поволжского археолого-этнографического совещания. Казань.

Черкасова Е.В., 1992. Петропавловская энеолитическая стоянка в Саратовском Заволжье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов. Вып. 3.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004. Радиоуглеродная хронология энеолитических культур Юго-Восточной Европы: результаты и проблемы исследований // СА. № 4.

Юдин А.И., 1989. Энеолитическое поселение Пшеничное на р. Торгун // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев.

Юдин А.И., 1995. Неолит и энеолит степного Заволжья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Юдин А.И., 2006а. Памятники алтатинского типа и проблемы взаимодействия населения лесостепи и степи // Вопросы археологии Поволжья. Самара. Вып. 4.

Юдин А.И., 2006б. Культурно-исторические процессы в эпохи неолита и энеолита на территории Нижнего Поволжья / Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ижевск.

Юдин А.И., 2008. Нижневолжская культурно-историческая общность // Человек, адаптация, культура. М.

А.Н. Гей
Институт археологии РАН, Москва

НЕОБЫЧНЫЙ СОСУД КУЛЬТУРЫ ЖЕМЧУЖНО- НАКОЛЬЧАТОЙ КЕРАМИКИ С ПОСЕЛЕНИЯ МЫСХАКО I

Изучение памятников культуры с жемчужно-накольчатой керамикой (которые он до конца жизни считал майкопскими) составило определенный и немалый этап в научной деятельности Александра Александровича Формозова. Еще большее место в ней занимали вопросы, связанные с изучением искусства, изобразительной деятельности и знаковых систем первобытных культур. Вот почему, отдавая дань памяти этого замечательного русского археолога, кажется уместным обратить внимание на один из керамических сосудов с поселения Мысхако I (Восточный холм), расположенного в городской черте Новороссийска недалеко от входа в Цемесскую бухту Черного моря.

Этот двухслойный памятник, верхний слой которого связан с античным поселением I в. н. э., а нижний, разделяющийся на части площади на две прослойки, — с поселением культуры жемчужно-накольчатой керамики, или мешоковско-даркветской, как ее иногда называют (Трифонов, 2001), раскапывался Северо-Кавказской экспедицией ИА РАН в 1990, 1991 и 2000–2002 гг. Остатки раннего энеолитического поселка, отчасти уничтоженного обрушениями берегового обрыва, активной строительной и хозяйственной деятельностью античного населения, поздними перекопами, особенно в военное и послевоенное время, изучены к настоящему момен-

ту практически полностью. Здесь выявлены остатки большого вытянутого наземного жилища с рядом столбов в центральной части и глинобитным полом, предположительные остатки укреплений или ограждений, получена значительная по объему коллекция, характеризующая материальную культуру и хозяйство древнего населения.

На границе квадратов Ж-25 и 26, т. е. на участке, совпадающем с западной половиной жилища, глинобитный пол которого собственно и маркирует границу между нижней и верхней прослойками энеолитического слоя, в толще верхней прослойки (пл. 13, гл. –2,98 м от Ро, или около 1,2 м от уровня современной поверхности) найдена сохранившаяся целиком отбитая горловина сосуда с отогнутым венчиком, украшенным по всему периметру вертикальными и наклонными рядами жемчужин, имеющими выраженный изобразительный характер, хотя понять, что изображает этот орнамент, достаточно трудно. Залегала она в слое венчиком вниз (рис. 1).

Сосуд является довольно ярким образцом керамики поздней хронологической группы (определенная небрежность лепки, толстостенность, сравнительно небольшой отгиб высокого и прямого раструбовидного венчика наружу, отсутствие, насколько можно судить, резкого внутреннего ребра при переходе от

Рис. 1. Мысхако I. Положение горловины энеолитического сосуда в культурном слое. Вид с северо-востока

плечиков к венчику). О форме тулова можно говорить только на основании аналогий. Практически все горшковидные сосуды и «ранней», и «поздней» групп энеолитической посуды имели сфероидное тулово с округлым или слегка уплощенным дном. Изготовлен из плотной комковатой глины с обычной для всей энеолитической посуды примесью белой дресвы. Оранжевая с темными пятнами поверхность тщательно заглажена и покрыта лощением.

Диаметр венчика — 19 см, диаметр горла — 14,5 см, высота венчика — 7,5 см. Толщина стенки горла у основания достигает до 1 см, а к краю венчика уменьшается до 0,5–0,6 см.

Орнамент (рис. 2) выполнен в обычной для памятников культуры жемчужно-накольчатой керамики технике выдавливания выпуклин-жемчужин концом тупого стержня с последующим замазыванием отверстия образующегося при этом в толще стенки полого канала глиной и ликвидацией следов ямки заглаживанием и лощением поверхности. При этом на внутреннюю сторону возле края венчика нанесены две горизонтальные линии из

тесно посаженных жемчужин, хорошо заметных при взгляде на сосуд сверху, а с внешней стороны венчик украшен на всю высоту поразному сгруппированными вертикальными и наклонными линиями из жемчужин, разделенными неравными промежутками и образующими некое подобие знаков (рис. 3). Если двигаться от наибольшего перерыва слева направо, или в соответствии с привычным для нас направлением чтения (что с учетом круговой структуры композиции соответствует направлению против солнца или часовой стрелки), то можно с известной долей условности представить весь узор в виде последовательности:

- 1) Л-образное начертание из 11 жемчужин;
- 2) 2 сближенные вертикальные (или несколько сходящиеся книзу) колонки из 5 и 6 жемчужин;
- 3) 2 наклонные, почти параллельные линии из 5 жемчужин каждая;
- 4) вертикальная или слегка наклонная колонка из 7 жемчужин;
- 5) выгнутая вправо дуга из 5 жемчужин;
- 6) Я-образный знак из 14 жемчужин;
- 7) наклонная линия из 8 жемчужин;

Рис. 2. Мысхако I. Горловина энеолитического сосуда (вид с разных сторон)

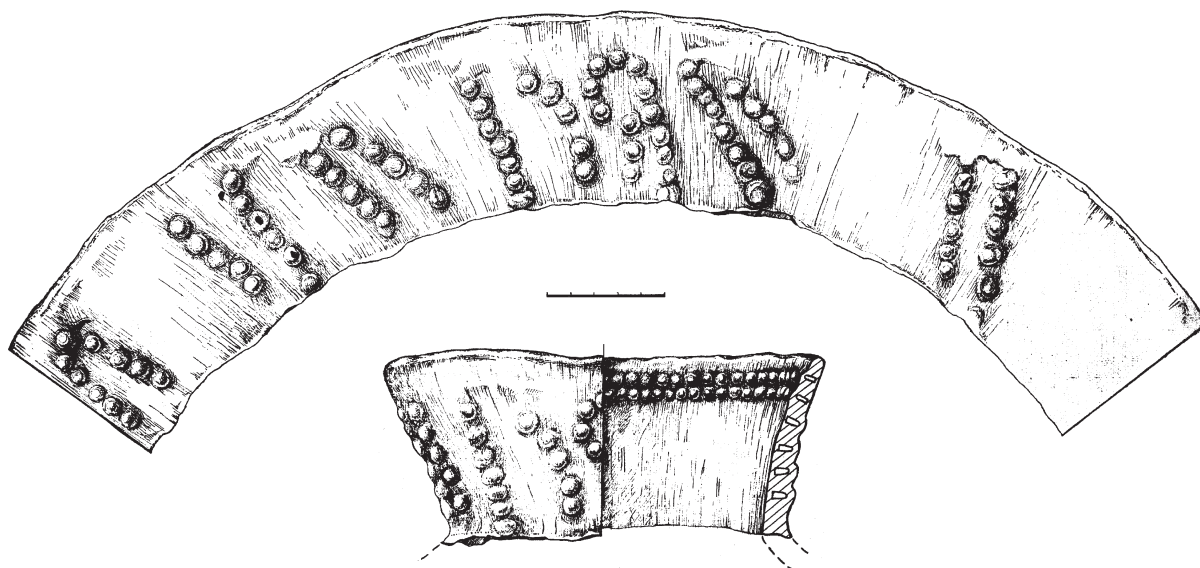

Рис. 3. Мысхако I. Горловина энеолитического сосуда и развертка орнамента на ней

8) выгнутая вправо дуга из 5 жемчужин;
9) 2 наклонные параллельные линии из 6 жемчужин каждая.

При этом «знаки» 4–8 образуют компактную группу (ЛЯЛ), а крайние «знаки» 1 и 9 отделены от прочих наиболее широкими промежутками.

Для лучшего понимания особенностей публикуемого сосуда приведем краткие сведения обо всем массиве керамики энеолитического слоя. Основаны они на подсчетах, выполненных по материалам из раскопок 1990 г., и имеют несколько условный характер, поскольку подсчеты производились не

по целым формам (ремонтаж в подавляющем большинстве случаев невозможен из-за разрушений нижнего слоя, переотложения и фрагментированности находок), а по отдельным фрагментам. Тем не менее, даже с учетом вероятных коррекций после обработки всех материалов они, как кажется, позволяют составить достаточно адекватное представление о наборе форм и особенностях орнаментации посуды памятника.

Практически вся энеолитическая посуда за вычетом специальных форм (цедилок «дымокуров») разделяется на две морфологические группы. Первая, преобладающая в количественном отношении (около 89% фрагментов венчиков), включает горшки со сферическим туловом, округлым дном и плавно или через внутреннее ребро, но всегда сильно отогнутым наружу сравнительно высоким венчиком. Ко второй относятся также округлодонные полусферические или близкие к этой форме миски-чаши (около 11% венчиков). По общему впечатлению (требующему, впрочем, дополнительной проверки), миски-чаши в массе отличаются от горшков меньшими размерами, а значит, количественная диспропорция между этими двумя группами в действительности могла быть не такой резкой.

В интересующей нас в первую очередь группе горшков 90% фрагментов венчиков совершенно лишены признаков орнаментации, только 6% украшены рядом насечек, гребенчатых или гусеничных оттисков или иных вдавлений по краю (обычно внутреннему) и лишь 4% имеют на внутренней стороне края горизонтальный ряд из выпуклых жемчужин (накол, почти всегда замазанный, наносился при этом с внешней стороны венчика).

Орнаментальные зоны практически всегда размещаются на плечиках сосуда и только иногда имеют дополнения, спускающиеся ниже, на его бока. Подсчет доли горшков с орнаментом от общего их числа вряд ли возможен из-за трудностей с опознанием лишенных орнаментации фрагментов из района плечиков. Среди орнаментированных экземпляров две трети (66%) украшены горизонтальными зонами из различных по аккуратности и плотности расположения рядов жемчужин, у 19,5% такие же зоны образованы горизонтальными рядами различных

вдавлений (наколов, косых тычков, короткого зубчатого штампа, неглубоких ямок и т. д.), у 3% жемчужины и вдавления сочетаются внутри такой зоны. Примерно в 8% случаев горизонтальная зона из жемчужин или вдавлений на плечиках дополняется снизу зигзагом из сдвоенных прочерченно-проглаженных линий или рельефным волнистым валиком. И только на 3,5% орнаментированных фрагментов фиксируются участки композиций, не подпадающих под определение зональных (вертикальные расчлененные валики, вертикальные колонки из жемчужин, сопряженные под разными углами линии или ряды жемчужин).

Таким образом, и по расположению орнамента, и по его структуре данный сосуд отличен от остальных обнаруженных в Мысхако. Не известны мне и прямые аналогии ему из других памятников этой культуры. Учитывая специфический предмайкопский облик самой культуры и ее хронологическую позицию (энеолитический слой Мысхако I в системе калиброванных радиоуглеродных дат относится к концу V — началу IV тыс. до н. э.), имеет смысл при их поиске обратиться прежде всего к энеолитическим и раннебронзовым материалам Северного Кавказа и Предкавказья, так или иначе причастным к майкопской общности.

Определенную параллель изображению на мысхаком сосуде, по нашему мнению, представляет собой орнаментация бронзового котла из могильника Эвдык в Калмыкии (курган 4, п. 23). На этом изделии, в функции которого отчетливо просматриваются культовая и ритуальная составляющие, привлекают внимание сам характер орнаментации в виде напоминающих жемчужины вдавленных выпуклин (что, впрочем, может быть результатом технологического императива), расположение четко обозначенной орнаментальной зоны у края емкости, наконец, близкая нашему случаю небрежная манера, когда линии рисунка как бы проступают из кажущегося на первый взгляд хаотичным скопления (рис. 4, 1). Причем рядом с мотивами концентрических окружностей и креста, широко известными по исполненным в других техниках и на разных материалах образцам степных и кавказских культур эне-

Илл. 1. Фото композиции «Бес с бабой». Канозеро. Остров Каменный, группа 1

Илл. 2. Фото композиции «Пара». Канозеро. Скала Одинокая

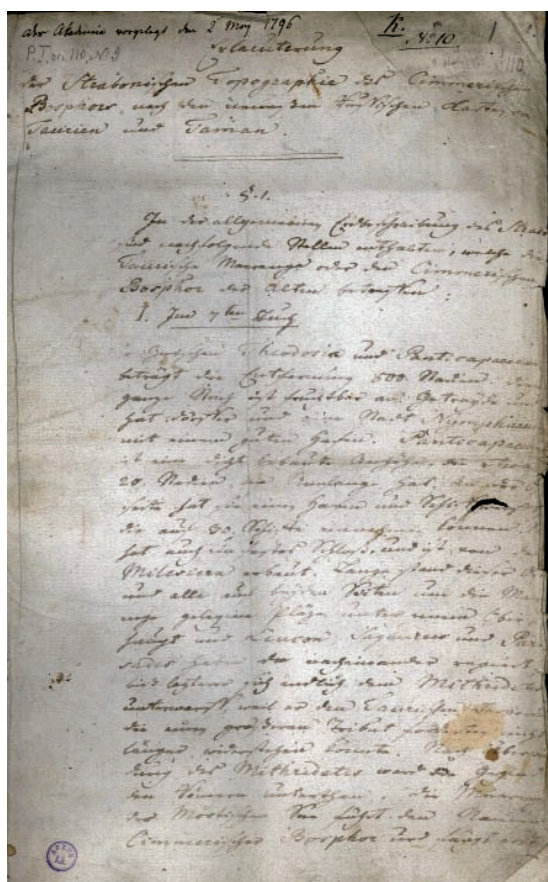

Илл. 3. Фото композиции «Пара с копьями». Канозеро. Остров Каменный, группа 7

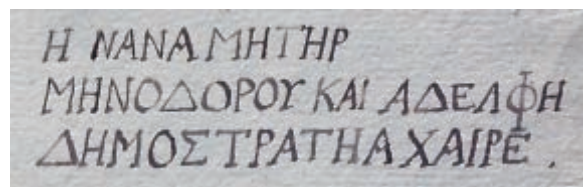
Илл. 4. Силуэтный портрет Ф.К. Маршала фон Биберштейна, вырезанный из черной бумаги, в обрамлении — гравированное изображение античных руин. СПФ АРАН. Р. X. Оп. 1-М. Д. 69. Л. 1.

Илл. 6. Начало статьи Ф.К. Биберштейна «Erläuterung den Strabonischen Topographie des Cimmerischen Bosphore...». 1796 г. Автограф. СПФ АРАН. Р. I. Оп. 110. Д. 9. Л. 1.

Илл. 5. Фрагмент десятиверстной рукописной «Карты Таврической области». Не позднее 1796 г. СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 54. Л. 1.

Илл. 7. Список надписи КБН 285 на известняковом надгробии в стене ц. Иоанна Предтечи в Керчи. СПФ АРАН. Ф.65. Оп.1. Д.44. Л. 3.

Илл. 8. Надгробие КБН 285, по Палласу «две четверти ширины и четыре четверти длины», но с ошибочным указанием местонахождения в доме коменданта в Еникале (по: Pallas, 1801. Taf. 18. Fig. 4).

Илл. 9. Ф.К. Биберштейн. Археологическая карта Таманского полуострова с локализацией античных пунктов по Страбону. (СПФ АРАН. Р. I. Оп. 110. Д. 9. Л. 14 об.-15

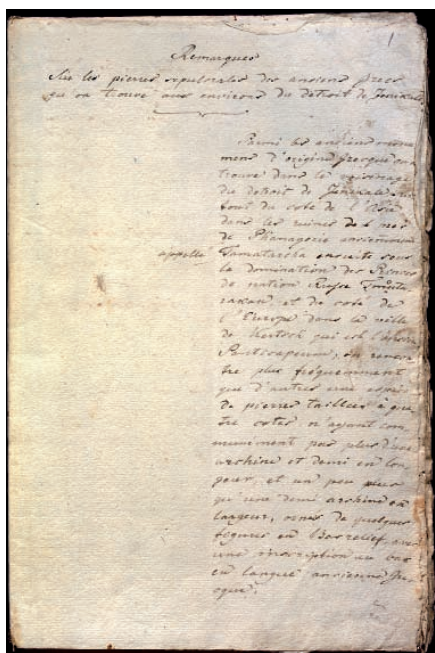

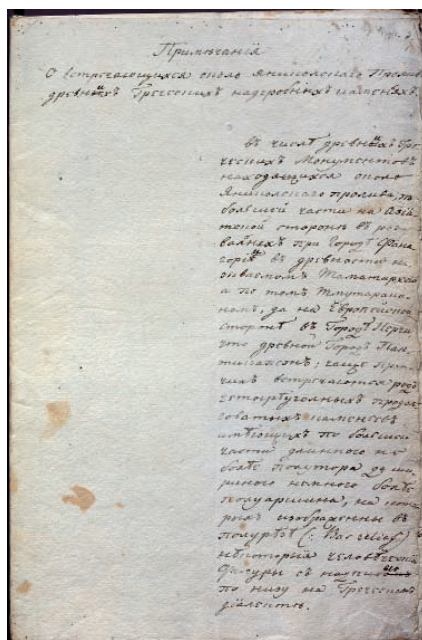
Илл. 11. Ф.К. Биберштейн. Археологическая карта Таманского полуострова с локализацией античных пунктов по Страбону. Черновик. 1795 г. СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 48. Л. 57 об.-58.

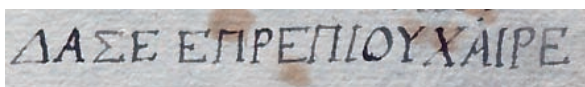

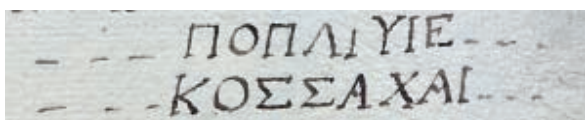
Илл. 13. Первый лист статьи Ф.К. Биберштейна «Remarques sur les pierres sepulchrales des anciens grecs qui on trouve aux environs du detroit de la Tauride» (1796). СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 44. Л. 1

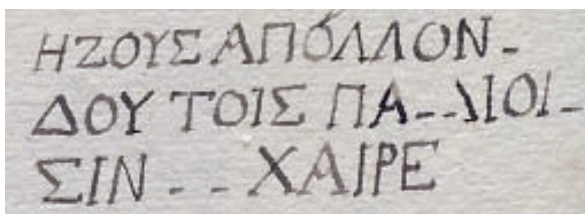
Илл. 14. Первый лист статьи Ф.К. Биберштейна «Примечания о встречающихся около Таврического пролива древних греческих надгробных камнях» (1796). СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 43. Л. 1

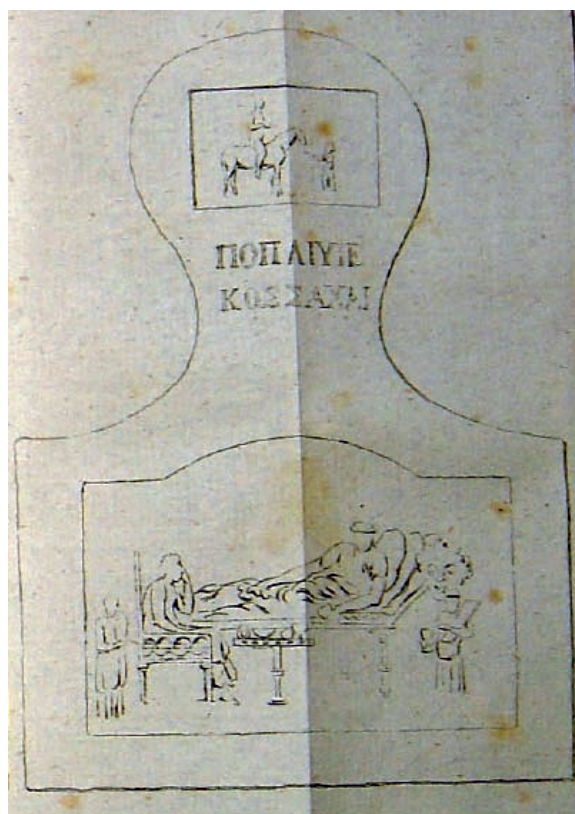
Илл. 15. Список надписи КБН 1077 на белом мраморном надгробии, найденном «в розвальнях при Фанагории». СПФ АРАН. Ф. 65. Оп.1. Д. 44. Л. 3

Илл. 16. Список надписи КБН 496 на надгробии в стене ц. Иоанна Предтечи в Керчи. СПФ АРАН. Ф.65. Оп. 1. Д. 44. Л. 4

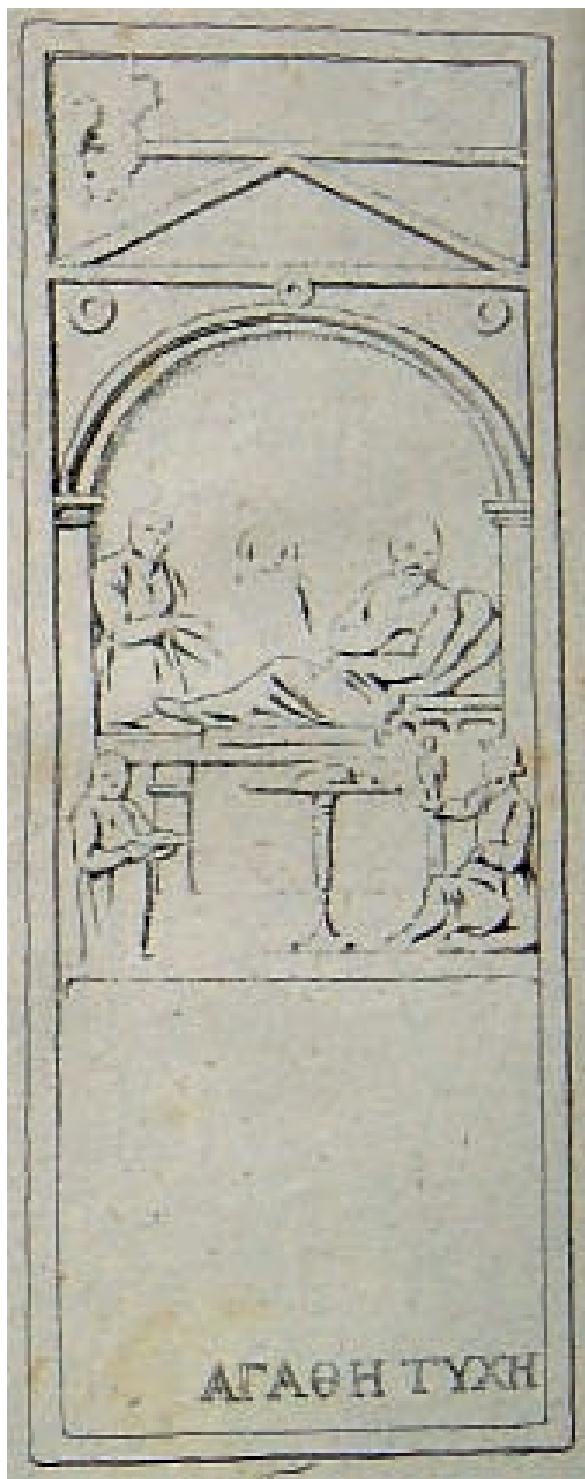

Илл. 17. Список надписи КБН 1095 на беломраморном надгробии, найденном «в розвальнях при Фанагории», затем перевезенном в Крым и вмурованном в стену «при янिकольском оберкомендантском доме». СПФ АРАН. Ф.65. Оп. 1. Д. 44. Л. 3 об

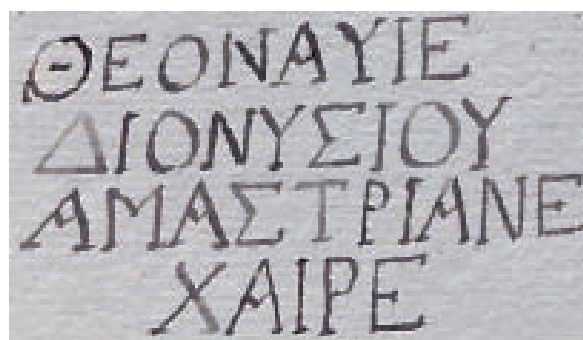

Илл. 18. Надгробие КБН 496 (по: Pallas, 1801. Taf. 17. Fig. 5)

Илл. 21. Рисунок надгробия КБН 833 со сценой «загробной трапезы», хранившегося у греческого священника в Керчи, согласно Палласу, принесен из каменного фонтана, находящегося на западе от почтовой дороги, ведущей в Керчь (по: Pallas, 1801. Taf. 18. Fig. 2)

Илл. 19. Список надписи КБН 610 на надгробии в стене ц. Иоанна Предтечи в Керчи. СПФ АРАН. Ф.65. Оп.1. Д. 44. Л. 4

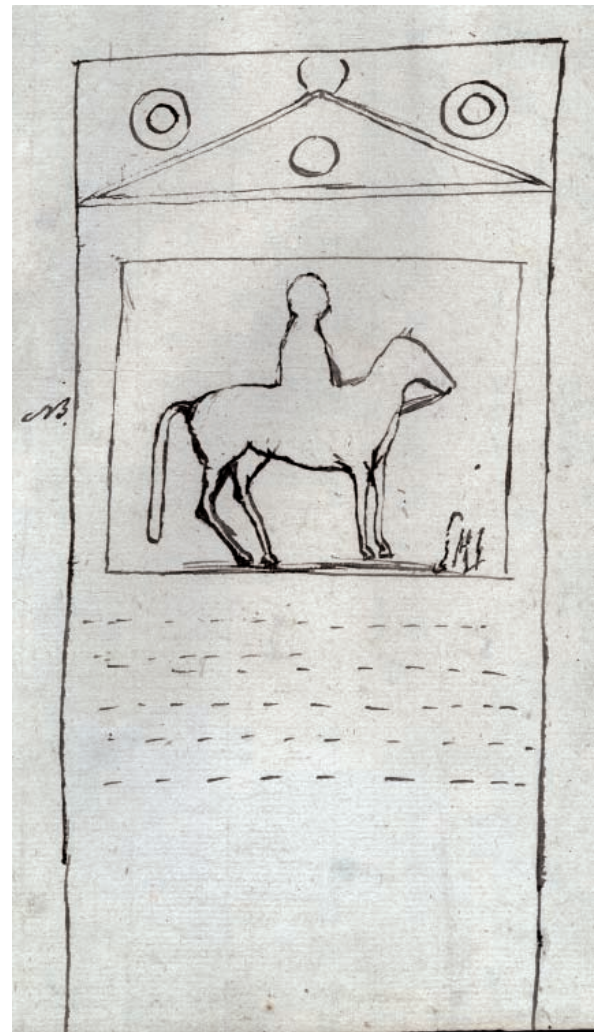
Илл. 20. Список надписи КБН 833 на известняковом надгробии, найденном «не весьма давно по горам возле Керчи» и хранившемся «у тамошнего греческого священника». СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 44. Л. 12

Илл. 22. набросок античного надгробия КБН 285 из некрополя Пантикапея с изображением стоящей женщины и ребенка в стене ц. Иоанна Предтечи в Керчи. Чернила, перо. СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 44. Л. 18

Илл. 23. Античное надгробие в стене ц. Иоанна Предтечи в Керчи (по: Pallas, 1801. Taf. 18. Fig. 2).

Илл. 24. набросок античного надгробия с изображением всадника КБН 1095 из некрополя Гермонассы, вделанного в стену «при оберкомендантском доме» в Еникале. Чернила, перо. СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 44. Л. 20

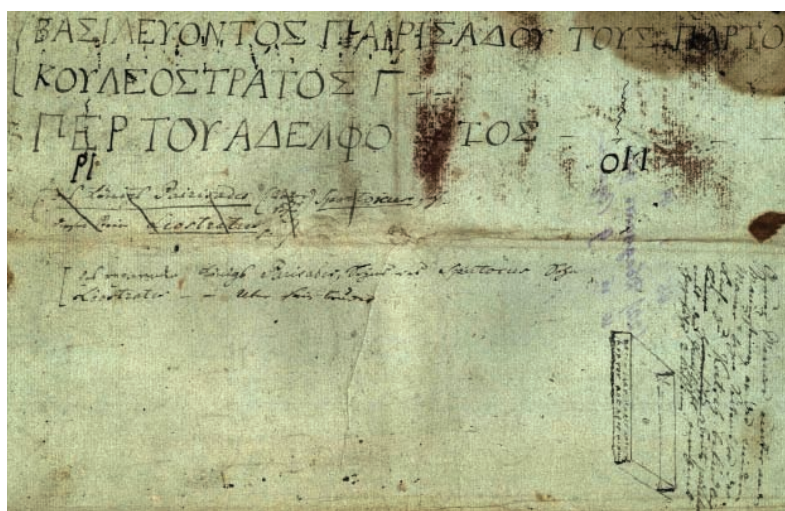

Илл. 25. Надгробие КБН 1095 в доме коменданта крепости Еникале «более шести четвертей вышины и и две четверти ширины» (по: Pallas, 1801. Taf. 18. Fig. 3)

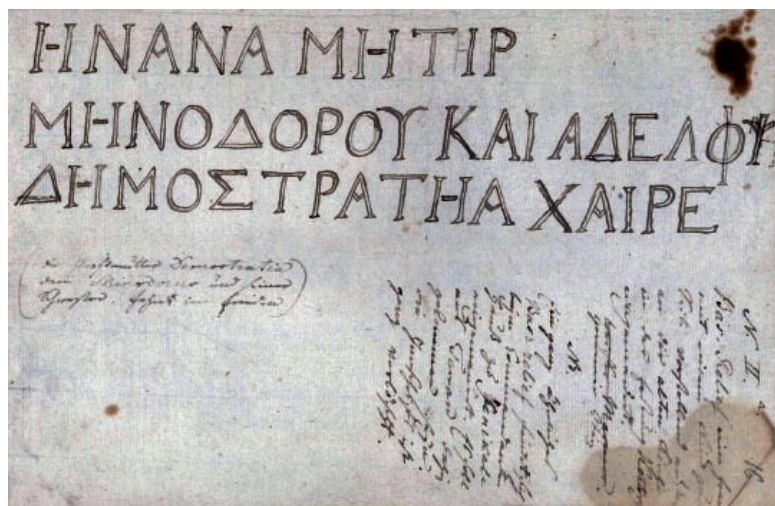

Илл. 26. Надпись КБН 23 в полу ц. Иоанна Предтечи (по: Pallas, 1801. Taf. 17. Fig. 1)

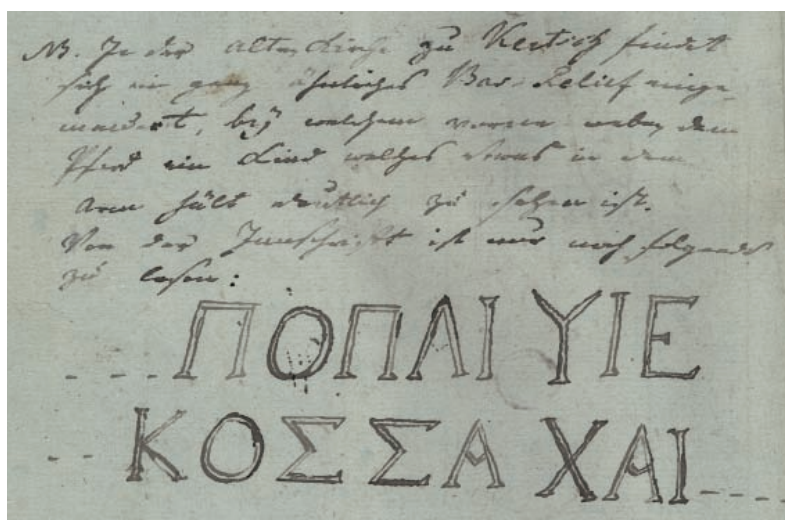

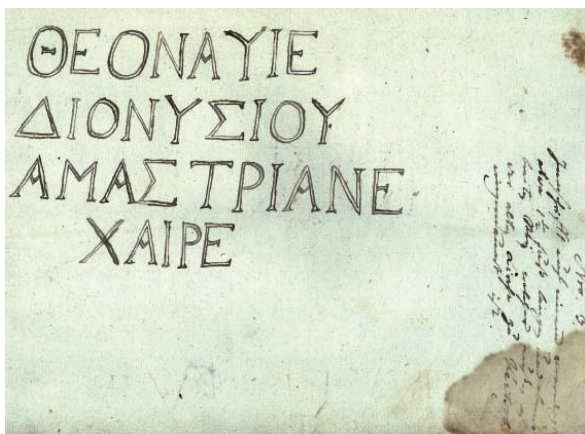
Илл. 27. Список надписи КБН 23 (240–220 гг. до н.э.) в полу ц. Иоанна Предтечи в Керчи (хранилась в Феодосийском музее древностей, ныне местонахождение неизвестно). СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 44. Л. 22 об

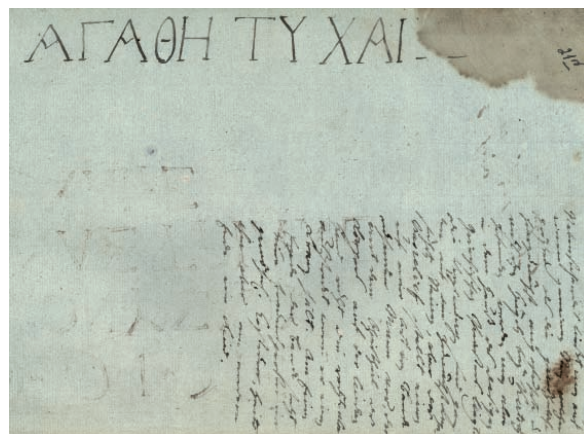
Илл. 28. Список надписи КБН 285 на надгробной беломраморной стеле в стене ц. Иоанна Предтечи в Керчи (ныне в Керченском музее). СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 44. Л. 16

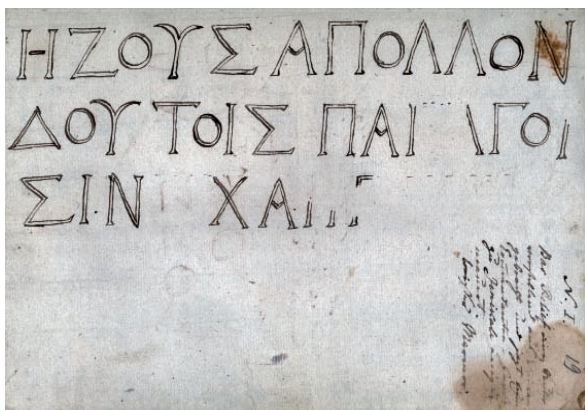
Илл. 29. Список надписи КБН 496 на надгробной беломраморной стеле в стене ц. Иоанна Предтечи в Керчи (ныне в Керченском музее). СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 44. Л. 19 об

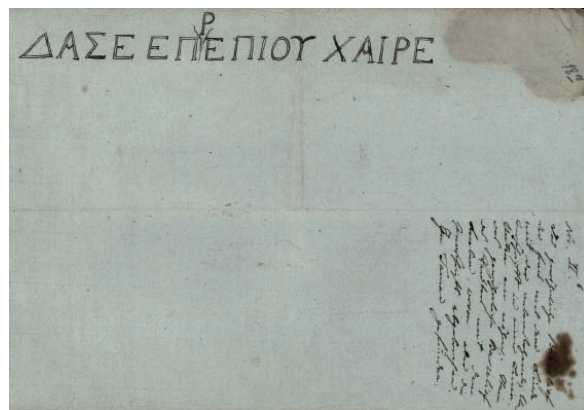
Илл. 30. Список надписи КБН 610 на мраморной стеле в стене ц. Иоанна Предтечи в Керчи (ныне в Керченском музее). СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 44. Л. 20 об

Илл. 31. Список надписи КБН 833 на известняковом камне со сценой «загробной трапезы», найденном «не весьма давно по горам возле Керчи», хранившегося у греческого священника в Керчи. СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 44. Л. 21 об

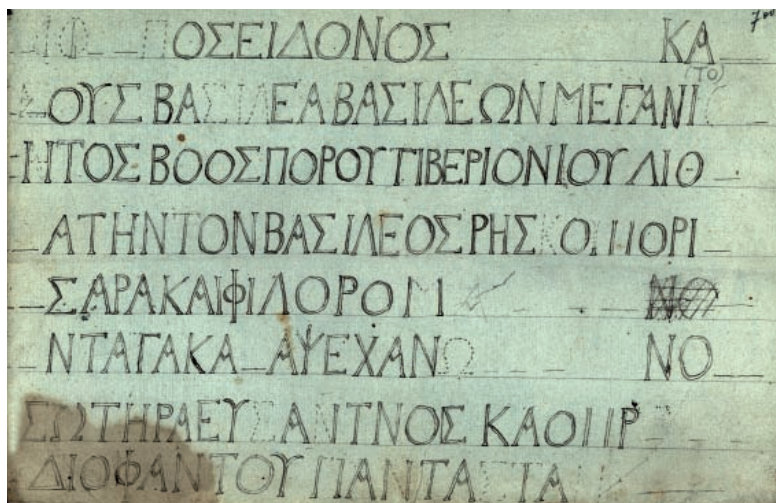

Илл. 32. Список надписи КБН 1095 на мраморной надгробной стеле из Гермонассы (конец I — начало II в. н.э.), найденной «в розвальнях при Фанагории», затем перевезенной в Крым и вделанной в стену «при оберкомендантском доме» в Еникале, в 1856 г. увезена англичанами, ныне в Британском музее. СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 44. Л. 19

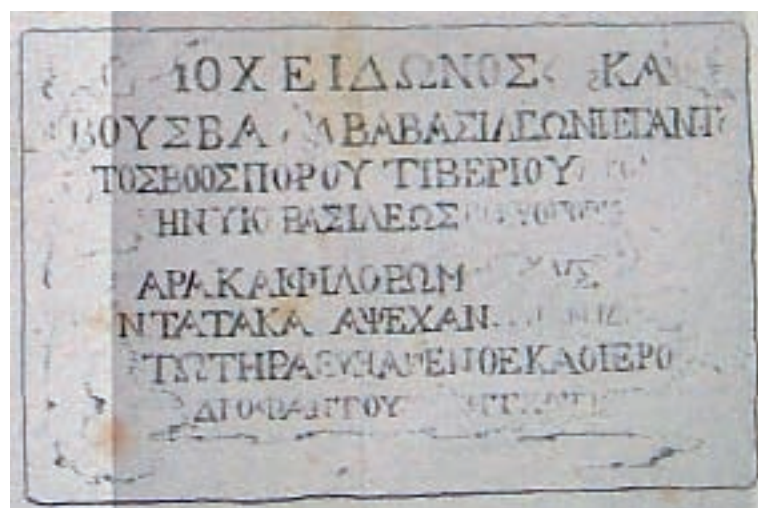

Илл. 33. Список надписи КБН 1077 на фрагментированной беломраморной надгробной стеле (отломан верх) из некрополя Гермонассы (I в. н.э.), найденной «в розвальнях» при суворовской крепости Фанагория (ныне в Феодосийском музее). СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 44. Л. 18 об

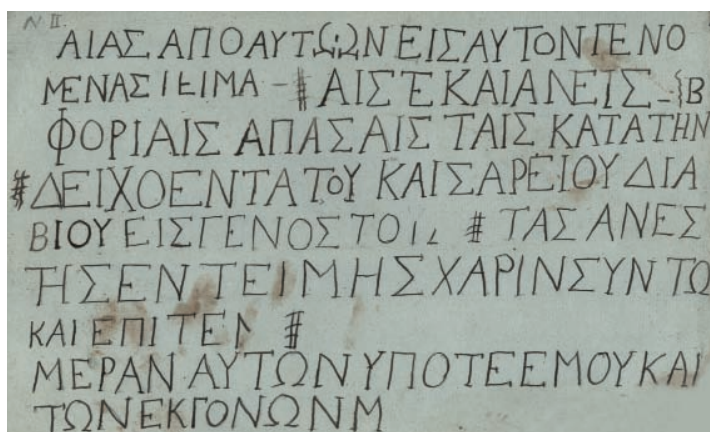

Илл. 34. Список почетной надписи КБН 1048 на мраморном постаменте из Гермонассы (конец I – начало II в. н.э.), найденный “в розвальнях” при суворовской крепости Фанагория (ныне местонахождение неизвестно). СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 45. Л. 7 об

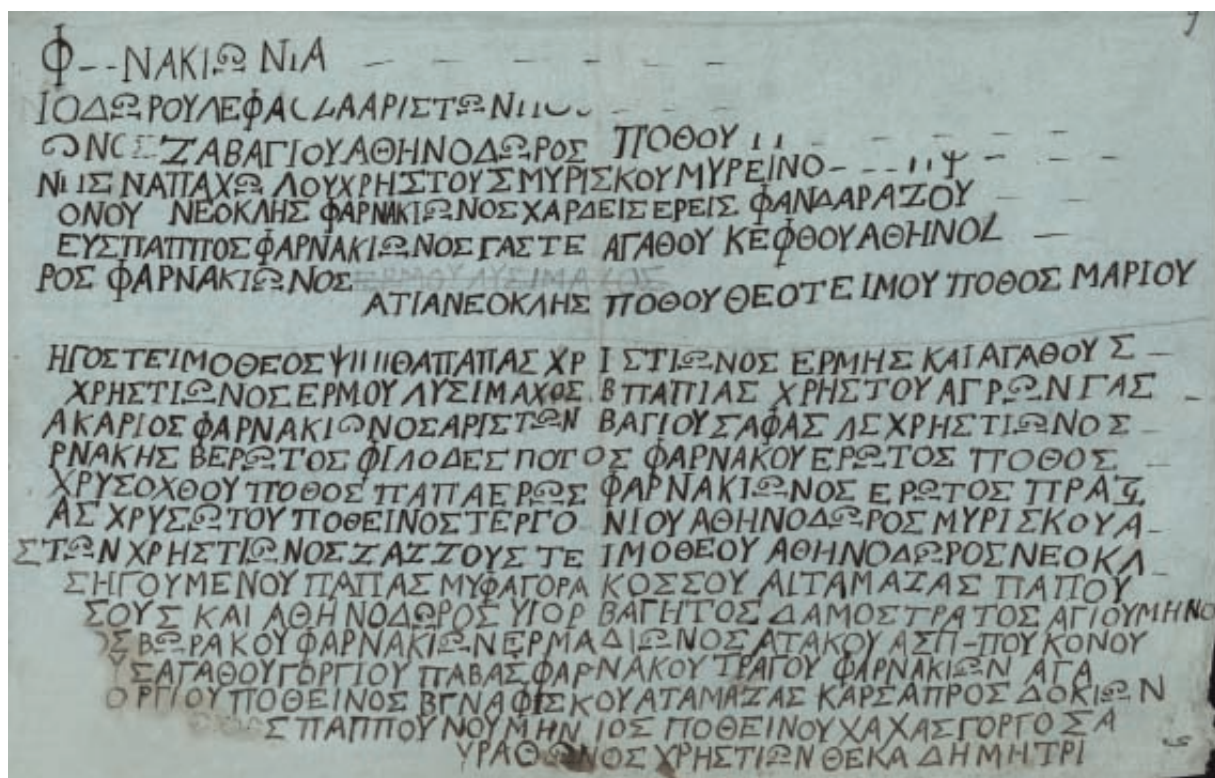

Илл. 35. Надпись КБН 1048 (по: Pallas, 1801. Taf. 17. Fig. 4)

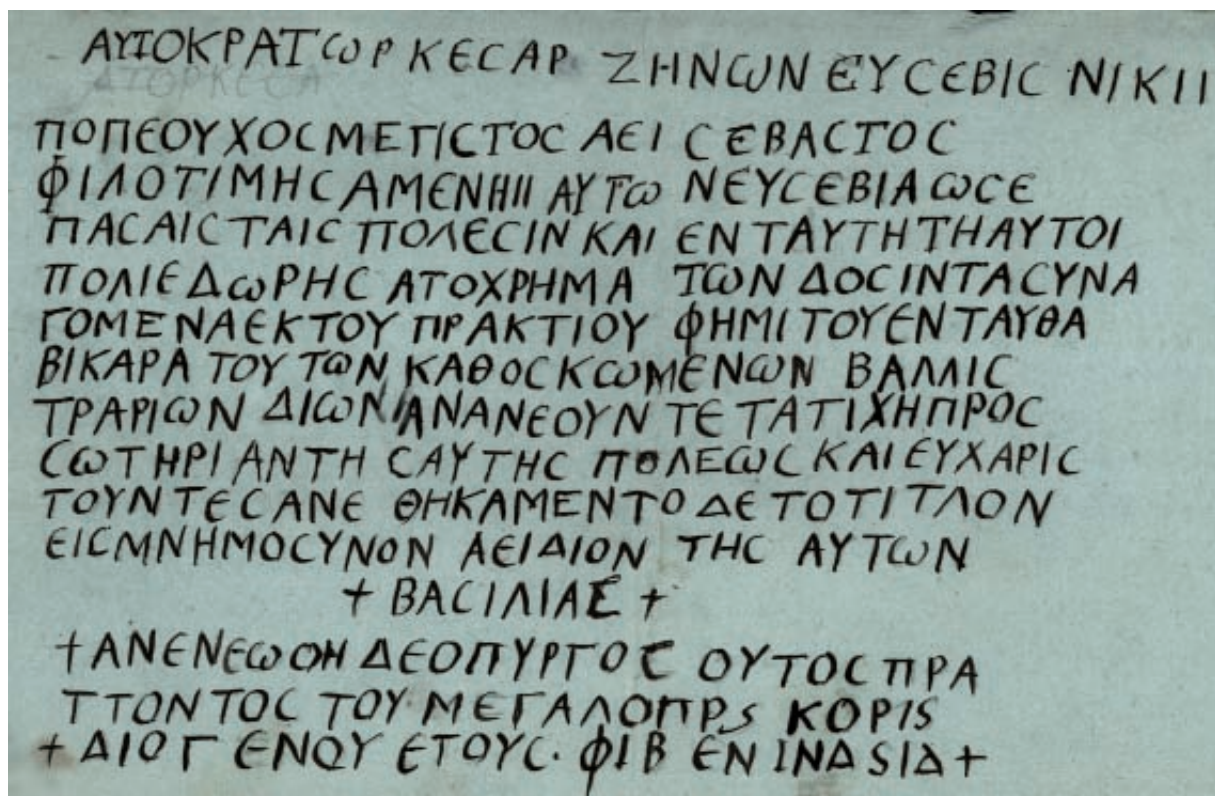

Илл. 36. Список почетной надписи КБН 1050 на мраморной плите из Гермонассы (1 половина II в. н.э.), найденной «в розвальнях» при суворовской крепости Фанагория, в 1800 г. увезена Э.Д. Кларком в Кембридж, ныне хранится в Музее Фицвильяма. СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 45. Л. 6

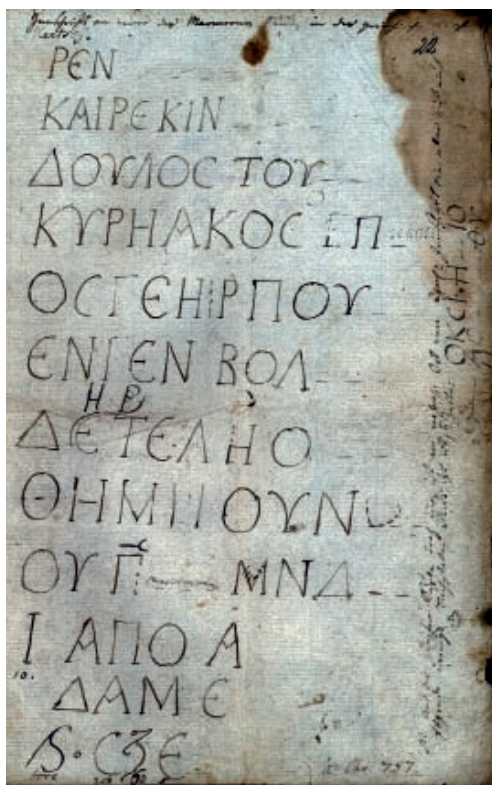

Илл. 37. Копия надписи КБН 1179 со списком имен на мраморной прямоугольной плите (2 половина II — начало III в. н.э.), найденной в окрестностях Анапы, затем перевезенной в Севастополь, в 1800 г. увезена Э.Д. Кларком в Кембридж, ныне в Музее Фицвильяма

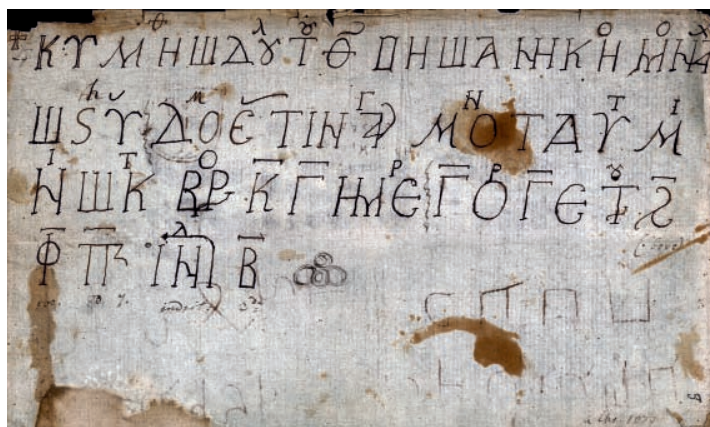

Илл. 38. Список строительной надписи в честь византийского императора Зенона 487–488 гг. из Херсонеса-Херсона (Латышев, 1896. № 7). СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 45. Л. 8

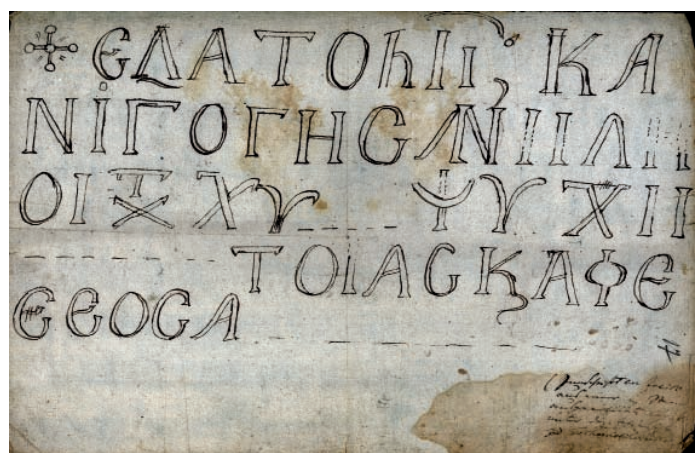

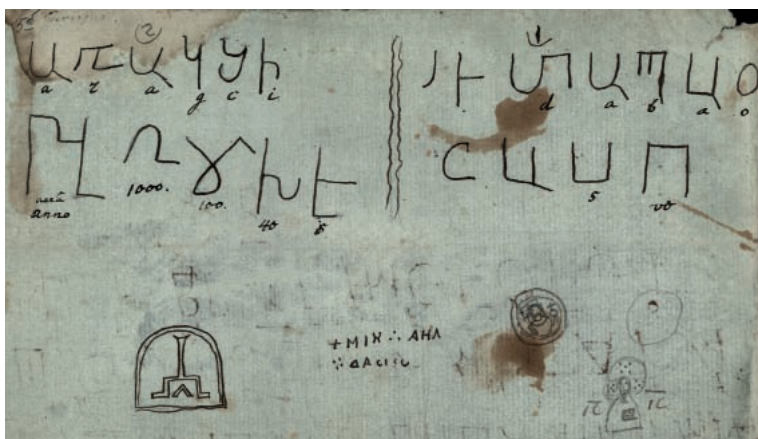
Илл. 39. Список надгробия Кириака 767 г. в ц. Иоанна Предтечи в Керчи (Латышев, 1896. № 93). СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 44. Л. 22

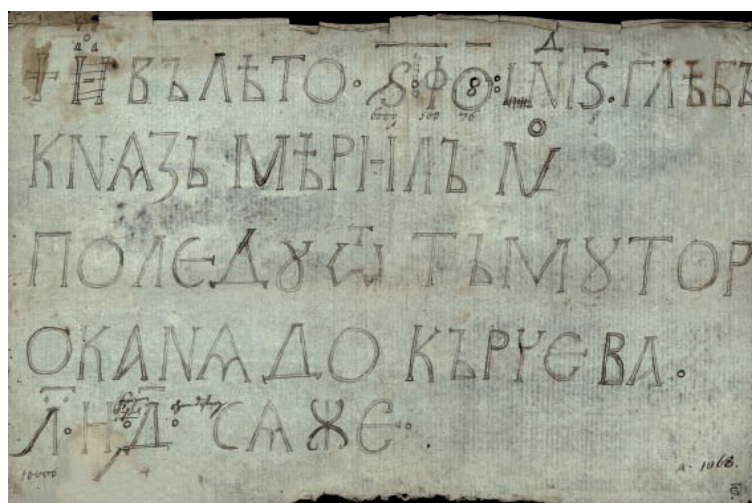
Илл. 40. Список надписи надгробия Иоанникия 1078 г., найденного на Таманском полуострове. СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 42. Л. 5

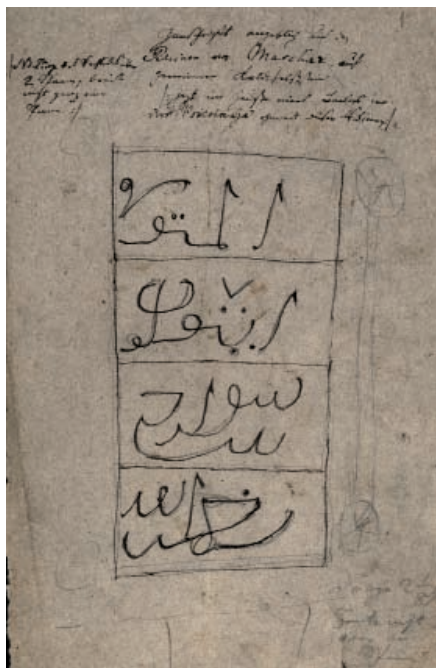
Илл. 41. Список надписи второй половины XIII в. из «Храма трех всадников» в Эски-Кермене (Латышев, 1896. № 43). СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 44. Л. 17

Илл. 42. Списки средневековых армянских и греческих надписей из Старого Темрюка на Таманском полуострове. СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 45. Л. 5 об

Илл. 43. Список древнерусской надписи Тмутараканского камня 1068 г. (ныне в Государственном Эрмитаже). СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 65. Л. 10

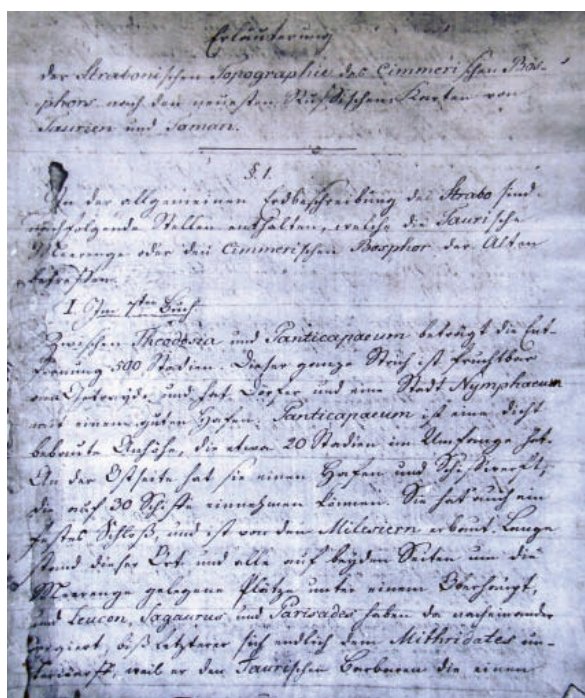

Илл. 44. Список арабской надгробной надписи из золотоордынского города Маджары. СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 45. Л. 1

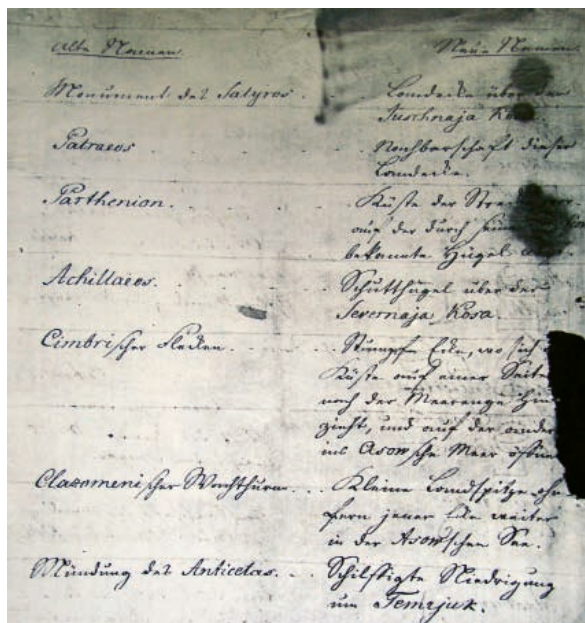

Илл. 45. Список арабской надгробной надписи из золотоордынского города Маджары. СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 45. Л. 2

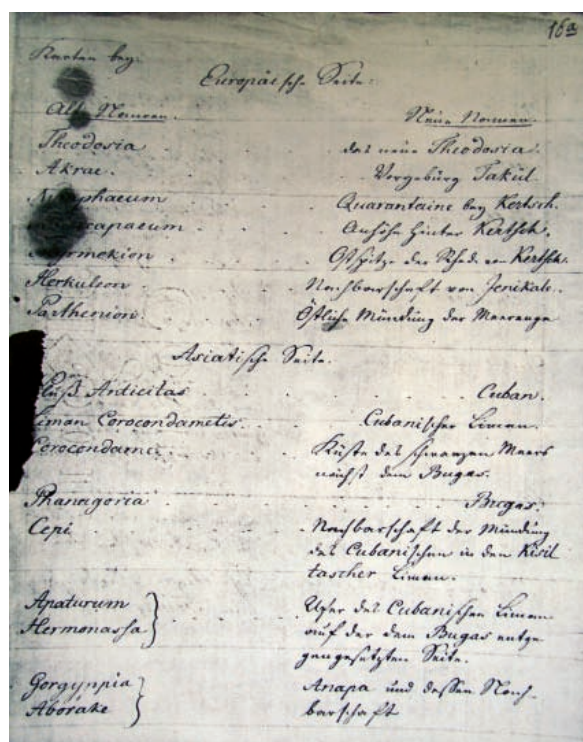

Илл. 46. Первый лист писцовой копии статьи
Ф.К. Биберштейна «Erläuterung den Strabonischen
Topographie das Cimmerischen Bosphore...» из
фонда акад. Е.Е. Келера
(АГЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20. Л. 1a)

Илл. 48. Соотнесение пунктов, упомянутых
Страбоном, на Азиатской стороне Керченского
пролива, по Ф.К. Биберштейну
(АГЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20. Л. 16а об.)

Илл. 47. Соотнесение пунктов, упомянутых Страбоном, на Европейской и Азиатской стороне Керченского пролива, по Ф.К. Биберштейну (АГЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20. Л. 16а)

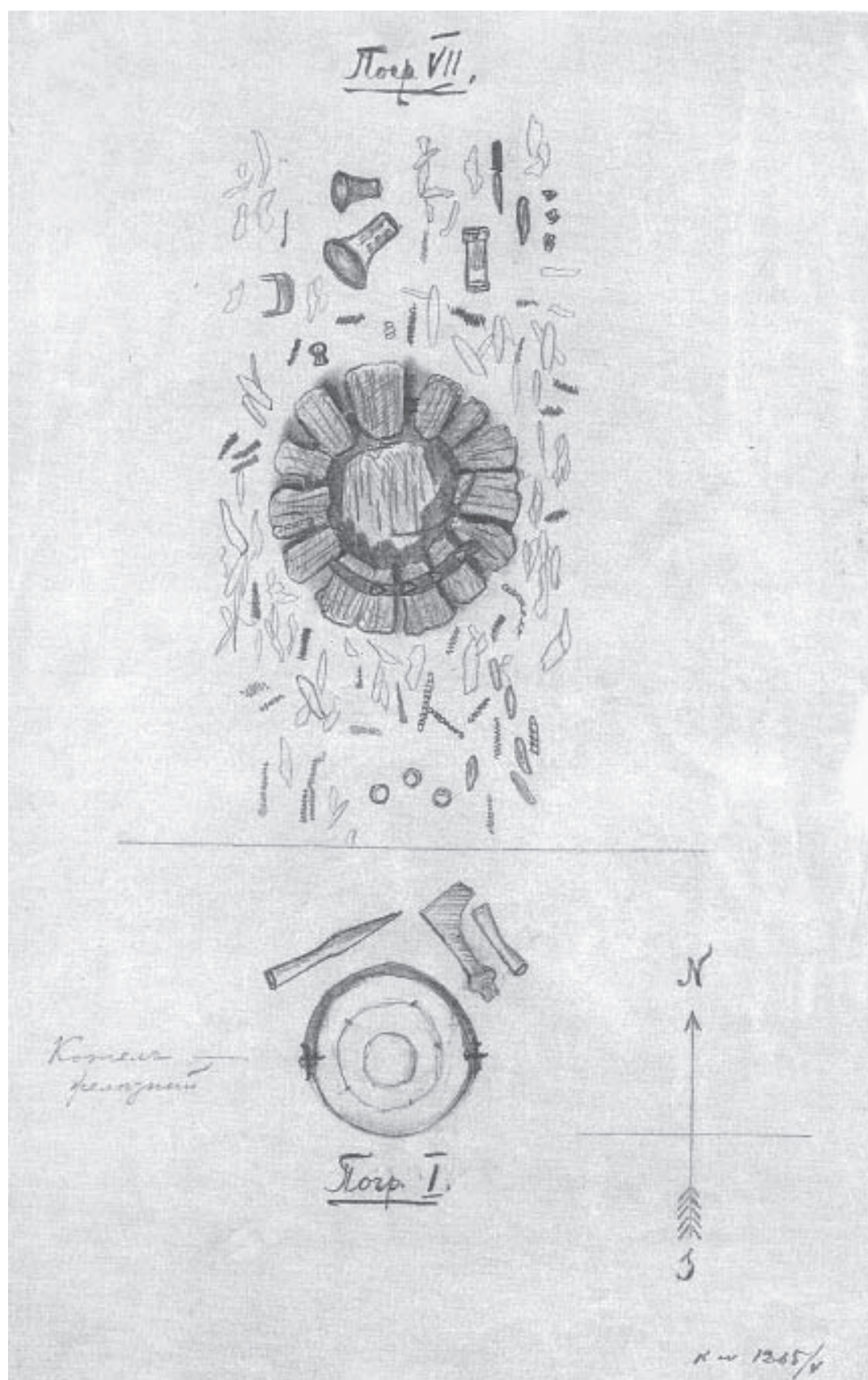

Илл. 49. Портрет К.М. Бэра конца 1830-х годов

Илл. 50. Профессор истории и археологии искусства Московского университета
Карл Карлович Гёрц (Ch. Görtz) (1820–1883)

Илл. 51. Рисунок В.И. Каменского из отчета о раскопках «Черемисского кладбища»

Илл. 52. Экспозиция отдела археологии

Илл. 53. Материалы раскопок В.И. Каменского

Илл. 54. Витрина с материалами свайных построек Швейцарии

Илл. 55. В.М. Лемешевский у витрины с палеолитическими орудиями

Илл. 56. В.А. Городцов в своей квартире в Полуэктовом переулке в начале 1940-х гг.

Хлестаковы в Археологии

Археология хотя и ушла в
древности, но является наукой
новой, молодой. В ней много
интересного, много весьма важ-
ного для познания жизни всего
вселенной, много захватывающего
духа; вот почему люди неграмотные
разруша с жадностью авируют
стелы и едят в них фрагмен-
ты. И так узорчатые
стелы, вера всеми существами
своими, что их узоры являются
иллюстрациями поименой жизни
человеческой предков глубокой
и важной жизни. Со сто-
роны, люди смотрят на
их как на картинки, но подлинный
труд нашего времени, а иногда
же приятно. К сожалению,

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

Тов. *ГОРОДЦОВ*

Василий Алексеевич

За выдающиеся заслуги в области
исторических наук

Президиум Верховного Совета РСФСР

Указом от *14 января 1943 года*
присвоил Вам звание

ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РСФСР

И. о. Председателя
Президиума Верховного Совета
РСФСР

(Н. Власов)

Секретарь
Президиума Верховного Совета
РСФСР

(Н. Балмуров)

1 июля

1943 г.

МОСКВА

№ 851

Илл. 59. Почетная грамота «Заслуженного деятеля науки РСФСР»,
выданная В.А. Городцову 01.07.1943 г.

Илл. 60. П.С. Рыков — гимназист, г. Москва

Илл. 61. П.С. Рыков — студент Московского университета и Археологического института

Илл. 62. П.С. Рыков — директор Режицкой мужской гимназии. 1917 г.

Илл. 63. П.С. Рыков — профессор и проректор Саратовского университета

Илл. 64. В.П. Левашева. Омск. 1929 г.
Фрагмент фотографии

Илл. 65. Семья Левашевых, слева направо: Анна Васильевна, Елизавета, Павел Никанорович, Александра, Юлия; во втором ряду Варвара и Трифон. Петроград. 1914 г.

Илл. 66. В.А. Городцов с учениками. На первом плане лежит неизвестный. Сидят (слева направо): М.Е. Фосс, Л.А. Евтюхова, В.П. Левашева, В.А. Городцов, Е.Н. Липеровская (Дмитриева), четверо неизвестных, А.Я. Брюсов; стоят в первом ряду: шестой — П.А. Дмитриев; седьмой — М.В. Городцов (?); во втором ряду: четвертый — А.В. Арциховский, шестой — А.П. Смирнов. Москва. Апрель [1926 г.]

Илл. 67. В.П. Левашева. Защита диплома. Москва. 1926 г.

Илл. 68. Группа учеников В.А. Городцова, слева направо: 1 — Е.Н. Липеровская (Дмитриева), 3 — В.П. Левашева, 5 — А.П. Смирнов, 6 — П.А. Дмитриев [1926 г.?)

Илл. 69. П.Б. Юргенсон. Карикатура на В.А. Городцова. Рис. чернилами [1923 г.?]. Из архива семьи Юргенсон. Публикуется впервые. Надпись на «свитке»: «археологическая классификация»

Илл. 70. Протоиерей П.Н. Левашев.
1910-е гг. Из Интернета
(<http://drevo.pravbeseda.ru/index.php>)

Илл. 71. Протоиерей П.Н. Левашев.
Фото из архива НКВД. 1937 г.

Илл. 72. В.П. Левашева. Красноярск.
1943 г.

Илл. 73. В.П. Левашева с дочерьми Машей и Таней. Москва. 1954 г.

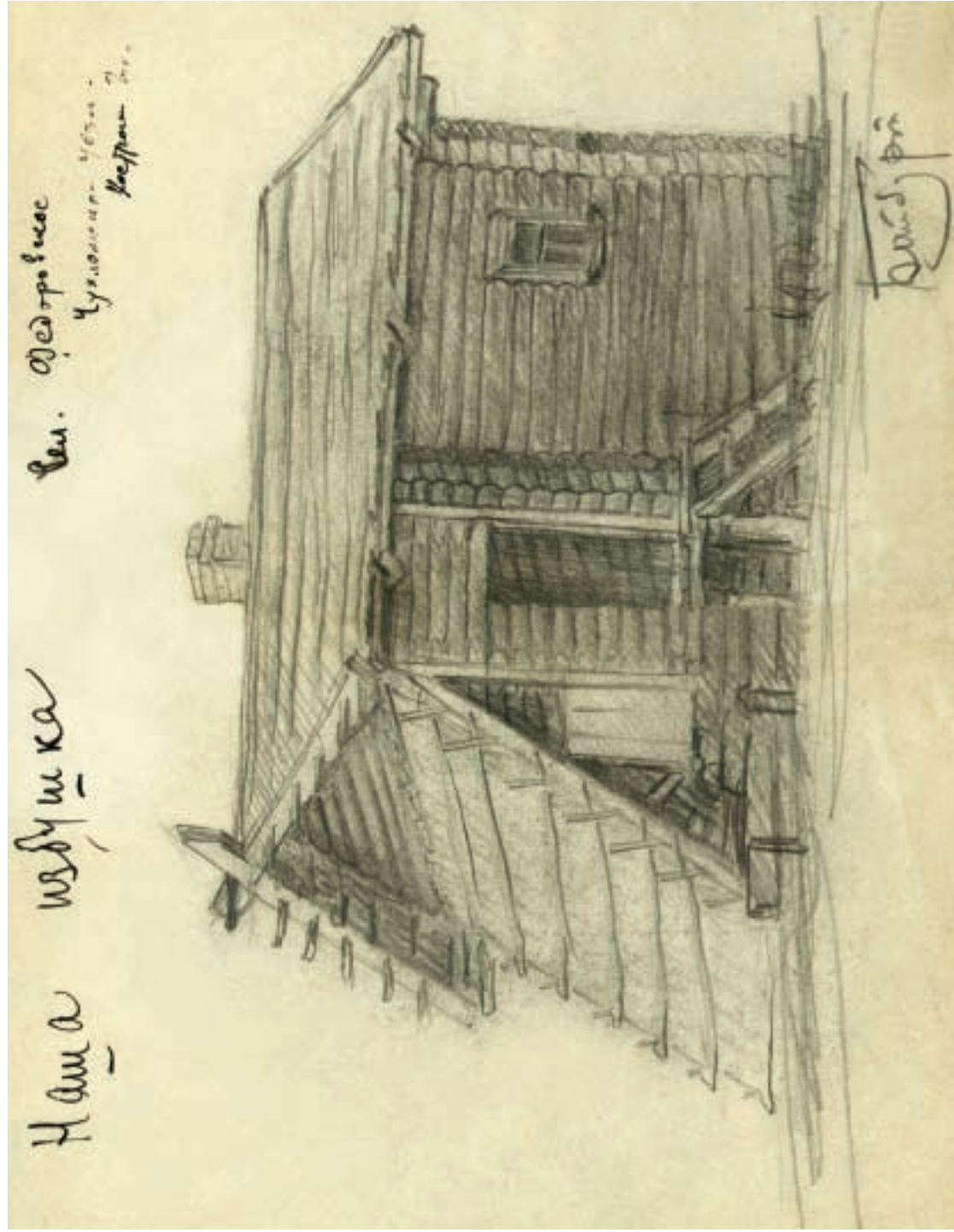

Илл. 74. М.Е. Фосс. Фото. [1950-е гг].
ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 1. Л. 7.

Илл. 75. Полевой дневник Галичской экспедиции. 1945 г.
Рисунок на обложке. Карандаш. Ф. 487. Ед. хр. 86. Л. 2

Илл. 76. «Наша избушка» (в селе Федоровском Костромской губернии).

Рисунок А.А. Байбурга. Карандаш. 1925 г. Ф. 487. Ед. хр. 93. Л. 37

Содержание 1-го выпуска.

Профессор А. С. Федоровский. Инструкции и программы для археологических разведок и сбора археологических материалов.

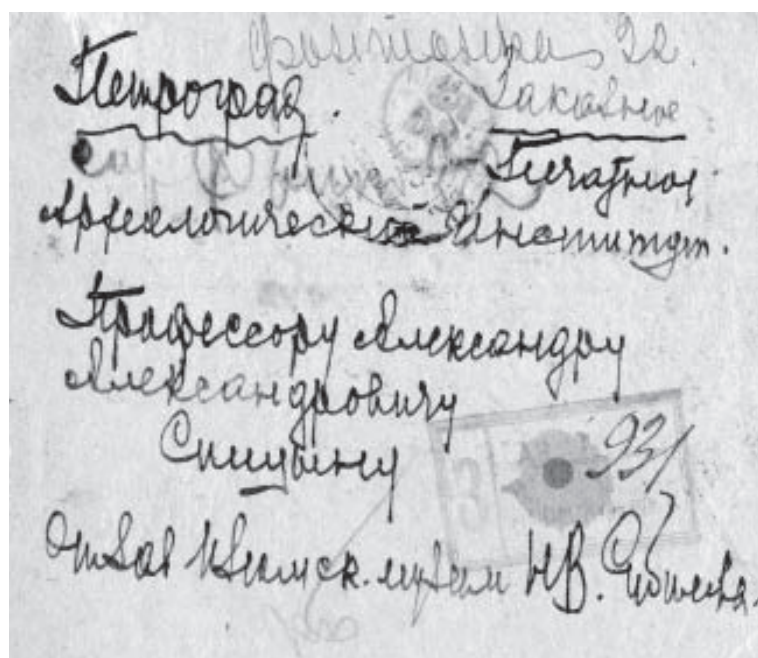
Н. В. Сибилев. Городища, валы и доисторические стоянки в пределах Изюмского уезда.

Губожаданскому
Александр Александровичу
Спицыну
Изюмский ист.-истор. музей.

Илл. 77. Вторая страница обложки изюмского сборника

Илл 78. Вырезанная часть конверта, хранящаяся между страниц изюмского сборника

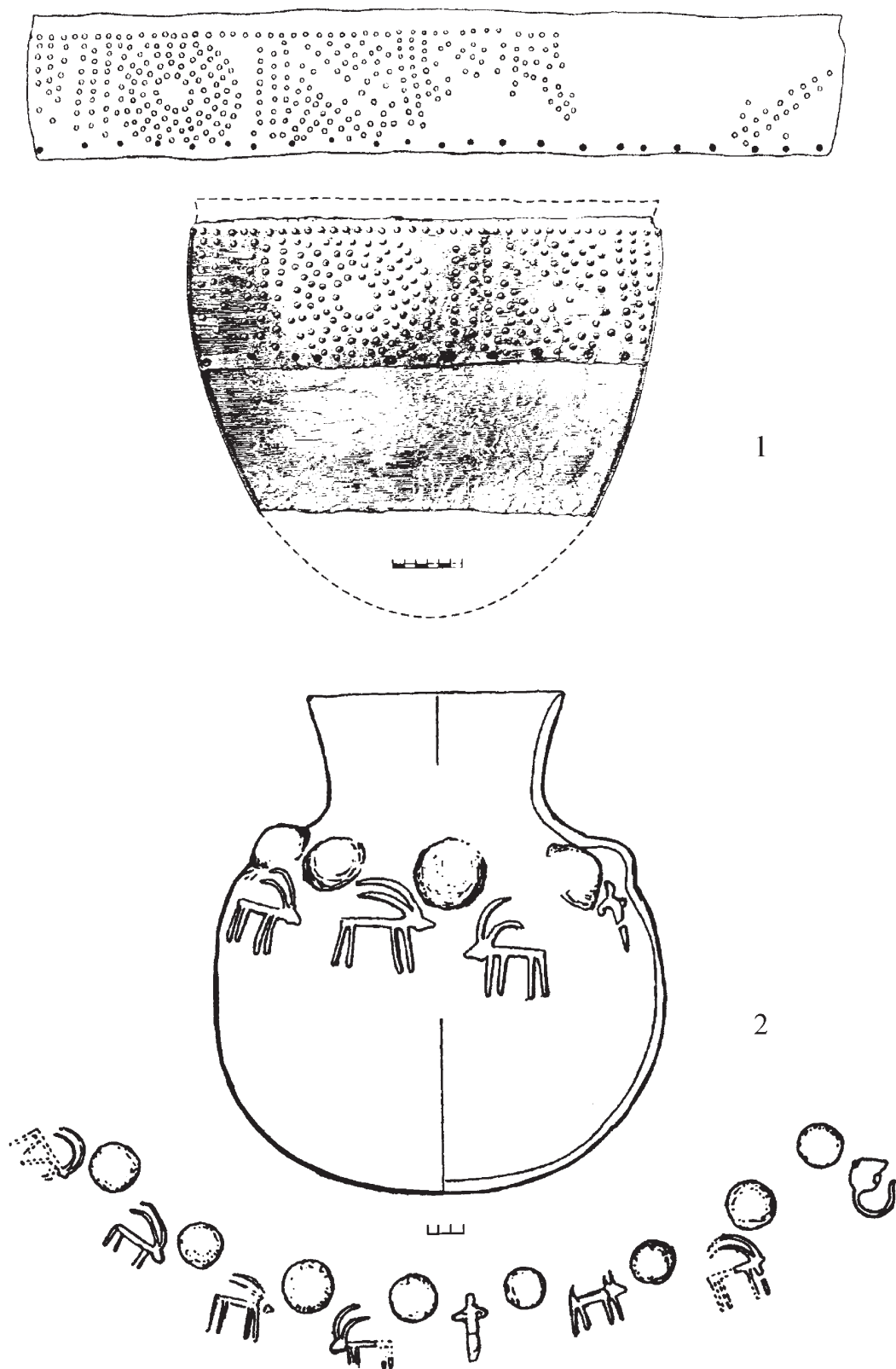

Рис. 4. Изображения на бронзовом котле и керамическом сосуде майкопского круга
 1 — могильник Эвдык, курган 4, п. 23 (по: Шилов, Багаутдинов, 1998. Рис. 4, 6);
 2 — Сунженский могильник, курган 2, п. 2 (по: Корневский, 2004. Рис. 49)

олита — раннего бронзового века, на котле присутствуют и дуги, и некое подобие зооморфного силуэта (справа от крестовидного, возможно, образующего слитную с ним фигуру), и подобие сдвоенной косой линии на противоположном конце фриза.

Сам комплекс, прежде всего по составу и формам вещей, сопоставляется авторами публикации с новосвободненскими, понимаемыми ими в традиционном ключе, т. е. как исключительно позднемайкопские, а по обряду — со среднестоговскими, ямными и культуры шаровидных амфор (Шилов, Багаутдинов, 1998. С. 176). Подобное смешение (и такое понимание) в свою очередь приводит их к заключению не о хронологическом сближении со «Средним Стогом», а лишь о переживании среднестоговских и ямных традиций. Вместе с тем, в последнее время появился другой погребальный комплекс, представляющий прямую аналогию эвдыкскому и подтверждающий его архаичность (Ипатовский III, курган 2, п. 195). Он определен как «ямно-майкопский» и по калиброванным радиоуглеродным датам отнесен к XXXIV–XXXV вв. до н. э. (Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007. С. 91).

О существовании керамических сосудов с изображениями культового характера у племен майкопской общности свидетельствует уникальная пока находка из погребения 2 кургана 2 Сунженского могильника (Кореневский, 2004. С. 179. Рис. 49). Горизонтальный ряд крупных, выдавленных изнутри полушарных выпуклостей (не жемчужин) и изображенный под ним фриз из повернутых в разные стороны от центральной антропоморфной фигуры животных, пять из которых

имеют длинные загнутые назад рога (козлы?), а одно — вертикально стоящие короткие ушки (собака?), на найденном здесь круглодонном горшке помещены на плечико (рис. 4, 2). Венчик не орнаментирован, что вкупе с достаточной реалистичностью самих фигурок препятствует прямым сопоставлениям с мысхакским образцом. Однако изображения на сунженском сосуде по своим стилистическим особенностям и по композиции в целом могут быть напрямую сопоставлены с петроглифическим фризом, обнаруженным на плитах двора Джубгинского дольмена (доклад В.А. Трифонова на II/XVIII Всероссийском археологическом съезде в Суздале в октябре 2008 г.), где такие же рогатые и безрогие звери расходятся в разные стороны от центральной антропоморфной (?) фигуры. В правом же конце джубгинская композиция завершается трудным для истолкования, но возвращающим нас к Мысхако знаком в виде наклонной сдвоенной линии.

Разумеется, приведенные примеры трудно назвать аналогиями в прямом смысле и в силу очевидных стилистических или технологических различий, и в силу значительного хронологического и территориального разброса, а главное, из-за граничащей с невыразительностью простоты самих сравниваемых элементов. Скорее, это первые зацепки, демонстрирующие возможность дальнейшего поиска. Пока же можно говорить лишь о предположительном выделении культовой формы из сильно стандартизированной серии посуды культуры жемчужно-накольчатой керамики и о присутствии в ее керамическом декоре изобразительных или знаковых сюжетов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кореневский С.Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.

Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А., 2007. Большой Ипатовский курган на Ставрополье. М.

Трифонов В.А., 2001. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита — средней бронзы Кавказа, степной и ле-

состепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара.

Шилов В.П., Багаутдинов Р.С., 1998. Погребения энеолита — ранней бронзы могильника Эвдык // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара.

Г.Н. Поплевко

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

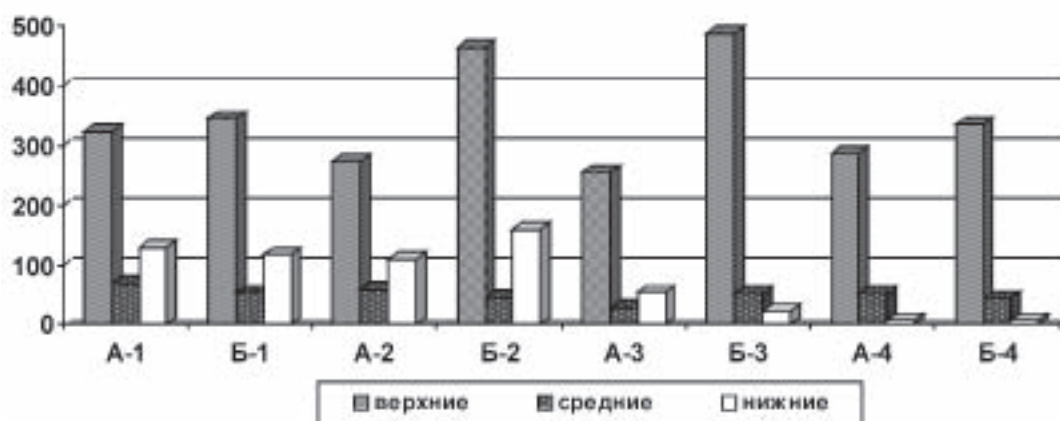
ТРАСОЛОГИЧЕСКОЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ ПОСЕЛЕНИЯ МЕШОКО ИЗ ШУРФА I¹

В 1965 г. А.А. Формозов опубликовал результаты первых наблюдений, касающихся поселения Мешоко и группы памятников в долине р. Белой на Северо-Западном Кавказе (Формозов, 1965). В 2006 г. мною была исследована небольшая коллекция орудий из кости и рога, позволившая выделить целый комплекс орудий по изготовлению керамики (Поплевко, 2006). В 2007 г. С.М. Осташинский возобновил раскопки энеолитического поселения Мешоко в Майкопском районе Республики Адыгея. Был заложен шурф I площадью 8 м². Раскоп был разбит на квадраты площадью в 1 м². Помимо дерна автор раскопок фиксировал находки на 14 условных горизонтах по 10 см. В ходе работ получена коллекция керамики (12711 экз.) и 3790 экз. кремневых и каменных изделий. Автор раскопок объединяет условные горизонты в три группы: 1–5 (верхние), 6–9 (средние), 10–14 (нижние) (Осташинский. В печати). Кремень и небольшое количество изделий из других пород камня распределяется по этим горизонтам так: 2774 экз. — верхние, 408 — средние, 608 — нижние (гист. 1; табл. 1). В данном исследовании основное внимание будет уделено изделиям из кремня как наиболее массовой категории орудий.

Технологическая характеристика. В целом можно отметить, что для поселения Мешоко характерна отщеповая техника расщепления кремня. В коллекции из шурфа I выделено 400 экз. (11%) пластинчатых форм, из них правильных пластин только 11а, 55 пластин и 12 пластинчатых отщепов с ретушью. Наиболее многочисленную группу составляют отщепы (1949 экз.), а также аморфные осколки и обломки, чешуйки. Нуклеусов и нуклевидных форм — по 23 экз. В коллекции почти нет нуклеусов с упорядоченной поверхностью расщепления с выраженными ударными площадками. Трасологический анализ проксимальных концов сколов показал, что расщепление в основном проводили с помощью ударной техники скола каменными и роговыми отбойниками. Роговые отбойники использовали для получения пластин и пластинчатых сколов. На некоторых проксимальных концах пластинчатых сколов можно отметить абразивную подправку кромки карниза ударной площадки или его оббивку. Признаки применения каменных отбойников были описаны мною ранее (Поплевко, 2003а; 2003б; 2007), в данной коллекции они присутствуют на многочисленных сколах. Наряду со сколами с признаками применения каменных

---

¹ Раскопки С.М. Осташинского (2007 г.), которому выражаю признательность за возможность работы с материалами.

Гистограмма 1. Распределение кремневых изделий на площади раскопа 2007 г.

и роговых отбойников встречаются изделия, которые можно связать с контрударным расщеплением.

Типологически С.М. Осташинский выделил следующие группы орудий: сегменты (5 экз.), наконечники (7), проколки (6), ножи (2), вкладыши (2). Самую многочисленную типологически выделенную группу составляют скребки — 23 экз. Острия и сверла насчитывают соответственно 3 и 6 экз., есть также 1 ретушер и 1 отбойник.

Автором раскопок выделена серия кремневых изделий с ретушью, названная им долотцами (33 экз.). Обломки и заготовки бифасов объединяют 17 экз. (табл. 1). В огромной коллекции отщепов всего 58 экз. имеют ретушь.

Трасологическая характеристика. Все кремневые изделия из шурфа I были представлены для трасологического исследования. С помощью бинокулярного микроскопа МС-2-ZOOM с небольшим увеличением до 20 раз была исследована вся коллекция для

Таблица 1

Соотношение данных трасологического и типологического анализов

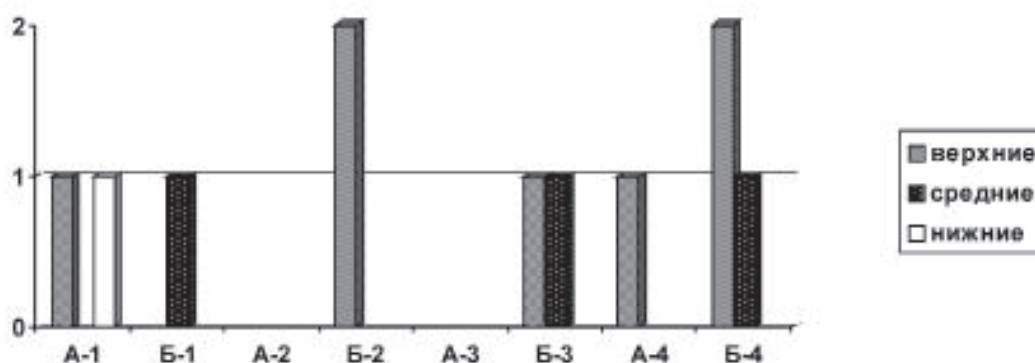
Данные типологического анализа					Данные трасологического анализа				
Тип \ Горизонт	дерн 1-5	6-9	10-14	Итого	Тип \ Горизонт	дерн 1-5	6-9	10-14	Итого
Наконечники	5	2		7	Наконечники	6	4	1	11
Нож	1	1		2	Нож для мяса	25	5	2	32
Проколки	4	2		6	Проколки		4		4
Вкладыши	2			2	Вкладыш серпа	1		1	2
Скребки	14	4	5	23	Концевой скребок	10	2	2	14
					К-боковой скребок	9	3		12
					Скобель	50	14	13	77
Обломки бифасов	9	3	2	14	Вкладыш стамески	3			3
Заготовки бифасов	1	2		3	Вкладыш струга	9			9
Сегменты	4		1	5	Строгальный нож	6		1	7
Сверла	3	1	2	6	Сверло	17	8	9	34
Острие	1	1	1	3	Пилка	2			2
Отбойник	1			1	Отбойник	1			1
Ретушер	1		1	2	Ретушер	4	1		5
Долотца	33			33	Ретушер-посредник		5		5
					Абразив	1			1
Итого:	79	16	12	107	Итого:	145	46	29	219
					Орудия из кости	5	4	3	12
					Всего сколов	2774	408	608	3790

выявления микропризнаков применения отбойников и микроретуши. Изделия с выявленными микропризнаками были дополнительно исследованы на большом увеличении до 160 раз, а микрофотофиксация микропризнаков выполнена с увеличением от 80 до 560 раз. Ниже все выделенные орудия будут рассматриваться по категориям.

Наконечники и их обломки. Всего обнаружено 11 экз. Заготовками служили бифасиальные формы. Для наконечников и их обломков характерна регулярная плоская пологая ретушь оформления. На верхушке целого наконечника обнаружены микроследы от сверления дерева (рис. 1, 1). На фрагментах наконечников были проколка для шкур и скобель для дерева (рис. 1, 8, 9). Среди наконечников 1 целый наконечник стрелы и 2 — с обломанной верхушкой, остальные изделия представляют собой разные фрагменты на-

конечников стрел и дротиков. Они распределяются по горизонтам следующим образом: 1 найден в первом горизонте, 3 — во втором, 2 — в пятом, 2 — в шестом, по 1 — в седьмом и восьмом, 1 — в тринадцатом горизонте.

На площади раскопа они распределяются так: кв. А-1 — по 1 экз. во втором и тринадцатом горизонтах, кв. Б-1 — 1 в седьмом, кв. Б-2 — по 1 во втором и пятом, кв. Б-3 — по 1 в пятом и восьмом, кв. А-4 — 1 в первом, кв. Б-4 — 2 во втором и 1 в шестом горизонтах. В трех группах условных горизонтов они распределяются неравномерно: в верхних — 6 экз. (кв. А-1, 4; Б-2-4), в средних — 4 (кв. Б-1-4), в нижних — 1 (кв. А-1). Поскольку выделенные горизонты условны, то в целом, по всей толще культурного слоя, можно отметить концентрацию наконечников и их фрагментов в кв. Б-2-4, а в кв. А-2-3 они отсутствуют (гист. 2; рис. 1).

Гистограмма 2. Распределение наконечников на площади раскопа 2007 г.

Ножи. Определено 32 экз. Заготовками служили фрагменты пластин (14 экз.), пластинчатые отщепы (3), сегменты (5), отщеп (1), отщеп из песчаника (1), сланцевый отщеп (1) (рис. 1, 2-4, 7, 10, 11). Так как некоторые из них имели по два рабочих лезвия, то количество орудий больше, чем фактических заготовок. На рабочем лезвии ножей прослеживаются единичные микрофасетки ретуши утилизации, кромка слабо сглажена. Заполировка тусклая (рис. 4, 2; 5, 2). Наибольшее количество ножей (25) сконцентрировано в верхних слоях до четвертого горизонта, в седьмом их 4, в девятом — 1, в четырнадцатом — 2. Все сегменты, кроме одного, были использованы в качестве вкладышей ножа. Причем у них, как правило, микроследы кон-

центрируются на одном конце, отчего можно предположить, что данные изделия использовались в рукояти, возможно, это были вкладыши гарпунов с выступающим одним концом-зубчиком. На плане раскопа сегменты обнаружены в квадратах: А-1 — 1 экз. в третьем горизонте; Б-1 — 1 в четырнадцатом; Б-2 — по 1 в дерне и в третьем горизонте; А-3 — 1 в пятом; кв. Б-3 — 1 во втором (гист. 3; рис. 1).

Концентрация ножей наблюдается в кв. А-1 — 2 экз. в первом горизонте, 1 — во втором, 3 — в третьем. В кв. Б-1 — 1 экз. в первом горизонте, 2 — в третьем, 1 — в четырнадцатом. В кв. А-2 — по 1 экз. в первом, втором, третьем и четырнадцатом горизонтах. В кв. Б-2 — по 1 экз. в первом и втором горизонтах,

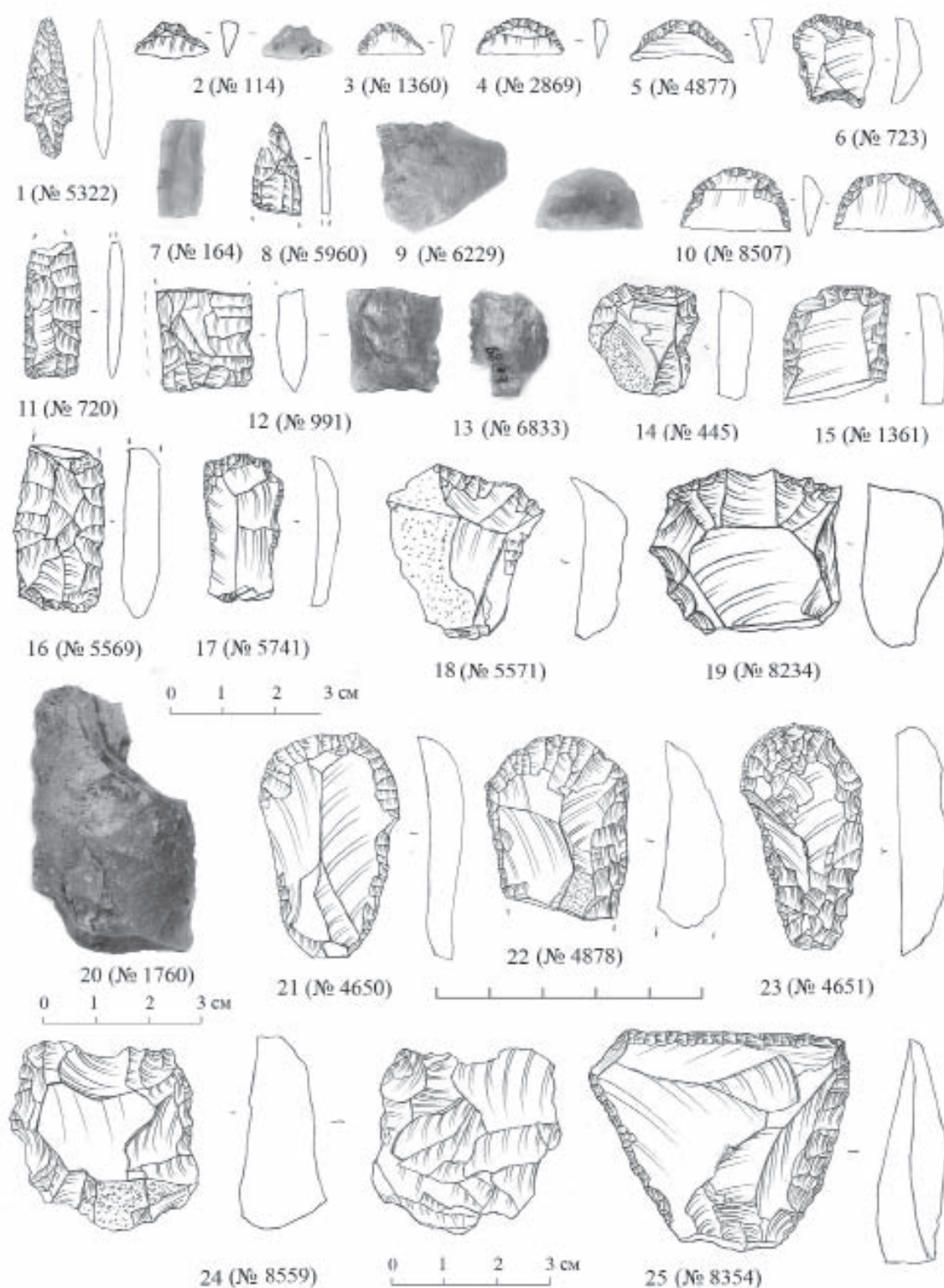
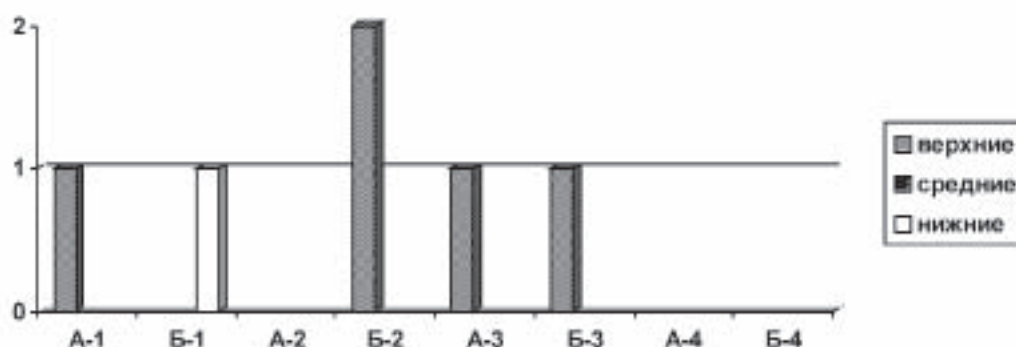
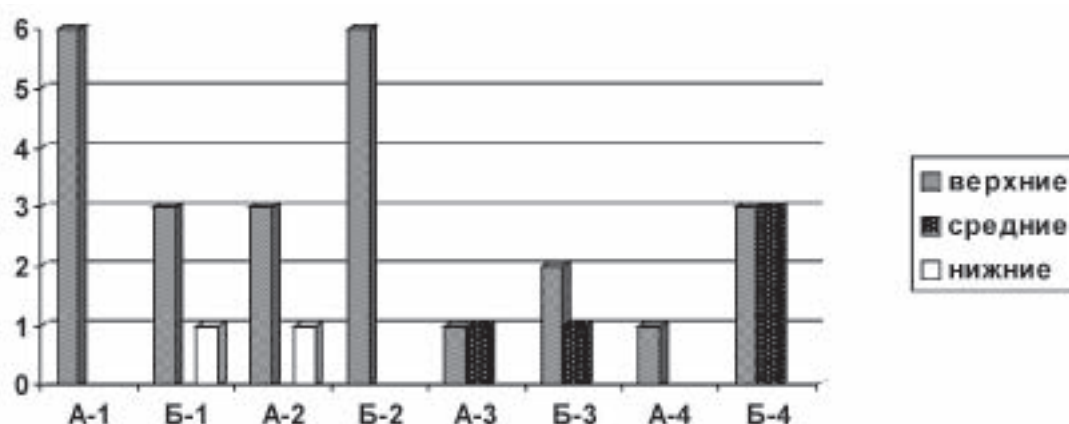

Рис. 1. Поселение Мешоко. Кремь

1 — сверло для дерева на наконечнике стрелы; 2-4, 10 — ножи для мяса на сегментах; 5 — скобель для кости/рога на сегменте; 6, 14-15, 17-19, 21-23 — скребки; 7, 11 — ножи для мяса; 8 — проколка на фрагменте наконечника; 9 — скобель на фрагменте наконечника; 12 — вкладыш серпа для злаков; 13 — фрагмент наконечника стрелы; 16 — ретушер на двусторонней заготовке; 20 — вкладыш строгального ножа для дерева; 24 — без следов; 25 — скобель для дерева

Гистограмма 3. Распределение сегментов на площади раскопа 2007 г.

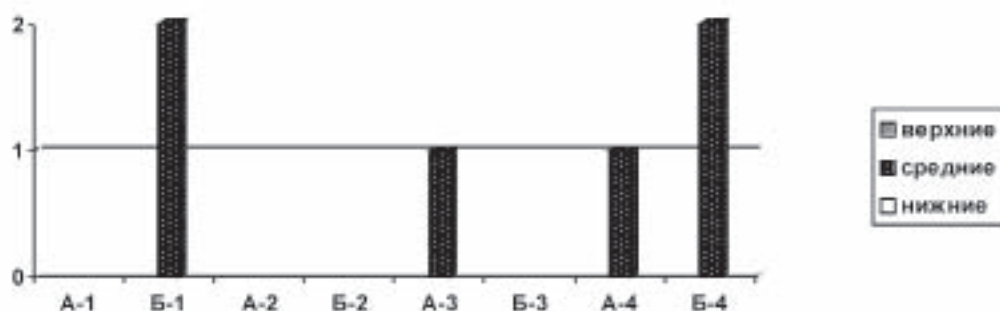
Гистограмма 4. Распределение ножей на площади раскопа 2007 г.

4 — в третьем. В кв. А-3 — по 1 в четвертом и седьмом горизонтах. В кв. Б-3 — 2 во втором горизонте, 1 — в девятом. В кв. А-4 — 1 в первом горизонте. В кв. Б-4 — 2 в дерне, 1 — во втором горизонте, 3 — в седьмом (гист. 4).

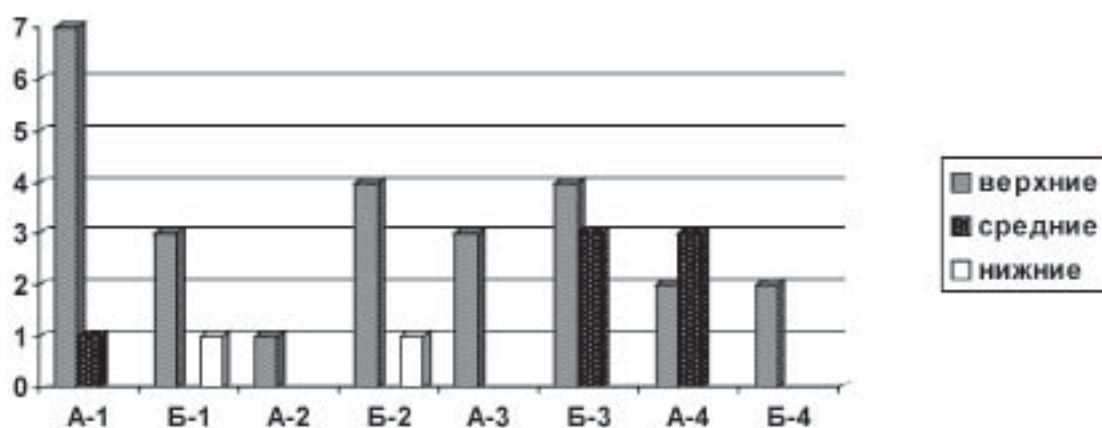
Проколки. Трасологически выделено всего 4 экз. На кремневых заготовках по 1 экз. зафиксировано на мелком отщепе, средней и мелкой пластинах, на обломке наконечника стрелы (рис. 1, 8). Еще 2 изготовлены на фрагментах трубчатых костей животных. Рабочее лезвие у них равномерно сглажено и заполировано по всему периметру острия, кончик острия обломан (рис. 13, 2, 3). Они встречены в шестом, седьмом и девятом горизонтах в кв. Б-1 (2 экз.), А-3 (1), А-4 (1), Б-4 (2) (гист. 5).

Скребки. Выделено 14 концевых и 9 концевых-боковых форм скребков (рис. 1, 6, 14, 15, 17–19, 21–23). Заготовками для скребков были отщепы, пластины и один скол — всего 23 экз. По размерам заготовки их можно разделить на мелкие отщепы (1 экз.), средние

(7) и пластинчатые (1). Пластины для орудий были крупные (10), средние (2), мелкие (1) и 1 экз. технического скола. Рабочее лезвие всех орудий, как правило, оформлено регулярной ретушью со спинки. Так как некоторые скребки имели по два или три рабочих лезвия, то количество трасологически выделенных орудий больше, чем фактических заготовок — 35 экз. Из них 25 использовались для работ по дереву и 10 — по кости, рогу. Распределение скребков по горизонтам неравномерное. Так, во втором горизонте встречено 4 экз., в третьем — 10, в четвертом — 7, в пятом — 5, в шестом — 4, в девятом — 3, в двенадцатом — 2. На плане раскопа все скребки распространены по квадратам А-1 (7 в верхних горизонтах и 1 в средних), Б-1 (3 в верхних горизонтах и 1 в нижнем), А-2 (1 в верхнем), Б-2 (4 в верхнем и 1 в нижнем горизонтах), А-3 (3 в верхнем горизонте), Б-3 (4 в верхнем и 3 в среднем горизонте), А-4 (2 в верхнем и 3 в среднем горизонтах), Б-4 (2 в

Гистограмма 5. Распределение проколов на площади раскопа 2007 г.

Гистограмма 6. Распределение скребков на площади раскопа 2007 г.

верхнем горизонте) (гист. 6). Основное количество (26 экз.) скребков было использовано в верхних горизонтах.

Скобели. Трасологически выделено 77 экз. (рис. 1, 9, 25). Для них было использовано 60 экз. фактических заготовок, из них 11 с двумя рабочими лезвиями и еще 6 на полифункциональных орудиях. Заготовками были крупные отщепы (1 экз.), средние (11), мелкие (2), пластинчатые (6). Также использовали пластины — 20 крупных, 6 средних, 3 мелкие. Также есть скобели на сколах (6), на сегменте (1), на песчаниковых пластинах (4) (рис. 1, 5). Микроследы скобелей выглядят как яркая зеркальная заполировка рабочего лезвия от работы по дереву (рис. 4, 1; 6, 1, 2; 8, 1, 2). Заполировка от работы по кости и рогу также яркая, но более плоская, и распространена только на верхушках зубчиков кромки, на ее поверхности часто прослеживаются микротрещинки, площадь ее распространения значительно меньшая (рис. 5, 1; 7,

2). На всех орудиях на рабочем лезвии есть намеренно нанесенная ретушь — или же она сформировалась в процессе утилизации. По выделяемым условным горизонтам скобели распределяются неравномерно, концентрируясь в группе верхних: в дерне — 4 экз., в первом горизонте — 7, во втором — 19, в третьем — 12, в четвертом — 4, в пятом — 4. В средних и нижних горизонтах они зафиксированы в меньшем количестве: в шестом горизонте — 2 экз., в седьмом — 5, в восьмом — 6, в девятом и одиннадцатом горизонтах — по 1, в двенадцатом — 5, в тринадцатом — 2, в четырнадцатом — 5.

Трасологически выделены скобели по обработке а) дерева; б) кости/рога; в) мягкого камня (ракушки). На плане раскопа скобели по обработке дерева распространяются по квадратам А-1 (9 экз.), Б-1 и Б-2 (по 10), А-2 (4), А-3 и А-4 (по 2), Б-3 (8), Б-4 (5). На гистограмме 7 показано, что основное количество орудий этой категории было использовано в

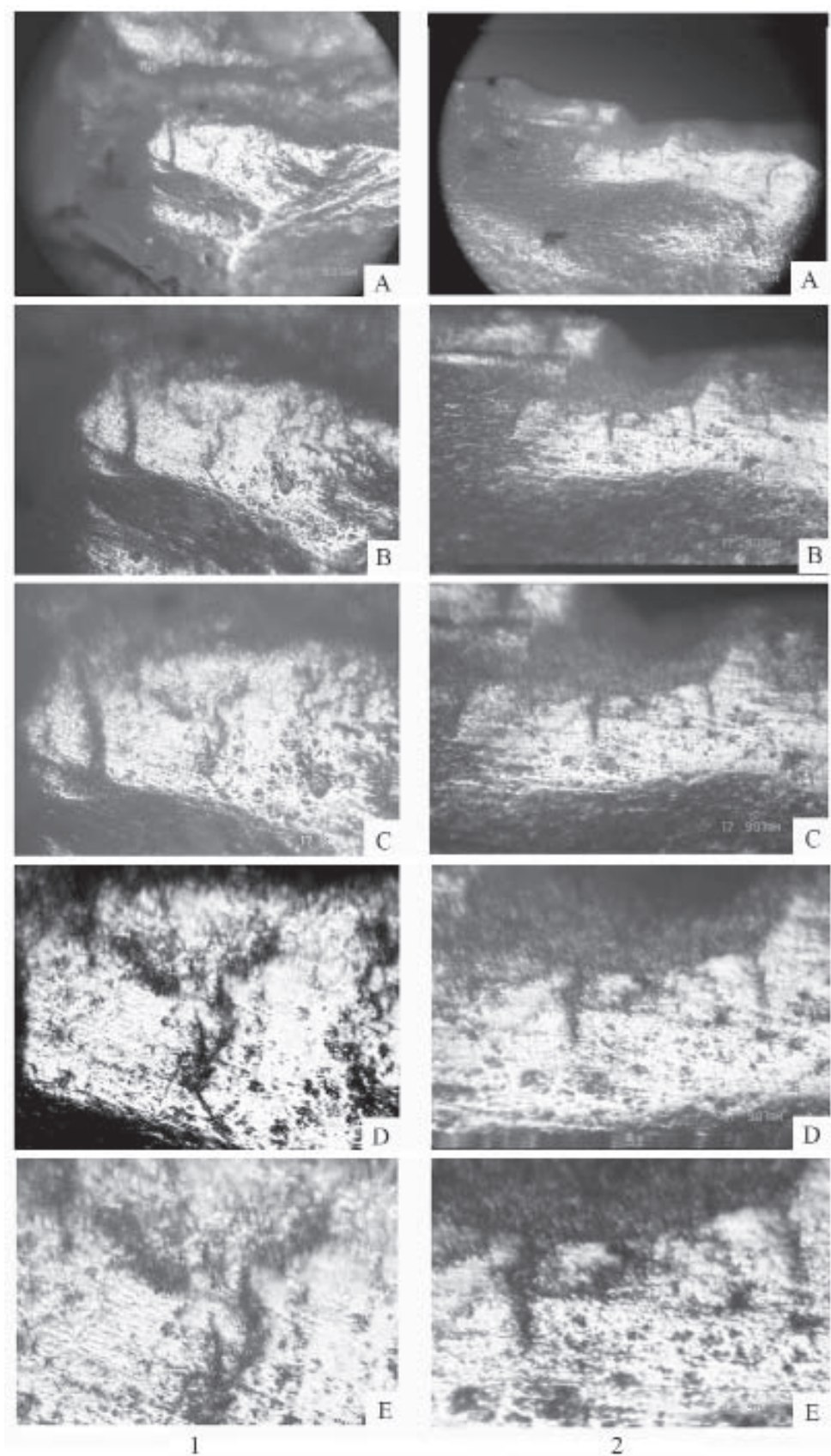

Рис. 2. Поселение Мешоко. Кремь. Увеличение: Ах80; Вх160; Сх240; Dх400; Ех560
1, 2 — вкладыш серпа для злаков

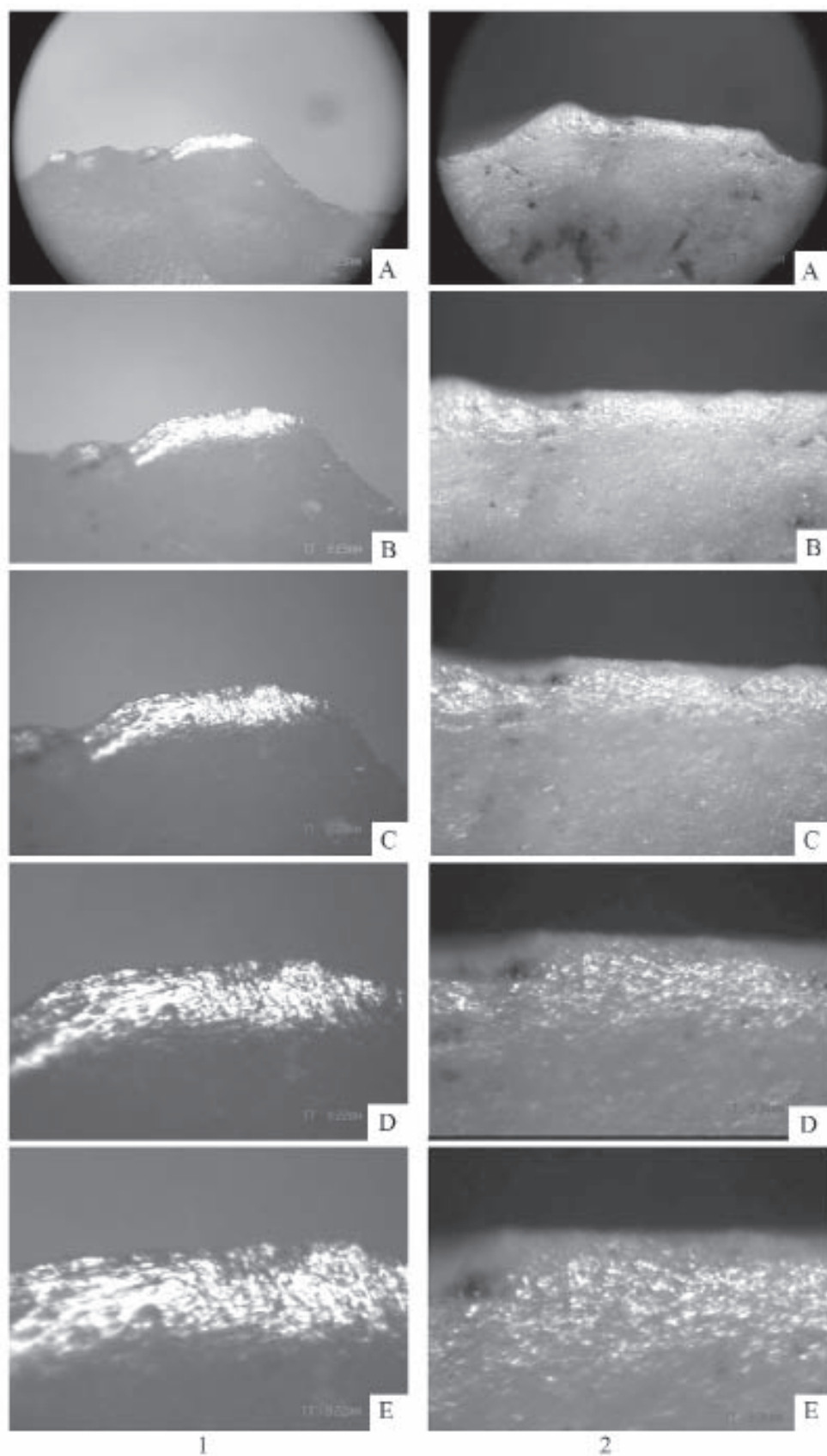
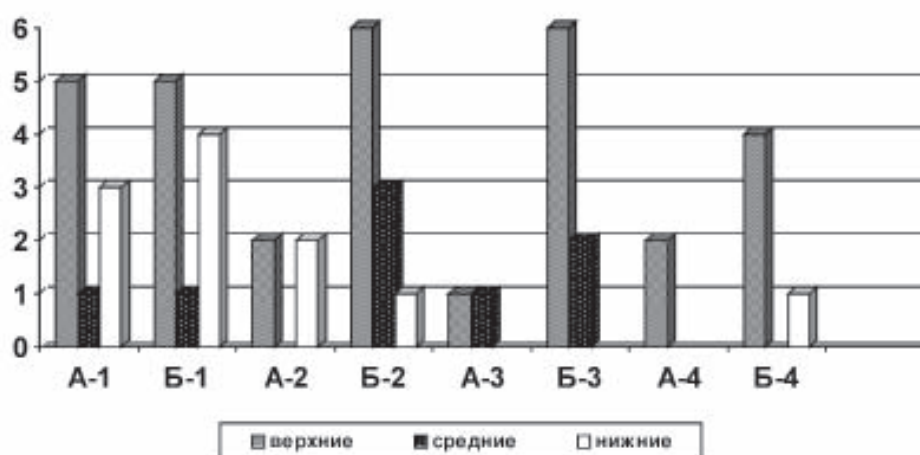
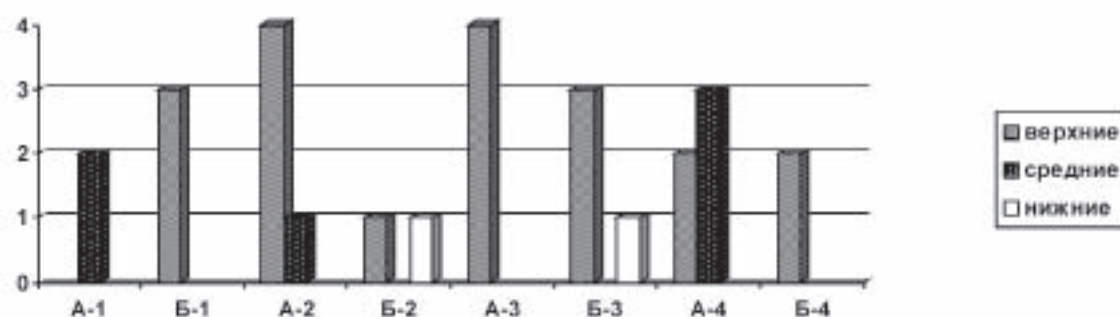

Рис. 3. Поселение Мешоко. Кремьнь. Увеличение: Ах80; Вх160; Сх240; Дх400; Ех560
 1 — струг для дерева; 2 — сверло для камня, ракушки

Гистограмма 7. Распределение скобелей для дерева на площади раскопа 2007 г.

Гистограмма 8. Распределение скобелей для кости (рога, мергеля, ракушки)

верхних горизонтах (31 экз.), тогда как в средних (8) и нижних (11) ими пользовались значительно реже.

Распределение скобелей по кости (рогу, мергелю, ракушке) показано на гистограмме 8. Всего этих орудий значительно меньше, чем для работ по дереву, — 27 экз.; только 4 связаны с работами по мягкому камню (мергель, известняк, сланец, ракушка), остальные — для кости, рога (по 2 экз. в верхних и нижних горизонтах). Основное количество орудий (19) было использовано в верхних горизонтах, значительно меньше — в средних (6) и нижних (2).

Сверла. Определено с помощью трасологического анализа 34 экз. на 31 заготовке (рис. 1, 1). Микроследы от работ по дереву в виде небольших пятнышек заполировки на наиболее сработанных участках кромки рабочего конца (рис. 9, 1, 2), так же и на сверлах по кости, рогу и камню, ракушке (рис. 3, 2; 7, 1). Наибольшее количество сверл было в

верхних горизонтах (17 экз.), в средних — 8, в нижних — 9. Концентрация сверл отмечается в кв. А-2 и Б-2 (по 8), а также в кв. А-3 (4) и Б-3 (5). Для работ по дереву было использовано 23 экз., по кости (рогу) — 6, по камню (ракушке) — 5. Распределение сверл по горизонтам показано на гистограмме 9.

Стамески. Обнаружены всего 3 стамески из кремня для обработки дерева (гист. 10). Еще выделено 2 стамески из кости — по одной в пятом и четырнадцатом горизонтах. Микроследы кромки рабочего лезвия представлены в макрофотографиях (рис. 12, 1; 14, 1). Еще обнаружено 1 долото из кости для работ по дереву (рис. 14, 3). В верхних горизонтах отмечено 4 стамески: 3 из кремня и 1 из кости (гист. 10).

Пилки. Найдены 2 пилки для обработки кости (рога) в верхних горизонтах (гист. 10).

Вкладыши серпа. Определено 2 экз. на обломках двусторонне оформленных заготовок.

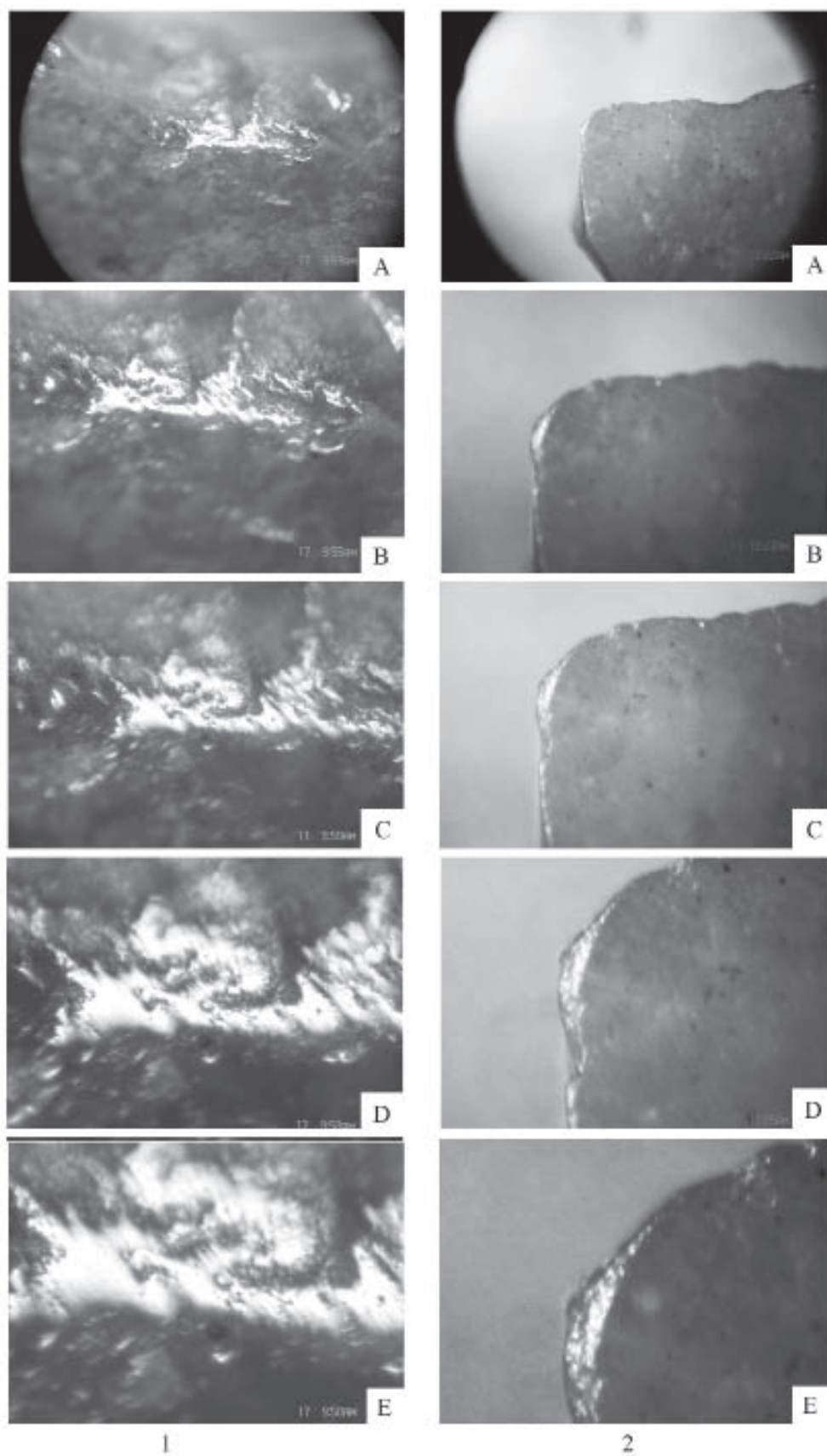

Рис. 4. Поселение Мешоко. Кремьень. Увеличение: Ах80; Вх160; Сх240; Дх400; Ех560
 1 — скобель для дерева; 2 — нож для мяса на сегменте

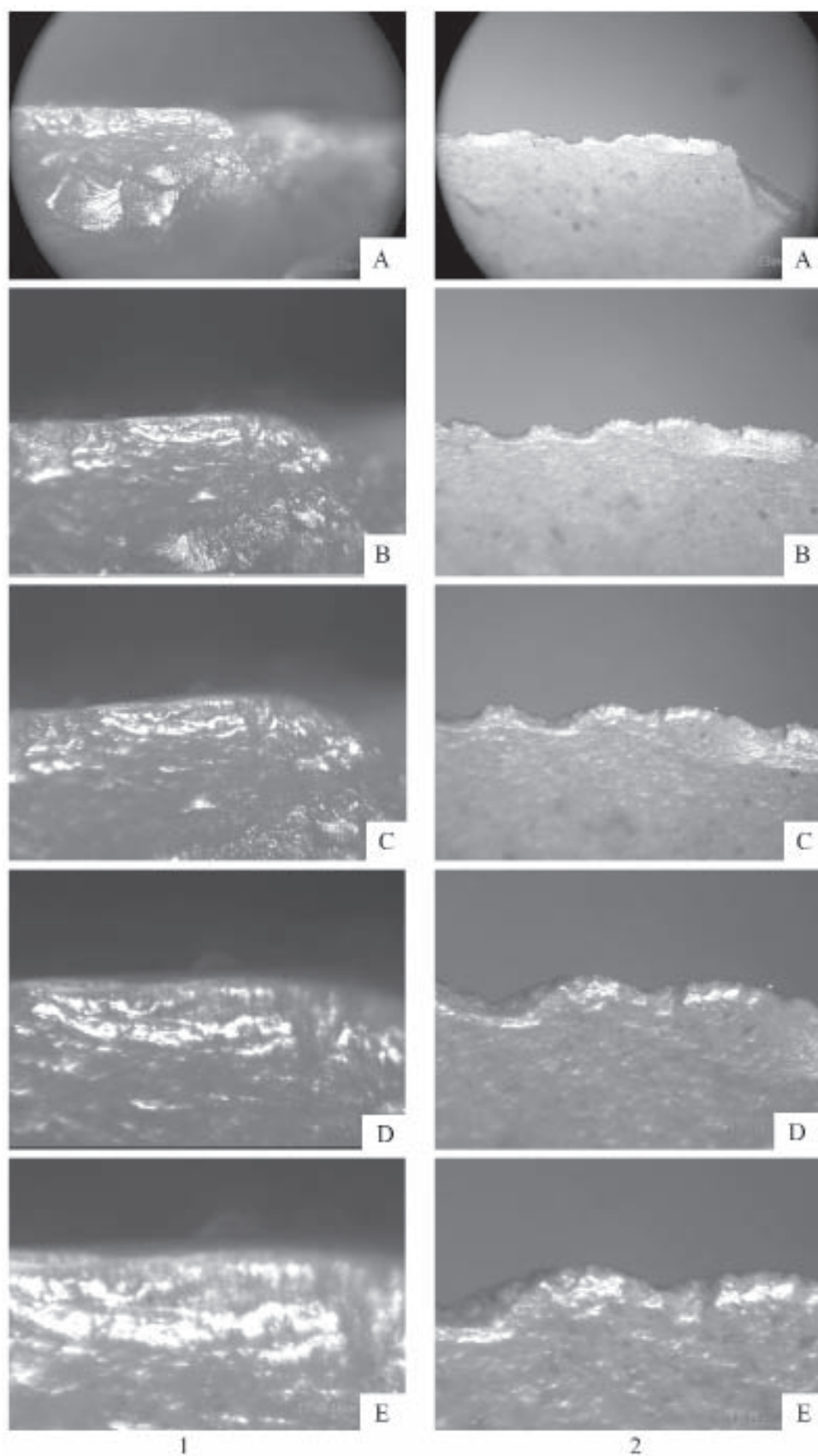
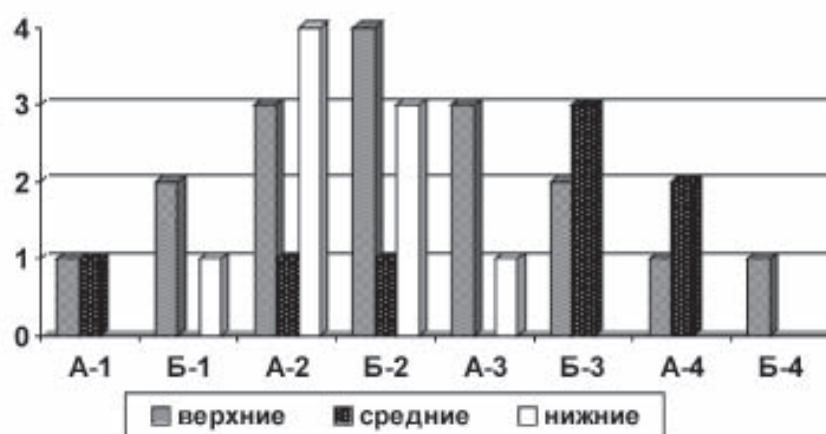
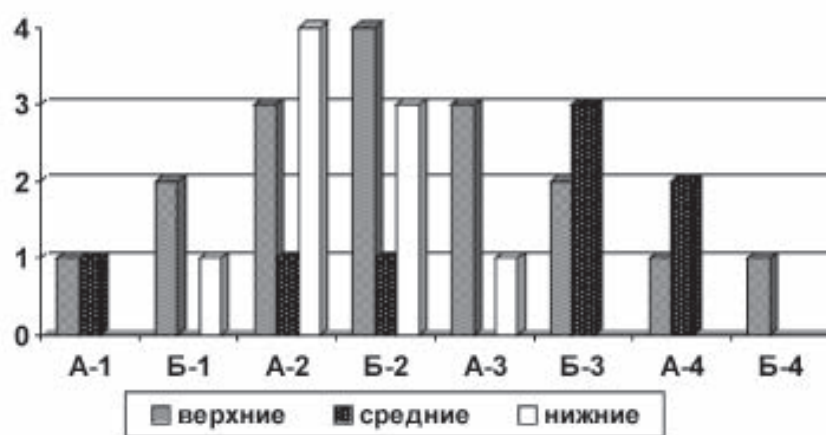

Рис. 5. Поселение Мешоко. Кремь. Увеличение: Ах80; Вх160; Сх240; Дх400; Ех560
1 — скобель для кости/рога; 2 — нож для мяса на сегменте

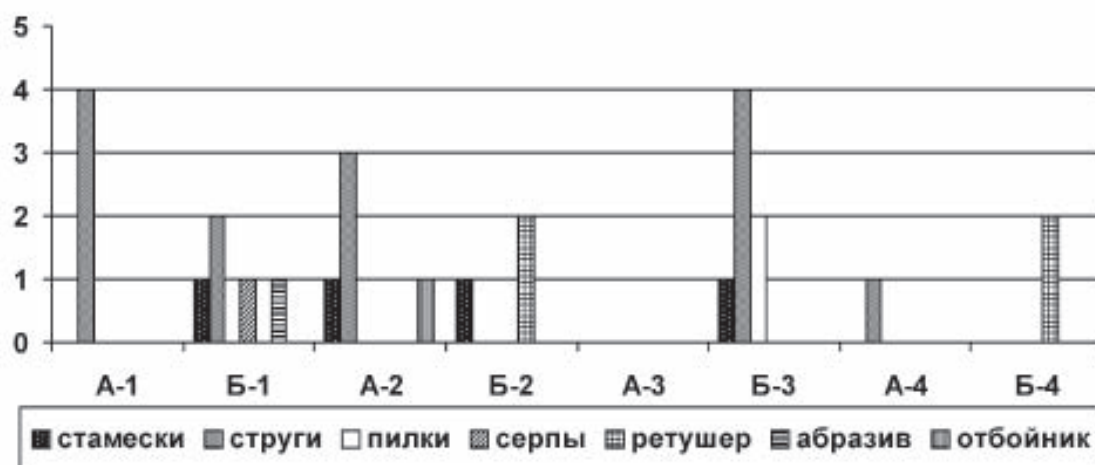

Гистограмма 8. Распределение скобелей для кости (рога, мергеля, ракушки)

Гистограмма 9. Распределение сверл для дерева, кости (рога, мергеля, ракушки)

Гистограмма 10. Распределение разных категорий орудий на площади раскопа 2007 г.

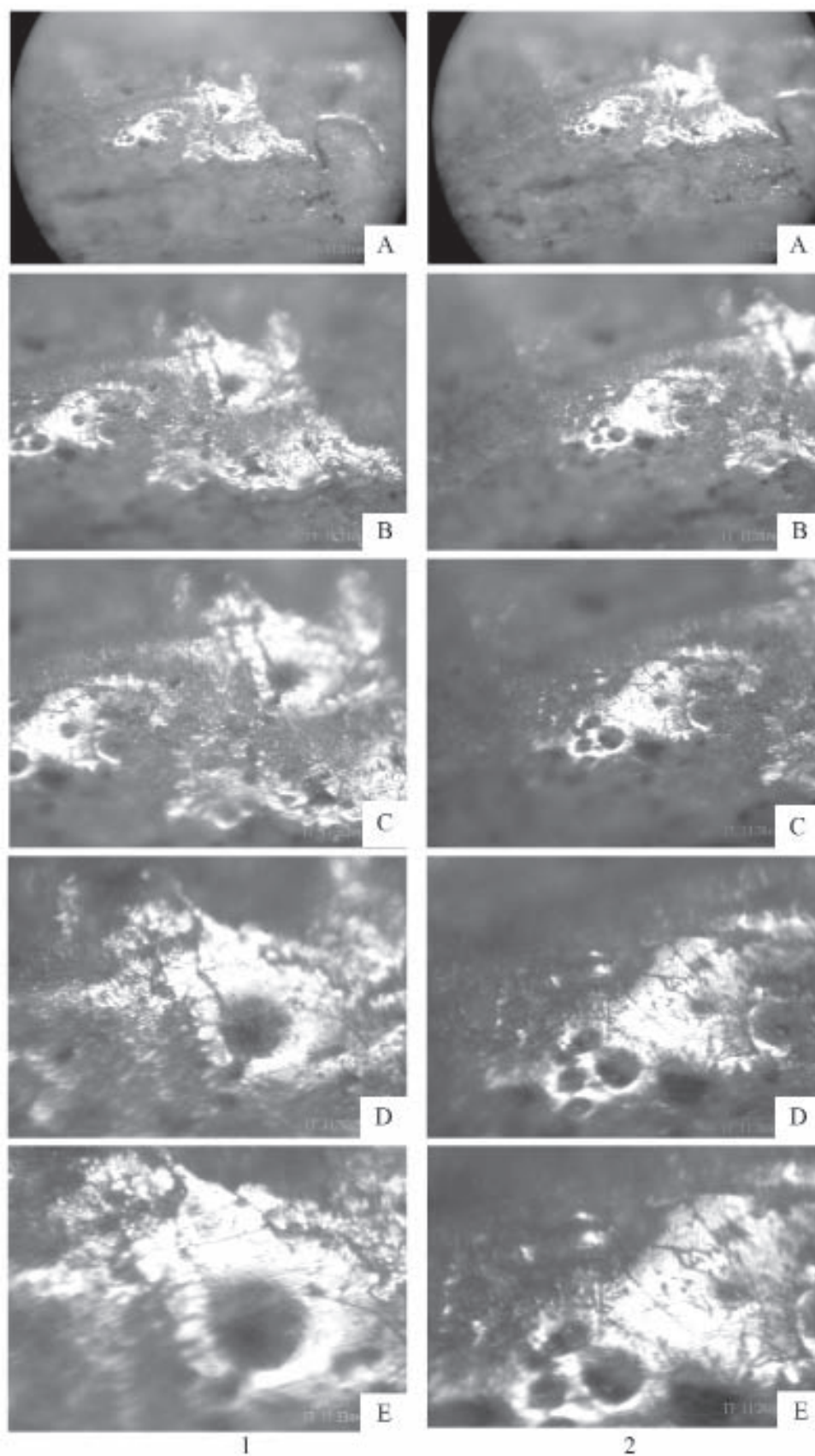

Рис. 6. Поселение Мешоко. Кремль. Увеличение: Ах80; Вх160; Сх240; Dх400; Ех560
1, 2 — скобель для дерева

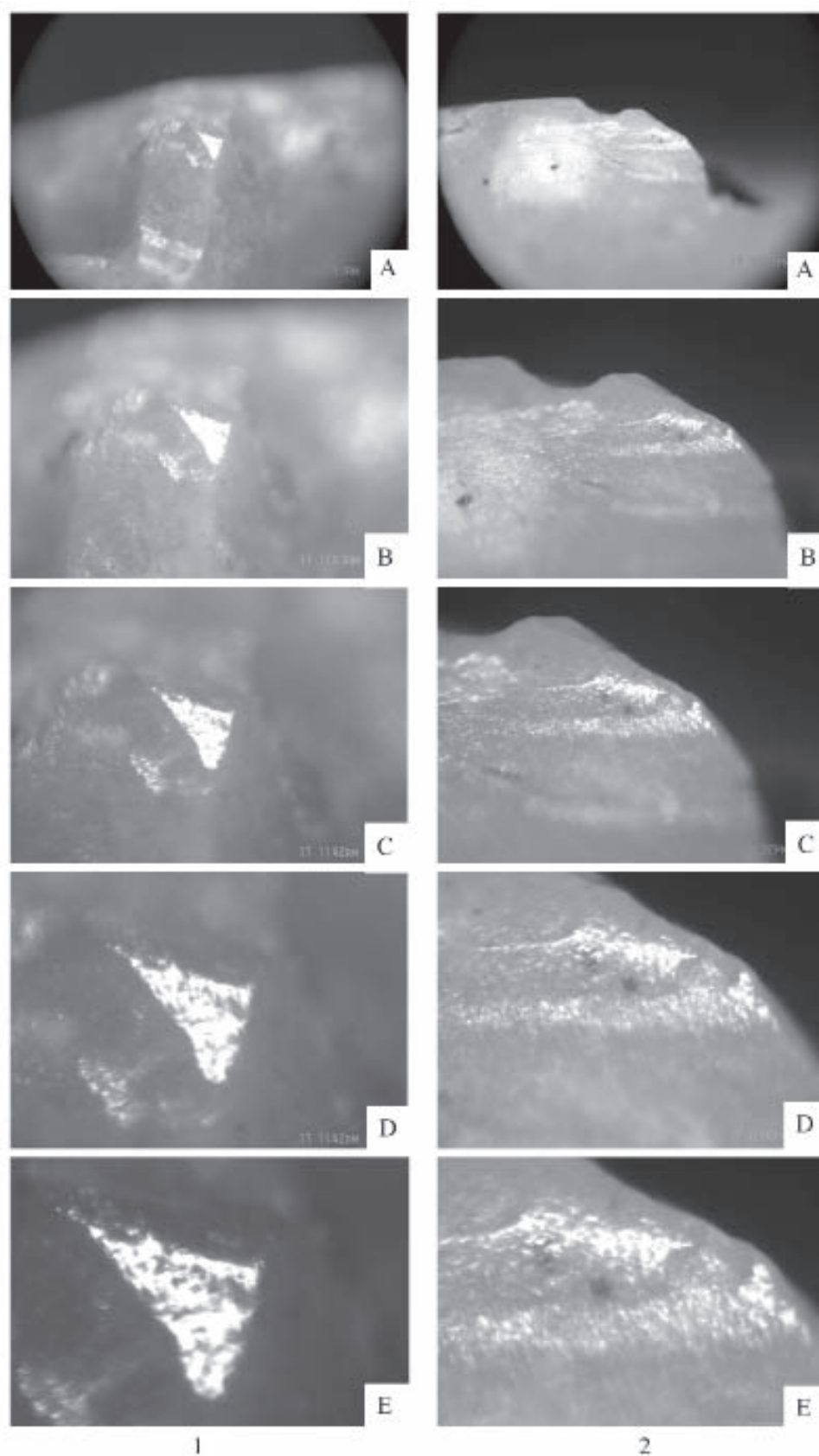

Рис. 7. Поселение Мешоко. Кремнь. Увеличение: Ах80; Вх160; Сх240; Дх400; Ех560
 1 — сверло для кости/рога; 2 — скобель для кости/рога

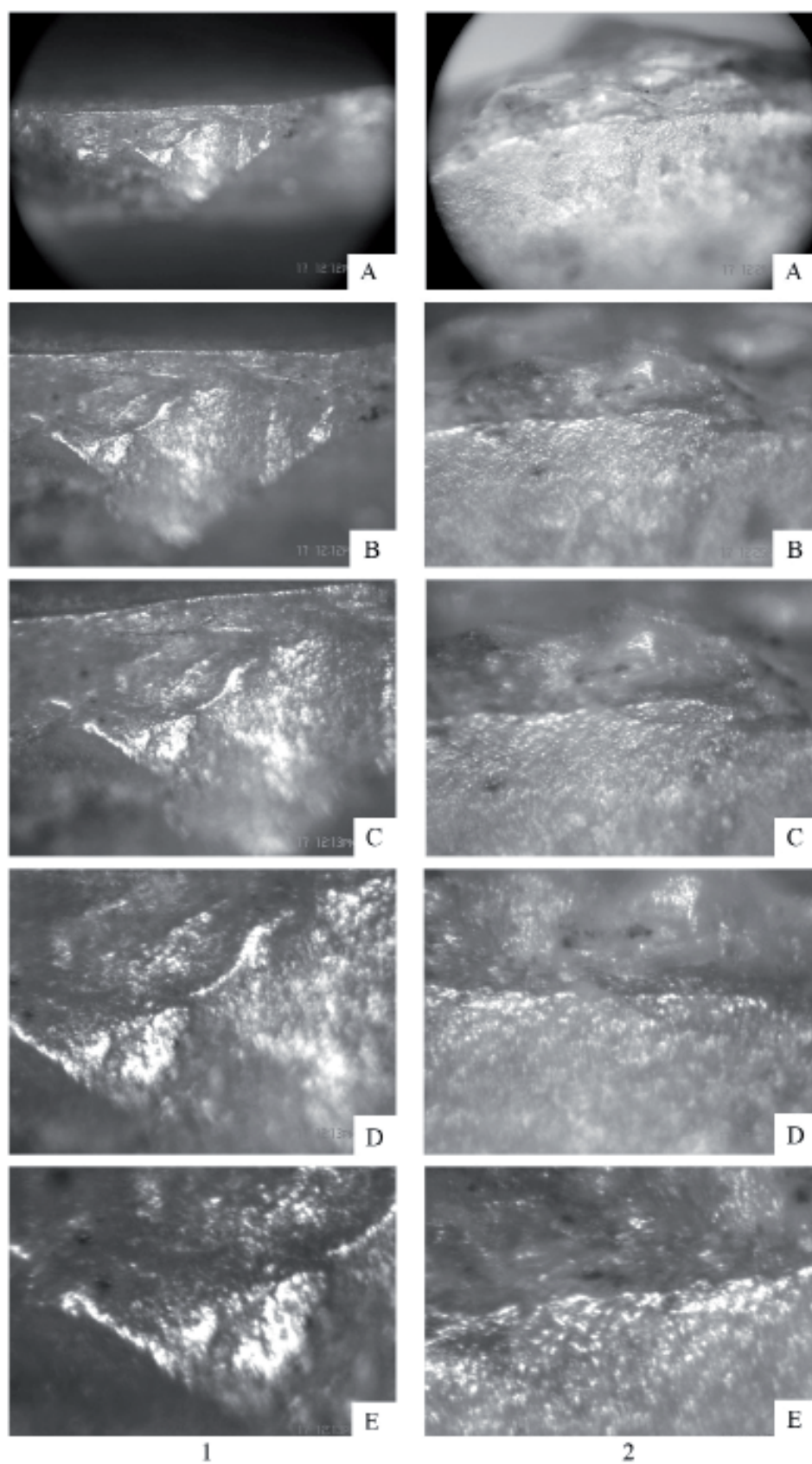
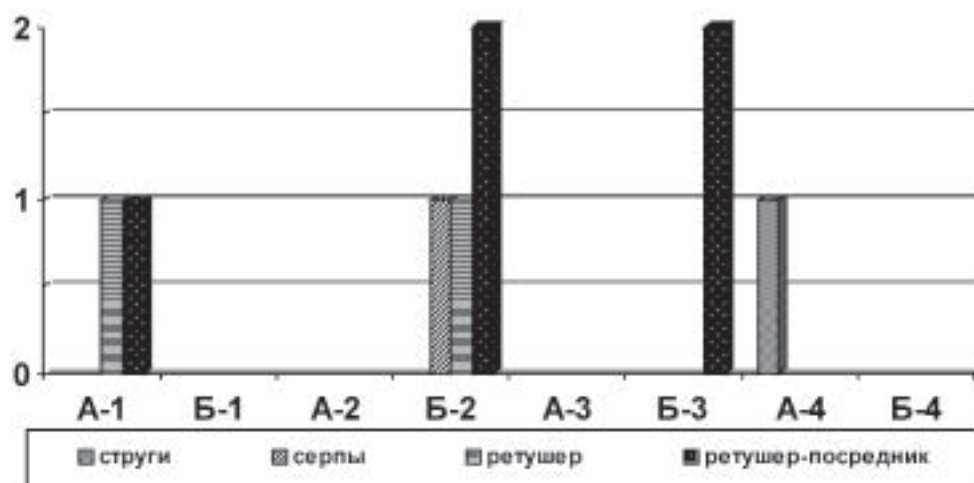
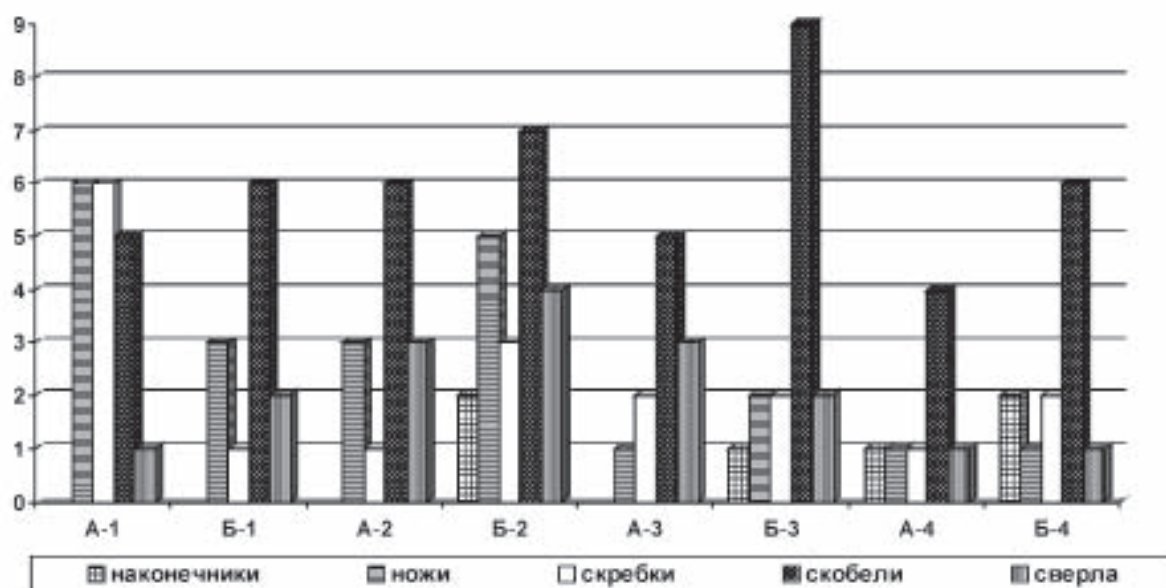

Рис. 8. Поселение Мешоко. Кремль. Увеличение: Ах80; Вх160; Сх240; Дх400; Ех560
1, 2 — скобели для дерева

Гистограмма 11. Распределение разных категорий орудий в средних и нижних (кв. А-4 — 1 экз. струга; Б-2 — 1 экз. серпа) горизонтах раскопа 2007 г.

Гистограмма 12. Распределение разных категорий орудий в верхних горизонтах

Обнаружены по 1 экз. во втором (кв. Б-1) и тринадцатом (кв. Б-2) горизонтах. На гистограммах показано распределение орудий по квадратам раскопа (гист. 10; 11; рис. 1, 12). Микроследы рабочего лезвия серпа для злаков в виде зеркальной заполировки и кометообразных линейных царапин показаны на миктофотографиях (рис. 2, 1, 2).

Струги. Выявлено 15 вкладышей строгальных ножей. Из них 13 — для работ по дереву (рис. 3, 1; 10, 1, 2), и 2 — для кости/рога (гист. 10; 11; рис. 1, 20). Струги представлены

только в верхних горизонтах, за исключением 1 экз. в нижнем.

Ретушеры. Выделено 5 экз. и 5 экз. полифункциональных изделий, использовавшихся как ретушер-посредник. В верхнем горизонте шурфа обнаружено 4 ретушера — по 2 в кв. Б-2 и Б-4. В среднем горизонте встречен 1 ретушер из фрагмента трубчатой кости в кв. Б-2. Все ретушеры-посредники были встречены в нижних горизонтах раскопа в квадратах А-1 (1), Б-2 (2) и Б-3 (2). Возможно, именно здесь обрабатывали кремний, это

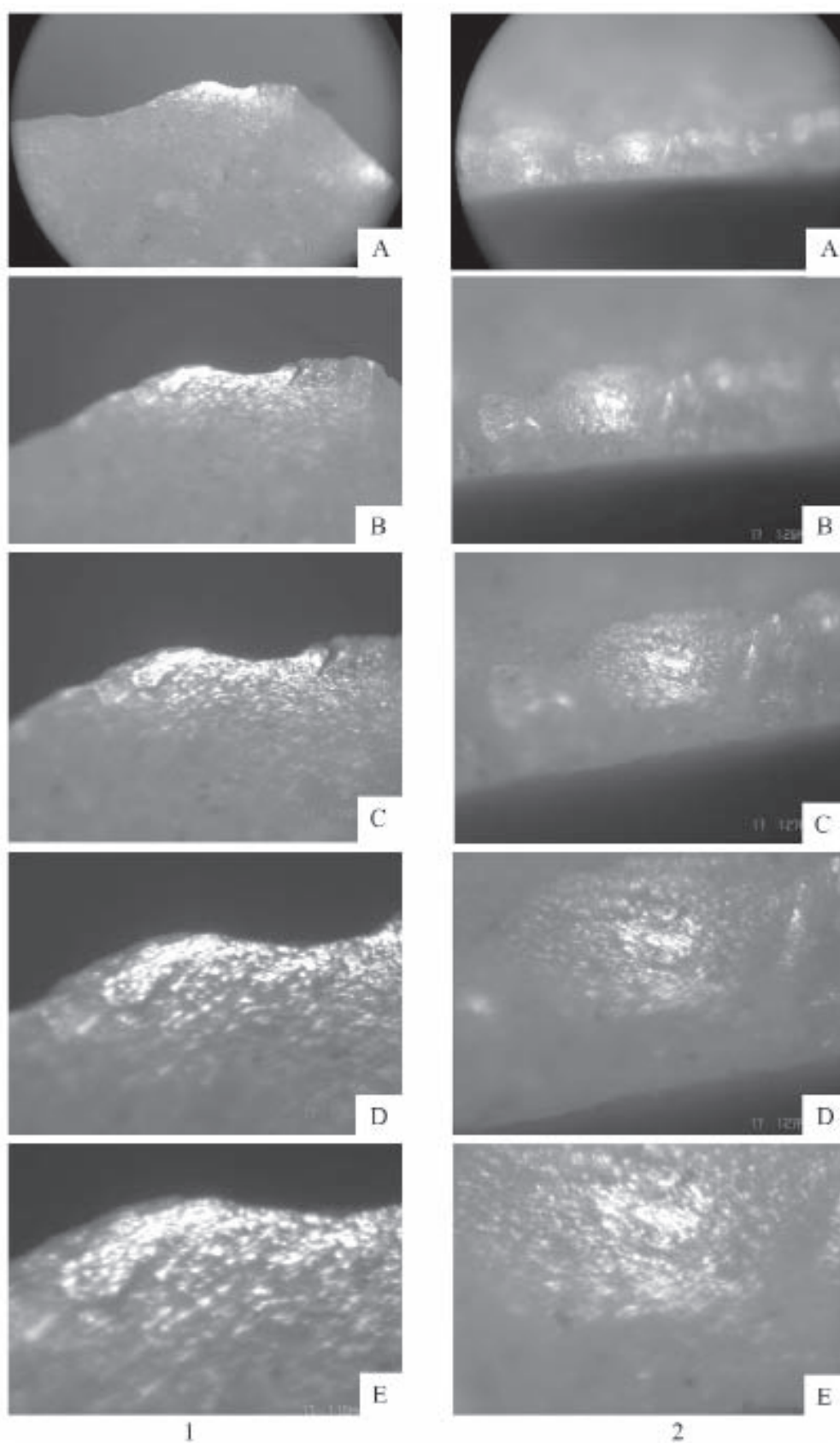

Рис. 9. Поселение Мешоко. Кремь. Увеличение: Ах80; Вх160; Сх240; Дх400; Ех560
1, 2 — сверла для дерева

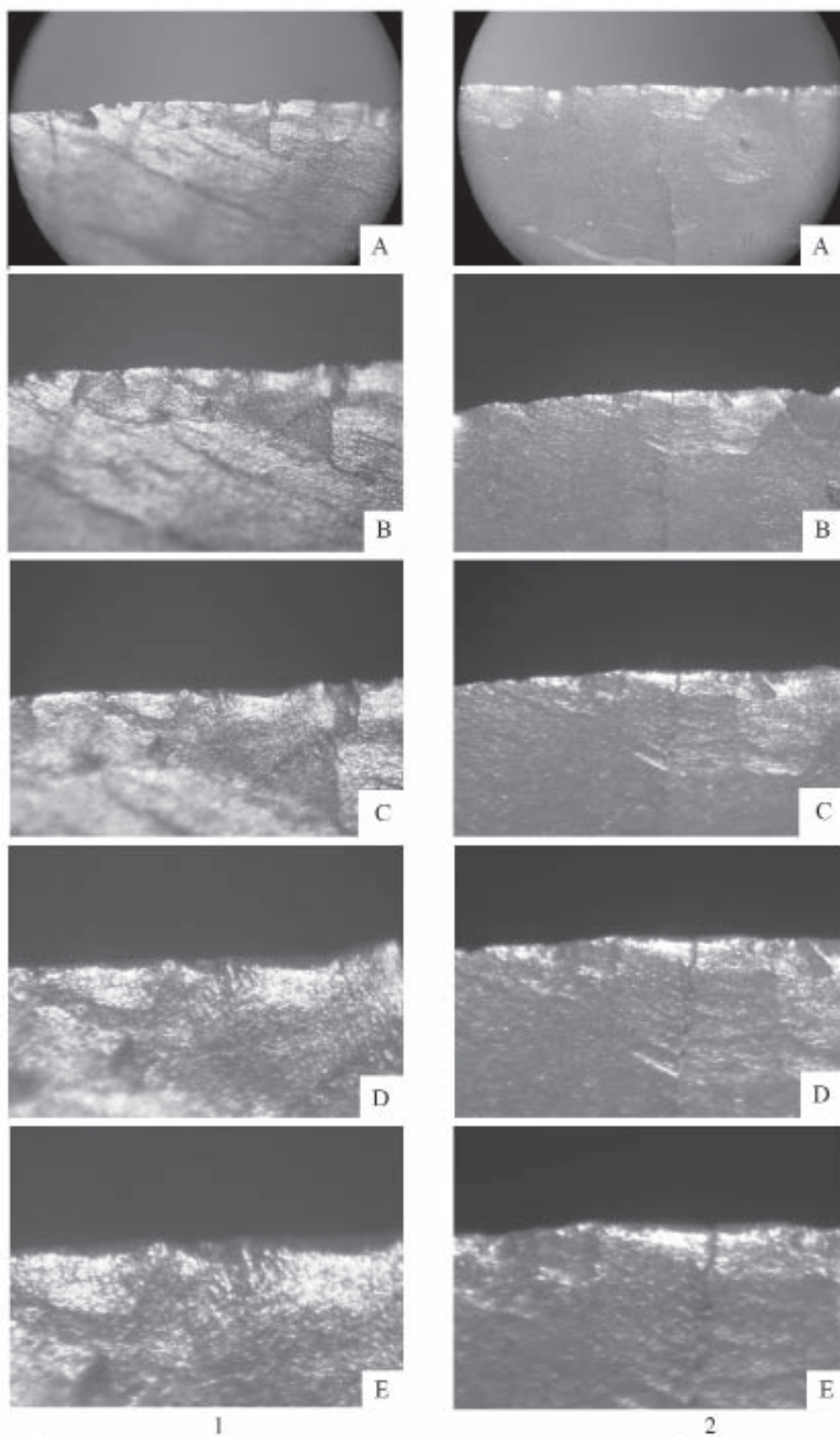

Рис. 10. Поселение Мешоко. Кремль. Увеличение: Ах80; Вх160; Сх240; Дх400; Ех560
1, 2 — два участка рабочего лезвия строгального ножа для дерева

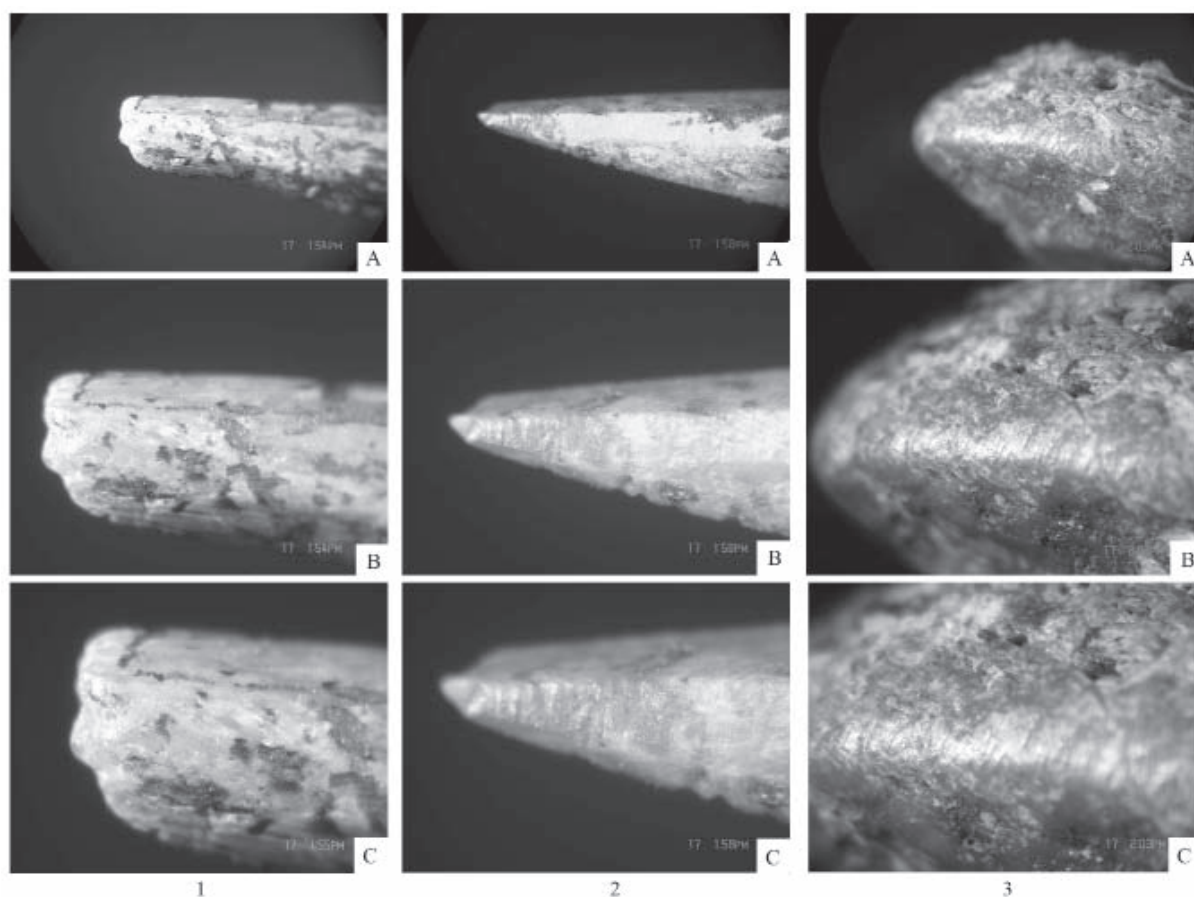

Рис. 11. Поселение Мешоко. Кость. Увеличение: Ах20; Вх40; Сх60
1 — орнаментир для керамики; 2, 3 — шпатели для керамики

предположение согласуется и с концентрацией кремневых сколов в кв. Б-2-3 — она максимальная (гист. 1). Технику скола кремня и других пород камня на поселении еще предстоит подробно изучить и проанализировать, но можно отметить появление кремневых комбинированных орудий, использовавшихся при обработке кремня и других пород камня, — ретушеров-посредников. Концентрация их в нижних горизонтах, вероятно, связана с особенностями расщепления камня на первых этапах жизни на поселении и развитием технологических приемов обработки кремня (гист. 10; 11; рис. 1, 16).

Абразив (1 экз.) и **отбойник** (1) найдены в верхних горизонтах раскопа (гист. 10).

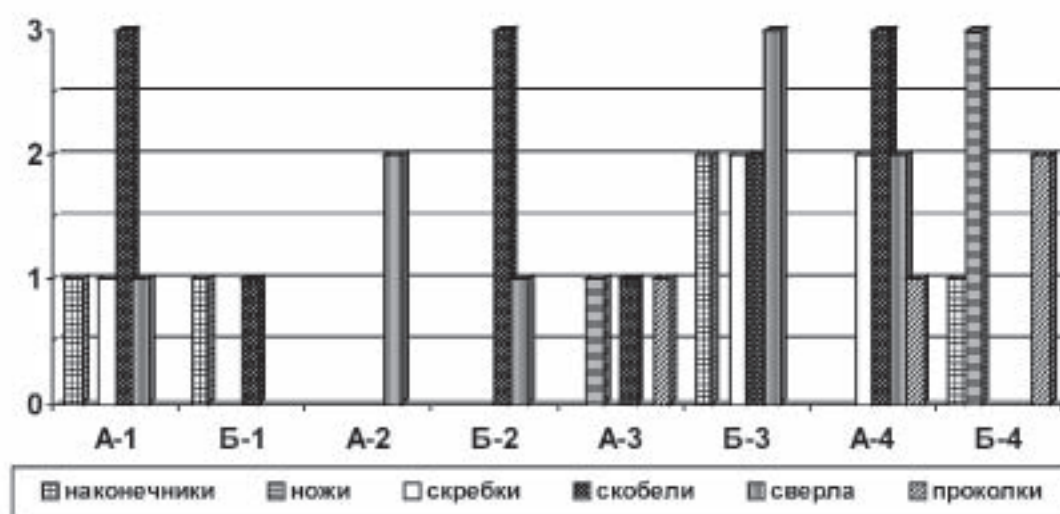
Распределение основных категорий орудий по горизонтам приведено на гистограммах 12–14. Наиболее насыщенными орудиями разных категорий являются верхние слои (гист. 12). На гистограмме хорошо видно доминирование скобелей во всех квадратах рас-

копа. Второе место по количеству орудий занимают ножи для разделки мяса, затем сверла и скребки. Наконечники составляют самую малочисленную из указанных категорий орудий в верхних слоях. В верхних горизонтах обнаружены еще струги (гист. 10).

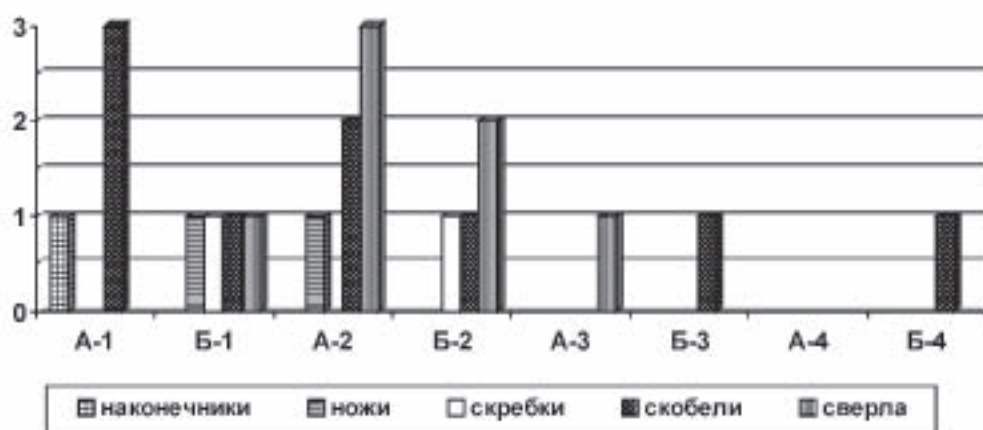
В средних горизонтах также количественно преобладают скобели, но они присутствуют не в каждом квадрате раскопанной площади. Второе место по количеству среди орудий занимают сверла, распространенные по раскопу неравномерно. Далее можно отметить ножи для разделки мяса и скребки, затем проколки и наконечники. Наблюдается концентрация ножей и проколов в кв. Б-4, их присутствие в кв. А-3 и проколки в кв. А-4. В целом можно отметить наибольшую насыщенность орудиями в кв. Б-3, А-4, Б-4 (гист. 13).

В нижних горизонтах также преобладают скобели, затем сверла, остальные орудия представлены единично. Наибольшая насыщенность в кв. А-2, Б-2 и А-1 (гист. 14).

Гистограмма 13. Распределение разных категорий орудий в средних горизонтах

Гистограмма 14. Распределение разных категорий орудий в нижних горизонтах

По итогам проведенного трасологического анализа все орудия объединены в несколько хозяйственных комплексов, связанных с обработкой разных материалов для хозяйственных нужд. В таблице 2 показано, как представлены все выделенные хозяйственные комплексы в целом на раскопе во всех горизонтах. Доминирующую роль деревообрабатывающего комплекса можно отметить сразу. Сюда включены скобели, скребки, струги, сверла и стамески, долото — всего 107 орудий из кремня и 3 из кости. Обработка мяса, шкур и продуктов охоты представлена наконечниками стрел и дротиков, ножами и проколками — 47 орудиями из кремня и 2 из кости. К орудиям для обработки кости/рога отнесены скребки, скобели, струги, сверла и пилки —

всего 42 экз. Обработка камня (ракушки) производилась ретушерами, ретушерами-посредниками, сверлами, скобелями, а также абразивами и отбойником — всего 21 орудие из кремня и 1 из кости. С обработкой злаков связаны только вкладыши серпов — 2 экз. Обработку керамики проводили орудиями из кости, включающими орнаментир для нанесения орнамента в виде жемчужин, ложило, шпатели — всего 6 орудий. Всего выделено 219 орудий из кремня и камня и 12 из кости.

В верхних горизонтах отражена общая картина, характерная для всего раскопа в целом (табл. 3). Первое место занимает деревообрабатывающий комплекс, затем следует обработка мяса, шкур. Обработка кости/рога

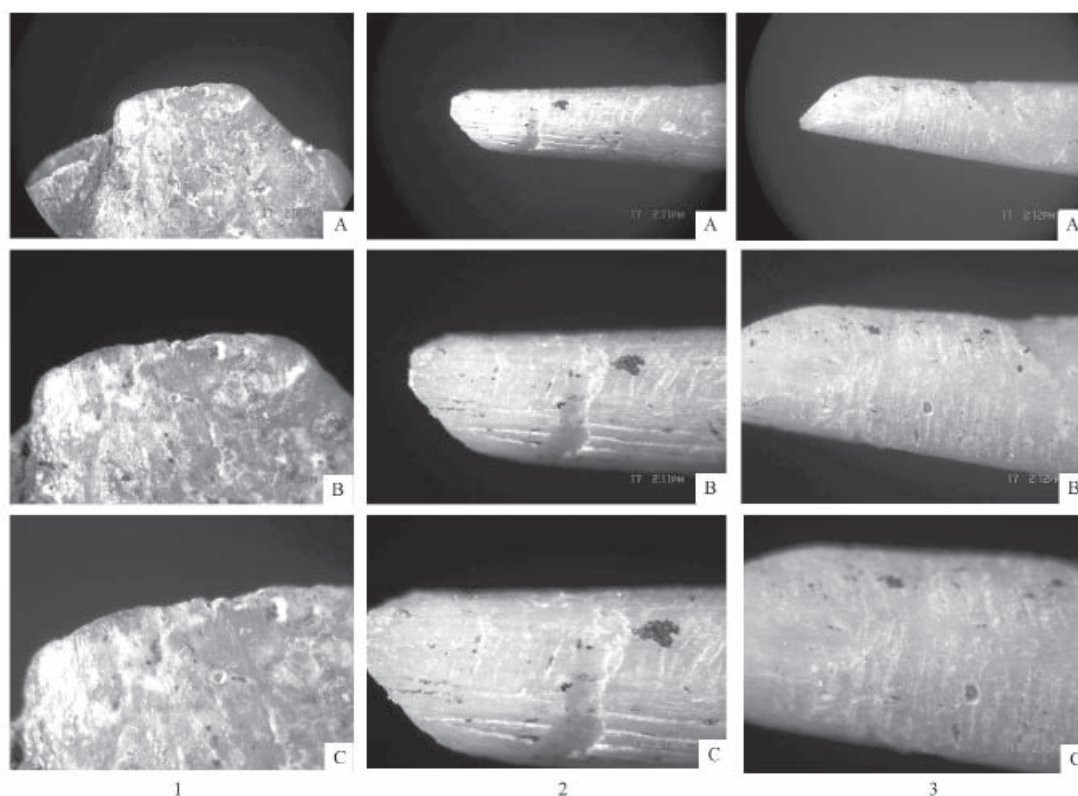

Рис. 12. Поселение Мешоко. Кость. Увеличение: Ах20; Вх40; Сх60
1 — стамеска для дерева; 2, 3 — острие ложила для керамики

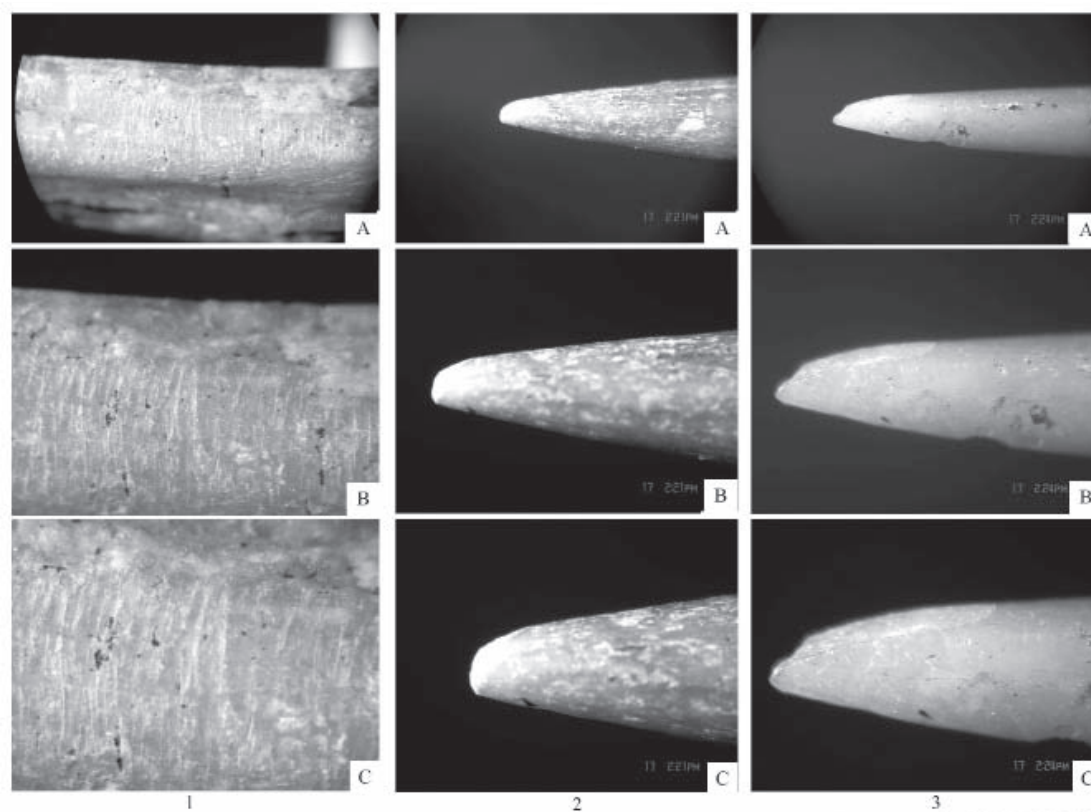

Рис. 13. Поселение Мешоко. Кость. Увеличение: Ах20; Вх40; Сх60
1 — шпатель для керамики; 2, 3 — проколки для шкур

Таблица 2

Распределение орудий по хозяйственным комплексам во всех горизонтах

	Обработка мяса, шкур	Обработка злаков	Обработка дерева	Обработка кости, рога	Обработка камня, ракушки	Обработка керамики
Наконечники	11					
Ножи	32					
Проколки	6					
Серпы		2				
Скребки			16	10		
Скобели			50	23	4	
Сверло			23	6	5	
Стамески			5			
Струги			8	1		
Строгальный нож			7			
Пилки				2		
Ретушер					6	
Ретушер-посредник					5	
Абразив					1	
Отбойник					1	
Долото			1			
Орнаментир						1
Лоцило						1
Шпатели						4
Итого:	49	2	110	42	22	6
Итого: %	21,2%	0,9%	47,6%	18,2%	9,5%	2,6%

Таблица 3

Распределение орудий по хозяйственным комплексам в верхних горизонтах

	Обработка мяса, шкур	Обработка злаков	Обработка дерева	Обработка кости, рога	Обработка камня, ракушки	Обработка керамики
Наконечники	6					
Ножи	25					
Проколки						
Серпы		1				
Скребки			12	7		
Скобели			31	17	2	
Сверло			10	3	4	
Стамески			4			
Струги			8	1		
Строгальный нож			6			
Долото			1			
Пилки				2		
Ретушер					4	
Ретушер-посредник						
Абразив					1	
Отбойник					1	
Орнаментир						1
Лоцило						1
Шпатель						2
Итого:	31	1	72	30	12	4
Итого: %	20,7%	0,6%	48%	20%	8%	2,7%

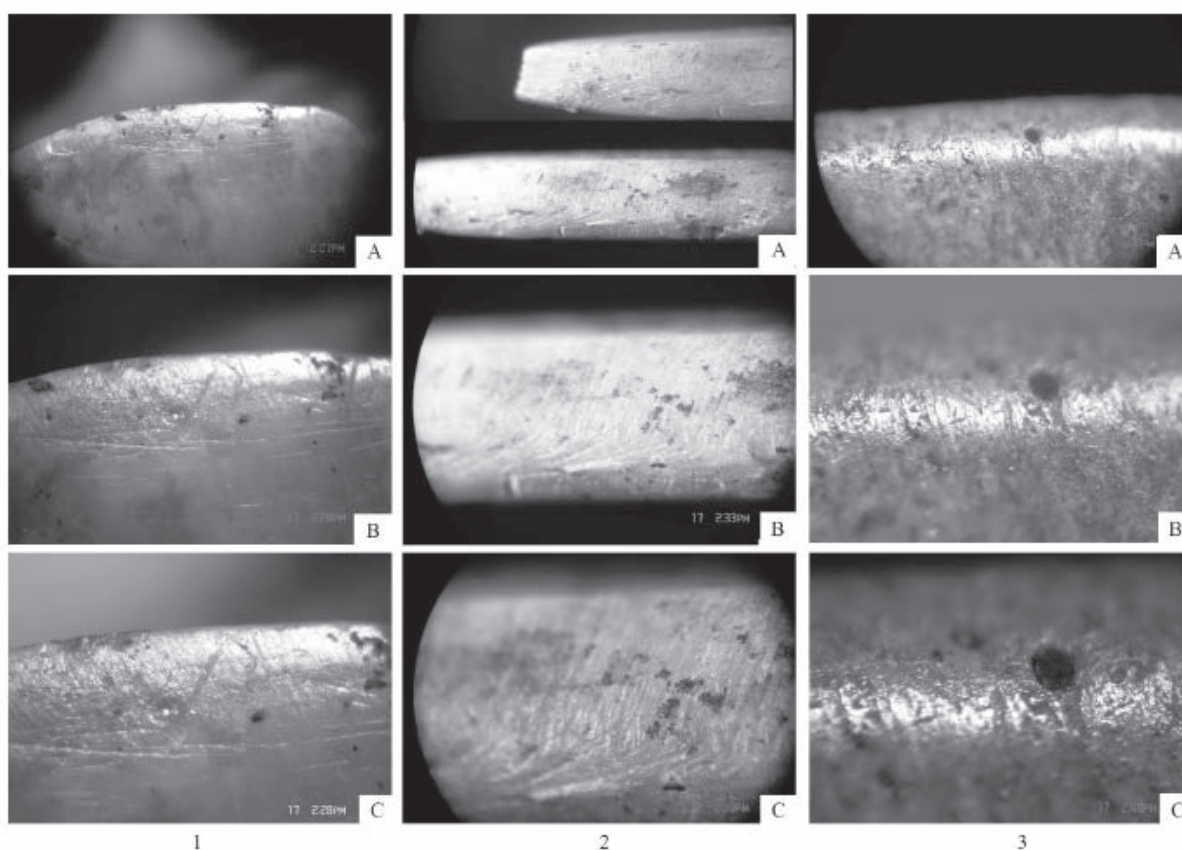

Рис. 14. Поселение Мешоко. Кость. Увеличение: Ах20; Вх40; Сх60
1 — стамеска; 2 — шпатель для керамики; 3 — долото для дерева

Таблица 4

Распределение орудий по хозяйственным комплексам в средних горизонтах

	Обработка мяса, шкур	Обработка злаков	Обработка дерева	Обработка кости, рога	Обработка камня, ракушки	Обработка керамики
Наконечники	4					
Ножи	5					
Проколки	6					
Серпы						
Скрепки			2	3		
Скобели			8	5	1	
Сверло			6	2		
Стамески						
Струги						
Пилки						
Ретушер					2	
Ретушер-посредник					5	
Абразив						
Отбойник						
Орнаментир						
Лощило						
Шпатель						1
Итого:	15	-	16	10	8	1
Итого: %	30%	-	32%	20%	16%	2%

на третьем месте, далее — обработка камня, ракушки, керамики и злаков.

В средних горизонтах также продолжается доминирование деревообработки. Обработка мяса и шкур занимает вторую позицию, орудия по обработке кости/рога — третью, камня, ракушки — четвертую, а обработка керамики — на последнем месте по количеству орудий (табл. 4).

В нижних горизонтах продолжается абсолютное преобладание деревообрабатывающих орудий, остальные комплексы представлены 1–3 экземплярами (табл. 5).

Помимо рассмотренных кремневых орудий есть еще группа изделий из кости, которые были использованы при изготовлении керамики (табл. 2–5). Этот производственный комплекс включает орнаментир, 4 шпателя и ложило — всего 6 экз. Микроследы на рабочих поверхностях орудий представлены в виде грубых абразивных царапин у шпателей для керамики, заполированной сглаженной поверхности с линейными следами у ложилов и скругленного рабочего конца с микровы-

крошенными частицами у орнамента (рис. 11–14). Всего орудий из кости 12, в том числе 6 орудий для работы по керамике, 2 стамески, долото, ретушер, 2 проколки.

В заключение хотелось бы провести сравнение данных типологии и трасологии (табл. 1). Трасологический анализ позволил выделить в два раза больше орудий — 219 (и 12 орудий из кости) против 107. Все орудия соотнесены с выполнявшимися функциями и обрабатываемым сырьем. Выделены хозяйственные комплексы и набор использованных орудий. Расширен набор орудий. Типологически выделена большая группа орудий (33 экз.) — долотца. Они объединены автором раскопок по морфологии и наличию крутой ретуши на узком конце. После трасологического исследования данной группы орудий микроследов, подтверждающих их использование в качестве долот, не обнаружено. Возможно, это сработанные нуклеидные заготовки с торцовым скалыванием и контрударным расщеплением на твердой основе. Остальные группы орудий были ко-

Таблица 5

Распределение орудий по хозяйственным комплексам в нижних горизонтах

	Обработка мяса, шкур	Обработка злаков	Обработка дерева	Обработка кости, рога	Обработка каменя, ракушки	Обработка керамики
Наконечники	1					
Ножи	2					
Проколки						
Серпы		1				
Скрепки			2			
Скобели			11	1	1	
Сверло			7	1	1	
Стамески			1			
Струги						
Строгальный нож			1			
Долото			1			
Пилки						
Ретушер						
Ретушер-посредник						
Абразив						
Отбойник						
Орнаментир						
Ложило						
Шпатель						1
Итого:	3	1	23	2	2	1
Итого: %	9,4%	3,1%	71,9%	6,25%	6,25%	3,1%

личественно значительно увеличены: так, ножей было выделено в 16 раз больше, сверл и ретушеров — в 5 раз. Интересно распределение орудий, как по горизонтам, так и по площади раскопа. Так, наиболее насыщенными орудиями и отходами расщепления являются верхние горизонты. Орудия здесь довольно равномерно распределены по всей площади раскопа — всего 150 орудий из камня и кости (5,4% от 2774 различных сколов). В средних горизонтах количество орудий и отходов резко уменьшается, они больше концентрируются в кв. Б-3, А-4, Б-4. В них обнаружено всего 50 орудий из камня и кости (12,25% из 408 различных сколов). В нижних горизонтах количество орудий уменьшается до 32 экз. из камня и кости (5,26% от 608 различных сколов). Несмотря на разную насыщенность культурного слоя, в верхних и нижних горизонтах наблюдается практически одинаковая пропорциональность использования заготовок в качестве орудий — более 5%. В средних горизонтах хотя и обнаружено наименьшее количество сколов, но они почти в 2,5 раза чаще были использованы для

орудий (12,25%). В настоящей работе подробно не рассмотрены шлифованные орудия и их заготовки, а также грубо оформленные тесла, стамески и долота для обработки дерева и единичные экземпляры других типов орудий — всего 26 экз. Все они требуют специального изучения и будут представлены в будущих исследованиях. В связи с этим можно добавить, что количество деревообрабатывающих орудий значительно увеличится.

Результаты данного исследования положили начало планомерному изучению коллекции орудий из поселения Мешоко — эталонного памятника эпохи энеолита — ранней бронзы на Северо-Западном Кавказе. Итоги трасологического анализа материалов небольшого шурфа I позволили довольно широко охарактеризовать хозяйственный комплекс поселения Мешоко. Дальнейшее изучение материалов из больших раскопов, хранящихся в фондах Государственного Эрмитажа, поможет существенно расширить хозяйственный комплекс орудий и провести более полную реконструкцию жизнедеятельности населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Поплевко Г.Н., 2003а. К методике определения ударных техник скола каменных индустрий (на материалах мезолитической стоянки Вышегора I) // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох: Тез. докл. конф. Самара.

Поплевко Г.Н., 2003б. Критерии определения техники скола каменных индустрий // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь.

Поплевко Г.Н., 2006. К методике определения орудий из кости и рога (проколки и лошिला) // Материалы и исследований по археологии Кубани. Краснодар. Вып. 5.

Поплевко Г.Н., 2007. Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб.

Формозов А.А., 1965. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.

А.Д. Резепкин

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ДОЛЬМЕНОВ И ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ «ДОЛЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ»

Исследования В.И. Марковина положили начало новому этапу в изучении дольменов Северо-Западного Кавказа. Он раскопал и ввел в научный оборот значительное количество материала, без которого невозможно обойтись при любых исследованиях мегалитов Кавказа. Итогом десятилетних (1967–1976 гг.) полевых работ было издание трех монографий (Марковин, 1973; 1978; 1994), в которых опубликованы результаты этих исследований и высказано несколько предположений относительно происхождения, классификации и хронологии дольменов. Но до сих пор по вышеназванным проблемам нет единого мнения. Прежде всего это касается соотношения новосвободненских гробниц и дольменов. В.И. Марковин всегда считал дольмены прямым продолжением развития гробниц, которые также называл дольменами (Марковин, 1994. С. 234). Все мегалиты Северо-Западного Кавказа были разделены им на четыре типа, причем почти каждый имел несколько вариантов: первый — 8 вариантов и разновидностей, второй — 3 разновидности, третий — 5 вариантов, а четвертый тип составили дольмены-монолиты (Марковин, 1994. С. 229–240). Итого получилось 4 типа в 17 вариантах. Эту классификацию в своей основе В.И. Марковин предложил еще в своей первой монографии по дольменам (Марковин, 1973), к которой я еще тогда от-

несся критически (Резепкин, 1976), и до сих пор мне непонятна логика, с которой автор этой типологии выстраивает алгоритм развития мегалитов на Кавказе. Достаточно одного примера: у В.И. Марковина первый тип — «плиточные дольмены», к которому он относит каменные ящики и новосвободненские гробницы как варианты. При этом он пишет, что «среди плиточных дольменов первого вида можно выделить несколько вариантов памятников, которые позволяют проследить изменения в их архитектуре и строительном мастерстве» (Марковин, 1994. С. 229). Как можно отнести хотя бы и к разным вариантам, но одного типа, обычный ящик, сложенный из четырех плит, и двухкамерные гробницы с отверстием в поперечной плите, а в двух случаях — и с двухскатной крышей, мне все же, как и раньше, остается непонятным.

Одной из основных ошибок в выстроенной В.И. Марковиным эволюции мегалитов на Северо-Западном Кавказе является, на мой взгляд, включение в одну типологическую линию развития новосвободненских двухкамерных гробниц и «дольменов с порталом». Делается это на основе того, что В.И. Марковин считал, что «Н.И. Веселовский раскопал сооружения с несколько трапециевидным планом камер. Они были перегороджены на две части: небольшой величины притвор и погребальную камеру»

(Марковин, 1994. С. 231). С 1979 по 1982 г., возобновив раскопки, начатые Н.И. Веселовским, я раскопал в курганном могильнике Клады под ст. Новосвободной (бывшей Царской) еще три гробницы. Все они опубликованы (Rezepkin, 2000). Должен отметить, что никакой трапезиевидности, столь характерной для собственно дольменов, у гробниц нет, ни в плане, ни в профилях. Во-вторых, «небольшой величины притвор» — не такой уж и небольшой. К примеру, в гробнице из кургана 28 длина первой камеры составляет 1,58 м, ширина — 1,35 м, длина второй камеры («притвора», по терминологии В.И. Марковина) 1,4 м, ширина — 1,35 м. В гробнице из кургана 30 ширина первой камеры 1,93 м. Длина камеры по северо-западной стенке 2,27 м, по юго-восточной, вследствие некоторой асимметричности камеры, — 2,03 м. Длина второй камеры заметно меньше — 1,13 м, ширина у второй поперечной плиты — 1,98 м, т. е. практически такая же, как и ширина первой камеры. У третьей гробницы, из кургана 31, ширина первой камеры по задней стенке 122 см, по передней — 127 см, длина — 136 см. Длина второй камеры 106 см, ширина по второй передней стенке — 123 см. Как видно из приведенных данных, длина второй камеры у гробниц несколько меньше, но ширина практически такая же, как и у первой камеры. К этому нужно добавить, что в двух из трех исследованных мной гробниц (под курганами 38 и 31) пол второй камеры, как и первой, в одном случае был выстлан плитами, а в гробнице под курганом 31 пол второй камеры был устлан галькой и плитой. В первой камере гробниц находились погребенные, а во второй — сосуды, кости животных и другие предметы. Далее, по В.И. Марковину, «дольмены с притвором» (так В.И. Марковин именует вышеописанные гробницы. — А.Р.) несколько видоизменяются. Сохранив отверстие в передней стене, они приобретают дополнительные плиты, которые фланкируют порталную часть сооружения». Но в «дольменах с притвором» они ведь уже были — это боковые плиты второй камеры, которые и фланкировали «притвор». На самом же деле, по-моему, здесь речь идет уже о совершенно другой архитектурной конструкции — собственно дольменов с

порталом, объединить которые в один тип с гробницами так неловко пытался В.И. Марковин. Дело в том, что дольмены с порталом, у которых нет второй поперечной плиты, как у гробниц, имеют еще одну (помимо других) очень специфическую конструктивную деталь, которой гробницы не имеют. У дольменов те порталные плиты, которые как бы продолжают боковые плиты камеры, всегда перекрыты отдельной плитой, тоже узкой, как и сами порталные плиты. Но специфика этого «притвора» состоит в том, что порталные плиты всегда выше боковых плит камеры самого дольмена, и, соответственно, перекрытие этого портала также всегда выше крыши, перекрывающей камеру дольмена. В.И. Марковин на эту весьма существенную деталь в конструкции мегалитов внимания не обращает. У него просто происходит некоторое видоизменение «дольменов с притвором». Причину этого «видоизменения» он, как и в других случаях, не объясняет.

Предложенная мной типология мегалитов Северо-Западного Кавказа (Резепкин, 1988), в частности, объясняет происхождение и этой специфической конструктивной детали.

Пожалуй, будет нелишним эту типологию представить еще раз. Согласно ей, все мегалиты Северо-Западного Кавказа делятся на три типа:

- 1) подковообразные гробницы;
- 2) дольмены;
- 3) прямоугольные гробницы.

ПОДКОВООБРАЗНЫЕ ГРОБНИЦЫ

Сейчас их известно 9. В сводке Л.И. Лаврова они зафиксированы под №№ 329, 330, 369, 709, 729, 917, а также как гробница № 528, по В.И. Марковину (1973. С. 38–40). Одна была раскопана в 1983 г. в Кладах. Сюда же можно отнести гробницу, обследованную А.П. Руничем (1969. С. 261–262). Вероятно, к гробницам этого же типа относятся и «пять скоплений камней, имеющих вид усеченной пирамиды. В одном из таких скоплений были найдены обломки плохо сохранившихся человеческих костей» (Там же). Эти скопления находились в 10–15 м от обследованной А.П. Руничем гробницы. Развитие этого типа, как мне пред-

ставляется, можно проследить собственно на Кавказе в его начальной фазе.

Подковообразные гробницы всегда расположены в каменной насыпи (первоначально они находились под ней, но насыпь со временем оплыла), они округлые в плане, имеют перекрытие с элементами ложного свода, вход перегораживает плита с отверстием. Вход оформлен в виде двух мощных плит, стоящих перпендикулярно плите с отверстием. Исходя из таких архитектурных особенностей, как круглоплановость, остатки циркульного ложного свода с опорным столбом, подпирающим замковый камень (т. е. плиту, перекрывающую вершину купольного свода камеры), вход, каменный курган, возникновение этого типа может быть объяснено только при условии, что мы примем для него западноевропейскую купольную (коридорную) гробницу как исходную форму.

В.И. Марковин также пишет, что два дольмена у с. Гузерипль (по Л.И. Лаврову, №№ 329, 330) и дольмен в бассейне р. Кизинка конструктивно напоминают купольные гробницы Средиземноморья (Марковин, 1973. С. 40–41). Но в предложенной им типологии они относятся к плиточному типу дольменов, который он почему-то считает поздним (Марковин, 1978. С. 185).

В предложенной мной схеме развития подковообразных гробниц на Северо-Западном Кавказе наиболее вероятной исходной формой представляется тип купольных гробниц, происходящих из прибрежных районов юго-западной части Пиренейского полуострова (Leisner, Leisner, 1956. Bd.1. Taf. 5, 39-2, 74). Они (Ibid. S. 34, 35. Taf. 5) и подковообразные гробницы Северо-Западного Кавказа (Марковин, 1978. С. 147. Рис. 78; 79) очень похожи между собой конструктивно (табл. 1). Сооружения обоих типов в древности покрывались курганами, остатки которых сохранились; имеют круглую в плане форму, короткий коридор и даже остатки опорного столба, поддерживающего замковый камень перекрытия, соорудившегося методом каменной сухой кладки и представлявшего собой тип ложного свода (Leisner, Leisner, 1956. Bd.1. Taf. 62; ср.: Марковин, 1978. С. 148. Рис. 79). Стены также были сложены из каменных блоков сухой кладкой (Leisner, Leisner, 1956, B.1,

Taf.62; Марковин, 1978. С. 146, 147. Рис. 77; 78). На Северо-Западном Кавказе в результате эволюции гробниц этого типа замковый камень на вершине купольного перекрытия, увеличившись в размерах, перекрывает уже большую часть камеры гробницы, что привело к фактической замене купола плоским перекрытием из одной или нескольких плит. Каменная насыпь уменьшается в размерах, стены складываются частью из блоков, как и раньше, а частью — из больших плит, поставленных на ребро. Гробница приобретает форму подковы. Гробница 528 (рис. 1, 7), как я думаю, отражает эту линию развития купольных гробниц на Кавказе. Здесь сохраняется все, вплоть до обломка опорного столба длиной 121 см в центре камеры, — столь характерной архитектурной части купольных гробниц (Гернес, 1914. С. 85). Только исчезает их особенность — сам ложный свод, который заменяется покровной плитой. Но эта черта развития купольных гробниц характерна не только для Кавказа; в Западной Европе мы наблюдаем ту же картину — ложный свод купольных гробниц заменяется массивными покровными плитами.

Вероятно, вследствие этого «дворик», т. е. короткий коридор, который у купольных гробниц всегда ниже купола, оказывается выше плиты, покрывающей камеру. Т. е. дворик все тот же, но купол исчезает. Сама камера в плане тоже не идеально круглая — $3,5 \times 4$ м. Большой диаметр камеры перпендикулярен передней плите.

Гробница 330, как я думаю, продолжает развитие линии купольных гробниц на Кавказе. Она расположена на невысокой искусственной насыпи, немного впущена в нее и окружена кромлехом из довольно больших камней, расположенных по подошве насыпи. Здесь мы наблюдаем деградацию идеи круглой камеры. Плиты, которые у гробницы 528 приставлялись к краю подковы (но так, что их задние концы входили внутрь камеры), образовывали «дворик», у гробницы 330 еще дальше входят в камеру (так, что передняя плита делит их пополам) и тем самым формирует стены камеры. А от некогда круглой камеры остается лишь округлая задняя часть гробницы. Она становится вытянуто-подковообразной (рис. 1, 8). Следующий этап

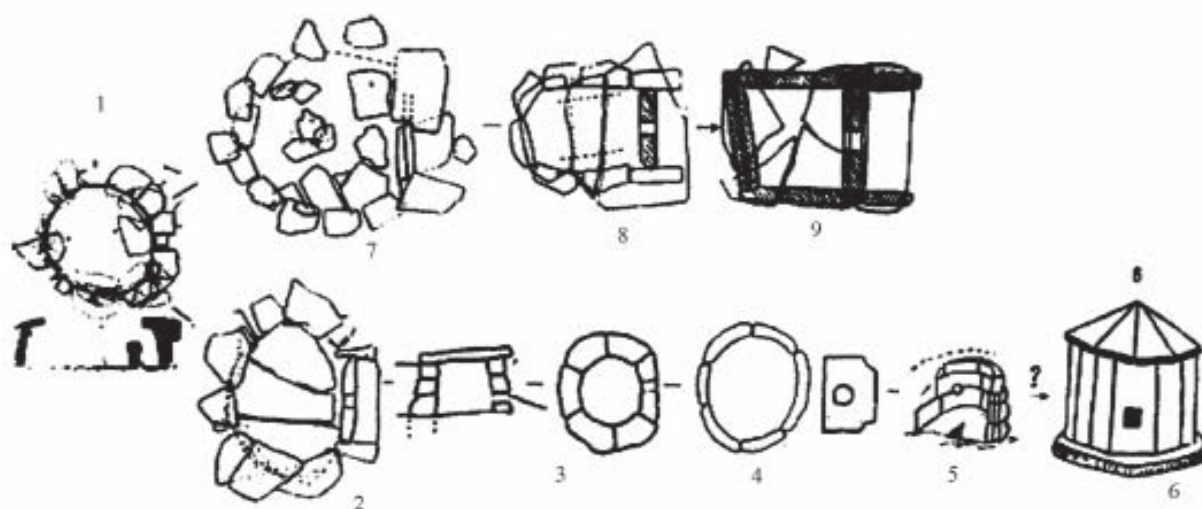

Рис. 1. Развитие купольных гробниц на Северном Кавказе: 1 — Монге, близ г. Лиссабон (Португалия), купольная гробница; 2 — пос. Гузериэль, дольмен № 2; 3 — пос. Лазаревский, дольмен; 4 — пос. Садовое, дольмен; 5 — хут. Перевальный, дольмен; 6 — у р. Фарс, в 5 верстах выше ст. Царской (Новосвободной), гробница; 7 — дольменная группа «Кизинка», дольмен № 528; 8 — пос. Гузериэль, дольмен № 1 (1 — по G. und V. Leisner, 1956; 3 — 6 — по В.И. Марковину, 1978; 2, 7, 8, 9 — по В.И. Марковину, 1997), 9 — Анастасиевка, гора Круглик, дальмен 6/8

развития — полное превращение камеры в четырехугольную. От подковообразной гробницы здесь остается только дворик, крытый отдельной плитой (рис. 1, 9).

Гробница 329 типологически стоит в начале второй линии развития подковообразных гробниц на Северо-Западном Кавказе. Она на три четверти своей высоты погружена в насыпь, которая окружена кромлехом, почти круглая в плане, стены сложены из тесаных блоков, и каждый следующий ряд нависает над предыдущим, как бы имитируя ложный свод. Раскрытую часть подковы перегораживает плита с отверстием, по обеим сторонам которой, перпендикулярно ей, стоит по одной мощной плите, образуя короткий коридор. Он перекрыт плитой (рис. 1, 2). Она практически аналогична гробнице 528, но ее дальнейшее развитие, как мне представляется, идет по иному пути упрощения конструкции.

Гробница у с. Лазаревского сооружена более просто. Открытая часть округлой в плане камеры перегороджена плитой с отверстием, верх камеры перекрыт одной цельной плитой (рис. 1, 3). Гробницу 729 уже трудно назвать подковообразной. У нее еще сохраняется массивная передняя плита, но она уже не прямая, а вогнутая так, что в плане гробница приобретает круглую форму (рис. 1, 4).

У всех этих гробниц методом ложного свода продолжают сооружаться только стенки, которые наверху отчасти образуют крышу. Так, например, гробница у с. Лазаревского в разрезе имеет форму усеченного конуса, диаметр ее у пола внутри камеры 2,6 м, а вверху 1,95 м. Верхняя же часть перекрытия в форме ложного свода заменилась крышей из одной плиты. Гробница 709 полностью круглая в плане, вся сложена из блоков, камера также сужается кверху и перекрыта одной плитой (рис. 1, 5). Гробница 322 — это 11- или 16-гранная призма, крытая конусом из восьми треугольных плит. Отверстие квадратное, с втулкой. Эту гробницу также можно отнести к разряду круглых, только строители вместо тщательно отделанных закругленных блоков ставили прямые плиты, а круглая форма достигалась за счет большого числа граней (рис. 1, 6).

Думаю, что тип купольных гробниц, предложенный здесь как исходная форма для дольменов Кавказа, по архитектуре и набору инвентаря относится ко второму периоду развития культуры Лос-Миларес (Leisner, Leisner, 1956. Bd. I. S. 34, 35), которая принадлежит к кругу культур колоколовидных кубков. И культурный прототип, по-видимому, следует искать в этом культурном мире.

ДОЛЬМЕНЫ

Этот тип мегалитических сооружений наиболее широко распространен на Северо-Западном Кавказе. Это сооружение из пяти — редко большего количества — плит, иногда с каменным полом, как правило, трапезиевидное в трех измерениях, а именно в плане, в профиле и анфас, покатое в сторону меньшей (задней) поперечной плиты и почти всегда в нижней части большой поперечной плиты имеющее отверстие. Отверстие закрывалось пробкой. Корытообразные дольмены и дольмены-монолиты — это результат той же архитектурной идеи, реализованной другими строительными приемами. Дольмены, как я полагаю, являются конечным вариантом развития купольных (коридорных) гробниц на Кавказе (рис. 1, 9). Стены из сложенных блоков заменяются монолитными плитами. Поскольку насыпь над сооружением постепенно редуцируется, от коридора остаются только две плиты, перекрытые третьей. Они стоят вплотную к передней плите дольмена, образуя собой как бы крытый вход. Это и есть дольмен «с порталом» (рис. 1, 9). Такие дольмены обнаружены во всех трех самых больших дольменных группах Западного Кавказа: в бассейне р. Кизинка у ст. Баговской (564 дольмена; Марковин, 1978. С. 19), на Богатырской поляне у ст. Новосвободной (476), на Дегуакской поляне у ст. Даховской (155; топосъемки Майкопского отряда Кубанской экспедиции ЛОИА, группы В.А. Дмитриева, 1980 г.). Дольмены «с порталом» во всех могильниках встречаются не группами, а поодиночке, но почти всегда вписываются в ряды других дольменов.

Аналогичную картину эволюции купольных гробниц мы наблюдаем и на их родине — Пиренейском полуострове: 1) замена ложных сводов плитами; 2) замена стен из камня сухой кладки также плитами; 3) почти полное исчезновение насыпи, а вместе с ней и коридора; 4) превращение гробниц из круглых в плане в прямоугольные (Daniel, 1941. P. 12, 13. Fig. 7; Leisner, Leisner. Bd. I. Taf. 28, 2; 63, 2, 5. S. 71, 72). Отсюда становятся понятны многолетние безуспешные поиски аналогий кавказским дольменам, поскольку они являются конечным вариантом развития

купольных гробниц, собственно на Кавказе. Прекрасным, на мой взгляд, подтверждением предложенной типологии являются два новых факта. Первый — это раскопанный М.К. Тешевым подкурганый дольмен с рудиментарным коридором на побережье у г. Туапсе. Здесь боковые стены дольмена и портал составляют единое целое. Сам дольмен заложен камнями, образующими над ним как бы купол, но его вершина повреждена, и осталось неясным, был ли свод полностью закончен (Марковин, 1985. С. 84, 85). К передней плите дольмена подходил коридор длиной почти 12 м, в наиболее узких местах шириной и высотой 0,5 м. Стены его были сложены из плитняка и перекрыты также крупными плитами. Все это сооружение перекрывалось земляной насыпью диаметром около 60 м и высотой около 5 м (Там же. С. 81, 86, 87). О том, что коридор был рудиментарным, свидетельствуют, во-первых, его крайне малые размеры и, во-вторых, то, что вход в него перекрывался насыпью. И второй пример — раскопанный мной в 1990 г. громадный подкурганый дольмен в Кладах. Особенности его архитектуры заключались в том, что помимо рудиментарного дворика-портала, в центре дольмена стоял опорный столб — колонна с базой и капителью, высотой 2,98 м, которая поддерживала уже плоскую крышу дольмена (Rezepkin, 2000. Taf. 74). На данном примере мы ясно видим, что элемент архитектуры в виде опорного столба, подпиравшего замковый камень в купольных гробницах и несший там функциональную нагрузку, в виде рудимента доживает и до конечного результата развития купольных гробниц на Кавказе — дольменов.

С довольно резкой критикой предложенной мной типологии и схемы развития мегалитов на Северо-Западном Кавказе выступил В.А. Трифонов. В своей статье, впечатляющей по охвату вопросов, возникающих при знакомстве с миром мегалитов, автор все же остается сторонником взглядов В.И. Марковина (Трифонов, 2001). Правда, предложенная им схема развития дольменов от подземных купольных сооружений Красной Поляны — В.А. Трифонов почему-то относит их к ранним формам (Там же. С. 48) — прямо противоречит схеме развития дольменов, предложенной В.И. Марковиным, — от пли-

точных к составным, в том числе и кругло-плановым, сложенным из блоков (Марковин, 1994. С. 237), — но зато хорошо дублирует предложенную мной схему эволюции мегалитов от подковообразных гробниц к дольменам (Трифонов, 2001. С. 29; ср.: Резепкин, 1988. С. 163. Табл. 2). Рассмотрев, сколь критически, столь и поверхностно, различные гипотезы о происхождении мегалитов на Кавказе, В.А. Трифонов в итоге не исключает и автохтонного их происхождения (Трифонов, 2001. С. 48). Более того, он находит аналогии некоторым типам чернолощеной керамики из новосвободненских гробниц в керамике дольменной культуры и на этом основании предполагает, что «сами гробницы Новосвободной и лепная чернолощеноя керамика могут оказаться проявлением влияния дольменной культуры на майкопскую». Но даже сам Владимир Иванович в своей основательной работе исключил новосвободненские комплексы из состава того материала, который он отнес к дольменной культуре (Марковин, 1994. С. 246, 247, 279. Табл. 69; 70; 71). Нелишним будет вспомнить, что еще четверть века тому назад дольмены были отнесены к эпохе средней бронзы (Резепкин, 1982; Корневский, 1983).

Как правило, дольмены располагаются группами, от 3–5 до нескольких сотен, и распространены по всему Северо-Западному Кавказу, с определенными местами их концентраций. Эти районы выделены по принципу относительной плотности, т. е. по степени насыщенности того или иного ареала мегалитическими сооружениями. Степень насыщенности определялась изометрически. Для этого на крупномасштабную карту территории, где распространены дольмены, наносилась сетка квадратов со стороной 20 км и вычислялся процент мегалитических сооружений в каждом квадрате по отношению ко всем дольменам Западного Кавказа. Было выделено пять районов концентраций дольменов:

1) Белореченско-Лабинский район. На востоке включает в свои границы 564 дольмена на р. Кизинка у ст. Баговская. На западе он имеет своей границей, скорее всего, р. Псекупс, а не Белую, т. к. дольмены, расположенные по этой реке, территориально ближе к своим восточным соседям, а с запада они отделены междуречьем Псекупса и Афипса

от соседнего района концентрации дольменов — Шапсугского;

2) Шапсугский район. Восточная граница проходит по р. Убинка, а на западе он оканчивается Таманским полуостровом;

3) Черноморский район, согласно В.М. Сысоеву, расположен между реками Сукко (устье у г. Анапа) и Псецуапсе. Оставляя неизменной северную границу этого района, южную, в связи с открытием новых дольменов, нужно отодвинуть до верховьев р. Нечепсухо;

4) Туапсинский район начинается от г. Туапсе, южной границей его служат р. Хашупс и сел. Гантиади;

5) Абхазский район расположен между р. Хипста и г. Гудаута на севере и оз. Амткел и г. Сухум на юге.

Эти пять районов (рис. 2) отделены друг от друга значительными расстояниями, а т. к. степень изученности ареала дольменов практически одинакова, то существенные различия в их концентрации следует признать как объективные. На основе опубликованных данных дана статистическая характеристика каждого района и определено его место среди других. Для такой работы понадобилось выявить параметры памятников каждого района концентрации по выделенным признакам; проверить, различаются ли районы по этим параметрам; выявить «текучесть» признаков по районам (вариабельность); выделить крайние районы концентрации и сделать попытку их интерпретации.

Прежде всего, как наиболее весомые, отбирались признаки, характеризующие фасад дольмена, а их сравнительно небольшое число обусловлено малым количеством опубликованных параметрических данных по архитектуре дольменов. Используя критерий Стьюдента, критерий Манна-Уитнея и оценку доверительных интервалов медиан (МЕ), получаем параметры каждого района концентрации по выделенным признакам: 1) длина боковой плиты; 2) ширина передней плиты; 3) высота передней плиты; 4) диаметр круглого отверстия (табл. 1). Затем выявляем существующие различия между выделенными районами. Добавим сюда еще один, пятый, признак — ориентировку дольменов. Затем полученные данные проверим двумя методами, не зависящими от формы распределения, — критерием Манна-Уитнея и оценкой

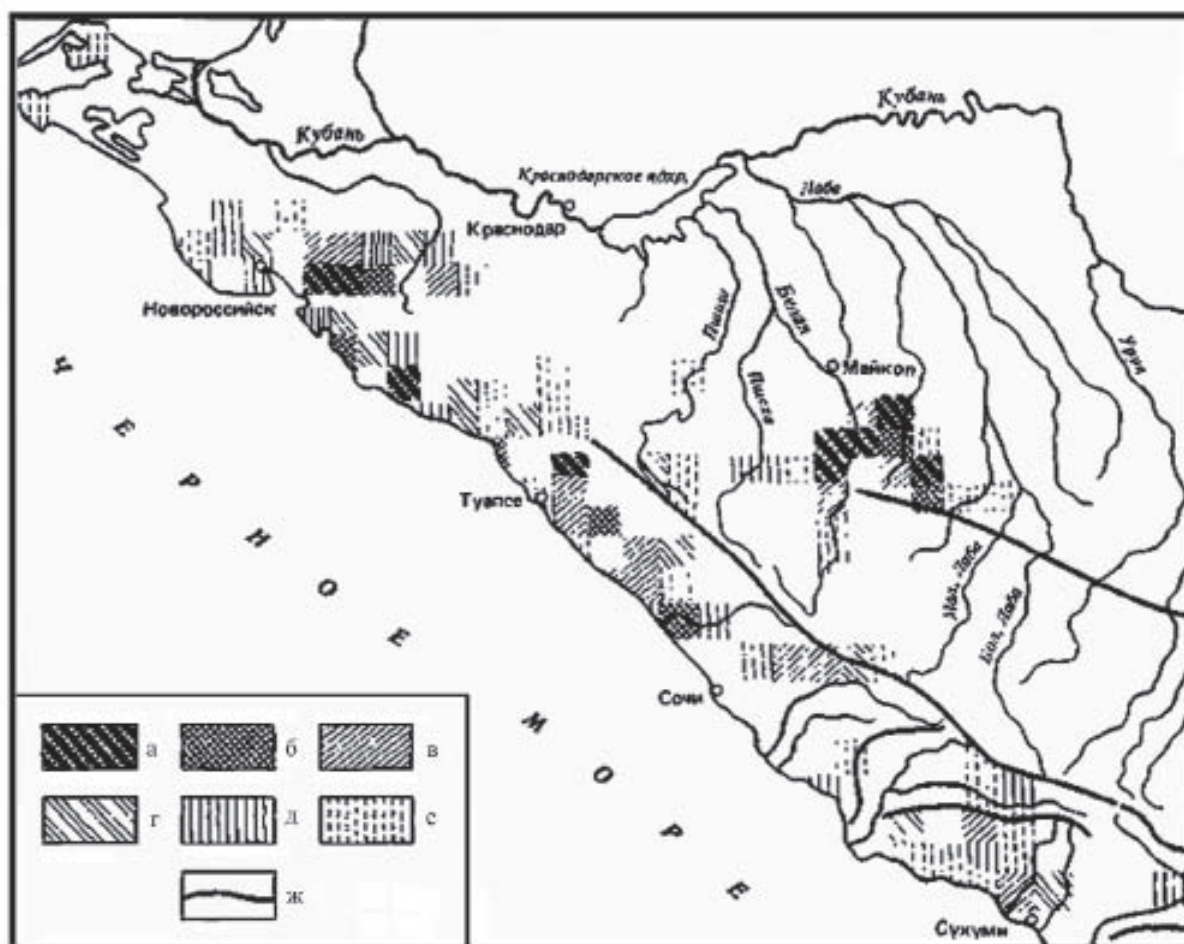

Рис. 2. Распространение дольменов на Западном Кавказе
 а – более 50 дольменов; б – 20–50 дольменов; в – 10–19 дольменов; г – 5–9 дольменов;
 д – 3–4 дольмена; е – 1–2 дольмена; ж – горы

границ доверительных интервалов медиан.

Затем выявляем существующие различия между выделенными районами. Судя по параметрам, полученным для Шапсугского и Пшадского районов (табл. 1), достоверной разницы между ними не будет. Средние арифметические обоих районов по всем признакам перекрываются даже допустимыми интервалами. С очень высокой достоверностью (99%) они различаются только по ориентировке. Вероятно, это можно объяснить тем, что дольмены обеих групп расположены по северную и южную сторону Главного Кавказского хребта, а фасады их почти всегда смотрят вниз по склону. По всем же остальным признакам районы неразличимы. При таких данных у нас нет никаких оснований различать их. Следовательно, существует только один район,

за которым оставляем название Пшадский. Определим параметры дольменов этого района (табл. 2).

Дольмены, которые расположены по южному склону Главного Кавказского хребта на побережье, обладают более внушительными размерами, меньшим диаметром отверстий, а все признаки их имеют меньшую вариацию, т. е. дольмены побережья более крупны и более, так сказать, стандартны.

При сравнении Пшадского района с остальными — Новосвободненским, Туапсинским, Абхазским — ясно, что различия здесь высоко достоверны.

Как видно из таблиц, дольмены районов Новосвободненского и Туапсинского и Абхазского с Туапсинским различаются между собой менее жестко, чем остальные, т. к. по одному признаку из выделенных крите-

Таблица 1

Параметры дольменов по выделенным районам

Районы	N	$\bar{X} \pm S_x$	A	V%	$\bar{x} \pm S_x - t_{0.01}$
Высота передней плиты					
I	33	122±1,3	7,2	6	122±1,3-2,6
IV	12	153±1,8	5,7	3,8	153±1,8-3,1
V	11	180±2,0	5,9	3,3	180±2-3,2
II	26	134±1,6	8,4	6,3	134±1,6-2,8
III	25	134±1,3	6,5	4,9	134±1,3-2,8
Ширина передней плиты					
I	105	155±1,0	9,3	6	155±1-2,6
IV	22	163±2,1	9,6	5,9	163±2,1-2,8
V	13	236±3,1	10,6	4,5	236±3,1-3,1
II	24	176±2,7	11,6	7	176±2,7-2,8
III	37	175±1,3	8,8	5,1	175±1,3-2,6
Длина боковой плиты					
I	119	179±1,5	16,8	9,4	179±1,5-2,6
IV	22	234±4,3	19,8	8,7	234±4,3-2,8
V	17	280±5,7	22,6	8	280±5,7-2,9
II	36	296±3,8	22,4	7,6	296±3,8-2,6
III	38	296±3,2	19,7	6,6	296±3,2-2,6
Диаметр круглого отверстия					
I	8	38±1,1	2,6	7	38±1,1-3,5
IV	7	42±1,5	3,6	8,6	42±1,5-3,7
V	2	46±6,5	6,5	14	46±6,5-63,7
II	18	37±0,9	3,8	10,3	37±0,9-2,9
III	31	35±0,5	3,1	8,8	35±0,5-2,6

I — Новосвободненский район; II — Шапсугский; III — Пшадский; IV — Туапсинский; V — Абхазский

Таблица 2

Параметры дольменов Пшадского района

Признаки	n	$\bar{x} \pm S_x$	a	V %	$\bar{x} \pm S_x - t_{0.01}$
Высота передней плиты	51	133±1,0	7,5	5,6	133±1-2,6
Длина боковой плиты	74	295±2Д	21	7Д	295±2,4-2,6
Ширина передней плиты	61	175±1,3	10	5,7	175±1,3-2,6
Диаметр отверстия	49	36±0,5	3,4	9,4	36±0,5-2,6

риев они все же неразличимы. Дольмены Новосвободненского и Абхазского районов различаются с весьма высокой достоверностью.

Во всех трех группах пропорции составных частей среднего дольмена одинаковые.

Длина боковой плиты примерно в 1,5 раза больше высоты передней плиты, а отношение длины боковой плиты к ширине передней не достигает и 1,5. В пропорциях это будет неширокий, короткий и довольно высокий дольмен. По мере удаления от побережья плиты

Рис. 3. Гробницы и дольмены

становятся все менее массивными. Так, если в Абхазском районе средняя толщина плит равна 34,5 см, то в Новосвободненском — 29 см. Наименьшим коэффициентом вариации по всем признакам, кроме «диаметра отверстия», обладает опять-таки Абхазский район (табл. 1).

Таким образом, устанавливается следующая картина: по мере удаления от побережья дольмены мельчают, теряют свою стандартность, т. е. все больше варьируют в размерах.

Дольмены Пшадского района по пропорциям резко отличаются от остальных. Длина боковой плиты в 2,2 раза больше высоты

и в 1,7 раза больше ширины передней плиты. Средний дольмен этого района довольно широкий, низкий и длинный. Боковые плиты дольменов самые длинные, а отверстия — самые маленькие, но с самым большим коэффициентом вариации (табл. 2). По длине боковой, высоте и ширине передней плит коэффициент вариации довольно однороден — от 7,1 до 5,5%, тогда как в остальных районах он по ширине и высоте передней плиты примерно в 1,5 раза меньше, чем по длине боковой плиты.

Как видно, во всех районах, кроме Пшадского, строителям дольменов наиболее важными представлялись ширина и высота передней

плиты, т. е. фасад дольмена. С доказанной вероятностью остается предположить, что архитектура дольменов Пшадского района имеет свою существенную специфику и может быть не связана с остальными районами единой линией эволюции. В Новосвободненском районе — наибольший коэффициент вариации и наименьшие размеры дольменов. В отличие от Абхазского, здесь присутствуют дольмены всех конструкций. Они находятся на насыпях, на ровной поверхности, углублены в землю, под землей, во всевозможных сочетаниях.

Создается впечатление, что по мере удаления от Новосвободненского района к Абхазскому происходит как бы концентрация одного типа мегалитов — дольменов.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Пожалуй, еще более трудной проблемой, чем классификация и хронология, является погребальный обряд в дольменах. В.И. Марковым выделено три этапа в эволюции обряда. Начальный, согласно его классификации дольменов, связан с прямоугольными в плане сооружениями без лазов (отверстий) новосвободненских гробниц и дольменов с порталом. В этот период дольмены использовались для одиночных захоронений, реже — для 2–3. Второй этап — во время классических трапезиевидных дольменов, составных и корытообразных простых форм. В это время преобладают захоронения «сидящих» покойников. В поздний период заметна деградация плиточных сооружений, появляются дольмены с ложным сводом. В этот период мегалитические гробницы часто употребляются в качестве оссуариев-костехранилищ для вторичных погребений. Примерно к 1400–1300 гг. до н. э. дольмены прекращают строить (Марковин, Мунчаев, 2003. С. 101). Здесь приходится констатировать, что за все годы раскопок В.И. Марковым не было раскопано ни одного не ограбленного дольмена, а в тех дольменах, где удавалось зафиксировать остатки погребенных, они всегда находились не в анатомическом порядке и неполные. Это хорошо видно из тщательно сделанных чертежей и описаний комплексов (Марковин, 1997). Все раскопки, которые

производились раньше, к сожалению, лишены должной документации. Исключение, пожалуй, составляют раскопки Б.А. Куфтиным эшерских дольменов в Абхазии. Но и в этом случае позу погребенных установить не удалось, было отмечено только большое количество погребенных, сосчитанных по черепам (Куфтин, 1949).

Думаю, позу погребенных можно определить лишь в том случае, когда скелет сохранился в анатомическом порядке либо находился в не потревоженном более поздними включениями дольмене. Мне удалось исследовать три таких дольмена. Один содержал кенотаф — вместо погребенного лежала фигура человека, схематично вырезанная из дубовой доски (Rezepkin, 2000. Taf. 69, 3; 70, 1). Второй — разбросанные по камере кости ребенка (Rezepkin, 2000. Taf. 75, 4). Третий дольмен, раскопанный в 2009 г., содержал несколько погребений. Все, кроме последнего, были смещены к боковой плите камеры, последний же погребенный (подросток) лежал вытянуто, головой к задней плите, руки вдоль туловища. Анатомический порядок был сохранен. Полагаю, что при наличии столь скудной информации говорить о какой-либо классификации поз погребенных в дольменах, а тем более об изменении их во времени, преждевременно.

ПРЯМОУГОЛЬНЫЕ ГРОБНИЦЫ

Сейчас известно 9 гробниц. Две были открыты Н.И. Веселовским в Кладах в 1898 г. (Попова, 1963), еще четыре раскопаны там же мной в 1979–1982 гг., две — в Кабардино-Балкарии (Чеченов, 1973; 1984. С. 165–173), одна — близ п. Новомихайловский у г. Туапсе (Тешев, 1986. С. 52–57). Пять из них двухкамерные, все найдены в одном могильнике Клады у ст. Новосвободной, и четыре однокамерные. Две из однокамерных (Кабардино-Балкария) не имеют отверстий, по сути, это просто каменные ящики. Одна гробница из Кладов — тоже каменный ящик, но в верхней части передней плиты имелась квадратная вырезка. Эту форму можно интерпретировать как переходную между двухкамерными гробницами и ящиками, тем более что, по

прямой стратиграфии в кургане 31 могильника Клады, она была впущена в насыпь над двухкамерной гробницей (Резепкин, 1991. С. 167, 168).

Все они подкурганные, прямоугольной в плане и профиле формы, содержат одного-двух погребенных, а в гробнице из Туапсинского района — семь. Все погребенные лежат на правом боку скорченно, кисти рук перед лицом, головой к передней (или, если гробница двухкамерная, — поперечной) плите. Все гробницы по инвентарю относятся к новосвободненской культуре. Что касается гробницы, раскопанной у г. Туапсе М.К. Тешевым, то, поскольку она была обнаружена в русле горной речки, есть большие сомнения относительно ее полной сохранности как архитектурного сооружения.

Гробницы хотя и обладают чертами, свойственными западноевропейским галерейным гробницам (Резепкин, 1991. С. 189–192), но поиски конкретных исходных архитектурных

форм значительно затруднены. И вот почему: мегалитические гробницы Центральной и Северной Европы в подавляющем большинстве представляют собой либо конечные формы развития галерейных гробниц, либо гибридные формы галерейных и коридорных гробниц, и формы эти довольно разнообразны. Среди прямоугольных гробниц также выделяются как минимум три формы, и к этому еще нужно добавить, что и в мегалитических культурах Центральной Европы, и в новосвободненской культуре наряду с погребениями в мегалитах существуют и немегалитические погребения. И поскольку новосвободненская культура, в отличие от дольменов и подковообразных гробниц, обладает богатым набором инвентаря, то наряду с поисками аналогий погребальным сооружениям нужно проводить комплексное сопоставление погребального инвентаря и других культурных атрибутов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Куфтин Б.А., 1949. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси. Т. I.

Марковин В.И., 1974. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик.

Марковин В.И., 1978. Дольмены Западного Кавказа. М.

Марковин В.И., 1982. К вопросу о происхождении склепов и распространении составных дольменов на Северном Кавказе // КСИА. № 169.

Марковин В.И., 1994. Дольмены Западного Кавказа // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. Гл. 2. М.

Марковин В.И., 1997. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М.

Марковин В.И., Мунчаев Р.М., 2003. Северный Кавказ: Очерки древней и средневековой истории и культуры. Тула.

Кореневский С.Н., 1983. О металле эпохи бронзы эшерских дольменов // КСИА. № 176.

Резепкин А.Д., 1982. Проблема развития и преемственности культур эпохи ранней и

средней бронзы на Северном Кавказе // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: Тез. докл. Ереван.

Резепкин А.Д., 1991. Курган 31 могильника Клады: Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л.

Резепкин А.Д., 2004. Некоторые аспекты формирования эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. Вып. 4.

Трифонов В.А., 2001. Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения // Дольмены: Современники древних цивилизаций. Краснодар.

G.Leisner, V.Leisner, 1956. Die Megalithgräber der Iberischen Halbinsel. Der Westen. MF 1. Berlin.

Rezepkin A.D., 2000. Das Frühbronzezeitliche Graberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien // Archäologie in Eurasien. Berlin. Bd. 10.

Ю.Н. Спасовский

Кавказский государственный природный биосферный заповедник, Майкоп

АНАЛИЗ ФАУНИСТИЧЕСКИХ ОСТАТКОВ ИЗ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ПОСЕЛЕНИЯ НОВОСВОБОДНЕНСКОЕ

Поселение Новосвободненское открыто Майкопской экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством А.Д. Резепкина в 1989 г., при раскопках курганного могильника в урочище «Клады», расположенном в предгорьях Республики Адыгея, вблизи ст. Новосвободная, на берегу р. Фарс. В культурном слое поселения наряду с археологическим материалом были собраны обломки костей животных. Предварительный анализ фаунистических остатков, полученных при раскопках 1992–1993 гг., был опубликован (Спасовский, 1996).

В результате своих исследований А.Д. Резепкин пришел к выводу, что это поселение не может относиться к позднему этапу майкопской культуры, как предполагалось ранее, а оставлено носителями новосвободненской культуры эпохи ранней бронзы Северного Кавказа (Резепкин, 2008). Поэтому изучение фаунистических остатков из культурного слоя поселения имеет немаловажное значение, поскольку позволяет пролить свет на некоторые стороны хозяйственного уклада народов, населявших предгорья Западного Кавказа в эту эпоху. В статье представлены результаты анализа остеологических материалов, полученных за четырехлетний период раскопок, с 2006 по 2009 гг.

Всего просмотрено 5763 экз. костей и их фрагментов. Подавляющее большинство

исследованных костей является «кухонными» остатками, поскольку они принадлежали домашним и диким животным, которые могли употребляться в пищу. О «кухонном» характере материала свидетельствуют также кости со следами обугливания и сильная раздробленность костей; целые в материале представлены незначительным количеством отдельных зубов и костями дистальных отделов конечностей: пяточными, таранными (астралаги) и фалангами пальцев. В силу этого значительная часть костных фрагментов практически не поддавалась диагностике, т. к. состояла из мелких осколков диафизов трубчатых костей конечностей, позвонков и ребер. Поэтому удалось идентифицировать лишь 1719 костей и их фрагментов. Результаты анализа, с указанием количества определимых костей и процентного их соотношения в материале, представлены в табл. 1.

Из числа определимых костей более 90% принадлежало домашним животным — всего 1703 костных фрагмента. Согласно сложившейся в современной археозоологической практике представлению, выборка в 500 определимых костей позволяет говорить о полном видовом составе стада и о реальном соотношении тех видов животных, которые активно использовались в хозяйстве (Антипина, 2004). Исходя из этого, можно с полной уверенностью говорить о том, что в хозяй-

Таблица 1

**Качественный и количественный состав остеологического материала
из поселения Новосвободненское**

	Сезон 2006 г.		Сезон 2007 г.		Сезон 2008–09 гг.		Всего	
	фрагм.	%	фрагм.	%	фрагм.	%	фрагм.	%
Всего костей	2348		1056		2359		5763	
Из них определенных	575	24,5	368	34,8	776	32,9	1719	29,8
Домашние животные	571	99,3	363	98,6	769	99,1	1703	99,1
Из них:								
Крупный рогатый скот	236	41,3	204	56,2	540	70,2	980	57,5
Мелкий рогатый скот	189	33,1	71	19,6	130	16,9	390	22,9
Свинья	129	22,6	82	22,6	89	11,6	300	17,6
Собака	2	0,4	*	*	1	0,1	3	0,2
	фрагм.	особей	фрагм.	особей	фрагм.	особей	фрагм.	особей
Дикие животные	4	4	5	2	7	1	46	21
Из них:								
<i>Equus caballus</i> sp.	15	5	6	2	9	7	30	14
<i>Bison bonasus</i> sp.	1	1	1	1	*	*	2	2
<i>Bison</i> sp.	1	1	*	*	*	*	1	1
<i>Cervus elaphus</i> sp.	2	2	*	*	7	1	9	3
<i>Capreolus capreolus</i>	*	*	4	1	*	*	4	1

стве новосвободненских поселенцев одним из основных занятий было скотоводство. При этом главенствующее положение занимало разведение крупного рогатого скота. Костные остатки крупного рогатого скота составили более 50% от общего количества определимых костей домашних животных.

Количество костей мелкого рогатого скота в полученном материале составило около 23%. Вполне очевидно, что разведение коз и овец тоже играло значительную, хотя и меньшую, роль в скотоводческом хозяйстве поселенцев. Идентифицированные останки свиней составили не более 20%; кроме того, было определено незначительное количество костей собак. Таким образом, состав стада и процентное соотношение используемых животных указывают на то, что в хозяйственном укладе поселенцев скотоводство имело приоритетное значение и, скорее всего, носило выгонно-стойловый характер.

Ранее нами уже отмечалось, что крупный рогатый скот из Новосвободненского поселения по размерам отдельных костей (фаланг пальцев) близок к коровам из поселения Мешоко (Спасовский, 1996). Материал, получен-

ный в результате раскопок за последние четыре года, также подтвердил мнение о том, что новосвободненцы разводили мелкую форму крупного рогатого скота, сходную со скотом древнего Триалети и трипольской культуры. Более точно сказать трудно за неимением достаточной выборки фактического и сравнительного материала.

Несомненный интерес представляют найденные кости диких животных. Среди них наибольшим количеством костей представлены лошади (*Equus caballus* sp.) — всего определено 30 фрагментов от 14 особей. Причем останки лошадей найдены в материалах всех четырех раскопчных сезонов. В материалах 2006 и 2008 гг. определено 9 костей (фрагменты рогов и дистальный конец плюсневой кости) от трех особей благородного оленя (*Cervus elaphus* sp.). В 2006 и 2007 гг. были найдены кости (фрагмент проксимального конца плюсневой кости и фрагмент рогового стержня) двух особей зубров (*Bison bonasus* sp.). А материалы 2007 г. содержат фрагменты рогового ствола и дистальный конец берцовой кости одной особи косули (*Capreolus capreolus*). Эти виды млекопитающих явля-

ются типичными лесными обитателями, с древнейших времен широко распространены в лесных ландшафтах Западного Кавказа. Поэтому наличие остатков этих животных в культурном слое поселения — несомненно, результат охоты. Незначительность выборки костей диких животных не позволяет с полной уверенностью делать выводы относительно охотничьих предпочтений и в целом значения охоты в хозяйстве поселенцев. Тем не менее, по абсолютному числу костей видно, что в материале преобладают остатки крупных копытных: лошади, оленя и зубра. Отсюда можно предположить, что эти жи-

вотные были более желанной добычей, а возможно, некоторые из них имели и ритуальное значение.

Несколько необычно то, что в материале 2006 г. был определен окаменелый фрагмент таранной кости (астрагала) древнего бизона (*Bison sp.*), о чем писалось ранее (Спасовский, 2008). Кость, судя по степени окаменелости, имеет более древний возраст и относится, скорее всего, к эпохе палеолита. К сожалению, неполная сохранность кости, ее фрагментарность, не позволяет сделать определение до видовой принадлежности. Вполне возможно, что это случайная находка в материале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антипина Е.Е., 2004. Методические проблемы изучения остатков животных из археологических памятников // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В.И. Цалкина: Сб. статей / Отв. ред. Е.Е. Антипина, Е.Н. Черных. М.

Резепкин А.Д., 2008. Поселение Новосвободненское // Археология Кавказа и Ближнего Востока: Сб. к 80-летию чл.-корр. РАН, проф. Р.М. Мунчаева / Отв. ред. Н.Я. Мерперт, С.Н. Корневский. М.

Спасовский Ю.Н., 1996. Предварительный анализ фаунистических остатков из энеолитического поселения Новосвободное // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: Мат. науч.-практ. конф. (XIX «Крупновские чтения»). М.

Спасовский Ю.Н., 2008. Результаты определения остеологических сборов из поселений Майкопской культуры «Новосвободненское» и «Пхагуапе» // Археология Кавказа и Ближнего Востока: Сб. к 80-летию чл.-корр. РАН, проф. Р.М. Мунчаева / Отв. ред. Н.Я. Мерперт, С.Н. Корневский. М.

М.В. Андреева
Институт археологии РАН, Москва

БРОНЗОВЫЕ ОРУДИЯ ИЗ КАТАКОМБНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ПРЕДКАВКАЗЬЯ: КУЛЬТОВАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЗНАКОВАЯ ФУНКЦИЯ

В среднем бронзовом веке (СБВ) степная полоса Восточной Европы была занята носителями различных археологических культур, которые изучаются, в основном, по курганным погребальным памятникам и объединяются исследователями в так называемую (по ведущей форме могильных сооружений) катакомбную культурно-историческую общность (ККИО). В погребениях этого периода в Предкавказье содержится заметное количество различных бронзовых изделий — украшений и орудий/оружия¹. В комплексах позднего этапа более явно, чем в раннекатакомбную эпоху, проявляется «инструментальный» характер наборов инвентаря. Орудия изготавливались из трех основных материалов — бронзы, камня и кости, причем бронзовые орудия встречаются в могилах чаще, чем каменные и костяные. В то же время явно сокращается и упрощается традиционный набор бронзовых украшений и аксессуаров одежды.

Присутствие орудий имплицитно приводит современных исследователей к мысли, что умершим клали в основном «производственный», и, таким образом, «бытовой» на-

бор вещей, имевший опосредованное отношение к культовой практике. Как правило, упускается из вида важнейший аспект функционирования орудий/оружия в первобытном обществе (а в значительной мере и позднее, от эпохи ранних цивилизаций до средневековья), а именно — сакрально-магический характер этих предметов, что позволяло использовать их и в рамках культа, и в бытовой или военной сфере. Это упущение тем более досадно, что теоретическое положение о том, что в древности орудия и особенно — оружие нераздельно сочетали в себе практическую, сакральную и престижную функции, разделяется всеми археологами. Однако утилитарное назначение, а равным образом, культовая и социально-знаковая роль катакомбных древностей до сих пор остаются большей частью неясными. Отметим, что погребальный контекст находок позволяет надеяться на раскрытие в первую очередь именно двух последних граней использования артефактов. Это обуславливается культовым характером памятников: древний курган выполнял одновременно функции кладбища и святилища. Второе важное, и столь же широко известное

---

¹ Некоторые категории бронзовых находок невозможно строго отнести к одному классу — орудиям или оружию. Ниже, при рассмотрении бронзовых инструментов мы будем для краткости пользоваться термином «орудия», оговаривая вероятность использования некоторых из них также и в качестве оружия.

обстоятельство — высокая ценность бронзовых изделий в эпоху энеолита-бронзы, которая сама по себе превращала эти предметы в показатели престижа и социального статуса.

Бронзовые инструменты, обнаруживаемые в погребениях катакомбных культур, археологи определяют как (по нисходящей частоте встречаемости) ножи (реже называемые наконечниками копий/дротиков), стержневидные орудия (главным образом, так называемые шилья), крюки, тесла и долота, иглы, топоры. Перечисленные названия-термины были введены в употребление, прежде всего, исходя из морфологии изделий. Что касается наиболее массовых находок (так называемых ножей и шильев), то обозначающие эти категории вещей термины являются в значительной степени условными, мало говорящими о практическом использовании предметов, которые, как и крайне редко встречающиеся втульчатые (проушные) топоры, трудно однозначно отнести к одному классу — орудий или оружия².

В 2001 г. С.Н. Братченко и С.Н. Санжаров опубликовали большое исследование, посвященное описанию и разностороннему анализу трех позднекатакомбных комплексов, открытых в Северскодонецком регионе (Приволье 11/8; Беловодск 6/2 и 6/9) и содержащих, наряду с другими бронзовыми орудиями, редчайшие находки — бронзовые втульчатые топоры (Братченко, Санжаров, 2001). Кроме других проблем источниковедческого и историко-культурного характера (типологические особенности и происхождение найденных в погребениях вещей, культурно-хронологическая атрибуция самих погребений, концепция автономной организации металлопроизводства в пределах ККИО), которые авторы исследовали с привлечением материалов раннего и среднего бронзового века Доно-Донецкого, Волго-Донского и Доно-Днепровского регионов,

Предкавказья и Северного Кавказа, внимание в работе было уделено и вопросам функционирования редких находок (бронзовых топоров, тесел, долот, крюков) в среде носителей катакомбных и предшествующих им культур. По традиции исследователей интересовали, в первую очередь, практический и социально-знаковый аспекты использования вещей. Наиболее важные для нашей темы выводы этого исследования (Братченко, Санжаров, 2001. С. 85–90) состоят в следующем:

1) редкие бронзовые орудия являются престижными вещами, отмечающими погребения «аристократической верхушки общества»³;

2) так как эти предметы встречаются как порознь, так и в различных сочетаниях друг с другом и с прочими категориями инвентаря, теоретически возможно выявление в «катакомбном обществе» социальных рангов, каждый из которых маркируется своим набором орудий;

3) моделью для построения такой социально-знаковой системы, усвоенной «катакомбным обществом», послужили «кавказско-переднеазиатские стандарты» ранне- и среднебронзовой эпох; об этом можно судить по единству категориального набора редких бронзовых орудий в неординарных майкопских (РБВ) и катакомбных (СБВ) погребениях.

Положение о «переднеазиатских стандартах» получило подтверждение в работе Л.И. Авиловой (Авилова, 2008. С. 168–178), посвященной интерпретации находок плотницких орудий (все тех же тесел и долот, а также пил и топоров) из драгоценных металлов и бронзы, происходящих из Царского некрополя Ура (Раннединастический III период, середина III тысячелетия до н.э.). Эти вещи помещали в могилы царей и членов царской семьи в качестве регалий, поскольку «строительство, и, прежде всего сооружение

² Иногда исследователи катакомбных древностей предполагают и боевое использование тесел (или, как их называют в этом случае, топоров-тесел или тесловидных топоров; Братченко, Санжаров, 2001. С. 86). Изучение следов использования на бронзовых орудиях находится на начальной стадии. В частности, имеется пионерское исследование о заточке клинков бронзовых ножей (Бритюк, 1996).

³ Это опровергает имевшую место ранее концепцию, согласно которой погребения с бронзовыми теслами и долотами принадлежат мастерам-плотникам (по аналогии с известными погребениями мастеров-литейщиков и мастеров-изготовителей кремневых стрел).

храмов, считалось в древней Месопотамии Раннединастического периода важнейшей сферой деятельности обожествляемого правителя, вождя-жреца, направленной на процветание общины и укрепление мирового порядка» (Авилова, 2008, С. 173). Автор отмечает, что «сочетание драгоценных царских регалий с плотницким инструментарием наблюдается не только в Месопотамии эпохи бронзы: в «кладе Приама» из Трои II наряду с двумя золотыми диадемами, драгоценными украшениями присутствует бронзовая пила (Schmidt, 1902, S. 6157)» (Там же, С.168).

Недавно на категориальное сходство наборов орудий из комплексов майкопско-новосвободненской общности с таковыми из погребений маньчской катакомбной культуры указал С.Н. Корневский (Корневский, 2009. С.46).

Необходимо упомянуть также публикацию Е.И Гака и А.А. Калмыкова, в которой показывается преемственность традиций металлопроизводства степного Предкавказья (центральная и восточная часть) в конце РБВ и в СБВ (последовательно: ямно-новотиторовские, раннекатакомбные и маньчские комплексы), а также известная самостоятельность этих традиций от кавказских металлургических центров (Гак, Калмыков, 2009). В данном случае внимание авторов привлекает, прежде всего, массовый материал (ножи), редкие виды стержней (наконечники стрел, зубильца, буравчики, крестовые пробойники) и все виды бронзовых украшений. Это позволило проследить не только категориальное, но и (на первых двух этапах) типологическое единство форм. Таким образом, большой хронологический разрыв между богатым орудийным комплек-

сом майкопско-новосвободненской общности и сходным категориальным набором в позднекатакомбных памятниках, начинает материально и идейно заполняться более основательно.

Очевидно, дальнейшее изучение функционирования катакомбных бронзовых орудий предполагает в качестве необходимых предпосылок, углубленное (прежде всего — основанное на статистическом описании) рассмотрение погребального обряда отдельных катакомбных культур — с одной стороны, и появление более или менее ясно обоснованной концепции социальной структуры носителей этих традиций — с другой. Понятно, что начать конструирование такой гипотетической палеосоциологической модели можно только на основе сопоставления обрядовых характеристик с возрастом и полом погребенных.

* * *

В данной статье рассматриваются серии орудий из погребальных памятников⁴ Северо-Восточного Предкавказья (Восточное Ставрополье и Калмыкия), объединенных в рамках восточноманьчской катакомбной археологической культуры. Хронологический диапазон этой культуры, относящейся к позднекатакомбному этапу, на основании калиброванных радиоуглеродных дат, в настоящее время приблизительно соотносится с третьей четвертью III тыс. до н.э.⁵ Материалы восточноманьчских курганных могильников описаны и изучены, на сегодняшний день, подробно (выборка составляет 620 комплексов из 249 курганов из 28 памятников) (Андреева, 2008).⁶ Исходные положения, на которых строилась интерпре-

⁴ Поскольку курганные могильники практически никогда не раскапываются полностью, термин «памятник» предпочтительнее термина «могильник».

⁵ Самая значительная серия дат для погребальных комплексов энеолита — среднего бронзового века Предкавказья (конкретно - Калмыкия) получена на полевых материалах и опубликована Н.И. Шишлиной (Шишлина, 2007).

⁶ В базу данных (БД) включены все комплексы 27 памятников, степень сохранности которых позволяет идентифицировать их как восточноманьчские по инвентарю и/или положению останков погребенного (для разрушенных и расчлененных захоронений и «кенотафов» во внимание принимались также пропорции и конструктивные особенности могильного сооружения). Один памятник — Веселая Роща I — представлен не полностью, а материалами лишь одного кургана (к.03). Существенные пробелы в полевой документации по этому памятнику затрудняют формализацию данных. Вместе с тем, к.03 содержал уникальный и широко известный комплекс — так называемое погребение литейщика —

тация данных в названной работе, сводились к следующим:

1) формирование неспецифичных (включающих останки представителей всех основных социальных групп, составляющих данный коллектив) могильников в традиционных обществах с различным укладом всегда строилось с учетом отношений родства; пространственные (плани/стратиграфические) соотношения захоронений в той или иной степени отражают степень близости и структуру родственных связей;

2) наличие явных следов планировки курганного пространства для всех степных культур энеолита — бронзового века, и присутствие в курганах захоронений индивидуумов различных половозрастных групп, а также совместных погребений позволяет утверждать, что курганные могильники формировались как родовые кладбища-святилища;

3) поскольку основу социальных отношений в позднеродовом обществе по-прежнему составляли отношения родства, изучение именно этого аспекта является ключевым для моделирования структуры обществ носителей катакомбных традиций.

В этой статье я опираюсь на ряд выводов, сделанных при изучении планиграфических особенностей размещения восточноманычских комплексов в курганах. Выясняется (Андреева, 2008а, 2008б, 2008в, 2009, 2010), что размещение комплексов в курганах подчинялось определенной системе, которая реализовалась в каждом отдельном кургане лишь частично и может быть реконструирована при статистическом изучении значительного массива комплексов/курганов. Знаковую основу системы составляли статистически маркированные бинарные оппозиции ориентировок по странам света, кото-

рые на современном языке обозначаются как «**основная**» — «диагональная», «**меридиональная**» — «широтная», «**южная**» — «северная», «**восточная**» — «западная». Принимая во внимание весьма вероятную гипотезу о соотносительности в восточноманычском погребальном обряде могилы с повозкой — кровом, было высказано предположение об отражении в системе размещения комплексов в кургане планиграфической структуры большесемейного стойбища, в котором индивид занимал место в соответствии со своим статусом в системе семейных отношений. Большая семья (большесемейная община), включавшая несколько поколений родственников, имевших общего предка, являлась социальным образованием, наиболее характерным для позднеродового общества, его основной «ячейкой». Схема наиболее простого варианта большесемейной общины, включавшей 2-3 поколения кровных родственников с их семьями, группирующихся вокруг одного предка, сопоставима со сложностью курганной планиграфии и стратиграфии. Поскольку большинство восточноманычских комплексов введено в курганы с основным восточноманычским погребением и при этом чаще всего по одному-два, можно думать, что социально-семейные отношения в большинстве случаев не копировались, а заново моделировались в пространстве кургана. Смерть индивида означала переход из «общины живых» в структурно подобную ей «общину мертвых».

Основу изучаемой выборки составили индивидуальные погребения (486 комплексов). Кроме них в тех же памятниках представлены также совместные погребения, большей частью синхронные (67 комплексов)⁷ с числом погребенных до 4, а также так называе-

обойти вниманием который при характеристике восточноманычской культуры невозможно. БД содержит данные о памятниках из основных регионов культуры (Калмыкия, Ставрополье и разделяющая их долина реки Восточный Маныч), однако материалы центрального восточноманычского региона преобладают (составляют чуть более половины выборки — 349 комплексов; из памятников Ставропольской возвышенности — 114 комплексов; из памятников Калмыкии — Ергенинской возвышенности и Прикаспийской низменности — 157 комплексов). Данное соотношение отражает, в целом, пропорциональное распределение имеющихся на сегодняшний день материалов по трем регионам.

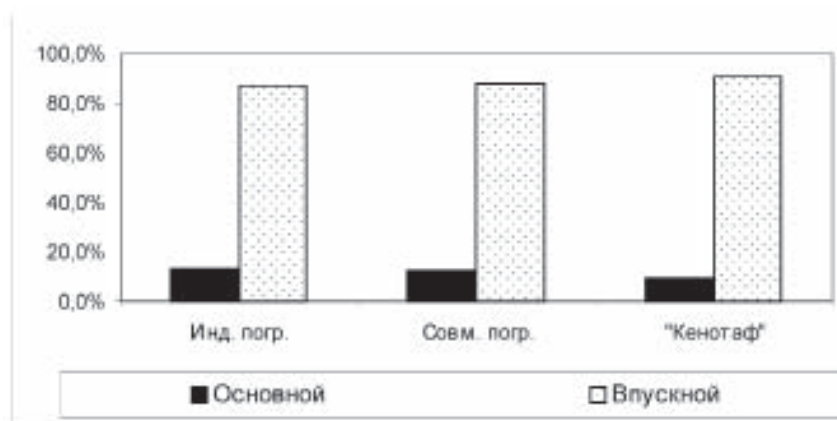
⁷ В случае, когда все захоронения в составе совместного синхронного погребения совершены по обряду трупоположения (55 комплексов), можно предполагать насильственную смерть людей; в 9 комплексах наличие парциальных захоронений наряду с трупоположениями свидетельствует об особых ритуальных манипуляциях с останками. Из них в 8 погребениях парциальные останки одного погребенного сочетались с трупоположением второго. Оставшиеся 3 комплекса представляли собой, вероятно, совместные кумулятивные погребения; бронзовые орудия в них не встречены.

Таблица 1

Соотношение основных и впускных комплексов

Вид комплекса	Основной		Впускной		Не ясно	Всего
	Кол-во	%	Кол-во	%		
Инд.погр.	60	12,7%	411	87,3%	15	486
Совм. погр.	8	12,5%	56	87,5%	3	67
«Кенотаф»	6	9,0%	61	91,0%	0	67
Всего	74	12,3%	528	88,0%	18	620

Гистограмма 1. Соотношение основных и впускных комплексов.

мые кенотафы (также 67 комплексов), не содержавшие останков людей вообще.⁸ Для восточноманычского погребального обряда характерны:

- низкая плотность комплексов в курганах (в среднем 2,5 комплекса на курган);
- предпочтительное размещение в курганах довосточноманычского времени (около 70% курганов и комплексов выборки);
- приблизительно одинаковое соотношение основных и впускных (резко преобладающих) у комплексов всех трех видов (гист. 1, табл. 1).

В состав выборки входят 8 статистически представительных (с числом раскопанных курганов 10 и более, индивидуальных восточноманычских погребений 20 и более) памятников:

Калмыкия: Архаринский (Арх) (Синицын, Эрдниев, 1966), Ергенинский (Ерг) (Шилов, 1981, 1982, 1984, 1985-86), Элистинский (Эл) (Синицын, Эрдниев, 1971);

Восточный Маныч: Восточноманычские Левобережные I и II (ВМЛ-I и ВМЛ-II) (Си-

ницын, 1978), Чограй II и VIII (Ч-II и Ч-VIII) (Коренько, 1977; Андреева, 1989);

Ставрополье: Веселая Роща III (ВР-III) (Романовская, 1978, 1979; Державин 1989).

На всех этих памятниках представлены также совместные погребения и «кенотафы» (всего на 8 памятниках 457 комплексов) (гист. 2, табл. 2).

Ниже данные этих памятников рассматриваются как случайные и сопоставимые между собой выборки. Отметим специфическую черту 2 памятников: все 11 курганов с восточноманычскими комплексами в Чограе II были заложены в довосточноманычское время; напротив, все учтенные 11 курганов Ергенинского могильника содержали основные восточноманычские погребения (гист. 3, табл. 3).

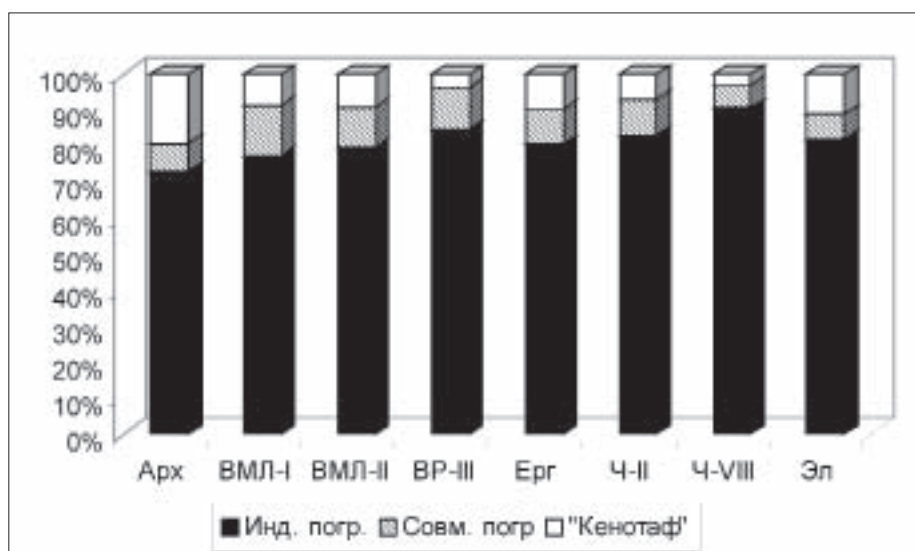
В БД лишь около четверти погребенных индивидуально и одной пятой — погребенных совместно имели определения возраста, сделанные, в основном, антропологами Г.П.Романовой и А.В.Шевченко. Остальной материал имеет определения археологов — авторов раскопок (возможно, после консуль-

⁸ Специфике совместных синхронных погребений как комплексов погребально-жертвенных, и «кенотафов» — как комплексов жертвенно-погребальных посвящены работы (Андреева, 2005, 2008а, 2008б, 2008в).

Таблица 2

Соотношение трех видов комплексов на памятниках

Памятники	Вид комплекса						Всего
	Инд. погр.		Совм. погр		«Кенотаф»		
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
Арх	19	73,1%	2	7,7%	5	19,2%	26
ВМЛ-I	89	77,4%	16	13,9%	10	8,7%	115
ВМЛ-II	78	79,6%	11	11,2%	9	9,2%	98
ВР-III	45	84,9%	6	11,3%	2	3,8%	53
Ерг	25	80,6%	3	9,7%	3	9,7%	31
Ч-II	25	83,3%	3	10,0%	2	6,7%	30
Ч-VIII	29	90,6%	2	6,3%	1	3,1%	32
Эл	59	81,9%	5	6,9%	8	11,1%	72
Всего	369	80,7%	48	10,5%	40	8,8%	457

Гистограмма 2. Соотношение трех видов комплексов на памятниках

таций с антропологами, но в документальных источниках это не оговаривается). Поэтому нам пришлось опираться на суммированные определения археологов и антропологов, имеющих весьма приблизительные границы, что подчеркивается принятой в работе общепотребительной терминологией: «младенец»/ребенок раннего возраста — 0–2 года (13 индивидуальных погребений); «ребенок»/ребенок 1 возраста — 3–7 лет (55); «подросток»/ребенок 2 возраста — 8–15 лет (57); «взрослый» — старше 15 лет (342).⁹ Число определе-

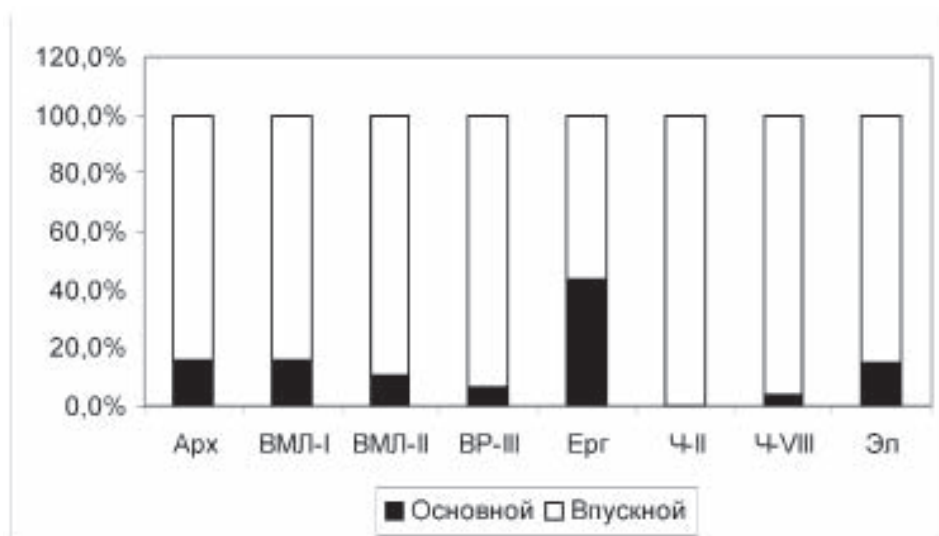
ний пола погребенных индивидуально, явно сделанных антропологом, еще меньше (88 индивидуумов, 57 мужчин и 31 женщина). Для расширения этой выборки (до 181 индивидуума, 87 мужчин и 97 женщин) в значительной мере пришлось полагаться на опыт и исследовательскую квалификацию И.В. Сеницына (также, вероятно, обсуждавшего хотя бы часть материалов с А.В. Шевченко). Оказалось, что сделанные на этом материале общие наблюдения в целом совпадают с данными, полученными на небольшой выборке в 88 ин-

⁹ В соответствии с возрастным составом погребенных среди совместных синхронных погребений выделены группы: А — захоронения взрослых с младенцами (всего 14); В — захоронения взрослых с детьми 1 возраста (19); С — двойные захоронения взрослых (16); D — погребения, включающие останки подростков в различных сочетаниях друг с другом, детьми и взрослыми (13).

Таблица 3

**Соотношение основных и впускных индивидуальных погребений
на памятниках**

Памятники	Индивидуальные погребения					Всего
	Основной		Впускной		Не ясно	
	Кол-во	%	Кол-во	%		
Арх	3	15,8%	16	84,2%	0	19
ВМЛ-I	14	15,7%	75	84,3%	0	89
ВМЛ-II	8	10,3%	70	89,7%	0	78
ВР-III	3	6,7%	42	93,3%	0	45
Ерг	11	44,0%	14	56,0%	0	25
Ч-II	0	0,0%	25	100,0%	0	25
Ч-VIII	1	3,8%	25	96,2%	3	29
Эл	9	15,3%	50	84,7%	0	59
Всего на пам.	49	13,4%	317	86,6%	3	369

Гистограмма 3. Соотношение основных и впускных индивидуальных погребений
на памятниках

дивидуумов, пол которых был определен антропологом.

* * *

Для восточноманычских погребений характерно сравнительно большое количество находок, содержащихся в рядовых комплексах (что типично и для других синхронных катакомбных культур Предкавказья). К числу полностью «безинвентарных» (без учета не всегда зафиксированных в документации следов органических подстилок и минеральных красок) можно отнести лишь 19 % индивидуальных захоронений. Орудия и/или предметы вооружения по частоте встречаемости (38%

индивидуальных погребений) находятся на втором месте после самой распространенной категории находок — керамической посуды (59,5%).

Прежде всего, обратим внимание на то, что сопровождавший умерших орудийный набор, по-видимому, принципиально отличался от прижизненного предметного окружения. Об этом говорят: 1) отсутствие орудий/оружия (из бронзы, камня и кости) в большинстве могил (62% индивидуальных погребений, 60% индивидуальных погребений взрослых); 2) большие перепады (в 10 раз) в числе индивидуальных погребений с орудиями/оружием и без него в выборках по памятникам; 3)

Таблица 4

Соотношение погребений с различными видами орудий на памятниках

	Индивидуальные погребения						
	Всего погр.	с орудиями из бронзы		с оруд./предм. из камня		с оруд./предм. из кости	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Инд.погр.	486	126	25,9%	80	16,5%	68	14,0%
Арх	19	10	52,6%	4	21,1%	3	15,8%
ВМЛ-I	89	5	5,6%	3	3,4%	7	7,9%
ВМЛ-II	78	16	20,5%	11	14,1%	2	2,6%
ВР-III	45	20	44,4%	9	20,0%	10	22,2%
Ерг	25	12	48,0%	8	32,0%	12	48,0%
Ч-II	25	3	12,0%	2	8,0%	4	16,0%
Ч-VIII	29	10	34,5%	8	27,6%	6	20,7%
Эл	59	7	11,9%	4	6,8%	2	3,4%
Всего на пам.	369	83	22,5%	49	13,3%	46	12,5%

Гистограмма 4. Соотношение погребений с различными видами орудий на памятниках.

явное *превосходство случаев находок бронзовых орудий над каменными и костяными*, несмотря на то, что в число каменных и костяных орудий нами были включены и предметы неясного назначения (гист. 4, табл. 4).¹⁰

Все эти наблюдения говорят о сугубой избирательности и, следовательно, максимальной семантической нагруженности орудий в контексте погребального обряда. С другой стороны, количество погребений с бронзовыми

орудиями на памятнике является индикатором материального благополучия оставившего могильник сообщества. Различия в материальном уровне отдельных коллективов указывают, в свою очередь, на развитость института групповой (общинной: большесемейной и клановой) собственности внутри рода (племени).

«Массовые» бронзовые орудия — ножи и стержни — представлены в восточномамычских комплексах всех трех видов: ин-

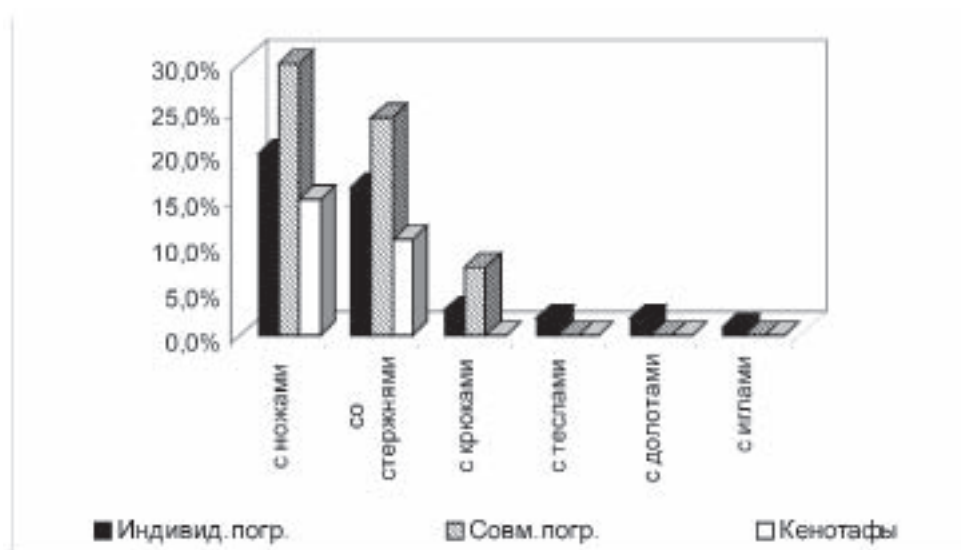
¹⁰ Бронзовые орудия различных категорий представлены в восточномамычских комплексах, в основном, по одному экземпляру: лишь менее 2 % комплексов содержало по 2 ножа, менее 3% — по 2 и (в двух случаях) 3 стержня, поэтому за единицу подсчета частоты везде берется содержащий орудие комплекс.

Таблица 5

Соотношение комплексов различных видов с различными бронзовыми орудиями

Комплексы	Вид комплекса						Всего	
	Инд. погр.		Совм. погр.		«Кенотаф»			
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
с ножами	97	20,0%	20	29,9%	10	14,9%	127	20,5%
со стержнями	79	16,3%	16	23,9%	7	10,4%	102	16,5%
с крюками	13	2,7%	5	7,5%	0	0,0%	18	2,9%
с теслами	9	1,9%	0	0,0%	0	0,0%	9	1,5%
с долотами	9	1,9%	0	0,0%	0	0,0%	9	1,5%
с иглами	4	0,8%	0	0,0%	0	0,0%	4	0,6%
Всего компл.	486	100,0%	67	100,0%	67	100,0%	620	100,0%

Гистограмма 5. Соотношение комплексов различных видов с различными бронзовыми орудиями

дивидуальных погребениях, совместных синхронных погребениях и «кенотафах», крюки — только в индивидуальных и совместных погребениях, остальные «раритеты» — тесла, долота, иглы — только в индивидуальных погребениях (гист. 5 табл. 5).

Несмотря на сравнительную немногочисленность групп совместных погребений и «кенотафов», можно сделать следующие заключения:

— крюки, тесла и долота являлись знаками сугубо личного статуса, поскольку они не встречаются в комплексах без останков людей;

— статус лиц, чьи погребения отмечены бронзовыми крюками, но без тесел и долот, предполагал возможность совершения погребально-жертвоприносительных действий, результатом которых являются совместные

синхронные погребения;

— крюки встречены в совместных погребениях в 2,8 раз чаще, чем в индивидуальных погребениях, поэтому весьма вероятно, что полное отсутствие в совместных погребениях тесел и долот не обусловлено маленьким размером выборки, а отражает обрядовое ограничение;

— поскольку «массовые» бронзовые орудия (ножи и стержни), равно как и раритетные крюки, наиболее концентрированно представлены в совместных синхронных погребениях, именно эти комплексы демонстрируют стабильно высокий уровень материального благополучия.

Рассмотрим последовательно категории бронзовых орудий из восточноманычских памятников.

I. МАССОВЫЕ ОРУДИЯ

Содержатся в 80 индивидуальных и 27 совместных погребениях, а также 17 «кенотафах» выборки. Ножи и стержневидные орудия регулярно встречаются как порознь, так и в сочетании друг с другом, образуя устойчивую пару (гист. 6, табл. 6).

Очевидна структурная близость распределения этих находок в индивидуальных и совместных погребениях (преобладают комплексы с обеими категориями находок) и отличие этих комплексов от «кенотафов», где чаще встречаются стержневидные орудия без ножей.

Ножи. (рис. 1, 1-13; 2).

Как правило, в индивидуальном погребении присутствует 1 экземпляр (91 погребение) лишь в 6 комплексах встречено по

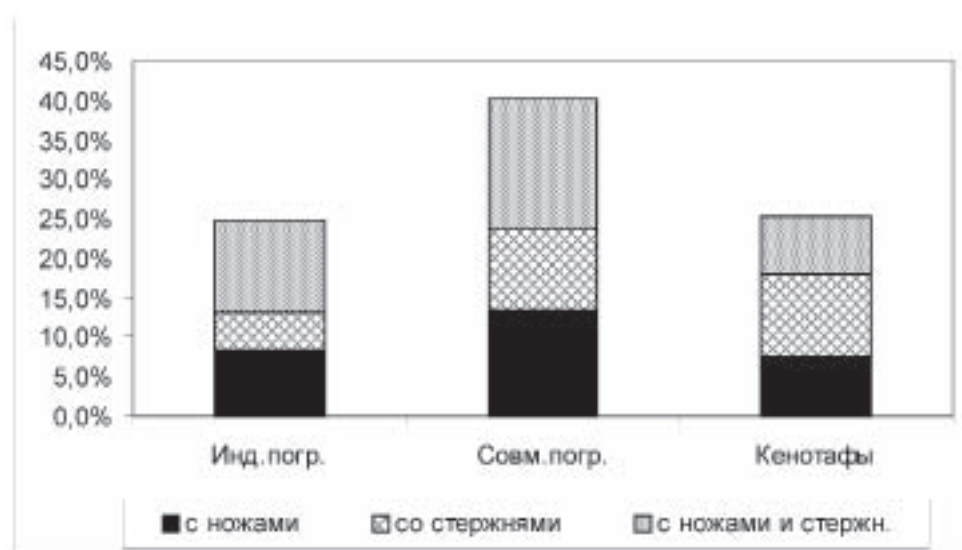
2 ножа. В совместных погребениях 2 ножа встречены 3 раза (погребений с 1 ножом — 17), в «кенотафах» — 1 раз (комплексов с 1 ножом — 9), то есть чаще, чем в индивидуальных погребениях. В 15 индивидуальных и 4 совместных погребениях они сочетались с бронзовыми орудиями — раритетами (табл. 14). Из трех видов комплексов, наиболее богаты находками ножей совместные погребения, наименее — «кенотафы».

Все ножи, за исключением двух экземпляров — двулезвийные. В выборке представлены все типы классификационной схемы Е.И. Гака (Гак, 2002; 2005). Преобладают формы с листовидным (типы II-III, 32,9% комплексов), треугольно-ромбовидным клинком (типы IV-V, 26,6%) («карасики» типологии С.Н. Братченко; тип 4 типологии С.Н. Кореневского), с клинком с перехватом

Таблица 6

Соотношение комплексов различных видов с бронзовыми ножами, стержнями и обеими категориями орудий

Комплексы	Вид комплекса					
	Инд.погр.		Совм.погр.		«Кенотаф»	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
с ножами	41	8,4%	9	13,4%	5	7,5%
со стержнями	23	4,7%	7	10,4%	7	10,4%
с ножами и стержн.	56	11,5%	11	16,4%	5	7,5%
всего с н/с/н+с	120	24,7%	27	40,3%	17	25,4%
Всего компл.	486	100,0%	67	100,0%	67	100,0%

Гистограмма 6. Соотношение комплексов различных видов с бронзовыми ножами, стержнями и обеими категориями орудий

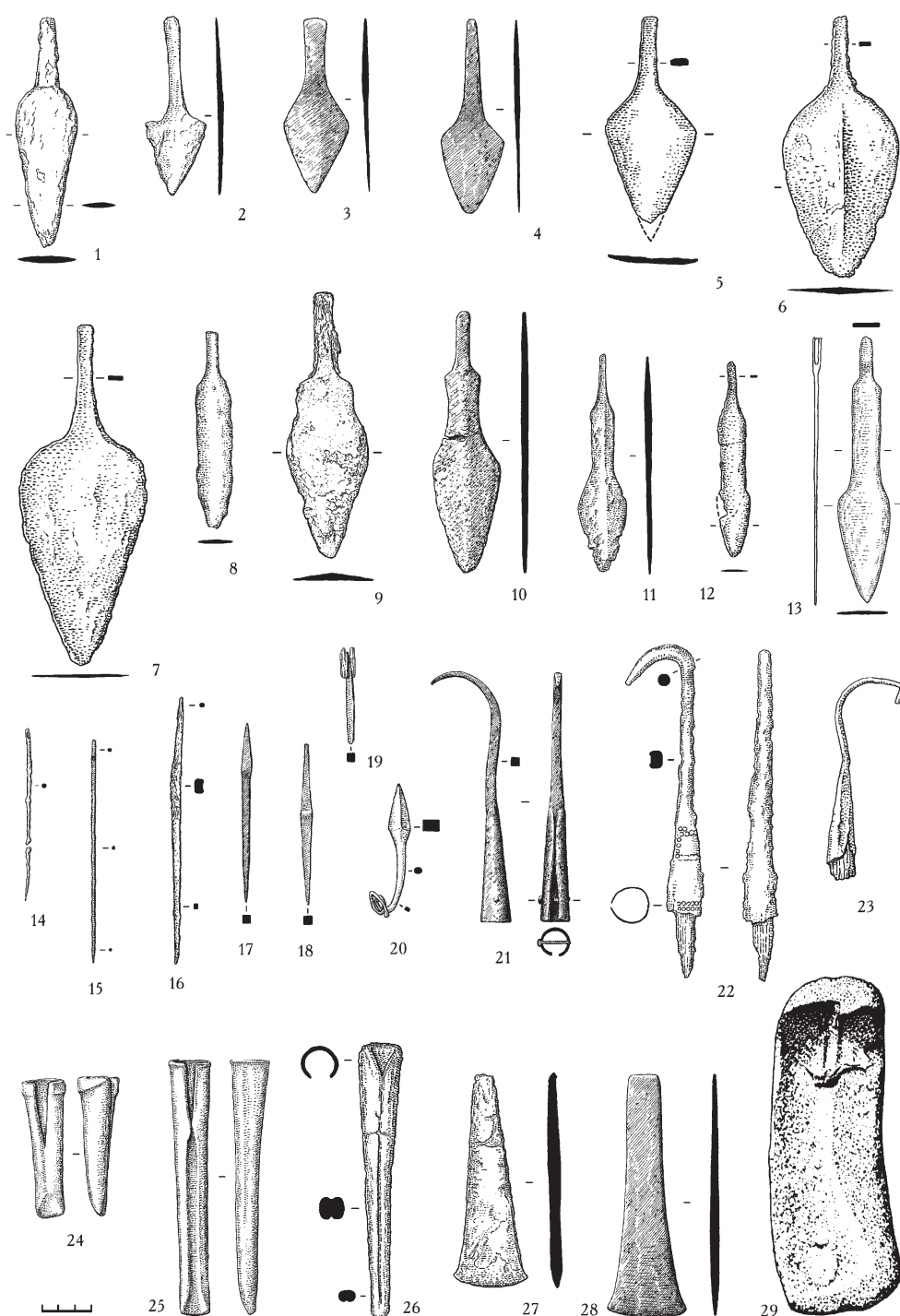

Рис. 1. Бронзовые орудия из восточноманычских комплексов

1 — Спасское к.01 п.11, 2 — Веселая Роща II к.02 п.04, 3 — Чограй VIII к.09 п.01, 4 — Чограй VIII к.18 п.04, 5 — Чограй IX к.05 п.05, 6 — Веселая Роща III к.23 п.02, 7, 23 — Веселая Роща III к.21 п.13, 8 — Веселая Роща III к.16 п.05, 9, 15, 16, 22, 26, 27 — Ергенинский к.11 п.01, 10 — Чограй VIII к.20 п.02, 11 — Веселая Роща II к.5 п.02, 12 — Веселая Роща III к.23 п.03, 13 — Ергенинский к.08 п.03, 14 — Веселая Роща III к.05 п.10, 17, 25, 28 — Чограй VIII к.30 п.02, 18, 19, 21 — Чограй VIII к.05 п.01, 20 — Ореховка к.02 п.01, 24 — Чограй VIII к.28 п.02, 29 — Веселая Роща I к.03 п.03

средней длины (тип VIII, 15,2%) («пламевидные» типологии С.Н.Братченко; тип 2 типологии С.Н.Кореневского) (Братченко, 1976. С. 95–97; Кореневский, 1978. С.33–48), с коротким треугольным клинком и «плечиками, образующими по отношению к черенку прямой или близкий к нему тупой угол» (тип I, 10,3%) (Гак, 2002. С.284).¹¹ Согласно данным Е.И.Гака, ведущими (представленными наибольшим количеством экземпляров) типами ножей маньчжурской катакомбной культуры были типы II (орудия с относительно узким листовидным клинком), V (с треугольно-ромбовидным клинком стройных пропорций) и VIII (с перехватом средней длины); размеры ножей варьируют в пределах 5–24 см (Гак, 2005. С. 61–70).

Двулезвийность и сохранение симметричной сточенности клинка у большинства даже сильно сработанных экземпляров; заостренный конец клинка, резко расширяющегося в верхней части у большинства ножей; специфическая форма ножей-«карасиков», «дротиковидных», «пламевидных» клинков с перехватом, наличие у значительного числа клинков выраженного ребра жесткости — все это говорит о том, что, несмотря на морфологическую вариативность, все данные орудия использовались главным образом как колющие и/или рубяще-режущие. Это наводит на мысль, что перед нами скорее оружие, чем орудие труда. Основываясь на перечисленных морфологических особенностях катакомбных ножей ряд исследователей относит их к «боевому оружию» (например: Кияшко, 2002; Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007; Рысин, 2007).

Однако явное отсутствие длинных древков (отдельные обнаруженные экземпляры имели сохранившуюся короткую рукоять из дерева или кости) и, главное, длинных насадов-черенков, необходимых для крепления пера, не позволяет считать эти артефакты наконечниками копий/дротиков. Возможности же классифицировать их как кинжалы зачастую мешает широкий «копьевидный» клинок, все тот же перехват, иногда доволь-

но длинный, изредка — малые размеры (рис 2). Как отмечает Е.И. Гак, «прямых свидетельств использования катакомбных ножей в качестве боевого режуще-рубящего или колющего оружия нет, хотя отдельные крупные двулезвийные экземпляры вполне отвечают техническим требованиям, предъявляемым к данному виду вооружения» (Гак, 2005. С. 61).

Очевидно, что основная причина, по которой плохо режущие орудия специалисты все же предпочитают именовать ножами, кроется в проблемах археологической систематики, в рамках которой наконечники копий/дротиков и кинжалы прочно отнесены к классу оружия, в то время как историко-культурный контекст катакомбных памятников не предполагает ни сугубой «военизированнойности» социума, ни сколько-нибудь важной роли охоты на крупных животных в его экономике.

Кажется, примирить противоречия можно, подчеркнув культовую роль катакомбных *копьевидных ножей* и связав их с ритуальной функцией жертвенного орудия/оружия, предназначенного, в частности, для забоя скота и/или манипуляций с тушей и ее частями. Важно помнить, что в древности забой скота всегда был связан с ситуацией жертвоприношения. Именно в рамках ритуала предмет может отчетливо проявить свою символическую (оружие — копье) и практическую (орудие — нож) функции. Предлагаемая интерпретация основывается на том факте, что бесспорную основу хозяйства восточноманьчжурских племен составляло скотоводство, и важнейшим объектом жертвоприношений должен был являться мелкий и — реже — крупный рогатый скот. Именно орудия, связанные с жертвоприносительным ритуалом, могли быть наиболее массовыми в орудийном комплексе артефактов из погребений. В рамках культовых действий, актуализирующих содержание неизвестного нам мифа, клинок вполне мог использоваться как нож/кинжал, манифестирующий копье.

Нож мог занимать разное место в пространстве могильного (или, в случае «кенота-

¹¹ Поскольку ножи несут на себе следы сработанности, иногда очень сильные, у нас часто возникали трудности с определением типологической принадлежности этого артефакта (несмотря на подробные иллюстрации, приложенные Е.И.Гаком к его типологической схеме).

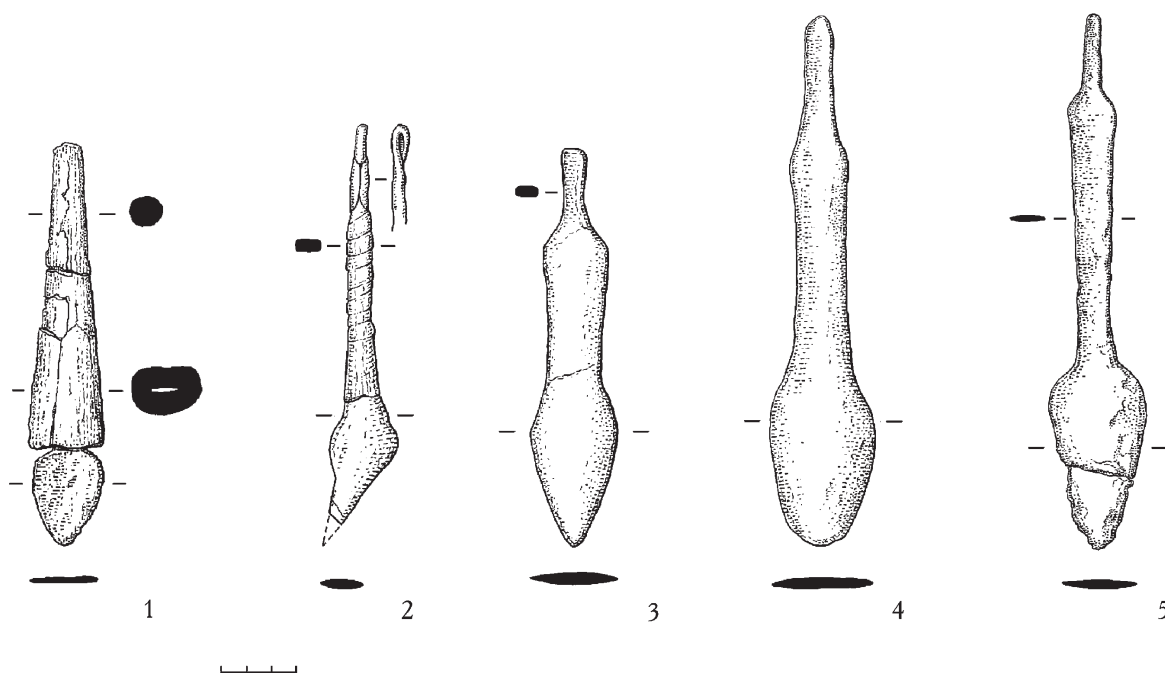

Рис. 2. Бронзовые ножи из восточноманычских комплексов
 1 — Веселая Роща I к.03 п.03, 2, 3 — Цаган Усн VIII к.01 п.03, 4 — Ергенинский к. 06 п.02,
 5 — Туркменский к.01 п.04

фа» — квазимогильного) сооружения, находится перед погребенным или (редко) у него за спиной, в головах и ближе к коленям, быть положенным отдельно или в комплексе с другими предметами. В последнем случае, часто встречающийся вариант сочетания — нож, положенный на деревянный поднос, или нож у костей мелкого рогатого скота, что ясно указывает на ритуальную трапезу.

В связи с вышесказанным особого внимания заслуживает уникальная находка ножа с длинным граненым насадом в Цаган Усн VIII к.01 п.03 (рис. 2, 2). «Оригинальной формы нож, представляющий собой орудие с длинной четырехгранной рукоятью, на которой сохранились следы обмотки шнуром (или тонким кожаным ремешком) вплоть до лезвия. Раскованная в верхней части рукоять была согнута во втулку и завершалась петлей. Ниже рукояти располагалось подтреугольное скошенное лезвие, сегментовидное в сечении. Длина ножа — 16,5 см». Орудие, видимо, использовалось как однолезвийное,

в связи с чем Н.И. Шишлина называет его также «скальпелем» (Шишлина, 1991. С. 124–126).

Я склонна видеть в находке из Цаган Усн VIII, также как и в экземплярах восточноманычских ножей с очень длинным перехватом из Ергенинского (Шилов, 1982) и Туркменского (Кореньяко, 1976) могильников (рис. 2, 4–5), своего рода «подсказки», позволяющие предполагать отдаленную генетическую связь копьевидных ножей не только и не столько с кинжалами, но и с наконечниками копий майкопско-новосвободненской общности раннебронзовой поры (Кореньевский, 2004. Рис. 80).¹²

По памятникам ножи распределяются крайне неравномерно (гист.7, табл. 7): больше всего их в Веселой Роще III (42,2% комплексов), меньше всего — в Левобережном Восточноманычском I (3,3 % комплексов). При этом ни в одном из восьми памятников количество комплексов с ножами не приближалось к среднему — 20% выборки индивидуальных

¹² Аналогичные «подсказки» имеются и среди ножей других катакомбных культур. Таков, например, нож с очень длинным перехватом и выраженным ребром из погребения 2 кургана 3 Второго Ольховатского могильника среднедонской катакомбной культуры (Синюк, Матвеев, 2007. Рис. 84).

погребений. Существенное превышение этого показателя в Архаринском и Ергенинском могильниках, в Веселой Роще III и Чограе VIII дает основание говорить о более высоком уровне материального благополучия оставивших эти памятники коллективов по сравнению с остальными четырьмя (могильники Восточноманычские Левобережные I и II, Чограй II, Элистинский). Если же иметь в виду абсолютное количество ножей, то значительные серии их дали 2 памятника — Ергенинский (13 экз.) и Веселая Роща III (19 экз.), причем на первом преобладают клинки с пе-

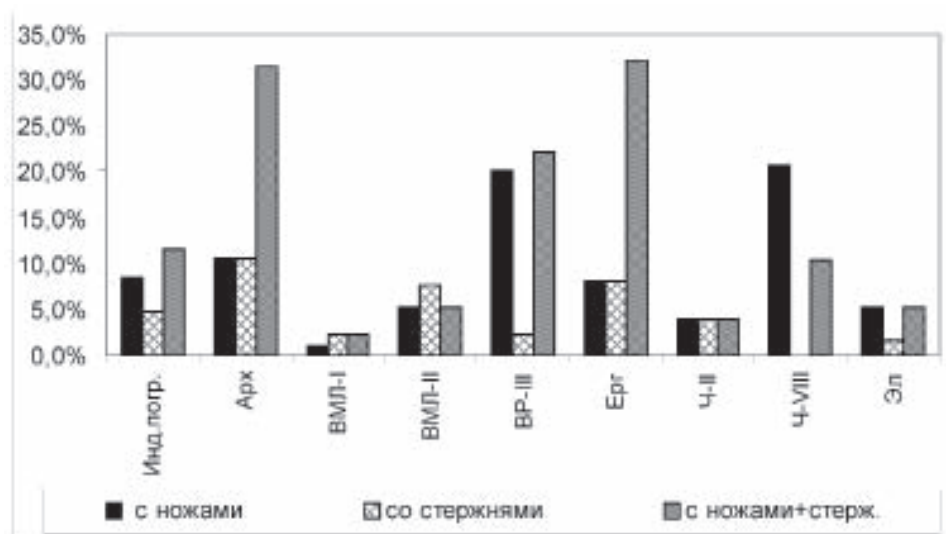
рехватом, на втором — широкие листовидные ножи.

Бронзовые ножи (как и вообще какие то ни было бронзовые орудия) отсутствуют в погребениях младенцев. Их практически нет и в погребениях детей: из двух комплексов с ножами в одном (Чограй VIII к.28 п.01) был найден черенок от ножа без лезвийной части. Целый нож (в сочетании с двумя стержнями) обнаружен в детском погребении 1 раз (Восточноманычский Левобережный II к.34 п.08). Количество погребений с ножами резко увеличивается при переходе к подростковой

Таблица 7

Соотношение индивидуальных погребений с бронзовыми ножами, стержнями и обеими категориями орудий на памятниках

	Индивидуальные погребения								
	Всего погр.	с ножами		со стержнями		с ножами и стержнями		с н/с/н+с	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Инд.погр.	486	41	8,4%	23	4,7%	56	11,5%	120	24,7%
Арх	19	2	10,5%	2	10,5%	6	31,6%	10	52,6%
ВМЛ-I	89	1	1,1%	2	2,2%	2	2,2%	5	5,6%
ВМЛ-II	78	4	5,1%	6	7,7%	4	5,1%	14	17,9%
ВР-III	45	9	20,0%	1	2,2%	10	22,2%	20	44,4%
Ерг	25	2	8,0%	2	8,0%	8	32,0%	12	48,0%
Ч-II	25	1	4,0%	1	4,0%	1	4,0%	3	12,0%
Ч-VIII	29	6	20,7%	0	0,0%	3	10,3%	9	31,0%
Эл	59	3	5,1%	1	1,7%	3	5,1%	7	11,9%
Всего на пам.	369	28	7,6%	15	4,1%	37	10,0%	80	21,7%

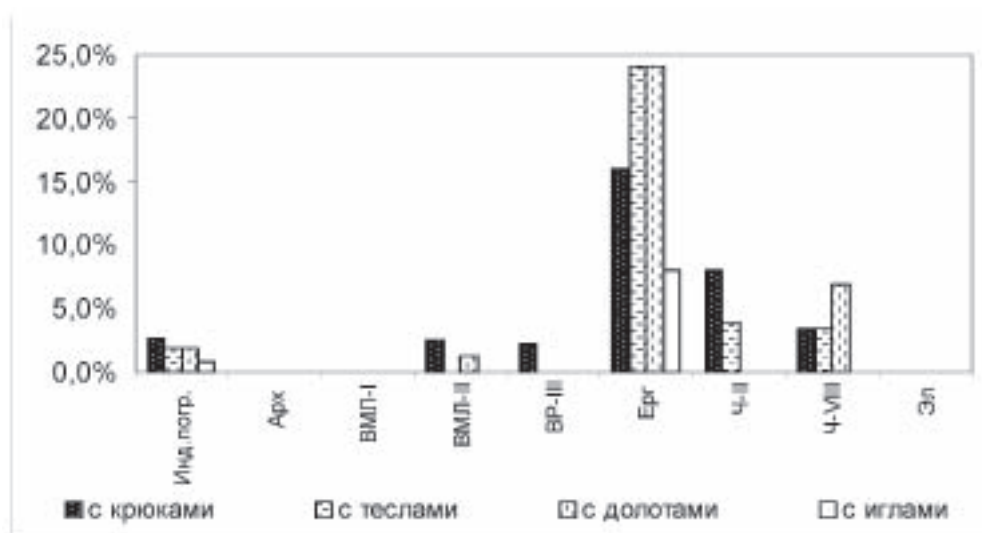

Гистограмма 7. Соотношение погребений индивидуальных погребений с бронзовыми ножами, стержнями и обеими категориями орудий на памятниках

Таблица 8

Соотношение индивидуальных погребений с бронзовыми крюками, теслами, долотами, иглами на памятниках

	Всего погр.	Индивидуальные погребения							
		с крюками		с теслами		с долотами		с иглами	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Инд.погр.	486	13	2,7%	9	1,9%	9	1,9%	4	0,8%
Арх	19	0	0,0%	0	0,0%	0	0,0%	0	0,0%
ВМЛ-I	89	0	0,0%	0	0,0%	0	0,0%	0	0,0%
ВМЛ-II	78	2	2,6%	0	0,0%	1	1,3%	0	0,0%
ВР-III	45	1	2,2%	0	0,0%	0	0,0%	0	0,0%
Ерг	25	4	16,0%	6	24,0%	6	24,0%	2	8,0%
Ч-II	25	2	8,0%	1	4,0%	0	0,0%	0	0,0%
Ч-VIII	29	1	3,4%	1	3,4%	2	6,9%	0	0,0%
Эл	59	0	0,0%	0	0,0%	0	0,0%	0	0,0%
Всего на пам.	369	10	2,7%	8	2,2%	9	2,4%	2	0,5%

Гистограмма 8. Соотношение индивидуальных погребений с бронзовыми крюками, теслами, долотами, иглами на памятниках

группе и затем — к группе взрослых (в последнем случае — за счет резкого увеличения погребений с набором из ножа и стержня) (гист. 9, табл. 9).

В четырех группах совместных погребений ножи представлены приблизительно равномерно, но сочетание ножа и стержня — преимущественно в погребениях взрослых с младенцами (группа А), и — с отрывом — в двойных погребениях взрослых (группа С) (гист. 11, табл. 11). В мужских погребениях ножи встречаются чаще, чем в женских, но пара нож-стержень приблизительно в равной

степени характерна и для тех, и для других (гист. 12, табл. 12).

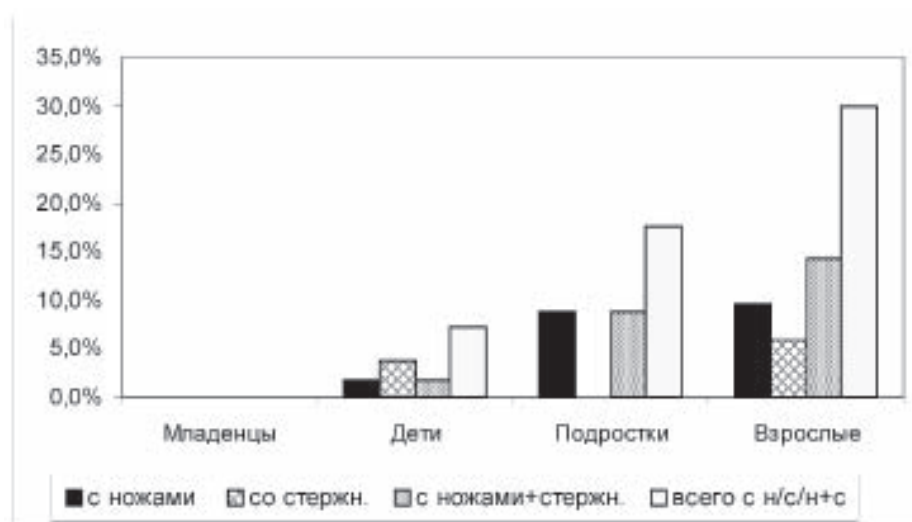
Стержни (рис. 1, 16–20).

В большинстве случаев, в индивидуальном погребении присутствует один экземпляр (67 погребений), в 10 комплексах встречено по два стержня, в 2 комплексах — по 3. По 1 стержню было в 13, по 2 — в 3 совместных погребениях; 5 «кенотафов» содержали по 1 стержню, 2 — по 2 стержня. В 12 индивидуальных и 4 совместных погребениях стержни сочетались с бронзовыми орудиями — раритетами (табл. 14). Так же, как и в случае с

Таблица 9

Соотношение погребений индивидуумов разных возрастных групп с бронзовыми ножами, стержнями и обеими категориями орудий

Погребения	Группы индивидуальных погребений							
	Младенцы		Дети		Подростки		Взрослые	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
с ножами	0	0,0%	1	1,8%	5	8,8%	33	9,6%
со стержн.	0	0,0%	2	3,6%	0	0,0%	20	5,8%
с ножами+стержн.	0	0,0%	1	1,8%	5	8,8%	49	14,3%
всего с н/с/н+с	0	0,0%	4	7,3%	10	17,5%	102	29,8%
Всего	13	100,0%	55	100,0%	57	100,0%	342	100,0%

Гистограмма 9. Соотношение погребений индивидуумов разных возрастных групп с бронзовыми ножами, стержнями и обеими категориями орудий

ножами, наиболее концентрированно данный вид находок присутствует в совместных погребениях (гист. 6).

Около 90 % обнаруженных в восточнома-нычских комплексах стержней относится к 1 группе классификации Е.И. Гака (так назы-ваемые «шилъя» или «штыки»), включающей стержни обоюдоострые и с одним заострен-ным концом, с упором и без упора, с четы-рехугольным и (редко) округлым сечением (рис. 1, 16–18). Длина орудий 3 — 27 см. Из-редка встречаются стержни — наконечники стрел (рис. 1, 19–20), зубильца, буравчики крестовые пробойники (Гак, 2005. С. 73–76; Гак, Калмыков, 2009. рис. 2).¹³

На памятниках находки стержней отдель-но от ножей встречаются равномерно редко

(гист. 7). Стержни также редки в детских по-гребениях, как и ножи (встречены 3 раза, в том числе 1 — вместе с ножом). Как тенден-цию отметим, что стержни более представле-ны в женских, а ножи — в мужских погребе-ниях (гист. 9, 12).

Исходя из «колюще-прокалывающей» функции этих «штыков» и тяготения их к ножам (гист. 6, 7) можно предположить, что основное назначение этих орудий (оружия?) следует искать в той же сфере практических и ритуальных действий, связанных с содер-жанием (часть стержней малой длины с за-остренным концом могли использовать как стрела) и забоем скота. Это не исключает, разумеется, возможности использования обоих видов орудий по другому назначению,

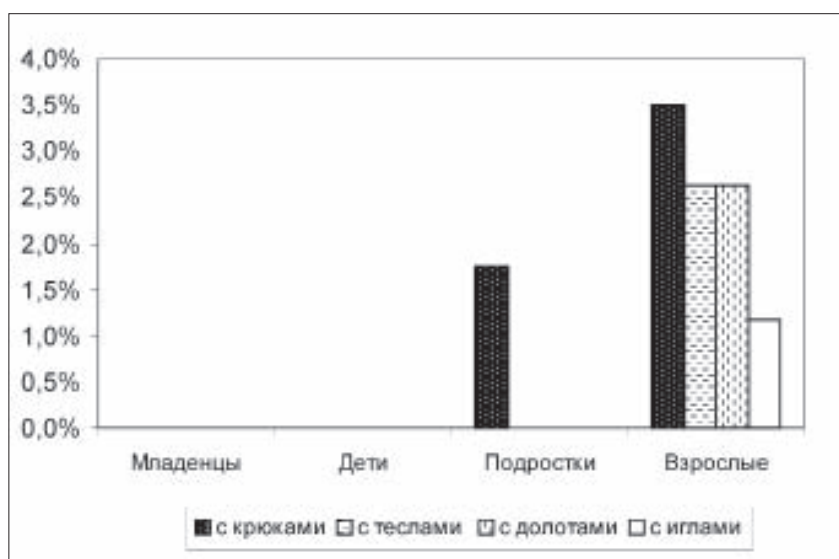
¹³ В нашей БД по погребальному обряду не учтено типологическое различие стержней, поэтому далее в рассуждении о стержнях-штыках мы опираемся на подсчеты находок всех стержней.

Таблица 10

Соотношение погребений индивидуумов разных возрастных групп с бронзовыми крюками, теслами, долотами, иглами

Погребения	Группы индивидуальных погребений							
	Младенцы		Дети		Подростки		Взрослые	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
с крюками	0	0,0%	0	0,0%	1	1,8%	12	3,5%
с теслами	0	0,0%	0	0,0%	0	0,0%	9	2,6%
с долотами	0	0,0%	0	0,0%	0	0,0%	9	2,6%
с иглами	0	0,0%	0	0,0%	0	0,0%	4	1,2%
Всего	13	100,0%	55	100,0%	57	100,0%	342	100,0%

Гистограмма 10. Соотношение погребений индивидуумов разных возрастных групп с бронзовыми крюками, теслами, долотами, иглами

которое, однако, мы не можем реконструировать, изучая доступный нам контекст погребений. Однако трактовке копьевидных ножей и стержней-штыков как предметов вооружения препятствует, на мой взгляд, присутствие их и в мужских, и в женских погребениях, а также в погребениях подростков. Названные категории предметов встречаются не только в погребениях, индивидуальных и совместных (в последних — в повышенной концентрации), но и в «кенотафах», где кости животных, прежде всего мелкого рогатого скота, представлены существенно чаще (22,4% против 13,0% и 14,9%). Если принимать во внимание вероятный «жертвенно-погребальный» характер «кенотафов» в изучаемых памятниках, то можно полагать, что ножи и стержни не были «неотчуждаемыми» статусными знаками. Вместе с тем,

они, безусловно, отражали престиж отдельного индивида, а также престиж и богатство семейно-родового коллектива, к которому данный индивид принадлежал.

II. РАРИТЕТЫ

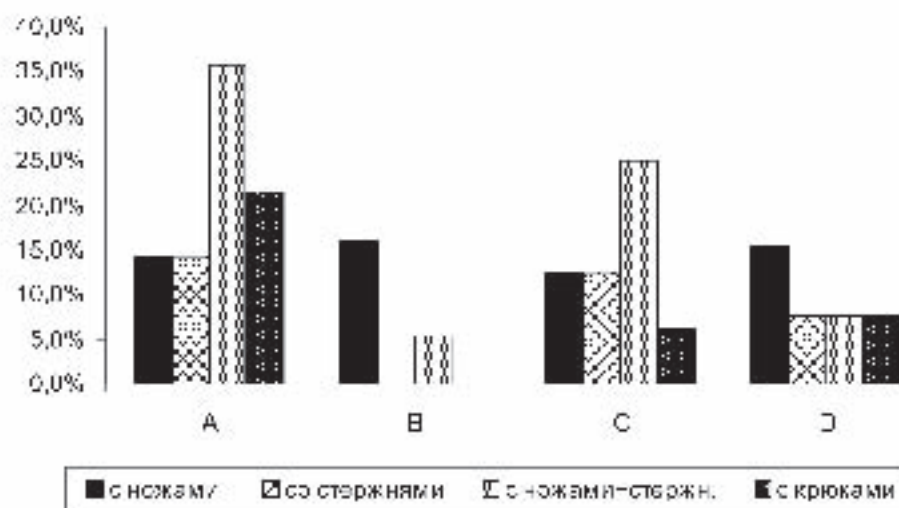
Содержатся в 21 индивидуальном и 5 совместных погребениях выборки (табл. 14).

Каждая категория бронзовых раритетов — крюков, тесел, долот, игл — бывает представлена в погребении 1 экземпляром. Статусный характер этих предметов, отчетливо видный, как отмечалось выше, в распределении их по комплексам трех видов (гист. 5), подтверждается и рядом других наблюдений. В частности, о нем свидетельствует характер распределения этих предметов по памят-

Таблица 11

Соотношение совместных погребений с различными бронзовыми орудиями

Погребения	Группы совместных синхронных погребений							
	А		В		С		D	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
с ножами	2	14,3%	3	15,8%	2	12,5%	2	15,4%
со стержнями	2	14,3%	0	0,0%	2	12,5%	1	7,7%
с ножами+стержн.	5	35,7%	1	5,3%	4	25,0%	1	7,7%
с крюками	3	21,4%	0	0,0%	1	6,3%	1	7,7%
с теслами	0	0,0%	0	0,0%	0	0,0%	0	0,0%
с долотами	0	0,0%	0	0,0%	0	0,0%	0	0,0%
с иглами	0	0,0%	0	0,0%	0	0,0%	0	0,0%
с топорами (лит. форм.)	1	7,1%	0	0,0%	0	0,0%	0	0,0%
Всего	14	100,0%	19	100,0%	16	100,0%	13	100,0%

Гистограмма 11. Соотношение совместных погребений с различными бронзовыми орудиями

никам, отличный от распределения ножей и стержней (гист. 7,8).

По концентрации раритетов в индивидуальных погребениях, причем в сочетании друг с другом, резко выделяется Ергенинский могильник (7 комплексов, 28% индивидуальных погребений могильника и 33,3% всех комплексов с раритетами нашей выборки), что в целом можно ожидать на богатом «массовыми» бронзовыми орудиями памятнике. В то же время обращает на себя внимание полное отсутствие их в Архаринском могильнике, где ножи и стержни представлены максимально; также в богатом массовыми бронзовыми орудиями памятнике Веселая

Роща III находка раритета всего одна — бронзовый крюк. В сравнительно бедных ножами и стержнями Восточноманычском Левобережном II, Элистинском и Чограе II редкие орудия все же есть: два комплекса с одним орудием на первом памятнике (в индивидуальном и совместном погребении), один (в совместном погребении) на втором, два на третьем, причем здесь в одном комплексе представлено сочетание крюка и тесла.

Об особой социальной роли погребенных с редкими бронзовыми орудиями говорят также (табл. 14):

— тенденция размещения этих захоронений в больших курганах (у индивидуальных

Таблица 12

Соотношение погребений индивидуумов разных полов с бронзовыми ножами, стержнями и обеими категориями орудий

Инд. погр.	Определения антрополога и археолога			
	Мужчины		Женщины	
	Кол-во	%	Кол-во	%
с ножами	16	18,4%	6	6,3%
со стержн.	4	4,6%	9	9,5%
с ножами+стержн.	18	20,7%	20	21,1%
всего с н/с/н+с	38	43,7%	35	36,8%
Всего	87	100,0%	95	100,0%

Гистограмма 12. Соотношение погребений индивидуумов разных полов с бронзовыми ножами, стержнями и обеими категориями орудий

погребений средняя высота курганов 2,4 м, у совместных — 4,4 м);

— увеличение доли основных погребений среди индивидуальных погребений с раритетами (42,8% против 13,4 % в выборке всех индивидуальных погребений) (за счет, главным образом, курганов Ергенинского могильника);

— помещение раритетов преимущественно (95%) в индивидуальные погребения взрослых людей;

— сочетание в погребениях раритетов друг с другом и с прочими престижными вещами: бронзовыми ножами и стержнями, каменными орудиями/оружием, деревянными сосудами, повозками, украшениями.

Крюки (рис. 1, 21-23).

Крюки найдены в 13 индивидуальных (2,7%) и 5 (7,5%) совместных погребениях, по одному экземпляру в комплексе. Очевидно явное увеличение концентрации этого артефакта в совместных погребениях по срав-

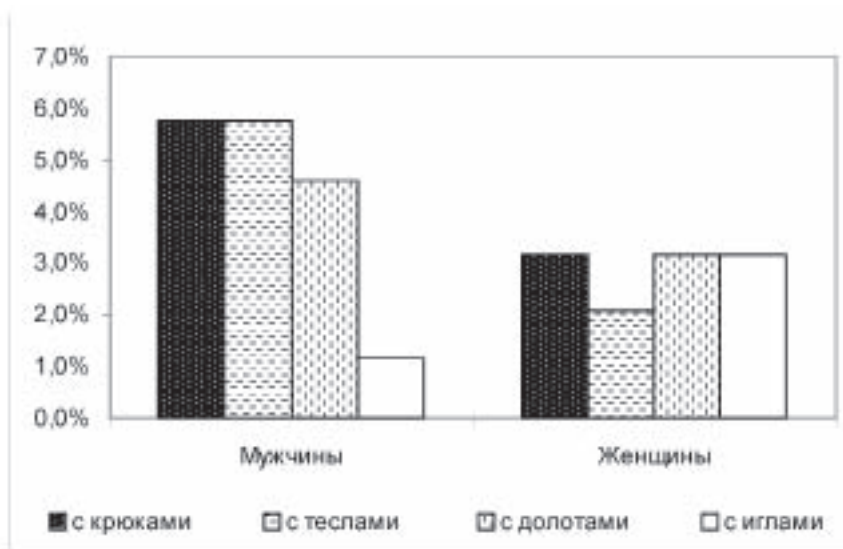
нению с индивидуальными. На этом фоне полное отсутствие крюков в «кенотафах», размер выборки которых совпадает с размером выборки совместных погребений, следует считать значимым (гист. 5).

Крюки представляют собой «изделия с втулкой для крепления древка, переходящей в стержень, конец которого приострен и загнут. В верхней части втулки имеются отверстия для штифтов. С помощью штифтов края втулки стягивались, что позволяло жестко закреплять в ней деревянную рукоять. Рукоять могла быть довольно длинной, ее остатки нередко сохраняются во втулке и достигают 70 см» (Гак, 2005. С. 84; Братченко, Санжаров, 2001. С. 86). В восточноманычских комплексах представлены все 3 типа орудий, выделенных Е.И.Гаком по деталям оформления втулки. Сечение крюка обычно квадратное или прямоугольное, редко — круглое и желобчатое. Из совместного погребения Эли-

Таблица 13

**Соотношение погребений индивидуумов разных полов
с бронзовыми крюками, теслами, долотами, иглами**

Инд.погр.	Определения антрополога и археолога			
	Мужчины		Женщины	
	Кол-во	%	Кол-во	%
с крюками	5	5,7%	3	3,2%
с теслами	5	5,7%	2	2,1%
с долотами	4	4,6%	3	3,2%
с иглами	1	1,1%	3	3,2%
Всего	87	100,0%	95	100,0%

Гистограмма 13. Соотношение погребений индивидуумов разных полов
с бронзовыми крюками, теслами, долотами, иглами

стинский к.08 п.06 происходит редкий «двурогий» крюк (Синицын, Эрдниев, 1971. Табл. 12, 2).¹⁴ В выборке имеется крюки с сохранившимся крепежным штифтом (Китаевский к. 07 п. 04, Чограй VIII к.05 п.01) и крюк, втулка которого орнаментирована пуансоном (Ергенинский, к.11 п.01). Длина орудий — 10–17 см (до изгиба крюка).

Вероятность типологической связи бронзовых катакомбных крюков и раннебронзовых втульчатых двузубых «вилков» из памятников майкопско-новосвободненской общности (Мунчаев, 1994. Таб. 55) сегодня общепризнанна (Братченко, Санжаров, 2001. С. 79). Из гробниц Новосвободной — Кладов известны экземпляры также и крюков, в том

числе известный крюк, украшенный фигурками двух людей (Мунчаев, 1975. Рис.51,52; Rezepkin, 2000. Abb. 2, 55; Taf. 16, 56).

Как отмечает Е.И. Гак, «функциональное назначение этих изделий не вполне ясно (рис. 28). Б.А. Куфтин сопоставлял их с железными крюками для вынимания мяса из котла, бывавшими у кавказских горцев [Куфтин, 1949, с. 280]. В.Я.Марковин, в целом соглашаясь с такой интерпретацией, видел в них атрибут ритуального пиршества [Марковин, 1994, с. 248]. С.Н. Братченко и С.Н. Санжаров, оценивая особенности формы втульчатых крюков и погребальный контекст находок, пришли к выводу об их широком использовании в домашнем быту (как столовых приборов),

¹⁴ Напомню, что экземпляр подобного крюка известен из западноманычского погребения в Ипатовском кургане на Ставрополье (Корневский, Белинский, Калмыков, 2007. Рис. 26, 1).

Таблица 14

Погребения с бронзовыми крюками, теслами, долотами и иглами

№	SITE	KURG	BURI	H kurg	D kurg	LOC	TYPE	AGE	SEX	Br- Tools	Kn N	Rod N	St- Weap	St- Tools	W-Vess	W-Veh	Ring N	Ring M	Dec M	Bone-R
1	ВМЛ-П	к.33	п.01	3,00	40,00	2	н	4	н	1										2
2	Кит	к.07	п.04	3,60	48,00	2	2	4	н	1										2
3	ВР-П	к.02	п.08	0,75	40,00	2	1	4	н	1				1						
4	Ц-У-П	к.01	п.12	0,92	45,00	2	2	4	1	2										
5	ВМЛ-П	к.34	п.07	1,45	28,00	2	1	4	1	3										
6	Ч-VIII	к.28	п.02	0,70	30,00	1	1	4	4	3				1		н			16	9
7	ВМЛ-П	к.08	п.10	4,00	50,00	2	2	4	3	1	1			1					15	
8	Ч-П	к.16	п.19	1,66	42,00	2	2	4	1	1	1									
9	ВР-III	к.21	п.13	5,00	80,00	1	2	4	1	1	1	2							3	
10	Ч-VIII	к.05	п.01	1,60	48,00	2	2	3	н	1	1	2				1	2	2	23	
11	ВР-III	к.05	п.10	2,25	50,00	2	1	4	4	4	1	1								
12	Ерг	к.08	п.03	1,20	19,50	1	2	4	3	4	1	1							12	
13	Ч-П	к.08	п.10	1,22	30,70	2	2	4	1	12	1	2		1						
14	Гр-П	к.01	п.07	2,00	62,00	2	3	4	1	14	1	1	2	1	1		1	1	125	1
15	Ерг	к.09	п.01	1,10	21,00	1	1	4	1	23	1			1					125	2
16	Ч-VIII	к.30	п.02	1,80	32,00	2	1	4	1	23	2	1		112		1			3	1
17	Ерг	к.10	п.02	2,50	46,00	1	1	4	н	23	2	1	1		2	1	3	24	2	
18	Ерг	к.05	п.08	1,85	47,00	1	1	4	3	123	1	1		12	2		1	13	15	
19	Ерг	к.06	п.02	5,45	57,50	1	2	4	н	123	2	1			2		2	1	125	1
20	Ерг	к.06	п.03	5,45	57,50	1	2	4	1	123	1	1		12	2	1			12	
21	Ерг	к.11	п.01	5,30	80,00	1	1	4	3	1234	1	3		2	1	н	1	2	125	
22	ВМЛ-П	к.34	п.04	1,45	28,00	2	2	14	3	1	1	1		3					3	
23	Эл	к.08	п.06	6,50	65,00	2	н	14	3	1	1			1		1	1	2	25	
24	Лолла-I	к.04	п.08	8,00	67,50	2	1	144	13	1	2	1		9		1			25	
25	Лолла-I	к.04	п.07	8,00	67,50	2	2	44	13	1		2				1			17	
26	Остров	к.03	п.27	1,78	45,00	2	1	34	1	1	1	1							25	159

Примечания к таблице 14:

SITE: ВМЛ-II — Восточноманычский Левобережный II (Синицын, 1978), ВР-II — Веселая Роща II (Романовская, 1978), ВР-III — Веселая Роща III (Романовская, 1978, 1979; Державин, 1989), Гр-II — Грушевка II (Державин, 1984), Ерг — Ергенинский (Шилов, 1981, 1982, 1984, 1985-86), Кит — Китаевка (Найденко, 1972), Лола-I — Лолинский I (Синицын, Эрдниев, 1966), Остров — Островной (Островной, 2002), Ц-У-III — Цаган Усн III (Арапов, 1987), Ч-II — Чограй II (Коренько, 1977), Ч-VIII — Чограй VIII (Андреева, 1989), Эл — Элистинский (Синицын, Эрдниев, 1971); LOC: 1 — основное, 2 — впускное; TYPE: 1 — катакомба, 2 — яма, 3 — каменный ящик, н — не ясно; AGE: 1 — до 3 лет, 2 — 3–7 лет, 3 — 8–15 лет, 4 — старше 15 лет; SEX: 1 — мужчина, 2 — мужчина?, 3 — женщина, 4 — женщина?, н — не ясно; Br-Tools: 1 — крюк, 2 — тесло, 3 — долото, 4 — игла; KnN: число ножей; RodN: число стержней; St-Wear: 1 — каменный топор, 2 — каменная булава; St-Tools: 1 — каменный пест, 2 — каменная «ступка», 3 — песчаниковый «выпрямитель»; 9 — каменный предмет/орудие; W-Vess: 1 — деревянный поднос, 2 — деревянный сосуд; W-Veh: 1 — повозка, н — деревянная конструкция (повозка?); RingN: число височных колец; RingM: 1 — кольцо бронзовое, 2 — золотое, 3 — сурьмяное?, 4 — серебряное; DecM: 1 — бусы/бисер бронзовые, 2 — бусы/бисер фаянсовые, 3 — кольца костяные, 5 — бусы сердоликовые, 6 — бусы гишеровые; 7 — бусы каменные (без уточн.); Bone-R: 1 — кости мелкого рогатого скота; 2 — кости крупного рогатого скота; 5 — кости птицы; 9 — кости животного.

скотоводческом хозяйстве (как наверший пастиших «посохов») и ритуальных действиях [Братченко, Санжаров, 2001, с. 86–87]» (Гак, 2005. С. 85).

Обращаясь к нашим памятникам, отметим порядок размещения погребений с крюками в курганах. Кроме уникального Ергенинского могильника, где крюки вместе с теслами и долотами встречены в 4 основных индивидуальных погребениях, в основном погребении крюк встречен всего один раз — в кургане 21 Веселой Рощи III; 8 остальных индивидуальных погребений с крюками на других памятниках были впускными в курганах. Отметим, что среди индивидуальных погребений с крюками процент основных погребений (38,5%) явно больше, чем в выборке индивидуальных погребений в целом (12,7%), но меньше, чем в погребениях с теслами/долотами (63,6%). Напомним также, что все совместные погребения с крюками были впускными.

Большинство крюков происходит из индивидуальных погребений взрослых людей (гист. 10, табл. 10).

В одном случае (Чограй VIII к.05 п.01) крюк был положен в погребение подростка (10–12 лет). Это погребение отмечено и другими чертами «экстаординарности»: в могильной яме находилась повозка, комплекс бронзовых орудий включал, помимо крюка, нож и два стержня («штык» и «стрекало»), на

черепе погребенного обнаружены 2 золотых височных кольца (табл. 14) (Андреева, 1989. Рис.7). Из 5 совместных погребений в 3 случаях крюк содержали погребения взрослых с детьми раннего возраста, в 1 — парное погребение мужчины и женщины, в 1 — двойное погребение взрослого и подростка. Последнее погребение (Островной к.03 п.27) интересно тем, что весь комплекс находок (бронзовые крюк, нож, стержень-штык, кости мелкого рогатого скота) был положен рядом с останками подростка (8–9 лет), костюм которого украшали фаянсовый бисер и сердоликовые бусы. При находившемся в той же камере скелете мужчины старческого возраста не было обнаружено ничего (Могильник Островной, 2002. С. 22–23). Таким образом, если в погребениях взрослых с детьми комплекс вещей относится? как правило, к взрослому индивидууму, и дети выступают в качестве «сопровождающих», то здесь наблюдается обратная картина, и в качестве «сопровождающего» выступает старик.

Крюки встречены в погребениях как мужчин, так и женщин (гист. 13, табл. 13, 14).

Около половины крюков входит в большие наборы «орудийного» инвентаря, сочетается с другими раритетами (бронзовые тесла, долота, иглы) и «изысканными» украшениями — бронзовыми и золотыми височными кольцами, бронзовыми и сердоликовыми бусами (табл. 14). Особенно это проявлено

в основных погребениях курганов Ергенинского могильника.¹⁵

Привлекают внимание два случая сочетания крюков с костями крупного рогатого скота при отсутствии в комплексах других орудий: в Восточноманычском Левобережном II к.33 п.01 перед погребенным лежал бронзовый крюк, а в головах находился «жертвенник» — «два бычьих черепа, положенные на отрубленные у колен ноги быка» (Синицын, 1978. С. 89); в Китаевском к.07 п.04 кости разрушенного скелета человека были перемешаны с костями быка, крюк находился в западном углу могильной камеры, вместе с сосудом, в восточном углу обнаружена курильница (Найденко, 1972. С. 29–30).

Отметим, что кости крупного рогатого скота сравнительно редко встречаются в выборке индивидуальных погребений (10 комплексов, 2,1%), «жертвенников» из костей этих животных и того меньше (7 комплексов), причем как правило, присутствует одна особь.¹⁶

Возможно, сочетание крюков с костями крупного рогатого скота не случайно и свидетельствует о функции этих орудий. Соглашаясь с догадкой С.Н. Братченко и С.Н. Санжарова, что крюк мог служить навершием (в

виде рога) пастушеского посоха, выскажем предположение, что этот предмет:

— был инструментом животноводческой сферы деятельности, тесно связанным с содержанием крупного рогатого скота;¹⁷

— в качестве такового инструмента использовался в ритуалах, связанных с жертвоприношением крупного рогатого скота и последующей за ним трапезой (в качестве «крюка для вынимания мяса из котла», по Б.А. Куфтину);¹⁸

— маркировал погребение «хранителя» или «повелителя» стада крупного рогатого скота общины (состоявшей из ряда больших семей) или — в процессе разложения позднеродовой общины — стада выделившейся руководящей семьи. Этот статус мог совмещаться со статусом лидера общины (погребение которого отмечалось теслом и/или долотом, см. ниже) или присваиваться члену руководящей семьи, возможно — предполагаемому наследнику власти (о чем говорят погребения подростков из Чограя VIII и Островного).¹⁹

В рамках нашей темы невозможно, однако, не упомянуть, что, предположительно идентифицируя бронзовые крюки (в том числе — майкопские) с навершиями пастушеских по-

¹⁵ В кургане 06 Ергенинского могильника было три основных погребения.

¹⁶ «Жертвенники» как самостоятельные комплексы (по-видимому, представлявшие собой «закладные жертвы» при создании насыпей) встречены в 19 курганах общей выборки 24 раза (21 раз отмечены кости крупного рогатого скота, 3 раза лошади). Такие же комплексы отмечены в 4 курганах нашей выборки «погребений с раритетами» (Ергенинский к.06, 10, 11 и Элистинский к.08) 8 раз, причем 1 раз были отмечены кости не крупного рогатого скота, а лошади (Ергенинский к.10). Максимальное число особей черепов и/или конечностей крупного рогатого скота в составе «жертвенников» дали курган 06 (больше 10 особей) и курган 11 (7 особей) Ергенинского могильника. Вопрос о присутствии в составе «жертвенников» костей лошади следует оставить открытым, поскольку определения принадлежат археологам — авторам раскопок.

¹⁷ Находка бронзовых петлеобразных предметов в положении *in situ* вместе с черепами быков в майкопском погребении 25 кургана I могильника Марьинская-5 на Ставрополье (Канторович, Маслов, Петренко, 2010. С. 166), прояснила функцию этих предметов как «приспособлений для управления быками». Подобные кольца — «элемент сложного бычьего недоуздка» (Там же), могли использоваться, как отмечает В.И. Балабина, и для вождения быка «на поводку»: продевание носового кольца — «традиционный способ усмирения быков, применявшийся уже в глубокой древности» (Балабина, 2004. С. 207). В этой связи естественно предположить, что посох с крюком мог использоваться для такого вождения. Кроме того, он мог использоваться и как стрекало.

¹⁸ Еще раз напомним, что забой скота, тем более крупного, всегда совершался в ситуации ритуала.

¹⁹ На имеющемся археологическом материале нереально обсуждать вопрос о видах собственности, в которой мог находился крупный рогатый скот (хотя, несомненно, преимущественно речь должна идти о групповой собственности), поэтому я вынуждена использовать столь приблизительное обозначение «хранитель стада».

сохов, мы таким образом оказываемся перед ранней манифестацией богатейшей культурной традиции (отраженной, в частности, и в Библии, и у Гомера), отождествляющей властителя и пастыря (об изогнутых пастушеских посохах как культовых предметах и инсигниях власти на Древнем Востоке и в Европе в эпоху энеолита — бронзы см.: Смирнов, 2004).

Сравнивая восточноманычские погребения с крюками с погребениями, в которые положены тесла и/или долота, подчеркнем, что первые имеют больше черт, объединяющих их с основной массой захоронений (если рассматривать выборки погребений обоих видов без Ергенинского могильника, где все орудия встречены вместе в одних и тех же комплексах):

- среди комплексов с крюками есть индивидуальные погребения взрослых и подростков и совместные погребения;

- есть случай размещения в одном кургане два совместных погребения с крюками (Лола I к.04);

- погребения с крюками не всегда довелись до материка; останки размещались в насыпи кургана (Восточноманычский Левобережный II к.33 п.01, Элистинский к.08 п.06) или на древнем горизонте (Чограй II к.16 п.19).

Вместе с тем именно погребение с крюком было основным в самом большом и сложно сконструированном кургане этой части выборки (Веселая Роща III к.21). Поэтому на данном этапе исследования было бы опрометчиво намечать иерархию рангов, отводя крюкам вторую ступень после тесел и долот.

Тесла и долота (рис. 1, 24–28).

Бронзовые тесла и долота встречены исключительно в индивидуальных погребениях взрослых людей, всегда по одному экземпляру, и, также как ножи и стержни, образуют устойчивую пару: из 11 погребений с этими предметами в 7 они были встречены вместе (табл. 14).

Тесла присутствуют в 9 индивидуальных погребениях (1,9% выборки). Практически все они, по своим удлиненным пропорциям, принадлежат к «постпривольненским» скакунскому и кнышевскому типам по схеме С.Н.Братченко и С.Н.Санжарова (Братченко, Санжаров, 2001), которым в целом соответ-

ствуют III и IV типы классификации Е.И.Гака (Гак, 2005). Лишь один экземпляр из Цаган Уси III к.01 отнесен Е.И.Гаком к выделенному им комаровскому (II) типу, более близкому по пропорциям к привольненскому (I), представленному в раннекатакомбных памятниках, но имеющему «узко раскованную резко выделенную лезвийную часть» (Гак, 2005. С.80).

В большинстве случаев тесла были встречены вместе со втульчатыми желобчатыми долотами (всего индивидуальных погребений с долотами в выборке также 9), относящимися к привольненскому и костромскому типам (Братченко, Санжаров, 2001. С.67) и к 3 типам классификации Е.И.Гака (2 группа, типы I–III), выделенным исследователем по способу оформления втулки (сомкнутые и не сомкнутые края) (Гак, 2005. С.83–84).

Напомним, что данные категории артефактов (естественно, отличающихся от позднекатакомбных формами, размерами и пропорциями) также присутствуют в выдающихся по богатству погребальных памятниках Северного Кавказа эпохи ранней бронзы, причем часто — в сочетании друг с другом (Мунчаев, 1975. Рис.49–51; Мунчаев, 1994. С.205–208, табл.54; Корневский, 2004. С.45, табл. VI, VII).

В отличие от копьевидных ножей, стержней-штыков и крюков, главное утилитарное назначение тесел и долот как инструментов деревообработки очевидно.

Тесла и долота обнаружены в погребениях мужчин (5,7 и 4,6%) и — реже — женщин (2,1 и 3,2%) (гист. 13, табл. 13, 14).

Исключительную концентрацию этих орудий, причем во всех комплексах — в сочетании тесла и долота друг с другом, дает Ергенинский могильник (6 индивидуальных основных погребений) (гист. 8, табл. 14). Эти погребения отличаются значительными параметрами могильных конструкций (средняя площадь могильных ям/шахт — 4,5 кв. м) и курганных насыпей (средняя высота — 3,6 м) и включают другие бронзовые орудия (ножи, стержни, крюки), экземпляры каменного престижного оружия (2 комплекса), деревянную посуду (5 комплексов), повозки (2 комплекса) и престижные украшения — височные кольца из бронзы, золота и сурьмы (4 комплекса), бронзовые и сердоликовые бусы (5 комплексов).

Погребения с теслами и/или долотами встречены еще на 4 памятниках, чаще — по одному разу (в Чограе VIII — 2 раза).²⁰ Из 5 погребений — 4 впускных в курганы довосточноманычского времени, 1 — основное. Предметы не сочетаются друг с другом в комплексах (из 5 погребений тесло и долото вместе содержало только одно — Чограй VIII к.30 п.02). Напомню, что здесь так же, как и в случае с крюками, появление этих артефактов не обусловлено непосредственно высокой концентрацией на памятнике массовых орудий из бронзы — ножей и шильев (гист. 7, 8), и даже не предполагает обязательное наличие ножа и/или шила в погребениях с раритетами (присутствуют в 2 комплексах из 5). Однако на каждом из 4 памятников неизменна связь тесел и долот с выдающимися (для данного памятника) по богатству и размерам погребальными комплексами.

Все это отчетливо проявляет социально-знаковую функцию этих инструментов, маркирующих, вероятно, погребения глав родовых коллективов (одиночные комплексы в Чограе II и VIII, Восточноманычском Левобережном II, Цаган Усн III)²¹ и/или членов правящих родовых образований (Ергенинский могильник).

Для пастушеских племен степного Предкавказья, ведших подвижный образ жизни, передвигаемая быками массивная повозка была не только транспортным средством, но и кровом. Курганное строительство (как досыпка старых, так и создание новых насыпей), подобно строительству первых храмов в Месопотамии и Египте, могло осуществляться только усилиями значительного коллектива людей (в рамках позднепервобытного

общества таким минимальным коллективом мог быть субклан или община, включавшая ряд больших семей) при условии четкого административного руководства и с помощью использования транспортных средств (повозок и/или саней) для передвижения больших масс грунта.²² Бронзовые плотницкие орудия, вероятно, отмечали погребения руководителей работ — глав больших семей и/или субкланов. Можно предполагать, что культовое использование тесел и долот, вероятно, имело место в ритуалах, связанных с созданием курганов, стойбищ, повозок.

Иглы (рис. 1, 14–15).

Бронзовые иглы в нашей выборке представлены всего 4 экземплярами, происходящими из 4 индивидуальных погребений. Редкость находки не позволяет однозначно решить, возможно ли ее появление в совместном погребении или «кенотафе» (в нашей выборке таких случаев нет). Как отмечает Е.И. Гак, иглы «представляют собой длинные (6–14 см), тонкие (диаметр до 0,2 см) стержни круглого сечения, приостренные с одного конца и петлевидно загнутые с другого. ...Аналогичные по форме орудия хорошо известны по материалам различных культур эпохи раннего металла, их однотипность неоднократно отмечалась исследователями [Каменский, 1990, с. 44]. Вместе с тем, по территории и культурно-хронологическим группам катакомбных памятников юга Восточной Европы иглы распределяются крайне неравномерно. Все их находки сосредоточены к востоку и юго-востоку от низовий Дона и связаны с погребениями культур маньчского круга» (Гак, 2005. С. 75). В этой связи напомним находки аналогичных предметов из

²⁰ Отмечу, что в Чограе VIII курганы 28 и 30 входили в разные, параллельные друг другу цепочки курганов, расстояние между которыми достигало 600 м.

²¹ Это не противоречит тому, что 4 погребения из этих могильников были впускными в более ранние, довосточноманычские курганы. Как уже говорилось, «восточноманычцы» предпочитали хоронить сородичей в более древних курганах, подчеркивая родовую преемственность. Повторю, что погребение в кургане означало вхождение умершего в общину мертвых, структурно подобную общине живых.

²² Отмечаемые многими исследователями следы орудий на стенках могил, возможно, оставлены теми же инструментами (Братченко, Санжаров, 2001. С. 85–86). Остается открытым вопрос, использовались ли бронзовые тесла и долота для рытья могил или лишь для «доведения» конструкции до окончательного вида. На этом последнем этапе не исключим и возможность использования плотницких орудий для культово-магических действий, уподобляющих земляную конструкцию деревянной, конкретно в маньчских погребениях — уподобляющих яму (шахту) кузову деревянной повозки, а камере — ее съемному верху.

памятников майкопско-новосвободненской общности (Мунчаев, 1975. Рис.48; Мунчаев, 1994. Табл. 48; Rezerkin, 2000. Taf. 25, 10; 64, 5). Значительная часть этих игл, имеющая отверстие, смещенное от края к середине стержня, выполняла, вероятно, роль булавок, однако встречаются и экземпляры с «ушком» — отверстием у расширенного края стержня (Мунчаев, 1994. Табл. 48, 40, 51).

Две иглы из нашей выборки происходят из одного памятника — Ергенинского могильника, две — с территории Ставропольской возвышенности (могильники Веселая Роща III и Грушевский II) (табл. 14). Во всех случаях это погребения взрослых людей, причем в 3 случаях пол погребенного определяется как женский, в одном (Грушевский II) — как мужской. Все могилы углублены в материк, в Ергенинском иглы встречены в основных погребениях, в Веселой Роще III и Грушевском II — во впускных (курганы заложены в довосточноманычское время). Во всех комплексах встречены также бронзовые ножи и стержни, особым богатством инвентаря выделяются мужское погребение Грушевский II к.01 п.07 в каменном ящике (бронзовые нож, стержень, крюк, игла в костяном игольнике, деревянный поднос-блюдо, каменная булава, бронзовое височное кольцо) и неоднократно упоминавшееся женское погребение Ергенинский к.11 п.01 в катакомбе (бронзовые нож, три стержня, крюк, игла в костяном игольнике с продетой шерстяной нитью, деревянный поднос-блюдо, золотое височное кольцо и, вероятно, деревянная повозка).

В целом можно сказать, что бронзовая игла представляла собой узкоспециализированное орудие и, вероятно, престижную вещь преимущественно женского обихода. Играла ли она какую-либо роль в культовых действиях, и с чем связано ее появление в престижном мужском погребении — неясно.

Топоры (рис. 1, 29).

Находки бронзовых втульчатых топоров в восточноманычских памятниках неизвестны. Две литейные формы топоров происходят из погребения «литейщика-кузнеца» могиль-

ника Веселая Роща I к.03 п.03 (Державин, Тихонов, 1981). Двумя находками бронзовых топоров в Ставрополье (Ильинское к.01 п. 05) и Калмыкии (Бичкин Булук к.06 п.02) из памятников предвосточноманычского времени ограничивается пока вся коллекция данной категории орудий/оружия на изучаемой территории (Калмыков, Кореневский, 2001). Как топоры, так и отливки литейных форм относятся к так называемому бичкин-булуковскому типу, имеющему, по мнению специалистов, признаки боевого оружия (расширяющийся в лопасть клин, почти прямая спинка, слабо выраженная втулка), поэтому можно говорить об особом воинском статусе погребенных мужчин (Там же. С. 57–59, 62).²³

Традиция производства бронзовых топоров в эпоху ранней и средней бронзы, начало которой на Северном Кавказе и в Предкавказье было положено мастерами-металлургами майкопской культуры, подробно изучена С.Н. Кореневским (Кореневский, 1974, 1976, 1981, 2004).

В ареале катакомбных памятников донецкого типа представлен иной, также выделенный С.Н. Кореневским, колонтаевский тип бронзовых топоров (Гак, 2005. С. 77–78). В трех опубликованных С.Н. Братченко и С.Н. Санжаровым комплексах с топорами встречены также бронзовые ножи и стержни, в два из них (Беловодск 6/2 и 6/9) положены также тесла и долота, в одном обнаружены бронзовый крюк и каменный топор (Беловодск 6/2). Сходство с восточноманычским регионом состоит, однако, в том, что и на Северском Донце, и на правобережье Дона преобладают находки не собственно топоров, а матриц, происходящих как из погребений, так и из слоев поселений (По Е.А. Гаку, соответственно 6 и 2 случая; Гак, 2005. С. 76).

Помещение в могилу литейной формы топора говорит не только о высоком профессиональном статусе погребенного «литейщика-кузнеца», но и о сакрально-магической и социальной значимости изготавливаемой им вещи. Возвращаясь к восточноманычскому погребению «литейщика» из Веселой Рощи I,

²³ Топоры в Ильинском и Бичкин Булуке сопровождают захоронения мужчин, погребенных вместе и одновременно в одной могильной яме с женщинами (парные погребения).

напомним, что оно было совместным: за спиной у мужчины и в ногах у него лежали три ребенка раннего возраста, что явно указывает на особый характер комплекса.

Можно предполагать, что в позднекатакомбное время происходило постепенное замещение каменных топоров бронзовыми, с сохранением основных знаковых функций, прежде всего — воинской символики (об общности знаковой роли бронзовых и каменных топоров: Калмыков, Кореневский, 2001. С. 62).

В нашей выборке есть три индивидуальных погребения, в инвентаре которых имелся каменный проушной топор: Веселая Роща III к.16 п.05, к.23 п.03а и Ергенинский к.10 п.02. Наиболее совершенный по технике изготовления экземпляр найден в первом из перечисленных комплексов (Романовская, 1982), остальные два сделаны достаточно грубо, особенно в сравнении с классическими северокавказскими топорами. Первые два погребения — мужские, пол последнего погребенного не определен (взрослый); последние два погребения — основные в курганах, первое — впускное в курган довосточноманычского времени. В инвентарь двух погребений входили повозки и бронзовые ножи, причем в комплексе Ергенинский к.10 п.02 было два ножа, а также бронзовые стержень, тесло и долото, деревянный сосуд, три височных кольца (одно золотое и два серебряных). В комплексе Веселая Роща III к.23 п.03а также имелся деревянный поднос.²⁴

Отмечу любопытную деталь. Курган 10 Ергенинского могильника находился рядом с курганом 11, но по параметрам был в два раза меньше его (к. 10 имел высоту 2,5 м, диаметр 46 м; к. 11 — высоту 5,3 м, диаметр 80 м, самый большой из раскопанных В.П. Шиловым на этом памятнике курганов). Курган 11 содержал единственное погребение — основное (как отмечает В.П. Шилов — женское), с пол-

ным набором бронзовых престижных орудий; насыпь кургана представляла собой сложное многокомпонентное архитектурное сооружение в виде «усеченной пирамиды». В кургане 10, кроме основного погребения взрослого человека с каменным топором и бронзовыми долотом и теслом, были 3 впускные восточноманычские комплекса: 2 погребения (одно индивидуальное детское в материке и одно двойное детское в насыпи) и «кенотаф». Вся эта система погребений была окружена кольцевым рвом так, что основное погребение 02 находилось не в центре кольца, а было смещено к северо-востоку.

Параметры кургана 10 Ергенинского могильника оказываются схожими с таковыми кургана 23 Веселой Рощи III, где основное погребение 3 также содержало каменный топор. Курган 23 высотой 2 м, диаметром 42 м находился рядом с курганом 21 высотой 5 м, диаметром 80 м. Основное мужское погребение последнего (п.13) содержало бронзовый нож, два стержня и крюк. Несмотря на то, что в кургане 21 было зафиксировано 16 впускных восточноманычских погребений, «в результате исследования стратиграфии кургана установлено, что насыпь была возведена одновременно в несколько приемов и связана с основным погребением» (Державин, 1989. С.125; Геннадиев, Державин и др., 1987). Что касается кургана 23, то прослежены досыпки первоначальной насыпи при создании впускных восточноманычских комплексов в материке (п.01, вероятно, взрослого человека; п. 02 — мужчины).²⁵

В результате создается впечатление, что военный предводитель — носитель высшей воинской регалии — топора — не всегда одновременно являлся верховным лидером, если мы правильно так идентифицируем лицо, погребение которого отмечалось огромной и сложной насыпью. Однако на столь небольшом материале, тем более — в отсутствие

²⁴ В нашей выборке погребение 03 описано как два индивидуальных — 03а и п.03б. Это погребение можно рассматривать и как одно (синхронное? кумулятивное?), двухъярусное и двухкамерное. При одной входной шахте, выше камеры 3а, перпендикулярно к ней, располагалась камера 3б, также содержащая погребение мужчины. После совершения погребения 3б в шахту была поставлена повозка. Возможно, что входная шахта подвергалась повторному вскрытию для совершения захоронения 3б (Державин, 1989. С. 134-135).

²⁵ Курган 16 находился приблизительно в 700 м севернее кургана 21 и был включен в другую цепочку курганов, тем не менее, эти цепочки условно объединены в 1 памятник — Веселая Роща III.

находок бронзовых топоров, безусловно, можно только поставить, а не решить этот вопрос.²⁶

* * *

Отсутствие в составе погребального инвентаря бронзовых престижных орудий — крюков, тесел, долот, игл — в комплексах постмайкопского времени на изучаемой территории Восточного Предкавказья и Северо-Западного Прикаспия (позднеямные, северокавказские и раннекатакомбные комплексы); малочисленность находок бронзовых раритетов в синхронных памятниках Западного Предкавказья (новотиторской и раннекатакомбных культурах — приазовской, преддоиной) — с одной стороны, и новое появление всего исходного набора в позднекатакомбных погребениях в подобной же функции знаков престижа — с другой, требуют объяснения не только с точки зрения «влияний» «металлоносных» кавказских культур на степной мир, но и — более конкретно — в русле изучения отдельных погребальных традиций.²⁷

Обратим внимание на то, что сходство специфического категориального набора погребальных даров позднекатакомбных культур Предкавказья и предметов из раннебронзовых комплексов Северного Кавказа (майкопско-новосвободненская общность) и Предкавказья (новотиторская культура) не ограничивается только бронзовыми орудиями. То же самое можно сказать о категориях каменных орудий и оружия. Упомянем и верность «поздних катакомбников» историческим традициям украшений и костюма (металлические височные кольца, использование бронзовых и сердоликовых бус). Обычай помещения в могилу повозки и характерные

конструктивные особенности этого транспортного средства, общие для «новотиторцев» и «манычцев», также хорошо известны. Все это говорит не только об эпохальном «технологическом» единстве, но и о сохранении в течение очень длительного времени важных черт ритуально-мифологического комплекса.²⁸

В этой ситуации наиболее вероятной представляется модель, согласно которой редкие бронзовые вещи, продолжая непрерывно функционировать в сфере культа, в том числе — погребального ритуала, могли временно (на очень длительный срок!) переставать помещаться в могильных комплексах. На возможность подобной ситуации для погребальных памятников дописанных культур указывает Е.В. Антонова со ссылкой на исследование Л.А. Чвырь о бактрийско-таджикских соответствиях в погребальном обряде (Чвырь, 1991): «Диахронный анализ показывает, как на протяжении многих сотен лет вещи, которые археологи привыкли рассматривать как погребальный инвентарь, перемещаются в пределах системы погребальных ритуалов, то отлагаясь в погребениях, то фигурируя за пределами ритуала помещения тела в могильное сооружение» (Антонова, 2005. С. 66). Прогресс металлопроизводства в степной зоне в позднекатакомбное время, как и общий экономический подъем, не могли не способствовать возвращению редких бронзовых орудий в археологически фиксируемую сферу погребального обряда.

* * *

В результате проведенных сопоставлений трудовая деятельность древних людей видится запечатленной в погребальном культе бо-

²⁶ В нашей выборке (табл. 14) есть одно мужское погребение (Грушевский II к.01 п.07), где были обнаружены бронзовый крюк и полированная каменная булава с 4 выступами, которая также может считаться воинской регалией (Державин, 1984).

²⁷ О постепенном становлении самостоятельных очагов металлообработки в степной зоне под воздействием непрерывно развивавшейся северокавказской металлургии и металлообработки (Братченко, Сажаров, 2001; Кияшко, 2002; Гак, 2005, Рысин, 2007, 2008; Гак, Калмыков, 2009).

²⁸ Термин «обрядово-мифологический комплекс» вместо «религия», которая не могла существовать «в качестве целостного явления» в догосударственных обществах, использует в своих работах Е.В. Антонова. Мы изменили первую часть этого термина, чтобы указать на то, что речь идет не об изучаемом археологами погребальном обряде, а о всей совокупности ритуалов и мифологических представлений.

лее опосредованно, чем это может показаться на первый взгляд.

На ранних этапах истории смерть индивида воспринималась как переход из «общины живых» в структурно подобную ей «общину мертвых». Представители ККИО клали в могилы бронзовые орудия, необходимые для жизнедеятельности, которая не мыслилась без совершения важнейших ритуалов. Эти «ритуалы перехода», включавшие и собственно погребальный, сопровождали все течение жизни семейно-родовых коллективов. Наиболее часто встречающиеся бронзовые орудия — копьевидные ножи и, возможно, стержни-штыки, следует предположительно связывать с практикой жертвоприношений домашнего скота (прежде всего — мелкого рогатого), включавших забой, культовые манипуляции с отдельными частями туш животных, «священную трапезу» (в погребальном ритуале — тризну, участником которой считался и умерший) и «кормление предков». Специфическая копьевидная форма ножей позволяет думать, что культовые действия могли актуализировать мифологическую парадигму битвы или охоты.

Возможности полифункционального использования этих орудий/оружия вне ситуации ритуала должны стать в дальнейшем предметом обсуждения.

Особая категория лиц, в погребения которых положены крюки, предположительно и условно может быть определена как «хранители стада» крупного рогатого скота. Такие люди должны были быть активными участниками жертвоприношений, в рамках которых осуществлялся забой этих животных. Следы подобных ритуалов обнаруживаются в восточноманычских курганах главным образом в виде «жертвенников».

Исходя исключительно из археологического контекста, невозможно конкретно представить себе место плотницких орудий в культовой практике. Можно лишь предполагать, что данные предметы участвовали не только в практических, но и символических действиях при создании как могил и курганов для мертвых, так и повозок и стойбищ для живых.

В археологическом материале не удалось обнаружить признаки, которые указывали

бы на кризис позднеродовых отношений, распад большой семьи или явное выделение социальных страт. Бесспорно улавливаются патриархальные тенденции в организации власти (бронзовые предметы, соотносимые с потестарной и/или жреческой функциями обнаруживаются большей частью в погребениях мужчин), однако патриархальные отношения, вероятно, не носили законченного характера: гендерные различия очень слабо проявлены в погребальном обряде. В связи с этим у нас нет оснований ожидать, что процессы разложения позднепервобытной общины и социальной дифференциации могли зайти у носителей восточноманычской традиции сколько-нибудь далеко. Вероятно, раритеты — тесла и долота — отмечали погребения глав кровно-родственных образований (субкланов, кланов), которыми могли быть лица обоих полов. Также, судя по материалам Ергенинского могильника, нельзя исключить, что тесла и долота маркировали принадлежность погребенного к особо выделенному семейно-родовому образованию, сосредоточившему в своих руках не только материальное богатство, но и, вероятно, властные полномочия над другими кланами.

Маркерами высокого социального ранга (на уровне кланов), носителями которого, вероятно, могли быть исключительно мужчины-воины, следует считать втульчатые топоры, о культовой роли которых мы не можем пока сказать ничего. Бронзовые экземпляры в восточноманычских памятниках пока не известны. Ориентируясь на редкие находки каменных топоров, можно думать, что статус военного предводителя не прилагался автоматически к статусу лидера позднеродового образования (последним могла быть и женщина), но часто совпадал с ним.

Какое место в системе семейно-родственных отношений занимали «держатели крюков» (статус которых не предполагал положение в могилу тесла и/или долота), остается неясным.

Несмотря на отсутствие в настоящее время детальных статистических описаний материалов других синхронных катакомбных культур Волго-Донского междуречья, принципиальное сходство всех основных черт обряда позволяет полагать, что наблюдения, сделан-

ные на восточноманычских материалах, приложимы как минимум ко всей обширной территории Предкавказья (Братченко, 1976; Кияшко, 2002). Исследование, специально посвященное изучению металлургии и металлообработки этого региона (Гак, 2005), также свидетельствует об устойчивости категориального набора и морфологического облика бронзовых орудий в эпоху средней бронзы.

В то же время следует признать, что дальнейшее углубленное исследование культовой и социально-знаковой роли этих артефактов в обществах носителей катакомбных погребальных традиций возможно только с привлечением более широких материалов, поскольку лишь 4,2% изученной нами выборки восточноманычских комплексов (26 погребений) содержали бронзовые орудия-раритеты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авилова Л.И., 2008. Металл Ближнего Востока. Модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. М.
- Андреева М.В., 1989. Курганы у Чограйского водохранилища // Древности Ставрополя. М. С.24-124.
- Андреева М.В., 2005. Синхронные совместные погребения восточноманычской катакомбной культуры как источник палеосоциальных реконструкций // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 4. М. С. 68-93
- Андреева М.В., 2008а. Восточноманычская катакомбная культура (анализ погребальных памятников). Автореф. дисс. ...канд. ист. наук.
- Андреева М.В., 2008б. Восточноманычская катакомбная культура (анализ погребальных памятников). Дисс. ...канд. ист. наук.
- Андреева М.В., 2008в. Кенотафы восточноманычской катакомбной культуры как погребально-жертвенные комплексы // Археология Кавказа и Ближнего Востока. Сборник в честь 80-летия Р.М. Мунчаева. М. С. 298–306.
- Андреева М.В., 2009. Особенности организации курганного пространства в погребальном обряде восточноманычской катакомбной культуры // КСИА, вып. 224. М. С. 171–185.
- Андреева М.В., 2010. Индикаторы семейно-социальных отношений в материалах памятников восточноманычской катакомбной культуры // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов международной научной конференции. Магас. С. 12–15.
- Антонова Е.В., 2005. Погребения как источник реконструкции обрядово-мифологических комплексов дописьменных обществ // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 2. Донецк. С. 65–71.
- Арапов С.В., 1987. Отчет об исследованиях археологической экспедиции Калмыцкого НИИ ИФЭ в зоне строительства орошаемого участка совхоза «Яшкульский» в Яшкульском районе Калмыцкой АССР в 1987 г. / Архив ИА РАН, Р-1, № 12526.
- Балабина В.И., 2004. Глиняные модели саркофагов культуры Кукутень-Триполье и тема пути // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М. С.180-213.
- Братченко С.Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев.
- Братченко С.Н., Санжаров С.М., 2001. Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверськодонецчини та Донщини III тис. до н.е. Луганськ.
- Бритюк А.А., 1996. Некоторые результаты анализа утилизации ямных и катакомбных бронзовых ножей // Древние культуры Восточной Украины. Луганск.
- Гак Е.И., 2002. Металлические ножи катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М. Элиста. С. 280–299.
- Гак Е.И., 2005. Металлообрабатывающее производство катакомбных племен степного Предкавказья, Нижнего Дона и Северского Донца. / Автореф. дис. ... канд. ист. наук.
- Гак, Калмыков, 2009. Ямно-новотиторовское наследие в металлопроизводстве катакомбных культур центральной и восточной

части степного Предкавказья // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург. С. 104–119.

Геннадиев А.Н., Державин В.Л., Иванов В.К., Смирнов Ю.А., 1987. О редкой форме погребального обряда в предкавказской культуре. // СА. № 2. С. 124–141.

Державин В.Л., 1984. Погребения в каменных ящиках средней бронзы в степном Предкавказье // КСИА. Вып. 177. С. 90–95.

Державин В.Л., 1989. Погребения эпохи бронзы у хут. Веселая Роща (по материалам Ставропольской экспедиции 1980 г.). // Древности Ставрополя. М. С. 125–194.

Державин В.Л., Тихонов Б.Г., 1981. Погребение литейщика эпохи средней бронзы на Ставрополье. СА. № 3. С. 252–258.

Калмыков А.А., Корневский С.Н., 2001. Новое погребение с бронзовым топором эпохи средней бронзы из степного Предкавказья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II. Археология, антропология, палеоклиматология. М. С. 52–63.

Каменский А.Г., 1990. Металлообрабатывающее производство племен Северо-Восточного Кавказа в период средней бронзы. Дисс. ..канд.ист.наук.

Канторович А.Р., Маслов В.Е., Петренко В.Г., 2010. Погребения майкопской культуры кургана № 1 могильника «Марьинская-5» // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов международной научной конференции. Магас. С. 164–167.

Кияшко А.В., 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград. 2002.

Корневский С.Н., 1974. О металлических топорах майкопской культуры // СА № 3.

Корневский С.Н., 1976. О металлических топорах Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы // СА № 4. С. 16–31.

Корневский С.Н., 1978. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культуры. // СА. № 2. С. 33–48.

Корневский С.Н., 1981. Втульчатые топоры — оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя азия в древности и средневековье. М.

Корневский С.Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.

Корневский С.Н., 2009. Особенности погребальной практики протоамного культурного типа в сравнении с погребальными традициями положения вещей майкопско-новосвободненской общности // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург. С. 27–49.

Корневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А., 2007. Большой Ипатовский курган на Ставрополье. М.

Коренько В.А., 1976. Отчет о работе Туркменского отряда Ставропольской экспедиции / Архив ИА РАН, Р-1, N 8008.

Коренько В.А., 1977. Отчет о работе Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции в 1977 г. / Архив ИА РАН, Р-1, № 7223.

Куфтин Б.А., 1949. Материалы к археологии Колхиды. Вып. I. Тбилиси.

Марковин В.И., 1994. Дольмены Западного Кавказа // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М. С. 226–253.

Могильник Островной, 2002. Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М.- Элиста.

Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.

Мунчаев Р.М., 1994. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. М. С. 158–227.

Найденко А.В., 1972. Отчет о раскопках у с. Китаевка Ставропольского края / Архив ИА РАН, Р-1, № 4886.

Романовская М.А., 1978. Отчет о раскопках курганных групп Веселая Роща II и Веселая Роща III в Александровском районе Ставропольского края в 1978 г. / Архив ИА РАН, Р-1, № 8488.

Романовская М.А., 1979. Отчет о раскопках курганной группы Веселая Роща II и Веселая

Роща III, произведенных Александровским отрядом Ставропольской экспедиции в 1979 г. Архив ИА РАН, Р-1, № 8489.

Романовская М.А., 1982. Находки повозок эпохи бронзы в Ставрополье // КСИА. Вып. 169. С. 102–108.

Рысин М.Б., 2007. Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы (проблемы хронологии и периодизации) // Археологические вести. Вып. 14. СПб., 2007. С. 184–220.

Рысин М.Б., 2008. Успенский этап кавказской металлообработки среднего бронзового века // Археологические вести. Вып. 15. Спб., 2008.

Синицын И.В., 1978. Древние памятники Восточного Маныча. Саратов.

Синицын И.В., Эрдниева, У.Э., 1966. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963 гг.) // Труды Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 2. Элиста.

Синицын И.В., Эрдниева, У.Э., 1971. Элистинский могильник. Элиста.

Синюк А.Т., Матвеев Ю.П., 2007. Среднедонская катакомбная культура эпохи бронзы (по данным курганных комплексов). Воронеж.

Смирнов А.М., 2004. Изображения посохов на антропоморфных изваяниях эпохи энеолита в Северном Причерноморье и Средиземно-

морье. Аналогии, интерпретации // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М. С. 65–92.

Чвырь Л.А., 1991. Судьба одного обряда (о бактрийско-таджикских соответствиях в похоронно-погребальной обрядности) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М.

Шилов В.П., 1981. Исследование Волго-Донской археологической экспедиции 1981 г. Архив ИА РАН, Р-1, № 10968.

Шилов В.П., 1982. Отчет об исследованиях Волго-Донской археологической экспедиции в 1982 г. / Архив ИА РАН, Р-1, № 9516.

Шилов В.П., 1984. Отчет о раскопках Волго-Донской археологической экспедиции ИА АН СССР в 1984 г. Архив ИА РАН, Р-1, № 11785.

Шилов В.П., 1985–86. Отчет о раскопках Волго-Донской экспедиции в 1985–86 гг. / Архив ИА РАН, Р-1, № 11793.

Шишлина Н.И., 1991. О социальной дифференциации населения Калмыцкой степи в эпоху средней бронзы // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста. С. 121–130.

Шишлина Н.И., 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н.э.). Труды ГИМ. Вып. 165. М.

Rezepkin A.D., 2000. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukazien. Rahden/Westf.

В.В. Отрощенко*, Е.Ю. Захарова**

*Институт археологии НАН Украины, Киев

**Воронежский государственный университет, Воронеж

ФЕНОМЕН СОСУДОВ СО ЗНАКАМИ ЭПОХИ БРОНЗЫ: НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ А.А. ФОРМОЗОВА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Срубные древности эпохи поздней бронзы восточноевропейской степи и лесостепи находятся в поле зрения исследователей уже более столетия. За прошедшее время многие вопросы, характеризующие различные стороны жизни населения, оставившего эти памятники, получили свое разрешение в специальных исследованиях, в том числе диссертационных и монографических. Вместе с тем, до сих пор продолжает привлекать внимание исследователей и при этом таит в себе еще много неразрешенных проблем феномен срубных сосудов со знаками.

На них обратил внимание В.А. Городцов еще в процессе выделения срубной археологической культуры, но прошло полвека, прежде чем «срубные» сосуды со знаками стали предметом специального исследования. Выполнил его Александр Александрович Формозов в статье «Сосуды срубной культуры с загадочными знаками» (Формозов, 1953. С. 193–200). Именно с выходом в свет этой работы можно считать данную проблему в научном плане очерченной, хотя до ее окончательного разрешения и сейчас еще далеко (если оно вообще возможно). В дальнейшем А.А. Формозов еще неоднократно обращался к проблеме изучения срубных сосудов со знаками. Он увидел среди знаково-орнаментальных композиций на двух сосудах срубной культуры мотив змееборства (Формозов, 1958. С. 137–

142). Вскоре вышла его публикация под названием «Сосуды со знаками эпохи энеолита и бронзы и история письменности (в связи с выходом книги В.А. Истрина “Развитие письма”»» (Формозов, 1963. С. 180–183). Осознавая потребность в дальнейшей разработке поднятой темы и не имея возможности продолжить лично поиск знаков среди огромных коллекций керамики срубной культуры, Александр Александрович предложил одному из авторов этой статьи подготовить расширенную подборку знаков на керамике срубной культуры с попыткой первичной классификации их. Основная работа была проделана в начале 1980-х гг., но только в 1988 г. она выливается в совместную публикацию, где А.А. Формозовым написано «Предисловие. Постановка проблемы» (Отрощенко, Формозов, 1988. С. 147–151).

Исходя из важности указанных публикаций для дальнейшего исследовательского поиска в русле изучения срубных сосудов со знаками, позволим себе их анализ с позиций современного состояния данной проблемы. Во всех работах этого цикла неизменной остается точка зрения А.А. Формозова относительно статуса знаков на срубной керамике. По его мнению, речь идет о зачаточной письменности, знаки которой поначалу он даже именует «знаками типа алфавитных» (Формозов, 1953. С. 193). Не вдаваясь сейчас в де-

тали лингвистической терминологии, все же предостережем современных исследователей от оперирования термином «письменность» применительно к знакам на срубной керамике, предложив взамен более нейтральный по своему характеру — «графическая знаковая система». На сегодняшний момент именно он, на наш взгляд, отражает степень изученности этого феномена. Напомним также, что в рецензии известного украинского филолога А.А. Белецкого на рукопись болгарской публикации А.А. Формозова и В.В. Отрощенко для номинации знаков на керамике срубной культуры предложен термин «graffiti» (Белецкий, 2006. С. 6–7).

Работы А.А. Формозова по данной проблеме отличаются постоянством своей структуры, отражающей свойственный автору принципиальный подход к решению любой научной проблемы: каждая из них содержит характеристику источниковой базы и выводы, вытекающие из ее анализа. В первой работе у А.А. Формозова содержатся сведения о семнадцати сосудах со знаками, далее к ним добавляются еще шесть, а в последней из анализируемых статей он опирается на серию из шестидесяти шести предметов со знаками, собранную В.В. Отрощенко. Количественные и качественные изменения в источниковой базе обусловили и некоторую эволюцию взглядов А.А. Формозова по осмыслению этой категории древностей. Сам же подход к анализу этого феномена, сформулированный уже в первой работе, остается неизменным и предполагает многоаспектность в исследовании этой категории источников. Круг вопросов, обозначенный А.А. Формозовым в этой связи, до сих пор остается актуальным и позволяет всесторонне охарактеризовать данное явление. Следуя логике автора, проследим развитие исследовательской мысли по каждому из намеченных им направлений изучения феномена знаков.

Поначалу исследователь разделил начертания на сосудах срубной культуры на две группы: геометрический орнамент и знаки типа алфавитных (Формозов, 1953. С. 193). Впоследствии, в связи с появлением нового материала, они были дополнены группой сюжетных рисунков (Формозов, 1988. С. 148). Такой подход в полной мере разделяют авто-

ры данной работы, и он нашел отражение в их более ранних публикациях (Отрощенко, 1988. С. 174–175; Захарова, 2000. С. 62). А.А. Формозовым были впервые сформулированы отличительные признаки знаков: они не повторяются в ритмическом порядке, встречаются и по одному и по несколько знаков в одну строчку, иногда незамкнутую; иногда перекрывают орнамент (Формозов, 1953. С. 193; 1963. С. 181; 1988. С. 148). До сих пор именно эти признаки позволяют любому исследователю, работающему с керамикой эпохи бронзы, без труда вычленять из массы орнаментированной посуды именно эту категорию древностей, что, как правило, находит отражение в подавляющем большинстве современных публикаций «срубных» материалов.

Рассматривая вопрос о датировке знаков на керамике, А.А. Формозов поначалу считал это явление присущим только срубной культуре, впоследствии признал факт появления знаков на сосудах культуры многоваликовой керамики (бабинской) и бытования их вплоть до предскифского времени (Формозов, 1988. С. 148). Ныне мы уже располагаем достаточно выразительными сериями предметов со знаками, которые происходят из комплексов культур эпохи средней и рубежа средней — поздней бронзы на пространстве от Днепра до Урала (Пряхин, Захарова, 1996. С. 58–63; Пустовалов, 1998. С. 24–51; Мочалов, 2003. С. 309–310; Отрощенко, 2005. С. 235–241; Маслихова, 2005. С. 101–103). Таким образом, есть основания полагать, что зарождение данного явления в обществах степи и лесостепи Восточной Европы приходится на эпоху средней бронзы. До сих пор так и остается открытым вопрос о дальнейших судьбах этого феномена. Возможно, был прав в своих предположениях А.А. Формозов, писавший о том, что знаки могли быть перенесены на другой материал (Формозов, 1953. С. 199; 1963. С. 183). При этом следует заметить, что знаки, восходящие к системе «срубных», ограниченно использовались населением Скифии, особенно лесостепной (Отрощенко, Корпусова, 2003. С. 17). Определенное сходство со срубными имели и знаки на посуде и пряслицах черняховской культуры (Кравченко, 2001. С. 95–99. Рис. 5; 7–9). Однако этот вопрос требует специального анализа.

Говоря о значении этих знаков, А.А. Формозов предполагал три возможных варианта: вид орнаментации, знаки типа тамг, знаки письменности. Из них предпочтение было отдано последнему методом исключения первых двух. «Первое предположение, — пишет А.А. Формозов, — можно отвести без особого труда: нет ритмического повторения одних и тех же знаков, знаки часто не образуют полного пояса на тулове сосуда, известны и одиночные знаки. Показателен случай перекрывания орнамента знаками... Второе предположение мало реально, так как знаки нанесены на сосуд до обжига, следовательно, до употребления сосуда; к тому же мы имеем дело не с единичными знаками, а с длинными строчками знаков. Поэтому мы можем с большим правом видеть в этих знаках зачатки письменности» (Формозов, 1953. С. 196–197). До сих пор никому из исследователей этого феномена не удалось убедительно показать, что этому явлению присущи признаки письменности как высшей ступени в развитии графических систем кодировки информации. Более того, дальнейший анализ знаков на срубной керамике показал, что образующие знаковую систему элементы — разнопорядковые по своей сути. Перед нами семиотическая система, которую нельзя отождествлять с письменностью. Подтверждением правомерности такого подхода могут служить позитивные сдвиги, которые наметились в разрешении проблемы расшифровки срубных знаков. Речь в данном случае, конечно же, не идет о прочтении надписей, что соответствует уровню дешифровки письменности. Мы имеем в виду тот факт, что к настоящему времени удалось выявить несколько значимых мировоззренческих сюжетов, нашедших отражение в знаковых композициях: мотив змеборчества, на который, как упомянуто выше, указывал и А.А. Формозов (1958. С. 139–142); мотив превращения; фиксация значимых пространственных категорий и временных циклов. Система кодировки информации, используемая населением, оставившим памятники срубной общности, включает часто элементы, несопоставимые друг с другом. Кроме того, мы не располагаем четко фиксируемым конечным набором знаков.

Уже в первой своей статье исследователь ставит вопрос: «Была ли предполагаемая

письменность общей для всей срубной культуры?..» — и отвечает на него положительно (Формозов, 1953. С. 197). Как показали дальнейшие исследования, этот вывод, основанный тогда еще на очень малой серии керамики со знаками, выдержал испытание и на значительно расширившейся источниковой базе, так что теперь можно с гораздо большей уверенностью говорить о том, что срубная знаковая система имела место на всей территории распространения срубной общности.

Не обошел вниманием А.А. Формозов и вопрос о том, «каким путем возникли зачатки письменности в степной полосе Восточной Европы». В своих работах он последовательно отстаивает точку зрения, заключающуюся в том, что населением срубной культуры была заимствована «сама идея письма», которая могла попасть в Причерноморье из Передней Азии или с территории крито-микенской цивилизации (Формозов, 1963. С. 183; 1988. С. 149–150). Однако при этом письменность складывалась на местной основе, и знаки письма произошли от орнамента (Формозов, 1953. С. 197–198; 1988. С. 151). Действительно, случаи заимствования идей (в том числе письма) в истории известны, что делает правомерной данную гипотезу. Но что касается вывода о происхождении знаков от элементов орнамента, то мы не можем с ним согласиться, поскольку далеко не все знаки имеют прототипы среди геометрических фигур, составляющих основу орнамента. В данном случае мы имеем дело с разными источниками формирования компонентов «срубной» знаковой системы, среди которых есть и элементы орнамента, и знаки сложной конфигурации, не сводимые к геометрическим фигурам, и схематические рисунки.

В своих работах А.А. Формозов затрагивал и вопрос об области применения сосудов со знаками. Их немногочисленность, по его мнению, говорит об очень узкой области применения знаков, возможно культовой, но при этом не ограничивающейся погребальным культом (Формозов, 1953. С. 197; 1963. С. 183). Предпринятые в последние годы попытки провести сопоставительный анализ сосудов со знаками из других категорий срубных древностей не выявили сколько-нибудь устойчивой тенденции ни по половозраст-

ным показателям, ни по тяготению к иным категориям артефактов.

Еще один аспект анализа знаков на срубной керамике, обозначенный А.А. Формозовым, это вопрос о самой возможности существования письменности во времена срубной культуры (Формозов, 1953. С. 197; 1963. С. 182; 1988. С. 149). Отвечая на этот вопрос положительно, А.А. Формозов уже в ранних своих работах интерпретирует эпоху срубной культуры как время распада первобытно-общинного строя. Такой подход, сегодня разделяемый большинством археологов, в послевоенные десятилетия шел вразрез с магистральной линией осмысления обществ эпохи бронзы. Поэтому первые работы А.А. Формозова в этом направлении не получили резонанса в среде археологов.

Работы А.А. Формозова оказались на тот момент более востребованы лингвистами, изучающими историю письма. Отклики на них были неоднозначными. Так, в монографии В.А. Истрина он упоминается в числе тенденциозных авторов, «чрезмерно снижающих роль внешних влияний в возникновении славянского письма и считающих, что письмо самостоятельно возникло у славян еще в глубокой древности» (Истрин, 1961. С. 276). Данное суждение, на наш взгляд, является ошибочным относительно позиции А.А. Формозова и отражает достаточно неуверенную ориентацию В.А. Истрина в археологической проблематике: население срубной культуры никогда не увязывалось археологами с этногенезом славян. В силу этого утрачивается сам предмет критики.

Насколько деликатной является работа с докириллическими «чертами и резами», показывает казус с использованием В.А. Истриным строки знаков на сосуде из д. Алканово Рязанской губернии как образца «дохристианских русских надписей и знаков» (Истрин, 1988. С. 124–125. Рис. 146). Исследователь славянской азбуки датирует сосуд X–XI вв., т. е. временем культурного слоя славянского поселения. Однако сосуд-то происходит из погребения эпохи поздней бронзы, перекрытого слоем этого поселения (Каталог... 1988. С. 42. Рис. 37). Уточнение возраста хрестоматийного сосуда ставит алкановскую строку знаков в один временной ряд с graffiti на керамике

срубной общности. Так, может, отставив обличительный пафос, не стоит сбрасывать со счетов знаковые системы эпохи бронзы, углубляясь в предысторию славянской письменности? Собственно, такую позицию, со всей мерой осторожности, занимал А.А. Формозов. К знаковой системе срубной общности обращался и М.Ю. Брайчевский в поисках истоков древнеславянской иероглифики (Брайчевский, 1998. С. 43–46).

Другой лингвист, Г.Ф. Турчанинов, не только согласился с трактовкой срубных знаков в качестве письмен, но и, исходя из ираноязычности срубных племен, предпринял попытку прочтения надписей на срубных сосудах, опубликованных А.А. Формозовым. Дешифровке посвящена вторая глава его монографии (Турчанинов, 1971. С. 43–65). Г.Ф. Турчанинов определяет характер письма как «письмо арамейского дукта несколько своеобразной формы» и, используя палеографические методы анализа, датирует его «не ранее восьмого века до нашей эры», считая, что «срубная культура с письменами просуществовала дольше отведенного ей археологами времени» (Там же. С. 43–44). Подобная попытка изменения хронологии существования срубной культуры не может быть признана правомерной, остается весьма сомнительной и предложенная автором трактовка и дешифровка «надписей» на срубных сосудах.

Объективности ради отметим, что лингвисты впоследствии вообще устранились от разрешения проблемы интерпретации знаков на срубной керамике. Исключение составляет лишь упомянутая выше рецензия А.А. Белецкого, опубликованная недавно. Иное дело археологи, неустанно приумножающие фонд сосудов со знаками и продолжающие попытки их осмысления.

Отметим, что с 1980-х гг. начинается новый этап в изучении знаков эпохи поздней бронзы. Практически каждый исследователь при публикации материалов раскопок выделяет в отдельную категорию находок «сосуды со знаками». Поначалу каждый из таких сосудов становится предметом отдельного анализа, предлагаются варианты интерпретации знаковых композиций на них, чаще всего исходя из текстов «Ригведы» и «Авесты». Через некоторое время становится понятным, что

феномен сосудов со знаками — это явление, требующее анализа на уровне значительной серии, для которой возможно выделение характерных черт и закономерностей бытования. Таким образом, проблема изучения срубных сосудов со знаками заняла достойное место в ряду иных исследовательских задач, связанных с осмыслением этой культурной общности.

Сейчас уже можно говорить о том, что сложилась определенная база для дальнейших реконструкций в этой области. Собранные исследователями разных стран информация о более чем пятистах композициях и отдельных знаках на керамике срубной общности требует нового обобщения и неперенной каталогизации источников. Встают вопросы о локальных особенностях знаковых систем в пределах отдельных культур срубной общ-

ности, о распространении graffiti вне ареала «срубного» мира, о развитии этой традиции во времени. Пока здесь больше допущений и вопросов, нежели доказательств и ответов, но, тем не менее, такая проблема в научном плане уже обозначена. Если ранее работы в этом направлении являлись скорее исключением, нежели закономерностью развития исследовательского поиска, то теперь они с завидной регулярностью появляются на страницах научных изданий, вызывая живой интерес и стремление к дискуссии, нередко выходящей за пределы проблематики срубной культурной общности.

Данная же работа призвана еще раз напомнить коллегам и всем читателям, что среди начинателей исследования феномена «срубных» сосудов со знаками следует по праву почитать Александра Александровича Формозова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белецкий А.А., 2006. Письмена срубной культуры. Краткий отзыв о статье В.В. Отрощенко и А.А. Формозова. К проблеме письменности Северного Причерноморья в эпоху раннего металла. 1988 г. // Мова та історія. Київ. Вип. 86.

Брайчевський М.Ю., 1998. Походження слов'янської писемності. Київ.

Захарова Е.Ю., 2000. Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы. Воронеж.

Истрин В.А., 1961. Развитие письма. М.

Истрин В.А., 1988. 1100 лет славянской азбуки. М.

Каталог коллекции В.А. Городцова // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии / Тр. ГИМ. Вып. 68. М., 1988.

Кравченко Н., 2001. Знаки і букви на предметах: Археологічні матеріали до вивчення докирилівського письма у ранніх слов'ян // Археологічні пам'ятки Фастівщини: Проблеми дослідження і охорони: Наук.-інф. бюл. Прес-музей. Фастів. № 10–11 за 1998 р.

Маслихова Л.И., 2005. К истории изучения семантики орнамента керамики эпохи бронзы лесостепи Восточной Европы // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж.

Мочалов О.Д., 2003. К вопросу о сосудах со знаками срубной культуры лесостепного Заволжья // Вопросы археологии Поволжья. Самара. Вып. 3.

Отрощенко В.В., 1988. Письмена срубной культуры // Studia Praehistorica. Sofia. № 9.

Отрощенко В.В., 2005. Колісничі бабинської культури в графічному та рельєфному відтворенні // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ. № 4.

Отрощенко В.В., Корпусова В.М., 2003. Свастика в знакових системах доби міді — бронзи в Україні // Магістеріум: Археологічні студії. Київ. Вип. 11.

Отрощенко В.В., Формозов А.А., 1988. К проблеме письменности у племен Северного Причерноморья в эпоху раннего металла // Studia Praehistorica. Sofia. № 9.

Пряхин А.Д., Захарова Е.Ю., 1996. Знаки на сосудах средней бронзы Доно-Донецкого региона // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Воронеж.

Пустовалов С.Ж., 1998. О росписях на дне катакомб ингульской культуры и о проблемах этносоциальной реконструкции

катакомбного общества Северного Причерноморья // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы: Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж. Вып. 11.

Турчанинов Г.Ф., 1971. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л.

Формозов А.А., 1953. Сосуды срубных племен с загадочными знаками // ВДИ. № 1.

Формозов А.А., 1958. Материалы к изучению искусства эпохи бронзы юга СССР // СА. № 2.

Формозов А.А., 1963. Сосуды со знаками эпохи энеолита и бронзы и история письменности (в связи с выходом книги В.А. Истрина «Развитие письма») // ВДИ. № 2.

А.И. Хаванский
Институт археологии РАН, Москва

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ СИНТАШТИНСКОГО И РАННЕАЛАКУЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ)¹

Существующие в современной археологической литературе взгляды исследователей на хронологическое соотношение раннеалакульских и синташтинских культурных комплексов представлены в основном двумя точками зрения.

1) Раннеалакульские (в терминологии некоторых авторов — петровские) памятники хронологически следуют за синташтинскими (Ткачев, 2003; 2007; Виноградов, 2003).

2) Раннеалакульские памятники синхронны синташтинским (Васильев и др., 1994; Матвеев, 1998; Горбунов, 1992; Зданович, Зданович, 1995; Дегтярева, Кузьминых, 2003).

Целью статьи является попытка выяснения относительной хронологии синташтинских и раннеалакульских могильников на основе методики построения периодизации культур по данным об орнаменте на керамике (Цетлин, 2008). Данная методика базируется на системном анализе орнамента на глиняных сосудах и степени сходства между сосудами из разных керамических комплексов, в данном случае из разных погребений и могильников обеих групп населения. Мы ограничимся только основой, базой орнаментации — элементами.

В статье представлены результаты относительной хронологии синташтинских и ран-

неалакульских керамических комплексов по данным анализа элементов орнамента. Затем будет проведено детальное сопоставление результатов, полученных по керамике, с результатами радиоуглеродного датирования вышеназванных культурных образований, с их стратиграфическим положением и результатами анализа некоторых категорий артефактов другими исследователями.

Предварительные результаты построения относительной хронологии синташтинских могильников в настоящее время уже получены (Хаванский. В печати).

Всего для исследования использовано 1137 археологически целых сосудов, из них 849 синташтинских, 288 раннеалакульских. Они происходят из 370 погребений — 219 синташтинских и 151 раннеалакульского. Сравнительный анализ орнаментации и хронологии керамики обеих культурных групп ведется по двум регионам — Приуралье и Зауралье.

Синташтинские сосуды происходят из следующих памятников: Синташтинский грунтовый могильник (101 сосуд), Синташтинский, курган 1 (CI) (51 сосуд), курган 2 (CII) (19), курган 3 (CIII) (11); Большекараганский могильник (72); могильник Кривое Озеро (75); могильник Каменный Амбар V (111); могильник Солнце II (4). Все эти материалы

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (проект 08-01-00359а «Начальная фаза культурогенеза на западной периферии алакульской культуры (по материалам погребальных памятников)»).

опубликованы (Генинг и др., 1992; Боталов и др., 1996; Зданович и др., 2002; Виноградов, 2003; Епимахов, 1996; 2005). Перечисленные памятники локализуются в Зауралье.

Приуральские синташтинские памятники представлены могильниками Танаберген II (53 сосуда), Новокумакский (10), Жаман-Каргала I (15), Герасимовка II (5), Ишкиновка II (5) (Смирнов, Кузьмина, 1977; Порохова, 1992; Ткачев, 2007).

Изученные раннеалакульские сосуды происходят из могильников Танаберген II (37 сосудов); Имангазы-Карасу (18); Жаман-Каргала I и Жаман-Каргала II (14); Восточно-Курайли I (49); Учебный Полигон (10); Обилькин Луг II и Обилькин Луг III (30); Васильевка III (22); Ульке I (2); Целинный I (4); Байтусарай и Ибрагимовский (по 1 сосуду); Новоорский (4); Четыре Мара (6) (Андроновская культура, 1966; Денисов, 2001; Заседателева, Ткачев, 2000; Ткачев, 1998; 2005а; 2005б; Халяпин, 2002). Эти памятники расположены в степном Приуралье.

Зауральская раннеалакульская керамика представлена сосудами из могильников Кривое Озеро (46 сосудов) и Большекараганский (34) (Виноградов, 2003; Боталов и др., 1996).

Для получения более надежных результатов первоначально при построении относительной хронологии использовались только те погребения, которые содержали не менее двух сосудов. Исключение составляет раннеалакульская часть могильника Танаберген II, где рассматривались и погребения, содержавшие только один сосуд. Это объясняется тем, что в кургане 7 данного могильника зафиксирована четкая стратиграфия раннеалакульских и синташтинских погребений. В этом кургане часть раннеалакульских погребений частично перекрывает или пререзает синташтинские, впрочем, никогда не нарушая последних.

Результаты хронологизации погребений синташтинских и раннеалакульских могильников представлены на рис. 1. Как мы видим, синташтинские и раннеалакульские приуральские погребения (рис. 1) в целом синхронны. В могильнике Танаберген II раннеалакульские погребения начинают совершаться позже, чем синташтинские (в условных единицах — на 32% позже, чем

первое синташтинское погребение). В то же время, погребения в приуральском раннеалакульском могильнике Восточно-Курайли I начинают совершаться раньше (в условных единицах — на 4%), чем приуральские синташтинские, и продолжают совершаться практически до половины времени существования Синташты.

Далее, рассмотрим синташтинские и раннеалакульские хронологические оси зауральских могильников (рис.2). В Большекараганском могильнике раннеалакульские погребения начинают совершаться на 5% раньше, чем синташтинские, и перестают совершаться раньше, чем синташтинские. В могильнике Кривое Озеро раннеалакульские погребения начинают совершаться на 9% позже, чем синташтинские, и заканчивают совершаться раньше. Для сравнения рядом приведена хронологическая ось Синташтинского грунтового могильника, длина которой принята за 100% для всех остальных хронологических осей.

Полученные данные склоняют к выводу, что в целом синташтинские и раннеалакульские могильники синхронны, но шесть раннеалакульских погребений относятся к более раннему времени, когда синташтинских памятников на Южном Урале не было. Например, Жаман-Каргала I, к. 23, п. 3; Восточно-Курайли I, к. 5, п. 3; Учебный Полигон, п. 15. Следует сказать, что все эти погребения расположены в степном Приуралье.

На рис. 3 показано, как соотносятся во времени периодизация синташтинских и периодизация раннеалакульских погребений, построенные для всех изучаемых могильников обеих культурных групп.

Ранее в развитии синташтинской орнаментации сосудов были выделены четыре периода (Хаванский. В печати). В соответствии с этим и раннеалакульская хронологическая ось была мной разделена на периоды, синхронные синташтинским. В первую очередь это было сделано для удобства корректного сопоставления орнамента данных культур. Дополнительно в развитии раннеалакульской керамики выделяется досинташтинский Период I, когда ранние алакульцы уже совершали свои погребения на Южном Урале, а синташтинцев, видимо, еще не было. Выделение

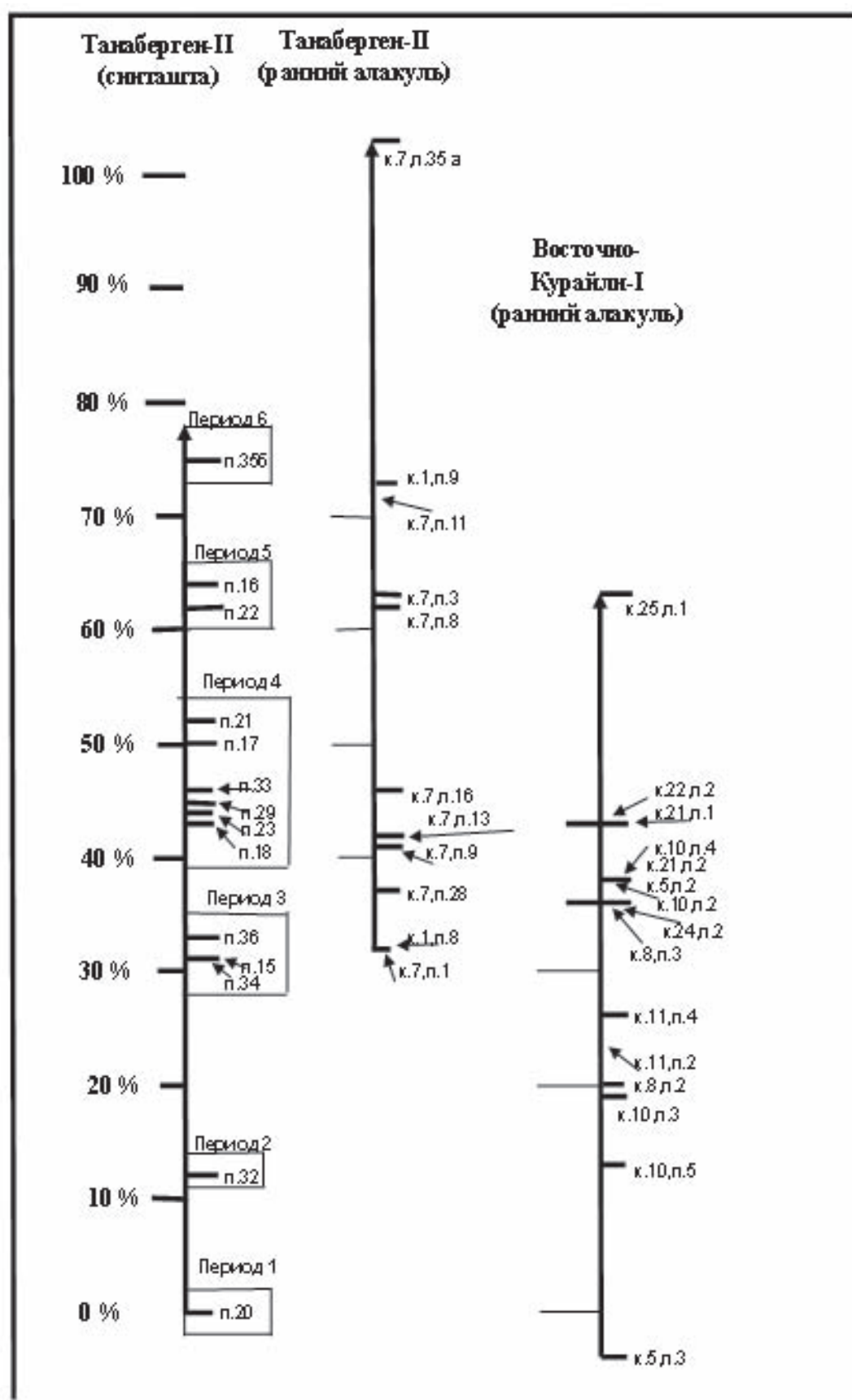

Рис. 1. Хронологические оси синташтинских и раннеалакульских могильников Приуралья

раннеалакульского Периода V пока находится под вопросом, т. к. сейчас к нему относятся только два погребения. Поэтому в дальнейших сопоставлениях этот период пока мы использовать не будем.

Интересно, что среди раннеалакульских погребений нет ни одного зауральского старше периода Ранний Алакуль III. Все погребения, относящиеся к периодам Ранний Алакуль I и II, — приуральские. Вероятно, это свидетельствует о том, что раннеалакульское население проникало в Зауралье с юго-запада — через Приуральские степи.

Таким образом, мы видим, что первоначально на Южном Урале (собственно в Приуралье) обитали только раннеалакульские группы населения, затем здесь появляются синташтинцы. На следующем этапе ранние алакульцы появляются и в Зауралье, и на протяжении двух периодов синташтинцы и ранние алакульцы соседствуют в обоих регионах. На последнем этапе синташтинцы обитают только в Зауралье, а о существовании в это время ранних алакульцев нам не позволяет определенно судить скудость материалов.

Теперь сравним, как соотносится по периодам орнаментация синташтинской и раннеалакульской керамики. Напомним, что под элементами нами понимаются «отпечатки или динамические следы на поверхности сосуда, создававшиеся мастером за один трудовой акт» (Цетлин, 2008. С. 19). На керамике синташтинских и раннеалакульских могильников было выделено 7 различных элементов орнамента: гребенчатый (№ 3), гладкий (№ 4), накольчатый (№ 5), веревочный (№ 9), элемент «шишечки» (№ 11) и элемент «валики» (№ 12), а также элемент «без орнамента», или «нулевой» (№ 0).

Посмотрим, как менялось соотношение элементов по периодам для обеих культурных групп Приуралья и Зауралья. На графиках распределения элементов орнамента синташтинской керамики Приуралья (рис. 4) по периодам четко проявились основные тенденции изменения во времени орнаментальных традиций: доля элемента «без орнамента» возрастает с 25 до 45%, увеличивается роль гребенчатого элемента с 0 до 33%, роль гладкого элемента уменьшается с 31 до 9%;

уменьшается и доля накольчатого элемента с 25 до 4%, а также шишечек с 13 до 0%, доля валиков несколько возрастает — с 6 до 10%.

На синташтинской керамике Зауралья (рис. 4) доля элемента «без орнамента» возрастает с 7 до 42%, увеличивается роль гребенчатого элемента с 14 до 22%, роль гладкого элемента уменьшается с 24 до 17%; уменьшается и доля накольчатого элемента с 24 до 2%. Доля шишечек сначала увеличивается с 0 до 3%, а затем падает до 0%. Доля валиков не меняется — колеблется около 15%.

На раннеалакульской керамике Приуралья соотношение элементов орнамента меняется следующим образом (рис. 5): доля элемента «без орнамента» возрастает с 31 до 57%, увеличивается роль гладкого элемента с 7 до 29%, доля гребенчатого элемента уменьшается с 40 до 8%. Доля накольчатого элемента не меняется в четкой последовательности. Уменьшается доля валиков с 19 до 1%.

Очень интересно меняется доля элемента «шишечки». Как известно, данный элемент распространен на синташтинской керамике, а для раннеалакульской не характерен. В период Ранний Алакуль I (досинташтинский) шишечки не зафиксированы вовсе, однако в период Ранний Алакуль II, синхронный периоду Синташта I, они появляются, составляя 2%. В дальнейшем этот элемент только убывает — до 0,5% в период Ранний Алакуль IV.

Это позволяет предполагать, что традиция орнаментации глиняной посуды налепными шишечками была заимствована ранними алакульцами у синташтинцев.

На раннеалакульской керамике Зауралья соотношение элементов орнамента меняется следующим образом (рис. 5): доля элемента «без орнамента» возрастает с 39 до 49%, увеличивается роль гладкого элемента с 17 до 32%, доля гребенчатого элемента уменьшается с 40 до 13%. Доля накольчатого элемента возрастает с 0 до 1%. Доля валиков существенно не меняется (около 4%).

Стоит отметить разницу в распределении долей элементов орнамента в период Ранний Алакуль III в Приуралье и в Зауралье. В Зауралье распределение схоже с тем, которое демонстрирует в Приуралье период Ранний Алакуль I. Вкупе с тем фактом, что в Зауралье раннеалакульские погребения по-

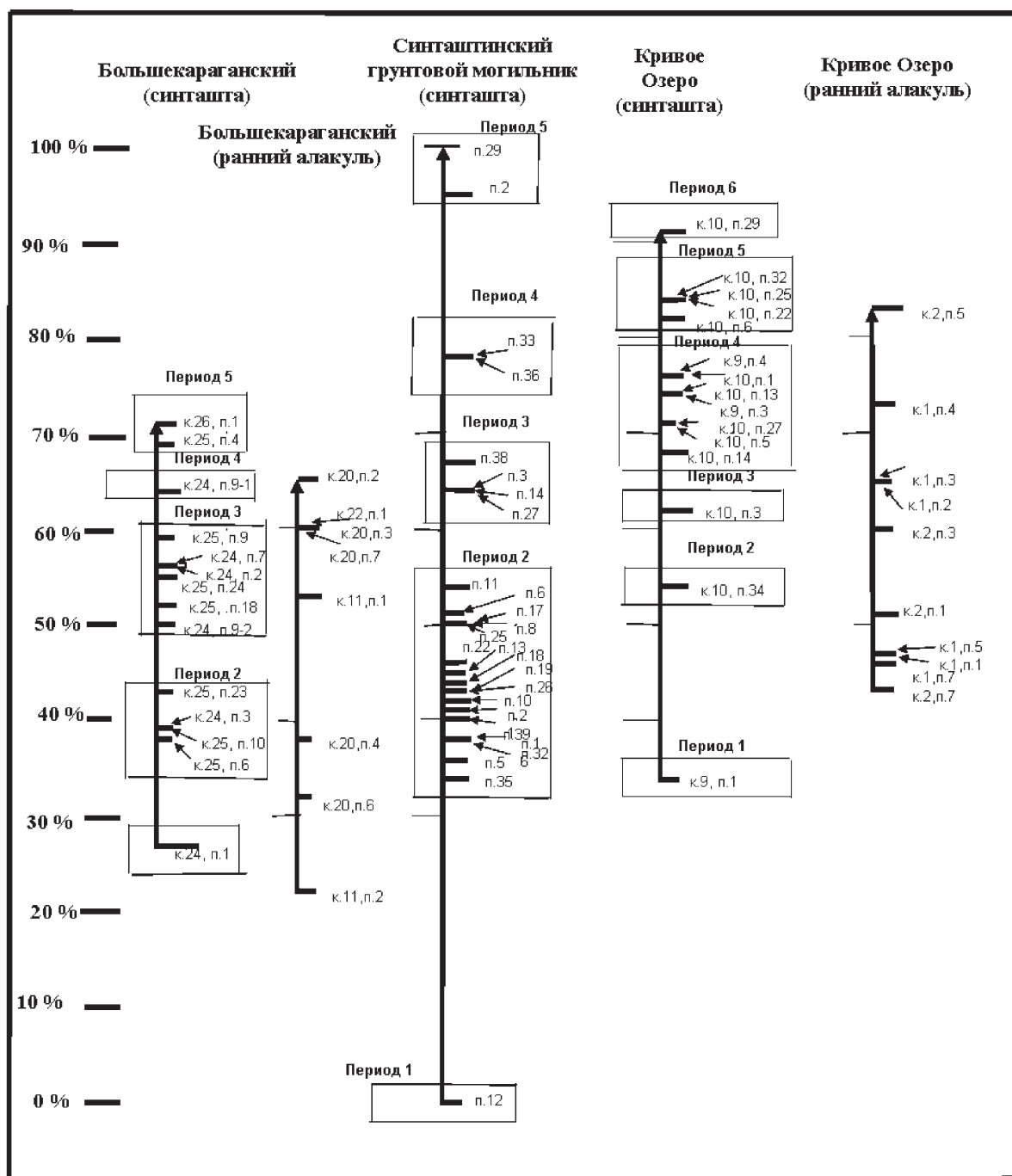

Рис. 2. Хронологические оси синташтинских и раннеалакульских могильников Зауралья

являются только в период Ранний Алакуль III, вполне вероятным выглядит предположение о миграции ранних алакульских племен из Приуралья в Зауралье на рубеже периодов Ранний Алакуль I и II.

Таким образом, видно, что хотя есть некоторые общие черты в развитии раннеалакульского и синташтинского орнаментов на уровне их элементов (увеличение доли элемента «без орнамента»), но главные, маги-

стральные направления противоположны. На раннеалакульской керамике увеличивается доля гладкого элемента (который затем будет преобладать на керамике типа Алакульского могильника), а на синташтинской — гребенчатого.

Чтобы проанализировать направления культурных связей между Синташтой и ранним Алакулем на уровне элементов, вычислим коэффициенты сходства между синташ-

Приуралье		Зауралье	
Ранний Алакуль Период V (?)		Ранний Алакуль Период V (?)	Синташта Период IV
Ранний Алакуль Период IV	Синташта Период III	Ранний Алакуль Период IV	Синташта Период III
Ранний Алакуль Период III	Синташта Период II	Ранний Алакуль Период III	Синташта Период II
Ранний Алакуль Период II	Синташта Период I		Синташта Период I
Ранний Алакуль Период I			

Рис. 3. Общая периодизация Синташты и раннего Алакуля Приуралья и Зауралья

тинскими и раннеалакульскими периодами для Приуралья и Зауралья (рис. 6; 7; 8).

Рассмотрим сначала Приуралье (рис. 6; 7). Период Синташта I Приуралья не имеет достаточно сильных связей ни с одним раннеалакульским периодом, в том числе с синхронным периодом Ранний Алакуль II (48%). Однако с последующими периодами Раннего Алакуля сила связи возрастает, хотя и не очень сильно (с периодом Ранний Алакуль IV — 60%). Это говорит о том, что в этот период синташтинцы вступили в контакт с ранними алакульцами, и передача керамических традиций шла от синташтинцев к ранним алакульцам. Видимо, этим объясняется появление именно в период Ранний Алакуль II налепных шишечек на раннеалакульской керамике.

Период Синташта II имеет достаточно высокие связи с предыдущими раннеалакульскими периодами, и особенно (80%) с синхронным периодом Ранний Алакуль III. С последующим периодом — Ранний Алакуль Приуралья IV — связь намного слабее (65%). Это говорит о том, что начиная с периода Синташта II направление культурных воздействий меняется — ранние алакульцы воздействуют на синташтинцев.

Период Синташта III имеет сильные и очень сильные (до 91%) связи с тремя предыдущими раннеалакульскими периодами, а с синхронным периодом Ранний Алакуль IV связь не так сильна (67%). Это также говорит

о продолжающемся воздействии раннеалакульских орнаментальных традиций на синташтинские, начавшемся с периода Синташта II. Довольно слабая связь с синхронным периодом Ранний Алакуль IV говорит о том, что к этому времени контактов между синташтинцами и ранними алакульцами уже не было и развивались только традиции, воспринятые синташтинцами от ранних алакульцев в предшествующие периоды.

В период Синташта IV в Приуралье синташтинские захоронения не совершаются.

Теперь рассмотрим Зауралье. В этом регионе нет раннеалакульских погребений периода Ранний Алакуль I и II. Поэтому сравнивать Синташту мы будем только с последующими периодами. Период Синташта I Зауралья с последующими периодами Раннего Алакуля имеет достаточно слабые связи, но, как и в Приуралье, сначала синташтинцы воздействовали на ранних алакульцев.

Период Синташта II имеет высокие связи с последующим раннеалакульским периодом Ранний Алакуль IV (81%). Это говорит о том, что направление культурных воздействий остается таким же.

Однако период Синташта III имеет сильную (83%) связь с предыдущим раннеалакульским периодом, а с синхронным периодом Ранний Алакуль IV связь слабее (72%). Это говорит о том, что и в Зауралье воздействие раннеалакульских орнаментальных традиций на синташтинские начинаются раньше, с периода Синташта II.

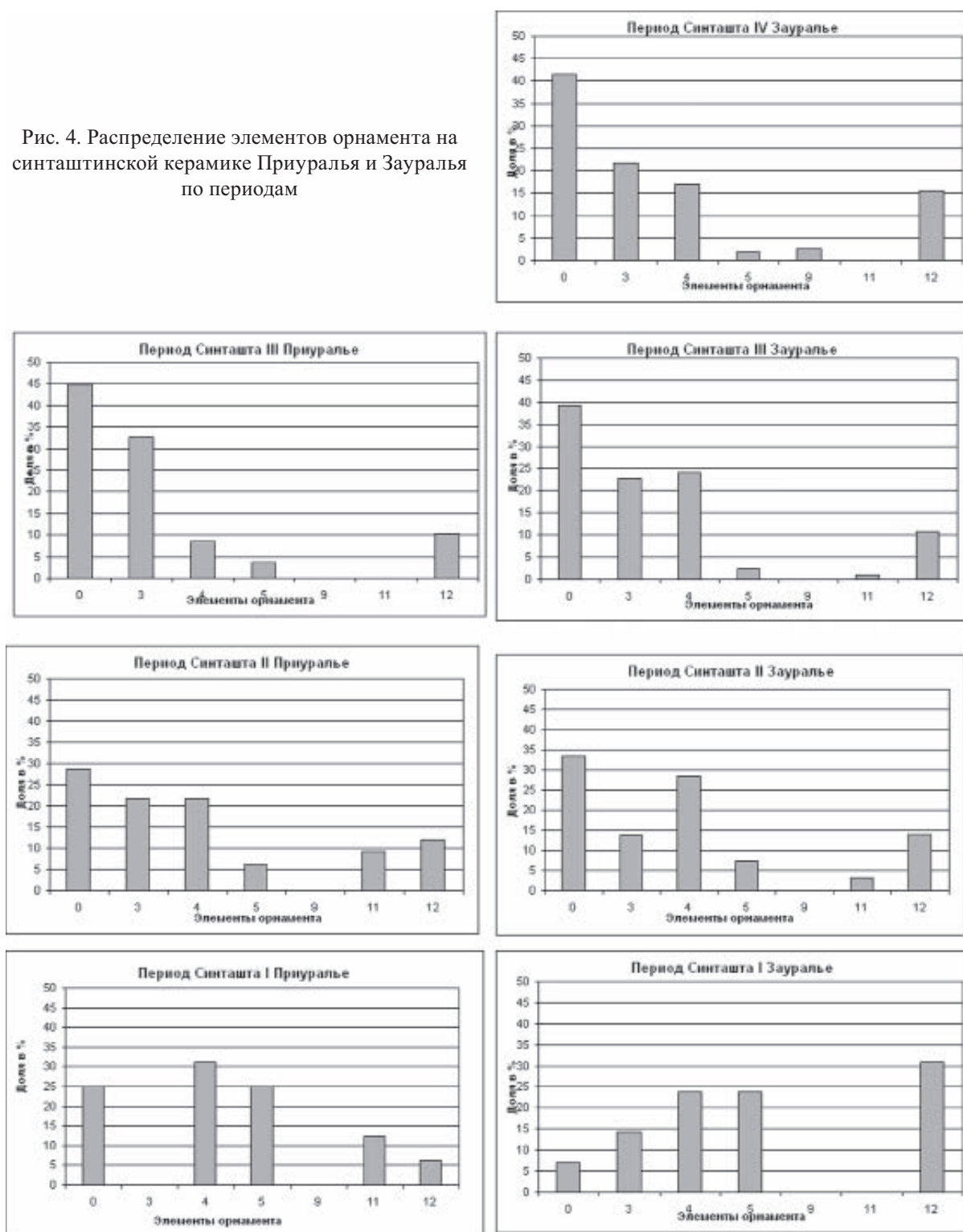
Период Синташта IV имеет высокие коэффициенты сходства с предшествующими раннеалакульскими периодами. Это также показывает направление культурных воздействий в области орнаментации керамики — от ранних алакульцев к синташтинцам.

Таким образом, самые высокие коэффициенты сходства обнаружены между орнаментальными традициями керамики, относящейся к ранним этапам Раннего Алакуля и поздним этапам Синташты, притом, что в целом эти культурные образования синхронны.

Такой кажущийся парадокс вполне объясним, т. к. смешение традиций в результате контактов разнотрадиционного населения, ведущее к формированию у обеих групп населения близких традиций, проявляется не

Рис. 4. Распределение элементов орнамента на синташтинской керамике Приуралья и Зауралья по периодам

сразу, а только спустя некоторое время. Выявленное близкое сходство орнаментальных традиций показывает направление культурных воздействий, шедшее от раннего алакуля к синташте. При этом контакты носителей разных орнаментальных традиций не были

постоянными, они фиксируются только на небольшом временном отрезке — в период Синташта II, синхронный периоду Ранний Алакуль III.

Теперь попытаемся выяснить, насколько вывод о синхронности бытования синташ-

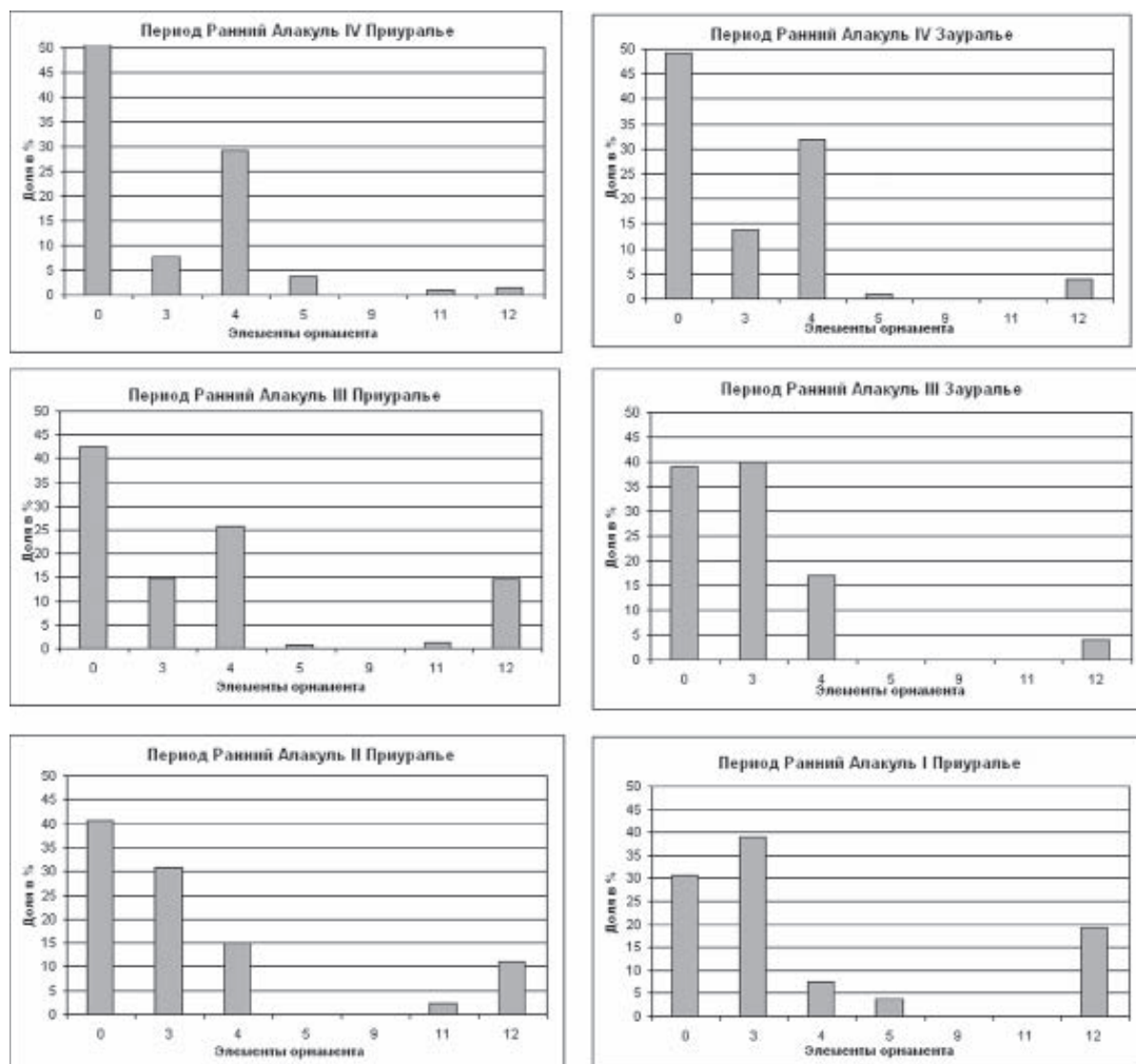

Рис. 5. Распределение элементов орнамента на раннеалакульской керамике Приуралья и Завуралья по периодам

тинского и раннеалакульского населения подтверждается данными стратиграфии и радиоуглеродного датирования памятников.

Стратиграфические данные немногочисленных курганов, в которых совершались и синташтинские и раннеалакульские захоронения, на первый взгляд, однозначно говорят о том, что последние всегда перекрывают первые; это можно видеть на примере кургана 7 могильника Танаберген II (Ткачев, 2007), кургана 10 могильника Кривое Озеро (Виноградов, 2003). Однако на самом деле не все так просто. Обратимся к более детальному сравнению имеющихся данных.

На рис. 9 представлен план кургана 7 могильника Танаберген II (по В.В. Ткачеву). По данным стратиграфии, раннеалакульское п. 1 перекрывает синташтинское п. 22; раннеалакульское п. 11 перекрывает синташтинское п. 30; раннеалакульское п. 8 перекрывает синташтинское п. 33; раннеалакульское п. 9 перекрывает синташтинское п. 15; раннеалакульское п. 35а перекрывает синташтинское п. 35б (Ткачев, 2003. С. 18–46).

Сравним приведенные стратиграфические данные с относительным положением тех же погребений на условной хронологической шкале, выраженным в процентах: 1) раннеалакульское п. 8 — 62%, а синташ-

Периоды/КС	Ранний Алакуль I Приуралье	Ранний Алакуль II Приуралье	Ранний Алакуль III Приуралье	Ранний Алакуль IV Приуралье	Ранний Алакуль III Зауралье	Ранний Алакуль IV Зауралье
Синташта I Приуралье	42	48	59	60	46	61
Синташта II Приуралье	74	79	80	65	72	70
Синташта III Приуралье	85	91	78	67	85	73
Синташта I Зауралье	51	47	61	44	42	50
Синташта II Зауралье	70	76	90	76	69	81
Синташта III Зауралье	74	89	91	75	83	72
Синташта IV Зауралье	78	89	89	69	82	77

Рис. 6. Коэффициенты сходства между синташтинскими и раннеалакульскими периодами Приуралья и Зауралья

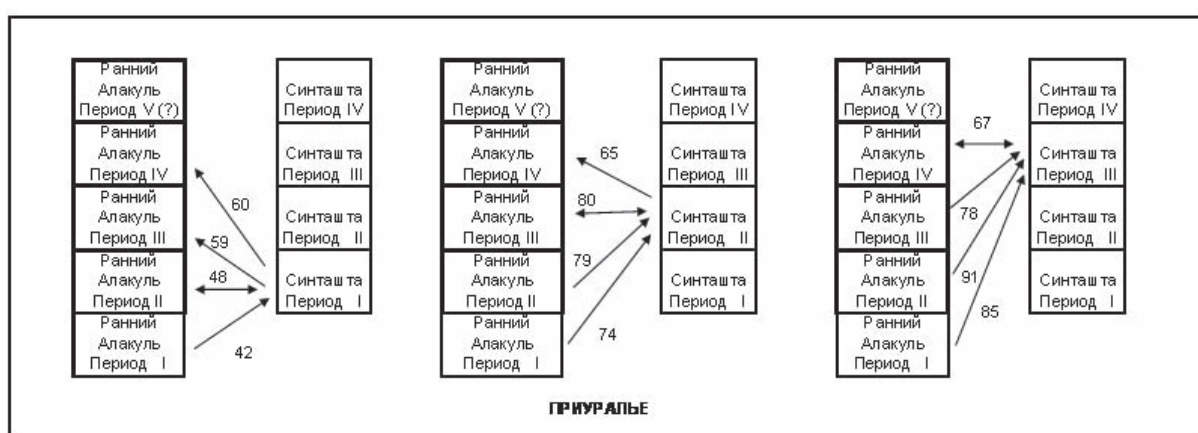

Рис. 7. Схема связей между синташтинскими и раннеалакульскими периодами Приуралья

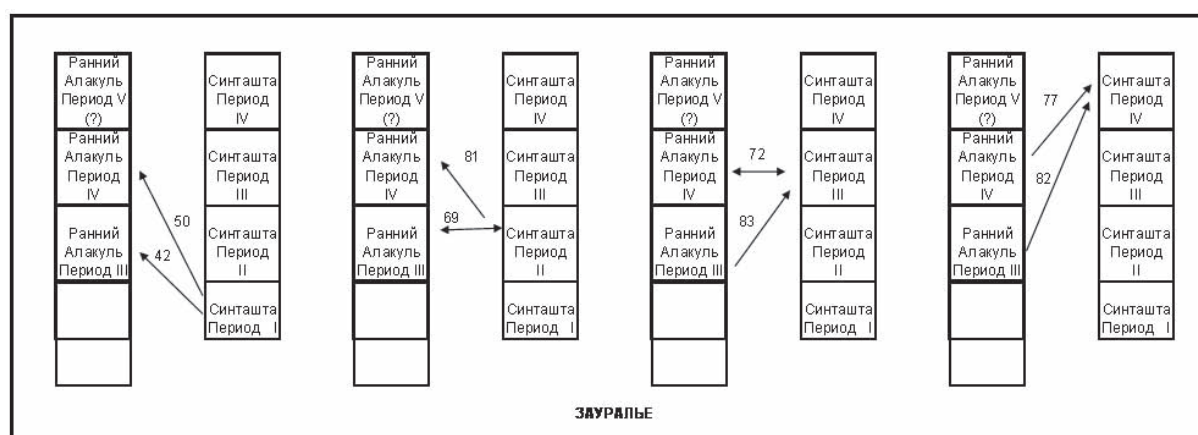

Рис. 8. Схема связей между синташтинскими и раннеалакульскими периодами Зауралья

тинское п. 33 — 46%; 2) раннеалакульское п. 9 — 41%, а синташтинское п. 15 — 31%; 3) раннеалакульское п. 35а — 103%, а синташтинское п. 35б — 75%; 4) раннеалакульское п. 1 — 59%, а синташтинское п. 22 — 62%; 5) раннеалакульское п. 11 — 72%, а синташтинское п. 30 — 73%.

Таким образом, из пяти стратиграфических ситуаций три полностью совпадают с той последовательностью, которая получена по данным анализа элементов орнамента на керамике. В двух случаях анализ элементов орнамента показал обратную ситуацию, однако хронологическая разница между этими

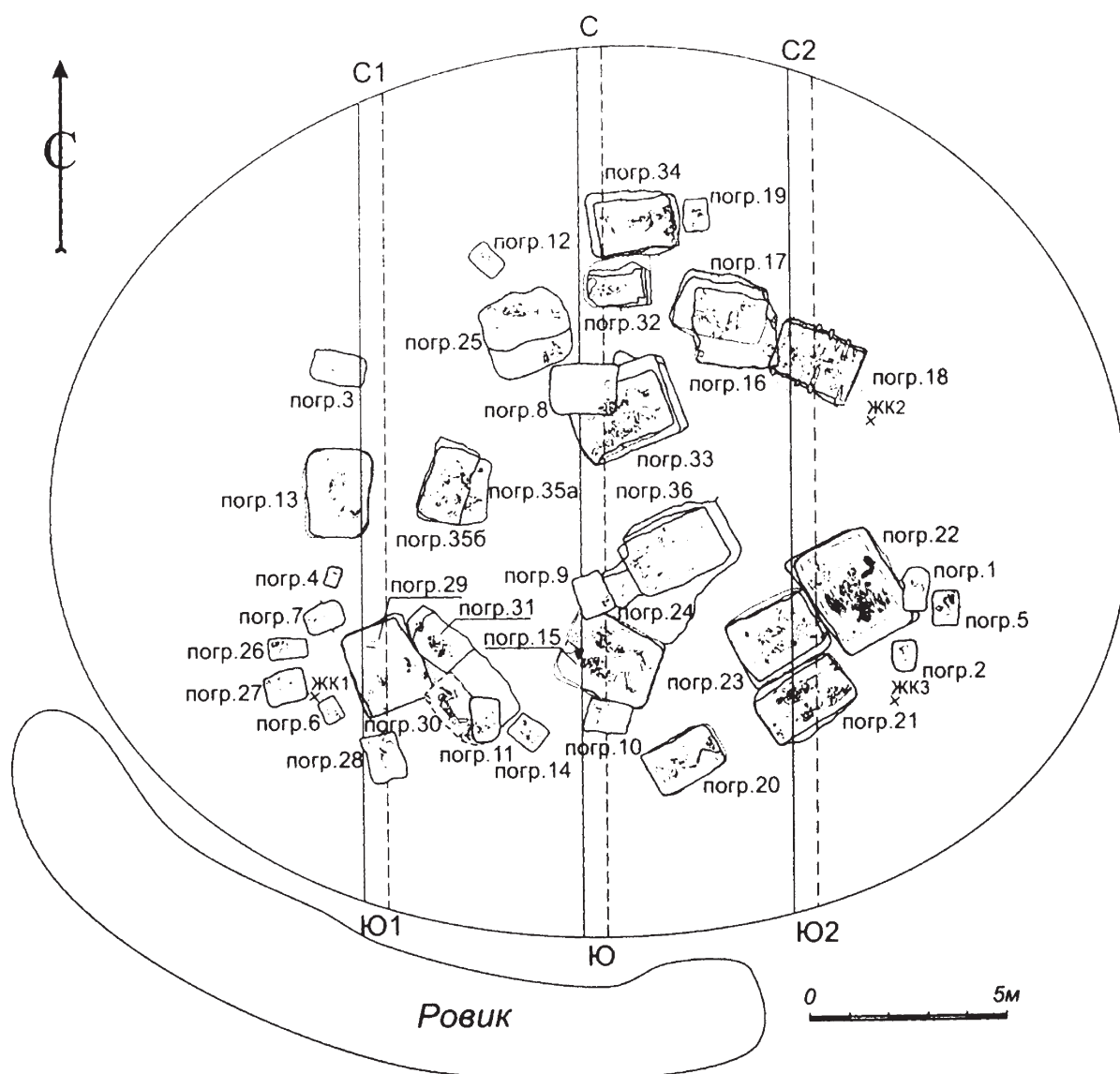

Рис. 9. План кургана 7 могильника Танаберген II (по В.В. Ткачеву)

погребениями составляет в одном случае 3%, а в другом — 1%. Такое незначительное расхождение вполне может находиться в пределах точности использованной методики построения периодизации. В любом случае эти две пары сравниваемых погребений допустимо рассматривать как практически синхронные.

В кургане 10 могильника Кривое Озеро в ходе раскопок такой детальной стратиграфии погребений зафиксировать не удалось, однако достоверно установлено, что раннеалакульские погребения и сосуды расположены в насыпи, которая перекрывает синташтинские погребения, вырытые в материке.

Перейдем к рассмотрению имеющихся данных о радиоуглеродных датировках. А.В. Епимаховым были датированы культуры бронзового века Южного Урала, в том числе синташтинской и петровской (раннеалакульской). Радиоуглеродным методом было получено 6 дат образцов кости из раннеалакульских слоев поселения Устье и могильника Кулевчи VI. При вероятности 68% они дают интервал 1880–1750 гг. до н. э.

Синташтинских образцов кости и дерева (единично) — восемнадцать. При вероятности 68% они дают интервал 1940–1880 гг. до н. э.

В результате был сделан вывод: «Имеющиеся материалы подтверждают для Заура-

ля хронологический приоритет синташтинских памятников относительно петровских при отсутствии временного разрыва между этими родственными группами населения» (Епимахов и др., 2005. С. 99).

Однако нет дат для соседних синташтинских и раннеалакульских памятников, в том числе с зафиксированной стратиграфией. Только для поселения Устье известно синташтинское поселение, на месте которого ранние алакульцы позднее основали свой поселок. К сожалению, материал поселения Устье не опубликован. В других случаях — могильники Кривое Озеро и Большекараганский, где есть и синташтинские, и раннеалакульские курганы, — имеются радиоуглеродные даты только для какой-либо одной из этих культурных групп. Обобщая эти данные, можно высказать предположение, что в этих местах раннеалакульское население обитало действительно позднее, чем синташтинское, но это не значит, что в других районах Уральско-го региона они не могли бытовать синхронно.

Что же касается могильника Кулевчи VI, то он относится к переходному от раннего к классическому Алакулью времени. Именно так атрибутирует этот памятник сам автор раскопок (Виноградов, 1984). Могильник Кулевчи VI действительно поздний, но это не значит, что не могло быть и более ранних памятников, синхронных Синташте. Кстати, судя по датам, некоторые синташтинские и раннеалакульские погребения синхронны. Например, раннеалакульские погребения 24 (1890–1770 гг. до н. э.) и 31 (1940–1780 гг. до н. э.) могильника Кулевчи VI синхронны погребениям 15 кургана 4 (1890–1750) и 8 кургана 2 (1950–1820) синташтинского могильника Каменный Амбар V (Епимахов и др. С. 98, 99). Следует отметить, что небольшое пока количество дат, полученных на раннеалакульских памятниках, позволяет делать только самые предварительные выводы о времени бытования оставившего их населения.

Однако существуют радиоуглеродные датировки для раннеалакульских комплексов другого региона — Западной Сибири. Речь идет о Хрипуновском могильнике (Матвеев, Волков, Костомарова, 2007). Здесь количество дат значительно больше — 24. В некалиброванном варианте они дают диапазон

от 3935 до 3225 л. н., или от 1985 до 1275 г. до н. э. Калибровка, естественно, еще более удревает время функционирования данного могильника — от 2300-х до 1500-х гг. до н. э. В первую очередь обращает на себя внимание большой диапазон разброса дат, но все-таки они позволяют говорить о синхронности Синташты и раннего Алакуля.

Какие же выводы можно сделать в результате сопоставления данных анализа элементов орнамента на сосудах, стратиграфии погребений и радиоуглеродного датирования памятников?

Вероятно, все же есть достаточные основания для того, чтобы говорить о синхронности этих культурных образований. Конечно, окончательный вывод можно будет сделать только после детального сравнительного анализа погребального обряда и всего инвентаря каждой из культур. Однако некоторые данные, полученные другими исследователями, уже сейчас говорят в пользу этой гипотезы.

Так, аналитическое исследование металла из синташтинских и раннеалакульских погребений могильника Кривое Озеро, проведенное А.Д. Дегтяревой и С.В. Кузьминых, привело их к заключению о «синхронности обоих культурных комплексов» (Дегтярева, Кузьминых, 2003. С. 293). Дело в том, что большинство металлических предметов из раннеалакульских погребений (наконечник копья, тесло, ножи), по мнению авторов исследования, были импортированы из синташтинской среды (Там же. С. 288, 293).

А.Д. Дегтяревой было проведено также специальное исследование синташтинского металла (более 250 изделий) (Дегтярева, 2006). Исследовательница обнаружила интересный факт: большинство орудий из погребений изготовлено из мышьяковой бронзы (60%), второе место занимает «чистая» медь (34%); из них изготавливали тесла, ножи, шилья, долота. В то же время часть женских украшений, которые по форме практически идентичны петровским (раннеалакульским), изготовлена из совершенно иной бронзы — оловянной, которая характерна для раннеалакульской и развитой алакульской металлургии. Автор интерпретирует этот факт как свидетельство семейно-брачных отношений синташтинцев с петровцами.

Между синташтинской и раннеалакульской культурами наблюдается резкое различие в технологии и уровне развития металлообработки, отсутствуют свидетельства их технологической преемственности, что также может свидетельствовать об их параллельном развитии.

Кроме того, если внимательно изучить планиграфию кургана 7 могильника Танаберген II, то обнаруживаются интересные закономерности. Раннеалакульские погребения никогда не разрушают синташтинские, а всегда или аккуратно вписаны в синташтинские

(п. 35а и 35б), или окружают синташтинское погребение. Именно так вокруг синташтинского п. 29 располагаются раннеалакульские п. 7, 26, 27, 6, 28 и 11 (рис. 9). Такая ситуация была бы невозможной, если бы ко времени совершения раннеалакульских захоронений синташтинские погребения не имели каких-то внешних «маркеров».

Таким образом, гипотеза о сосуществовании синташтинских и раннеалакульских племен подкреплена целым рядом фактов и, скорее всего, характеризует действительную картину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андроновская культура // САИ. М., 1966. Вып. ВЗ-2.

Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б., 1996. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.

Виноградов Н.Б., 1984. Кулевчи VI — новый алакульский могильник в лесостепи Южного Зауралья // СА. № 3.

Виноградов Н.Б., 2003. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992. Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск. Т. 1.

Горбунов В.С., 1992. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа.

Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., 2003. Результаты аналитического исследования металла могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск.

Денисов И.В., 2001. Могильник эпохи бронзы Обилькина Луга близ Соль-Илецка // АПО. Оренбург. Вып. 5.

Епимахов А.В., 1996. Курганный могильник Солнце II — некрополь укрепленного по-

селения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск.

Епимахов А.В., 2005. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Челябинск. Кн. 1.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К., 2005. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. № 4

Заседателева С.Н., Ткачев В.В., 2000. Новые материалы бронзового века из Восточного Оренбуржья // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск.

Зданович Г.Б., 1997. Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. № 2.

Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. Протогородская цивилизация «Страна городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Мат. конф. Челябинск. Ч. V. Кн. 1.

Зданович Д.Г. и др., 2002. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1 / Сост. Д.Г. Зданович. Челябинск.

Матвеев А.В., 1998. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск.

Порохова О.И., 1992. II Герасимовский курганный могильник в Оренбургской области // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.

Телегин Д.Я., 1977. Опыт статистического определения индекса родственности неолитических комплексов по элементам орнамента // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.

Ткачев В.В., 1998. К проблеме происхождения петровской культуры // АПО. Оренбург. Вып. II.

Ткачев В.В., 2003. Начало алакульской эпохи в Урало-Казахстанском регионе // Степная цивилизация Восточной Евразии. Астана. Т. 1: Древние эпохи.

Ткачев В.В., 2005а. Элитные погребения из могильника Жаман-Каргала I и проблема культурогенеза начала позднего бронзового века в урало-казахстанских степях // Вестник ЧГПУ. Сер. 1: Ист. науки. Челябинск. Вып. 3.

Ткачев В.В., 2005б. Могильник Восточно-Курайли I на Илеке и проблема формирования западноалакульской культурной группы // Вопросы археологии Западного Казахстана. Актобе. Вып. 2.

Ткачев В.В., 2007. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе.

Ткачев В.В., Хаванский А.И., 2006. Керамика синташтинской культуры. Орс; Самара.

Хаванский А.И. В печати. Относительная хронология орнаментации керамики синташтинских могильников.

Халяпин М.В., 2002. Раннеалакульский курган у с. Васильевка на юге Оренбургской области // АПО. Оренбург. Вып. 5.

Цетлин Ю.Б., 2004. Локальные особенности периодизации культуры с ямочно-гребенчатой керамикой в Верхнем Поволжье (проблемы методики) // РА. № 4.

Цетлин Ю.Б., 2007. Неолит центра Русской равнины: Орнаментация керамики и методика периодизации культур / Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.

Цетлин Ю.Б., 2008. Неолит центра Русской равнины: Орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула.

О.В. Дьякова

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

ДРЕВНИЕ УКРЕПЛЕНИЯ В БАССЕЙНЕ р. АМУР

Амур и его притоки издревле служили водными путями, связывавшими западные и восточные склоны Сихотэ-Алиня, т. е. континентальную и приморскую территории дальневосточного региона. Вдоль такой магистрали обнаружено значительное количество памятников разных эпох, начиная от эпохи палеолита и заканчивая поздним средневековьем. Однако среди обильной информации об археологических объектах бассейна Амура чрезвычайно мало содержится сведений об укрепленных поселениях. Изыскания А.П. Окладникова 1950–1960-х гг. дали представление о серии средневековых укреплений Верхнего Амура (Окладников, 1953; 1960). Благодаря работам Г.С. Новикова-Даурского нам известно о нескольких средневековых городищах Среднего Амура, преимущественно бассейна Зеи (левого притока Амура), впоследствии обследованных Б.С. Сапуновым, С.П. Нестеровым, Д.П. Болотиным, Н.Н. Зайцевым. О городищах, расположенных в континентальной части юга Дальнего Востока по правым притокам Амура — Уссури, Бикину, Иману и др., — связанных с западными склонами Сихотэ-Алиня, нам стало известно лишь в последние десятилетия прошлого столетия по разведкам В.Е. Медведева, В.А. Краминцева, О.В. Дьяковой. Если о средневековых городищах, хотя и скудая информация, но все-таки вводилась в научный оборот

(В.А. Краминцев, О.В. Дьякова), то о древних укреплениях бассейна Амура нам практически ничего не известно. Открытие автором данной статьи 14 укреплений эпохи палеометалла в северо-восточном Приморье позволяет предполагать, что аналогичные объекты должны были быть и в бассейне Амура (Дьякова, 2009. С. 210). Благодаря разведочным работам в этих районах и анализу полевых отчетов археологов, хотя бы спорадически исследовавших столь сложную территорию, удалось выявить несколько укреплений, относящихся ко времени, предшествующему средневековой эпохе, и принадлежащих домохэмскому населению. О них и пойдет речь далее.

Для классификации выявленных древних укреплений бассейна Амура использован геоморфологический принцип. Городища представлены двумя типами — мысовым и долинным.

Городище Кондратьевское. Расположено в 0,5 км к северо-востоку от с. Кондратьевка района им. С. Лазо в бассейне р. Хор (на левобережье). Обследовано в 1984 г. В.Е. Медведевым. Валы отсыпаны с западной и восточной сторон и окружают территорию овально-вытянутой (близкой к пятиугольной) формы, с 2-метровым разрывом для ворот. Высота вала достигает 2 м, ширина основания — 9,4 м. Городище отнесено к позднему этапу

польцевской культуры и датировано второй четвертью I тыс. н. э. (Медведев, 1984. С. 31).

По типу городище долинное, по виду пятиугольное, относится к железному веку — к позднему этапу польцевской культуры.

Городище Васильевка 3. Расположено на правом берегу р. Бикин на невысоком речном мысу в 4,5 км к юго-востоку от с. Васильевка. Находится в северо-западной части поселения Васильевка 3. В плане городище подпрямоугольной формы и ориентировано по странам света. Углы укрепления скруглены. Площадь городища 0,025 га. Длина вала 70 м. Ширина основания вала 2,5–6 м, ширина по гребню 1–1,5 м, высота вала 0,6–0,8 м. В северном и южном валах — ворота в виде простого 2-метрового разъема. С юга, востока и северо-востока городище дополнительно защищено 60-метровым валом, имеющим форму полукольца. Ширина его основания 2,5 м, ширина по гребню вала — 1–2 м, высота вала — 0,4 м. Между основным и дополнительными валами прослежен ров шириной 2,5–4 м и глубиной 1 м. С внешней стороны дополнительного вала зафиксирован второй ров, шириной 2 м. Вал сложен из суглинков. Городище не террасировано, с ровной поверхностью, без внутреннего города. Культурный слой связан с польцевским поселением эпохи раннего железа. Городище открыто и обследовано в 2000 г. В.А. Краминцевым (2002. С. 82–89).

По типу городище Васильевка 3 долинное, по форме подпрямоугольное, по планировке простое, не террасированное, без внутреннего города и редута, по фортификациям безбашенное, с простыми воротами, по назначению, вероятнее всего, сторожевой пункт. Построено носителями польцевской культуры в конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э.

Городище Верхний Перевал 6 (Кушнариха). Расположено в 2,5 км к юго-востоку от с. Верхний Перевал, на левом берегу р. Бикин, на скалистом 25–30-метровом останце при впадении в р. Бикин ее левого притока — р. Кушнарихи. Останец со всех сторон окружен болотом. В его северной части по верху склона отсыпан вал дугообразной формы. С внутренней стороны высота вала составляет 0,5 м, с внешней стороны она различная: с западной стороны — 3 м, с восточной 4 м. Ши-

рина вала по основанию не превышает 5 м, по гребню — достигает 1 м. Вал сооружен из почвы и рваного камня. Общая площадь огороженного участка достигает 1,7 га. В шурфе, заложенном в северной части городища, зафиксированы кремневые отщепы, скол и керамика раннего железного века (Крадин, 1998. С. 24). Обследовано Н.Н. Крадиным в 1998 г.

По типу городище Верхний Перевал 6 (Кушнариха) мысовое, по площади малое, по фортификациям простое, без редута, запретного города, без ворот и башен, по назначению — жилое, оборонительное, по времени существования — I тыс. до н. э., возведено в эпоху палеометалла.

Укрепление Кялунзига 1. Расположено на левом берегу р. Иман в 14,5 км к северо-западу от с. Дальний Кут. Занимает плоскую вершину отрога сопки, круто обрывающегося к реке. С восточной и южной сторон прослежены валы высотой 0,5–1,5 м, расположенные перпендикулярно друг к другу. Между валами есть разрыв, служивший воротами. На городище зафиксировано 25 западин размерами 3 × 5 м. Памятник однослойный. Отнесен к раннему железному веку. Обследован Н.А. Ключевым в 1991 г. (Ключев, 1991. С. 22).

Следовательно, по типу укрепление мысовое, по назначению жилое, охранно-сторожевое.

Укрепление Чернятино 3. Расположено в 3,5 км к юго-западу от с. Чернятино, на оконечности юго-восточного отрога горы Орлиха недалеко от правого берега р. Раздольной. С трех сторон мыс с поселением ограничивается отвесными скалами. С юго-западной соединяется узким перешейком с гребнем горы. Перешеек перегорожен неглубоким ровом и валом, отсыпанным камнем и почвой. Укрепление обследовано в 1997 г. Ю.Г. Никитиным и сопоставлено им с лидовской и синегайской культурами эпохи бронзы (Никитин, 1997. С. 9). По типу укрепление мысовое, по назначению жилое, охранно-сторожевое, возведено в эпоху палеометалла, вероятно носителями лидовской культуры.

Кедровское городище. Расположено на правом берегу р. Усури, на окраине с. Кедрово, на возвышенной террасе. В плане городище прямоугольное, высота вала не менее 1 м,

с внешней стороны прослежен ров шириной 6–7 м. В.Е. Медведев, впервые обследовавший памятник в 1984 г., предполагает, что городище служило населению убежищем во время военных действий. Памятник однослойный, отнесен к раннему железному веку, к польцевской культуре (Медведев, 1984. С. 41–47). По типу укрепление долинное, по форме прямоугольное, по назначению жилое, возведено носителями польцевской культуры.

Городище Уборка-Мысовое. Расположено в континентальной части Центрального Приморья, связано с бассейном р. Уссури, с правым ее притоком, р. Павловкой. Первые сведения о городище содержатся в работе Ф.Ф. Буссе, опубликованной в конце XIX в. В 2003 г. обследовано Амуро-Приморской экспедицией (Дьякова, 2003. С. 17–23). Находится в 2 км к югу от п. Уборка, на левом берегу р. Павловки, на невысоком мысу, круто обрывающемся в сторону реки. Вал городища дугообразно перегораживает наиболее пологую часть мыса. Высота вала не превышает 1 м, ширина основания вала достигает 2–3 м. Структура насыпи почвенно-каменная. Длина вала — 187 м. Вал без башен и каких-либо дополнительных укрепений. Планиграфия городища простая, не террасированная, без редута и внутреннего города. В культурном слое залегала лепная керамика раннего железного века с ложнотекстильными оттисками. По типу укрепление мысовое, по назначению жилое, охранно-сторожевое, предположительно возведено носителями польцевской культуры.

Таким образом, по притокам Амура обнаружено семь древних укрепений, возведенных в эпоху палеометалла — в конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. Самым древним типом городищ для юга российского Дальнего

Востока являются мысовые укрепления. По планиграфии и устройству они наиболее простые и представляют собой отгороженный валом в самом узком месте участок мыса, защищенный с двух-трех сторон скальными обрывами, водой или крутыми склонами. Подобные городища в эпоху палеометалла и раннего средневековья широко использовались различными этносами по всей Евразии, в том числе в Приморье и Приамурье. В бассейне Амура они появляются в эпоху палеометалла (в I тыс. до н. э.) и представлены городищами Кялунзига, Верхний Перевал 6 (Кушнариха), Чернятино 3, Уборка-Мысовое. По фортификационной характеристике данные укрепления простые, без редута, без ворот, без запретного города и башен, по планиграфии не террасированные, по назначению жилые, охранно-сторожевые. Обнаруженный материал позволяет отнести их к эпохе палеометалла, преимущественно к лидовской культуре.

С появлением носителей польцевской культуры в эпоху раннего железа распространяется долинный тип городищ подпрямоугольной и многоугольной форм — таковы укрепления Васильевка 3, Кондратьевское, Кедровское, на которых есть специально обустроенные ворота. Данный тип сохраняется до эпохи средневековья и во многом соответствует традиционным бохайским городищам квадратной (прямоугольной) формы (Канчуговское городище). Как видим, начиная с эпохи палеометалла, речная сеть использовалась в качестве дорожно-транспортного пути из бассейна Амура к морскому побережью и обратно. Этот путь контролировался и охранялся древними и средневековыми фортификационными сооружениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дьякова О.В., 2003. Отчет о работах Амуро-Приморской археологической экспедиции в 2003 г. на городище Сибайгоу и разведочных работах в Кавалеровском, Ольгинском, Чугуевском и Пожарском районах Приморского края // НА ИА РАН. Р-1. № 28417.

Дьякова О.В., 2009. Военное зодчество Центрального Сихотэ-Алиня в древности и средневековье. М.

Клюев Н.А., 1991. Отчет об археологических работах в Приморском крае в 1991 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 16983.

Краминцев В.А., 2002. Поселение и городище Васильевка 3 — новые памятники польцевского времени в Бикинском районе Хабаровского края // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск.

Крадин Н.Н., 1998. Отчет об археологических исследованиях в Красноармейском и Пожарском районах Приморского края и Бикинском районе Хабаровского края в 1998 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 21853.

Медведев В.Е., 1984. Отчет о работах Амуро-Уссурийского отряда в 1984 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 10237.

Никитин Ю.Г., 1997. О результатах археологических исследований в Октябрьском районе и на Николаевском городище Приморского края в 1997 году // НА ИА РАН. Р-1. № 21377.

Окладников А.П., 1953. Археологические исследования на Дальнем Востоке в 1953 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 830.

Окладников А.П., 1960. Отчет о работе ДВАЭ в 1960 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 2120.

И.С. Каменецкий
Институт археологии РАН

КАРАГОДЕУАШХ: ДОСТОВЕРНОСТЬ СТАРЫХ ОТЧЕТОВ

Вторичное исследование археологических памятников можно считать нормой, когда речь идет о поселениях. Со времен Г. Шлимана, на опыте его раскопок, выработалось правило — оставлять контрольный участок для последующих исследователей. И связано это не с тем, что первый исследователь мог совершить ошибку, хотя и это имеет место, но, главным образом, с тем, что со временем совершенствуется методика раскопок, появляются новые методы анализа, предъявляются новые требования. Пожалуй, нет археолога, который не жаловался бы на несовершенство давних раскопок, на неполноту описания и коллекций. Это совершенно объективный процесс — развитие нашей науки.

С курганами сложнее. Остатки небольших курганов впоследствии уничтожались распашкой. И только остатки насыпей крупных курганов сохраняются. Долгое время эти остатки не привлекали внимания археологов, т. к. центральное погребение и часть впускных уничтожались в процессе исследования, а остальное не представляло в то время интереса для исследователей. И только тогда, когда пробудился интерес к структуре насыпей, когда курган стали воспринимать как сложный архитектурный ансамбль, когда привыкли к обнаружению погребений и комплексов в полах курганов и даже в межкурганном пространстве, появился интерес к исследова-

нию остатков насыпей. Естественно, что речь идет в первую очередь о выдающихся курганах, об уникальных памятниках, к которым исследователи обращаются вновь и вновь, и огрехи в исследовании которых ощущаются поэтому особенно остро.

И в последние десятилетия были предприняты раскопки остатков ряда выдающихся курганов. Так, А. Лесков произвел исследование Второго Мордвиновского кургана (Лесков, 1974). В 1979–1980 гг. Ю.В. Болтрик в четвертый раз копает Огуз (Болтрик, 1980; 1981; Boltrik, Fialko, 1991; 1996). В 1979–1986 гг. доследуется Чертомлык (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991; Rolle, Murzin, Alekseev, 1998). С 1980 г. ведутся работы по исследованию Келермесского могильника (Галанина, 1997). Нет сомнения, что указанные работы полностью оправдали себя, дав нам чрезвычайно важные дополнительные данные о первоклассных памятниках.

Получаемые при повторном исследовании кургана сведения можно разделить на две группы. К первой следует отнести те упущения, которые были совершены при начальном исследовании, хотя уровень знания и методика того времени уже предполагали, что они не должны были иметь место. Это ошибки автора раскопок, которые должны быть поставлены ему в вину, должны быть учтены при оценке его деятельности. Вторую группу

составляют данные, которые во время раскопок не представляли интереса для научного сообщества. Во всяком случае, средний уровень не задумывался об их значении. Не придавалось, например, значения структуре насыпи. Я уже не говорю о пробах для радиоуглеродного, пылецевого и других анализов, которые тогда еще и не замыслились. Эти потери носят объективный характер и, конечно, не могут быть поставлены в вину раскопщикам. Ярким примером выявления ошибок указанных двух групп является сопоставление результатов раскопок в 1888 г. кургана Карагодеуашх Е.Д. Фелицыным с результатами вторичного исследования этого кургана О.А. Ульяновой в 1988 г.

Курган находился недалеко к северо-востоку от ст. Крымской Кубанской области. Сейчас это окраина г. Крымска Краснодарского края. В 1888 г. члену Кубанского статистического комитета, есаулу Е.Д. Фелицыну, сообщали, что казаки ст. Крымской обнаружили вход в гробницу в поле кургана. По приказу Е.Д. Фелицына у входа был выставлен караул, и после получения разрешения и денег от Императорской археологической комиссии были начаты раскопки, которые привели к обнаружению замечательного памятника. Е.Д. Фелицын не сдал в Комиссию отчета, но прислал дневник раскопок, далекий, по мнению А.Н. Лаппо-Данилевского (1894. С. 7), от совершенства. Описание кургана и гробницы содержалось в частном письме Е.Д. Фелицына Тизенгаузену (Фелицын, 1886). Пожалуй, наиболее полное описание было опубликовано в ставропольской газете «Кавказ», в большой статье, подписанной одной буквой «Ж» (Ж., 1888). Скорее всего, автором был К.Т. Живило, хотя под начало Е.Д. Фелицына он поступил только в 1890 г. (Каменецкий, 1998. С. 139). На основании этих и некоторых других материалов, а также, конечно, коллекции, переданной в Комиссию, а затем в Эрмитаж, А.Н. Лаппо-Данилевский создал монографическую публикацию (Лаппо-Данилевский, 1894), дополненную обширным комментарием найденных вещей, составленным В. Мальмбергом (1894). На протяжении ста лет эта монография была источником сведений о Карагодеуашхе, и в течение этого времени сведения о кургане, содержащиеся в

ней, не вызывали сомнений. Представлялось, что курган копали, как тогда было принято, глухой траншеей с запада. Теперь я думаю, что это было не совсем так. Е.Д. Фелицын, по-видимому, только выбрал грунт из гробницы, не зачищая ее снаружи. В результате и получилась узкая глухая траншея, хорошо заметная и к моменту вторичных раскопок

В 1988 г., как уже сказано, курган был подвергнут вторичному исследованию. Одной из причин этого было то обстоятельство, что по данным 1888 г. гробница находилась выше погребенной почвы более чем на 2 м (3 аршина). Это могло означать, что она была воздвигнута на более ранней насыпи, которая не была исследована. Работами руководила О.А. Ульянова, тогда сотрудница ИА РАН, некоторое участие принимал и автор данной статьи. Эти раскопки были достаточно хорошо документированы (Ульянова, Сатеев, 1988).

Утверждение, что гробница находилась выше погребенной почвы, «документировалось» чертежом (рис. 1). Раскопки 1988 г. показали, что гробница возведена на поверхности погребенной почвы, и уровень этот хорошо маркирован прослойкой известняковой крошки, образовавшейся при подтеске камня гробницы (рис. 2). Трудно понять, чем вызвана эта ошибка. Можно было бы предположить, что тут сыграла роль существующая и ныне двойственность в определении понятия «материк». В археологии «материк» — это не тронутый человеком грунт, но некоторые исследователи принимают за «материк» только «материнскую основу» почвоведов. В этом случае постройка могла, учитывая фантастические черноземы Прикубанья, находиться значительно выше «материка». Но у Е.Д. Фелицына (и А.Н. Лаппо-Данилевского) речь идет о «верхозёмке», т. е. определенно о погребенной почве.

Вторая ошибка — неправильная ориентировка. Указывалось, что гробница вытянута по линии восток — запад. Оказалось, что это СВ-ЮЗ (рис. 2) — расхождение значительное даже для того времени. Правда, тогда при определении ориентировки учитывали только четыре основных направления, но в случаях, подобных нашему, указывали на отклонение. Думаю, что объяснение этой ошибки самое простое — Е.Д. Фелицын не имел ком-

паса и определил направление приблизительно, по точке восхода (работы велись в первой половине мая).

Третья и, пожалуй, главная ошибка — гробница не была расчищена целиком. Было выявлено четыре помещения (рис. 1), а в действительности их шесть. Пропуск одного помещения можно понять. Находчики врезались в помещение 1а непосредственно перед входом в помещение 1б (рис. 3), и Е.Д. Фелицын решил, что это и есть начало гробницы. Поэтому он не стал копать к юго-западу, а пошел на северо-восток, в глубь кургана, где предполагались основные части гробницы. Это предположение тотчас же было подтверждено находками. Даже если бы была небольшая зачистка перед дверным проемом, то она, как показали работы 1988 г., ничего бы не дала — в помещении 1а инвентаря не было. Это был дромос. И в 1988 г. юго-западная стенка помещения 1а обнаружена не была. Она, находясь в поле кургана, могла быть разрушена, но возможно, что ее не было изначально. Тут надо учитывать, что часть камня была извлечена, по некоторым сведениям, продана местным жителям.

Если пропуск помещения 1а можно понять, то оставление незамеченным помещения 3б просто невозможно объяснить. Оно входит в основной комплекс, состоящий из «галереи» и основного помещения 3а, располагаясь с юго-восточной их стороны (рис. 3). Дверной проем соединяет галерею и помещение 3б, в котором находилось погребение лошадей (рис. 4). Стены галереи сложены из правильных тесаных блоков, дверной проем, соответственно, оформлен четко. Трудно представить, как можно было его не заметить.

На плане Е.Д. Фелицына все четыре помещения сложены из правильных тесаных плит (рис. 1). Я уж не говорю о том, что характер размещения блоков кладки в действительности иной, чем показано на плане. Но у А.Н. Лаппо-Данилевского в описании помещения 1б читаем: «Продольные стены этой комнаты сложены были из массивных, грубо отделанных каменных плит, положенных в два ряда на извести» (Лаппо-Данилевский, 1894. С. 8). В действительности помещения 1а и 1б вообще сложены не из блоков, а из рваного камня, практически никак не обработанно-

го (рис. 5). Известковый раствор не отмечен нигде. Остальные помещения тоже имеют в основе рваный или слегка обработанный камень, тесаные плиты использованы только на облицовку стен с внутренней стороны. Вертикально поставленная плита и «подпирающий» ее с внешней стороны камень перекрываются горизонтально положенной плитой. Затем опять идет вертикальная облицовочная плита и камень за ней (рис. 6). Немного похоже на реальность изображение стены G–H (рис. 1), хотя пропорции плит и здесь не выдержаны. Несомненно, что Е.Д. Фелицын зачищал стены только с внутренней стороны, и, как показывает пример с дверным проемом помещения 3б, зачищал неважно. Несомненно, что план и фасы стен гробницы вычерчивались значительно позже раскопок, чем и объясняется одинаковость кладки всех помещений.

Последнее упущение связано тоже с небрежностью зачистки. При раскопках 1988 г. в западном углу галереи обнаружено углубление с костями животных. Обычно такие комплексы трактуют как жертвы.

Таковы ошибки, которые мы вынуждены поставить в вину Е.Д. Фелицыну. Даже не самый высокий уровень тогдашней методики не допускал таких огрехов. За исключением, может быть, ориентировки. Ниже я перечислю то, что Е.Д. Фелицын не мог выяснить по объективным причинам: либо по отсутствию соответствующих требований методики, либо потому, что определенные детали находились в нетронутых частях насыпи.

Прежде всего отметим, что Карагодеуашх не был одиночным курганом. Он входил в группу, в которой кроме него было еще 5 насыпей (рис. 7). Они были ниже, но две из них имели высоту больше метра — 1,2 (№ 2) и 1,7 м (№ 3). Насыпи этих курганов, а также кургана 4, перекрывали друг друга. В сочетании с интенсивной распашкой это делало их не очень заметными. На поверхности насыпей отмечены камни и керамика. Последняя позволяет говорить о IV в. до н. э., т. е. об одновременности с Карагодеуашхом. Нет сомнения в том, что малые курганы как-то связаны с главным.

Гробница и насыпь не были сооружены одновременно. Первоначально соорудили по-

мещение 3а, ведущую к нему галерею и помещение 3б с конскими захоронениями. Отметим, что кости лошадей были найдены и в галерее у входа в помещение 3б. Как известно, эта гробница была сооружена для мужчины-воина, по-видимому, вождя. Затем было сооружено помещение 2. Уже А.Н. Лаппо-Данилевский отмечал, что характер его кладки несколько отличался от кладки галереи. В момент раскопок в этом помещении погребения не было. Не было и инвентаря, кроме обломков амфор. Думаю, что погребение было разрушено при сооружении помещений 1а и 1б. Или ограблено позднее. Наконец, были возведены помещения 1а и 1б — дромос и камера. В камере находилось погребение женщины с богатым инвентарем, включавшим и знаменитую золотую пластину из головного убора, анализируя изображения которой пытались и пытаются получить сведения о государственном устройстве и религиозных представлениях. А.Н. Лаппо-Данилевский определенно отмечал, что кладка помещения 1б небрежнее кладки помещения 2. Таким образом, можно отметить три этапа в сооружении гробницы. По-видимому, погребенные в этом сооружении люди были связаны между собой, и гробница достраивалась по мере того, как они уходили из жизни.

По мере роста гробницы росла и насыпь. Первые подсыпки должны были «подпирать» стены первоначального сооружения. Таких насыпей выявлено три (рис. 8). После перекрытия помещений 3а, 3б и галереи была возведена первая настоящая насыпь, в которой тоже наблюдается несколько слоев. Галерея выходила к краю этой первой насыпи, и вход в нее, судя по всему, был доступен. После пристройки помещения 2 была возведена вторая насыпь, край которой проходил теперь у входа в помещение 2. После пристройки помещений 1б и 1а была сооружена третья насыпь, в которой тоже различалось несколько слоев, и граница ее проходила по входу помещения 1а. Какое-то время этот вход был доступен. По-видимому, вместе с этой третьей насыпью был вырыт широкий кольцевой ров. Вероятно, вход в гробницу был перекрыт четвертой насыпью, которая частично перекрыла и ров. Впрочем, ров мог быть перекрыт и в результате размыва насыпи. Многочисленные под-

сыпки создали очень сложную структуру, которая с трудом расшифровывается в разрезах.

Необычайная плотность грунта отмечалась и в первой публикации. Раскопки 1988 г. показали, что первые насыпи сложены из специально подготовленной, чрезвычайно плотной и вязкой глины, с прослойками дерева и камыша.

На северной поле кургана обнаружен край поселения I в. до н. э. Оно располагалось к северу и северо-западу от кургана. Датировка основана на фрагментах светлоглиняных амфор с двустольными ручками, которые были обнаружены в заложенном шурфе.

Было выявлено несколько впускных, более поздних, погребений. Три из них, расположенные в северо-восточной части насыпи, принадлежали мусульманам.

Погребение в Карагодеуашхе, как известно, датируется первой половиной IV в. до н. э. Все находки, связанные с гробницей, датируются тем же временем. Однако в насыпи встречено несколько фрагментов ионийской керамики VI в. до н. э. Вероятно, где-то поблизости, откуда брали грунт для насыпей, имелось раннее поселение или погребение. В любом случае находка представляет интерес как свидетельство ранних связей с греческими колониями, которые как раз в это время возникают на территории будущего Боспора.

Подводя итоги, приходится с сожалением признать, что Е.Д. Фелицын совершил ряд грубых ошибок. Конечно, археология не была его профессией, но занимался он ею достаточно много и его работы составили эпоху в кубанском краеведении. Напомню только об археологической карте Кубанской области, изданной в 1882 г. и не потерявшей значения до сих пор. Перед раскопками Карагодеуашха он раскопал полсотни курганов в Баканском ущелье, но там курганы были небольшие и простые. Со сложным памятником, каким является Карагодеуашх, ему справиться не удалось. Конечно, и общий уровень археологии был тогда ниже, но все-таки не до такой степени, чтобы пропустить помещение в каменной гробнице.

Конечно, выявленное при раскопках оставленной насыпи нельзя рассматривать как упущение Е.Д. Фелицына. Тут он был на уровне тогдашних знаний. Нам остается

только указать на значимость полученных в 1988 г. данных, позволивших иначе взглянуть на историю формирования комплекса.

Проведенное сравнение с очевидностью свидетельствует о том, что к старым отчетам

о раскопках сложных памятников следует относиться осторожно. Оно также убедительно показывает целесообразность повторных раскопок выдающихся курганов, копавшихся в XIX в.

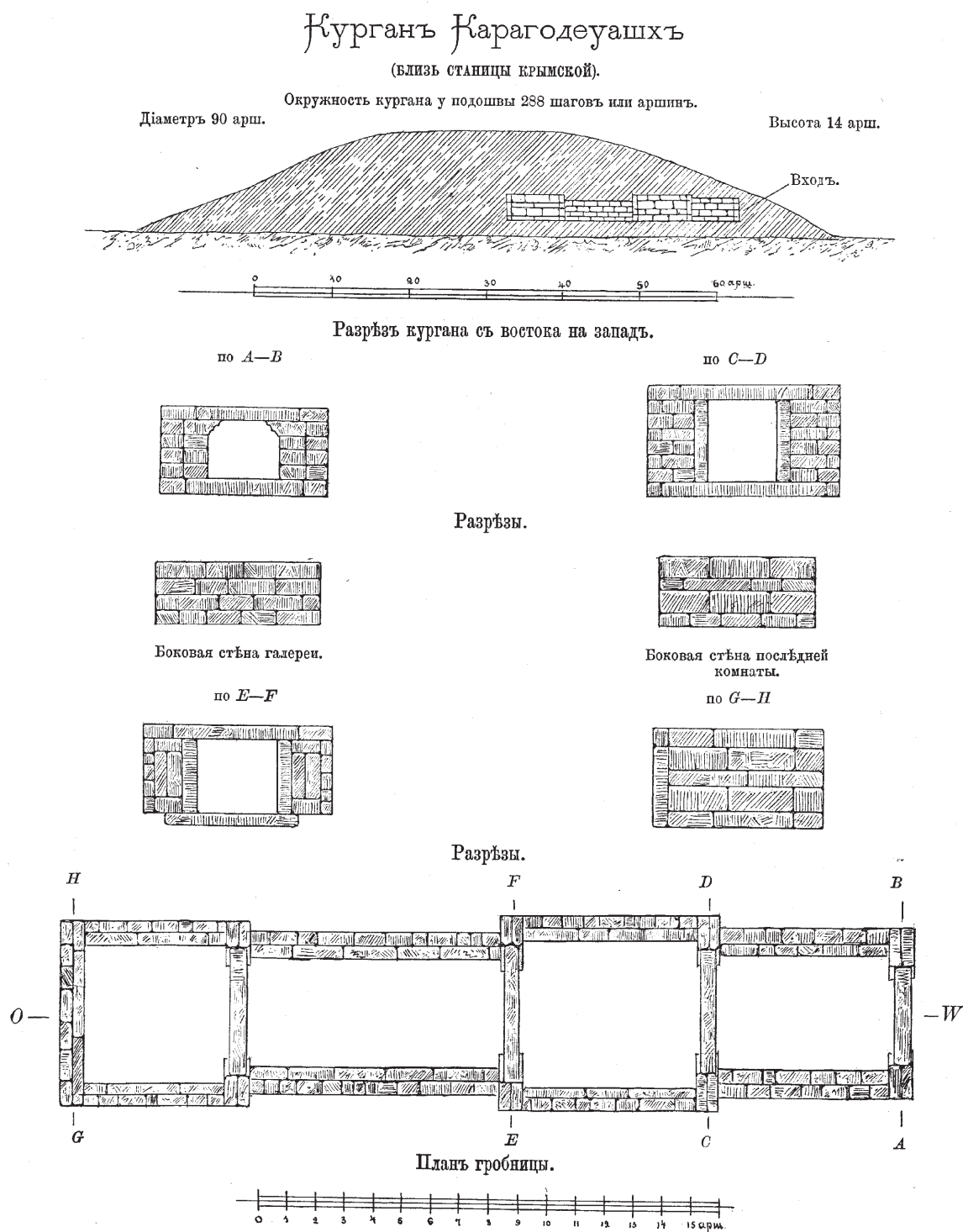

Рис. 1. Опубликованный А.Н.Лаппо-Данилевским план гробницы кургана Карагодеуашх

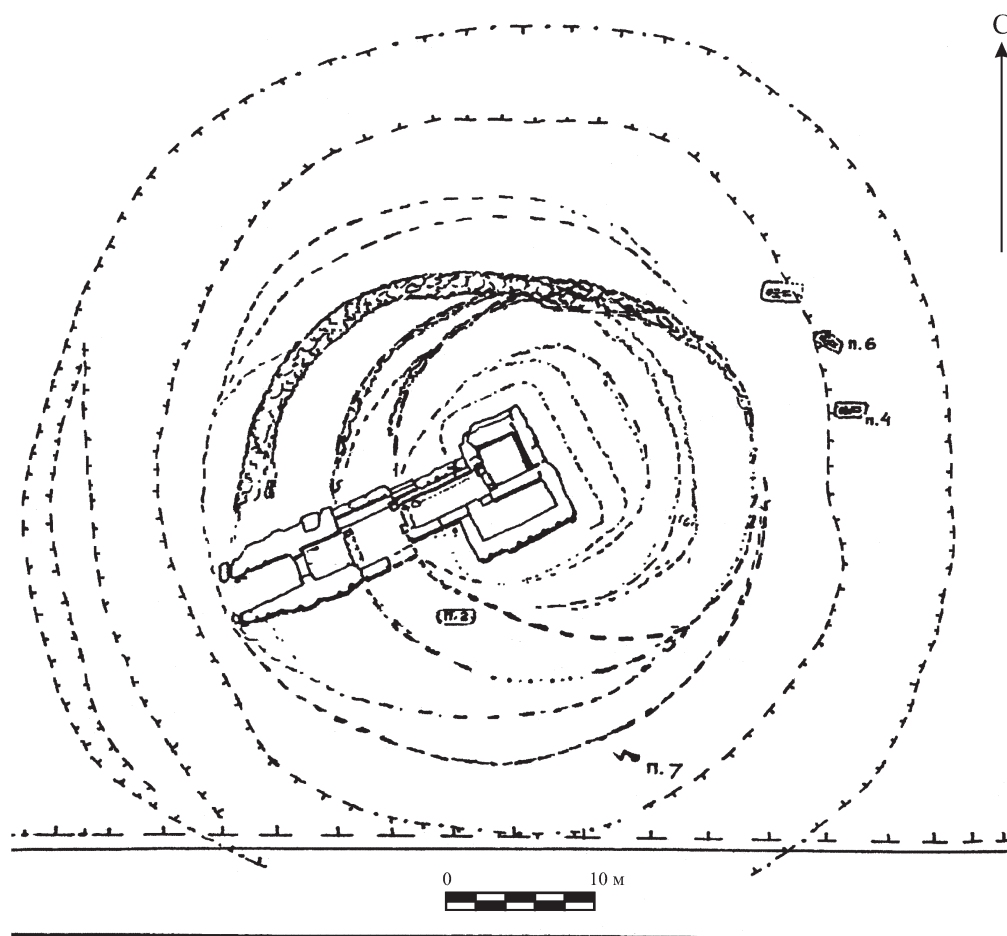

Рис. 2. План кургана Карагодеуашх по раскопкам 1988 г.

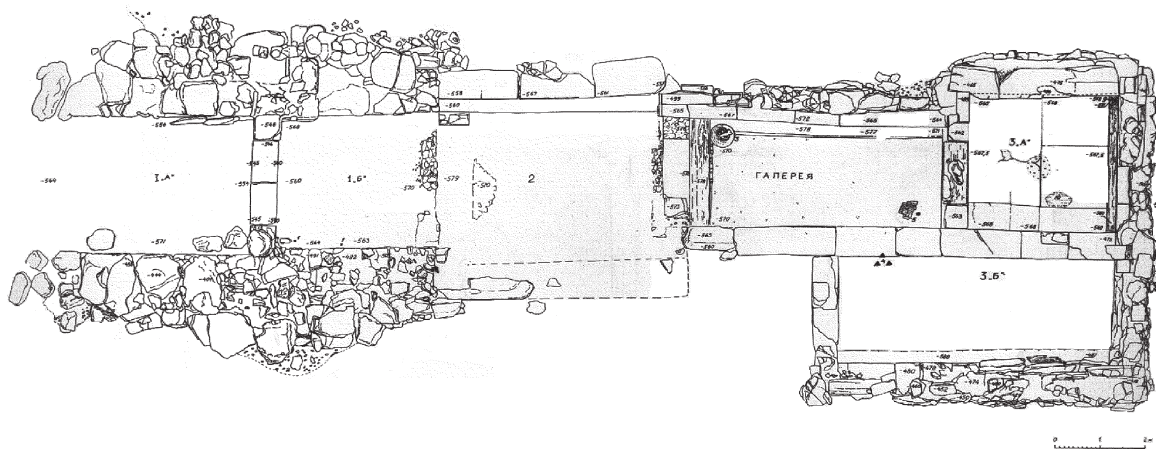

Рис. 3. План гробницы кургана Карагодеуашх по раскопкам 1988 г.

Рис. 4. План помещения с захоронениями коней

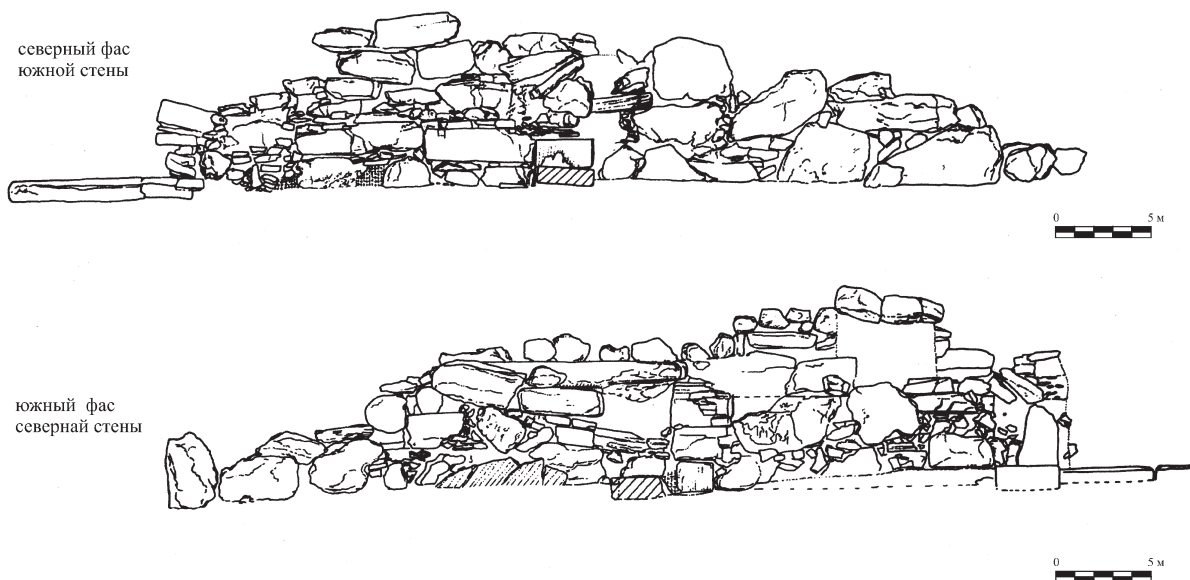

Рис. 5. Кладка помещений 1а и 1б

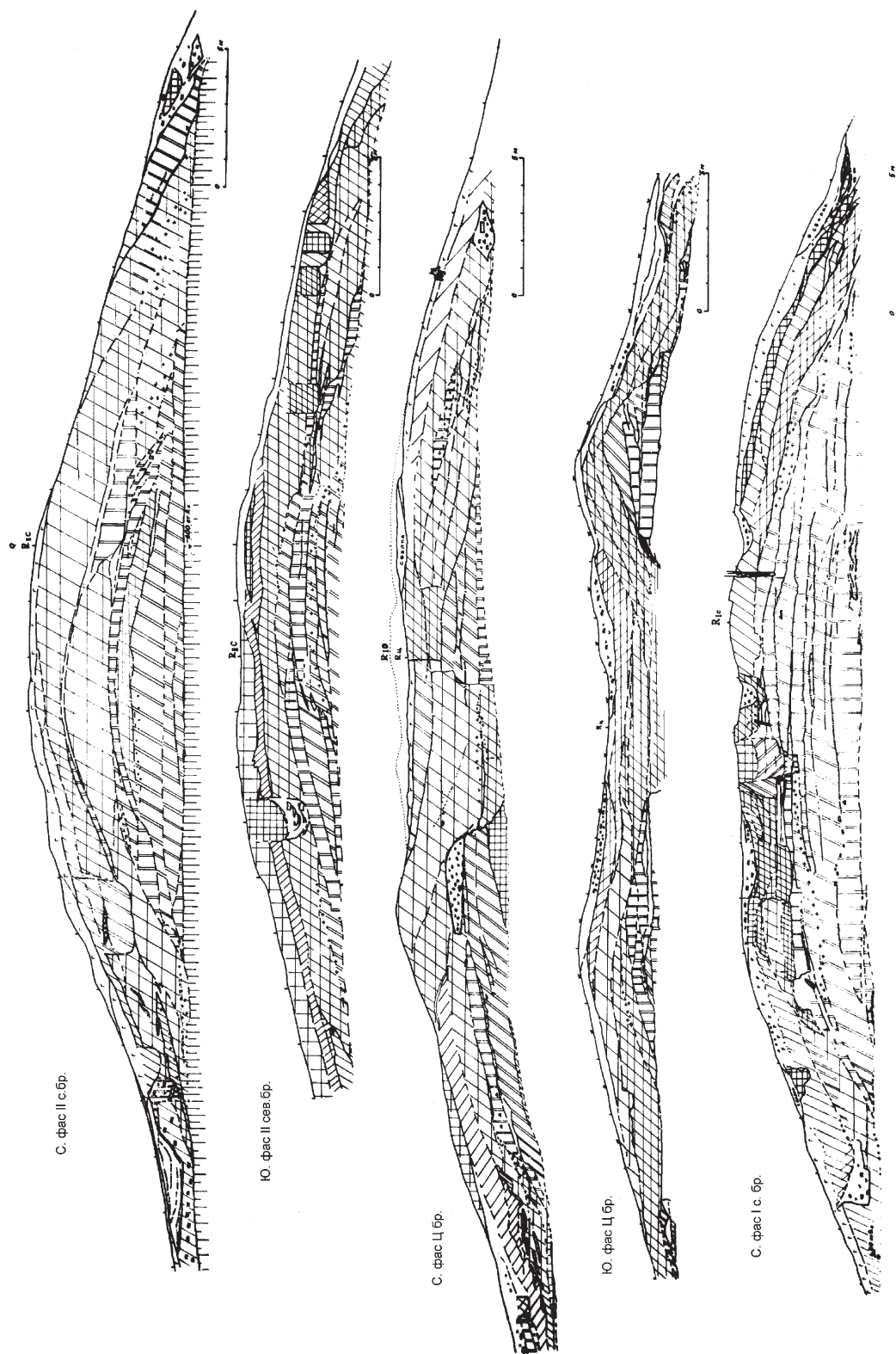

Рис. 8. Разрезы кургана Карагодеуаш

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р., 1991.* Чертомлык: Скифский царский курган IV в. до н. э. Киев.
- Болтрик Ю.В., 1980.* Исследование кургана Огуз // АО 1979 г.
- Болтрик Ю.В., 1981.* Исследование кургана Огуз // АО 1980 г.
- Галанина Л.К., 1997.* Келермесские курганы: «Царские» погребения раннескифской эпохи // Степные народы Евразии. М. Т. I.
- Ж., 1888.* Археологические находки в Кубанской области // «Кавказ». № 183.
- Каменецкий И.С., 1998.* Начало археологического изучения Прикубанья // Очерки истории отечественной археологии. М. Вып. II.
- Лаппо-Данилевский А.Н., 1894.* Древности кургана Карагодеуашх как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV–III вв. до Р. Х. // Древности Южной России. Курган Карагодеуашх / МАР. 13. СПб.
- Лесков О., 1974.* Скарби курганів Херсонщини. Київ.
- Мальмберг Вл., 1894.* Памятники греческого и греко-варварского искусства, найденные в кургане Карагодеуашх // Древности Южной России. Курган Карагодеуашх / МАР. 13. СПб.
- Ульянова О.А., Сатеев О.И., 1988.* Отчет о работе Карагодеуашхского отряда Северо-Кавказской экспедиции в 1988 г. (раскопки кургана Карагодеуашх у г. Крымска) // НА ИА РАН. Р-1. № 13751.
- Фелицын Е.Д., 1886.* Письмо Тизенгаузину // Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 1886-16. Л. 142.
- Boltrik Ju.V., Fialko E.E., 1991.* Der Oguz-Kurgan — Grabmal eines skythischen Königs // Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Neumünster.
- Boltrik Ju.V., Fialko E.E., 1996.* Der Oguz-Kurgan: Die Grabanlage eines Skythenkönigs der Zeit nach Ateas // Hamburger Beiträge zur Archäologie. Hamburg. Bd. 19.
- Rolle R., Murzin V.Yu., Alekseev A.Yu., 1998.* Königskurgan Certomlyk: Ein skythischer Grabhügel des 4. Vorchristlichen Jahrhunderts. Mainz.

М.Г. Гусаков
Институт археологии РАН, Москва

ПОДСЕЧНОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Мне неоднократно доводилось обсуждать разнообразные, волновавшие меня, научные проблемы с А.А. Формозовым. Обычно это происходило по четвергам, в стенах ИА РАН, до начала работы отдела теории и методики, где мы вместе работали. И до сих пор я не могу забыть длительные прогулки с ним по коридору «из конца в конец». Что меня всегда восхищало в нем, так это удивительная эрудиция и широта кругозора. В те первые годы нового века я писал диссертацию по поселениям дьяковской культуры. Не было секретом, что круг интересов А.А. Формозова был связан с историей каменного века, первобытным искусством, наконец, историей науки. Но то, что его могут интересовать «дьяковцы» и их хозяйственная деятельность, меня повергло в смятение. Его вопросы были точны и просты, они требовали обстоятельности и доказательности. Для начала я преподнес ему автореферат своей диссертации. Но вопросы на этом не кончились, напротив, их количество многократно увеличилось. И уж совсем я опешил, когда однажды вечером позвонил домой Александр Александрович и спросил, что такое «подсечное земледелие» и не могу ли рассказать о нем несколько подробнее при нашей очередной встрече? Я ответил утвердительно и стал готовиться, ибо боялся «ударить лицом в грязь»: одно дело писать об этом на многих страницах в диссертации, другое —

рассказать в течение получаса до очередного заседания отдела. К счастью мне это удалось, однако многие вопросы, поставленные им тогда, не дают покоя до сих пор. В этой статье я не только пытаюсь ответить на них, но и рассматриваю ее в качестве своего долга перед Александром Александровичем.

Конец XX в. ознаменован появлением в печати ряда статей по вопросам происхождения и истории земледелия (Кириянова, 1992; Маслов, Антипина, 1993; Гунова и др., 1996; Милов, 1998; Куркина, 2000; Конечкий, Самойлов, 2001; Вебер, 2001; Гусаков, 2001; Дружинина, 2003 и др.). В советское время вопрос этот был весьма популярен и имел большой резонанс в литературе. Правда, оттенок этих статей и работ в основном сводился к «победному шествию пашенного земледелия», укоренившемуся в отечественной истории чуть ли не со времен неолита (Кириянов, 1959; Краснов, 1967; 1969; 1971; 1990; Рыбаков, 1981; 1982; 1987 и др.). Нет нужды подробно разбирать и критиковать эти работы, ибо не вызывает сомнения, что они появились под влиянием политической конъюнктуры, а не в результате исторического анализа источников и материалов. На мой взгляд, гораздо актуальнее остановиться на вопросах, связанных с развитием земледелия с древнейших времен вообще и в эпоху железного века в частности.

Письменных свидетельств о способах ведения земледелия в древности (речь идет об эпохах Гальштата и раннего Латена) в Восточной Европе, на территориях лесной зоны, нет, или почти нет, за исключением небольших фрагментов у Геродота и Страбона, причем заметим, что характер сообщений позволяет трактовать их весьма широко и вольно. Поэтому рассчитывать на письменные источники нам не приходится. Надо искать другие или еще раз пересматривать и критически оценивать старые наработки.

Археология может оценить хозяйственную деятельность только по изменениям в археологическом инвентаре (орудиях труда), по материалам остеологии, палеоботаники, остаткам пищи в посуде (или по примесям в глине) и т. д. Но эти аргументы имеют, как мне кажется, «косвенное» отношение к реконструкции способов ведения хозяйства и, конечно, сильно уступают письменным.

Этнографы во второй половине XX в. сформулировали понятие хозяйственно-культурный тип (ХКТ), под которым понимают определенные комплексы особенностей хозяйства и культуры, которые исторически складываются у различных народов, находящихся на близких уровнях социально-экономического развития и обитающих в сходных естественно-географических условиях (Чебоксаров, 1985. С. 177–184). Типы эти всегда связаны со способом производства каждого конкретного общества, т. к. именно он определяет в конечном счете характер взаимодействия людей с окружающей средой в разные исторические эпохи. Всего выделяются три основные группы, которые отличаются друг от друга степенью производительности труда (овладение или обладание более совершенными орудиями труда) и нарастающей величиной прибавочного продукта (Там же. С. 179). Эта схема была разработана исходя из анализа состояния хозяйственной деятельности современных народов, стоящих на примитивной стадии развития (Материальная культура... 1989. С. 33, 48, 51, 96, 111, 123, 144, 153, 156–165).

К первой группе относятся типы с преобладающей ролью охоты, собирательства и рыболовства. Ко второй — мотыжное (ручное) земледелие и животноводство. К третьей — плужное (пашенное) земледелие с использованием тягловой силы домашних животных (Чебоксаров, 1985).

Как видно из краткого перечня характерных черт ХКТ, эта схема является не только «тесной» с понятийной точки зрения, но и обладает рядом логических изъянов. Естественно, что в исторической плоскости такая разделительная процедура не всегда «срабатывает». Приведу простой пример из своей этнографической практики, который мне довелось наблюдать у гончаров Белоруссии. Гончары, несмотря на то что в их распоряжении были ножные круги, производительность которых намного выше, чем ручных, продолжали делать посуду, используя приемы изготовления, присущие ручной лепке.

Земледельцы Скандинавии до XX в. использовали подсечно-огневую систему земледелия (далее ПОСЗ), снимали значительные урожаи, но использовали примитивные орудия труда (Семёнов, 1974).

В советский период некоторые колхозы нечерноземной зоны, чтобы поднять производственные показатели, жгли лесные участки (подсека) и засевали их зерновыми культурами. Примеров тому много.

Надо сказать, что земледелие и его состояние (агрикультура) — наиболее дискуссионные темы в археологии, причем, как и во всей исторической науке. Уже много лет перед исследователями стоит «вечный вопрос», какие формы земледелия — подсека, перелог, или паровая (пашенное, плужное, стационарное) являются ранними и наиболее эффективными¹.

Но начну я с того, что сегодня мне мешает принять точку зрения ряда исследователей, которые предлагают считать, что в лесной зоне паровая система земледелия появилась значительно раньше, чем об этом принято писать, возможно, в эпоху железа, а может быть, и раньше.

¹ Пашенное земледелие имеет много названий: пашенное, паровое, плужное. Я называю его стационарным, потому что, на мой взгляд, главное отличие его от всех других способов — в количестве лет, на которые оставлена земля в «залежь». При подсеке этот срок измеряется 20–30 годами, при перелогe — 10–15, при паровой — 2–3.

1. Капризный климат, с возвратными холодами в мае и заморозками на почве.

2. Плохие по составу почвы (неплодородные); без специальных мероприятий, ведущих к их улучшению, для нужд сельского хозяйства они малопригодны.

3. Отсутствие прямых археологических свидетельств (наральники, наконечники сох) использования пашенного (парового) земледелия.

4. К середине 1980-х гг. среди ведущих историков, занимавшихся изучением истории земледелия, сложилось мнение, которое сводится к утверждению, что «пашенное земледелие побеждает не ранее конца I тысячелетия н. э.» (История крестьянства... 1985. С. 33). Я с этим мнением совершенно согласен.

В лесной зоне долго, вплоть до эпохи раннего средневековья, использовалась подсечно-огневая система земледелия. Но этот тезис нуждается в доказательстве. В качестве такового приведу фрагмент из сочинений Прокопия Кесарийского о «склафинах и антах»: «...А живут они в жалких хижинах, располагаясь далеко друг от друга и каждый, меняя насколько можно часто место поселения...» (цит. по: Бибииков, 2004. С. 31, 32). Этот пассаж однозначно трактуется как использование подсечно-огневой системы земледелия.

В. Гензель, анализируя хозяйственную деятельность северных польских земель (Поморье) в эпоху раннего средневековья (VII–XI вв.), приходит к выводу, что «в земледелии, за исключением некоторых плодородных земель, таких, например, как район Пиржице, господствовало подсечно-огневое хозяйство. При этом архаическом способе, однако, уже использовали пахотные орудия, в частности деревянное рало» (Гензель, 1986. С. 313). Замечу, что польское Поморье расположено на 53–54° с. ш.

Я, прежде всего, буду говорить о земледелии в пределах лесной зоны, используя при этом материалы дьяковской культуры, одной из культур лесной зоны эпохи железа.

Начну с того, что занятие земледелием требует интенсивного труда, чуть ли не половину годового времени, от апреля до сентября, независимо от типа земледелия, если речь идет о северных широтах, и поглощает

все время человека без остатка. И это не считая времени на подготовку участков в осенне-зимний период: валка леса, укладка леса на участках для сушки и пожара (если речь идет о подсечном земледелии) и, уже потом, на подготовку рабочего инвентаря к работе. На мой взгляд, земледелие — это «становой хребет» хозяйства, особенно в северных широтах, именно на его долю приходится более половины (если не больше) от общего объема добываемых продуктов питания. Ни охота, ни рыболовство, ни, тем более, собирательство не могут соперничать с ним. Охота и рыболовство только лишь восполняют нехватку продуктов. От состояния земледелия и его продуктивности почти полностью зависит скотоводство, особенно в зимний период (от ноября до апреля).

Ранние этапы развития земледелия в лесной полосе Восточной Европы, к сожалению, редко привлекали внимание археологов и являлись предметом специального рассмотрения (Краснов, 1967; 1969; 1971; 1990; Маслов, Антипина, 1993; Милов, 1998; Куркина, 2000). В частности, до сих пор не может считаться решенным вопрос о системах и технике земледелия, прежде всего технике обработки почвы на данной территории, до момента широкого применения пахотных орудий. Исследование этого вопроса встречает значительные трудности источниковедческого характера. Очевидно, что наши заключения о существовавших в древности системах земледелия могут строиться лишь на косвенных данных. Деревянные орудия сохраняются в земле в исключительных случаях, поэтому в исследовании древних форм земледелия мы можем опираться на этнографический материал (Краснов, 1967).

Я охотно допускаю, что для южных районов Восточной Европы мы можем принять наличие пашенного земледелия как ведущей отрасли хозяйства в эпоху железа, в первые вв. н. э. (и то с большой осторожностью), тогда как для лесной зоны это утверждение выглядит весьма проблематично (История крестьянства... 1985. С. 32–46). В 1996 г. вышла из печати статья, посвященная истории земледелия в долине р. Москвы в железном веке, суть которой сводится к анализу извлеченных из слоя Дьяковского городища

материалов, которые должны были бы свидетельствовать в пользу развития пашенного земледелия (Гунова и др., 1996. С. 93–120). Однако, на мой взгляд, все материалы могут свидетельствовать о развитии не столько пашенного, сколько подсечного земледелия. В 2001 г. была напечатана статья В.Я. Конечного и К.Г. Самойлова «Некоторые спорные вопросы изучения пашенного земледелия в лесной зоне Восточной Европы I тыс. н. э.». Мне нечего добавить к этой достаточно аргументированной статье.

Цель моей работы — обратить внимание коллег на проблемы истории земледелия в эпоху железа и подчеркнуть особую роль в этом процессе подсечного земледелия. Но начну я с этнографических сведений.

В конце XIX и даже в начале XX в. ПОСЗ еще преобладала в некоторых районах Севера России, а также в Прикарпатье, Полесье, Поволжье, и т. д. Подсека не является специфическим явлением для Восточной Европы, наоборот, она представляет всеобщую форму земледелия лесных областей, и это связано с определенным этапом в истории общественного производства (Петров, 1968). Подсечно-огневое земледелие — наиболее древняя форма земледелия, на протяжении тысячелетий она господствовала в лесной зоне Восточной Европы и была занесена, возможно, племенами «боевых топоров» (Кларк, 1953).

Цезарь и Тацит сообщали о том, что германцы культивировали подсеку в I в. до н. э. — I в. н. э. (Цезарь, 1948; Тацит, 1969; Третьяков, 1932; Краснов, 1967; Петров, 1968; Ле Гофф, 1992; Маслов, Антипина, 1993; Бродель, 1992; 1995; Милов, 1998). В средние века она существовала повсеместно в центральной, западной и северной Европе. Она было широко распространена в Африке, Северной Америке и Восточной Азии (История первобытного общества... 1988).

Итак, что же такое подсечно-огневая система земледелия, и какие мы можем выделить основные ее черты? Считается, что отличие подсеки от пашенного земледелия заключается только в том, что в последнем используются различные орудия для обработки почвы. Есть мнение, что подсека отличается от паровой системы только тем, что при подсеке для обработки почвы используют огонь

(сожжение древесных пород, участка леса). Но главное различие — в том, что при подсеке после двух-трех лет использования земля забрасывается на длительный срок, от 20 до 40 лет. При стационарном земледелии полевой участок «отдыхает» максимум 2–3 года.

Бывало и так, что тот, кто начинал участок, так и не возвращался к нему спустя 30 лет. Учитывая продолжительность жизни человека в эпоху железа, это обстоятельство выглядит весьма убедительно. Выбор места обитания зависит от выбора места для подсеки. Для устройства подсеки не все участки годятся. Есть свои предпочтения.

Подсека требует:

а) соединения двух рек. Предпочтение отдавалось участкам по берегам рек и озер, особенно мысам, полуостровам, и высоко над низиной. Река является дорогой, как зимой, так и летом. В условиях равнинного рельефа участки в лесу часто заболачивались. На высотах, увалах, холмах температуры были выше, чем в низине. Маленькие участки в лесу непригодны, они «морозобойные» (Семёнов, 1974. С. 148, 149). В Европе умеренного пояса устройство участков в низинах рек, особенно вблизи от леса, было невозможно, т. к. приводило к вымораживанию посевов. Место слияния рек использовалось также для сооружения «заколов», или «ловищ», для рыбы (Сабанеев, 1995). Однако, как подсказывает практика, участки устраивались по берегам рек (Петров, 1968);

б) при выборе леса желательно, чтобы это были дуб, граб, бук, вяз, клен, береза, липа (именно в этой последовательности), в последнюю очередь — ель, сосна. В характеристике ландшафтно-экологической картины вокруг Дьякова городища предполагается, что пространство вокруг городища могло использоваться только для подсечно-огневого земледелия с выборочным выпасом скота, а также для ведения лесного хозяйства и охоты (Гунова и др. 1996. С. 114). Правда, на позднем этапе, в первой половине I тыс. н. э., не исключено появление стационарных полей (перелога) с использованием пахотных орудий (Там же);

в) при подсеке состав почв играет второстепенную роль. Важно количество золы после пожара;

г) важно, чтобы участок хорошо продувался ветрами и хорошо освещался солнцем;

д) при пожого нет проблемы с сорняками, они выгорают (Там же);

е) подсека под силу большому коллективу — «большой патриархальной семье» (или «семейной общине»), кровнородственному коллективу, состоящему из 8–9 брачных пар, обычно двух, трех, реже пяти, поколений по отцовской линии, общее число членов которого может достигать от 40 до 200–300 человек (Третьяков, 1932; История первобытного общества... 1988. С. 169). Большая семья могла располагаться как в одном поселке, так и в нескольких, расположенных «кучно».

Приведу этнографические примеры действия подсеки (Семенов, 1974). Началу подсеки предшествовало «подсекание», «прочерчивание» деревьев. Для этой работы использовали топоры, ножи, долота, скобели; например, у финнов и шведов использовались ножи с крючковатым концом наподобие мачете (рис. 1, III, 1–3). Между прочим, рубка дерева в 20 см толщины каменным полированным топором занимала 15–20 минут (Кларк, 1953. С. 102). Пни не корчевали, камни не выбирали. Участок окружали защитной полосой или оградой, чтобы огонь не пошел дальше. Поваленный лес раскладывали равномерно по участку и потом его поджигали со всех сторон, следя лишь за тем, чтобы огонь не перешел за границу участка. Часть поваленного леса шла на хозяйственные нужды: для построек, на растопку и т. д. После пожара проводили сев в еще теплую землю, иногда предварительно обработанную бороной-суковаткой. Долгое время бытовало мнение, что при подсеке использовалась мотыга для обработки почвы под посадку зерен (иногда этот тип земледелия назывался «мотыжным»), с наконечниками из кости или железа (могли быть и другие материалы) (рис. 1; 2). Но после основательно аргументированной статьи Ю.А. Краснова можно утверждать, что не мотыга играла ведущую роль, а палка с универсальным наконечником, похожим на долото, пешню, тесло (Краснов, 1967) (рис. 1). В археологическом материале из городищ дьяковской культуры есть предмет, который мог быть использован в качестве орудия для изготовления лунок в земле, — это роговой

наконечник, который насаживался на палку (рис. 2, IV). На многих городищах дьяковской культуры найдены рога животных со сквозными отверстиями в стволе; примером может служить находка из Старшего Каширского городища (Городцов, 1934. С. 27. Рис. XIII, 10). Палкой с таким костяным наконечником могли делать лунки в земле между пнями и корневищами, куда и закладывали зерна и семена для посева. Со временем (на второй или третий год эксплуатации), когда поле (участок) освобождалось от корней и пней, использовали грядильные орудия (соху?), и семена уже засевали в борозду. Так что, при подсеке использовали пашенные орудия — легкого типа (сохи с одной или несколькими «зубами» или плуги с железным наральником), и этому факту есть этнографические свидетельства (Третьяков, 1932; Петров, 1968).

Пожог проводили весной, как только сошел снег, в середине апреля. Был способ пожога перекачиванием горящих бревен. Есть также свидетельства, что пожог проводили в начале мая, когда деревья были уже с листвою.

Обработка подсеки в 1 га занимала 50–70 трудодней (Семенов, 1974. С. 149). Участок использовали в средней полосе 3–4 года, на Севере — 1–2 года; далее его забрасывали на 20–30 лет, так что один крестьянин мог за свою жизнь обработать один и тот же участок не более одного-двух раз, исходя из того, что средний возраст жизни для эпохи железа исчисляется в 30–40 лет (Алексеев, 1985). Главными посевными культурами в условиях подсечно-огневой системы были ячмень, пшеница, просо, лен, репа. По материалам из раскопок Дьякова городища, Н.А. Кирьянова отмечает, что просо и пшеницы (мягкая и карликовая, полба-двузернянка, спельта) требуют чистых полей, что можно связать с подсекой, т. к. после пожога сорняки уничтожаются. Второй аргумент: это всё культуры, которые хорошо развиваются на мало окультуренных почвах (Гунова и др., 1996. С. 110, 111).

При подсеке не нужен навоз, что дает нам право думать, что не было необходимости в специализированном скотоводстве, разведении крупного рогатого скота и коневодстве. Здесь необходимо отметить, что подсека не являлась доминирующим видом хозяйства,

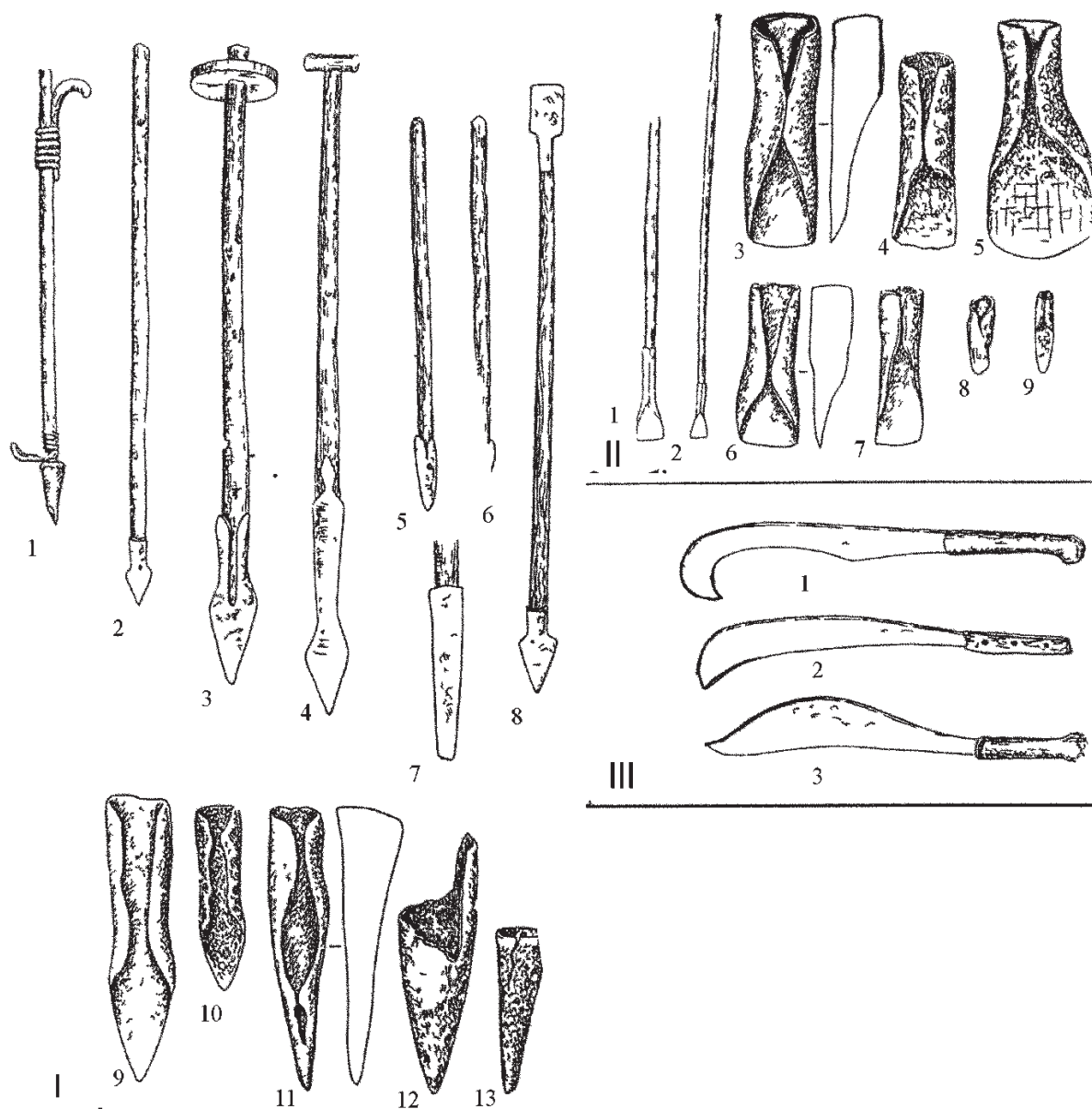

Рис. 1. Ручные орудия труда для вскапывания земли. По материалам этнографии и археологии
 I: 1 — Перу (рисунок XVI в.); 2 — Северо-Восточная Африка; 3 — Эфиопия; 4 — Эстония;
 5, 6 — Швеция; 7 — Юго-Восточная Азия; 8 — Белоруссия; 9 — 12 — Россия; 13 — Латвия.
 II: 1 — Юго-Восточная Азия; 2 — Турция; 3 — 9 — Россия
 III: 1, 2 — Карелия; 3 — Швеция

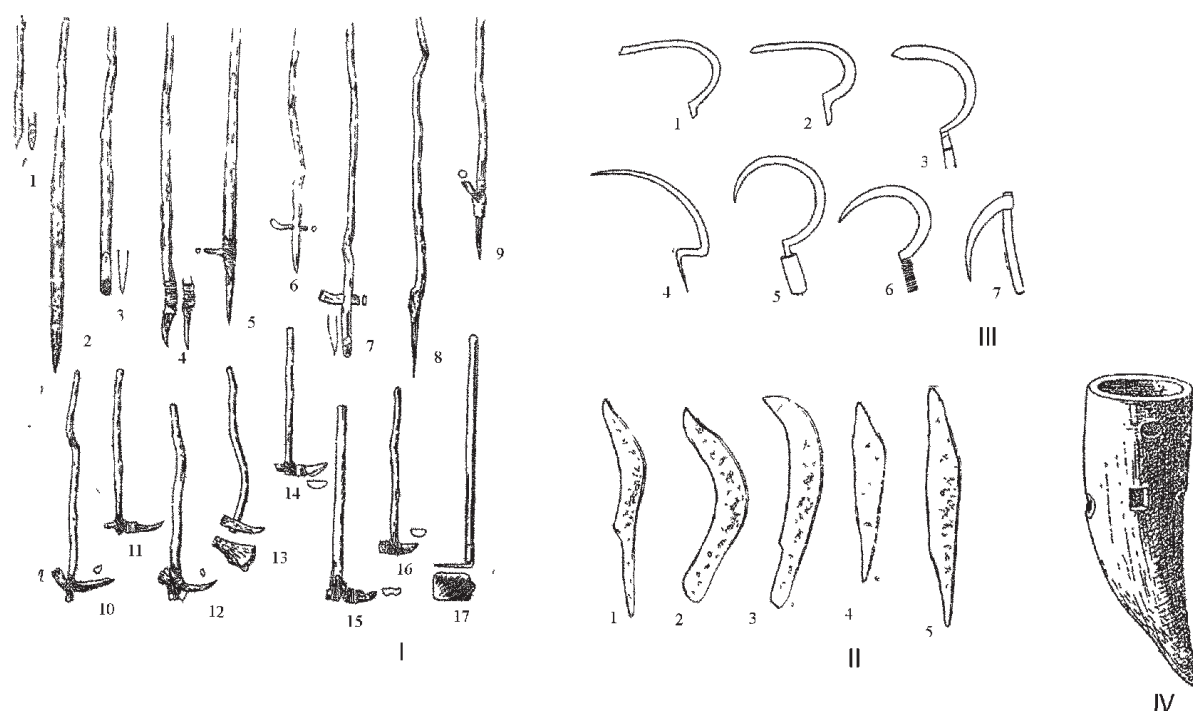

Рис. 2. Древний сельскохозяйственный инвентарь и экспериментальные образцы, испытанные лабораторией естественнонаучных методов ЛОИА АН СССР (Семенов, 1974)

I. Землекопные палки и мотыги (экспериментальные образцы): 1–3 — с кососрезанным, коническим и долотовидным рабочими концами; 4 — с роговым наконечником; 5–7 — с педалями; 8–9 — с железными наконечниками; 10 — с самшитовым налопатником; 11–13 — с роговыми налопатниками; 14–16 — с каменными налопатниками; 17 — с железным налопатником.

II. Железные косари из городищ: 1 — Подгай; 2 — Троицкое; 3 — Санниковское; 4, 5 — Щербинское (Россия)

III. Древнеримские железные серпы (Simek, 1953): 1, 2, 5, 6 — *falx messoria* (6 — современный серп); 3 — *falx verculata rostrata*; 4 — *falx verculata denticulate*; 7 — *serrula ferea*.

IV. Роговой наконечник из Старшего Каширского городища (Городцов, 1934)

наряду с ней не утрачивали своего значения охота, рыболовство и скотоводство.

Хозяйство эпохи железа можно назвать многоукладным, что делало общество гибким и способным адаптироваться к сложным природным и географическим условиям лесной полосы Восточной Европы.

Подсека появилась еще в эпоху неолита и быстро распространилась по всей Европе. «Кочующее» из года в год поле среди леса — начальная форма земледелия (Кларк, 1953; Семенов, 1974; Ле Гофф, 1992). Археологически проследить такие поля чрезвычайно трудно, однако палеоботаника здесь может дать ответы на интересующие археологов вопросы (Кларк, 1953; Третьяков, 1932; Петров, 1968; Милов, 1998).

В своем анализе развития подсеки мы должны учитывать ряд неперенных условий.

1. В недрах археологических культур возникает постепенное накопление населения. Естественный прирост в древности был равен 0,4% в год, т. е. население удваивалось за 250 лет (Бессмертный, 1991). Это утверждение верно при условии, что на культуру ничто не давит извне.

2. Наличие локальных вариантов в пределах одной культуры — это и есть свидетельство, что культура уже проделала хронологический путь как минимум в 250–300 лет или что часть потомков уже «оторвалась» от культуры предков на 100–200, максимум на 300, лет.

3. Все население не может жить в пределах старого ареала. Какая-то часть его должна уйти; как правило, это поколение старших сыновей. Оно уходит за пределы старой «кормовой базы». Вся система отношений внутри

древнего человеческого коллектива покоилась на определенном ограничении численности населения, пределы которого нельзя было превысить, не подвергая опасности условий существования самого коллектива. Наиболее яркий пример тому — вынужденная эмиграция греков за пределы родины и освоение ими периферии античного мира (Античные государства... 1984).

Теперь важно поговорить о том, что обычно в сочинениях археологов остается «за кадром». Допустим, что локальная группа может состоять из 50–100, т. е. в среднем из 70–80 человек (Семёнов, 1966). Каковы были потребности в пище древнего человека в течение года, в условиях многоукладного хозяйства, когда господствует подсека, охота, рыбная ловля и скотоводство?

В рацион римского солдата входило 800 г, или около 1 кг, зерна в день (Разин, 1955. С. 286). «Со времен Цезаря солдату выдавали в месяц 2/3 медимна зерна (медимн = 54 л) или 4 модия, а позднее и 5. Римский раб получал столько же, как и легионер», — сообщает Карл Каутский (Каутский, 1923. С. 66). Ганс Дельбрюк дает следующие данные о 16-дневной нагрузке римского солдата: 14,370 кг, где хлеб и пшеница составляли 11,370 кг и почти 2 кг — мясо (Дельбрюк, 1936. С. 345, 346). У оленеводов тундры (привожу для сравнения) осенью и зимой взрослые съедали до 3,5–4 кг на одного человека в день. На Русском Севере на 1 человека в год шло 134 кг муки, у кочевых — 72 кг. У кетов (оседлые) в год 276 кг, у манси 213 кг (Сергеев, 1955. С. 73–77).

В Центральной Америке, на Юкатане, индейцы майя снимали с 1 га около 7 ц зерна (Семенов, 1974. С. 145). Семья из 5 человек должна была обработать 3 га, на душу требовалось 4 кг, на семью — 1460 кг в год, 640 кг сберегалось на семена. Для обработки участка нужно было потратить 150 рабочих человеко-дней, по 8 часов в день. Почти полгода. Но это в южных широтах, в Европе, особенно Восточной, все выглядело иначе. Эти цифры нам могут пригодиться и послужат своеобразным примером.

У бушменов, по подсчетам Г. Сильбербауэра, 16 охотников одной общины с помощью луков и других орудий убили за год не менее 1433 животных, что составило 9000 кг.

На каждого члена общины (80 чел.), включая детей, пришлось в год более чем по 100 кг мяса (История первобытного общества... 1986. С. 195). Эта цифра особенно интересна, т. к. дает представление о том, сколько нужно мяса в год; сравним ее с нашими показателями по остеологии (Цалкин, 1956; 1960; 1962). Сравнение явно не в пользу тех материалов, которые мы извлекаем из раскопок памятников древних племен (дьяковцев, юхновцев и др.): количество добытых ими диких животных (по нашим выкладкам) на порядки меньше. В итоге: семья в год должна съедать, чтобы выжить, от 150 до 350 кг зерна и 100 кг мяса, — это грубый подсчет.

Какова величина участка, необходимого для прокорма семьи в 5–10 человек?

По мнению ученых, необходимо иметь участок длиной 400–500 м и шириной 100–150 м. Были подсеки в 0,01 — 0,03 га, но они не превышали 1–2 десятины (1,1–2,2 га = 10 000–20 000 м²). Для сравнения, размеры футбольного поля 100 х 45 = 4500 м², т. е. нужно 2–4 футбольных поля на одну семью. Поле может быть удалено от основного села максимум на 20–25 км, по данным русской этнографии (в северных районах), известны случаи удаления до 70 верст (Петров, 1968; Семёнов, 1974). Итак, вокруг городища должны располагаться участки подсеки и их должно быть столько, чтобы прокормить несколько семей; если исходить из представлений археологов, писавших на эту тему, то это 5–8 семей, в каждой из которых по 5–10 человек, а в целом от 40 до 60 человек. Размеры участков, удовлетворяющих нужды такого количества людей, должны составлять от 7 до 12 га, из расчета 1–2 га на семью (Краснов, 1971). Надо сказать, что это «приблизительные» расчеты, эту процедуру можно (и нужно) проводить более точно, я привожу их только для того, чтобы дать изначальное представление о том, с чем мы имеем дело и каков порядок цифр.

Урожайность при подсеке колеблется в пределах от сам-30 до сам-80 (Кларк, 1953. С. 100), т. е. одно зерно приносило 30–80 зерен. Сравним: обычный урожай в Англии составлял сам-15, сам-20 — это при пашенном земледелии (Там же. С. 100). В России в 1909–1913 гг. с 1 га снимали 6,9 ц зерна, что считалось нормой; на душу приходилось до

455 кг, однако около 2/3 вывозилось за границу. Сравним цифры: в Англии в начале XX в. с 1 га снимали 21 ц, т. е. в 3 раза больше, чем в России (БСЭ. Т. 9. С. 519–522). Ясно одно: средняя урожайность на подсеке в три-четыре раза, а в некоторые годы и больше, превосходила урожайность при пашенном земледелии. Преимущества подсеки несомненны, но есть одно обстоятельство, которое сводит все «к нулю»: эта превосходная урожайность может достигаться только в течение трех-четырех лет кряду, после чего резко падает («закон убывающего плодородия»). Необходимо искать новые места. Увы, подсека — это «кочующее» земледелие, по меткому выражению Дж. Кларка.

Но вернемся к нашим расчетам. На участке от 1 до 2 га (1 семья) получали при подсеке, по русским меркам, $7 \times 3 = 21$ ц или $7 \times 4 = 28$ ц зерна (в среднем 25 ц). На одном городище проживало от 5 до 8 семей, следовательно, 25 ц умножаем на 5–8, в итоге получаем 125–200 ц (в среднем 160 ц) зерна (Третьяков, 1932; Дубынин, 1970). Это 16 000 кг. Если 1 мешок = 50–80 кг, то выходит 200–300 мешков. Куда их сложить? Это проблема, если вспомнить размеры площадки городища. Но это зерно — а что делать, когда у вас клубни (репа, например)? Урожай репы с 1 га — 25 000 корнеплодов (Семенов, 1974. С. 152)! Для того чтобы складировать такое количество продукта, нужно, по меньшей мере, несколько пульмановских вагонов. А теперь представьте это все на городище! Может быть, так называемые «длинные дома», или «жилые стены»², служили для хранения продуктов, а мы их предлагаем рассматривать в качестве жилых построек? По-видимому, здесь не все продумано до конца.

На мой взгляд, характер поселения может отражать характер, или тип, земледелия. Встает вопрос, можем ли мы каким-либо образом использовать в качестве источника это наблюдение для решения такой задачи? Думаю, что частично на этот вопрос мы можем ответить положительно. Мы установили, что подсечно-огневая система имеет «кочующий», мигрирующий характер. В связи с

этим мы вправе ожидать, что поселение (городище и селище) должно иметь тонкий слой. Попробуем проверить это допущение. Количество памятников с «тонким культурным слоем» (до 0,5 м) составляет 118 городищ и 141 поселение (я привожу материалы дьяковской культуры, в которой, по моим данным, 260 городищ и 332 поселения). Памятников со значительным слоем (больше 0,5 м) будет чуть меньше, 116 городищ и 100 поселений. Большинство памятников (городища и поселения) дьяковской культуры (как, впрочем, и других) сосредоточены вдоль береговой линии, на мысах, недалеко от кромки берега, что свидетельствует об использовании скорее подсеки, чем паровой системы. Это наблюдение вполне согласуется с высказываниями В.П. Петрова и других ученых, исследовавших устройство сел и починков у подсечных земледельцев Русского Севера, Поволжья и Приуралья (Дмитриев, 1935; Исследования... 1963; Петров, 1968).

В 1998 г. вышла из печати интересная статья, посвященная изучению факта обнаружения под валами дьяковских городищ старопашотных слоев, относящихся к додьяковской (?) эпохе или к периоду начала бытования культуры (Александровский и др., 1998. С. 333–351). Во-первых, в обнаруженном слое много угля и золы, что может свидетельствовать и в пользу подсеки тоже; во-вторых, анализ пылицы древесных пород показывает присутствие сосны, березы и ели, т. е. тех древесных формаций, которые сменяют после пожаров дубы. Подобная ситуация могла сложиться при повторном или трехкратном пожаре участка (на второй и третий год его использования), когда почва участка подвергается многократной расчистке и, возможно, при помощи грядильных орудий (соха). На мой взгляд, данный пример может свидетельствовать о подсечном или переложном земледелии. По ряду признаков, городище, особенно мысовое, могло быть использовано еще до поселения на нем в качестве участка подсеки (Петров, 1968). Но это всего лишь рабочее допущение. Бывает и так, что на городищах либо вообще нет слоя (и этот факт

² Термин «жилые стены» явно неудачен, однако он прижился в археологии. Думаю, что возникла необходимость его замены.

неоднократно отмечался археологами), либо культурный слой сосредоточен в основном по краям площадки и имеет сложную и достаточно мощную структуру, иногда достигая 2 м толщины (Розенфельдт, Юшко, 1973). Фактическое положение дел таково, что культурный слой дискретен. Практически на всех хорошо и полно раскопанных городищах часты прослойки из золы и угля, что свидетельствует о периодических «чистках» на площадках. Исходя из логики событий, которые нам предлагает подсека с ее ритмом — недолгое проживание (3–5 лет) — пропуск (20–30 лет) — опять недолгое проживание (3–5 лет) — и опять пропуск (20–30 лет), — на одном городище одна родовая группа могла провести не более 20–30 из 100 лет (в среднем). Следовательно, за 1000 лет на городище прожили (могли прожить) 200–300 лет, что вполне соответствует накопившемуся культурному слою — от 2 до 2,5 м (по краям площадки).

А теперь попробуем представить, как могла действовать подсечная система в исполнении небольшой группы людей в течение некоего времени (в качестве эксперимента).

Допустим, что некая группа людей выбрала, сообразуясь с требованиями к подсеке, участок земли, назовем его У1. На этом участке жизнь протекает в течение 3–5 лет (рис. 3). В течение этого времени (на втором-третьем году жизни на У1) идет поиск новых подходящих участков. Охота в лесу предоставляет такую возможность. В последний год проживания на У1 (пятый) группа отправляется в путь к новому месту обитания. Происходит это переселение при условии, что вокруг У1 уже все подходящие для земледелия земли использованы; как правило, переселение оправдано, если У2 отстоит от У1 на расстояние от 10 до 30 км (это максимум). Таким образом, следующие 3–5 лет насельники проживут на У2. И так продолжается в течение 20–30 лет; за это время группа сменит от 5 до 8 участков (рис. 3). К этому времени первый участок зарастет лесом и можно возвращаться к нему снова. Все возвращается на круги своя. Итак, можно сделать вывод, что за 100 лет У1 использовался около 20 лет. Подобная ситуация возможна при условии, что не происходит ничего экстраординарного,

если никто и ничто не нарушает привычного хода событий. Речь идет о вооруженных столкновениях, эпизоотиях, пандемиях и прочих катаклизмах и катастрофах планетарного характера (наводнения, лесные пожары, обильные выпадения осадков, засухи и т. д., — т. е. явления не антропогенного характера), которые могут привести к фатальному исходу (Борисенков, Пасецкий, 1988). Однако, несмотря на возможность подобного хода событий, в нашем распоряжении есть археологический материал, который позволяет выделить такие культуры, которые просуществовали около 1000 и более лет, практически мало изменившись во времени и материально. Я имею в виду археологические культуры лесной полосы, например днепро-двинскую, дьяковскую, штрихованной керамики, милоградскую, юхновскую и другие культуры железного века Восточной Европы, использовавшие подсечное земледелие (Медведев, 1994). По многим прямым и косвенным данным, к культурам, применявшим подсеку, можно отнести такие культуры лесостепной полосы, как зарубинецкую, поянешты-лукашовку и др. (Гусаков, 1985).

В качестве аргументов в пользу использования подсеки в этих культурах можно привести такие доказательства. Во-первых, топография памятников, расположение вдоль рек (больших и малых). Они, как правило, расположены «гнездами» на приличном расстоянии друг от друга, от 5–10 км. При стационарном земледелии плотность «усадеб» или поселений намного выше, ярким примером чего могут служить археологические памятники древних германцев в римскую эпоху (Die Germanen, 1983. S. 100–115). Но самым главным аргументом в пользу подсеки я считаю наличие в этих культурах серпов со слабо искривленной кромкой лезвия. Такими серпами срезали отдельно посаженные в лунку стебли злаков, тогда как при плужной посадке, в борозду, плотность (кучность) стеблей возрастает и срезать их надо, зажимая в кулак. Чем длиннее и круче изгиб лезвия серпа, тем проще идет срезка стеблей. Для сравнения я дал образцы римских серпов (рис. 2, III) того же времени, что и серпы лесных культур (рис. 2, II). Отсутствие в культурном слое железных наральников, которые можно

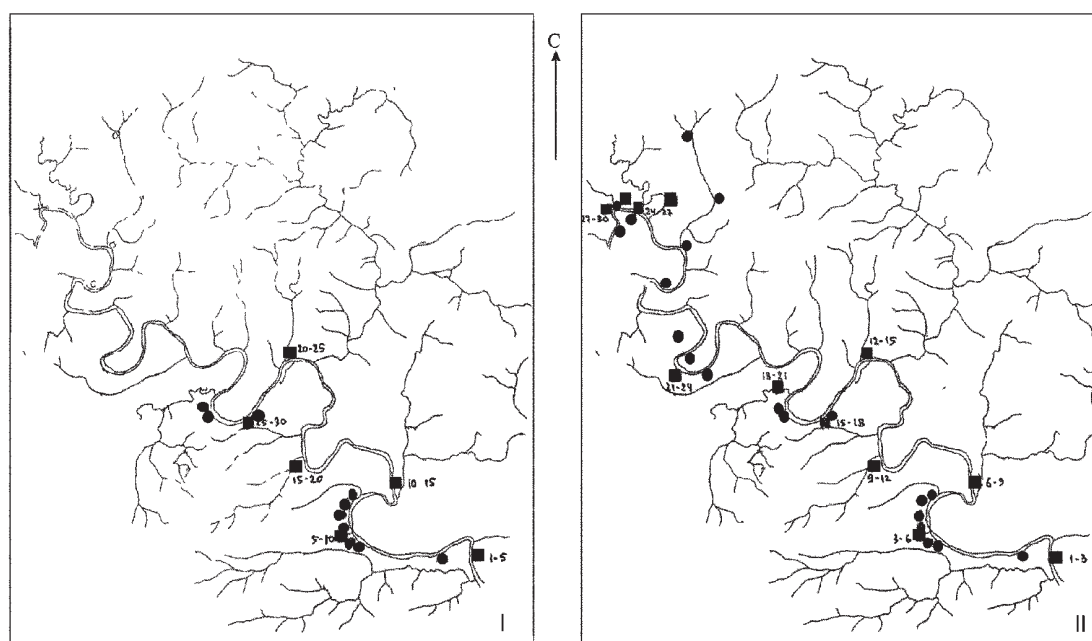

Рис. 3. Темпы движения (освоения пространства) одной общины подсечных земледельцев (реконструкция)

I. Освоение пространства с условием эксплуатации одного «рабочего участка» от 1 до 5 лет на карте Большой Москвы (дьяковская культура).

II. Освоение пространства с условием эксплуатации одного «рабочего участка» от 1 до 3 лет

связывать с использованием плугов или сох деревянных или из рогов животных (Кларк, 1953). Только эти орудия использовались не на первом этапе освоения участка, а после многократной обработки земли, по третьему, четвертому и далее кругу. Правда, эта стадия уже стоит ближе к лесному перелому, что является дальнейшим этапом развития земледелия в лесной полосе.

Из материалов палеоклиматологии по интересующему нас периоду — железному веку Восточной Европы — нам известно, что в периоды с 750 по 500 г. до н. э. (Гальштат) и с 300 по 100 г. до н. э. (Латен) климатическая обстановка выражалась в понижении средних годовых температур, что могло означать обильную влажность, холодное лето, частые наводнения. Напротив, в период с I по IV в. н. э. климат был более теплым и благоприятным для земледелия (Медведев, 1996. С. 13, 14). Однако такие климатические характеристики мало влияли на действие подсеки. Не последнюю роль играли географические широты, в которых развивалась подсека; речь

идет о том, что в период с середины весны до середины лета в северных широтах стоят длинные световые дни, что способствует развитию и вызреванию зерновых и клубневых культур³. Я не исключаю того, что данное обстоятельство могло повлиять на сохранение подсеки вплоть до XX в.

Но подсечное земледелие — экстенсивная форма ведения хозяйства. Подсека все время нуждается в увеличении земельных угодий, и это, разумеется, не бесконечный процесс. В какой-то момент ресурсы иссякают. Возникает кризисная ситуация. В результате приходится либо мигрировать, либо переходить к новым, интенсивным формам земледелия. По-видимому, вначале возникает «перелом» как компромиссная форма хозяйства (или переходная), от него к стационарным формам: двуполью и трехполью, земледелию с парами.

Подведу краткий итог.

1. Подсека — это система земледелия (или комплекс мер) по искусственному воспроизведению посевных культур (зерновых или клубневых) на освобожденных — при

³ 40° с. ш. — широта Греции: самый длинный день в июне — 14 час. 50 мин.; 56° с. ш. — широта Москвы: 17 час. 40 мин.; 60° с. ш. — широта С.-Петербурга: 18 час. 30 мин. (Менчуков, 1977. С. 50).

помощи валки (или порубки леса), пожара древесного материала (для улучшения плодородия почвы), с использованием минимума инструментов, — от леса участках в течение короткого периода времени, от 2 до 5 лет, и дальнейшим «забросом» поля на 20–30 лет, до полной регенерации лесной структуры.

2. Среди ученых давно утвердилось мнение, что подсека — «примитивная» форма земледелия, как правило, начальная форма эволюции обработки земли. Однако никому не приходило в голову, что она в состоянии давать «избыточный» продукт. Подсека достаточно сложная и специфическая форма ведения хозяйства в лесной зоне.

3. Под «избыточным» продуктом я понимаю производство не только продукта, необходимого для прокорма одной семьи, но и продукта, который пойдет на корм домашнему скоту, на семенной фонд и многочисленные «подношения» в пользу жреческого сословия в виде жертвоприношений по случаю праздников, в течение значительного времени, от 6 до 10 месяцев, т. е. до нового урожая.

4. О скорости освоения пространства при подсечном земледелии. В.С. Титов в очерке о движении культуры линейно-ленточной керамики приводит следующие данные об освоении пространства: средняя скорость равна 5,5 км в один год. На протяжении жизни 6–9 поколений эти племена покрыли расстояние в 1000 км, от Будапешта до Элслоо (юг Нидерландов). Одно поколение проходило от 111 до 167 км, т. е. за 20 лет. Это расселение было медленным и следов столкновений не носило (История Европы... 1988 С. 70–85).

5. В ландшафтных условиях России и Северной Европы, при наличии огромных массивов лесов и ограниченных благоприятных климатических условий, подсека являлась единственной формой обработки земли и добычи съестных припасов. Длинные летние дни, прогрев земли в результате пожаров (весна) давали возможность успешно решать задачу выращивания зерновых культур, независимо от сортности зерна и периода его вегетации. Значительный фонд подходящих земель под широколиственными лесами, незначительная плотность населения, обилие свободных пространств также позволяли использовать подсеку в течение длительно-

го времени, не прибегая к усовершенствованию ни способов обработки земли, ни самих орудий труда. Они могли быть довольно примитивными. Происходила консервация навыков труда. Однако, анализируя материалы по истории подсечно-огневой системы земледелия, можно сделать вывод, что подсека за длительный период использования претерпела ряд изменений. Я уже отмечал, что подсека просуществовала от неолита до XX в. (История Европы... 1988; Кларк, 1953; Третьяков, 1932; Петров, 1968; Семенов, 1974; Шнирельман, 1989; Милов, 1998). Естественно, что в течение столь длительного периода она не могла не меняться. Суть оставалась прежней, основу подсеки составлял пожар лесной растительности. Но в деталях приемы подсеки менялись; в археологическом «измерении» маркерами этих изменений могут выступать инструменты. Прежде всего, это совершенствование топоров, ножей, серпов, кос и других инструментов сельского хозяйства. Кратко эта тенденция в изменении подсеки мне видится так.

А. Эпоха неолита. Каменный топор, несмотря на свою совершенную форму, не давал возможности производить порубку больших деревьев за короткое время. Поэтому, наряду с порубкой доступных деревьев, основная их масса «подсекалась», «подсочивалась», — проще говоря, сдиралась кора. Валка деревьев отдавалась на волю ветру («ветровал»). Длительность подготовки участка к посеву затягивалась на многие годы (5–10 лет). На участках еще долго стояли не срубленные крупные деревья, и сев производился в пустых пространствах.

Б. Эпоха бронзы. Наряду с каменным топором используется бронзовый — кельт. Появляется бронзовый серп, производительность которого выше, чем у ножа или каменного серпа с вкладышами. Участки уже расчищаются почти дочи́ста. Увеличивается количество участков под посев. Производительность неизмеримо выше. Но главная проблема — поступление рабочего материала, бронзовых топоров и серпов, которое зависело от центров производства орудий труда. Лесная зона Восточной Европы была равноудалена от Урала, Кавказа, Балкан и Северной Скандинавии. Поэтому в этих землях могли

надолго задержаться архаичные формы подсеки.

В. Эпоха железа (Гальштат). По-моему, это «переходная эпоха» для Восточной Европы. С появлением железного топора, ножей, серпов к концу эпохи Гальштата развитие подсеки сильно продвинулось.

Г. Эпоха Латена. Начиная с VI–V вв. до н. э. подсечное земледелие становится доминирующим типом хозяйства. Топор, серп, появление короткой косы и, возможно, небольшого наральника для сохи, для многократной обработки почвы, — дали ощутимый результат в развитии подсеки. Сев идет в борозды. Из не сожженных крупных деревьев делаются временные изгороди, огораживающие участок. К этому времени совершенствуется система смены полей под посев различных культур — клубневых и зерновых. По сути, к концу Латена возникают первые представления о смене культур, сокращении срока «залежи» земли под паром. Возникают комбинированные формы земледелия **подсека — перелог**.

Эти наблюдения носят предварительный характер и нуждаются в уточнении.

Негативные стороны подсеки.

Сведение лесов, уход промысловых животных от пожаров, оскудение рыбного поголовья от «запоров» рек и притоков приводят к истощению ресурсной базы. Пожог лесных угодий, прежде всего лиственных пород (дуба, вяза, клена, липы, бука, березы и т. д.), приводит к значительному изменению лесной флоры, что непременно сказывается на урожайности. Человек идет не только вслед за животными, но и за лесными угодьями, прежде всего широколиственными породами. Нужна зола после пожара, которая и является главным источником плодородия и восстановления почв. Оскудение ресурсов ведет к миграциям, правда, этот процесс носит не глобальный, а локальный характер. Но с течением времени наступает момент, когда переселенцы начинают сталкиваться друг с другом, не обязательно военным образом. Происходит взаимная адаптация к изменившимся условиям при помощи изменения способов возделывания земли, т. е. осуществляется переход к «переходным» формам — перелогу. В оборот включаются земли, еще не успевшие набрать силу, происходит исполь-

зование земель, не долежавших до нужного срока. Срок залежи сокращается с 25–30 до 10–15 лет. Восстановление плодородия земли происходит за счет увеличения объема скотоводства и продуктов скотоводства (использование экскрементов животных). Увеличение поголовья крупного рогатого скота и коневодства. Каким набором аргументов мы располагаем, если использовать материалы археологии?

1. Орудия земледелия. Инструменты — серп, зернотерка, нож, коса, палка-копалка (роговой наконечник). Измерение кривизны серпа — чем круче изгиб внутренней режущей кромки лезвия серпа, тем ближе этот серп к типам, использующим паровое или стационарное земледелие. Меньше кривизна лезвия — ближе к подсеке.

2. Набор семян: просо, ячмень, пшеница, лен — без сорняков, значит, мы имеем дело с подсекой. Если есть сорняки, скорее всего, мы имеем дело с участком, на котором использовалась паровая система.

3. Состояние скотоводства: если состав домашних животных забит до трех лет (молдня), то скотоводство, вероятнее всего, стоит на низком уровне. Наличие костей диких животных в объеме до 1/3 от общего числа — значит, охоте уделяется значительное время; при паровом хозяйстве нет времени заниматься подсобными промыслами (только в глухозимье в течение 1 месяца).

4. Топография поселений: расположение их «кучно» у воды (большая семья, ловища рыбы), большие расстояния между гнездами поселений — скорее всего, мы имеем дело с подсекой.

При ведении подсечного земледелия значительна роль дополнительных способов получения продуктов питания (охота, рыболовство и собирательство). В «неурожайные» годы охота и рыболовство выходят на первый план. Адаптивность подсечного земледельца много выше, чем охотника и даже лесного скотовода, в случае необходимости он может стать на время охотником и рыболовом, тогда как охотник не станет в одночасье земледельцем — у него на генетическом уровне нет таких навыков (Алексеев, 1985. С. 118, 119).

Во-вторых, охота и рыболовство способствуют поиску новых мест для подсеки. При

стационарном земледелии «плотность» занятости крестьянина чрезвычайная. У него нет «резерва» времени, чтобы в полном объеме заниматься охотой и рыбной ловлей. Заметим, что стационарный земледелец тратит много времени на уход за скотом. Он занят не только селекцией растений, но и селекцией домашних животных, в которой не последнюю роль играет выведение и совершенствование «тягловой силы», лошадей и волов. Овцеводство становится не только добычей мяса, но и добычей шерсти и кожи, т. е. носит специализированный характер, к этому прибавим птицеводство и пчеловодство. Подсечному земледельцу, с его постоянной сменой места обитания, подобные виды работ недоступны. Он не может содержать такое количество живности в своем хозяйстве. Домашний скот — мелкий, по параметрам конституции не развитый, что свидетельствует об отсутствии целенаправленной селекции. Процент костей домашних животных от общего объема костного материала едва превышает долю дикой фауны (Цалкин, 1956; 1960; 1962; Гусаков, 2001).

В-третьих, в основе трудовой деятельности человека, живущего в северных широтах лесной зоны Восточной Европы, лежит главная проблема подготовки к долгому зимнему периоду и максимальной заготовки продуктов на этот период, не только для себя и членов семьи, но и для скота, оставленного

на племя. Это проблема выживания в течение 4–6 месяцев. Я не исключаю факта возникновения подсеки еще в эпоху неолита и бронзы, у лесных скотоводов, потому что содержать скот в зимний период было достаточно не просто, перемещать скот практически невозможно, только лошадь в состоянии добывать себе пищу из-под снега. Значит, вставала проблема сбора необходимого количества фуража для стационарного содержания скота зимой, хотя бы только скота, оставленного на племя. Но это соображение нуждается в доказательствах, в частности, в наличии серпов и кос в инвентаре этих культур.

В-четвертых, объем занятости населения, использующего подсеку, по количеству времени, потраченного в течение года на все виды работ, много меньше, чем при стационарном (пашенном) земледелии. Это утверждение может быть доказано, если мы сравним все виды трудовой деятельности в течение одного года. Сравним календарь охотника, рыболова, собирателя, подсечного и пашенного земледельца в течение одного календарного года (табл. 1). Значительная часть праздников имеет прямое отношение к хозяйственной деятельности. И еще одно замечание к предлагаемой мною таблице. Сроки «занятости» в течение одного года в различных видах трудовой деятельности даны мною неполно, выбраны наиболее «главные сюжеты»; естественно, календарь может (и дол-

Таблица 1

Сравнительная таблица занятости по видам трудовой деятельности

Год и месяц	весна			лето			осень			зима		
	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль
Сутки		Длинный день, короткая ночь										
		Короткий день, длинная ночь										
Приметы погоды	Таяние снега, ледоход		Рост трав	Грозы, дожди, лист		Жара,	Дожди, сброс листвы		Грязь	Снегопад, ледостав		Снежный покров
Рыболовство	Нерест						Осенний жор		Подледный лов			
Охота		Прилет птиц, гнездование, охота на птицу					Охота на копытных (лось, олень, косуля)		Охота на пушного зверя		Пушного зверя	
Собира- тельство		Сбор яиц,		Сбор моллюсков		Сбор грибов, ягод, плодов		Сбор желудей				
Скотоводство	Приплод		Выгон скота на луга	Случка		Пастушество, выпас на лугах, опушках				Загон в стойло		Стойловое содержание скота, приём родов
Подсека			Рубка леса, пожар, сев			Поиск новых участков, охрана поля, заготовка		Жатва		Рубка леса		Ремесло
Пашенное	Подготовка инвентаря		Обработка поля, сев			1 покос		2 покос, жатва		Обработка поля, вывоз навоза		Гончарство, ткачество, металлург, кожевннное

жен) быть дополнен. Кроме того, сроки даны «огрубленно», т. к. многое зависит от массы условий: капризов климата, специфики местных ландшафтов, количества одновременно действующих людей и т. д.

Из табл. 1, видно, что охота и рыболовство наиболее эффективны в сравнительно короткие периоды, которые связаны с биологическими ритмами поведения животных: нерест, периоды гона и спаривания, яйцекладки и т. д., т. е. в те периоды, когда животное менее всего думает об опасности. Собирательство в основном тоже носит краткосрочный характер и почти совпадает по месяцам с охотой и рыболовством. Скотоводство и пашенное земледелие практически «закрывают» весь год, подсечное земледелие, напротив, занимает только часть года, от конца весны до начала осени. Зима, как правило, у земледельцев уходит на приготовление и поправку инвентаря, изготовление посуды, одежды и т. д.

Подсечное земледелие создает резерв времени, позволяющий заниматься подсобными видами добычи продуктов. У скотовода и стационарного земледельца этого времени нет. «Свободные» отрезки времени (ячейки в табл. 1), таковыми не являются, на самом деле они заполняются разного рода работами, которые напрямую не связаны с основной деятельностью.

Итак, еще раз, какие археологические признаки указывают на использование подсеки?

Первое — вещевой инвентарь: 1) серпы со слабо выраженной кривизной (короткой режущей кромкой), 2) зернотерки не ротационного типа действия (не вращающегося типа), 3) ножи с горбатой спинкой, 4) отсутствие наральников, 5) наличие роговых насадок на палки-копалки, — все это, по-моему, свидетельства подсеки или перелога.

Второе — топография памятников: они расположены только вдоль больших и малых рек, длинной цепочкой в прибрежной зоне. Памятников в «глубине» или в отдалении от крупных рек почти нет. Осваивались только опушки, края лесных массивов. Нет памятников вблизи болот или болотистых мест, т. к. они представляли серьезную опасность при пожарах: во время пожара участка не ис-

ключена вероятность «неуправляемого» распространения огня, особенно в засушливые сезоны. Неуправляемость может привести к вынужденной смене места обитания, и на достаточно большие расстояния. В том, что поселения располагаются по берегам больших и малых рек, я вижу следствие подсеки: в случае опасности можно было быстро сменить место обитания — либо уйти на противоположный берег, либо по реке выйти дальше из опасной зоны.

Третье — разреженность памятников: они удалены на значительные расстояния друг от друга; при стационарном земледелии плотность поселений намного выше, чем при подсеке.

Четвертое — стратиграфия культурного слоя памятников (городищ и поселений) имеет дискретный характер, что указывает на непродолжительные периоды их использования.

По всем признакам, использование подсечно-огневой системы земледелия в лесной зоне Восточной Европы носило вынужденный характер, это был единственно возможный способ выжить в далеко не простых обстоятельствах. Возможно, что в лесной зоне это был первый этап в развитии производящего хозяйства. Обилие подходящих лесных массивов, отсутствие длительное время соседей (конкурентов), малопродуктивные и болотистые почвы, нестабильные климатические условия, — все это позволило населению создать своеобразную «консервативную» культурную среду, использующую минимальное количество рабочего инвентаря и примитивные (экстенсивные) способы ведения хозяйства.

Естественно, подсека не могла конкурировать в лесостепной зоне с перелогом или стационарной системой земледелия (в эпоху железа), особенно когда на вооружение крестьян поступили плуги тяжелого, колесного типа с воловьей упряжкой. Но плотность населения и военные столкновения приводили к оттоку населения в лесную зону, где вчерашние пашенные земледельцы становились подсечными; думаю, так было со славянами при колонизации ими северных, лесных районов. Но это другая история.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александровский А.Л., Кренке Н.А., Спиридонова Е.А., Янишевский Б.Е., 1998. Изучение валов и погребенных под ними почв на дьяковских городищах Троицкое, Луковня-2 и Коробово в Подмоскowie // ТАС. Вып. 3.
- Алексеев В.П., 1985. Человек: эволюция и таксономия. М.
- Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. (Археология СССР)
- Бессмертный Ю.Л., 1991. Жизнь и смерть в средние века // Очерки демографической истории Франции. М.
- БСЭ — Большая советская энциклопедия. М., 1976. Т. 23. 3-е изд.
- Борисенков Е.П., Пасецкий В.М., 1988. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.
- Бродель Ф., 1992. Время мира: Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. В 3-х тт. М.
- Бродель Ф., 1995. Что такое Франция? М. Кн. 2: Люди и вещи.
- Брюсов А.Я., 1957. К вопросу об истории земледелия в датской археологической литературе (1950–1953) // СА. № 2.
- Вебер М., 2001. Аграрная история Древнего мира. М.
- Гензель В., 1986. Культура и искусство польского поморья в эпоху раннего средневековья (VII–XI вв.) // Славяне и скандинавы. М.
- Геродот, 1972. История. М. Кн. IV: Мелпомена.
- Гунова В.С., Кирьянова Н.А., Кренке Н.А., Низовцев В.А., Спиридонова Е.А., 1996. Земледелие и система землепользования в долине Москвы-реки в железном веке // РА. № 4.
- Гусаков М.Г., 2001. К вопросу о роли подсечного земледелия в эпоху раннего железного века в лесной зоне Восточной Европы // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Тез. докл. 9 науч. конф. Калуга.
- Дельбрюк Г., 1936. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1 // Античный мир. М.
- Дмитриев П.А., 1935. К вопросу о земледелии в восточно-уральском родовом обществе // Из истории родового общества на территории СССР. М.; Л.
- Дружинина О.А., 2003. К вопросу о возникновении земледелия на территории Калининградской области // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск. № 7.
- Исследования по материальной культуре мордовского народа: Тр. Мордовской этнографической экспедиции. М., 1963. Вып. II.
- История Европы. М., 1988. Т. 1: Древняя Европа.
- История крестьянства в Европе. М., 1985. Т. 1: Эпоха феодализма.
- История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986.
- История первобытного общества. Эпоха классовобразования. М., 1988.
- Каутский К., 1923. Происхождение христианства. М.; Л.
- Кирьянов А.В., 1959. История земледелия Новгородской земли X–XV вв.: По археологическим материалам // МИА. № 65.
- Кирьянова Н.А., 1992. Сельскохозяйственные культуры и системы земледелия в лесной зоне Руси XI–XV вв. М.
- Кларк Г., 1953. Доисторическая Европа. М.
- Клименко В.В., Климанов В.А., Сирин А.А., Слепцов А.М., 2001. Изменение климата на западе Европейской части России в позднем голоцене // Доклады АН. География. М. Т. 376. № 5.
- Конецкий В.Я., Самойлов К.Г., 2001. Некоторые спорные вопросы изучения пашенного земледелия в лесной зоне Восточной Европы I тысячелетия н. э. // ТАС. Вып. 4.
- Краснов Ю.А., 1967. О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы // СА. № 1.
- Краснов Ю.А., 1969. Ранняя история культуры пшеницы в свете археологических данных. // МИА. № 169. С. 96–104. М.
- Краснов Ю.А., 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.
- Краснов Ю.А., 1990. Хозяйственно-культурные типы Восточной Европы эпохи раннего железа // КСИА. Вып. 197.
- Куркина Л.В., 2000. Славянские термины подсечного земледелия на индоевропейском фоне // Балто-славянские исследования. М.

Ле Гофф Ж., 1992. Цивилизация средневекового Запада. М.

Маслов С.П., Антипина Е.Е., 1993. К вопросу о взаимоотношении подсечно-огневой и паровой систем земледелия (экологический аспект) // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.

Материальная культура, 1989. Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 3, М.

Медведев А.М., 1996. Беларусское Понеманье в раннем железном веке. Минск.

Меньчуков А.Е., 1977. В мире ориентиров. М.

Милов Л.В., 1998. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.

Петров В.П., 1968. Подсечное земледелие. Киев.

Разин Е.А., 1955. История военного искусства. М. Т. 1–3.

Розенфельдт Р.Л., Юшко А.А., 1973. Список археологических памятников Московской области. М.

Рыбаков Б.А., 1979. Геродотова Скифия. М.

Рыбаков Б.А., 1981. Язычество древних славян. М.

Рыбаков Б.А., 1982. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.

Рыбаков Б.А., 1987. Язычество Древней Руси. М.

Семёнов С.А., 1974. Происхождение земледелия. Л.

Семёнов Ю.И., 1966. Как возникло человечество. М.

Сергеев М.И., 1955. Некапиталистический путь развития малых народов Севера // Тр. Института этнографии. М.; Л. Т. XXVII.

Смирнов К.А., 1992. Развитие производящего хозяйства у населения Волго-Окского междуречья в I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. // Древности славян и финноугров. СПб.

Тацит К., 1969. Анналы. Малые произведения. Л. Т. 1–2.

Третьяков П.Н., 1932. Подсечное земледелие в Восточной Европе // ИГАИМК. Л. Т. XIV. Вып. 1.

Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А., 1985. Народы, расы, культуры. М.

Цалкин В.И., 1956. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси // МИА. № 51.

Цалкин В.И., 1960. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. № 53.

Цалкин В.И., 1962. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе // МИА. № 107.

Цезарь К.Ю., 1948. Записки о галльской войне. М.; Л.

Шнирельман В.А., 1989. Возникновение производящего хозяйства. М.

Die Germanen. Berlin, 1983. Bd. II.

Simek E., 1953. Velka Germanie Klaudia Ptolomeia. Brno.

М.Б. Тугус
Государственный Исторический музей, Москва

К ВОПРОСУ ОБ ОСВОЕНИИ И ЗАСЕЛЕНИИ МОСКОВСКОГО УРОЧИЩА «ГЛИНИЩИ» В КИТАЙ-ГОРОДЕ В XII — СЕРЕДИНЕ XVII в.

Истории древней Москвы, ее топографии, топонимии, заселению, строительству, планировке посвящено множество научных монографий и статей историков, археологов, этнографов, архитекторов, градостроителей.

В предлагаемой статье рассматриваются история освоения и заселения одного из древних урочищ Китай-города — «Глинищи», — его топография, топонимия, социальный состав населения XII — середины XVII в.

Основными архивными документами, использованными в работе, были отчеты Московского отряда Московской археологической экспедиции Института археологии АН СССР за 1964–1967 гг., планы древней Москвы XVI–XVIII вв. из собрания ГИМ, черновые материалы к указателю московских церквей М.И. Александровского, работа историка Москвы И.Е. Забелина «История Москвы. Ч. II. Посад», хранящиеся в их личных фондах Отдела письменных источников ГИМ.

Московская церковь Св. Троицы, что в Никитниках, — бывший филиал ГИМ (1928–2008 гг.), уникальный памятник древнерусской культуры XVII в. (Рис. 1). Она расположена в древнем московском районе, Китай-городе, в Никитниковом переулке, сбегающем по склону возвышенности от Ипатьевского переуллка к Старой площади. Письменные источники сохранили древнее название этой местности — урочище «Глинищи». По определению

В.И. Даля, «урочище» («уречище») — яма или копь, где берут глину (Даль, 1994. Т. 1. С. 355; Т. 4. С. 510). И сейчас в переулке хорошо видна часть древнего водораздела между Москвой-рекой и р. Неглинной, занимавшего некогда территорию Великого посада. Исследованиями и наблюдениями Московского археологического отряда ИА АН СССР в 1964–1967 гг. выявлена западная граница урочища «Глинищи», связанного с самыми ранними разработками глины в древней Москве на территории Китай-города, уточнено время заселения урочища и квартала между Ипатьевским и Никольским переулками (бывший проезд Владимирова).

Западная граница урочища проходила по восточной окраине Ипатьевского переуллка (НА ИА РАН. Ед. хр. Р-1/2984. Л. 9). При строительных работах в районе Ипатьевского и Никитникова переулков на территории «Глинищ» вскрыт мощный глиняный пласт. Археологи обнаружили следы разработки глин: перекопы, выемки глыб, большие ступенчатые ямы, на дне которых найдены фрагменты керамики, датированные XII–XIII вв. и более ранним временем. Д.А. Беленькая на основе археологических данных пришла к выводу, что в домонгольский период в восточной части Китайгородской возвышенности в этом урочище добывалась глина и располагалось керамическое производство (НА ИА РАН.

Рис. 1. Церковь Троицы в Никитниках, вид с юго-запада

Ед. хр. Р-2/2108. ЛЛ. 23–24; Розенфельд, 1968. С. 10).

Для древнерусских поселений характерно размещение мастерских ремесленников огненных профессий на окраине, в безопасном удалении от жилищ. Добыча глины, ее обработка в домонгольское время происходили рядом с поселением. Его следы обнаружены археологами в районе Ипатьевского переуллка, западнее урочища (НА ИА РАН. Ед. хр. Р-2/2108. Л. 40). Д.А. Беленькая допускала, что «Глиници» топографически были связаны с более ранним поселением, вероятно, одним из сел боярина Стефана Кучки, а не с намечавшимся в XII–XIII вв. будущим Великим посадом Москвы. В домонгольское время между урочищами «Глиници» и «Кулишки», в районе Подкопаева, перебираясь через речку Рачку, шла от Кремля дорога на юг — на Коломну и Рязань. В 1967 г. в Ипатьевском переуллке были обнаружены остатки деревянной мостовой, пересекавшей квартал с запада на восток. Возможно, эта мостовая конца XIV — начала

XV в. — след еще одной дороги домонгольского периода. По-видимому, чуть западнее района Ипатьевского переуллка дорога могла круто сворачивать на север-северо-восток, к урочищу «Кучково поле», к церкви Св. Троицы в Старых полях, пройдя место будущих Сретенских, или Владимирских, ворот Белого города. Она вела во Владимир (Там же. Л. 30).

Во второй половине XIII–XIV вв. бурный рост посада и увеличение московского населения привели к тому, что усадьбы подступили вплотную к урочищу, где продолжались разработки глиняных копей. Археологи по керамике определили, что участок, расположенный в непосредственной близости к северному краю глиняного пласта, был застроен в первой половине XV в., а западнее — еще в XIV в. и в домонгольское время. По их предположениям, первоначальная застройка посада «обтекала» территорию «Глиници» из-за расположенного здесь керамического производства (НА ИА РАН. Ед. хр. Р-1/2984. Л. 5). Именно для второй половины XIII–XIV вв.

характерно топографическое единство урочища со складывающимся посадом.

К этому же времени относится начало разработок глины восточнее Китай-города — в районе улиц Маросейки и Глинищевского переулка, где зафиксированы мощные пласты красножгущихся глин. Позже гончарное производство переместилось на восток, за р. Яузу. Начало существования Гончарной слободы на р. Яузе совпадает с окончанием разработок глин недалеко от Кремля. Прекращение разработок в урочище относится к концу XIV — первой половине XV в., т. к. найденные фрагменты срубов с керамикой, ставших на месте бывших разработок, датируются серединой и второй половиной XV в. (НА ИА РАН. Ед. хр. Р-1/3139. Л. 1). Заселение территории урочища относится ко второй половине XV в.

В 1964 г. на месте разработок был обнаружен культурный слой XV в., исследована северная часть урочища. Его заселение датируется второй половиной XIV — началом XV в., восточнее церкви Св. Троицы — первой половиной XV в.

Почти в центре, западнее церкви, археологи обнаружили остатки двухкамерного сруба, внутри которого найдено 450 фрагментов керамики, датированной концом XV — началом XVI в. (НА ИА РАН. Ф. 1. Ед. хр. Р-2/2108. Л. 147). В этом районе культурный слой начал откладываться в последней четверти XV в., его толщина не более 20–30 см.

В XV в. характерной особенностью застройки нагорной части посада было множество пустырей между усадьбами. Мощность культурного слоя на разных его участках различна. Это говорит о разной интенсивности освоения отдельных районов. В квартале между Ипатьевским и Никольским переулками толщина слоя XV в. превышает 50 см, на территории «Глинищ» (Никитников переулок) составляет 20–40 см (НА ИА РАН. Ф. 1. Ед. хр. Р-2/2108. Л. 148). К концу XV в. была освоена фактически вся территория Великого посада, включающая застройку «Глинищ». Особенность заселения восточной нагорной части посада, по мнению археологов, в том, что усадьбы располагались редко и были большими.

Благодаря археологическим исследованиям в районе урочища выявлены ремесленные

комплексы, остатки хозяйственных построек, срубы колодцев, фрагмент деревянной мостовой XIV–XV вв., к северо-востоку от церкви Св. Троицы — угол сруба, заполненного фрагментами печной обмазки, керамики и обожженных костей животных, множеством обрезков кожи и т. д.

Таким образом, судя по находкам, ремесленники занимались гончарным, косторезным ремеслом, обработкой кожи, металла и изготовлением металлических изделий, ткачеством (Там же. Л. 126). Узкую специализацию ремесленников из-за разрозненности найденных вещей археологам не удалось определить. Постепенное освоение территории «Глинищ» жилой усадебной застройкой во второй половине XV в., появление первого небольшого деревянного посадского храма «мученика Микиты на Глинищах», поставленного в третьей четверти XV в., обусловили появление около церкви переулков Никитникова и Ипатьевского. Они соединили между собой усадьбы и улицы Великого посада — Ильинку и Варварку. Ипатьевский переулок, огороженный к этому времени усадебными территориями, появился на месте древней дороги, идущей на север-северо-восток. Название он получил по церкви Ипатия Гангрского, построенной внутри городской усадьбы недалеко от ул. Ильинки. Впервые церковь упоминалась в письменных источниках в 1472 г. (ОПИ ГИМ. Ф.465. Ед. хр. 8. Л. 116).

Никитников переулок получил название по церкви «Св. вмч. Никиты-воина, что на Глинищах». Вероятнее всего, возник в последней четверти XV в. По письменным источникам XVII в. известно, что предшественницей церкви Троицы в Никитниках, построенной в 1634 г. на деньги московского гостя Григория Леонтьевича Никитникова около его городской усадьбы, была деревянная церковь Никиты-воина. Исследователь этого памятника Е.С. Овчинникова относил появление деревянного храма ко второй половине XV в. (Овчинникова, 1962. С. 175–176). Судя по Петрову чертежу 1598–1600 гг. (ИЗО ГИМ. Арх. гр. Ед. хр. 42949/л-39), первая церковь стояла несколько севернее каменной церкви Св. Троицы. В 1964 г. археологи зафиксировали вдоль западной галереи церкви южную границу древнего кладбища, обнаружили погребения

в долбленных гробах, фрагменты белокаменных надгробий XVI в., что свидетельствует об устойчивости захоронений и существовании кладбища при церкви с конца XV в. (НА ИА РАН. Ед. хр. Р-1/2984. Л. 14).

В названии церкви Никиты-воина есть уточнение места постройки — «что на Глинищах». М.И. Александровский, сотрудник ГИМ, исследователь московских церквей, считал, что церковь была поставлена до 30-х гг. XVI в., т. е. до сооружения Китайгородской стены, разделившей урочище на две части (Александровский, 1990). Правда, уже в 1460 г. в письменных документах упоминается еще одна деревянная церковь, «Спаса на Глинищах», стоявшая восточнее церкви Никиты-воина. Она, так же как Никитский деревянный храм, располагалась за древним валом и рвом — первыми оборонительными сооружениями Великого посада конца XIV в., проходившими по линии Б. Черкаского — Никольского переулков (проезд Владимирова) к Москве-реке. Устойчивость единой линии переулков, ее четкое изображение на планах древней Москвы конца XVI–XVII вв. говорят о том, что линия укреплений возводилась с учетом особенностей местного рельефа. Линия поздних переулков объединила ранние дороги посада, известные западнее урочища «Глинищи».

Таким образом, ко второй половине XV — началу XVI в. на территории бывшего урочища около церкви переулки соединили между собой усадьбы и улицы. Наряду с ремесленниками в этом районе со второй половины XV в. жили священнослужители, селились боярские и княжеские семейства. Политические события второй половины XIV–XV в. привели эти семейства из соседних княжеств-государств. За службу московскому князю они получали вотчины за стенами Кремля, рядом с существовавшим еще в домонгольское время поселением около урочища. Так, чуть севернее «Глинищ», по документам 1626 г., северо-восточнее усадьбы московского гостя Г.Л. Никитникова, располагалась усадьба стольника Ивана Плещеева, потомка черниговского боярина Федора Бяконта, пришедшего с семейством на службу к московскому князю в 1335 г. Юго-западнее церкви, в Никитниковом переулке, по обе стороны была

усадьба князей Татевых, потомков князей Стародубских, появившихся в Москве в конце XIV — начале XV в. (Переписные книги города Москвы... 1881. Т. 1. С. 7; НА ИА РАН. Ед. хр. Р-21/2984Б).

Раскопки в районе Ипатьевского и Никитникова переулков выявили белокаменную усадебную постройку второй половины XVI в. на территории, принадлежавшей князьям Татевым. По мнению Д.А. Беленькой, археологическое изучение посада опровергло старую историческую схему, в соответствии с которой посад представлял собой «торгово-ремесленный, примыкающий к аристократическому центру» район. «Новое решение проблемы посада: в ее основе... лежит исконная феодальная собственность на землю, занятую растущим посадом, что и находит свое выражение в наличии на посаде усадеб землевладельцев, усадеб, заселенных зависимым людом, и прежде всего ремесленниками» (НА ИА РАН. Ф. 1. Ед. хр. Р-2/2108. Л. 195).

В XIV в. посад, получивший название Большого, или Великого, занял почти всю территорию между реками Москвой и Неглинной, кроме урочища «Глинищи», и был единственным посадом Москвы, по определению И.Е. Забелина, несмотря на то что «... в других местностях вокруг Кремля города посадское население между селами и монастырями еще только нарождалось...» (Забелин. История Москвы. Л. 15). В 1534–1538 гг., со строительством новых оборонительных земляных и каменно-кирпичных укреплений, его границы были расширены, в том числе и за счет включения урочища «Глинищи», к этому времени застроенного усадьбами бояр, священнослужителей, купцов, ремесленников и небольшой деревянной приходской церковью «Никиты-мученика, что в Глинищах».

Для постройки Китайгородской стены «все граждане Москвы... от митрополита и прочего духовенства, князья и бояре, гости и торговые люди, и все посадские были обложены особым сбором “кто чего точен”, т. е., сколько по своим прожиткам может и должен дать. Всем без исключения был указан свой урок сбора» (Там же. Л. 18).

До постройки третьего полукольца оборонительных сооружений Москвы — стен Белого города (вторая половина XVI в.) — Посад

назывался Новым городом (Старым городом называли Кремль), и лишь со второй половины XVI в. — Китай-городом (Там же. Л. 19). С XVI в. на территории Китай-города строятся: Соляной, Кузнецкий, Мытный, Гостиный, Печатный дворы, таможня, здания некоторых приказов, новые каменные торговые ряды. Китай-город превращается в крупный торгово-административный центр, ремесленников вытесняют на окраины Москвы, за стены Китай-города, в том числе и в район урочища.

Многочисленные набеги врагов на Москву в XVI–XVII вв., опустошительные пожары не раз меняли застройку и урочища «Глинищи». По археологическим данным, в XVI–XVII вв. уменьшаются размеры восстанавливаемых усадеб, увеличивается их число. В 1571 г. при нашествии хана Девлет-Гирея сгорела деревянная церковь Никиты-воина, но была вновь возведена из дерева между 1571–1579 гг. (Третьяков, 1903. С. 11).

Исследование древних храмов Москвы по материалам ГИМ дало интересные сведения по застройке урочища. Так, на Сигизмундовом плане 1610 г. показана деревянная церковь Никиты-воина в окружении усадеб, Никитников переулочек исчез, он застроен (Сигизмундов план... 1610). На плане Олеария 1634 г. — только что отстроенная на месте деревянной церкви Никиты-воина каменная церковь Троицы в Никитниках. Рядом с церковью, с северо-востока, — вновь отстроенная после пожара 1626 г. усадьба московского гостя Г.Л. Никитникова, переселившегося в Москву из Ярославля в 1613 г. На карте обозначен и Ипатьевский переулочек с церковью Ипатия Гангрского, и снова существующий Никитников переулочек с характерным изломом около церкви Троицы в Никитниках (Фрагмент плана... 1634).

Точность плана Олеария 1634 г. подтверждает ценный письменный документ — «Переписная книга по Кремлю и Китай-городу», составленная в мае 1626 г. окольничим кн. Г.К. Волконским и дьяком В. Волковым по указу царя Михаила Федоровича Романова и его отца, святейшего патриарха Московского и Всея Руси Филарета Никитича, в связи с великим московским пожаром 3 мая 1626 г., уничтожившим большую часть Китай-города. Одна из выявленных причин пожара — густота застройки в Китай-городе и нарушение

установленных еще в XVI в. городских мер улиц, переулков, расстояний от жилых усадеб до городских крепостных стен, церквей. Раскрылся вообще великий беспорядок в размещении жилищ, особенно вокруг церквей, земли которых священники «самовольно распродавали для дохода обывателям. В иных местах дворы попов были приткнуты... к церкви за углом, приставлены даже к алтарям и во многих местах дворы от стен храма стояли только на 2 или 3 сажени» (Забелин. История Москвы. Л. 25). Перепись городского нестройства, строгая регламентация размеров — большие улицы в ширину 12 сажен, а переулки по 6 сажен, от городской (Китай-городской) стены дворы ставлены на 8–10 сажен — обозначили и местоположение дворов, принадлежавших более или менее известным или знатным лицам первой четверти XVII в.

Среди дворов в районе урочища впервые в переписных книгах упоминается владение московского гостя Г.Л. Никитникова в Никитниковом переулке: «Из Ипатского переулка переулочек к Китай-городу промеж дворов князя Федора, да князь Ивана Татевых, и промеж Богданова двора Грязева и Григорьева двора Микитникова переулочек 2 саж., и тому переулочку быть по-прежнему» (Переписные книги города Москвы... 1881. Т. 1. С. 27). Между усадьбой Г.Л. Никитникова и городской стеной сохранить надлежало меру 11 сажен, как было при царе Федоре Иоанновиче в конце XVI в.

Д.А. Беленькая составила по переписям 1626 и 1642 гг. план-схему усадеб Китай-города с именами их владельцев (НА ИА РАН. Ф. 1. Ед. хр. Р-2/2108а. Л. 1). По этому плану, в районе урочища «Глинищи» соседями купцов Никитниковых были с запада владельцы дворов-усадьб князя Иван и Федор Татевы, потомки князей Стародубских. Известно, что их дед получил боярство в 1583 г., князья были бездетны, и после смерти Федора в 1630 г. усадьба в 40-х или 50-х гг. XVII в. была передана Сибирскому царевичу, ставшему прихожанином церкви Троицы, ее богатым вкладчиком. Его имя встречается в Синодике церкви.

Северо-западнее усадьбы Никитниковых располагалась усадьба дьяка Федора Апраксина, севернее — стольника Ивана Плещеева, южнее, по другую сторону переулка, — двор

Богдана и Ивана Грязевых. Известно, что Иван Грязев был дяком. Рядом, вдоль Ипатьевского переулка, между улицами Ильинкой и Варваркой, — владения представителей различных купеческих корпораций: московских гостей Ивана и Андрея Юдиных, Ильи и Василия Юрьевых, Бехтеяра Булгакова, Богдана Щепоткина, Порывкиных, членов Гостиной сотни Дмитрия Гордеева, Дмитрия Коносова и др. Соседствовали с усадьбой Никитниковых и подворья Пафнутьев-Боровского, Печерского, Ипатьевского монастырей, дворы дяков церкви Николы Красный звон. В переписи 1626 г. ни словом не упоминается двор причта церкви Никиты-воина, и нет самой церкви: они уничтожены во время майского пожара этого года.

Таким образом, ко второй четверти XVII в. социальный состав населения бывшего урочища резко изменился: «Глинищи» превратились в особо привилегированный городской район богатых дворовладельцев.

О расположении усадьбы купцов Никитниковых и границах дворов его соседей в 50-е гг. XVII в. дает представление план церкви 1788 г., найденный в архиве музея Е.С. Овчинниковой. Составленный по указанию Управы благочиния, план фиксирует состояние земельных владений, прилегающих к церкви Св. Троицы, и соседних с ними участков и дворов, принадлежавших в XVII–XVIII вв. различным владельцам. План составлен в целях расширения земельных владений церкви, полагавшихся ей вместо церковной земли, присвоенной в 1638–1639 гг. Никитниковыми и оказавшейся в XVII в. уже застроенной различными строениями (Овчинникова, 1962. С. 178).

Этот план, своеобразный исторический источник, дает представление об обширных владениях купцов Никитниковых. Их двор занимал пространство вокруг вновь отстроенной каменной церкви «Св. Живоначальной Троицы, да в приделе святого мученика Никиты на Глинищах...» с севера и востока до Китайгородской стены (Забелин, 1884. Ч. 1. С. 370, 371). Впервые на плане указывается местонахождение палат Никитниковых, почти вплотную примыкавших с севера и юга к восточной стороне церкви. Двор имел длину

37 сажен, а поперек 31 сажень, лежащая земля под церковью и кладбищем — всего 11 сажен в длину и 19 сажен поперек. Насильственный захват церковной земли Никитниковым, богатым в России первой половины XVII в. купцом, Е.С. Овчинникова объясняет исключительно скученностью населения в данном месте. Хотя подобная практика захвата церковной земли для расширения собственного городского владения была характерна для привилегированной купеческой корпорации — гостей первой половины XVII в.

Таким образом, к середине XVII в. на месте урочища «Глинищи» в Китай-городе складывается особый жилой район, не принадлежащий какому-либо одному лицу или сословной корпорации. Здешние дворовладельцы были объединены общими занятиями: крупной соляной, рыбной, пушной и иной торговлей, службой в государственном аппарате, в церкви. Стремясь территориально отделиться от основной массы посадского населения, они создали свой особый район дворовладений в удобно расположенном для торговых и других нужд месте (Тимошина, 1994. С. 129, 130). Купеческие городские усадьбы XVII в., в том числе и московского гостя Никитникова, приближались к городским усадьбам светских феодалов, о чем свидетельствует стремление купцов возводить рядом со своими дворами отдельные каменные церкви, такие как церковь Св. Троицы в Никитниках.

Владения купцов Никитниковых, как и владения других гостей, стали играть такую значительную роль в общей структуре городской территории, что это нашло отражение в городской топонимике Москвы. Название Никитникова переулка, появившегося во второй половине XV в., по мнению археологов, около деревянной церкви «Никиты-мученика, что на Глинищах», в середине XVII в. стало ассоциироваться с именем владельца богатой усадьбы — московского гостя Никитникова.

Изучение топографии дворов членов привилегированных купеческих корпораций в Москве XVII в. выводит на общую проблему анализа закономерностей распределения белого и черного землевладения и закономерностей складывания городских владений различных сословий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александровский М.И.*, 1918–1922. Указатель. Материалы по истории архитектурных памятников Москвы. Рукопись // ОПИ ГИМ. Ф.465. Ед. хр. 8.
- Александровский М.И.*, 1990. Указатель московских церквей // Архитектура и строительство Москвы. М. № 7.
- Беленькая Д.А.*, 1972. История заселения территории Китай-города (Москва) кон. XII – нач. XVI вв. / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Беленькая Д.А.*, 1972. Владельцы дворов Китай-города по переписи 1642 г.: План-схема // НА ИА РАН. Ф. 1. Ед. хр. Р-2/2108а.
- Беленькая-Соболева Д.А.*, 1964. Отчет о работе Московского отряда Московской археологической экспедиции под руководством А.Ф. Дубынина за 1964 г. // НА ИА РАН. Ед. хр. Р-1/2984.
- Беленькая-Соболева Д.А.*, 1965. Отчет о работе Московского отряда Московской археологической экспедиции за 1965 г. // НА ИА РАН. Ед. хр. Р-1/3139.
- Белокуров С.А.*, 1898. Планы Москвы XVII в. // Древнерусская картография. М. Вып. 1.
- Голикова Н.Б.*, 1980. К вопросу о составе русского купечества во 2-ой пол. XVII — 1 четв. XVIII вв. // Русский город (проблемы горообразование). М. Вып. 3.
- Голикова Н.Б.*, 1986. Численность, состав и источники пополнения гостей в конце XVI — первой четверти XVII вв. // Русский город (исследования и материалы). М. Вып. 6.
- Голикова Н.Б.*, 1990. К вопросу о правовом положении городского населения России конца XVI — XVII вв. // Русский город (исследования и материалы). М. Вып. 8.
- Голикова Н.Б.*, 1994. Формы землевладения и землепользования гостей гостиной сотни в конце XVI — нач. XVIII вв. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М.
- Забелин И.Е.* История Москвы. Ч. II: Посад // ОПИ ГИМ. Ф. 440. Ед. хр. 254/а.
- Забелин И.Е.*, 1884. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М. Ч. 1.
- Ильенко И.В.*, 1965. Отчет о раскопках каменных сооружений во дворе дома № 9 по Ипатьевскому пер. в Москве в 1964 г. // НА ИА РАН. Ед. хр. Р-21/2984Б.
- Кулакова И.П.*, 1994. Москвичи торговые люди конца XVI — нач. XVII вв. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М.
- Овчинникова Е.С.*, 1962. Реставрация одного редкого памятника архитектуры и живописи XVII века. // Ежегодник ГИМ за 1961 г. М.
- Овчинникова Е.С.*, 1970. Церковь Троицы в Никитниках: Памятник живописи и зодчества XVII века. М.
- Памятники архитектуры Москвы: Кремль. Китай-город. Центральные площади. М., 1982.
- Переписи московских дворов XVII столетия. М., 1896.
- Переписные книги города Москвы, составленные в 1738–1742 годах. (С приложением переписной книги 1626 г.) М., 1881. Т. 1.
- Петров чертеж // ИЗО ГИМ. Ед. хр. 48284/л-47.
- Планы Москвы и карты Московии: Из собрания Музея истории Москвы. М., 2006. Ч. 1: XVI–XVIII вв.
- Розенфельд Р.Д.*, 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.
- Росписной список города Москвы 1746 (1638) года // ТМОИРВИО. М., 1911. Т. 1.
- Сигизмундов план 1610 г. Фрагмент плана Китай-города // ИЗО ГИМ. Ед. хр. 48284/л-47.
- Тимошина Л.А.*, 1994. Расселение гостей, членов гостиной и суконной сотен в русских городах XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М.
- Трнев Д.К.*, 1903. Памятники древнерусского искусства церкви Грузинской Богоматери в Москве. М.
- Фрагмент плана Китай-города по Олеарию 1634 г. // ИЗО ГИМ. Ед. хр. 42949/л-94.

В.Л. Державин
Институт археологии РАН, Москва

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КАК АРГУМЕНТ ПРИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРАХ В АРКТИКЕ

Собирая информацию о поморских памятниках Шпицбергена, я в одном из норвежских изданий нашел краткое описание руин небольшого поморского становища, расположенного на острове Медвежий (Overvåkning... 1999. Р. 62), который, хотя и находится на расстоянии 180 км к от основной части архипелага, но в природно-географическом отношении составляет неотъемлемую часть Шпицбергена, считаясь его самой южной точкой.

Помимо жилых построек и могил, которые профессиональными археологами пока не вскрывались, там (на севере о. Медвежьего) до недавнего времени лежал и железный крест с надписью на трех языках (французском, английском и русском): «Принадлежность России. Крейсер “Светлана”. Капитан Абаза. 12 июня 1899 г.». Этот необычный крест, разумеется, вызвал ряд вопросов, которые некоторое время оставались без ответа. Главные из них заключались в том, с какой все-таки целью русский военный корабль в конце позапрошлого столетия оказался в столь высоких широтах (74° с. ш.), в связи с чем на острове был водружен металлический крест и какое отношение он имеет к поморскому памятнику. Лишь недавно в архиве внешней политики России (АВПР) мне удалось найти любопытные документы, пролившие, наконец, свет на происхождение самого креста и загадочной надписи (II Департамент. Оп. 930. Д. 5, 16, 18).

На рубеже XIX–XX вв. архипелаг Шпицберген вместе с небольшим островом Медвежьим считались с точки зрения международного права «ничейной» землей, terra nullius, по определению дипломатических документов. Однако эти далекие арктические земли уже представляли собой объекты едва скрываемых территориальных притязаний ряда европейских стран, и в первую очередь со стороны объединенного тогда Шведско-Норвежского королевства. Долгое время этому противодействовала Россия, позиция которой вкратце сводилась к следующему положению: «Шпицберген и Медвежий остров составляют общее достояние всех Держав» (Там же. Л. 218). Именно так определялся статус архипелага в официальных русских документах, хотя Российская империя в то время сама еще не определилась окончательно в отношении этих арктических островов, которые, как указывалось в одном из донесений министру Иностранных дел графу М.Н. Муравьеву от 1/13 июня 1899 г., «являются... ключом нашего Мурманского побережья и центром значительного рыбного промысла на нашем северном взморье» (Там же. Л. 3). А следовательно, и русское правительство оставляло за собой определенную свободу действий в зависимости от складывающейся вокруг Шпицбергена ситуации.

Развернувшиеся в мае — июле 1899 г. события показали, что в этом районе Арктики

мог появиться еще один заинтересованный игрок, а именно Германия. Активная деятельность немецких подданных, занимавшихся частным предпринимательством и научными изысканиями, стала поводом к возникновению некоторой напряженности в русско-германских отношениях. Причем нагнетанию ситуации в немалой степени способствовали все три стороны, каждая из которых преследовала свои интересы.

Весной 1899 г. русский консул на Финмаркене сообщал нашему посланнику в Стокгольме о своих опасениях в связи с заходом в воды Шпицбергена и Медвежьего двух немецких судов: парохода «Гельголанд» и военного корвета «Ольга». Последний производил якобы биологические и гидрологические изыскания, будучи зафрахтован для этих нужд экспедицией некоего Теодора Лернера — журналиста и предпринимателя. В акватории острова немецкие моряки повстречали судно известного норвежского промышленника Ингебригтсена, у которого попытались выведать наиболее удобные пути подхода к острову. Норвежец предоставил немцам информацию о наиболее подходящей и чуть ли не единственной гавани на юге острова, но, несмотря на уговоры, лоцмана им не дал.

Высадившись на берег, Лернер весьма основательно обустроился, оградив свои владения стальной проволокой (чуть ли не половину Медвежьего, если верить рапорту капитана Абаза), и занялся добычей угля. Им были пробиты 4 штольни, поставлены 2 дома и 4 хозяйственные постройки, и уже к июлю его рабочие добыли около 5 т угля (Там же. Л. 116). На занятых участках были подняты немецкие коммерческие флаги и установлены таблички об их принадлежности Теодору Лернеру.

В северной части острова, в привезенном разборном домике, расположилась другая немецкая экспедиция, которая прибыла на Медвежий независимо от Лернера, но несколько позднее. Она занималась перспективами рыбного промысла в этом районе Арктики и была неплохо оснащена для этой цели, но при этом совсем не ставила перед собой задачи по захвату какой-либо части острова. К тому же экспедиция не имела абсолютно никакой поддержки со стороны германского

правительства и носила сугубо частный характер. А вот ее отношения с Лернером, как ни странно, складывались весьма непросто. Опасения норвежской общественности относительно этой безобидной и сугубо научной экспедиции, как оказалось, были намеренно раздуты скандинавской прессой и подкреплены откровенно непроверенными слухами.

На юге Медвежьего, в пределах «владений» Лернера, работала еще и шведская экспедиция, занимавшаяся также научными исследованиями. Сначала Лернер пытался не допустить шведов на остров и даже выдворить их, однако затем договорился с ними, но только с тем условием, чтобы скандинавы ограничились лишь строго научными экспериментами. Правда, иных целей шведские ученые перед собой и не ставили. Лернер старательно оберегал свою территорию от посторонних посягательств, не делая при этом исключения даже для своих земляков. Последнее обстоятельство, по нашему мнению, лишь подтверждает тот факт, что прибытие Лернера на Медвежий остров примерно в то же самое время, что и немецкой научной экспедиции, не могли носить характера заранее спланированной акции.

Норвежскую общественность, тем не менее, продолжал будоражить факт водружения Лернером германского флага и установки им надписей, говорящих о том, что остров этот составляет частную собственность. Правда, речь шла только об отдельных участках, на которых Лернер собирался начать разработку угля, что, собственно, не противоречило международному праву. Официальный Берлин не сразу отмежевался от действий своего напористого подданного, а потому опасения в Норвегии особенно усилились, когда пришло сообщение о прибытии германской рыболовной экспедиции. Как предполагали не доверявшие никому скандинавы, она готовилась втайне и, судя по снаряжению, ее цель заключалась в том, чтобы «основать если не постоянное, то, по крайней мере, временное германское поселение на одном из островов Северного Ледовитого Океана» (Там же. Л. 4–6). Однако это «поселение», как известно, состояло всего лишь из одного небольшого разборного дома.

Примерно в то же время русскому консулу на Финмаркене было поручено собрать компромат на Лернера, опираясь при этом исключительно на материалы скандинавских газет, и выяснить, в конце концов, что же это за личность. Но серьезного криминала, однако, в собранной им информации не содержалось.

Большинство предъявленных Лернеру претензий были не только необоснованны, но во многом порождены откровенной предвзятостью, а в большей степени подкреплены непроверенными слухами, за которые так настойчиво цеплялась норвежская пресса.

Командир военного транспорта «Бакан», капитан Ергомышев, участвовавший в научной русско-шведской меридиональной экспедиции на Шпицбергене, в своем рапорте от 12 июня 1899 г. доносил из Тромсё, что в норвежских газетах в то время активно обсуждалось положение дел вокруг Медвежьего. В связи с этим Россию, как влиятельнейшую европейскую державу, даже призывали вмешаться, чтобы воспрепятствовать германской «аннексии» острова (Там же. Л. 15–16). А командир русского крейсера «Светлана», капитан 1 ранга Алексей Михайлович Абаза, телеграфировал из Гаммерфеста о том, что в Норвегии уже всем очевиден захват острова немцами (Там же. Л. 47).

Скандинавские журналисты расценивали разработку угольных шахт Медвежьего и исследования немецкой научной экспедиции всего лишь как операции по прикрытию для занятия острова. Газетчики открыто заявляли: «пройдет ли это приобретение Германии без энергичного протеста с другой стороны, должно показать будущее». Под «другой стороной», вне сомнения, подразумевалась Россия.

Пылкость норвежской прессы передалась и консервативной петербургской газете «Новое время», опубликовавшей 30 июня статью, в которой подчеркивалось, что архипелаг все же является нейтральной территорией. Однако несмотря на это, немецкая экспедиция, пренебрегая международным правом, все-таки заняла Медвежий остров (с его каменноугольными месторождениями, звериными и рыбными промыслами), который имеет исключительно важное значение «для всего

нашего поморского северного побережья», особенно в связи с открытием незамерзающей Екатерининской гавани на Кольском полуострове. И с этим захватом категорически нельзя мириться, поскольку в будущем «Медвежий остров окажется на пути морского сообщения всей северной и северо-восточной России с европейскими рынками». Поэтому, заключал автор статьи, совсем нежелательно, чтобы настоящее владение из нейтрального превратилось в германское, а тем более в то время, когда в северных портах возрождается русский военный флот.

Столь неподдельное по своей простоте журналистское высказывание тут же вызвало бурный протест на страницах одной из влиятельнейших скандинавских газет, заметившей при этом, что в данной истории более затронуты норвежские и шведские интересы, нежели русские. В российском общественном мнении, таким образом, утверждалось далее в статье, открыто проявилось пренебрежение к интересам небольшого соединенного королевства, столь четко сформулированное русской газетой.

Заметим, что скандинавы поначалу и не возражали против вмешательства России (и, скорее всего, даже исподволь подталкивали ее к более решительным действиям) с целью удаления подданных Германии с острова, осознавая, конечно, что и русские имели свои интересы на архипелаге. Но вышло так, что страх перед немцами у норвежцев сменился уже опасениями перед самой Россией, которая, как они считали, сама могла отважиться на аннексию Медвежьего острова. Вместе с тем, как показал ход последующих событий, самые мрачные, а в большей степени надуманные, их предположения оказались абсолютно необоснованными.

В России, разумеется, тоже оказалось немало авторитетных лиц, которые нисколько не сомневались в германской экспансии. Например, руководитель Русско-Шведской меридиональной экспедиции на Шпицбергене Феодосий Николаевич Чернышев был твердо убежден в том, что немцы стремятся укрепиться на острове с единственной целью, чтобы затем основать военно-морскую базу (Там же. Л. 194–196). На позицию известного ученого, не исключено, могли повлиять его

скандинавские коллеги, с которыми он тогда тесно сотрудничал.

Распоряжение о посылке военного корабля в район Медвежьего было принято Морским министром России, издавшим на этот счет секретный приказ. В нем, в частности, говорилось, что «вследствие возникших слухов об отправлении в северные воды германской экспедиции командиру находящегося тогда в этих водах крейсера “Светлана” капитану первого ранга А.М. Абаза поручено собрать сведения об этой экспедиции» (Там же. Л. 220).

А вот что было написано в самой инструкции: «Вам поручается обойти вокруг Медвежьего острова заходом на южную, восточную и северную бухты. Предварительно в Архангельске постарайтесь собрать возможные сведения о русских поселках и на месте удостоверьтесь, имеются ли постройки на картах названные русскими станциями, которых две: одна против восточной бухты на реке, другая близ северной бухты. Шпицберген и Медвежий остров составляют общее достояние всех Держав, поэтому присоединение к России всего острова не может быть допущено. Но в тех местах его, где окажутся остатки русских поселений, поднимите наш коммерческий флаг и сделайте надписи о принадлежности России исключительно этих мест острова. Надписи должны быть на трех языках: русском, французском, английском. Также соберите подробные сведения о немецкой станции против южной бухты и острова Гуля. Поднять флаг и сделать надписи надо только в тех местах, где найдутся остатки наших поселений. Если бы оказалось, что немцы заняли именно эти пункты или воспрепятствовали бы высадке, то Вам следует ограничиться письменным заявлением протеста лично от себя старшему из германских командиров и затем подробно донести».

Таким образом, командование возложило на капитана А.М. Абаза выполнение не собственных морскому офицеру обязанностей «археолога».

Как видно из этого документа, даже если бы ситуация вдруг неожиданно приняла резко конфронтационный характер, командиру крейсера все-таки настоятельно рекомендовали избегать силовых акций. А ведь сам

капитан А.М. Абаза поначалу был настолько уверен в том, что целью немцев является занятие Медвежьего острова, что в связи с этим запрашивал разрешение на поднятие там русского флага и установки надписей о присоединении некоторых островных участков к России, если они, конечно, еще не были к тому времени захвачены Германией. На это в Морском ведомстве заявили, что в таком случае действия командира крейсера облекаются в самовольный поступок, который позволяет «оставить... свободу нашему правительству делать тот или иной шаг».

Рейд военного корабля к Медвежьему острову, конечно же, являлся со стороны России в первую очередь демонстрацией силы, к которой, вместе с тем, ни при каких обстоятельствах не следовало прибегать. Поначалу крейсер «Светлана» оказался в арктических водах лишь с одной-единственной целью, а именно, чтобы доставить Великого князя Александра Михайловича в Александровск на мероприятия, связанные с открытием первого незамерзающего порта на мурманском побережье. По завершении торжеств августейшая особа отбыла в Архангельск, где капитан Абаза и получил приказ о срочном отправлении в акваторию Шпицбергена.

После проведенных в русском дипломатическом ведомстве консультаций был сделан акцент на то, что присоединение Медвежьего к России представляется столь же произвольным, как и его захват Германией. Поэтому остров, наряду со Шпицбергеном, должен рассматриваться территорией, составляющей общее достояние всех Держав, имевших свои интересы в северных водах. Такой взгляд в отношении международного статуса архипелага, напомнили в Петербурге, был подтвержден и министерством иностранных дел Шведско-Норвежского королевства в 1896 г. Поэтому командир крейсера был обязан ограничиться водружением русского коммерческого флага, да и то только в тех местах, где будут разысканы остатки русских, т. е. поморских, промысловых поселений. В том же документе было сказано и другое: «Вопрос же о присоединении всего острова к России оставить пока открытым до выяснения того, в какой мере обладание этим островом необходимо для обеспечения нашего пути из

Балтийского в Северное море и какими морскими силами мы можем обладать в этих водах, приобретающих ныне, с открытием Екатерининской гавани, новое для нас значение» (Там же. Л. 220).

От себя заметим, что так считало руководство Морского министерства, позиция которого не являлась все же определяющей. В конечном счете возобладала точка зрения правительства, получившая Высочайшее одобрение 29 июня 1899 г., в соответствии с которой водружение русского флага на Медвежьем острове допускалось лишь только в тех местах, где могли быть обнаружены русские постройки.

Таким образом, прежде чем приступить к выполнению столь ответственной миссии, ведомствам предстояло согласовать немало щекотливых вопросов, дабы избежать обострения ситуации.

Крейсеру потребовалось целых шесть дней для того, чтобы тщательно обойти сравнительно небольшой остров и обследовать его прибрежные районы, где моряки «Светланы» обнаружили остатки русских поселений и захоронения, на которых немцы к тому времени поставили кресты. А.М. Абаза, как ему казалось, также выяснил и истинные намерения Теодора Лернера, который, как он считал, представлял собой тип сильно увлекающегося авантюриста (Там же. Л. 222). Его мнение о немецком предпринимателе формировалось явно не без влияния скандинавских газет, с содержанием которых он внимательно ознакомился по пути к Медвежьему в норвежских портах.

Теперь вкратце остановимся на результатах плавания крейсера «Светлана», которые были отражены в капитанском рапорте.

В южной части острова, т. е. во «владениях» Лернера, был обнаружен бревенчатый дом, который члены шведской экспедиции считали норвежским, а Лернер — русским. А.М. Абаза, разумеется, разделял вывод немецких подданных и собрался было водрузить в этом месте русский коммерческий флаг, но столкнулся с решительным сопротивлением Лернера, рискнувшего даже обратиться к германскому канцлеру по поводу того, следует ли допускать его подъем. Но ответа из Берлина так и не последовало. Тем

временем Лернеру доставили телеграмму от германского консула в северной Норвегии, содержание которой он скрыл от А.М. Абаза. Это объяснялось тем, что в ней ему со всей определенностью советовали не только не вступать с русскими в территориальные споры, но и вообще не рассчитывать ни на какую правительственную поддержку.

В северной части острова, где обосновалась немецкая научная экспедиция, стоял деревянный домик промысловика Тойбисена, рядом с которым немцы нашли четыре могилы и установили на них кресты. Неподалеку от норвежской постройки были найдены развалины поморской избы, а поблизости еще два захоронения. Именно на этом месте капитан А.М. Абаза водрузил русский флаг с табличкой на трех языках о принадлежности могил России и установил железный крест, изготовленный на корабле. Вместе с тем, скандинавская общественность ошибочно считала эти погребения норвежскими.

Ключевой вывод, который был сделан капитаном Абаза после плавания, заключался в том, «что совершенно нет основания думать, будто какая-нибудь западная держава намеревается завладеть островом». Однако из виду он упустил Норвегию, которую, вероятно, не принимал всерьез.

Итак, по завершении плавания он резко изменил свое мнение, которого придерживался перед отправкой корабля к острову. Таким образом, все подозрения насчет тайных замыслов, Германии, по крайней мере, у русских отпали. Более того, в заключение рапорта было высказано весьма серьезное по своим последствиям соображение, «что Медвежий остров, хотя и содержит каменный уголь и свинцовую руду, но промышленная разработка не может окупиться вследствие короткого лета, постоянных туманов, сильных течений и отсутствия якорных стоянок. По этим же причинам остров и в военном отношении значения иметь не может».

Сейчас, спустя более столетия, нам сложно судить, насколько данное заключение командира крейсера оказалось справедливым, но в любом случае оно радикально повлияло на позицию высокопоставленных чинов Российской империи и их взгляды относительно стратегического положения и значения

острова для нашей страны. Ссылаясь на рапорт А.М. Абаза, министр иностранных дел граф М.Н. Муравьев 17 июля доложил Государю, «что Медвежий остров не может вообще иметь ни военного, ни экономического значения и что заявления Германского посла князя Радолина о непричастности его Правительства к экспедиции Лернера вполне оправдываются» (Там же. Л. 78). На этих заявлениях остановимся чуть ниже.

Таким образом, в некоторых, достаточно влиятельных, кругах русского общества, рупором которых было «Новое время», так и не оправдались надежды на то, что остров Медвежий все же сможет отойти в обозримом будущем к России. Его, безусловно, немало-важное стратегическое положение, конечно же, могло бы сыграть определенную роль для мурманского побережья, особенно ввиду строительства порта Александровска (ныне г. Полярный), предназначавшегося для возрождающегося на Севере русского военного флота. И этот факт трудно оспорить. Хотя, если предаваться историческим иллюзиям, обладание Медвежьим островом без самого Шпицбергена не имело никакого смысла.

Несомненно, что объединенное королевство, и в первую очередь Норвегия, вскоре получившая независимость, уже тогда вполне открыто претендовало на весь Шпицберген и остров Медвежий, но, главным образом, с целью извлечения экономических дивидендов. А вот Россия, исходя в то время из своего политического веса, рассматривала архипелаг в контексте исключительно военно-политическом.

Здесь уместно привести и выдержку из статьи английской газеты «Times» от 23 августа 1899 г., перевод которой был опубликован в «Новом времени» 15/27 августа, т. е. почти через месяц после составления рапорта капитаном А. М.Абаза. В ней безосновательно утверждалось, что Теодор Лернер задумал обратить Медвежий остров в немецкую колонию, но командир крейсера якобы сообщил ему об инструкции, по которой «обязан на острове отыскать следы прежних русских поселений и, подняв русский флаг, объявить остров территорией, принадлежавшей России. На это Лернер решительно заявил, что окажет крайнее сопротивление всякой поли-

тике утвердить власть над немецким поселением».

Со своей стороны «Новое время» резюмировало английскую статью следующими словами: «едва ли сообщения корреспондента “Times” вполне точны». Статья в английской газете в первую очередь свидетельствовала о том, что определенные круги в Западной Европе были откровенно заинтересованы в нагнетании разногласий между Германией и Россией по любому поводу, пусть даже из-за небольшого арктического островка.

Когда выяснилось, что русские никаких мер против Лернера так и не предприняли, а сам остров, как ни странно, не был аннексирован (ни Россией, ни Германией), то острое чувство беспокойства в Норвегии сменилось весьма критическим отношением к действиям самой России. Стали раздаваться голоса, что прибытием крейсера «Светлана» Теодору Лернеру оказано слишком много чести и в известной степени его положение и «права» таким образом как бы подтверждались. Также была предпринята попытка оспорить водружение крестов на русских могилах, которые норвежцы, заблуждаясь, считали своими. И вообще в Норвегии были убеждены в том, что германское правительство лишь временно и единственно из политических соображений не оказывает Лернеру официальной поддержки. Но вот «когда немецкие интересы на Медвежьем острове сделаются более реальными, то оно (т. е. правительство Германии. — В. Д.) не преминет принять их под свое покровительство» (Там же. Л. 109–112).

Хранящиеся в АВПр документы убеждают нас как раз в обратном. В германских правительственных кругах и не помышляли о присоединении далеких арктических островов. В беседе с министром иностранных дел М.Н. Муравьевым посол Германии князь Радолин прямо заявлял «об отсутствии каких-либо вожеланий со стороны Имперского Правительства на приобретение указанных местностей Ледовитого Океана». Этим заверением, надлежащим образом «устраняется возможность немаловажных недоразумений между обоими государствами» (Там же. Л. 1–3).

В том, что утверждение германского посла совершенно не являлось формальным актом дипломатической вежливости или, допустим,

хитростью, убеждает секретное письмо из Берлина, направленное германскому послу в Петербурге (Там же. Л. 42):

«Князю Радолину. Берлин, 24 июня 1899.

По совершенно конфиденциальным сведениям Швеции, командир одного русского военного судна, который находится по пути к Шпицбергену со Шведско-Русскою экспедицией, отосланной, как говорят, для измерений, высказался проездом в Стокгольме в том смысле, что ему поручено в случае, если бы он нашел Германский флаг на Медвежьем острове, удалить этот флаг силою. Я передаю Вам это для Вашего личного сведения. Я собственно не придаю значения этому выражению, даже если бы оно действительно было сделано, но я все-таки прошу Ваше Сиятельство обратить Ваше внимание на настроение Русского Правительства относительно немецких стремлений, направленных на Медвежий остров. В случае, если бы обратились к Вашему Сиятельству с запросом относительно этих стремлений или же если бы Вы нашли это полезным, то я... прошу Вас подчеркнуть, что никто не получал поручений занять Медвежий остров для Германии. Если германские подданные — частные лица — там хотят заниматься рыбною ловлею и другой хозяйственной деятельностью, то это, по нашему мнению, их полное право, так как остров никому не принадлежит и не имеет обитателей, и мы надеемся, что и Россия не станет им препятствовать. Газетные сведения о том, что мы намерены основать там станцию для флота и угля, конечно, вымысел».

Несколько позже в немецких газетах было опубликовано долгожданное опровержение германского правительства: «ни снаряженная в этом году немецким рыболовным обществом экспедиция на Медвежий остров, ни г-н Лернер, отправившийся туда же, никем не уполномочены поднимать германский флаг на названном острове, и что Германское Правительство не солидарно с ними» (Там же. Л. 44). В самой Германии были абсолютно уверены, что Лернер действовал исключительно на свой страх и риск.

Археологические разведки, осуществленные в конце прошлого столетия Шпицбергской экспедицией Института археологии РАН и норвежцами, подтвердили наличие

на северном побережье острова Медвежьего двух поморских памятников. Становище Кобббукта находилось на севере острова, в 1 км от Бёрнойе-радио, и состояло из двух — частного дома с кирпичной печкой, в 300 м от которой найдены остатки деревянного креста, обложенного в основании камнями. Видимо, здесь поблизости и находился домик известного норвежского промышленника Тойбисена, поставленный в 1865 г., который еще успели застать русские моряки крейсера «Светлана».

Второе промысловое поселение также располагалось на севере острова недалеко от первого, на мысе Сан Себастьян. Здесь обнаружены пять построек, три из которых вплотную примыкали друг к другу. К югу от одного из домов срубной конструкции выделялось захоронение, перекрытое каменной наброской. Именно в этом месте капитан Абаза водрузил русский стяг и установил железный крест с надписью, вызвавшей обеспокоенность норвежцев (Старков, Черносвитов, Державин и др., 2006. С. 59). Не будучи археологом, А.М. Абаза зафиксировал здесь лишь одну жилую постройку из пяти.

На схематичном плане острова, составленном, по-видимому, А.М. Абазой, на северном и южном его участках нанесены русские памятники — «Russ Hauss» и «Russ station». Однако на юге острова (во «владениях» Лернера), где согласно рапорту капитана находилась одна бревенчатая изба и «два гроба», поселение с погребениями археологам пока неизвестны (II Департамент. Оп. 930. Д. 5. Л. 24). Шпицбергская экспедиция в это труднодоступное место в свое время добраться не смогла, а в реестре норвежской инспекции никаких памятников там тоже не числится. По этой причине археологическая карта поморских памятников острова Медвежьего, безусловно, нуждается в уточнении.

В заключение несколько слов о дальнейших судьбах главных персонажей этой истории.

Алексей Михайлович Абаза (1853–1915) в конце 1899 г. покидает крейсер «Светлана», которым командовал с самого спуска со стапелей верфи французского Гавра. В 1901 г. он получает звание контр-адмирала и входит в свиту Его Императорского Величества.

В 1903 г. Абаза назначается управляющим Особым комитетом по делам Дальнего Востока и пользуется правом личного доклада Императору Николаю II. Сам адмирал являлся сторонником жесткого курса в отношении Японии, но в июне 1905 г. А.М. Абаза вместе с упразднением комитета утрачивает свое влияние, после чего отходит от государственных дел.

В мае 1905 г. крейсер «Светлана» в составе 2-й Тихоокеанской эскадры принял неравный бой в Цусимском сражении с двумя японскими вспомогательными крейсерами и одним эсминцем. Получив серьезную пробоину в корпусе, корабль был затоплен экипажем. Во время боя погибла почти половина команды во главе с капитаном 1 ранга Сергеем Павловичем Шеиным. Гибель крейсера стала одной из последних в этом трагическом для русского флота морском сражении. В 2007 г. в Петербурге в часовне святителя Николая Чудотворца при храме Спаса-на-Водах была установлена памятная доска с именами погибших при Цусиме 177 моряков крейсера «Светлана». В этом скорбном списке числятся и те, кто посещал Медвежий в 1899 г.

Что касается Теодора Лернера, то в январе 1900 г. он и его рабочие покинули остров из-за отказа одной гамбургской фирмы продолжать спонсирование экспедиции. Скорее всего, утрате со стороны коммерсантов доверия к Лернеру во многом способствовала раз-

вернувшаяся против него в прессе кампания по дискредитации (Там же. Л. 142).

Через несколько лет Лернер все-таки вернулся на Шпицберген и даже зимовал в тундре Богемана с Ялмаром Йохансеном — другом и сподвижником Фритьофа Нансена. В связи с начавшимися в 1914 г. военными действиями он был вынужден вернуться в Германию и там поступил добровольцем в ополчение (II Департамент. Оп. 930. Д. 16. Л. 520). Переболев тифом, Лернер, уже далеко не молодой человек, снова встал в ряды действующей армии, приняв участие в возведении земляных укреплений под Франкфуртом-на-Майне (Там же. Д. 18. Л. 3). Там ему явно пригодились навыки, приобретенные на Медвежьем при прокладке угольных штолен. Скончался он в Германии за несколько лет до начала Второй мировой войны.

Сейчас можно с уверенностью утверждать, что именно Теодор Лернер, несмотря на негативное и, возможно, не всегда справедливое к нему отношение, первым обратил внимание европейцев и американцев на реальную возможность разработки каменноугольных месторождений архипелага.

Что же касается командира крейсера А.М. Абаза, то он стал первым нашим соотечественником, который предпринял поиски (хотя бы и поверхностные) поморских поселений и захоронений в Арктике, решая при этом, конечно же, не научные, а исключительно политические задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

II Департамент, опись 930, дела 5, 16, 18, 21 // АВПР.

Старков В.Ф., Черношвитов П.Ю., Державин В.Л., Захаров В.Г., Звягин В.Н., Шарин В.В., 2005. Материальная культура русских по-

моров. М. Вып. II: Поселения и погребения.

Övervakning av Kulturmiljö på Svalbard // Susselmannens rapportserie. Longyearbyen, 1999. № 3.

РАЗДЕЛ 2

ОБРЕТЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

А. Сорокин

К 75-летию А.А. Формозова

Сейчас не время для уколов.
Пока не оборвалась нить,
позвольте не для протокола
Ваш вклад в науку оценить.

Так, если в лирику немножко
сначала повести рассказ,
«энциклопедией на ножках»
недаром называют Вас.

Не то, как не запачкать руки,
не клич “To be, or not to be?!”
Вы чтите принципом науки.
А чтоб источник «чистым» был!

И вот за это, если кратко,
под злые окрики судьбы
в жестокую вступили схватку,
про осторожность позабыв.

Вам мало было снять завесу
с того, что прячется в пыли:
«Этнокультурные процессы
и в веке камня тоже шли...»,

Вам было мало с должным чувством
провозгласить святую суть,
что «первобытное искусство —
не примитивное ничуть»!

Вы многих вырвали из скуки,
когда посмели вострубить,
что «без истории науки
Науке на Земле не быть!»

И невзирая на медали,
на то, что скажут наверху,
Вы вслух весомо всем сказали
своё решение: “Who is who?!”

Ещё поклон наш общий низкий
за вдохновенное стило:
сам Пушкин в древностях российских
стал разуметь «вельми зело»!

Хотя талант даётся свыше,
не каждый важный — господин.
В науке много разных «шишек»,
Формозов у неё один!

Путь на Голгофу выжгли муки,
однако не об этом стих,
и Вы останетесь в науке
не только поголовьем книг!

Наука — это не работа,
а состоянье головы,
и, если есть в ней Донкихоты,
то это, без сомненья, Вы!

31.12.2003

О.М. Мельникова
Удмуртский государственный университет, Ижевск

УРОКИ А.А. ФОРМОЗОВА

У каждого археолога, обращающегося сегодня к проблемам истории и историографии археологии, свой путь в эту сферу научного познания. Он непременно пересекается с творчеством А.А. Формозова — признанного авторитета в изучении истории археологии, ученого, на чьих книгах изучало и изучает в университетах историю своей науки несколько поколений советских и российских археологов. Для одних он — советчик в выборе проблемы или источника, для других — строгий критик, для третьих — непримиримый оппонент, для четвертых — вдумчивый наставник.

Мой личный путь изучения истории отечественной археологии оказался связанным с А.А. Формозовым опосредованно, через его многочисленные историко-научные изыскания. Всего лишь в двух жизненных ситуациях мы пересеклись с А.А. Формозовым непосредственно. Первый раз это произошло в процессе моей работы над книгой о пермской научной археологической школе, когда в мое распоряжение попали многочисленные письма, адресованные О.Н. Бадеру в Пермь во время его вынужденного почти десятилетнего пребывания в ней. Среди них было и два юношеских письма А.А. Формозова. Одно из них сообщает новости из ИИМКа в мае 1950 г., другое касается его поездки в Крым

летом 1952 г. Изначально мне представлялось возможным опубликовать их в настоящем издании.

Однажды я уже цитировала в своей книге один сюжет из этих писем (Мельникова, 2003а. С. 163–165). Спустя год после выхода этой книги во время нашей случайной встречи в ИА Александр Александрович попенял мне на то, что я процитировала его письмо, предварительно не попросив его согласия на это. Для меня это был значимый жизненный и исследовательский урок, который сегодня не позволяет мне публиковать его письма, поскольку стилистически и содержательно в ряде случаев они перекликаются с известными сочинениями ученого последних лет, в которых изложено осмысление его сложного опыта взаимоотношений с коллегами по профессии. Историография археологии пока не выработала адекватных методов изучения и введения в научный оборот личных источников недавнего прошлого. Поэтому эта моральная ситуация предопределила новый ракурс обращения к творчеству А.А. Формозова, который можно обозначить как уроки для историографии археологии.

Их осмысление возможно в понятиях методологии науки, столь неприемлемых для А.А. Формозова по отношению к истории археологии¹. Тем не менее, потребность в уяс-

---

¹ В книге «Историография русской археологии на рубеже XX–XXI вв.», где среди прочего рассмотрены мои работы (Мельникова, 2003а; 2003б), он упрекал меня в том, что «простейшие вещи» я излагаю «квазинаучным языком» (Формозов, 2004а. С. 28).

нении опыта развития историографического направления в археологии требует использования языка, принятого в данном разделе научного познания. Это особенно актуально и в связи с неоднозначной реакцией в археологическом сообществе на последние книги А.А. Формозова, что требует серьезного, в том числе и методологического, разговора об историографическом направлении в археологии, которое развивается во многих научных центрах.

Урок 1. Возникновение историографического направления в современной отечественной археологии, несомненно, связано с именем А.А. Формозова. Как и любой первопроходец, он был обречен на бесспорные успехи и неоднозначные результаты. Но, целенаправленно осуществляя историографическую работу, он решал важнейшую задачу для археологии — сохранения ее в лоне исторической науки. А.А. Формозов проявил поразительное свойство продуцировать и аккумулировать умонастроения, которые еще не вполне отчетливо звучали в археологическом сообществе.

Всплеск полевых исследований в 1960–1970-е гг. привел к резкому накоплению источников. Источниковедческие задачи систематизации и обработки материала на некоторое время отодвинули на задний план важнейшую познавательную задачу археологии — изучение истории обществ. Это привело к определенной изоляции археологии от исторической науки, которая сказалась, в том числе, и на развитии ее историографии.

Советская археология, долгое время существовавшая в рамках жесткой марксистской парадигмы, изучала свой исследовательский опыт с прямолинейных позиций, начиная с бескомпромиссной работы М.Г. Худякова «Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов» и заканчивая более мягкими оценками в трудах А.Л. Монгайта. А.А. Формозов нашел свой исследовательский путь, позволивший создать и сохранить многомерное представление об истории археологии. Его культурно-исторический подход позволил очеловечить науку, вписать ее в контекст исторической реальности, сосредоточить внимание на изучении отдельных феноменов допрофессио-

нального, раннепрофессионального и профессионального археологического знания.

Предметом исследований А.А. Формозова становится археолог, его поведение, которое рассматривается как продукт изменчивости и динамизма его внешних отношений с другими людьми и изменения и развития самого ученого. Несмотря на то, что этот предмет реализовался в форме историографических очерков (очерки — излюбленный жанр ученого), культурно-исторический подход в археологии отчасти опередил историографическое время, найдя сегодня свое продолжение в историко-антропологическом подходе. Благодаря опыту А.А. Формозова сегодня в расширяющемся проблемном поле истории археологии акценты смещаются на изучение социокультурных процессов, основным ядром которых выступают личность, микрогруппа и сообщества разных типов. Культурное измерение историографического — вот важнейший урок, который следует активно развивать в масштабах как общенациональной, так и становящейся региональной историографии археологии.

Урок 2, преподанный А.А. Формозовым, состоит в том, что своими исследованиями он настойчиво формировал в археологах неотъемлемое свойство профессии — потребность в периодическом переосмыслении содержания взаимоотношений общества и археологического сообщества. Начатые А.А. Формозовым исследования сегодня приводят к саморефлексии археологии как в историко-научном, так и в социальном плане. Они имеют и важный педагогический смысл — обучение студентов-археологов в процессе освоения ими профессионально-культурных ценностей.

Урок 3. Стараниями А.А. Формозова сегодня стало очевидным фактом признание археологическим сообществом истории и историографии как самостоятельного направления в науке. Но ученый пошел дальше: интересным явлением стало развитие А.А. Формозовым историографии историографии. Ученый отслеживал все выходящие работы по истории археологии. По его статистике, «в 1920-х гг. у нас вышло две книги по истории археологии; в 1930-х — одна; в 1940-х — две; в 1950-х — три; в 1960-х — пять; в 1980-х гг. — девять;

в 1990-х — восемнадцать» (Формозов, 2004а. С. 11). По библиографии, приведенной в этой книге, только с 1997 по 2003 гг. в России вышло 26 монографий по истории отечественной археологии, не считая специальных сборников на историографические темы.

Эта статистика показывает определенные тенденции в науке. Рост числа историко-научных работ на рубеже веков отражает важные моменты в самопознании археологии, когда обращение к прошлому науки вытекает из потребностей ее реальной практики. Поиск путей развития археологии, выработка теоретических построений и методологии исследования со всей очевидностью убеждают ученых в необходимости изучения прошлого опыта.

Прочтение историографических работ А.А. Формозовым дает также весьма значимый урок относительно оценочных суждений о сочинениях прошлых лет. Совершенно неприемлемо оценивать историографические факты с позиций того, что мог бы, но не написал автор. Особенно это касается работ, выполненных в советское время, когда каждый археолог имел внутренний контроль относительно отбора и интерпретации историографических фактов, усиливаемый цензурой. Очевидно, более корректно оценивать научный вклад, внесенный исследователями прошлого в изучение той или иной проблематики, исходя из контекста эпохи, в которой творили археологи. На это обращал внимание и сам А.А. Формозов, указывая на своеобразие книг позднего советского периода: «Нельзя забывать и про то, что в начале 1980-х годов многие моменты осветить в печати было немислимо, а архивные материалы оставались для авторов недоступными» (2004б. С. 11).

Урок 4. Традиционно в археологии темы, связанные с прошлым науки, терминологически именуются историографией. Изучение историографических разделов в археологических исследованиях и специальных работах по истории науки показывает, что их большая часть связана с описанием процесса накопления знаний, нередко заключающимся в простой хронологической регистрации трудов и их аннотации. Во многом это следствие позднего оформления историографии в самостоятельное направление археологии и ее изоля-

ции от историографии исторической науки. Еще в 1975 г. А.А. Формозов справедливо подчеркивал: «Приходится признать, что исследование истории своей науки у советских археологов большого развития не получило» (1975. С. 5–6).

Но и сегодня стоит важный вопрос: «Каковы предметная сфера и функции историографии в современной археологии?». Исследования, выполненные А.А. Формозовым, базируются на специфическом понимании ее предмета. Для него историография — это история археологической науки.

Термин «историография археологии» стал результатом долгих поисков через понятия «история археологических знаний», «история отечественной археологии». Первый термин вошел в устойчивое употребление, очевидно, со времени выхода книги С.А. Жебелева «Введение в археологию», первая часть которой называлась «История археологического знания» (1923). Долгое время в СССР университетские учебные планы подготовки археологов содержали спецкурс «История археологических знаний». В последнее десятилетие появилась во многом интуитивная тенденция использования термина «историография археологии» (Герасимов, Горбунова, 2002. С. 41). Причем нельзя сказать, что он является однозначно утвердившимся, как нельзя с уверенностью говорить и об общепринятом содержании термина. Все отчетливее видятся различия в терминах «история науки» и «историография». Требуется осмысления их взаимосвязь.

Терминологическое определение раздела археологии, изучающего ее историю, принципиально, т. к. оно связано с пониманием его предмета. Археология в этом смысле повторяет путь историографии исторической науки, в которой в 1960–1970-х гг. остро дискутировалась проблема предмета науки. Она не утратила своей актуальности и сегодня. Исследователь научного сообщества в исторической науке Г.П. Мягков отмечал: «Ныне историография преодолевает свой “эмпирико-описательный” этап развития. На следующем этапе важнейшей задачей становится размещение и интеграция фактов в глобально-историческом или историософском повествовании» (Мягков, 2000. С. 5–6).

Несомненно, что предмет историографии историчен, что и должно определять наш подход к его рассмотрению. В свете воззрения на историографию как на культурно-исторический феномен объект историографического исследования и его предмет могут быть представлены в виде процесса, развивавшегося по мере развития потребностей археологии в познании прошлого своей науки.

В последние годы в археологии постепенно преодолевается узость в понимании предмета историографии исключительно как истории археологических знаний. Наряду с историей знаний, он включает и историю науки: выявление изменений в организации научной деятельности, изучение социальных функций археологии, рассмотрение системы подготовки научных кадров, характеристику коммуникаций, анализ влияния социальных факторов, гендерную составляющую дисциплинарного сообщества, персональную биографию.

Урок 5. Основа историографических и историко-научных исследований — источники. Все работы А.А. Формозова основаны на тщательных архивных поисках, постоянном расширении источниковедческой базы. Поэтому создание полноценной историографии науки требует детального обследования архивохранилищ, причем связанных не только с историей археологии, но и с широким социальным и культурным контекстом, в котором она развивалась.

Использование наряду с научными трудами подготовительных материалов, черновиков, набросков рукописей, отстраненных вариантов текстов, выписок, неопубликованных рукописей, текстов лекционных курсов, учебных программ, личных источников, периодической печати, библиографических обзоров, статистики, делопроизводства научных учреждений уже сегодня позволяет поднять на качественно новый уровень развитие историко-научных и историографических изысканий.

Источниковедческая работа важна и потому, что не у всех археологов имеется возможность обращения к оригинальным историографическим источникам. Нередко цитирование путем вторичных ссылок приводит к возникновению научной мифологии.

Поэтому важный урок А.А. Формозова, отчасти реализованный в издании «Антология советской археологии», — научная публикация наиболее востребованных трудов прошлых лет.

Урок 6. К большому сожалению, в историографии археологии, за редким исключением, не раскрываются теоретико-методологические подходы авторов. Лишь при анализе целей исследования можно проследить методологию, которая состоит в том, чтобы «проанализировать», «обобщить», «выявить», «описать» историографические факты. Тем не менее, приятные исключения все же существуют. В целом ряде работ последних лет специально излагается методология с точки зрения содержания выявляемого знания, обосновывается понятийный аппарат, выстраивается обоснованная исследовательская концепция (см., напр.: Оконникова, 2002; Платонова, 2008).

Урок 7. Методология историографического исследования определяется его целью и задачами. Строго говоря, эта тематика чужда творчеству А.А. Формозова, но именно его изыскания послужили толчком к дальнейшему методологическому развитию историографии археологии.

В частности, стали подниматься проблемы уровневой организации историографических исследований. Эмпирический уровень исследования связывают с выявлением историографических фактов из источников. Их описание и накопление составляют содержание этого этапа исследования. В.Ф. Генинг отмечал, что для эмпирического исследования в истории археологии характерны обзоры частных проблем, связанных с конкретно-историческим изучением памятников, культур, эпох, регионов (Генинг, 1982. С. 4). В.И. Матющенко указывал на то, что «эмпирический уровень исследований в историографии предполагает изучение хода полевых экспедиционных работ, выход в свет научных публикаций, проведение съездов, конференций по вопросам археологии, публикации материалов камеральных исследований» (2001. С. 4). При этом он подчеркивал, что «большей части историографических работ по археологии свойственен эмпирический уровень. Подобное состояние складывающихся исто-

риографических исследований характерно для науки, которая еще оформляется, имеет незначительный накопленный материал, в содержании которого трудно уловить какие-то закономерности, своеобразие научных школ, исследовательских программ» (Там же).

А.И. Ганжа предложил назвать этот уровень фактологическим, указывая, что он «является начальным в изучении истории любой науки и формирует комплекс систематизированных главным образом в хронологическом срезе эмпирических фактов» (1987. С. 138).

Приведенные мнения показывают, что эмпирическое исследование в историографии археологии содержит два отличных друг от друга смысла. В первом случае его связывают с выявлением и описанием историографических фактов, вне зависимости от их археологического содержания (В.Ф. Генинг, А.И. Ганжа). Во втором к ним относится рассмотрение только тех фактов, которые отражают содержание эмпирического уровня археологического исследования (В.И. Матющенко).

На теоретическом уровне происходит объединение историографических фактов общей идеей. В.Ф. Генинг связывал его с изучением «эволюции общего стиля научного мышления, развития методов, концепций, теорий, гипотез, определявших общее направление исследовательского поиска в тот или иной период развития археологии» (1982. С. 4). В.И. Матющенко полагал, что он «включает рассмотрение основных идей и представлений о развитии древней культуры в науке, закономерностей в развитии археологии и отдельных ее направлений, школ, места и роли археологии в системе наук и культуры общества изучаемого периода» (2001. С. 4).

В работах по истории археологии используется плодотворная идея выделения науковедческого уровня (Ганжа, 1987. С. 139; Лебедев, 1992. С. 8–9; Мельникова, 2003а. С. 9–17). Он иерархически соподчинен с фактологическим и теоретическим уровнями и связан с созданием модели истории развития археологии как социального института.

Наиболее обоснованно этот подход реализован в исследовании Г.С. Лебедева (1992. С. 8–9). Автор предлагает изучать разные уровни функционирования археологии. Это уровень фундаментальных характеристик

науки — общая теория науки, история науки; уровень экстранаучных характеристик — экономика, социология науки, наука и политика; социокультурные характеристики науки — научный прогноз, планирование, управление наукой; инфраструктурные характеристики — наукометрия, научная организация труда, психология, этика, правовые основы научной деятельности, язык науки (Там же).

Такой подход весьма перспективен для историографии археологии, поскольку позволяет увидеть многомерность историографического процесса — его системность, изменчивость, относительность.

Понимание уровневой организации историографического исследования позволяет вести индуктивное исследование, когда на этапе выявления фактов возникает потребность не только в их описании, но и объяснении в понятиях теоретического уровня («научное направление», «проблемная область», «течение», «движение», «научная школа», «парадигма», «исследовательская программа», «научная традиция», «символический капитал», «социальная сеть»). На науковедческом уровне оказывается возможным включение историографических фактов в систему понятий и категорий, связанных с системным видением развития науки как знания, как деятельности и как социального института. При этом возможен и другой путь — дедуктивный, когда применение науковедческих понятий позволяет вести целенаправленный поиск научных школ, направлений, проблемных областей на уровне формирования историографического факта.

Урок 8. Анализ творчества А.А. Формозова ставит еще один вопрос, требующий обсуждения. Это методы историографического исследования. В их основе лежат общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, индукция, исторический, логический и т. д.). Широко применяются специально-научные методы исследования (генетический, сравнительный, типологический, системный, хотя при изучении истории археологии первые два преобладают).

Особый круг методов — частно-научные. Таковым является метод выделения социальных структур в археологии (научных разделов, направлений, школ, течений, движений).

К нему в свое время обращался С.А. Жебелев, введя понятие «отдел» науки: «В соответствии с вещественными категориями археология могла бы делиться на большое число подразделений» (1923. С. 29). Он же предостерегал: «Дробить ту или иную научную дисциплину на те или иные отделы приходится ее представителям, памятуя о слабости сил человеческих, хотя и тут опять-таки опасно оказаться в положении человека, который из-за деревьев не видит леса» (Там же. С. 31).

Метод научных направлений разрабатывался В.Ф. Генингом для истории отечественной археологии (1982. С. 58). Но, к сожалению, неопределенность содержания понятия «научное направление» до сих пор приводит к тому, что в качестве критериев выделения научных направлений используются разные признаки. Это затрудняет сопоставление направлений в структурном и историческом контексте. В качестве таковых называются тематические разделы — первобытная, античная, восточная, славяно-русская (Формозов, 1961); теоретические и методологические концепции — диффузионизм, эволюционизм, географический детерминизм (Монгайт, 1973), процессуализм, постпроцессуализм, неомарксизм (Корякова, 2002); парадигмы — эволюционное, классическое, палеознотологическое, социологическое (Генинг, 1982), культурно-историческое, историческое, бытописательское, этнологическое, экологическое (Лебедев, 1992).

Проблема выбора критериев возникает и при использовании метода выделения научных школ (Мельникова, 2003а; 2003б; 2006). Ими могут быть национальная или территориальная принадлежность, отношение к источнику, методам исследования, проблематика работ, принадлежность к университетам, общность учителя, исследовательская программа.

Интересен метод портретного изложения (метод научной биографии, биографический метод, метод персональной биографии). Однако, как показывают работы А.А. Формозова (2004б; 2005), в его нынешнем виде он наиболее уязвим для критики. Проблема здесь состоит в определении предмета биографического изучения — должен ли он включать только интеллектуальную биографию уче-

ных или персональную биографию в целом. Сегодня историко-антропологический подход трактует метод как глубокое погружение в социокультурную среду и выяснение динамики изменений личности на всех ее уровнях и направлениях (Репина, 2003. С. 8).

Возвращаясь к книгам А.А. Формозова последних лет, замечу, что преодоление методологических проблем биографического жанра может быть снято при освоении метода устной истории (Томсон, 2002). Его реализация в практике историографии археологии отчасти заменит почти полное отсутствие мемуарной литературы (Тихонов, 2004. С. 30).

А.А. Формозов плодотворно использовал в своих исследованиях метод периодизации, поскольку он обеспечивает структуру для изучения истории археологии (1994; 2004). В последнее десятилетие XX в. проблема периодизации истории российской археологии была предметом дискуссии (В.Ф. Генинг, А.Д. Пряхин, А.А. Формозов, Г.С. Лебедев). В регионах, где развивается историографическое направление, известны дискуссии по поводу периодизации региональной истории археологии.

Однако освоение метода периодизации затруднено как недостаточной фактологической изученностью истории археологии в масштабах всей страны и отдельных ее регионов, так и наличием множества критериев периодизации. В качестве таковых используются фундаментальные теории (Генинг, 1988; Генинг, Левченко, 1992), деятельность ярких личностей в археологии, господствующая парадигма, методологическое состояние археологии, организационные изменения (Лебедев, 1992; 1993. С. 2–4; Формозов, 1994), отношение к политическим событиям (Монгайт, 1955), накопление археологических знаний, изменение социальных условий деятельности археологов.

Обоснование критериев выделения периодов неразрывно связано с применением хронологического метода, который важен для определения границ периодов. Но и их хронология также является предметом дискуссии. Объясняя факт несогласованности периодизаций, А.Д. Пряхин пояснял: «Надо учитывать всю сложность периодизации, ее неизбежную условность. И, тем не менее, найти

значимые грани в истории науки необходимо, поскольку периодизация является важнейшим средством познания закономерностей развития изучаемого объекта» (1986. С. 7–8).

Новейшей историографии археологии вполне уместно вернуться к методу периодизации. В этом важен опыт исторической науки, в которой обосновываются новые критерии периодизации истории России, возникает новая терминология. Так, традиционный в истории археологии «дореволюционный период» в исторической науке предлагается называть «имперским периодом», что, очевидно, отражает более глубокие реалии. Историки полагают, что «исторические периоды — это интеллектуальные абстракции, они находятся в числе значимых для нашей дисциплины. Деление на периоды слишком важно, чтобы необдуманно приниматься в качестве интеллектуального наследия предшествующих поколений. Те, кто основал наше деление прошлого, *имели отличные от нас ценности, приоритеты, методологии* (выделено мной. — О.М.)» (Грин, 2001. С. 76).

Урок 8. Как показывает опыт А.А. Формозова, блестящее знание историографических фактов важно для каждого исследователя. Оно составляет его успех и на этапе поиска археологических памятников, и в процессе их дальнейшего изучения. Ограниченность историографических знаний археологов сегодня нередко приводит к «переоткрытию» открытий. Это наиболее заметно на стадии объяснения археологических материалов, когда под собственным именем реанимируются идеи, уже доказавшие свою состоятельность в прошлом. Особенно это касается наследия досоветского периода и зарубежного опыта, которые были дозированы в советские времена.

Урок 9. Книги А.А. Формозова последних лет, ставшие фактами историографии археологии, при всей их неоднозначности, ставят перед внимательным читателем вопрос об объективности историографического знания.

Субъективный характер социального познания общеизвестен, поскольку объект и субъект познавательного процесса относятся к одному миру, к миру людей, а сам процесс для познающего субъекта и для общества, к которому он принадлежит, является актом

самопознания. Объект историко-научного исследования представляет собой мир людей, наполненный страстями и эмоциями. Они оказывали едва ли меньшее влияние на ход событий, чем осознание археологами своих интересов и идей. Эмоции минувших лет забываются со временем, но легко могут быть реанимированы при обращении к материалам прошлого. Огромное воздействие на самосознание археологов оказывали и более общие процессы, связанные с принципиальной корректировкой марксистской парадигмы науки и научного творчества, сломом или сменой ее сущностных компонентов.

Исследователь истории науки по мере более глубокого ознакомления с источниками, вживания в изучаемую эпоху, становится как бы соучастником тех действий и процессов, которые он познает, заражается теми же переживаниями и эмоциями, которыми жили персоналии научного исторического исследования — и одновременно герои повествования. В прошлом он может усматривать аналогии современному положению в археологии, что ведет к тому, что историк науки сочувствует одной из сторон изучаемого периода, а это неизбежно ограничивает его объективность.

Ситуация усложняется, если историк науки, как в случае с А.А. Формозовым, сам участник исследуемых событий. Объект его историко-научных изысканий находится в весьма жесткой зависимости от субъекта исследования. Он таков, каков сам историк науки, личность которого составляет продукт своей эпохи и вписана целиком и полностью в культурно-историческую ситуацию своего времени, является ее частью, и в то же время, как личность творческая, оказывает обратное воздействие на эту ситуацию. Читатель книг А.А. Формозова наблюдает, что степень такого обратного воздействия историка науки на культурно-историческую ситуацию в историографии археологии оказалась достаточно высока. Поэтому на повестку дня историографии археологии выдвигается вопрос о внимательном изучении деятельности многих выдающихся археологов советского времени, а также исследователей «второго плана», со строгим учетом конкретной культурно-исторической ситуации прошлых лет.

Важно подчеркнуть, что объект историко-научного изучения — советская археология — для А.А. Формозова — результат свободного выбора историка науки. Но этот выбор не зависел исключительно от него. Он, безусловно, был связан с культурно-исторической ситуацией 1990-х гг., частью которой было переходное состояние археологии, связанное с выбором путей ее развития в постперестроечные годы. Изучение историографией археологии недавнего — советского — времени, к которому принадлежит и сам А.А. Формозов, явилось фактором зрелости научной дисциплины.

Урок 10. Но каким должен быть синтез непривычной для современного историографа ситуации, когда ему приходится рассматривать события, очевидцем или непосредственным участником которых он являлся сам? Бурный резонанс вокруг исследований А.А. Формозова по истории советской археологии способствовал выработке в археологическом сообществе понимания проблемы значимости историографического труда и общественных функций историка. Исследователь Г.И. Зверева полагает, что историк выступает в обществе в качестве «своеобразного медиума (от лица которого говорит прошлое), учителя (представляющего опыт истории), пророка (способного понимать настоящее и предсказывать будущее, исходя из уроков прошлого)» (1999). Стремление археологии к обновлению этого понимания и нашло свое выражение в дискуссионных книгах А.А. Формозова, а потом и внутри профессионального археологического сообщества.

А.А. Формозов обозначил проблему базовых ценностей профессии археолога и изложил их собственное видение. Их понимание он выразил через реконструкцию личного опыта в профессии и реализовал сквозь его призму (постижение истории археологии «во благо археологического общества», для извлечения «уроков истории археологии»). Для него опыт есть выражение связи прошлого, настоящего и будущего археологии, непрерывно обновляющийся, открытый путь сознания, заключающий в себе процедуры наблюдения, обобщения, освоения, переработки, преодоления того, что осмыслено и пройдено в науке.

Для историографии археологии этот опыт ставит проблему историка науки как очевидца и участника событий. Безусловно, советская археология, войдя в лоно исторических дисциплин, оказалась связанной с идеологией своей эпохи, а археолог — вне зависимости от всей оппозиционности властям или верноподданничества — нес на себе отпечаток своего времени и в той или иной степени был подвержен политизации. Но кроме этих компонентов, обуславливающих научную деятельность ученого, «существует так называемый генетический код, индивидуальность, проявление личностного начала, свойственных только одной персоне. Врожденные свойства человека, ум, свободный либо догматический склад мышления, интеллект, черты характера (деликатность либо беспардонность, такт, чувство меры, достоинство либо беспринципность, основательность или легковесность), темперамент, наконец, психика (устойчивая психическая структура предполагает разумные и взвешенные решения), воспитание и образование, наложенные на человеческие особенности, в конечном счете, определяют восприятие внешнего мира» (Вандалковская, 2001. С. 258).

Изучение всех этих многообразных аспектов личности ученых-археологов позволит найти более точный язык описания научных фактов и их оценок, наподобие тех, что опубликованы по истории отечественной этнологии и антропологии в последнее время (Выдающиеся отечественные этнографы и антропологи, 2004; Репрессированные этнографы, 2002; 2003), в биографическом издании (Историки России... 2001), где даны образцы взвешенной и корректной научной оценки деятельности коллег.

Обычно историческая традиция отторгает события, относящиеся к недавнему прошлому, отдавая их на откуп публицистике. Но история археологии не была предметом рассмотрения ни публицистов, ни мемуаристов. Поэтому и возник этот новый ракурс в историографической практике археологии. Прочтение работ А.А. Формозова подтверждает констатацию французского социолога П. Бурдьё: «Чем ближе к настоящему времени, тем “вульгарнее”» (1996). Разрешение этой проблемы позволит в изучении истории археоло-

гии избежать шельмования одних исследователей и восхваления других.

Для молодых археологов, в особенности студентов, книги А.А. Формозова — это констатация фактов истории отечественной археологии, для археологов среднего и старшего поколения — это во многом история их собственной жизни в науке. Поэтому, не забывая, конечно, о сугубо личностных моментах, влияющих на научное творчество археологов, важно определить, какие факторы характеризуют ту или иную генерацию ученых, поскольку именно этим и будет определяться отношение современного научного сообщества к историографическим работам. Рассмотрение истории археологии с позиций концепции поколений может выстроить более взвешенную оценку научной деятельности тех или иных исследователей.

Ее важность обуславливается еще и тем, что в археологии одновременно действует и работает несколько поколений ученых, для каждого из которых существуют свои собственные научные предпочтения, авторитеты, отношение к прошлому своей науки. Очевидно, что введение в познавательный процесс историографии археологии категории «поколение археологов» приобретет не только эмоциональный, но и важный структурно-организующий смысл в изучении истории науки. В историографии исторической науки эта категория уже позволила вести сравнительное изучение генераций историков, которое позволило дать новый угол зрения на многие проблемы исторической науки (Сидорова, 2002; Синенко, 2009).

Сегодня входит в науку новое поколение археологов — прагматичное, напрямую осваивающее ценности мировой науки, знающее языки, владеющее информационными технологиями. Его трудно вписывать в традиционные историографические структуры направлений, научных школ, движений, течений в науке. Новое поколение в значительной мере социализируется посредством социальных, в первую очередь виртуальных, сетей. В нем нет очевидных ярких общенаучных интеллектуальных лидеров.

Поэтому сегодня особую актуальность в историографии археологии приобретает как традиционное выявление и осмысление ее

отдельных направлений, течений, движений, научных школ, деятельности отдельных археологов, так и изучение новых альтернативных форм профессиональной консолидации в виде социальных сетей. Последние позволяют весьма активно продуцировать идеи и достижения, расширять круг их сторонников, формировать незримые колледжи. Но проблема состоит в том, что не всегда именно профессиональное археологическое сообщество активно позиционирует себя в виртуальном пространстве. Нередко наибольшую активность в этом направлении проявляют маргинальные ученые, не сумевшие вписаться в существующие профессиональные субкультуры. Среди них встречаются просто непрофессиональные деятели, лжеученые, квазиученые (свидетельством чему являются многочисленные сайты черных археологов). Их деятельность подвергает угрозам и разрушает профессиональные идентичности.

Поднятый А.А. Формозовым интерес к личности археолога-профессионала, его особенностям и качественным характеристикам, приобретает особую социальную значимость. Он связан с проблемами профессиональной социализации. Миссия социализации нового поколения археологов лежит на всем археологическом сообществе. Для ее осуществления большое значение приобретают историко-научный и историографический контексты.

В условиях рефлексии состояния наука обращается к своему прошлому опыту. Он уже выходит за рамки самих идей, понятий, концепций, гипотез, обращая внимание историографии археологии на анализ конкретных средств и способов их формулирования, к судьбам их творцов, к широким социокультурным контекстам, в которых археологические знания функционировали, воспроизводились, интерпретировались, модернизировались. А.А. Формозов раскрыл для археологии значимость историографии как инструмента развития археологии, открыл новые концептуальные и проблемные поля, сделал интеллектуальную традицию и судьбы ее носителей важнейшим предметом историографического исследования в археологии. Восприятие исследовательского опыта А.А. Формозова, его наследование, творче-

ское преобразование, преодоление проблем, вытекающих из него, — важнейшие уроки для историографии археологии, данные науч-

ным творчеством А.А. Формозова. Их усвоение — условие сохранения археологией ее интеллектуального наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурдые П., 1996. За рационалистический историзм // Социо-Логос постмодернизма. М.

Вандалковская М.Г., 2002. Индивидуальность в научном творчестве историка // Мир историка. М.

Выдающиеся отечественные этнографы и антропологи XX века. М., 2004.

Ганжа А.И., 1987. Этнические реконструкции в советской археологии 40–60-х гг. как историко-научная проблема // Исследования социально-исторических проблем в археологии. Киев.

Генинг В.Ф., 1982. Очерки по истории советской археологии. (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е — первая половина 30-х годов). Киев.

Генинг В.Ф., 1988. Проблемные ситуации и научные революции в археологии // Проблемные ситуации в археологии. Киев.

Генинг В.Ф., Левченко В.Н., 1992. Археология древностей — период зарождения науки. Киев.

Герасимов Ю.В., Горбунова Т.А., 2002. Историография и новые научные направления // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск.

Грин В., 2001. Периодизация в европейской и мировой истории // Структуры истории. Новосибирск.

Жебелев С.А., 1923. Введение в археологию. Пг. Ч. 1: История археологических знаний.

Зверева Г.И., 1999. Понятие «исторический опыт» в «новой философии истории» // Теоретические проблемы исторических исследований: Информационно-аналитический бюллетень Центра теоретических проблем исторической науки. М. Вып. 2. URL: www.hist.msu.ru/.../HisTheory/Ed2/nuitr6.htm (дата обращения 07.12. 2009).

Историки России: Биографии. М., 2001.

Корякова Л.Н., 2003. Археология раннего железного века Евразии. Общие проблемы.

Железный век Западной Европы. Екатеринбург. [Электронный ресурс. 1 CD-ROM.]

Лебедев Г.С., 1992. История отечественной археологии. СПб.

Лебедев Г.С., 1993. Опыт периодизации истории отечественной археологии // Проблемы истории отечественной археологии. СПб.

Матющенко В.И., 2001. Триста лет сибирской археологии. Омск. Т. I.

Мельникова О.М., 2003а. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера (1946–1955 гг.). Ижевск.

Мельникова О.М., 2003б. Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга (1960–1974 гг.). Ижевск.

Мельникова О.М., 2006. Научная археологическая школа Р.Д. Голдиной в Удмуртском государственном университете. Ижевск.

Монгайт А.Л., 1955. Археология в СССР. М.

Монгайт А.Л., 1973. Археология Западной Европы. М. Т. I: Каменный век.

Мягков Г.П., 2000. Научное сообщество в исторической науке. Казань.

Оконникова Т.И., 2002. Формирование научных традиций в археологии Прикамья. Ижевск.

Платонова Н.И., 2008. История археологической мысли в России (последняя четверть XIX — первая треть XX вв.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб.

Пряхин А.Д., 1986. История советской археологии. М.

Ретина Л.П., 2003. Персональная история и интеллектуальная биография // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М. Спец. вып. 8.

Репрессированные этнографы. М., 2002.

Репрессированные этнографы. М., 2003.

Сидорова Л.А., 2002. Поколение как смена субкультур историков // Мир историка. М.

Синенко А.А., 2009. Практика межпоколенческой коммуникации русских историков конца XIX — начала XX вв. // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. Казань.

Тихонов С.С., 2004. К вопросу об изучении истории археологии Сибири // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Мат. Всерос. науч. конф. (Омск, ноябрь 2004). Омск.

Томсон П., 2003. Устная история. Голос прошлого. М.

Формозов А.А., 1961. Очерки по истории русской археологии. М.

Формозов А.А., 1975. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии // СА. № 4.

Формозов А.А., 1994. О периодизации отечественной археологии // РА. № 4.

Формозов А.А., 2004а. Историография русской археологии на рубеже XX–XXI веков (Обзор книг, вышедших в 1997–2003 гг.). Курск.

Формозов А.А., 2004б. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М.

Формозов А.А., 2005. Человек и наука: Из записей археолога. М.

А.М. Дубровский

Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВЗГЛЯДОВ А.А. ФОРМОЗОВА НА РАЗВИТИЕ ИСТОРИОГРАФИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Александр Александрович Формозов был такого рода знатоком истории науки, который хорошо чувствует личность ученого, героя своего повествования. Большинство героев статей, очерков и книг А.А. Формозова — это его современники. Из личных впечатлений, воспоминаний формировалась та доля автобиографизма в ряде его работ, которая придавала им особый оттенок. Однако А.А. Формозов обращался не только к исследованию близкой к нему по времени истории науки. Его интересы простирались и в предыдущие столетия. Одному из таких его произведений и посвящена предлагаемая работа.

В 1968 г. вышла книга Л.В. Черепнина «Исторические взгляды классиков русской литературы». А.А. Формозов откликнулся на эту работу рецензией (1969. С. 267–271), а почти через четверть века выпустил в свет книгу «Классики русской литературы и историческая наука». Этот труд автор (устно, в разговорах) называл «своего рода анти-Черепнин», четко осознавая разницу во взглядах, оценках, подходах, запечатленных в обеих книгах. Пока что никто не провел сопоставления этих книг. Между тем это необходимо было бы сделать не только для выяснения воззрений А.А. Формозова, что особенно уместно в настоящем сборнике, но и для уточнения современных представлений о сути решаемых обоими историками историографических во-

просов. Именно такой задаче подчинена данная работа, поэтому в ней, без претензии на всестороннее освещение содержания работы А.А. Формозова, с разной степенью подробности рассматриваются очерки, составляющие его книгу.

Книга Л.В. Черепнина состоит из одиннадцати очерков, каждый из которых посвящен историческим взглядам того или иного писателя либо поэта. Для изучения избраны А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Ф.И. Тютчев, Н.С. Лесков, Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой, А.А. Блок. Выбор персоналий продиктован не только масштабом их дарований, но, как можно предположить, и тем, что их творчество вписывается в период, который начался с Великой французской революции, а закончился Октябрьской революцией, — «период не столь большой по хронологическим рамкам, но очень значительный по своему историческому содержанию» (Черепнин, 1968. С. 370), что, по справедливой мысли автора, не могло не отразиться на воззрениях писателей.

Очерки включают в себя, как правило, такие элементы, как характеристика эпохи, в которую жил изучаемый автор, важнейшие черты его биографии, его отношение к истории, историкам, историческим трудам, поли-

тические воззрения, собственно исторические взгляды на отечественную и зарубежную историю, воззрения на роль народных масс в истории, какую-то особую тему, которой автор уделял большое внимание в своем творчестве, использование им исторических источников. Все эти элементы встречаются в историографических трудах, посвященных профессиональным историкам. Все они обязательны при создании биографического очерка об исследователе истории. В таком подходе к произведениям художников слова, людей искусства сквозит тенденция к отождествлению процесса и результатов деятельности историка-профессионала и писателя.

Уже во введении к своей работе Л.В. Черепнин сделал важное предварительное заявление: «Творчество классиков литературы дает для познания истории иногда больше, чем работы некоторых малодаровитых их современников из числа историков-профессионалов» (Там же. С. 6).

Как объективный историк, Л.В. Черепнин, рассматривая те или иные суждения писателей, время от времени вынужден признавать в своей книге: «В высказываниях по ряду вопросов он воспроизводит обычные представления исторической науки своего времени» (о Н.В. Гоголе) (Там же. С. 92); «Здесь нет ничего оригинального» (о Ф.И. Тютчеве) (С. 194); «Тургеневу как художнику было свойственно иногда чисто эмоциональное, чисто эстетическое восприятие прошлого» (С. 120).

Порой Л.В. Черепнин признавал: «В этом споре Достоевский исходит не из источника, а из определенной идеи, обоснования которой ищет в истории» (С. 151). С точки зрения профессиональной исторической науки это — увесистый упрек историку в предвзятости его позиции как исследователя и серьезное сомнение в объективности результатов его работы.

Кроме того, в высказываниях Л.В. Черепнина сквозит модернизация воззрений деятеля литературы, завышение уровня его занятий историей: «К феодальной системе Пушкин подходил диалектически» (С. 24); «С течением времени, в последние годы жизни, Пушкин в связи с занятиями историей восстания Пугачёва все более подходит к пониманию роли самих народных масс в борь-

бе за свои интересы» (С. 25); «Характерной чертой творчества Михаила Юрьевича Лермонтова... так же как и Пушкина... является историзм» (С. 58); «Занятия Гоголя историей всемирной, русской и украинской побуждали его... к разработке источниковедческих проблем» (С. 100); «Среди исторических источников Гоголь отводил должное место и материалам археологии» (С. 104); «Как и многие другие писатели, Достоевский обладал историческим характером мышления» (С. 148); «Так писатель, хотя и далекий от научной теории исторического процесса, сформулировал важное историческое положение» (С. 304); «Толстой... отчетливо осознал, что государство в любом классовом обществе представляет собой аппарат принуждения» (С. 307); «Все это — сильные стороны исторического мировоззрения Толстого, поднимающие его на значительную высоту по сравнению со многими историками-профессионалами» (С. 333). Эта тенденция к завышению уровня мышления и — главное! — уровня занятий историей является определяющей в книге Л.В. Черепнина.

Заключительная часть книги об исторических взглядах русских классиков оставляет впечатление чего-то довольно бедного по содержанию. Здесь не видно ни одной ценной и оригинальной идеи. В отличие от историков, писатели не были обязаны учитывать наблюдения своих предшественников, анализировать их. То есть, какого-то единого развивающегося процесса, подобного историографическому, здесь быть не могло.

Тем не менее, подводя итоги своему исследованию, Л.В. Черепнин отмечал, что «оценки и характеристики (писателями исторических трудов.— А. Д.) часто представляют собой заметное историографическое явление», «уже своими суждениями об историках, репликами им, откликами на их произведения классики литературы внесли вклад в русскую историографию» (С. 371, 372). Мысль спорная. Вряд ли суждение о труде историка, высказанное за пределами исторической науки не профессионалом, а читателем-любителем истории, может быть вкладом в развитие науки, т. е. способствовать ее движению.

Или другое высказывание автора: «Вот в этом провозглашении классиками литерату-

ры принципа актуальности истории, во всех ее разделах (от древности до позднейших эпох) как науки общественной, политической, большая их заслуга» (С. 376). В чем тут, собственно, заслуга? Что ценного и нового в этом довольно тривиальном провозглашении?

«Источниковедческая методика писателей обычно находилась на уровне достижений своего времени, а некоторые их приемы отличались оригинальностью и своеобразием», — утверждал Л.В. Черепнин (С. 381–382). Осознавали ли сами писатели, что они владеют методами источниковедческого анализа, — А.С. Пушкин на уровне А.Л. Шлёцера, Л.Н. Толстой и А.А. Блок на уровне А.А. Шахматова и А.С. Лаппо-Данилевского?

Не стоит множить примеры. Историограф явно завышал ценность собранного им материала для развития исторической науки. Классики русской литературы интересны не содержанием своих представлений об отечественном или зарубежном прошлом, а их художественным воплощением. Здесь, как и вообще в искусстве, важнее не «что», а «как».

В своей книге Л.В. Черепнин вольно или невольно продолжил ту традицию, которая проявлялась в советской науке еще с 1930-х гг. В это десятилетие власть проводила реабилитацию дореволюционных культурно-исторических ценностей, в том числе и творчества А.С. Пушкина (Дубровский, 2005. С. 85–89). Восхваляя поэта и отмечая в 1937 г. дату его гибели, официальная пропаганда поощряла появление различных трудов о нем, в частности посвященных историческим воззрениям Пушкина (Черепнин, 1968. С. 13–14. Прим.). Как известно, после Великой Отечественной войны классики русской литературы, особенно в школьном преподавании, а значит и в общественном сознании, как-то «покраснели», «зарозовели», т. е. были приближены по своим общественно-политическим позициям к победившему в 1917 г. большевизму. Отсюда у Л.В. Черепнина такое внимание к мыслям писателей о роли народа в истории — важной идее советской идеологии.

С другой стороны, с 1930-х гг., а особенно после Великой Отечественной войны, в разработке истории исторической науки стала складываться тенденция к расширению ее

предмета, в который теперь историографы стали включать не только труды историков-исследователей, но и работы литературных, общественно-политических деятелей (Иллерицкий, 1953). Эта тенденция была закреплена в «Очерках по истории исторической науки в СССР», где получили обстоятельное освещение воззрения на историю А.Н. Радищева, декабристов, А.С. Пушкина, В.Г. Белинского, А.И. Герцена и пр. (Очерки... 1955. С. 227–244, 288–310, 367–414). Не смущаясь различиями в постижении истории любителями, выступающими как публицисты, писателями и поэтами, авторы писали об «исторической теории» Радищева (Там же. С. 228), о том, что «суждения Белинского» являлись «результатом его разностороннего изучения истории», о «глубине понимания Белинским исторического развития» (С. 371) и т. п., как будто речь шла о людях, занятых серьезной исследовательской работой в архивах или обобщением профессионально изученного ими исторического материала в виде исторических концепций.

Таким образом, книга Л.В. Черепнина родилась под влиянием двух тенденций в советской науке, искажавших восприятие деятельности классиков русской литературы. Это вполне отчетливо понимал А.А. Формозов, что видно из следующего рассуждения об историографической ситуации в 1940–1950-х гг.: «Тогда принято было противопоставлять прогрессивных писателей отсталым историкам. В основе этого лежало примерно такое рассуждение: Н.М. Карамзин — монархист, идеолог дворянства. С.М. Соловьёв и В.О. Ключевский — буржуазные ученые. В их трудах всюду отразились классово окрашенные концепции, заведомо неприемлемые для советского народа. Не то великая русская литература. Она выражала интересы передовых сил общества, не устарела и сегодня. Некоторые авторы принялись доказывать революционную сущность творчества даже тех классиков, кто стоял на достаточно консервативных позициях» (Формозов, 1995. С. 5).

Гораздо позже опубликования рецензии на труд Л.В. Черепнина А.А. Формозов выпустил в свет книгу, представляющую собой ряд очерков под названием «Пушкин и древности. Наблюдения археолога». В этой

работе он совершал новый приступ к теме об историках и писателях, здесь уже сформулированы некоторые положения, которые получили развитие и широкое обоснование в более позднем его труде. Завершая свои очерки, автор писал: «Мне кажется, что за этими частными мелкими наблюдениями стали вырисовываться какие-то более общие и широкие вопросы. Решение их дано будет не здесь и не мною» (Формозов, 1979. С. 104). Однако, как уже ясно читателю, историк вернулся к рассмотрению этих вопросов и продвинул дальше их понимание и решение.

Как уже говорилось, А.А. Формозов назвал свою книгу «Классики русской литературы и историческая наука». В этом названии классики русской литературы не вписаны в историческую науку, на чем настаивал Л.В. Черепнин, а находятся вне ее. Это иной подход, иной угол зрения. Уже в этом видна принципиально другая позиция А.А. Формозова как исследователя, что легло отпечатком на все содержание его книги. В ней автор указал на очевидную нелепость расширения предмета историографии в сторону включения в него литературоведческого материала: авторы академических «Очерков истории исторической науки в СССР» «комические белорусские поэмы “Тарас на Парнасе” и “Энеида наизнанку” расценивали как вклад в науку, тогда как иные фундаментальные монографии профессионалов (например “Домашний быт русского народа” И.Е. Забелина) не были упомянуты вовсе» (Формозов, 1995. С. 5).

К сожалению, А.А. Формозову была неизвестна статья А.М. Сахарова «Некоторые вопросы методологии историографических исследований», опубликованная в 1977 г. В ней автор дал чисто теоретическое решение вопроса об отношении художественных произведений на исторические темы к истории исторической науки. А.М. Сахаров подчеркнул специфичность художественного познания, его глубокое отличие от познания научного, и с этой позиции критиковал подход Л.В. Черепнина к литературным текстам. А.М. Сахаров отметил, что художественная идея выражается образами, ее язык принципиально неперевожим на язык понятий, которыми оперирует наука (1977. С. 33). «Образное и чувственное восприятие прошлого входит в

ту общую идейную атмосферу эпохи, в которой развивается историческая наука; произведения художественного творчества могут служить показателем воздействия научных представлений о прошлом на другие, вненаучные формы общественного сознания. И в этом качестве произведения искусства, посвященные прошлому, представляют, разумеется, немалый интерес для историка исторической науки, только не следует придавать таким произведениям того содержания и значения, которое свойственно лишь научному теоретическому мышлению» (Там же. С. 34). Автор статьи призвал к выработке более осторожных, обусловленных спецификой объекта специальных методов историографического анализа художественных произведений (С. 35).

А.М. Сахаров изложил в статье лишь теоретические соображения. Это не исключало, а его последнее приведенное выше заявление даже предполагало, обращение к эмпирическому материалу для более глубокого и обоснованного решения вставших перед наукой вопросов. Этой задаче и послужила книга А.А. Формозова.

А.А. Формозов указывал на три главных аспекта в своем подходе к отбору материала и его анализу: «сопоставление взглядов на историю русских писателей и их современников-ученых», раскрытие специфики в отношении к минувшему и науке о нем у каждого из рассматриваемых писателей, «представления об истории в обыденном сознании, с одной стороны, у людей науки и искусства — с другой» (Формозов, 1995. С. 7).

А.А. Формозов начал книгу с очерка о Синописе, хотя и не принадлежавшем перу классика русской литературы, но очень популярном у читателей исторического сочинения, многократно издававшегося в XVIII–XIX вв. Затем автор осветил деятельность М.В. Ломоносова как историка, показал судьбу «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, дал ряд замечаний о Пушкине-историке, отдельные очерки посвятил Н.В. Гоголю, А.К. Толстому, А.Н. Островскому, М.Е. Салтыкову-Щедрину, Л.Н. Толстому. Как видно, круг рассматриваемых писателей у А.А. Формозова и Л.В. Черепнина не совпадает по набору персоналий. А.А.

Формозов не стал рассматривать творчества М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Ф.И. Тютчева, Н.С. Лескова, Н.А. Некрасова, А.А. Блока. Это было бы излишне. Книга А.А. Формозова была подчинена задаче решения важных для историографии проблем, а не созданию полного представления о развитии исторических взглядов писателей.

Итак, А.А. Формозов начал с Синописиса — сочинения по русской истории, созданного в XVII в. в Киеве И. Гизелем. Интересно и характерно, что и П.Н. Милюков в своем основном труде по историографии — «Главные течения русской исторической мысли» — также начал свою работу с рассмотрения содержания Синописиса, справедливо считая, что «дух Синописиса царит и в нашей историографии XVIII века, определяет вкусы и интересы читателей, служит исходною точкою для большинства исследователей, вызывает протесты со стороны наиболее серьезных из них, — одним словом, служит как бы основным фоном, на котором совершается развитие исторической науки прошлого столетия» (Милюков, 2002. С. 30). Обращая особое внимание на источники, которыми пользовался составитель (или составители) Синописиса, на методы его работы и подходы к разным темам, П.Н. Милюков указывал на то, что «историкам XVIII века, учившимся по Синописису и проникнутым его духом, предстояла прежде всего задача — разрушить Синописис и вернуть науку назад, к употреблению первых источников» (Там же). Наиболее глубокие историки шли именно этим путем, однако Синописис продолжали переписывать от руки и даже издавать. В частности, его не менее восьми раз издавала Академия наук. И это в то время, когда в России были опубликованы серьезные научные труды по отечественной истории, многократно перекрывавшие Синописис по полноте изложения материала и значительно превосходящие его по научному уровню.

А.А. Формозов поставил вопрос о причинах такой популярности этого сочинения и ответил на него так. Читатели видели в книге древнюю летопись, первоисточник, полноценное свидетельство современника о давно прошедших событиях. Содержание книги ближе к мифу, чем к научному исследованию,

«это вариант панегирической речи — “славы”, какие были в большом ходу в средневековой литературе и пользовались спросом у читателей» (Формозов, 1995. С. 14). Важнейшими мифами было повествование Синописиса о древнейшем прошлом славян, об их победоносных войнах против «греческих и римских кесарев», о грамоте, которую якобы выдал им Александр Македонский, о завоевании славянами Рима и властвовании в нем тридцать лет и пр. Влияние Синописиса А.А. Формозов усматривал и в некоторых современных ему сочинениях. «Представления о глубочайшей древности своего народа, о том, что он развивался именно на той территории, какую занимает сегодня, о его неизменно громких победах над всеми соседями, возникшие на ранних этапах культуры, сохранялись очень долго, а кое у кого удержались в сознании и поныне. Научные исследования, входившие в противоречие с этими представлениями, не раз встречали отпор со стороны людей, воспитанных на литературе донаучного, по сути мифологического, характера», — писал в заключительной части очерка А.А. Формозов (Там же. С. 14–15). В истории Синописиса автор книги увидел фундаментальное явление: «Требования к историческому произведению у специалистов-ученых и у массового читателя совершенно разные. Из-за этого на протяжении десятилетий проистекало немало коллизий как в оценке научных монографий по отечественной истории, так и романов, повестей, пьес на те же темы» (С. 15). «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман», — можно было бы добавить слова поэта к этому выводу историка. К числу создателей исторических мифов А.А. Формозов отнес и М.В. Ломоносова, чье творчество в области русской истории сильно зависело от Синописиса. Эту склонность к мифологии автор книги прослеживал на протяжении десятилетий, и даже вплоть до наших дней, отмечая ее в трудах профессионального историка А.Г. Кузьмина и в историографических оценках академика М.В. Нечкиной (С. 14, 38). Явление, отмеченное А.А. Формозовым, на протяжении длительного исторического периода остается жизнеспособным, более или менее постоянно сопровождающим развитие исторической науки.

Далее А.А. Формозов показал, как по-разному смотрели на произведение Карамзина писатели и историки, какие страсти кипели в связи с обсуждением этого труда, какие эпиграммы были сочинены в адрес вполне добросовестных и достаточно тактичных ученых анализов «Истории государства Российского», как не хотели писатели воспринимать более поздние и более зрелые в научном отношении труды, вышедшие после работы Карамзина. «Любям искусства, литературы более, чем ученым, свойственно сотворять себе кумира, — заметил А.А. Формозов. — Тем, кто работает в области науки, ясна ограниченность наших знаний, необходимость пересмотра и переоценки с течением времени любого, в том числе и самого первоклассного исследования» (С. 42). А те, кто не работает в науке, полагают, что сами способны разобратся в доброкачественности доступных им источников.

Заметим попутно, что о полемике, шедшей по поводу произведения Карамзина, написана книга В.П. Козлова (1989). Автор уделил главное внимание не научному, а общественно-политическому содержанию этой полемики, что несколько сгладило позиции литераторов и историков, помешало со всей ясностью понять их специфику. А.А. Формозову же удалось более точно оценить позиции ряда участников этой дискуссии (в частности, М.Т. Каченовского, М.Ф. Орлова).

В теме «А.С. Пушкин как историк» А.А. Формозов занимал «не столько анализ представлений Пушкина о прошлом, сколько вопрос о роли научных методов познания в его творчестве» (1995. С. 45). А.А. Формозов опроверг легенду о том, что Пушкин много работал в архивах. Наоборот, — «к исчерпывающе полному учету всех возможных источников автор не стремился» (Там же. С. 47). И здесь исследователь сделал принципиально важное наблюдение, которое указывает на особенности в работе над историческими источниками не только Пушкина, но и вообще любого писателя: «Все рассмотренные примеры отражают вовсе не поверхностное отношение Пушкина к историческим материалам, а нечто более важное. Здесь, как и во всем другом, он оставался прежде всего художником. Ему нужен был не полный учет и сопоставле-

ние фактов, а достаточно ограниченный набор их, чтобы получить толчок к творчеству. Никогда нельзя отождествлять подход Пушкина к истории с подходом ученых-профессионалов (что сплошь и рядом делается) на том лишь основании, что, как и они, вначале он вел сбор материалов, а затем, используя их, создавал свое произведение. Пушкин ценил эрудицию, трудолюбие, но его отталкивало свойственное ученым отстраненное, систематизаторское, критическое отношение к событиям прошлого» (С. 49, 50, 60).

Интересовался историей и даже преподавал ее Н.В. Гоголь. «Он был отнюдь не плох знаком с исторической литературой и порой овладевал вниманием студентов» (С. 72). Однако, как обоснованно показал А.А. Формозов, писатель ставил перед собой задачи скорее популяризаторские, чем исследовательские. «Ясно, что для Гоголя на первом плане стоит не исследование источников, а захватывающее читателей повествование» (С. 68, 71). Собираясь писать историю Украины, он хотел добиться своей цели «не усидчивым трудом, а с помощью случайных находок» (С. 68). Он был равнодушен к методике исследования, к работе с источниками, к их критике (С. 73).

В понимании предмета истории Н.В. Гоголь не смог оценить те новые идеи, которые были разработаны современными ему исследователями; так, он не понял значения разработки проблем истории хозяйства немецким историком А. Геереном, в то время как близкий к нему М.П. Погодин оказался в состоянии увидеть то ценное, что было в новом понимании предмета истории у его зарубежного коллеги. В восприятии Гоголя «мифопоэтический подход к прошлому явно предпочтен специальному анализу письменных источников, что понятно для литератора, но чуждо историку-профессионалу» (С. 77).

У молодого Н.В. Гоголя формировались замыслы крупномасштабных исторических произведений. В более зрелом возрасте он оставил эти мечты. «Но в том же возрасте он создал признанный шедевр русской литературы («Тарас Бульба». — А. Д.). Так по-разному развиваются ученый и художник», — такое наблюдение сделал А.А. Формозов на материале биографии Н.В. Гоголя (С. 80).

Великий драматург, автор шести исторических пьес, А.Н. Островский был прекрасным знатоком исторической литературы и источников, которые он тщательно изучал. Но при этом исторические хроники А.Н. Островского никогда на сцене успеха не имели. Анализируя эту ситуацию, А.А. Формозов отмечал, что «исторические хроники Островского громоздки. В них чересчур много действующих лиц» (С. 97). Добавлю от себя, что этот недостаток происходил, скорее всего, из осведомленности писателя, из широты его кругозора в историческом материале. Для исследователя это все неплохие и даже необходимые качества. Для драматурга, для успеха его произведений, они же оказываются опасными. А.А. Формозов указал на такие установки А.Н. Островского при создании его драматических произведений, как иллюстративность и классицистические образы, взятые из академической живописи. Обнаруживается архаичность в позиции А.Н. Островского как автора исторических пьес, образцами для него служили писатели начала XIX в. Н.В. Кукольник, Н.А. Полевой, С.А. Геденов. «Островский попытался возродить в драматургии уже отмиравшую ее форму» — классицистическую и романтическую исторические пьесы (С. 98). Главное, по мысли А.А. Формозова, это то, что исторические пьесы А.Н. Островского появились не вовремя. В эпоху великих реформ, открывшуюся отменой крепостного права, театральная публика ожидала увидеть народные драмы, услышать о социальных проблемах, а в пьесах А.Н. Островского о Смутном времени на первый план были выдвинуты религиозные моменты. В этом писатель шел за историком Н.С. Арцыбашевым, некритически относясь к его построениям. «Вера в утверждения историка полная. Факты признаются установленными раз и навсегда, а роль художника сводится к их иллюстрированию» (С.100).

Зато те историко-бытовые пьесы А.Н. Островского, где автор значительно менее точен в передаче исторических фактов, имели успех. В них был дух русского средневековья, автор дал то, что хотела видеть публика, — старинные обычаи, наряды, нравы. Таким образом, по наблюдениям А.А. Формозова, чем более был раскован А.Н. Остров-

ский, чем дальше он отходил от позиции строгого фактографа, тем удачнее в художественном отношении были его исторические по содержанию произведения.

Рассматривая воззрения М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.А. Формозов сосредоточился на выяснении его отношения к современной ему исторической науке. Оказалось, что писатель отрицательно воспринимал исследования по истории частного быта. «Названия специальных статей (на исторические темы.— А. Д.), придуманные Щедриным, предельно нелепы и оторваны от реальной жизни» (С. 110). Такое отношение было характерно вообще для демократической журналистики. «Для Салтыкова-Щедрина, как и для большинства революционной демократии, была важна только одна сторона жизни — борьба за справедливый социальный строй против угнетения народа. То, что в истории наряду с эксплуатацией трудящихся масс шел параллельно другой процесс — развития и строительства культуры, Щедрина и его соратников не трогало» (С. 115).

Рассматривая творчество Л.Н. Толстого, А.А. Формозов сосредоточился главным образом на воззрениях и исторических представлениях, высказанных писателем в романе «Война и мир». Он показал, что «в годы, непосредственно предшествовавшие созданию “Войны и мира”, будущий автор эпопеи утвердился во мнении, что в истории на первом месте должна стоять художественная обработка повествования, а не анализ и оценка событий или стремление к максимально полному сбору и проверке фактов. Им в какой-то мере было тогда отдано предпочтение мифу перед наукой» (С. 120). Как показал А.А. Формозов, отношение Толстого к трудам историков было сугубо отрицательным. Расхождения между историками и Толстым были непримиримыми, если брать во внимание его отношение к источникам. Писатель полагал, что в источниках нет достоверной информации — «истины», по выражению Толстого. Он читал их, особенно интересовался рассказами рядовых участников событий. Однако обилие источников его подавляло, лишало творческой фантазии. Он отступал от них, давая волю своему воображению. Толстой мечтал о более совершенных методах передачи истории

и ее понимания. «Пути к этому он искал не в развитии исследовательских методов, критики источников, анализе, а в использовании приемов искусства» (С. 137).

В истории войны 1812 г. главной для Толстого была этическая сторона, моральные поиски его героев. Эти люди, по представлениям писателя, ничем не отличались от его современников. Так он их и изображал. Все эти наблюдения А.А. Формозова отчетливо показывают принципиальные различия в работе Л.Н. Толстого и любого более или менее квалифицированного исследователя истории.

А.А. Формозов обратил внимание на отклики в печати по поводу романа Л.Н. Толстого. Они были разными. Дело в том, что писатель бросил «вызов как официальной историографии, так и обыденному представлению о героях Отечественной войны», т. к. показал реальных людей в реальной обстановке. Они не произносят героических речей, а погружены в житейские заботы, но в нужную минуту проявляют лучшие свои качества (С. 128). Все это было важно и интересно для изучения духовной жизни общества в пору творчества великого писателя, но, естественно, не имело никакого значения для развития науки.

Тот же прием — наделение людей прошлого психологией своих современников — не сработал в задуманном Л.Н. Толстым романе о времени правления Петра I. «Время Петра I оказалось для Толстого чужим и мало понятным», — сделал вывод А.А. Формозов (С. 136).

Примечательно, что, в отличие от Л.В. Черепнина, А.А. Формозов не просто опирался на труды литературоведов, отсылая к ним читателя, а спорил с ними, поправлял их выводы, дополнял или опровергал. И эта черта в его работе по-настоящему определяла место его труда на стыке литературоведения и истории исторической науки.

Первым итогом рассмотрения воззрений писателей на историю стала как будто и не новая истина: специалисты-исследователи и писатели смотрят на историю по-разному, нельзя их воззрения ставить в один историографический ряд. Однако, как справедливо подчеркнул в заключительной части книги ее автор, «время от времени бывает необходимо

напомнить и о банальных истинах», а решенный вопрос приходится обсуждать снова и снова (С. 140). И действительно, даже в наши дни, когда наука уже отошла от идеализации воззрений на историю писателей и революционеров, тем не менее наблюдаются рецидивы, казалось бы, умершей традиции (Шинаков, 2006). Значит, и в настоящее время выводы и наблюдения А.А. Формозова не теряют актуальности как полезное напоминание и предостережение исследователям.

Книга А.А. Формозова убеждает в том, что выступление писателя или публициста на историческую тему, выдвижение им новых исторических оценок, идей, концепций — еще не наука. Эти идеи и концепции — произведения общественно-политической мысли. Они могут стимулировать освоение источников под новым углом зрения, поиск новых материалов, подтверждающих, опровергающих или уточняющих высказанную идею. А.А. Формозов указал на такой эпизод: «Только после “Войны и мира” Кутузов стал восприниматься как великий человек. Созданный Толстым в противоречии с мемуарами образ полководца покорила как рядовых читателей, так и ученых» (С. 146–147).

Высказанная, но не обоснованная источниками новая точка зрения составляет как бы предысторию в изучении темы, стартовую площадку для исследователей. И только в этом качестве рабочей гипотезы может приниматься во внимание историографами. Специалист в области русской историографии XVIII в., профессор Ленинградского университета С.Л. Пештич говорил своим студентам: «А вы подумайте хорошенько, и будет концепция». Иными словами, тезис или совокупность тезисов, составляющих концепцию, но не наполненных эмпирическим содержанием, немногого стоят в глазах человека науки. Проверка такого тезиса с помощью эмпирического материала может опровергнуть его или серьезно изменить содержание этого тезиса.

Всем содержанием своей книги А.А. Формозов решал вопрос о предмете историографии. Все-таки его стержнем является история профессиональной исторической науки. Это главное. К этому выводу ведет каждый очерк рассматриваемого произведения. В исследо-

вательской практике (историографических обзорах и частных указаниях, сопровождающих основной текст той или иной работы) авторы ограничиваются именно профессиональной историографией, не вступая в споры с писателями, художниками, публицистами и другими деятелями культуры, в той или иной форме высказавшими свое мнение по поводу исторических событий и лиц.

Как глубоко верно отметила М.В. Нечкина, история исторической науки есть составная часть истории культуры (1960. С. 81). И естественно, что эта область культуры не отделена непроходимой стеной от других ее областей. Истории исторической науки сопутствуют разные явления — историческая романистика, журналистика, радио, кино... Они представляют собой каналы вненаучного познания прошлого, составляют тот фон, на котором развивается наука. Об этом фоне нельзя не писать, нельзя не принимать его во внимание.

А.А. Формозов справедливо подчеркнул, что в большей степени именно литература, а не наука, «формирует в широких кругах читателей образы ушедших эпох, выделяя какие-то ключевые моменты. Представления об Иване Грозном, Фёдоре Иоанновиче, Борисе Годунове, Григории Отрепьеве есть почти у всех, а сложились они после чтения трагедии Пушкина, “Песни о купце Калашникове”, драматической трилогии А.К. Толстого, реже — труда Карамзина, а вовсе не после знакомства с монографиями специалистов» (Формозов, 1995. С. 145).

Здесь мы наблюдаем результаты того процесса, о котором А.А. Формозов говорил в своей книге мимоходом, чуть касаясь его. Это обособление исторической науки по мере ее развития, отделение исторических произведений от литературных. Появляются, как неоднократно выражался А.А. Формозов, «кастовые ученые», ставятся вопросы, значение которых непонятно для неподготовленных людей, вырабатывается свой особый язык. И, как показано в книге А.А. Формозова, ослабевает непосредственное воздействие науки на

представления широких кругов читателей об истории. Растет значение тех каналов исторической информации, которые зависят от людей, далеких по строю своего мышления от науки; в частности, это деятели литературы.

Писатели, взявшиеся за освещение исторических событий, естественно, ориентируются на труды историков. В XVIII — начале XIX в. на писателей воздействовал Синописис. «Первая половина XIX в. прошла под знаком Карамзина». С 1860-х гг. заметно влияние Н.И. Костомарова.

«Воздействия на писателей трудов В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского почти не видно», — заметил А.А. Формозов. К этому ряду можно было бы добавить еще не одно имя, причем выдающееся, значительное, — А.П. Щапов, Н.П. Павлов-Сильванский, А.А. Шахматов, А.С. Лаппо-Данилевский, П.Н. Милюков... «Влияли на писателей... историки, тяготевшие к художественной обработке предмета, а не к анализу и критике источников», — сделал справедливый вывод автор книги (Там же. С. 147).

Подводя общие итоги рассмотрения книги А.А. Формозова, нужно сказать, что он на обширном эмпирическом материале со всей возможной доказательностью опроверг мнение А.М. Сахарова, в процитированном ниже высказывании согласившегося с Л.В. Черепниным, будто «классики (русской литературы. — А. Д.) работали над изучением истории, в ряде случаев переходя от художественного к научному, теоретическому, основанному на исследовании источников методу познания прошлого» (Сахаров, 1977. С. 35). Ничего подобного не было. Об этом говорит все содержание книги А.А. Формозова. Следовательно, совершенно бесплодна сформулированная в цитированной статье мысль А.М. Сахарова о «необходимости выработки более осторожных (чем у Л.В. Черепнина. — А. Д.) и, главное, обусловленных спецификой объекта — специальных методов историографического анализа художественных произведений» (Там же).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дубровский А.М., 2005. Историк и власть. Брянск.
- Иллерицкий В.Е., 1953. Исторические взгляды В.Г. Белинского. М.
- Козлов В.П., 1989. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников. М.
- Милуков П.Н., 2002. Очерки истории исторической науки. М.
- Нечкина М.В., 1960. О периодизации истории советской исторической науки // История СССР. № 1.
- Очерки по истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. I.
- Сахаров А.М., 1977. Некоторые вопросы методологии историографических исследований // Вопросы методологии и истории исторической науки. М.
- Формозов А.А., 1969. Историзм русской литературы // Новый мир. № 4.
- Формозов А.А., 1979. Пушкин и древности: Наблюдения археолога. М.
- Формозов А.А., 1995. Классики русской литературы и историческая наука. М.
- Черепнин Л.В., 1968. Исторические взгляды классиков русской литературы. М.
- Шинаков Е.А., 2006. Средневековая Россия и Европа в поэтическом творчестве А.К. Толстого // Проблемы славяноведения: Сб. науч. статей и материалов. Брянск. Вып. 8.

В.А. Бердинских
Вятский государственный гуманитарный университет

**А.А. ФОРМОЗОВ — ИСТОРИК
(ПО МАТЕРИАЛАМ МОЕГО АРХИВА)**

С Александром Александровичем Формозовым я был знаком с 1986 г. И до самой своей кончины он оставался моим наставником в научной работе, самым внимательным образом читавшим все мои статьи и книги, скрупулезно их рецензировавшим. Мы познакомились во время моей работы над книгой «Вятские историки», где был биографический очерк об А.А. Спицыне. Нас свел замечательный вятский писатель Е.Д. Петряев (1913–1987).

Александр Александрович рекомендовал мне архивы, которые непременно нужно посмотреть, книги и статьи, которые следует прочесть. Именно благодаря ему я познакомился с Н.А. Спицыной, дочерью выдающегося археолога, и включил ее рассказы об отце в свою книгу. Благодаря ему я принял участие в конференции по историографии археологии в Петербургском университете и познакомился с широким кругом научной молодежи, занимавшейся сходными научными проблемами (Н.И. Платонова, И.Л. Тихонов и др.).

Это ощущение единого движения в молодости очень полезно. Формозов также свел меня с известными учеными того времени, у которых мне хотелось проконсультироваться (В.Л. Янин, М.Г. Рабинович, С.О. Шмидт). Для меня, как провинциала, получившего образование в Нижегородском университете, все это было необычайно важно и полезно.

Становление мое как научного работника в течение многих лет шло под пристальным вниманием Александра Александровича.

Масштаб его как ученого пленял меня, а взгляды соответствовали моему темпераменту и симпатиям в науке. Думаю, что и моя книга «Вятские историки» оказалась в чем-то созвучна его первой историографической работе «Очерки по истории русской археологии», замечательной по свежим мыслям и идеям (Формозов, 1961). Высшей оценкой в его устах были слова «полезная работа», но заслужить их было нелегко. Свои позитивные и критические оценки Александр Александрович всегда высказывал четко и прямо в глаза, невзирая на «политес» и сиюминутную ситуацию. Этот субъективный, личностный взгляд в науке всегда пленял меня, поскольку объективистское абстрагирование текста от ученого в советской историографии, с моей точки зрения, зашло слишком далеко.

В моем личном архиве сохранилось множество писем Формозова, в которых он отвечает на мои вопросы по научным проблемам, делится своими взглядами на современное положение дел в академических институтах, стране и мире. Четкость, конкретность, скрупулезность и обдуманность выводов — таков стиль этих писем и, я думаю, научный стиль Александра Александровича вообще. Он никогда не давал своих оценок сгоряча, но, раз

приняв для себя какое-то решение, придерживался его, не взирая ни на что. А служение истине в науке (как он ее понимал) для него стало своеобразным рыцарским (или иноческим) обетом.

Пытаясь выйти за узкие рамки областной истории, я засыпал Формозова устными (при встречах) и письменными вопросами по своей общерусской тематике. К моему удивлению, Александр Александрович очень спокойно и доброжелательно, внятно отвечал на все мои письма. По сути дела, он ввел меня в мир общероссийской науки, о котором я имел довольно смутное представление. Сотни писем и десятки встреч с Александром Александровичем стали для меня своеобразными маяками в научных разысканиях. Он помогал мне готовить статьи в общерусские научные журналы и издания («Российскую археологию», «Этнографическое обозрение», «Археографический ежегодник»...), прямо и честно, «по гамбургскому счету», высказывал свое строгое и принципиальное мнение (с присущей ему иронией) о книгах и людях науки — вне зависимости от степеней и должностей. Этот опыт был для меня очень полезен.

А.А. Формозов принадлежал к старой московской интеллигенции, чья широкая гуманитарная культура восхищает весь мир. Мне, человеку в определенном смысле беспородному, личное общение с Александром Александровичем дало очень многое. Представление о научной этике, культуре мысли, занятиях наукой как радости и побстриге одновременно, — все это, безусловно, развивало меня как исследователя.

Начав свою работу как профессиональный археолог (учеба в МГУ, Институт археологии АН СССР), Формозов быстро расширил круг своих интересов в сторону отечественной историографии, истории русской литературы и культуры в целом.

С борьбой течений в науке и связаны попытки Формозова создать новые схемы развития русской археологии (неудачные) и очень успешные исследования русской культуры и науки.

Нужно признать, что ведомый Б.А. Рыбаковым и его школой тяжелый корабль российской археологии следовал совершенно в

другую сторону. Уже в 1960-е гг. Формозов оказался совершенно чужим для основной массы археологов, работавших в традиционном ключе: раскопки — описание — сдача дел в архив. Поэтому обращение к истории формирования археологии в России XIX в. стало для Формозова своеобразной формой легального фрондерства и приемлемой оппозиционности. А опека историографического направления в историко-археологических исследованиях молодежи надолго стала важным элементом деятельности ученого.

Именно благодаря Формозову мне удалось понять не чисто вятский, но общероссийский путь развития провинциальной историографии, за что я ему очень благодарен. В течение долгих лет (с 1986 г.) он был первым читателем (часто в рукописи) и жестким, нелюбимым критиком всех моих научных и популярных работ, хотя с его мнением я не всегда соглашался. Большой интеллектуальной радостью для меня всегда было общение с женой Александра Александровича, Марианной Казимировной Трофимовой, которая долгие годы несла вместе с ним тяжкий груз трудов и лишений.

Приводимый ниже замечательный документ (ответы А.А. Формозова на вопросы разработанной мною в 2005 г. анкеты для русских историков) рассказывает о внутреннем мире русского историка XX в. К сожалению, большинство известных мне историков старшего и среднего поколений отказались заполнять эту анкету, не желая раскрываться, а также считая для себя обременительным потратить время на помощь коллеге. Я думаю, что в нижеприведенных ответах А.А. Формозова отразился строй научной мысли замечательного русского историка второй половины XX — начала XXI в.

Приложение 1. А.А. Формозов. Ответы на анкету «Историки России: особенности научной работы»¹

1. Почему Вы стали историком? Довольны ли Вы выбором своей профессии?

— Интерес к истории появился еще в школе, что, как я сейчас понимаю, связано с возрождением истории в СССР в середине 1930-х гг. Я поступил на исторический фа-

¹ Бердинских В.А. Личный архив. Фонд писем Формозова.

культет МГУ, на кафедру истории народов феодализма к С.В. Бахрушину. Потом ушел в археологию. 1946–1966 гг. занимался раскопками. В 1970–1980-х гг. вернулся к истории, о чем не жалею.

2. *Что Вас привлекает в этой профессии?*

— История дает подход к основной загадке — что такое человек, на что он способен?

3. *Какие другие отрасли науки Вам близки и какие увлечения (хобби) были в Вашей жизни?*

— По ходу своей работы соприкасался с рядом наук как естественных, так и гуманитарных. Ближе всего мне оказались искусствоведение и археология. По этой теме я издал ряд работ.

4. *В чем Вы видите смысл своего труда?*

— См. № 2.

5. *Какие ученые (русские и зарубежные) оказали на Вас наибольшее влияние? Почему?*

— Наибольшее влияние на меня оказали мой отец (профессор-биолог), археологи С.Н. Замятнин, А.В. Арциховский, Б.Н. Граков, историк А.А. Зимин, искусствовед В.Н. Лазарев.

6. *Кого из русских писателей и поэтов Вы больше всего любите?*

— Любимые писатели — Пушкин и Лев Толстой.

7. *Как Вы выбрали основные темы своих исследований?*

— Темы часто были случайные (задание для лекций, наличие средств), но подход к ним был мой личный.

8. *Какова роль интуиции в Вашей работе?*

— Я позитивист и недолюбливаю интуитов, хотя признаю роль интуиции в научном творчестве.

9. *Верующий ли Вы человек?*

— Дитя советских лет, я человек неверующий.

10. *Чем бы Вы мечтали заняться, будучи полностью финансово обеспечены?*

— Занимался бы тем же.

11. *Какие темы научных исследований Вам недоступны и непосильны, но Вы хотели бы когда-нибудь их осуществить?*

— Осуществить неосуществленное уже не удастся, поздно. Если вопрос в том, что я органически не могу делать, то, пожалуй, укажу на два момента. Во-первых, я плохо представляю себе мировую науку и культуру, работаю

в рамках русской. Во-вторых, биологические аспекты жизни человека я не умел оценивать и не научусь уже.

12. *Какова традиционная техника и методика написания Вами а) научной статьи; б) монографии?*

— Техника банальная: сбор материала, некая организация его, написание работы.

13. *Какова роль семьи в Вашем профессиональном росте?*

— Роль семьи в моей работе великая. Отец, мать, дяди по отцу и матери, тетя по матери — все научные работники с исходными установками, привычками в детстве. Жена читает мои работы, и ее советы для меня важны.

14. *Что Вам наиболее интересно и привлекательно в истории России в отличие от истории других стран и народов?*

— В истории России интересовала проблема традиций, уходящих в глубь веков, но сохраняющих свое значение доныне. Интересовала история культуры, но не государства, хозяйства, армии и т. д.

15. *Как Вы относитесь к источникам (архивам, библиотекам, другим памятникам) по русской истории? За что Вы их цените? Что Вам не нравится в них и мешает работать?*

— Без архивов работа историка ущербна. Плохо, когда архивы закрыты, похищены. Нельзя фетишизировать документ — написано, значит, так и было. Надо уметь анализировать источники, развивать их критику.

16. *Кого из а) современных историков; б) советских историков; в) русских историков XVIII–XIX вв. Вы считаете наиболее талантливыми и оказавшими самое значительное влияние на развитие историографии и Вас лично? Почему?*

— Ценю С.М. Соловьева за огромную целеустремленность и всеобъемлющий взгляд на основные периоды русской истории, В.О. Ключевского, И.Е. Забелина — за проникновение в мир наших предков.

17. *Какова этика историка?*

— Историк должен стремиться к истине, не подгонять свои выводы к навязанным извне тезисам, должен уважать труд предшественников и коллег, но не чураться и критики их в достоверной форме.

18. *Какие морально-нравственные качества и черты характера должны быть присущи хорошему историку?*

— См. № 17.

19. *Какие способности и дарования необходимы историку?*

— Историк должен быть прежде всего добросовестен. Собирает материал с преданной тщательностью. Вводит его в оборот точно, без препарирования. Хорошо, когда историк пишет живо, занимательно — ведь его читают не только специалисты; но добросовестность важнее.

20. *О чем Вы особенно жалеете из своих нереализованных возможностей в науке?*

— Жалею, что не бывал за рубежом, почти нигде, что не видел ряд интересных городов и мест в России, что не общался с некоторыми интересными современниками.

21. *Каково соотношение историков плохих — посредственных — хороших?*

— Вопрос сформулирован неточно, люди, фальсифицирующие материал, — нетерпимы в науке, но это не «плохие историки», а жулики. В любой области жизни есть более одаренные и менее одаренные люди. Это неизбежно. Надо давать работать людям одаренным, а не травить их, но надо давать работать и людям менее ярким, но в своей сфере полезным, не создавая дутые авторитеты.

22. *Чем столичные историки а) лучше; б) хуже провинциальных историков?*

— Чем столичные историки лучше или хуже провинциальных? Место человека в науке не зависит от места прописки. Хорошие и плохие историки есть и в столицах, и на периферии. Но специфика есть. Провинциальные историки, работающие на своем, местном, материале и знающие его досконально, очень полезны. К сожалению, в последнее время провинциальные историки почему-то очень рвутся к построениям глобального характера, из чего, как правило, ничего путного не выходит. В столицах, конечно, и библиотеки, и архивы, и большое число коллег, с которыми можно обсуждать все волнующие тебя темы. Провинция, к сожалению, этого лишена. Но в столицах много суеты, мешающей сосредоточиться. Провинция в этом плане гораздо удобнее для работы.

23. *Как Вы относитесь к музыке, живописи, театру?*

— Музыку знаю плохо. Театром некогда очень увлекался, как драматическим (МХАТ), так и балетом. Живопись люблю, но прямой

связи с названными областями искусства не вижу. Можно лишь говорить о том, что широкий культурный кругозор нужен историку.

24. *Что сильнее всего мешает Вам работать?*

— Всегда огорчало непонимание коллег. Мешали административные препоны в работе.

25. *Что больше всего помогает Вам в работе?*

— Помогает заинтересованность аудитории твоей работой, помощь со стороны коллег.

26. *Как Вы оцениваете профессионализм западноевропейских и американских коллег?*

— Зарубежных коллег почти не знаю. В книгах их по истории России нет подлинного знания страны, народа; есть предвзятость.

27. *Каковы главные а) недостатки; б) достоинства Вашего образования?*

— Недостатки образования — не было философской базы исследований (лекции по марксизму-ленинизму — это несерьезно), курса методики, семинаров, прививавших вкус к критике источников. Не было этого в советские годы. Нет и сейчас. Достоинство — читались серьезнее общие курсы и по Древнему Востоку, и по античности, по западному средневековью и т. д. Американской ставки на узкую специализацию не было. Сейчас это насаждают, это плохо.

28. *Кто оказал большее влияние на Ваш выбор профессии — отец или мать? Каковы другие факторы?*

— Отец оказал на выбор профессии большое влияние. Общие факторы — см. № 1.

29. *Если бы Вы не стали историком, то кем бы Вы скорее всего стали?*

— Я мог бы стать филологом, искусствоведом, популяризатором науки.

30. *В чем сущность таланта историка?*

— Талант историка в проникновении в жизнь, события, души людей отживших эпох. Писатель ориентируется в основном на интуицию. Ученый — на максимальное число факторов и анализ их.

31. *Как Вы оцениваете советскую историческую науку? Каковы ее сильные и слабые стороны?*

— Говорить о советской исторической науке как о чем-то едином — нельзя. Сначала школа Покровского, социологизатор-

ство, вульгарный социологизм. Плюсов не вижу. Потом — возвращение к традициям русской академической и университетской науки. Готье, Веселовский, Бахрушин, Б.А. Романов — продолжали традиции Ключевского, Лаппо-Данилевского и т. д. «Птенцам гнезда Покровского», как выражался Тарле, пришлось переквалифицироваться. Кое-кто был полезен — И.И. Смирнов, Нечкина, но в основном эта плеяда была скорее вредной (Сидоров и т. д.). В среду историков внедрялись совсем чужие науке люди — Пономарев, Жуков, Кукушкин и т. д. Они еще действуют сейчас.

32. *Когда лучше всего жилось историкам в России?*

— Нормальные условия для работы историка были начиная с Александра II до революции. Учили в университетах хорошо. Лучших выпускников оставляли для подготовки профессорского звания, давали заграничные командировки и т. д. Печатали книги. После революции все разгромлено. С 1930-х гг. что-то возродилось. Университетская подготовка, средства на экспедиции, издание книг. Но все это сочеталось с жестким контролем над наукой. Многие с тоской говорят об этом времени как об идеальном для работы. После перестройки — развал даже некогда достигнутого.

33. *Возможен ли прогресс в исторических исследованиях? Если да, то в каких направлениях?*

— Прогресс в исторических науках в создании новых методов исследования, в выдвижении новых идей.

34. *Какие негативные черты современного развития общества Вас отталкивают?*

— Негативная особенность современной России — коммерциализация всего и вся. В советское время историку, чтобы работать, приходилось подлаживаться к установкам ЦК. Теперь приходится подлаживаться к денежным структурам. Это не менее пагубно для науки.

35. *Каковы отличия научных работ, написанных женщинами, от научных работ, написанных мужчинами?*

— Женщины — мастера замечать детали и по ним судить об общем. Мужчины думают о целом.

36. *Кто сегодня являются лидерами исторической науки России (люди, журналы,*

университеты, другие учреждения)? Почему?

— Лидеров не вижу. Есть хорошие специалисты в тех или иных областях. Журналы, университеты сейчас на высоте.

37. *Какие достоинства и черты историков а) дореволюционных; б) советских — утратили современные историки?*

— Современные историки склонны к внешнему успеху, видимости работы вместо самой работы, видимости открытий вместо самих открытий и т. д.

38. *Что они приобрели взамен?*

— Появилась возможность общаться с коллегами по всему миру, иногда высказывать то, что думают, а не то, что требуется начальству.

39. *Какие годы в своей жизни (своего возраста) Вы считаете расцветом своего творчества?*

— У меня было два периода очень интенсивной и очень плодотворной работы: 1950–1960-е гг. — исследования в области археологии, и 1980–1990-е гг. — исследования в области истории науки. Перерыв 1960–1980-е гг. связан с домашними бедами и с препятствиями со стороны влиятельных лиц. Годы после 1995 г. — спад, связанный и с возрастом, и с общей ситуацией в стране и в науке.

40. *Ваш любимый архив и любимая библиотека?*

— Занимался всю жизнь в Библиотеке им. Ленина (жил рядом). Из архивов больше всего занимался в отделе письменных источников Исторического музея. Другие хранения знаю плохо.

41. *Почему, по-вашему, для познания прошлого недостаточно а) письменных; б) материальных источников?*

— Одних письменных и вещественных источников для познания истории мало. Надо знать психологию людей, их природное окружение, физический тип и т. п.

42. *Что такое чувство России?*

— Что такое «чувство России», я не знаю. Думаю, что важно сознавать себя частью России, понимать, что именно ты (и хорошее и плохое) получил от нее в наследство, стараться послужить ей по мере сил.

43. *Какова роль иррационального (предзнаменований, подсознательных открытий,*

прочей мистики) в Вашей жизни и деятельности?

— Роль иррационального в моей работе минимальна. Повторяю — я позитивист.

44. Историческая наука России является а) передовой; б) посредственной; в) отсталой по сравнению с другими отраслями науки в стране или исторической наукой за рубежом?

— Нет единой отечественной исторической науки. Есть отдельные крупные ученые. Отдельные области развиваются успешно. Другие — в упадке. Думаю, что так и в других странах.

45. Каковы лучшие исторические романы русских писателей?

— Историческую беллетристику не люблю. Конечно, есть «Капитанская дочка», «Тарас Бульба», отдельные удаchi — Тьнянов, но к развитию науки это отношения не имеет (см. мою книгу «Классики»).

46. Какие качественно новые темы исторических исследований в стране Вы могли бы предложить?

— Предлагать не рискую. Думаю, что идеи «Анналов» не исчерпали своих возможностей. В целом хотелось бы большего внимания не к абстракциям (государство, хозяйство), а к людям, их чаяниям в разные эпохи, заблуждениям и прозрениям в то или иное время.

47. Каковы главные отрицательные черты развития исторической науки России а) в XVIII в.; б) в XIX в.; в) в XX в.; г) сейчас?

— Свойственные русским раболепие, чинопочитание так же сказались на исторической науке и XVIII, и XIX, и XX веков, как сказываются и сейчас.

48. Каковы положительные черты развития исторической науки в эти эпохи?

— Развитие шло. Появилась сеть архивов и музеев, университетская подготовка ученых, развивалась критика источников, методики раскопок и т. д. Были откаты и срывы, но в целом все шло.

49. Возможна ли революция в исторической науке? Нужна ли она? Каковы достоинства текста, написанного от руки, по сравнению с текстом на компьютере?

— Думаю, что «революции в науке» свойственны только естественным наукам, а не гуманитарным. На компьютере никогда не работал. Всегда писал от руки. Пишущая ма-

шинка и компьютер — подсобные средства, но не панацея от всех бед.

50. Какой должна быть современная научная статья по своему типу (форме и содержанию)?

— Статья должна содержать новые данные (архивные находки, археологические откpытия) и их профессиональный анализ. Сейчас нередко переписываются старые книги, а вместо анализа — болтовня и пускание пыли в глаза.

51. Какой должна быть современная научная книга в идеале?

— Книга должна иметь точно сформулированную цель. Это или а) публикация источников, или б) анализ и классификация их, или в) попытки дать историческое толкование этих новых данных. Сейчас часто нам преподносят мешанину из разных жанров.

52. Каким должен быть кабинет историка? Его библиотека?

— Есть люди, которые предпочитают иметь дома как можно больше книг. Я оставляю себе только минимум книг по темам, какими сейчас занят. Многие любят картотеки. У меня выписок много, но они на случайных листах, собранных в папки по темам. Думаю, что общих правил нет.

53. Какова должна быть продуктивность научной работы историка в среднем (количество книг, статей за год, за 10 лет)?

— Продуктивность в целом — черта таланта. Но есть и графоманы. Графоманом был академик Окладников. В списке его работ до 1000 названий. Но частью это чужой труд, присвоенный «шефом», частью и интервью и статьи, наспех надиктованные машинистке, — халтура. С другой стороны, такие прекрасные археологи, как Теплоухов, Замятнин, Иессен, оставляли всего несколько десятков статей (от 10 до 40), но это классика.

54. Какие странности и чудачества наиболее характерны историкам?

— Странности и чудачества свойственны многим. Специфики у историков не вижу.

55. Что, по-вашему, вдохновение для ученого?

— Вдохновение свойственно творческим людям, но надо держать его под контролем, чтобы не занестись Бог весть куда.

56. Что Вы больше всего любите в Вашей работе?

— Люблю собирать материал по теме, радуясь находкам, какие предвидел.

57. Для чего нужны сборники тезисов, сборники материалов конференций?

— Сборники тезисов нужны, чтобы знать, над чем работают коллеги. Но тезисы — это не научная работа. Тут нет главного — системы доказательств.

58. Какова роль диссертаций в науке?

— Роль диссертаций подсобная. Автор должен продемонстрировать уровень своей квалификации. Но сплошь и рядом степени дают «нужным людям» за плохие работы, чтобы выделить своих. От этого науке только вред.

59. Что такое «научная школа»? Есть ли научные школы сейчас?

— О школах писал в книге «Человек и наука». Это реальность, порою полезная, порою вредная. Иногда может помочь развитию науки, иногда помешать.

Приложение 2. А.А. Формозов об А.А. Зимине²

Вы вновь просите меня написать о Зимине. Я не выполняю Вашу просьбу не только потому, что плохо варит голова, но и потому, что плохо понимаю замысел Вашей книги, равно как и то, — в какой связи Вы будете говорить о Зимине. В процессе написания книги очень важна исходная установка.

Что Вы понимаете под «профессиональным историком»? В каком контексте Вам нужен Зимин? Вы говорите о его работе над «Словом о полку Игореве». Зимин, действительно, написал такую работу, но сила его не в ней.

Если даже будет доказана ошибочность концепции Зимина относительно «Слова...», он все равно останется крупнейшим историком средневековой России. Его шестикнижие «Россия на пороге Нового времени», охватывающее период с Василия Темного до Бориса Годунова, — фундаментальный труд. К нему примыкают «Пересветов», «Происхождение состава Боярской Думы», «Архив московских государей» и т. д. и т. п.

Это главное. Важна и «Русская Правда». Зимин был поклонником Шахматова и исповедовал тезис «Источниковедение — точная наука». Исходя из этого он подошел и к «Слову», доказав, что традиционный взгляд на него ошибочен. Это не рассказ участника «полку Игорева», а книжное произведение, восходящее к Ипатьевской летописи. Но, сделав этот верный шаг, Зимин дал свое достаточно уязвимое построение. Вскоре его книга может увидеть свет. Боюсь, что поднимется волна, как в 1964 году, с разглагольствованиями об «антипатриотизме», что может уронить имя Зимина в представлениях широкого читателя. Если Вы будете писать о нем, согласуйте текст со мной. Вообще невредно было бы встретиться и потолковать о замысле и установках Вашей новой книги.

Кончился 2005 год. Был для нас нелегким. Болела М.К., болел и я. Умерло за год 28 наших знакомых, из них человек 5–6 наших близких людей. В конце года тяжело пережили смерть В.Н. Топорова. Положительных эмоций было мало.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бердинских В.А., 1991. Вятские историки. Киров.

Бердинских В.А. Личный архив. Фонд писем А.А. Формозова (1986–2009). Киров (Вятка).

Формозов А.А., 1961. Очерки по истории русской археологии. М.

² При подготовке моей книги «Ремесло историка в России» я обратился за помощью к Александру Александровичу. Мне для биографической справки понадобились данные о жизни и деятельности А.А. Зимина (1920–1980), одного из ближайших друзей Формозова. В своем письме мне от 16 января 2006 г. (Бердинских. Личный архив. Фонд писем Формозова) Александр Александрович дал интересную оценку научной деятельности Зимина, которая и приводится ниже.

Л.И. Бочкарева

Высший педагогический колледж № 2, Санкт-Петербург

О НЕКОТОРЫХ ВЗГЛЯДАХ А.А. ФОРМОЗОВА НА РУССКУЮ КУЛЬТУРУ XIX ВЕКА

*Я Нестор, летописец мезозоя,
Времен грядущих я Иеремия.
Держа в руках часы и календарь,
Я в будущее втянут, как Россия,
И прошлое клянусь, как нищий царь.
Я больше мертвецов о смерти знаю,
Я из живого самое живое...*

Арс. Тарковский, 1958.

Александр Александрович Формозов работал в Институте археологии Академии наук более 50 лет. Возможно, археология выбрала его — судьба так распорядилась! Ученый верой и правдой служил археологии. О взглядах Александра Александровича на русскую культуру XIX в. писать заманчиво, интересно, но и ответственно. Личность ученого Формозова, на наш взгляд, стоит в одном ряду с археологом А.А. Иессеном, фольклористом В.Я. Проппом, поэтом Арсением Тарковским. Эти люди особой породы. Надо полагать, девизом их жизни (и жизни А.А. Формозова!) с ранней юности до последнего дня был пушкинский эпиграф к «Капитанской дочке»: «Береги честь смолоду».

А.А. Формозов — москвич по рождению. Его характер, взгляды на жизнь и отношение ко всему — друзьям, знаниям, коллегам, родине — сложились в семье. Мальчик рос в московской интеллигентной обстановке. Отец и мать — доктора наук, люди, увлеченные своим делом. «Думаю, что его детство и отрочество, конечно, при материальной скудости, общей для всей страны, были светлыми и благополучными, прежде всего, понятно, благодаря материнской заботе и постоянно окружавшей его научной среде» (Столяр, 2004. С. 443). Шестнадцатилетним Формозов опубликовал первую археологическую статью «Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане»

в «Вестнике Казахского филиала АН СССР». Шел 1945 год. Материал для статьи был найден им, школьником, в эвакуации, когда его мама Любовь Николаевна с июля 1941 до конца 1943 г. работала в геологической экспедиции в Актюбинске. Отроком Саша Формозов участвовал в поездках с геологами по Казахстану, Южному Уралу и Северному Приаралью, собрал подъемный археологический материал, смог проанализировать его и описать в статье. В 1946 г. он стал студентом исторического факультета МГУ, в 1951 г. окончил университет, поступил в аспирантуру Института археологии Академии наук и после защиты кандидатской диссертации в 1954 г. работал: до последнего дня жизни археолог был верен своему призванию. Результатом труда старшего научного сотрудника явились научные открытия, книги, монографии, статьи, заметки. Библиография А.А. Формозова включает более 335 печатных работ, в их числе 40 книг и брошюр (Андреева и др., 2009. С. 185). А.А. Формозов, думается, принадлежал к старой академической школе исследователей, представители которой считали, что «наука имеет дело с фактами, которые она пристально, кропотливо и долго изучает и из анализа которых она делает обоснованные и осторожные выводы» (Пропп, 2002. С. 366).

С ранней юности Александр Александрович имел интерес к познанию окружающего

мира и минувших времен. Конечно, повлияла домашняя обстановка, библиотека родителей, научная среда, московская школа. Работа археологом в академическом институте дала возможность ученому заглянуть в разные периоды истории нашей страны, в глубь ее веков. Он размышлял над многими вопросами археологии, философии, истории, над смыслом человеческого бытия. Думаю, самым интересным, самым загадочным предметом познания был для А.А. Формозова человек минувших веков, его деяния. Ученый знал: науку и культуру страны создают, развивают, двигают вперед люди. Он оставил нам около 60 статей (из 335 печатных работ) о знаменитых и малоизвестных людях XIX и XX вв. Часто в заголовки статей вынесены имена собственные: «Цена ошибки (очерк о И.И. Срезневском)» (1979), «Два очерка из отечественной культуры. А.К. Толстой и Н.И. Костомаров» (1993), «Забелин и Некрасов» (1983), «Воспоминания И.Е. Забелина о Т.Н. Грановском» (1985), «Об историке России и Москвы [И.М. Снегиреве]» (1992), «Исторические опыты И.Н. Муравьева» (2000) и др. Особое внимание автор уделял Пушкину. Отсюда — целая серия статей: «Пушкин, Чаадаев и Гулянов» (1966), «Пушкин и Ходаковский» (1968), «Заметки о Пушкине» (1976), «Пушкин и древности юга России» (1979), «“Город ведать” у Пушкина» (1992). И чудная книжечка — «Пушкин и древности», вышедшая в 1979 г. и изданная вторично в 2000. Статьи А.А. Формозова об археологах, историках, писателях, биологах, артистах, художниках, как правило, коротенькие — 2–3 страницы. Эти работы примечательны: для них характерна четкость композиции, точность информации, научная доказательность выдвинутого тезиса, паспортизация использованного материала, авторское отношение к затронутой теме. Он, археолог, великолепно знал русскую литературу. Общеизвестно: мы хорошо знаем то, что любим.

XIX век в России — особое пристрастие А.А. Формозова. В XIX веке его интересовало все: развитие наук (и археологии, конечно), деятельность Академии наук, организация археологических раскопок, сохранение культурного наследия, создание музеев и издание журналов, размышления писателей, худож-

ников, композиторов, архитекторов о древних и современных (для XIX в.) памятниках культуры. Сквозь тексты монографий, книг, статей, заметок проявляется облик самого автора — русского ученого XX в. Предстает портрет человека размышляющего, радующегося и страдающего, умеющего оценить талантливую вдумчивую работу, созданное художественное произведение, открытие уникального археологического памятника.

Остановимся, поразмышляем над некоторыми взглядами ученого-археолога на культуру России XIX в.

А.А. Формозова долгое время (несколько десятилетий!) волновал вопрос о путях развития молодой науки археологии в России. Возникновение археологии в XIX в. было возможно при определенном уровне культуры, при подготовленных научных кадрах. Количество людей с университетским образованием увеличивалось: к двум старым российским университетам, Московскому и Петербургскому, прибавилось за XIX в. еще семь. Они открылись в Юрьеве (1802), Казани (1804), Харькове (1805), Варшаве (1816–1830; 1869), Киеве (1834), Одессе (1865), Томске (1888). Ученый отмечает, что «молодая наука в России, в том числе и археология, прошла тот же путь, что и вся наука. Идеи эволюции были близки ряду русских ученых» (Формозов, 1982. С. 5). Началось изучение античных древностей русскими учеными в тот период, когда в состав Российской империи были включены Северное Причерноморье, Крым, Тамань. Исследование античных памятников велось одновременно с поисками славяно-русских поселений и могильников в центральных районах Европейской России. На Западе интерес к отечественным памятникам проявился много позже, чем к античным. «Почти одновременное сложение античной, славяно-русской и первобытной археологии в России и последующее развитие их в тесной связи составляют бесспорную специфику в процессе оформления археологии как особой науки в нашей стране по сравнению с другими странами» (Формозов, 1985. С. 7).

В 1829–1838 гг. о поисках останков «допотопных людей» за рубежом регулярно информировали русских читателей журналы «Живописное обозрение», «Библиотека для

чтения», «Вестник естественных наук», «Горный журнал», созданный в 1825 г. и поныне издающийся. В статье биолога Э.И. Эйхвальда (1795–1870) в «Библиотеке для чтения» за 1838 г. прямо говорилось, что открытие ископаемого человека не за горами. В 1842 г. профессор геологии Петербургского университета С.С. Куторга (1805–1876), первый пропагандист идей Дарвина в нашей стране, описал два древних человеческих черепа, найденных в России (Формозов, 1982. С. 6).

Новая идея — идея эволюции в развитии человека — овладела умами прогрессивных людей в нашей стране (многих, но далеко не всех). Эту мысль А.А. Формозов доказывает примерами. «6 (18) мая 1880 г. в речи при открытии памятника Пушкина в Москве И.С. Тургенев сказал: “Дикарь каменного периода, начертивший концом кремня на приспособленном обломке кости медвежью или лосиную голову, уже перестал быть дикарем, животным”... Должно быть, Тургенев видел в Париже произведения палеолитического искусства на выставках в Лувре или Сен-Жерменском музее. Из этих первых еще бедных находок он сделал глубокий вывод: человек, обладающий искусством, поднялся на принципиально иную ступень по сравнению со своими обезьяноподобными предками... В 1883–1885 гг. В.М. Васнецов с увлечением работал в Абрамцеве над декоративным фризом “Каменный век”, заказанным для строящегося Исторического музея в Москве» (Там же. С. 11).

Новое пробивало себе дорогу не без труда. «В 1872 г., прослышав, что давний знакомый-библиограф и историк литературы М.Н. Лонгвинов, получив пост начальника главного управления по делам печати, хочет прекратить издание работ Дарвина, Алексей Константинович Толстой обратился к нему со стихами:

Правда ль это, что я слышу?
Молвят авомо и семо:
Огорчает очень Мишу
Будто Дарвина система?
Полно, Миша! Ты не сетуй!
Без хвоста твоя ведь ...
Так тебе обиды нету
В том, что было до потопа.

Борьба за передовую науку в России была длительной и весьма сложной» (Там же).

По мнению А.А. Формозова, научный процесс в России в XIX в. прошел несколько стадий.

1. В начале века продолжалось увлечение галломанией. «...В XIX — нач. XX вв. в области археологии активно работали Одесское общество истории и древностей (с 1839 г.), Русское археологическое общество (с 1864 г.), десятки музеев во главе с Эрмитажем и Историческим, провинциальные отделы Географического общества, университеты, архивные комиссии и т. д.» (Формозов, 1974. С. 3). И Академия наук всегда принимала участие в исследовании античных памятников Причерноморья. Место расположения ряда греческих городов (например, Ольвии) определил при экспедиции П.С. Паллас. «В 1821 г. академик Е. Келлер вместе с архитектором Е. Паскалем объехал памятники древности в Крыму, чтобы дать рекомендации, как их сохранить в будущем. Указом Александра I для реставрации античных зданий было выделено 10 тысяч рублей. Это был первый случай в истории России, когда государственные средства были отпущены специально на нужды охраны памятников» (Там же. С. 7).

2. В середине XIX в. наблюдался спад в изучении античного мира, началось изучение древнерусских городищ. Пионерами этой деятельности были З. Ходаковский и К.Ф. Калайдович, член-корреспондент Академии наук. А.А. Формозов приводит слова В.Г. Белинского, который говорил, что окончилась эпоха «деспотизма античного мира» в духовной жизни общества, подчеркивая, что это «власть законная, почесть заслуженная». Еще в 1829 г. в первом томе «Истории русского народа» известный писатель и журналист член-корреспондент Академии наук Н.А. Полевой писал: «Развалины Самарканда столь же значительны в глазах наблюдателя, как развалины Коринфа и Афин». Русская наука, и раньше пристально интересовавшаяся Востоком, с удвоенной силой принялась за изучение Кавказа, Сибири, Центральной и Средней Азии (С. 10).

3. Создавая в 1870–1880-х гг. первую экспозицию Исторического музея в Москве, А.С. Уваров стремился показать единую ли-

нию развития культур в пределах России от палеолита до средневековья, чего не было тогда во многих западных музеях. В этом проявилась ориентировка первых русских исследователей каменного века на опыт ученых из северных стран Европы. Недаром первой переводной книгой о древнейшем прошлом человечества была у нас книга И.А. Ворсо о Датском национальном музее (Ворсо, 1861). В дальнейшем из 14 книг по первобытной археологии, переведенных на русский язык в 1863–1913 гг., было семь немецких, четыре английских и только три французских. Галломания была изжита русским обществом еще в начале XIX в., интерес же к германской науке с ее мощной философской школой сохранился до XX в. (Формозов, 1985. С. 7).

А.А. Формозов отмечал, что в XIX в. представители Академии наук сделали чрезвычайно много для развития археологии. Автор приводит много доказательств тому. Но мы возьмем только несколько примеров из его статей. Хранитель Зоологического музея Академии наук П.С. Поляков обследовал неолитические стоянки на Севере Европейской России, в Верхнем Поволжье, в бассейне Оки, в Сибири, на Сахалине. Особое значение имело открытие им палеолита в Костенках на Дону. Туда он отправился по следам академика С.М. Гмелина, еще в XVIII в. описавшего находки костей мамонта у этого села. Поляков установил, что кости залегают в одном слое с каменными орудиями, так что здесь налицо стоянка охотников на мамонтов. Костенки — археологический памятник мирового значения.

Другой пример. Академик М.П. Погодин особенно интересовался археологией. В его частном музее накапливались археологические находки, например, из курганов под Жиздрой, раскопанных Ф.П. Стрелковым. Именно Погодин издал в «Русском историческом сборнике» неопубликованные труды Ходаковского, в том числе его отчеты о раскопках сопки и жальников под Новгородом и Ладогой... Академик с восхищением записал в свой дневник, что «археология дает в руки ученым новую летопись, которую даже легче разобрать, чем рукописную». Многие проблемы культуры волновали академика Погодина. При чтении книги об Успенском

соборе во Владимире он понял, что бывают фрески-палимпсесты, и призывал расчистить от поздних наслоений живопись Андрея Рублева. Именно М.П. Погодин выступил на первом Археологическом съезде в 1869 г. с обобщающим докладом «Судьбы археологии в России» (Формозов, 1974. С. 12).

В конце XIX — начале XX в. в составе Академии наук работал другой ученый, сыгравший большую роль в сложении российской археологии, — академик Н.П. Кондаков. Он был прежде всего искусствоведом, крупнейшим знатоком византийского, южнославянского и древнерусского искусства, но он был и археологом, сам вел раскопки, читал археологические курсы в Петербургском университете, публиковал археологические труды. Среди них выделяется монография «Русские клады. Исследования древностей великокняжеского периода» и шеститомное популярное издание «Русские древности в памятниках искусства», написанное совместно с И.И. Толстым. А.А. Формозов с гордостью называет имена двух других академиков, чьи труды, по оценке Александра Александровича, «определили пути не только русского, но и мирового антиковедения». Это — В.В. Латышев и М.И. Ростовцев. В.В. Латышев создал классические труды по эпиграфике Северного Причерноморья. М.И. Ростовцев оставил обобщающие исследования по истории, археологии, истории искусства Боспорского царства, скифов, сармат, всего юга нашей страны в целом (Там же. С. 12). В 1974 г. А.А. Формозов не побоялся писать о Латышеве и Ростовцеве!

В статье 1979 г. «О некоторых задачах и спорных проблемах в исследовании памятников первобытного искусства» А.А. Формозов писал: «Очевидно, что все дошедшие до нас памятники должны изучаться с равным вниманием. В начале XX в. филологическая школа проф. С.А. Венгерова внесла в русскую науку важное положение: предмет филологии не только вершинные достижения в развитии литературы, не только творчество классиков, но и литературный процесс в целом, с его рядовой и массовой продукцией. Мало того, что помимо Пушкина, Лермонтова, Гоголя надо знать их менее видных современников вроде В.Ф. Одоевского, Д.В. Веневитинова и

О.И. Сенковского. Нужно иметь представление и о ныне заслуженно забытых писателях, игравших в свое время какую-то роль, отвечавших на запросы определенных кругов читателей» (Формозов, 1979. С. 8).

Профессор С.А. Венгеров (1855–1920), один из любимых учеников Ореста Федоровича Миллера (1833–1889), читал лекции по истории русской литературы в трех высших учебных заведениях Петербурга: на филологическом факультете Петербургского университета, Высших женских (Бестужевских) курсах и Психоневрологическом институте. В каждом учебном заведении он организовал Пушкинский семинар. Особую известность в России и за рубежом имел Пушкинский семинар при Петербургском университете. С 1908 г., со дня основания семинара в университете, велась летопись занятий. Она напечатана в первых двух книгах «Пушкиниста» (1914; 1916). Летопись занятий как факт истории — это интересно, потому приведем из нее небольшой пример, который показывает, что доклады студентов Пушкинского семинара посвящены творчеству разных литераторов, не только «вершинных».

Летопись занятий в Пушкинском семинаре при Петроградском университете, 1915 г. (Пушкинист, 1916. С. 288):

В первом и втором выпусках сборника «Пушкинист» приведены списки слушателей Пушкинского семинара при университете. В двух списках — 268 фамилий участников Пушкинского семинара с 1908 по 1916 гг. (Пушкинист, 1914. С. 233–239; 1916. С. 290–292). Из рук С.А. Венгерова, выдающегося преподавателя-литературоведа, вышло много талантливых учеников. У большинства молодых филологов весьма сложной оказалась их человеческая судьба в XX в. (Бочкарева, 2009).

Положение проф. С.А. Венгерова о рассмотрении и изучении литературного процесса в целом было воспринято А.А. Формозовым и применено им на практике, в научных изысканиях. В его статье читаем: «Подробная история археологии в России еще не написана. Прежде, чем это удастся сделать, надо будет пересмотреть многочисленные периодические издания XVIII–XIX вв., на страницах которых рассеяны сотни заметок и статей о находках древностей, о городищах и курганах, о любительских, а затем и научных раскопках. Иные из этих заметок позволяют восстановить весьма любопытные эпизоды из истории археологии» (Формозов, 1971. С. 191). Многие данные для истории археологии найдены Формозовым в периодике или архи-

№ п.п.	День заседания	Докладчик	Предмет доклада и занятий
107	5 февраля	Ю.Г. Оксман	Строфы Пушкина о дожде и догарессе
108	12 февраля	С.М. Бонди	Новые строки из «Домика в Коломне»
109	26 февраля	С.А. Венгеров	Памяти Ф. Корша
		М.И. Лопатто	Стилистический анализ Пушкинской прозы
110	5 марта	М.И. Лопатто	Анализ Пушкинской прозы (ок.)
			Прения по реферату
111	9 апреля		Заседание семинара в честь исполнившегося 60-летия со дня рождения проф. С.А. Венгерова
		Н.В. Яковлев	Пушкин и Б. Корнуэлль
		Г.А. Елачич	Стихотворные переводы из Корнуэлля
		Ю.Г. Оксман	Мнимые стихотворения Пушкина
		А.А. Тамамшев	Неизданные письма В. Одоевского к Теплякову
		А.С. Поляков	Языков и цензура
		Г.В. Маслов	О стихотворении «Она» Е. Баратынского

вах. В пятом томе «Дерптского ежегодника литературы, статистики и искусства, в особенности в России» за 1836 г. ученый нашел большую статью о древних могилах донских и волжских степей. Под статьей имеется под-

пись: «Сарепта, июнь 1835 года, Г. Цвик». Эту фамилию нельзя отыскать ни в одной русской или немецкой энциклопедии. Ни годы жизни, ни даже имя автора определить было невозможно. А.А. Формозов, как истинный архео-

лог и архивариус, занялся розыском сведений по литературным источникам — установил и биографию Г. Цвика, и данные о его археологических открытиях. Об этом можно прочитать в статье «Первые научные раскопки в Нижнем Поволжье» (Формозов, 1971. С. 192–193).

Более 200 лет ведутся раскопки в Северном Причерноморье. Имена генералов, полковников, лейтенантов Черноморского флота, участников археологических работ, мелькают на страницах книг о раскопках Херсонеса, Ольвии, Боспора. Добровольные участники археологических исследований! С нескрываемой горечью ученый Формозов писал: «Скудные сведения о них, попавшие в печать в первой половине XIX в., в дальнейшем переносились из книги в книгу, нисколько не уточняясь и не расширяясь. Нигде не указаны ни имена и отчества, ни годы жизни этих людей» (1975. С. 171). Поразительно, но Александр Александрович всегда мог разыскать, найти, выбрать материал и уточнить его. Возьмем еще пример — о лейтенанте Барятинском, участнике раскопок в Херсоне. Занимательную историю поведал А.А. Формозов в статье «К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX в.»: «В книге К.Э. Гриневича “Сто лет херсонских раскопок” говорится: “Мы имеем в отчетах Одесского общества определенные сведения о том, что другой лейтенант флота — князь Барятинский до 1835 г. также проводил какие-то раскопки на Херсонесском городище. Однако все наши архивные поиски, к сожалению, не увенчались успехом”». А поиски Александра Александровича оказались удачными: судьба лейтенанта Барятинского, участника археологических исследований в Херсоне, стала известна. Вот ее описание: «В 1904 г. была опубликована маленькая книжечка воспоминаний В.И. Барятинского о Крымской войне. В анонимном предисловии к брошюре мы находим некоторые данные об этом человеке. Он родился в 1823 г., окончил Петербургский университет и пошел служить на флот. Как отличного парусного офицера его ценили адмиралы Лазарев, Нахимов и Корнилов. Свободное время он посвящал археологии, причем копал не только в Херсоне, но

даже в Африке, где якобы первым определил местоположение театра Диониса у подножия Акрополя. Барятинский имел личную яхту, спроектированную по чертежам адмирала М.П. Лазарева. Называлась она «Ольвия», а среди ее команды был прославившийся впоследствии матрос Кошка. Барятинский плавал с Корниловым на пароходе “Одесса”. По поручению Нахимова он зарисовал пожар турецкого флота при Синопе, передав этот набросок К.И. Айвазовскому, как эскиз для его картины. В дни севастопольской обороны В.И. Барятинский был на самых ответственных участках, проявил незаурядную храбрость, награжден боевыми орденами. После ликвидации Черноморского флота он вышел в отставку. Умер в Риме в 1904 г.» (С. 175). Загадочный лейтенант Барятинский имел две страсти: верность морю и преданность археологии. Он был нестандартной личностью, желал познать и море, и землю, потому и привлек к себе внимание А.А. Формозова.

Настоящий восторг вызывает образ ученого XIX в. Ильи Александровича Гулянова в статье А.А. Формозова «Пушкин, Чаадаев и Гулянов». Гулянов — человек незаурядный. Он владел китайским, арабским, армянским, древнееврейским, изучал языки Африки, Индии, Гренландии, Полинезии, Южной Америки. Илья Александрович подолгу жил за границей, печатал свои труды по египтологии и лингвистике в Лейпциге и Париже, был знаком с Гете и Александром Гумбольдтом, дружил с Чаадаевым. Чаадаев писал Пушкину: «...знаменитый Клапрот присуждает ему (Гулянову) египетский венец; по-видимому, он потряс пирамиды в их основании». Знакомство Гулянова с Пушкиным было кратковременным. Поэт заинтересовался исследованиями египтолога (Формозов, 1966. С. 212). Александр Александрович объединил образованнейших людей XIX в. в одной статье «Пушкин, Чаадаев и Гулянов» и, смею уверить, искренне любовался их величием.

Ученый А.А. Формозов — аристократ духа. Он умел работать — оставил свой след в истории русской науки. Любовь к России, к ее культуре он завещал нам в своих работах. Закончу заметки об Александре Александровиче Формозове строфой из стихотворения В.Я. Проппа:

Длинна дорога.
И не дано любви
Моим путям.
Но, — жребий злой,
Благодарю тебя за озарение:
Я понял, что
Мне должно в мире быть
И постигать его.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева М.В., Гайдуков П.Г., Кузьминых С.В., Сорокин А.Н., Коренько В.А., 2009. Александр Александрович Формозов (1928–2009) // РА. № 3.
- Бочкарева Л.И. Пушкинский семинар проф. С.А. Венгерова в Петербургском университете. (Рукопись книги.)
- Ворсо И.А., 1861. Северные древности Королевского музея в Копенгагене. СПб.
- Пропп В.Я., 2002. Открытая лекция // Известный В.Я. Пропп: Науч. изд. СПб.
- Пушкинист: Историко-литературный сб. / Под ред. проф. С.А. Венгерова. СПб., 1914. Вып. I.
- Пушкинист: Историко-литературный сб. / Под ред. проф. С.А. Венгерова. Пг., 1916. Вып. II.
- Столяр А.Д., 2003. Мой друг Александр Александрович Формозов // Невский археолого-историографический сборник. СПб.
- Формозов А.А., 1966. Пушкин, Чаадаев и Гулянов // ВИ. № 8.
- Формозов А.А., 1971. Первые научные раскопки в Нижнем Поволжье // СА. № 1.
- Формозов А.А., 1974. Археология в Академии наук // СА. № 2.
- Формозов А.А., 1975. К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX века // СА. № 1.
- Формозов А.А., 1979. О некоторых задачах и спорных проблемах в исследовании памятников первобытного искусства // СА. № 3.
- Формозов А.А., 1982. Проблема древнейшего человека в русской печати XIX столетия (наука, церковь, цензура) // СА. № 1.
- Формозов А.А., 1985. Общее и особенное в сложении археологии как науки в России // СА. № 1.

Л.А. Беляев
Институт археологии РАН, Москва

КЛАССИЧЕСКИЕ ДРЕВНОСТИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В 1998 г. А.А. Формозов написал отзыв на мою только что вышедшую книгу «Христианские древности. Введение в сравнительное изучение», хотя и не стал обрабатывать его для печати. Отзыв был положительный и, что особенно важно, выдержанный в каком-то особом, деловито-теплом тоне, ощущение от которого совершенно не портило длинный список замеченных ошибок (пожалуй, даже наоборот — внимательность рецензента радовала).

Во второй раз я уже смелее обратился к А.А. за рабочей рецензией, понимая, что она будет написана «по гамбургскому счету». Речь шла о текстах двух больших статей для научно-исследовательской «Православной энциклопедии» («Археология» и «Археология христианская», т. III. М., 2001) и о заготовке для коллективной статьи «Античность» (т. II. М., 2001). Заготовка представляла собой обзор исследований и материалов на тему о роли классических древностей в культуре Европы Нового и Новейшего времени. Такой аспект представлялся мне, как куратору раздела археологии, более нужным в культурно-исторической энциклопедии, чем текст по памятникам или методам классической археологии, допуская в то же время отсылки к статьям о древних городах, зданиях, скульптурах, вещах и музеях. При обращении к материалу обнаружилось, что

тема эта, мало развитая тогда в России, на Западе образует целое направление. Она оказалась крайне увлекательной, а грант для преподавания в Чикагском университете позволил собрать и проработать нужную для обзора литературу. Кроме того, близкий подход уже продемонстрировал сам А.А. Формозов: его работы, написанные на русском материале, стали очень удачной моделью.

Прочитав предложенные тексты, Александр Александрович написал новый отзыв с ожидаемыми поправками в фактической части, которые, разумеется, были учтены. Только по вопросу о направлении обзора, особенно в его русской части, обнаружилось расхождение позиций. А.А. Формозов полагал, что писать следует «археологичнее», мне же хотелось остаться в плоскости взаимоотношений древностей и культуры, включая сюда образование, искусство и литературу, философию, взгляды общества. История методов исследования и научная структура самой археологии имели к этому прямое отношение, но в данном случае не представлялись главными.

Впрочем, внесение правки оказалось преждевременным: редакция энциклопедии решила придать статье «Античность» характер теоретического эссе (камертоном которого стал великолепный текст Сергея Аверинцева), а информативные части снять.

Моя осталась ждать удобного случая для публикации. Думаю, что в сборнике памяти А.А. Формозова (несомненно, лучшего в России знатока темы «археология и культура») этот текст уместен — ведь он разрабатывался как продолжение и расширение области, за которую в русской науке «отвечал» Александр Александрович.

Для публикации текст заново просмотрен, убраны отсылки на словник энциклопедии; снят русский раздел (как достаточно освещенный в трудах А.А.); пополнена библиография (как во всех энциклопедиях, она самая общая); несколько изменена структура. Лаконизм и отсутствие риторики (особенности энциклопедического формата) сохранены. В качестве приложения публикую обе рецензии А.А. Формозова. Необходимо учесть, что они писались как личные письма, не для печати, поэтому в тексте сделан ряд купюр.

ВСТУПЛЕНИЕ

Идея общности античного (классического) прошлого — одна из двух опор мира «западной» цивилизации (романо-германской европейской, новейших северо- и южноамериканских, австралийской и др.). Она является таковой в реально-исторической и (в еще большей мере) идеальной перспективе. По значимости она сопоставима со второй (религиозной) основой этого мира — христианством. Образованный европеец уже в эпоху средневековья видел в себе наследника древнего Рима и древней Греции, чей социальный строй и образ жизни воспринимал как образец для подражания. С эпохи Возрождения обращение к ценностям классического мира обрело уникальную в мировой истории форму рационально обоснованного изучения и повторения. Знание античных авторов и древностей «отвечало» за культурную и социальную самоидентификацию Европы в той же мере, в какой знание Библии — за религиозную. Поэтому развитие знаний об античном мире (классическая археология, классическая филология и др.) играло в европейской культуре особую роль.

Вопрос о взаимосвязи между открытием классических древностей и развитием европейской цивилизации является одним из острейших в западной историографии (см. работы: MacKendrick, 1960; Praz, 1969; L'influence..., 1977; Tsigakou, 1981; Snodgrass, 1987; Howard, 1990; Honour, 1991; Etienne R., Etienne F., 1992; Constructing the Past..., 1985; Moatti, 1993; Schnapp, 1993; Tracing Archaeology's Past..., 1994; Classical Greece..., 1994; Schanks, 1996; Irvin, 1997; The Historical Imagination..., 1997; Barkan, 1999; Моатти, 2001; ср. в русской науке: Михаэлис, 1913; Желбелев, 1923; Бузескул, 1924; Сидорова, 1965; Формозов, 1986; Монгайт, 1973; Лебедев, 1992; Бугаева, 2006). Выделяется несколько этапов, когда изучение древностей было среди важнейших факторов ее развития: итальянский гуманизм; ранний классицизм XVII — начала XVIII в., классицизм второй половины XVIII — первой трети XIX в.; неоклассицизм середины XIX — XX в. (культурология Западной Европы два последних этапа объединяет под именем неоклассики).

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АНТИЧНОСТИ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К ГУМАНИЗМУ (XIV–XVI вв.)

Познание древностей классического мира началось в эпоху Ренессанса с городов Италии. Над Римом еще высились Колизей, Пантеон, колонна Траяна и другие «языческие» монументы. О них упоминали итинерарии (путеводители к христианским святыням) и популярнейшие мирабиллиа (лат. *Mirabilia Urbis Romae* — Чудеса Города Рима; древнейший список VIII–IX вв. из Айнзидельна), но названия и бывшее назначение монументов было забыто: бронзовую статую Марка Аврелия считали, например, портретом Константина Великого. Христианин в XII–XIII вв. уже не проявлял вражды к языческим идолам и даже позволял себе любоваться ими: английский клирик XII–XIII вв., автор итинерария, наивно описал, как трижды возвращался к статуе нагой Венеры (Gregorius, Magister. Narracio de mirabilibus urbis Romae / англ. пер.: Master Gregorius: The marvels of Rome

(1987)). Понятие о Риме как символе величия и мощи опиралось, в числе прочего, на древности: император Фридрих II (1215–1250), знаток классики, строил государство на Сицилии по позднеимперскому кодексу Юстиниана, а вблизи основанной им в 1232 г. Аугусты провел даже раскопки греческого города; тиран Кола ди Риенцо (1313–1354) называл себя «народным трибуном» и использовал открытие бронзовой таблицы с декретом о передаче власти императору Веспасиану, зачитав его как призыв «воскресить славу Рима».

Вслед за проступившими на пергаменте палимпсестов строками античных авторов в европейскую культуру хлынул поток римских и греческих скульптур, надписей на камне и бронзе, монет и зданий. Наиболее просвещенные паломники интересовались уже не только святынями христианства, но и языческими храмами, что особенно ярко показал Чириако д'Анкана (Чириако деи Пицциколли, Кириак Анконский, первая половина XV в. / Ciriaco de' Pizziccolli, Cyriacus of Ancona (31/07/1391 — 1453/55), объехавший Средиземноморье, впервые описавший и зарисовавший древнегреческие памятники в Византии, еще не полностью захваченной турками, и составивший шесть томов «Комментария о древностях» («Commentaria») с рисунками (небольшая часть сохранилась в копиях и опубликована: *Epigrammata reperta...*, 1664; *Itinerarium*, 1742)¹.

Сочинения античных авторов, особенно историков, породили интерес к эпиграфике, древней географии и исторической топографии: уже в XIV в. Христофоро Буодельмонти, монах из Флоренции, изучал историческую географию Греции. Джаноццо Манетти (итал. Giannozzo Manetti, 1396–1459), разносторонний и плодовитый писатель, также собиравший на Востоке античные надписи, вместе с Чириако д'Анкана положил начало новой науке — эпиграфике (его сочинения в основном не были изданы; см.: Naldo Naldi, 1847).

Гуманисты публиковали все новые описания древностей Рима и своды посвятительных, погребальных и законодательных над-

писей. В их числе: «Римские заметки» (*Iter Romanum*) философа и астролога Дж. Донди (Джованни Донди далл Оролоджи / Giovanni Dondi dall'Orologio (1318–1389); см.: Giovanni Dondi dall'Orologio, 1990) с их довольно точными привязками к местности; свод надписей, в том числе раннехристианских, но без сведений о точках находок, Поджо Браччолини (Poggio Bracciolini, 1380—1459) “*De fortunae varietate urbis Romae*» (в 4 кн., 1431–1448, 1492, Флоренция; «Орега», 1510 (переиздано в 1513 г. в Страсбурге, в 1538 г. — в Базеле); серьезно обоснованная топография Древнего Рима Бернардо Ручеллаи (итал. Rucellai, 1449, Флоренция — 7.10.1514, там же), одного из выдающихся членов Платоновской академии Флоренции.

Тексты древних, сопоставленные с памятниками эпиграфики и искусства, легли в основу работ крупнейшего из ранних топографов-археологов, Флавио Бьондо (Biondo, lat. Blondus; 1392 — 04.05.1463), «Рим восстановленный» (*De Roma instaurata*, 3 v., 1444–1446) и «Рим торжествующий» (*De Roma triumphante*, 1459; публ. см.: Blondus, 1531). Изучение руин Рима оживило его древнюю славу: документальный путеводитель сформировал образ великого города. Рим, хотя и языческий, стали воспринимать как модель устройства государства, армии, воспитания патриотизма.

Заново открытые тексты классиков (Ливий, Лукреций, Овидий и др.) резко изменили культурную среду и отношение к художественным древностям. Так, открытие трактата Витрувия «*De architectura*» (I в. н.э.) оказало формирующее воздействие на архитектуру Ренессанса и все последующее классицизирующее строительство: Л.Б. Альберти (Leone Battista Alberti, 1404–1472) приступил к обмерам зданий «по Витрувию» («Описание Рима» с рисунками), А. Палладио составлял по нему проекты и трактаты (1936) и т.д.

Познанию древностей помогало коллекционирование. Ренессанс вызвал к жизни новую социальную группу — антиквариев (знатоков древностей). Их труд удовлетворял интерес к

¹ В переводе на английский: Cyriac of Ancona: *Later Travels*, 2004; Cyriacus of Ancona and Athens, 1960; Cyriacus of Ancona's Journeys in the Propontis and the Northern Aegean, 1444–1445, 1976; Weiss, 1966; Ashmole, 1959.

античным памятникам, получивший в Европе социально-знаковый статус. Антикварий мог быть богачом-любителем, торговцем-профессионалом, бескорыстным ученым (часто всем этим сразу), но во всех случаях он вел широкую культурную деятельность. Среди антиквариев было много писателей, архитекторов и художников, утверждавших приоритет древностей в изучении истории культуры. Уже в XV в. Ю. Помпоний Лэт собрал первый лапидарий (1425–1498). «Я верю медалям, плитам и камням больше, чем выдумкам писателей», — писал топограф и антиквар Пирро Лигорио (Pirro Ligorio, ок. 1510–1583), смотритель древностей Рима папы Пия IV. Он составил описание и план руин виллы Адриана, «Римские древности» (*Antichità di Roma*, 1553), нашел, в числе прочего, статую пресвитера Ипполита — ключевой памятник христианской археологии (многие из собранных им надписей — поддельные). Наиболее известная его работа — план из книги о древнем Риме 1551 г. (*Antiquae Urbis Imago*), схематичный, но основанный на данных обследования, с включением рельефа и изображений памятников (см.: Coffin, 2004).

Древности городов Италии еще с IV–V вв. были скрыты слоями мусора. Современник Чириако П. Венециано (Paolino Veneziano, ок. 1300–1362) на схематичном, но очень точном плане Рима для своей книги «*Satyrical historia*» (ок. 1330/1340) показал весь древний центр Рима опустевшим. Браччолини в 1430 г. увидел на Капитолии лишь поля и пастбища. Монтень писал, что в Риме ходят «по крышам домов и над городскими стенами», а скот пасут на *Campo Vaccino*, т.е. над Форумом. Антиквариям пришлось прибегнуть к раскопкам. Первые же открытия ошеломили. В 1500-х гг. остатки известного ранее по описаниям дворца Нерона (*Domus Aurea*) поразили свежестью росписи («гротески») и богатством находок; в 1506 г. здесь была найдена скульптурная композиция «Лаокоон», описанная еще Плинием Старшим. Другой поразительной находкой во второй половине XVI в. стал фрагмент мраморного *Forma Urbis*, плана Рима 205–208 гг. В конце XVI в. замечательные находки дала базилика св. Петра — в их числе один из первых раннехристианских саркофагов, саркофаг Юния Басса.

Ватикан стремился (как правило, неудачно) контролировать этот процесс. Он считал себя монопольным владельцем всех находимых древностей, и Климент XIV (1767–1774) даже установил правила раздела материалов между самим папой, Святым престолом, хозяином земли и спонсором работ. Античные коллекции получили особые помещения: двор Бельведера в Ватиканском дворце (1506) и Палаццо деи Консерватори на Капитолии. Позже ватиканское собрание обогатилось коллекцией пап Климента XIV и его преемника Пия VI (1775–1799), заложивших основы музея Пио-Климентино. В качестве экспертов и руководителей раскопок привлекали прославленных художников, таких как Микеланджело. В 1515–1520-х гг. папской «службой охраны памятников» руководил Рафаэль; на него легла ответственность за амбициозный проект создания атласа римских древностей включая эпиграфику; по его поручению в 1521–1527 гг. был издан свод эпиграфики Маццокио (Jacobo Mazochio; *Epigrammata antiquae Urbis*, 1521); археологическая карта Рима с показом античных руин Марко Фабио Кальво (Calvo; *Pianta di Roma*, 1527); описание и обмеры древностей Андреа Фульвио (Andrea Fulvio или Andreas Fulvius (ок. 1470–1527); *Antiquitates Urbis*, 1527). В то же время, начатые в 1470-х гг. грандиозные строительные проекты Ватикана (новый собор св. Петра, города Остия и Порто) нанесли огромный ущерб памятникам Форума, которые использовали как каменоломни.

Папы в течение всего Ренессанса выделяли огромные средства на собирание древних рукописей (гуманисты стремились прежде всего воскресить тексты классических авторов) и статуй, цenia их как престижные ценности и произведения искусства. Николай V (1447–1455) вывозил рукописи из гибнущего Константинополя и создал целую армию писцов-копиистов, многие из которых хорошо читали по-древнегречески. Библиотека Ватикана стала крупнейшей в Европе (ок. 5000 т.). Его собрания вызывали зависть властителей Европы. Даже Филипп II Испанский (1527–1598), следуя моде, повелел Веласкесу зарисовать все статуи Бельведера, чтобы украсить их копиями свой дворец. Превращая Францию в «новый Рим», Франциск I

(1494–1547) заказал скопировать в Италии 100 статуй, приказав также Приматиччо (итал. Francesco Primaticcio, по прозвищу «Болонец», 1504–1570) купить как можно больше подлинников, а после победы в битве при Мариньяно (1515) включил в список трофеев «Лаокоона» (папа Лев X даже тайно заказал ее копию — на крайний случай). «Свою» античность хотели иметь и в Англии: Генрих VIII (1491–1547) поручил антикварию Дж. Лиланду изучить руины римского времени в г. Бат. В итоге, к 1550-м гг. в Италии насчитывалось до 380 крупных коллекций антиков, во Франции и Нидерландах — по 200, в германских государствах — 175. В «Каталоге Улисса Альдроанди» (1576) только в Риме было не менее 90 частных коллекций с произведениями античного искусства.

Концом эпохи ренессансных исследований считают разгром Рима Карлом V (1527). В резне погибло много гуманистов (Кальво и Фульвио — в том числе). Лишь во второй половине XVI в. деятельность антиквариев опять выступила на первый план. Начало нового этапа ознаменовало зарождение интереса к христианской античности, открытие катакомб, появление работ ученого-энтузиаста Антонино Бозио (итал. Bosio, 1575, Витториоза, о. Мальта — 5.09.1629, Рим), немного позже трудами Антуана Дезгодеца начнет обретать очертания архитектура древнего Рима (Desgodetz, 1682).

Изучая тексты и памятники классической древности, Ренессанс создал «античноцентричную» картину мира и основанную на ней концепцию мировой истории. Тем самым он заложил фундамент классицизма — идеологии, основанной на восприятии античности как осуществленного в прошлом социального и культурного идеала, «золотого века» Европы. Классицизм сохранится как культурное, художественное и общественное движение вплоть до XXI в., хотя его конкретное наполнение претерпит изменения.

РАННИЙ КЛАССИЦИЗМ И ПЕРВЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ: XVII ВЕК

В позднем XVI и XVII вв., в эпоху барокко и первых шагов рационального знания, интерес к классическим древностям быстро и все

шире распространялся по Европе. Это происходило вопреки религиозным войнам и католической контрреформации, возродившей преследования «язычества» (папа Урбан VIII даже приказал выбросить в Тибр найденный в 1629 г. под базиликой св. Петра саркофаг с рельефами III в. н.э.). Собираение антиков, начатое итальянцами, продолжили коллекционеры Англии, Франции, Нидерландов. Много времени уделял ему выдающийся живописец и дипломат П.-П. Рубенс, крупные собрания составили короли Карл I (1625–1649) и Людовик XIV (1643–1715), герцог Бэкингам (+ 1628). Смело выйдя за пределы Италии, путешественники старались проникнуть на территории Турции: в Грецию, Малую Азию, на Ближний Восток. Лорд Томас Ховард Арундел (+ 1646) даже называл делом своей жизни «пересадить Элладу в Англию». Как дипломат он создал в Греции целую сеть агентов для поиска скульптуры и надписей; его поместье стало огромным музеем: 165 скульптур, 250 надписей, саркофаги, алтари, монеты и пр. Через послов в Стамбуле пополняли коллекции не только король Франции, но также кардиналы (Мазарини) и министры (Жан-Батист Кольбер). Посол маркиз де Нантейль в 1670–1679 гг. объехал Левант и Киклады, собирая стелы, рельефы и эпиграфику, а в 1674 г. посетил турецкую крепость на Акрополе и заказал рисунки скульптур Парфенона (оригиналы были вскоре утрачены при бомбардировке турецкой крепости на Акрополе). Миссионеры-капуцины из Франции издали описания древностей Афин и создали первую «историко-культурную карту» города (1670).

Франко-швейцарский ученый Якоб Спон (Spon Jacob (Jacques), Лион 1647 — Вевей, Швейцария, 25 декабря 1685) заложил основы научного подхода к эпиграфике и нумизматике (*Recherches curieuses d'antiquite continues en plusieurs dissertations sur des medailles, bas-reliefs, statues... et inscriptions antiques*, 1684), собрав тысячи греческих и латинских надписей, путешествуя в 1675–1676 гг. по Средиземноморью. В сборнике переводов собранных Спона латинских надписей (*Miscellanea eruditae antiquitatis*, 1685) им предложено одно из первых определений слова *archaeologia* как науки о древних вещах. Метод Спона основан на сопоставлении эпиграфики, нумизматики и древних текстов, что позволило определить

уже тогда храм Афины Ники, памятник Лисикрату, Башню Ветров в Афинах. Спон был так авторитетен, что его ошибки повторяли до XIX в., а рассказы о путешествии вместе со знатоком древностей, ботаником сэром Дж. Уилером (George Wheler, 1650–1723) перевели на многие языки (Spon, 1678; Wheler, 1682).

Одно из крупнейших ученых путешествий в стиле XVII в. совершил в 1700–1702 гг. Жозеф Питтон де Турнефор (Tournefort, 1656–1708) — профессор ботаники при Королевском саде лекарственных растений в Париже, член Парижской академии наук, — посетив Грецию и Малую Азию, побережье Черного моря, Армению и Грузию (Tournefort, 1717).

И все же изучение классических древностей в XVII в. оставалось поверхностными и оказывало сравнительно меньшее, чем в эпоху Ренессанса, влияние на художественный процесс и культурную жизнь. Материальный мир античности за пределами Италии в XVII в. знали больше по письменным источникам. Но условно-античные мотивы все больше пронизывали драматургию и поэзию, скульптуру и архитектуру, историческую и ландшафтную живопись: Никола Пуссен и Клод Лоррен писали уже не только пейзажи с условными руинами, но и реальные виды памятников.

XVIII ВЕК: GRAND TOUR

С XVII в. постоянное обращение к классике, ее эстетике и моральным ценностям стало обязательным. Образованные европейцы стремились к прямому знакомству с античными памятниками. Но до восточной части Средиземного моря в XVII–XVIII вв. добирались только дипломаты и ученые. Для остальных «жилищем муз» и «школой вкуса», где следовало завершить образование, оставалась сравнительно доступная Италия. С конца XVII–XVIII в. возникла особая форма социальной активности просвещенной части общества (прежде всего английского, но также французского, германского, русского и др.), так называемое Большое путешествие (Grand Tour) — новый род «паломничество к древностям». Вплоть до XIX в. (а в изме-

ненном виде и до сих пор) оно оставалось обязательной частью образования юных аристократов, буржуа и художественной интеллигенции, повлияв на сложение мировоззрения многих поколений европейцев (см.: Pratt, 1992; The Grand Tour..., 1996; Kelly, 1997; Chaney, 1998; Transports..., 1996; Chard, 1999; The Impact of Italy..., 2000).

Большое путешествие не было похоже на современные экскурсии — оно несравненно серьезнее. Маршрут его включал глубокое (обычно в течение года, иногда дольше) знакомство с древностями Рима, затем Неаполя с ближайшими к нему памятниками (Помпеи, Пестум) и Флоренции с ее собраниями антиков. Лучшие писатели эпохи (хорошо известные и в России — Эдисон, Мур) разрабатывали «литературные путеводители» (Addison, 1705; Moore, 1781 и мн. др.). Следовало многократно осмотреть памятники (днем, при луне и при свете факелов), зарисовать, измерить и описать их, приобрести отливки (и другие копии), гравюры, книги а, при возможности, оригиналы (хотя бы геммы, камеи, монеты). Не мудрено, что над подобными «сувенирами» работали целые мастерские «реставраторов», собиравших статуи из случайных фрагментов и делавших всевозможные копии. Одним из известнейших «реставраторов» был скульптор Б. Кавачеппи (Cavaccerpi, ок. 1716 – 09.12.1799), так что важно понимать, какой огромный запас подделок начал копиться уже с этого времени. Более серьезно античные «мраморы» реставрировали в мастерских крупнейших скульпторов классицизма, Антонио Кановы (итал. Antonio Canova, 01.11.1757, Поссаньо, обл. Венеция — 13.10.1822, Венеция) и Бертеля Торвальдсена (дат. Bertel Thorvaldsen, 19.11. 1770, Копенгаген — 24. 03. 1844, там же).

Привозимые памятники, будь они подделками или подлинниками, способствовали знакомству с классическим искусством во всех уголках Европы (Haskell, Penny, 1981; Haskell, 1984). Не менее важно, что они требовали подобающего обрамления, тем самым оказывая мощное прямое воздействие на художественную культуру, особенно на архитектуру интерьера и ландшафта. Поместья строили целиком (или частью) в античном стиле, как «Ньюбери Холл», где для коллек-

ции статуй (в их числе была реплика «Венеры Медичи») Роберт Адам выстроил специальную галерею. Стремление к воссозданию античного ландшафта доходило до того, что не довольствовались музейными экспозициями и искусственными руинами, ситуативно разыгрывая целые сюжеты на основе привозных древностей. Так, в далеком Павловске статуи из Италии были просто зарыты в землю и создавали иллюзию ее насыщенности «антиками». Наконец, Большое путешествие следовало соотнести с вечностью, заказав пейзаж или портрет «с руинами». Популярны были виды памятников из мастерской Дж. Панини и «туристические» портреты Батони. Часто их писали известные художники-иностранцы (в том числе К. Брюллов); портрет Гете на фоне пейзажа Кампаньи Г.-В. Тишбейна (1751–1829) дышит (как и «Римские элегии») юной, пылкой дерзостью и древностями Рима.

«Путешествие в античность» следовало продолжать мысленно. Тут помогали древние авторы, ранние описания и гравюры, позволявшие увидеть памятники недоступного пока эллинистического Востока и Греции. К такого рода идеализированным странствиям относится сочинение французского аббата Бартеlemi, знатока языков, истории и классиков, «Путешествие юного Анахарсиса в Грецию». Многократно переведенное (в том числе на русский (1788) и новогреческий языки), оно изображало античность как эпоху элегантной, рафинированной и приятной жизни во вкусе просвещенного общества Европы. Бартеlemi не изучал памятников на месте, и позже Стендаль напишет: «Страна, где греки менее всего известны, — Франция, и виновата в этом книга аббата Бартеlemi». Впрочем, и побывавшие в Греции обычно создавали скорее миф о ней, чем научное описание: ведь нескольким поколениям европейцев он был навязан системой образования. Примером может служить «Voyage Pittoresque de la Grèce» (3 т.), изданный в Париже в 1782, 1809, 1820 гг. графом М.-Г. Ф. Шуазель-Гуффье (Marie-Gabriel-Auguste-Florent Choiseul-Gouffier, 27 Париж — 20.06.1817, Экс-ла-Шапель), послом Франции в Стамбуле, возглавившим целую экспедицию художников и ученых (Константинополь, Троада и другие места, воспетые Гомером) и собравшим много над-

писей. Литература быстро наполнилась «вояжами» по Италии и Греции, и в XIX в. началась девальвация жанра «живописных путешествий» (Pratt, 1992).

XVIII ВЕК: ПОЗНАНИЕ АНТИЧНОСТИ

XVIII в. внес глубокие изменения в атмосферу Европы. Раньше образованный человек обращался к славе Рима и раннего христианства. Теперь, в эпоху Просвещения, интеллектual видел себя прежде всего европейцем, и уже затем — христианином; он стремился наследовать не столько имперскому «развращенному Риму», сколько «чистой Элладе». Лицо эпохи определяли Разум и Классицизм, претендовавшие на роль новой веры. Античность как канон доминировала в театре, литературе, архитектуре, ваянии и живописи. Она пронизала всю среду обитания, создав своеобразную культурную экологию, что особенно станет заметно в эпохи рококо и ампира. Добродетель и государственный строй древних должны были служить образцом подданным и правителям, определять их нравственные идеалы и социальный порядок. Поэтому становление зрелого классицизма как общественного движения принесло взрывное расширение интереса к археологии античности, которая удовлетворяла потребность сравнить «идеал» с «оригиналом».

Решающий шаг был сделан благодаря работам на месте древних городов Геркуланум и Помпеи, гибель которых при извержении Везувия была описана современниками (Rediscovering Pompeii, 1992; Ercolano, 1993; Parslow, 1995). Открытие полной картины жизни позднеантичного города потрясло зрителя и доказывало, что познание прошлого через изучение древностей и проверка ими письменных источников (задачи, только что поставленные французскими энциклопедистами) — осуществимы. Ученые и художники не просто обновили и дополнили представления об античной цивилизации, но вступили в прямой контакт с нею. Общество могло теперь предметно знакомиться с образом жизни римлян и даже копировать его. Среди возникших тогда популярных тем — изучение римского кулинарного искусства вплоть

до реконструкции античных пиров. В XX в. они приобретут широкое распространение, но уже модная художница Э.-Л. Виже-Лебрен устроила «греческий обед», ставший настоящим событием культуры.

«Очистка» памятников от «мусора средневековья» шла в XVIII в. в Риме медленно и без всякого плана, но приносила важные находки: только раскопки дворца Домициана (82–96 гг. н.э.) на Палатине (с 1720 г.) открыли более десятка скульптур из базальта, ларарий императора и знаменитый «черный камень», который источники относили к VI в. до н.э.

Открывшуюся картину жизни древних римлян дополнял не менее впечатляющий образ их смерти. Находка священного участка с крематорием (*ustrinum*) императора Августа и его семьи у ворот Сан Себастиано и их родового кладбища с саркофагами (древнейший, Луция Корнилия Сципиона Барбатуса, датировался 298 г. до н.э.) доказали, что среди погребальных обрядов языческого Рима было не только сожжение, как считалось, но и ингумация.

Новые открытия шли рука об руку с разработкой философии метода. К середине XVIII в. антикварию Бернард де Монфокон (Bernard de Montfaucon) и Анн Клод Филипп де Тюбьер-Гримоар, граф де Кейлюс (Caylus) (1692–1765) опубликовали первые большие своды («Древности, объясненные и представленные в изображениях», 15 т., см.: Montfaucon, 1719–1724; и «Собрание египетских, этрусских, греческих и римских древностей», 7 т., см.: de Caylus, 1752–1767), где представили огромное количество вещей. Де Монфокон расположил 30 тыс. предметов в систематическом порядке, но его таблицы служили лишь дополнением текста. В этом неоплатоническом подходе история (текст) отражала «мир идей», а археология (вещи) — «мир чувств», обретающий значение лишь через связь с текстом.

В подходе де Кейлюса, ведущего антикварию своей эпохи, много путешествовавшего по Средиземноморью, больше общего с методом современной археологии. Он уподобил антикварию врачу, которому вещи служат симптомами изменений в культуре, и видел в памятниках «отражение возможностей данной страны в конкретном столетии». Поэто-

му техника и материал объекта обладали для него первостепенной важностью. Правда, современники видели в де Кейлюсе педанта и человека не от мира сего (живописец Шарден даже изобразил его в облике обезьяны в шлафроке, разглядывающей через увеличительное стекло древнюю медаль в кабинете ученого).

В конце XVIII в. были изданы каталоги коллекций вазовой живописи лорда У. Гамильтона (1730–1803) (Ramage, 1990; Vases and Volcanoes..., 1996). Они закрепили отношение к ней как к одной из вершин античного гения. Греческие, в основном аттические, расписные сосуды (известные под названием «этрусских ваз» из-за обнаружения их в могилах древних этрусков) надолго стали одним из главных объектов изучения, предметом вожделений коллекционеров и торговцев (роль «фетиша культуры», которую расписная греческая керамика исполняла два столетия, отражена в известной новелле П. Мериме «Этруская ваза»).

Но сдвиг в общественном сознании вызвали не огромные своды, а первая версия общей теории классического искусства. Тезис о ведущей роли изобразительного начала в древнем мире формулировали и раньше — например, астроном и антикварий Франческо Бианчини (Francesco Bianchini, 1662–1729) разработал «визуальную периодизацию» древностей, открыв путь к сравнительной иконографии. Но решительный перелом обеспечил Иоахим Винкельман (1717–1768) (см.: Winckelmann, 1996–2001; литература и русские переводы: Эстетика..., 1994; Винкельман, 2004).

Винкельман мыслил античность как идеальное состояние общества и культуры. Как и де Кейлюс, он был одним из зачинателей общефилософских идей прогресса и эволюции, которые пытался реализовать в истории искусства раньше, чем это произойдет в других науках. Именно Винкельман заговорил о древней Греции как о «детстве Европы» или о корне, породившем все ветви на древе ее культуры. Революционной была уже его юношеская книга «Мысли о подражании грекам в живописи и скульптуре» (*Gedanken über die Nachahmung der griechischen Werke in der Malerey und Bildhauer-Kunst*, 1755), где был

дан анализ трех скульптур как воплощений идеальной красоты (Аполлон Бельведерский, Лаокоон, Венера Медичи).

В главном труде — «Истории искусства древности» (*Geschichte der Kunst des Altertums*, 1764) — Винкельман сформулировал идею эволюции искусства как части породившей его цивилизации и показал развитие искусства Эллады в порядке хронологии (что раньше представлялось невыполнимым). Он отделил его от римского (их долго воспринимали как синкретическую общность) и выделил четыре этапа или художественных стиля (эпохи): до- и раннеклассический («древнейший»); «высокий классический» (Фидий, V в. до н.э.); «изящный» (Пракситель, IV в. до н.э.); упадочный («имитирующий», с I в. до н.э., включая эллинизм и римское искусство). Анализ вазовой живописи позволил Винкельману построить хронологическую шкалу древностей Средиземноморья (его ошибки обусловил общий уровень знаний: он вынужденно судил о греческом искусстве по римским копиям или таким эллинистическим подделкам, как «Лаокоон»).

В основе эстетики Винкельмана лежало убеждение, что искусство выражает абсолютную божественную красоту (идеал) и абсолютно превосходит природу (натуру). Главные черты эллинского гения он определял формулой: «благородная простота и спокойное величие». Признание идеалом искусства совершенное изображение обнаженной мужской фигуры повело к перестройке системы обучения рисунку, живописи, скульптуре и даже архитектуре: ее ключевым элементом на 200 лет стало рисование «гипсов» с античных скульптур и обнаженного натурщика. «Единственное средство быть великим, или хотя бы неповторимым, если это вообще возможно, состоит в подражании древним». Таков был вывод, глубоко повлиявший на развитие западной культуры XVIII–XX вв., особенно на поэтов и философов (прежде всего немецких — Г.Э. Лессинг, И.Г. Гердер, И.В. Гёте, Ф. Шиллер, Ф.В.Й. Шеллинг, Ф. Шлегель, Г.В.Ф. Гегель), художников (Ж.-Л. Давид, Р. Менгс) и даже политиков (Т. Джефферсон).

Винкельман окончательно утвердил античную археологию и как научную дисциплину, и как базовый компонент классицизма. Он

работал на раскопках Помпей и Геркуланума, резко критикуя их методы; выдвинул план раскопок святилищ Греции, мечтая исследовать Олимпию; публиковал собрания памятников. Точность и детальность его стилистического анализа и сравнений анатомических особенностей во многом определяют отход от реставрации древних скульптур, ранее повсеместно принятый.

XVIII ВЕК: ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ АНТИЧНОСТИ

Контакт общества с древностями в XVIII в. обеспечивали не только ученые — не в меньшей степени его налаживали архитекторы и художники. От изучения трудов Витрувия и от архитектурных фантазий на античные темы они перешли к натурному изучению памятников, а затем и к точному переносу классических мотивов в новое искусство (Auzes, 1997; Coltman, 2006).

С 1670-х гг. французские и английские исследователи стремились познакомиться не только с памятниками Италии, но и Греции. Впервые смогла обследовать храмы Афин в 1751–1753 гг. экспедиция живописца Дж. Стюарта (1713–1788) и архитектора Н. Риветта (1720–1804), издавших затем четыре тома образцово-точных рисунков и обмеров («Афинские древности»; см.: Stuart, Revett, 1762–1816). Поездку оплатил аристократический лондонский клуб «Society of Dilettanti», члены которого формировали художественный вкус высших слоев общества. Несколько раньше (1758) вышли романтические рисунки «Руины прекраснейших памятников Греции» архитектора Ж.-Д. ЛеРоу (LeRoy) — профессора парижской Академии архитектуры, повлиявшего на распространение классицизма во Франции (его ученик Ж.-Д. Антуан спроектировал портик монастыря Милосердия): не столь серьезные, рисунки нашли широкий отклик в обществе. Но и те, и другие впервые уловили реальные пропорции дорического стиля, дотоле считавшегося «ученической» ступенью греческого зодчества, — слишком тяжелой и примитивной. Стюарт воспроизведет дорический храм в поместье Хэгли Парк (Hagley), а Реветт — портик с о. Делос под

Солсбери. Не столь значительные памятники нашли место в истории европейской культуры благодаря вниманию, уделенному им при обмерах: «Башню ветров» воспроизводит павильон в поместье лорда Шэборо в Стаффордшире (1765) и обсерватория Рэдклиффа (Оксфорд, арх. Уайетт: J. Wyatt, 1773–1794). Красота дорики стала отныне эталоном, в Греции полагалось видеть мастера и учителя, а в Риме — лишь ученика и продолжателя.

Впрочем, увлечение римскими древностями тоже не ослабло. Страстные оппоненты Винкельмана, итальянец Пиранези и англичанин Адам, развернули настоящую культурно-художественную кампанию. Дж.Б. Пиранези (1720–1778), влюбленный в Вечный город с его «барочными» руинами эпохи Флавиев (дворец Домициана и др.), приехал в Рим только в 1749 г. из Венеции, но сыграл огромную роль в «защите прекрасного Рима» (Piranesi, 1757). На сотнях листов точно и подробно представлены не только виды, но также разрезы и детали («Виды Рима», 1748–1778; «Римские древности» (Piranesi, 1756), планы — реконструкции Марсова поля и виллы Адриана). Реставратор и артдилер, писатель и архитектор, Пиранези издал особый труд об античном Риме (Piranesi, 1761), резко выступив против неграмотного копирования. В построенной им «Руинной зале» монастыря Санта Тринити деи Монте была предложена трехмерная модель офортных серий «руин» и «тюрем».

Еще больше для пропаганды «римской» версии классики в Европе сделал Роберт Адам (Robert Adam, 1728–1792). Принципиальной чертой его подхода была уверенность, что архитектору-классику для грамотного использования древних мотивов необходима «антикварная ученость». Архитектор-классик должен был самостоятельно изучать древности и публиковать научные исследования о них (Adam, 1764; Brown, 1992).

Уехав из Италии в 1758 г., Адам с братьями Джеймсом, Джоном и Уильямом создал в Англии необычное «архитектурное бюро». Они проектировали и потом контролировали весь процесс строительства: качество материала и работ, организацию интерьера по рисункам своей мастерской (росписи, мебель, светильники, ковры, посуда). Для бюро работало

до 2000 мастеров, что позволяло создавать ансамбли исключительной элегантности, уходя от присущих классицизму героизма и пафоса (известные работы: поместье Эйпвик Касл, галерея для коллекции статуй в поместье Ньюби Холл, резиденция герцога Нортумберлендского и Сион в Лондоне). В бюро была огромная коллекция гравюр, книг и древностей, особенно расписных ваз, которые стали основой их «этрусского» стиля, а с имперской роскошью Пальмиры и Баальбека знакомились по только что опубликованным видам (впервые исследованы и описаны в 1751–1753 гг. Вудом и Девкинсом, см.: Wood, 1753; 1757; Wood, Dawkins, 1812, с великолепными гравюрами).

Адамы много работали для Эдинбурга, который одним из первых в Европе, пытались перепланировать (арх. Джеймс Крэйг, Craig, 1744–1795) на основе символикоромантических национальных мотивов (план проспектов с храмами на концах лучей повторял рисунок англо-шотландского флага «Юнион Джек»). «Нью Таун» Эдинбурга, впрочем, так и не был построен, что роднит его с проектами французских архитекторов-просветителей Леду и Булле и русского зодчего Василия Баженова.

Рожденный в Англии, Франции и Италии, классицизм широко распространился в мире и пронизал жизнь общества, охватив все области художественной промышленности. Появились книги «образцов» домашних предметов в античном вкусе («Сюита ваз» М. Вьена; работы Адамов (Works in Architecture of Robert and James Adam. 1–3 v. 1773–1778; 1779; 1822)); под его влиянием развивался английский фарфор Веджвуда и французский Севр, для которых работали ведущие рисовальщики и скульпторы (Флакسمан, Фальконе и др.). Он быстро достиг английских колоний: «античная» архитектура появилась в Калькутте (поместье Шуборо на р. Хуш, арх. Т. Пеннэ, Th. Pennant, Shugborough) и даже Новом Южном Уэльсе (Кэмден парк Хаус).

Классицизм стал излюбленным стилем молодых республик. Соединенные Штаты охотно копировали формы, «импортируемые» из союзной Франции и напоминавшие о римской «республиканской демократии» даже по названиям: первый «Капитолий»

был построен в Ричмонде (Вирджиния) в формах римского храма. Возведение главного государственного Капитолия доверили французскому архитектору Клериссо (Clérisseau Charles-Louis, 1721, Париж — 1820, Отей) (ранее рекомендованному императрице Екатерине II), знатоку римской архитектуры: он написал книгу о храме в Ниме, что служило тогда лучшей рекомендацией. Возведенный им временный Капитолий был копией античного храма; позже его сменил каменный по проекту Б.Г. Лэтроба (1764–1820), со статуей Вашингтона внутри работы скульптора-классика Ж.-А. Гудона, имевшего возможность работать с натуры в имении президента Маунт Вернона. Позже Лэтроб возвел вполне классицистический собор в Балтиморе.

Другому французскому художнику-классику, А. Дюпре, были заказаны медали «*Libertatis Americana*» в честь освобождения от английского гнета. Увлечен классицизмом был и посол США в Париже Т. Джефферсон: он сам перестроил дом в Монтечелло и в 1817 г. спроектировал Виргинский университет в Ричмонде. Наконец, дворец президента в Вашингтоне, известный как Белый дом, ирландский архитектор Дж. Хобан выстроил в стиле палладианской виллы.

Как своеобразный вид древностей осознавался и «античный ландшафт», признание которого за идеальный стало важным шагом к осознанию европейцами красоты «первобытной природы». Просветители считали, что идеальное соединение природного и рационального начал было достигнуто именно в античности, и архитектура парка призвана восстановить (пусть на ограниченном участке) утраченную гармонию; добиться, так сказать, искусственного воссоздания древности во всей ее «естественности». Тогдашняя эстетика требовала окружить копии классических построек соответствующей «природной декорацией». Использовались собрания «мраморов», копии античных зданий или «античные» руины (их были полно в бесчисленных сборниках «образцов»). В ландшафтной архитектуре классицизма археологическая точность соединялась с идиллическими и аллегорическими мотивами: в «идеальную» античную «естественность Природы» погружались творения человека (обычно столь

же «идеальные» вариации на темы ордерных построек). Большое место занимали псевдопогребальные сооружения и руины, что отвечало идее бренности и ничтожности настоящего перед величием исторического прошлого. Парки наполняли урны, обелиски и саркофаги, более естественно смотревшиеся на кладбищах, которые в свою очередь стали напоминать парки (Scott, 2001).

Архетипические примеры — мавзоль «Супругу-благодетелю» в Павловске или воспроизведения ложной «гробницы Вергилия» в парках Вильгельмской (Кассель, Германия, вместе с совсем уж фантастической «гробницей Гомера») и Стоурхэд (Уилтшир; спланирован по сюжету «Энеиды»). Это объясняется тем, что грот с «гробницей Вергилия» на окраине Неаполя вошел во все путеводители, был широко известен и часто изображался, в том числе и «певцом руин» Гюбер Робером (фр. Hubert Robert, 22. 05.1733, Париж — 15.04.1808, там же), поместившим ее среди 400 таблиц к «Живописному путешествию или Описанию Неаполя...» аббата Р. де Сен-Нон (1781–1786). Но в парке могли поставить и реальную гробницу (известный пример — памятник Ж.-Ж. Руссо на о. Поплар в имении Эрменонвилль, созданный по проекту Г. Робера в форме античного саркофага с акротериями, украшенного рельефами-аллегориями на античные сюжеты и надписью: «Здесь лежит человек природы и правды»). Знание классических текстов стало совершенно необходимо для понимания замысла и отдельных сооружений английского пейзажного парка.

Характерной чертой скульптуры и живописи классицизма стало стремление к археологической точности. Изобразительные искусства осознавались как дидактические, поэтому способность автора преподавать зрителю урок морали и учености была важным, если не главным требованием к художнику (например, в «Характеристиках» графа Шефтсбери, 1711 г.). От зрителя же требовалась классическая подготовка для того, чтобы смотреть историческое полотно и даже пейзаж — их невозможно было понять, не зная сюжета, а многие требовали подробного знакомства с древними авторами. Детальная реконструкция жизни древнего Рима или Греции ставилась задачей и осуществлялась

в полотнах мастеров английского классицизма Г. Гамильтона, Б. Уэста, немца Р. Менгса (друга Винкельмана, чей «Парнас» стал знаковой картиной неоклассицизма, а сочинение «Мысли о красоте» — «*Gedanke über die Shonheit*» — одним из его манифестов); французов П.-Г. Валансьена («Древний город Агригент. Идеальный вид») и Ж.-М. Виена (трогательная переработка сюжета античной фрески «Продавщица амуров» и «Девушка из Коринфа» на архетипический сюжет об изобретении рисунка).

Огромную роль классицизм сыграл в развитии такого широкого культурного явления, как альбомный рисунок. Владение им считалось обязательным для образованного человека; в нем работали многие коронованные особы; к нему тесно примыкает и творчество ряда крупных художников классицизма (например, Федора Толстого). Альбомный рисунок впитал самые разные тенденции изобразительного искусства, но основными остались мотивы древних зданий и/или ландшафтов, мифологические символы, эмблемы (или фигурные композиции), зарисовки древностей (скульптур, ваз и пр.).

1780-е–1850-е гг.: ОТ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ К ИМПЕРИЯМ ЕВРОПЫ

Понятия «древняя Греция» и «древний Рим» в XVIII в. описывали не только реально-исторические страны, но и мета-исторические идеи. Лучшим путем постижения того и другого считали глубокое знакомство с искусством и древностями (эти понятия были почти тождественны). Изучение классики стало значимым элементом европейской культуры эпохи Просвещения и перешло как бы по наследству в эстетику и мораль революционной Франции. Парадоксально, но античные идеалы и памятники играли важную роль как в борьбе за национальное освобождение Италии, Греции, Польши и сложение молодой государственности Северной Америки, так и в оформлении идеологии «старых» имперских держав Европы: наполеоновской Франции, России, Австрии, Британии, германских королевств Баварии и Пруссии (Parker, 1937).

Просветители были убеждены, что рациональный подход к изучению законов развития общества позволит их заново переписать. «Естественность», «примитивность», «золотой век», «дикарь» Руссо стали ценностными категориями. Общая тяга к ясному и логичному, к простым сочетаниям горизонталей с вертикалями приводила к дорике. Она нашла выражение как на практике, так и вербально, в «Этюдах» М.-А. Ложе (М.-А. Laugie, *Essai sur l'architecture*). С середины XVIII в. французские придворные архитекторы активно пересаживали античность на родную почву, как бы готовя декорации будущей Революции. Это видно даже по названиям площадей и публичных зданий: «Сады Аполлона», «Елисейские поля», «Колизей». Древнейший собор Парижа, Сен Женеьев, в годы Революции превращенный в Пантеон, Людовик XV еще в 1757 г. начал перестраивать в классическом стиле по проекту архитектора Суффло (1713–1780). Париж и Версаль «антикизировали», что заметно по шато Малый Трианон (А.-Ж. Габриэль, 1698–1782) и по Оперному дому в Версале (где праздновали свадьбу Людовика XVI с Марией Антуанеттой), и по дворцу на площади Согласия. Мир 1783 г. после войны с Англией (позволивший сложиться США) вызвал к жизни вполне римскую «Колонну Мира» (П.-Л. Моро Деспро; Desproax, 1727–1793). «Героический классицизм» пронизывает и проекты К.Н. Леду (1736–1806): идеально-го города на соляных коях Арк-э-Сенана (Arc-et-Senans); памятника Ньютону в стиле языческой гробницы; особняка де Фейлюс (Thelusson) с его огромной аркой, гротом и подземным проездом; парижских застав, и неосуществленные проекты Л. Булле (1728–1799). Похожие замыслы в России вынашивал В.И. Баженов.

В живописи выразителем этого стиля стал молодой Ж.-Л. Давид («Клятва Горациев», «Смерть Сократа», «Бруту приносят тела сыновей»), позже целиком посвятивший себя прославлению идеалов Революции и наполеоновской Франции. «Ученая» классическая символика была как будто специально приспособлена служить вечным (а по сути вневременным и неисторичным) идеалам Революции. Ее внутренняя несовместимость с христианской религией была тонко уловлена

богоборческой революционной идеологией. Она пронизала и ее атеистические празднества, и церемониал переноса праха героев (Лепеллетье, Марат, Вольтер, Руссо и др.) в Пантеон, и бесчисленные монументы Свободы, Равенства и Братства, и даже женскую моду и оформление быта, вплоть до рисунка обоев.

Охотно апеллировал к древностям и Наполеон: они позволяли сделать акцент на моменте преемственности власти от императоров и подчеркнуть происшедший разрыв со свергнутой королевской властью. Их вес в идеологии был очень велик. Часть аллюзий уводила к истокам национальной традиции, в мир франков и Карла Великого («золотые пчелы» из гробницы Хильдерика на мантии Наполеона), другие «копировали» классическую античность (портрет Наполеона в позе Юпитера Олимпийского работы Д. Энгра; Триумфальная арка на площади Карусель с подлинными бронзовыми «конями св. Марка»; символические орлы).

Наполеон проявил глубокую заинтересованность в древностях Рима, сначала вывозя их из Италии, а после объявления Рима второй столицей Империи (1809 г.) серьезно занявшись их раскопками и охраной. В договор с папой он включил даже особые пункты о перепланировке центра города и создании «археологических садов». В 1810–1812 гг. работой над «Садами Капитолия» руководил архитектор и археолог Де Квинси (Quatremier de Quincy), при участии скульптора А. Канова, археолога К. Феа (Fea) и папы Пия VII, который в 1802 г. запретил раскопки и вывоз памятников без разрешения, а коллекционеров обязал ежегодно публиковать отчеты.

Широкие раскрытия на Форуме и Капитолии впервые выдвинули вопрос о месте древностей в живом городе, который и сейчас остается среди важнейших в сохранении культурного, в том числе религиозного, наследия. Были созданы органы охраны памятников, организовано обучение археологии (Ф.-А. Висконти), к работам привлекали горожан. Бедняки, безработные и заключенные (до 4 тыс. землекопов) очистили зоны вокруг триумфальных арок, базилики Константина, храмов Согласия, Антония и Фаустины (их названия уточнил в 1820-х гг. руководитель

раскопок Форума А. Нибби, о чем в шутку упомянул Стендаль, часто смеявшийся над антиквариями, которые и без того являлись вплоть до второй половины XIX в. предметом шуток). Раскопки, начатые на форуме Траяна (их продолжают археологи Муссолини, а в наши дни — муниципалитет Рима), потребовали сноса двух средневековых монастырей, и папские власти на это согласились.

Наполеоновская эпоха породила ампир — стиль позднего классицизма, почти целиком построенный на материалах римских и греческих древностей. Он одинаково хорошо служил как Наполеону, так и победившим его державам: господствовал в военно-патриотических памятниках Британии — например, памятнике адмиралу Нельсону (1805–1807) работы крупнейшего скульптора и живописца-классика Флаксмана (ему же принадлежат: огромная статуя «Британия» в Гринвич Хилле и проект «Монумента Нации» в Эдинбурге, включавший копию Парфенона в натуральную величину!). Но ампир использовали также борцы за национальную самоидентификацию: в Италии символом освобождения от иноземного господства и борьбы за объединение стало надгробие поэта Витторио Альфиери в ц. Санта Кроче во Флоренции работы культового скульптора классицизма Кановы и написанная на него элегия Уго Фосколи «Могила». Особое воздействие идеи классицизма имели на зарождавшийся национализм германских государств (см. ниже).

1850–1914 гг.: НЕОКЛАССИКА И ПОЛИТИКА, «ГЕРМАНСКАЯ МОДЕЛЬ»

Признание в античных древностях корня европейской культуры сделало их одним из факторов политики и даже военной активности, которая охватила Европу и Средиземноморье в конце XVIII — первой четверти XIX вв. (войны революционной Франции, наполеоновские и анти-наполеоновские кампании, борьба за освобождение Греции, начало раздела Османской империи). В пропаганде войны аргументы «исследовательского» свойства, призывы к освобождению «колыбели Европы» и им подобные играли важ-

ную роль. Археологические исследования и «охота на древности», которых ждали умножившиеся государственные музеи (Британский, с 1753; Ватиканский Пио-Клементино, с 1790-х; парижский Наполеоновский, с 1801 г.; Глиптотека в Мюнхине, 1830 г.), стали частью дипломатии. Античные древности входили в число главных трофеев: Наполеон увез из Италии «Лаокоона», «Умирающего галла», венецианскую квадригу и многое другое, так что его музей стал последней большой коллекцией исключительно римского искусства, которая была возвращена Италии после Венского конгресса 1815 г. (права последней отстаивал Антонио Канова).

Но главной зоной, откуда вывозили «антики», становилась уже не Италия, а Восточное Средиземноморье. Турцию теперь попеременно контролировали соперники, Англия и Франция, и она вынуждена была допускать вывоз «языческих древностей» (которыми не слишком дорожила). Систему их сбора начали создавать в Афинах французы еще в XVII в., но после Революции она распалась, а имущество Франции в Греции было конфисковано (1798 г.), и вплоть до 1806 г. рынок древностей там находился под контролем Британии. Ее посол, лорд Томас Элджин (Elgin), организовал специальную экспедицию (1801–1805) во главе с архитектором Дж. Б. Лузиери и буквально ограбил Акрополь. С Парфенона сняли статуи фронтона, плиты и метопы фриза, с храма Афины Ники — весь фриз, с Эрехтейона — одну из кариатид и т.д. Планировали целиком увезти Эрехтейон и микенские Львиные ворота. Вывоз сопровождался разрушением: в спешке добывая скульптуры, уничтожали памятники (так, кариатиду заменил кирпичный столб, что вызвало бунт в городе). Элджин возмутил и французов (Шатобриан), и самих англичан (Байрон назвал его святотатцем и мародером истекающей кровью страны). Скандал вокруг «мраморов Эльджина» повлиял на развитие международного права: общественное мнение Европы впервые поставило под сомнение право сильного на грабеж наследия побежденных. Спор о «мраморах Эльджина» и «трофейном искусстве» продолжается поныне.

На развитие «антикизирующих» тенденций в культуре купленные в 1816 г. Британ-

ским музеем в Лондоне «мраморы Эльджина» оказали особое воздействие. Художественное превосходство оригиналов над копиями римского времени произвело революцию во вкусах ценителей (вкус — одна из главных категорий теории искусств Винкельмана). Разительный реализм Фидия не отвечал тогдашним представлениям об «идеальном искусстве», но ведущим археологам эпохи (Висконти, де Квинси) удалось доказать ценность его «пугающей правдивости». Отныне отливки, рисунки и гравюры со скульптур Фидия стали главными образцами в системе классического образования, в обучении искусству и архитектуре (Ernst, 1993; Haskell, Penny, 1981; Turner, 1981; Scott, 2001).

Вывоз древностей из Греции способствовал сложению первых международных групп ученых. В 1800-х гг. возник «Xeneion» — объединение молодых англичан, немцев и датчан (Ч.Р. Кокерел, Дж. Фостер, К.Х. фон Халлерштайн, Я. Линк, К.Ф. Шинкель, О.М. фон Штапельберг). Выступая как энтузиасты-археологи, художники, архитекторы, писатели, издатели и торговцы древностями, они преодолели массу трудностей (двое из них погибли), но тщательно изучили землю Эллады, невероятно умножив количество зарисовок, планов и точнейших архитектурных обмеров, описаний и публикаций. Обследовав храмы на о. Эгина и в Бассах (Аркадия), члены «Xeneion» впервые открыли там оригиналы скульптуры доклассического периода. К сожалению, раскопки «Xeneion» инспирировали гибель всего открытого: местные жители стали выжигать из древнего мрамора известь. Через аукцион на о. Мальта в Баварию в 1811 г. был продан фронтон храма с о. Эгина, а позже в Англию — поразительно сохранные и эффектные фризы храма в Бассах, изображающие сражение греков с амазонками.

Сохранение идеализированного образа древней Греции в XIX–XX вв. во многом обеспечили усилия немецкой науки (Whitley, 1987). Ею был окончательно сформулирован тезис о «колыбели европейской культуры», доступ к которой дает только знание древностей и классики в оригинале. Он пронизал самую основу политического устройства Пруссии — ее систему образования. Министр образова-

ния Александр фон Гумбольдт (1808–1810) придавал первостепенную важность обучению критике источников и знанию «науки о древнем мире» (*Altertumswissenschaft*). Получавший классическое образование имел преимущества при занятии государственных должностей и работе в законодательных органах. Эта система стала образцом для всего мира: ее пытались копировать в России; с середины XIX в. в США считалось, что серьезно изучать науки можно только в Германии; во Франции в 1890-х гг. на основе германской модели открыли 15 университетов.

В тесную связь с идеологией и образованием поставили научные исследования, а на этой общей основе — развитие национальной культуры. Художники германских государств, как и всей Европы, обращались к античному наследию уже в XVIII в. (архитектор Фр.В. фон Эрдманнсдорф построил по римским архитектурным мотивам в 1769–1773 гг. для принца Ангальт-Дессау летнюю резиденцию Вёрлиц (Worlitz)). Но подлинным энтузиастом классических древностей стал Людвиг I Баварский, купивший «мраморы Эгины», финансировавший вместе с Фридрихом III Пруссим Институт Археологической Корреспонденции в Риме, работы в Афинах и другие проекты. По его заказу архитектор Лео фон Кленце создал «Валхаллу» — сооружение в Регенсбурге на Дунае — поражающую сплавом национальных мотивов с классико-археологическими. Эта геометрически точная копия древнегреческого храма, предназначавшаяся служить Пантеоном славы Германии; ведущему скульптору-неоклассику И.-Г. Шадову было заказано для нее около сотни бюстов великих немцев.

Расцвету неоклассики в Германии и в самой Греции помогла политическая ситуация. Невероятная популярность древней страны, боровшейся за независимость, породила новую волну увлечения классикой и археологией. Ордер, воспроизводимый с высокой точностью, вновь вошел в моду. Когда в освобожденных Афинах утвердился сын Людвига, король Отто Баварский (1832–1862), фон Кленце принял прямое участие в первой «музеефикации» Акрополя (открыт для публики в 1835 г.): на нем были разобраны постройки византийского и турецкого периодов, создана символическая колонна для Парфенона,

составлен общий план реконструкции; собран из фрагментов разрушенный храм Афины Ники. Архитектор Г.Ф. Шинкель (автор «Апогея Греции», одной из программных картин неоклассики) спроектировал королевский дворец и отстроил Берлин «в стиле Акрополя». Была создана греческая служба археологии по германскому образцу (ее возглавил Л. Росс, но в 1840-х гг. его сменили греческие ученые, ранее основавшие журнал «*Ephemeris Archaeologica*» и Общество археологии, существующие ныне). Работы в святилище Олимпии (Э. Курциус; планировались с 1850-х гг.) стали образцом строгой методики и продуманного подхода.

Немецкий «консервативный классицизм» — яркий пример поиска национальной идентичности на основе сочетания средневековых и античных древностей. Воздействие классической системы образования и неоклассики было ощутимо в Германии всюду, в том числе и в формировании идеологии германского шовинизма и фашизма.

1850–1914 гг.: ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ, ОТКРЫТИЕ АРХАИКИ

Опираясь на античную археологию, классицизм сумел создать ампир, пережить увлечение экзотикой и средневековьем (ориентализм, романтизм) и к середине XIX в. обрел новую жизнь (неоклассика). Авторитет «греческого стиля» был непререкаем. Особенно на периферии Европы (Шотландия, Греция, Бавария, Россия) и в таких сферах, как строительство банков (Английский банк), музеев (от Британского музея, 1883–1887, до Музея Изыщных искусств в Москве) и общенациональных монументов. Древние языки, классическое искусство и археология заняли почетное место в академиях, университетах и школах. Но тут же наметилось отставание уровня исследований от потребностей науки и искусства: в Греции до 1860-х гг. не вели системных раскопок и не создали полных карт городов и святилищ. Работы в Малой Азии и Римской Африке только начинались; в Италии раскопки вели по-прежнему с целью добычи «антиков», не обращая внимания на стратиграфию (серьезное исключение — работы Дж. Фиорелли 1850–1860-х гг. в Помпе-

ях). Важнейшим открытием 1850-х гг. стали исследования некрополей вдоль Виа Аппиа (Рим), где Луиджи Канина (Canina) изучил около 3000 гробниц, подготовив этим поле для нового этапа исследований катакомб, который возглавит де Росси (см.: Беляев, 1998).

Важным культурным нововведением античной археологии XIX в. был интернациональный характер исследований. Работы в Греции и Италии велись на средства ведущих мировых держав, которые со второй четверти XIX в. создавали здесь научные представительства. Их прообраз, международный Институт Археологической Корреспонденции, до 1870 г. управлял работами на пространстве от Рима до Афин, Константинополя и Каира. В 1873 г. возникла Французская школа в Риме, к концу XIX — началу XX в. свои школы создали США и Великобритания. Международный центр начал складываться в Афинах из институтов США (1882), Великобритании (1885), Австрии (1898), Италии (1909).

Их роль для развития европейской культуры велика. Выполняя свои научные функции, они помогли развитию самосознания народов Средиземноморья и, что не менее важно, послужили примерами международного сотрудничества в мирных и продуктивных областях. Правда, на первых порах ученые вели отдельные проекты, редко делились информацией и остро соперничали в борьбе за перспективные памятники (вплоть до государственного уровня). Так, дипломаты несколько десятилетий спорили о праве на работы в Дельфах, привлекая подчас неожиданные аргументы (например, экспортные пошлины на изюм из Коринфа), и лишь в 1892 г. французы начали работы, принесшие важные находки (бронзовая статуя «Колесничего», граффити полигональной стены и др.).

Все же единство научных интересов брало верх над политическими расчетами и национальным эгоизмом. Ученые развитых стран вносили вклад в общее развитие классических исследований, хотя вклад национальных институтов имел специфику. Так, английский археолог Джон Г. Паркер в 1866 г. применил фотографию для фиксации древностей Рима, а затем осуществил сплошную фотосъемку его руин. Немецкие ученые вели составление каталогов музейных вещей (еще в начале XIX в. Берлинская академия поручи-

ла А. Боку (Voeskh) свести воедино все опубликованные надписи на вазах, около 6 тыс.: первый том этого продолжающегося корпуса вышел в 1825 г.) и изучали тексты (что отчасти влияло на археологию и историю искусства, позволяя идентифицировать безымянные оригиналы и их фрагменты («Апоксиомен» Лисиппа, «Дорифора» Поликлета, «Дитя-Богатство (Плутос) на руках у Мира (Ирины)» Сефисодота, отца Праксителя). Соперник Германии в Европе, Франция, снаряжала архитектурные экспедиции и создавала школы для молодых ученых. Ее главными районами работ до 1914 г. оставались в Греции Аргос и Дельфы, о-ва Делос и Фасос, в то время как для Германии это были Олимпия, о. Самос, Керамик в Афинах и Кабейрион в Фивах; для Англии: Мегалополис и Спарта; для США: Коринф и Герайон (в Аргосе); для Италии: Крит; для Австрии: Самофракия.

Важность этих работ осознавалась государственной политикой, и лидеры шли на финансирование исследований античности. Даже молодое греческое правительство отводило на них доходы от единственной в стране лотереи, что позволило создать многочисленные музеи, вести раскопки, восстанавливать объекты (Акрополь, холм Марафона) и даже начать освоение византийского наследия: с 1891 г. в Дафни вели раскопки и реставрацию монастыря XI в. Впрочем, столь «поздние» части зданий чаще просто сносили.

В 1870-г гг. находки вновь стимулировали развитие культуры, резко обострили остывавший интерес Европы к древностям Эллады и Рима, вызвали пересмотр концепции развития средиземноморского мира. Сенсационные раскопки (1872–1873) остатков Трои на холме Гиссарлык в Малой Азии и находка шахтных гробниц в Микенах, сопровождавшиеся безудержной рекламой успехов ученого-самоучки Г. Шлимана (имевшего исключительное чувство прессы) впервые после открытия Помпей сделали археологию широко известной и привлекательной для всех слоев общества. Вкладом этих работ в развитие методов исследований стало утверждение В. Дёрпфельдом, архитектором-археологом Германского института в Афинах (работал со Шлиманом) подхода к стратиграфии, который соединял анализ наслоений почвы и последовательность архитектурных остатков. Начатые чуть

позже (1899) А. Эвансом раскопки на Крите открыли на Кикладских островах минойскую цивилизацию (III — начало II тыс. до н.э.). Эванс был уверен, что культура Крита оказала решающее влияние на развитие материковой Греции, но когда он опубликовал в 1921–1935 гг. итоги работ, раскопками (с 1921 г.) Алана Вэйса в Микенах (A.J.B. Wace) была уже доказана независимость ее цивилизации от минойского мира (расшифровка линейного письма В докажет в 1952 г., что Крит был занят греками много раньше, чем полагал Эванс, около 1400 г. до н.э.).

Архаические эпохи (период «геометрического стиля» X–XIII вв. до н.э., микенская и минойская культуры Киклад, неолитические памятники) удревнили историю Греции на несколько тысячелетий. Поскольку они не были описаны историкам в древности, античная археология здесь меньше зависела от классической филологии, и вынуждена была применять методы изучения доистории.

Урожай открытий рубежа XIX–XX вв. был столь богат (в святилищах Греции к 1914 г. не осталось уголка, не затронутого раскопками), что их не успевали полностью осознать, а материалы публикуются и поныне. Осмыслением накопленного, уточнением хронологии и технологии предметов, сводами и учебниками много занимались в межвоенный период (1919–1939), когда пересмотр давно, казалось, известного принес много удачных решений (в Лувре ноги «луврской» коры соединили с ее же торсом из Афин; «голову» 530–520-х гг. приставили к бюсту всадника, найденному на Акрополе, и т.д.). Трудолюбие ученых было поразительным — Дж.Д. Бизли (Beazley) атрибутировал 15 тыс. ваз, установив их принадлежность 800 мастерам (за что был посвящен в рыцари). Все доступнее становились памятники «римского» и «греческого» Востока в Сирии, Палестине, Римской Африке и Египте.

XX ВЕК: КЛАССИЧЕСКИЕ ДРЕВНОСТИ И ТОТАЛИТАРНЫЕ РЕЖИМЫ

Изучение классических древностей сохраняло статус общественно-значимого, политически важного явления до середины XX в.,

но интерес к ним обрел трагические ноты. Классицизм был официально взят на вооружение тоталитарными режимами, став одной из основ построения имперской идеологии в самых крайних проявлениях. Роль античного наследия и археологии велика в теории и практике фашизма; несомненен его вклад и в идеологию (особенно эстетику) большевизма с его склонностью апеллировать, за счет Средних веков, в живописи и скульптуре — к античности и классике Возрождения, а в архитектуре — к ампиру (название Мавзолея, гробницы В.И. Ленина, имеет античное происхождение).

В эпоху социальных потрясений, с конца XIX в., классические древности все чаще использовали как идеологическое и политическое оружие.

Националистически настроенные правительства включали древности в пропагандистские планы больших выставок: так, на берлинской выставке 1886 г. была экспонирована реконструкция фасада храма в Олимпии, на парижских выставках 1889 и 1890 гг. были сделаны доклады о раскопках на Делосе и показана копия новонайденного «Сфинкса». Для Греции важным политическим шагом стало «возрождение» в 1896 г. Олимпийских игр как всемирных.

Процессу исследований все это скорее вредило, чем помогало. Поиск национальной идентичности вновь и вновь приводил к возрождению «римского» и «греческого» мифа, к попыткам доказать «непрерывность» истории и «прогнозировать» новый имперский расцвет. Мощный взаимный толчок политика и классическая археология ощутили с возникновением итальянского фашизма. Из античного репертуара была заимствована символика («орлы» легионов) и даже самоназвание режима (фашизм — от фасциев, связок розог с вложенными секирами ликторов).

«Археология имперского возрождения» встала в повестку дня с 1870 г., с момента превращения Рима в столицу независимой Италии. Новые широкие «очистки» памятников и снос старых кварталов привели не только к первой попытке ввести в местной археологии стратиграфию (геолог Джакомо Бони (Boni), 1859–1925), но и к серьезным спорам немецких гиперкритиков и итальянских

традиционалистов о достоверности ранней истории Рима, которую начинали подтверждать находками. На рубеже веков на Форуме был найден *lapis niger* (описан Титом Ливием как памятник VI в. до н.э.), а на Палатине и Квиринале — некрополи IX–VIII вв. до н.э. Огромная выставка к 50-летию объединения Италии, проведенная в 1911 г. и подготовленная антикваром-топографом Р. Ланчиани (Lanciani), была призвана показать, что современное государство — наследник древнего Рима.

Развивая эту идею, Муссолини стремился вернуть столице роскошь первых веков Империи, пытался ввести латынь как живой язык и смотрел на раскопки как на важнейший инструмент пропаганды. Ведущий археолог режима, Джулио Джильоли (G.Q. Giglioli; 1886–1956) открыто призвал развивать науку на базе идей фашизма. Археологи и партийные лидеры действительно сотрудничали (хотя и в разной степени) в развернувшейся программе работ по реставрации «города эпохи Августа», в раскопках на императорских Форумах и в Остии (при строительстве дороги к Средиземному морю, Виа Маре). Рим был объявлен «матерью Мира»: к его 2000-летию очистили (но плохо зафиксировали) форум Августа и окрестности его мавзолея; из фрагментов «Алтаря Мира» (*Ara Pacis*, 96 г. до н.э.) создали реконструкцию. К открытой в 1937 г. выставке «Mostra Augusta della Romanità» был изготовлен рельефный план Рима и 300 моделей лучших памятников со всей Империи. Выставки 1911 и 1937/8 гг., собранные вместе, должны были украсить в 1942 г. торжество 20-летия фашизма в Италии (в 1955 г. они стали основой музея Римской цивилизации).

Фашистская Германия не имела ни античных памятников, сопоставимых с римскими (Гитлер неоднократно говорил, что завидует «римскому наследию», оставленному Муссолини императорами древности), ни столь же впечатляющей исторической генеалогии мирового господства. Однако она располагала одной из лучших классических школ и с ее помощью постаралась возвести происхождение своей культуры к самым истокам европейской цивилизации — к греческой дорике. Идеологи фашизма подхватили старую теорию К.-Г. Мюллера, который в 1824 г. в кни-

ге «Дорийцы» предположил, что очевидная разница культуры Спарты и Пелопонесса, с одной стороны, и Афин, Малой Азии и Киклад, с другой (т.е. разница между дорическим и ионическим мирами), не только хронологическая, но и имеет этнические корни. Хотя к XX в. изучение греческой архаики доказало отсутствие за этими различиями этнической составляющей, специалисты из ведомства Розенберга вернулись к старой теории. Выделив «дорийцев» как господ, как «нордическую» расу и цивилизацию «нордических повелителей» они пытались найти в Греции следы их вторжений (директор Германского Института в Афинах был также главой национал-социалистической партии Греции).

С гибелью фашизма миф о «нордических всепобеждающих дорийцах» был окончательно оставлен, однако он мощно воздействовал на искусство Третьего рейха, особенно скульптуру и архитектуру, и на «археологическую пропаганду». К Олимпиаде 1936 г. были открыты германские раскопки в центре дорик-Олимпии, отреставрированы скульптуры западного фронтона Олимпейона, перенесен из Греции священный огонь. Здесь эстетика нацизма опиралась на традицию германской классики XIX в.: работы К. Шинкеля высоко ценил официальный архитектор Третьего рейха А. Шпеер, а «Валхаллу» Л. фон Кленце — сам Гитлер (первые же общественные сооружения нацистской Германии, такие как Дом немецкого искусства в Мюнхене П.-Л. Трооста, копировали Берлинский музей Шинкеля). Работы Шпеера и его школы (стадион Циппелинфельд в Нюрнберге, неосуществленные проекты для Берлина) отмечены печатью мегаломании, но также отражают воздействие европейского классицизма (например, мотива триумфальной арки).

ПОЗДНИЙ XX — РАННИЙ XXI ВЕК: ПЕРЕОЦЕНКА АНТИЧНОСТИ

Классические памятники были в фокусе внимания примерно 500 лет, в течение которых ученые и художники были все больше озабочены демонстрацией, доказательством и объяснением причин превосходства западной цивилизации. Но с 1960-х гг. классика, только

что подавляюще важная, вместе с европоцентризмом начала терять почву как в политике, так и в науке. Ее статус заколебался, и в настоящее время идет поиск новых путей подхода к ней — с пока неясным исходом.

В межвоенный период интерес к античности не угас, но обрел новые формы. Культура авангарда, порывая с ренессансным канон, невольно обращала особое внимание на «враждебную» ей классику. Она по-прежнему привлекала ученых, художников (П. Пикассо 1920-х гг.), архитекторов практически всех направлений, коллекционеров и туристов. Вплоть до 1960-х гг. главным упражнением в художественных школах мира оставалось рисование с отливок по античным моделям и другое использование их как образцов. Широкое преподавание классических языков и связанных с античностью дисциплин (философии, литературы, истории, в том числе истории искусства и культуры) сохраняется, они остаются излюбленными предметами в программах элитарного обучения современного европейца и американца, а в России отмечено оживление интереса к ним.

Формально приоритет классического наследия в современном мире считается утраченным. Мультикультурность и политическая корректность — спутники глобализации — саму основу Ренессанса воспринимают уже не только (и даже не столько) как обращение к миру Греции и Рима. Его видят как резкое расширение поля для «европейской культурной игры», втягивание в нее ресурсов иных цивилизаций. Классику рекомендуется рассматривать как одно из многих культурных достижений человечества. Но в рамках культурной истории, ориентированной на Средиземноморье и Европу как на очаг развития цивилизации современности, оно сохраняет роль эталона — особенно в искусстве и музейном деле (пример — один из современнейших, глубоко увлеченный новыми технологиями музей Дж.П. Гетти с воспроизведением «Виллы папирусов» Геркуланума).

Часть теоретиков (историк архитектуры Дэвид Уоткин, Watkin, архитектор Кв. Терри) по-прежнему полагают, что античное строительство — высшее достижение, поскольку именно в нем раскрыты имманентно свойственные архитектуре свойства, «тектоническая классика». Много приверженцев неоклассики в скульптуре, ландшафтной архитектуре (последователь Давида, Менгса и Винкельмана К.М. Мариани (Mariani), Я.Г. Финлэй (Finlay), создавший в своей усадьбе Stonypass (Малая Спарта) — «заповедник» дидактической антики с широко известной парковой скульптурой «Аполлон — террорист»).

В науке классические древности уравнены в правах с остальными отделами археологии; на них распространяются общие методические подходы. Изучение «великих мастеров» сменил анализ всего процесса развития искусства, изучение сакральной архитектуры — анализ строительства в целом. На раскопках в работу берутся (начиная, по крайней мере, с раскопок на Агоре в Афинах) все находки, включая простейшие, с их последующей публикацией. Идет активная переоценка старых подходов к художественным памятникам, более обоснованно делящимся на предметы искусства и изделия ремесленников (в монографии М. Викерса и Д. Жилля подвергнута сомнению принадлежность к области высокого искусства даже расписной греческой керамики: Vickers, Gill, 1994). Хотя постоянно совершаются исключительные по значимости находки античных памятников (например: фрески дворца в Акротири на о. Санторин; гробницы рода Филиппа Македонского; бронзовые статуи с корабля у побережья Калабрии), на фоне бесчисленных открытий в огромном новом мире и достижений во всех (а не только в избранных) областях археологии; в обстановке все возрастающей роли естественных наук — они невольно теряют исключительность. Но их приоритет незыблем в странах, где европейские нации сохраняют первенство, а европейская культура остается господствующей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДВА НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ОТЗЫВА А.А. ФОРМОЗОВА

1. Письмо А.А. Формозова в ответ на подаренный ему экземпляр первого издания книги Л.А. Беляева (1998)

[с. 1²]

Дорогой Леонид Андреевич!

На праздниках с большим интересом и пользой для себя прочел любезно подаренную Вами книгу. Думаю, что она будет очень полезна не только для таких далеких от данной тематики и нерелигиозных людей как я, но и для очень многих читателей. Ведь Вами суммирован огромный материал, в подавляющей части или совсем неизвестный или крайне мало известный нашим читателям. Изложено все с большим тактом так, что ничто не поколебит чувства верующих или, напротив, восприятие сугубых позитивистов, вроде меня грешного. Одним словом, книга — Ваша большая удача, с чем я Вас и поздравляю.

Мои замечания могут касаться лишь русской части, и то они немногочисленны и не принципиальны. Но, поскольку книга может быть переиздана, а я не знаю, когда Вас увижу и могу все перезабыть, решил записать для Вас кое-что³.

Стр. 21. Вряд ли стоит даже со знаком вопроса говорить, что останки Протасия и Гервасия могут быть палеолитическими погребениями с охрой. Для палеолита охра из-

вестна, но шире всего она употреблялась в неолите-бронзе, дожила и до раннего железа. Гигантские скелеты — обычная ошибка. После распада тела кости несколько разъезжаются и создают впечатление высокого роста людей. Палеолитические же люди были меньше нас.

Стр. 56 Стоит ли ссылаться на такую сомнительную личность как И.Я. Стеллецкий⁴?

Глава V

О паломнической литературе хотелось бы более (правда, далее есть о Данииле). Есть хорошая книга И.Н. Голенищева-Кутузова «Гуманизм у восточных славян». Там выделено, какие памятники привлекали внимание, и античные, и христианские.

О А.С. Норове хотелось бы больше. Ведь он не только боевой генерал, министр и [с. 2] академик, но и человек весьма образованный. В тех его путевых заметках, что я смотрел, есть, на мой непросвещенный взгляд, исследовательские куски хорошего уровня. Нет А.А. Олесницкого (??). Я знаю только его книгу «Мегалитические памятники Святой земли». Это не христианские древности (хотя говорится об их христианизации), но, вероятно, в «Трудах Киевской дух. академии», кото-

² Автограф написан на обеих сторонах 4 листов тонкой бумаги для машинописи, черными чернилами, перьевой авторучкой. Письмо не датировано, но явно относится к январю 1999 г., т. к. содержит поздравление с прошедшим уже Новым годом.

³ В данной публикации замечания А.А. (в большинстве справедливые) не комментируются (кроме нескольких исключений). Полемику по вопросам действительно интересным здесь вести неуместно: не только потому, что оппонент уже не с нами, но и потому, что она потребует минимум еще одной полновесной статьи. Большинство остальных ошибок — просто огрехи форматирования. В 1990-х гг. издательства только привыкали работать с компьютерным набором, при вычитке многих тысяч имен и дат возникали технические накладки. При переиздании «Христианских древностей» (СПб.: «Алетейя», 2000) не было возможности их исправить, а сейчас работу следует не столько править, сколько адаптировать к массе новых открытий и книг прошедших 10–15 лет. Замечания, которые А.А. сделал до публикации статей «Археология» и «Археология христианская» в Православной энциклопедии, были полностью учтены и здесь также не комментируются. Наконец, не приводятся сведения о хорошо известных ученых, хотя для менее очевидных случаев сделаны исключения.

⁴ Работы И.Я. Стеллецкого — энтузиаста-спелеолога и человека, видимо, не вполне здорового психически, одного из типичных представителей ранней паранауки — неоднократно критиковались. Но пройти мимо палестинской публикации мне казалось неверным — это один из сравнительно немногих следов «научных» экскурсий русских в Палестину.

рые я не просматривал сплошь, есть и другие результаты его полевых работ.

Почему-то не названа основная работа Л.А. Мацулевича «Byzantinische Antike», принесшая ему славу за рубежом. Его преследовали не только из-за «церковности», но и как сына жандармского полковника.

Как-то слабо представлено Закавказье, куда меньше, чем Сев. Кавказ и даже Средняя Азия. Для XIX в. важны работы Г.Г. Гагарина. В «Русских древностях в памятниках искусства» М.И. Толстого и Н.П. Кондакова целый том отведен христианским древностям Кавказа (III или IV).

Нет П.С. Уваровой. Конечно, она дилетант, а не ученый, но сделала много. Серия «Материалы по археологии Кавказа» создана ею. Там тома о церквях не только В.Ф. Миллера, но и ее. Представьте себе пятидесятилетнюю женщину, мать пятерых детей, верхом пробирающуюся по горным тропам Верхней Сванетии и открывающую там церкви, фрески, рукописи. Многие иконы и рукописи, составляющие гордость Музея Грузии, вывезены еще ею. О ней не вспоминают не потому, что она была дилетантка, а потому, что была эмигрантка.

Для послереволюционного периода нет ни Г.Н. Чубинашвили, ни Ш.Я. Амиранашвили. Я застал их еще пользовавшихся всеобщим уважением во всей Грузии. Грабать труды Чубинашвили ставил высоко. «История грузинского искусства» Амиранашвили, переведенная на русский язык, — неплохая. Амиранашвили вывозил в СССР последовательно реликвии, увезенные меньшевиками.

[с. 3]

Ведь как было. В России о церквях, иконах, христианской литературе в 1930-х гг. писать было нельзя. А в Закавказье — можно. Надо было развивать культуру всех народов. Богатое наследие лишь у грузин и армян. Его и пропагандируют. Юбилей Руставели, юбилей «Давида Сасунского». Родина Сталина. И искусствоведы, занимающиеся этим кругом древностей, устремляются в Закавказье.

Мацулевич, смешанный с грязью в Ленинграде, стал членом-корреспондентом Груз. А.Н. В.Н. Лазарев вспомнил, что он наполовину армянин. Л.А. Дурново, К.В. Измайлова после репрессий устремляются в Армению и издают «Армянскую миниатюру». Т. Шевякова (мать В.Б. Ковалевской) из Новгорода, где всех посадили (и ее мужа) уезжает в Грузию и становится основным копировщиком и реставратором фресок. В литературе появилась идея огромного влияния грузинского искусства на русское. Резной камень Владимира — из Грузии. См. статью А.Л. Монгайта о резном камне Рязани в КСИИМК. А.Ф. Лосев издает в Тбилиси «Грузинского философа» Дионисия Ареопагита. И т. д. и т. п. Потом все меняется. Кавказская архитектура из Руси (идея В.Н. Татищева). <...> Е.И. Крупнов, но с поддержкой Б.А. Рыбакова, выводит все церкви Сев. Кавказа из Руси.

О Марре и Ани. Все не совсем так, как у Вас на стр. 223. Считается, что Марр в период Гражданской войны отправил в Ани все полевые материалы, хотя по Брестскому миру Ани было уже в Турции. Все пропало по дороге. Марр был кто угодно, но не идиот. Вот жуликом был. Возникает вопрос: А был ли мальчик, может мальчика и не было? Т. е., а были ли дневники, чертежи? «Монография» написана по памяти через 20 лет. Цена ее соответственно невысока.

[с. 4]

Мелочи.

Стр. 228. Ч. Валиханов в 1901 г. явная ошибка: Валиханов умер в 1865 г.⁵

стр. 241 И.Е. Забелин — ученик Ф.И. Буслаева. Каким образом? Ф.И. родился в 1818 г., И.Е. в 1820. И.Е. университетов не кончал. По просмотренным мной документам отношения хорошие, не очень близкие, на равных.

стр. 276-277 Стоило бы указать, что П.В. Алабин имел отношение к археологии, копал Ананьинский могильник, создал Самарский музей.

Стр. 277 М.М. Сперанский? Речь идет, видимо, не о реформаторе, а о Михаиле Несто-

⁵ Чокан Валиханов действительно писал о монастыре Таш-Рабат, но не в 1901 г. (тогда монастырь исследовал Н. Пантусов), а на полвека раньше; ошибка возникла за счет исчезновения середины фразы при редактировании.

ровиче Сперанском. В указателе на стр. 564 М.М.⁶ Сперанский указан 11 раз, но на указанных страницах ничего нет.

стр. 278 М.П. Милюков — надо П.Н.

Я смотрел в рукописи «Историю Палестинского Общества» К.Н. Юзбашьяна — не знаю, вышла ли она. У Вас отсылки нет.

Следовало бы отметить среди исследователей христианского Крыма А.И. Домбровского. Его книга о фресках неплохая.

Вы справедливо говорите о заслугах Уральского Гос. Университета в изучении средневекового Херсонеса, но не называете инициатора и вдохновителя этих работ М.Я. Сюзюмова, а он любопытен. Ученик А.А. Васильева. Получил кафедру в Юрьеве, но началась I мировая, и он не успел ее занять. 20 лет учительствовал в Златоусте. Потом в УрГУ. В Свердловск в 1942 г. эвакуировали Херсонесский музей. М.Я. занялся разбором его архива и предложил включиться ун-ту в работы в Херсонесе. И Суров, и Романчук — ученики Сюзюмова. Интересно как связь до-революционной науки с советской.

[с. 5]

После восстания 1830 г., а особенно 1863 г., многие костелы в Белоруссии и Зап. Украине превращали в православные церкви (а после возвращения этих мест Польше наоборот). При этом велись какие-то научные исследования. Сужу по Подолии, где их вел Е.И. Сецинский⁷. См. его книги и «Подольские епархиальные ведомости»

Глава IX

стр. 409 Думаю, что книга Иоганна Гербиния «Подземный Киев» (Иена? 1645) подражание «Подземному Риму» Барония и Бозио.

Описаны Печерские пещеры, мощи. Стоило бы отметить.

Есть хорошая статья Я.И. Смирнова о работах в Софии Киевской при Петре Могиле, находке Саркофага Ярослава Мудрого (Труды АС)

стр. 411 «Сокровище российских древностей» не вышло по одной версии из-за отсутствия подписчиков, по другой — из-за препятствий церковной цензуры; и то, и другое не случайно и отличает ситуацию от начала XIX в. Автор не Новиков (он издатель), а архимандрит Амвросий.

Стр. 410–411. Следовало бы назвать Г.Ф. Миллера с его статьями о подмосковных достопримечательностях (недавно переизданы).

Евгений Болховитинов копал не только Десятинную ц., но и ранее в Юрьевом монастыре в Новгороде, где нашел много могил в саркофагах. В Киеве копал и Ирининскую ц. (см. Очерки истории отечественной археологии II)

стр. 412. Почему Д.И. (?) Иванов⁸?

стр. 413–414 Снегирев в период своих занятий Москвой уже не был профессором МГУ, а подрабатывал как цензор. О.Ф. Байкова (составлявшая библиографию Забелина) составила при моей консультации

[с. 6]

библиографию И.М. Снегирева. Может и на нее сослаться? Я отдал экз. в нашу библиотеку.

Надо бы сказать об отношении к церковной старине в Москве в XVIII — первой половине XIX в. Разрушения В.И. Баженова и П.С. Валueva в Кремле, разрушения десятков древних церквей, учтенных Н.А. Скворцо-

⁷ в книге упоминались трое Сперанских: известный реформатор начала XIX в. М.М. Сперанский; историк древнерусской литературы академик М.Н. Сперанский (о котором пишет А.А. Формозов) и А.Н. Сперанский, историк архитектуры, автор книги о Приказе каменных дел. Составителями указателя М.М. и М.Н. были спутаны; к тому же осталась часть ссылок на страницы, с которых упоминания этих имен исчезли при редактировании.

⁸ Сецинский Евфимий Иосифович — священнослужитель, писатель и историк Подолии.

⁸ Мой знак вопроса здесь — проявление «гиперграмотности». Дмитрий Иванович Иванов (1782–1810), действительно, автор акварелей и рисунков, выполненных в путешествии К.М. Бороздина в 1808–1810 гг. Однако конец жизни Д.И. очень смутно отражен в документах. В то же время, еще А.А. Сидоров цитировал В.В. Верещагина, который «указал на присутствие до двухсот имен художников с фамилией “Иванов” в орбите Академии Художеств и на возможность ошибок в связи с этим» (см.: Верещагин, 1912; цит. по: Сидоров, 1956. С. 276).

вым. В сущности сорванный юбилей 700-летия, к которому готовил свои книги Снегирев. Интеллигенция вся западническая, сорвала юбилей (см. С.С. Дмитриева в «Историч. записках» 1947 г.).

стр. 417 Сергей Глинка — его путеводитель по Москве перевод с французского Де ля Во.

стр. 423 Уваров 1824–1884.

стр. 424 Уваров 1825–1884 — зачем два раза с разнотечением?

Не отмечены важные моменты:

1) появление церковно-археологических музеев в Киеве, Новгороде, Пскове и т. д. Где первый? Как это решалось?

2) Появление в серии ИАК подсерии «Вопросы реставрации»

стр. 432 Тезис, что изучение церковной археологии в России «никогда не прекращалось» неверен. В первой половине 1930-х гг. это запретная тема. Старые специалисты уволены, репрессированы. Молодым в ГА-ИМК приказано все забыть и заняться феодализмом на Руси (Каргер, Воронин, Артамонов). Артамонов уже не вернулся к тематике первых работ. Воронин написал неважную книжку о селе Владимирской земли и вернулся к прежнему.

Глава X

кажется мне конспективной, опускает многие важные темы, вызывающие вопросы, остающиеся без ответов. В чем дело? Спешили, не успевали? Или что-то другое?

[с. 7]

1) Конфискация церковных ценностей. Как Грабарь и др. добились отбора ценных вещей для музеев, что погибло? Что спаслось? Как продавались эти вещи за рубеж?

2) Работа при сносе церквей. Как возникла коллекция архитектурных деталей, вмонтированных в стену Донского монастыря?

3) История возникновения, работы и ликвидации в 1932 г. реставрационных мастерских. Всех, кроме Грабаря, посадили. Роль Грабаря при советской власти? Очень разные оценки.

4) Появление особого типа музеев «деревянного зодчества». Кижи, Архангельск,

Нижний, Кострома и др. Когда? Как? Оправдан ли перевоз памятников на другое место?

5) В чем была разница школ? Каргер и Воронин? Только ли борьба за лидерство и женские счеты. Каргера винули за разгром Юрьева монастыря. Справедливо ли? Отличие работ Каргера от работ посаженных киевлян? Воронина от работ Хозерова? и т. д. и т. п. Все как-то слишком кратко и общо.

стр. 452 Не понимаю о чем речь! «Эту традицию продолжает сейчас специальный музей при Московском археологическом институте» (м.б., опечатка, — «архитектурном»)

Не знаю, зачем ссылаться в тексте и списке литературы на неопубликованную рукопись (в общем ничтожного) И.М. Самойловского (Иван Михайлович) когда есть хороший обзор в книге Каргера.

стр. 465 Н.Е. (а не Н.А.) Макаренко был более археологом чем искусствоведом. До революции копал в Кремле Новгорода Великого, Роменское городище, а после — десятки памятников от трипольских до древнерусских.

[с. 8]

Мелочи к списку литературы и пр. Pro domo sue.

Моя книга «Русское общество и охрана памятников культуры» полностью так и не вышла (теперь уже я и не хотел бы этого), но дважды изданы главы о дореволюционном периоде. Вы используете первое издание 1986 г. в «Страницах» — очень покореженное цензурой. Более полный вариант издан в 1990 г. ВООПИК. Я предпочел бы, чтобы Вы ссылались на это издание.

Ссылка на меня черезчур много — 8 (на Рыбакова — 1). Что нехорошо. Статья в СА 1961 г. называется «К истории археологических (а не «архитектурных») раскопок в Киеве».

стр. 500 Не Трофимов, а Трофимова М.К. (это моя жена)⁹. В тексте верно.

Вот все, что я заметил.

Последнее: книга Ваша не только большая и ценная, но и дорогая. Хотелось бы Вас чем-то отдарить. Не скажете ли мне, чего из моих старых книг у Вас нет. Не все, но некоторые у меня еще есть. Был бы рад, если бы они вамгодились.

⁹ Марианна Казимировна Трофимова — филолог и историк поздней античности, специалист по гностицизму, один из лучших знатоков апокрифической литературы.

Еще раз спасибо за подарок!

С Новым годом!

Ваш А. Формозов.

2. Письмо А.А. Формозова с отзывами на статьи Л.А. Беляева, предназначенные для «Православной энциклопедии»: «Археология», «Археология христианская» и «Античная археология как фактор культуры»¹⁰

[с. 1]

5-IV

Дорогой Леонид Андреевич!

С интересом и пользой для себя прочел два Ваши раздела для энциклопедии. Принципиальных возражений нет. Частности привожу последовательно, поскольку нумерации страниц нет.

Надо бы все-таки в начале темы дать определение. Что-нибудь вроде «А — историческая дисциплина, изучающая вещественные памятники прошлого с целью восстановления с помощью их анализа ранних этапов культуры».

О термине «археология»: сочинение «Историческое учение» теперь приписывают Н. Спафарию.

Термин А, как принято, вошел в широкое употребление (сменив «древности», «antiquitates») после лекции Хр. Гейне в Геттингене в 1768 г. Винкельман несколько раньше, но у него А = истории античного искусства. Верно, что в России слово вошло в употребление в 1820-х гг., но уже в «Новом словотолкователе» Н.М. Яновского 1803 г. оно есть.

Стоунхендж — памятник бронзового, а не каменного века.

Нельзя связывать термин «археологическая культура» с позитивизмом. Хотя он появ-

вился в эпоху [с. 2] позитивизма (сер. XIX в. — Гальштат), но поднят на щит уже в начале XX в. националистическими школами.

ИАК основана не в 1850, а в 1859 г. ГИМ — 1883 г. — открыта экспозиция, но начало считается с 1872 г. — указ Александра II и начало сбора коллекций.

В.Б. Антонович, а не В.Ф.

«Работы Л.К. Ивановского»? Он копал (что, конечно, тоже работа), но не писал. Его материалы изданы Спицыным.

Н.И. Романов, а не Н.Е.

Н.Н. Воронин, а не Н.П.

Равдоникас — «выдающаяся роль». Такие слова говорят обычно о роли положительной, но роль ВМР в основном отрицательная, о чем далее и сказано. <...>

Где-то раньше: Археологическое отделение в СПГУ возглавлял А.А. Миллер (перешедший из П. Арх. Института, слитого с СПГУ в 1922), а не Спицын, преподававший в СПГУ с 1909 г. на кафедре С.Ф. Платонова.

[с. 3]

«Античная археология как фактор культуры». Собственно, речь не об археологии, а о представлениях об античности в разные эпохи. Так и задумано? Мне как-то недостает собственно археологии. Есть Бунин, Блок, Брюсов, Бродский, а где же раскопки Ольвии и методика Фармаковского? Где Керченский и Херсонесский центры Арх. Ком. с их руководителями К.К. Костюшко-Валюжаничем, В.В. Шкорпилом и др.? Где «Античная декоративная живопись» М.И. Ростовцева? Где советский период с достижениями Блаватского? По-моему, об этом надо бы сказать.

Вот, что удалось заметить.

Всего Вам доброго.

А. Формозов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беляев Л.А., 1998. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. М.

Бузескул В.П., 1924. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. Пг.

¹⁰ Письмо написано на двух квадратных обрезках желтоватой бумаги, черными чернилами, перьевой авторучкой, на обеих сторонах. Последняя страница осталась пустой. Вероятная дата — 5.04.2000 г. (том со статьей «Античность» вышел в 2001 г.).

- Бугаева Н.И., 2006. Наследие античности в сложении архитектурной графики // Архитектон: известия вузов. № 15.
- Верецагин В.В., 1912. Русская карикатура. Т. II. 1812 г. СПб.
- Винкельман И.И. // Православная энциклопедия. Т. VIII. М., 2004.
- Жебелев С.А., 1923. Введение в археологию. Ч. 1. Пг.
- Лебедев Г.С., 1992. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб.
- Михаэлис А., 1913. Художественно-археологические открытия за сто лет. М.
- Моатти К., 2001. Античный Рим. Т. 1–4. Балашиха.
- Монгайт А.Л., 1973. История и методика археологических исследований в Европе // Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М.
- Палладио А., 1936. Четыре книги об архитектуре. М.
- Сидоров А.А., 1956. Рисунок старых русских мастеров. М.
- Сидорова Н.А., 1965. Новые открытия в области античного искусства. Находки зарубежных ученых. М.
- Формозов А.А., 1986. Страницы истории русской археологии. М.
- Эстетика Винкельмана и современность. М., 1994.
- Adam R., 1764. Ruins of the Palace of the Emperor Diocletian at Spalatro in Dalmatia. L.
- Addison Joseph, 1705. Remarks on Several Parts of Italy.
- Ashmole B., 1959. Ciriaco of Ancona // Proceedings of the British Academy. Vol. 45.
- Ayres Philip J., 1997. Classical Culture and the Idea of Rome in Eighteenth-Century England. Cambridge.
- Barkan L., 1999. Unearthing the Past: Archaeology and Aesthetics in the Making of Renaissance Culture. New Haven.
- Blondus F., 1531. Opera. Basel.
- Brown J.G., 1992. Monumental Reputation: Robert Adam and the Emperor's Palace. Edinburgh.
- Caylus A.-C.-Ph., 1752-1767. Recueil d'antiquités égyptiennes, étrusques, grecques, romaines et gauloises. Paris.
- Chaney E., 1998. The Evolution of the Grand Tour: Anglo-Italian Cultural Relations Since the Renaissance. L.
- Chard Ch., 1999. Pleasure and Guilt on the Grand Tour: Travel Writing and Imaginative Geography, 1600–1830. Manchester.
- Ciriaco d'Ancona, 1742. Itinerarium. Florence.
- Classical Greece: Ancient Histories and Modern Archaeologies / Ed. J. Morris. Cambridge, 1994.
- Etienne R., Etienne F., 1992. The Search for Ancient Greece. N.Y.; L.
- Coffin D.R., 2004. Pirro Ligorio: The Renaissance Artist, Architect, and Antiquarian. With a checklist of drawings.
- Coltman V., 2006. Fabricating the Antique. Neoclassicism in Britain, 1760–1800. Chicago; L.
- Constructing the Past: Essays in Historical Methodology / Eds J. Le Goff, P. Nora. Cambridge, 1985.
- Cyriacus of Ancona and Athens / Ed. and transl. Edward Bodnar // Latomus Revue d'Études Latines. 1960. Vol. XLIII.
- Cyriacus of Ancona's Journeys in the Propontis and the Northern Aegean 1444–1445 / Ed. and transl. Edward W. Bodnar, Ch. Mitchell. Philadelphia, 1976 (Memoirs of the American Philosophical Society; 112).
- Cyriac of Ancona: Later Travels / Ed. and transl. Edward W. Bodnar, C. Foss. Cambridge, 2004.
- Desgodetz A.B., 1682. Les edifices antiques de Rome dessinés et mesurés très exactement. Paris (переизданы в 1729, репродуцированы: Portland, Oregon, 1972).
- Epigrammata reperta per Illyricum a Kyriaco Anconitano. Rome, 1664.
- Ercolano, 1738–1988: 250 anni di ricerca archeologica / Ed. Luisa Franchi dell'Orto. Rome, 1993.
- Ernst W., 1993. Frames at Work: Museological Imagination and Historical Discourse in Neoclassical Britain // Art Bulletin. Vol. 75. № 3.
- Etienne R., Etienne F., 1992. The Search for Ancient Greece. N.Y.; L.
- Giovanni Dondi dall'Orologio, 1990. Works. Vicenza.
- Haskell F., 1984. The Baron d' Hancarville: An Adventurer and Art Historian in Eighteenth Century Europe // Oxford, China and Italy: Writings in Honour of Sir Harold Acton. L.
- Haskell F., Penny N., 1981. Taste and the Antique: The Lure of Classical Sculpture: 1500–1900. New Haven; L.
- Honour H., 1991. Neo-classicism. L.

- Howard S., 1990. *Antiquity Restored. Essays on the Afterlife of the Antique*. Vienna.
- Irvin D., 1997. *Neoclassicism*. L.
- Kelly C., 1997. *A Grand Tour: Reading Gibbon's Decline and Fall // Greece and Rome*. Vol. 44. № 1.
- L'influence de la Grece et de Rome sur l'Occident moderne / Ed. Raymond Chevallier. Actes du colloque des 14, 15, 19, dec. 1975, Tours. Paris, 1977.
- MacKendrick P., 1960. *The Mute Stones Speak: The Story of Archaeology in Italy*. N.Y.
- Master Gregorius: The marvels of Rome / Ed. John Osborn. Toronto, 1987 (*Mediaeval Sources in Translation*).
- Moatti Cl., 1993. *The Search for Ancient Rome*. N.Y.
- Montfaucon Bernard de., 1719–1724. *L'Antiquité expliquée et représentée en figures*. 10 vols. Paris.
- Moore John, 1781. *A View of Society and Manners in Italy*. 2 v. L.
- Naldo Naldi, 1847. *Vita di Giannozzo Manetti*. Firenze.
- Parker H.T., 1937. *The Cult of Antiquity and the French Revolutionaries: A Study in the Development of the Revolutionary Spirit*. Chicago.
- Parslow C.C., 1995. *Rediscovering Antiquity: Karl Weber and the Excavations of Herculaneum, Pompeii and Stabiae*. Cambridge.
- Piranesi G.B., 1756. *Antichità Romane*. 4 vols. Rome.
- Piranesi G.B., 1757. *Lettere di giustificazione scritte a Milord Charlemont e a di lui agenti di Roma*. Rome.
- Piranesi G.B., 1761. *Della magnificenza ed architetture de' Romani*. Roma.
- Pratt M.L., 1992. *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation*. L.
- Praz M., 1969. *On Neoclassicism*. L.
- Ramage N., 1990. *Wedgwood and Sir William Hamilton: Their Personal and Artistic Relationship // Proceedings of the Thirty-fifth Annual Wedgwood Intern. Seminar*.
- Rediscovering Pompeii / Ed. Luisa Franchi dell'Orto, Antonio Varone. Rome, 1992.
- Schanks M., 1996. *Classical archaeology of Greece: Experiences of the discipline*. L.; N.Y.
- Schnapp A., 1993. *La Conquête du passé: aux origines de l'archéologie*. Paris (англ. пер.: *Conquest of the Past: the Origin of the Archaeology*. 1996)
- Scott J., 2001. *The Pleasures of Antiquity: British Collectors of Greece and Rome*. New Haven.
- Snodgrass A., 1987. *An Archaeology of Greece: the Present State and Future Scope of a Discipline*. Berkeley, CA.
- Spon J., 1678. *Voyage d'Italie, de Dalmatie, de Grèce et du Levant*. Lyon.
- Stuart J., Revett N., 1762–1816. *The Antiquities of Athens*. 4 vols. L.
- The Grand Tour: The Lure of Italy in the Eighteenth Century / Eds A. Wilton, I. Bignamini. L., 1996 (*exhibition catalogue*).
- The Historical Imagination in Early Modern Britain: History, Rhetoric and Fiction, 1500–1800 / Eds D.R. Kelley, D.H. Sacks. Cambridge, 1997.
- The Impact of Italy: The Grand Tour and Beyond / Ed. C. Homsby. L., 2000.
- Tournefort J.P., 1717. *Relation d'un voyage du Levant*. Paris.
- Tracing Archaeology's Past: the Historiography of Archaeology / Ed. A.L. Christenson. Carbondale (Il.), 1994.
- Transports: Travel, Pleasure, and Imaginative Geography, 1600–1830 / Eds C. Chard, H. Langdon. New Haven, 1996.
- Tsigakou F.-M., 1981. *The Rediscovery of Greece: Travellers and Painters of the Romantic Era*. L.
- Turner F., 1981. *The Greek Heritage in Victorian Britain*. New Haven.
- Vases and Volcanoes: Sir William Hamilton and His Collection / Eds Ian Jenkins, Kim Sloan. L., 1996.
- Vickers M., Gill D., 1994. *Artful Crafts: Ancient Greek Silverware and Pottery*. Oxford.
- Weiss R., 1966. *Ciriaco d'Ancona in Oriente // Venezia e l'Oriente fra tardo medioevo e rinascimento*. Venice.
- Wheler G., 1682. *Journey into Greece*. L.
- Whitley J., 1987. *Art History, archaeology and idealism: the German Tradition // Archaeology as Long Term History*. Cambridge.
- Winckelmann J.J., 1996–2001. *Schriften und Nachlaß*. Bd. 1–3. Mainz.
- Wood R., 1753. *The ruins of Palmyra otherwise Tadmor, in the desert*. L.
- Wood R., 1757. *The ruins of Balbec otherwise Heliopolis in Coelestria*. L.
- Wood R., Dawkins H., 1812. *Les ruines de Palmyre*. Paris.

И.В. Тункина
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

**АРХЕОЛОГО-ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Ф.К. МАРШАЛА ФОН БИБЕРШТЕЙНА В ВОСТОЧНОМ
КРЫМУ И НА КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XVIII в. ПО НЕИЗДАННЫМ
АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ¹**

Одним из первых исследователей естественнонаучных и археологических богатств Северного Причерноморья и Кавказа был натуралист, путешественник и администратор эпохи Александра I барон Федор Кондратьевич (Фридрих Август) Маршал фон Биберштейн (Baron Friedrich August Marschall von Bieberstein, 1768–1826; (илл. 4). Его имя, хорошо известное современным биологам (Липшиц, 1947. С. 188–190; Смолянинова, 1965. С. 564–565; Сытин, 1996. С. 62–75) как автора ряда ботанических таксонов и капитальных классических трудов о растениях России (Bieberstein, 1808–1819; 1810–1843), историками, эпиграфистами и археологами оказалось прочно забыто. Между тем именно Ф.К. Биберштейн в конце XVIII в. оставил ряд работ, где представлены первые карты, подробные описания и рисунки некоторых археологических и эпиграфических памятников эпох античности и средневековья юга Российской империи (Тункина, 2002. С. 48–52, 564–570; 2003. С. 340–352).

Уроженец столицы Вюртемберга, Штутгарта, воспитанник привилегированной

Карлсшуле (Hohe Karlsschule), преобразованной в военную Каролинскую академию, Ф.К. Биберштейн учился вместе с будущим великим палеонтологом Жоржем Кювье и с юности посвятил себя изучению ботаники, энтомологии и зоологии. Он начал службу у князя Эттинген-Валлерштейна (1789–1791), затем через Вену отправился в Яссы и в 1792 г. перешел на русскую службу — секретарем командующего русской армией на юге графа М.В. Каховского (Коховского), за которым последовал в Крым, был произведен в обер-аудиторы, а в 1793 г. стал флигель-адъютантом. В 1793–1794 гг. Ф.К. Биберштейн жил в Крыму и оттуда совершал регулярные поездки по служебным делам в различные регионы новоприобретенного южного края — Новороссии, «занимаясь там, по страсти своей, исследованием растений» ([Максимович], 1826. С. 349). Как свидетельствуют документы его личного фонда (Архив... 1933. С. 104–105; Гнучева, 1940. С. 127), именно в эти годы ботаник обратил внимание на археологические богатства Восточного Крыма и Таманского полуострова. В Симферополе Биберштейн наладил

---

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (проект 09-06-00103) и РГНФ (проект 08-01-91113а/У), программ фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» и Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

Автор выражает глубокую признательность Я.М. Паромову (ИА РАН), С.Р. Тохтаеву (ИВР РАН) и А.Ю. Виноградову (ИВИ РАН) за помощь и консультации при подготовке статьи.

тесные связи с естествоиспытателями — таврическим вице-губернатором К.И. Габлицем (1752–1821) и академиком П.С. Палласом (1741–1811). Видимо, по предложению П.С. Палласа с весны 1794 г. Ф.К. Биберштейн начал переписку с неперменным секретарем Императорской Санкт-Петербургской Академии наук И.А. Эйлером о сборе естественных коллекций в южных провинциях России (Протоколы... 1911. С. 728. § 83).

В 1795 г. в чине капитана Ф.К. Биберштейн вышел в отставку и переехал в Петербург. К тому времени он достаточно хорошо овладел русским языком и с одобрения П.С. Палласа стал естествоиспытателем Персидской экспедиции графа В.А. Зубова (1796), в ходе которой исследовал прикаспийскую часть Восточного Кавказа. Вернувшись в столицу (1797), Биберштейн занял место инспектора шелководства по кавказской линии и по результатам персидской экспедиции издал на французском языке книгу «Описание провинций, расположенных на западном берегу Каспийского моря, между реками Терек и Кура» (Bieberstein, 1798), позднее изданную на немецком языке в расширенном виде (Bieberstein, 1800). В 1798–1799 гг. Ф.К. Биберштейн вновь объехал Кавказ, преимущественно нижнее течение Терека. Вернувшись из путешествия, ученый представил Экспедиции государственного хозяйства подробнейшие отчеты (описание, которое содержало сведения о топографии, истории, экономике, населении, флоре и фауне региона), а Академии наук — отдельную записку о флоре Кавказа, получившую положительный отзыв акад. И.И. Лепехина, и коллекцию из 130 сортов семян неизвестных ботаникам растений для столичного Ботанического сада (Ученая корреспонденция... 1987. С. 126. № 1116; Летопись... 2000. С. 889). В благодарность за блестяще выполненную работу император Павел I назначил Ф.К. Биберштейна главным инспектором шелководства всей «Полуденной», т. е. Южной, России и в течение неполных двух месяцев пожаловал его чином сначала коллежского, а затем — статского советника (Биберштейн, 1908. С. 13).

Приведу краткие сведения о последующей судьбе ученого. По роду службы Ф.К. Биберштейн ежегодно объезжал местности между

Волгой, Днепром и Днестром, дважды посетил Грузию, описание которой осталось неизданным. В апреле 1800 г. инспектор сельского хозяйства юга России Ф.К. Биберштейн и молодой Христиан Стевен, будущий основатель Никитского ботанического сада в Крыму (1812–1824), ставший его преданным помощником (1807–1812), путешествовали на Северный Кавказ через Сарепту, Астрахань и Кизляр; в 1804 г. инспектор совершил поездку в Германию и Францию. В 1807 г. барон вновь поселился в Крыму и в том же году открыл училище виноделия близ г. Кизляра. Отсюда с ботаническими целями он и Х.Х. Стевен путешествовали по Крыму и в Одессу. В 1820–1821 гг. ученый являлся главным инспектором по шелководной части Департамента государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел и дослужился до чина действительного статского советника, что соответствовало генерал-майору в армии. Император Александр I вознаградил его за деятельность по совершенствованию сельского хозяйства юга России пожалованием 5000 десятин земли в Харьковской губернии, где в своем имении Мерефа близ Харькова ботаник провел последние годы жизни, занимаясь подготовкой книги о русской флоре (осталась неизданной), и обрел вечный покой (Биберштейн... 1908. С. 14).

Судя по наследию ученого-энциклопедиста, сохранившемуся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПФ АРАН. Ф. 65. 2 описи. 72 дела) и в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ. Ф. 470. Оп. 352. 37 дел), Ф.К. Биберштейн, помимо ботанических, энтомологических и зоологических исследований, занимался археологическими, эпиграфическими и лингвистическими штудиями. Его заинтересовало прошлое Юга России и сопредельных стран. Так, до нас дошли выписки о Грузии из тома 2 немецкоязычного исторического журнала «Sammlung russischer Geschichte» (1732–1765. Bd. 1–9), издававшегося акад. Г.Ф. Миллером, среди которых — сведения о политической истории Боспорского царства и событиях в Азово-Черноморском бассейне в античную и раннесредневековую эпохи, о генуэзской торговле на Черном море в XII–XV вв.; выписки

из трудов Ф.П. Аделунга о скифском языке, И.А. Гильденштедта и Ю. Клапрота — по истории и языкознанию Крыма и Кавказа, а также список польских монет 1507–1546 гг. (СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 51. 42 л.). Сохранилось и его неизданное описание Грузии, включающее сведения не только о климате, минералах, растительности, но и по истории и географии края (Там же. Д. 48. 58 л.). В документах представлены карты и планы городов южных губерний России, в том числе десятиверстная рукописная «Карта Таврической области», составленная не позднее 1796 г. (Там же. Д. 54. Л. 1) (илл. 5). До нас дошли письма к Ф.К. Биберштейну П.С. Палласа (Там же. Оп. 2. Д. 7. 1808 г.; ОР РНБ. Ф. 470. Оп. Д. 19. 1808 г.), Х.Х. Стевена (СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 2. Д. 10. 1807–1818 гг.), Ф.Б. Фишера (Там же. Д. 13. 1806–1818 гг.; ОР РНБ. Ф. 470. Оп. 352. Д. 23. 1816–1820 гг.), французского консула в Тифлисе, автора книги путешествия по южной России, Ж.Ф. Гамбы (ОР РНБ. Ф. 470. Оп. 352. Д. 11. 1821 г.), ряда других ученых и путешественников, главным образом с обсуждением ботанических вопросов.

Еще находясь в Петербурге, накануне своего отъезда в персидскую армию, 14/25 апреля 1796 г. Ф.К. Биберштейн представил Императорской Академии наук на обсуждение две статьи по исторической географии, археологии и эпиграфике юга России, которые обсуждались на заседаниях Конференции (Общего собрания) АН 2 и 5 мая того же года (Протоколы... 1911. С. 495–496. § 104, 108; Гнучева, 1940. С. 127; Ученая корреспонденция... 1987. С. 109. № 967; Летопись... 2000. С. 841). Первая — «Erläuterung der strabonischen Topographie des Cimmerischen Bosphor nach den neuesten russischen Karten von Taurien und Taman», сохранившаяся в виде чистового автографа (СПФ АРАН. Р. I. Оп. 110. Д. 9) (илл. 6) и черновика (Ф. 65. Оп. 1. Д. 47), осталась неизданной из-за отзывов столлических кабинетных ученых — математика акад. Н.И. Фуса, астронома и геодезиста акад. Ф.И. Шуберта, адъюнкта по истории И.Ф. Буссе, которые отвергли большинство предположений ботаника. Текст исследования Ф.К. Биберштейна с объяснением топографии Боспора Киммерийского по Страбону согласно новейшим русским картам Таврии

и Тамани спустя 215 лет после написания впервые публикуется в этой статье в русском переводе (*Приложение 1*).

Напомню, что к концу XVIII в. местоположение большинства античных городов Боспора было неизвестно и являлось предметом не только научного, но и публичного дискурса. Путешественники, как правило, объезжали юг России с томиками античных авторов в руках, пытаясь сопоставить свидетельства древних писателей с реальными археологическими остатками на местности. Выводы антиквариев противоречили друг другу, т. к. опирались на анализ определенного контекста одного или нескольких авторов, а не совокупности данных всей литературной традиции. Текстологическое изучение древних письменных источников в ту эпоху находилось в зачаточном состоянии, а их круг насчитывал лишь несколько десятков античных и средневековых сочинений, причем имевшиеся тогда публикации основывались на списках, искаженных позднейшими переписчиками. Так, Ф.К. Биберштейн пользовался даже не греческим текстом «Географии» Страбона, а каким-то латинским переводом.

В статье об исторической географии и археологической топографии прилегающих к Керченскому проливу земель Ф.К. Биберштейн, как естествоиспытатель, одним из первых поставил важнейшие вопросы не только палеогеографии Таманского полуострова в античную эпоху (коснувшись в том числе изменения уровня Черного моря, динамики и линии берегов и лиманов, древних русел и протоков, ландшафта и в целом природной среды), но и антропогенного воздействия на нее на протяжении тысячелетий. Проведенная в традициях академической программы экспедиционных исследований России XVIII в., эта работа является итогом первого регионального комплексного исследования территории Таманского полуострова. Перед нами образец экосистемного изучения древностей независимо от их культурно-исторической принадлежности, причем в контексте определенного антропогенного и природного ландшафта (Тункина, 2002. С. 61, 607). Автор попытался локализовать античные города и поселения на европейском и азиатском берегах Боспора Киммерийского, упоминаемые Страбоном, и

составил первую в истории классической археологии России археологическую карту Таманского полуострова (илл. 7). Несмотря на то что это исследование Ф.К. Биберштейна осталось неизданным, оно оказало заметное влияние на последующую историографию: его писцовый список сохранился в личном фонде первого профессионального антиковеда в России, хранителя Эрмитажа, академика Е.Е. Кёлера, объехавшего Новороссийский край в 1804 и 1821 гг. (АГЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20). Выводы натуралиста нашли отражение не только в археолого-эпиграфических трудах Е.Е. Кёлера, но и на страницах его неизданного дневника, ведшегося им во время академической экспедиции 1821 г. по Северному Причерноморью (ОР РНБ. Ф. 956. Нем. IV Q. 181. Л. 247–272 об.).

В первой части своей статьи Ф.К. Биберштейн пересказывает на немецком языке отрывки из латинского перевода VII и XI книг «Географии» Страбона. Анализируя текст источника, автор приходит к выводу, что древний географ пользовался как минимум двумя разными периплами или устными сообщениями моряков: в первом случае (книга VII) топография Тамани описана плывущим с запада на восток, из Черного в Азовское море, от Феодосии в Пантикапей и далее в Меотиду, поэтому подробнее описан европейский берег пролива; во втором случае (книга XI), наоборот, описание дается плывущим из Азовского моря в Черное, с востока на запад, т. е. информаторами древнего географа, на взгляд Биберштейна, стали моряки, приплывшие из Меотиды в столицу Азиатского Боспора Фанагорию, поэтому здесь детальнее описан азиатский берег. Соответственно, по Ф.К. Биберштейну, нельзя принимать на веру точность указанных Страбоном расстояний от одного пункта до другого.

Ф.К. Биберштейн сразу оговаривает сложность поставленной им задачи — реконструкции исторической географии античного Боспора, — т. к. берега в течение тысячелетий претерпели изменения: часть европейского берега Керченского пролива из-за ежегодных оползней изменила очертания, но еще большей абразии и масштабным изменениям подверглись берега Таманского полуострова.

На азиатском и европейском берегах Керченского пролива Ф.К. Биберштейном зафиксированы группы античных и средневековых городищ и курганов, которые отмечены на приложенной к статье рукописной карте, дошедшей до нас в трех вариантах — в чистовом виде (СПФ АРАН. Р. I. Оп. 110. Д. 9. Л. 15) (илл. 9), в виде копии из архива акад. Е.Е. Кёлера (АГЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20. Л. 2) (илл. 10) и черновой карты (СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 48. Л. 57 об. — 58) (илл. 11). Эти документы несколько отличаются друг от друга: в черновой карте отмечены пункты на восточном побережье Керченского полуострова, отсутствующие в чистовике и копии из архива Е.Е. Кёлера, а локализация ряда античных пунктов не соответствует приведенной в окончательном тексте работы Ф.К. Биберштейна. К древнейшим сооружениям Тамани автор отнес «холмы», отмеченные литерами *d, e, f*. Среди них, на взгляд автора, наиболее примечателен один, стоящий на берегу и наполовину обрушившийся в море, который заключал в себе остатки построек и фрагменты керамики, причем Ф.К. Биберштейн призывает «попытаться предпринять» их «раскопки». Речь идет о поселении *Батарейка I*, позднее почти теми же словами описанном Палласом, который объехал Крым и Таманский полуостров в 1794 г.

Погребальные памятники (курганы), согласно Ф.К. Биберштейну, можно легко отличить благодаря их правильной конической форме. Их много по обеим сторонам Керченского пролива, но больше всего — на равнине близ Керченской гавани, между Золотым курганом и восточной оконечностью Керченского рейда. При их раскопках находят множество раздавленных «урн», т. е. античных амфор. Ф.К. Биберштейн отметил следующие «следы древних сооружений» в окрестностях Керчи:

1) в 3-х верстах к западу от Керчи у Золотого кургана — остатки нескольких расположенных рядом огромных «круглых башен», приблизительно 32 м в диаметре, возведенных из каменных квадров почти кубической формы, причем от одной, которая находится немного дальше в сторону суши, отходят «старый земляной вал и ров», тянущиеся на много верст по прямой линии на восток. При-

мерно посередине вал «образует своей вершиной угол, поворачивая в сторону моря, и потом опять по прямой выходит к цепи каменных холмов», однако часть вала, идущая к морю, «сильно повреждена» (ср.: Паллас, 1999. С. 122). Речь идет о курганах и «круглых сооружениях» с каменными крепидами, известных по планам и описаниям отца археологии Боспора П. Дюбрюкса, сделанным 30 лет спустя (Тункина, 2002. Рис. 50). Эти памятники, находящиеся по соседству с Золотым курганом, еще в первой половине XIX в. большей частью разобранные на камень, были включены в структуру разновременных так называемых Тиритакских валов (Масленников, 2003. С. 133, 134);

2) на восточной оконечности Керченского рейда, напротив Еникале, видны «лучше сохранившиеся остатки круглой башни диаметром около 3 саженей», построенной из камней почти кубической формы, — курган с крепидой на акрополе Мирмекия, подробный план которого и описание составлены П. Дюбрюксом (Тункина, 2002. Рис. 47, 60, 61). В 1834 г. при перенесении флагштока Нового керченского карантина в нем случайно были обнаружены два склепа, доследованные директором Керченского музея древностей А.Б. Ашиком, и открыты два мраморных саркофага римской эпохи, один из которых — самый крупный в Северном Причерноморье привозной мраморный саркофаг — ныне хранится в Государственном Эрмитаже;

3) приблизительно в 11 км от западного устья Керченского пролива, на горе Опук, видны «четкие следы поднимающихся по прямой линии в гору стен, толщиной примерно в одну сажень», — мощные оборонительные сооружения Киммерика, подробно описанные и графически зафиксированные П. Дюбрюксом (Тункина, 2002. Рис. 57-59).

Ф.К. Биберштейн констатирует, что на Таманском полуострове не видно руин древнегреческого времени, в отличие от Восточного Крыма, где имеется «достаточное количество годного для строительства камня» античной эпохи. От новой суворовской крепости Фанагория на расстоянии около 13 км до Бугаза каменные породы вообще не встречаются, а имеющийся камень тверд и не пригоден для обработки, именно поэтому древние народы

использовали готовый тесаный камень из руин античных и средневековых построек для собственных строительных нужд. Фрагменты колонн, карнизов и надгробий с частями надписей ученый заметил в постройках крепости Фанагория и нового Темрюка, но среди надписей он не встретил «ни одной целой». По собранным Ф.К. Биберштейном сведениям, многие антики и надписи в конце XVIII в. были вывезены в Петербург, Москву и другие города. В тексте статьи автор приводит списки нескольких надписей — на надгробии в Керчи у главного входа в церковь Иоанна Предтечи (КБН 23) и на двух мраморах из «новой крепости Фанагории» (КБН 1048, 1050) на Таманском полуострове.

Наибольшее внимание Ф.К. Биберштейна привлекли древние памятники Восточного Крыма и Таманского полуострова, отмеченные на карте литерой *b*, — городища («насыпные холмы») и погребальные сооружения («холмы с урнами»; слово «курган» автор не употребляет), которых больше на азиатской стороне пролива, чем на европейской. По его наблюдению, курганы азиатской части отличаются небольшими размерами, поэтому «малопримечательны»; большая часть строительных остатков античных колоний погребена под водой из-за сильной абразии берега, из-за чего местоположение Гермонассы, Апатура, Абораки остается неясным.

В таблице 1 соотнесена локализация античных пунктов, предложенная Ф.К. Биберштейном, с выводами Я.М. Паромова, автора фундаментальной «Археологической карты Таманского полуострова» (илл. 12), к сожалению, до сих пор не изданной (Паромов, 1992).

Ф.К. Биберштейн верно локализовал Феодосию (Кафа, ныне Феодосия), Пантикапей (Керчь), Горгиппию (Анапа). Приняв неполных пять стадий за одну версту, Биберштейн определил следующие верстовые значения для пунктов, упомянутых Страбоном: от устья Кубани (Антикита) до «Кимбрийского поселения», т.е. Киммерия или Киммерийской деревни (большое античное поселение Приазовское 4) — 25–26 верст (26,6–27,7 км), от «Кимбрийского поселения» до Ахиллия (Ильичевское городище) — 4,5 версты (4,8 км), ширина пролива у Ахиллия составляет около 5 верст (около 5,3 км), от азиатско-

Таблица 1

Название пункта по Страбону	Новое название и буквенное обозначение на карте Биберштейна (илл. 9)	Современное название по археологической карте Таманского полуострова, составленной Я.М. Паромовым (илл. 12)
Корокондама	побережье Черного моря рядом с Бугазом	предположительно у Соленого оз., античное и средневековое поселение <i>Артющенко 1 (Бугазское)</i> (Паромов, 1992. № 150. С. 495–498)
	(a) Фанагория-Таматарха	ст. Тамань, <i>Таманское городище</i> (античная Гермонасса, средневековая Таматарха-Тмутаракань-Матрега)
	Фанагория-Бугаз	античные и средневековые поселения <i>Веселовка 5 и 6</i> в 1,5 км к ЗЮЗ от п. Веселовка и к В от Соленого озера (Паромов, 1992. № 155, 156. С. 508–512)
Кепы	(b) местность рядом с устьем Кубанского (Корокондамского, ныне Кизилташского) лимана, впадающего в Кизилташский лиман	в 2 км к ЮВ от казачьей ст. Вышестеблиевская, античное и средневековое укрепленное поселение <i>Вышестеблиевская 11</i> (Паромов, 1992. № 183 С. 575–578)
	(c) Старый Темрюк	ст. Голубицкая, античное и средневековое поселение <i>Голубицкая 1</i> (Паромов, 1992. № 220. С. 661–665)
Ахиллий	(d) насыпной холм выше Северной косы (ныне коса Чушка)	п. Ильич, Ильичевское городище, античное и раннесредневековое поселение с укреплением <i>Ильич 1</i> (Паромов, 1992. № 1. С. 95–100)
	(e)	в 1 км к З от п. Батарейка, античное и средневековое поселение с укреплением <i>Батарейка 1</i> (Паромов, 1992. № 11 С. 132–138)
Апатур	на восточном берегу Кубанского (ныне Кизилташского) лимана, напротив Бугаза	в 4,5 км к З от казачьей ст. Благовещенская, античное поселение <i>Благовещенская 4</i> (Салов, 1979. С. 98-102)
Гермонасса	на восточном берегу Кубанского (ныне Кизилташского) лимана, напротив Бугаза	к С от ст. Благовещенская, у окраины станицы на южном берегу Кизилташского лимана на современном кладбище, античное поселение, почти разрушенное абразией берега (Алексеева, Горлов, 1997. С. 12 № 118)
Горгиппия	Анапа	город Анапа, городище античной Горгиппии
Аборака (город в Синдике)	Анапа и соседняя местность	не локализуется
Памятник Сатира	местность (угол) над Южной косой	мыс Тузла в 9 км к З от ст. Тамань, грунтовый и курганный <i>Тузлинский некрополь</i>
Патрей	местность в окрестностях Южной косы, прилегающая к памятнику Сатира	в 8,5 км к ЗЮЗ от ст. Тамань, к Ю от мыса Тузла, античное поселение <i>Тамань 1 (Пятиколодезное)</i> (Паромов, 1992. № 124. С. 421–425)

Таблица 1 (окончание)

Название пункта по Страбону	Новое название и буквенное обозначение на карте Биберштейна (илл. 9)	Современное название по археологической карте Таманского полуострова, составленной Я.М. Паромовым (илл. 12)
Парфений	(<i>f</i> -западное) участок берега, на котором лежит насыпной холм и грязевой вулкан Куку-Оба	в 3 км к ЮЮЗ от п. Береговой, античное поселение <i>Береговой 4 (Саратовское)</i> (Паромов, 1992. № 31. С. 188–192)
	(<i>f</i> - восточное)	в 3 км от п. Волна Революции, античное и средневековое поселение с укреплением <i>Волна Революции 1 (Татарское)</i> (Паромов, 1992. № 60. С. 265–272)
	(<i>g</i>)	п. Сенной, античное городище Кепы и античное и средневековое городище Фанагория (в средневековье Фанагурис)
Киммерик	тупой угол болота, где побережье на одной стороне простирается к морскому проливу, а на другой открывается в сторону Азовского моря	в 1,5 км к В от мыса Каменный и п. Приазовский, античное поселение <i>Приазовский 4</i> (Паромов, 1992. № 9. С. 117–120)
Клазоменская сторожевая башня	небольшая оконечность земли (мыс) недалеко от этого угла, дальше в Азовское море	мыс Пеклы, в 3 км к З от п. Кучугуры, античное и средневековое поселение <i>Кучугуры 8</i> (Паромов, 1992. № 39. С. 211–214)

го Парфения (отрезок побережья, где находится грязевой вулкан Куку-Оба — поселение Береговой 4) до памятника Сатиру (участок над Южной косой, где находится Тузлинский некрополь) — 18–19 верст (19,2–20,2 км), от памятника Сатиру до Корокондамы (поселение Артюшенко 1) — 26–28 верст (27,7–29,8 км), ширина пролива между Корокондамой и европейским поселением Акра (мыс Такиль) — 15 верст (16 км), от Корокондамы до устья Корокондамского (Кубанского, ныне Кизилташского) лимана — 2 версты (2,1 км), от Феодосии (Кафа, новая Феодосия) до Пантикапея («холм позади Керчи», т. е. гора Митридат) — 16–17 верст (17–18,1 км), «расстояние между местностью рядом с Пантикапеем и Фанагорией» (Бугазом, поселения Веселовка 5 и 6) — 15 верст (16 км), от Пантикапея (Керчь) до Мирмекия (восточная оконечность Керченской бухты) — 4,5 версты (4,8 км), от Мирмекия до европейского Парфения («восточное устье пролива» за Еникале, на оконечности, от которой побережье открывается в сторону Азовского моря) — 9 верст (9,6 км).

В Восточном Крыму автор также локализует Акру на мысе Такиль в 20 верстах (21,3 км) от Керчи, Нимфей — у так называемого Старого керченского карантин, где есть хорошая «якорная стоянка», Гераклий — в окрестностях Еникале. Ко времени существования древнерусского Тмутараканского княжества автор отчасти правильно отнес памятники средневековья, отмеченные на карте литерами *a, c, g*.

Тем не менее, как показали исследования прошлого века, в большинстве своем выводы Ф.К. Биберштейна о локализации античных городов и поселений, упомянутых античными авторами, оказались ошибочными. Но его неопубликованная статья и приложенная к ней карта ценны, прежде всего, фиксацией археологических реалий — наиболее значительных античных и средневековых памятников Восточного Крыма и Таманского полуострова, которые в конце XVIII в. были видны на местности, однако впоследствии подверглись интенсивному разрушению (Тункина, 2002. С. 570).

Вторая работа Ф.К. Биберштейна, присланная в Академию наук в 1796 г., — «*Remarques sur les pierres sépulcrales des anciens grecs qui on trouve aux environs du détroit de la Tauride*» (СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 44) дошла до нас в виде черновика в двух редакциях на французском языке (илл. 13), а также как рукопись на русском языке с авторской правкой под названием «Примечания о встречающихся около Яникольского пролива древних греческих надгробных каменных» (Там же. Д. 43) (илл. 14). Она была передана на отзыв акад. С.Я. Румовскому, который дал ей высокую оценку и рекомендацию к печати. Эта статья, предназначавшаяся для публикации в «Новых ежемесячных сочинениях», была издана анонимно в другом академическом журнале — «Месяцеслове историческом и географическом на 1797 г.» ([Биберштейн] 1797. С. 35–50). Она посвящена публикации лапидарных памятников Азиатского и Европейского Боспора (ср.: КБН 285, 496, 610, 833, 1077, 1095) (илл. 7, 15, 16, 17, 18). Те же надписи через несколько лет были изданы П.С. Палласом (Pallas, 1801. S. 278, 279. Pl. XVII–XVIII) (илл. 8, 18, 21, 23, 25, 26), М. Гатри (Guthrie, 1802. P. 315, 317, 321–324), Л. Вакселем (Waxel, 1803. Pl. VI, 7–8, 10, 12, 15), акад. Е.Е. Кёлером (Köhler, 1805. P. 18, 72. Pl. 6–7) и др.

В своем исследовании Ф.К. Биберштейн попытался, основываясь на высеченных изображениях, составить типологию древнегреческих надгробий, найденных главным образом «в розвальнях при городе Фанагории, в древности называемом Таматархою, а потом Тмутараканом», т. е. в некрополе Гермонассы, и в Керчи, «что древний город Пантикапеон». Среди них чаще встречаются мраморные и известняковые надгробия — «род четырехугольных продолговатых каменье, имеющих по большей части длиною не более полутора, да шириною не много более полуаршина, на которых изображены в полурезе (барельеф) некоторые человеческие фигуры с надписью по низу на греческом диалекте» (СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 43. Л. 1; ср.: [Биберштейн] 1797. С. 35). Встреченные натуралистом изображения представляли «только три разные предмета»: стоящую в длинной одежде женщину с ребенком; сидящего на коне мужчи-

ну с рядом стоящим «детищем»; возлежащих на ложе мужчину и женщину «на одном и с детищем на другом конце возле кровати» (СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 43. Л. 2–2 об.).

Первый тип изображений имеет ряд модификаций: женщина стоит прямо и держит руки перед собой «под одеянием», на одном камне склоняется перед алтарем, на другом — сидит «в плачевном виде», «обтирая лицо платком». Второй тип — мужчина верхом на коне — представлен надгробиями, где всадник, как правило, без оружия, редко вооруженный, едет «тихим шагом», держа в руках узду. Третий тип представляет мужчину, который опирается левой рукой о ложе, а в правой протянутой руке держит «род венца». Ребенок всегда изображен в легкой одежде, покрывающей только среднюю часть тела. Таким образом, изображения, ныне датируемые I в. до н. э. — I–II вв. н. э., разделены Ф.К. Биберштейном на три главных типа — со стоящей или сидящей женщиной в хитоне и плаще, накинутом на голову, иногда с фигуркой ребенка (девочки-служанки), безоружным или вооруженным всадником и сценой «загробной трапезы» с возлежащим мужчиной (иногда с женщиной) и ребенком (служгой), «державшим в руках посуду». Ф.К. Биберштейн подметил, что нередко на одном камне представлено два разных изображения, причем каждое имеет «особливую свою надпись», однако они «либо вовсе, либо по части отломлены и испорчены»; «работа у всех сих каменье есть самая простая и ничуть не происходит от отменных художников» (СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 43. Л. 2 об. — 3). Им описан также камень без изображений, но с надписью (КБН 610), приведены русские (французские) переводы текста всех надписей. Ф.К. Биберштейн сделал правильный вывод: все надписи являются надгробными, почему «не может уж казаться удивительным, что они столь между собою сходны», и что «из всех древних греческих остатков они самые обыкновенные» (Там же. Л. 4, 5–5 об.).

Ф.К. Биберштейн попытался интерпретировать смысл рельефных изображений: «сии надгробные каменья ставлены в память малолетних детей их родителями или сродственниками»; женщина символизирует образ матери умершего, мужчина — его отца

или родственника, воздвигшего памятник, ребенок — сам покойный, в честь которого поставлено надгробие. Когда изображение представляет несколько фигур, «таковой камень либо несколькими, либо несколькими вместе поставлен», причем возможно, что «некоторые фамилии имели для погребения своих в малолетстве умирающих детей общее место и в нем общий всем или многим памятник» (Там же. Л. 6). По мнению автора, тела детей в ту эпоху «в целости погребали», а тела взрослых сжигали, прах собирали «в урны», и в их память воздвигали курганы, во множестве находящиеся по обеим сторонам пролива, «паче в окрестностях Керчи и Фанагории» (Там же. Л. 6, об. — 7).

Выводы Ф.К. Биберштейна относительно смысла изображений на надгробиях и погребального обряда Боспорского царства уже в начале XIX в. подверглись обоснованной критике служившего в Петербурге англичанина, доктора медицины Мэтью (Матвея Андреевича) Гатри (Matthew Guthrie, 1743–1807), автора сочинения о русских древностях (Guthrie, 1795). М. Гатри издал описание путешествия 1795–1796 гг. своей покойной жены Марии Гатри по Северному Причерноморью, составленное в виде писем к нему (Guthrie, 1802). Наибольший интерес представляет не основной текст, а приложения издателя — обширные комментарии по поводу эпиграфических, нумизматических и археологических памятников Причерноморья античной эпохи. Отдельная часть книги посвящена полемике с Ф.К. Биберштейном, с рукописными статьями которого, представленными в Академию наук, доктор был знаком. Все надписи, собранные ботаником, были переизданы М. Гатри с собственной интерпретацией их смысла и изображений на надгробиях (Guthrie, 1802. Р. 311–327). Археолого-эпиграфическими материалами Биберштейна широко пользовался и П.С. Паллас — в изданиях его путешествия 1794 г. по Крыму и Тамани (Pallas, 1801; 1803) некоторые куски текста представляют собой прямые заимствования из рукописей Биберштейна, возможно полученных академиком от самого автора (ср.: Паллас, 1999. С. 116, 122, 123, 132 и др.). Так, надпись КБН 285 опубликована П.С. Палласом с ошибочным указанием ее местонахождения, а надпись КБН

833 издана с отличиями в тексте по сравнению со списком Биберштейна.

Создатель греческой эпиграфики берлинский профессор А. Бёк (SIG, II, № 2107, 2111, 2113–2114, 2123, 2126, 2128–2129) и составитель корпуса причерноморских надписей акад. В.В. Латышев (IosPE, II, № 16, 115, 192, 285, 358, 362, 376, 378), а за ними и составители корпуса боспорских надписей (КБН), не знали о существовании специальной статьи Ф.К. Биберштейна, посвященной античным надписям Боспора: приводя сведения о публикациях ряда эпиграфических памятников, они называли первыми их издателями М. Гатри и П.С. Палласа, которые использовали заметки Биберштейна, скопировавшего и издавшего эти надписи ранее остальных путешественников.

Этот вывод подтверждают дошедшие до нас документы Ф.К. Биберштейна. В его личном фонде сохранились выполненные пером и чернилами копии античных и средневековых надписей (древнегреческих, византийских, древнерусских, армянских, арабских) и рисунки надгробий (илл. 22, 24), найденных в Тавриде и на Кавказе, с черновыми заметками о местах их находок и размерах камней (СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 43–45). Среди них представлены выписки из статьи акад. Е.Е. Кёлера о памятнике боспорской царицы Комосарии с копиями опубликованных петербургским академиком эпиграфических документов (Köhler, 1805), рисунки надгробных рельефов и списки античных греческих надписей КБН 23, 285, 496, 610 на мраморе в церкви Иоанна Предтечи в Керчи (илл. 7, 16, 19, 22, 26, 27, 28, 29, 30) и надписи на «простом» (известняковом) камне с изображением надгробной трапезы КБН 833, найденном «по горам возле Керчи» и хранившимся у «тамошнего греческого священника» (илл. 20, 31), надписи КБН 1095, привезенной из «розвальней» при суворовской крепости Фанагория и вделанной в стену во дворе оберкомендантского дома в Еникале (илл. 17, 32), надписей КБН 1048, 1050, 1077, найденных «в розвальнях» при суворовской крепости Фанагория (илл. 33, 34, 36), надписи со списком имен КБН 1179 на мраморной плите, найденной в окрестностях Анапы (античная Горгиппия) (илл. 37).

Представлены списки греческих надписей византийской эпохи. Это строительная надпись на мраморе в честь императора Зенона 487–488 гг. из Херсонеса (Севастополь) (илл. 38), опубликованная П.С. Палласом (Pallas, 1801. Tab. V) и Л. Вакселем (1801. № 5; см.: Латышев, 1896. № 7); надгробие Кириака 767 г. в ц. Иоанна Предтечи в Керчи (Латышев, 1896. № 93), описанное П.П. Сумароковым (1800. С. 71) и изданное Н.Н. Мурзакевичем (1844. С. 626) (илл. 39); надгробие Иоанникия 1078 г., найденное на Таманском полуострове (СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 45. Л. 5) и впервые изданное век спустя (Латышев, 1905. С. 132–133. № 54) (илл. 40); строительная надпись второй половины XIII в. из «Храма трех всадников» в Эски-Кермене (илл. 13, 3), опубликованная В.И. Григоровичем спустя 80 лет после копирования ее Биберштейном (Григорович, 1874. С. 16; Латышев, 1896. № 43); средневековые греческие и армянские надписи из Старого Темрюка, из них одно надгробие с надписью «Михаил» (вторая строка не читается), по справке А.Ю. Виноградова, до сих пор не издано (илл. 42) (СПФ АРАН. Ф. 65. Оп. 1. Д. 44. Л. 16–22 об.). Здесь же сохранилась одна из первых рукописных копий случайно открытого в 1792 г. Тмутараканского камня с древнерусской надписью о промере Керченского пролива князем Глебom 1068 г. (илл. 43). Эпиграфические памятники из глубинных районов Северного Кавказа представлены списками арабских надгробных надписей (илл. 44) из золотоордынского города XIII–XVI вв. Маджары на р. Куме (ныне восточная окраина г. Прикумская Ставропольского края), но судить о степени их опубликованности я не берусь — это дело востоковедов.

Впервые публикуемые в настоящей статье архивные копии десятков надписей, сделанные Ф.К. Биберштейном в самом конце XVIII в., в ряде случаев полезны для реконструкции текстов эпиграфических документов, т. к. многие из них отличаются лучшей сохранностью по сравнению с воспроизведениями, опубликованными как П.С. Палласом, так и в позднейших сводах. Они передают более точную форму букв, чем искаженные при изданиях литографии и гравюры, и имеют значительную ценность при реконструкции и комментировании эпиграфических текстов, ряд которых с тех пор был утрачен. В рукописных материалах ботаника содержатся более точные сведения о месте и времени находок лапидарных памятников. Ссылки на списки Ф.К. Биберштейна, надеюсь, станут неременным условием при любых переизданиях сводов античных и средневековых надписей Причерноморья и Северного Кавказа.

По моему убеждению, введение в научный оборот археолого-эпиграфических материалов, собранных Биберштейном, настоятельно необходимо, несмотря на то, что сохранившиеся в архивах тексты часто трудночитаемы. Подобные публикации будут способствовать восстановлению исторической справедливости и наконец-то воздадут должное заслугам ученого, который первым зафиксировал ряд археологических объектов, в том числе античных и средневековых надписей Северного Причерноморья и Кавказа.

Ниже публикуется перевод с немецкого на русский язык статьи Ф.К. Биберштейна о топографии Боспора Киммерийского (1796), выполненный в конце 1980-х гг. археологом и архивистом, специалистом по немецкой палеографии XVIII в. В.И. Осиповым², с моей

² Осипов Валерий Иванович (1945–1993), историк науки, архивист, археолог, специалист по истории русской культуры и истории русско-немецких научных связей в XVIII в.; кандидат исторических наук (1991). Уроженец Ленинграда, из служащих, шофер автотранспортных предприятий (1963–1964). Выпускник кафедры археологии ЛГУ (1975), лаборант ЛОИА АН СССР (1968–1973), переводчик треста Ленинградоргстрой (1975–1979), научный сотрудник архива, инженер информационного сектора Государственной инспекции по охране памятников Ленинграда (1979–1981), младший (1981–1986), научный (1986–1993) сотрудник Отдела информационно-справочного обеспечения и публикации ЛО Архива АН СССР, затем Группы публикации Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Участник Южно-Донской и Каракумской археологических экспедиций ЛОИА АН СССР в Нижнем Подонье, Крыму и Средней Азии. Скоропостижно скончался во время международной экспедиции в древний Мерв (Туркмения). Посмертно, в 1996 г., его именем названа малая планета 4986 Osipovia (открыта в 1979) (СПФ АРАН. Ф. 7. Оп. 3. Д. 279 (личное дело); Региня, 2005).

минимальной редакторской правкой и комментариями. Перевод сделан с писцовой копии статьи Ф.К. Биберштейна, написанной готическим шрифтом и сохранившейся в личном фонде акад. Е.Е. Кёлера (АГЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–16 об.) (илл. 46–48), т. к. дошедшие до нас оригинальные автографы этой работы, написанные более двух веков назад бледными чернилами, выцвели и читаются

с большим трудом (СПФ АРАН. Р. I. Оп. 110. Д. 9; Ф. 65. Оп. 1. Д. 47). Древние топонимы, приведенные автором в латинизированной форме, здесь даются преимущественно в соответствии с традицией их русской передачи с древнегреческого языка. В квадратные скобки заключены слова, отсутствующие в рукописи, но необходимые для понимания смысла текста.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Ф.К. БИБЕРШТЕЙН. ТОЛКОВАНИЕ СТРАБОНОВОЙ ТОПОГРАФИИ КИММЕРИЙСКОГО БОСПОРА ПО НОВЕЙШИМ РУССКИМ КАРТАМ ТАВРИИ И ТАМАНИ

§ 1

Общая описательная география Страбона содержит следующие места, касающиеся Таврического морского пролива или Киммерийского Боспора древних.

В 7-й книге

Расстояние между Феодосией и Пантикапеем составляет 500 стадий. Вся эта местность богата зерном, там есть деревни и город Нимфей с хорошей гаванью. Пантикапей представляет собой плотно застроенную возвышенность около 20 стадий в окружности. С восточной стороны города расположена гавань и корабельная верфь, которые могут принимать до 30 кораблей. В городе есть также укрепленный дворец, и он построен жителями Милета. Долгое время эта местность и все территории, расположенные по обеим сторонам морского пролива, находились в подчинении. Здесь поочередно правили Левкон,

Сагавр³ и Парисад, пока последний не подчинился, наконец, Митридату, ибо он не мог более противостоять варварам Таврии, которые требовали большой дани. После поражения Митридата местность попала под власть римлян⁴. Пролив Меотийского моря называется Киммерийским Боспором. Сначала ширина его составляет приблизительно 70 стадий, как расстояние от местности вблизи Пантикапея до Фанагории, ближайшего города в Азии. Затем он сильно сужается. Этот морской пролив, Меотийское море и река Танаис, впадающая напротив, отделяли Азию от Европы. Если плыть по проливу или Киммерийскому Боспору, то слева будет находиться городок Мирмекий, в 20 стадиях от Пантикапея. Вдвое больше стадий от Мирмекия до Парфения, где самое узкое место пролива: ширина его всего лишь около 20 стадий. Там напротив, на азиатской стороне лежит городок Ахиллий.⁵

³ Так в тексте — Sagaurus (ошибочно), должно быть — Сатир.

⁴ АГЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20. Л. 1а.

⁵ Ср.: Strabo VII, 4–5. <...> Расстояние между Феодосией и Пантикапеем около 530 стадий; вся эта область хлебородна; в ней есть селения и город с прекрасной гаванью под названием Нимфей. Пантикапей представляет собой холм, населенный со всех сторон в окружности на 20 стадий. На восточной стороне города находится гавань и верфи приблизительно на 30 кораблей; есть там и акрополь. Город основан милетцами. Долгое время городом, как и всеми соседними поселениями близ устья Меотиды по обеим сторонам, управляли властители, как Левкон, Сатир и Парисад, пока Парисад не передал свою власть Митридату. Этих властителей называли тиранами, хотя большинство их, начиная с Парисада и Левкона, были достойными правителями. Парисада даже почитали богом. Последний тиран также назывался Парисадом; он был не в силах противиться варварам, которые требовали большей прежнего дани, и поэтому передал свою власть Митридату Евпатору. Со времени Митридата царство перешло под власть римлян. Большая часть его территории находится в Европе, но часть расположена в Азии.

5. Устье Меотиды называется Киммерийским Боспором. Вначале устье более широко — около 70 стадий; здесь переправляются из пантикапейской области в Фанагорию, ближайший город Азии; окон-

В 11-й книге:

От устья Антикита⁶ 120 стадий до Киммерийского городка,⁷ где причаливают корабли, которые идут в Меотийское море. На этом берегу находится также сторожевая башня, называемая Клазоменской, поскольку *клазоменцы владели этой местностью раньше, до моконов⁸ и пантикапейцев.*⁹ Город Киммерик прежде располагался здесь на полуострове, и этот полуостров был отделен валом и рвом¹⁰. В прежние времена киммерийцы представляли очень большую силу на Боспоре, который по их имени был назван Киммерийским. Именно они беспокоили своими набегами весь восточный берег Черного моря вплоть до Ионии. Они были изгнаны со своих мест скифами, а скифы опять же отступили перед греками, которые основали Пантикапей и другие небольшие города на Боспоре. От Кимбрийского городка 20 стадий до Ахиллия, где находится храм Ахилла. Здесь самая узкая устьевая часть Меотийского моря, шириной всего лишь в 20 стадий или чуть больше. На другой стороне пролива лежит городок Мирмекий, а поблизости от него Гераклий. За Ахиллием идет Парфений. Оттуда 90 стадий до памятника Сатиру, который представляет собой земляной холм на мысу. Его воздвигли в память одного знаменитого в Боспоре человека. Совсем рядом расположен городок Патрей. От него 130 стадий до небольшого города Корокондамы, и там Боспорский пролив заканчивается. Так называется участок, где Меотийское море впадает в Черное, таким об-

разом, он простирается от самого узкого места между Ахиллием и Мирмекием до Корокондамы и до городка пантикапейская Акра, расположенного на другой стороне, где ширина пролива составляет 70 стадий. На такое же расстояние тянется и лед, ибо Меотийское море зимой иногда замерзает настолько, что по нему можно идти пешком¹¹. В этом проливе повсюду имеются хорошие якорные стоянки для кораблей. Выше Корокондамы находится довольно большой залив, названный по имени города Корокондамский. Залив выходит в море на 10 стадий от городка. В него впадает рукав реки Антикита, образуя таким образом остров, окруженный рекой, этим заливом и Меотийским морем. Антикит некоторые называют Гипанис. Идя под парусами по лиману, обогнув Корокондаму, проплывают мимо примечательного города Фанагория, мимо городов Кепы, Апатур, где стоит храм Венеры, и Гермонасса. Фанагория и Кепы расположены по левую сторону на острове, другие — справа, выше реки, в так называемой Синдике. В последней этой местности находится еще и Горгиппия, и Аборака. Однако, поскольку все подчинено боспорским царям, то все жители называются боспорцами. Столица европейских боспорцев Пантикапей, азиатских — Фанагория. Последняя, по-видимому, является складом для товаров, которые поставляются по Меотийскому морю из более северных районов, а Пантикапей — базой для товаров, привозимых по Черному морю. В Фанагории имеется большой храм Венеры Апатуры¹².

чивается устье гораздо более узким проливом. Этот пролив и река Танаис, текущая прямо с севера в озеро и в его устье, отделяют Азию от Европы. Река Танаис впадает в озеро двумя устьями, которые находятся в 60 стадиях друг от друга. Есть там и город, одноименный с рекой, самый большой после Пантикапея эмпорий варваров. При входе в Киммерийский Боспор налево лежит городок Мирмекий, в 20 стадиях от Пантикапея. Вдвое больше от Мирмекия лежит селение Парфений; здесь самый узкий вход — около 20 стадий; напротив этого селения в Азии расположено селение под названием Ахиллей <...> (Пер. Г.А. Стратановского).

⁶ В тексте ненормированное написание — Anticetas, Anticitas.

⁷ В тексте ненормированное написание — Cimmerischen Städtchen, Cimbrischen Städtchen.

⁸ В тексте Mosonen, должно быть меоны (Moeonen, от лат. Maeonis).

⁹ Курсивом выделено комментирующее добавление Биберштейна, найденное им у Плиния (Plin. n.h. VI, 20).

¹⁰ АГЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20. Л. 1а об.

¹¹ АГЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20. Л. 2а.

¹² Там же. Л. 2а об. Ср.: Strabo, XI, 4–10. <...> От Малого Ромбита до Тирамбы и Антикита 600 стадий; далее 120 стадий до Киммерийского селения, которое является отправным пунктом плавания по озеру. На этом пути, как говорят, есть также несколько наблюдательных пунктов клазоменцев.

§ 2

Отчасти краткость и недостаточная детальность изложения этих мест, отчасти также и то обстоятельство, что давность времени, близость моря и природные особенности побережий Боспора почти не оставили никаких следов от греческих поселений, процветавших в те далекие столетия, чрезвычайно затрудняют применение Страбоновой топографии по отношению к новейшим картам. Так, например, даже самое тщательное исследование на месте в большинстве пунктов не дает достоверных результатов, и потому приходится довольствоваться тем, что по крайней мере приблизился к истине.

Берега, особенно островов и полуостровов, в течение многих столетий неизбежно подверглись огромнейшим изменениям. В отношении же побережий Таврического пролива здесь играет роль еще одно особое обстоятельство, в силу которого они должны были перетерпеть некоторые значительные изменения. А именно, большая часть берега, простирающегося от Феодосии далеко за пролив, состоит из породы глинистого мергеля с вкраплениями мелких кусков слоистого селенита. В этом типе почвы под перемен-

ным воздействием влаги и зноя появляется необычайно много очень глубоких трещин, главным образом в вертикальном направлении¹³. Посему каждый год во многих местах обрушиваются большие массы [земли], падают в море и постепенно уносятся водой. Иногда, но всегда лишь на небольших участках, на берег выходят известковые скальные породы. Такую же структуру имеет весь берег острова Тамань, с той лишь разницей, что за исключением немногих, небольших по протяженности, участков между нынешней Фанагорией на расстоянии около 12 верст от так называемого Бугаза, в нем вовсе нет никаких камней. Вследствие этого ежегодные изменения данного берега более масштабны.

Встречающиеся время от времени известковые скальные породы как на европейской, так и на азиатской стороне сложены из лежащих друг на друге больших бесформенных обломков и обычно образуют непрерывные ряды средних размеров холмов, на вершинах которых эти породы представляются обнаженными в виде огромных руин. Поэтому археолог как раз в тех местах, где он ищет следы доисторического времени, либо не находит ничего, либо находит слишком многое¹⁴. Осо-

5. В прежнее время Киммерик был городом на полуострове и запирал перешеек рвом и насыпью. некогда Киммерийцы обладали могуществом на Боспоре, почему он и получил название Киммерийского Боспора. Киммерийцы — это племя, которое тревожило своими набегами жителей внутренней части страны на правой стороне Понта вплоть до Ионии. Однако скифы вытеснили их из этой области, а последних — греки, которые основали Пантикапей и прочие города на Боспоре.

6. Далее, до селения Ахиллея, где находится святилище Ахиллеса, 20 стадий. Здесь пролив у входа в Меотиду уже всего — около 20 стадий или больше. На противоположном берегу находится селение Мирмекий; поблизости лежат Гераклий и Парфений.

7. Отсюда 90 стадий до памятника Сатира. Это — курган, насыпанный на мысе в память об одном из знаменитых владык Боспора.

8. Неподалеку находится селение Патрей, от которого 30 стадий до селения Корокондамы. Последнее является концом так называемого Киммерийского Боспора. Так называется узкий пролив у входа в Меотиду; он тянется от теснин между Ахиллеем и Мирмекием вплоть до Корокондамы и маленького селения по имени Акра, лежащего напротив в области пантикапейцев; Акра отделена от Корокондамы проливом в 70 стадий шириной. Ведь лед простирается также до этих пор, когда во время морозов Меотида замерзает, так что по льду можно ходить пешком. Повсюду в этом узком проходе есть удобные гавани.

9. Над Корокондамой лежит очень большое озеро, называемое от этого селения Корокондамитидой. В 10 стадиях от селения озеро изливается в море. В озеро впадает какой-то рукав реки Антикита и образует остров, омываемый этим озером, Меотидой и рекой. Некоторые называют и эту реку Гипанисом подобно реке у Борисфена.

10. При въезде в Корокондамиту находятся значительный город Фанагория, Кепы, Гермонасса и Апатур — святилище Афродиты <...> (Пер. Г.А. Стратановского).

¹³ АГЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20. Л. 3а.

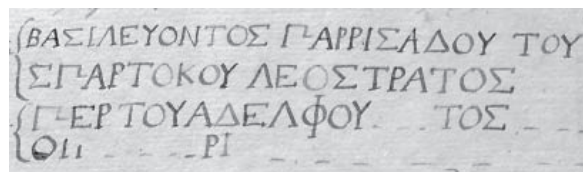
¹⁴ Там же. Л. 3а об.

бенно многочисленны и значительны эти каменные холмы на западной стороне Керченского рейда, именно там, где, несомненно, следует искать древний Пантикапей.

§ 3

Поскольку, как упомянуто, по всей Тамани встречается так мало камней, да и те тверды и почти не пригодны для обработки, то не удивительно, что многие разные сменявшие друг друга жители этих местностей время от времени использовали для новых зданий имевшиеся руины. Поэтому, например, в стенах и башнях укрепленных крепостей, построенных во времена турецкого владычества в новой Фанагории и в Темрюке, в ряду обычного строительного кирпича находят так много обломков древних колонн и карнизов, иногда и камни от памятников с весьма, правда, обезображенными древнегреческими и прочими надписями. Конечно же, то, что делали наши предки, то же делаем еще и теперь мы сами: из развалин турецких бастионов встают строения новой крепости у Фанагории. При этом, правда, к памятникам старины относятся с большим уважением, однако тех [народов], которые до нас поступали иначе, было уже так много, что мы с нашим лучшим пониманием и с нашим уважением к древности приходим слишком уже поздно¹⁵. Теперь и в земле таких памятников в наших краях на месте находят совсем мало, поскольку после завоевания Крыма и Тамани многие из наиболее значительных и лучше всех сохранившихся памятников были увезены в Санкт-Петербург, Москву и другие города. Об одном примечательном древнегреческом надгробном камне я писал в специальной статье, среди других надписей я не видел ни одной целой, либо находил сохранившиеся лишь настолько, что с уверенностью можно

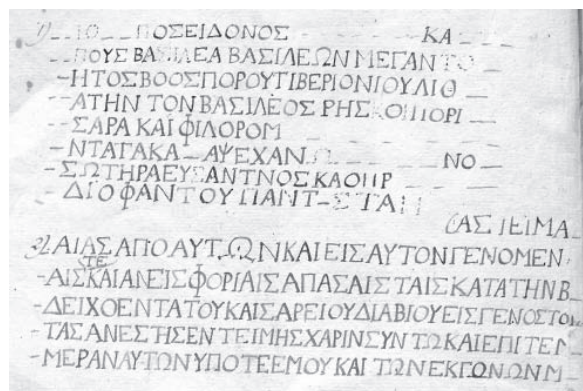
было определить их [общий] смысл. Древнейшей из них, по моему мнению, является наружная надпись на сером мраморе невысокой каменной кладки у главного входа керченской церкви. Сохранилось только её начало:¹⁶

[Рядом с верхней фигурной скобкой написано «Первая строка», рядом с нижней — «вторая строка». — И.Т.]

Т. е.: «правлящего царя Паррисада сына Спартока Леострат __ через брата __»¹⁷.

Воспроизведу здесь еще остатки следующих надписей, происходящих, правда, из времен римского владычества¹⁸. Обе они найдены в руинах у новой Фанагории.

Обе надписи¹⁹ сохранились в столь неполном виде, что невозможно с уверенностью установить, о чем они. Однако примем пока в качестве гипотезы для первой надписи следующее толкование:

«тому, который при содействии Посейдона __ побудил назначить великого царя царей властителем Тиберийского Боспора __ царя Риско __ сына императора и друга римлян, сво-

¹⁵ АГЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20. Л. 4а.

¹⁶ Текст надписи КБН 23 приведен по подлинному автографу Ф.К. Биберштейна (СПФ АРАН. Р. I. Оп. 110. Д. 9. Л. 4).

¹⁷ АГЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20. Л. 4а об.

¹⁸ Текст надписей КБН 1048, 1050 приведен по подлинному автографу Ф.К. Биберштейна (СПФ АРАН. Р. I. Оп. 110. Д. 9. Л. 4 об.), т. к. в копии из архива Е.Е. Кёлера приведены только их первые строки.

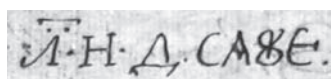
¹⁹ Перевод по КБН 1048: «Потомка Пойсейдона и Геракла, великого царя царей всего Боспора, Тиберия Юлия Савромата (*его изображение*), сына царя Рискупорида, друга цезаря и друга римлян, благочестивого... в стране псеханов (?), своего бога (?) и спасителя посвятил по обету... сын Диофанта пантикапеец». По характеру письма датируется концом I — началом II в. н. э.

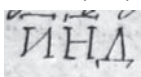

его спасителя и благодетеля __сыну Диофанта ставят этот памятник все граждане»²⁰.

Вторая надпись, в коей полностью отсутствует начало и сильно поврежден конец каждой строки, принадлежала, вероятно, памятнику, поставленному народом одному из своих правителей в благодарность за избавление или освобождение от налогов²¹. Однако и это не что иное, как мое предположение²².

[Примеч. автора под звездочкой:] Попутно замечу в связи с описанием в одной из работ г. фон Пушкина знаменитого камня, относящегося ко времени господства тмутараканских князей,²³ что указанное на этом камне расстояние в саженях между Тмутараканью и Керчью обозначено следующим образом:

и, конечно же, оно не может читаться как то предполагает г. фон Пушкин, и должно составлять 8054. Скорее, первая из приведенных цифр — это *йота* с чертой сбоку, обозначающей тысячи, и таким образом обозначает 10000; следующая за ней цифра могла бы быть N, однако в таком случае обращает на себя внимание то, что помимо этого, во всей этой надписи N везде изображает греческое *ню*, N, а знак Н означает *эту*; в отношении третьей цифры, Δ, следует заметить, что она так далеко отстоит от обеих находящихся перед ней, что в этом промежутке вполне нашлось бы место для четвертого знака, на линии его основания можно заметить еще и поперечную черту, которая, как мне показалось, могла быть случайной²⁴. Итак, в соответствии с этим значение цифр предположительно могло бы означать 10054, или несколько более

20 верст, что вполне согласуется с лучшими новыми картами; напротив, 8054, или несколько более 16 верст, очевидно, составляет слишком малое расстояние между Тмутараканью (новой Фанагорией) и Керчью²⁵.

§ 4

Итак, во всей Тамани, во всяком случае, над землей, совершенно не встречается никаких руин древнегреческого времени. Так же и на европейской стороне, где есть достаточное количество годного для строительства камня, я обнаружил лишь следующие незначительные следы древних сооружений.

1) Среди вышеупомянутых каменных холмов за Керчью, примерно в 3 верстах в глубь материка, на возвышенности, известной под именем Золотая гора, видны остатки огромных круглых башен, почти 15-ти сажен в диаметре. Эти башни были возведены из вырубленных камней почти кубической формы, углы которых, однако, с течением времени довольно сильно округлились. От одной из этих расположенных рядом друг с другом башен, которая находится немного дальше в сторону суши, проходит старый земляной вал и ров, тянувшийся на много верст по прямой линии на восток. Почти посередине он образует своей вершиной угол, поворачивая в сторону моря, и потом опять по прямой выходит к цепи каменистых холмов²⁶. Впрочем, в сторону моря этот земляной вал сильно поврежден.

2) На восточной оконечности Керченского рейда, примерно в 4–5 верстах от последнего места, напротив Еникале²⁷, видны лучше сохранившиеся остатки круглой башни, диаметром около 3 саженей. Она также была построена из вырубленных камней почти

²⁰ Перевод по КБН 1050: «...вследствие оказанных ими ему почестей... и освобождения от всех налогов, взимаемых в царстве... назначенного пожизненным жрецом храма в честь императора с передачей (*этого звания*) потомкам... поставил чести ради с... день их мною и моими потомками...». По характеру письма датируется первой половиной II в. н. э.

²¹ АГЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20. Л. 5а.

²² Речь идет о Тмутараканском камне и первой публикации его надписи в кн.: Мусин-Пушкин, 1794.

²³ АГЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20. Л. 5а об.

²⁴ Ср. рассуждения Ф.К. Биберштейна с выводами П.С. Палласа о «неточностях в цифрах» у А.И. Мусина-Пушкина (Паллас, 1999. С. 130).

²⁵ АГЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20. Л. 6а.

²⁶ В тексте — Jenikali.

²⁷ В тексте — Apuk.

кубической формы, углы которых хорошо сохранились еще и до сего дня.

3) За пределами пролива, не далее, однако, чем в 10 верстах от его западного устья, на горе Апук²⁸, расположенной у моря, которая вообще выделяется своей формой, большим нагромождением каменных пород и множеством пещер внутри, видны четкие следы поднимающихся по прямой линии в гору стен, толщиной примерно в одну сажень. Хотя сейчас эти стены более не возвышаются над наклонной плоскостью горы, тем не менее, стены можно отчетливо проследить по их прямолинейному направлению²⁹.

§ 5

Кроме этих вышеописанных руин на поверхности земли находят иногда насыпные холмы, а еще чаще холмы с урнами, восходящие к глубокой древности. Первые труднее обнаружить на европейской стороне, чем на азиатской, поскольку они, так сказать, теряются среди великого множества естественных каменистых холмов, от которых их, в самом деле, можно отличить с большим трудом, чем это можно себе представить.

На азиатской стороне чаще и отчетливее их замечал в следующих местах: 1) в окрестностях нынешней Фанагории (см. на карте литера: *a*); 2) у Кубанского лимана, недалеко от устья Кизилташского лимана, со стороны реки Кубани (карта, лит.: *b*); 3) на горе, где был расположен старый Темрюк (карта, лит.: *c*); 4) недалеко от берега моря, приблизительно в 2–3 верстах от Северной Косы в глубь материка (карта, лит.: *d*); 5) недалеко от этого места, на берегу, за этой косой (карта, лит.: *e*); 6) в разных местах вдоль побережья, там, где расположен холм, знаменитый недавно произошедшим извержением (карта, лит.: *f*); 7) по дороге в Темрюк, примерно в 30 верстах от Тамани вдоль берега (карта, лит.: *g*). То, что указанные под № 1, 3 и 7 насыпные холмы относятся к глубокой древности, сомнитель-

но. Скорее они имеют отношение к Тмутараканскому княжеству. Последнее кажется мне вероятным в особенности по отношению к насыпным холмам под № 7, ибо здесь весь берег насыщен, точно так же как в нынешней Фанагории (Тмутаракань), черепками, костями, стеклом, углями и т. п.³⁰ На холмах валяются даже такие камни, которые весьма часто находят в руинах новой Фанагории, в особенности яйцевидные куски гранита разного вида и обломки белого мрамора. Недалеко от этого самого места несколько лет тому назад в одном холме обнаружили просторное сводчатое сооружение продолговатой формы, облицованное тесаным камнем³¹. Впрочем, ничего примечательного в нем не оказалось. Поскольку в нем нигде не было никакого отверстия, то, по-видимому, оно не могло иметь никакого иного предназначения, кроме места захоронения. Однако, по-моему, его нельзя относить к глубокой древности.

Более вероятной кажется принадлежность к древнейшим временам холмов, указанных под № 4, 5 и 6. Среди последних особенно примечателен один, тот, что стоит на берегу и наполовину обрушился в море. В его разрезе кое-где видны тесаные камни почти кубической формы и огромное количество черепков керамических сосудов, многие из которых необычной величины. И весь берег здесь усыпан таким количеством черепков, какого я нигде не видел. В местах, где столь велика вероятность открыть что-то примечательное, помогающее, по крайней мере, определению эпохи, к которой относятся подобные насыпные холмы, стоило бы попытаться предпринять раскопки³².

§ 6

Холмы с урнами можно отличить от других довольно легко, благодаря их правильной конической форме. Однако многие из таких холмов могли принадлежать также и другим народам, имевшим обычай по какой-то при-

²⁸ АГЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20. Л. 6а об.

²⁹ АГЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20. Л. 7а.

³⁰ Речь идет об античном склепе с полуциркульным сводом кургана Фан дер Вейде (Тункина, 2002. С. 562-564).

³¹ АГЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20. Л. 7а об.

³² Там же. Л. 8а.

чине насыпать земляные холмы. Холмы с урнами можно часто видеть по обеим сторонам пролива, но нигде в таком большом количестве, как на равнине близ Керченской гавани между уже упомянутой выше возвышенностью Золотая гора и восточной оконечностью Керченского рейда. На азиатской стороне такие холмы особо больших размеров находят поблизости от нынешней Фанагории; подобные им — недалеко от Бугаза, в глубь материка за соленое озеро. Далее — около устья Кизилташского лимана, иногда также и вдоль него самого; затем рядом с Южной косой, кое-где и близ побережья от Темрюка вплоть до Северной косы. При раскопках в таких холмах находят большое число урн, но почти всегда раздавленных, большей частью между горизонтальными слоями морских водорослей. Совершенно целые урны попадались мне редко³³.

§ 7

После этого экскурса, необходимого для определения метода, используемого при толковании указанной Страбоновой топографии и применяемого к новейшим картам, я возвращаюсь непосредственно к теме настоящей статьи.

В соответствии с уже сказанным существенно необходимо для начала придерживаться в главном основных очертаний картины или, лучше сказать, эскиза, который рисует нам Страбон, поскольку они по природе вещей могли сохраниться с самого начала до наших дней в своем первоизданном виде.

Поскольку необходимо, чтобы всякая топография побережья была сделана и понятна, она должна: 1) простирается от какого-либо примечательного места, например, от устья реки, предгорья, достопримечательного морского города и т. п., и заканчиваться около подобного же места; 2) она должна следовать направлению побережья от этого места и, особенно при указании расстояний, никогда не должна обозначать какой-либо пункт посередине, либо в конце, или опять же какой-нибудь пункт, близко расположенный к месту, от которого она брала начало. Также

следует: 3) ожидать, что она обозначит самые примечательные точки побережья, а именно, если важны расстояния, — те пункты, где побережье меняет свое направление³⁴. И, наконец, 4) если речь идет о топографии морского пролива, то таковая была бы совершенно неудовлетворительна, если бы не указывала по меньшей мере пункты на обеих сторонах, около которых залив впадает в открытое море.

Конечно, Страбону было бы мало веры, если бы не предположение, что в своей топографии Киммерийского Боспора он также учел эти основополагающие правила топографии. И действительно, при внимательном прочтении указанных в начале мест вскоре бросается в глаза, что первое из них на обеих сторонах побережья следует с запада на восток, или от Черного к Азовскому морю. Второе, наоборот, идет в противоположном направлении — с востока на запад. Так как, судя по всему, топографическая часть тех мест основывается на сообщениях моряков, то весьма вероятно, что первое сохранившееся из них записано со слов моряков, которые плыли из Черного моря от Феодосии в Пантикапей и Меотийское море. Напротив же, второе — от моряков, которые приплывали из Меотийского моря и занимались своими торговыми делами в Фанагории³⁵. Довольно хорошо согласуется с замечанием Страбона предположение о том, что Пантикапей являлся перевалочной базой для товаров, приходящих со стороны Черного моря, а Фанагория — для товаров из Меотийского моря. Из этого можно также заключить, почему о первом месте подробнее говорится со стороны европейского берега, а о последнем — с азиатского. Наконец, из вышесказанного становится ясно, что в указаниях расстояний не следует ожидать слишком большой точности, примеры чему мы скоро обнаружим ниже.

§ 8

Если за одну версту считать неполных пять стадий, то для указанных Страбоном расстояний получили следующие верстовые значения:

³³ Там же. Л. 8а.

³⁴ АГЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20. Л. 8а об.

³⁵ Там же. Л. 9а.

	Версты
1. От устья Антикита до Кимбрийского поселения	25–26
2. От Кимбрийского поселения до Ахиллия около	4½
3. Ширина пролива у Ахиллия около	5
4. От азиатского Парфения до памятника Сатиру	18–19
5. От памятника Сатиру до Корокондамы	26–28 ³⁶
6. Ширина пролива между Корокондамой и европейским поселением Акра	15
7. От Корокондамы до устья Корокондамского лимана	2
8. От Феодосии до Пантикапея	160–170
9. Расстояние между местностью рядом с Пантикапеем и Фанагорией	15
10. От Пантикапея до Мирмекия	4½
11. От Мирмекия до европейского Парфения	9

§ 9

Река Кубань, или Антикит, а также Гипанис древних, вливается в Черное море большей частью благодаря крупному лиману, называемому по имени реки Кубанским. Часть ее, однако, впадает также и в Азовское море, особенно весной, когда в реке прибывает за счет снеговой воды с гор, а именно по заросшей камышом низине, соединяющейся с Темрюкским или Афтонизским лиманом,³⁷ которая на значительном протяжении выходит к этому морю. Лишь с учетом этого и можно назвать Тамань островом, что, как мы увидим ниже, вполне справедливо заметил также и Страбон³⁸. Это устье Кубани, или Антикита, является отправной точкой для топографии в соответствующем месте 11-й книги Страбона: если теперь предположить, что расстояние между Кимбрийским поселением и этим устьем считается от того пункта, где заканчивается только что упомянутая низина, каковой пункт, возможно, находился еще выше от отдельно стоящего в низине холма, на котором располагался древний Темрюк, то тогда это местечко попадает на закругленный угол, где побережье меняет свое направление и начинает вытягиваться в сторону морского пролива. Для Клазоменской сторожевой башни, расположенной на этом побережье, именно между устьем Антикита и Кимбрийским поселением, Страбон расстояние не указывает. Однако можно предположить, что она находилась поблизости от Кимбрийского

поселения, быть может, на маленьком мысу, который виден неподалеку от вышеуказанного угла, несколько сзади. Благодаря такому положению он мог служить ориентиром морякам для изменения курса и выхода в пролив. Отделенный валом и рвом полуостров, на котором, как говорят, еще до Страбоновых времен находился древний город Киммерик, не может быть ничем иным, как либо участком, который с одной стороны отделен от Северной косы узкой бухтой от [береговой] полосы, на которой находится уже упоминавшийся выше холм, ставший известным благодаря извержению, а с двух других сторон окружен проливом и Азовским морем (см. на карте А.А.); либо тем же самым участком [берега], включая вышеупомянутую полосу с известным холмом и сравнительно большую полосу на другой стороне вдоль берега Азовского моря в сторону Темрюка (см. на карте В.В.)³⁹. Правда, в том и другом месте уже нельзя увидеть четких следов вала, идущего от одного моря к другому. Однако даже Страбон говорит о существовании этого вала в прошлом, и кто знает, не был ли он намеренно разрушен народом, изгнавшим киммерийцев еще в эти ранние времена. Поселение Ахиллий оказывается совсем близко к Северной косе и располагается уже внутри пролива, почти в его устье. Возможно, насыпные холмы, отмеченные в § 5 под № 4 и 5, являются остатками этого места. Далее, на самой Северной косе, это место почти на-

³⁶ Там же. Л. 9а.

³⁷ В тексте — Aphtonisischen Liman. Имеется в виду Ахтанизовский лиман, называвшийся казаками Ахфтонизский.

³⁸ АГЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20. Л. 10а.

³⁹ Там же. Л. 10а об.

верняка искать не стоит, т. к. не говоря уже о том, что в этом случае расстояние от него до Кимбрийского поселения должно составить более 4½ верст, совершенно невероятно, чтобы древние, которые намного меньше, чем мы, строили на песке — и менее всего храмы своих героев, — пришли бы к странной мысли избрать своим местожительством низкую безводную Северную косу, состоящую сплошь из куч песка, но подвергающуюся частым затоплениям с моря⁴⁰. Расстояние между Ахиллием и следующим за ним по побережью азиатским Парфением [Страбоном] не указано. Приводится лишь расстояние от этого последнего до холма Сатира, который находился на мысу в 90 стадиях, или приблизительно в 19 верстах. Но для моряка, плывущего через пролив, более всех других приметна оконечность, к которой примыкает Южная коса. Она не только ограничивает с этой стороны на большом пространстве перспективу, но также и побережье позади нее совершенно меняет свое направление, выходя постепенно к Черному морю. Поэтому весьма вероятно, что в краткой топографии, которая к тому же основана и на сообщениях моряков, подобное место едва ли обойдено молчанием, как и Кимбрийское поселение, откуда побережье также изменило направление. Но если оно действительно упомянуто, то оно не может быть ничем другим, как мысом, на котором находился холм Сатира. И в самом деле, нельзя найти для него лучшее положение, чем на уголке земли, который больше, чем какое-либо другое место, бросается со всех сторон в глаза⁴¹. Довольно странно, что как раз на этом выступе еще и сегодня находится насыпной холм, весьма сильно отличающийся от других близлежащих каменистых холмов, лишь частично выходящих на эту оконечность. Холмы с урнами ничем особенным не выделяются. Их основание составляет в окружности приблизительно 175 шагов. Однако у новой Фанагории находят немало подобных холмов, окружность которых намного превышает 200 шагов. Поэтому более чем сомни-

тельно, что это есть настоящий холм Сатира, который, возможно, уже несколькими столетиями раньше погрузился в море вместе с частью весьма нестабильного берега. Если теперь предположить, что холм Сатира находился здесь, то чтобы определить положение Парфения, можно поместить его в район уже неоднократно упоминавшейся полосы за Северной косой, где лежит холм, известный благодаря своему извержению. Тогда упомянутые в § 5 под № 6 насыпные холмы могли бы быть следами этого поселения. Возможно, от поселения Патрей, которое Страбон без точных указаний помещает вблизи памятника Сатира, берут свое происхождение курганы с урнами, которые кое-где встречаются в окрестностях Южной косы⁴². Расстояние от этого поселения до Корокондамы определяется в 130 стадий, или 26–28 верст. Положение же самой Корокондамы описано так, что не будет ошибкой, если поместить ее вовне, на побережье Черного моря, примерно в двух верстах вверх или вниз от устья Кубанского лимана, который совершенно очевидно есть Корокондамский лиман. Страбон, описав все морское побережье от Тамани, в своем месте замечает о нем, что он образует остров, окруженный рекой, этим лиманом и Меотийским морем. На берега Кубанского лимана слева от входа Страбон помещает Фанагорию и Кепы, а справа Апатур и Гермонассу. Расстояния здесь не указаны, однако едва ли можно сомневаться, что Фанагория находилась в пределах устья лимана приблизительно на месте теперешнего т. н. Бугаза. При этом расстояние от близлежащего напротив европейского побережья как для этого города, так и для упомянутой Корокондамы указывается одно и то же, а именно 70 стадий, или около 15 верст для обоих⁴³. Впрочем, от этих некогда больших и цветущих городов здесь не находят ни малейшего следа, и даже ни одного камня. Все, что подтверждает существование прежних греческих колоний, ограничивается здесь некоторыми холмами с урнами и упомянутыми в § 5 насыпными холмами под

⁴⁰ АГЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20. Л. 11а.

⁴¹ Там же. Л. 11а об.

⁴² Там же. Л. 12а.

⁴³ Там же. Л. 12а об.

№ 2. Последние, однако, имеют небольшой размер и малопримечательны. Вероятно, что все эти города, расположенные на одном берегу, от которого в силу уже указанных причин еще и сейчас не только ежегодно или ежемесячно, но почти ежедневно, обрушиваются большие или меньшие куски [земли], давно погребены под водой. Быть может, столь часто встречающиеся в разрушенных зданиях более позднего времени, в новой Фанагории и кое в каких других местах, округленные как галька куски отвердевших пород камня, особенно различных сортов гранита, происходят из развалин этих городов, извлеченные за недостатком строительного камня из моря, где в то время они, быть может, еще были видны. Мне не известно, что осталось на правой стороне лимана от Гермонассы, Апатура, а также от Горгииппии и Абораки. Попутно замечу лишь, что мне недавно попался на глаза памятник древнегреческого времени, а именно маленький идол богини Помоны⁴⁴ из бронзы с обычными атрибутами⁴⁵. Его раскопали еще в этом году рабочие у крепости Анапа. Жаль только, что любопытство нашедшего, который пожелал убедиться, что найденная вещь не сделана из какого-либо благородного металла, лишило ее руки и части ноги.

§ 10

С азиатской стороны я перехожу теперь на европейскую. До сих пор, и не без оснований, полагаю, что еще и сейчас не было и нет сомнений в том, что прежняя Кафа, или новая Феодосия, построена на месте древнего города, носившего то же имя, т. е. Феодосия. Столь же мало сомнений, что Пантикапей следует искать на месте нынешней Керчи. При всем том в приводимых Страбоном данных о расстояниях этих двух городов слишком значительное расхождение. Мы достаточно хорошо знаем, что расстояние между нынешней Феодосией и Керчью не превышает даже 100 верст, однако Страбон указывает, что оно составляет 800 стадий, что означает не менее

160–170 верст. В соотношении стадий и верст, как доказывает правильность данных в других местах, ошибки здесь нет. И вообще это соотношение предполагается скорее в сторону увеличения, чем уменьшения⁴⁶. Не следует искать решения и в направлении Пантикапея, т. к. если поместить его всего лишь на несколько верст дальше, то пришлось бы перенести его через пролив к Азовскому морю. В таком случае здесь либо серьезно ошибся Страбон или его моряк, либо же его переписчик. Или же приходится говорить о старинном парадоксе (в коем я никак не хотел бы быть обвиненным), что Керчь это был Пантикапей, Феодосия — Нимфей, а древняя Феодосия — Судак. Столь далеко оказался бы он в горах, если бы Страбон был прав. Итак, все взвесив, можно считать, что он ошибся, пока не найдутся достаточно веские причины, чтобы его оправдать. Новое затруднение обнаруживается при определении положения Нимфея, расстояние до которого Страбон не указывает. То, что руины на горе Апук, упомянутые в § 4 под № 3, являются остатками этого города, утверждать трудно, поскольку здесь, по крайней мере сейчас, не видно хорошей гавани. Скорее это могло бы быть где-нибудь у входа в пролив, где есть хорошие якорные стоянки, например там, где теперь установлен карантин недалеко от Керчи. Указанное как лежащее у входа в пролив со стороны Черного моря поселение Акра, вероятно, находилось на мысе Такюл⁴⁷, в верстах 20 от Керчи⁴⁸. От этого мыса побережье напротив Феодосии меняет направление, и этот мыс простирается так далеко вперед, что уже на ближней горе Апук можно видеть открытое море, а еще больше — с Таманского побережья. Напротив, с Такюла все побережье от Южной косы до Бугаза перед глазами как на одной линии. За Бугазом, за исключением дальних гор вокруг Анапы, не видно больше ничего, кроме открытого моря. Расстояние между мысом Такюл и Бугазом, однако, заметно большее, чем оно указывается у Страбона между Фанагори-

⁴⁴ Помона — римская богиня древесных плодов.

⁴⁵ АГЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20. Л. 13а.

⁴⁶ Там же. Л. 13а об.

⁴⁷ В тексте — Takül. Речь идет о мысе Такиль.

⁴⁸ АГЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20. Л. 14а.

ей и местностью, лежащей близ Пантикапея, или между Акрой и Корокондамой. Поскольку же вообще все прочие пункты европейского побережья еще дальше удалены от устья Кубанского лимана, который есть, конечно же, Корокондамский лиман, то наша гипотеза все-таки кажется наиболее правдоподобной. Вообще же кажется, что во времена Страбона большая часть кубанских вод вытекала в Азовское море, тогда как сейчас происходит как раз обратное. Быть может, именно благодаря этому часть побережья, простиравшаяся раньше далеко вперед в море, оказалась под водой⁴⁹. Как только покидаешь Такюл, с глаз скрывается местность Бугаза. Итак, с учетом всех этих обстоятельств более чем вероятно, что указанные Страбоном поселения Акра и Корокондама, как расположенные у входа в пролив из Черного моря, следует искать: первое — на Такюле, последнее — близ Бугаза. Сам Пантикапей, как уже много раз предполагалось, скорее всего располагался на холмах за Керчью, вероятно несколько выдвинутый в сторону суши. Указанные выше в § 4 под № 1 круглые башни, возможно, являются остатками его укрепленной крепости. Едва ли он [Пантикапей] простирался вниз по равнине, в сторону Еникале, ибо Страбон ясно отмечает, что его гавань лежит на восточной стороне города, и потом на равнине находят также большое число холмов с урнами, которые, конечно же, находились вне города. Мирмекий лежал на восточной оконечности Керченской бухты, возможно там, где еще и сейчас можно видеть остатки древней башни, приведенной в § 4

под № 2. Европейский Парфений находился от него в 9 верстах, т. е. несколько заходя за Еникале, на оконечности, от которой побережье открывается в сторону Азовского моря. Расстояние до того берега здесь и дальше, к Еникале, если следовать за Северной косой, действительно не превышает 4–5 верст, как его указывает и Страбон между Ахиллием и Парфением⁵⁰. Странно, что в 11-й книге Мирмекий указан лежащим напротив Ахиллия в устье Боспора, а Парфения нет вовсе; вместо него мыслится поселение Гераклий, расположенное поблизости от Мирмекия. Невзирая на это, ранее, в 7-й книге, говорится, что Парфений, лежащий в 40 стадиях за Мирмекием, находится в самом узком месте пролива, как раз напротив уже упомянутого Ахиллия. Возможно, это расхождение проистекает от того, что моряк, от которого исходят содержащиеся в 11-й книге сведения, больше был знаком с азиатским побережьем. Быть может, причину этого следует искать также и в том, что, хотя моряк назвал расположенный непосредственно за Северной косой Ахиллий как лежащий в узком устье пролива, однако же, при определении положения европейского берега он имел в виду всю длину Северной косы, которая составляет более 10 верст.

§ 11

В заключение приведу здесь также краткий обзор встречающихся в Страбоновой топографии поселений и их предположительное местоположение в соответствии с нынешними картами⁵¹:

Древние названия	Новые названия
<i>Европейская сторона:</i>	
Феодосия	новая Феодосия
Акра	мыс Такюл
Нимфей	Карантин под Керчью
Пантикапей	холм за Керчью
Мирмекий	восточная оконечность Керченского рейда
Гераклий	местность по соседству с Еникале

⁴⁹ Там же. Л. 14а об.

⁵⁰ Там же. Л. 15а.

⁵¹ АГЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 20. Л. 15а об.

Древние названия	Новые названия
Парфений	восточное устье пролива
<i>Азиатская сторона:</i>	
Река Антикит	Кубань
Корокондамский лиман	Кубанский лиман
Корокондама	побережье Черного моря рядом с Бугазом
Фанагория	Бугаз
Кепы	местность по соседству с устьем Кубанского лимана, впадающего в Кизилташский [лиман]
Апатур} Гермонасса}	берег Кубанского лимана на стороне, расположенной напротив Бугаза
Горгиппия} Аборака}	Анапа и соседняя местность ²
Памятник Сатира	угол над Южной косой
Патрей	прилегающая местность
Парфений	береговой участок, на котором расположен холм, известный благодаря своему извержению
Ахиллий	насыпной холм выше Северной косы
Кимбрийское поселение	тупой угол, где побережье на одной стороне простирается к проливу, а на другой открывается в сторону Азовского моря
Клазоменская сторожевая башня	небольшая оконечность недалеко от того угла, дальше в Азовском море
Устье Антикита	поросшая камышами низина около Темрюка

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Е.М., Горлов Ю.В., 1997. Анапская экспедиция. Отчет о работах в 1997 г. // НА ИА РАН. Р. 1. № 20820.

Архив Академии наук СССР: Обзорение архивных материалов. Л., 1933. (Тр. Архива АН СССР. Вып. 1.)

Биберштейн, барон Федор Кондратьевич // Русский биографический словарь. СПб., 1908. Т.: Бетанкур — Бякстер.

[Биберштейн Ф.К.] 1797. О древних греческих надгробных камнях, встречающихся около Таврического пролива // Месяцеслов исторический и географический на 1797 год. СПб.

Ваксель Л., 1801. Изображения разных памятников древности, найденных на берегах Черного моря, принадлежащих Российской империи, снятые с подлинников в 1797 и 1798 годах. СПб.

Гнучева В.Ф., 1940. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описа-

ния архивных материалов. М.; Л. (Тр. Архива АН СССР. Вып. 4.)

Григоревич В.И., 1874. Записки антиквара о поездке его на Калку и Кальмиус, в Корсунскую землю и на южные побережья Днепра и Днестра. Одесса.

Латышев В.В., 1896. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб.

Латышев В.В., 1905. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. Вып. 14.

Летопись Российской академии наук. СПб., 2000. Т. 1: 1724–1802.

Липшиц С.Ю., 1947. Русские ботаники: Биографо-библиографический словарь. М. Т. 1: А-Б.

[Максимович М.А.] 1826. Некрология: Ф. Маршалл Биберштейн // Московский телеграф. Ч. 10. Кн. 15.

Масленников А.А., 2003. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М.

Мурзакевич Н.Н., 1844. Некоторые подробности о церкви св. Иоанна Предтечи в Керчи // ЗООИД. Т. 1.

Мусин-Пушкин А.И., 1794. Историческое исследование о местоположении древнего Российского Тмутараканского княжения. СПб.

Паллас П.С., 1999. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Отв. ред. Б.В. Левшин; Сост. Н.К. Ткачева. М. (Научное наследство. Т. 27.)

Паромов Я.М., 1992. Археологическая карта Таманского полуострова. М. 1018 с. (Депонирована в ИНИОН РАН № 47103 от 1.10.1992.)

Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 гг. В 4-х тт. СПб., 1911. Т. 4.

Региня Л.А., 2005. На берегу неба. СПб.

Салов А.И., 1979. Материалы для археологической карты Анапского района // КСИА. Вып. 159.

Смолянинова Л.А., 1965. Гербарий Маршалла Биберштейна // Ботанический журнал. Т. 50. № 4.

Сумароков П.П., 1800. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. М.

Сытин А.К., 1996. Иконографические материалы Ф.А. Маршалла фон Биберштейна в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук // Ботанический журнал. Т. 81. № 12.

Тункина И.В., 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб.

Тункина И.В., 2003. Забытый исследователь древностей Боспора конца XVIII в. — Ф.К. Биберштейн // Scripta Gregoriana: Древние цивилизации и мировая культура (к 70-летию академика Г.М. Бонгард-Левина). М.

Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века: Научное описание, 1783–1800 / Сост. Ю.Х. Копелевич, В.И. Осипов, И.А. Шафран; Под ред. Г.К. Михайлова. Л., 1987. (Тр. Архива АН СССР. Вып. 29.)

Bieberstein F.A., 1798. Tableau des provinces situées sur la côte occidentale de la mer Caspienne, entre les fleuves Terek et Kour. SPb.

Bieberstein F.A., 1800. Beschreibung der Ländern zwischen den Flüssen Terek und Kur am Kaspischen Meere. Frankfurt a. M.

Bieberstein F.A., 1808–1819. Flora Taurico-Caucasica exhibens stirpes phaenogamas, in Chersoneso Taurica et regionibus Caucasicae sponte crescentes. Charkoviae. Pars 1–3. Suppl. 1.

Bieberstein F.A., 1810–1843. Centuria plantarum rariorum Rossiae meridionalis, praesertim Tauriae et Caucasi, iconibus descriptionibusque illustrata. Pars 1–2. Charkoviae; SPb.

CIG — Boeckh A. Corpus inscriptionum Graecarum. Beroloni, 1843. Vol. II: Pars Undecima: Inscriptiones Sarmatiae cum Chersoneso Taurica et Bosporo Cimmerio.

Guthrie M., 1795. Dissertations sur les antiquités de Russie. SPb.

Guthrie M., 1802. A Tour, Performed in the Years 1795–1796, through the Taurida, or Crimea, the Ancient Kingdom of Bosphorus, the Once-Powerful Republic of Tauric Cherson, and All the Others on the North Shore of the Euxine, etc. London.

IosPE — Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Petropoli, 1890, 1901. Vol. II, IV.

Köhler H.K.E., 1805. Dissertation sur le monument de la reine Comosarye. SPb.

Pallas P.S., 1801. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig. Bd. 2. (Сокращенное переиздание: Leipzig, 1803. Bd. 2)

Waxel, L. de, 1803. Recueil de quelques antiquités trouvées sur les bords de la Mer Noire appartenans à l'Empire de Russie, dessinées d'après les originaux en 1797 et 1798 / Sammlung einiger Alterthümer, an den Küsten des schwarzen Meeres, innerhalb den Gränzen des Russischen Reichs entdeckt, in den Jahren 1797 und 1798 nach den Originalen gezeichnet. Berlin.

Н.И. Платонова

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

КАРЛ МАКСИМОВИЧ БЭР И НАЧАЛО ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕРВОБЫТНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ РОССИИ¹

ВВЕДЕНИЕ

Как отмечал А.А. Формозов в своей книге о начале исследований каменного века в России, «первой ласточкой» в этом деле стали публичные выступления К.М. Бэра. «10 октября 1859 г. выдающийся биолог академик Карл Максимович Бэр (1792–1876; Илл. 49) прочел в Русском географическом обществе доклад «О древнейших обитателях Европы», познакомив слушателей с достижениями «до-исторической археологии» во Франции, Дании, Швейцарии. Опубликовали этот доклад в 1863 г. Тогда же выпускавшийся Академией наук и рассчитанный на широкие слои читателей «Месяцеслов за 1864 (високосный) год» поместил более пространственный вариант работы Бэра, содержащий и 23 рисунка — каменных орудий, реконструкцию поселка на сваях и т. д.» (Формозов, 1983.С. 17).

Упомянутый доклад и публикации представляли собой лишь одно из целой серии выступлений по проблемам первобытного человека и его культуры, предпринятых К.М. Бэром в конце 1840–1860-х гг. (Бэр, 1849; 1851; 1863; 1864; 1865–1867; Бэр, Шифнер, 1862). В них проводился принципиально новый для России взгляд на вещественные

остатки древнейшего периода (каменные и костяные орудия) как на новый вид источников по истории первобытного человечества.

Признание научной и музейной ценности «остатков» знаменовало собой настоящий переворот в отечественном музейном деле. Деятельность К.М. Бэра положила начало накоплению материалов по первобытной археологии в центральных музеях (Бэр, Шифнер, 1862). Его сотрудник и последователь Петр Иванович Лерх (1828–1884) говорил впоследствии на II Археологическом съезде: «Коллекция Бутенева стала известною в Санкт-Петербурге в то время, когда в среде Академии наук и Российского Географического общества голос многоуважаемого К.М. Бэра требовал для подобного рода памятников быта древнейших обитателей нашего отечества места в наших музеях. Я имел удовольствие видеть, что при моем посредничестве упомянутая коллекция была приобретена Академией наук для ее Этнографического музея...» (Лерх, 1881. С. 10). Здесь речь идет об известной коллекции неолитических орудий, собранных в Олонецкой губернии горным инженером Николаем Федоровичем Бутеневым. Ее покупка музеем Академии наук стала первым прецедентом в деле при-

---

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (рук. проекта М.В. Аникович).

обретения археологических коллекций такого рода государственными музейными хранилищами нашей страны.

А.А. Формозов отмечал важную роль К.М. Бэра в деле популяризации достижений наиболее передовой в середине XIX в. скандинавской археологии. Это дело велось академиком с основательностью, достойной ученого-энциклопедиста, признанного всем миром «отцом эмбриологии». Так, например, для издания в России книги Й.-Я. Ворсо «Северные древности...» Академия наук «...упила в Дании матрицы этого альбома, и петербургская типография воспроизвела его целиком, включая и оригинальный текст. Параллельно дан перевод, выполненный хранителем Этнографического музея Леопольдом Федоровичем Радловым (1818–1865). Инициатор издания — К.М. Бэр — очень боялся, что оно пройдет незамеченным. Видимо, по его просьбе, статью о «Северных древностях» для газеты «Санкт-Петербургские ведомости» написал П.И. Лерх...» (Формозов, 1983. С. 18).

К.М. БЭР В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XX в.

Огромный вклад К.М. Бэра в развитие целого комплекса биологических наук и географии неоднократно был предметом рассмотрения историков естествознания XIX–XX вв. А вот роль его как идеолога комплексных исследований первобытности в России долго недооценивалась. Одной из причин этого послужило сдержанное отношение ученого к дарвинизму — особенно в части, касающейся происхождения и эволюции человека. Впрочем, в 1920-х гг. наступил короткий период, когда русские ученые как бы заново «открыли» для себя Бэра — философа естествознания, прямого предшественника В.И. Вернадского (Бэр, 1924; Вернадский, 1927; Радлов, 1927), а заодно и Бэра-«первобытника». Вы-

сказанные тогда оценки его трудов оказались не просто высокими — панегирическими.

В 1928 г., в первом выпуске «антропологического» журнала «Человек», его ответственный редактор акад. С.Ф. Ольденбург посвятил отдельную статью небольшой публикации К.М. Бэра, вышедшей из печати почти за 80 лет до того — «О влиянии внешней природы на социальные отношения отдельных народов и историю человечества» (Бэр, 1849). Здесь прямо указывалось, что «и качественно, и количественно Бэром сделано чрезвычайно много для изучения человека, но главное значение его работы... лежит в том широком подходе к этому изучению, в котором Бэр умел объединить дисциплины гуманитарные с дисциплинами естествоведческими (курсив мой. — Н.П.)... Путь Бэра — единственно правильный, и по нему желает идти наш новый журнал...» (Ольденбург, 1928. С. 9).

Однако развитие науки в СССР пошло далее совсем не по тому пути, который очертил для себя журнал «Человек». Не случайно его издание прекратилось уже на второй книжке (1929 г.). Фигура К.М. Бэра вновь стала рассматриваться исключительно в контексте естествоведческих исследований. Роль его в становлении археологии каменного века в России вновь была отмечена лишь А.А. Формозовым — да и то вкратце.

Настало время пристально рассмотреть этот аспект деятельности великого ученого и попутно сказать несколько слов о нем самом. К счастью, мы можем опираться здесь на работы историков естествознания, трудами которых многие работы К.М. Бэра, включая его «Автобиографию», оказались переизданы и переведены на русский язык (Бэр, 1950; Соловьев, 1941; Райков, 1950; 1951; Таммиксаар, 2000; и др.)². Здесь я постараюсь, по возможности, не пересказывать того, что уже известно, а сосредоточить внимание на том вкладе, который внес К.М. Бэр в развитие археологической мысли в России.

² В последние годы в литературе наблюдается всплеск интереса к личности и научным идеям К.М. Бэра. Совсем недавно они стали предметом монографического исследования (Назаров, 2008), основанного на изучении архивов ученого. Настоящая статья была написана до знакомства с этой монографией. Тем не менее, я считаю возможным опубликовать ее без переработки.

КАРЛ БЭР И «НЕМЕЦКАЯ ПРОБЛЕМА»
В РОССИИ XIX в.

Деятельность К.М. Бэра и его последователей-археологов (Л.Ф. Радлова и П.И. Лерха) до сих пор никогда не рассматривалась как одна из вех становления русской национальной археологии. Слишком «нерусскими» казались сами ученые. В этой связи показательно высказывание Д.Н. Анучина о деятельности К.М. Бэра в области антропологии. Отметив, что первые самостоятельные антропологические работы стали появляться в России лишь около 1850-х гг., он оговаривает: «...*Да и те были обязаны сначала ученым немцам, преимущественно К.-Э. Бэру* (курсив мой. — Н. П.)» (1900. С. 35).

Вопрос о «засилье» немцев в России XIX в. стоял весьма остро — в том числе и в научном сообществе. В Академии наук имелись свои «немецкая» и «русская» партии. Конечно, до рукоприкладства уже не доходило — бывшие схватки М.В. Ломоносова и Г.-Ф. Миллера отошли в анналы. Однако и во второй половине XIX в. газеты нередко писали о «темных силах, которые ревниво затворяют двери Академии перед русскими учеными» (Князев, 1931. С. 30). К.А. Тимирязев прямо называл Академию наук тех лет «немецкой», указывая, что она блистала «в 60-е годы именами Бэра, Ленца, Струве, Гесса и других» (Тимирязев, 1939. С. 147). Впрочем, как замечает автор специального исследования по данному вопросу, «Тимирязев мог бы подобрать и другие фамилии, — их было предостаточно, — а не склонять имена великих ученых...» (Романовский, 1999).

Глухой отзвук этой борьбы мы наблюдаем и в археологической публикации А.А. Иностранцева в «Вестнике Европы» за 1880 г. В ней упомянута одна из важнейших археологических статей К.М. Бэра (Бэр, Шифнер, 1862). Ссылка не обошлась без неприязненного замечания: оба академика — «иностранцы». А вот поучают русских, как надо любить отечественные древности (Иностранцев, 1880. С. 272–273). Здесь явно сказалось перманентное ощущение «национальной уязвленности», дававшее себя знать в русской публицистике тех лет.

Не следует забывать: середина — вторая половина XIX в. стали в России временем бурного культурного строительства. Всего за несколько десятилетий оказались созданы: национальная русская литература; русская симфоническая музыка; русская опера; русская живопись. К тому же периоду относятся выдающиеся открытия русских ученых в самых различных областях естествознания. Нет ничего удивительного в том, что в печати тех лет кипели нешуточные страсти вокруг русской *национальной культуры* и, в частности, вокруг *истории культуры*.

Эта пассионарная подоснова, жажда национального самоутверждения, на практике оказывалась основой многих достижений. Обратной же стороной процесса явилось то, что в указанный период «острие противостояния было направлено на детей, внуков и даже правнуков иностранцев петровского и екатерининского призывов. Они, само собой, родились в России и были российскими подданными...» (Романовский, 1999). Многие из них сами оказались захвачены делом строительства русской науки и культуры, служили своей родине не за страх, а за совесть. К числу именно таких людей принадлежал К.М. Бэр.

Несомненно, ему пришлось пережить немало тяжелых минут в связи со своей «исходной» национальной принадлежностью. В автобиографических заметках К.М. Бэра имеется такой пассаж: «...Немцам, живущим по эту сторону Наровы, говорят: «Зачем вам глядеть на Запад, вы вовсе не немцы, так как Петр Великий завоевал вас!». С Востока же мы слышим: «Держитесь от нас подальше, не нарушайте наш патриархальный покой, Бирон достаточно нам насолил!». Напрасно искать логическую формулу, в которой можно было бы объединить и герцога Бирона, временщика первой половины XVIII века, и обычного немца нашего времени, который, ища пропитания, странствует, занимаясь наукой... Как угодить этим людям? Что делать? Уйти обратно за Неман? Или уйти в Царствие небесное? Это было б, пожалуй, всего лучше...» (Бэр, 1950. С. 407).

Карл-Эрнст Бэр действительно родился «по эту сторону Наровы». Он был уроженцем и подданным Российской империи — и с дет-

ства считал своим отечеством ее, а не одно лишь поместье отца в Эстляндии. В 1812 г., будучи студентом-медиком в Дерпте, Бэр идет добровольцем на войну с Наполеоном. В своей позднейшей «Автобиографии» академик объяснил свое решение кратко: «Надо было постоять за родину...» (Там же. С. 154). Самоотверженная работа в тифозных госпиталях в Риге, переполненных жертвами французских бомбардировок, едва не лишила мир гениального ученого. Но здоровый от природы организм поборол болезнь.

Жизнь Карла-Эрнста сложилась так, что в дальнейшем он почти 20 лет прожил в Кёнигсберге, где и провел свои уникальные исследования по эмбриологии животных и человека. Однако ученый не отказался от российского подданства, а в дальнейшем приложил немало усилий, чтобы вернуться в Россию — что и исполнил, несмотря на отчаянное сопротивление супруги, урожденной баронессы фон Медем, видимо всерьез подозревавшей, что по улицам Петербурга гуляют белые медведи.

Позднее Бэр воспринимал как личное оскорбление любые презрительные выпады в адрес русского народа. Так, в частности, случилось в 1839 г., когда в английском журнале «Atheneum» появилась заметка о научных экспедициях в России. В ней утверждалось, что «варварство простонародья» якобы «губит... при организации путешествий благие намерения правительства» (цит. по: Райков, 1950. С. 28). На это К.М. Бэр, сам великий путешественник, исследователь Новой Земли и Прикаспия, счел нужным немедленно ответить: «Мы никогда не слышали ни об одной экспедиции, где бы намерения правительства были погублены варварством простонародья. Наоборот, простые русские люди почти всегда пролагали пути научным изысканиям. Вся Сибирь с ее берегами открыта таким образом. Правительство всегда лишь присваивало себе то, что народ открывал...» (Там же).

В 1840 г. граф Кейзерлинг, духовный вождь остзейского дворянства в России, с неудовольствием заявил в немецкой печати, что посещение академика Бэра произвело на него очень тяжелое впечатление. Бэр-де стал «хорошим русским патриотом» (Там же. С. 29). С последним утверждением следует согласить-

ся. Карл-Эрнст, полжизни проживший в чисто немецкой среде, успешно превращался тогда в «Карла Максимовича». На склоне лет он уже настолько сносно говорил по-русски, что в Каспийской экспедиции «в Астрахани мог беседовать с русскими купцами-рыбниками» (Холодковский, 1893). А в разработанном академиком плане археологического исследования России специально подчеркивался *национальный аспект* этих исследований.

К.М. БЭР И ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ДРЕВНОСТЕЙ

Исторический опыт всех без исключения европейских стран показал: восприятие памятников как *национального культурного достояния* явилось важнейшим фактором на пути превращения антикварной археологии в науку. По словам А.С. Уварова (1864 г.), «...чувство народности, пробужденное необходимостью для Европы сокрушить Наполеоновскую власть, обратилось, по умиротворении Европы, к изучению всего родного... Под влиянием чувства народности в Европе возникают Археологические Общества. Они дружными и совокупными силами занимаются исследованием родных памятников...» (1910. С. 127).

Есть все основания считать, что К.М. Бэр и его сотрудники, занимавшиеся проблемами изучения первобытности в Петербургской Академии наук, были в этом вопросе совершенно солидарны с А.С. Уваровым. Сам К.М. Бэр указывал: «Если Россия не займется изучением своей древнейшей старины, то она не исполнит своей задачи, как образованного государства. Дело это уже перестало быть народным: оно делается общечеловеческим. *Но затронется и разовьется интерес чисто национальный* (курсив мой. — Н. П.), если мы узнаем результаты всего того, что сделано на этом поприще другими народами, и если облегчится классификация и номенклатура древностей, находимых в нашем отечестве...» (НА ИИМК. Ф. 1. 1865. № 15. Л. 6).

В том же ключе высказывался последователь Бэра — петербургский ориенталист и археолог-первобытник П.И. Лерх, который в 1860–1870-х гг. активно развивал идеи свое-

го наставника в области первобытной археологии: «...Наше доисторическое прошедшее дорого нам, как зародыш нынешнего нашего существования и всей нашей будущности. Народ, уважающий себя и свою самостоятельность, не останавливается на созерцании одного настоящего, с любовью обращает взоры и к отдаленному периоду своего начала, старается определить степень своего родства с другими народами; узнать время и условия занятия той страны, в которой он основал себе отчизну; одним словом, желает узнать: каким образом он стал тем, чем есть теперь...

...Кто посещал за границею собрания... отечественных древностей... тот знает, с какой ревностью и успехом в упомянутых странах, кроме так называемых классических древностей, собирают и изучают еще и древности народные, относящиеся частью к периодам, о которых, по отсутствию в них письменности, мы принуждены почерпнуть сведения из скрывающихся в земле следов человеческого быта.

У нас также начинают сознавать необходимость мер к сохранению и разведке древностей, встречающихся в нашем обширном отечестве. ...Но они останутся недостаточными для успехов археологии... коль скоро в образованной части народа интересы науки археологической не будут встречать живого сочувствия...» (Лерх, 1863–1965. Т. IV. Вып. 2. С. 146–147).

Как видим, П.И. Лерх не менее своего учителя заслуживал звания «хорошего русского патриота». Как и А.С. Уваров, он считал, что именно подъем национального самосознания в Европе повсеместно способствовал развитию интереса к отечественным древностям. К тому же следует стремиться нам — в «нашем обширном отечестве».

«СКАНДИНАВСКИЙ ПОДХОД» В АРХЕОЛОГИИ И К.М. БЭР

Первые научные исследования первобытных эпох (неолита и бронзы) стартовали в Северной и Средней Европе за четверть века до начала распространения дарвинизма. Раскопки памятников изначально велись естествоиспытателями и археологами-историками в

тесном содружестве. Именно тогда в Скандинавии (в ходе изучения кьёккенмёддингов), а позднее в Швейцарии (после открытия свайных поселений), было положено начало широкому использованию данных геологии, палеозоологии, химии и других естественных наук при анализе материалов из раскопок (Лерх, 1863–1865). Тогда же было обращено внимание на петрографический состав изделий из камня, на остеологические и антропологические данные, на химический состав древних бронз. Проводились сопоставления результатов с геологическими картами, с материалами рудных месторождений и т. д. Пристальному изучению подвергался и сам вещественный материал — по формам изделий. Оговорим особо: в глазах самих ученых подобная практика диктовалась конкретными нуждами *исторического исследования* и отнюдь не переводила его в разряд естественнонаучных.

В основе данного подхода, названного позднее «скандинавским» (Scandinavian approach) (Trigger, 1989. Р. 80–85), безусловно, лежали представления об эволюции культуры во времени. Его основоположником Х.-Ю. Томсенем была предложена важнейшая классификационная схема, получившая название «системы трех веков». Основой ее стали самые общие представления о прогрессе, унаследованные от эпохи Просвещения. За ними стоял своеобразный феномен социальной психологии, новое, эволюционное видение мира.

Скандинавский подход оказал на русскую археологическую науку большое влияние. Его особенностью можно считать ясное осознание «исторического характера» археологии и предпочтение ретроспективного пути от известного (т. е. более позднего, этнографически и лингвистически исследованного) к неизвестному — более древнему, представленному лишь «вещественными памятниками». Именно в контексте скандинавского подхода следует рассматривать деятельность самой первой когорты исследователей первобытности в России 1850–1880-х гг. В этом ряду мы видим и естествоведов (К.М. Бэр, И.С. Поляков), и гуманитариев (Л.Ф. Радлов, П.И. Лерх, А.С. Уваров). Но К.М. Бэру принадлежит тут особая роль. Именно он своими

публичными и печатными выступлениями, по сути, *сформировал идеологию* данного научного направления на русской почве.

К.М. Бэр высоко ценил многие достижения европейской эволюционной этнологии 1840–1850-х гг., основанной на изучении современных «первобытных» народов. Впрочем, главным толчком в данном направлении стали для него не чужие, а собственные этнографические наблюдения, подкрепленные сопоставлением с новейшими по тем временам достижениями скандинавской археологической мысли. В связи с этим К.М. Бэр писал: «...Знание весьма различных состояний образованности у отдельных народов, с которыми мы познакомились через наши обширные путешествия... заставили предполагать, что весь род человеческий должен был испытать различные состояния, зависевшие от времени и от страны... Эти предположения впервые получили более прочное основание в весьма недавнее время, с тех пор, как стали *собира́ть остатки, сохранившиеся от этого доисторического состояния и находящиеся на поверхности и в глубине земной, сравнивать эти остатки между собой и пользоваться ими, как документами* (курсив мой. — Н. П.). Правда, что эти познания очень несвязны, но в некоторых странах Европы уже ясно высказываются в этом отношении различные периоды...

...Только по истечении первой трети нашего столетия, после того, как в Дании и Швеции... были собраны и изучены... памятники человеческого искусства дохристианских времен, Томсен в Копенгагене и Нильсен в Лунде почти одновременно указали, что, по крайней мере, в этих странах, прежде, чем было открыто железо... орудия... приготовлялись из смеси меди с оловом.

...Так как во многих могилах найдены только орудия из камня и кости и ни разу не встречено металлических орудий, но встречались предметы, которые впоследствии делались из бронзы, то названные ученые пришли к дальнейшему заключению, что было время, когда вообще не было известно употребление металлов... Таким образом, явилось разделение истории человеческого развития на периоды, которые и названы —

каменным, бронзовым и железным веками...» (Бэр, 1864. С. 27, 28).

Как видим, в рассуждениях К.М. Бэра постоянно увязываются между собой два фактора — эволюционно-временной и географический. Он готов допустить, что «весь род человеческий» прошел ряд общих ступеней развития, имевших, однако, большую специфику в разных странах в различные времена. Но сформулированный Бэром научный подход серьезно отличался от позднейшего палеоэтнологического, всецело основанного на естественнонаучной концептуальной платформе. При всем подчеркнутом внимании к естественнонаучным методам и аспектам исследования, археология, в основе своей, оставалась у него культурологической, гуманитарной дисциплиной.

Убежденный моногенист, человек гуманистических убеждений, К.М. Бэр горячо отстаивал идею видового единства человечества и равенства рас. Человека каменного века он изначально воспринимал как полноценного человека — мыслящего и творческого. Бэр отказывался видеть в нем «переходное звено» от животного состояния к культурному: «...человек сотворен нагим и беззащитным, но с оконечностями, вполне развитыми для изготовления орудий защиты, с мыслящим духом и даром слова...» (Бэр, 1863. С. 2). Эта позиция авторитетного ученого заметно сказалась на первых шагах русской первобытной археологии. В трудах А.С. Уварова, П.И. Лерха, И.С. Полякова мы не найдем сентенций о «примитивности» тех или иных человеческих сообществ, о принадлежности их к «низшей ступени развития», «низшей расе» и т. д. Между тем, в европейской антропологии XIX в., включая новейшую школу П. Брока, представление о высших и низших расах являлось чем-то само собой разумеющимся.

К.М. БЭР И ТЕОРИЯ Ч. ДАРВИНА

Сдержанное отношение К.М. Бэра к дарвинизму — особенно в части, касающейся происхождения и эволюции человека, — в ряде случаев послужило причиной негативной оценки его деятельности в XX в. Причем

наиболее резкие оценки исходили от ученых, достаточно далеких от биологии — основной специальности К.М. Бэра. Так, в позднейшей биографии Д.Н. Анучина, составленной В.В. Богдановым, о К.М. Бэре сказано:

«...В 1865 г. Бэр в журнале «Натуралист» поместил на русском языке статью «Место человека в природе», в которой бывший сторонник прогрессивных воззрений в биологии выступил решительным противником Дарвина. Бэру, правда, русская наука обязана организацией некоторых русских экспедиций, давших ценные антропологические материалы, и устройством в Петербурге Антропологического музея Академии наук. В итоге анатом и эмбриолог Бэр дал весьма немного науке, а его антидарвинистский поход... обесценивает и всю его научную деятельность в изучении человека...» (Богданов, 1941. С. 18, 19).

Такая резкая и необъективная оценка требует комментариев. Конечно, она может объясняться элементарной неосведомленностью автора. Можно предположить и другое: автор старался оттенить заслуги своего героя — убежденного дарвиниста Д.Н. Анучина, — принижая его предшественника. Так или иначе, в работе Богданова подчеркивается, что К.М. Бэр был в России «чужим». Из работ его упомянута только одна — одиозная для всех дарвинистов статья в журнале «Натуралист» (Бэр, 1865).

В.В. Богданову — музееведу-этнографу с 40-летним стажем, конечно, было известно, какую высокую оценку давали деятельности К.М. Бэра-антрополога ученые его поколения. В связи с этим стоит подробнее рассмотреть уже упоминавшуюся выше публикацию акад. С.Ф. Ольденбурга 1928 г. в журнале «Человек».

«Большая часть из того, что сказано в этой статье (Бэр, 1949. — Н.П.), — писал тогда С.Ф. Ольденбург, — для нас теперь общеизвестно и перестало требовать доказательств, и, тем не менее, не бесполезно ее вновь перечитать многим представителям гуманитарных наук, которые, теоретически признавая необходимость постоянной увязки их работы с данными, получаемыми дисциплинами естественными, на практике... совершенно не считают или считаются в самой незначи-

тельной мере с факторами окружающей человека природы...» (1928. С. 6).

Главной заслугой Бэра С.Ф. Ольденбург называл *«тот широкий подход... в котором Бэр умел объединить дисциплины гуманитарные с дисциплинами естествоведческими»* (Там же. С. 9). «Чем объяснить, что это направление исследований не нашло себе настоящих продолжателей, — спрашивал автор, — и что, в общем, гуманитарии и естествоиспытатели идут все еще в своей работе отдельными путями?» Может быть, причина этого, несомненно отрицательного, явления кроется в *«несоответствии точности методов исследования, доступных этим, столь разным, областям науки? Естествоиспытатели «не считают возможным удовлетвориться той приблизительностью, которая одна еще пока доступна гуманитариям... Во всяком случае, путь Бэра — единственно правильный...»* (Там же).

Подобная оценка идей К.М. Бэра в 1920-х гг. стала возможной, потому что в указанный период — в результате новых открытий в области генетики — учение Ч. Дарвина о происхождении видов в результате естественного отбора перестало восприниматься как догма, безоговорочное признание которой обязательно для всякого прогрессивного человека. Некоторые представления классика эволюционной биологии были признаны устаревшими, и, в большой степени, скорректированы. В редакционном комитете журнала «Человек» участвовали представители многих естественных наук, в том числе акад. И.П. Павлов и один из виднейших русских генетиков проф. Ю.А. Филипченко. Несомненно, программная статья С.Ф. Ольденбурга, отражавшая, фактически, теоретическую платформу журнала (*«Путь Бэра единственно правильный...»*), не могла быть принята к печати без их согласия.

Какие же высказывания К.М. Бэра воспринимались, как «антидарвинистский поход» и вызывали яростный протест у естествоиспытателей-эволюционистов XIX в.? В уже упоминавшейся статье в журнале «Натуралист» академик писал: *«...Как достигла родоначальница... обезьяна, что получила человеческую ногу? ...Бросила деревья и начала упражняться в хождении по ровной земле?..*

Но куда же подевалась борьба за существование? Плоды, которыми она прежде питалась, растут на деревьях... Должно ли принять, что все деревья были истреблены?.. Но тогда необходимо должны были погибнуть все обезьяны. Или должно допустить, что обезьяны в течение тысячелетий упражнялись в хождении по ровной земле, и с земли доставали плоды, чтобы только отказаться от роковой формы ноги и не сохранить ее упражнением в лазаньи? Но это будет не борьба за существование, а борьба за цивилизацию, которой они должны предаваться в течение тысячелетий. Но где мы найдем и у человека, чтобы потребности желудка были пожертвованы духовным потребностям?..

...Гекслей рассуждает почти следующим образом: так как Дарвинова гипотеза есть единственная, которую можно принять, то к ней должно прибегнуть для объяснения происхождения человека. Но есть гораздо простейший исход: именно сознаться, что мы не знаем или не понимаем происхождения различных животных естественноисторическим путем...

...Я нисколько не принимаю, что все органические существа не изменчивы, и выражал это убеждение... до появления сочинений Дарвина. Но чтобы верить в такую большую изменчивость, я требую доказательств и, прежде всего, переходных форм...» (Бэр, 1865–1867. С. 30–31).

Очерченная Бэром позиция — это позиция строгого ученого-позитивиста, верящего, в первую очередь, опыту: «Натуралист, как таковой, не имеет права верить в чудо, то есть в отмену законов природы: то, что лежит вне их, для него не существует...» (цит. по: Райков, 1951. С. 148). В принципе, «нет никаких оснований бояться признать происхождение человека от низших форм... Но дело в том, что подобная филогения для человека *не доказана и представляет собой род научной спекуляции* (курсив мой. — Н. П.)...» (Там же. С. 147).

По мнению самого К.М. Бэра, учение Дарвина не следовало бы отождествлять с «гипотезой трансмутации вообще». Это лишь попытка *объяснить* трансмутацию — тот род и способ, которым она происходит. Однако накопление мелких изменений, с точки зре-

ния самого Бэра, не могло повести к образованию новых видов. Естественный отбор не в силах объяснить морфогенез. То же касается и полового отбора, описанного Ч. Дарвином (Там же. С. 148, 149). Те изменения, которые реально могли быть прослежены на домашних животных, всегда совершались в рамках одного вида, а потому не существенны. Если же запрограммированный «образовательный процесс» эмбрионального развития почему-либо нарушается, то это ведет отнюдь не к образованию новых видов, а к остановке всего процесса или к образованию уродов (Бэр, 1865–1867. С. 12).

Как отмечал один из биографов, «проработав свои лучшие годы над эмбриологией, имея дело с развитием зародыша в яйце, которое происходит вполне закономерно, под влиянием цепи... внутренних причин... Бэр, естественно, был склонен придавать особое значение именно внутренним причинам, управляющим развитием и жизнью организма...» (Холодковский, 1893). Отрицание принципа естественного отбора как ключа к пониманию процесса «очеловечивания» не означало для него отрицания идеи эволюции как таковой. Но как строгий ученый, Бэр предпочитал, при отсутствии фактов, «сознаться, что мы не знаем». Ныне приходится констатировать: во многих вопросах он оказался дальновиднее своих прогрессивных современников.

К.М. БЭР И ЕГО ПЛАН АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИИ

Круг основных проблем, намечавшихся академиком в связи с предстоящим исследованием нашей страны в археологическом отношении, был ясно обрисован им в «Записке о снаряжении археолого-этнографических экспедиций в пределах Российского государства». Эта статья опубликована на немецком языке в Бюллетене ИАН (1864. Т. VII. С. 288–295). Здесь я пользуюсь переводом, выполненным П.И. Лерхом и приведенным в его неопубликованной работе «Соображения об археологической поездке в северо-восточные губернии» (Лерх, 1865). Последняя была пред-

ставлена в Императорскую Археологическую комиссию в качестве обоснования плана полевых исследований 1865 г.

«...Откуда появилось искусство обрабатывать различные металлы? Как и откуда вывезены разнообразные породы хлебных растений и домашние животные? — спрашивает К.М. Бэр. — Вот задачи, пока еще не тронутые, или, по крайней мере, не решенные. Осторожные датчане и шведы приписывают эти успехи... не первым жителям своих стран, а позднейшим пришельцам. Филология и история доказали, что вышеназванные... элементы перенесены сюда из Азии; то же самое подтверждается и находками, добытыми в могилах. Но откуда именно и каким образом происходили эти переселения — это вопросы, которые можно будет разъяснить только тогда, когда и другие страны примутся за такие же усердные исследования остатков своей родной старины, как то сделал скандинавский север.

...Самое решение этих вопросов может быть найдено единственно в странах, лежащих между Азией и западною Европою — именно в России... У нас со времен Карамзина ревностно занимаются тою частию отечественной истории, которая основывается на письменных памятниках; но колыбель нашей народной жизни, все то, что предшествовало письменности, представляет еще сырой неразработанный материал. Разрывались у нас курганы, писались об них всевозможные отчеты; но дело в том, что, во-первых, все эти отчеты не подведены под общие точки зрения, а, во-вторых, нет общего и достаточно обширного собрания всех родов найденных доисторических предметов. Такие предметы, если они не состоят из благородных металлов, часто даже не сберегаются или, по крайней мере, не вносятся в общее собрание. У нас даже не решено, как называть те или другие предметы. Между тем, все те из иностранных ученых, которые серьезно интересуются исследованием древнейшей истории человеческого рода, ждут с нетерпением возможно полных известий из России, послужившей переходной станцией для древнейших образовательных начал.

Достаточно одного беглого взгляда на карту, чтобы убедиться, что этим переселениям

из Азии в Европу оставалось на выбор только два пути: морской — через греческий архипелаг или Геллеспонт, или сухопутный — через широкую Русскую равнину... У нас уже давно заметили, что в так называемых чудских копях или чудских могилах в Сибири сохранились металлические изделия значительной древности; связь их с введением металлического производства в западной Европе и самое время разработки этих копей можно будет определить только тогда, когда составятся полные и правильные собрания таких находок с достоверными и полными сведениями о месте нахождения...

Если Россия не займется изучением своей древнейшей старины, то она не исполнит своей задачи, как образованного государства. Дело это уже перестало быть народным: оно делается общечеловеческим. Но затронется и разовьется интерес чисто национальный, если мы узнаем результаты всего того, что сделано на этом поприще другими народами, и если облегчится классификация и номенклатура древностей, находимых в нашем отечестве...» (цит. по: Лерх, 1865. Л. 4 об — 6).

Обосновав таким образом «научную потребность археологического исследования России», К.М. Бэр сформулировал план, по которому следовало организовать изучение «доисторических переселений и быта древних обитателей» на ее территории (Там же. Л. 6). Для этого, по его мнению, было необходимо снарядить экспедиции в различных направлениях, на три года. От их руководителей требовалось «полное знакомство с результатами западноевропейских исследований о доисторическом быте человечества», а также с опубликованными сведениями о раскопанных в России памятниках. Первая экспедиция должна была обследовать курганы в пределах области распространения «чудских могил» и раскрыть некоторые из них — самые разнородные, — параллельно наводя справки об уже имевших место раскопках. Вместе с тем, по мнению К.М. Бэра, следовало бы провести поиск следов древних поселений или иных остатков деятельности человека «по краям озер».

После этих обследований Бэр планировал более специальные экспедиции: 1) в низменность на юге Урала; 2) к екатеринбургской

впадине Уральского хребта; 3) в Крым через Тамань и в Понтийско-Каспийскую степь. По его мнению, эти три пути могли оказаться «главными вратами переселения». По всем указанным направлениям следовало, с его точки зрения, вскрывать курганы и известные «плоские могилы», а затем осуществить широкое сравнение всех сделанных находок. Исполнение своего плана он считал действительно необходимым, с учетом того, что «в самых различных местностях России открываются курганы и другие могилы, о содержании и устройстве которых не доводится до всеобщего сведения» (Там же. Л. 6 об — 7).

Как видим, идея, что «свет с Востока» шел в Западную Европу через Россию, оказалась впервые введена в отечественную науку именно К.М. Бэр. Данная гипотеза была подсказана всей логикой исследований того периода в области сравнительного языкознания. Указанное направление, в полном смысле слова, открыло новые горизонты для исследования первобытности. По выражению П.И. Лерха, «результаты, добытые с помощью лингвистики, превосходят все надежды самого пылкого воображения археологов до применения сравнительного метода к изучению языков...» (Лерх, 1863–1865. Т. IV. Вып. 2. С. 150). Все археологи первой половины — середины XIX в., задававшиеся вопросами происхождения земледелия, металлургии и т. п. в Европе, так или иначе апеллировали к современным им разработкам мировой индоевропеистики. По представлениям тех лет, разделявшимися и К.М. Бэром, «филология и история» уже вполне доказали, что «вышеназванные... элементы перенесены сюда из Азии» (Лерх, 1865. Л. 4 об).

Впечатляющих результатов достигло в тот период и финно-угорское языкознание. В частности, К.М. Бэру были прекрасно известны результаты экспедиций М.-А. Кастрена по Русскому Северу, Уралу и Сибири, производившиеся с целью сбора и обобщения языкового материала коренного населения указанных регионов. Эти экспедиции организовывались и финансировались Петербургской Академией наук. Материалы их были обобщены и опубликованы в Санкт-Петербурге коллегой и соавтором К.М. Бэра, акад. А.А. Шифнером, в 1853–1862 гг. Резуль-

татом этого стала разработка алтае-саянской гипотезы происхождения урало-алтайской группы языков и их носителей. Она получила обоснование на базе огромного материала, обрета, в результате, внутреннюю логику и научную строгость (Матюшенко, 1992. С. 25).

На этом фоне становится ясно, почему важнейшая роль в историческом процессе априорно отводилась многими учеными XIX в. — в том числе К.М. Бэром — миграциям и заимствованиям с востока. И то, и другое представляло собой феномены, хорошо известные по письменным источникам. Факты древних переселений логично вытекали из исследований лингвистов, результаты которых не вызывали у ученых-историков и археологов никаких сомнений. Казалось, необходимо лишь детализировать их, уточнить, откуда, как и когда осуществлялись миграции. Развить указанную концепцию далее предстояло в России П.И. Лерху и А.С. Уварову.

Подход, намеченный Бэром, предполагал опору именно на данные лингвистики и проверку исходной гипотезы с помощью раскопок. Полученные предметы должны были систематизироваться и использоваться в дальнейшем как *документы*, подлежащие, в свою очередь, сравнительному исследованию и музейному хранению. Характерно, что даже в сжатом, почти тезисном, изложении К.М. Бэр находит место для постановки проблемы выработки «номенклатуры и классификации древностей». Эту последнюю, с его точки зрения, следовало осуществить на базе самого современного зарубежного опыта. Тут, безусловно, сказался подход строгого естествоиспытателя, хорошо понимающего, что без разработанной номенклатуры и классификации нет науки.

Сам порядок археологического обследования России явно виделся К.М. Бэру по образцу и подобию его собственных комплексных экспедиций 1830–1850-х гг. Возможно, стань он сам во главе такого проекта, его авторитета хватило бы, чтобы настоять на осуществлении этих планов, хотя бы частичном — силами Академии наук. Несомненно, в таких экспедициях нашлось бы место и для углубленного изучения памятников в естественнонаучном отношении — в частности, для постановки

вопросов о природной, географической среде древности. Как уже говорилось выше, эти вопросы давно интересовали К.М. Бэра. Но в 1864 г. ему было уже за семьдесят. Сама же задача выглядела весьма нетривиально.

Прежние обследования российских окраин, производившиеся ИАН и РГО, лишь по ходу дела дополнялись сведениями из области археологии и этнографии. Их главной целью был сбор естественнонаучных или лингвистических данных. И то, и другое являлось в России прерогативой, в первую очередь, Академии наук. Для этого там имелись хорошо подготовленные кадры исследователей. Теперь же ставилась совершенно иная, непривычная цель — специальное *археологическое* изучение целых регионов Империи, включая обширные раскопки. Но кто должен был их осуществлять? И на чьи средства?

В ту пору, когда М.-А. Кастрен, К.М. Бэр, Л.И. Шренк и др. проводили свои комплексные экспедиции на Урал, в Прикаспий, на Амур и т. д., в России еще не существовало государственного учреждения, ведающего раскопками. Но в 1859 г. таковое, наконец, появилось — в лице Императорской Археологической комиссии. Организация целенаправленных археологических обследований автоматически отошла в ее ведение. При этом ни бюджет Комиссии, ни ее оснащенность кадрами исследователей на том этапе не шли ни в какое сравнение с возможностями ИАН. Но это была новая реальность, с которой пришлось считаться, в частности, сотрудникам Академии наук, обратившимся к изучению первобытной археологии. Не случайно в 1865 г. П.И. Лерх обращается со своим проектом археологического изучения северных финских народностей именно в ИАК.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деятельность К.М. Бэра сыграла *формирующую* роль в процессе становления отечественной археологии. Его выступления ознаменовали собой начало разработки отечественных памятников как *национальных древностей*, понимаемых как исторические источники. Данный процесс сопровождался пробуждением общественного интереса к памятникам. «Бэровская традиция» в русской археологии характеризовалась: а) органичным сочетанием гуманитарных и естественнонаучных методов в рамках историко-археологического исследования, отчетливой постановкой проблемы влияния географической среды на культуру; б) профессиональной увязкой полученных данных с данными сравнительной лингвистики.

Никакого выраженного противопоставления научных подходов — «исторического» и «естествоведческого» — в этот период еще не прослеживается. Археологические работы, проводившиеся тогда, с одной стороны, учеными-естественниками, с другой — гуманитариями, характеризует общность поставленных задач, методов и конечных целей. Ключевые памятники, как правило, изучались ими совместно.

В методологическом плане К.М. Бэр и его последователи ориентировались на разработки скандинавских ученых середины XIX в., ставших первопроходцами в области археологической типологии и хронологии. Идея эволюции в культуре органично уживалась у них с другой — априорно отводившей важную роль в историческом процессе миграциям и заимствованиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анучин Д.Н., 1900. Беглый взгляд на прошлое антропологии и на ее задачи в России // Русский Антропологический журнал. Кн. 1.
Богданов В.В., 1941. Дмитрий Николаевич Анучин. М.
Бэр К.М., 1849. О влиянии внешней природы на социальные отношения отдельных народов и историю человечества // Карман-

- ная книжка для любителей земледения за 1848 год. СПб.
Бэр К.М., 1851. Человек в естественно-историческом отношении. СПб.
Бэр К.М., 1863. О древнейших обитателях Европы // Зап. РГО. Кн. 1.
Бэр К.М., 1864. О первоначальном состоянии человека в Европе // Месяцеслов

за 1864 (високосный) год. СПб. Приложение.

Бэр К.М., 1865–1867. Место человека в природе // *Натуралист.* 1865. № 19–24; 1866. № 9, 18, 22–24; 1867. № 1–3. (Отд. отт.)

Бэр К.М., 1924. Избранные работы (главы из «Истории развития животных» и «Всеобщий закон природы, проявляющийся во всяком развитии»). Л.

Бэр К.М., 1950. Автобиография. М.; Л.

Бэр К.М., Шифнер А.А., 1862. О собирании доисторических древностей в России для этнографического музея // *Зап. ИАН.* СПб. Т. 1. Кн. 1.

Вернадский В.И., 1927. Памяти академика К.М. фон-Бэра // *Первый сборник памяти Бэра.* Л. (Тр. Комиссии по истории знаний. Вып. 2.)

Иностранцев А.А., 1880. Человек каменного века у Ладожского озера // *Вестник Европы.* СПб. Кн. 5.

Князев Г.А., 1931. Дмитрий Иванович Менделеев и Императорская Академия // *Вестник АН СССР.* № 3.

Лерх П.И. 1863–1865. Орудия каменного и бронзового веков в Европе // *Изв. РАО.* 1863. Т. IV. Вып. 2; 4; 1865. Т. V. Вып. 4.

Лерх П.И., 1865. [Рукопись]. Соображения об археологической поездке в северо-восточные губернии // О разыскании г. Лерхом древностей в губерниях Олонецкой, Вологодской и Вятской. (НА ИИМК. Ф. 1. 1865. № 15. Л. 1а–14)

Лерх П.И., 1881. Какие замечаются черты сходства и различия в материале и форме, а поэтому и в цели назначения каменных орудий, которые находятся в Финляндии, Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерниях и Прибалтийском и Северо-Западном краях // *Тр. II АС в С.-Петербурге.* Вып. 2.

Матющенко В.И., 1992. История архео-

логических исследований Сибири (до конца 1930-х годов). Омск.

Назаров А.Г., 2008. Карл Максимович Бэр (1792–1876). М.

Ольденбург С.Ф., 1928. К.М. Бэр и изучение человека // *Человек.* № 1.

Радлов Э.Л., 1927. К.М. фон Бэр как философ // *Первый сборник памяти Бэра.* Л. (Тр. Комиссии по истории знаний. Вып. 2.)

Райков Б.Е., 1950. Введение в автобиографию К.М. Бэра // *Бэр К.М. Автобиография.* М.; Л.

Райков Б.Е., 1951. Карл Максимович Бэр // *Русские биологи-эволюционисты до Дарвина.* М.; Л. Т. 2.

Романовский С.И., 1999. «Обрусение» российской науки как национальная проблема // *Вопросы истории естествознания и техники.* № 3. <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/RUSPLUS.HTM>

Соловьев М.М., 1941. Бэр на Каспии: Каспийская экспедиция 1853–1856 гг. под руководством акад. К.М. Бэра. М.; Л.

Таммиксаар Э., 2000. Географические аспекты творчества Карла Бэра в 1830–1840 гг. // *Dissertationes geographicae universitatis Tartuensis.* Тарту. № 11.

Тимирязев К.А., 1939. Развитие естествознания в России в эпоху 60-х годов // *Тимирязев К.А. Соч. М. Т. VIII.*

Уваров А.С., 1910. Материалы для биографии и статьи по истории археологии // *Сборник мелких статей: К 25-летию со дня кончины графа А.С. Уварова.* М. Т. III.

Формозов А.А., 1983. Начало изучения каменного века в России. М.

Холодковский Н.А., 1893. Карл Бэр, его жизнь и научная деятельность. СПб. http://az.lib.ru/h/holodkowskij_nikolaj_aleksandrowich/text_0070.shtml

Trigger B.G., 1989. A History of Archaeological Thought. Cambridge. XIII.

С.П. Щавелёв

Курский государственный медицинский университет

**«ГОЧЕВСКИЕ ДРЕВНОСТИ ОБОЯНСКОГО УЕЗДА
КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ» 1909 г.:
ПУБЛИКАЦИЯ АРХИВИРОВАННОГО ОТЧЕТА
ПОСЛЕДНЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ Д.Я. САМОКВАСОВА¹**

Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843–1911) принадлежит к числу крупнейших русских археологов. Сегодня это очевидно, но в советской историографии его научные заслуги замалчивались, а то и очернялись — ведь политические взгляды заслуженного профессора Московского университета носили консервативно-монархический характер. А.А. Формозов первым назвал его среди основоположников отечественной науки об исторических древностях (Формозов, 1961. С. 117). Мое знакомство с Александром Александровичем произошло в связи с выходом его книги «Следопыты земли московской» (1988), где приоритет в раскопках Дьякова городища в селе Коломенском под Москвой отдается В.И. Сизову — я в переписке с маститым историком науки попытался отстоять первенство Д.Я. Самоквасова. Хотя в этом частном вопросе А.А. остался при своем мнении, но мою статью о вкладе этого автора в теорию, методологию и методику археологических исследований включил в историографический сборник Института археологии РАН (Щавелёв, 1991. С. 25–50). Хотя, как известно коллегам А.А., официальные отзывы на рукописи он давал крайне редко, но сделал исключение из своего правила и стал титуль-

ным рецензентом биографии этого ученого (Щавелёв, 1998), а потом и научным редактором обширного издания его эпистолярия (Археология, история и архивное дело... 2007). Эта небольшая предыстория позволяет мне посвятить светлой памяти нашего замечательного наставника очередную публикацию из архива Д.Я. Самоквасова. А именно, наиболее полный отчет о последней и весьма результативной экспедиции профессора — документ, целое столетие прятанный в архивных дебрях. Его обнаружение и настоящая публикация лишней раз подтверждают концепцию А.А. Формозова (1978) о незаменимой роли архивов для кабинетной и полевой археологии.

**КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ
ГОЧЕВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
КОМПЛЕКСА**

В 2009 г. исполнилось 100 лет с начала раскопок археологического комплекса в районе с. Гочева некогда Обоянского уезда Курской губернии, а ныне Беловского района Курской области. Здесь расположен сгусток объектов разных эпох, от неолита до позднего сред-

---

¹ Публикация выполнена при поддержке РГНФ по проектам 08-0172102 ф/Ц 2008–2009 гг. и 09-01-72107 ф/Ц 2009–2010 гг.

невековья (Археологическая карта... 1998. С. 130–152). О его существовании в Губернской ученой архивной комиссии узнали в 1905 г. из сообщения здешней учительницы Е.И. Резановой (1866 — после 1936), собиравшей фольклор (1911). А еще раньше некто А.А. Филиппенко из Обоянского уезда писал о Гочеве в ИМАО (1897), но это обращение осталось без последствий.

Разведка, произведенная по верхнему течению Псла главой губернского акциза и любителем археологии К.П. Сосновским (1861 — после 1916), очертила центр Гочевского комплекса — два близлежащих городища и курганный могильник, насчитывавший первоначально от 4 до 5 тысяч насыпей. Сердцевинная его часть — между бывшим валом и рекой, так называемое Предгорье, — давно и все шире распаивалась (Сосновский, 1915). Так что задуманные курянами раскопки носили охранный и даже спасательный характер. Руководить ими был приглашен известный археолог Д.Я. Самоквасов, имевший давние связи с Курщиной, научные и семейные, и предложивший финансировать поездку.

В 1909 г. состоялась экспедиция членов ГУАК во главе с Д.Я. Самоквасовым, которая с 18 по 26 августа провела здесь раскопки: вскрыла 278 курганов, шурфовала (с помощью 4 траншей) городища, разведывала урновые погребения возле соседней д. Шмыревой. Профессору, который «переходил от кургана к кургану и руководил работами, постоянно заглядывая в журналы, обсуждая записи и поправляя их, если было нужно» (Дневник... 1915. С. IV–V), сопровождали председатель комиссии А.Н. Кобылин, ее члены Н.И. Златоверховников, К.П. Сосновский, Ф.П. Амелин, П.П. Афанасьев. Добытые вещи реставрировали и нашли на картоны помогильно. Будучи переданы им в специальный курский музей археологии, гочевские древности оказались впоследствии в областном краеведческом музее и были все-таки депаспортизованы.

Обострение смертельной болезни помешало профессору самому довести до конца издание гочевских древностей. В его завещании 300 руб. отводились на публикацию «Дневника раскопок в окрестностях села Гочева» и большеформатного «Атласа гочевских древ-

ностей». В 1915 г. эти издания увидели свет и стали своеобразным эталоном введения в научный оборот могильных комплексов курганных находок, с их полным перечнем, точными изображениями, как правило, в натуральную величину или же в масштабе; с характеристикой состава и структуры соответствующих погребений.

Первым желание «продолжить исследования, произведенные проф. Д.Я. Самоквасовым», выразил в 1912 г. выпускник Московского Археологического института, учитель Курского реального училища, П.С. Рыков (1884–1942). К нему присоединился гимназист Л.Н. Соловьев (1894–1967). Сосновский рекомендовал им «повести раскопки планомерно», т. е. не в разных местах могильника наудачу, как с рекогносцировочной целью делалось ранее, а скрыть все насыпи подряд на одном определенном участке. Молодые люди так и сделали — раскопали целиком, на снос, 109 курганов, обнаружив там 111 погребений. Находки подтвердили самоквасовскую атрибуцию основной части могил как славянских, причем накопившихся за несколько веков (X–XII). Профессор вычленил здесь разные типы могил: захоронения остатков кремации покойников на стороне в керамических урнах; погребения с обугленными костяками и богатым инвентарем; гробницы христианского обряда, почти без вещей. Рыкову и Соловьеву удалось проследить в Гочеве переход от полной, затем частичной, кремации к ингумации в ямах и, наконец, в гробах. Позднее и тот, и другой стали видными советскими археологами, и П.С. Рыков опубликовал результаты своих гочевских раскопок с посвящением первоисследователю памятника (Рыков, 1923).

В 1913 г. здесь работал «окончивший курс в Московском Археологическом институте» В.С. Львович, менее опытный археолог (что видно по его слишком обобщенному, раскритикованному А.А. Спицыным отчету) (Львович, 1913). Его послала сюда графиня П.С. Уварова, чтобы «не уступать» богатого памятника «конкурентам» из Петербурга. На его долю пришлось 35 могильных насыпей.

В том же 1913, а затем в 1915 г., в Гочеве работал член-сотрудник ИРАО В.Н. Глазов, всего раскопавший 206 насыпей и обследовавший городище «Крутой Курган» (1913; 1915).

Сохранившиеся в архивном фонде ИАК отчеты всех этих раскопок используются современными исследователями археологического Гочева, тем более что за прошедшее время многие его части оказались разрушены распашкой и прокладкой ЛЭП.

В советское время гочевскую экспедицию возглавил «старший научный сотрудник Института истории АН тов. Рыбаков», будущий академик. Решение доцента МГУ возобновить раскопки на Курской земле поддержал не только указанный академический институт, но и ГИМ, и МГУ, где Рыбаков также сотрудничал. Часть денег и рабочих рук дал Курский областной музей, с которым москвич заключил джентльменский договор о разделе находок (по заранее намеченным частям раскопа). После первого сезона работ (в основном на городище «Царев дворец») в 1937 г. Рыбаков пришел к выводу, что «Гочевское городище весьма интересный памятник, имеющий значение для решения ряда важных общих проблем и необходимо дальнейшее исследование его», и решил предпринять «раскопку полностью всей его территории, срез всех валов и пробную раскопку городища “Царский дворец”». Что и было сделано той же экспедицией в 1939 г. Результаты этих раскопок отражены в сугубо конспективных отчетах Б.А. Рыбакова, с тех пор надолго затерявшихся в архивах (см. их публикацию: Щавелёв, 2002. С. 161–176). Автор задумывал итоговое издание этого памятника (объемом до 5 печатных листов) — «Гочевское городище и его могильник». «Книжка, — по его мнению, — должна быть написана популярно (но не элементарно) и рассчитана на среднего массового читателя (учителя, студента, школьника старших классов и т. д.). Здесь должны быть даны некоторые общие сведения о славянах, их хозяйственном и бытовом укладе, специально сведения о племени северян, населявших курскую область, и обобщены данные о Гочеве как интереснейшем комплексе славянских древностей (городище, селище и курганы)... Для могильника можно будет сделать сводную таблицу типов вещей (чтобы не повторять, как это делал Самоквасов, один и тот же (точнее — похожий. — С. Щ.) рисунок десятки раз» (ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 148. Л. 8 об — 9). Однако вместо отдельной книжки, суммарный очерк своих

раскопок Гочева Б.А. Рыбаков привел в монографии «Ремесло Древней Руси», где применительно к данному памятнику говорится о пограничном укреплении Киевской державы в XI–XIII вв., с разноплеменным гарнизоном (северяне, радимичи, мордва).

Вспоминая на склоне лет веки своей работы как археолога-полевика, Б.А. Рыбаков подробно перечислял свои раскопки на местах 12 древнерусских городов, но не упоминал Гочева. Запомнилась маститому академику только подаренная ему судьбой именно тут «возможность видеть огромный ритуальный хоровод всех женщин и девушек села (около 150 человек), собравшихся перед полуночью в честь праздника древних славянских богинь Лады и Лёли, покровительниц брака» (Рыбаков, 1997. С. 10–11). В устных беседах академик припоминал лишь свою версию названия безымянного поселения Древней Руси — город «Гостев» (по его расположению на торговом тракте Киев — Булгар, им же предположенном).

Планы продолжить раскопки Гочева на рубеже 1930-х — 1940-х гг. строил, но не осуществил, сотрудник ГИМ Д.Н. Эдинг (1887–1946).

В послевоенные десятилетия Гочевский комплекс археологических памятников разных эпох неоднократно привлекает к себе внимание исследователей. Среди них Б.А. Шрамко (Харьков), Е.А. Шинаков (Брянск), Е.А. и В.М. Горюновы, О.А. Щеглова (Санкт-Петербург), Р.В. Терпиловский (Киев); Ю.А. Липкинг (гипотетически отождествивший Гочевские городища с летописным городом Римовым), Н.А. Тихомиров, А.Н. Апальков, А.В. Зорин, при помощи Г.Ю. Стародубцева (1998 и др.) (Курск). Отчеты об этих раскопках и публикации по их материалам лучше известны нынешним специалистам (см. подробнее: Шинаков, 1982; Щавелёв, 2002).

В 1990-е — 2000-е гг. наряду с археологами гочевские курганы ежегодно посещают так называемые «черные копатели». Их незаконные находки отсюда активно участвуют в распродаже на Интернет-рынке антиквариата (Незаконные раскопки... 2002. С. 85–89; Щавелёв 2007б. С. 154–161).

Один из археологических сюрпризов Гочева — обряд погребения в камерах, больших могильных ямах с деревянными сооружения-

ми под курганами, который пришел из Скандинавии на Русь вместе с варягами в IX–X вв. Пересмотр старых отчетов, прежде всего самоквасовского, позволил и здесь выделить серию сугубо камерных захоронений, а также целый ряд похожих на них ингумаций в подкурганных ямах. Как видно, престижная на Севере Европы погребальная традиция претерпела на просторах Руси некоторые изменения, послужила формой перехода от языческой к христианской ее стадии (Щавелёв, 2002).

Вековое изучение курского Гочева представителями всех поколений русских археологов — яркая страница истории отечественной науки о древностях. Состоявшийся в 2009 г. столетний юбилей этих раскопок представляет удобный случай более полно ввести их материалы в научный оборот, продолжить их интерпретацию с позиций исторической археологии. Публикуемый ниже документ, безусловно, отвечает этим задачам.

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Как известно всем коллегам, работавшим в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге, его важнейший — первый по нумерации — фонд содержит материалы Императорской Археологической комиссии. К ним составлены именной и географической указатели, которые позволяют исследователям того или иного автора или региона раскопок знакомиться со всем массивом относящихся к ним документов. Однако в данном случае оба указателя дали осечку — публикуемый ниже отчет оказался не отражен карточками ни на «Д.Я. Самоквасова», ни на «Курскую губернию». Дополнительно его замаскировала дата соответствующей единицы хранения — отчет о раскопках 1909 г. оказался помещен в дело, датированное 1908 г. Как видно, эти обстоятельства привели к тому, что отчет сто лет пролежал невостребованным исследователями. Я сам обнаружил его случайно, когда искал справку совсем на другую тему. Всем тем историографам, которые работали с гочевской тематикой, представлялось, что

единственным вариантом отчета о работе экспедиции 1909 г. является его опубликованный курскими помощниками профессора вариант (Дневник... 1915). Оказалось, что это не так.

Вновь обнаруженный вариант отчета написан Д.Я. Самоквасовым собственноручно. Его сличение с печатным вариантом дневника той экспедиции показало, что рукописный вариант похож на него по своей структуре, но гораздо полнее, богаче информацией. Как видно, курские любители археологии подготовили к печати и выпустили в свет ту рукопись, которая была составлена прямо в поле, в процессе раскопок в августе 1909 г., под непосредственным руководством, под диктовку профессора. Тот, воспользовавшись этим полевым журналом и своей записной книжкой, составил более полный вариант отчета, обдумав на досуге ход работ, рассмотрев полученную вещевую коллекцию.

В публикуемой рукописи имеется двойная правка, отмеченная публикатором в постраничных сносках. Ее автор вносил исправления отдельных слов и выражений по ходу письма. При настоящей публикации дается их окончательный вариант. А в Императорской Археологической комиссии кто-то (скорее всего, А.А. Спицын, который в бытность свою товарищем председателя комиссии чаще всего отвечал на письма Д.Я. Самоквасова) внес дополнительную правку, вычеркнув уже целые куски текста либо разметив другие фрагменты на «выноски», т. е. сноски петитом (вся эта правка при публикации игнорируется). Похоже, что тем самым рукопись готовилась к печати, но издание, сколько мне известно, не состоялось. Причинами того, что самый полный отчет этой экспедиции не был напечатан ИАК, а был спрятан в ее архиве, могли послужить и разногласия Д.Я. Самоквасова с комиссией по поводу принципов издания могильных древностей, и то, что похожую публикацию готовили в Курске, и в ИАК знали об этом. 21 декабря 1909 г. профессор писал в ИАК: «Я не имею права “разрешить” или “воспретить” Комиссии издание “типичных вещей” из коллекции древностей, выкопанных в текущем году в окрестностях с. Гочева Курской губернии, но думаю, что субъективный выбор типичных вещей из могильного

содержания, издания таких вещей и выводы, на них основанные, приносят русской археологии больше вреда, нежели пользы. На днях выяснилась возможность издать гочевские древности полностью дешевым способом, в пределах моих средств, и к нему я уже приступил» (Археология, история и архивное дело ... С. 288). На этом письме имеется по-

мета адресата: «Заслушано в ИАК в заседании 2. 1. 1910 г.».

Ниже публикуется полный вариант документа, с отдельными исправлениями орфографии в соответствии с нынешними нормами русского языка. Немногие поясняющие вставки публикатора заключены в квадратные скобки.

Д.Я. Самоквасов

«ГОЧЕВСКИЕ ДРЕВНОСТИ, ОБОЯНСКОГО УЕЗДА, КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ»²

I. ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАННЫХ ЗЕМЛЯНЫХ НАСЫПЕЙ

1. Условия открытия гочевских древностей

На Святой неделе текущего [1909] года я прочел в г. Курске платную публичную лекцию по истории могил Русской земли. Чтение я закончил предложением Курской ученой архивной комиссии сбор с лекции и 200 рублей, мной ассигнованных, употребить на соби́рание сведений о древних земляных насыпях и археологические раскопки по р. Пслу и его притокам в пределах Обоянского уезда, где никаких исследований до настоящего времени не было произведено; а между тем, по некоторым летописным свидетельствам и по топографии разнородных могил областей рек Сулы, Псла и Ворсклы, исследованных в пределах Полтавской губернии, можно надеяться на открытие в Обоянском уезде наслоения древних жилищ и могил, чрезвычайно важного для научного познания древнейшей истории русского народа.

Это предложение Комиссия приняла, и в своем заседании 15 мая постановила просить меня посетить нынешним летом Комиссию и преподать указания относительно означенных раскопок, о чем известила меня отношением от 3 июня, за № 3272. Труд и расходы по соби́ранию предварительных сведений о древних жилищах и могилах в пределах Обо-

янского уезда принял на себя управляющий акцизными сборами Курской губернии Константин Петрович Сосновский³; в половине августа я получил от него обстоятельное сообщение о сохранившихся древних селитьбах и могилах в Обоянском уезде.

«В течение 8 дней, — писал К.П. Сосновский, — я объехал верхнее течение Псла и его правые и левые притоки, от истоков у станции Прохоровки до с. Белого, лежащего в 30 верстах от г. Суджи. В верховьях Псла, на протяжении 12 верст, исторических памятников не заметно; но далее, чем ниже по течению, тем более увеличивается число памятников, а около впадения р. Пены в Псел их множество, разных видов. Результатом моей поездки является запись более ста мест, интересных в археологическом отношении; мною занесено на карту 9 городищ, 2 поля погребений в урнах, 4 неолитические стоянки на песках, несколько десятков курганных групп, от 3 до 30 насыпей, и одно место пещерных жилищ. Отмечаю здесь только то, что наиболее вас интересует:

1. Клад римских монет⁴ у с. Гридасова был найден крестьянином Михаилом Барышевым на земле хутора Танеева; по словам этого крестьянина, при распахке поля он заметил под сохой несколько серебряных монет и стал их подбирать; прибежали другие крестьяне, стали рыться в земле и поблизо-

² Зачеркнутый в рукописи заголовок: «Могильные древности Курской губернии Обоянского уезда окрестностей села Гочева». Правка этого авторского заглавия на приведенное выше произведена в Императорской Археологической комиссии.

³ См. о нем: Щавелёв, 1994. С. 56–57.

⁴ Здесь и далее выделяющие подчеркивания сделаны автором рукописи.

сти, в разных местах собрали до 200 серебряных монет, часть которых приобрел сын местного священника, покойный профессор Лашкарёв. Местность нахождения клада представляет собой пологий скат к лугу р. Туровки, и в древности несомненно служила местом поселения: вся усыпана черепками посуды, кусками обожженной глины, костями животных; здесь же крестьяне находили металлические изделия, жернова, точила и пр., которых не сохраняли; но могильника этого древнего сельбища не удалось определить: не сохранилось вблизи него ни валов, ни курганов.

2. Совершенно такое же древнее сельбище сохранилось в расстоянии 5–6 вёрст от х. Танеевки, на правом берегу р. Услонки, притока Псла, усеянное такими же бытовыми изделиями.

3. На правом берегу Псла, в даче г. Гочева, сохранились: громадное сельбище, два городка и курганное кладбище. Сельбище занимает ровную площадь, в размере 100 x 100 кв. саженей, распаханную, лежащую на высоте 35–40 саженей над долиной реки, со множеством черепков, костей и битого камня на поверхности. Городки занимают два мыса, прилежащие к площади сельбища с севера и юга, окружены валами, рвами и крутыми оврагами, а их поверхность усеяна такими же предметами, как поверхность сельбища; один городок имеет площадь 150 x 37 шагов; а другой 80 x 40 шагов. Курганное кладбище, примыкающее к сельбищу, имеет громадную площадь; по словам местных крестьян, около 100 десятин, на которой сохранились доныне более тысячи курганов, от едва заметных возвышений до 5–8 аршин высоты, и от 20–30 до 70–80 аршин в окружности; частью распаханных, частью поросших лесом. При распахке кладбища, по словам крестьян, плуги выбрасывают человеческие костяки, медные крестики в кружках, черепки глиняной посуды и разные железные, медные и стеклянные изделия. Этих находок крестьяне не сохраняют и мне не удалось их видеть.

4. На левом берегу Псла, против Гочевского городища, в лесу, на земле Клейнмихеля, сохранилось небольшое круглое городище, имеющее 35 аршин в диаметре; а вблизи го-

родка, на распаханном поле, видно несколько курганов.

5. На левом же берегу Псла, у д. Шмырёвой, в песчаной россыпи, занимающей около 25 десятин, выдуваются ветром из песков горшки грубой выделки, покрывающие погребальные урны с пеплом и пережженными человеческими костями. Недавно местный старожил Ершов нашел целую такую урну, но разбил ее, предполагая найти в ней золото, но нашел только песок, пепел и жженные кости. Тот же Ершов на поверхности россыпи нашел превосходной формы кремневый наконечник стрелы, бронзовый кинжал и серебряную римскую монету Антонина Пия. В настоящее время на поверхности россыпи видно много темных пятен, покрытых глиняными черепками, углем, пеплом и пережженными костями; на россыпи же встречаются кремневые и костяные изделия.

6. На р. Стригосле, в 6–7 верстах от Гочевского городища, на земле Клейнмихеля, сохранилось «городище Чернецкое». Городок расположен на остром мысе, окопан валами и рвом; а выше и ниже городка расположены сотни круглых ям, окруженных валиками, с диаметром в 3–4 аршина и глубиной до 1 аршина; валик каждой ямы на одной стороне прерывается, образуя прорыв-выход.

7. На Псле, у с. Долгий Колодезь сохранились три городка; два из них обособлены, а третий двойной, подобно Гочевскому; у последнего имеется группа распаханных, едва заметных курганов.

8. У с. Картамышева также встречено городище, а вблизи него, по словам местных крестьян, были курганы, от которых ныне и следов не имеется.

9. Сохранились группы курганов, в количестве от 5 до 30 насыпей, у поселений Береговое, Пересыпь, Пенских Дворов, Березовки и Пены.

Вчера было общее собрание Архивной комиссии и постановлено просить Вас проинформировать раскопки в Обоянском уезде, чтобы под Вашим руководством узнать, как должно раскапывать городища и курганы с научными целями».

Одновременно с вышеприведенным обстоятельством сообщением было получено мной

и отношение председателя Курской архивной комиссии А.Н. Кобылина от 7 августа, за № 3463, которым комиссия просила меня принять на себя руководство в производстве раскопки Гочевских курганов в Обоянском уезде, а в случае невозможности лично участвовать, прислать опытного в этом деле уполномоченного.

Сообщение К.П. Сосновского и отношение А.Н. Кобылина, адресованные в Москву, были получены мной в Кисловодске, в тот момент, когда была закончена раскопка каменных гробниц, открытых под ровной поверхностью почвы, у полотна железной дороги между станциями Товарной и Минутой. Здесь были вскрыты пять каменных гробниц, ограбленных в древности; найденные бытовые изделия, — железные кинжалы и ножи, каменный продырявленный оселок, бронзовый наконечник стрелы, глиняные сосуды и бусы разного состава, — не оставляют сомнений в однородности этих могил с каменными гробницами могильника, исследованных мной в 1881 году под Пятигорском, у колонии Карраса, на Чеснок-горе или Чеснок-курган. См. «Могилы русской земли», Д.Я. Самоквасова; стр. 123–127.

17 августа я прибыл в Обоянь, а 18 августа были начаты раскопки в окрестностях с. Гочева, законченные 26 августа. В раскопках принимали участие председатель и товарищ председателя Курской ученой архивной комиссии, председатель и делопроизводитель Грайворонского Археологического комитета, и особенно деятельное сотрудничество оказали К.П. Сосновский, П.П. Афанасьев и Ф.П. Амелин. Участие сказанных и других лиц дало возможность ставить на работы ежедневно от 60 до 75 грабарей и местных крестьян, произвести в короткий девятидневный срок обширные археологические исследования в окрестностях с. Гочева и получить результаты раскопок, чрезвычайно важные для русской археологии и истории.

Обследованы: песчаная россыпь у д. Шмырёвой, два городка и предместье в даче С. Гочева; 270 курганов громадного могильника, прилежащего к Гочевскому городищу, и большой курган на левом берегу Псла, в даче с. Шмырёва.

II. ПОЛОЖЕНИЕ, ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАННЫХ НАСЫПЕЙ

Песчаная россыпь у д. Шмырёвой

Песчаная россыпь у д. Шмырёвой занимает площадь около 25 десятин, холмистую, в восточной половине недавно засеянную местными крестьянами ивняком, чтобы остановить дальнейшее движение сыпучего песка на прилежащие к россыпи поля и огороды. В древности эта местность была островом, омываемым с южной стороны Пслом, а с других впадавшей в него речкой, русло которой и ныне видно. По словам местных старожилов, нынешняя россыпь прежде была покрыта лесом; а когда лес вырубил и выкорчевали, то черноземный слой почвы скоро выветрился, образовался сыпучий, переносный песок, сначала в западной, а потом и в восточной половине россыпи. Тогда, после сильных ветров, переносивших слои песка из одного места на другое, в западной половине россыпи появились людские костяки, а при них разные вещи: глиняные горшки, серьги, кольца, ножики; но теперь на этих местах, прежде высоких, уже низина, засыпаемая снова песком, переносимым с восточной половины россыпи, и уже давно здесь не встречаются ни людские кости, ни вещи. На восточной половине россыпи лес вырублен не очень давно, а когда ветер стал разносить ее, то на всей поверхности были находимы горшки с пережженными костями, между которыми попадались и разные вещицы: колечки, шпильки, монисты и пр. Когда засаживали сосной землю князя Клейнмихеля, лежащую по Пслу, рядом с песчаной россыпью д. Шмырёвой, то и там находили людские кости, горшки с пережженными костями и разные вещицы, которые там же и бросали, не придавая таким находкам никакой цены.

Получив такие сведения от местных крестьян, я посвятил один день исследованию Шмырёвской песчаной россыпи. На раскопки были поставлены 60 взрослых работников, а дети д. Шмырёвой собирали на поверхности россыпи глиняные узорчатые черепки, кости, кремни, металлические изделия; пересматривали песок, выброшенный рабочими

из траншей, и получали плату с количества и качества находок. Со стороны р. Псла на самом высоком месте россыпи была заложена траншея в 40 аршин длины, углубленная до материкового плотного, нежилого слоя глины, а на перевале продолженная по материк в россыпь на 20 аршин. В местах скопления черепков и костей земля просеивалась на грохот. В разных местах поверхности россыпи, между ивняком, были вырыты и снова засыпаны 10 канав в четверть ширины и до 15 аршин длины. Боковая траншея и канавы поверхности обнаружили в россыпи наслоение культур, разграниченное в светлом песке двумя темными полосами земли от 2 до 5 вершков толщины. Верхний культурный слой, состоящий из перегноя растений, песка, пепла и угля, залегает в россыпи непосредственно под верхним выветрившимся почвенным слоем, питавшим лес, покрывавший недавно поверхность россыпи. На этом культурном слое жили люди, оставившие на нем римские серебряные императорские монеты и множество могил римского погребального обряда, подобных римским и польским погребальным урнам времени римских императоров Траяна, [других] римских императоров (См. «Могины русской земли», стр. 227–231). На этом темном культурном слое сохранились фрагменты более ста разрушенных погребальных урн, расположенные кругами, занимающими от 2 до 3 аршин плотной темной земли. Под верхним культурным слоем залегает в россыпи слой рыхлого чистого песка, не заключающий в себе бытовых предметов; а под ним, на глубине в разных местах россыпи от одного до двух аршин, лежит второй темный культурный слой, подобный верхнему по составу, но заключающий в себе бытовые изделия людей каменной культуры, находимых на так называемых стоянках неолитической культуры и в могилах Киммерийской эпохи: черепки глиняной посуды с архаическими орнаментами, разбитые кости разных животных, кремневые осколки разной формы, грубые пряслицы, речные раковины. Под нижним культурным слоем залегает снова рыхлый песок, а под ним уже лежит плотная материковая глина. В низменных частях россыпи, где верхний культурный слой давно выветрен, а лежавший под ним слой песка снесен ветра-

ми до уровня нижнего культурного слоя и до материковой глины, бытовые изделия двух культур, отделенных друг от друга многими столетиями, являются смешанными, лежащими на одном уровне: фрагменты сосудов и кремневые изделия Киммерийской эпохи лежат рядом с фрагментами погребальных урн, железными, бронзовыми, серебряными и стеклянными изделиями славянской эпохи.

В течение дня на поверхности россыпи и при ее исследовании вышесказанными траншеей и канавами было найдено множество орнаментированных черепков глиняной посуды, костей разных животных, кремневых осколков и следующие бытовые предметы: Киммерийской эпохи, — три красивой сердцевидной формы наконечника стрел, превосходной отделки; наконечник копья и несколько ножей и скребков из кремня, тщательной отбивки; половина диоритового топора-молотка, со сверлиной; овальный пращевой камень из кварцита; круглый пращевой камень из гранита и пр.; славянской эпохи, — бронзовая подвеска с красной эмалью на бронзовом же колечке; бронзовая шпилька; фрагменты серебряных и бронзовых сережек и колец; железная фибула римской формы; шиферная пряслица; бусы разной формы и состава: каменные, глиняные, стеклянные и бронзовые; серебряные, бронзовые и стеклянные слитки. Тогда же приобретены от крестьян д. Шмырёвой шесть серебряных римских монет II века по Р.Х.

Песчаная россыпь между сс. Гочевым и Пеной

В тот же день, воспользовавшись двухчасовым полуденным отдыхом рабочих для поездки в с. Пену, лежащее в пяти верстах от д. Шмырёвой, я заметил в пути [, что] на правом берегу Псла между сс. Гочевым и Пеной помещается громадная песчаная россыпь, подобная Шмырёвской, но тянущаяся около двух верст. Эта россыпь разрушена менее Шмырёвской и здесь нетрудно было бы найти части кладбища с уцелевшими погребальными урнами; но я не имел времени исследовать эту россыпь раскопками. Осматривая же поверхность россыпи с К.П. Соновским, мы нашли на ее поверхности много таких же темных пятен, усеянных фрагмен-

тами погребальных урн и пережженными человеческими костями, какими изобилует восточная половина Шмырёвской россыпи, а в одном из обрывов россыпи, на глубине двух четвертей от поверхности, из верхнего темного культурного слоя, в расстоянии трех аршин друг от друга, торчали две погребальные урны, раздавленные землей, потому что, поблизости от поверхности россыпи, долго подвергались разлагающему действию воды. Рыхлые фрагменты этих урн откопали нам руками подошедшие мальчики-пастухи, сообщившие, что в россыпи часто ветер выдувает глиняные горшки и пережженные кости; а после сильных ветров крестьяне собирают на низинах россыпи кремь для кресал и иногда находят разные вещицы и кремневые и медные стрелочки, которых не сохраняют. Но один мальчик сообщил, что у него есть медная стрелочка, найденная в той части россыпи, где он собирал кремь, показал место находки, лежавшее в средней части россыпи и согласился за 20 копеек поехать с нами в с. Пену, найти в своем дворе медную стрелочку и передать ее нам; стрелочка оказалась бронзовым трехгранным наконечником стрелы древнейшей формы — со втулковым отверстием на утолщенном конце.

Гочевское городище

(см. план городища в приложении⁵)

Городище дачи с. Гочева занимает высокую площадь левого побережья р. Псла. Восточный верхний край этой площади имеет над лугом долины 35–40 саженей отвесной высоты и, постепенно поднимаясь к западу, восходит у курганного кладбища до 50 саженей над руслом р. Псла. С площади городища открывается чудный вид на Запсёлье с его многими поселениями на пространстве 25–30 верст.

С С.-В и Ю.-В к площади городища, именуемой мной предгородьем, примыкают два мыса, обращенных двумя рядами искусственных рвов и валов в двойные городки-крепости, овальной формы, недоступные при холодном оружии.

Царский дворец

Первый городок, именуемый крестьянами «Царский дворец», представляет собой овальную площадку в 20 аршин длины и 15 аршин ширины, ныне поросшую густым лесом, окруженную с трех сторон валами и рвами, также поросшими лесом, а со стороны реки — крутым обрывом. Царский дворец не исследован раскопкой, потому что предварительно требовалось очистить его площадь и укрепления вырубкой и выкорчевыванием леса, на что нужны были средства и время, какими я не располагал.

За рвом и валом Царского дворца с Ю.-З стороны помещается вторая площадь городка, давно уже освобожденная от леса и распахиваемая, отделенная от площади предгородья рвом и валом, распаханными, но еще ясно видными с Ю.-З стороны. Размер площади невозможно определить, потому что с З. и С. сторон вал и ров запаханы; по ее середине проходит полевая дорога в направлении с С. на Ю. Эта часть городка исследована раскопкой: площадь прорезана двумя широкими траншеями партией грабарей в 10 человек, работавших на этом городке в течение шести дней. Первая траншея, 30 аршин длины и 25 аршин ширины, была заложена на крутом скате восточной стороны городка, углублена до плотной материковой глины и проведена на запад по этому матерiku в насыпную площадь городка; вторая траншея, 15 аршин длины и 10 аршин ширины, проведена по глиняному же матерiku от рва южной стороны площади городка в направлении на север.

Первая траншея обнаружила в С.-В. части площади городка 6 человеческих костяков, погребенных в два ряда, на глубине 1–2 аршин друг над другом, обращенные головами на запад, лицом вверх, на спине, руки вытянуты или сложены кистями в нижней части туловища, ноги вытянуты; при одном костяке, у правого бедра, найдены окисшие железные ножик и кольцо, а при другом, у головы, серебряное кольцо, без спайки концов, подобное найденным в курганах языческого кладбища, прилегающего к Гочевскому горо-

⁵ В этом архивном деле отсутствуют чертежи.

дищу. Непосредственно у костяков, с южной стороны, открыто обширное печище, около пяти аршин длины и трех аршин ширины, с обвалившимся верхом, обожженными до кирпичного цвета стенками, заваленное черной землей, пеплом, углем, черепками глиняной посуды и обломками обугленных костей животных. По всей вероятности, здесь была общественная печь древних жителей городка. Южнее печи на аршин открыта круглая яма около трех аршин в диаметре, со ступеньками в верхней части с северной стороны, вырытая в плотном глиняном материке, заваленная черной землей и мусором, состоявшим из глиняных черепков, костей разных животных, колотого камня, пепла и угля; яма была отрыта до возможности ее очистки без особых приспособлений и снова засыпана; по-видимому, эта яма древним обитателям городка служила входом в подземный пещерный ход к воде, подобный открытому под площадью другого Гочевского городка, именуемого местными крестьянами Крутой курган. В долине р. Псла, под горой, на которой помещается Гочевское городище, имеются два колодца, удаленные ныне от ближайших поселений на 2–5 верст; к одному из них, по словам местных крестьян, неизвестно кем и когда обложенному толстым дубовым срубом, вела с горы подземная галерея, выход из которой ныне засорен и зарос; другой колодец, по словам крестьян, лет семь тому назад представляет собой ключ, обделанный каменной кладкой, а ныне он высох и засорен. Осмотр места, где был этот ключ, показал на нем влажную почву и сочную зеленую траву, а вокруг вся трава была сожжена продолжительной засухой. Подземные пещерные ходы, подобные галереям Гочевского городища, открывались случайными провалами во многих древних городах и городищах; но их расчистка и исследование, как показал мне опыт раскопки в 1875 году подземного хода в Волкитинском городище, Глуховского уезда, на р. Клевени, требуют больших затрат труда и времени, потому что пещерные ходы городищ к воде очень длинны и часто завалены обвалами; а находки в них не оправдывают сказанных затрат.

Траншея, проведенная в насыпи городка с юга на север, обнаружила три печища жилищ-

землянок, подобных открытым, по моим указаниям, на окраинах площади Донецкого городища раскопками Харьковского Археологического съезда и описанным в «Трудах» этого съезда. Как и в других древних городищах, частные жилища — полуземлянки помещались только по окраинам площади, с внутренней стороны вала, ее окружавшего, а середина оставалась свободной от построек, — принадлежала всем жителям городка, служила местом общественных собраний; по этой причине по окраинам площади толщина слоя насыпи, лежащего на материковой глине, восходила до трех аршин и постепенно уменьшалась до трех четвертей по направлению к центру площади.

Насыпь площади городка представляла собой обычный на древних городищах почвенный жилой слой, лежавший на материковой глине и состоящий из чернозема, песка, пепла, угля, черепков глиняной посуды, часто украшенных ломаными, прямыми и волнообразными линиями, иногда со знаками на донышках; целых и разбитых костей разных домашних и диких четвероногих животных, птиц и рыб; колотого камня, железных шлаков и бытовых изделий из железа, серебра, бронзы, стекла, глины и кости: железное орудие величины серпа, но широкого лезвия косы; железная удка большого размера, подобная употребляемым для ловли осетра и другой крупной рыбы; половина серебряного кружка, со знаками на одной стороне, напоминающими надписям восточных монет; фрагменты колец и браслетов; каменного жернова; пряслицы, обломки орудия из лосиного рога; заостренные кости.

Крутой курган

Так называют местные крестьяне второй городок Гочевского городища, занимающий вышесказанный юго-восточный мыс и, подобно Царскому дворцу, представляющий собой укрепление, состоящее из двух площадей, обведенных искусственными валами и рвами и естественными крутыми скатами с луговой стороны. Первая площадка, ближайшая к Предгородью, поросшая лесом, обведена валом и рвом, овальной формы, имеет 22 аршина длины в направлении с С.-В. на Ю.-З. и около 15 аршин ширины в направлении с

С.-З. на Ю.-В.; вторая площадка, также овальной формы, свободна от леса, отделена от первой рвом, с двух сторон обведена валами, а с двух примыкает к крутым скатам в направлении с С.-З. на Ю.-В. и 17 аршин ширины в направлении с С.-В. на Ю.-З.

Лет 7 тому назад под валом второго укрепления с С.-З. стороны образовался провал материковой глины; местные крестьяне, предположив под ямой погреб с кладом, вынули обвалившуюся землю и открыли подземную галерею, вырытую в материковой глине сводом, в размере 2 аршин высоты и 1 аршина ширины, и шедшую в прямом направлении от р. Псла под вал городка, а затем делавшей поворот в направлении площади городка, на протяжении около 2 аршин, а далее галерея была засыпана глиной, смешанной с черной землей. Крестьяне, а в особенности слепой Иона, употребили много труда на очистку пещерного хода и на 16 аршине встретили пережженную землю, пепел, уголь, куски дерева, камни, кости и какой-то камень с тремя знаками, похожими на буквы; очевидно, это была уже засыпка входа в подземную галерею сверху площади городка, подобного входу, открытому во втором городке Царского дворца; но крестьяне вынуждены были прекратить очистку пещерного хода, потому что рыхлая земля, сыпавшаяся сверху, грозила их засыпать. Что же касается слепца Ионы, именем которого крестьяне называют пещеру, то когда я сказал, что эта пещера вырыта людьми, жившими около тысячи лет тому назад, то он сознался мне и П.П. Афанасьеву, что вырыл в пещере только небольшую выемку против обвала, о чем и свидетельствовали такая выемка в материковой стенке пещеры, у ее поворота, и небольшой бугор глины у бывшего провала пещеры, от которого вниз по склону горы, в направлении к воде, тянется глубокая желобковидная впадина, очевидно, означающая собой направление обвалившегося пещерного хода к воде с площадки городища. В настоящее время, при знании длины и направления открытого подземного хода, было бы не особенно трудно открыть вход в него на площади городка, посредством среза части вала и площади; но рабочая сила, состоявшая в моем распоряжении, была занята более интересным и важным делом, и моя

раскопка на Крутом кургане ограничилась небольшой пробной траншеей, в 10 аршин длины и 4 аршина ширины, на площадке городка, с луговой стороны, показавшая, что насыпь этого городка состоит из такого же жилого почвенного слоя мусора, щебня и бытовых изделий, что и насыпь второго городка в урочище Царский дворец.

Предгородье

Предгородьем я называю площадь, прилегающую к городкам урочищ Царского дворца и Крутого кургана, согласно с терминологией древних летописей, именующих предгорьями площади, прилегающие к укреплениям городов с внешней стороны. В Московскую эпоху предгорья именовались посадами, в отличие от площадей городов, обведенных укреплениями, называвшихся осадами. На предгорьях, или посадах, жили промышленные классы городского населения, скрывавшиеся в осаде во время нашествия неприятелей. В больших городах предгорья обводились валами и рвами, и тогда также именовались городами, в значении укрепленных общественных поселений. Отсюда в главнейших городах древней Руси летописи называют по два, три и более городов; например, в Чернигове уже в XII в. были два города, внутренний и внешний, в XIII в. — три, а в Московскую эпоху четыре города; в древнем Новгороде были три города; Москва состояла из пяти городов: Кремль, Китай-город, Белый город, деревянный город и Земляной город.

Гочевское предгородье занимало площадь в 22 десятины и было обведено рвом и валом, ныне распаханными, но еще ясно обозначенными глинистым возвышением с запада площадки, с открытой стороны. На всей распаханной площади Предгородья встречаются черепки глиняных сосудов, куски докрасна пережженной земли, уголь и кости разных животных. Три пробные траншеи, вырытые вблизи второго городка урочища Царский дворец и в юго-западной части Предгородья, обнаружили состав почвенного жилого слоя, лежащего на глиняном материке, подобный составу насыпей на площадях городков Царского дворца и Крутого кургана.

Следовательно, большой древний город, оставивший после себя Гочевское городище,

состоял из пяти частей: двух городков урочища Царский дворец, двух городков урочища Круглый курган и Предгородья, или посада. Каждая часть имела свои укрепления, а все части были обведены общим для них укреплением, подобно тому, как все города древнего Чернигова или древней Москвы были обведены общими для них укреплениями, состоявшими из глубоких рвов и земляных валов (земляной город).

Загородье

Загородьем местные крестьяне называют площадь, лежащую ниже городков урочища Крутой курган, через которую проходит полевая дорога из с. Гочева на площадь Предгородья. В древности городами назывались укрепленные общественные поселения: «Кий приде к Дунаеви, возлюбил место и сруби городок мал, хотяше сести с родом своим, и не Даша ему ту близь живущие, еже и доныне нарицают Дунайци городище Киевец» (ПСРЛ, I, с. 4); «Рюрик... пришел ко Ильмерю, и сруби городок над Волховом, и седе ту» (Там же, с. 9); «Владимир рече: се не добро, еже мало городов около Киева, и нача ставити города по Десне, и по Востри, и Трубежеви, и по Суле, и по Стугне, и поча нарубати мужи лучшие от Словен, и от Кривичь, и от Чуди, и от Вятичь, и от сих насели грады» (Там же, с. 52). Население городов, жившее внутри укреплений, именovalo земли, прилежавшие к городам, загородьями, то есть лежащими за городами, за городскими укреплениями. Населению городов русских Славян языческой эпохи загородья служили местами погребения мертвых, общественными курганными кладбищами. Такое кладбище помещалось и на площади загородья, лежащей с южной стороны городков Крутого кургана; остатки его представляют 25 курганов, уцелевших в кустарниках и распаханных; а по словам местных крестьян, все Загородье было покрыто курганами до времени срубки леса, выкорчевки пней и обращения лесной площади в пашню. Раскопка пяти из сохранившихся курганов Загородья показала, что они покрывают могилы с таким же устройством, положением костяков и бытовыми изделиями, какие открыты в громадном курганном могильнике, примыкающем к Предгородью с западной стороны.

Курганный могильник Гочевского городища (см. план в приложении)

По словам местных крестьян, курганный могильник, прилежащий к предгородью Гочевского городища, лет 25 тому назад занимал площадь около 100 десятин, поросшую дубовым лесом; насыпи разной величины, как в сохранившейся части могильника, поросшие лесом, были окружены ровиками и помещались близко друг возле друга, в расстоянии 2–3 шагов. Вырубка леса и обращение в пашню земли, поросшей лесом и покрытой курганами, были начаты с западной стороны, с участка, на котором доныне виден большой распаханный курган, удаленный от сохранившейся части курганного кладбища. Этот курган был раскопан крестьянами, нашедшими в нем человеческие кости, железный топор и еще какие-то медные и окисшие железные вещи. На первых участках лес был вырублен дочиста, пни выкорчеваны и курганы распаханы так, что от насыпей и ровиков (канав), их окружавших, не осталось никаких следов, и только на поверхности ровного поля изредка встречаются черепки древних глиняных сосудов и белые, вымытые дождевой водой и выветренные человеческие кости. При распахке курганов крестьяне находили много человеческих костей и разные изделия из железа, меди и стекла, но эти находки оставляли в земле, признавая грехом брать вещи, найденные при костях мертвецов.

Западная половина сохранившейся части курганного кладбища, по которой ныне пролегают две полевые дороги с. Гочева, одна в направлении с Ю.-В. на С.-З., а другая с Ю.-З. на С.-В., обращена в пашню 5 лет тому назад. На этом участке дубовый лес был вырублен и выкорчеван, а оставлены крестьянами только лесные груши, ради плодов. На этом участке, за исключением пяти насыпей, вблизи перекрестка сказанных полевых дорог, помещающихся под грушами и поросших кустарником, все курганы распаханы, а рвы, их окружавшие, запаханы; но насыпи большой величины, в числе до 150, еще хорошо заметны; насыпи меньшей величины уже не видны, или едва заметны; на их поверхности часто встречаются человеческие кости, а иногда и украшения костяков. Распахивая эту часть кладбища, крестьяне на-

ходили, как и в других частях, человеческие кости, а при них разные вещи: топоры, ножи, серпы, браслеты, кольца, монисто, крестики в кружках (подвески); некоторые из таких находок они брали и передавали своему батюшке, по его просьбе; а гочевский священник, посетивший раскопки, говорил мне, что полученные от крестьян находки в курганах он отправил в археологические общества, частью в Киев, частью в Москву; но неизвестно, какая судьба постигла эти посылки, так как не было получено никаких ответов из Киева и Москвы. В этой части могильника мной раскопано сорок курганов. Раскопка показала бедность бытового материала в сохранившихся курганах, по той причине, что почти все сохранившиеся насыпи покрывали собой мужские могилы; а в таких могилах, за немногими исключениями, содержащими оружие в форме меча, сабли, копья и стрелы, встречаются только железные топоры, ножи и серебряные и бронзовые ушные и ручные кольца. Могилы, покрывавшие женские и детские могилы, обыкновенно более богато содержания, были уже распаханы, потому что имели меньшие размеры сравнительно с курганами, прикрывавшими мужские костяки.

Следующий участок кладбища, лежащий между вышеуказанной полевой дорогой в направлении с Ю.-В. на С.-З. и частью курганного кладбища, еще покрытого лесом и нераспаханной, был очищен от леса, за исключением груш, только два года тому назад; здесь еще сохранились насыпи разной величины, большего и меньшего размеров; хотя некоторые из последних были уже едва заметны; а помещены так близко друг от друга, что их окружности часто соединялись, так как рвы, оточавшие насыпи, были уже засыпаны землей, срезанной плугами с курганов. На этом участке начаты были мои раскопки. Первоначально раскопаны были пять пробных курганов, лежавших в один ряд, параллельно с рядом больших дубов, оставленных крестьянами несрубленными у полевой дороги, пролегающей по Предгородью, опушке леса, еще сохранявшегося на кладбище, и участку недавно разработанного поля. Боковые обрезы пробных курганов и широкие колодцы, углубленные до материковой глины, ознакомили с

внутренним устройством курганов и положением в них костяков, а потому последующие курганы этого участка были раскапываемы уже без боковых траншей, колодцами таких размеров, что на дне их костяки всегда были обнаруживаемы полностью. Всех курганов в этом участке было раскопано 180, половина в первые дни раскопки и половина в последние дни, когда мной и моими сотрудниками решено было раскопать все распаханные курганы, большие, малые и едва заметные, чтобы спасти их содержание от уничтожения в ближайшем будущем плугами, какому подверглось в недалеком прошлом содержание курганов вышеописанных участков кладбища.

На последнем участке кладбища крупный лес вырублен, за исключением старых лесных груш, но пни не выкорчеваны и земля не разделана под пашню, а вновь запущена под лес и уже покрылась молодой порослью дубняка и орешника. Здесь курганы, от одного до восьми аршин высоты и от 20 до 80 аршин в окружности, сохранили свою конусообразную и полушарную форму. Сохранились и рвы по окружности основания курганов, возникшие потому, что покойники погребались в неглубоких ямах, редко проникавших в материковую глину на глубину 2–5 четвертей, а обыкновенно вырытых на 2–3 четверти в материковом черноземном слое, лежащем на глиняном слое, и засыпаны черноземом же, снятым вокруг курганов до уровня глины; по этой причине открытые костяки кажутся лежащими выше поверхности земли, окружающей насыпи. Число курганов в этом участке восходит выше 500, но в точности посчитать их невозможно, потому что густой и высокий кустарник скрывает насыпи не только малые, но и большие. Раскопаны мной в этом участке все курганы, лежавшие по окраинам леса с запада, юга и востока, распаханные по всей поверхности и только наполовину, в числе 20, а в середине леса исследованы в разных местах по 2–4 насыпи.

Всего в курганном могильнике, лежащем на запад от Гочевского городища, исследовано мной 270 насыпей; а сверх того раскопаны были пять вышеуказанных курганов в урочище Загородье и два распаханных кургана в даче с. Бушмина, отделенной от дачи с. Гочева широким и глубоким оврагом, при-

лежащим к Гочевскому городищу с северной стороны и тянущимся отсюда в направлении на запад около двух верст; эти два кургана представляли собой остаток распаханного курганного могильника, следами которого являются ныне только глиняные черепки и человеческие кости на ровной поверхности распаханной почвы. [Раскопан также] большой распаханный курган против с. Бушмина, за долиной р. Псла, в даче д. Шмырёвой.

Во время раскопок К.П. Сосновский сделал детальный план Гочевского городища с его укреплениями, и исследованного курганного могильника, обозначив на плане раскопанные, распаханные и уцелевшие курганы; он же сделал приблизительное исчисление минимального количества распаханных и уцелевших курганов на пространстве 38 де-

сятин, состоящих под полем со старыми грушами и под лесом, основанное на следующих соображениях: «Среднее расстояние вершины одного кургана до вершины ближайшего везде менее пяти саженей; следовательно, на площади $5 \times 5 = 25$ кв. саж. находится один курган; а так как вся площадь, состоящая под лесом с курганами равна 19 400 кв. саженим, то число курганов в лесу будет не менее $19\,400 : 25 = 778$; применяя тот же прием подсчета к курганам на пашнях, получим число 2 872; таким образом, всех курганов на площади в 38 десятин, состоявших под лесом, а ныне состоящих под полем и лесом, вероятно, было не менее 3 500».

Научный архив ИИМК. Ф. 1. Оп. 1908 г. Д. 162. Л. 45–58 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1 / Авт.-сост. А.В. Кашкин. М., 1998.

Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я. Самоквасова (1843–1911) / Сост. С.П. Щавелёв. Курск, 2007.

Глазов В.Н., 1913. Отчет о раскопках курганной группы близ д. «Гочево» Обоянского у. Курской губ. // НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1913 г. Д. 123.

Глазов В.Н., 1915. Отчет о раскопках, произведенных... в Обоянском у. Курской губ. // НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1915 г. Д. 93.

Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии, произведенных проф. Д.Я. Самоквасовым в августе 1909 г. М., 1915.

Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., 1998. Этапы становления древнерусского порубежного города (попытка реконструкции) // Юг России в прошлом и настоящем: Мат. междунар. науч. конф. Белгород.

Львович В.С., 1913. Дневник раскопок, произведенных в некрополе у с. Гочева Курской губ. Обоянского у. // НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1913 г. Д. 330.

Незаконные раскопки и археологическое наследие России: Мат. круглого стола, прове-

денного редакцией и редколлегией журнала «Российская археология» // РА. 2002. № 4.

Резанова Е.И., 1911. О курганах близ с. Гочева Обоянского уезда; Материалы по этнографии Курской губернии // Тр. Курской ГУАК. Курск. Вып. 1.

Рыбаков Б.А., 1937. Отчет о раскопках городища «Крутой курган» близ Гочева Курской обл. в 1937 г. // ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 2.

Рыбаков Б.А., 1937. Курская область. Гочевское городище. [Отчет о раскопках 1937, 1939 гг.] // НА ИИМК. Ф. 35. Оп. 1937 г. Д. 239.

Рыбаков Б.А., 1997. Заглядывая в предисторию Руси // Историки России о времени и о себе. М. Вып. 1.

Рыков П.С., 1912. Отчет о раскопках, произведенных близ с. Гочева Курской губ. Обоянского у. // НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1912 г. Д. 116.

Рыков П.С., 1923. Юго-восточные границы радимичей (Раскопки курганного могильника близ с. Гочева, Обоянского уезда, Курской губернии) // Уч. зап. гос. Саратовского ун-та. Саратов. Т. I. Вып. 3.

Сосновский К.П., 1915. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла... // Тр. Курской ГУАК. Курск. Вып. 2.

Филиппенко А.А., 1897. Городище «Гочев» Обоянского уезда Курской губернии // Древности. М. (Тр. ИМАО. Т. XVI).

Формозов А.А., 1961. Очерки по истории русской археологии. М.

Формозов А.А., 1978. Археология и архивы (к вопросу об изучении археологической документации) // Археографический ежегодник — 1977. М.

Формозов А.А., 1988. Следопыты земли московской. М.

Шинаков Е.А., 1982. Население верхнего течения р. Псла в XI–XII вв. (по материалам Гочевского археологического комплекса) // Вестник МГУ. Сер. 8: Ист. № 2.

Щавелёв А.С., 2002. Камерные погребения Гочевского могильника (вопросы атрибуции, социокультурной интерпретации) // Русский сборник. Брянск.

Щавелёв С.П., 1991. Вопросы теории и методики в археологических трудах Д.Я. Самоковасова // Очерки истории русской и советской археологии / Сост. А.А. Формозов. М.

Щавелёв С.П., 1994. К.П. Сосновский и его археологические работы в Посеймье // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я: Мат. наук. конф., присвяч. 900-річчю Вира — Білопілля. Білопілля.

Щавелёв С.П., 2002. Первооткрыватели курских древностей: Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Курск. Вып. 3: Советское краеведение в провинции: взлет и разгром (1920-е — 1950-е гг.).

Щавелёв С.П., 2007. «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 гг. (Курский «филиал»). Курск.

К.А. Гусев
Институт археологии РАН, Москва

**ЗАГРАНИЧНАЯ КОМАНДИРОВКА Д.Н. АНУЧИНА
В 1877–1879 гг.:
(К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ АНТРОПОЛОГИИ В РОССИИ)**

В современных публикациях нередко приходится читать о новаторских подходах в археологических исследованиях настоящего времени, основанных на принципах мультидисциплинарности. Отдавая должное значимости новых естественнонаучных методов, применяемых сегодня, хотелось бы обратить внимание на то, что корни традиций, объединяющих археологию с естественными науками, уходят в пору становления нашей науки.

Одна из дисциплин, активно развивающихся в союзе с археологией, — палеоантропология. Этот союз не нов. Значительное влияние на развитие палеоантропологии в России оказал профессор Московского университета академик Дмитрий Николаевич Анучин. Анализ его научного наследия и организационной деятельности посвящены фундаментальные работы.

Однако представляется важным получить целостное представление об уникальном образовании Дмитрия Николаевича, во многом обеспечившем энциклопедичность знаний ученого. Широта его научных интересов, в свою очередь, определила высочайший уровень образования его учеников, среди которых следует назвать такие блестящие имена, как В.В. Бунак, Л.С. Берг, О.Н. Бадер.

В 1876 г. была учреждена кафедра антропологии при физико-математическом факультете Московского университета. Тогда

же встал вопрос о подготовке специалистов в данном направлении, которые могли бы впоследствии составить преподавательский состав кафедры. Подготовка эта велась с учетом новейших достижений в отечественной и иностранной науке. Одним из наиболее эффективных способов отслеживания этих достижений была стажировка за границей с научными целями молодых ученых, которым впоследствии предстояло занять важные места на вновь созданной кафедре. «Для подготовки преподавателей новой кафедры Совет университета первоначально решил послать за границу двух кандидатов — Перепёлкина и Анучина. Но чтобы не распылять средств, по предложению Богданова решено было отправить только Анучина, увеличив срок его пребывания в командировке до двух с половиной лет» (Карпов, 1958. С. 86). Перед командировкой будущий заведующий кафедрой получил целый ряд заданий, о выполнении которых он более или менее регулярно отчитывался в течение всего срока своего пребывания за границей. Эти отчеты, именовавшиеся «письмами из-за границы», представляют собой очень интересный источник по подготовке Д.Н. Анучина в иностранных научных центрах. Во время заграничной командировки он побывал в: Париже, Берлине, Кёльне, Бонне, Майнце, Гейдельберге, Лондоне, Антверпене, Брюсселе, Вене. Наиболее подробные отчеты

были составлены о музеях Парижа, Лондона и Берлина, а также о курсах, прослушанных в столице Франции (Там же. С. 86–108).

В январе — июле 1877 г. Д.Н. Анучин посетил более десятка самых разнообразных музеев. О наиболее интересных из них молодой ученый писал в своих отчетах, впоследствии обнародованных на заседаниях организационного комитета по подготовке Московской антропологической выставки (Анучин, 1879).

18 мая Д.Н. Анучин посетил частную коллекцию г-на Ребу (1877. С. 9). Наиболее интересными и в определенном смысле полезными ему показались несколько ее разделов. Достаточно подробный альбом с рисунками и разрезами различных геологических пластов, где проводились некоторые археологические раскопки, в том числе те, из которых получены некоторые экспонаты. Также альбом с реконструкцией внешнего вида некоторых животных, который, по мнению Д.Н. Анучина, отличался определенными вольными и художественными интерпретациями, что объяснимо, т. к. в распоряжении составителей имелись исключительно костяки животных. Также в коллекции имелись многочисленные каменные орудия как археологического, так и этнографического «происхождения», т. е. добытые во время раскопок и этнографических экспедиций соответственно; кости 45 различных видов млекопитающих делювиальных отложений плиоценовой эпохи. Одной из наиболее интересных частей коллекции, по мнению Д.Н. Анучина, были предметы экспериментальной археологии, в основном представлявшие собой те или иные каменные орудия приклепанные к деревянным рукояткам с помощью ремней и других приспособлений. Некоторые предметы из коллекции описаны в бюллетенях местного Антропологического общества и протоколах антропологических съездов (Там же).

Далее в своем письме ученый описывает музей Парижского антропологического общества и Антропологической лаборатории Школы высших исследований. Собрание этого музея состоит из 2 частей: 1) предметы, пожертвованные Обществу антропологии, и 2) предметы же, собранные под руководством Поля Брока и приобретенные на средства ан-

тропологической лаборатории. В коллекцию музея Антропологического общества помимо прочего входили: модели египетских мумий, скелет гориллы, слепки мозга обезьян, несколько деформированных (в том числе удлинённых) черепов индейцев Аутага, черепа и скелеты негров из Новой Каледонии, искусственно деформированные и обычные французские черепа (Там же. С. 13).

Интересными с точки зрения археологии были собрания артиллерийского музея в Доме инвалидов и Музея римских и средневековых древностей. В первом из них содержится достаточно обширная коллекция археологических находок — предметов вооружения античности и средневековья, а также кости животных, которые обычно погребали вместе с вооруженными «хозяевами». Второй же содержал разнообразные предметы, связанные с античным периодом жизни Европы (Там же. С. 18–19).

Д.А. Анучин посетил также частные музеи Дюппеатрена и Орфия. В первом из них имелась коллекция патологий, например, несколько деформированных черепов и костей с рахитом; во втором — представительная коллекция по анатомии человека и высших обезьян, и небольшие — по зоологии и ботанике. Среди наиболее интересных предметов анатомической коллекции можно назвать: скелеты шимпанзе и гориллы (если говорить о высших обезьянах), скелет негра и 2 негритянских черепа различных типов, черепа разных африканских племен, черепа и слепки с них разнообразных каменных современных преступников (Анучин, 1879. С. 197).

Коллекция Музея Горной школы содержала материалы по минералогии (Там же).

В Антропологическом отделении Парижского музея среди прочих экспонатов Д.Н. Анучина особо заинтересовали следующие предметы: перуанская мумия, скелет негра, череп эскимоса, различные (в том числе деформированные) черепа из Мексики, слепки черепов из Северной Америки и Азии, египетские и аравийские черепа, слепки с бюстов негров, слепки с черепов кроманьонцев. В Сен-Жерменском музее — слепки с костей трех черепов: неандертальского и двух неопределенных из Солютре и Мадлена. Также в этом собрании достаточно обширные коллек-

ции по геологии и палеонтологии (Анучин, 1877. С. 194–198).

«Из всех Парижских музеев и собраний, имеющих значение для антропологии, бесспорно, самым важным может считаться Антропологическое отделение Музея естественной истории» (Там же. С. 12). В его собрании имелись целые тысячи «племенных черепов», немало скелетов, портретов, бюстов различных племен. Посетил Д.Н. Анучин и этнографическое отделение, Морской, Американский и Мексиканский музеи Лувра. Во всех них находились исключительно этнографические экспонаты, не представлявшие особого интереса с точки зрения палеоантропологии (Там же. С. 10–11).

В течение своей заграничной командировки Д.Н. Анучин посетил ряд музеев и частных коллекций в других странах. Например, в Англии нанесен визиты в ряд лондонских музеев. В нем будущий заведующий кафедрой осмотрел «среднюю» по его оценке антропологическую коллекцию. Однако очень важным преимуществом являлось то, что все ее экспонаты описывались в каталоге, пусть описания и не всегда были в полной мере хороши. Помимо экспонатов, главное предназначение которых было медико-образовательным, имелся целый раздел, посвященный палеонтологии и приматам (Анучин, 1879. С. 215–216). Акцент в этой части собрания был сделан на эволюционную составляющую развития самых разнообразных видов, не только приматов, но и «других ископаемых гадов» (Там же. С. 217). При посещении Лондонского антропологического института достаточно хорошее впечатление произвела относительно обширная библиотека, которая сильно контрастировала с местной антропологической коллекцией. Она была незначительна по размерам, неразобранность, запущенность (Там же. С. 216).

Особенно приятно удивила частная археологическая коллекция Джона Эванса, отличавшаяся хорошим подбором материалов, большим количеством самых разнообразных орудий разных эпох и регионов (Там же. С. 218–219).

Помимо вышеназванных Д.А. Анучин осмотрел и другие собрания древностей и

антропологических материалов, такие как частная этнографическая коллекция Кристи, Кристальный дворец, Зоологический сад, Антропологическая коллекция полковника Лена Фокса, Кенсингтонский, Индийский и Британский музеи. Коллекции некоторых из них произвели очень сильное впечатление, например собрание Британского музея (что неудивительно). Ученый познакомился с доктором Фрэнсисом, управляющим антропологическим и археологическим (частично) отделениями Британского музея, что было крайне важным для установления международных связей (Там же. С. 215).

Другим важнейшим научным центром, посещенным во время заграничной командировки будущим молодым преподавателем кафедры антропологии, был Берлин. В столице Германской империи Д.А. Анучин нанес визит, в Берлинский анатомический музей. В нем наибольший интерес представляла коллекция черепов антропоморфных обезьян. С анатомом этого заведения господином Гартманом была достигнута договоренность о будущем получении слепков с экспонатов. Что характерно, этот научный сотрудник, как и руководитель Анатомического музея, профессор Рейхерт, сотрудничали в Берлинской ветеринарной школе (Анучин, 1877. С. 1).

Также Д.Н. Анучин побывал в Берлинском университете. В собрании музея помимо скелетов человекообразных обезьян (в том числе их слепков) его внимание привлекли коллекции черепов представителей разных рас и этнических групп. Например, весьма обширным оказалось собрание скелетов африканских рас, доставленное непосредственно из Африки несколькими учеными. Кроме того, в собрании было около 150 черепов из Бразилии. Еще были осмотрены коллекции черепов из Египта и Южной Америки (Там же. С. 3).

В процессе знакомства с коллекцией ученый установил хорошие отношения с господином Гартманом, с которым планировалось вести переписку. К тому же этот последний обещал изготовить и отослать в Москву слепки разнообразных экспонатов и экземпляры своих сочинений. Практическое значение этой договоренности сам Д.Н. Анучин оценил достаточно высоко: «...г. Гартман... может...

быть весьма полезным Обществу, особенно, что касается до антропологии, собрания коллекций и прочего» (Там же. С. 3).

Был посещен и Зоологический музей Берлинского университета, выделенный в отдельную структуру. Там гость осмотрел скелеты, черепа (их слепки) антропоморфных обезьян, а также чучела оных (Там же).

Д.Н. Анучин проявил достаточно большой интерес и к темам, казалось бы, не связанным непосредственно с тематикой его работы, например, посетил в Берлинский сельскохозяйственный музей. Там хранилась богатая коллекция черепов домашних животных, например, крупного рогатого скота (Там же. С. 4).

Лондон и Берлин были одними из самых значимых не только политических, но и научных центров того времени, их музеи и разнообразные учебные заведения, университеты, считались одними из ведущих в некоторых областях знаний. Посещение, осмотр их коллекций и установление Д.Н. Анучиным личных контактов в перспективе имели немаловажное значение для развития отечественной науки.

В других крупных (и не очень) городах Европы — Вене, Брюсселе, Антверпене, Гейдельберге и т. д. — молодой российский ученый посетил музеи (или их отделения), главной специализацией которых являлись антропология и древняя история (Карпов, 1958. С. 86–108).

В целом можно сказать, что во время своей заграничной командировки Д.Н. Анучин осмотрел наиболее известные европейские музеи, находившиеся в крупных научных центрах. Будущий заведующий кафедрой антропологии Московского университета обращал внимание не только на коллекции, связанные с его узкой, казалось бы, специализацией. В поле его зрения попадали и собрания, связанные с археологией, палеозоологией, геологией и другими науками, что служит очередным доказательством междисциплинарного характера исследований того времени.

Вторая половина XIX в. была временем бурного развития отечественной науки, когда происходило как зарождение и организационное оформление новых дисциплин, так и налаживание взаимодействия между уже самостоятельными науками. Оба эти процесса были тесно связаны. Как результат — широкое распространение в это время междисциплинарных исследований, например работ на стыке археологии и естественных наук (Иностранцев, 1882). Такое положение дел считалось само собой разумеющимся. Этих же взглядов придерживался и Д.Н. Анучин, который, «... как и большинство современных антропологов, включал в антропологию всю совокупность естественно-исторических знаний о коллективном человеке...» (Бунак, 1924. С. 7).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анучин Д.Н., 1877. Письма из-за границы Д.Н. Анучина // Антропологические заметки. М.

Анучин Д.Н., 1879. Антропологические собрания: Отчет о командировке за границу Д.Н. Анучина // Изв. Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 35. Тр. антропологического отдела. Т. 4. Антропологическая выставка. Доп. вып. к Т. 2. М.

Бунак В.В., 1924. Деятельность Д.Н. Анучина в области антропологии // Русский антропологический журнал. М. Т. 13. Вып. 3–4.

Иностранцев А.А. 1882. Доисторический человек каменного века побережья Ладноского озера. СПб.

Карпов В.Г., 1958. Путь ученого (очерки жизни, научной и общественной деятельности Д.Н. Анучина). М.

Е.Ю. Басаргина*, Е.Г. Застрожнова**

*Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН

**Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

ПРЕМИИ ИМЕНИ К.К. ГЁРЦА

В 1895 г. в Императорской Академии наук был учрежден премиальный капитал в память о профессоре истории и археологии искусства Московского университета Карле Карловиче Гёрце (Ch. Görtz; 1820–1883; Илл. 50). Вместе с денежным пожертвованием Академия наук получила архив ученого¹.

К.К. Гёрц родился в Москве 4 августа 1820 г. Его отец, Карл Гёрц, владелец завода по обработке красного дерева, перебрался в 1780 г. из Восточной Пруссии в Россию; мать — дочь московского архитектора Д.Ф. Гиерта. У Карла были младший брат Константин, художник-пейзажист, и три сестры — Адель, Софья (впоследствии жена известного русского художника А.К. Саврасова) и Эрнестина.

Гёрц получил образование во французском пансионе Ораса Гэ, в Московской практической академии коммерческих наук и на философском факультете Московского университета. По окончании в 1844 г. университета он получил место домашнего учителя

в семье графа В.А. Мусина-Пушкина, жившей в то время в Гельсингфорсе. Там Гёрц познакомился со славистом, профессором Александровского университета и будущим академиком Я.К. Гротом, а через него с П.А. Плетневым, который поместил в свой журнал «Современник» ряд библиографических обзоров и биографических статей из западных журналов в переводе Гёрца. В последующие годы Гёрц усиленно занимался библиографической работой во многих газетах и журналах и опубликовал немало статей популярного характера.

По возвращении в 1845 г. в Россию Гёрц, по рекомендации попечителя Московского университета графа С.Г. Строганова, получил место воспитателя его племянника, князя Н.И. Салтыкова, в Петербурге. Прожив в доме Салтыковых почти шесть лет и получив от князя пожизненную пенсию, Гёрц в 1851 г. уехал в первое заграничное путешествие для завершения своего образования и изучения

---

¹ Архив К.К. Гёрца поступил на хранение в Архив Академии наук в 1929 г. из Секретариата АН СССР и в настоящее время составляет фонд 28 СПФ АРАН. Материалы фонда были систематизированы и распределены по шести описям (всего 592 ед. хр.): научные труды Гёрца и материалы к ним, литературные произведения (оп. 1, 101 ед. хр.); материалы по научно-организационной деятельности (оп. 2, 25 ед. хр.); биографические материалы, среди них личные документы, путевые заметки, записные книжки (оп. 3, 39 ед. хр.); переписка (оп. 4, 342 ед. хр.); научные материалы, материалы и письма других лиц, среди них записи лекций профессоров Москвы, Берлина и Парижа (оп. 5, 62 ед. хр.); материалы комиссии для заведования употреблением процентов с капитала Гёрца Академии наук (оп. 6, 23 ед. хр.) (Модзалевский, 1933. С. 116–117; Памятная записка о фонде К.К. Гёрца... С. IV–V).

памятников искусства: он посетил Италию, Германию, Англию и Францию. Путешествие оказало большое влияние на становление Гёрца как ученого: в Берлине он прослушал курс археологии античного искусства у Э. Гергарда, курс по географии древнего мира у Э. Курциуса, историю географических открытий в древности у К. Риттера; в Париже занимался древней иконографией у Д. Рауль Рошетта. От этого путешествия осталось много писем, заметок и записок дневникового характера (СПФ АРАН. Ф. 28. Оп. 3. Д. 7. Л. 1–58; Д. 8. Л. 1–50; Д. 9. Л. 1–39; Д. 10. Л. 1–11).

По возвращении в Москву в 1856 г. при содействии П.М. Леонтьева Гёрц открыл в университете курс лекций по археологии и истории искусства в скромном и скудно вознаграждаемом звании доцента. Закончил он свою педагогическую деятельность в 1882 г. в звании заслуженного профессора². Среди материалов личного фонда Гёрца имеется несколько программ и конспектов лекций, свидетельствующих о том, что он уделял большое внимание археологии как неотъемлемой части истории искусства (Там же. Оп. 1 Д. 1. Л. 1–6; Д. 2. Л. 1–39; Д. 41. Л. 1–28; Д. 44. Л. 1–52).

Летом 1859 г. по поручению Императорской археологической комиссии (ИАК) Гёрц отправился на Таманский полуостров для производства там раскопок. Это было одно из первых предприятий комиссии, основанной в феврале того же 1859 г. для координации и контроля над всеми археологическими раскопками, проводимыми в Российской империи.

Особое внимание комиссии было обращено на территории юга России — Северное Причерноморье, вошедшее в состав Российской империи в конце XVIII в. Комиссия сразу приступила к планомерному археологическому исследованию столицы Азиатского Боспора — древней Фанагории, локализуемой близ современной ст. Сенной Темрюкского р-на Краснодарского края. С этой целью на Таманский полуостров и был командирован Гёрц.

Этот выбор, по-видимому, был обусловлен личным знакомством Гёрца с графом С.Г. Строгановым, который стоял в то время во главе комиссии. Вместе с Гёрцем на Тамань отправился его брат Константин Карлович, художник-пейзажист. Из-под его кисти вышла целая серия акварельных рисунков окрестностей древней Фанагории (РА НА ИИМК РАН. Р. I. Оп. 1–1859. Д. 1108. Л. 1–37).

Пробыв в Фанагории с июля по октябрь 1859 г., Гёрц сделал ряд важных открытий и снял один из первых топографических планов городища (Там же. Ф. 1. Оп. 1–1859. Д. 11. Л. 11–141; СПФ АРАН. Ф. 28. Оп. 2. Д. 6. Л. 1–48). Однако археолог так и не представил в комиссию отчета о проделанной работе, отговариваясь то болезнью, то университетскими занятиями. Отчет за него подготовил в 1862 г. хранитель Императорского Эрмитажа академик Л.Э. Стефани, так как именно в императорское собрание поступили находки 1859 г. (Стефани, 1860. С. 91–102). Дублеты предметов, уже имевшихся в Эрмитаже, по ходатайству Гёрца были переданы в Московский университет, в Археологический кабинет, которым он заведовал.

Исследования, проведенные Гёрцем на Таманском полуострове, легли в основу его диссертации на степень магистра, которую он защитил 4 мая 1870 г., — «Археологическая топография Таманского полуострова» (Гёрц, 1870). В ней Гёрц использовал не только материалы собственных раскопок, но и результаты более поздних исследований, проведенных по заданию Археологической комиссии И.Е. Забелиным, А.Е. Люценко, В.Г. Тизенгаузену в 1864–1868 гг. (Об археологических разысканиях... 1864; Об археологических раскопках... 1865; Люценко, 1866; Об археологических разысканиях... 1868).

В мае 1873 г. Гёрц защитил докторскую диссертацию на тему «О состоянии живописи в Северной Европе от Карла Великого до начала романской эпохи (IX и X столетие)», а в 1876 г. закончил работу над своим третьим крупным трудом — «Исторический обзор археологических исследований и открытий на

² Гёрц был доцентом (1857–1863, 1870–1873), с введением университетского устава 1863 г. как не имевший ученой степени он утратил звание доцента и был перечислен в приват-доценты (1863–1870), затем был экстраординарным (1873–1881), ординарным (1881–1882), заслуженным (с 1882 г.) профессором по кафедре истории и археологии искусства Московского университета.

Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г.: Преимущественно по неизданным источникам» (Гёргц, 1873а; 1876). Для написания последнего обзора им были проработаны материалы из архивов Археологической комиссии, Русского археологического общества, а также документация из Керченского музея древностей и переписка министра уделов Л.А. Перовского.

Научной карьере Гёргца сопутствовал внешний успех, его ученые труды доставили ему известность в России и за границей, многие общества избрали его действительным и почетным членом и удостоили рядом наград. Гёргц был ближайшим помощником А.С. Уварова в Императорском Московском археологическом обществе, сначала как секретарь общества, а потом как товарищ председателя. Столь же тесно Гёргц был связан с Румянцевским музеем, где он заведовал отделением изящных искусств и древностей.

В начале 1870-х гг. здоровье Гёргца пошатнулось. Для лечения он совершил два зарубежных путешествия, во время которых не прекращал научной деятельности³. Гёргца сопровождала его сестра Эрнестина Карловна, которая была его верной помощницей и сиделкой вплоть до его смерти в 1883 г. Гёргц назначил ее своей наследницей.

Э.К. Гёргц уступила Историческому музею библиотеку Гёргца, составленную им с глубоким знанием дела и большими материальными затратами (более 6000 названий), которую она называла «дитя души» своего брата (Гёргц Э.К. Материалы... Л. 10 об). Сюда же она передала на хранение архив ученого.

В 1891 г., исполняя волю брата, подтвердившего незадолго до смерти свое намерение собрать и издать вновь наиболее важные свои труды (Цветаев, 1883. С. 5), Э.К. Гёргц пред-

ложила передать в Академию наук капитал в 7000 руб. при условии, что его часть (2000 руб.) будет потрачена на издание трудов и биографии К.К. Гёргца и на вознаграждение его биографа. Проценты с оставшейся части капитала, которую жертвовательница полагала назвать «неприкосновенным капиталом имени Карла Карловича Гёргца» (5000 руб.), она предназначала на учреждение премии, «исключительно в виде вознаграждения за лучшее сочинение по археологии, преимущественно классической, предоставляя оценку Академии наук»⁴.

Академия наук с признательностью приняла дар Э.К. Гёргц. Академические ученые посоветовали ей оставить весь жертвуемый капитал неприкосновенным на вечные времена и заменить предложенное ею распределение капитала на две части распределением дохода с него. Историко-филологическое отделение принимало на себя обязательство подготовить и издать труды и биографию К.К. Гёргца. После этого отделение получало право использовать проценты с капитала на поощрение занятий классической археологией. Форму такого поощрения отделение могло выбрать по своему усмотрению: кроме выдачи премий, это могло быть финансирование научных предприятий и издание трудов, имеющих отношение к археологии⁵.

Э.К. Гёргц беспрекословно согласилась на предложенные изменения и внесла их в свое духовное завещание⁶. Тогда же она передала в распоряжение Академии наук составленные ею рукописные материалы для жизнеописания К.К. Гёргца, содержавшие большое число адресованных к ней писем брата, и дала разрешение напечатать их как приложение к изданию его трудов⁷.

³ Корреспонденция из этого заграничного путешествия, напечатанная в «Московских ведомостях» в 1871–1872 гг., вышла отдельной книгой (Гёргц, 1873б).

⁴ Протоколы ИФО. Заседание 1 мая 1891 г. § 64; Штраух, 1891.

⁵ Протоколы ИФО. Заседание 2 октября 1891 г. § 105 и Приложение: Проект условий пользования капиталом, жертвуемым Эрнестиною Карловною Гёргц, в память покойного брата ее, профессора К.К. Гёргца, в распоряжение Императорской Академии наук; Заседание 27 ноября 1891 г. § 146; Гёргц Э.К., 1891б; 1891в; Выписка...

⁶ Протоколы ИФО. Заседание 27 ноября 1891 г. § 148; Гёргц Э.К., 1891б.

⁷ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1891. Д. 7. Л. 21–21 об.; Ф. 28. Оп. 6. Д. 1. Л. 1. Собрание рукописей было дважды описано, сначала вчерне, а потом в систематическом порядке (Протоколы ИФО. Заседание 20 декабря 1895 г. Приложение: Инвентарный список сочинений и рукописных материалов, поступивших с 1891 по 1895 г. из коллекции покойного профессора К.К. Гёргца в I отделение академической библиотеки; Заседание 15 апреля 1898 г. § 57 и Приложение I: Каталог рукописей К.К. Гёргца).

Капитал имени К.К. Гёрца присоединялся к многочисленным премиальным капиталам, находившимся в ведении Академии наук (Роспись... 1908; Мезенин, 1987; Указатель конкурсов... 2003; Академия наук... 2007). Подобные капиталы обычно поступали в банк и оставались в неприкосновенности, а премии присуждались за счет процентов. Происхождение, состав и назначение премиальных капиталов были чрезвычайно разнородны. Большая их часть представляла собой прижизненные или посмертные пожертвования частных лиц — ревнителей науки, другие составлялись из сборов по подписке, третьи были образованы общественными группами или правительством; наконец, Академия наук и сама учредила ряд наград имени своих членов. Размер премий, периодичность их присуждения были различными и зависели от воли жертвователя.

Круг вопросов, научная разработка которых поощрялась выдачей премий, был необычайно широк, если не сказать всеобъемлющ: на соискание премий поступали ученые исследования по всем дисциплинам, представленным академическими кафедрами. Наряду с широкими темами общего значения премии устанавливали и специальные задания: изучение определенного периода истории, определенного края, определенного языка, государственного деятеля.

Таким образом, в конце XIX в. в Академии наук действовала развитая премиальная система для поощрения исследователей к научному труду. Наиболее престижными считались премии имени М.В. Ломоносова, К.М. Бэра, митрополита Макария, С.С. Уварова, Д.А. Толстого, А.С. Пушкина.

Несомненно, передавая свои сбережения в распоряжение Академии наук, каждый жертвователь мечтал принести посильную пользу русскому просвещению и увековечить в его анналах свое имя или имя своего родственника. Обратившаяся в Академию наук с такими

благими намерениями Э.К. Гёрц была едва ли не первым жертвователем, который предварительно оговорил с Академией наук условия передачи капитала, пошел навстречу пожеланиям академических ученых о назначении и целях использования своего дара и учел эти советы в своем завещании.

В начале 1895 г. Э.К. Гёрц умерла, и в марте завещанный ею капитал поступил в ведение Академии наук. Из Исторического музея в Русское отделение Библиотеки Академии наук были доставлены 2 ящика и 4 тюка с бумагами профессора К.К. Гёрца⁸.

В мае 1895 г. Историко-филологическое отделение образовало Комиссию для составления правил о премии имени профессора К.К. Гёрца. В состав комиссии вошли академики В.В. Латышев, А.А. Куник, П.В. Никитин и адъюнкт В.К. Ернштедт, которые составили канву будущих правил⁹.

8 апреля 1896 г. Николай II позволил Императорской Академии наук принять завещанный Э.К. Гёрц капитал (Извлечения... 1896. С. XVI–XVII). 13 октября 1896 г. министр народного просвещения И.Д. Делянов утвердил «Правила о премиях К.К. Гёрца»¹⁰.

Правила о премиях К.К. Гёрца требовали, чтобы в первые семь лет Академия наук выполнила свои обязательства по составлению биографии ученого и изданию его сочинений. Только после выполнения этой задачи Академия могла использовать проценты с завещанного капитала «на поощрение ученых трудов по классической археологии и другим наукам, которые были предметом занятий проф. Гёрца» (см. Приложение. § 4).

Распоряжение употреблением процентов с капитала К.К. Гёрца Историко-филологическое отделение доверило комиссии в составе академиков В.Г. Васильевского, В.В. Латышева и П.В. Никитина¹¹. Комиссия обсудила вопрос об объеме будущего издания сочинений Гёрца и решила подготовить возможно более полное собрание сочинений

⁸ Протоколы ИФО. Заседание 24 мая 1895 г. § 107.

⁹ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1891. Д. 7. Л. 32–32 об; Л. 33–39: Правила о премиях К.К. Гёрца. Подлинник с подписью И.Д. Делянова.

¹⁰ Протоколы ИФО. Заседание 11 декабря 1896 г. § 198; Заседание 8 января 1897 г. § 11.

¹¹ Списки трудов Гёрца, составленные комиссией по изданию «Собрания сочинений» Гёрца и другие заметки, связанные с изданием собрания его сочинений (СПФ АРАН. Ф. 28. Оп. 6. Д. 9).

ученого, хотя правила о премиях Гёрца позволяли ограничиться изданием сборника избранных трудов. Курирование издания сочинений Гёрца взял на себя Латышев, который имел большой опыт редактирования подобного рода изданий.

Началась кропотливая работа по выявлению печатных трудов и рукописных материалов Гёрца. Предварительный указатель печатных трудов Гёрца составил молодой московский ученый Н.Н. Трескин. Этот список трудов комиссия продолжала пополнять на протяжении ряда лет¹². Несмотря на все усилия Латышева, обращавшегося за справками ко многим своим коллегам, несколько мелких статей Гёрца случайно не попали в собрание сочинений и позже были приложены к его биографии.

В собрание сочинений Гёрца вошли его научные и критико-библиографические труды, за исключением юношеских и популярных статей и беллетристических произведений. Сочинения Гёрца были разделены на несколько отделов и размещены в них в хронологическом порядке.

Собрание сочинений, рассчитанное в нача-

ле работы на семь выпусков, в конце концов разрослось до девяти и было полностью подготовлено к 1901 г. под редакцией Латышева (Гёрц, 1898–1901). Главное внимание издатель было обращено на проверку библиографического аппарата. Авторский текст Гёрца они сохранили в неприкосновенности, за исключением некоторых корректурных поправок и исправлений ошибочных толкований им древних текстов¹³.

К некоторым работам издатели приложили новые материалы. Например, «Письма из Италии и Сицилии» были дополнены очерком «Осенний день в Венеции» (Гёрц, 1899. С. 138–163), обнаруженным среди бумаг Гёрца. В приложении к исследованию «Археологическая топография Таманского полуострова», послужившему для автора магистерской диссертацией, были помещены «Положения», извлеченные для диспута. Кое-какие работы Гёрца все-таки не удалось найти. Латышев сожалел о том, что не были обнаружены «Положения» к докторской диссертации Гёрца, даже несмотря на помощь И.В. Цветаева, наводившего о них справки в Москве (Гёрц, 1900а. С. VI)¹⁴.

¹² Например, Гёрц ошибочно восстановил текст надписи, открытой им в 1859 г. на хуторе Семеняки и содержащей упоминание боспорского царя Тиберия Юлия Реметалка (151 г. н. э.). Исследователь был введен в заблуждение академиками А.К. Наумом и Л.Э. Стефани, которые убедили его в том, что вместо первоначально увиденного Гёрцем в девятой строке надписи τῇ θεῶ σῶα надо читать τῇ θεῶ σῶλ (Стефани, 1860. С. 100–101). Объяснению загадочного имени богини Гёрц посвятил пространное рассуждение. Между тем В.В. Латышев, списывая эту надпись для издания IosPE (IosPE. Т. 2. Р. 179. № 353), отчетливо увидел на камне ΣΩΑ, и надпись получила простое и ясное толкование: <...> Ῥοιμητάλκης <...> συναθροίσας ἅπαντα καὶ πλεονάσας ἀπεκατέστησε τῇ θεῶ σῶα <...> (<...> Реметалк <...>, собрав все и приумножив, возвратил богине в целости <...>). Поэтому в новом издании работы рассказ Гёрца о новойвленной богине издатель признал излишним и заключил в квадратные скобки (Гёрц, 1898б. С. 102–106. Прим. 223). Памятник хранится в Эрмитаже (КБН. С. 555–557. № 976; КБН-альбом. № 976).

¹³ И.В. Цветаев огорчался по поводу того, что был не в силах исполнить просьбу Латышева. «Не ответил я на Ваше любезное письмо скоро, — писал он Латышеву, — потому что хотелось мне разыскать экземпляр «Положений» к докторской диссертации К.К. Гёрца. Обращался я и в университетскую библиотеку, и к библиографу и библиофилу Д.Д. Языкову, и в собственную библиотеку покойного, находящуюся в Историческом музее, и в наш факультет; — но нигде не оказалось никаких следов этих Положений. С Языковым порылись мы в Московских Ведомостях, искавши отчета о диспуте (2 мая 1873 г.) и рассчитывая найти случайно напечатанными эти Положения там, но ничего не нашли, за исключением простого объяснения о предстоящем диспуте. Да были ли напечатаны такие тезисы? Не заменяла ли их последняя, очень коротенькая главка, заключающая в себе резюме всей книги? Ученые учреждения обыкновенно небрегут своими документами и плохо содержат свои архивы. Чего бы проще заносить в факультетские протоколы положения ученых диссертаций или прикладывать печатный экземпляр к соответствующему протоколу о диспуте? А то тезисы печатаются на летучих листках, которые потом, как диспут кончился, и разносит ветер на все четыре стороны» (Цветаев, 1899. Л. 51–51 об).

¹⁴ Последнее сообщение о ходе занятий Трескина, сохранившееся в делах комиссии, относится к сентябрю 1898 г. (Трескин, 1898).

Биография Гёрца увидела свет в 1912 г., через 11 лет после выхода в свет «Собрания сочинений». Написание биографии продвигалось медленно по ряду причин. В 1897 г. комиссия поручила составить биографию Гёрца молодому московскому ученому, хранителю кабинета нумизматики и древностей Музея изящных искусств Московского университета Николаю Николаевичу Трескину, который к тому времени по просьбе комиссии уже подготовил предварительный список трудов Гёрца (СПФ АРАН. Ф. 28. Оп. 6. Д. 9. Л. 2). Новым почетным поручением Трескин был обязан не в последнюю очередь покровительству своего родственника Л.Н. Майкова, который был вице-президентом Академии наук в 1893–1900 гг. и имел влияние на ход академических дел (Цветаев, 1907).

Трескин с благодарностью принял новое поручение комиссии. «Будьте уверены, — писал он Латышеву, — что я взялся за это дело не из каких иных побуждений, кроме того, что работа над биографией первого русского профессора-археолога, в свое время много работавшего над близкой моему сердцу наукой, была мне особенно по душе, и я очень благодарен за честь, которую академическая «Гёрцевская» комиссия оказала мне поручением составления научной биографии покойного К.К. Гёрца, который к тому же был и москвичом. Вы видите, что принципиально я был рад взять на себя этот труд» (Трескин, 1897). Однако Трескину, с головой ушедшему в преподавание, по-видимому, было недосуг

разбираться в материалах Гёрца, и он ничего не сообщал комиссии о результатах своей работы¹⁵. В марте 1906 г. Трескин умер, и среди его бумаг не было обнаружено никаких значительных рукописей, относившихся к работе над биографией Гёрца (СПФ АРАН. Оп. 6. Д. 7. Л. 42–42 об).

После смерти Трескина написание биографии Гёрца комиссия возложила на ученика и сослуживца Латышева, профессора Петербургского Историко-филологического института Александра Иустиновича Малеина (1869–1936), которому пришлось всю работу делать заново. Малеин уже имел случай познакомиться с архивом Гёрца, когда в 1898 г. по поручению комиссии он привел в порядок собрание рукописей Гёрца и подготовил их систематическое описание, оно и послужило ему надежным руководством в работе над биографией ученого¹⁶. В своей работе Малеин использовал заметки и переписку Гёрца, отчеты Археологической комиссии, а также «Материалы для биографии К.К. Гёрца», написанные Э.К. Гёрц¹⁷. Запрошенные комиссией дела из архива Московского археологического общества и письма Гёрца, адресованные А.С. Уварову, стали доступны Малеину слишком поздно, когда значительная часть книги была уже напечатана¹⁸.

По мере знакомства с материалами Гёрца Малеин постепенно приходил к убеждению в невозможности осуществить в своей книге ту основную задачу, которую поставила перед биографом своего брата Э.К. Гёрц, — со-

¹⁵ Протоколы ИФО. Заседание 14 января 1898 г. § 2; Заседание 15 апреля 1898 г. § 57 и Приложение I: Каталог рукописей К.К. Гёрца. Малеин выделил 6 отделов: сочинения Гёрца или уже бывшие в печати, или более или менее готовые к печати; эксцерпты из разных сочинений, библиографические указатели, конспекты, наброски лекций и черновые заметки; записи лекций, слушанных Гёрцем в Москве, Берлине и Париже, а также изложение им отдельных сочинений и ученические тетради; записные книжки; рукописи, писанные посторонними лицами; письма (1190 писем и записок разных лиц к Гёрцу и 30 писем Гёрца).

¹⁶ Написанные мелким неразборчивым почерком, рукописи с трудом поддавались расшифровке и разочаровали исследователя, потому что содержали в основном второстепенные, мелкие заметки (Протоколы ИФО. Заседание 14 января 1909 г. § 34).

¹⁷ Протоколы ИФО. Заседание 24 марта 1910 г. § 120; Малеин, 1912. С. VII.

¹⁸ Ср. отзыв о Гёрце Жебелева: «К.К. Гёрц, получивший прекрасную научную подготовку за границей, почти не оставил после себя следа в русской археологической науке в смысле теоретической ее разработки, но практическая сторона его деятельности, сказавшаяся в участии его в устройстве и оборудовании Румянцевского музея, в трудах Московского археологического общества, а особенно в массе написанных им популярных статей и рецензий, должна была весьма содействовать подъему художественных интересов в нашем обществе» (Жебелев, 2007. С. 148).

ставление исторического очерка его времени и ученой деятельности Гёрца в Московском университете (Гёрц Э.К. Материалы... Л. 9 об). По мнению Малеина, главное значение деятельности Гёрца заключалось «как раз не в ученой стороне его деятельности, а в практической, и его преподавательская работа в Московском университете отнюдь не может быть названа блестящею» (Малеин, 1912. С. VI). Когда Малеин выносил свое суждение о Гёрце, он имел в виду прежде всего дело с его докторской работой.

В 1873 г. для соискания докторской степени Гёрц перепечатал с небольшими дополнениями свою прежнюю работу, прочитанную им в 1857 г. в качестве пробной лекции на историко-филологическом факультете Московского университета (Гёрц, 1873а). Для второго издания, по словам Малеина, «Карл Карлович не только не мог переработать своего труда, но, по всей видимости, вспомнил о нем впервые тогда, когда ему, для дальнейшего движения в университетской службе, понадобилось представить вторую диссертацию» (Малеин, 1912. С. 115).

Защита состоялась 2 мая 1873 г. Сведений о докторском диспуте Гёрца не сохранилось ни в повременной прессе, ни в архиве Московского университета, и это молчание, по всей видимости, было умышленным. От очевидцев Малеину пришлось слышать, что диспут прошел далеко не гладко. Рассказывали, что возражавший Гёрцу знаток русского и византийского искусства Ф.И. Буслаев в сердцах даже бросил книгу Гёрца на пол, желая указать ее ничтожность (Там же. С. 128).

Малеин весьма критически относился к научным достижениям Гёрца: он отмечает его небрежность в работе и привычку к торопливости, приобретенную многолетней журналистской работой, упрекает в излишней доверчивости к мнению научных авторитетов. Из-за своей склонности отказываться от собственного мнения в пользу чужого Гёрц до-

пускал досадные огрехи в чтении надписей, которые приводили его, как в случае с надписью Реметалка, к ошибочному толкованию древних источников (Там же. С. 84, 111, 114).

Подводя итоги научной деятельности Гёрца, Малеин ставит их не очень высоко: «Получив, несомненно, прекрасную научную подготовку, он с первых же шагов своей литературной деятельности ступил на скользкий путь популяризации избранной им отрасли знаний. Разумеется, строго винить его за это нельзя, так как он был одним из первых у нас историков искусства. Но постоянное писание с чужого голоса, всегдашняя передача чужих слов и мыслей помешали ему глубоко вникнуть в какой-либо отдел излюбленной им науки и создать исследования, могущие подвинуть вперед изучение истории искусства» (Там же. С. 184)¹⁹.

Современные исследователи благодарны Гёрцу за его работы о Таманском полуострове, которые являются «первыми и весьма ценными сведениями относительно размеров и топографии античной Фанагории» (Паромов, 1999а. С. 56; 1999б. С. 60; 2004. С. 288). Однако современные археологи вынуждены проявлять осторожность в использовании полученных Гёрцем результатов (Тункина, 2002. С. 558).

Через несколько лет после выхода в свет биографии Гёрца, в 1916 г., Малеин по рекомендации Латышева был удостоен избрания в члены-корреспонденты Академии наук. Представляя Малеина к этому почетному званию, Латышев поставил в один ряд с его достоинствами филолога-классика, пользующегося «почетной известностью в среде русских латинистов по своим знаниям, плодovitости и широте научного горизонта», заслуги Малеина как библиографа и особо отметил «добросовестность и строгую научность обработки» написанной им биографии Гёрца (Латышев, Успенский, Лаппо-Данилевский, 1916).

¹⁹ Ср. отзыв о Гёрце Жебелева: «К.К. Гёрц, получивший прекрасную научную подготовку за границей, почти не оставил после себя следа в русской археологической науке в смысле теоретической ее разработки, но практическая сторона его деятельности, сказавшаяся в участии его в устройстве и оборудовании Румянцевского музея, в трудах Московского археологического общества, а особенно в массе написанных им популярных статей и рецензий, должна была весьма содействовать подъему художественных интересов в нашем обществе» (Жебелев, 2007. С. 148).

Академия наук сполна выполнила свои обязательства перед жертвователем и потратила немало сил на издание собрания сочинений и биографии ученого, имя которого, по словам его биографа, «в истории изучения у нас искусства занимает одно из самых скромных мест» (Малеин, 1912. С. 184).

Академия наук приняла дар Э.К. Гёрц и согласилась на ее условия главным образом потому, что она рассчитывала в будущем свободно распоряжаться процентами с пожертвованного капитала и использовать их на пользу классической археологии и близких ей наук. На деле работы по изданию сочинений

и биографии Гёрца не были выполнены в семилетний срок, предписанный «Правилами о премиях Гёрца», т. е. к 1901 г., а были завершены с опозданием на 11 лет. Только в 1912 г. Академия наук получила возможность распоряжаться процентами с капитала «вообще на поощрение ученых трудов по классической археологии». Однако вплоть до национализации всех частных капиталов в 1919 г. свободный остаток процентов с капитала имени К.К. Гёрца оставался слишком незначительным для того, чтобы возможно было употребить его на какое-либо научное предприятие²⁰.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРАВИЛА О ПРЕМИЯХ К.К. ГЁРЦА²¹

На основании Высочайшего повеления,
от 8 апреля 1896 года,
утверждаю.

Министр народного просвещения,
статс-секретарь граф Делянов.
13 октября 1896 года.

§ 1. Капитал в 7000 р., пожертвованный Императорской Академии наук Эрнестиною Карловною Гёрц в память ее брата, покойного профессора Императорского Московского университета Карла Карловича Гёрца, остается на вечные времена неприкосновенным, а проценты с него употребляются согласно воле жертвовательницы, выраженной в ее духовном завещании.

§ 2. Означенный капитал обращается в государственных или гарантированных правительством процентных бумагах.

§ 3. Согласно воле жертвовательницы проценты с сего капитала за первые семь лет по передаче его в ведение Академии должны быть употреблены на вознаграждение за составление биографии профессора К.К. Гёрца, на ее напечатание и на издание его сочинений. Могущий образоваться остаток от употребления процентов на указанные надобности причисляется к основному капиталу. К нему

же присоединяется и доход от продажи биографии К.К. Гёрца и сочинений его в новом издании, которое будет сделано Академиею.

§ 4. По исполнении указанной в § 3 задачи проценты с капитала употребляются, по усмотрению Академии, вообще на поощрение ученых трудов по классической археологии и другим наукам, которые были предметом занятий проф. Гёрца, как-то: а) на выдачу премий за самостоятельные сочинения по этим наукам, б) на издание сочинений, представленных авторами в рукописи, и в) на вспомоществование ученым путешествиям, раскопкам и т. п. ученым предприятиям.

§ 5. Для заведования употреблением процентов с капитала Гёрца при Академии учреждается постоянная комиссия из трех членов, избираемых Историко-филологическим отделением Академии из своей среды на 3 года, и одного кандидата, который, в случае отсутствия кого-либо из членов, заступает его место.

§ 6. Означенная в § 5 Комиссия ежегодно в одном из январских заседаний Историко-филологического отделения Академии представляет на его утверждение свои соображения об употреблении процентов с капитала

²⁰ Протоколы ИФО. Заседание 15 января 1914 г. § 41; Заседание 11 января 1917 г. § 49; Заседание 29 января 1919 г. § 25.

²¹ Правила о премиях К.К. Гёрца, 1896. С. 73–76; 1897. С. 83–86; СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1891. Д. 7. Л. 32–32 об; Л. 33–39: Подлинник с подписью И.Д. Делянова.

Гёрца в ближайший год. Она может, впрочем, предложить то или другое употребление процентов и за несколько лет сряду. В своей деятельности Комиссия руководствуется следующими правилами.

А. По премиям

§ 7. Премии, выдаваемые из процентов пожертвованного Э.К. Гёрц капитала, носят название «Премии заслуженного ординарного профессора Императорского Московского университета Карла Карловича Гёрца».

§ 8. Каждая премия проф. Гёрца состоит из денежной награды, в размере 500 рублей.

§ 9. В случае утверждения Историко-филологическим отделением Академии предположения означенной в § 5 Комиссии об употреблении процентов с капитала Гёрца за ближайшие годы на выдачу премии, о сем немедленно объявляется во всеобщее сведение с указанием срока, к которому сочинения, предназначенные на соискание премии, должны быть представлены в Академию.

§ 10. К соисканию премии допускаются самостоятельные, но *не переводные* сочинения по наукам, указанным в § 4, написанные преимущественно на русском языке и напечатанные в течение трех лет, непосредственно предшествовавших конкурсу.

§ 11. К соисканию премии *допускаются* печатные труды: а) представленные самими авторами или их законными наследниками, б) указанные кем-либо из числа членов Историко-филологического отделения Академии и в) представляющие ответ на тему, предложенную для обработки Историко-филологическим отделением Академии.

§ 12. *Не допускаются* к соисканию премии: а) труды действительных членов Академии и б) труды, уже удостоенные какой-либо премии Академией или учеными учреждениями и обществами.

§ 13. Премии Гёрца удостоиваются сочинения, которые: 1) по важности изложенных в них самостоятельных исследований автора существенно содействуют развитию той или другой из указанных в § 4 наук, или же 2) хотя и не содержат в себе новых исследований и открытий, но тем не менее обогащают ученую литературу полным и основательным иссле-

дованием той или другой отрасли науки или важного вопроса.

§ 14. Сочинения, предназначенные к соисканию премии Гёрца, должны быть представлены в Академию не позже 15-го августа предшествующего конкурсу года.

§ 15. Означенная в § 5 Комиссия приглашает для рассмотрения представленных на соискание премии сочинений специалистов из числа членов Академии либо посторонних ученых и, по представлении приглашенными рецензентами подробных отзывов о достоинствах и недостатках каждого труда, делает на основании их постановление об удостоении или неудостоении премии, которое и представляет на утверждение Историко-филологического отделения.

§ 16. Премии Гёрца выдаются только авторам сочинений или их законным наследникам, но отнюдь не издателям.

§ 17. Объявление о присуждении премии Гёрца производится в публичном собрании Академии в день памяти К.К. Гёрца — 15 февраля.

Б. По изданию сочинений

§ 18. Проценты с пожертвованного Э.К. Гёрц капитала, согласно воле жертвовательницы, могут быть употребляемы на издание представленных в рукописи сочинений по указанному в § 4 наукам.

§ 19. Рукописи могут быть представляемы в Академию авторами или их законными наследниками. Представленные рукописи передаются в указанную в § 5 Комиссию, которая, при их рассмотрении и обсуждении вопроса о напечатании их на счет процентов с капитала Гёрца, руководствуется правилами, изложенными выше в § 10 (кроме последней части), 12 п. а, 14 и 15.

§ 20. Комиссия имеет право сама объявлять темы для сочинений, которые могут быть напечатаны на счет процентов с капитала Гёрца или поручать избранному лицу обработку какой-либо темы, которая представится ей существенно важной в данное время для развития той или другой науки или для пополнения пробела в русской ученой литературе. Ответы на такие темы рассматриваются согласно вышеизложенным правилам.

§ 21. На заглавных листах сочинений, изданных на проценты с капитала Гёрга, обязательно обозначается: «Издание Императорской Академии наук на средства премии имени профессора К.К. Гёрга».

§ 22. Выручка от продажи сочинений, изданных на средства капитала Гёрга, составляет собственность Академии и причисляется к основному капиталу Гёрга с целью его увеличения. Автору сочинения выдается не более 100 авторских экземпляров.

В. По вспомоществованию ученым предприятиям.

§ 23. Проценты с капитала Гёрга могут быть употребляемы на вспомоществование ученым путешествиям, раскопкам и т. п. ученым предприятиям по усмотрению означенной в § 5 Комиссии, с утверждения Историко-филологического отделения Академии.

§ 24. Академия может или сама организовать ученые предприятия, означенные в § 23, или оказывать вспомоществование таковым предприятиям по просьбе ученых учреждений, обществ или отдельных лиц.

§ 25. В предисловиях к сочинениям, которые будут заключать в себе обработку научного материала, добытого при вспомоществовании из процентов с капитала Гёрга, обязательно должно делаться обозначение, что данное ученое предприятие осуществлено на средства (или при вспомоществовании из средств) капитала имени профессора К.К. Гёрга.

§ 26. Отчет об употреблении процентов с капитала Гёрга за каждый год включается в общий отчет по Академии.

§ 27. Могущий образоваться к концу года остаток от процентов капитала Гёрга присоединяется к процентам следующего года для употребления согласно вышеизложенным правилам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Академия наук в пространстве поощрения ученых (XIX — начало XX века): Препринт / Сост. Е.Ю. Басаргина, Н.В. Бекжанова, Н.А. Сидоренко, И.В. Черказынова. СПб., 2007.

Выписка из нотариального духовного завещания домашней учительницы Эрнестины Карловны Гёрг // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1891. Д. 7. Л. 13–15.

Гёрг К.К., 1870. Археологическая топография Таманского полуострова. М.

Гёрг К.К., 1873а. О состоянии живописи в северной Европе от Карла Великого до начала романской эпохи (IX и X столетия): По неописанным и неизданным миниатюрам в рукописях, хранящихся в церковных, публичных и частных библиотеках в Бельгии и Германии. Изд. 2-е. М.

Гёрг К.К., 1873б. Письма из Италии и Сицилии. М.

Гёрг К.К., 1876. Исторический обзор археологических исследований на Таманском полуострове с конца XVIII в. до 1859 года // Тр. Императорского Московского археологического общества. Т. 6.

Гёрг К.К., 1898–1901. Собрание сочинений, изданное Императорской Академией наук на средства капитала имени К.К. Гёрга. СПб.:

Вып. 1: Археологическая топография Таманского полуострова. Изд. 2-е. 1898а;

Вып. 2: Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. Изд. 2-е. 1898б;

Вып. 3: Письма из Италии и Сицилии. 1871–1872. Изд. 2-е. 1899;

Вып. 4: О состоянии живописи в северной Европе от Карла Великого до начала Романской эпохи (IX и X столетия): По неописанным и неизданным миниатюрам в рукописях, хранящихся в церковных, публичных и частных библиотеках в Бельгии и Германии. Изд. 3-е. 1900а;

Вып. 5: Статьи по археологии восточной, классической и древнехристианской. 1856–1882. С портр. авт. 1900б;

Вып. 6: Статьи по средневековому и новому искусству. 1858–1873. 1900в;

Вып. 7: Археологическая и художественная хроника. Ч. 1. 1857–1865. 1901а;

Вып. 8: Археологическая и художественная хроника. Ч. 2. 1866–1882. 1901б;

Вып. 9: Статьи критические и библиографические. 1857–1881. 1901в.

Гёргц Э.К. Материалы для биографии Карла Карловича Гёргца, Императорского Московского университета заслуженного ординарного профессора по кафедре классической археологии // СПФ АРАН. Ф. 28. Оп. 6. Д. 5. Л. 1–22 об.

Гёргц Э.К., 1891а. Письмо вице-президенту Императорской Академии наук Я.К. Гроту от 18 марта 1891 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1891. Д. 7. Л. 1–2 об.

Гёргц Э.К., 1891б. Письмо Я.К. Гроту от 19 мая 1891 г. // Там же. Л. 5.

Гёргц Э.К., 1891в. Письмо Я.К. Гроту от 12 ноября 1891 г. // Там же. Л. 11–12.

Жебелев С.А., 2007. Археология и общая история искусства / Подгот. текста, публикация и коммент. И.В. Тункиной // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). СПб.

Извлечения из протоколов заседаний Академии // Изв. Императорской Академии наук. 5 сер. 1896. Т. 5. № 2. С. V–XXIII.

КБН — Корпус боспорских надписей / Corpus inscriptionum Regni Bosporani (CIRB). М.; Л., 1965.

КБН-альбом — Корпус боспорских надписей: Альбом иллюстраций / Corpus inscriptionum Regni Bosporani: Album imaginum (CIRB-album). СПб., 2004. (Bibliotheca Classica Petropolitana.)

Латышев В.В., Успенский Ф.И., Лаппо-Данилевский А.С. 1916. Записка об ученых трудах А.И. Малеина // Протоколы ИФО. Заседание 23 ноября 1916 г. С. 228.

Люценко А.Е., 1866. О разысканиях и открытиях на Таманском полуострове и в окрестностях Керчи // НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1–1866. Д. 1.

Малеин А.И., 1912. Карл Карлович Герц (1820–1883): Биографический очерк, с портретом и двумя приложениями. СПб.

Мезенин Н.А., 1987. Лауреаты Демидовских премий Петербургской Академии наук. Л.

Модзалевский Л.Б., 1933. Герц Карл Карлович (фонд 28) // Архив Академии наук

СССР. Обзорение архивных материалов / Под общей ред. Г.А. Князева. Л. (Тр. Архива. Вып. 1.)

Об археологических разысканиях господ Забелина И.Е. и Люценко А.Е. на Таманском полуострове // НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1–1864. Д. 4.

Об археологических разысканиях на Таманском полуострове господина В.Г. Тизенгаузена // НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1–1868. Д. 40.

Об археологических раскопках в Керчи и на Таманском полуострове // НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1–1865. Д. 9.

Памятная записка о фонде К.К. Гёргца // СПФ АРАН. Ф. 28. Оп. 1, 2, 3.

Паромов Я.М., 1999а. Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // Боспорские древности. М. Т. 1.

Паромов Я.М., 1999б. Археолого-топографический план Фанагории // Боспорский сборник. М. № 1.

Паромов Я.М., 2004. Курганный некрополь Фанагории (общая характеристика) // Боспорский феномен. СПб. Ч. 1.

Правила о премиях К.К. Гёргца // Сборник сведений о премиях и наградах, раздаваемых Императорской Академией наук. СПб., 1896.

Правила о премиях К.К. Гёргца // Известия ИАН. 5 сер. 1897. Т. 6. № 1.

Роспись отчетам о присуждении наград и премий Императорскою Академиею наук присужденных, с основания конкурсов при ней по 1908 год. СПб., 1908.

Стефании Л., 1860. Объяснение вещей, найденных в 1859 году на Таманском полуострове // Отчет Императорской Археологической комиссии за 1860 год. СПб.

Трескин Н.Н., 1897. Письмо В.В. Латышеву от 27 марта 1897 г. // СПФ АРАН. Ф. 28. Оп. 6. Д. 9. Л. 42–44 об.

Трескин Н.Н., 1898. Письмо В.В. Латышеву от 14 сентября 1898 г. // СПФ АРАН. Ф. 28. Оп. 6. Д. 9. Л. 49–50.

Тункина И.В., 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб.

Указатель конкурсов Императорской Академии наук и художеств 1751–1796 гг. / Сост. М.Ш. Файнштейн. СПб., 2003.

Цветаев И.В., 1883. Заслуженный ординарный профессор Карл Карлович Герц: Некролог. М.

Цветаев И.В., 1899. Письмо В.В. Латышеву от 25 сентября 1899 г. // СПФ АРАН. Ф. 28. Оп. 6. Д. 3. Л. 51–51 об.

Цветаев И.В., 1907. Памяти Н.Н. Трескина. М.

Штраух А.А., 1891. Письмо непременно-го секретаря Императорской Академии наук А.А. Штрауха Э.К. Герц от 16 мая 1891 г. // СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1891. Д. 7. Л. 4–4об.

IosPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Iussu et impensis Societatis Archaeologicae Imperii Rossici edidit Basilius Latyschev. Petropoli, 1893. Т. 2.

А.С. Смирнов
Институт археологии РАН

НЕСОСТОЯВШИЕСЯ РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПЕРСИИ

Начало целенаправленного археологического исследования Персии (с 1935 г. Иран) относится ко времени царствования Назир Шаха (Назир Аль-Дин шах) (1846–1896), увлекавшегося национальными древностями. Шах настороженно относился к стремлению европейских ученых вывезти все находки, обнаруженные при раскопках, из страны. Но в то же время он видел в обмене археологическими артефактами один из путей сближения с Европой и возможность утверждения древности и значения персидского государства в глазах европейского общества. Шах с благодарностью принял приглашение французского правительства посетить в 1889 г. выставку в Лувре, составленную из вещей, обнаруженных в Иране.

После визита персидского шаха в Париж французские археологи с новыми силами устремились в эту древнюю страну. Среди них был известный ученый, один из столпов мировой археологии, «генеральный делегат» Жак Жан Мари де Морган. В 1886–1889 гг. он вел раскопки погребений в Южной России, на Кавказе и в Северной Персии. Затем перебрался в Египет, где в 1892–1897 гг. состоял директором Службы древностей Египта и прославился как основоположник изучения додинастической эпохи и ранних династий. В 1897 г. де Морган обратил свое внимание на Персию и начал раскопки в Сузах, увенчав-

шиеся грандиозным успехом. Им была найдена стела с кодексом Хаммурапи, эламские надписи и сделано много других замечательных открытий.

Стараясь закрепить лидирующее положение французских ученых в Персии, де Морган способствовал заключению договора Французской республики с шахским правительством. Согласно этому договору «французская археологическая экспедиция имеет право только на половину открытых ею памятников древней Персии, другая же половина составляет собственность Его Величества Шаха, которому кроме этого должны принадлежать и все открытые французскою делегациею драгоценности, хотя последняя сохраняет за собой право первой покупки (*précemptio*) этих драгоценностей по весовой их стоимости» (РГВИА. Ф. 401. Оп. 5/929. 1898. Д. 76. Л. 2 об). Этот вариант не удовлетворял ни французское правительство, ни самого Моргана, который предпринял активные действия для заключения более выгодного для французской экспедиции договора.

Существующее положение настораживало французов: «никто не может поручиться, что Персидское Правительство, отрицательные достоинства которого хорошо известны, не продаст своего права на участие в раскопках англичанам, что крайне нежелательно правительству Французской республики»

(РГВИА. Ф. 401. Оп. 5/929. 1898. Д. 76. Л. 3). Инициативы Моргана, подкрепленные соответствующим вознаграждением для шахских чиновников, увенчались полным успехом, и французский ученый получил шахский фирман, дающий ему право на производство раскопок на всей территории тогдашней Персии. Но то ли полученный куш оказался слишком велик для экспедиции Моргана, то ли его не покидали опасения относительно происков англичан, но он сделал следующий, весьма оригинальный шаг.

Как сообщал в сентябре 1898 г. российский консул в Исфахане, «де Морган уполномочен своим Министерством разделить Персию на два участка, из которых северный, более важный для нас, как граничащий с нашими владениями, передать императорскому правительству, а южный останется за французскою делегациею, для которой, по искреннему сознанию г. де Морган, южная Персия представляет гораздо более интерес, чем северная. При подобных условиях, благодаря соединенным силам и совместной работе ученых двух стран, археологические раскопки пойдут, безусловно, успешнее, и в результате получится солидный труд с подробным описанием всех древностей Персии» (РГВИА. Ф. 401. Оп. 5/929. 1898. Д. 76. Л. 4). При этом никто не сомневался, что Морган предлагал сотрудничество, исходя исключительно из амбициозных целей — устранить возможных конкурентов на весьма перспективном поле исследования персидских древностей.

В случае реализации этого проекта Россия получала исключительные права на исследование древностей на половине территории Персии. Казалось бы, предложение более чем заманчивое. Но господин Морган оказался более прозорливым, нежели российский дипломат. Он понимал, что российское правительство вряд ли привлечет перспектива создания солидного труда «с подробным описанием всех древностей Персии». А вот возможность послать под этим предлогом российского офицера в Персию может привлечь императорский Главный штаб. А стало быть, минимизировать опасность появления английских исследователей. Поэтому Морган недвусмысленно заявил российскому консулу, что «предлагает... командировать в со-

став своей экспедиции, кого нам угодно, хотя бы, по его откровенному выражению, лицо не имеющее ничего общего с археологиею». Возможно, столь прямолинейные действия Моргана объясняются тем, что он в 1890 г. проводил раскопки в Туркестане, в Астрабаде, и был знаком с российскими военными властями в Средней Азии (РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1890. Д. 27. Л. 1–10). Представления последних о негласных способах сбора военной информации, одним из которых являлись научные экспедиции, могли внушить французскому ученому надежды на успех своих предложений по Персии.

Морган прекрасно понимал, что российский дипломат правильно поймет это предложение. И не ошибся. В секретном донесении в Министерство иностранных дел консул высказался однозначно. «Мне кажется, что наше Военное Министерство могло бы воспользоваться этим предложением и прикомандировать такое лицо к французской экспедиции, тем более, что командированный офицер, имея в руках помянутый шахский фирман, дающий ему полную свободу действий, может с большими шансами на успех, заняться выполнением возложенных на него специальных поручений, а равно и быть там, хотя бы временно, нашим агентом» (РГВИА. Ф. 401. Оп. 5/929. 1898. Д. 76. Л. 5 об).

Тогдашний управляющий российским внешнеполитическим ведомством, граф В.Н. Ламздорф, по получении донесения консула тут же поделился этой информацией с Военно-ученым комитетом Главного штаба (РГВИА. Ф. 401. Оп. 5/929. 1898. Д. 76. Л. 1). Этот комитет занимался сбором информации об иностранных государствах и являлся прообразом современной военной разведки.

В свою очередь Военно-ученый комитет путем секретной переписки снесся с командующим войсками Кавказского военного округа, в задачи которого входил сбор сведений о Персии. Из штаба округа пришел ответ, смысл которого сводился к тому, что округ и без того снабжается достаточными сведениями о персидском государстве и, кроме того, имеет прекрасно действующую систему сбора информации, что делает неактуальным предложение Моргана. «Ежели бы такая необходимость и представилась бы, то во вся-

кое данное время, как то показывает опыт прошедшего, при первенствующем влиянии нашем в Персии как соседа, при помощи нашей миссии и полковника Косаговского — начальника инструкторов, отдельное самостоятельное командирование такого офицера кавказским начальством в любую часть Персии не встретит никаких затруднений. По этому, предложение Г-на Моргана не представляется выгодным, так как сверх вышеозначенного неудобства, — пользоваться без нужды и в разрез нашему влиянию в Персии, любезностью хотя бы и официального путешественника дружественной державы, — совместное с Г-ном Морганом путешествие только стеснит свободу действий нашего офицера, не говоря о других неудобствах. Вследствие этого Командующий войсками в ответ на запрос Вашего Превосходительства: признается ли выгодным предложение Г-на Моргана, полагал бы предложение Г-на Моргана с благодарностью отклонить» (РГВИА. Ф. 401. Оп. 5/929. 1898. Д. 76. Л. 13).

Персия, которая в те годы старалась поддерживать дружеские отношения с Российской империей, не привлекала повышенного внимания Военного министерства, позиция которого была вполне объяснима и рациональна.

Заканчивая разговор о Военном министерстве, стоит остановиться на личности полковника Владимира Андреевича Косаговского, упомянутого несколькими строками выше в письме штаба Кавказского округа. Этот полковник, в дальнейшем генерал-лейтенант, кавалер более двадцати наград, отважный боевой офицер, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с 1894 по 1902 г. был представителем Генерального штаба в Персии, где заведовал обучением персидской кавалерии и одновременно, как мы видим, поставлял командованию исчерпывающую разведывательную информацию. Расположенный к русскому офицеру персидский шах награждал В.А. Косаговского орденами Льва и Солнца, Сардара с лентой, Эмир-Тумана, наградным портретом Наср-эд-Дин Шаха, почетным оружием с алмазной обсыпкой, а также золотыми знаками Академии наук Тегеранского военного училища (Русские военные востоковеды... 2006. С. 126, 127).

Но имя полковника было хорошо известно и в научных кругах России. Востоковеды знакомы с «Тегеранским дневником полковника В.А. Косаговского» (РГВИА. Ф.76. Оп. 1. Д. 217. Л. 1–417; Д. 591. Л. 1–128; Петров, 1953; Из Тегеранского дневника... 1960).

Другой заслугой Владимира Андреевича является собирание им древних арабских рукописей, которые по возвращении в Россию он передал в Публичную библиотеку. Его бумаги хранятся в архиве Петербургского филиала Института востоковедения РАН (ПбФ ИВ РАН. Ф. 30. 78 ед. хр., 1812–1917), а также в Военно-историческом архиве (РГВИА. Ф. 76. 521 ед. хр., 1829–1918). Судьба этого офицера трагична, точная дата его смерти неизвестна. По некоторым сведениям, он был расстрелян без суда и следствия отрядом под командованием комиссара Губы осенью 1918 г. в собственном валдайском имении Погостиха.

Получив отрицательный ответ из Военного министерства, чиновники МИД, тем не менее, не посчитали дело закрытым и решили информировать о предложении Моргана российских ученых.

Текст письма Моргана, из которого были изъяты упоминания о возможности включить в состав экспедиции российского офицера, но, тем не менее, с грифом «секретно», был направлен внешнеполитическим ведомством посредством Министерства императорского двора в Археологическую комиссию. Но это, казалось бы, весьма заманчивое предложение об исследовании истоков мировой цивилизации в Персии, где многие годы европейские ученые делали великие открытия, вызывавшие восторг всего ученого мира, не нашли должной реакции у руководства и членов Императорской археологической комиссии. Сие ведомство «не признало возможным принять официальное участие в означенном общем исследовании Персидских древностей, полагая, что исследования эти в северной части Персии вряд ли могут дать особенно блестящие результаты» (РГИА. Ф. 733. Оп. 143. Д. 143. Л. 1).

Судя по всему, МИД был обескуражен подобным ответом, что и побудило его в конце января 1899 г. обратиться с новым секретным письмом к министру просвещения Н.П. Боголепову с просьбой «сообщить упомянутое

предложение подведомственным Вам археологическим обществам (Русскому в С. Петербурге и Московскому)», что последний и выполнил.

В Русском археологическом обществе рассмотрение этого вопроса было передано в Восточное отделение, руководимое бароном В. Розеном. Но барон даже не пожелал обсуждать это ходатайство в отделении. Он «не посчитал возможным обсуждать вопрос об исследовании Северной Персии» и ограничился лишь неформальными устными консультациями с некоторыми членами отделения, «которые по роду своих занятий ближе всего стоят к этому делу». В результате этого обсуждения В. Розен убедился, что предложение Моргана у членов Восточного отделения «особенного сочувствия не встречает» (РА ИИМК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 231. Л. 5 об).

Посему РАО секретным же письмом от 12 апреля 1899 г., за подписью того же барона В. Розена, сообщило министру просвещения, что предложение французского коллеги у членов Восточного отделения «не встретило ... особенного сочувствия и, что особенно существенно, среди членов Отделения нет в настоящее время лиц, которые согласились бы принять участие в экспедиции г. де-Моргана, вследствие чего участие Общества в этой экспедиции должно быть отклонено» (РА ИИМК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 231. Л. 6, 7).

В отличие от столичных коллег, Московское археологическое общество отнеслось к этому предложению с гораздо большим вниманием. Первым делом П.С. Уварова запросила мнение барона Розена, который вновь повторил графине, что не посчитал удобным обсуждать это дело в заседании. «Переговорив частным образом об этом с членами Отделения, которые по роду своих занятий состоят ближе к вопросам исследования Персии, мы пришли к заключению, что Восточное Отделение не может принять участие в предприятии г. де Моргана» (ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 207. Л. 1, об).

В Московском обществе решение вопроса формально было передано в Восточную комиссию РАО под председательством В.Ф. Миллера. Комиссия поработала весьма интенсивно и в начале мая 1899 г. подготовила обширное заключение по проблеме исследо-

вания северной Персии, которое послужило основой для ответа министру просвещения, направленного в Петербург 14 мая 1899 г.

В секретном письме на имя министра просвещения П.С. Уварова пишет, что МАО «признало участие России крайне желательным» в исследованиях древностей Персии. С целью убедить в этом просветительское ведомство общество составило многостраничное письмо с изложением значения исследований в Персии как для России, так и для всей науки, излагая историю исследования памятников на Кавказе, говорящих о связях с Месопотамией, об отставании России в этом плане от европейских стран, справедливо желая «чтобы наше Министерство Иностранных дел сумело извлечь из этого выгоды и для нашей политической миссии на Востоке». Графиня с горечью отмечает «тот важный факт, что в Англии, Германии и Северной Америке имеются общества, специальная задача которых — образование и пополнение денежных фондов на ученые экспедиции в Сирию, Палестину, Месопотамию и Египет, и снаряжение самих экспедиций. Эти общества, благодаря частным пожертвованиям, обладают огромными денежными средствами, дающие им возможность совершать колоссальные предприятия и приобретать также колоссальную добычу... Но особенного внимания заслуживает в этом отношении Германский Восточный Комитет... История его образования и его деятельности ясно свидетельствует, что все это дело вызвано широким национальным движением в Германии и стремлением сравняться с другими народами в этой области, в особенности с французами и англичанами. Правительство и лица, пользующиеся авторитетом в обществе, взяли на себя почин обратиться к обществу с этой мыслью, то наверное можно ожидать и у нас отзывчивого отношения и благоприятных результатов».

После сих пространственных объяснений МАО обращалось к министру просвещения с предложением «по согласованию с Археологическим Обществом и учреждениями, немедленно откомандировать своего делегата в состав экспедиции г-на де Моргана. На обязанность этого делегата должно быть возложено производство первоначальной разведочной экспедиции на местах, подлежащих нашему ис-

следованию, а также окончательное и точное разграничение района и сферы деятельности обоих Правительств. Комиссия в особенности настаивает на важности безотлагательной командировки такого делегата по усмотрению Министерства». Авторы письма констатируют, что исследования потребуют «не одну сотню тысяч рублей», ссылаясь на французские затраты в 800 000 франков. По мнению МАО, для рекогносцировки и первоначальных разведочных раскопок требуется 10 тыс. рублей.

Но красноречие московских ученых, апелляция к патриотическим чувствам, ссылки на политическое значение работ в Персии, — все осталось гласом вопиющего в пустыне. Н.П. Боголепов отвечал, что «с моей стороны не встретилось бы препятствия к командированию одного из членов ИМПЕРАТОРСКО-ГО Московского Археологического Общества в Персию, для участия в означенной выше экспедиции; что же касается посылки фотографа или рисовальщика, а равно отпуска на расходы по экспедиции 10 000 рублей, то Министерство Народного Просвещения не располагает свободными на то суммами» (ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 207. Л. 4). А посему министерство просвещения предложило МАО «принять участие в археологическом изучении Персии без пособия со стороны

Министерства» (РГИА. Ф. 733. Оп. 143. Д. 143. Л. 23).

Подобная ситуация наглядно показывает реальное положение археологической науки в России и отношение к ней правящей элиты государства. С одной стороны, присутствует искреннее стремление ученых к изучению древнейших центров мировой цивилизации, к расширению сферы исследований, рвение за международный авторитет российской науки и страны в целом. С другой — ограниченный круг специалистов, недостаточный кадровый потенциал российского археологического сообщества, несмотря на присутствие ученых мирового уровня, ограничивал возможности отечественных археологов в части организации масштабных зарубежных научных миссий.

Да и государство, в лице его бюрократических институтов, не было особо озабочено проблемой утверждения отечественной науки о древностях на международном поприще. Тем более, в такой стране как Персия, не привлекавшей в конце XIX в. серьезного внимания внешнеполитического ведомства империи. К тому же, все это усугублялось извечной российской проблемой — постоянной нехваткой средств и повсеместным стремлением сэкономить.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ДОНЕСЕНИЕ РОССИЙСКО-ИМПЕРАТОРСКОГО КОНСУЛА В ИСФАГАНЕ¹

Исфаган. 12 сентября 1898 г. № 68.

В последних числах минувшего Июля в Исфаган прибыла ученая делегация Французского министерства народного просвещения, производившая раскопки в Сузах. В первый же день своего приезда Г. де Морган, генеральный делегат, сообщил мне, что, проездом через Тегеран на юг Персии, он имел переговоры с бывшим в то время императорским поверенным в делах, коллежским советником Щегловым, по вопросу о возможности участия императорского правительства в производстве раскопок древностей Персии, совместно с французской

экспедицией. При этом Г. де Морган показал мне договор, заключенный между правительством Французской республики и Шахским, подписанный бывшим французским посланником в Тегеране Г. де Гоаллуа. На основании этого договора французская археологическая экспедиция имеет право только на половину открытых ею памятников древней Персии, другая же половина составляет собственность его величества шаха, которому кроме этого должны принадлежать и все открытые французскою делегацией драгоценности, хотя последняя сохраняет за собой право первой по-

¹ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5/929. 1898. Д. 76. Л. 2–5.

купки (*présomption*) этих драгоценностей по весовой их стоимости.

Однако проект этот не был одобрен французским министерством народного просвещения, которое с полным основанием желало бы иметь право на все произведенные Г. де Морганом раскопки, так как, действительно, никто не может поручиться, что персидское правительство, отрицательные достоинства которого хорошо известны, не продаст своего права на участие в раскопках англичанам, что крайне нежелательно правительству Французской республики, тем более еще и потому, что оно, по словам Г. де Моргана, желает добиться восстановления полностью кредита, в размере 800000 фр., кои отпускались на ученые изыскания при империи.

В силу этих соображений, Г. де Морган составил новый проект договора, на основании которого все права на раскопки должны принадлежать Франции, за исключением найденных делегацией драгоценностей. Для этого Г. де Морган поручил французскому поверенному в делах в Тегеране убедить персидское правительство отказаться от принадлежащего ему права, что вполне осуществимо, так как, по словам самого графа д'Арло, Садр-Азам согласен, конечно за известное вознаграждение, устроить это дело в желательном для французского правительства смысле, и Г. де Моргану, в свою очередь, дано разрешение вознаградить Эммину-с-Салтана за его услуги. Устранив таким образом Шахское Правительство и оставшись полновластным хозяином при производстве раскопок, Г. де Морган уполномочен своим министерством разделить Персию на два участка, из которых северный, более важный для нас, как граничащий с нашими владениями, передать императорскому правительству, а южный останется за французскою делегациею, для которой, по искреннему сознанию Г. де Моргана, южная Персия представляет гораздо более интерес, чем северная. При подобных условиях, благодаря соединенным силам и совместной работе ученых двух стран, археологические раскопки пойдут безусловно успешнее, и в результате получится солидный труд с подробным описанием всех древностей Персии.

Для переговоров по содержанию вышеизложенного проекта и разработок его в под-

робностях, Г. де Морган и пригласил французского поверенного в делах в Тегеране приехать в Исфагань. Ознакомившись с проектом, граф д'Арло сначала запротестовал было против представления России права на участие в раскопках древностей Персии, мотивируя свой протест тем, что нет основания оказывать подобные услуги русскому правительству, не заручившись какими-либо обязательствами со стороны последнего в пользу Франции. На это Г. де Морган заявил ему, что перед отъездом своим в Персию он имел разговор с президентом республики, и Феликс Фор, давая ему со своей стороны указания, между прочим ясно высказал ту мысль, что французская делегация должна приложить все свои старания, чтобы быть как можно более полезной для русского правительства и оказывать всегда императорской миссии возможные услуги. Не будучи в состоянии что-либо возразить на подобное заявление, граф д'Арло, конечно, принужден был согласиться с доводами Г. де Моргана и написать в этом же смысле французскому министерству иностранных дел.

Перед отъездом своим в Сузы Г. де Морган передал мне подписанный его величеством шахом фирман, в силу которого археологическая делегация имеет право производить раскопки повсеместно в Персии, и при этом высказал полную готовность дать нам, по первому нашему требованию, означенный фирман, каковой у него имеется в пяти экземплярах. В ожидании же окончания переговоров по содержанию своего проекта, Г. де Морган очень любезно предлагает нам командировать в состав своей экспедиции, кого нам угодно, хотя бы, по его откровенному выражению, лицо, не имеющее ничего общего с археологиею.

Мне кажется, что наше Военное министерство могло бы воспользоваться этим предложением и прикомандировать такое лицо к французской экспедиции, тем более, что командированный офицер, имея в руках упомянутый шахский фирман, дающий ему полную свободу действий, может с большими шансами на успех заняться выполнением возложенных на него специальных поручений, а равно и быть там, хотя бы временно, нашим агентом.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ТЕКСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ КОМИССИИ МОСКОВСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА²

Восточная комиссия императорского Московского археологического общества в заседании своем от 12 марта 1899 года, рассматривала, по поручению общества, присланное г. министром народного просвещения секретное донесение российского императорского консула в Исфагане от 12 сентября сего года за № 68, в котором изложено формальное предложение русскому императорскому правительству главы ученой делегации французского министерства народного просвещения, производящей археологические исследования в Персии, г-на де Моргана, принять совокупное участие в производстве археологических исследований и раскопок в Персии, исключительное право на которое представлено французскому правительству особым фирманом его величества шаха, причем французская делегация предоставляет русскому правительству для исследования северную часть Персии, как ближайшую к русской границе, оставляя за собою южную, как более для нее интересную в археологическом отношении. В своих предложениях русскому правительству г. де Морган опирается на ясно выраженные ему лично в этом смысле указания французского правительства в лице покойного президента Французской республики г-на Феликса Фора.

Само собою понятно, что столь беспримерное в летописях археологической науки предложение французского правительства о совместной работе с нами на Востоке в пределах иностранного восточного государства обязывает русских ученых, которым дороги интересы археологической науки, к выражению признательности нашим ученым собратьям в дружественной и союзной стране, без сомнения опередившей нас в деле науки. В

этом предложении мы не можем не видеть проявления искреннего желания французских ученых быть нам полезными и доставить случай к совместной работе на чрезвычайно важном и многообещающем поприще, равно как и изъявление доверия к нашим силам в исполнении столь трудной миссии.

По единогласному мнению комиссии русское правительство может и должно ответить на сделанное предложение полным согласием и приложить все усилия к тому, чтобы организовать и послать в Персию свою делегацию, наподобие французской для совместной работы. Русская археологическая и историческая науки в той же степени заинтересованы исследованиями памятников восточных культур в пределах Турции и Персии, как и Франция и другие образованные страны, так как, благодаря открытиям в этой области, сделалось очевидным, что происхождение нашей европейской культуры мы должны искать на этом востоке. Но русская наука, кроме этих побуждений общего свойства, имеет и свои особые специальные задачи, благодаря которым исследование этого востока является для нашей науки делом первостепенной важности и неотложного интереса. Наше русское государство географически связано с передним востоком, и та восточная культура, которая была господствующею в древнем мире, географически достигала до нынешних пределов нашего государства. Благодаря исследованиям русских ученых на Кавказе, можно считать документально доказанным, что ассиро-вавилонская культура, та культура, к сфере которой принадлежат памятники, интересующие французскую делегацию в Персии, была в большом распространении и в пределах нашего Закавказья. Клинообраз-

² Автору известны три копии данного документа. Один неполный (без двух последних абзацев) рукописный экземпляр хранится в фонде МАО (ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 207. Л. 5–12). Второй текст, также рукописный, находится в фонде Департамента просвещения (РГИА. Ф. 733. Оп. 143. Д. 143. Л. 9–22). Текст документа воспроизводится по машинописному экземпляру, хранящемуся в фонде В.О. Ключевского в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 131. Оп. 1. Картон 36. Д. 18. Л. 1–4).

ные надписи Закавказья, исследованные и изданные императорским Московским археологическим обществом, и раскопки, произведенные в тех местностях экспедициями общества, с очевидностью доказали, что в древнюю эпоху, за 8 или 9 столетий до Р.Х., наше Закавказье составляло одно целое с тем великим востоком, центр которого, политический и культурный, находился в Месопотамии на берегах Тигра и Евфрата. Еще в большем числе надписи урартских царей находятся в соседних с нами пределах Турции, в особенности около города Вана, но подобные надписи были находимы также в пределах Персии. Естественно, что в среде русской науки возникло убеждение, что именно на ней лежит обязанность специального исследования всех подобного рода памятников и в соседних с нами странах, Турции и Персии. Впрочем, на эту обязанность неоднократно указывали нам и западные ученые. Но, к сожалению, благодаря нашей отсталости в культурном отношении, мы до настоящего времени не только не соревновались с европейцами и американцами на поприще исследования древнего востока, но упорно отказывались и отказываемся от той научной миссии на востоке, которая предписывается нам элементарным сознанием нашего долга и нашими насущными потребностями. Настоящее предложение французского правительства вызывает нас к благородному международному состязанию на том поприще, на котором мы должны были бы давно опередить другие европейские народы, если бы вполне ясно сознавали наши интересы и видели бы в преследовании их дело нашей национальной чести.

Было бы конечно во многих отношениях интереснее, если бы нам открылась перспектива археологических исследований и раскопок в азиатской Турции, преимущественно в Сирии и Месопотамии, где находились более выдающиеся центры древних культур и где в настоящее время с удивительной энергией и успехом работают американцы и немцы, но и Персия с ее памятниками должна возбудить в нас огромный интерес. Ее часть, прилегающая с запада и с юго-запада к Турции и Персидскому заливу, равно как северо-запад и южный берег Каспийского моря были театром всемирно-исторических событий в древнюю

эпоху, и население этих местностей по всем признакам было однородно или родственно в этнографическом и культурном отношении. На юго-западе нынешней Персии находилось царство Элам (Сузиана) с главным городом Сузой, более древнее, чем Ассирия, вечно ему враждебное, но никогда окончательно не бывшее ею завоеванным. От этого народа, не арийского и не семитского племени, остались клинообразные надписи, написанные письменах, заимствованными из Вавилонии. Очевидно памятники этого народа и составляют главнейший предмет интереса французской делегации с г-ном де Морганом во главе. Исследования в этой области, помимо уяснения истории Эламского народа, могут пролить свет на темные стороны досемитского периода Месопотамии и содействовать разрешению проблемы происхождения так называемой шумерийской культуры, равно как не менее важной проблемы шумерийского языка. Так как в этой области имеется не мало искусственных холмов, и систематические раскопки в ней никогда не предпринимались, то эти исследования без сомнения обещают обильную жатву. Но и соседняя с древним Эламом территория в нынешней западной Персии, равно как в северо-западной, примыкающей к озеру Урмии и Каспийскому морю, хотя не заключает в себе таких важных центров архаической культуры, как столица эламского царства, однако же в древнейшую эпоху была занята народностями, частью родственными с эламитами, частью с урартским населением Закавказья и озера Вана. Только в более позднее время (не ранее конца VIII в. до Р.Х.) здесь являются с востока арийское (иранское) племя Мидян, а затем Персов, которые занимают: первые, т. е. Мидяне, запад и отчасти север нынешней Персии, а вторые преимущественно юго-запад (древний Элам). Если таким образом юг, или лучше сказать юго-запад Персии и обещает более обильную жатву, чем север, то не следует упускать из вида того, что северо-запад Персии, сопредельный с нами, является почти совершенно неисследованным в археологическом отношении, и кто поручится, что на этом участке, уступаемом нам Францией, не окажутся местности, крайне интересные по своим памятникам. Что местности, которые

считались второстепенными в историческом отношении, могли оказаться при ближайшем исследовании имеющими первостепенную важность, наглядный пример этого мы имеем в памятниках Зендширли, важность которых превосходит все, что до сего времени найдено было на почве Сирии. Трудно во всяком случае думать, чтобы в этих местностях, хорошо населенных в древнее время, не уцелело остатков от до-арийского их периода, того же характера и происхождения, как памятники арийского периода, преимущественно мидийские, входящие в пределы отводимого нам участка, должны быть для нас предметом живого интереса. Местности, как Экбатана (Гамадан), Рага (Rei), столицы Мидии, еще требуют исследования и раскопок. Точно также представляют большой интерес и малоисследованные северо-восточные пределы Персии, откуда шло движение иранских народов через так называемые Каспийские ворота. Вообще этот период иранских переселений, столь важный для истории, покрыт еще почти полным мраком, и будущие исследования местностей, где эти переселения происходили, могут внести сюда луч света. Все это дает нам основание надеяться, что и север Персии с точки зрения исследования древнейших культур человечества может представлять не меньший интерес, чем ее юг, оставляемый Францией за собою. А так как этот край непосредственно примыкает к нашей границе и культурный слой, содержащий остатки древнего периода на нашей территории, непосредственно и непрерывно продолжается и в соседней Персии, то исследование этой части Персии есть ближайшая и неотложная задача нашей археологической науки. Не может быть также сомнения, что в этой почти совершенно неисследованной местности должны быть остатки и более поздние, напр. христианско-арийского (около озера Урмии) и особенно мусульманского, изучение которого представляет тем большую важность для русской науки. В настоящее время, кроме того, оказалось, что в некоторых местностях на северо-западе Персии (Хоросан) замечаются следы буддийской культуры.

Впрочем следует сказать, что из ближайшего знакомства с планом французской экспедиции и из непосредственных с нею сно-

шений, — в случае если бы эти отношения установились, — может открыться возможность и некоторого видоизменения предполагаемого раздела Персии, так как очевидно, что французская делегация, уступая нам север Персии, руководствовалась исключительно соображениями практического свойства, т. е. удобством и пользой во многих отношениях для нас производить исследования в сопредельной с нами территории Персии. И действительно, выгоды наши в этом отношении огромны. Мы не говорим о политической стороне этого дела, той стороне, которую очевидно принял во внимание французский дипломатический представитель в Персии, настаивая на соответствующих уступках с нашей стороны, так как эта сторона для нас не касается, хотя было бы желательно, чтобы наше министерство иностранных дел сумело извлечь из этого дела выгоды и для нашей политической миссии на Востоке. Мы обращаем внимание на несомненные выгоды для нас производить исследования и раскопки в местностях, непосредственно соприкасающихся с нашею территорией, так как эти исследования будут поставлены в непосредственную связь с исследованиями Кавказа и Закавказья и операционный базис этих исследований может находиться даже в пределах нашего отечества. Благодаря близости нашей границы, были бы обеспечены постоянные сношения с Россией, полная безопасность участвующих лиц и непрерывность работ. В такой стране, как Персия, для успешного хода дел и в интересах безопасности следует опираться на собственные силы и на возможность постоянной поддержки со стороны нашей границы.

Что касается до практического осуществления этой задачи, то Комиссия со своей стороны находит, что это дело должно быть признано не частным делом какого либо ученого общества или учреждения, а делом общегосударственным, и как инициативу в нем, так и организацию должно взять на себя Министерство народного просвещения. Археологические Общества и ученые учреждения могут и должны со своей стороны в этом случае оказать свое содействие министерству и предоставить в его распоряжение наличные силы, отвечающие задачам предприятия, но только делегация министерства народного просве-

щения, опирающаяся прямо на центральное правительство и снабженная необходимыми полномочиями в сношениях с туземными и нашими властями, лучше и успешнее всего может выполнить задачу столь важную по объему и назначению. Важнейшим вопросом здесь является вопрос о денежных средствах на задуманное предприятие. Следует нам наперед знать, что всестороннее исследование Персии в археологическом отношении и производство надлежащим образом раскопок потребует весьма значительных средств, может быть не одну сотню тысяч рублей. Примером здесь должна послужить нам та же Франция. Французское Правительство, понимая во всей строгости и вполне правильно свои задачи в этом отношении, намерено выхлопотать кредит в размере 800.000 франков на археологические исследования. Если мы не хотим отступить от этого дела, или не хотим быть в хвосте у нашей союзницы — что было бы обидно для нашего национального самолюбия, — мы заранее должны приготовить к весьма значительным жертвам на это дело. Позволительно надеяться, что наше правительство, чуткое к интересам науки вообще, а археологической в частности, сочтет настоящее дело затрагивающим национальное достоинство и честь России и поддержит его в интересах государства, как свое собственное дело. Помимо Министерства народного просвещения, этому делу могло бы оказать могущественное содействие и министерство иностранных дел, которое не может не интересоваться делом мирного завоевания для нашей науки соседней страны, равно как и министерство императорского двора, в ведении которого состоят императорский Эрмитаж и Археологическая комиссия. Позволительно наконец надеяться, что и наше русское общество в состоянии будет поддержать не только нравственно, но и материально это предприятие, если Правительство сумеет призвать его к своему содействию. Не излишне здесь напомнить тот важный факт, что в Англии, Германии и Северной Америке имеются общества, специальная задача которых — образование и пополнение денежных фондов на ученые экспедиции в Сирию, Месопотамию, Палестину и Египет, и снаряжение самых экспедиций. Эти общества, благодаря част-

ным пожертвованиям, обладают огромными денежными средствами, дающие им возможность совершать колоссальные предприятия и приобретать также колоссальную добычу. Так, американской миссии в Месопотамии, судя по газетным сведениям, раскопки в Ниппуре увенчались блестящим успехом, стоили около 7 миллионов долларов, между тем все это предприятие было делом частной инициативы. Не менее обширными фондами располагают английские общества для исследования Палестины и Египта. Но особенного внимания заслуживает в этом отношении Германский Восточный комитет (Orient-Comité), производивший раскопки в Зенширли, а теперь перенесший свои исследования в Месопотамию на развалины Вавилона. История его образования и его деятельности ясно свидетельствует, что все это дело вызвано широким национальным движением в Германии и стремлением сравняться с другими народами в этой области, в особенности с французами и англичанами. Если бы и у нас правительство и лица, пользующиеся авторитетом в обществе, взяли на себя почин обращения к обществу в этом смысле, то наверное можно ожидать и у нас отзывчивого отношения и благоприятного результата. Примером может послужить история учреждения музея изящных искусств Москве. Несмотря на то, что этот музей будет состоять из одних только копий с произведений древнего искусства, на создание и украшение его собрано, благодаря частным пожертвованиям, около миллиона рублей. Дело исследования архаического востока, могущее обогатить наши музеи предметами бесконечно большей ценности, чем удачно сделанные копии, т. е. оригинальными памятниками древнейшего искусства, быть может вызовет еще большее сочувствие общества, если лица авторитетные сумеют представить его обществу в настоящем свете. Об учреждении подобного фонда на исследование востока следовало бы давно у нас позаботиться, но теперь настает для этого удобный момент. Дело не терпит дальнейшего отлагательства.

Так как вышеозначенные вопросы требуют тщательного обсуждения и переговоров с французским правительством, то в интересах дела и, согласно любезному предложению где

Моргана, необходимо следует министерству народного просвещения, по согласованию с археологическим обществом и учреждениями, немедленно откомандировать своего делегата в состав экспедиции г-на де Моргана. На обязанность этого делегата должно быть возложено производство первоначальной раз-

ведочной экспедиции на местах, подлежащих нашему исследованию, а также окончательное и точное разграничение района и сферы деятельности обоих правительств. Комиссия в особенности настаивает на важности безотлагательной командировки такого делегата по усмотрению министерства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Из Тегеранского дневника полковника В.А. Косаговского / Подг. к печ. Г.М. Петрова. М., 1960.

Петров Г.М., 1953. Из архива Косаговского // Уч. зап. Института востоковедения. М. Т. VIII.

Русские военные востоковеды до 1917 года: Биобиблиографический словарь / Авт.-сост. М.К. Басханов. М., 2005.

И.Л. Тихонов

Санкт-Петербургский государственный университет

АРХЕОЛОГИЯ В МУЗЕЕ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

С книгами Александра Александровича Формозова я впервые познакомился свыше четверти века назад, в студенческие годы; более того, его монография «Каменный век и энеолит Прикубанья» (Формозов, 1965) была одной из первых книг по археологии, которые мне довелось прочесть. В рамках курса по историографии были прочитаны «Очерки по истории русской археологии» (Формозов, 1961), а вскоре вышла и небольшая по объему, но чрезвычайно содержательная книжка о начале изучения каменного века в России (Формозов, 1983). Они произвели большое впечатление и обилием материала, и фундаментальной библиографией, и прекрасным литературным образным языком, хотя тогда я и не предполагал, что сам буду заниматься подобными темами. Как полевой исследователь вскрывает пласты земли, открывая новую культуру, так А.А.Формозов вскрывал для нас новые пласты истории нашей науки. С тех пор каждая новая книга или статья А.А.Формозова ожидалась и прочитывалась с нетерпением и удовольствием. В конце 1980-х гг. началась переписка, Александр Александрович стал присылать отписки своих статей. Иные совсем маленькие публикации, как например, эссе, построенное на вдумчивом рассмотрении на широком фоне эпохи пометок Александра Блока на книге о первобытном человеке (Формозов, 1990),

продемонстрировали блестящий культурологический анализ. А.А. Формозов стал для меня не только археологом, историком археологии, но и образцом культуролога, подлинного историка отечественной культуры. Он с благожелательным вниманием отнесся к петербургской инициативе по созданию семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки» и всячески поддерживал ее. Участие мэтра историографии в конференции «Проблемы истории отечественной археологии», которую семинар организовал в конце 1990 г., было очень важно. Там состоялось и личное знакомство, потом было несколько встреч в Москве. Один из разговоров в небольшой уютной квартире на Малой Калужской затянулся на несколько часов и был настолько интересен, что я едва не опоздал на свой поезд. Несмотря на очень не частые встречи, телефонные звонки, письма, общение с Александром Александровичем, его замечания на мои работы, его некоторые советы стали очень значимыми для меня, хотя мы и расходились в оценке некоторых событий и персонажей истории отечественной археологии. Вспоминаю, с каким энтузиазмом и удовольствием мы работали над подготовкой сборника, посвященного 75-летию ученого. А вот теперь, увы, приходится писать в сборник памяти Александра Александровича...

Данная тема выбрана для такого сборника не случайно, поскольку, на мой взгляд, является очень близкой для А.А. Формозова, еще в 1974 г. опубликовавшего статью «Археология в Академии наук» (Формозов, 1974) и всегда отмечавшего важную роль в истории нашей науки, особенно в изучении каменного века, П.П. Ефименко и С.Н. Замятниной, которые в более поздний период работали в отделе археологии Музея антропологии и этнографии.

Музей антропологии и этнографии под этим названием существует с 1879 г., но его начало относится к значительно более раннему времени возникновения петровской Кунсткамеры. К XVII столетию в различных европейских странах складывается устойчивый тип универсального музея — собрания всевозможных «редкостей» под именем «Кунсткамеры». Собрание условно делилось на «натуралии» — предметы природного происхождения, и «артефакты» — творения человеческих рук (Моисеева, 2000. С. 29–30). В последнем разделе появляются и археологические вещи, происходящие из случайных или грабительских раскопок. В 1714 г. Кунсткамера была создана и в Петербурге. В 1715 г. уральский промышленник А.Н. Демидов преподнес по случаю рождения наследника престола, цесаревича Петра Петровича, супруге Петра, Екатерине, коллекцию «бугровых сибирских вещей». Эти находки заинтересовали царя, и он отдал распоряжение сибирскому генерал-губернатору о розыске подобных вещей для Кунсткамеры. В январе 1716 г. губернатор М.П. Гагарин, выполняя это распоряжение, прислал десять золотых вещей, а в декабре того же года — 122 предмета, которые составили основу знаменитой Сибирской коллекции Петра I (Спицын, 1906; Руденко, 1962. С. 11). Помимо «сибирских бугровых вещей», в Кунсткамеру поступили золотые и серебряные украшения и сосуды, найденные в окрестностях Астрахани, и древности, обнаруженные в 1716–1718 гг. «на восточном краю Каспийского моря в стране Самарканд» (Станюкович, 1964. С. 8). В 1718 г. был издан специальный указ о пополнении Кунсткамеры, где упоминалось и об археологических находках: «ежели кто найдет в земле или воде какие старые вещи... также

какие старые подписи на камнях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно, таже бы приносили, за что давана будет довольная дача, смотря по вещи, понеже не видав, положить нельзя цены...» (Охрана памятников, 1978. С. 21).

После создания Петербургской Академии наук (1724 г.) Кунсткамера была передана в ее ведение и стала основным академическим собранием, пополнявшимся вещами и коллекциями, собранными экспедициями Академии наук. Туда поступили археологические предметы, полученные в ходе раскопок Д.Г. Мессершмидта и И.Ф. Страленберга в Южной Сибири. Туда же передавались находки и приобретения, сделанные Г.Ф. Миллером и И.Г. Гмелиным в ходе Второй Сибирской экспедиции АН. В одном из перечней названы следующие приобретенные Миллером и переданные в Кунсткамеру предметы с обозначением их стоимости: «5 медных идолов, представляющих оленей, из которых четыре стоят на пьедесталах, колоколам подобных, из могил в степи Енисея... 4 р. Всякие медные могильные древности из оной же степи, весом 18 фунтов по 40 коп. за фунт... 7 р. 20 к. Пара железных стремени и муштук от узды, яко особливая диковинка, которая в тех же ямах при Енисее реке найдены... 50 к.» (Радлов, 1894. С. 125–126). Особый интерес среди них представляли бронзовые наконечники с изображением оленя и лося, поскольку на подобных же наконечниках из Минусинской котловины обычно изображались горные козлы (Завитухина, 1978. С. 38). Некоторые предметы были утрачены после пожара Кунсткамеры в 1747 г., и до нас дошли только их изображения, выполненные с большой точностью и реалистичностью художником экспедиции И.В. Люрсениусом. Благодаря высокому качеству этих рисунков многие из изображенных предметов могут быть атрибутированы с современных позиций и соотнесены с существующей культурно-хронологической периодизацией первобытных и средневековых памятников Южной Сибири (Борисенко, Худяков, 2002. С. 14). В 1764 г. по распоряжению императрицы Екатерины II в Кунсткамеру были переданы золотые и серебряные находки, сделанные генералом-поручиком А.П. Мельгуновым в кургане

«Литая могила». Это был первый скифский комплекс, ставший известным отечественной науке. Описание и попытку атрибуции этих вещей предпринял академик Г.Ф. Миллер (Тихонов, 2007. С. 93–94).

В XVIII в. были предприняты и первые попытки «введения в научный оборот» и экспонирования древностей из собрания Кунсткамеры. Так, в 1742 г. был выпущен в свет второй том каталога музея, большую часть которого занимало описание античного и средневекового нумизматического собрания Кунсткамеры (Musei... 1742). Попало описание некоторых археологических предметов и в опубликованный в 1779 г. на русском языке путеводитель, составленный И. Бакмейстером (Бакмейстер, 1779. С. 179).

В первой четверти XIX в. коллекции Кунсткамеры разделили между несколькими академическими музеями, которые таким образом и были созданы. По академическому регламенту 1836 г., самостоятельным учреждением стал Этнографический музей. Азиатский музей, созданный в 1818 г., ориентировался в основном на собирание рукописей и монет, но туда же были переданы древности из сибирских могил и археологические коллекции, найденные в Булгарах (Станюкович, 1953. С. 214). В составе Азиатского музея к середине столетия существовал, помимо минц-кабинета, и кабинет древностей, но там хранились только предметы материальной культуры, имеющие надписи, поскольку остальные вещи в 1857 г. были переданы в Этнографический музей (Тихонов, 1973. С. 15). Нумизматическое собрание Азиатского музея было систематизировано его первым директором, академиком Х.Д. Френом, издавшим соответствующий каталог в 1826 г. После освобождения от негодных экземпляров и дублетов оно составило 4295 экземпляров (179 золотых, 3484 серебряных, 732 медных) и продолжало активно пополняться до 1880-х гг. (Бартольд, 1920. С. 108–110).

В 1825 г. под руководством академика Х.Ф. Грефе был создан Египетский музей. Его основу составила приобретенная в том же 1825 г. у миланского купца де Кастилье-на коллекция древностей, состоявшая из 1200 разнообразных предметов, в том числе нескольких мумий. Еще 3 мумии и тройной

саркофаг поступили в 1827 г. в качестве дара купца А. Аверова, который купил их в Египте. «Египетский музей» Академии просуществовал сравнительно недолго, некоторая часть его коллекций была передана в 1883 г. Этнографическому музею, а основная масса (более 2 тыс. номеров) поступила в Императорский Эрмитаж. Из оставшихся предметов египетского музея, к которым присоединили археологические коллекции, имевшиеся при библиотеке («некоторое количество греческих ваз», «разные предметы из обожженной глины») и античной части нумизматического собрания Академии был создан новый музей, получивший название «Музей классической археологии» (Станюкович, 1964. С. 45). Но он также просуществовал недолго и в 1890-е гг. его археологические коллекции почти целиком перешли в Эрмитаж. Между тем, еще в 1838 г. П.И. Кеппен обращался в Конференцию Академии наук с призывом создать «особое собрание могильных вещей», которое могло бы объединить археологические находки, рассеянные по различным академическим собраниям. Намечал он и структуру подобного собрания по материалу (камень, керамика, дерево, стекло, металл) и категориям вещей (Тункина, 2002. С. 631–633). Двумя десятилетиями позже с подобным призывом выступил академик К.М. Бэр, который еще с 1840-х гг. собирал археологические предметы, отражающие материальную и духовную культуру предков современного человека, в возглавляемом им же Анатомическом кабинете, преобразованном в Музей соматической антропологии и доисторической археологии (Итс, 1991. С. 157). По его же инициативе было предпринято издание на русском языке книги Й.Я. Ворсо «Северные древности королевского музея в Копенгагене» (СПб., 1861), перевод которой осуществил хранитель Этнографического музея Л.Ф. Радлов, специально командированный в Копенгаген и Стокгольм для ознакомления с устройством и работой археологических музеев. Ставя перед российской наукой задачи по поискам и изучению памятников каменного века, Бэр считал необходимым создание специального музея древностей (Лебедев, 1992. С. 93). Это предложение не получило должного отклика ни у правительства, ни у общественности, и тогда

К.М. Бэр начал вместе с директором Этнографического музея А.А. Шифнером вынашивать идею объединения антропологических, этнографических и археологических коллекций Академии наук. В специальной записке «О собирании доисторических древностей в России для Этнографического музея» они доказывали, что в условиях отсутствия специального музея заниматься сбором «каменных орудий и керамики» должен Этнографический музей (Бэр, Шифнер, 1862. С. 122–123). Одним из результатов поездки Л.Ф. Радлова в Копенгаген стала договоренность об обмене материалами между музеями, и уже в 1862 г. в Петербург были присланы 39 вещей бронзового века, в том числе топоры, мечи и кинжалы, ножи и серпы, бритвы, браслет, фибулы и гривны (Губанов, 2009. С. 86–102).

В середине 1860-х гг. среди экспонируемых коллекций музея уже значились «древности каменного и бронзового веков». Правда, нельзя не упомянуть, что в 1859 г. Академия лишилась своего самого ценного археологического собрания — сибирской коллекции Петра I и «Мельгуновского клада». Это произошло следующим образом. В декабре 1859 г. председатель только что созданной Императорской Археологической комиссии граф С.Г. Строганов устроил в Эрмитаже выставку части археологических вещей, хранящихся в Академии наук. В основном это были золотые вещи, выполненные в скифском зверином стиле. Мотивируя это тем, что они хранятся в Академии «не разложенными, в ящиках и недоступны ни для обозрения, ни для изучения», Строганов выступил с предложением о передаче их в Эрмитаж. Подготовив таким образом почву, он инициировал осмотр выставки императором Александром II, который тут же и распорядился осуществить эту передачу (НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1859 г. Д. 4. Л. 17–18).

Но, несмотря на эту утрату, пополнение Этнографического музея Академии археологическими предметами интенсивно продолжалось, особенно с 1860-х гг. Поступали коллекции из развалин Сарая, с побережья Каспийского моря, из Киргизских степей и Алтая, из Олонецкой губернии. В 1870-е гг. значительно увеличилось число поступлений и расширился их географический круг (Крым,

Сибирь, Амурский край, Средняя Азия и т. д.). Большие коллекции были собраны И.С. Поляковым в Карелии, на Верхней Волге, на палеолитических стоянках Костёнки на Дону, Карачарово вблизи Муроме, неолитической стоянке Волосово и др.; К.С. Мережковским на палеолитических памятниках горного Крыма. Поступили «мерянские вещи» из раскопок А.С. Уварова 1877 г. Появляются и зарубежные находки из Франции, Скандинавии, Швейцарии, Америки. Хранитель музея Ф.К. Руссов, посетив археологические собрания Берлина, Нюрнберга, Вены, утверждал, что в некоторых случаях аналогичные коллекции Этнографического музея не только не уступают, а даже превосходят их. В своем донесении о результатах поездки он писал: «Подобной коллекции каменных орудий, как например, наша Бутеневская из Олонецкой губернии, дополненная недавно множеством слепков с таких орудий, найденных в разных частях Финляндии, я не встречал нигде» (Руссов, 1869. С. 103). Правда, позднее в своем же историческом очерке Руссов признавал, что в экспозиции того времени было чрезвычайно тесно и некоторые коллекции находились в ящиках, а не в шкафах (Russow, 1900. S. 31).

В конце 1878 г. Академия наук, наконец, приняла проект объединения Антропологического (Анатомического) и Этнографического музеев. Новый музей получил официальное название «Музей антропологии и этнографии преимущественно России», причем, от последних двух слов впоследствии отказались. Среди целей и задач музея в его уставе значилось: «собирать доисторические древности, найденные в России; заботиться о соответствующей постановке предметов в трех отделах: по антропологии, по этнографии и по доисторической археологии» (Станюкович, 1964. С. 65). Соответственно, хотя «археология» и не фигурировала в названии, согласно уставу музей должен был быть в такой же степени археологическим, как и антропологическим и этнографическим. В начале 1880-х гг. «собрание доисторических древностей каменного века, относящиеся исключительно к России», насчитывало 1875 номеров, а «собрание древностей, найденных в курганах и древних могилах, а равно и других остатков

древнейшей культуры» — 259 номеров (ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 32. Л. 1). Однако музею не хватало ни финансов на приобретение новых экспонатов и организацию экспедиций, ни помещений, ни сотрудников. Только в 1887 г. музей получил выставочное помещение из двух залов на втором этаже флигеля, пристроенного к зданию Кунсткамеры по Таможенному переулку. В этом помещении и открылась первая экспозиция объединенного музея. Как следует из путеводителя по ней, составленного Ф.К. Руссовым и выпущенного в свет в 1891 г., археологические коллекции демонстрировались в двух разделах экспозиции. Выставка отдела антропологии состояла из двух частей: «Отдел древностей каменного века» и «Отдел человеческих черепов и скелетов». В первом, помимо коллекций каменных орудий с территории России, присутствовали «орудия и оружия островитян Тихого океана и первобытных жителей побережий Берингова моря» (это были скорее этнографические материалы), а также подлинные предметы и слепки из ряда европейских стран. В этнографической части экспозиции имелся раздел «Древности, относящиеся к эпохе бронзы и железа», в котором были показаны «чуждые» медные орудия, оружие и «мелкие изделия» из Сибири; предметы из раскопок курганов Тверской, Вологодской, Владимирской, Ярославской губерний, окрестностей Мелитополя и Крыма; «остатки различной домашней утвари из камня, глины, стекла, кости и металлов» из Поволжья и Средней Азии. Большинство предметов выставлялось в шкафах по материалу, из которого они были изготовлены: вещи из бронзы, железа, керамики. Последние в свою очередь подразделялись по размеру и технике — лепные или гончарные. Здесь также имелись и зарубежные находки, экспонируемые для сравнения и подтверждения эволюционистских представлений о сходстве и поэтапном развитии многих элементов культуры, особенно технологических, на различных территориях. Так, вместе с бронзовыми орудиями из Восточной Сибири были помещены аналогичные предметы из Дании (Руссов, 1891. С. 21–23, 66–67). Вместе с этнографическими коллекциями продолжали поступать и археологические предметы. Например, в 1893 г. в музей поступило собра-

ние К.И. Вебера из 144 вещей по археологии и этнографии Кореи (Музей... 1917. С. 247).

Новый этап в деятельности Музея антропологии и этнографии начинается в 1894 г., когда его директором становится известный ученый В.В. Радлов, стремившийся всячески пополнять собрания и развивать научную и экспедиционную стороны деятельности музея. В сферу интересов выдающегося тюрколога входила и археология. Еще в 1860-х гг., живя в Барнауле, он проводил многочисленные раскопки курганов в долине Енисея и на Алтае, в Абаканской и Киргизской степи. Правда, образцовыми, как полагал А.М. Решетов (1995. С. 77), их назвать трудно, поскольку использовалась традиционная методика раскопок «колодцем» или «траншеей» (Артюх, 2005. С. 253). В.И. Матюшенко считал, что эти раскопки проводились на невысоком методическом уровне и полевая документация была не лучшего качества, но, тем не менее, они обогатили науку огромным фондом источников (Матюшенко, 2001. С. 44). Радлов разработал четырехчленную периодизацию истории материальной культуры населения Южной Сибири эпохи металлов и пытался связать эти древности с этническими общностями, известными по письменным источникам. Так, стремясь реконструировать погребальный обряд древнего населения Горного Алтая, он привлек китайские источники по уйгурам, в которых содержалась информация о погребально-поминальных традициях древних народов Сибири. Отмечая существенные отличия курганов в Катанде и Берели от памятников эпохи бронзы, ученый полагал, что они были оставлены пришлым населением, т. е. он первым указал на то, что культура населения Горного Алтая скифского времени сформировалась при участии инокультурного компонента.

В 1891 г. В.В. Радлов организовал Орхонскую экспедицию, в ходе которой были открыты памятники тюркской рунической письменности и развалины древнеуйгурской столицы Карабалгасуна. По результатам своих исследований, а также с использованием коллекций местных собирателей (в частности, горного инженера И.А. Лопатина), он подготовил обобщающую работу «Сибирские древности», изданную Археологической

комиссией в трех выпусках серии «Материалы по археологии России» (Радлов, 1888; 1891; 1894).

Приступив к руководству музеем, В.В. Радлов в первую очередь наладил систему научной регистрации коллекций, взяв за основу схему, принятую в Копенгагенском музее, при которой каждый предмет получал двойной номер — коллекционный и порядковый. Одной из неотложных первоочередных задач новый директор считал пополнение созданного в 1894 г. Археологического отдела музея, который должен был выполнять две функции. Первая обязывала его быть своего рода введением к этнографической части экспозиции, демонстрирующим посетителям доисторическую культуру человечества. Вторая должна была восполнить пробел в ряду столичных музеев из-за отсутствия специального археологического музея. Для реализации поставленных задач академик Радлов предложил Общему собранию Академии: «Обратиться в Императорскую Археологическую комиссию с просьбой помочь нам полнить археологический отдел нашего Музея. Мне известно, что в комиссии ежегодно собирается богатый материал древностей, находимых во всех частях России, и что эти коллекции ежегодно распределяются между различными музеями. Так как в С.-Петербурге нет археологического музея, то эти коллекции отправляются в Москву и другие города. Я лично обращался к председателю Археологической комиссии и убедился, что он охотно исполнит нашу просьбу, если Академия официально обратится к нему» (Ко дню семидесятилетия... 1907. С. 37). Этот призыв был услышан в Археологической комиссии, которая с этого времени стала регулярно передавать в МАЭ отдельные находки, целые коллекции и, особенно, краниологические материалы, полученные в ходе раскопок в различных местах. Например, отчет музея за 1906 г. сообщал: «Археологический отдел обогатился 16 коллекциями (свыше 2000 предметов, не считая многих тысяч предметов, еще не зарегистрированных). Громадное большинство относится к области керамики, отчасти бронзы, и поступило в Музей от Императорской Археологической комиссии, весьма сочувственно относящейся к деятельности этого отдела»

(Отчет... 1906. С. 85.) В 1908 г. Археологическая комиссия опять уведомляла Музей антропологии и этнографии о том, «что она с особенным удовольствием озаботится пополнением Музея предметами древности, так как уже давно ощущалась потребность иметь в С.-Петербурге большой, доступный и надежно организованный археологический музей. С своей стороны Комиссия позволяет себе, кроме того, напомнить Музею, что в собраниях Императорского Эрмитажа имеются излишние для него, но ценные для Музея коллекции, которые могли бы быть ему переданы по исходатайствованию соответственного Высочайшего разрешения» (ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 57. Л. 102). Но Императорский Эрмитаж не спешил расставаться хотя бы с частью своих собраний, даже если они не были нужны для экспозиции (илл. 1).

В 1889 г. музей получил во временное пользование 7 комнат во флигеле главного здания Академии; в эти помещения были переведены два отдела: антропологический и доисторической археологии. В 1898 г. «для приведения в порядок и регистрирования коллекций отделов Антропологического и Доисторической археологии был приглашен окончивший Парижскую Антропологическую школу Н.М. Могилянский» (Ко дню семидесятилетия... 1907. С. 49), который вскоре, однако, перешел в Этнографический отдел Музея Императора Александра III.

Крупные поступления археологических коллекций были в 1893 и 1894 гг. — 1009 и 2026 предметов соответственно, но особенно активно археологический отдел стал пополняться с 1906 г., в котором поступило 5011 предметов, в 1907 г. — 4059, в 1908 г. — 2502, в 1910 г. — 2959 и т. д. (Музей... 1917. С. 303). «Археологический отдел, принужденный ютиться в крошечной комнатке, растет не по дням, а по часам», — отмечали современники (Ко дню семидесятилетия... 1907. С. 102). К 1914 г. в отделе доисторической археологии насчитывалось почти 28 тыс. предметов, в то время как в 1889 г. их числилось всего 3385 (Музей... 1917. С. 237), — т. е. за 15 лет произошло увеличение фонда в семь раз!

По-прежнему самые большие поступления археологических коллекций были из Археологической комиссии: так, в 1909 г. она пе-

редала 1348 предметов, среди которых были коллекция из раскопок П.Г. Тарасова Поломского могильника в Вятской губернии, золотые вещи из раскопок курганов Акмолинской области, проведенных А.А. Козыревым. Для учебно-дидактических целей была приобретена коллекция муляжей с палеолитических орудий Франции (Отчет... 1909. С. 105–107). В 1910 г. Археологическая комиссия передала 1964 предмета, в том числе находки из раскопок Н.М. Печенкина в Херсонесе (217 вещей), из раскопок в Керчи (66), из раскопок Н.И. Веселовского на Кубани (36), из раскопок Емельянова в Вятской губернии (554), из раскопок А.А. Миллера (45), из Тамбовской и Симбирской губерний (850), из Америки (67). 975 номеров насчитывала коллекция древних фресок из Восточного Туркестана, собранных экспедицией С.Ф. Ольденбурга. Много археологических предметов поступало из Географического общества (Отчет... 1910. С. 105–125).

Основным способом пополнения коллекций музея оставались дарственные приношения от отдельных ученых и организаций, но в 1906 г. были предприняты и самостоятельные археологические раскопки, когда музей командировал для их производства в район Балахны В.И. Каменского. Заметная активизация деятельности МАЭ в области археологии как раз и была связана с привлечением к его работе Владимира Ивановича Каменского, проводившего исследования неолитических стоянок на Оке с 1901 г. Будучи членом Нижегородской губернской ученой архивной комиссии и слушателем Петербургского Археологического института, В.И. Каменский установил сотрудничество с А.А. Спицыным, в «Записках отделения славяно-русской археологии» РАО стали появляться его работы. С 1907 г. он начинает работать в археологическом отделе МАЭ в качестве внештатного сотрудника и вместе с «младшим этнографом» Б.Ф. Адлером занимается регистрацией коллекций и подготовкой экспозиции. В 1908 г., получив небольшие денежные средства от музея, В.И. Каменский осмотрел несколько городищ (Богородское, Одоевское) и провел раскопки «Чортова городища» и «Черемисского кладбища» в окрестностях Ветлуги. Отчет о раскопках Чертова

городища был напечатан в Сборнике МАЭ (Каменский, 1909), а рукописный отчет о раскопках Черемисского кладбища сохранился в архиве (Архив МАЭ. Кол. 1265. Л. 63–73) (илл. 1). Об этих раскопках и их результатах В.И. Каменский рассказывал также в письмах к коллегам по музею: «Раскопка первого городища, “Чортого”, находящаяся от г. Ветлуги в 8 верстах при очень тщательной работе с грохотами дает очень мало существенного, кроме действительно чортовой уймы черепков, совсем грубых, без узоров и без ушков, но с загадочными дырочками у горлышка сосуда и по середине. Примесь к глине исключительно дресва (куски кварца, пол. шпата и сланца). Из вещей попала часть железной кольчуги, жел. наконечник стрелы лавролистной формы, жел. шило и ножик, перстень сломанный и пр. Попадают и глиняные ковшички для плавления металла и отливания его в формы, глиняная погремушка и еще какие-то удивительные кубики и кирпичики из глины со значками на манер игральные косточки или домино.

В конце моей раскопки попался и человеческий костяк при очень странной форме погребения. Точильный камень был расколот на три части и положен в ногах и с боков, при углях и черепках от сосудов. Нижние кости, положенные прямо на С.-С.З. оказались укороченными, без следов от ступней. От черепа остались только крошки. Весь костяк, положенный мелко (3/4 аршина от поверхности земли) закопан уплотненной глиной. Кости очень плохой сохранности» (ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 58. Л. 32 об.).

В деятельности Музея антропологии и этнографии сказывалась и некая конкуренция с Этнографическим отделом Музея Императора Александра III. В 1902 г. В.В. Радлов предлагал объединить музеи, его предложение поддержки не получило. Особенно эта конкуренция сказывалась в сборе археологических материалов; так, В.И. Каменский общал Л.Я. Штернбергу: «В то время, когда в г. Ветлуге мы с Н.Н. Виноградовым обсуждали план наших действий, к нам подъехал студент С.-Петербургского Университета, некий г. Ефименко. Как оказалось, последний был командирован Музеем Александра III-го раскапывать черемисские могилы для

целей этнографических, а от Университета г. Ефименко было дано 100 р. с тем, чтобы он для Музея Университета доставил фиксированный костяк. Таким образом, мы встретились как конкуренты и нам предстояло: или работать вместе в Тоншаевской волости, потому что самые надежные и интересные могильники находятся там, или разделить поле деятельности и предоставить ему копать могильники у с. Тоншаева, а самому ограничиться раскопкой городища. В виду того, что г-ну Ефименко было ассигновано вдвое больше средств, чем мне, я не рискнул вступить с ним в конкуренцию и остался при р. Ветлуге» (ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 58. Л. 321–322). Не может не обратить на себя внимания и тот факт, что все ученики Ф.К. Волкова по Петербургскому университету сотрудничали с Этнографическим отделом Музея Императора Александра III, где работал Волков, а вот их связей с академическим Музеем антропологии и этнографии в это время не прослеживается.

В 1909 г. В.И. Каменский был включен в состав экспедиции С.Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан, организованной Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Одной из важнейших целей экспедиции было археологическое обследование малоизученной территории, поэтому в ее состав для проведения раскопок и были включены В.И. Каменский и С.П. Петренко. Каменский сообщал руководителю экспедиции из Сергиополя 19 июня 1909 г.: «Многоуважаемый Сергей Федорович! Доехал я благополучно, если не считать небольшой возни с правым задним колесом у телеги. Прибыл в Сергиополь в 9 ч. утра. Ночевал, едучи в открытом тарантасе, и вследствие этого слегка простужен, но настроение бодрое. Через час или два отправляюсь в Чугучак» (ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 250. Л. 1). Прибыв в Чугучак 22 июня и наняв переводчика, члены экспедиции отправились дальше в Урумчи и Карашар, однако полученная простуда не прошла даром, и оба археолога, заболев, были вынуждены вернуться в Россию из Урумчи.

В 1910 г. В.И. Каменский, получив открытый лист № 790 от Императорской Археологической комиссии и направление от Русского комитета для изучения Средней и Восточной

Азии, вновь отправился в экспедицию в Семипалатинскую область. От губернатора области было получено предписание всем «должностным лицам уездной, волостной и сельской администрации» оказывать полное содействие и обеспечивать лошадьми и охраной. Поскольку экспедиция в этих районах была небезопасной, археолог в качестве экипировки получил два револьвера и винтовку. В начале июля он сообщал В.В. Радлову: «Глубокоуважаемый Василий Васильевич! После долины Койтас Арчалинской волости, о которой я Вам писал, раскопка производилась мною на участке Александра Дмитриевича Шайтанова (бывшего сепаратиста), близ г. Усть-Каменогорска. Там оказалась каменная статуя монгольского типа, интересная тем, что в руках, опущенных к низу, она держит сосуд. Эту статую я решил взять и отправить в Музей, для чего был мною заказан в городе особый ящик, в котором, надеюсь, эта статуя дойдет без поломок; вес ее с ящиком 31 п. 30 ф.

Курганы там имели вид уже раскопанных, кроме одной, осыпанной камнями, могилы. Я ее раскопал, — оказалось конное, очень неглубокое, вероятно, зимнее погребение. Из вещей: железные наконечники стрел, удила и медная пряжка. Железо очень ржавое, разрушается от прикосновения.

Недалеко от Шайтановского участка, в долине речки Кара-Узё(о)к мы встретили группу курганов и могил, обложенных кругами из белых камней. Раскопка двух из них показала, что они — типа Койтасских и давно уже ограблены и тщательно снова засыпаны с соблюдением обряда в одном случае простого, в другом — трупосожжения. Мною взяты: кальцинированные косточки человека и обломки почти целого горшка с великолепным древним орнаментом, состоящим из меандра и треугольников в том их порядке, в каком они наблюдаются на плетенных корзинках сев.-американских племен. — Эти могилы очень меня интересуют и я приложу все свои старания к тому, чтобы найти целое нетронутое и богатое погребение этого типа. В настоящее время я нахожусь в Кокпектах по дороге на Сергиополь, где буду копать со студентом Бобковым» (ПФА РАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 62. Л. 31–32).

Кроме В.И. Каменского в экспедиции для археологических раскопок музеев направлял в 1906 г. «студента Даниила Тимофеевича Яновича на летние месяцы в Тверскую и Новгородскую губ. для производств раскопок неолитических местонахождений, а также для предварительных разведок озерных местностей, где предполагаются остатки свайных жилищ, и попутного собирания этнографических объектов и ассигновав ему на расходы по командировке 200 рублей из сумм Музея» (ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 57. Л. 50). Также музей командировал в 1912 г. С.М. Широкого-рова и В.Н. Робинсона в Тверскую губернию; в 1913 г. И.Т. Савенкова и В.М. Лемешевского в Тверскую губернию для обследования стоянок каменного века; шведского археолога Т.И. Арне для раскопок в различных местах; в 1914 г. С.М. Дудина в Восточный Туркестан; В.М. Сиротину и В.М. Лемешевского в 1915 г. для исследования палеолита в окрестностях Ржева; Б.Э. Петри в 1913 и 1916 гг. на Байкал (ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 63. Л. 482; Д. 66. Л. 18; Д. 69. Л. 103; Д. 70. Л. 59).

Археологический отдел был открыт для публики только в 1909 г., и почти сразу же начался его перевод в помещения построенного на частные средства третьего этажа музейного флигеля, что обещало «сделать его ядром большого археологического музея в Петербурге». В двух больших залах третьего этажа предполагалось устроить памятный отдел Петра Великого, куда должны были войти собрания Петровской галереи Эрмитажа, и разместить экспозицию отдела археологии. На создание новой экспозиции ушли 1910 и 1911 гг., и она была готова к началу 1912 г., когда неожиданно и скоропостижно умер В.И. Каменский. Окончательное открытие залов третьего этажа для публики состоялось в торжественной обстановке 20 мая 1912 г. в присутствии его императорского высочества князя Александра Георгиевича Романовского, который замещал болевшего президента Академии наук, великого князя Константина Константиновича. На церемонии открытия также присутствовали товарищ министра народного просвещения В.Т. Шевяков, вице-президент Академии П.В. Никитин, академики, члены Государственного Совета, представители науки и искусства. Император

прислал телеграмму из Ялты, выражая свое «удовольствие» по случаю открытия новой экспозиции музея.

В 1910–1917 гг. в музее работал Бернгард Эдуардович Петри (1884–1937), сын географа и антрополога Э.Ю. Петри (1854–1899) (о нем см.: Тихонов, 2003. С. 109–112). После смерти коллеги опекунство над его семьей взял на себя В.В. Радлов, устроивший на работу в музей вдову и старшего сына ученого. Помимо этнографических исследований, Б.Э. Петри активно занимался археологией, исходя из представления о ее тесных связях с этнографией и антропологией (Сирина, 2002. С. 62). Во время трех экспедиций в Сибирь (1912, 1913 и 1916 гг.), которые финансировались Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии, он открыл серию неолитических стоянок и поселений железного века в южной части побережья оз. Байкал и провел их раскопки. Среди исследованных памятников были многослойная стоянка Улан-Хада, стоянки в бухтах Песчаная и Академическая, кроме того, были проведены раскопки землянок в местности Уту-елга, где были обнаружены следы добычи железной руды и железодельного производства. Описание этих работ и находок Петри поместил в Сборнике МАЭ и Отчете АН (Петри, 1916а; 1916б), а коллекции дополнили собрания музея.

Именно Б.Э. Петри стал заведующим археологическим отделом музея после смерти В.И. Каменского, и ему пришлось доделывать археологическую экспозицию, составлять каталог археологических коллекций (ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 22). В 1916 г. он выпустил путеводитель по археологическому отделу (Путеводитель... 1916), который дает ясное представление о структуре существовавшей тогда экспозиции (илл. 2). В ее основу были положены хронологический и территориальный принципы. Первая витрина, посвященная палеолиту Западной Европы, содержала отдельные каменные, костяные и роговые орудия, расположенные по периодизации Г. де Мортилье. Следующие две витрины показывали подобные находки на территории Сибири и Европейской России. Здесь центральное место занимали коллекции И.Т. Савенкова из раскопок Афонтовой горы и И.С. Полякова из Костёнок. Значительно

шире были представлены материалы эпохи неолита, которые занимали десяток витрин и «шкапов». Демонстрировались коллекции И.С. Полякова и В.И. Каменского со стоянок в районе Балахны в Нижегородской губернии (илл. 3), дюнных стоянок на Оке, коллекции и отдельные находки из Карелии и Сибири. Неолитическая культура Байкала была представлена материалами стоянки Улан-Хада, раскопанной Б.Э. Петри в 1913 г. Отдельные витрины были посвящены неолиту Амурской области, Японии, Сахалина и Камчатки. Неолит Западной Европы представляли материалы свайных поселений Швейцарии и датских кьеккенмедингов («кухонных остатков») (илл. 4).

«Шкапы» № 103 и 104 демонстрировали находки бронзового века из Дании, а № 97 и 98 — из Енисейского края. В этой части экспозиции не было четкого деления на бронзовый и железный век, и, как писал Б.Э. Петри, «образцы века металлов расположены исключительно в географическом порядке» (Путеводитель... 1916. С. 24). В отдельных витринах находились коллекции из раскопок Ананьинского могильника на Каме, раскопок В.И. Каменского на Чертовом городище и Черемисском кладбище в Ветлужском уезде Костромской губернии. В витрине, посвященной Кавказу, были древности Кобанского могильника и находки Э. Ресслера в Елисаветопольской губернии. Витебская губерния была представлена могильниками из раскопок Е.Р. Романова, а Вятская губерния — Поломским могильником. Кроме витрин («шкапов») с металлическими орудиями, украшениями и керамикой, в экспозиции находились каменные бабы, а завершалась она материалами раскопок греческих колоний в Северном Причерноморье.

Заметное преобладание коллекций по каменному веку было отличительной чертой археологического отдела МАЭ и в более поздние времена (Нечаева, Попова, Федоров, Фрадкин, 1964. С. 154). Также нетрудно заметить, что археологическая часть экспозиции Музея антропологии и этнографии преследовала несколько иные цели и была построена на иных принципах, чем экспозиции Императорского Эрмитажа. Основной ее задачей был показ эволюционного развития культуры

человека с древнейших времен до исторических эпох, который служил как бы введением к этнографическому разделу экспозиций. Правда, нельзя не признать, что ее территориальное расположение в музее на третьем этаже оказалось не слишком удачным, поскольку «введение», вместо того чтобы предварять этнографические залы, заключало их. Тем не менее, эта экспозиция была, по сути, единственной в Санкт-Петербурге доступной для широких слоев публики значительной музейной выставкой материалов и коллекций по первобытной археологии.

С 1913 г. в отделе археологии начал работать, а вскоре и возглавил его, В.М. Лемешевский (илл. 5). В том же году он вместе с И.Т. Савенковым проводит археологические разведки в Тверской губернии. Исследователи изучают местные собрания по каменному веку, обследуют берега Волги, собирают коллекцию — около 750 предметов, — которая, по их мнению (ошибочному, по современным представлениям), характеризовала переходную от мустье к ориньяку эпоху (Отчет... 1913. С. 175). В 1914 г. В.М. Лемешевский был командирован МАЭ в Париж, где он изучал коллекции Сен-Жерменского музея национальных древностей Франции, а на обратном пути на несколько месяцев, до января 1915 г., был задержан в Германии из-за начавшейся войны. В 1916 г. музей получил в дар от П.В. Сюзева большую (более 2000 предметов) коллекцию по трипольской культуре, собранную в Галиции и Бессарабии, а С.М. Широкогоров провел обследование берегов Амура, в ходе которого были открыты 4 неолитические стоянки и целая серия поселений и могильников более поздних эпох. В том же году в отделе были организованы учебные занятия для слушателей Высших географических и Высших женских курсов. С материалами археологического отдела в течение нескольких лет приезжали работать К.И. Сойкелли, Ю. Айлио, А. Хакман их Гельсингфорса (Хельсинки); Т. Арне, Г. Гальштрем, д-р Шнитгер из Стокгольма; отечественные исследователи — хранитель исторического музея в Москве П.А. Незнамов, Е.А. Рыдзевская.

Помимо отдела доисторической археологии, в музее существовал отдел исторической археологии Средней Азии, содержавший кол-

лекции Китайского и Русского Туркестана. Начало обоим собраниям было положено в 1882 г. коллекциями А.Э. Регеля, собранными в ходе экспедиции 1879 г. Затем туда поступили материалы из раскопок Афрасиаба, проведенных В.В. Бартольд в 1904 г., коллекция Е.И. Александера, материалы экспедиций С.Ф. Ольденбурга. С 1910 г. отделом заведовал С.М. Дудин «под общим руководством С.Ф. Ольденбурга», и к 1914 г. там насчитывалось 5714 археологических предметов, которые хранились в МАЭ до 1934 г., когда произошла их передача в Эрмитаж (Вишневецкая, 1989. С. 16).

В заключение надо отметить, что стремительно росшие в начале XX в. археологические собрания музея вполне обоснованно претендовали на то, чтобы заполнить некую лауну в музейном пространстве Петербурга — Петрограда, образовавшуюся из-за отсутствия специального музея, посвященного первобытной археологии. Их присутствие в Музее антропологии и этнографии было вполне логичным, поскольку все три дисциплины воспринимались в то время как триединое целое — наука о первобытной культуре человечества. Многие аналогичные музеи европейских столиц — Парижа, Берлина, Рима, Лондона — также сочетали в себе археологические и этнографические коллекции. Римский музей Луиджи Пигорини, например, до сих пор состоит из археологической и этнографической частей. Но вот рост археологической экспозиции, которая в полноценном объеме появилась только в 1912 г., оказался скован общим недостатком экспозиционных площадей в музее.

В 1917 г. В.В. Радлов подготовил специальную «Записку в академическую комиссию для рассмотрения вопроса об образовании Государственного Музея Антропологии, Этнографии и Археологии». Этот проект предусматривал объединение в одном музее всех имеющихся в Петрограде этнографических и археологических коллекций: «...по отношению к нашему Музею нужно принять во внимание, что целый ряд этнографических собраний хранится в Эрмитаже, в Географическом обществе, в Артиллерийском и других музеях, и в частности Этнографи-

ческий Отдел Русского Музея Императора Александра III представляет собой в целом учреждение, преследующее тождественные с академическим музеем цели, хотя и в более ограниченных размерах. Точно так же с коллекциями археологическими в Археологической комиссии, Артиллерийском музее и некоторых других учреждениях» (цит. по: Решетов, 1996. С. 35). Естественно, что реализация подобного проекта перспектив не имела, тем не менее пополнение археологических собраний МАЭ в послереволюционные годы не только не прекратилось, а даже увеличилось. В 1920–1930-е гг. поступают крупные коллекции из раскопок П.П. Ефименко, С.Н. Замятниной, Г.А. Бонч-Осмоловского, С.Н. Бибикиной, В.И. Равдоникаса, А.В. Шмидта, В.А. Городцова, Н.И. Репникова, П.Н. Третьякова и многих других археологов. В итоге археологическое собрание МАЭ включило в себя более тысячи коллекций, насчитывающих почти 600 тыс. единиц хранения. В 1933–1938 гг. возглавлял археологический отдел П.П. Ефименко, с 1933 г. там начал работать С.Н. Замятнин, возглавивший отдел в 1945 г. (Кунсткамера... 2009. С. 244, 248).

Еще одна попытка «конституировать» археологию в названии и научном профиле учреждения была предпринята в 1935 г., когда Институт антропологии и этнографии АН СССР, созданный на базе музея в 1933 г., был переименован в Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР. Не лишним будет вспомнить, что первый выпуск сборника «Советская археология» в 1936 г. был подготовлен именно этим институтом. Но 5 августа 1937 г. Президиум АН СССР принял решение о его преобразовании в Институт этнографии с Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого. Исчезновение археологии из названия, скорее всего, было связано с созданием Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра АН СССР, в который была преобразована Государственная академия истории материальной культуры. Это решение было принято на том же заседании Президиума 5 августа 1937 г. Двух археологических учреждений для одной Академии было слишком много.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артюх Е.А., 2005. К вопросу о методике археологических исследований во 2-й пол. XIX в. (на примере деятельности В.В. Радлова) // Актуальные вопросы истории Сибири: Пятые науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул.
- [Бакмейстер И.], 1779. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской Академии Наук / Пер. В. Костыгова. СПб.
- Бартольд В.В., 1920. Нумизматическое отделение // Азиатский музей Российской Академии наук: 1818–1918: Краткая памятка. Пг.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2002. Вклад Иоганна Вильгельма Люрсениуса в изучение древностей Южной Сибири // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX века): биографический аспект: Мат. постоянно действующей конф. СПб. Вып. 2.
- Бэр К.М., Шифнер А.А., 1862. О собирании доисторических древностей в России для Этнографического музея // Зап. ИАН. СПб. Т. I. Кн. 1.
- Вишневецкая В.А., 1989. Из истории собирания среднеазиатско-казахстанских коллекций МАЭ (дооктябрьский период) // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Л. (СМАЭ. XLIII.)
- Губанов И.Б., 2009. Скандинавская бронза из коллекции МАЭ РАН в контексте истории древней Европы и межкультурных взаимодействий // Свод археологических источников Кунсткамеры. СПб. Вып. 2: Эпоха бронзы — позднее средневековье / Отв. ред. Г.А. Хлопачев.
- Завитухина М.П., 1978. Коллекция Г.Ф. Миллера из Сибири — одно из древнейших археологических собраний России // Сообщ. ГЭ. Л. Вып. 43.
- Итс Р.Ф., 1991. Введение в этнографию. Л.
- Каменский В.И., 1909. «Чортово городище» в Ветлужском уезде по раскопкам 1908 г. // Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. СПб.
- Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова 5 января 1907 года. СПб., 1907.
- Кунсткамера: 295 лет: История, исследования, коллекции. СПб., 2009.
- Лебедев Г.С., 1992. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб.
- Матющенко В.И., 2001. 300 лет истории сибирской археологии. Омск. Т. 1.
- Моисеева Т.М., 2000. Петровская Кунсткамера в контексте западноевропейских музеев XVI–XVIII вв. // СМАЭ. XLVIII.
- Музей антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого // Материалы для истории Академических учреждений за 1889–1914 гг. Пг., 1917.
- Нечаева Л.Г., Попова Т.А., Федоров В.В., Фрадкин Э.Е., 1964. Археологическое собрание Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук СССР // 250 лет Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого. М.; Л., 1964. (СМАЭ Т. XXII.)
- Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1906 год, составленный неперменным секретарем академиком С.Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1906 года. СПб., 1906.
- Отчет... за 1909 год, составленный и. о. неперменного секретаря академиком князем Б.Б. Голицыным и читанный в публичном заседании 29 декабря 1909 года. СПб., 1909.
- Отчет... за 1910 год, составленный неперменным секретарем академиком С.Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1910 года. СПб., 1910.
- Отчет... за 1913 год, составленный неперменным секретарем академиком С.Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1913 года. СПб., 1913.
- Охрана памятников истории и культуры в России: XVIII–XX вв. М., 1978.
- Петри Б.Э., 1916а. Неолитические находки на берегу Байкала: Предварительное сообщение о раскопках стоянки Улан-Хада // СМАЭ. Т. 3.
- Петри Б.Э., 1916б. Отчет Б.Э. Петри о командировке на Байкал в 1916 г. // Отчет о деятельности Академии наук по отделению физико-математических наук, истории и филологии. Пг., 1916.

Путеводитель по Музею антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого. Этаж III. Зал 5. Археология / Сост. Б.Э. Петри. Пг., 1916.

Радлов В.В., 1888. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 1 // МАР. № 3.

Радлов В.В., 1891. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 2 // МАР. № 5.

Радлов В.В., 1894. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 3 // МАР. № 15.

Решетов А.М., 1996. Музей Антропологии и Этнографии РАН в последней четверти XIX — первой четверти XX века: Проблемы создания и реорганизации // Кунсткамера вчера, сегодня, завтра. СПб. Т. 1.

Руденко С.И., 1962. Сибирская коллекция Петра I. М.; Л.

[Руссов Ф.К.], 1869. Донесение исправляющего должность хранителя Этнографического музея Руссова об осмотре им заграничных этнографических музеев, читанное на заседании историко-филологического отделения 28 I 1869 года // Зап. ИАН. СПб. Т. 15.

[Руссов Ф.К.], 1891. Путеводитель по Музею Императорской Академии наук по антропологии и этнографии. СПб.

Сирина А.А., 2002. Забытые страницы сибирской этнографии: Б.Э. Петри // Репрессированные этнографы. Вып. 1 / Сост. Д.Д. Тумаркин. М.

Спицын А.А. 1906. Сибирская коллекция Кунсткамеры // ЗОРСА ИРАО. Т. VIII. Вып. I.

Станюкович Т.В., 1953. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л.

Станюкович Т.В., 1964. Музей антропологии и этнографии за 250 лет // СМАЭ. XXII.

Тихонов Д.И., 1973. Сокровища Азиатского музея и их собиратели: Исторический очерк // СМАЭ. XXIX: Культура народов Зарубежной Азии.

Тихонов И.Л., 2003. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб.

Тихонов И.Л., 2007. Г.Ф. Миллер как археолог // Г.Ф. Миллер и русская культура / Отв. ред. Д. Дальманн, Г.И. Смагина. СПб.

Тункина И.В., 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб.

Формозов А.А., 1961. Очерки по истории русской археологии. М.

Формозов А.А., 1965. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.

Формозов А.А., 1974. Археология в Академии наук // СА. 1974. № 2.

Формозов А.А., 1983. Начало изучения каменного века в России: Первые книги. М.

Формозов А.А., 1990. Александр Блок читает книгу о первобытном человеке // СЭ. № 6.

Musei Imperialis Petropolitani. Petr., 1742. Vol. II.

Russow Fr., 1900. Beiträge zur Geschichte der Ethnographischen Antropologischen Sammlungen der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu St.-Petersbourg // СМАЭ. Т. 1. Вып. 1.

Н.П. Макаров*, А.С. Вдовин**

* Красноярский краевой краеведческий музей

** Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

АРХЕОЛОГИЯ В КРАСНОЯРСКОМ МУЗЕЕ (1889–1940 гг.)

В научном наследии А.А. Формозова история археологической науки является одной из основных тем. При этом во многих книгах ученого отражен и процесс становления сибирской археологии (Формозов, 1961; 1983; 1986; 1995; 2004).

Красноярский краевой краеведческий музей в конце XIX — начале XX в. являлся одним из ведущих научных учреждений Сибири. Основанный в феврале 1889 г. как небольшой городской музей, он вскоре превращается в основной исследовательский центр огромной Енисейской губернии. Этому способствовало переподчинение музея в 1903 г. Красноярскому подотделу Русского географического общества (КрПРГО), а также назначение на должности консерваторов людей с научным складом ума. Практически все первые руководители музея, проявившие себя в различных областях науки, были увлечены археологией. Это П.С. Проскуряков, А.С. Еленев, М.Е. Киборт. Ко всему прочему всех их еще связывала дружба с лидером зарождающейся красноярской археологии и первооткрывателем енисейского палеолита И.Т. Савенковым. Эти исследователи и положили начало формированию археологического фонда музея, подарив ему свои коллекции (Макаров, 1989. С. 131–189). Наиболее известными из них являются находки А.С. Еленева из пещер и стоянки в устье р. Бирюсы.

Не случайно, что именно эти коллекции вместе с находками И.Т. Савенкова выставались на VIII Всероссийском археологическом съезде 1890 г. и Всемирном конгрессе антропологов и археологов 1892 г. в Москве. В коллекции были представлены артефакты разных эпох — от средневековья до мезолита (КККМ — кол. № 211).

Находясь на далекой периферии, красноярские археологи старались поддерживать постоянные отношения с ведущими научными центрами страны. Отчеты о раскопках красноярских исследователей издавались в трудах Императорской археологической комиссии. С просьбой о поддержке своих изысканий Московским археологическим обществом к графине П.С. Уваровой обращается А.С. Еленев (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Д. 551. Л. 56–59). Практически все сотрудники музея в первые десятилетия его истории были активными членами ВСОРГО (Вдовин, Гуляева и др., 2001). Осуществлялись контакты и с зарубежными исследователями. П.С. Проскуряков и М.Е. Киборт стали проводниками известного французского археолога барона де Бая, дважды приезжавшего в Красноярск в 1896–1897 гг. Ученый совершает ряд экскурсий по археологическим памятникам в окрестностях города. Он проводит сборы палеолитических орудий на Афонтовой горе и на дюнных стоянках Енисея Базаиха, Ладей-

ки, Няша, раскапывает курган раннего железного века. На уже известной Перевозинской стоянке де Баю впервые удается обнаружить орудия эпохи палеолита.

Ознакомившись с коллекциями Красноярского городского музея, де Бай дает ему высокую оценку: «несмотря на то, что он не крупный, он отражает значимость Енисейской губернии с точки зрения археологии и этнографии». Оценивая вклад сибиряков в изучение древностей Енисея, де Бай рекомендовал Французской Академии присвоить им почетное звание «Officier d'Académie». Вскоре эта награда была присуждена Н.М. Мартыанову и П.С. Проскурякову.

Но у этой медали есть и обратная сторона. Чинопочитание, распространившееся в международной и российской практике, как правило, сопровождалось богатыми дарами. Зачастую такими подарками становились и археологические коллекции, которые затем бесконтрольно вывозились из России. Так, среди енисейских бронз де Баю особенно понравились разнообразные зооморфные фигурки. При этом вице-губернатор Красноярска Приклонский поручил де Баю подарить министру культуры Франции Рамбо древние бронзовые предметы Восточной Сибири для одного из французских музеев. Впоследствии эти интересные археологические материалы с берегов Енисея, вместе с собственными сборами де Бая, экспонировались в музее Естественной истории в Париже (Baye, 1897. P. 38–40). Показательна и фраза, произнесенная упомянутым министром при вручении награды П.С. Проскурякову: «Даруя этот знак, я был счастлив отблагодарить Вас за те услуги, которые Вы оказали моему департаменту».

Оценивая в целом деятельность П.С. Проскурякова и А.С. Еленева, можно сказать, что это были еще археологи-любители. Хотя на их счету немало интереснейших открытий, археология была для них любимым увлечением. Раскопками они могли заниматься лишь в свободное от основной работы время. Кроме того, и сама должность консерватора музея на первых порах была бесплатной. Лишь после отъезда Еленева в Иркутск, с 1893 г., директор музея начинает получать небольшое вознаграждение. В течение 10 лет эту долж-

ность занимает М.Е. Киборт. Исследователь фактически стал соавтором многих открытий И.Т. Савенкова, постоянно сопровождая его в археологических экскурсиях по Енисею. В городской музей М.Е. Киборт передает коллекцию с древних стоянок Шалоболоино, Солба, Большая Иня.

В начале XX в. заметный вклад в развитие сибирской археологии внес А.В. Адрианов. Оказавшись в Красноярске за свою оппозиционную правительству деятельность, он, тем не менее, вскоре был избран правителем дел КрПРГО, в ведении которого и находился городской музей. В 1902 г. исследователь раскапывает и передает в фонды музея материалы позднетагарского кургана у с. Частостровского. Спустя год уже в Оглахтинской горной системе он исследует 22 кургана эпохи средневековья, афанасьевской и тагарской культур. При этом настоящей сенсацией стали уникальные материалы грунтовых могил у горы Оглахты (ОАК за 1903 г. С. 128–131). В октябре 1903 г. результаты работ А.В. Адрианов представляет на заседании КрПРГО (Известия КрПВСОРГО, 1904. С. 125–135). В музей были переданы погребальные лицевые глиняные маски, человеческие манекены, железные, бронзовые и деревянные изделия, а также зерна проса (Колл. № 4; 24).

Изучение А.В. Адриановым писаниц по рекам Енисею и Мане также завершилось передачей в музей нескольких песчаниковых плит с руническими письменами, плиты с фигурками и доставкой в Красноярск двух каменных изваяний окуневской культуры (Краткий обзор... 1908. С. 33–35).

Особую роль в деятельности Красноярского городского музея сыграл А.Я. Тугаринов. Став директором в 1905 г., Аркадий Яковлевич руководил музеем вплоть до 1926 г. Это был ведущий специалист в области орнитологии, чьи работы переиздавались и за рубежом. Но А.Я. Тугаринов оставил заметный след и в других областях науки: географии, ботанике, этнографии. Не была исключением и археология. А.Я. Тугаринов регулярно проводил сборы археологического материала на стоянке Базаиха и других памятниках Енисея, организовал раскопки пещер в окрестностях Красноярска, провел первые раскопки

кургана у д. Андронов, давшей впоследствии название одной из культур бронзового века (Яворский, Макаров, 1989. С. 24–42; Тугаринов, 1926. С. 153–158).

Под стать директору был и его заместитель, А.П. Ермолаев. Собранные им коллекции по ботанике, геологии, церковной археологии, этнографии насчитывают более тысячи единиц хранения. Но наибольший интерес исследователь проявил к изучению памятников археологии. А.П. Ермолаев состоял в переписке с П.С. Уваровой, В.А. Городцовым, А.А. Спицыным, получал небольшую финансовую поддержку Московского археологического общества, активно сотрудничал с Археологической комиссией. Несомненной заслугой А.П. Ермолаева стала публикация отдельным изданием уникального клада середины I тыс. н. э., обнаруженного при распахке крестьянами д. Ишимка Ачинского округа (1914). Составив карту археологических памятников в районе оз. Ши́ра, А.П. Ермолаев одним из первых забил тревогу в связи с уничтожением курганов строящейся здесь железной дорогой (Вдовин, Кузьминых, 2009. С. 30). На скудные средства музея раскопав в Минусинской котловине ряд курганов, А.Я. Тугаринов и А.П. Ермолаев становятся фактически первыми исследователями памятников окуневской и андроновской культур бронзового века. В активе А.П. Ермолаева также регулярные исследования стоянок в окрестностях Красноярска и удачная поездка в Урянхайский край. Казалось бы, молодого ученого ждет блестящее будущее, но все прерывает его преждевременная смерть. В архиве музея остались так и не опубликованные им рукописи по древностям оз. Ши́ра, окрестностей Красноярска и других территорий Приенисейского края (Ермолаев. № 7886. Д. 210).

В годы гражданской войны археологические исследования не прекращаются даже в условиях прифронтового города. Кроме того, в Красноярском музее одновременно работают, исследуя древние памятники, А.Я. Тугаринов, А.П. Ермолаев, Г.К. Мергарт, В.И. Громов. Удачными были поиски стоянок каменного века на Енисее Н.К. Ауэрбаха и Г.П. Сосновского в 1919 г.

Новым этапом в становлении красноярской археологии стали первые годы советской власти. При этом основную роль сыграло не столько изменение общественного строя, сколько совпавшее с этими политическими событиями появление археологов со специальным образованием. В группе ученых, профессионально занимавшихся археологией, — Н.К. Ауэрбах, Г.К. Мергарт, начинающий свой путь в науке Г.П. Сосновский. Все они, по разным причинам, недолго проработали в Красноярском музее, но оставили яркий след в его истории.

Результативными были исследования Г.К. Мергарта и Г.П. Сосновского в ходе разведочных работ 1920 г. по среднему Енисею. Блестящими результатами завершились раскопки Н.К. Ауэрбаха, Г.П. Сосновского и В.И. Громова в 1920-е гг. на Афонтовой горе, Переселенческом пункте, Бирюсе и других палеолитических памятниках.

Значимость работ перечисленных исследователей уже неоднократно отмечалась в археологической литературе (Вадецкая, 1973. С. 138–139; Ларичев, 1969. С. 144–178; Макаров, 1989. С. 131–189). Менее известно то, что на заседаниях коллегии Музея Приенисейского края (как стал называться при новой власти Красноярский музей) регулярно звучали доклады Г.К. Мергарта, С.М. Сергеева, С.А. Теплоухова и других археологов. Вниманию коллег здесь предлагались первые культурно-хронологические схемы древностей региона. Так, на заседании 22 марта 1921 г. Г.К. Мергарт подвел итоги своих двухлетних исследований на Енисее и обосновал свои выводы о палеолитическом возрасте Афонтовой горы, Переселенческого пункта, а также ряда исследованных им совместно с Г.П. Сосновским стоянок Минусинской котловины. Тогда же Мергарт указал на особенности эпохи неолита и бронзы на Ангаре и севере Енисейской губернии. На основе музейных коллекций из курганов у деревень Андронов, Новоселово и Батени исследователь одним из первых высказал идею о возникновении особой культуры бронзового века, названной впоследствии андроновской (ГАКК, 1921. Ф. 705. Оп. 1. Д. 5. Л. 14–15).

Спустя несколько месяцев, 23 сентября 1921 г., в Красноярском музее свою схему

развития древних культур Минусинской котловины излагает С.А. Теплоухов, предлагая выделить афанасьевскую, андроновскую культуры и культуру гробниц (ГАКК, 1921. Ф. 795. Оп. 1. Д. 5. Л. 41–42).

К этому времени Г. Мергарт уже выехал из Сибири на родину. В одном из писем своим красноярским коллегам он писал: «Городцов дважды предлагал мне место в Историческом музее, но я отказался. Научному советнику Луначарского Алейникову на вопрос, готов ли я поработать еще в России, ответил, что сейчас решить не могу, но положение губернского археолога Енисейской губернии предпочел бы всем остальным» (Детлова, Макаров, Эренфрид, 2005. С. 270).

Летом 1924 г. по направлению Главнауки при Наркомпросе В.А. Городцов отправляется для обследования сибирских музеев и знакомства с археологическими исследованиями. Он посещает археологические памятники в окрестностях г. Красноярска и Красноярский музей, археологические коллекции которого назвал «гордостью города».

После отъезда Н.К. Ауэрбаха в Новосибирск в 1926 г. музей на короткий период остается без археолога. Но даже такой небольшой срок отсутствия специалистов оказывается проблемным для музея и приводит к утрате ряда его археологических коллекций.

Так, в 1927 г. С.А. Теплоухов забирает с собой «для научного изучения в помещении Русского музея» коллекцию из 202 предметов из средневековых погребений на Часовенной горе (НА КККМ. Оп. 1. д. 401. Л. 4–5). Часть коллекции была возвращена, однако ее большая часть осталась в Ленинграде.

Тогда же оказалась потерянной для Красноярского музея еще одна ценная коллекция. В Антропологический институт МГУ были увезены пятнадцать гипсовых таштыкских масок (из раскопок А.В. Адрианова) (НА КККМ. Оп. 1. Д. 401. Л. 35).

Только в 1933 г. Красноярский музей попытался вернуть оставшуюся коллекцию (Там же. Л. 31). Но по стечению обстоятельств именно в это время (26 ноября 1933 г.) С.А. Теплоухов был арестован и обвинен в участии в контрреволюционной фашистской организации «Русская национальная пар-

тия» (Решетов, 2003). В ответном письме из Ленинграда сообщалось, что «вещей этих обнаружить не удалось и за давностью времени является весьма затруднительным выяснить обстоятельства их использования» (Там же. Л. 32.). Относительно судьбы гипсовых масок ответа вовсе не последовало.

Еще в ходе поездки 1924 г. В.А. Городцову стало ясно, что Сибирь предоставляет огромное поле деятельности для молодых исследователей, и он способствует пополнению археологами сибирских музеев. «В сибирские музеи согласны ехать на службу 3 выдающихся студента (Карцов, Катков и Крайнов)... если бы удалось устроить... юношей, это создало бы сильный кадр археологов, с которыми можно было бы смело разрабатывать планы об открытии Сибирского Археологического Института или Археологической секции при одном из университетов», — писал он Н.К. Ауэрбаху в 1928 г.

Скоро эта идея осуществляется: в Омске начинает работать В.П. Левашева, в Красноярске В.Г. Карцов и Н.Ф. Катков, в Бийске С.М. Сергеев, в Тюмени П.А. Дмитриев, планировал приехать Д.А. Крайнов (Вдовин, Макаров, Гуляева, 2005).

Н.К. Ауэрбах, через В.А. Городцова, способствует приезду в Сибирь В.Г. Карцова. Высоко оценивая В.Г. Карцова, В.А. Городцов писал: «Нет никакого сомнения в том, что через несколько лет он получит кафедру профессора в одном из сибирских университетов». Действительно, уже через 2 года после приезда в Красноярск В.Г. Карцов обобщает накопленный в музее материал и свои наблюдения в книге «Материалы к археологии Красноярского района» (1929).

В 1930 г. В.Г. Карцов участвовал в сборе материалов для «Новоэкспорта», организованного при участии Общества изучения Сибири (ОИС). Археологические коллекции изначально предназначались для вывоза за рубеж. В этом мероприятии приняли участие и многие известные ученые, работавшие в Сибири. В.Г. Карцов совместно с В.П. Левашевой проводили исследования в Минусинском крае. Отказаться от участия в проекте было сложно. В письме В.А. Городцову из Красноярска В.Г. Карцов отмечал: «...на от-

каз у нас посмотрели бы, определенно, как на своего рода вредительство».

В 1932 г. сотрудником Красноярского музея становится еще один ученик В.А. Городцова, А.Ф. Катков, который вместе с В.Г. Карцовым продолжает археологические исследования в окрестностях Красноярска. В 1933–1934 гг. они еще раз проводят раскопки Ладейского городища и стоянок Базаиха, Усть-Собакино, Есаульская.

Однако активные археологические исследования красноярских археологов 1920-х — начала 1930-х гг. сменились периодом, когда место археолога занимали не по профессиональным качествам, а по партийному принципу. Первым таким «археологом», после гибели в экспедиции А.Ф. Каткова, становится П.Ф. Кожуховский. «Археолог от комсомола» был командирован на работу в краевой музей решением Оргбюро ЦК ВЛКСМ и занимал эту должность более года (НА ККМ. Оп. 2. Д. 56. Л. 1–2).

Подбор кадров по партийному принципу и репрессии, которые не обошли и Красноярский музей (на территории Красноярского края было даже сфабриковано «Дело музейщиков»), привели к тому, что к началу 1940 г. археолога в музее не было. Этим «вынуж-

дена» была заниматься зав. отделом истории З.К. Глусская, кстати сказать, еще один представитель «комсомольской» археологии. Можно привести ее слова: «У нас, например, в этом году (1940. — *Авторы*) остались экспедиционные средства, а работа не проведена. В основном здесь мешает недостаток кадров. Из археологических работ выпали такие музеи как Енисейский, Ачинский. Центр должен дать задания местным музеям на работу по охране памятников, которую возможно провести без специалистов, дать указания, руководить археологической работой местных организаций» (ККМ. Ф. 1825. Оп. 1. Д. 582. Л. 3).

Только после войны, с появлением в музее археолога Э.Р. Рыгдылона, археологические исследования в музее были снова продолжены.

Оценивая в целом первые пятьдесят лет деятельности Красноярского музея, можно вспомнить слова А.Я. Тугаринова, бывшего его директором на протяжении двух десятилетий: «Работы нашего музея дали такие результаты, которые могут составить гордость любого исследовательского института» (Макаров, 1989. С. 38), что в полной мере относится и к его археологическим исследованиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вадецкая Э.Б., 1986. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.

Вдовин А.С., Гуляева Н.П., Макаров Н.П., Баташев М.С., Васильев А.Д., Выдрин Е.В., 2001. Русское географическое общество в Красноярске (1901–1937). Красноярск.

Вдовин А.С., Кузьминых С.В., 2009. Археология и министерство путей сообщения (на материалах Сибири конца XIX — начала XX в.) // РА. № 4.

Детлова Е.В., Макаров Н.П., Эренфрид А.Г., 2005. Мергарт и Красноярский музей // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск.

Ермолаев А., 1914. Ишимская коллекция: Описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический. Красноярск. Вып. 1.

Ермолаев А.П., 1904. К археологии окрестностей Красноярска // Архив ККМ. № 7886. Д. 210.

Известия КрПВСОРО. Красноярск, 1904. Т. 1. Вып. 6.

Краткий обзор Красноярского городского музея // Известия КрПВСОРО. Красноярск, 1908. Т. II. Вып. 3–4.

Ларичев В.Е., 1969. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Новосибирск. Ч. 1.

Макаров Н.П., 1989. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. Красноярск.

ОАК за 1903 г. СПб., 1906.

Решетов А.М., 2003. Интеграция наук в научной деятельности и трудах С.А. Теплоу-

хова // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск.

Тугаринов А.Я., 1926. Андроновские могилы // Сибирская живая старина. Иркутск. Вып. 1.

Формозов А.А., 1961. Очерки по истории русской археологии. М.

Формозов А.А., 1983. Начало изучения каменного века в России. М.

Формозов А.А., 1986. Страницы истории русской археологии. М.

Формозов А.А., 1995. Русские археологи до и после революции. М.

Формозов А.А., 2006. Русские археологи в период тоталитаризма. М.

Baye, Baron de, 1897. De Moscou a Krasnoïarsk. Souvenirs d'une mission par Le. Paris.

П.Г. Гайдуков
Институт археологии РАН, Москва

А.В. ОРЕШНИКОВ О В.А. ГОРОДЦОВЕ

В издательстве «Наука» начата подготовка к изданию в двух томах дневниковых записей Алексея Васильевича Орешникова. Этот объемный документ является редчайшим источником не только по истории Государственного исторического музея и российской науки в послереволюционный период, но и по истории России в целом (ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 2. Д. 6–16). Хроника событий, охваченных Орешниковым за период ведения дневника, не имеет себе равных, и читается этот дневник как захватывающее художественное произведение. Алексей Васильевич вел ежедневные дневниковые записи на протяжении 18 с лишним лет — с 1 января 1915 г. до конца февраля 1933 г., когда ему оставалось жить немногим более месяца (Гайдуков, Зубова, Юшко, 2005; 2006).

Автор дневника — крупнейший российский нумизмат, многолетний сотрудник Российского, а затем Государственного исторического музея. Сподвижник и преемник И.Е. Забелина, А.В. Орешников с 1887 г. становится хранителем Исторического музея и его творцом, а в годы советской власти — спасителем его сокровищ. С начала XX в. и до конца жизни он вел главную инвентарную книгу Музея; через его руки проходили все без исключения музейные приобретения; он досконально знал не только монеты различных эпох, но и предметы прикладного и мо-

нументально искусства, мебель, металлические изделия, письменные документы.

Круг знакомств А.В. Орешникова был очень широк. Дневник пестрит многочисленными записями о встречах с учеными, музейными работниками, театральными деятелями, литераторами, партийными функционерами, друзьями, знакомыми и родственниками автора. Он зачастую является единственным источником сведений о судьбах многих людей, оказавшихся после 1917 г. в непростых жизненных ситуациях.

Ежедневно делая записи о своих рабочих делах, А.В. Орешников постоянно упоминает о многих сотрудниках Исторического музея. Есть в их числе и В.А. Городцов. Тесных рабочих контактов у них не было, и упоминаний об известном археологе в дневнике, насчитывающем около 7000 записей, немногим более 50 (см. *Приложение 1*). Первое из них датируется 12 апреля 1915 г., когда они вместе завтракали у директора Исторического музея князя Н.С. Щербатова. Следующий раз В.А. Городцов появляется на страницах дневника лишь через три года — в мае 1918 г., а последняя запись о нем относится к июлю 1932 г. В течение ряда лет (1919–1921, 1930–1931) Орешников о В.А. Городцове не упоминает вообще.

Судя по отдельным ремаркам автора дневника, отношения двух выдающихся ученых

были уважительными, но прохладными. Записи А.В. Орешникова показывают, что ни дружбы, ни особого взаимопонимания между ними не было. Как правило, А.В. Орешников упоминает В.А. Городцова в числе прочих сослуживцев в связи с текущими рабочими делами, заседаниями, докладами, иногда отмечает его участие в проведении археологических раскопок (1926, 1928, 1929). Дважды А.В. Орешников отмечает трагические события в семье В.А. Городцова: смерть внучки (1922) и жены (1928). Дважды дневник фиксирует юбилеи известного археолога: чествования по случаю 35-летия (1923) и 40-летия (1928) его ученой деятельности. А.В. Орешников подобные мероприятия не любил и отказался от участия в торжественных заседа-

ниях. Но оба раза свое уважение он передал приветственным словом (см. Приложение 2) или статьей в юбилейном сборнике (Орешников, 1928). Ход подготовки к изданию статьи и выход в свет этого сборника автор пунктуально отразил в дневнике. Отметил А.В. Орешников также печально знаменитую «чистку», в результате которой 34 сотрудника Исторического музея, в том числе и Городцов, были уволены с работы (сентябрь 1929).

Публикуемые ниже архивные материалы дают дополнительные штрихи к биографиям двух известных российских ученых. Подлинники автографов дневников и приветствия В.А. Городцову хранятся в фонде А.В. Орешникова в Отделе письменных источников ГИМ. Оба приложения озаглавлены автором.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ИЗ ДНЕВНИКА А.В. ОРЕШНИКОВА (записи о В.А. Городцове)

1915

12 апреля. Завтракал у князя Щербатова с сослуживцами: Тарабриным, Городцовым и Кононовым; были дочери Уваровы, барон Сталь (адъютант великого князя Петра Николаевича), барон Бай и др.

1918

24 мая (6 июня). Был с Игорем Эммануиловичем Грабарем и В.А. Городцовым в чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и т. д. (Б. Лубянка, бывший дом «Якорь»), куда ходил в качестве эксперта для осмотра конфискованных у князя Гагарина предметов искусства, старины и монет; ничего не оказалось, все якобы передано в Народный банк.

11 (24) июля. Утром ходил в качестве эксперта в Петроградский банк (на Ильинке) вместе с Городцовым для осмотра вещей, принадлежавших петербургскому собирателю Евдокимову. Вещи все принадлежат к отделу художественных произведений XVIII–XIX столетий, есть и несколько старше: табакерки (одна с портретом Кирилла Разумовского), несесеры золотые, разные бибелы, carnets, браслеты, колоны и т. д.; много между ними высокохудожественных вещей.

25 июля (7 августа). ... Сегодня регистрация бывших офицеров; говорят, многие не пошли, боясь ареста. ...

26 июля (8 августа). ... Все явившиеся для регистрации офицеры задержаны; из музейских не явились: Городцов, Руднев и Малицкий.

28 июля (10 августа). ... Задержанные при регистрации Городцов, Малицкий и Руднев вчера вечером выпущены, но много еще не освобождено. ...

1922

10 августа (28 июля). ... У Городцова умерла внучка 9 месяцев, просил разрешения похоронить ее на музейских местах Ваганьковского кладбища.

16 (3) ноября. ... В 7 ч. поехал на jour-fixe к Л.И. Якуниной-Ивановой; смотрел ее вещи: веера, фарфор и всякую дребедень; пришли: Грабарь, Щусев, Богаевский, Городцов, Любавский и др.

1923

21 (8) апреля. Утром написал проект письма к Анучину с отказом о моем чествовании и проект адреса Городцову. ...

26 (13) апреля. ... Заходил к Л.И. Вороновой вместе с Л.В.¹, просил у нее материю для адреса Городцову; она все еще больна.

30 (17) апреля. ... Вчера в Музее чествовали В.А. Городцова, мое приветствие прочитала Л.В. Кафка². ...

6 июня (24 мая). ... К половине 8-го поехал на панихиду по Анучине, народу было много, была дочь Надя; ... кроме меня из музейских были Сергиевский и Городцов.

18 (5) июня. ... В разряде В.А. Городцова было заседание по вопросу о заполнении открытых зал вновь поступившими предметами. ...

11 июля (28 июня). ... После обеда к 7 ч. отправился в Археологическое общество на заседание Ученого совета Главнауки; председательствовал В.А. Городцов, обсуждали вопросы о разрешениях открытых листов на раскопки. ...

27 (14) сентября. ... Около 8 пошел к Л.И. Якуниной на Арбат, было скучно, пришли А.А. Захаров, М.К. Любавский, В.А. Городцов, 2 студентки, какая-то дама; накрыта была закуска, чай. ...

26 (13) ноября. В Музее с 12 до 4 ч. шло заседание Ученого совета; кроме нас участвовали В.А. Никольский и Ник. Валер. Богушевский. Мне пришлось сказать несколько слов против терминологии и классификации стекла в отделе Фомина; Городцов сцепился с Анисимовым по вопросу об открытии синтетических зал. ...

1924

13 февраля (31 января). ... В 2 ч. Сперанский, Городцов, Малицкий и я совещались относительно инвентаризации.

14 (1) февраля. ... В 2 ч. Городцов, Сперанский, Малицкий и я закончили инвентаризацию. ...

11 июля (28 июня). ... В Музее А.И. Анисимов рассказывал, что начинается борьба между Академией истории материальной культуры и Москвой (во главе оппозиции стоит Городцов); Троцкая выписывает из Петербурга Марра для обсуждения острого положения; на будущей неделе состоится заседание. ...

1925

26 (13) января. ... После обеда к 7 ч. поехал в здание 1-й гимназии (против храма Спасителя) на доклад И.Н. Бороздина о его раскопках в прошлом году в Александрии близ Георгиевского м-ря. Он обнаружил следы какого-то здания, но выводов никаких сделать не мог. Председательствовал В.А. Городцов. Из прений можно было заключить, что с историей и с литературой вопроса о Херсонесе все очень мало знакомо.

11 июня (29 мая). С 11 до 2 ½ ч. тянулось заседание ученого совета; на нем, м. п., обнаружилось, какой интриган Городцов: Д.Н. Эдинг хотел сделать разведки на городище Старой Рязани; Городцов не пожелал этого и в музейном отделе Главмузея, где он председательствует, устроил так, что Эдингу разрешения не дано; все это было всеми понято и разоблачено в речи Анисимова и даже Пономарева. ...

3 сентября (21 августа). ... Протасов, Городцов и Топорнин прочли их отчеты о летних поездках. ...

11 ноября (29 октября). ... Подписал в числе многих просьбу в Главнауку об открытии Московского Археологического общества; слышал от Городцова, комиссар Покровский обещал оказать содействие для открытия Общества.

1926

27 (14) мая. ... Сегодня вернулся Городцов с городища «Старая Рязань», где найдены 2 монеты последнего Рискупорида; это 2-й случай находки боспорских монет. ...

19 (6) ноября. ... С 12 ч. до 4-го часа тянулось заседание ученого совета с докладом Городцова о его раскопке на городище Старой Рязани (интересного сообщил немного). ...

1927

11 января (29 декабря). ... В.А. Городцов сегодня ездил в Донской м-рь, на кладбище которого выстроен крематорий, и сегодня в первый раз было сожжено 5 покойников-коммунистов.

13 февраля (31 января). ... Вечером пришел А.А. Спицын, сидел часа 2, рассказывал

¹ Людмила Вячеславовна Кафка, сотрудник ГИМ.

² См. Приложение 2.

много интересного про Керченский съезд, про выходы Городцова, про свои успехи в науке и т. д. ...

20 (7) февраля. ... В 1 ч. 15 м. приехали³: М.М. Богословский, С.Н. Сперанский, С.К. Богоявленский, Н.Д. Протасов, Л.В. Кафка и кн. Н.С. Шербатов; М.М. прочел адрес от имени личного состава Исторического музея, разрисованный Н.А. Баклановой по грамоте Михаила Фёдоровича; адрес написан в обычном хвалебном тоне, о моих достоинствах судить не мне. Л.В. вручила мне от имени Старой Москвы рисунок А.М. Васнецова «У ворот Скородома» XVII в., сбоку печать Калиты (?). ... После ухода депутации пришел В.А. Городцов, просидел с час со мною и Л.В., рассказывал больше о себе. ... Как я рад, что день прошел; все время я чувствовал неловкость. Как можно хвалить и оценивать человека при жизни? ... Папка для адреса Исторического музея кожаная, на ней серебряная дощечка с надписью: 1887–1927 г. Алексею Васильевичу Орешникову. Исторический музей. ...

19(6) марта. ... С.С.В. Бахрушиным, К.В. Базилевичем, В.А. Городцовым и Н.Д. Протасовым ходили в Суздальско-Владимирские залы и рассуждали, как разместить вещи. ...

1928

31 (18) января. ... С 1 ч. до начала 4-го сидел на заседании (продолжение вчерашнего). Рассматривали вопрос, кто должен заведывать древностями, найденными при раскопках, принадлежащими к исторической эпохе; Городцов доказывал, что все вещи, даже XIX в., найденные в земле, принадлежат его отделению, что вызвало большие возражения со стороны С.В. Бахрушина и М.М. Богословского; Городцов в ответах был резок, даже груб. ...

3 февраля (21 января). ... Состоялось заседание Ученого Совета, разбирали реорганизацию отделений, между прочим, у Городцова отняты его отделения с XI в. и т. д. ...

5 марта (21 февраля). ... Вечером начал переписывать с листочков доклад; если мне удастся его обработать, то дам его в сборник

в честь ученой деятельности В.А. Городцова, который готовят его сослуживцы и слушатели.

28 (15) марта. ... Окончил статью для сборника в честь В.А. Городцова; слышал, что на печатание в честь него сборника будет дано от разных учреждений до 4-х с лишком тысяч рублей. ...

2 апреля (20 марта). ... Снял 2 снимка с изображения монет в книгах для статьи в сборник Городцова. ...

8 апреля (26 марта). ... К 2 ч. пришла Л.В., обедала; после обеда, прочитал по ее просьбе мою статью для сборника Городцова...

22 (9) мая. ... Подписал на ужин в честь Городцова на четверг на этой неделе, заплатил 4 р. ...

24 (11) мая. ... Сегодня в актовом зале университета празднуют 40-летие ученой деятельности В.А. Городцова; на мой вопрос, отчего мне не дали подписать адрес от Исторического музея, оказалось, что его совсем не писали! Я настоял на адресе, иначе это очень неприлично; А.Я. Брюсов наскоро написал, стали собирать подписи. Подписал адрес от Общества друзей Исторического музея, нескладно написанный П.А. Незнамовым в течение 6 минут, как он мне похвастал. ... После 3-х Л.В. приглашала пойти с ней в университет поздравить В.А., но я отказался, пошла одна. ... К 9 часам поехал в ресторан «Прага», где чествовали В.А. Городцова; закуска была назначена в 9 ½, но сели в 10 ч. 20 м.; народу было много; юбиляра встретили аплодисментами; много говорили похвал В.А.-чу, а через час, когда подогрелись водкой и плохим красным вином, то некоторые тосты, особенно П.Н. Миллера, обратились в балаган. От Главнауки был Гриневич, между прочим, поднявший тост за меня как за нумизмата. ... Ужин был очень плохой, вино красное плохое. Я ушел первым ровно в 12 ч., все остались. Сидел я рядом с Н.И. Новосадским и с Макс. Вл. Сергиевским, против меня сидел Н.Д. Протасов.

26 (13) мая. К 12 ч. поехал в Музей на заседание Предварительного комитета РСФСР по созыву I Всесоюзного археологического съез-

³ Для поздравления А.В. Орешникова с 40-летием работы в ГИМе. От официального чествования он отказался.

да, который должен состояться в конце 1929 г. Часа 2 ½ говорили об организации съезда, все, что выработали, определили передать президиуму, председателем которого избран В.А. Городцов, секретарем А.Я. Брюсов и человек 5 членов. ...

1 июня (19 мая). ... Редакционный комитет по изданию сборника в честь В.А. Городцова начал собирать статьи; я свою просмотрел, кое-что поправил.

5 июня (23 мая). ... Сегодня отдал свою статью А.А. Захарову для *Сборника* Городцова.

5 июля (22 июня). ... После обеда неожиданно пришел Л.А. Мацулевич, приехавший из Петербурга, проездом в Курск на раскопки Главнауки на то место, где была найдена ваза с музами и готские вещи; раскопками будет руководить В.А. Городцов; от Оружейной Палаты едут Н.Н. Померанцев, Козлов. ...

13 июля (30 июня). ... Часов в 7 неожиданно ко мне пришел Л.А. Мацулевич, приехавший с Городцовым и другими из Курской губернии из с. Большой Каменец, где были найдены знаменитая ваза с музами и другие вещи; находок экспедиция никаких не сделала; при пробных раскопках найден склеп и больше ничего. ...

12 декабря (29 ноября). ... Завтра хоронят умершую вчера жену В.А. Городцова.

1929

3 января (21 декабря). ... Получил корректуру статьи для *Сборника* в честь В.А. Городцова, которую правил вечером.

10 января (28 декабря). ... Получил статью для *Сборника* в честь Городцова в сверстанном виде.

12 января (30 декабря). ... К 11 ч. поехал в Оружейную Палату на заседание Ученого Совета; интересного ничего не было; узнал от одной из сотрудниц, что у В.А. Городцова вчера был удар; жаль, если разболеется. ...

14 (1 января 1929 г.). ... Пришлось много ходить по Музею. Неожиданно явился В.А. Городцов; распространенный Гриневичем слух, что с В.А. удар, был преувеличен. ...

18 (5) февраля. ... после обеда Л.В., Мацулевич и я поехали в Музей, где Мацулевич прочитал доклад о Судженских находках; народу было много, председательствовал В.А. Городцов...

19 (6) марта. Занятия в Музее окончились в 1 ч., а в 2 ½ ч. должны были все идти на выборы в Политехнический музей, куда я и пошел с Д.Н. Эдингом и В.А. Городцовым; аудитория была полна; царил перед началом заседания необычайный хаос: пение комсомольцами песен, играла музыка; в 3 ½ ч. открылось заседание; какой-то оратор говорил о политическом положении С.С.С.Р., о ее достижениях и т. д.; все это было скучно, и я поспешил уйти...

5 апреля (23 марта). ... Вышел сборник статей в честь В.А. Городцова, довольно объемистый; всем участникам будет вручен 1 экз. Сборника в переплете и по 50 экз. оттисков.

29 (16) апреля. ... Вышел сборник статей, посвященных В.А. Городцову, по случаю 40-летнего юбилея его научной деятельности; по внешности издание недурное, по содержанию еще не знаю. Всем участникам, которых 63, экземпляры Сборника даны в переплете; кроме того, они получают по 50 оттисков их статей. ...

7 мая (24 апреля). ... Получил 49 оттисков моей статьи из Сборника в честь В.А. Городцова. ...

26 (13) июня. ... Сын В.А. Городцова Мстислав, уехавший с отцом на раскопки в Брянскую губ., сегодня приехал в Москву в сопровождении студента разбитый параличом (отнялись рука и нога); это следствие отравления газом во время войны. ...

17 (4) сентября. ... В Музее вчера после занятий было общее собрание, на котором объявлено было о сокращении 34 сотрудников, имена которых были вывешены. Когда я утром пришел, ничего об этом не зная, приходящие сотрудники стали заявлять о «чистке»; об увольнении многих я был поражен; уволены: Сперанский, Тарабрин, Ржига, оба Граковы, Корш с сестрой, Фомин, Осин, Баранов, Воронова, Эдинг (жена), Захаров, Городцов, Над. Ник. Клейн и т. д.; атмосфера в Музее была такая, как будто покойник в доме; мне почти всех очень жалко, но особенно Н.А. Бакланову, у которой заработка другого нет; отчислены также С.В. Бахрушин и Базилевич. Некоторые выражают надежду, что «чистка» произведена неправильно и будет пересмотрена. ...

1932

11 июля (28 июня). ... Ко мне в отдел заходил В.А. Городцов, которого я не видал бо-

лее 2-х лет. Посидели более ½ часа, вспоминали старое музейское житье. ...

(ОПИ ГИМ. Ф. 167. Оп. 2. Из дел 6–16.
Подлинник. Автограф А.В. Орешникова)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО А.В. ОРЕШНИКОВА В.А. ГОРОДЦОВУ

Василию Алексеевичу Городцову в день 25-летия⁴ его ученой деятельности шлет привет и поздравление многолетний сослуживец А.В. Орешников.

Домашние дела, к сожалению, не позволяют мне лично явиться к Вам, глубокоуважаемый Василий Алексеевич, чтобы обнять и приветствовать Вас в день празднования 25-летнего служения Вашего науке. Ученый мир археологов признал Ваши труды и отметил единодушным приговором Ваши заслуги перед наукой, которые никогда не забудутся, да и не могут забыться, так как Вы вдохнули жизнь в мертвые кости и воскресшие насельники, погребенные в многочисленных, раскопанных Вами, курганах заговорили устами Вашими и рассказали о себе то, что не рассказано ни в одной летописи. По прекрасно разработанным дневникам раскопок Ваших мы живо представляем внешний облик давно отживших поколений. Я не буду перечислять всех трудов Ваших по археологии, которые, без сомнения, сегодня будут отмечены в приветствиях, но скажу, что только вдумчивое отношение к любимому делу помогло Вам совершить то, что мы теперь видим в безмолвных, но громко говорящих своею классификацией витринах Исторического Музея, где Вами научно размещены вверенные Вам сокровища, добытые из могильников и городищ. Выставленные и объясненные Вами собрания предметов из раскопок на территории

нашей родины помогают подрастающему поколению наглядно познакомиться со многими бытовыми сторонами прежних обитателей русской земли и показывают, какой огромный шаг сделан в археологической науке, одним из представителей которой являетесь Вы, в вопросе понимания народностей, на вещественные остатки которых мы смотрим. Полвека назад об этом нельзя было даже вообразить.

Благословен ученый муж
Науке преданный всецело!
Однажды натянувши гуж,
Идет к своей он цели смело.
Непосвященные в труды,
В его заветные тревоги
Лишь могут повторять зады,
Но не прокладывать дороги.

Так сказал один поэт. Но Вы задов не повторяли и, где могли, прокладывали новые пути к познанию научной истины. Да не пойдут все проложенные Вами дороги и тропинки травой забвенья и пусть все многочисленные Ваши ученики приложат заботу, чтобы эти пути были гладки.

Да продолжится еще многие и многие годы Ваша плодотворная деятельность на пользу русской науки и на славу нашего Музея.

А. Орешников
29 апреля 1929 г.

(ОПИ ГИМ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 15. Л. 97–98.
Подлинник. Автограф А.В. Орешникова)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гайдуков П.Г. Зубова Н.Л., Юшко А.Г., 2005. Дневники А.В. Орешникова // Нумизматика: Научно-информационный журнал. М. Ноябрь (№ 9).

Гайдуков П.Г. Зубова Н.Л., Юшко А.Г., 2006. Образ жизни ученого в Москве середины 20-х — начала 30-х годов XX в.: По днев-

никам А.В. Орешникова // Исторические записки. М. № 9 (127).

Орешников А.В., 1928. Значение нумизматики, как вспомогательной дисциплины истории // Тр. секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. М. Т. IV.

⁴ Явная описка А.В. Орешникова. Следует читать «35-летия».

И.В. Белозёрова
Государственный Исторический музей, Москва

**ЖИЗНЬ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.А. ГОРОДЦОВА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(по материалам личного архива в ОПИ ГИМ)**

Личность выдающегося русского ученого Василия Алексеевича Городцова всегда привлекала к себе пристальное внимание исследователей: жизненному пути, научной и педагогической деятельности ученого посвящены десятки работ. Менее всего известно о последних годах его жизни, которые относятся к периоду Великой Отечественной войны. Важную информацию об этом времени содержат документы городцовского архива, которые хранятся в отделе письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ. Ф. 431).

Большой интерес представляют личные дневники Городцова, которые он вел на протяжении более 50 лет. В них регулярно записывались все наиболее интересные и значимые события его жизни (включая воспоминания о детстве). Самые последние записи содержатся в четырех общих тетрадях и относятся к 1941–1945 гг. Их делал уже тяжело больной человек преклонных лет, который, как и в молодости, ни на мгновение не потерял интереса к горячо любимой им археологии и оставался патриотом своей страны. Кроме того, сохранились две тетради под названием «Памятка о совершенных подвигах и выдающихся в жизни событиях» (Ед. хр. 357)¹, куда с 1922 по 1944 г. В.А. за-

носил все важные события жизни и научной деятельности.

Личные дневники Городцова позволяют раскрыть тот круг проблем, над которыми он работал в эти годы. Это особенно важно для биографов и исследователей творческого наследия ученого, поскольку последние труды Городцова (монографии, статьи, доклады) остались неопубликованными и сохранились во множестве рукописных и машинописных вариантов. Кроме того, дневниковые записи содержат сведения о его работе в Институте истории материальной культуры АН СССР, педагогической деятельности в Институте философии, литературы и искусства, а с февраля 1942 г. — в археологическом отделении МГУ.

Записи ученого являются важным, а иногда и единственным, источником, содержащим сведения о судьбах многих ученых, в том числе и его учеников, в годы войны. Они также позволяют уточнить некоторые данные о различных учреждениях, с которыми Городцов был связан на протяжении своей жизни (Историческом музее, 1 МГУ).

Именно благодаря записям и воспоминаниям, которых довольно много в последних дневниках ученого, можно восстановить автобиографические данные о различных пери-

---

¹ Здесь и далее цитируются документы из фонда 431 ОПИ ГИМ.

одах жизни как самого Василия Алексеевича, так и членов его семьи, родных и близких. Причем недостающие сведения дополняются материалами из эпистолярной, делопроизводственной и других частей архива.

Однако большая часть записей в дневниках той поры посвящена непосредственно войне. Сведения о ней Городцов черпал из разных источников — из газет, сообщений радио, сводок Совинформбюро, от знакомых, сына Мстислава, работавшего тогда в Историческом музее. Горячий патриот своей Родины, В.А. глубоко переживал военные неудачи и поражения наших войск и искренне радовался победам на фронте. Описывая события на фронте и в тылу, он сопровождал их вырезками из газет, что делает его дневники важным источником по истории Великой Отечественной войны.

К сожалению, в архиве не оказалось дневника за последний предвоенный год, однако краткие записи из «Памятки» дают возможность проследить основные события в жизни ученого перед самой войной. 1940 год прошел под знаком празднования 80-летия Городцова. «Имя В.А. Городцова, учителя нескольких поколений русских археологов, — самое популярное в историко-археологических и музейных кругах нашей страны и за границей», — так писали о нем в год юбилея. На его имя поступил поток приветствий — адресов и поздравлений, которые сохранились в архиве (Ед. хр. 16). Портреты В.А. были вывешены в дни юбилея в залах заседаний многих научных учреждений и музеев по всей стране.

Весь 1940 и начало 1941 г. Городцов был погружен, как и обычно, в активную и насыщенную деятельность. Ученый, всегда обла-

давший феноменальной трудоспособностью, и в преклонном возрасте продолжал в меру сил трудиться (илл. 56). Он завершил подготовку к печати второго издания монографии «Археология. Т. I. Каменный период»², опубликовал несколько статей (Городцов, 1940а; 1940б; 1940в), рецензировал присланные ему научные работы³. Эти труды отнимали все его время и силы.

18 апреля 1940 г. Городцов был утвержден членом Ученого совета Исторического музея. В документах нет сведений о его участии в заседаниях Совета, но сохранившиеся в архиве повестки с приглашениями на заседания свидетельствуют о том, что он был в курсе обсуждаемых вопросов экспозиционной, научно-исследовательской и издательской деятельности ГИМ, командировок и экспедиций сотрудников музея — А.Я. Брюсова, Д.Н. Эдинга, А.П. Смирнова, Н.В. Пятыхевой и др. (Ед. хр. 307. Л. 99, 110).

В 1940 г. продолжилась педагогическая деятельность Городцова, связанная с 1938 г. с ИФЛИ, где он был профессором, заведующим кафедрой археологии исторического факультета, членом Ученого совета. Здесь до самой войны он читал студентам III и IV курсов лекции по каменному и палеометаллическому периодам, выступал с докладами на заседаниях кафедры. Весной 1940 г. В.А. подал в партбюро ИФЛИ заявление о желании вступить в ряды ВКП(б) «с целью принять активное участие в развитии просвещения народа СССР». Выдержав испытания в знании учения марксизма-ленинизма, а также истории партии, 28 мая 1940 г. он получил партийный билет⁴. Об этом событии в дневнике лишь краткая запись, без обычного комментария. Вероятно, к столь важному шагу

² Первое издание вышло в свет в 1923 г.

³ В личном архиве сохранились рецензии, написанные В.А. Городцовым в 1940–1941 гг. на работы А.Я. Брюсова «История древней Карелии», А.А. Мансурова «Библиография археологической литературы на русском языке за 1939 г.» и «Жилища Старой Рязани по раскопкам 1926 г.», А.П. Левицкого «Древние рудники СССР и их значение для геологоразведочного дела», Н.И. Кригера «Определение натурального масштаба времени четвертичного периода на основании высот террас», В.К. Никольского «К истории первобытного общества», Ю.А. Красовского «Поход князя Игоря на половцев в 1185 году» и др. (Ед. хр. 116–117).

⁴ В дневнике за ноябрь 1944 г. В.А. Городцов упоминает, что сжег свой партийный билет в октябре 1941 г., когда немцы стояли на подступах к Москве и в городе были «ужас и паника». На то была и установка директивных органов: 16 октября 1941 г. в городе полыхали костры — в учреждениях сжигались личные документы; см. об этом в воспоминаниях М.Г. Рабиновича (2005. С.173–177).

Городцов был готов еще раньше, в середине 1930-х гг., — свидетельством тому сохранившиеся в его архиве заметки и многочисленные выписки из трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

22–29 мая 1941 г. Городцов был командирован ИФЛИ в Воронеж для участия во Всесоюзной конференции по четвертичным отложениям, где 27 мая выступил на пленарном заседании с докладами «Руководящие формы каменных орудий в археологии» и «Роль геологии, палеонтологии и антропологии в археологии» (Ед. хр. 37. Л. 50–65). Вместе с участниками конференции В.А. участвовал в геологических экскурсиях в села Семилуки и Кривоборье и в археологической — в с. Костёнки, где осматривал палеолитические стоянки. Это была последняя в его жизни поездка.

В 1941–1944 гг. ученый продолжил работу, в меру сил, над трудами, начатыми еще до войны. Главной его целью было завершение основного труда тех лет — монографии «Археология. Т. II. Металлический период», материалы для которого он собирал, по сути, в течение всей жизни. К написанию этой книги Городцов приступил еще в начале 1930-х гг. и даже заключил в 1935 г. договор об ее издании с Институтом археологии, антропологии и этнографии АН СССР. Однако из-за закрытия ИААЭ в 1937 г. В.А. прервал работу над книгой. Вот как изложил он историю написания данного труда в дневнике (21.11.1937 г.): «На очереди написание II тома “Археологии”, по отделу палеометаллической эпохи металлического периода. К этому пресловутому написанию я стремлюсь уже два года. У меня собран огромный материал и, казалось бы, стоит только взяться за перо, и дело пойдет целым потоком, но я, ни разу не взялся за перо, и дело стоит на месте гнилым болотом. Что же за причина, тормозящая написание? Хорошо не знаю, как выразить на бумаге эту причину. Она сложна и гнусна. Мои руки опускаются, когда я вплотную подхожу к этой работе. Я чувствую, как в плечах ослабевают мускулы, в голове является уныние, во всем организме — немочь, и я беру какую-нибудь книгу, не имеющую никакого отношения к теме, и начинаю её читать, заглушая стремление к важной для меня рабо-

те. В чём же задержка? Задержка в вопросах: 1) кому нужна будет моя книга? 2) кто её будет читать? Ведь в настоящее тёмное время и археологию не признают за науку. Не говоря уже о массе обывателей, даже академики (нашего времени) археологию не признают за науку. Это для меня не тайна. Я знаю, что II том «Археологии» должен иметь объём около 500 стр[аниц] обычного формата. Написание их потребует не менее 2 лет. Труд большой, но для чего и для кого он нужен? Ни для чего и ни для кого. Зачем же предпринимать этот труд, не нужный в России никому. Вот почему руки опускаются и слабеют, когда является мысль о написании II т[ома] «Археологии»... Первый том печатался на самой гадкой бумаге, без рисунков и в течение 4 лет. На какой же бумаге и в течение скольких лет будет печататься второй том? Почему так? Не знаю, но это говорит за то, что мои труды пропадут в русской тщете. Да хорошо, если без опорочивания их в тлетворной русской критике нашего тёмного времени. А то ещё облают, найдя какое-нибудь невинное выражение, истолкуют его как контрреволюцию и подведут под суд, под пресс административного усмотрения. В награду получится большая беда, пережить которую едва ли удастся старику. Но что же делать с собранным материалом? Вопрос трудный! Самое разумное, конечно, сжечь, чтобы не дать его в руки мазурикам от науки, которых развелось очень много» (Ед. хр. 353. Л. 230–231).

Однако перед войной Городцов возобновил работу над книгой, осознавая при этом, что для получения недостающих сведений необходимо еще изучение коллекций палеометаллической (бронзовой) эпохи в различных музеях страны. В сохранившейся черновой записке «Сведения о материалах к плану научных работ на 1940 год» он отмечал, что для завершения «сильно дополненного издания» (около 40 печатных листов) необходимы командировки в города Ленинград, Харьков, Киев, Одессу, Керчь, Батуми, Тифлис, Астрахань, Саратов, Самару, Воронеж (Ед. хр. 114. Л. 66–67). Эти командировки не состоялись, и завершать начатый труд В.А. пришлось в условиях начавшейся войны.

1 декабря 1941 г. ученый записал: «Беспорывные атаки немецких аэропланов и доходя-

шие до меня слухи о человеческих жертвах полётов волнуют меня и не дают покойно вести работу по написанию II тома «Археологии», которую я не бросаю, но боюсь, что веду её плохо. Последнее меня больше всего убивает. Плохо и то, что нужных книг достать уже в Москве нельзя. На дом их перестали выдавать, а в библиотеке, благодаря отсутствию достаточного топлива, [в] такие холода что не только больному, но и здоровому работать там нельзя» (Ед. хр. 355. Л. 16 об). В самом тексте рукописи Городцов также сетовал на отсутствие необходимых ему источников: «Западноевропейские материалы за последние десятилетия нам мало были доступны, и поэтому мы не будем касаться их совсем в надежде в будущем посвятить изучению их специальный труд» (Ед. хр. 28. Л. 322). Работа продвигалась трудно еще и потому, что, опасаясь постоянных бомбежек, многие свои материалы, личные дневники и книги В.А. укрыв в подвалах Исторического музея.

Приложив, однако, все силы, Городцов завершил написание рукописи, кратко записав в дневнике (4.08.1942 г.): «Я окончил написание II тома «Археологии», предстоит еще переписать почти всю работу, снабдить литературой и рисунками. Работа продолжалась около года при тяжелых для меня условиях. Я очень жалею, что не мог приняться за неё годами двумя ранее. Теперь бы я третий том изготовил и менее утомил бы себя» (Ед. хр. 350. Л. 143).

К сожалению, эта монография, подводящая итоги полувековых исследований русского ученого в области эпохи раннего металла, так и не была подготовлена к печати его ближайшими учениками. В архиве Городцова сохранились лишь фрагменты черновой рукописи и машинописный вариант ее начала (15 страниц) (Ед. хр. 28–31). Полный текст монографии, по свидетельству Д.А. Крайнова (1991. С. 20), «затерялся» у кого-то из археологов. Кроме того, в архиве имеется несколько тетрадей с подготовительными материалами, датированными 1943 г. Среди них рукописи, сшитые в тетради по темам: «Искусство каменного периода», «Палеометаллическая эпоха. Ранняя пора. Искусство», «Хвалынская культура. Палеометаллическая эпоха»,

«Культовые домики мертвых душ в Евразии» и др. (Ед. хр. 38). В рукописи под названием «Искусство» (Ед. хр. 38. Л. 76–96) обобщены мысли ученого о вопросах общечеловеческих, философских, которые разрабатывались им на протяжении 1930–1940-х гг. и нашли отражение в дневниках: о мироздании, закономерностях развития человеческого общества, появлении жизни на земле, взаимоотношении материи и разума и др.

В процессе создания монографии об эпохе раннего металла Городцов продолжил разработку ряда узловых проблем древней истории Евразии. Например, он пришел к выводу, что южнорусская катакомбная культура родственна крито-эгейской культуре времени додинастической культуры Египта V тыс. до н. э. Ученый размышлял также над вопросом о хронологическом соотношении катакомбной и трипольской культур. О ходе своих исследований он сделал несколько сообщений на объединенных заседаниях кафедры археологии МГУ и МОИИМК на темы: «О влиянии эгейской культуры на южные и средние области Европейской части СССР» (4.06.1942 г.), «О трипольской культуре» (6.06.1942 г.), «Связи катакомбной культуры с крито-эгейской культурой» (30.04.1943 г.), «Миниатюрные культовые домики в древних культурах Евразии и Египта» (10.02.1944 г.). Эти последние выступления патриарха русской археологии нашли отклик в воспоминаниях его учеников (Мерперт, 1994. С. 208).

Несмотря на все усилия, Городцову в годы войны не удалось опубликовать и второе, расширенное и дополненное, издание монографии «Археология. Т. I. Каменный период», которая поступила в издательство еще в 1940 г. Издание переносилось несколько раз. Последняя запись в дневнике об этой рукописи относится к 22 октября 1943 г.: «В.К. Никольский сказал, что издание перенесено с [19]43 на [19]44 г., но я могу взять свою работу, без возврата задатка издательству, так как договор нарушается последним, и так как книга нужна студентам, то мне посоветовали издать ее в университете, где есть бумага. Я решил подумать. Беда моя в том, что болезнь меня сковала и начать хлопотать я не могу» (Ед. хр. 350. Л. 7). Черновой вари-

ант монографии сохранился в личном фонде ученого (Ед. хр. 27) вместе с отзывом на нее А.Я. Брюсова, написанным в 1940 г. (Ед. хр. 31. Л. 46–55).

Из дневника мы узнаем, что в мае — июне 1944 г. Городцов работал над критической статьей «Хлестаковы в археологии» (Ед. хр. 38. Л. 100–132), направленной против дилетантизма в археологии, стиля и методов ведения археологических работ некоторыми археологами и антропологами, в числе которых В.В. Хвойка, С.Н. Замятнин, Г.А. Бонч-Осмоловский, В.В. Бунак, Б.С. Жуков. Хотя в литературе есть упоминание об этой статье (Розенфельдт, 1964. С. 345), знали о ней и некоторые из последних учеников Городцова (Алексеев, 1991. С. 225), тем не менее она осталась неопубликованной: В.А. писал ее, вероятнее всего, для себя, а не для печати (илл. 57).

В годы войны к Городцову, несмотря на его нездоровье и занятость, продолжают обращаться за рецензиями. В дневниках упоминаются отзывы на диссертацию В.К. Никольского, рукописи учебников А.В. Арциховского «Основы археологии» и К.Э. Гриневича «Просчет учебника по археологии для студентов 3 курса исторического факультета университета», статью С.В. Киселева «25 лет советской археологии». Они сохранились среди документов ученого (Ед. хр. 116–117).

В феврале 1942 г. возобновилась прерванная из-за войны педагогическая деятельность: Городцов получил приглашение читать лекции для студентов кафедры археологии исторического факультета Московского университета (слитого в эвакуации в Ашхабаде в декабре 1941 г. с ИФЛИ); профессором этой кафедры он оставался до своей кончины в 1945 г. (Канторович, 2009. С. 312). В дневнике В.А. записал: «Уведомили, что с завтрашнего дня (2 февраля) в университете начнутся занятия. Могу ли я читать лекции, не могу сказать. По совести сказать, читать лекции я не могу, но я опасюсь отказаться, чтобы не порвать связь с университетом» (Ед. хр. 355. Л. 36). Не имея возможности из-за бо-

лезни приходить в здание истфака МГУ на улице Герцена, Городцов занятия проводил у себя дома в Полуэктовом переулке. На одной из страничек дневника сохранилась запись (14.07.1944 г.) студентки второго курса археологического отделения МГУ Т.Н. Сениговой, которой старый археолог одной читал в тот день лекции⁵. Среди тех, кто в этот период прослушал его курсы, были такие известные в будущем археологи, как Н.Я. Мерперт, Т.Б. Попова, М.А. Итина и др. Об этих последних лекциях через много лет вспоминали его студенты (Алексеев, 1991. С. 223–227; Николаева, 1991. С. 227–229; Рабинович, 2005. С. 223–227).

С неустанным вниманием Городцов продолжал следить за научными книжными новинками по археологии, геологии, палеонтологии и др. Например, сделал отметку о чтении книги академика А.А. Борисяка «Обзор местонахождений третичных наземных млекопитающих Союза ССР». «Когда я увидел эту книжку, — писал В.А. в марте 1944 г., — я не мог выпустить ее из рук и просил уступить ее мне. Дело в том, что я, как археолог-первобытник, должен знать последние отделы геологии и палеонтологии, и я весьма тщательно изучил четвертичные геологию и палеонтологию (считался в Москве лучшим четвертичником), но третичные отделы знал слабо. Сначала мне казалось, что они для археологии не столь важны. Но когда археология коснулась третичных памятников, у меня явилась большая жажда получше изучить третичные науки. Книжка А.А. Борисяка как раз и шла мне на помощь... Книжка Борисяка имеет только 40 страниц, но насыщена интереснейшими фактами. Такие книги в науке представляют настоящие клады. Познакомившись с ней, я теперь смелее смотрю на третичные явления» (Ед. хр. 350. Л. 48 об, 49 об).

Заинтересовала Городцова и книга В.А. Обручева «Основы геологии» (1944). «Жалею, что книга появилась в свет очень поздно для моего возраста, когда я уже не могу ее использовать в той степени, в какой

⁵ Таисия Николаевна Сенигова завершила учебу в 1946 г. (60 лет... 1999. С. 257), впоследствии работала в Институте археологии АН Казахской ССР и стала видным специалистом в области средневековых культур юга Казахстана и Средней Азии.

нужно бы использовать ее». Причем, привыкший доводить начатое дело до конца, далее он приписал: «Единственным недостатком ее служит отсутствие указателя терминов, которых в книге очень много. Без указателя отыскивать их нелегко, почему я решил выполнить эту работу сам, а рукопись вложить в конец книги. Это потребует вторичного чтения книги» (Там же. Л. 93).

Вынужденный в военные годы из-за болезни подолгу оставаться дома, ученый вообще много времени посвящал чтению. «Всю вторую половину 1943 г. я почти все время отдаю чтению книг своей библиотеки. Большинство книг я читал во второй и третий раз. Много такого, что ранее не замечал». Дневниковые записи позволяют узнать, какие книги были у него в числе любимых. Из классической литературы В.А. отдавал предпочтение произведениям Л.Н. Толстого, которые много раз перечитывал, цитировал, тщательно разбирал; обращался он и к современной литературе, например, к книгам Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», И.А. Ильфа, Е.П. Петрова «Одноэтажная Америка», «модной книге» М.А. Шолохова «Поднятая целина» и др. Большой интерес для него представляли труды И.И. Мечникова «Этюды о природе человечества» и Ч. Дарвина «Инстинкт». Сохранился и критически разбор работы М.И. Ростовцева «Эллинизм и иранство на юге России».

Городцова по-прежнему интересовали новости из археологических экспедиций, интересные находки, о которых ему удавалось узнать. В декабре 1944 г. он сделал запись о разведках и раскопках близ с. Польное-Ялтуново Шацкого района Рязанской области, на берегу р. Цны, в Алферовском логу. Здесь в 1943 г. Н.П. Милонов с группой студентов исторического факультета Рязанского пединститута открыл местонахождение четвертичной фауны и кремневых изделий. В дневник вклеена вырезка из рязанской газеты «Сталинское знамя» от 6.08.1944 г. с отчетом о работе экспедиции. Исследования планировалось продолжить под руководством геолога В.И. Громова и археолога М.В. Вое-

водского⁶. О заинтересовавших его раскопках в Рязанской области В.А. даже сделал сообщение 10 февраля 1944 г. на заседании на историческом факультете МГУ.

15 апреля 1944 г. Городцов записал: «Был у меня Александр Александрович Марущенко. Он показал мне кремневые орудия, собранные геологами и переданные ему с юго-восточных берегов Каспийского моря. По моему мнению, все орудия относятся к ранней поре неолитической эпохи. В состав орудий входят: концевые и круглые скребки, скобели, миниатюрные ножевидные пластинки» (Там же. Л. 56). Именно от навещавших его коллег В.А. узнавал о многих новостях в науке. Наиболее интересные из них отражены в дневниках. Так, 25 июля 1943 г. он записал: «Был у меня проф[ессор] А.Д. Удальцов, чтобы справиться о моем здоровье. Я был очень тронут его любезностью. Он сообщил мне, что директор Института истории материальной культуры Артамонов смещен с должности. Его место занял акад[емик] Греков, причем с его назначением Московское отделение переименовывается в Институт истор[ии] материальной культуры Акад[емии] наук СССР; ленинградский же отдел Института переименован в отделение. Всё это для меня очень приятно. Можно надеяться, что Институт в Москве проявит себя более энергичными и дельными работами». Далее еще одна запись: «Удальцов сообщил, что меня выдвинули в действительные члены АН СССР единогласно два Института: И[нститут истории] материальной культуры и И[нститут] истории; оба входят в Академию наук СССР; первым же также единогласно выдвинут я и Моск[овским] госуд[арственным] университетом. К сожалению, выдвинуть не значит избрать: меня уже три раза выдвигали, но не избирали» (Там же. Л. 224). На самом деле, как следует из записей в дневниках, это было уже пятое выдвижение ученого: Городцов баллотировался в 1936, 1937, 1938 и 1939 гг. (Тункина, 2004. С. 184–192; Формозов, 2006. С. 257–266). Об этом же он писал 13 августа 1944 г.: «Я очень сожалею, что Ак[адемия] не ввела меня в свой состав ранее (лет 10 тому

⁶ Местонахождение было обследовано в 1945 г.; краткую информацию см. в: Алихова, 1958; Археологические экспедиции... 1962. С. 133.

назад), тогда бы я мог сделать многое для науки» (Ед. хр. 356. Л. 232).

В последние годы жизни Городцов в свободное от научных занятий время все чаще обращался к воспоминаниям о давно минувшем — детстве, юности, о своих родных, близких, знакомых. Его мини-рассказы, записанные в дневниках, содержат исторические, этнографические, археологические сведения о родной рязанской земле: селах Дубровичи, Борки, Алеканово, Шумашь и др., обычаях, традициях, праздниках. В 1943 г. В.А. взялся за написание обобщающей работы «История Дубровичей Рязанской области и округа по данным археологии, историческим документам и устным преданиям». В предисловии к ней он написал: «Мысль написать историю села Дубровичи мне, как уроженцу этого села, приходила несколько раз, но жизнь в отдалении от села и письменных документов, хранившихся там и в Рязани, явилась почти непреодолимым препятствием». К сожалению, план этот остался неосуществленным: Городцов успел написать лишь несколько традиционных листов (Ед. хр. 38. Л. 98).

Известно, что с юношеских лет, со времени обучения в Рязанской духовной семинарии (бурсы, как он ее называл), и на всю жизнь В.А. сохранил крайние атеистические взгляды — и это несмотря на то, что происходил из семьи потомственных священнослужителей⁷. Антицерковная политика государства, происходившие на его глазах сносы церквей (в том числе храма Христа Спасителя⁸), разрушение памятников на кладбищах, в том числе на могилах многих его знакомых (прежде всего основателя Московского археологического общества графа А.С. Уварова⁹), уничтожение священнослужителей и другие драматические события 1920–1930-х гг. не вызывали у Городцова сочувствия. Напротив, в дневни-

ках он неоднократно высказывает свое неприятие политики Советского государства в отношении религии и церкви. Его оценки несколько смягчились в последние годы жизни. Об этом свидетельствуют некоторые дневниковые записи военных лет. Например, 4 ноября 1942 г. В.А. записал: «Коммунисты признали права гражданства за лицами духовного сословия, что они и выразили в избрании Николая — митрополита Киевского и Галицкого в члены какого-то советского учреждения. Таким образом, рабское клеймо с духовенства в СССР снято. Факт очень важный» (Ед. хр. 356. Л. 197). «Мне говорили, — записал Городцов 16 апреля 1944 г., — что москвичи встречали Пасху в церквях. Церкви не вмещали богомольцев, и последние десятками тысяч окружали церкви снаружи. Верующие не допускали хулиганства атеистов. Это не то, что в 19 и 20 годах, когда невежественная толпа атеистов в церквях мешала богослужению, но стояла в шапках и со свистом, на возгласы священника “Христос воскресе!”, кричала “врешь!”, а когда их хотели вывести, пускалась в драку. Времена, очевидно, изменились» (Там же. Л. 56, 56 об.).

Материалы архива ученого (личные дневники, переписка) дают немало автобиографических сведений, позволяя судить о жизни и судьбе В.А. в последние годы. К началу войны Городцов потерял почти всю свою семью и одиноко жил в центре Москвы, на Пречистенке, в Полуэктовом переулке. Младший сын Ростислав пропал без вести в 1920 г.; другой сын, Олег, тяжело контуженный в Первую мировую войну, умер в 1922 г. от скоротечной чахотки; дочь Елена (в замужестве Брандукова) эмигрировала в конце 1924 или начале 1925 г. во Францию (жила с мужем в своем имении недалеко от Ниццы), последнее письмо от нее отец получил незадолго до на-

⁷ Род В.А. Городцова по материнской линии принадлежал к потомственным священнослужителям — со времени Петра I вплоть до первой четверти XIX в. эта традиция не прерывалась. Затем священниками стали его дед и отец.

⁸ 2 октября 1932 г. Городцов получил от ГИМ командировочное удостоверение на право производства наблюдений за вскрытием погребений на территории сломанной церкви Воздвижения Животворящего Креста у бывшего храма Христа Спасителя, где предполагалось строительство Дворца Советов.

⁹ В 1934–1935 гг. Городцов неоднократно ставил вопрос о восстановлении памятника А.С. Уварову на старом кладбище Новодевичьего монастыря перед дирекцией кладбища и администрацией Исторического музея.

чала войны, в мае 1941 г. От чахотки умерли: жена Елизавета Евгеньевна (1928), сын Игорь (1934) и невестка Клавдия (1935). Еще ранее, в годы революции, умер младший брат Петр (Ончуков, 1928. С. 122–126), затем сестры Анна (1924), Елена (1930), Мария (1930). Внучка Кира (р. 1920), дочь умершего сына Игоря, с 1939 г. жила у родственников в Свердловске. В 1938 г. Городцов записал сведения о детях своего младшего брата Петра Алексеевича: «Сообщили, что муж племянницы Людмилы Петровны (в замужестве Михеевой) и ее брат Петр умерли от чахотки и второй брат Роман также болен чахоткой, таким образом, род моего брата [Петра] гибнет» (Ед. хр. 353. Л. 276). Последний сын В.А. Городцова — Мстислав — незадолго до начала войны ушел из семьи и жил отдельно.

Жизнь ученого, являвшегося, по сути, единственным кормильцем большой семьи, всегда была не простой. В начале войны, когда ему исполнился 81 год, к материальным трудностям и проблемам прибавились болезни, холод и голод, одиночество. В сентябре 1941 г. В.А. заболел почечной болезнью, которая мучила его все последующие годы и отняла возможность выезжать из дома. В ноябре 1941 г., например, он не смог поехать в командировку в Ташкент — от АН СССР, и в Ашхабад — от ИФЛИ. В дневник с большим сожалением внесена запись: «А ехать в Ташкент так хотелось, ведь это моя 40-летняя мечта. Из-за интриг ленинградских археологов не мог ехать, когда был здоров, а теперь болен» (Ед. хр. 355. Л. 7 об). Позже, в январе 1943 г., из-за болезни он два месяца находился в больнице им. Боткина.

На протяжении всей войны Городцов ежедневно вел записи обо всем услышанном и увиденном: разрушениях на улицах Москвы, стрельбе из зенитных орудий, воздушных тревогах, результатах налетов немецких самолетов. Начальный период войны был самым страшным и трудным для Москвы — город готовился к обороне. Но особенно волновала В.А. судьба Исторического музея, где он проработал более четверти века и где прошли его самые лучшие, плодотворные годы жизни (Студзицкая, 1988. С. 5–13; Белозерова,

1988. С. 14–26). Сын Городцова, Мстислав, возглавлял в тот период художественный и реставрационный отделы ГИМ, в том числе макетно-муляжную мастерскую (Смирнов, 1969. С. 320). С первых дней войны в этой мастерской для сохранения довоенной экспозиции музея срочно изготавливались искусные муляжи особо ценных музейных предметов. Сами же музейные коллекции в июле 1941 г. экстренно были эвакуированы далеко на восток, сначала в Хвалынск на Волгу, а затем в Кустанай (Казахстан), где они находились до осени 1944 г. Из оставшихся в музее сотрудников была организована «унитарная команда», которая делилась на санитаров, пожарников, химиков. Из них несколько человек постоянно выделялись как ответственные дежурные по музею. Летом 1941 г. почти каждую ночь в Москве раздавались сирены воздушной тревоги, и все, кроме дежурных, уходило в бомбоубежище, организованное в подвалах музея. Часто в этих дежурствах принимал участие и Мстислав Городцов, регулярно сообщавший отцу о последних событиях в музее и на улицах Москвы.

В дневнике есть запись об одной из атак немецких самолетов в ночь с 11 на 12 ноября 1941 г., когда «от брошенной бомбы в Замоскворечье, вероятно, близ МОГЭЗа, разыгралась такая воздушная волна, которая ударила в стену Исторического музея, и стена дала большую и опасную трещину» (Ед. хр. 355. Л. 12 об). Тогда же Городцов напишет: «У нас немцы разбили лучшие постройки центра Москвы. Разбито новое здание американского посольства. Разбит М[осковский] университет, уничтожен памятник Ломоносова¹⁶. Манеж стоит без крыши и дверей. Разбиты окна в Гос[ударственном] Истор[ическом] музее. Разбито много других зданий и убито по минимальному подсчёту более 1200 человек. В Москве — ужас и паника» (Там же. Л. 6.) (илл. 58). С горечью сделана и другая запись: «По слухам, прекрасный Крымский мост минирован, чтобы взорвать его в случае вторжения немцев в Москву. Мне кажется, что уничтожать такое крупное инженерное творение ни в коем случае не следовало. Пусть он пройдёт через руки немцев, не съедят же они его, и

¹⁶ См. об этом также в воспоминаниях очевидцев (Рабинович, 2005. С. 185).

он останется вечным памятником московской культуры первой половины XX века» (Там же. Л. 4).

Иногда последние новости от сына В.А. получал по телефону, который был установлен в его квартире в Полуэктовом переулке. Так, 13 ноября 1941 г. Мстислав сообщил о том, что «видел значительную партию пленных немцев, которых провели через центр Москвы, недалеко от Исторического музея. Пленные представляли весьма плачевный вид. Они одеты очень плохо и дрожат от мороза. Среди них оказалось два лётчика, одетых в короткие куртки, совсем не защищавшие от холода...» (Там же. Л. 13).

Несколько раз музею грозила настоящая опасность быть разрушенным, о чем Городцов записал в дневнике: «Рассказал сын Мстислав, что 3 или 4 января [1942 г.], вечером (около 9 ч.), он в своём кабинете в Историческом музее стал закрывать окно, выходящее на университетскую площадь, и услышал в воздухе необыкновенный шум и свист от падения большой фугасной бомбы. Она упала с такой силой среди площади, что в его кабинете затряслись стены. Бомба, к счастью, не разорвалась. На другой день её извлекли из земли, в которую она прошла на 8 м[етров]. Бомба, как ему рассказывали, весом в 2 тонны. Если бы такая бомба взорвалась, то она уничтожила бы верхнюю половину Исторического музея и уничтожила бы много домов, окружающих площадь, и сын, наверно, погиб бы, как погибло бы много и других людей» (Там же. Л. 26 об., 27).

Разнообразные сведения о потерях, грабежах и насилиях фашистов в подмосковных городах и селах сообщали сотрудники музеев, приезжавшие в Исторический музей. В эти дни В.А. фиксирует в дневнике разрушения в Малоярославце, Дмитрове, Клину, под Рузой. С большой болью он узнал о взрыве Новоиерусалимского монастыря, недалеко от которого, в с. Рождествено близ станции Снегири на р. Истре, семья Городцовых в дореволюционный период регулярно снимала дачу для детей.

Все услышанное и прочитанное В.А. тщательно анализировал. Публиковавшиеся в то время цифры и подававшуюся информацию как бывший военный и ученый-теоретик и

практик, привыкший доверять только фактам, он воспринимал критически. Например, по поводу опубликованной в газете «Правда» статьи с речью И.В. Сталина по случаю 24 годовщины Октябрьской революции он записал: «Приведённые цифры едва ли близки к истине. Существует давно установленное опытом правило, что отступающие в боях, несут значительно более потерь человеческих жизней, чем наступающие. Русские войска до сих пор всё время отступали, за исключением оч[ень] редких случаев контратак. Отсюда следует заключить, что или цифра русских потерь преуменьшена, или цифра немецких потерь сильно преувеличена... Не следует успокаивать себя не проверенными фактами, а нужно смотреть прямо в глаза грядущей и всё усиливающейся опасности» (Там же. Л. 9 об, 10).

С большой долей скепсиса относился Городцов и к слухам о помощи в начале войны со стороны союзников и открытии второго фронта: «На чём же обосновывается розовый взгляд наших оптимистов? Они уверены, что на континенте Европы должен в ближайшее время появиться “второй фронт”, который ослабит немцев на нашем фронте, и мы победоносно погоним немцев nach Vaterland. Но кто и где может образовать второй фронт? Не Англия ли во Франции, Бельгии и Голландии? Ох, свежо предание, а верится с трудом. Англия в течение двух мировых войн так много обманывала своих союзников, что верить ей опасно...» (Там же. Л. 10 об). Тем не менее, в самый разгар бомбардировок Лондона Городцов вместе с другими советскими археологами направил телеграмму поддержки своим английским коллегам. В августе 1942 г. профессор Кембриджского университета Э.Х. Миннз откликнулся персональным благодарственным письмом: «Многоуважаемый Василий Алексеевич! Ваша фамилия стоит первой среди подписавших телеграмму сочувствия, которую отправили нашим археологам московские сотрудники... Нам бы казалось, что Вы должны быть достаточно поглощены своей борьбой, чтобы не думать о чужестранцах, хотя бы союзниках... Следим с тревогой за новостями из СССР и с глубоким удивлением за подвигами советских героев» (Ед. хр. 461. Л. 147–148).

В военные годы В.А. пришлось столкнуться со многими житейскими трудностями. Особенно тяжелой выдалась зима 1942 г., когда во многих квартирах Москвы окна были разбиты фугасными бомбами, а стекло невозможно было достать. Дрова также кончились, а в продаже их не было. Температура в квартире Городцова опускалась иногда до трех градусов тепла. В комнатах квартиры топились печка: сжигалась мебель, разные ящики, старые газеты. В эти зимние дни он писал: «Мороз вероятно 50°. Я ночью в постели под двумя одеялами и пальто дрожал от стужи. В моей комнате в 12 часов дня +5°, в других +8°... у меня едва не замерзла печка и дров мало: пережить зиму едва ли хватит моих сил... в доме холодно, замерзли водопроводные трубы, работал в лисьей шубе» (Ед. хр. 355. Л. 33 об). Во дворе их дома в Полуэктовом переулке в зиму 1942 г. от холода погибли все пирамидальные тополя, посаженные 15 лет назад.

Дневники военных лет отражают подвиг ученого, самозабвенно преданного науке, пишущего свои научные труды вопреки всем невзгодам. «Работать не могу, — записывает Городцов в эти дни, — руки мерзнут, и писать больно. Минут через пять приходится бросать перо и отогревать пальцы. Такого горя я еще не испытывал» (Там же. Л. 32 об). В чернильнице на столе ученого часто замерзали чернила. Топливный и энергетический кризис ощущали все жители города. «Бани в Москве закрыты по причине недостатка топлива. В Центральной бане в очереди ждут по четыре часа и более. Выстоять такую очередь я не могу», — отмечает он в дневнике (Там же. Л. 36). Кроме того, в различных районах Москвы регулярно выключали электричество. Запись от 27.02.1942 г.: «Живём без электричества, и уверяют, будем жить так две недели. Ради экономии электрической энергии в Москве порайонно выключают электричество.

Теперь пришёл наш черед быть без света» (Там же. Л. 45). Ко всем прочим невзгодам 26 ноября 1942 г., возвращаясь домой в гололед, Городцов сломал кисть правой руки, что для ученого, постоянно пишущего, было самым большим горем.

Как и многие москвичи, Городцов страдал от голода, особенно в два первых года войны. 16 января 1942 г. он записал в дневнике: «В последние недели я часто вижу голодные сны: то меня угощают вкусными расстегаями, то мясом, но чаще рыбой. Такие сны я видел в 1920 году¹¹, во время голодовки... когда засыпаю, вижу райские сны с закусками, чай пью с сахаром, а не пустой кипяток» (Там же. Л. 30). В начале войны В.А. ежедневно ходил обедать в находившийся недалеко от него Дом ученых, где общался со знакомыми, обсуждал последние научные новости, известия с фронта и просматривал в читальном зале газеты и сводки Совинформбюро. Однако с конца 1943 г. и это стало ему не под силу: обеды стали приносить ему на дом. «За принос [домой] обедов из столовой плачу 100 р., до слома руки мне обеды стоили 150 р. в месяц, с 1943 г. — около 500 р., а за самое последнее время (с августа) будут стоить 700 р.» (Там же. Л. 232).

В это трудное время голодали и люди, находившиеся вокруг него. «Москвичи сильно голодают... — пишет Городцов в апреле 1942 г., — на дворах совершенно исчезли галки, вороны, грачи и даже воробьи... Очевидно, их ловят и едят голодные люди» (Ед. хр. 356. Л. 113). До В.А. доходили слухи о смерти от голода многих близких знакомых. Особенно потрясла его смерть хорошего друга семьи И.М. Тарабрина¹², одного из последних старых сотрудников Исторического музея, работавшего еще при жизни И.Е. Забелина. В эти дни умер также хранитель отдела оружия Исторического музея Н.И. Соболев¹³, «он весь распух и впал в умопомешательство, его от-

¹¹ В ранних дневниках В.А. Городцов постоянно вспоминал голодный 1920 год, когда в семье не было хлеба, дров, в доме лопнули водопроводные трубы, и он был вынужден обратиться за помощью к заведующей Музейным отделом Наркомпроса Н.И. Троцкой (Седовой).

¹² Тарабрин Иван Мемнонович (1876–1942), архивист, историк древнерусской литературы; в Историческом музее: помощник библиотекаря (с 1902), ученый секретарь (1905–1916, 1918–1920), заведующий отделом архива (с 1920), уволен в 1929 г. По словам В.А. Городцова, в годы войны служил в библиотеке им. Ленина, «имел паёк один на двоих с женой».

¹³ Соболев Николай Иванович (1880–1942), научный сотрудник Военно-Исторического музея (с 1924), заведующий группой оружия ГИМ (с 1938).

везли в больницу» (Там же). В октябре 1942 г. на кладбище Новодевичьего монастыря был похоронен известный художник М.В. Нестеров, с которым Городцов познакомился еще в начальный период своей работы в Историческом музее. В дневнике В.А. записал: «Говорят, что он долго болел и умер от недоедания. Сначала у него образовалась цинга, а потом старческая немочь уложила его в постель» (Там же. Л. 196 об).

Дневниковые записи Городцова содержат ценные сведения о судьбах ученых в период Великой Отечественной войны, среди них имена академиков С.А. Жебелева и Д.Н. Ушакова, члена-корреспондента Ю.В. Готье, нумизмата А.Н. Зографа, исследователей Рязанского края С.Д. Яхонтова, А.А. Мансурова и др. 28 мая 1942 г. В.А. сообщает о встрече с археологом В.Н. Худодовым, с которым в 1941 г. планировал совершить археологическую экспедицию в Грузию: в архиве сохранилась заявка Городцова в ИИМК о желании провести в 1941 г. археологические исследования «неолитических и более поздних стоянок в пределах Центрального Закавказья, в Грузии, на Тriaлетском хребте и его склонах, обращенных к р. Куре» (Ед. хр. 113. Л. 183). «Теперь выяснилось, — продолжает В.А., — что в первые дни воздушных налётов немецкая фугасная бомба ударила в дом, где он жил. Разбило его комнату и осколком перешибло ему ноги. Его, потерявшего сознание, доставили в больницу, где он лежал до вчерашнего дня (почти год), а теперь собрался ехать в Тифлис на родину, но опасается, как бы не умереть с голоду, так как у него ровно ничего нет» (Ед. хр. 356. Л. 119 об).

Получив сообщение о смерти археолога Н.Е. Сибилева¹⁴, последовавшей в августе 1943 г., Городцов записал: «Сегодня узнал о смерти моего приятеля Сибилева. Он многое перенес от немцев, живя в г. Изюме. По освобождении Изюма, он уехал в Уфу, где и умер. Искренне жаль этого человека, дельного украинского археолога» (Там же. Л. 242 об). Позже, 10 февраля 1944 г., В.А. сделал сообщение о смерти Сибилева на заседании

археологического отделения исторического факультета МГУ.

Написал Городцов и о встрече в годы войны со своим старым приятелем, профессором А.С. Башкировым, репрессированным в 1930-е гг. (Ватлин, Канторович, 2001. С. 124–132; Формозов, 2006. С. 204). Башкиров, нанеший визит В.А., сообщил, что последние годы читает лекции в Тверском (Калининском) университете, куда и вынужден несколько раз в неделю ездить из Москвы. В одну из таких поездок осенью 1941 г. он попал под немецкую бомбежку, был ранен, затем долго болел.

Городцов постоянно следит в те тревожные дни за судьбой своих учеников: поддерживает с ними связи, пишет тем, кто на фронте, старается их ободрить. От знакомых он узнал о смерти от голода своих учеников — Ф.А. Афремовой-Эдинг (в Москве), В.В. Гольмстен (в блокадном Ленинграде), В.Л. Смирновой-Турбиной¹⁵ (в Уфе) и др. Многие его ученики были на фронте и в ополчении. «Мне сообщили, что мой бывший студент Сугробов убит на фронте... — записывает Городцов в 1943 г., — он в последнее время усиленно занимался четвертичной палеонтологией и подавал большие надежды» (Ед. хр. 356. Л. 135). В 1941 г. ушли в ополчение сотрудники отдела археологии Исторического музея А.В. Арциховский, А.П. Смирнов, Е.И. Крупнов, Д.А. Крайнов и П.А. Дмитриев. Получив 21 октября 1943 г. известие о том, что Крайнов, которого Городцов считал погибшим, выжил, В.А. с большой радостью записывает в дневник: «Сегодня получено в Историческом музее письмо от Д.А. Крайнова, в котором пишет, что он жив и здоров. С ним находился бывший мой слушатель Червяков, который также благополучен. Обоих их считали убитыми в 1941 г. под Малоярославцем, где они в качестве добровольцев защищали подступы к г. Москве. Полагают, что оба они два года были в партизанском отряде. Но это только предположение, а действительность выяснится в последствии» (Там же. Л. 6 об). В 1944 г.

¹⁴ Сообщение о смерти украинского археолога Н.Е. Сибилева В.А. Городцов получил от Софьи Николаевны Одинцовой. Ее письмо с правкой Городцова сохранилось в архиве (Ед. хр. 37. Л. 107).

¹⁵ В.Л. Смирнова-Турбина — слушательница курсов в МАИ. Умерла в Уфе в 1942 или 1943 г.

Городцов сделал попытку освободить своего ученика от военной службы как «крупного специалиста каменного периода первобытной археологии». Среди страниц дневника сохранилась копия его письма наркому просвещения В.П. Потемкину с просьбой об освобождении Д.А. Крайнова для «возвращения его к научным работам, где он может принести государству не меньшую пользу» (Ед. хр. 350. Л. 65). Позже выяснилось, что Крайнов находился на оккупированной территории, за что был арестован, осужден тройкой военного трибунала к десяти годам в «исправительных учреждениях» ГУЛАГа, откуда был освобожден только в 1951 г.¹⁶

В военные годы Городцов был удостоен нескольких наград. 14 января 1943 г. ему присвоено звание «Заслуженного деятеля науки РСФСР» (Ед. хр. 2. Л. 8). Почетную грамоту (илл. 59) вручила ему дома депутация во главе с секретарем Президиума Верховного Совета РСФСР П. Бахмутовым, о чем ученый записал как об очень важном для себя событии: «Этот акт меня растрогал до слез, и я благодарил Совет, как сумел, обещая остаток дней моих посвятить науке. Грамота для меня является знаком великой чести. Депутация, поднося грамоту, передала мне много подарков, а именно: бутылку хорошего шампанского, пакет сахара, пакет с печеньем, коробку дорогих папирос, сливочное масло и др. Вкусные вещи очень ценны в наш год недоедания» (Ед. хр. 350. Л. 221, 221 об).

В начале 1944 г. Городцов узнал, что выдвинут Московским университетом кандидатом на Сталинскую премию. 12 апреля он записывает в дневнике: «Сегодня меня дважды фотографировали для “Известий” и “Вечерней Москвы”, как кандидата на Сталинскую премию за научные многолетние труды.

Это мне доставило удовольствие, но я очень устал. Теперь еще предстоит снабдить сведениями о моих научных подвигах газетных репортеров» (Ед. хр. 356. Л. 54 об). Однако в итоге это выдвижение не состоялось.

4 ноября 1944 г. ученый был награжден высокой правительственной наградой — орденом В.И. Ленина «за выдающиеся заслуги в деле подготовки специалистов для народного хозяйства и культурного строительства». Ученики вспоминали, как, всегда равнодушный к бытовой стороне жизни, Василий Алексеевич был озабочен приобретением нового костюма, чтобы непременно самому получить присвоенный ему орден (Алексеев, 1991. С. 226). В эти дни на его имя пришло множество писем и телеграмм с поздравлениями от различных учреждений и многочисленных учеников со всей страны. Все они сохранились в личном архиве исследователя (Ед. хр. 17).

С большой надеждой старый ученый ждал окончания войны, внимательно следил за продвижением советских войск на запад. В дневнике он отмечал все значимые военные события. С особым восторгом писал об одном из самых важных исторических событий войны — разгроме немцев под Сталинградом. В дневнике (19.07.1943 г.) он отметил момент, когда тысячи пленных немцев вели через всю Москву. Его студенты вспоминали, что их учитель сумел дойти до Крымского моста, чтобы лично посмотреть на поверженного врага (Николаева, 1991. С. 227). Однако дня Победы он так и не дождался. 3 февраля 1945 г., за три месяца до конца войны, на 85 году жизни В.А. скончался. Записи в дневнике Городцова обрываются после 26 ноября 1944 г. Болезнь окончательно сломила ученого. В последние дни около него были сын Мстислав¹⁷ и внучка Кира¹⁸, вернувшаяся

¹⁶ О жизни и судьбе Д.А. Крайнова подробнее см.: Костылёва, Уткин, 2006.

¹⁷ Городцов Мстислав Васильевич (1899–1968), сотрудник макетно-муляжного кабинета ГИМ (1920–1959), участвовал в некоторых археологических экспедициях В.А. Городцова и ряде музейных конференций 1930-х гг.

¹⁸ Внучка В.А. Городцова, Кира, после смерти родителей (в 1934 и 1935 гг.) до 1939 г. жила в семье Городцова вместе с Мстиславом и Анной Городцовыми. В 1937 г. В.А. предпринял попытку добиться разрешения поездки Киры во Францию к дочери Елене, но ему отказали в выдаче визы. В 1939 г. Кира переехала в Свердловск к племяннице В.А. Городцова — Л.П. Михеевой (дочери брата Петра Алексеевича). В.А. Городцов ежемесячно до конца жизни высылал Кире деньги. В 1941 г. Кира (после замужества Стародубцева) вместе с сыном Олегом (правнуком В.А. Городцова) была эвакуирована в Уфу (где работала в яслях), откуда вернулась в конце войны.

из Уфы, где была в эвакуации. Прощание с В.А. происходило в Византийском зале Исторического музея, куда пришли известные ученые и многочисленные его ученики. Похоронен он на Новодевичьем кладбище рядом с женой Елизаветой Евгеньевной и сыном Игорем. Несомненно, дальнейшее изучение

документов архива выдающегося ученого — его переписки, личных дневников, неопубликованных статей, заметок и других материалов — раскроет немало новых страниц в биографии Василия Алексеевича Городцова и явится важным вкладом в историю отечественной археологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев Л.В., 1991. Последний лекционный курс Василия Алексеевича Городцова // Проблемы изучения древних культур Евразии. М.

Алихова А.Е., 1958. Могильник кошибеевского типа у с. Польное-Ялтуново // КСИИМК. Вып. 72.

Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР (1919–1956 гг.): Указатель. М., 1962.

Белозерова И.В., 1988. Музейная деятельность В.А. Городцова // Тр. ГИМ. Вып. 68.

Ватлин А.Ю., Канторович А.Р., 2001. Из истории отечественной археологической науки (несостоявшийся судебный процесс 1935 года) // РА. № 3.

Городцов В.А., 1940а. К истории приручения собаки в пределах СССР по данным археологии // Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. М.; Л. Т. I.

Городцов В.А., 1940б. Археологические изыскания на Дону и Кубани в 1930 г. (предварительное сообщение) // Памятники древности на Дону. Ростов-на-Дону. Вып. 1.

Городцов В.А., 1940в. Ильская палеолитическая стоянка по раскопкам 1937 г. // БКИЧП. № 6/7.

Канторович А.Р., 2009. Заметки о преподавательской деятельности В.А. Городцова в Московском университете // Хорошие дни: Памяти Александра Степановича Хорошева. М.

Костылёва Е.Л., Уткин А.В., 2006. К столетию Дмитрия Александровича Крайнова // ТАС. Вып. 6.

Крайнов Д.А., 1991. Памяти В.А. Городцова // Проблемы изучения древних культур Евразии. М.

Мерперт Н.Я., 1994. В.А. Городцов об энеолите Болгарии // РА. № 2.

Николаева Т.В., 1991. Воспоминания о В.А. Городцове // Проблемы изучения древних культур Евразии. М.

Ончуков Н.Е., 1928. П.А. Городцов (западносибирский этнограф) // Сибирская живая старина: 1927. Иркутск. Вып. 7.

Рабинович М.Г., 2005. Записки советского интеллектуала. М.

Розенфельдт Р.Л., 1964. Рукописный архив В.А. Городцова // СА. № 1.

Смирнов А.П., 1969. М.В. Городцов [: Некролог] // СА. № 4.

Студзицкая С.В., 1988. Государственный Исторический музей и В.А. Городцов // Тр. ГИМ. Вып. 68.

Тункина И.В., 2004. Эпизод к биографии В.А. Городцова // Невский археолого-историографический сборник: К 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. СПб.

Формозов А.А., 2006. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М.

60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1999.

Д.В. Серых
Самарский государственный университет

ДОКУМЕНТЫ О МОСКОВСКОМ ПЕРИОДЕ БИОГРАФИИ В.В. ГОЛЬМСТЕН¹

Биография выдающегося отечественного археолога Веры Владимировны Гольмстен (13.01.1880 — 8.03.1942) неоднократно становилась предметом изучения. В ряде публикаций характеризуется вклад В.В. Гольмстен в отечественную науку (Мизинова, Сальников, 1962; Юнусова, 1975), с позиций современной науки и с привлечением историографических источников изучается история раскопок В.В. Гольмстен (Гарустович, Минеева, 2003; Овсянников, Яминов, 2003), публикуются документы, связанные с деятельностью В.В. Гольмстен по организации археологических исследований в Волго-Уралье в разные годы (Классика... 2008). В 2007 г. в Самаре вышла монография, посвященная биографии ученого. В ней опубликован значительный комплекс документов биографического характера, а также переписка В.В. Гольмстен с В.А. Городцовым, А.М. Тальгреном, А.А. Захаровым. Среди опубликованных документов — автобиография Веры Владимировны, составленная ею в 1934 г. в Ленинграде. В монографии также представлен подробный биографический очерк, написанный Д.А. Сташенковым (Кузьминых, Сафонов, Сташенков, 2007).

Публикуемые здесь документы позволяют дополнить сведения о раннем периоде жизни

В.В. Гольмстен, во время которого сформировались ее научные интересы, были сделаны первые шаги в науке.

Цель настоящей статьи — введение в научный оборот документов биографического характера, отложившихся в личных делах В.В. Гольмстен в фондах Московского археологического института (ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 918) и Московских высших женских курсов (ЦИАМ. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7811) в Центральном историческом архиве г. Москвы. Основная часть выявленных документов публикуется в приложении к настоящей статье.

Самые ранние по хронологии документы отложились в фонде Московских высших женских курсов — последнем учебном заведении, в котором училась В.В. Гольмстен.

Сохранились оригинал свидетельства о рождении и крещении, выданный Евангельско-лютеранской церковью Святого Петра, а также его перевод с немецкого, заверенный присяжным поверенным. Из свидетельства мы впервые узнаем, что Гольмстен была окрещена как Вера Виргиния Матильда (Wera Virginie Mathilde), причем обряд крещения был совершен лишь через 10 месяцев после рождения — 22 ноября 1880 г. (№ 1)².

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (№ МК-5404.2010.6).

² Здесь и далее в скобках даются ссылки на документы, опубликованные в *Приложении*.

Из других документов становится известным положение Веры Гольмстен в сословной системе — ее отец имел чин коллежского асессора (№ 2, 3, 14).

Аттестаты об окончании 7-классной Покровской женской гимназии при Покровской общине сестер милосердия и восьмого дополнительного класса (с получением звания домашней учительницы по предметам русский язык и география) содержат школьные отметки, среди которых отличные — лишь по истории, географии и педагогике (№ 2, 3).

Период учебы В.В. Гольмстен в Московском археологическом институте характеризуют ее прошение о зачислении в вольнослушательницы института (№ 4), свидетельство об окончании института (№ 11), а также красочный, выполненный в древнерусском стиле диплом (ЦИАМ. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7811. Л. 45). Свидетельство позволяет достоверно говорить, какие именно курсы в институте В.В. Гольмстен прослушала (все предметы были сданы ею на «отлично»). В списке нет ряда дисциплин, преподававшихся в МАИ, на котором было два отделения — археологическое (оконченное В.В. Гольмстен) и архивное. Например, в дипломе В.В. Гольмстен отсутствуют «музееведение» и «архивоведение». От курсов эпиграфики и греческой палеографии В.В. Гольмстен попросила ее освободить при поступлении в МАИ, поскольку не знала греческого языка (№ 5).

На основании свидетельства и штатных списков, опубликованных в Отчетах МАИ (Отчет... 1911. С. 19–21), можно составить список преподавателей В.В. Гольмстен: Р.Ф. Брандт (история русского языка, славяно-русская палеография), Ф.Ф. Горностаев (история русской архитектуры), В.А. Городцов (первобытная археология, бытовые древности), И.Ф. Колесников (чтение древних рукописей), С.К. Кузнецов (историческая география), В.К. Мальмберг (история археологических открытий), Н.А. Маркс (чтение древних рукописей), Н.И. Романов (всеобщая история искусства), В.К. Трутовский (нумизматика), А.И. Успенский (история русского искусства), М.И. Успенский (христианская археология), А.Н. Филиппов (русская история: история учреждений; юридические древности), В.Н. Харузина (этнография).

Диссертацию В.В. Гольмстен защищала по бытовой археологии на тему «Древнерусское племя радимичей по археологическим данным» под руководством выдающегося русского археолога В.А. Городцова. Отзыв научного руководителя опубликован в Отчете о деятельности МАИ, оригинал сохранился в фонде ученого. Отзыв очень краткий и явно носит формальный характер, однако в нем В.А. Городцов высоко оценивает уровень работы В.В. Гольмстен. Приведем здесь его целиком: «Сочинение выполнено умело и с правильными научными приемами. Автором собрана довольно полно вся литература предмета и использованы обширные материалы, сосредоточенные в Импер[аторском] Российском Историческом Музее. Вследствие всего этого работа получила значительный научный интерес, при чем считаю долгом указать, что этой работой г-жи Гольмстен вводится весьма крупная поправка к сравнительно недавно опубликованной работе проф. Д.Я. Самоквасова “Северянская земля и Северяне по городищам и могилам”, М., 1908 г. Принимая во внимание все поименованные достоинства, я полагаю, что Вера Владимировна Гольмстен за рассматриваемый труд достойна получить звание “Ученого археолога Московского Археологического Института”» (Отчет... 1911. С. 30; ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 99. Л. 7).

Московский археологический институт стал организацией, от которой В.В. Гольмстен в 1909 г. заказала свой первый Открытый лист на раскопки в Белебеевском уезде Уфимской губернии. Материалы раскопок В.В. Гольмстен в 1910–1912 гг. достаточно полно ею опубликованы, а полевые дневники и переписка с Императорской Археологической комиссией сравнительно недавно введены в научный оборот (Гарустович, Минеева, 2003; Овсянников, Яминов, 2003). Про раскопки же 1909 г. в литературе сказано лишь, что «курганы у с. Александровка оказались разграбленными» (Юнусова, 1975. С. 5; Гарустович, Минеева, 2003. С. 6).

В личном деле сохранилась переписка директора МАИ А.И. Успенского с Императорской археологической комиссией и с В.В. Гольмстен относительно ее раскопок 1909 г., содержащая информацию об их результатах и даже прорисовку сделанных на-

ходок — бронзового колечка и фрагментов от трех сосудов (*Приложение*, № 6–10)³.

С обучением В.В. Гольмстен в 1914–1916 гг. на Московских высших женских курсах также связан ряд документов. К прошению В.В. Гольмстен о приеме на Курсы (№ 12) приложены собственноручное разрешение отца (№ 13) и справка о благонадежности, выданная в канцелярии Московского градоначальника (№ 14).

Из предметной книжки студентки историко-философского факультета МВЖК мы узнаем, какие предметы В.В. Гольмстен успела прослушать, а также кто их преподавал (ЦИАМ. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7811. Л. 1–1а.). В учебном плане записано более 20 предметов, среди которых добавленные в учебный план «История Византии» (возможно, курс по выбору) и семинарии «Киевская Русь» и «Смутное время». Среди сданных предметов числятся «История Греции» (Егоров), «История Англии и Германии» (Фортунов), «Древняя Русская история» (Любавский), «Введение в сравнительное языкознание» (Поржезинский)⁴, «Психология» (Викторов), а также два вышеупомянутых семинария (Сторожев).

В личном деле также находятся три печатные работы В.В. Гольмстен и отпечатанные типографским способом «Правила и обязанности домашних наставниц и учительниц» (ЦИАМ. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7811. Л. 10–47).

Рассмотренные документы также дают информацию об адресах, по которым проживала В.В. Гольмстен. Весной 1908 г. это дом Самариной на Петровке. Осенью 1914 г. — доходный дом в Лебяжьем переулке (д. 1, кв. 25). Можно предположить, что дом был выбран из-за относительной близости к месту работы — Историческому музею, путь к которому

от дома проходит через Александровский сад. В этом же доме, в квартире № 7, осенью 1913 и весной 1917 г. жил поэт Борис Пастернак⁵.

В личном деле в фонде МАИ сохранился также листок с написанным на нем адресом, по которому, вероятно, проживала В.В. Гольмстен во время работ в Уфимской губернии: «Гор. Белебей, Уфимской губ. Новая Площадь, д. Серебряковой. Вере Владимировне Гольмстен» (ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 918. Л. 18).

* * *

Выбор темы статьи для настоящего сборника не случаен. А.А. Формозов был первопроходцем в изучении истории отечественной археологии и в своих работах всегда рассматривал личные факты биографий ученых как неотъемлемую часть истории науки. Еще в 1975 г. он указал на важность разработки архивных материалов, которые могут пролить свет на неизвестные ранее либо забытые факты истории археологии (Формозов, 1975). Мне посчастливилось несколько раз консультироваться с Александром Александровичем по теме своих научных поисков. Во время коротких бесед он фактически обрисовал для меня программу научных исследований на долгие годы, а также указал ряд отдельных тем и вопросов, к изучению которых было бы полезно обратиться. Среди этих тем — биография В.В. Гольмстен.

Выявление материалов, содержащих факты научной биографии В.В. Гольмстен, будет продолжено. В частности, в дальнейшем планируется подробнее осветить ее деятельность в качестве сотрудника Исторического музея и действительного члена Московского археологического общества.

³ К сожалению, по техническим причинам выполнить копирование иллюстрации из архивного дела не удалось. Иллюстрация находится в архивном деле (ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 918. Л. 13) и доступна исследователям в формате микрофильма.

⁴ Егоров Дмитрий Николаевич (1878–1931); Фортунатов Филипп Федорович (1848–1914); Любавский Матвей Кузьмич (1860–1936); Поржезинский Виктор-Иван Карлович (1870–1929). Подробнее о них см.: Волков, Куликова, Логинов, 2006.

⁵ Лебяжий переулок, д. 1. Литературная история // Интернет-сообщество «Архитектурное наследие». URL: http://community.livejournal.com/arch_heritage/102715.html

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ⁶

1

Свидетельство о рождении и крещении Веры Виргинии Матильды Гольмстен, выданное евангельско-лютеранской церковью Святого Петра в Санкт-Петербурге. Заверенная копия перевода с немецкого⁷

10 марта 1883 г.

Евангельско-лютеранская церковь Святого Петра в Санкт-Петербурге. Свидетельство о рождении и крещении. Тринадцатого Января тысяча восемьсот восьмидесятого года (13/1 1880), в 9 часов вечера, в браке родилась и (22) двадцать второго Ноября окрещена: Вера Виргиния Матильда⁸.

Родители: Вольдемар (Владимир) Фридрих Христиан Гольмстен⁹ и супруга его Адель Виргиния, урожд. Морланд¹⁰.

Восприемники: Статский Советник Вильгельм Геннинг; жена Почетного Гражданина Виргиния Мартен, урожд. Риото¹¹; дев. Матильда Гольмстен.

Такое удостоверяется в дословном согласовании с церковною книгою, по долгу пастырскому, с приложением церковной печати. Санкт-Петербург, 10-го Марта 1883 года.

Пастор при церкви Св. Петра, доктор богословия¹².

(ЦИАМ. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7811. Л. 8)

2

Аттестат В.В. Гольмстен об окончании VII класса Покровской женской гимназии

1 июня 1898 г.

Предъявительница сего, ученица VII класса С.-Петербургской Покровской женской гимназии состоящей при Покровской Общине Сестер Милосердия, Вера Владимировна Гольмстен, как видно из ее документов, дочь Коллежского Ассессора, вероисповедания евангелическо-лютеранского¹³, родилась тысяча восемьсот восьмидесятого года, Января тринадцатого. Поступила она по экзамену в III класс Покровской женской гимназии.

В настоящем 1898 году, при бывшем окончательном испытании ученицам VII класса она, при отличном поведении, оказала в обязательных предметах гимназического курса следующие познания:

- 1) в Законе Божьем (3) три, удовлетворительные
- 2) в русском языке с церковно-славянским и словесности (4) четыре, хорошие

⁶ Публикация осуществляется в соответствии с «Правилами издания исторических документов...» (Правила... 1990) в современной орфографии.

⁷ Текст приводится по переводу с немецкого, заверенному присяжным переводчиком Санкт-Петербургского окружного суда К.А.Куманиным (ул. Большая Конюшенная, 14) 5 июня 1899 г. Документ № 840. В деле также присутствуют оригинал документа (на немецком), а также его копия на немецком, заверенная в гимназии (ЦИАМ. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7811. Л. 7). В примечаниях к публикуемому тексту имена на немецком приводятся по оригиналу свидетельства (ЦИАМ. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7811. Л. 46).

⁸ В оригинале — Wera Virgine Mathilde.

⁹ В оригинале — Woldemar Friedrich Christian Holmsten.

¹⁰ В оригинале — Adele Virginie Morland.

¹¹ В оригинале — Riolo, в немецкоязычной копии исправлено на Rioto.

¹² Подпись неразборчива.

¹³ Вписано вместо зачеркнутого: «православного».

- 3) в математике (3) три, удовлетворительные
- 4) в географии всеобщей и русской (5) пять, отличные
- 5) в естественной истории (4) четыре, хорошие
- 6) в истории всеобщей и русской (5) пять, отличные
- 7) в физике (4) четыре, хорошие
- 8) в французском языке (3) три, удовлетворительные.

Из всех этих предметов получила в общем выводе отметку «3 7/8».

Сверх того, из необязательных предметов гимназического курса она обучалась нижеследующим, в которых оказала познания:

- 1) в немецком языке (3)
- 2) в латинском языке — не обучалась
- 3) в рисовании (4)
- 4) в педагогике (5)

Почему, на основании установленных правил, она, Вера Гольмстен, удостоена звания ученицы, окончившей полный курс учения в женской гимназии, с распространением на нее прав и преимуществ, предоставленных ст. 45 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденных 24-го Мая/8-го Июня 1870 года положения о женских гимназиях и прогимназиях ведомства Министерства Народного Просвещения и ст. 12 мнения Государственного Совета по вопросу о специальных испытаниях ведомства Министерства Народного Просвещения, утвержденного 22-го Августа 1868 года.

В удостоверение чего и дан ей, Вере Гольмстен сей аттестат по определению Педагогического Совета гимназии, состоявшемуся Мая 30 дня.

С.-Петербург, Июня 1 дня 1898 года.

Председатель Педагогического Совета

Начальница Гимназии Н. Довбышева

Преподаватели:¹⁴

Секретарь Педагогического Совета¹⁵

(ЦИАМ. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7811. Л. 5–5об.)

3

Свидетельство В.В. Гольмстен об окончании VIII дополнительного класса Покровской женской гимназии и присвоении ей звания Домашней учительницы по русскому языку и географии

31 мая 1899 г.

Предъявительница сего Вера Владимировна Гольмстен, как известно из ее документов, дочь Коллежского Ассессора от роду девятнадцати лет, евангелического-лютеранского вероисповедания, по окончании в 1898 году общего курса учения в С.-Петербургской Покровской Женской Гимназии при Покровской Общине Сестер Милосердия поступила в том же году в состоящий при этой гимназии специальный дополнительный класс, в коем в течение учебного года изучала, кроме предметов обязательных для всех учениц этого класса, русский язык и географию в объеме, установленном для мужских гимназий Министерства Народного Просвещения, и, сверх того, в течение 1 половины 1899 года исполняла с успехом все практические упражнения, требуемые учебным планом для дополнительного класса, утвержденным Г. Министром Народного Просвещения 31 Августа 1874 года.

Почему, на основании п. 43 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного в 24-й день Мая 1870 г. положения о женских гимназиях и прогимназиях Министерства Народного Просвещения, она, Вера

¹⁴ 8 подписей — неразборчиво.

¹⁵ Подпись — неразборчиво. Круглая печать гимназии.

Гольмстен Педагогическим Советом Покровской Женской Гимназии удостоена звания Домашней Учительницы по предметам русского языка и географии в коих оказала успехи:

в русском языке   хорошие
в географии   отличные.

В удостоверение чего и дано ей, Вере Гольмстен это свидетельство от Педагогического Совета Покровской Женской Гимназии, за надлежащею подписью и с приложением казенной печати.

С.-Петербург, Мая 31 дня 1899 года.

Председатель Педагогического Совета

Начальница Гимназии   Н. Довбышева

Преподаватели:¹⁶

Секретарь Педагогического Совета¹⁷

(ЦИАМ. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7811. Л. 6)

4

Прошение В.В. Гольмстен директору Московского Археологического института А.И. Успенскому о зачислении в вольнослушательницы института

Не позднее 2 марта 1908 г.¹⁸

Господину и.д. Директора Археологического Института в Москве Александру Ивановичу Успенскому

Домашней учительницы Веры Владимировны Гольмстен, жит.: Москва, Петровка, д[ом] Самариной.

ПРОШЕНИЕ

Желая слушать с начала 1907–1908 учебного года лекции в Археологическом Институте в Москве, покорнейше прошу зачислить меня в вольнослушательницы означенного Института.

В. Гольмстен.

При сем прилагаю: 1) аттестат об окончании гимназии, 2) свидетельство об окончании VIII Педагогического Класа¹⁹

Означенные в сем документы получила

В. Гольмстен.²⁰

(ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 918. Л. 1)

5

Прошение В.В. Гольмстен директору Московского Археологического института А.И. Успенскому об освобождении от экзаменов по греческой палеографии и греческой эпиграфике

2 марта 1908 г.

Господину Директору Московского Археологического Института.

¹⁶ 8 подписей — неразборчиво.

¹⁷ Подпись — неразборчиво. Круглая печать гимназии.

¹⁸ Датируется по следующему публикуемому документу (№ 5). Возможно, документы 4 и 5 были написаны одновременно, поскольку написаны на одинаковых тетрадных листах одинаковыми чернилами.

¹⁹ Далее зачеркнуто: «и 3) метрическое свидетельство».

²⁰ Написано также рукой В. Гольмстен, но другими чернилами, вероятно, позже.

Покорнейше прошу освободить меня от экзаменов по Греческой Палеографии и Греческой Эпиграфики, в виду моего незнакомства с греческим языком.

Вольнослушательница В. Гольмстен.

Москва

2 Марта, 1908 г.

(ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 918. Л. 3)

6

**Сопроводительное письмо Императорской Археологической комиссии
в Московский археологический институт к открытому листу на имя В.В. Гольмстен**

№ 880 на № 6002²¹

С.-Петербург, 26 мая 1909 г.

Императорская Археологическая Комиссия, препровождая при сем открытый лист на имя г-жи В.В. Гольмстен с разрешением раскопок в Белебеевском уезде, Уфимской губернии, выражает уверенность, что г-жа Гольмстен уже осведомлена как с приемом производства раскопок, так и относительно обязательств перед Комиссией лиц, получающих от нее такие разрешения.

За Председателя Комиссии

Товарищ Председателя

Делопроизводитель

В. Латышев

А. Раевский

(ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 918. Л. 5)

7

**Отношение Императорской Археологической комиссии в Московский археологический
институт с просьбой прислать дополнительные сведения к отчету В.В. Гольмстен
о раскопках**

№ 514²²

С.-Петербург, 13 марта 1910 г.

Императорская Археологическая Комиссия, не имея адреса слушательницы Института В.В. Гольмстен, имеет честь покорнейше просить Институт не отказать в сообщении Г-же Гольмстен, что в доставленном ею отчете о раскопках ее в Уфимской губернии не помещены сведения об устройстве грунтовых ям в том и другом кургане и об составе и размерах зольного пласта во втором кургане.

Вместе с сим Комиссия желала бы получить рисунки найденных колечка и сосудов, а также сведения, куда эти вещи должны поступить или же уже переданы.

За Председателя Комиссии

Товарищ Председателя

Делопроизводитель²³

В. Латышев

(ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 918. Л. 7-7об.)

²¹ Документ написан на бланке Императорской Археологической комиссии. На документе имеются еще пометы.

²² Документ написан на бланке Императорской Археологической комиссии. Входящий № 145 от 21 марта 1910 г.

²³ Подпись неразборчива.

8

**Письмо В.В. Гольмстен директору Московского археологического института
А.И. Успенскому с просьбой принять в музей института археологические находки**

Москва, 30 марта 1910 г.²⁴

Его Превосходительству Господину Директору Московского Археологического Института Александру Ивановичу Успенскому.

Многоуважаемый Александр Иванович!

Прошу Вас принять от меня для помещения в Музее Московского Археологического Института вещи, добытые мною при раскопках летом 1909 г. в Уфимской губернии, а именно: бронзовое колечко и обломки 4-х глиняных сосудов в количестве 11-ти черепков. К вещам прилагаю отчет о раскопках.

Слушательница Института
Вера Гольмстен.
Москва. 30 Марта, 1910 года.

(ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 918. Л. 9)

9

**Письмо В.В. Гольмстен директору Московского археологического института
А.И. Успенскому с ответом на запрос Императорской Археологической комиссии**

Москва, 30 марта 1910 г.²⁵

Его Превосходительству Господину Директору Московского Археологического Института Александру Ивановичу Успенскому.

На предложение Императорской Археологической Комиссии дополнить мой отчет о раскопках в Уфимской губернии, честь имею сообщить, что как в кургане № 1, так и в кургане № 2 грунтовых ям не было. В кургане № 1 грунт был найден в нетронutom виде на протяжении всего дна колодца, исключая части, занятой камнями; когда камни были выбраны, под ними тоже оказался нетронутый грунт. В кургане № 2 погребение было, очевидно, на горизонте; кости беспорядочно сваленные в груду 1 арш. высоты, были найдены на глубине 1½ — 2½ арш. (при высоте насыпи в 2¼ арш.)²⁶. После зачистки дна, оказалось, что грунт нетронут.

При сем прилагаю рисунки бронзового колечка и сосудов. От сосуда № 1 сохранилось восемь обломков, а от №№ 2, 3 и 4 — по одному.²⁷

Что касается помещения куда-либо этих предметов, то прошу сообщить Императорской Археологической Комиссии, что вещи вместе с отчетом о раскопках помещены в Музее Московского Археологического Института.

Слушательница Института Вера Гольмстен.
Москва. 30 Марта, 1910 г.

(ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 918. Л. 11)

²⁴ На документе помета: «№ 194. 23 августа 1910 г.».

²⁵ На документе помета: «№ 195. III — 30 — 1910 г.».

²⁶ 1 аршин = 0,71 м.

²⁷ Рисунки вещей см.: ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 918. Л. 13.

10

Ответ Московского археологического института на отношение Императорской Археологической комиссии о раскопках В.В. Гольмстен. Черновик²⁸

№ 1777

Москва, 10 апреля 1910 г.

В Императорскую Археологическую Комиссию.

Имею честь препроводить в Императорскую Археологическую Комиссию дополнительный отчет о раскопках, произведенных слушательницей III курса вверенного мне Института Верою Владимировною Гольмстен в Уфимской губернии в 1909 году. При сем имею честь уведомить, что Г-жа Гольмстен письменно выражает желание пожертвовать для коллекции Музея Института найденные ею при раскопках колечко и сосуды, если на то последует разрешение Комиссии.

Директор Института Александр Успенский.

(ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 918. Л. 14)

11

Свидетельство В.В. Гольмстен об окончании Московского археологического института²⁹

№ 1892

Москва, 6 мая 1910 г.

Предъявительница сего Вера Владимировна Гольмстен, по выслушании двухлетнего теоретического курса наук в Московском Археологическом Институте по археологическому отделению, на экзаменационных испытаниях получила следующие отметки:

По Всеобщей истории искусства	ОТ
Истории русского искусства	
Юридическим древностям	ЛИЧ
Русской истории (истории учреждений)	
Истории русского языка	НО
Исторической географии	
Эпиграфике - - - - -	освобождена
Греческой палеографии - - - - -	от занятий
Славяно-русской палеографии	ОТ
Истории археологических открытий	
Этнографии	
Чтению древних рукописей	
Первобытной археологии	ЛИЧ
Христианской археологии	
Бытовым древностям	
Истории русской архитектуры	
Нумизматике	НО

Предметом для практических занятий на III курсе она, г-жа Гольмстен, избрала бытовые древности, по каковому предмету на основании § 4 Высочайше утвержденного 31 янв 1907 года

²⁸ Черновик на бланке директора института с незначительной редакторской правкой. Здесь приводится окончательный вариант текста.

²⁹ На бланке института, с сургучной печатью.

Положения о Московском Археологическом Институте и была допущена к защите диссертации перед Советом Института.

Г-жа Гольмстен диссертацию представила и успешно вполне защитила ее перед Советом Института, почему и удостоена звания ученого археолога и зачисления в Действительные Члены Института³⁰.

Выдается по личной просьбе г-жи Гольмстен. Видом на жительство служить не может. Должно быть возвращено в Канцелярию Института не позднее 15 Сентября сего 1910 года для обмена на Диплом³¹.

Директор Института Александр Успенский.
Делопроизводитель Василий Троицкий

(ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 918. Л. 16)

12

Прошение В.В. Гольмстен директору Московских высших женских курсов о зачислении слушательницей курсов

Москва, 1 августа 1914 г.

Господину Директору
Московских Высших Женских Курсов
Домашней учительницы
Веры Владимировны Гольмстен,
учительствующей в г. Москве,
бл[из] Знаменки по Лебяжьему пер., д. № 1, кв. 25.

Прошение.

Покорнейше прошу Ваше Превосходительство зачислить меня с начала 1914–15 академического года слушательницей исторического отделения историко-философского факультета. По окончании гимназии проживала в Петербурге, а с 1906 г. живу в Москве. Интересуюсь русской историей и археологией, в 1907 г. поступила во вновь открытый в Москве Археологический Институт, который и окончила в 1910 г. В настоящее время специально занимаюсь русской бытовой археологией и служу в Историческом Музее. При литературных работах, по своей специальности занимаюсь русской бытовой археологией и служу в Историческом Музее. При литературных работах, по своей специальности, ощущаю недостаток общего образования и считаю возможным пополнить его лишь прохождением полного курса наук, преподаваемых на историческом отделении Высших Женских Курсов.

Относительно степени знания иностранных языков могу указать, что достаточно свободно читаю по-французски и по-немецки.

Прошение о выдаче мне свидетельства о благонадежности было мною подано своевременно г. Градоначальнику г. Москвы.

В. Гольмстен.

Москва 1 Августа 1914 года.

При сем прилагаю:

1) Аттестат об окончании гимназии,

³⁰ Подчеркивания как в документе.

³¹ Свидетельство было возвращено. Диплом В.В. Гольмстен хранится в ее личном деле в делопроизводстве Московских высших женских курсов (ЦИАМ. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7811. Л. 45).

- 2) Свидетельство об окончании дополнит[ельного] класса,
- 3) Диплом об окончании Московского Археологического Института,
- 4) Копию метрического свидетельства с засвидетельствованным русским переводом,
- 5) Разрешение отца³².

Подлинную метрику обязуюсь представить.

В. Гольмстен.

(ЦИАМ. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7811. Л. 2–2об.)

13

Разрешение отца В.В. Гольмстен — В.Х. Гольмстена — на поступление его дочери на Высшие женские курсы

Москва, 2 августа 1914 г.

Сим удостоверяю, что к поступлению дочери моей Веры Владимировны Гольмстен в число слушательниц Высших женских Курсов, с моей стороны препятствий не представляется.

В.Н. Гольмстен³³

Москва. 1914 г., Августа 2 дня.

(ЦИАМ. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7811. Л. 9)

14

Свидетельство о благонадежности В.В. Гольмстен, выданное канцелярией Московского градоначальника³⁴

№ 92591

15 августа 1914 г.

Дано сие, вследствие прошения, дочери Коллежского Ассессора Вере Владимировне Гольмстен для представления при поступлении на Высшие Женские Курсы в том, что, она, просительница, проживая в Москве, с 1910 по 19 июля 1913 г. за исключением кратковременных выбываний под судом и следствием не была и ныне не состоит и ни в чем предосудительном полициею не замечена.

За Градоначальника

Помощник его

За Пом. Упр. Канцелярией³⁵

(ЦИАМ. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7811. Л. 3)

---

³² Все перечисленные документы имеются в личном деле и опубликованы здесь.

³³ Инициалы в подписи латинскими буквами.

³⁴ В деле также находится запрос В.В. Гольмстен в канцелярию Московского градоначальника от 12 августа 1914 г. на получение справки о благонадежности для поступления на курсы и ответ канцелярии о том, что идет сбор сведений (ЦИАМ. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7811. Л. 4–4об.).

³⁵ Подписи неразборчиво. Круглая печать Московского градоначальника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волков В.А., Куликова М.В., Логинов В.С., 2006. Московские профессора XVIII — начала XX веков. Гуманитарные и общественные науки. М.

Гарустович Г.Н., Минеева И.М., 2003. Из истории археологических исследований в Башкортостане: Вера Владимировна Гольмстен // Уфимский археологический вестник. Уфа. Вып. 4.

Классика самарского краеведения: Антология. Самара, 2008. Вып. 5: Золотое десятилетие самарского краеведения / Сост. Э.Л. Дубман, В.Н. Зудина.

Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А., 2007. Вера Владимировна Гольмстен: материалы к биографии. Самара.

Лебяжий переулок, д. 1: Литературная история // Интернет-сообщество «Архитектурное наследие». URL: http://community.livejournal.com/arch_heritage/102715.html (дата

обращения 10.02.2010).

Мизинова В.П., Сальников К.В., 1962. Памяти В.В. Гольмстен // СА. № 4.

Овсянников В.В., Яминов А.Ф., 2003. Исследования могильника у Чертова городища в Уфе (1911–1912 годы) // Уфимский археологический вестник. Уфа. Вып. 4.

Отчет о состоянии Московского Археологического Института в 1909–1910 академическом году. М., 1911.

Правила издания исторических документов в СССР. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1990.

Формозов А.А., 1975. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии // СА. № 4.

Юнусова Р.М., 1975. В.В. Гольмстен — первый советский исследователь древнего прошлого Самарской губернии // Краеведческие записки. Куйбышев. Вып. III: Самарская Лука в древности.

Н.В. Иванова
Нижегородский педагогический университет

ПИСЬМА БОРИСА СЕРГЕЕВИЧА ЖУКОВА В НИЖНИЙ НОВГОРОД

Борис Сергеевич Жуков (1892–1934) относится к тем ученым, имена которых долгое время замалчивались. Однако Б.С. Жуков так ярко проявил себя в археологии, что его научные исследования не могли остаться незамеченными. Публикации о нем появились только после реабилитации в 1959 г. (Бадер, Бунак, 1963. С. 146–148; Бадер, 1968. С. 23–28; Антология... 1995. С. 158). Наиболее подробный и неизвестный ранее материал опубликовал в 2008 г. видный археолог и историк науки А.А. Формозов (2008. С. 71–84), статья о Б.С. Жукове помещена также в Большой Российской энциклопедии (Кузьминых, 2008. С. 122, 123). Дополнением к немногочисленным публикациям могут послужить письма Б.С. Жукова, сохранившиеся в нижегородском архиве (ЦАНО. Ф. 6161. Оп. 1. Д. 315).

Б.С. Жуков был учеником и последователем Дмитрия Николаевича Анучина (1843–1923) — географа, антрополога, археолога и этнографа, основоположника московской палеоэтнологической школы, представители которой стремились к синтезу археологии, антропологии, этнографии и естественных наук. Б.С. Жуков, рассматривавший генезис и развитие древних обществ как последовательную эволюцию преимущественно автохтонных культур, создал периодизацию памятников Волго-Окского междуречья от мезолита до раннего железного века. Масштабные археологические исследования 1960–1980-х гг., развернувшиеся в регионе под руководством Д.А. Крайнова, подтвердили правомерность основных звеньев этой периодизации.

В 1920-х — начале 1930-х гг. Б.С. Жуков возглавлял серию регулярных комплексных археолого-антрополого-этнографических экспедиций этнологического факультета I Московского университета. Они охватили обширную территорию центра и востока Русской равнины (Московская, Ярославская, Тверская, Владимирская, Нижегородская, Орловская, Брянская, Рязанская, Пензенская, Кировская области, Республики Марий Эл, Татарстан, Удмуртская). Исследования проводились также в Прибалтике и в Крыму. Изучались археология и природная среда регионов, современный антропологический тип населения и его этнографические особенности.

Одним из опорных районов исследования было Нижегородское Поволжье. Под руководством Б.С. Жукова на территории Балахны раскапывалась мезолитическая стоянка Горшиха (1916–1917 гг.), Балахнинская неолитическая стоянка (1917 и 1923 гг.) и стоянка у Большого Козино (1925 г.), известные с XIX в. Волосовские дюны под Муромом (1926–1927 гг.) и стоянка Саконь (1923 г.). Обследовались также памятники бронзового века, расположенные на правом берегу Оки: Поздняковская стоянка (1925–1927 гг.), Сей-

минский могильник (1922–1929 гг.), курганы у д. Малое Окулово (1927–1928 гг.). В 1922–1923 и в 1925–1926 гг. велись раскопки городищ раннего железного века в Поветлужье («Паново городище», Русенихинское, Одоевское, Чортово и Богородское). Исследовались финские могильники: Перемчалкинский в Лукояновском районе (1926 г.), Сарлейский в Дальнеконстантиновском (1926–1927 гг.), Кузядонский (1927 г.) и Погибловский в Арзамасском районе Нижегородской губернии.

Вероятно, у Б.С. Жукова было особое отношение к Нижнему Новгороду — его родному городу, где и зародился его интерес к археологии. По мнению нижегородских краеведов, образованная в 1921 г. археолого-этнологическая комиссия — преемница Нижегородской губернской ученой архивной комиссии — создавалась при поддержке и активном участии Б.С. Жукова (Галай, 1999. С. 24). Вместе с членами НАЭК и в сотрудничестве с Российским Историческим музеем Б.С. Жуков проводил археологические исследования в родном крае. Он стремился привлечь к научным изысканиям и начинающего нижегородского историка Виктора Трофимовича Илларионова — автора брошюры «Обзор археологических открытий в Нижегородской губернии», где впервые была собрана вся известная информация о нижегородских древностях (Илларионов, 1922).

Сохранились пять писем Б.С. Жукова к В.Т. Илларионову. Первое из них датировано 1924 г., а последнее — 1930 г. В феврале 1924 г. в своем письме Б.С. Жуков давал рекомендации В.Т. Илларионову по работе с керамикой: как правильно нумеровать фрагменты, вписывать их в коллекционную опись, разбирать по типам, учитывая форму шеек сосудов и орнамент, формировать основную коллекцию и запасной фонд. Речь шла, вероятно, о работе с коллекцией неолитической керамики балахнинской культуры из раскопок Б.С. Жукова на Балахнинской стоянке в 1923 г. Керамике Б.С. Жуков отводил важную роль при исследовании этнической принадлежности древнего населения. Тщательный анализ керамических коллекций позволил ему «построить периодизацию, основанную на стратиграфическом распределении керамических комплексов» (Кузьминых, 2004. С. 144).

В апреле того же года он предложил В.Т. Илларионову присоединиться к работам, которые предполагалось провести в археологическом отделе Нижегородского исторического музея. Б.С. Жуков планировал провести реэкспозицию и музейную регистрацию археологических коллекций музея. Для обработки коллекций он направлял в Нижегородский музей своего студента — опытного практика, работы и беседы с которым, по его мнению, были бы полезны В.Т. Илларионову, а работа с музейным материалом являлась бы для него своего рода «практикумом по специальности». Можно предположить, что талантливым студентом, работавшим в Нижегородском музее, был ученик Жукова, Отто Николаевич Бадер, включившийся в музейную работу еще в годы учебы. Однако документов, подтверждающих его участие в обработке коллекций в 1920-х гг., пока не обнаружено.

Жуков полагал, что, ознакомившись с основами музейного дела, Илларионов мог бы продолжить работу в археологическом отделе как штатный сотрудник. Перспективность предложения подкреплялась и тем, что к Б.С. Жукову обращались с просьбой дать музею инструктора-руководителя, но он пока никого из молодежи выделить не мог. По окончании работ В.Т. Илларионову предоставлялся случай попрактиковаться в отыскании археологических памятников в процессе разведок близ Нижнего Новгорода вместе с учеником Б.С. Жукова А.Я. Садовским.

Б.С. Жуков стремился привлечь Нижегородский историко-бытовой музей к участию в научной работе Антропологической комплексной экспедиции (АКЭ) Антропологического института I МГУ. В одном из писем Б.С. Жуков благодарил В.Т. Илларионова за заботу о публикации материалов Сейминского могильника, которые хранились в Нижегородском музее, и высказывал мнение о том, что музею пора активно заниматься наукой по примеру других провинциальных музеев. Еще на Первом совещании палеоэтнологов Центрально-Промышленной области в 1926 г. Б.С. Жуков сообщал, что с 1923 г., после нескольких лет реорганизаций и переводов в новые помещения, музей вступил на путь се-

резного научного строительства и активного собирания новых коллекций. Однако к 1930 г. активной научной работы на базе Нижегородского музея развернуть не удалось.

По результатам исследований АКЭ к концу 1920-х гг. был подготовлен сборник трудов Ветлужской экспедиции, в котором предполагалось опубликовать материалы, полученные на ветлужских городищах. Готовились к изданию и монографии о поздняяковской и воловской культурах. В сборнике «Материалов к доистории Центрально-Промышленной Области» (1927) был дан анонс о предстоящей публикации работы Б.С. Жукова и О.Н. Бадера «Поздняяковская культура Муромского уезда Владимирской губернии». Выходу в свет этих трудов помешал арест Б.С. Жукова, после чего археологические работы Институ-

та антропологии были заметно сокращены, и АКЭ прекратила свое существование.

В последнем письме, датированном 14 февраля 1930 г., Б.С. Жуков откликнулся на приглашение приехать на краевую конференцию по изучению производительных сил и предложил тему своего доклада — «Вопросы мезолита на территории СССР по новейшим исследованиям». И далее переписка прерывается. Вероятно, это связано с арестом Б.С. Жукова и преждевременной кончиной выдающегося ученого, широкомасштабные исследования которого положили начало целому ряду экспедиций, сформировавших лицо отечественной археологии в 1930–1950-е гг., и во многом определили основные направления и уровень археологических работ на десятилетия вперед.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ПИСЬМА БОРИСА СЕРГЕЕВИЧА ЖУКОВА ВИКТОРУ ТРОФИМОВИЧУ ИЛЛАРИОНОВУ

1

8 февраля 1924 г.

Дорогой Виктор Трофимович!

Балахнинскую керамику¹ нумеруйте подряд (более крупные экземпляры) тушью или эмалевой краской (красной, чёрной и др.) так: Блх. № 281. Пишите на внутренней стороне обломков. Занумерованные обломки вписывайте в полевую опись, продолжая опись, переданную мною А.Я. Садовскому² так:

№№		Место находки
123–126	Обломки керамики орнаментированной	Тр[аншея] А, уч. 3
127–143	Обломки керамики орнаментированной	Тр[аншея] Б, уч. 6

и т. д.

Занумерованная и зарегистрированная керамика может быть соединена в общую коллекцию, разобрана по типам и т. д. Выделите из неё основную коллекцию типов шеек и орнамента, затем 1-ю дублетную и 2-ю дублетную. Остальные черепки могут идти в общий запасный фонд.

¹ Вероятно, речь идет о керамическом материале из раскопок Б.С. Жукова на Балахнинской неолитической стоянке в 1923 г.

² Садовский Александр Яковлевич (1850–1926), историк, с 1891 г. — член Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (НГУАК), с 1908 по 1921 г. — ее председатель, с 1921 по 1926 г. — председатель Нижегородской археолого-этнологической комиссии. В 1919–1922 гг. преподавал архивоведение в Нижегородском отделении Московского археологического института, одновременно заведовал Нижегородским губархивом. С 1923 г. — член-корреспондент Центрального бюро краеведения.

Посылаю Вам с Н.М. Романовым³ кн[игу] 3–4 «Р[усского] А[нтропологического] Ж[урнала]» за 1922 г. Книга 1–2 за 1923 г. выходит на днях из печати и её у меня ещё нет. Книга 3–4 за 1923 г. сдаётся в печать.

Привет Ал[ександру] Яковлевичу [Садовскому].

Всего Вам лучшего

Ваш Бор[ис] Жуков.

(ЦАНО. Ф. 6161. Оп. 1. Д. 315. Л. 6–6 об.)

2

4 апреля 1924 г.

Дорогой Виктор Трофимович!

Я имею Вам предложить примкнуть к работам, которые предположены по археологическому отделу Нижегородского музея. Вы, вероятно, знаете, что я организую реэкспозицию и музейную регистрацию с этикетировкой доисторических коллекций, по приглашению Ванеевой⁴. Работать будут один или двое моих студентов, которые выедут в Нижний в начале мая. Не знаю абсолютно Ваших взаимоотношений с Ванеевой и другими по О[тделу] Н[ародного] О[бразования], и предлагаю Вам это совершенно неофициально. Работать будет большой спец-практик, при работе каждый предмет пройдет через руки, так что для Вас, которому особенно необходима работа по музейному материалу, такое участие в работах явится своего рода «практикумом по специальности». Работы должны печататься под моим непосредственным руководством и при моём личном участии. Польза для Вас будет в ознакомлении не только с музейными коллекциями, но также и с основами музейной техники, т. к. это первая работа по арх[еологическому] отделу должна быть продолжена штатом музея по всему музею. Приблизительный срок работ — от 5-го мая в течение не менее 2-х недель. Студент⁵, которому поручается дело, — молодой, скромный и очень симпатичный, так что Вас не должна останавливать здесь Ваша природная скромность. Уверен, что работа и беседы с ним Вам многое дадут. Думается мне также (это моё личное мнение, которое пока — пусть остаётся между нами), что Вам было бы хорошо стать ближе к нижегородскому музею, быть может войти в его штат, а для этого первый шаг — предлагаемая Вам мною работа. Ванеева обращалась ко мне с предложением дать музею инструктора — руководителя на более долгий срок, но из нашей молодёжи пока никого не могу выделить; тот студент вырывается мною для Нижнего из больших работ по Москве ради лишней практики и желания привести Сейму и пр. в надлежащий вид. Работы будут происходить ежедневно в рабочие часы, а, может быть, и сверх их. Для Вас было бы хорошо принять в них активное и непрерывное участие, а не быть в роли постороннего зрителя.

Не откажите уведомить меня о том или другом решении Вашем поскорее, т. к. от этого будет зависеть планировка самих работ.

С искренним приветом

Бор[ис] Жуков

P.S. По окончании работ мой ученик должен будет, «из любви к искусству», отправиться на полевые разведки близ Нижнего, о чём мы уже говорили с А.Я. Садовским. Для Вас — опять хороший случай примкнуть и попрактиковаться в отыскивании памятников.

(ЦАНО. Ф. 6161. Оп. 1. Д. 315. Л. 4–5.)

³ Романов Николай Михайлович, геолог, профессор Московского археологического института и Горьковского университета, заместитель управляющего по научной части Нижегородского геологоразведочного треста в 1920–1930-х гг.

⁴ Ванеева Е.Н. — сотрудник Нижегородского отдела народного образования.

⁵ Этим учеником Б.С. Жукова в 1924 г., вероятно, был О.Н. Бадер, окончивший МГУ в 1926 г. и активно работавший на нижегородской земле.

3

25 октября 1929 г.

Многоуважаемый Виктор Трофимович!

Посылаю Вам свой ответ на запрос Самохвалова и извиняюсь за задержку: я был кратковременно в Нижнем [Новгороде] и Ваше письмо разошлось со мною. Не сомневаюсь, что из этого дела ничего не выйдет, но пишу подробно, чтобы были ясны мои намерения. Сейчас и в ближайшем будущем я загружен литературной работой; вместе с тем, мысль об издании руководства меня не оставляет. Уверен, что когда смогу вплотную об этом подумать, — найду издательство, которое возьмётся за эту книгу.

Журнал только что вышел⁶, но мы его ещё не получили и вряд ли получим больше чем по 1 экз[емпля]ру на автора, т. к. все редакционные уйдут за границу. Стоит он 4 р. (бешеная цена!). Но это хозрасчёт Главнауки.

Буду в Нижнем около 16-го — 20-го декабря. Думаю — тогда увидимся. Жму Вашу руку и благодарю сердечно за заботы обо мне.

Ваш Бор[ис] Жуков.

(ЦАНО. Ф. 6161. Оп. 1. Д. 315. Л. 3.)

4

17 января 1930 г.

Москва

Многоуваж[аемый] Вик[тор] Тр[офимович]!

Благодарю Вас за заботы по поводу напечатания Сеймы. Вопрос о ней ставился много в музее по той линии, что Музею пора бы начать выступать на научном фронте, о чём уже 2 года велись разговоры⁷. Между тем ряд других провинци[аль]ных музеев внесли свои вклады в общую науку, а Нижегородский плетётся в хвосте. Имея в виду это, я сказал, что берегу Сейминскую работу⁸, как тесно связанную с Музеем, в которой музей должен быть заинтересован для Музея. Это не значит, что я стану предпринимать агитацию за напечатание работы, т. к. в любой момент когда окончу её, сумею её напечатать. Так как я работаю планоно, то мне и нужно всегда заранее знать, когда какая работа будет выходить. Если бы музей захотел её иметь, я бы её включил в свой план, чтобы осенью сдать в набор.

С приветом Бор[ис] Жуков.

(ЦАНО. Ф. 6161. Оп. 1. Д. 315. Л. 2.)

⁶ Вероятно, речь идет о журнале «Этнография» со статьей Б.С. Жукова (1929).

⁷ Видимо, речь идет о необходимости организации в музее научной работы, основы которой были заложены во время работы АКЭ. Б.С. Жуков считал, что Нижегородский музей по своим палеоэтнологическим и этнографическим коллекциям должен занять одно из видных мест среди провинциальных музеев. Он писал: «Историко-Бытовой Музей, обладающий ценнейшей Сейминской коллекцией, с самого начала своей последней реорганизации, при постоянной моей консультации и при участии коллектива Палеоантропологической Лаборатории Антропологического Института I-го М.ГУ., произвёл переучёт и полную реэкспозицию своего Отдела Доисторических Культур, а также принимал участие в организации Ветлужской Антропологической Комплексной экспедиции Антропологического Института I-го М.ГУ. В результате этого участия Музей получил ряд целостных оригинальных коллекций по неолиту и культурам Ветлужских городищ» (Жуков, 1927. С. 65).

⁸ Обследование памятников Сейминской дюны под руководством Б.С. Жукова производилось трижды. В 1922 г. — раскопки при содействии Российской Академии истории материальной культуры и Нижегородской археолого-этнологической комиссии. В 1928 г. — обследование без вскрытия при участии научного сотрудника Нижегородского музея М.П. Званцева. В 1929 г. раскопки проводились на средства Нижегородского музея в рамках Антропологической комплексной экспедиции МГУ при участии аспиранта Института антропологии Г.Ф. Дебеца, студентов кафедры антропологии МГУ М.В. Талицкого (см. о нем: Оконникова, 2007) и А.И. Семёновой, сотрудника Нижегородского музея М.П. Званцева и практикантки музея Е.В. Постниковой. Собранный материал поступил в Нижегородский музей.

14 февраля 1930 г.

Москва

Многоуважаемый В.Т.!

Идя навстречу Ваш[ему] пожеланию могу Вам предложить доклад при приезде на краевую конф[ерен]цию по изучен[ию] произв[одительных] сил (если она будет и если я приеду). Тема доклада «Вопросы мезолита на территории СССР по новейшим исследованиям»⁸. Имею диапозитивы.

Уважающий Вас Бор[ис] Жуков.

(ЦАНО. Ф. 6161. Оп. 1. Д. 315. Л. 1.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антология советской археологии. Т. 1: 1917–1933 / Под ред. Н.Я. Мерперта. М., 1995.

Бадер О.Н., 1968. Памяти Бориса Сергеевича Жукова // СА. № 4.

Бадер О.Н., Бунак В.В., 1963. Памяти Б.С. Жукова // Вопросы антропологии. Вып. 15.

Галай Ю.Г., 1999. Археологическая деятельность Нижегородской археолого-этнологической комиссии // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород.

Жуков Б.С., 1927. Палеоэтнологические работы Нижегородских научных учреждений // Материалы к доистории Центрально-Промышленной Области: I-е Совещание Палеоэтнологов Центрально-Промышленной Области, созванное Государственным Музеем Центрально-Промышленной Области 27–29 мая 1926 года. М.

Жуков Б.С., 1929. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы

по данным изучения керамики // Этнография. № 1.

Илларионов В.Т., 1922. Обзор археологических открытий в Нижегородской губернии. Нижний Новгород.

Кузьминых С.В., 2004. Отто Николаевич Бадер и отечественная археология эпохи раннего металла // РА. № 4.

Кузьминых С.В., 2008. Жуков Борис Сергеевич // БРЭ. Т. 10.

Материалы к доистории Центрально-Промышленной Области: I-е Совещание Палеоэтнологов Центрально-Промышленной Области, созванное Государственным Музеем Центрально-Промышленной Области 27–29 мая 1926 года / Под ред. Б.С. Жукова и О.Н. Бадера. М., 1927.

Оконникова Т.И., 2007. Научная биография М.В. Талицкого: взгляд современников (к 100-летию со дня рождения) // РА. № 2.

Формозов А.А., 2008. О Борисе Сергеевиче Жукове: Материалы к биографии // Статьи разных лет. Курск.

⁹ Доклад не опубликован.

Н.М. Малов

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

СОВЕТСКИЙ АРХЕОЛОГ ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ РЫКОВ. К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

История и историография отечественной археологии многие годы плодотворно разрабатывалась А.А. Формозовым, внесшим определенный вклад и в изучение истории археологии Нижнего Поволжья XIX–XX вв. В частности, А.А. Формозов обратил внимание на деятельность коллекционеров-археологов первой половины XIX в., пасторов немецких колоний Г. Цвика и А. Глича, ориентировавшихся на немецкие научные центры (1997. С. 19–21).

Г. Цвик известен тем, что купил и передал в мюнцкабинет Йены условно называемую «корону Джанибека» с городища «Сарая». А.А. Формозов считал Г. Цвика автором первых научных раскопок двух курганов в Нижнем Поволжье южнее Сарепты, опубликованных в Ежегоднике Дерптского университета (Формозов, 1971. С. 191–193). А.А. Формозов составил список археологических публикаций в «Журнале Министерства внутренних дел» за 1830–1860 гг., отметив, что в этом издании XIX в. много заметок об археологических памятниках и их необходимо использовать при современном картировании (1996. С. 28–35).

Там есть публикации о древностях и монетах из Астраханской и Саратовской губерний, о столицах Золотой Орды, Водянском, Увекском городищах и других объектах (В.В. Григорьев, А. В. Терещенко, А.Ф. Леопольдов

и др.). Отметим, что также полезен библиографический указатель археологических публикаций из раздела: «Материалы для Саратовской библиографии» Трудов СУАК. В нем указаны работы XIX — начала XX в. по археологии, археографии, нумизматике и истории Нижнего Поволжья на русском и иностранных языках (Материалы... 1910. С. 145–152).

В октябре 2009 г. исполнилось 125 лет со дня рождения саратовского археолога — профессора Павла Сергеевича Рыкова. Основополагающий вклад Рыкова в становление и развитие советской археологии, музейного дела и краеведения Нижнего Поволжья общепризнан специалистами (Третьяков, 1934. С. 153–154; Худяков, 1935. С. 155–158; Арзютов, Синицын, Сушицкий, 1936; Синицын, Степанов, 1961. С. 126–130; Дербов, 1983. С. 23–38; Максимов, 1989. С. 3–10; Мерперт, 1995. С. 221; Малов, 2006а. С. 192–279). Рыков активно участвовал в создании новой, марксистской археологии, опирающейся на методологию исторического материализма, стремился использовать археологический материал для разработки социально-экономических и общественных отношений (Мерперт, Шилов, 1989. С. 26).

А.А. Формозов полагал, что Рыков принадлежал к новой формации исследователей, «преданно служивших» советской власти (2006. С. 32, 36, 66, 76, 85, 185, 186, 211, 216.).

Будучи членом ВКП (б), директором СОМК и НИИ Краеведения, деканом воссозданного (с 1935 г.) истфака СГУ, Павел Сергеевич действительно мог исполнять свои обязанности, только руководствуясь постановлениями СНК и ЦК ВКП (б) об исторической науке, подготовке учебников и преподавании гражданской истории.

Это подчеркнуто во введении к последней его монографии: «Можно думать, что разработка археологических тем, касающихся тех или иных отдельных областей Советского Союза, имеет также известное значение, особенно принимая во внимание постановления партии и правительства о преподавании гражданской истории в средней школе и последнее постановление по поводу учебников истории, вызвавших замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова об ошибках так называемой школы М.Н. Покровского» (Рыков, 1936. С. 3, 150. Сноска 103).

В итоге плодотворной археологической, музейной и краеведческой деятельности Рыков опубликовал около 90 работ. Список публикаций может увеличиться, поскольку иногда под заметками Рыкова указан псевдоним «П. Р.». Историографы третьей четверти XX в. обычно шаблонно критиковали Рыкова за приверженность к теории стадильности Н.Я. Марра, поскольку так было принято, и термин «стадия» присутствовал в хвалынской культуре эпохи бронзы.

Однако хвалынские стадии характеризовались по сугубо археологическим параметрам, отличавшимся от общепринятых подходов апологетов стадильной теории. Симптоматично и то, что в последней монографии Рыкова нет ссылок на работы Н.Я. Марра. В такой трактовке термин «стадия» упомянут лишь в качестве ссылки на работу В.И. Равдоникаса, где автор: «...достаточно убедительно говорит об этом в отношении к “кимерам” юга России, т. е. к населению, состоявшему на стадии киммерийской, по терминологии академика Н.Я. Марра» (Рыков, 1936. С. 52).

Интересны две самые ранние рецензии на работы Павла Сергеевича о Сусловском могильнике. Вероятно, не случайно получилось, что жизненные судьбы рецензентов и Рыкова оказались одинаково трагичными. Московские коллеги Борис Сергеевич Жуков (1892–

1934) и Алексей Алексеевич Захаров (1884–1937) подчеркнули важность опубликования Рыковым итогов больших полевых работ.

Б.С. Жуков — профессор кафедры антропологии МГУ, член Московского отделения ГАИМК, заведующий археологическим подотделом Главнауки при Наркомпросе — скончался вскоре после освобождения в 1934 г. (Формозов, 2006. С. 201–202; 2008. С. 71–84). Проблематика работы Рыкова была не так близка Жукову — специалисту по первобытной археологии. Тем не менее, в рецензии отмечено, что курганы не только характеризуются, но и подразделяются на группы. Исследования выявляют «ряд культурных наслоений и, по-видимому, этнических групп в Сусловском могильнике, вносят свежий, оригинальный и тщательно проработанный автором материал в наши знания о южно-российских степных культурах периода металлов» (Жуков, 1926. С. 108). Отмечено нахождение в Сусловском могильнике искусственно деформированных черепов.

Профессор МГУ, сотрудник ГИМ и заведующий археологической секцией Московского отделения ГАИМК А.А. Захаров избирался в 1918 г. преподавателем древней истории СГУ, поэтому был хорошо знаком с Ф.В. Баллодом, П.Д. Рау и П.С. Рыковым (Малов, 2006а. С. 7–14). Работа по сарматскому Сусловскому могильнику ему близка как антиковеду и востоковеду. Захаров отметил энергичную и плодотворную деятельность саратовского профессора, «...уже в течение ряда лет занимающегося с столь большим успехом археологической работой...» (1925. С. 360).

Подчеркнуто, что большая часть из 60 курганов I в. до н. э. — III в. н. э. аналогична культуре из раскопок Н.И. Веселовского на Кубани, в Царицынском уезде (Греков) и в Ольвии (Б.В. Фармаковский). По вопросу о сарматских погребениях, в том числе и о группе «В», носители которой, по Рыкову, пришли с Кубани и Северного Кавказа, Захаров высказал иное суждение. Он не исключал что, «...скорее можно предполагать обратное движение, считая Кубань и Причерноморье периферией сарматской области. С ней близка культура “Д”; что же касается культуры “С”, то она является переходной. Если в культуре “В” можно видеть аланскую культуру, то

культуру “Д” можно, пожалуй, считать принадлежащей другому сарматскому племени, напр., аорсам» (Там же).

В 1930-е гг. научные связи с «буржуазным ученым» А.М. Тальгреном и заграничные командировки могли служить достаточным поводом для репрессий (Формозов, 2006. С. 60). Рыкову могли припомнить, что в 1927 г. три месяца он был в служебной командировке в Германии с научной целью, ряд лет контактировал с А.М. Тальгреном и публиковался в его «фашистском» журнале *ESA* (Малов, 2006б. С. 253). Осознавая изменившуюся политическую ситуацию, Павел Сергеевич отметил «не марксистские» подходы финского археолога: «Проф. Тальгрэн, рассматривая в своей работе мордовские территории в качестве финских, несомненно, делает ошибку, которая объясняется его общей концепцией. В марксистской археологической литературе подобные взгляды в настоящее время уже достаточно вскрыты; и для нас не представляется необходимым много об этом говорить» (Рыков, 1936. С. 69).

Вместе с тем, «опрометчиво» упомянута работа уже «врага народа» М.Г. Худякова, до этого опубликовавшего статью со списком трудов к 25-летию научной деятельности Рыкова (Худяков, 1935). Несколько раньше к этой дате была приурочена заметка П.Н. Третьякова (1934). Оба автора отметили огромную научно-педагогическую, научную и музейную деятельность ученого-общественника Рыкова, получившую широкий размах только после Октябрьской революции.

Сравнительно недавно внуки Павла Сергеевича обнаружили интересные документы, сохранившиеся в семейном архиве (Гусева, Павлова, Ростокина, 2009; Ростокина, Павлова, 2009. С. 60–61). Некоторые из них используются и публикуют в данной статье, за что выражаю искреннюю благодарность Л.С. Павловой и Н.С. Ростокиной. Есть два письма от Дмитрия Николаевича Эдинга (1887–1946) — выпускника Московского университета (1913 г.), археолога-сотрудника ГИМ.

Касаясь приглашения Рыкова побывать в Костёнках, полученного от П.П. Ефименко (Приложение 2), Эдинг заметил: «Вот смотреть на приглашение в Костёнки как бы на

“любезность” я не могу. М.б. конечно Вы высказывали когда-нибудь желание побывать на раскопках палеолит. стоянки, но П.П. не такой человек, чтобы запомнить такие желания, а тем более осуществлять их, если они не связаны с его собственной выгодой. Принять участие в раскопках — в качестве кого? Воля Ваша, а П.П. в данном случае что-то чересчур ярко манифестирует свою приязнь. Знаете ли Вы, что С.Н. Быковского нет ни в партии, ни в Институте Археологии. Не чувствует ли П.П. возможность приглашения Вас в Институт?» (Эдинг, 1936).

В выписке из метрической книги Московской Василие-Кесарийской, Тверской Ямской слободы, церкви под № 266 значится, что родившийся 7 октября 1884 г. Рыков крещен 14 числа того же месяца и года. Родители православные: подпоручик 23 пехотного Нижегородского полка Сергей Павлович Рыков, и законная жена его Мария Ивановна. Восприемники: московский купеческий сын Дмитрий Андреевич Соколов и его жена Екатерина Павловна Соколова.

При советской власти ни в одном анкетном документе, заверенном Рыковым, не отмечено, что он родился в семье военнослужащего царской армии. В последнем Личном листке по учету кадров СГУ (от 26 сентября 1935 г.) в пункте 5 он отметил: «Соц. происхождение: бывш. сословие (звание) *с. чиновника (бухгалтер)* б) основное занятие родителей *отец — бухгалтер, мать — домохозяйка*» (Рыков, 1935).

В 1905 г., после окончания 4 Московской гимназии (илл. 60), Павел Рыков поступил на историко-филологический факультет Московского университета. С 1907 г. Рыков параллельно учился на археологическом отделении Московского Археологического института. Оба вуза он закончил в 1910 г. Студентом (илл. 61) работал в Историческом Российском музее под руководством своего учителя В.А. Городцова, в 1908 г. командировался Институту на 6 месяцев в Калужскую губернию для разбора архивных материалов.

Павел Сергеевич женился 24 января 1910 г. на Надежде Александровне Погожевой. Вскоре, после окончания в мае 1910 г. полного курса наук Императорского Московского университета с дипломом второй степени

и Московского Археологического института — с защитой диссертации и получением звания ученого археолога, Рыков начал государственную службу штатным контролером акцизных сборов Курской губернии. Затем он работал преподавателем истории и русского языка в Курском городском Реальном училище. У Павла Сергеевича и Надежды Александровны было двое детей, также православного вероисповедания. Дочь Елена родилась в г. Курске (5 января 1911 г.), а сын Сергей — в г. Москве (20 августа 1915 г.).

Интересной деталью дореволюционной биографии будущего советского профессора является то, что Высочайшим приказом № 1 от 1 января 1914 г. преподавателя Режицкой мужской гимназии П.С. Рыкова наградили орденом Св. Станислава 3-й степени. Вместе с письмом Канцелярии попечителя Виленского учебного округа от 2 сентября 1914 г. об этом направили соответствующую грамоту за № 2674.

Сохранилась фотография Рыкова в мундире директора гимназии с этим орденом и другое фото (илл. 62), сделанное за год до переезда в Саратов. В советских документах об этой своей награде он также не сообщал. Эта деталь всплыла при аресте в 1937 г., когда орден изъяли во время обыска.

За два года до этого все обстояло более чем благополучно. В 1935 г. (17 декабря) прошли чествования в связи с 50-летием со дня рождения и 25-летием научно-педагогической и общественной деятельности Павла Сергеевича. Приказом № 99 от 8 сентября 1935 г. в СГУ открывается исторический факультет, деканом которого утверждается Рыков (Культурное строительство... 1985. С. 163). Судя по сохранившейся машинописной незаверенной копии заключения В.А. Городцова (от 26. XII. 1935 г.), не исключалась возможность получения Павлом Сергеевичем ученой степени доктора археологии (*Приложение 1*). За выдающуюся научную и общественную деятельность на заседании Саратовского Горсовета 4 марта 1937 г. вручили почетные грамоты ВЦИК профессорам СГУ Рыкову и Мажаровскому (Сталинец, 1937. С. 1) илл. 63.

А.А. Формозов допускал, что следственное дело Рыкова могло отпochковаться от «академического» (2006. С. 196). Однако между

первой волной репрессий 1929–1930 гг. и последующей, к которой относится дело Павла Сергеевича, есть существенный временной промежуток. Поэтому и по другим причинам основную роль в инициировании следственного дела против П.С. Рыкова сыграли процессы второй волны репрессий 1935–1937 гг., обычно связываемые с разгромом школы М.Н. Покровского. К этому времени среди многочисленных коллег уже было вполне достаточно расстрелянных и репрессированных советской властью археологов, историков и краеведов (А.С. Башкиров, Б.С. Жуков, А.А. Захаров, М.Г. Худяков и др.) для того, чтобы бдящим спецорганам заинтересоваться Рыковым.

В связи с процессом 1936–1937 гг. над членами «троцкистско-зиновьевского блока», где крупной знаковой фигурой стал однофамилец, уроженец г. Саратова и «правый уклонист» Алексей Иванович Рыков (1881–1938), эта фамилия вызывала «негативные политические ассоциации». Дополнительным раздражителем могло служить и то, что имя П.С. Рыкова было «некорректно» присвоено Отделу археологии СОМК и Калмыцкому музею. В ходе борьбы с «врагами народа» профессора и обвинили в «правотроцкистской деятельности».

Жена Павла Сергеевича полагала, что его арест связан с кампанией «по борьбе с вредительством». В письме в Саратовскую тюрьму (сентябрь 1937 г.), Надежда Александровна специально подчеркнула: «Ведь НКВД тонко разбирается во всем. Ведь наши же дети пострадали от вредительства... Пусть тысячу проверят таких как ты, чтобы не осталось ни одного гада» (Рыкова, 1937).

В 1937 г. «вдруг» выяснилось, что Павел Сергеевич «целенаправленно» принимал на работу в СОМК и на истфак СГУ сосланных в Саратов лиц — своих «политически неблагонадежных товарищей». Комсомольцы СГУ, среди которых с обличениями выступил исполняющий обязанности декана истфака В.А. Осипов, будущий доцент кафедры истории СССР (Исторические науки... 1959. С. 111), поставят в вину Рыкову то, что он сознательно засорил истфак «контрреволюционерами» и «врагами народа». Среди них оказался академик Рязанов и «обиженный со-

ветской властью интеллигент» Доватур (*Приложение 3*).

Аристид Иванович Доватур — выпускник историко-филологического факультета СГУ, видный отечественный филолог-классик, заведующий кафедрой классической филологии Ленинградского университета, в 1935–1937 гг. работал ассистентом на кафедре Древней истории истфака СГУ, которой заведовал Рыков (Исторические науки... 1959. С. 125, 283). В Саратов его выслали из Ленинграда сроком на 5 лет, как члена контрреволюционной группы АБДЕМ, «в порядке очистки города от социально чуждых элементов» (Вольфцун, 2003. С. 1–4).

Вслед за Рыковым (28 октября 1937 г.) арестовали другого ссыльного ленинградца, Николая Николаевича Дмитриева, работавшего в Нижневолжском институте краеведения и СОМК (Приказы... Л. 74). До этого приказом № 71 от 9 декабря 1936 г. Рыков назначил его научным сотрудником историко-революционного отдела СОМК, с окладом 200 рублей в месяц (Там же. Л. 56). О Дмитриеве пока мало сведений. Известно, что родился он в 1885 г. в Санкт-Петербурге, проживал у брата в г. Курске, до саратовской ссылки служил в Петроградском отделе Центрального архива (после чистки «от ставленников Платонова») и в Институте истории феодального общества ГАИМК (Малов, 2006а. С. 23–24). Судя по подготовительным материалам Книги Памяти Саратовской области, по обвинению в «контрреволюционной деятельности» Тройка при Управлении НКВД по Саратовской области приговорила его 14 ноября 1937 г. на 10 лет. Дмитриев реабилитирован Саратовским областным судом 11 июня 1956 г.

С «полного личного одобрения» Сталина крупнейшего отечественного марксоведа, создателя Института Маркса и Энгельса, академика Давида Борисовича Рязанова (Гольдендах) (1870–1938) исключили из партии и в 1931 г. выслали в Саратов (Смирнов, 1995; Рокитянский, 2008). Здесь он работал консультантом в библиотеке и на истфаке, где деканом был Рыков. Рязанова арестовали в Саратове 23 июля 1937 г. по ложному доносу и обвинению в связях с мифической право-оппортунистической троцкистской организацией.

Я.Г. Рокитянский, опубликовавший два черновика писем Рязанова к Рыкову от 7 и 9 мая 1937 г. и ответ декана истфака СГУ, вполне справедливо считает, что эта переписка оказалась в следственном деле не случайно, т. к. авторов писем потом «взяли под стражу» (Рокитянский, 1995). Кроме того, Я.Г. Рокитянский верно подметил, что их арестовали после того, как в июле 1937 г. в Саратове побывали «эmissары Сталина»: А.А. Андреев (1895–1971) и Г.М. Маленков (1902–1988) — инициаторы ежовского террора.

Известно что, Андреев лично участвовал в организации репрессий, и там, где он бывал, гибло много людей. В результате поездки Андреева и Маленкова в 1937 г. было санкционировано применение только высшей меры наказания к 439 работникам Саратовской области (Торчинов, Леонтьев, 2000). Имя Андреева и сейчас известно в народной саратовской топонимике. «Андреевской дачей» называют здание, сохранившееся на высоком берегу Волги около с. Пристанное в окрестностях Саратова. Здесь Андреев обычно останавливался в послевоенное время на отдых и во время служебных командировок.

Арестовали Рыкова позже Рязанова, поскольку с 29 июня по 10 августа он находился в научной археологической экспедиции в Калмыцкой АССР (Приказы... № 30 — 28.VI.37. Л. 67). Перед возвращением Рыкова с раскопок, 6 августа, в областной газете «Коммунист» появляется «запланированная сверху» заметка «В Университете неблагополучно». В ней недвусмысленно констатировалось: «...на истфак — где 120 вакантных мест — было подано лишь 45 заявлений. По истфаку из пяти кафедр руководителями были обеспечены только две» (Солодовников, 1937. Л. 1).

Прибывшего 10 августа Павла Сергеевича взяли через три дня — 14 августа (Малов, 2006а. С. 23). Следственные дела против Рязанова и Рыкова, возбужденные близко по срокам, протекали в рамках одной крупномасштабной зачистки. Вовремя и планомерно появилась публикация в «Коммунисте», а также прошло собрание комсомольцев СГУ. Вероятнее всего, Рыкова арестовали в связи с делом Рязанова, являвшегося очень крупной политической фигурой, в устранении которой Сталин был заинтересован лично.

Спустя два месяца после ареста Рыкову зачитали выдержки из допросов арестованных ранней весной двух профессоров. Первоначально Павел Сергеевич отрицал эти показания, по которым он контрреволюционно относился к мероприятиям партии (коллективизация, раскулачивание). В результате пристрастных допросов в конце ноября он признает себя соучастником «правотроцкистской организации», 24 января 1938 г. приговаривается к тюремному заключению на 10 лет, с поражением в политических правах (Максимов, 2000). Не случайно и то, что приговор Павлу Сергеевичу был вынесен спустя три дня после расстрела Дмитрия Борисовича.

По расстрельному списку, заверенному Сталиным 22 декабря 1937 г., старого револю-

ционера Рязанова Военная коллегия Верховного суда приговорила 21 января 1938 г. к расстрелу (Смирнов, 1995; Рокитянский, 2008). В тот же день приговор был исполнен в Саратове. Рязанов реабилитирован посмертно в 1958 г., а по партийной линии — в сентябре 1959 г. Однофамильца Павла Сергеевича — А.И. Рыкова — расстреляли 15 марта 1938 г. в Москве (Шаповалов, 1996).

Павел Сергеевич скончался в исправительно-трудовом лагере под Уссурийском, также посмертно реабилитирован и восстановлен в партии. В его нотариально заверенном 12.07. 1956 г. свидетельстве о смерти указано: умер 26 марта 1942 г., в возрасте 56 лет, причина смерти — крупозное воспаление легких. Официальные данные о месте смерти и расположении могилы отсутствуют.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ОТЗЫВ О НАУЧНЫХ ТРУДАХ П.С. РЫКОВА НА ПРЕДМЕТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЕМУ СТЕПЕНИ «ДОКТОРА АРХЕОЛОГИИ»¹

Профессор Павел Сергеевич Рыков является выдающимся археологом, известным не только повсюду в СССР, но и далеко за границей. Лично и особенно внимательно изучаю его научно-исследовательские работы, как бывшего моего слушателя по Московскому Археологическому институту и считаю долгом заявить, что эти работы, действительно, являются крупным вкладом в археологическую науку. Всего их уже напечатано 55 наименований. Подробный список их издан Академией Наук СССР во 2-м выпуске «Советской этнографии» 1935 года. Из них особенно значительны те, которые касаются археологических памятников Нижнего Поволжья. До появления трудов П.С. Рыкова, Нижнее Поволжье было обследовано очень слабо, благодаря же его строго научным трудам, оно заняло одно из первых мест в СССР. Всего по изучению Нижнего Поволжья П.С. Рыковым напечатано 38 работ. В этих работах освещаются памятники разных эпох, от неолита до времени колонизации края русским народом. Особенно же

подробно изучаются памятники бронзовой эпохи, восходящие ко времени ранее I-го тысячелетия до нашей эры, где установлены новые, ранее совершенно неизвестные культуры и сделаны хронологические сопоставления с культурами, открытыми в других областях СССР. Изучению этих памятников П.С. Рыков посвятил 8 работ. Касаясь более поздних памятников Нижнего Поволжья, он впервые открыл и описал скифо-сарматские культуры Нижнего Поволжья, а также культуры финнов, болгар, поздних кочевников и татар.

В общем научно-исследовательские труды П.С. Рыкова имеют большое значение в археологии СССР и, по моему глубокому убеждению, дают ему полное право на степень «Доктора Археологии».

Профессор В.А. Городцов
26. XII. 1935 г.

С подлинным верно:
СЕКРЕТАРЬ УЧЕБНОЙ ЧАСТИ»

¹ Хранится в семейном архиве Рыковых.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2²

«Дорогой Павел Сергеевич! Несмотря на неважную погоду наши раскопки в Костёнках и Боршеве идут успешно. Мы все были бы рады видеть Вас у себя. Сейчас раскопки входят в наиболее интересную фазу и Вы не имели бы основания жалеть о потере нескольких дней на проезд сюда. В случае нужды охот-

но возьму на себя расходы по Вашей поездке, т. к. экспедиция в этом году не стеснена в средствах. Условие сообщения Вы знаете. Воронеж, затем 4 часа на пароходе до Костёнок. Хорошо, если Вы уведомите нас о выезде.

Дружески жму руку.

14/VIII 36 г. П. Ефименко» (Автограф).

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ИЗ СТАТЬИ «ДО КОНЦА РАЗОБЛАЧИТЬ ВРАЖЕСКУЮ АГЕНТУРУ В УНИВЕРСИТЕТЕ»³

«Три дня — 5, 7 и 8 октября — проходило общее комсомольское собрание университета, посвящённое обсуждению решений IV пленума ЦК ВЛКСМ “О работе врагов народа внутри комсомола”. Доклад о решениях Пленума сделал секретарь комитета тов. **Фронтасьев**⁴. Докладчик рассказал о подлой деятельности врагов народа в комсомоле. <...>

Прения и разбор дел людей, исключённых из комсомола за враждебную работу среди студенчества университета, за тесные связи с врагами народа, показали, что и в университете мы имеем многочисленные факты вражеской, контрреволюционной деятельности. Собрание исключило из рядов ВЛКСМ **Любименко** и **Суханцева** за контрреволюционную агитацию в общежитии. Комсомольцы выразили политическое недоверие **Мельникову** и **Поповой** (истфак) за связи с врагами народа и их приспешниками, за неискренность перед комсомольской организацией. Комитету ВЛКСМ истфака предложе-

но рассмотреть вопрос о их пребывании в комсомоле. <...>

Выступивший затем в прениях и.о. декана истфака комсомолец **Осипов** рассказал о работе врагов на истфаке.

Враги народа **Рыков** и **Охоцимский** протаскивали на лекциях антисоветские, контрреволюционные взгляды. Комсомольцы истфака не сумели раскрыть подлинного содержания этих лекций. Враг народа **Рыков** сознательно засаривал истфак контрреволюционерами, врагами народа. Здесь орудовали **Зайдель**, **Охоцимский**, **Рязанов** и др. Здесь подвизался некий латинист **Доватур**, хороший знакомый **Рыкова**. Этот **Доватур** разыгрывал из себя несчастного, “обиженного советской властью интеллигента”. Получая громадные деньги, он вечно ходил чуть ли не в лохмотьях.

Доватур вёл подозрительную дружбу с комсомольцем **Мельниковым**. Дружба эта зашла так далеко, что **Мельников** старательно скрывал истинный её характер перед комсомольским собранием. <...>

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ П.С. РЫКОВА

1. Могильник близ ст. Сморгонь // Записки Северо-Западного отдела Русского Географического общества. Вильна, 1914. Кн. 4. С. 7–13.

2. Дневник раскопок близ м. Сморгонь Ошмянского у. Виленской губ. // Там же. С. 13–17.

² Фамилии выделены в оригинале.

³ Сталинец. 1937. С. 1.

⁴ Фамилии выделены в оригинале.

3. Могильник близ имения Маркененты Ошмянского у. Виленской губ. // Там же. С. 18–22.
4. Кольчуга Виленского музея // Древности: Тр. Московского археологического общества. М., 1916. Т. XXV. С. 110–121.
5. Археологические раскопки в Режицком и Люцинском уездах Витебской губернии // Древности Латгалии. Режица, 1917. Вып. 1. 48 с.
6. Археологические исследования в Саратовском крае // Новый Восток. 1923. № 3. С. 584–585.
7. Погибающее городище (Увек) // Там же. С. 585–590.
8. Археологические разведки в Саратовском крае // Новый Восток. 1923. № 4. С. 505–507.
9. Юго-восточные границы радимичей (раскопки курганного могильника близ с. Гочева, Обояньского у., Курской губ.) // Уч. зап. СГУ. 1923. Т. I. Вып. 3. С. 39–53.
10. Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уездах Саратовской губ. в 1922 г. // Тр. Об-ва истории, археологии и этнографии при СГУ. (Бывш. Уч. Архивн. Комис.). Саратов, 1923. Вып. 34. Ч. I. С. 3–19.
11. Античная культура и Саратовский край // Новый художественный Саратов. 1923. № 3. С. 8–9.
12. *Altertümer in der Umgegend von Pokrowsk* // *Unsere Wirtschaft*. Pokrowsk, 1923. № 3. S. 68–71.
13. *Die Uhrbevölkerung der deutschen Wolgagebiets* // *Unsere Wirtschaft*. Pokrowsk, 1923. № 7. S. 196–200.
14. *Die Öffnung eines Gräbes der römisch-sarmatischen Epoche bei Pokrowsk im Sommer 1923* // *Unsere Wirtschaft*. Pokrowsk, 1923. № 23. S. 682–683.
15. Саратовский губернский музей // Нижнее Поволжье. 1924. № 1. С. 122.
16. Древние культуры Нижнего Поволжья // Нижнее Поволжье. 1924. № 2. С. 44–51.
17. Археологическая экспедиция // Нижнее Поволжье. 1924. № 3. С. 83.
18. Археологические раскопки (сентябрь 1924 г.) // Нижнее Поволжье. 1924. № 4–5. С. 126.
19. Античный мир и Нижнее Поволжье // Нижнее Поволжье. 1924. № 6. С. 68–72.
20. По Саратовскому краю // Новый Восток. 1924. № 5. С. 470.
21. Археологические работы в Саратовском крае // Новый Восток. 1924. № 6. С. 521–523.
22. *Die Goten an der Wolga* // *Unsere Wirtschaft*. Pokrowsk, 1924. № 10. S. 287–288.
23. Краеведческая работа в Саратовском крае // Новый Восток. 1925. № 10/11. С. 374–375.
24. Научная экспедиция в Казахскую республику // Там же. С. 375–376.
25. Результаты археологических исследований в Нижнем Поволжье летом 1923 года // Уч. зап. СГУ. 1925. Т. 3. Вып. 3. С. 35–51.
26. Суловский курганный могильник // Уч. зап. СГУ. 1925. Т. 4. Вып. 3. С. 28–76.
27. По поводу заметки о доме-музее Н.Г. Чернышевского // Саратовские известия. 1926. 4 июня (№ 125). С. 4.
28. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г.: (Предварительный отчет) // Изв. Краеведческого ин-та изучения Южно-Волжской области при СГУ. Саратов, 1926. Т. 1. С. 89–134.
29. Древние финны в Нижнем Поволжье // Хочу все знать. 1927. № 4. С. 148–149.
30. Финский могильник в Нижнем Поволжье // Новый Восток. 1927. № 19. С. 263–264.
31. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье // Изв. Краеведческого ин-та изучения Южно-Волжской области при СГУ. Саратов, 1927. Т. 2. С. 77–100.
32. Музейная работа в Саратовской губернии за 10 лет // Нижнее Поволжье. Саратов, 1927. № 10. С. 212–221.
33. *Die Chwalynsker Kultur der Bronzezeit an der Unteren Wolga* // *ESA*. 1927. Bd. 1. S. 51–84.
34. Первый Армиевский могильник // Тр. секции археологии РАНИОН. 1928/1929. Т. 4. С. 447–453.
35. Археологическая экспедиция // Поволжская правда. 1928. 26 июля (№ 39). С. 5.
36. Археологические и этнографические работы в Нижнем Поволжье в 1927 году // Человек. 1928. № 2–4. С. 278–279.
37. Культурно-исторические (археологические) экскурсии по Нижне-Волжскому краю.

Саратов, 1928. 86 с. (при участии Н.К. Арзютова, Т.М. Минаевой)

38. Задачи краевого музея // Поволжская правда. 1928. 21 ноября (№ 37). С. 5.

39. Задачи музейного строительства // Нижне-Волжский просвещенец. Саратов, 1928. № 1–2. С. 54–57.

40. Бронзовая эпоха Нижнего Поволжья // Нижне-Волжский Краевой музей. Лист. № 12. Саратов, 1928. 4 с.

41. Aknasiru Sinowgjewka falu nelletti dombban // Arcaelologiai értesítő. Budapest, 1928. T. XLII. S. 225–228.

42. Позднесарматское погребение в кургане близ с. Зиновьевка Саратовской губернии. [Петровск. 1929]. Нижневолжское Областное научное об-во краеведения. Саратов, 1929. 4 с.

43. Археологические разведки и раскопки в Нижне-Волжском крае, произведенные в 1928 году // Изв. Нижне-Волжского ин-та краеведения. Саратов, 1929. Т. III. С. 129–178.

44. Нижнее Поволжье по археологическим данным 1926–27 гг. М.; Саратов, 1929. 17 с.

45. Вместо предисловия // Тр. Нижне-Волжского Краевого музея. Саратов, 1929. Вып. 1. С. 3.

46. Справочник по музеям / Под ред. П.С. Рыкова и А.М. Гущина. Саратов, 1929.

47. Научно-исследовательская и музейная работа в Нижне-Волжском крае [в 1928 г.] // Новый Восток. 1929. Кн. 25. С. 370–371.

48. Archäologische Beobachtungen im Tale der Welikaja // ESA. 1929. Bd. 4. S. 284–289.

49. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930. 82 с.

50. Памяти профессора Б.М. Соколова // Литературные беседы. 1930. № 2. С. 5–7.

51. Археологическая экспедиция в Нижне-Волжском крае // Советское краеведение. 1930. № 9. С. 22–23.

52. Археологическая экспедиция по Хопру // СГАИМК. 1931. № 8. С. 30–35.

53. Изучение скифо-сарматской культуры в СССР // Изв. Нижне-Волжского ин-та краеведения. Саратов, 1931. Т. IV. С. 39–47.

54. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. // Изв. Нижне-Волжского ин-та краеведения. Саратов, 1931. Т. IV. С. 49–79.

55. Работа над экспозицией Нижне-Волжского краевого музея // Советский музей. 1931. № 1. С. 107–109.

56. К Поволжской музейной конференции // Советский музей. 1931. № 2. С. 109–110.

57. Калмыцкий национальный музей // Советский музей. 1931. № 4. С. 104.

58. Первый музей в Калмыцкой степи // Советский музей. 1931. № 5. С. 105–108.

59. Археологические работы в Среднем и Нижнем Поволжье за 1917–1932 гг. (К 15-летию Октябрьской революции) // Изв. Саратовского Нижне-Волжского ин-та краеведения. Саратов, 1932. Т. V. Ист. секция. С. 5–17.

60. Вместо предисловия // Сборник Нижне-Волжского краевого музея. Саратов, 1932. С. 3–4.

61. Памяти ученого-общественника Б.М. Соколова // Там же. С. 5–10.

62. Краткий отчет Нижне-Волжского Института Краеведения на 1931 г. // Изв. Саратовского Нижне-Волжского ин-та краеведения. Саратов, 1932. С. 85–89. (В соавт. с Б. Можаровским.)

63. Музейные материалы по изучению феодалного города (Сарай Бату) // Советский музей. 1932. № 4. С. 105–110.

64. Опыт-показательный музей для небольших районных музеев // Там же. С. 111–112.

65. Письмо в редакцию «Советский музей» (по поводу статьи Н.М. Чернышевской в журнале «Советский музей». 1. 1932. об экспозиции в доме-музее Н.Г. Чернышевского) // Советский музей. 1932. № 5. С. 121.

66. По музеям Германии // Изв. Саратовского Нижне-Волжского ин-та краеведения. Саратов, 1932. Т. V. Ист. секция. С. 69–84.

67. Музеи Нижнего Поволжья // Советский музей. 1932. № 6. С. 121–123.

68. Погребения в шалашах // Из истории докапиталистических формаций. С. 203–209. (Изв. ГАИМК. 1933. Вып. 100.)

69. Очерк по истории мордвы: по археологическим материалам. М., 1933. 112 с.

70. Чардымское городище // Изв. Саратовского Нижне-Волжского ин-та краеведения. Саратов, 1933. Т. VI. С. 51–88.

71. Нуринская экспедиция // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 9–10. С. 57–58.

72. По Музеям Харькова и Ленинграда // Советский музей. 1933. № 3. С. 69–75.

73. О краеведческой работе в Саратовском крае // Советское краеведение. 1934. № 3. С. 44.
74. Работы в совхозе «Гигант» // Изв. ГА-ИМК. 1935. Вып. 110. С. 40–68.
75. Будем готовить историков-марксистов // За научные кадры. Саратов, 1935. 23 июня (№ 10). С. 1.
76. Прошлое Саратовского края // Коммунист. Саратов, 1935. 9 октября (№ 233). С. 3.
77. Дадим стране историков-марксистов // За научные кадры. 1935. 5 ноября (№ 18). С. 5.
78. Групповые занятия обязательны // За научные кадры. 1935. 23 ноября (№ 20). С. 2.
79. Раскопки курганного могильника в районе г. Элисты [в 1931–1933 гг.] // Изв. Саратовского Нижневолжского ин-та краеведения. Саратов, 1936. Т. VII. С. 57–70.
80. Краткие сведения о раскопках в Калмыкии летом 1935 года // Там же. С. 136–137.
81. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933–1934 гг. // СА. 1936. № 1. С. 115–158.
82. Археологическая экспедиция в Нижнем Поволжье // Там же. С. 274.
83. Очерки по истории Нижнего Поволжья: По археологическим материалам. Саратов, 1936. 152 с.
84. Изучение доклассового периода в истории края // Советский музей. 1936. № 5. С. 3–25.
85. Раскопки курганов // Коммунист. Саратов, 1936. 14 августа (№ 186). С. 4.
86. Актив Саратовского музея // Советский музей. 1937. № 2. С. 29–31.
87. Не успокаиваться на достигнутом // Сталинец. Саратов, 1937. 4 января (№ 1). С. 5.
88. Исторический факультет // Сталинец. Саратов, 1937. 15 июня (№ 25). С. 2.
89. Научно-исследовательская работа Саратовского музея // Советский музей. 1937. № 2. С. 35–36.
90. Modele de Chariot en Argile du kourgane № 9 de la localit   dite «Les Trois Fr  res» en pays Kalmuk // Litteratum Societas Esthonica Liber saecularis. Tartu, 1938. № XXX. P. 596–602.
91. Культуры бронзового века в Нижнем Поволжье // Антология советской археологии (1930-е годы). М., 1995. Т. II.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ О П.С. РЫКОВЕ

- Скосырев П., 1923.* Отыскиваем старину (к археологической разведке в Аткарском у.) // Саратовские известия. 30 мая (№ 118).
- Археологические раскопки в селе Герцог // Саратовские известия. 1924. 10 октября (№ 230).
- Брун М., 1924.* Тайна Волжских курганов: по новым данным летних археологических экспедиций (беседа с проф. П.С. Рыковым) // Саратовские известия. 12 октября (№ 230).
- Нижне-Волжское общество краеведения // Нижнее Поволжье. 1924. № 1.
- Захаров А., 1925.* [Рец. на кн.:] П. Рыков. Суловский курганный могильник. Саратов, 1925. 54 с., 10 табл. // Новый Восток. № 10/11.
- Жуков Б.С., 1926.* [Рец. на кн.:] П. Рыков. Суловский курганный могильник. Саратов, 1925. 54 стр.+10 табл. // Русский антропологический журнал. Т. 14. Вып. 3/4.
- Саратовская областная музейная конференция (12–15 октября 1926 года) [отчет]. Саратов, 1926.
- Заседание комиссии по организации празднования столетия со дня рождения Н.Г. Чернышевского // Саратовские известия. 1929. 12 февраля (№ 17).
- Куликовский М., 1933.* [Рец. на кн.:] Проф. Рыков. Очерк по истории мордвы. 1933. 111 с. // Советское государство. № 2.
- Лейбович Е.П., 1934.* [Рец. на кн.:] П. С. Рыков. Очерк по истории Мордвы по археологическим материалам. М., 1933. 122 с. // Исторический сборник. Л. Т. 1.
- Минкин Г., 1934.* Историк П.С. Рыков // Правда Саратовского края. 17 декабря (№ 276).
- Рубинштейн Н., 1934.* Ученый, общественник, коммунист // Там же.

Третьяков П.Н., 1934. 25-летие научно-педагогической деятельности проф. П.С. Рыкова // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 11/12.

Худяков М.П., 1935. 25-летие научной деятельности проф. П.С. Рыкова // СЭ. № 2.

С торжественного заседания, посвященного 25-летию юбилею Саратовского государственного университета и мединститута // Коммунист. Саратов, 1935. 8 апреля (№ 82).

Историческому факультету — внимание и помощь // Коммунист. Саратов, 1935. 14 сентября (№ 212).

Арзютов Н.К., Синицын И.В., Сушицкий В.А., 1936. 25-летие научной, педагогической и общественной деятельности проф. П.С. Рыкова // Изв. Саратовского Нижневолжского ин-та краеведения. Саратов. Т. VII.

Вручение почетных грамот ВЦИК за выдающуюся научную и общественную деятельность // Сталинец. Саратов, 1937. 20 марта (№ 14).

До конца разоблачить вражескую агентуру в университете // Сталинец. Саратов, 1937. 19 октября (№ 34).

Исторические науки // Саратовский университет 1909–1959. Саратов, 1959.

Труды научных работников Саратовского университета: Библиографический указатель. Саратов, 1959.

Синицын И.В., Степанов П.Д., 1964. Памяти П.С. Рыкова (1884–1942 гг.) // СА. № 1.

Дербов Л.А., 1971. Историческая наука в Саратовском университете в годы советской власти // Историографический сборник. Саратов. Вып. 3.

Рыков Павел Сергеевич // БСЭ. 3-е изд. М., 1975. Т. 22.

Дербов Л.А., 1983. Историческая наука в Саратовском университете. Саратов.

Малов Н.М., 1983. Из истории изучения срубно-абашевских памятников Нижнего Поволжья (1911–1959 гг.) // Историографический сборник. Саратов. Вып. 10.

Малов Н.М., 1984. Рыковские чтения // Ленинский путь. Саратов. 13 декабря (№ 34).

Малов Н.М., 1986. Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов.

Артисевич В., 1989. В расцвете сил... был (рассказ о П.С. Рыкове) // Ленинский путь. Саратов. 1 июня (№ 15).

Кушаев Г.А., 1989. Вклад П.С. Рыкова в археологию Казахстана // АВЕС. Вып. 1.

Максимов Е.К., 1989. Павел Сергеевич Рыков (к 100-летию со дня рождения) // Там же.

Максимов Е.К., Миронов В.Г., 1989. Полевые исследования Саратовского университета в 1945–1984 гг. как продолжение Рыковских традиций // Там же.

Мерперт Н.Я., Шилов В.П., 1989. Бронзовый век Поволжья: исследования П.С. Рыкова и современное состояние проблемы // Там же.

Мошкова М.Г. 1989. Вклад П.С. Рыкова в изучение сарматской культуры // Там же.

Сагайдак В.И., 1989. Хвалынская культура в исследованиях П.С. Рыкова // Там же.

Эрдниева У.Э., 1989. Об археологических работах профессора П.С. Рыкова в Калмыкии // Там же.

Максимов Е.К., 1991. П.С. Рыков и археология Нижнего Поволжья // Историографический сборник. Саратов. Вып. 15.

Маркина Ю., 1991. Вторые Рыковские чтения // Саратовский университет. Саратов. 5 декабря (№ 171).

Максимов Е.К., 1994. Неизвестное в биографиях П.С. Рыкова и Н.К. Арзютова // Срубная культурно-историческая область: Мат. III Рыковских чтений. Саратов.

Максимов Е.К., Войтенко Л.А., 1994. Новые материалы о П.С. Рыкове и Н.К. Арзютове // Краеведческие чтения: Докл. и сообщ. IV–VI чтений. Саратов.

Мерперт Н.Я., 1995. П.С. Рыков // Антология советской археологии (1930-е годы). М. Т. II.

Шавелёв С.П., 1994. Курский дебют П.С. Рыкова как археолога-полевого // Тр. СОМК. Вып. 4.

Рокитянский Я.Г., 1995. Обреченные: Переписка академика Д.Б. Рязанова с профессором П.С. Рыковым (май 1937 г.) // Отечественные архивы. № 2.

Малов Н.М., 1996. П.С. Рыков и проблемы изучения покровской культуры // Древности Волго-Донских степей в системе Восточно-Европейского бронзового века. Волгоград.

Широков Г.А., 1996. Очерк истории науки в Поволжье (конец XIX — начало XX века). Самара.

Малов Н.М., 1999. П.С. Рыков — директор музея краеведения и «дело изучения Н.Г. Чернышевского» // Историк и историография. Саратов.

Малов Н.М., 1999. Поволжская региональная археология в Саратовском университете: страницы истории и персоналии // Саратовское Поволжье: история и современность. Саратов.

Максимов Е.К., 2000. «Враги народа» на музейном фронте // Поволжский край. Саратов. Вып. 11.

Петрова Н.Ф., 2004. Музейная педагогика профессора П.С. Рыкова: К 120-летию со дня рождения // Туризм и культурное наследие. Саратов. Вып. 2.

Малов Н.М., Миронова А.И., 2005. Саратовский областной музей краеведения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Саратовский край в Великой Оте-

чественной войне 1941–1945 гг. Саратов. (Тр. СОМК. Вып. 6.)

Малов Н.М., 2006. Советская государственная музейная сеть в Саратове (1917–1930 гг.): организационное становление, страницы истории и музейные деятели // Народы Саратовского Поволжья: этнология, этнография, духовная и материальная культура. Саратов. (Тр. СОМК. Вып. 10.)

Малов Н.М., 2006. Советская археология в Саратовском государственном университете (1918–1940 гг.): организационное становление, развитие и репрессии // АВЕС. Вып. 4.

Гусева Л.В., Павлова Л.С., Растокина Н.С., 2009. Павел Сергеевич Рыков (1884–1942): Библиографический указатель. Саратов.

Растокина П.С., Павлова Л.С., 2009. Предвзятые комментарии // Университетская книга. Саратов. № 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арзютов Н.К., Синицын И.В., Сушицкий В.А., 1936. 25-летие научной, педагогической и общественной деятельности проф. П.С. Рыкова // Изв. Саратовского Нижневолжского института краеведения. Саратов. Т. VII.

Вольфун Л.Б., 2003. Доватур Аристид Иванович. Российская национальная библиотека // <http://www.nlr.ru/ar/staff/dovatur.htm>

Жуков Бор., 1926. [Рец. на кн.:] П. Рыков. Суловский курганный могильник. Саратов, 1925 // Русский антропологический журнал. Т. 14. Вып. 3/4.

Захаров А., 1925. [Рец. на кн.:] П. Рыков. Суловский курганный могильник. Саратов, 1925 // Новый Восток. № 10/11.

Исторические науки // Саратовский университет: 1909–1959. Саратов, 1959.

Культурное строительство в Саратовском Поволжье: Документы и материалы. Саратов, 1988. Ч. II: 1929–1945 гг.

Максимов Е.К., 1989. Павел Сергеевич Рыков // АВЕС. Вып. 1.

Максимов Е.К., 1991. П.С. Рыков и археология Нижнего Поволжья // Историографический сборник. Саратов. Вып. 15.

Максимов Е.К., 2000. «Враги народа» на музейном фронте // Поволжский край. Саратов. Вып. 11.

Малов Н.М., 1996. П.С. Рыков и проблемы изучения покровской культуры // Древности Волго-Донских степей в системе Восточно-Европейского бронзового века. Волгоград.

Малов Н.М., 1999. П.С. Рыков — директор музея краеведения и «дело изучения Н.Г. Чернышевского» // Историк и историография. Саратов.

Малов Н.М., 2006а. Советская археология в Саратовском государственном университете (1918–1940): организационное становление, развитие и репрессии // АВЕС. Вып. 4.

Малов Н.М., 2006б. Советская государственная музейная сеть в Саратове (1917–1930 гг.): организационное становление, страницы истории и музейные деятели // Народы Саратовского Поволжья: этнология, этнография, духовная и материальная культура. Саратов. (Тр. СОМК. Вып. 10.)

Материалы для Саратовской библиографии. 1910 // Тр. СУАК. Саратов. Вып. 26.

Мерперт Н.Я., Шилов В.П., 1989. Бронзовый век Поволжья: исследования П.С. Рыкова и современное состояние проблемы // АВЕС. Вып. 1.

Приказы по Саратовскому краевому музею // Научный архив СОМК. Оп. 3. Д. 3.

Растокина П.С., Павлова Л.С., 2009. Предвзятые комментарии // Университетская книга. Саратов. № 1.

Рокитянский Я.Г., 1995. Обреченные: Переписка академика Д.Б. Рязанова с профессором П.С. Рыковым (май 1937) // Отечественные архивы. № 2.

Рокитянский Я.Г., 2008. Из биографии академика Д.Б. Рязанова: разгром Института К. Маркса и Ф. Энгельса (март 1931 г.) // Отечественные архивы. № 4.

Рыков П.С., 1935. Личный листок по учету кадров. 26 сентября 1935 года // Архив СГУ. Д. 43.

Рыкова Н.А., 1937. Письмо П.С. Рыкову // Архив семьи Рыковых.

Синицын И.В., Степанов П.Д., 1964. Памяти П.С. Рыкова // СА. № 1.

Смирнов В.А., 1995. Д.Б. Рязанов // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.

Солодовников С., 1937. В университете неблагоприятно // Коммунист. № 179 (6 августа). Саратов.

Сталинец. Саратов, 1937. 20 марта. № 14 (19).

Торчинов В.А., Леонтьев А.М., 2000. Вокруг Сталина: Историко-библиографический справочник. СПб.

Третьяков П.Н., 1934. 25-летие научно-педагогической деятельности проф. П.С. Рыкова // ПИДО. № 11/12.

Формозов А.А., 1971. Первые научные раскопки в Нижнем Поволжье // СА. № 1.

Формозов А.А., 1995. Археология на страницах «Журнала Министерства внутренних дел» 1830–1860 гг. // Санкт-Петербург и отечественная археология: Историографические очерки. СПб.

Формозов А.А., 1996. О немецком краеведении в Нижнем Поволжье // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.

Формозов А.А., 2006. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд., доп. М.

Формозов А.А., 2008. Статьи разных лет. Курск.

Худяков М.Г., 1935. 25-летие научной деятельности проф. П.С. Рыкова // СЭ. № 2.

Шапалова Л., 1996. Рыков Алексей Иванович // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М.

Эдинг Б.Н., 1936. Письмо П.С. Рыкову. 30/IX // Архив семьи Рыковых.

В.И. Балабина
Институт археологии РАН, Москва

**«...СПАСУ ОТ ПОГЛОЩЕНИЯ ЛЕТОЙ ТЕБЯ,
СЕБЯ И ВЕСЬ НАШ КРУГ...»**
**(хроника одной давней экспедиции
в рисунках и стихах)**

Эта публикация посвящена истории в картинках со стихотворными комментариями, повествующей о начале раскопок в Узбекистане Пскентского могильника¹ в 1929 г. Обнаружилась она на страницах вполне обычного, слегка потрепанного альбома для рисования (небольшого формата, в текстильном переплете песочного цвета и с такой же петелькой для карандаша снизу).

Сам альбомчик найден среди содержимого картонной папки, с выклеенной на обложке надписью «СТИХИ» и карандашной припиской ниже: «А.А. Потапова †12 сентября 1938 года». Видимо, авторство зафиксировала Татьяна Сергеевна Пассек, тридцать лет хранившая в своем архиве эту папку, найденную ею при передаче архива Потапова в Узкомстарис², от имени которого 29 августа 1939 г. она принимала все его бумаги. Об этом свидетельствуют экземпляры документов с ее подписью, также сохраненные в папке, — опись архива А.А. Потапова и акт о его передаче.

Большая часть развеселых стихов и рисунков, оказавшихся внутри, была адресована ей и Б.А. Латынину³. Некоторые из

них уже опубликованы к 100-летию юбилею Татьяны Сергеевны (Балабина, 2003. С. 14–31)⁴.

А вот события почти десятилетней давности (накануне того 100-летия) — оживленное общение с Александром Александровичем Формозовым. Он заинтересовался столь удивительно ко времени случившейся архивной удачей, помог мне в отождествлении персонажей и распутывании некоторых сюжетных ниточек московской и ленинградской археологической жизни 1930-х гг.

Пскентский альбом не особенно соответствовал теме юбилея, разве что опосредованно (ему бы обнаружиться несколькими годами раньше, когда подбирались материалы к 100-летию Б.А. Латынина). Эти картинки определенно уводят к иным реалиям — среднеазиатской археологии кануна 30-х годов, с которыми в папке под названием «СТИХИ» соотносилось немного. Поэтому лишь две страницы оттуда попали в юбилейную публикацию в качестве образчиков жанра (Там же). Мы тогда решили, что пскентская история достойна отдельной публикации, и я обещала обязательно к ней вернуться.

---

¹ Город Пскент находится в Узбекистане, в 60 км к югу от Ташкента.

² Узбекский Комитет по охране памятников истории и искусства.

³ Вынесенные в заглавие строфы тоже из папки, из стихотворения, посвященного Б.А. Латынину.

⁴ Почти 45-летняя история хранения папки с надписью «СТИХИ» изложена там же.

В той давней экспедиции участвовали молодые, но безошибочно узнаваемые в графике М.В. Воеводский (1903–1948), Б.А. Латынин (1899–1967), Т.Г. Оболдуева (1908–1995), В.Д. Жуков (1902–1962) — и А.А. Потапов (1894–1938), который и запечатлел основные события сезона. Получилась хроника из тридцати пронумерованных карандашных картинок в сопровождении рифмованных рукописных текстов, определенно напоминающая комикс. Она занимает пять с половиной пожелтевших листочков, на которых изображения расположены с обеих сторон (рис. 1–11).

Примечательно, что находится сие произведение в середине издавшего виды альбома с уже вырезанными и даже вырванными страницами, но, несмотря на это, последовательность рисунков не нарушена, что косвенно указывает на создание хроники уже после окончания экспедиции и, скорее всего, на единовременность творческого выплеска. Возможно, автору стало скучно при написании отчета в Средазкомстарис⁵... А может быть, очень хотелось порадовать любимого друга Борю, который и стал центральной фигурой хроники, наконец добравшись до «Орта Азия». Вообще же Пскент оказался первой среднеазиатской экспедицией для большинства ее участников.

Лишь М.В. Воеводский в предыдущем 1928 г. побывал в Киргизии и Туркмении — вместе с М.П. Грязновым раскопал четыре кургана в Чуйской долине южнее Буранинского городища, а также обследовал тели в окрестностях Анау и Акдепе (в местечке Бикрова на окраине Ашхабада). Воеводский вырос в Самарканде, в двадцатилетнем возрасте приехал в Москву, поступил учиться на кафедру антропологии МГУ⁶. В 1929 г. он — 26-летний научный сотрудник НИИ Антропологии.

Б.А. Латынин родился в Ашхабаде, первые три года жизни провел в Ташкенте⁷. После этого снова попал в «Орта Азия» только в год окончания аспирантуры, ему 30 лет. И это был Пскент, как-то выпавший из его жизнеописаний, хотя сам Б.А. о нем не забывал: «Я, честно говоря, рот разинул в 29 г., когда впервые увидел курганное поле у Пскента (рис. 5), а полагал, что я прочел спицынские корочки⁸ и все, что ни есть по этому вопросу...» (из письма Т.Г. Оболдуевой от 5 марта 1946 г.: Судьба ученого... 2000. С. 86).

Самая юная участница экспедиции — Т.Г. Оболдуева⁹. В 1929 г. в Пскенте ей 21 год, она студентка третьего курса с длинными косами. Похоже, что это первые раскопки в ее жизни, тоже как-то не отмеченные в опубликованных биографиях (Горбунова, Брыкина, Заднепровский, 1996; Брыкина, 2000).

В следующем 1930 г. Латынин и Оболдуева проводили разведку в Ферганской долине. Работали вместе и позже, вплоть до ареста Латынина в 1935 г. (Там же).

О том первом пскентском сезоне (как о «точке отсчета») в письме от 13 июня 1947 г. ссыльный Латынин напомнил Оболдуевой (в ответ на полученную телеграмму об успешной защите диссертации). Причем он выстроил «из этой точки» всю ее профессиональную судьбу: «Мало сказать, что я радуюсь за Вас. И несколько самонадеянно, что — горжусь Вами. Ну, что-то в этом роде! Вспомните-ка: пошли слушать “нового профессора” — Потапенко, поехали в “экспедицию” в Пскент; с каким-то чужим ленинградским дядей, малоприветливого, по-честному говоря, вида — в Фергану (с трогательной санитарной сумкой!); прикатали, как снег на голову, в Питер, колебались относительно “доли почтальона”, но оказались в Эрмитаже; после моего крушения остались не у дел, не потерялись и нача-

⁵ Среднеазиатский Комитет по охране памятников истории и искусства.

⁶ Тогда она находилась на физико-математическом факультете. Первые шаги в науке здесь также делали О.Н. Бадер, С.П. Толстов и др. (Янин, Пряхин, 2000. С. 115–136).

⁷ Потом семья переехала в Петербург, где Б.А. и вырос, в 1920 г. поступил в Университет, в 1929 окончил аспирантуру.

⁸ Составленная А.А. Спицыным картотека археологических памятников на территории СССР, которая и по сей день хранится в ИИМК.

⁹ В 1927 г. поступила в Первый МГУ на этнологический факультет, в 1928 перевелась на восточный факультет Среднеазиатского гос. университета в Ташкенте.

Рис. 1. Первая страница пскентской хроники: накануне отъезда

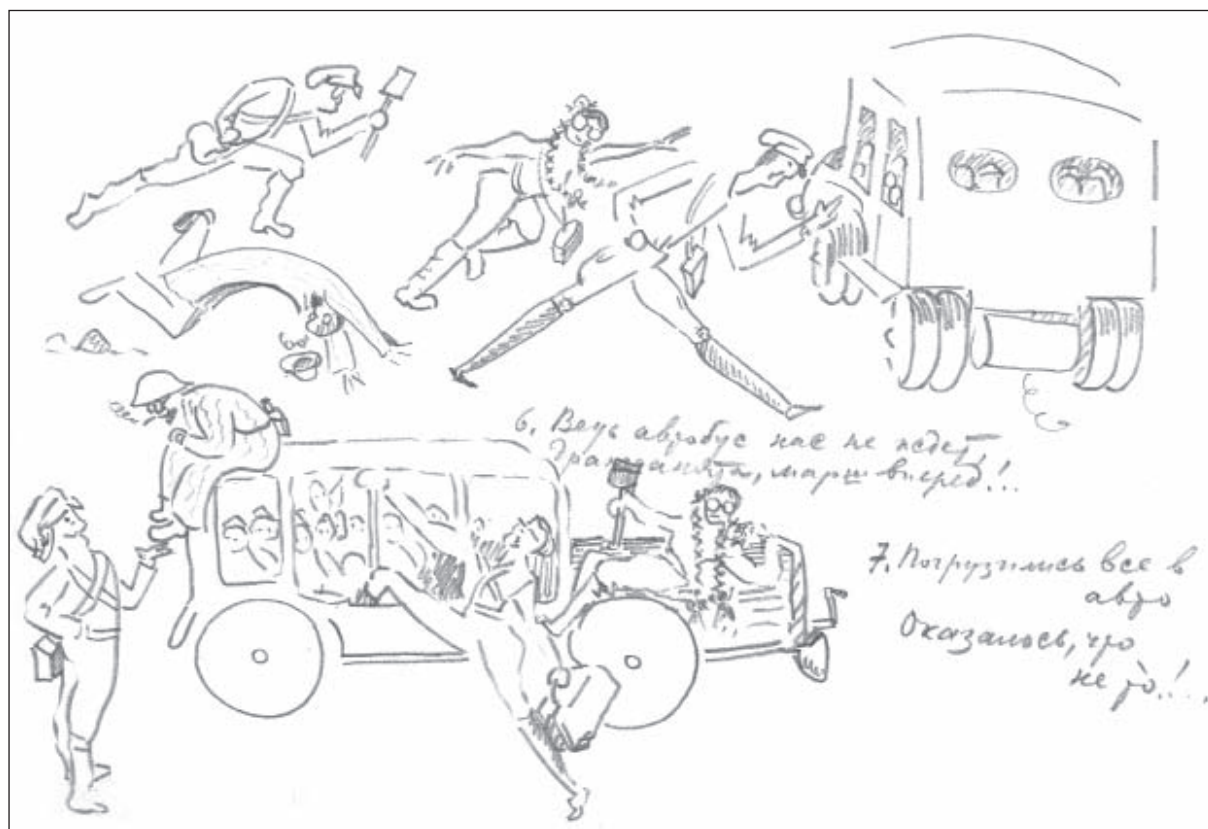

Рис. 2. Вторая страница пскентской хроники: тяготы пути в Пскент

Рис. 3. Третья страница пскентской хроники: «вот до Пскента добрались»

Расшифровка стихов 1–8 (к рис. 1–3)

1. Что за драма, что за драма!
Прилетела телеграмма:
«Еду к Вам. Пейзаж пустынен.
Вечно Ваш — Борис Латынин».

2. Чтоб друзей не огорчать,
Спешу питерца встречать.
Встретились, обнялись.
Строить планы принялись.

3. Угнездились в чайхану,
Вспоминали старину...
Пили чай, затем коньяк,
Обсуждали: что и как...

4. Утро вечера мудрёней —
Поутру пришли за Борей:
«Ну, вставайте, мистер Боря,
Археологи все в сборе!»

5. Не стесняйтесь своей амуницией,
Познакомьтесь со всей экспедицией!

6. Ведь автобус нас не ждет,
Гражданята, марш вперед!...

7. Погрузились все в авто,
Оказалось, что не то!...

8. Вот до Пскента добрались...
Разговоры начались:
[В.Д. Жуков:] «Ах, и славный город
Пскент!»
[Т.Г. Оболдуева:] «Наведу-ка инстру-
мент!»
[Б.А. Латынин:] «Где бы нам, друзья, по-
лопать?»
[А.А. Потапов:] «К доктору давайте то-
пать!»

Рис. 4. Четвертая страница пскентской хроники: приют в семействе доктора

Рис. 5. Пятая страница пскентской хроники: первый выход на могильник

Рис. 6. Шестая страница пскентской хроники: прием дорогих гостей в доме доктора

Расшифровка стихов 9–14 (к рис. 4–6)

9. Доктор жил с своей женой,
С папой, с мамою родной...

10. Тут освоили мы грушу
И зажили душа в душу...

11. Словав винограда ветку,
Поутру пошли в разведку...
«Вот могильничек на ять —
Вскроем тут курганов пять!...»

12. Мигом дело закипело.
Земля к небу полетела.
Мы решили меж собою:
«Заграница нам пример —
Роем всяк на свой манер:
Кто крестом, а кто звездой,
Кто классическим квадратом,
Кто траншеей с перехватом!»

13. Вот и кончен первый день.
На поля упала тень.
Хорошо теперь помыться,
Спать пораньше завалиться!
Завтра встать всем надо рано —
Вовремя прийти к курганам.
«Отдых вам, конечно, нужен,
Ну, а раньше нужен ужин» —
Так сказали: доктор-спец,
Жена, мама и отец.
Ужин выдался на славу
С разговором на приправу.

14. Вот уж близко к полуночи,
Сон на всем смежает очи.
Доктор наш всё врет и врет:
Про охоту речь ведет:
«Пятый тигр за тем утесом»...
(Кто-то тихо клюнул носом!)
«Тигр шестой к земле прильнул»...
(Кто-то шепчет: «Караул!»)
«Тигр седьмой вблизи аула!»...
...Боря валится со стула...

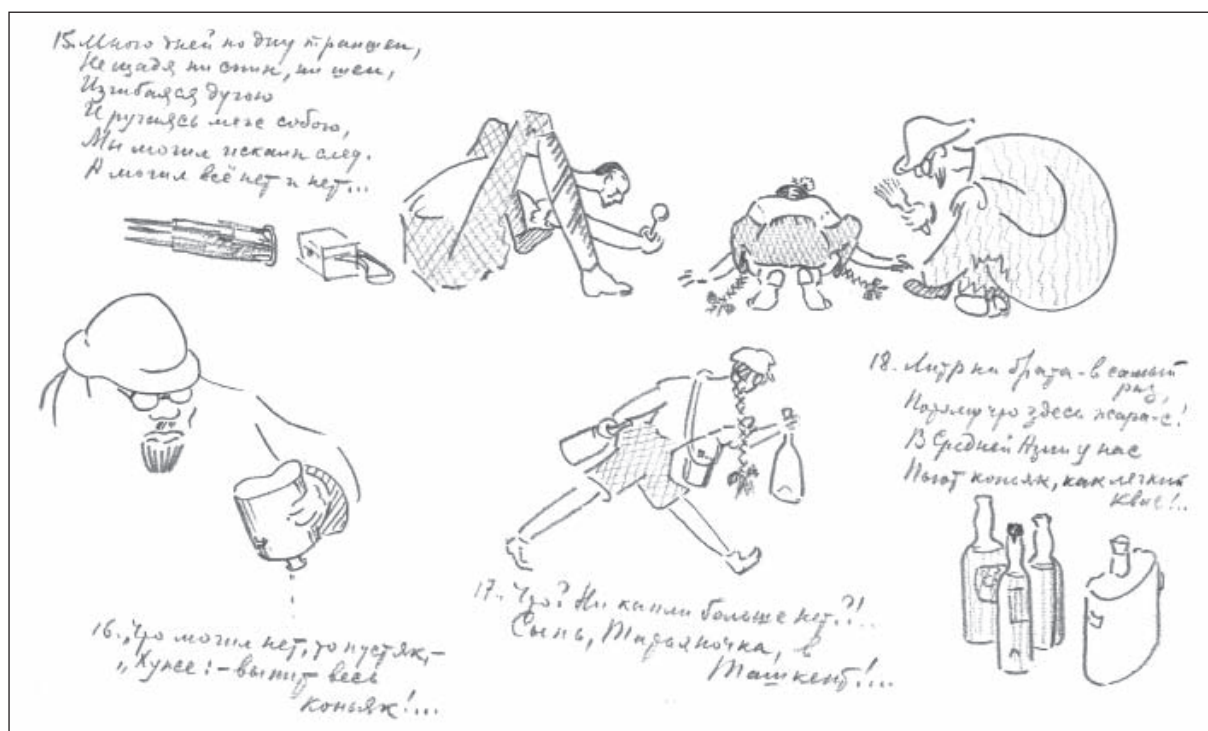

Рис. 7. Седьмая страница пскентской хроники: экспедиционные будни и временные трудности

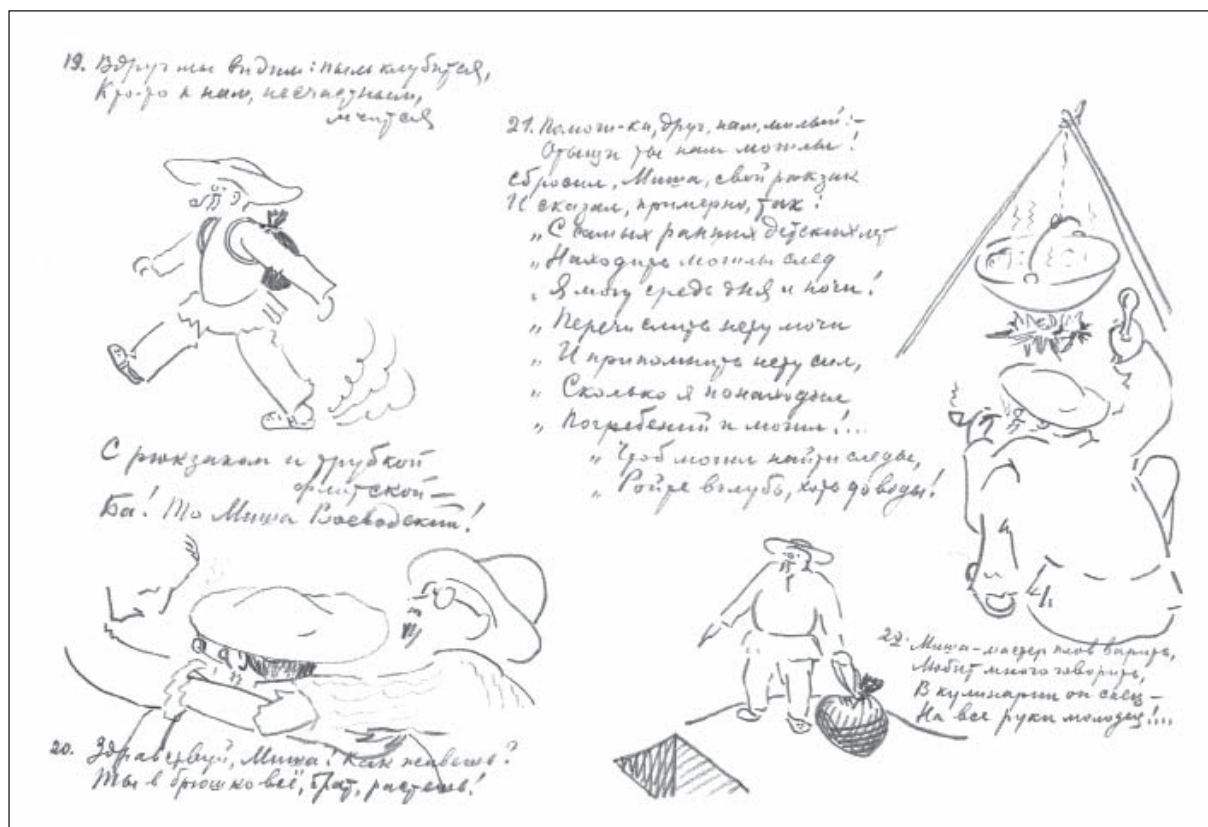

Рис. 8. Восьмая страница пскентской хроники: прибытие Воеводского

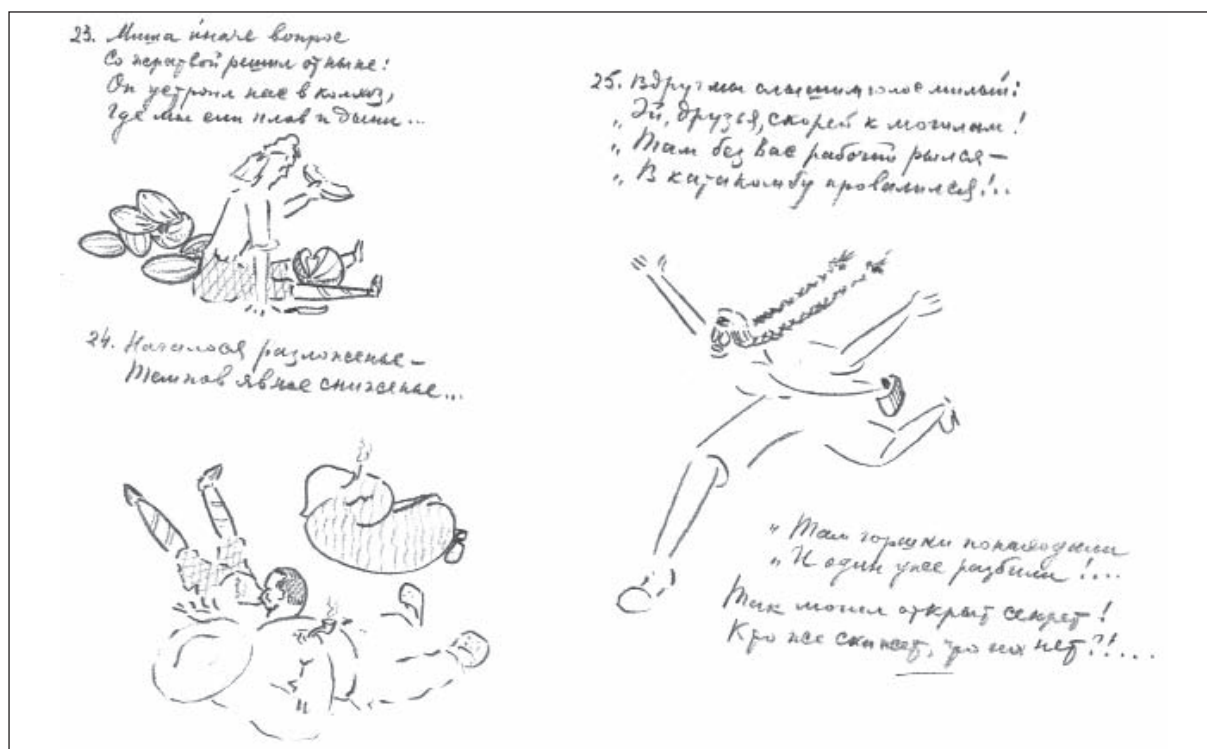

Рис. 9. Девятая страница пскентской хроники: временное «разложение» масс и радостная весть

Расшифровка стихов 15–25 (к рис. 7–9)

15. Много дней по дну траншеи,
Не щадя спины и шеи,
Изгибая дугой
И ругаясь меж собой,
Мы могил искали след.
А могил все нет и нет...

16. Что могил нет, то пустяк, —
Хуже, выпит весь коньяк!...

17. Что? Ни капли больше нет?!
Сыть, Татьяначка, в Ташкент!

18. Литр на брата — в самый раз,
Потому, что здесь жара-с!
В Средней Азии у нас
Пьют коньяк, как легкий квас!

19. Вдруг мы видим: пыль клубится,
Кто-то к нам, несчастным, мчится.
С рюкзаком и трубкой флотской —
Ба! То Миша Воеводский!

20. Здравствуй, Миша! Как живешь?
Ты в брюшко всё, брат, растешь!

21. Помоги-ка, друг, наш милый: —
Отыщи ты нам могилы!
Сбросил Миша свой рюкзак

И сказал примерно так:
«С самых ранних детских лет
Находить могилы след
Я могу средь дня и ночи!
Перечислить нету мочи
И припомнить нету сил,
Сколько я понаходил погребений и могил!...
Чтоб могил найти следы,
Ройте вглубь, хоть до воды!»

22. Миша — мастер плов варить,
Любит много говорить,
В кулинарии он спец —
На все руки молодец!...

23. Миша иначе вопрос
Со жратвой решил отныне:
Он устроил нас в колхоз,
Где мы ели плов и дыни...

24. Началось разложение —
Темпов явное снижение...

25. Вдруг мы слышим голос милый:
«Эй, друзья, скорей к могилам!
Там без Вас рабочий рылся —
В катакомбу провалился!...
Там горшки понаходили
И один уже разбили!...»
Так могила открыта секрет!
Кто же скажет, что их нет?!

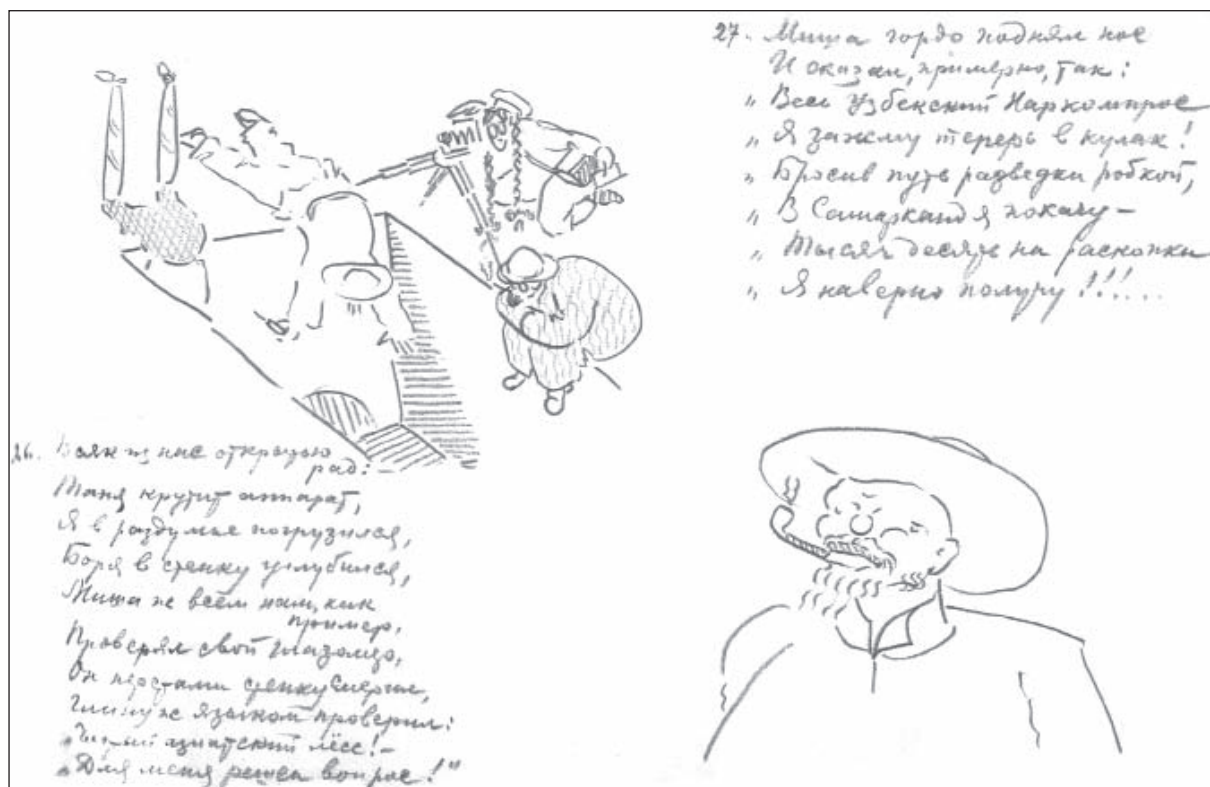

Рис. 10. Десятая страница пскентской хроники: размышление над катакомбой

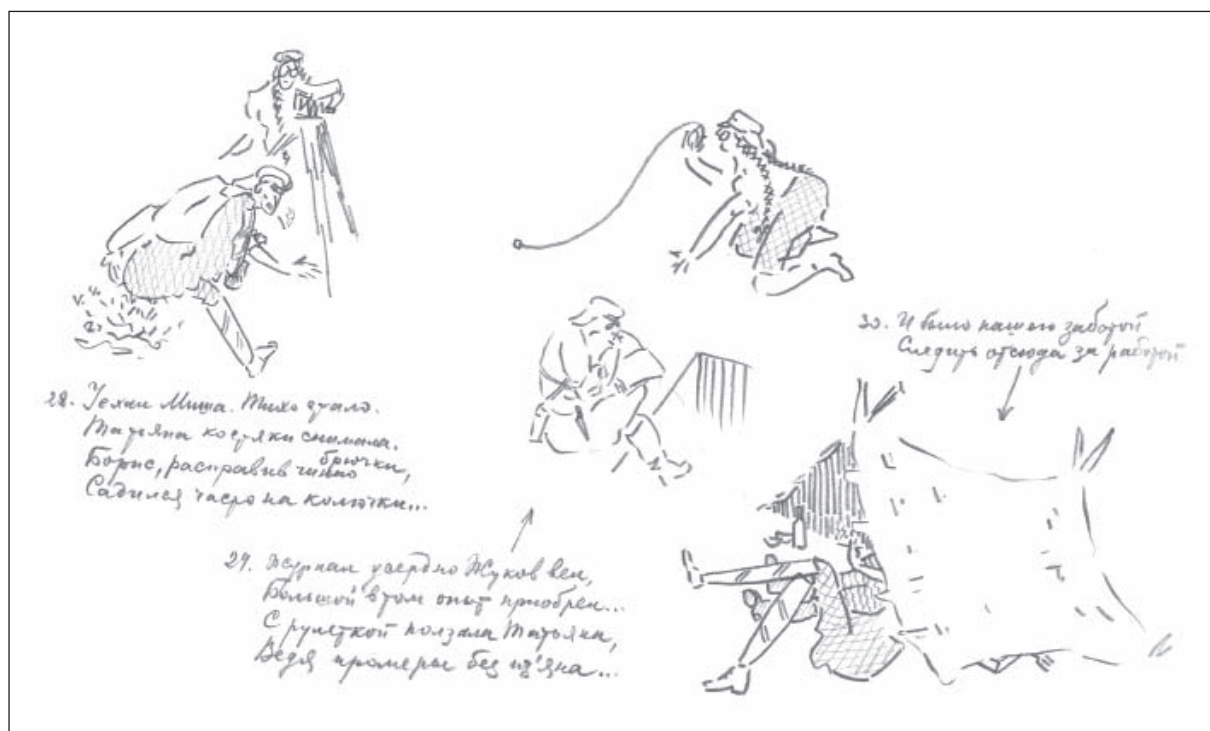

Рис. 11. Одинадцатая страница пскентской хроники: рутина тщательной фиксации

Расшифровка стихов 26–30 (к рис. 10–11)

26. Всяк из нас открытию рад: —
Таня крутит аппарат,
Я в раздумье погрузился,
Боря в стенку углубился,
Миша же, всем нам пример,
Проверял свой глазомер,
Он перстами стенку смерил,
Глину ж языком проверил:
«Чистый азиатский лёсс! —
Для меня решен вопрос!»

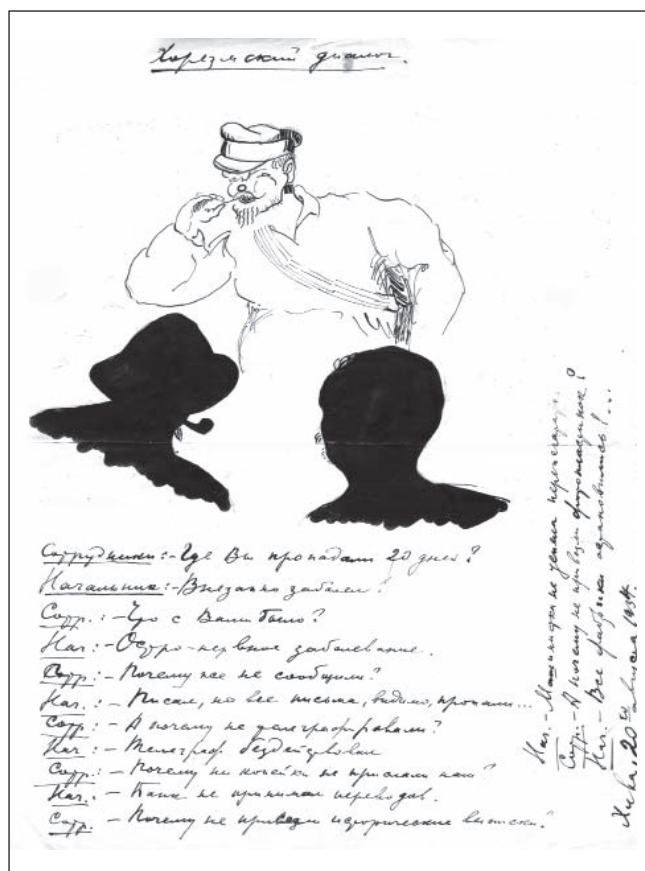
27. Миша гордо поднял нос:
И сказал примерно так:
«Весь узбекский Наркомпрос
Я зажму теперь в кулак!»

Бросив путь разведки робкой,
В Самарканд я покачу —
Тысяч десять на раскопки
Я наверно получу!!!...»

28. Уехал Миша. Тихо стало.
Татьяна костяки снимала.
Борис, расправив чинно брючки,
Садился часто на колючки...

29. Журнал усердно Жуков вел,
Большой в том опыт приобрел...
С рулеткой ползала Татьяна,
Ведя промеры без изъяна...

30. И было нашею заботой
Следить отсюда за работой

Сотрудники: Где Вы пропадали 20 дней?

Начальник: Внезапно заболел!

Сотр.: Что с Вами было?

Нач.: Остро-нервное заболевание.

Сотр.: Почему же не сообщили?

Нач.: Писал, но все письма, видимо, пропали...

Сотр.: А почему не телеграфировали?

Нач.: Телеграф бездействовал.

Сотр.: Почему ни копейки не прислали нам?

Нач.: Банк не принимал переводов.

Сотр.: Почему не привезли исторические выписки?

Нач.: Машинистки не успели перепечатать.

Сотр.: А почему не привезли фотопластинок?

Нач.: Все фабрики остановились!...

Хива, 20 августа 1934.

Рис. 12. Хорезмская экспедиция 1934 года:
стоит — М.В. Воеводский, сидят —
А.А. Потапов (с трубкой и в шляпе) и
А.И. Тереножкин

ли работать в Орта Азия, в Ходженте; всякие опять перипетии — в Киеве, освоили новую обстановку, копали самостоятельно, одолели тему, для чего, легко сказать, пришлось в Ташкент (это с Крещатика-то) съездить; и оформились, и теперь защитились» (Судьба ученого... 2000. С. 106).

Всеволод Данилович Жуков в 1929 г. был 27-летним начинающим сотрудником Узкомстарис (под руководством М.Е. Массона). Позднее работал в отделе археологии Института истории АН УзССР, много лет копал в Термезе. Снова повстречался с реабилитированным Латыниным он лишь в 1956 г., когда тот совершил удивительный поступок: просто сел в поезд и на один день приехал в Фергану. Пришел в музей. Встретившим его молодым сотрудникам объяснил: «У меня было столько же шансов приехать в Фергану, как стать турецким султаном», потом попросил отвезти его в Куву (где шли раскопки). Нашли машину, доставили Латынина в Куву, к городищу. Оттуда к нему спустился потрясенный В.Д. Жуков, не видевший Б.А. с начала 1930-х гг. и даже не знавший о том, что он жив и вернулся (Судьба ученого... 2000. С. 132, 133).

А.А. Потапов был самым старшим в этой компании. Ему уже 35 лет, за плечами университет в Харькове, работа там же в музее. На пороге 1930-х гг., возможно после Пскентской экспедиции, он отправился в Москву, где устроился работать в Музей народоведения, через некоторое время стал сотрудником МОГАИМК. Его полевая деятельность была активной, но печатных работ появилось немного, в публикации к юбилею Т.С. Пассек приведен их список (Балабина, 2003. С. 29, 30). Потапов работал с Воеводским в Средней Азии еще два сезона, в 1930 и 1934 гг. Среди его бумаг сохранились материалы, указывающие на поездку в окрестности Сталинабада (Душанбе) в 1932 г., но к этому эпизоду пока не удается найти каких-либо комментариев.

Но вернемся в Пскент.

Сезон работы там помогают уточнить географические подробности: *груши, вино-*

град, дыни указывают на конец августа — сентябрь¹⁰. Потапов, похоже, уже здесь побывал. Он быстро устроил свое воинство на постой к доктору — явно успел заранее познакомиться со всем колоритным интеллигентным семейством «из затерянного мира» — со страниц то ли Киплинга, то ли Домбровского (рис. 3, 4, 6). Возможно, даже проводил разведку — в описи его архива фигурирует папка «Чирчик» с планом археологических разведок в окрестностях Ташкента, а также «Предварительный обзор тепе Среднего Чирчика»¹¹ (Балабина, 2003. С. 15).

По иллюстрациям хроники, несмотря на особенности жанра, выявляются занятные подробности, например облик междугородних автобусов, курсировавших по пыльным азиатским дорогам в конце 1920-х гг. (рис. 2). *Выезжали в поле*, скорее всего, из Ташкентского музея — только на его территории можно было переночевать прямо на земле (рис. 1). Самого себя автор показал в процессе адаптации под нестерпимой синевой небес. В Ташкенте он в тюбетейке, по дороге в Пскент и на месте событий — уже в халате нараспашку, а тюбетейку сменила войлочная шляпа кавказского типа. В этом наряде, похоже, он и в дальнейшем работал в Средней Азии (рис. 12). Амуниция Латынина и Жукова строже, военного образца, у первого — даже «пустынно-колониального»: desert cap с так называемой «юбкой» (или подоткнутым платком?), краги (рис. 1). Но это не специально для Орта Азия, он так выглядел и на экспедиционных фото 1920-х гг. (Судьба ученого... 2000. Вклейка). Выросший в Самарканде Воеводский одет примерно так же, как пскентский хлебосольный доктор, — в подпоясанной рубашке навыпуск и калошах на босу ногу (или сандалиях). Костюм дополняют знакомая войлочная шляпа и знаменитая «флотская» трубка (рис. 8).

Что же было раскопано в Пскенте в 1929 году? По не очень четким данным из отчета Потапова за 1929–1930 гг., приведенным Ю.Ф. Буряковым, не менее пяти комплексов: курганы с катакомбами, относящиеся к первой половине I тыс. н. э., склеп из сырцово-

¹⁰ Как мы помним, 27.VI.1929 еще не было сметы.

¹¹ Правда, эти материалы могут в равной мере относиться как 1929, так и к 1930 г., но не позднее, поскольку в 1934 г. работы велись совсем в другом районе.

го кирпича (наус) середины I тыс. н. э. и еще более поздние погребения в деревянных колодах¹², видимо, также подкурганые (Буряков, 1968. С. 131). Судя по нашей хронике, первыми (в 1929 г.) были обнаружены катакомбы (рис. 9, 10). Выводы о нескольких составляющих «Минг-Тепе» подтверждает и М.Е. Массон (1953). Вновь исследовать отдельные участки «Минг-Тепе» в окрестностях Пскента стали лишь тридцать лет спустя. Незначительные раскопки проводились в 1960 и 1963 гг., в последнем случае это были спасательные работы и фиксация наусов, уже поврежденных в процессе перепланировки полей. К тому времени описывать пришлось уже не сплошные могильные поля, а отдельные всхолмления (Буряков, 1968. С. 131).

Экспедиция 1929 г., к сожалению, тоже почти не оставила следов в истории среднеазиатской археологии — материалы не были опубликованы. Многие детали остаются неясными, но именно ее участникам довелось увидеть наиболее сохранным бескрайнее курганное поле, так поразившее Латынина.

У Пскента выходит на равнину правый приток Сыр-Дарьи — Ангрэн (Ахангрэн, Ахангаран), берущий начало в западной части Чоткальского хребта¹³. Еще 80 лет назад его правобережье на большой площади покрывали гигантские скопления погребальных памятников — «лессовые холмы» диаметром от 3 до 24 м, высотой от 0,5 до 3,5 м, носящие название «Минг-Тепе». Среди них были курганы и сырцовые склепы, очень похожие на курганы. Одно из наиболее крупных скоплений находилось вокруг и, видимо, на месте Пскента (Там же).

Скупые упоминания о Пскентской экспедиции противоречат друг другу касательно ее руководителя и сроков. В публикациях встречены разные версии. В двух из них руководителем экспедиции назван А.А. Потапов, но сроки проведения работ различаются:

1930 и 1929–1930 гг. (Судьба ученого... 2000. С. 71. Прим. 2; Чубур, 2003; Щавелев, 2008). Третья, видимо правильная, версия основывается на данных отчета А.А. Потапова¹⁴ и не противоречит процитированному выше замечанию Б.А. Латынина; вел раскопки Потапов под руководством М.В. Воеводского в 1929–1930 гг. (Буряков, 1968. Прим. 1). Руководящая роль Воеводского просматривается и в самой хронике, поскольку именно ему оказались подвластны решения таких вопросов, как *организация питания*¹⁵ и *изыскание средств на раскопки* в следующем, 1930 г.¹⁶

Сравнительно недавно были опубликованы четыре письма, написанные А.А. Спицыным в 1928 и 1929 гг. М.В. Воеводскому (Щавелев, 2008. С. 222–224), в которых и идет речь об организации именно этих экспедиций в Среднюю Азию. Я позволю себе процитировать тексты, поскольку они помогают понять, «как дело было».

Первое письмо, написанное в конце августа 1928 г., касается предполагаемой поездки Воеводского и Грязнова, маршрут которой еще не был составлен, но средства на его осуществление уже запрошены.

Многоуважаемый Михаил Вацлавович!

Итак, пока все складывается удобно. Мы с Грязновым сейчас отправили телеграмму (в Ташкент): «Если дело не оставлено, или-те немедленно сумму аккредитивом пополам Грязнову и Воеводскому; подробности маршрута выяснятся на месте». Значит, на днях все должно выясниться.

Вы, как только получите сумму, немедленно приезжайте сюда для получения инструкций. За это время я узнал много интересного, что не передашь в письме. Я очень окреп. Приезжайте прямо ко мне (Провиантская, 8, кв. 14).

Авось — до свидания. А.Спицын.

1928. VIII. 21

¹² Время не уточняется.

¹³ Именно так обстояло дело в 1929 г., до строительства Большого Ташкентского канала, каскадов электростанций, водохранилищ и каналов, перекидывающих воду из Чирчика в Ангрэн.

¹⁴ хранившегося (в 1968 г.) в Госкомитете СМ УзССР по делам строительства и архитектуре (инв. № 53).

¹⁵ «...он устроил нас в колхоз, где мы ели плов и дыни».

¹⁶ «...Бросив путь разведки робкой, в Самарканд я покачу — тысяч десять на раскопки я наверно получу!!!»...

Это щемящее «авось, до свидания»... Тяжело больной Спицын, похоже, очень старался помочь молодым коллегам начать исследования в Средней Азии. Возможно, по его просьбе за прохождением дела проследил сам М.М. Цвибак, только что переведенный из Ленинграда в Ташкент для реорганизации Средазкомстарис и «укрепления рядов»¹⁷. Во всяком случае, именно он докладывал на заседании ГАИМК о возможности проведения небольшой археологической экспедиции в Семиречье (Кольченко, 2002. С. 45). Любопытен финансовый паритет обоих участников предполагаемой экспедиции, указывающий, как кажется, на отсутствие между ними и должностной субординации.

Вот следующее из сохранившихся писем Спицына, написанное в мае 1929 г. в ответ на пасхальное поздравление Воеводского. В нем упоминаются планы «на это лето».

Поздравляю также и Вас, многоуважаемый М.В., со светлым праздником и желаю доброго здоровья, а вместе — большего времени для работы.

Кое-что о предположениях на это лето я знаю через М.П. Грязнова. Знаете ли Вы, что около Ташкента вскрыты несомненные скифские курганы? На мой взгляд, там должны быть ведены раскопки в первую очередь.

Нарочно ради туранской посуды в Москву мне не попасть. Буду довольствоваться снимками. А в Ташкенте я могу появиться только победителем, — когда овладею всем среднеазиатским материалом. Я уже много тут сделал, но еще не все. Это дело у меня теперь на очереди: мне хочется снабдить Вас и других возможно полными указаниями.

Какое это хорошее дело — реставрация сосудов!

*Ваш А. Спицын.
1929.V.14.*

Спицын, как мы видим, спешит закончить сводку археологических памятников на территории Средней Азии, чтобы помочь тем, кто будет там вести исследования. Тут же по-

является первое упоминание курганов скифского времени в Ташкентской области.

Отметим, что М.В. Воеводский, идентифицированный (по данным хроники) как «начальник над Потаповым и остальными», ведет себя несколько непоседливо. Приезжает не вместе со всеми, а потом (когда сотрудники уже отчаялись найти могилы, но «выпили весь коньяк»). Решает организационные вопросы и удаляется неизвестно куда (рис. 8–10). Прочитированные архивные данные из Узбекистана этой странности не проясняют. Однако документы, хранящиеся в Киргизии, определенно свидетельствуют о том, что Воеводский в том же 1929 г. значился в составе еще одной экспедиции, осуществлявшей раскопки в Чуйской долине и на Иссык-Куле (Кольченко, 2002. С. 46). Но и это оказалось «частью правды», сопряженной с новой порцией путаницы.

Среди бумаг Воеводского, в том же архиве (РФ ЦМХК НАН КР. Инв. № 102. 1930. 60 с.; цит. по: Кольченко, 2002. С. 46), есть документы, датированные мартом 1929 г., в одном из которых руководителем готовящейся экспедиции значится А.А. Спицын, а в другом (в смете) — М.П. Грязнов. Воеводский же в обоих случаях — «секретарь». Думается, что эти бумаги, залежавшиеся в папочках аккуратного Воеводского, — отголоски предварительных, не реализованных планов. Престарелый Спицын, уже давно не выезжавший в поле, вряд ли серьезно собирался в Киргизию. А Грязнов, как известно, в начале лета уже находился в Пазырыке, копал I курган и был занят спасением, а потом и вывозом всего сохранившегося в вечной мерзлоте. Потому и вернулся оттуда поздней осенью. В Киргизию в середине лета — ранней осенью он отлучиться не мог.

Вот следующее письмо Спицына, написанное через полтора месяца, где упоминаются «заявление» Воеводского и пока не существующая «смета»:

*Многоуважаемый Михаил Вацлавович!
Заявление Ваше я передал. Думаю, что оно будет рассматриваться во вторник. Смету*

¹⁷ О его деятельности в Ташкенте и дальнейшей судьбе см.: Германов, 1996. С. 130.

по получении подпишу и отправлю. Цвибака на днях ожидают здесь, на постоянную службу. Не знаю, сможет ли он сделать, что и там, в Ташкенте, для нашей экспедиции (вот подтверждение того, что Цвибак лоббировал экспедицию 1928 г. — В. Б.).

Я усердно сижу за курсом древностей Средней Азии. Уже готово свыше 2 л., а это не более половины. Сведений получилось много, да и сами древности членились. В вашем втором районе, ташкентском, известно множество разнородных памятников. Но всего интереснее раскопки курганов в **Той-Тюбе**¹⁸ (узб. Тойтепа; выделено мной. — В.Б.). Их масса и среди них уже найден скифский. Много пройдено курганов, могильников и тепе. Надо было бы Вам ознакомиться с моим материалом, но как это сделать? Если бы Вы занялись Той-Тюбе, то и этого было бы вполне довольно.

Думаю, что мой очерк будет иметь практическое значение, почему и спешу с ним. И обязательно приготворю для предполагаемого сборника. Сделаю это — и тем закончу свои занятия Средней Азией.

Тереножкин, по имеющимся сведениям, хороший работник и, конечно, исполнит поручение. Путь его краткий, так что он очень легко обойдется и без моих сведений. Лучшие материалы дает отчет о поездке Бартольда 1879 г. (Зап. Ак. Наук VIII сер. Т. I. № 4).

Ваш А. Спицын.
1929.VI.15.

Здесь еще раз возникает второй район работ — ташкентский. Появляется и более точная привязка курганов, так заинтересовавших Спицына, — Той-Тюбе. А ведь это ближайшая к Пскенту железнодорожная станция, расположенная от него в 14 км. Стало быть, данный район для исследования памятников ранних кочевников (предполагаемых «усунай») был выбран А.А. Спицыным.

Годом раньше, в 1928, планомерное обследование долины Ангрена начал М.Е. Массон — 32-летний заведующий археологическим отделом Главного Среднеазиатского музея и сотрудник Среднеазиатского музея в Ташкенте¹⁹. Возможно, и он помог Воеводскому. Оба выросли в одном небольшом азиатском городе — Самарканде.

Вернусь к письму Спицына. В нем присутствует «положительная характеристика» студенту Тереножкину, на которого возлагаются какие-то задачи. Согласно данным, почерпнутым из дневника самого А.И. Тереножкина (РФ ЦМХК НАН КР. Инв. № 7. 1930. 166 с.; цит. по: Кольченко, 2002. С. 46), в 1929 г. все раскопки в Киргизии — на Иссык-Куле и в Чуйской долине — осуществляла экспедиция НИИ Антропологии МГУ (единственным представителем этого учреждения был М.В. Воеводский).

Студент 2–3 курса МГУ, Тереножкин в составе этой же экспедиции копал Бураинское городище (древний Баласагун) и проводил разведку в пределах Чуйской долины²⁰. В ряде пунктов, тогда отмеченных им на карте, состоялись раскопки в следующем, 1930 г. Последнее коротенькое и суховатое письмо Спицына подтверждает догадку о том, что его общее руководство экспедицией 1929 г. в Средней Азии не состоялось.

Многоуважаемый Михаил Вацлавович!
Вашей сметы я не получил, не подписывал, не влетал на место.

Сегодня я кончаю свой обзор древностей Средней Азии. Вышло не менее 4-х печатных листов, а прибавится еще. Сообщите об этом в Ташкент.

А.С.

27.VI. 1929 (дата на штемпеле).

Рукопись «Древности Средней Азии» была закончена в 1930 г. и осталась неизданной, не

¹⁸ Автор публикации из-за неразборчивости почерка А.А. Спицына воспроизвел название этого населенного пункта как Тогд-Тейбо (?) (Щавелев, 2008. С. 223).

¹⁹ М.Е. Массон значительно позже обобщил свои многолетние исследования в монографии (Массон, 1953).

²⁰ О чем свидетельствует название его отчета «Археологические разведки сотрудника Средне-Азиатской экспедиции Антропологического научно-исследовательского института в Москве летом 1929 в Киргизской АССР» (Кольченко, 2002. Библиогр общая).

вышел и предполагавшийся ее сокращенный вариант в виде очерка (Бич, 1948). Цитированные письма отчасти дают представление о том, как Воеводский в течение двух сезонов организовывал археологические исследования в Средней Азии и явно увеличивал их объем. В 1928 г. — небольшие раскопки в Чуйской долине и разведки в Туркмении. В 1929 г. — несколько отрядов: у Пскента, в Чуйской долине, на Иссык-Куле (Каракол, Чильпек). Существует версия, что М.В. Воеводский в 1928–1929 гг. возглавлял Среднеазиатскую экспедицию (Александрова, 2000. С. 70; Щавелев, 2007), чему противоречат такие детали, как «паритет» финансирования Воеводского и Грязнова в 1928 г. и переписка первого из них в 1929 г. с А.А. Спицыным, который был готов взять общее руководство на себя. Последний сюжет выглядит как попытка найти руководителя экспедиции среди заслуженных представителей ГАИМК.

Весьма симптоматично, что экспедиция 1929 г. (по архивным данным в Киргизии) называлась «Палеоэтнологической»²¹, так же как и экспедиция, работавшая там же в следующем, 1930, году под общим руководством профессора МГУ Петра Федоровича Преображенского. В составе этой экспедиции вновь числится М.В. Воеводский (Кольченко, 2002. С. 43, 46, 47). Как мы помним, в 1930 г. были продолжены и раскопки в Пскенте. Складывается впечатление, что П.Ф. Преображенский возглавлял «Палеоэтнологическую экспедицию» в течение обоих сезонов. Известно, что в 1929–1930 гг. (практически до самого закрытия этнологического факультета)²² он вел семинар по этнографии народов Средней Азии (1929–1930) и (!) принял участие в организации Среднеазиатской комплексной экспедиции РАНИОН — руководил ее этнографической частью, работавшей в низовьях Амударьи в районе Древнего Хорезма (Иванова, 2002. С. 244). Однако даты, приводимые автором публикации, — 1928 и 1929 гг., что

противоречит не только архивным данным в Киргизии (Кольченко, 2002), но и информации, приведенной Т.А. Жданко, которая сообщает об экспедициях в 1929 и 1930 гг. (Жданко, 1994. С. 120). Для студентов-этнографов С.П. Толстова и С.А. Токарева экспедиция 1929 г. оказалась первой (они работали под руководством П.Ф. Преображенского в Хорезмском оазисе в низовьях Амударьи).

Еще одним участником Среднеазиатской экспедиции РАНИОН 1929 г. оказался младший брат П.Ф. Преображенского — Сергей, учившийся на кафедре антропологии вместе с О.Н. Бадером и М.В. Воеводским и ездивший вместе с ними²³ в экспедиции под руководством Б.С. Жукова.

Сергей Федорович Преображенский (1900–1962) в 1926 г. окончил МГУ, стал сотрудником Института антропологии МГУ, но уже в 1927 г. был сослан в Киргизию, где находился до 1933 г. (первая ссылка, потом последовали и две другие — в 1935 и 1937 гг.) (Иванова, 2002. С. 244. Прим. 44). Не исключено, что это чисто семейное обстоятельство способствовало решению П.Ф. Преображенского возглавить экспедицию в Среднюю Азию, археологическую часть которой, видимо, курировал М.В. Воеводский, путешествуя между Пскентским, Чуйским и Иссык-Кульским отрядами. В одном из киргизских отрядов находился и ссыльный С.Ф. Преображенский (Там же).

Пока остается неясным, кто же работал в нескольких пунктах на Иссык-Куле, и в частности у селения Чильпек (Чельпек), где был раскопан чуть ли не эталонный могильник усуньского периода, до сих пор фигурирующий в литературе (Заднепровский, 1971. С. 27; Табалдиев, 2002. С. 284). Есть информация, что в 1929 г. там копал курганы С.А. Теплоухов (Кольченко, 2002. С. 46). Возможно, отчасти и его научными интересами объясняется особое «сосредоточение в планах того сезона на отыскании и исследовании памятников

²¹ Обратим внимание на то, что название ее восходит к традиции, существовавшей в стенах НИИ Антропологии МГУ, где термину «археология» предпочитали иной — «палеоэтнология» (Янин, Пряхин, 2000).

²² Последний выпуск (ускоренно) состоялся в конце 1930 г. (Жданко, 1994. С. 121).

²³ А также с А.Е. Алиховой, Е.И. Горюновой, А.В. Збруевой, Т.А. Трофимовой, Г.Ф. Дебецем, П.И. Зеньковичем, Г.П. Сосновским, М.В. Талицким, С.П. Толстовым, Н.Н. Чебоксаровым (Бадер, 1968).

эпохи бронзы» на Иссык-Куле (клады эпохи поздней бронзы там были известны с 80-х гг. XIX в.). По мнению Ю.Н. Рериха, Теплоухов уточнял ареал андроновской культуры, копал в Чельпеке, в окрестностях Каракола (Пржевальска) и в ущелье Джеты-Огуз, исследовав около 30 погребений. Он возглавлял (обратим внимание) *археологический отряд Сводной экспедиции Всесоюзной Академии Наук*, — но опять расходятся даты, — в 1932 г. (Рерих, 2004. С. 92). Видимо, это тоже неточность, поскольку другой «Сводной» экспедиции в Киргизии после 1930 г. не было (Кольченко, 2002. С. 47).

В 1930 г. Палеоэтнологическая экспедиция ГАИМК под общим руководством Преображенского проводила в течение четырех месяцев стационарные раскопки на пяти объектах в Чуйской долине, а также разведочно-ознакомительные работы на Иссык-Куле (Там же. С. 43).

Люди сведущие отмечают, что когда дело касается давно минувших дней, приходится разбираться во множестве неточностей и порожденных ими противоречий.

Так почему же от Палеоэтнологической экспедиции 1929–1930 гг. почти не осталось следов? Ее результаты опубликованы как-то фрагментарно, в ряде случаев без упоминания формата (Воеводский, Грязнов, 1938; Тереножкин, 1938). А С.П. Толстов, сообщая о том, что она была *историко-этнографической*, не называет имени руководителя: «Объектом своих полевых исследований автор избрал Хорезм. Выбор этот не был случайным. Автор связан по работе с Хорезмом ещё с 1929 г., когда он впервые приехал сюда в качестве участника историко-этнографической экспедиции РАНИОН в Куня-Ургенчский и Ходжелинский районы» (Толстов, 1948. С. 8). Пскентские материалы остались в архивах. Думается, свою роль тут сыграли и случайные обстоятельства, и вполне закономерные. Одно из случайных обстоятельств — отсутствие в Пскенте «усуньских» могил, ради которых раскопки и затевались, другое — преждевременная смерть А.А. Потапова в 1938 г., причины которой не ясны²⁴.

«Закономерными» же обстоятельствами, видимо, стали аресты, обрушившиеся на московские и ленинградские археологические круги. Они затронули пятерых участников этой экспедиции и близких им людей. Началось все в августе 1930 г. Тогда был арестован С.И. Руденко, а в 1931 г. — и учитель Воеводского, Б.С. Жуков (умер в ссылке). В 1933 г. арестовали самого М.П. Грязнова, а также С.А. Теплоухова (погиб в 1934). В 1935 последовал арест Б.А. Латынина и второй арест едва возвратившегося из Киргизии С.Ф. Преображенского. Руководитель палеоэтнологической экспедиции П.Ф. Преображенский и близкий друг Грязнова Е.Р. Шнейдер были репрессированы в 1937 г. (оба погибли). Известно, что А.И. Тереножкин, завершив учебу, просто уехал работать в Среднюю Азию, «от греха подальше» (Формозов, 1998; 2008; Ашнин и др., 2002; Люди и судьбы... 2003; Иванова, 2002; Судьба ученого... 2000).

Воеводский, Потапов и Тереножкин (аспирант) провели вместе в Средней Азии еще один сезон — 1934 года. Это Хорезмская экспедиция, которую финансировал Сазгипровод, а возглавил Воеводский — уже заместитель директора Музея Антропологии МГУ и руководитель лаборатории камеральной обработки ГАИМК. Втроем они провели разведки в Южном Хорезме. В этой экспедиции впервые в отечественной археологии была использована авиаразведка, столь успешно применявшаяся в дальнейшем уже в (одноименной) экспедиции С.П. Толстова. Воеводский, любивший путешествовать в одиночку, похоже, надолго оставлял своих подчиненных, о чем напоминает еще одна карикатура мастера пскентской хроники, дающая точную дату событий (рис. 12).

От той экспедиции в архиве Потапова, согласно описи, сохранилась папка «Узоры Хивы» (двери, камни, базы). В Узкомстарис были переданы также папки с его рисунками архитектурных деталей, сделанными в Таш-Хаули (дворцовый комплекс в Хиве, главный дворец хивинских ханов), Ак-Мечети (там же — часть ансамбля рядом с восточными воротами Ичан-Кала). Фигурирует папка с ри-

²⁴ Но репрессирован он, скорее всего, не был, поскольку его архив официально принимал Узкомстарис.

сунками из Кята (город и крепость на правом берегу Амударьи, одно время был столицей Хорезма).

Со Средней Азией была связана только одна публикация А.А. Потапова — «Рельефы

древней Согдианы как исторический источник» (Потапов, 1938), вышедшая незадолго до его смерти. Это одна из первых работ, посвященных оссуариям. Она цитируется до сих пор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александрова М.В., 2000. Воеводский Михаил Вацлавович // Институт археологии: история и современность М.

Ашинин Ф.Д. и др., 2002. Репрессированная тюркология. М.

Бадер О.Н., 1968. Памяти Бориса Сергеевича Жуквоа // СА. № 4.

Балабина В.И., 2003. О Прекрасной Даме, ее рыцарях и бардах (Т.С. Пассек, Б.А. Латынин и А.А. Потапов) // Stratum+. № 2.

Бич О.И., 1948. Архив А.А. Спицына // СА. № X.

Брыкина Г.А., 2000. Оболдуева Татьяна Григорьевна // Институт археологии: история и современность. М.

Буряков Ю.Ф., 1968. Пскентские наусы // СА. № 3.

Воеводский М.В., Грязнов М.П., 1938. У-суньские могильники на территории Киргизской ССР: К истории у-суней // ВДИ. № 3 (4).

Германов В.А., 1996. «Восточный фронт» // Восток — Oriens. Афро-азиатские общества: история и современность. М. № 3.

Горбунова Н.Г., Брыкина Г.А., Заднепровский Ю.А., 1996. Памяти Татьяны Григорьевны Оболдуевой (1908–1995) // РА. № 1.

Жданко, 1994: С Т.А. Жданко беседует В.А. Тишков // Этнографическое обозрение. М., 1994. № 1.

Заднепровский Ю.А., 1971. Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н. э. — V в. н. э. // Страны и народы Востока. М. Т. X.

Иванова Ю.В., 2002. Петр Федорович Преображенский: жизненный путь и научное наследие // Репрессированные этнографы. М. Вып. 1.

Качалова Н.К., 2000. Борис Александрович Латынин: 1899–1967 // Судьба ученого: К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. СПб.

Кольченко В.А., 2002. Археологические исследования в Кыргызстане в 1928–1930 гг. (работы М.П. Грязнова, М.В. Воеводского,

А.И. Тереножкина) // Степи Евразии в древности и средневековье: К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб.

Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период. СПб., 2003.

Массон М.Е., 1953. Ахангеран: Историкотопографический очерк. Ташкент.

Потапов А.А., 1938. Рельефы древней Согдианы как исторический источник // ВДИ. № 2.

Рерих Ю.Н., 2004. История Средней Азии: В 3-х тт. М. Т. 1.

Судьба ученого: К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. СПб., 2000.

Табалдиев К.Ш., 2002. Археологические памятники ранних кочевников Тенир-Тоо и некоторые новые сведения // «Манас» Университети. Коомдук илимдер журналы. № 3.

Тереножкин А.И., 1938. К историко-археологическому изучению Казахстана и Киргизии // ВДИ. № 1.

Толстов С.П., 1948. Древний Хорезм. М.

Формозов А.А., 1998. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг. // РА. № 3.

Формозов А.А., 2008. Статьи разных лет. Курск.

Чубур А.А., 2003. Михаил Вацлавович Воеводский: страницы биографии (к 100-летию со дня рождения) // Очерки по истории археологии Брянской области. Брянск. Вып. 1.

Щавелев С.П., 2007. Историки Курского края (биографический словарь). Курск.

Щавелев С.П., 2008. Письма А.А. Спицына М.В. Воеводскому // История и практика археологических исследований: Мат. Междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора Александра Андреевича Спицына. СПб.

Янин В.Л., Пряхин А.Д., 2000. Археология на исторических факультетах классических университетов Российской Федерации: История, современность, перспективы // ВВУ. Сер. 1: Гуманитарные науки. № 2.

И.Л. Кызласова

Московский государственный горный университет

ОБ АРХЕОЛОГЕ В.П. ЛЕВАШЕВОЙ И ЕЕ ОТЦЕ, ПРОТОИЕРЕЕ П.Н. ЛЕВАШЕВЕ

*А я молчу, я тридцать лет молчу.
Молчание арктическими льдами
Стоит вокруг бессчетными ночами,
Оно идет гасить мою свечу...
Оно судебный наполняет зал,
Мое молчанье слышится повсюду,
И даже гул молвы перекричать
Оно могло бы, и подобно чуду
Оно на все кладет свою печать.*

*А. Ахматова. Северные элегии. 1964.
Из седьмой Северной элегии*

Расскажем сначала о дочери и лишь потом о ее отце. Варвара Павловна (1901–1974) принадлежала к первому поколению археологов, получивших образование в советское время. Она была «истинной подвижницей науки, великим бескорыстным ее тружеником» (Кызласов, 1983. С. 11). Полагаем, что незаурядность личности и трудов В.П. Левашевой была очевидна многим ее ближайшим коллегам и ученикам (она активно работала с середины 1920-х по 1968 г., в 1945 г. стала кандидатом наук). К сожалению, написано ими об этом лишь несколько строк (Кызласов, 1983. С. 11–12; 1997. С. 23) (илл. 64) (фото из архива семьи В.П. Левашовой на илл. 64–67, 71, 72 публикуются впервые).

Задачи настоящей работы состоят, во-первых, в обзоре историографической литературы, уточнении биографических сведений о Варваре Павловне по архиву, хранящемуся в семье, устным и записанным воспоминаниям ее дочерей; в публикации фрагментов мемуаров П.Б. Юргенсона о специфике преподавания Городцова и о важной черте жизни особого содружества ученых — Городцо-

ва и его учеников. Во-вторых, мы впервые в таком объеме собрали и систематизировали сведения об одном из выдающихся религиозных деятелей дореволюционного Петербурга, протоиерее П.Н. Левашеве (родился в 1866 г. — расстрелян в 1937 г.). Эта тема имеет высокое самостоятельное значение. Но в контексте настоящей работы помогает, в частности, приблизиться к пониманию истинных основ мировоззрения его дочери, археолога В.П. Левашевой, и, разумеется, к мотивации кардинальных перемен в ее судьбе, в том числе и профессиональной. Все эти сведения и наблюдения имеют более широкое значение, показывая на примере жизни одного ученого особенности судьбы той части интеллигенции, которая, исходя из семей священников, сумела получить образование и в известной степени реализовать свой профессиональный потенциал после 1917 г. Кроме того, приведены несколько строк самых общих впечатлений автора о Варваре Павловне. Таким образом, в основу предлагаемого текста положены разнородные и разрозненные источники (эта ситуация доста-

точно характерна для мемуарной и отчасти историографической литературы советского периода). Но, на наш взгляд, они не просто дополняют то, что уже было издано о Левашевой ранее, но и в более полной, чем прежде, мере выявляют героический характер ее жизни и деятельности. Тема религиозности историка (а Варвара Павловна была, по свидетельству дочерей, верующим человеком) в советскую эпоху позволяет прикоснуться к сложнейшим проблемам внутренней жизни целого ряда представителей старшего поколения наших современников и вместе с тем во многом приоткрывает внутреннюю основу их подвижничества.

Современное состояние историографии в области археологии позволяет читателю составить самое общее представление об основных вехах ее развития и нередко лишь приблизиться к оценкам вклада важнейших ученых. О полноте картины говорить рано: ряд имен или выпал из поля зрения историографов, или не обрел пока достоверных биографических источников. Еще труднее почувствовать особенности творческой атмосферы той или иной школы или исследовательского центра, уловить особенности таланта и «силовое поле» личности множества ярких ученых, хоть сколько-нибудь представить внутренний «нерв» их труда. Все это невозможно без уяснения жизненных коллизий исследователей, их судьбы, а следовательно, без публикации документов (в первую очередь личного характера), эпистолярных комплексов, мемуаров самих археологов и воспоминаний о них. Дефицит литературы в этой области столь велик, что все изданное воспринимается как нечто едва ли не исключительное.

Так, читатель напрасно искал бы сколько-нибудь пространный историографический текст или воспоминания, посвященные Левашевой, в московских изданиях¹. Напом-

ним, что она училась в 1 МГУ (1922–1924), была практикантом археологического отдела ГИМ (1924–1926) и сотрудником отдела славяно-русской археологии того же музея (1946–1968)². К счастью, специальные работы историков появились в сибирских сборниках последних лет — Левашева трудилась в музеях Омска с 1926 по 1929 г. и Минусинска с 1929 по 1946 г., внесла лепту в деятельность музеев в Абакане, Акмолинске и Красноярске³.

Очень интересны две статьи Б.А. Коникова (1991. С. 109–115; 1994. С. 21–29)⁴, который показал, что за короткий срок работы в Омске Левашева сумела сделать чрезвычайно много для становления археологии в крае (став, по существу, первым профессионалом в музее). Она охарактеризована как специалист с высокой теоретической подготовкой, вдумчивый и чрезвычайно наблюдательный, обладавший прекрасной интуицией и способностью на основе ограниченных данных делать важные обобщения. Стиль работы ученого определялся целеустремленностью, систематичностью и аккуратностью, доведенной до педантизма. Именно Левашева начала планомерное обследование множества памятников широкого хронологического диапазона на значительной территории, создала уникальную картотеку, издала несколько публикаций с определением ряда узловых проблем науки (удалось даже в виде докладов апробировать их в ГИМ и ГАИМК). Она разработала первую экспозицию археологического отдела Омского музея и не только всеми силами пропагандировала историко-краеведческие знания, но и предприняла несколько отчаянных попыток сохранить от разрушения курганы⁵. Автор писал, что ему неизвестны причины переезда Левашевой в Минусинск, отмечая, что этот небольшой городок был в те годы в «центре археологического “Эльдорадо”». Но

¹ Краткий ценный текст см.: Дэвлет, 1969. С. 36, 38–39.

² Краткие биографические сведения и библиография трудов В.П. Левашевой только в трудах ГИМ: Издания Государственного Исторического музея. 1873–1998. Библиографический указатель. М., 1999. С. 181 и библ. Год ухода на пенсию — Трудовая книжка В.П. Левашевой // Архив семьи.

³ Последние сведения из автобиографии В.П. Левашевой — см. *Приложение 1*. После 1946 г. она не раз ездила в Минусинск, внося коррективы в экспозицию Минусинского музея (устные воспоминания Л.Р. Кызласова).

⁴ Несмотря на совпадение названий двух работ Б.А. Коникова, они дополняют друг друга.

⁵ Сводка дана по обеим статьям Б.А. Коникова. Здесь и далее мы опускаем сведения о конкретных археологических открытиях В.П. Левашевой.

«не исключено, что подвигла к решению о переезде осложнившаяся обстановка в научно-краеведческих кругах Омска» (Конилов, 1994. С. 27). При этом не уточнялось, что имеется в виду; вероятно, то, что ныне всем известно, — начало разгрома краеведения именно в 1929 г. «Фигура умолчания» отчасти использована в связи с происхождением героини очерка. Конилов первым упомянул в печатном издании о том, что Левашева родилась в Вятке в семье протоиерея Павла Никаноровича. Тот окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия и в 1890–1893 гг. «преподавал светские и религиозные науки в епархиальном училище и духовной семинарии Вятки. Его послужной список свидетельствует о большом трудолюбии и усердии; он награжден орденом св. Анны II степени, медалями, неоднократно отмечался церковными наградами» (Там же. С. 21). Автор, разумеется, почерпнул эти сведения не из служебной автобиографии Левашевой, которая тщательно скрывала их, а из материалов РГВИА. Речь идет о «Полном послужном списке протоиерея церкви Генерального и Главного штаба Павла Левашева. Составлен по 1-е января 1915 года»⁶. Б.А. Конилов использовал краткую форму ссылки, не указывая название документа и ни словом не упоминая о том, что основной период службы протоиерея Левашева был связан не с Вяткой, а с Петербургом. Так у читателя должно было создаться обманчивое впечатление, что имеется в виду всего лишь заслуженный провинциальный священник (илл. 65).

Следующие две публикации были изданы Л.Ю. Китовой (1996. С. 96–104; 2001. С. 70–86). Остановимся на второй из них как наиболее обширной. Статья посвящена разработке биографии ученого. В ней собраны ценные материалы архивов (включая пять писем В.П. Левашевой к другому ученику В.А. Городцова, Н.К. Ауэрбаху, за 1927 г., к сожалению, без комментариев), а основная часть статьи основана на рукописи воспоминаний

дочерей В.П. Левашевой — Татьяны Феодосиевны Жаворонковой (урожд. Кравченко, 1932–2009) и Марии Феодосиевны Кравченко (род. 1935)⁷. Отметим важный факт, не указанный Китовой: Варвара Павловна никогда не рассказывала дочерям подробности о своем отце, что очень показательно для эпохи. Дочери, а позднее и внук⁸, знали лишь, что П.Н. Левашев был священником и что в Петербурге он жил с семьей в огромной служебной квартире в доме рядом со входом в собор Петропавловской крепости. Потому-то дочери В.П. Левашевой продолжали считать, что дед и служил там, — эту ошибку «унаследовала» Л.Ю. Китова (2001. С. 71; 2007. С. 128)⁹. Она также сообщила некоторые сведения о П.Н. Левашеве: его отец был бедным псаломщиком и рано умер; о. Павел, окончив духовную семинарию в Вятке, учился в Санкт-Петербургской духовной академии за казенный счет, а окончив ее, недолго работал учителем в Вятке, затем служил в столице якобы в Петропавловском соборе. Между тем, большинство этих сведений дочери В.П. Левашевой узнали только недавно из уже упоминавшегося послужного списка их деда, о чем и сообщили Китовой, но та не указала этот источник. Из публикации воспоминаний читатель узнает, что Анна Васильевна, мать Варвары Павловны, училась в епархиальном училище и потому, вероятно, происходила из духовного сословия. Она родила восемь детей, из которых выжили пятеро: четыре дочери и старший сын Трифон («погиб после гражданской войны»). Анна Васильевна была человеком исключительной доброты. Незыблемым авторитетом в семье обладал отец. Он всячески поддерживал стремление детей к образованию. Так, Трифон учился в университете в середине 1910-х гг., а Варя — в Петровской гимназии, кончая каждый год первой ученицей. Но золотую медаль, которую традиционно вручала императрица, получить не успела: в 1917 г. семья вынуждена была перебраться на родину отца, в Вятку, и

⁶ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 60–346. 7 л. Ксерокопия материалов получена нами от дочерей В.П. Левашевой (о них см. ниже), а теми в свою очередь — от омского исследователя А.В. Жука.

⁷ Т.Ф. Жаворонкова — педагог, библиотечный работник, М.Ф. Кравченко работала конструктором.

⁸ Юрий Павлович Кравченко (род. 1971 г.), физик-теоретик, позднее финансовый аналитик.

⁹ В обеих работах указан неверный год смерти В.П. Левашевой.

там девочка окончила уже советскую школу. Жилось трудно, и Варя еще школьницей подрабатывала.

В 1918 г.¹⁰ семья переехала в Москву. Условия были такие, что «Левашевы не надеялись выжить». Именно тогда здоровье Вари было подорвано — хроническое воспаление легких осталось на всю жизнь. Ради пайка девушка работала статистиком и переписчицей (служащая РККА в Кремле). Тогда же состоялась ее памятная встреча с бывшей одноклассницей по Петровской гимназии Надеждой Аллилуевой. Она рассказала, что вышла замуж за И.В. Джугашвили. Варя «представления не имела, кто это такой и как в дальнейшем его политика повлияет на жизнь ее семьи». Продолжать учебу было крайне трудно — бросить работу невозможно из-за фронтового пайка (который трепетно ждали дома). С 1921 г. Варя стала по вечерам учиться в Московском археологическом институте, но на следующий год он был закрыт, и она перешла в МГУ, где и стала преданнейшей ученицей В.А. Гордцова. Именно он во многом способствовал сложению дружного и веселого коллектива своих учеников — он даже возглавлял своеобразнейший «тотем», где все имели прозвища (илл. 68–71). Историограф отметила основные вехи профессиональной жизни В.П. Левашевой, подчеркнув, что это был вдумчивый и неутомимый исследователь.

В.С. Зубков, несмотря на досадные опечатки и промахи (Зубков, 2001. С. 200–208)¹¹, ввел в научный оборот личные архивные материалы Левашевой времени ее жизни в Минусинске, привел также ценные сведения из истории краеведческого музея города. Левашева возглавила археологический отдел в

то время, когда музей долгие годы не имел своего археолога. Она создала новую экспозицию, занималась систематическим учетом и охраной памятников на местах (особенно актуальной из-за текущихстроек), написала путеводители и первый популярный очерк по истории края. Впервые музейный археолог начал осуществлять ежегодные экспедиции. Последняя деятельность отличалась значительным размахом и широким хронологическим диапазоном. О высоком научном уровне исследовательской работы свидетельствуют не только уже упомянутые труды, но и ряд сугубо научных публикаций и, наконец, защита диссертации (тогда Варвара Павловна недолго работала по совместительству в ХакНИИЯЛИ). В.С. Зубков очертил особенности характера и дарования Левашевой: ее исключительные работоспособность и энергию, силу воли и твердость духа. Нельзя не привести здесь вновь строки из официального документа (июнь 1937 г.): «Очень знающий свое дело музейный работник. Несмотря на частые пропуски по болезненному состоянию, семейным и другим причинам, все же по работе впереди всех. Можно сказать, что каждые пять минут ее работы для музея уже плюс»¹². Читатель узнает, что деятельность Левашевой протекала одновременно с заботами о семье, где было двое маленьких детей, преодолением собственных недугов (к 1940 г. это уже туберкулез легких), но главное — в обстановке арестов ближайших сотрудников и, наконец, мужа Феодосия Петровича Кравченко (род. в 1898 г., арестован в октябре 1937 г., расстрелян в ноябре)¹³. Сама Левашева была уволена (с 1 декабря 1937 г. по 4 марта 1938 г.), однако не только смогла добиться

¹⁰ Здесь, вероятно, ошибка. В автобиографии В.П. Левашевой (см. Приложение 1) указан 1919 г.

¹¹ Отчество В.П. Левашевой указано только один раз, в названии статьи, с ошибкой, неверно приведен и год ее смерти. Круг литературы, использованной автором, очень ограничен, в частности, не упомянуты обе работы Б.А. Коникова и статья Л.Ю. Китовой 1996 г.

¹² Из характеристики, составленной директором музея А.В. Харчевниковым (Зубков, 2001. С. 203).

¹³ Начиная с октября 1937 г., когда был арестован А.В. Харчевников (вскоре расстрелян), та же участь постигла еще семь человек. Все это привело к тому, что к 1940 г. из восьми сотрудников музея, «исполняющих функции научных сотрудников», осталось лишь два человека с законченным высшим образованием, включая В.П. Левашеву (Зубков, 2001. С. 204). О расстреле мужа В.П. Левашева, разумеется, не знала. Ф.П. Кравченко родился в семье крестьян Полтавской губернии, которая переселилась в Сибирь (1900), окончил Минусинскую учительскую семинарию (1918), мобилизован в армию Сибирским военным правительством (1918–1919), служил в красном партизанском отряде (1919–1920), работал учителем (1921), сотрудником Минусинского музея (1921–1932), энтомологом Минусинской малярийной станции (1932–1937), автор брошюры по борьбе с малярией. Реабилитирован в 1956 г. (Архив семьи).

восстановления на работе, но и не побоялась бороться за оплату своего вынужденного прогула! Подчеркивается, что Варвара Павловна не признала законность ареста мужа. В дальнейшем обзоре трудов В.П. Левашевой В.С. Зубков отметил особый факт: во время войны Минусинский музей был единственным в Сибири, продолжавшим полевые археологические исследования (Зубков, 2001. С. 205; ср. также: Дэвлет, 1969. С. 38). Во время войны подготовила диссертацию «История Хакасии с древнейших времен до XVII в.». В мае 1946 г. Левашева была откомандирована в Ленинградскую арктическую экспедицию. Вскоре начался второй, московский, период ее жизни, но она не переставала разрабатывать и сибирскую тематику. Статья завершается словами: труды ученого в Минусинске — «это выразительный пример подвижничества в археологии» (Зубков, 2001. С. 207).

Краткий обзор трудов Левашевой в Москве в 1946–1968 гг. составила Н.Я. Артамонова (2003. С. 76–77), отметив, что, поступив в отдел славяно-русской археологии ГИМ, Варвара Павловна вернулась в знакомый коллектив. Несмотря на то, что она продолжала писать на разные темы (в т. ч. сибирскую и золотоордынскую), в центре ее интересов находились вопросы происхождения славян и процессы образования государства на Руси. В 1947–1949 гг. она руководила экспедициями в Воронежской области и позднее участвовала в целом ряде раскопок. Автор подчеркнула преданность Левашевой любимому делу ссылкой на ее высказывание, относящееся еще к поре работы в Минусинском музее, где ей нередко приходилось замещать директора А.В. Харчевникова. Варвара Павловна писала: «...когда он уезжает, то я перестаю быть археологом и превращаюсь в самого несчастного человечешку в мире. Сейчас-то я не жалуюсь, сейчас очень счастлива, что могу заниматься своей работой» (Там же. С. 77).

В 2007 г. вышел обобщающий труд Л.Ю. Китовой — серьезный обзор большого раздела в истории сибирской археологии 1920–1930-х гг. (Китова, 2007). В нем по праву большое внимание уделено подвижниче-

ской деятельности В.П. Левашевой. В частности, было отмечено, что после репрессий 1930-х гг. она осталась единственным профессиональным археологом, жившим и работавшим в Сибири (вновь встречаемся со словом «единственная»). Л.Ю. Китова уточнила и ряд фактов в биографии В.П. Левашевой (Там же. С. 127–153)¹⁴.

Завершив краткий историографический обзор, обратимся как к устным, так и к письменным воспоминаниям дочерей В.П. Левашевой (к той небольшой части, которая не была или почти не была использована Л.Ю. Китовой). Высочайший авторитет отца в семье привил детям не только любовь к знанию, но и к вере. Несмотря на определенный достаток в доме, семья жила скромно. Павел Никанорович считал своим неукоснительным долгом заниматься благотворительностью даже в ущерб собственным детям. Через всю жизнь Варвара Павловна пронесла самую нежную любовь-скорбь к старшему брату Трифону (крестным отцом которого был один из крупнейших иерархов Церкви Сергей Страгородский). Студентом он добровольно ушел на фронт, а после октября 1917 г. встал на сторону Белого движения, оказался в эмиграции (кажется, в Вене), где рано умер. При том, он долго был уверен, что родные погибли в Петрограде, где протоиерей Левашев был слишком заметной фигурой. Разумеется, хорошо известен он был и на своей родине в Вятке. Именно потому в 1918 г. семья переехала в Москву. Юная Варя была в полном смысле кормилицей своих близких. Но даже заработанный ею паек нельзя было просто съесть. Его приходилось частично продавать. В памяти дочерей Варвары Павловны остался ее рассказ о том, как, попадая в облаву на «спекулянтов», она брала свою корзинку и смело шла навстречу милиции. Это не раз спасало. Как упоминалось, Левашевы не чаяли выжить. При этом каждый боялся остаться последним...

Жизнь в Москве для Варвары Павловны была пронизана постоянным чувством страха. Особенно она боялась, что раскроется ее происхождение. Это было тем более веро-

¹⁴ См. письма В.П. Левашевой к Н.К. Ауэрбаху (1927 г.) и Л.А. Евтюховой (1944 г.): Китова, 2007. С. 249–265.

ятно, что семья жила в самом центре города, в Большом Кисловском переулке. Это был служебный корпус закрытого в самом начале 1920-х гг. Никитского монастыря, в одной из церквей которого, по-видимому, служил тогда о. Павел¹⁵. Знаменитая обитель примыкала к кварталу, в котором находился университет. Буквально каждодневный выход из дома и возвращение туда были для Вари большим испытанием — она легко могла встретить одновременно и прихожан отца, и, например, университетских людей. Получив диплом в 1926 г., Варвара Павловна ясно понимала, что она должна покинуть семью и где-то затеряться (при этом она не пожелала сменить фамилию, скорее всего, из уважения к родителям). Хотела уехать в Нижний Новгород, но не получилось, и она стала сотрудником музея в Омске. Так серьезные профессиональные интересы исследователя и установки Городцова на научное освоение ранее малоизученных регионов совпали с «семейными обстоятельствами» его преданной ученицы.

В многолетней сибирской жизни был молодой энтузиазм и множество тревог и лишений. Уже упоминавшаяся попытка защитить курганы от гибели через суд (!) закончились для молодого археолога трагически. В какой-то момент она поняла, что судебные инстанции могут «детально» изучить ее анкету. Выход был найден в очередном бегстве. Добровольная сибирская ссылка была продолжена в Минусинске, на радость музею, который приобрел исключительно квалифицированного и вдумчивого исследователя. Здесь, в стенах старинного музея, Варвара Павловна встретила свою единственную на всю жизнь любовь, родились дети. В 1937 г. им исполнилось пять и два года... Уже приводились примеры незаурядного мужества и достоинства, с которыми хрупкая, болезненная женщина принимала удары судьбы. В конце того же года был арестован и ее отец (мама умерла в 1941 г.). Уволили с работы (об этом уже сказано выше), выгнали из квартиры. Варвару Павловну пытались вербовать. Это была моральная пытка.

Она ждала ареста. В печку вместе с бумагами были брошены даже юношеские стихи. На этот раз спастись бегством было нельзя — в Минусинске жили многочисленные родные мужа. Именно они должны были забрать к себе детей в случае катастрофы. Через несколько лет, в 1941 г., Варвара Павловна все же предприняла попытку из-за резко обострившегося туберкулеза переехать в более теплые края — в Бахчисарай или Орел. Но, к счастью, это не получилось, — и семья не оказалась в оккупации. В любой мороз Варвара Павловна продолжала носить воду из колодца, платить «за постой» в крохотной комнатке без электричества. И все же, все же, она смогла, оставив детей на няньку, провести ставшую ныне легендарной экспедицию 1942 г. Она весила меньше сорока килограммов. Как этой истощенной, страдавшей женщине удалось в 1945 г. защитить диссертацию? Дочерям было 13 и 10 лет, и они хорошо помнят, что после увеличения маминого пайка они уже не голодали так отчаянно. И еще они думают, что если бы Надежда Аллилуева была жива в 1937 г., то мама могла бы не выдержать и обратиться к ней с просьбой о спасении их отца, и тогда погибла бы сама. Еще хорошо, считают дочери, что их мама не дожидаясь выхода в свет «Архипелага ГУЛАГ» — не смогла бы пережить страшных подробностей о содержании заключенных в застенках и лагерях.

Наступил 1946 г., и Варвара Павловна стала решительно бороться за отъезд в Москву. Но музей не отпускал ее. Тогда она пошла на гибельную для нее затею — согласилась поехать археологом в низовья Оби, в Мангазейскую экспедицию от Арктического института в Ленинграде. Из-за различных обстоятельств экспедиция не состоялась. Но Левашева смогла получить разрешение на перевод на работу в Москву. Переезд из Минусинска был крайне тяжел — несколько суток почти не удавалось сомкнуть глаз. В столице семья поселилась в комнатке Елизаветы Павловны (1912–1987), младшей сестры Варвары Павловны. Через три года появилась возмож-

¹⁵ Монастырь в XVI–XIX вв. был женским. Так, еще в 1924 г. в нем жили 110 монахинь. Последний храм закрыт в 1929 г. Окончательно снесен в 1933 г. (Паламарчук, 1992. С. 215). По некоторым сведениям, П.Н. Левашев служил в Москве в церкви свмч. Власия в бывшем Никитском монастыре (Древо...). Но такая церковь в этом монастыре нам не известна.

ность переехать в жилье-пенальчик в невестинном по теперешним временам «коммунальном царстве» Новодевичьего монастыря. Позже внутри бывшей обители семья еще несколько раз перебиралась в другие «кедьи», но смягчить убогость быта было почти невозможно, — отдельная небольшая квартира была получена лишь в 1968 г. на окраине города. Тогда-то Варваре Павловне и пришлось уйти из ГИМ — ездить так далеко сил уже не было.

Осталось привести простые и пронзительные слова, которые написали дочери Варвары Павловны о своей матери: «Наша мама была необыкновенным человеком. Имея очень слабое здоровье, болея хроническим воспалением легких, она имела очень сильную волю. Можно только поражаться, откуда у нее взялись силы все вынести и остаться очень добрым, отзывчивым человеком, которого все любили. По-видимому, ее всегда согревали воспоминания о счастливом детстве и отрочестве. Они дали ей запас прочности на всю жизнь». Эту мудрую оценку предстоит еще яснее прочувствовать, когда мы обратимся к биографии отца В.П. Левашевой, незаурядного человека, протоиерея Павла Никаноровича Левашева. Но сейчас надо завершить рассказ о Варваре Павловне и остановиться на ее «научной семье» — школе Василия Алексеевича Городцова (1860–1945)¹⁶. Особый интерес, на наш взгляд, представляет один новый источник — воспоминания П.Б. Юргенсона (см. ниже).

О своем учителе Варвара Павловна сама написала небольшую статью (Левашева, Трубникова, 1960. С. 17–20)¹⁷. Приведем наи-

более емкие, на наш взгляд, обобщенные оценки личности выдающегося археолога и историка, существующие в историографии: «В.А. Городцов был выдающимся педагогом... всегда и везде у него на первом месте стояла Археология с большой буквы. Везде и всегда он вносил большую страстность в выполняемую им работу и заражал своим энтузиазмом учеников. Он горячо любил свою науку и пропагандировал ее, где только мог» (Брюсов, 1960. С. 9). «Это был человек всеобъемлющих знаний и удивительной одаренности» (Студзицкая, 1988. С. 5). «Это был необыкновенно упорный и трудоспособный человек с разносторонними интересами и чрезвычайной педантичностью. Отличительными чертами его характера были глубокая принципиальность, потрясающая убежденность в правоте своих суждений, непоколебимая твердость и постоянство» (Каверзнева и др., 2004. С. 93–97). О его деятельности там же сказано — «самоотверженная».

О Городцове существует определенная литература (см. также: Жук, 1992. С. 25–36; Формозов, 1995. С. 154–155; Василий Алексеевич Городцов... 2003), пополнившаяся недавно грустной правдой о тяжелых испытаниях, выпавших на его долю: во второй половине 1920-х гг. он подвергся ожесточенной критике со стороны группы ученых, которую возглавлял Б.С. Жуков¹⁸, а в самом конце 1920 — начале 1930-х гг. он был заклеен как «буржуазный типологист и формалист» и отовсюду (1 МГУ, ГИМ, НИИАиИ РАНИОН) уволен¹⁹. Среди участников последней кампании (уже в начале 1930-х гг.) были ученики мэтра — С.В. Киселев и А.В. Арциховский²⁰. С 1930 г.

¹⁶ В.А. Городцов не имел специального образования — окончил в Рязани духовную семинарию и пехотное училище; в РИМ-ГИМ: хранитель (1903–1905), зав. археологическим отделом (1906–1929), занимался вопросами охраны памятников и музейного строительства (с 1918 г.), профессор МГУ (1918–1930), член Центрального бюро краеведения (РМЭ. С. 143. Библ., авт. — И.В. Белозерова).

¹⁷ Этот сборник вышел к 100-летию В.А. Городцова; см. также несколько статей его учеников (Брюсов, 1960. С. 7–11; Крайнов, 1960. С. 12–16). В.П. Левашева была и научным редактором этого издания. О тесной связи с учителем свидетельствуют и шесть ее писем к нему (1928–1939 гг.) (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 411). Благодарю И.В. Белозерова за эти сведения.

¹⁸ См. письмо В.П. Левашевой Н.К. Ауэрбаху от 11 марта 1927 г.: В.А. Городцов «очень постарел. Не дешево далась ему вся эта травля... На каждом шагу чувствуешь, как оскорбляют нашего учителя...» (Китова, 2001. С. 82).

¹⁹ Использовались штампы «городцовщина» и «буржуазное вещеведение» (Монгайт, 1963. С. 80).

²⁰ «Наступление молодых археологов началось с острой атаки на буржуазную археологию (как отечественную, так и, главным образом, зарубежную) вообще и на своих учителей из старшего поколения археологов в частности, но уже очень скоро в пылу споров были подвергнуты сомнению все старые

Городцов работал в МАЭ (Ленинград) и МО ГАИМК и лишь в 1934 г. вернулся к преподавательской деятельности в столице (читал лекции в МИФЛИ), затем вновь служил в ГИМ, но уже в отделе учета (1934–1945), а после объединения МИФЛИ и МГУ (1941) стал профессором кафедры археологии Исторического факультета университета (Формозов, 1993. С. 76; 1995. С. 154–155)²¹.

Подчеркнем, что о новаторском характере деятельности Городцова писал не один автор, а недавно этот тезис был выражен четко и полно (Каверзнева и др., 2004. С. 93–97). Но до сих пор ценный комплекс документов Городцова, в первую очередь его личные дневники и эпистолярные материалы, еще ждет своего исследователя²². То же можно сказать и об архивах его учеников.

О школе Городцова в целом как о явлении в отечественной археологии удалось найти крайне лапидарные упоминания. Например, констатацию того, что, начиная с 1930-х гг., многочисленные ученики профессора заняли «ведущие позиции в советской археологии, на многие десятилетия определив уровень ее достижений» (Пряхин, 1986. С. 71)²³. Сам Городцов составил список сорока своих наиболее известных учеников (Василий Алексеевич Городцов... С. 32; см. также: Белозерова, 1988. С. 21). Для многих из них он продолжитель-

ное время был настоящим кумиром (Кузьминых, 2004. С. 142). Ныне в науке лишь начато основательное изучение традиций школы блестящего педагога (Брюсов, 1960. С. 7–11; Стрижова, 1988. С. 27–32; Студзицкая, 1988. С. 8; Белозерова, 1988. С. 21). Интересны фотографии ученого в окружении его учеников в 1920–1930-е гг. Были опубликованы три из них²⁴, здесь мы присоединяем к ним четвертую (илл. 66).

Школа Городцова в 1920-е гг. существовала как единый научный организм, в котором постоянно общались профессор и его ученики разных поколений. Эта школа представляла собой как бы особое братство, клан, члены которого называли его «Тотем лягавой лягушки» (рис. 1, 2). В литературе находим лишь два свидетельства этого интереснейшего факта. Л.Р. Кызласов упоминал, что «...прозвища имели все студенты-археологи потока 1922–1925 гг., составлявшие шуточный “тотем лягавой лягушки”...» (1997. С. 10)²⁵. Л.Ю. Китова писала, что студенты В.А. Городцова называли друг друга «архо» (от «археологическое отделение») или «тотемистами». «Их тотемом была зеленая лягушка, а председателем “тотема” был В.А. Городцов. Все имели прозвища (женщины от орудий труда, мужчины от животных)» (Китова, 2007. С. 130–131)²⁶. Но в последний

основы археологии и даже право на существование такой науки» (Монгайт, 1963. С. 79 сл.). Отдаленное эхо этой давней критики см. даже в: Левашева, Трубникова. С. 20; Рабинович, 2005. С. 223–226. Всесторонней взвешенной современной оценки этот тяжелый период в истории науки еще не получил.

²¹ Об увольнении из ГИМ в 1929 г. (в числе других «буржуазных специалистов») см.: Ключкина, Сидорова, 1998. С. 369. «В 1929 г. Городцов был вынужден уйти» из ГИМ (Василий Алексеевич Городцов... С. 11).

²² Небольшие фрагменты дневников см.: Студзицкая, 1988. С. 5–13; Белозерова, 1988. С. 21; Василий Алексеевич Городцов... С. 11. Ряд документов ученого использован в статье: Жук, 1992. С. 25–36. О работе в МО ГАИМК и о том, что в МАЭ ученый приезжал время от времени из Москвы, нам сообщила И.В. Белозерова.

²³ Ср. также название статьи: Кызласов, 1997.

²⁴ Первая (с датой 1920-е гг. или их вторая половина), см.: Василий Алексеевич Городцов... 2003. С. 28; Кузьминых, 2004. С. 142. На экземпляре В.П. Левашевой — 22 апреля [1925 г.], автограф В.А. Городцова и шуточные надписи друзей, подписанные тотемными кличками. Фотография, публикуемая в настоящей статье, без даты, читаем только: «апрель» (1926?), но со сходными автографами. В центре: «Профессор В.А. Городцов (Лягушка)». Вторая ранее изданная фотография от 17 февраля 1931 г., см.: И за строкой... 1997. С. 313. Третья (1930-е гг.) — см.: Василий Алексеевич Городцов... 2003. С. 32.

²⁵ «Археологини-однокашницы прозвали в своей среде Артемия Владимировича [Арциховского] Махайродусом (сокращенно — Махаем) ...» (Кызласов, 1997. С. 10). Прозвище М.Е. Фосс — «Маймуна» (Из писем... 1997. С. 129–130). «Маймуна» — от разговорного армянского «меймун» — человек, ведущий себя, как обезьяна.

²⁶ Там же названы прозвища студентов П.А. Дмитриева, С.В. Киселева, В.П. Левашевой. А.П. Смирнова и М.В. Городцова.

текст хочется не только внести принципиальные уточнения, но и уделить теме «тотема» особое внимание. Имя задиристой и далеко прыгающей лягушки на самом деле носил сам Городцов. Действительно, большинство кличек имело профессиональное происхождение: связь с «тотемом», с орудиями древнего человека, о которых студенты делали доклады, курсовые работы и дипломы (известно нам со слов Левашевой) (илл. 67). Часть кличек давалась по какой-либо ассоциации или шутивому поводу. Что за этим стояло? Стремление отгородиться от действительности потоком шуток? Создать свой мир, мир экспедиционного «карнавала» зимой и летом? Наверное. Недаром на одной из упоминавшихся фотографий (22 апреля 1925 г.), где написаны пожелания друзей Варваре Павловне, она сама себе написала: «Топор — Топору. Да здравствует великая Комическая экспедиция с большой эрудицией!!!».

Но, полагаем, главное в игре в «тотем» восходило к сути этого явления. Как известно, тотем зиждился на том, что все члены признавали себя «кровью от крови» единого прародителя или вождя-отца (Городцова). Сверхзадачей являлось именно коллективное служение. Смена имен или наделение членов кличками закрепляло особый тип взаимоотношений. Левашева писала в письмах 1927 г. о друзьях — «наши “тотемисты”» — как о хорошо известном явлении (см.: Китова, 2001. С. 78).

Недавно удалось найти ценный, но краткий источник — рукопись «Моя жизнь» Петра Борисовича Юргенсона (1903–1971) 1946 г. (Кызласова, 2007. С. 544–575, далее цит. с. 557–558). Автор поступил в 1 МГУ в 1923 г., но весной следующего года был отчислен как сын известного музыкального издателя. В мемуарах читаем: «Умолчать было нельзя, в те годы моя фамилия в Москве была еще слишком широко известна и не [только] среди музыкантов. Да я и был достаточно горд, чтобы не скрывать, кто я». Юргенсон остался в университете как вольнослушатель

и технический сотрудник кафедры, на которой преподавалась история искусства. Он специализировался по художественному наследию Византии и Древней Руси (в первую очередь, в области глиптики и архитектуры). Уже в студенческие годы исследователю удалось подготовить и издать ряд статей. Он много занимался в стенах ГИМ. Но целый ряд причин, среди них — несколько арестов за участие в протестах против изъятия церковных ценностей (1922), против сноса древней церкви (1925) и другое, близкое родство с известным в Москве священником о. Сергием Мечёвым (арестован в 1929 г.), наконец, бесперспективность научных изысканий, заставили Юргенсона в конце 1920-х гг. резко изменить свою судьбу и переключиться на зоологию. Долгие годы он работал вне Москвы — в заповедниках, да и те постоянно менял, чтобы уйти от «красного колеса». Обратимся к фрагментам его воспоминаний.

«На первом курсе большинство курсов и семинаров было общих, обществоведческих. Из специальных предметов в тот год я слушал: первобытную археологию и геологию четвертичного периода у Вас[илия Алексеевича] Городцова... Городцов был крепкий, бодрый старик. Талантливый самоучка из офицеров, пылкий энтузиаст. Лекции его были красочны и интересны. На них он сам артистически демонстрировал изготовление каменных орудий первобытного человека. Слушали его не только первокурсники, но и его кончающие ученики». Последовало упоминавшееся исключение Юргенсона, но «профком и студенты отделения отнеслись ко мне очень сердечно, особенно археологи. Мне разрешили продолжать сдавать зачеты и ехать на практику по археологическим раскопкам, дали хорошую характеристику. Весна и начало лета [1924] прошли в интересных, веселых поездках кругом Москвы²⁷. Копали курганы сами, ночевали по сараям и сеновалам. Участвовали студенты-археологи всех курсов. Руководил иногда сам Городцов, а большей частью молодой профессор А.О. Башкиров²⁸, читавший антич-

²⁷ В 1920-е гг. под наблюдением В.А. Городцова его ученики проводили сплошное археологическое обследование Подмосковья (Авдусин, 1968. С. 182).

²⁸ А.С. Башкиров (1885–1963) окончил Петербургский университет и Археологический институт (1913), читал курсы по античному и средневековому искусству и археологии в МГУ и ряде других вузов, зав. отделом Византии ГИМ (1924–1933), член МОГАИМК, арестован в 1935 г., сослан в Казахстан

ную археологию. Высокий светлый блондин, с красноватым лицом, глазами-гвоздиками и острой бородкой. Все ученики Городцова составляли шуточный “клан”. Его предводителем был сам В[асилий] А[лексеевич] с тотемным прозвищем “лягушка”. Прозвища имели и все члены клана²⁹. Брат поэта В. Брюсова — А[лександр] Я[ковлевич] (лет 40) звался “Хвост”³⁰. А[ртеми] В[ладимирович] (теперь давно профессор) — “Махайродус”, или просто “Махай”, — за крепкие челюсти и отрывистый рыкающий бас³¹. Были: “Монтлизни”, “Топор”³², “Отжимник”, “Отбойник”³³, “Истра”, “Верблюды”³⁴ и т. д. Друг друга так и звали (илл. 68). Раскапывали курганы славянских культур X–XII века»³⁵.

Фрагменты воспоминаний Юргенсона позволяют намного лучше представить атмосферу, в которой в 1920-е гг. работала школа Городцова (илл. 69). Да и сам Городцов был,

конечно, не председателем «тотема», а его предводителем и вождем.

Перейдем ко второй части настоящей работы, посвященной протоиерею Павлу Никаноровичу Левашеву. Это был очень одаренный, сделавший себя сам человек. Как уже упоминалось, имея скромнейшее провинциальное происхождение, он получил блестящее богословское образование и в начале XX в. стал одним из известнейших священников Петербурга. Из всей его многогранной деятельности сразу отметим, что он около пятнадцати лет был среди тех, кто духовно окормлял элиту русского офицерства. Проповедник и миссионер, о. Павел обладал незаурядным литературным талантом и колоссальной работоспособностью, выступая как автор, редактор и издатель целого ряда периодических изданий, книг, статей и просветительских листков. Недаром одна из его книг была вы-

на три года, позднее продолжал работать в провинции (Пятышева, 1963. С. 316–317; Катагощина, 1993. С. 93; И за строкой... 1997. С. 258; Ватлин, Канторович, 2001. С. 123–131).

²⁹ Из числа не упомянутых в тексте кличек назовем: «Крокодил» — М.В. Городцов (1896–1968), сын профессора, археолог, реставратор, сотрудник ГИМ (1928–1959), в макетно-муляжной мастерской (с 1929), ее зав. (1932–1959) (Розенталь и др., 2000. С. 290); «Гусь» — А.П. Смирнов (1899–1974), учился в МГУ (1922–1924), доктор исторических наук (1944), профессор, сотрудник ИИМК, ГИМ, МГУ (ЭСМУ. С. 427–428. Библ., авт. К.А. Смирнов). Ряд бывших студентов В.А. Городцова не работали по специальности, например, «Сульгама».

³⁰ А.Я. Брюсов (1885–1966), студент МГУ (1904–1905, 1922–1925), сотрудник ГИМ (1925–1966, зав. I археологическим отделом в 1933–1960), доцент и профессор МГУ (1929–1963), доктор исторических наук (1943) (И за строкой... 1997. С. 260; ЭСМУ. С. 63–64. Библ., б/авт.).

³¹ А.В. Арциховский (1902–1978), студент (1922–1925), сотрудник ГИМ (1925–1938), кандидат (1929), доктор (1940) исторических наук, профессор МГУ (с 1937), член-корреспондент (1960) (Издания ГИМ... 1999. С. 161; ЭСМУ. С. 33–36. Библ., б/авт.; см. также: РА. 2002. № 4. С. 5–12, 125–130).

³² «Монтлизни» идентифицировать не удалось. «Топор» — В.П. Левашева.

³³ «Отжимник» — Л.А. Евтюхова (1903–1974, жена С.В. Киселева), окончила МГУ (1925), работала в ГИМ (1925–1950), ИИМК (1946–1971), кандидат исторических наук (1946) (Институт археологии... 2000. С. 101–103). «Отбойник» — Е.Н. Липеровская (1902–1990, по мужу Дмитриева), окончила МГУ (1925), сотрудник Оружейной палаты (1924–1932), в ГИМ: работала в отделе металла (1932–1973), отделе письменных источников (1973–1974) (Издания ГИМ... 1999. С. 171; а также устное свидетельство сына, А.П. Дмитриева (рожд. 1928), профессора МГГУ). П.А. Дмитриев (1902–1943), окончил МГУ (1924), кандидат исторических наук (1935), сотрудник ГИМ (с 1925), в т. ч. заведующий группой оружия и военной техники (с 1929), ученый секретарь (1935–1941), погиб на фронте (Издания ГИМ... 1999. С. 171; Розенталь и др., 2000. С. 247). П.А. Дмитриев носил кличку «Тритон». Приведем рассказ его сына об одной из бесед Елены Николаевны с Павлом Алексеевичем: «Что ты, Тритон, мне хочешь сказать? — Ты, Отбойник, должна стать моей женой».

³⁴ «Истру» идентифицировать не удалось. «Верблюды» или «Верочка» — С.В. Киселев (1905–1962), студент (1923–1926), сотрудник ГИМ (с 1929), кандидат (1930), доктор (1946) исторических наук, член-корреспондент (1953) (ЭСМУ. С. 230–232).

³⁵ См. о В.А. Городцове: «Его студенты должны были бесплатно участвовать в производившихся им раскопках в качестве рабочих-землекопов. Платой им (не считая содержания «натурой») служили объяснения и наставления В.А. Городцова, учившего во время этих раскопок всему, даже умению держать лопату и работать ею» (Брюсов, 1960. С. 8).

пущена несколько раз до 1917 г. и переиздана совсем недавно (Левашев, 1905). Судьба дала ему возможность общаться со св. Иоанном Кронштадтским. Есть основания полагать, что о. Павел был близким ему человеком, т. к. он стал автором ряда работ об о. Иоанне (Левашев, 1908; 1909а; 1910; 1911; 1914; Б. м., б. г.)³⁶. Кроме того, П.Н. Левашев был одним из руководителей Общества в память о. Иоанна Кронштадтского, к чему мы еще вернемся. В разные годы протоиерей Левашев был тесно связан с Оптиной пустыней, а также являлся духовным чадом старца Алексея Зосимовского. Нет сомнения, что о. Павел общался со многими выдающимися иерархами своего времени. Из них уже был назван однокурсник о. Павла по Духовной академии Сергей Страгородский. О. Павел стал одной из нитей, связующих Церковь с интеллигенцией, напряженно искавшей своих религиозных путей: П.Н. Левашев постоянно присутствовал на знаменитых Религиозно-философских собраниях (1901–1903) и на встречах Общества С.С. Игнатъевой (1908–1910)³⁷. Наконец, о. Павел был активным участником монархического и патриотического движения — Рус-

ского собрания (1903–1911). То были попытки остановить губительные процессы, идущие в России и в итоге приведшие ее к событиям 1917 г.³⁸ (илл. 70).

Приведем самую краткую сводку материалов, которые известны нам ныне. Павел Никонорович родился в бедной семье в г. Уржум Вятской губернии. Вскоре отец его стал псаломщиком Троицкого собора г. Котельнич. В 1880 г. юноша окончил Нолинское духовное училище, а в 1886 г. — Вятскую духовную семинарию. Но как первый студент поступил он не в более близкую Казанскую духовную академию, а в Санкт-Петербургскую. Это свидетельствует о несомненных талантах молодого человека. Учился на казенный счет и был аттестован как кандидат богословия в 1890 г. Диссертация была посвящена «Истории праздника Пасхи (преимущественно со стороны Литургической)». Сорок седьмой курс академии дал целый ряд выдающихся деятелей Церкви, среди них — нескольких епископов. Таковы сведения на 1916 г., которые мы черпаем из справочных изданий, с любовью составленных самим П.Н. Левашевым (Памятная книжка... 1896; XLVII курс... С. 55–59)³⁹.

³⁶ В журнале «Доброе слово» П.Н. Левашев писал, что о. Иоанн не раз выражал ему свое полное одобрение содержанию этого издания (Доброе слово. 1911. 6. №). Текст на обложке (РГБ: 108/137). О. Павел также отредактировал и издал брошюру (Д.О., 1915).

³⁷ Руководителем группы священников, участников собраний, был епископ Сергей Страгородский (тогда ректор Петербургской Духовной академии). Все доклады и прения публиковались (Поспеловский, 1993. С. 43–44). Например, два заседания были посвящены теме «Лев Толстой и Русская Церковь» и являлись откликом на «Определение Св. Синода от 20–22 февраля 1901 г...» об отпадении Л.Н. Толстого от Православной Церкви. Основной доклад по теме делал Д.С. Мережковский. В прениях по докладу выступили: протопресвитер И.Л. Янышев, архимандрит Сергей, В.В. Розанов, М.О. Меньшиков, проф. А.В. Карташев, цензор архимандрит Антонин, чиновники при обер-прокуроре Синода В.А. Тернавцев, В.М. Скворцов, литератор Н.М. Минский, священник П.Н. Левашев, проф. Вл.В. Успенский и др. (Записки... 2005). Сам о. Павел позднее писал об оппонентах: в их среде «много искусных прокуроров, а суд неправедный» (Г.П., 1907. С. 89). Диалога на тех заседаниях не получилось, а каждая сторона использовала трибуну для проповеди своих идей. Чета Мережковских частично использовала заседания для привлечения участников на свои тайные домашние богослужения, пытаясь создать собственную церковь (Павел Флоренский и символисты... 2004. С. 511–513). Заседаниями Общества С.С. Игнатъевой в разные годы руководили епископы Гермоген, Серафим (Чичагов) и Никон Вологодский (Стогов, 2007. С. 195–196).

³⁸ Не наша задача давать общую оценку этого движения, она сейчас только формируется. Отметим только, что в данное движение входило множество представителей Церкви (в т. ч. и иерархов), а «Русское собрание» и несколько аналогичных объединений насчитывали миллионы членов, от крестьян до крупных ученых.

³⁹ Составление последней книги заняло три года. Это фундаментальное издание является основным источником сведений об о. Павле. См. также: Памятная книга ... 1912. С. 51; 1913. С. 55; Полный послужной список протоиерея церкви Генерального и Главного штаба Павла Левашева. Сост. по 1-е января 1915 г. (РГВИА. Ф. 409. Оп. I. Д. 60–34. Л. 7).

Недолго он работал в Вятке как преподаватель: в 1890–1891 гг. — арифметики в Вятском епархиальном женском училище, в 1891–1893 гг. — догматического богословия в Вятской духовной семинарии. В 1893 г. появилась возможность вернуться в Петербург, где до 1895 г. Павел Никанорович занимал должность эконома в Духовной академии. Рукоположен в священный сан 28 января 1895 г. Вскоре был определен на службу в Ведомство военного и морского духовенства, став в 1895–1902 гг. законоучителем и священником церкви св. равноапостольной Марии Магдалины при училище Лекарских помощниц и фельдшерниц (Историко-статистические сведения... 1883. С. 387–389), а в 1901 г. организовал при храме и барачном лазарете Братство Святого Креста. Здесь, несомненно, проявились лучшие стороны его личности. Поэтому 4 октября 1902 г. последовало выдающееся назначение — о. Павел стал священником церкви великомученика и победоносца Георгия при Генеральном и Главном штабе (Дворцовая площадь). Это, несомненно, был один из самых элитных домовых храмов столицы. С 1822 по 1917 г. он размещался в верхнем этаже дворового флигеля знаменитого здания. Как и весь корпус штаба, интерьер был создан по проекту К.И. Росси (при

участии И.И. Ткачева). Среди военных храмов Петербурга церковь св. Георгия обладала уникальными чертами, привнесенными в ее интерьер в 1888–1890 гг. По расчетам и проекту офицеров Военно-топографического отдела штаба, в своде, расписанном «под небо», поместили 1200 хрустальных звезд, объединенных в созвездия. Это было изображение неба в момент крушения близ станции Борки императорского поезда, в котором ехали Александр III и его семья 17 октября 1888 г. Кроме того, на широком архивольте подкупольного пространства находилось двадцать живописных тондо с полуфигурами святых, соименных членам императорской фамилии. На стене церкви висела огромная картина И.К. Макарова «Нагорная проповедь». На холсте внимающими Христу изображены Александра III с семьей и ближними (Длужневская, 2003. С. 199. С. 200–201. Илл.; Религиозный Петербург, 2004. С. 362–363. Илл.)⁴⁰. Таким образом, церковь была превращена в редкостный храм-памятник спасенной Богом царской фамилии.

О силе воздействия службы о. Павла сохранилось единственное, но очень значимое свидетельство. По его благословию со временем некоторые офицеры Генерального штаба стали посещать Оптину пустынь⁴².

⁴⁰ Картина-портрет «Нагорная проповедь» (235 x 155) хранится в ГМИР.

⁴¹ Багдасаров, Фомин, 1995. С. 485. Здесь же сказано, что сам П.Н. Левашев впервые посетил Оптину пустынь летом 1908 г. Заметим, что это произошло вскоре после того, как ушел из жизни о. Иоанн Кронштадтский. О. Павел, несомненно, хотел обрести нового духовного отца. В тех же комментариях приведен фрагмент письма П.Н. Левашева к архимандриту Ксенофону (Клюкину) от 31 июля 1908 г. Писавший просил молитв за себя и жену, сообщал, что скоро передаст для обители через С.А. Нилуса десять подшивок журнала «Доброе слово» за 1907 и 1908 г. О. Павел, конечно, передал на Оптину и «посильную лепту». Однако в комментарий вкрались ошибки: о. Павел назван Павлом *Николаевичем* Левашевым, *настоятелем* церкви Главного штаба. Сказано, что после 1917 г. он переехал в Москву, *а потом жил в Гомеле*. Ключом к пониманию этих ошибок является статья (Церковные ведомости...), в которой отчество не упомянуто. Она посвящена однофамильцу героя настоящего очерка, человеку, родившемуся в 1873 г. в дворянской семье в Новгородской губернии, который окончил Духовное училище и служил священником в Гомеле, был духовным сыном оптинских старцев Иосифа, позднее — Нектария (см. последний факт также: Гончарова, 2004. С. 43.), благочинный Гомельской епархии. После 1917 г. несколько раз подвергался арестам и ссылкам, последний арест — 3 сентября 1937 г., расстрелян 1 ноября того же года. Но далее в текст включено два факта из биографии его однофамильца: якобы в 1905 г. «гомельский» Павел Левашов издал книжку «Зачем так много у нас обрядов», а с началом Первой мировой войны переезжал в Петроград и занимал должность настоятеля церкви Главного штаба (после 1917 г. перебирается в Москву и в какой-то момент вновь возвращается в Гомель). Решительно настаиваем — последние факты (кроме переезда в Гомель) ошибочно взяты из биографии Павла Никаноровича Левашева. Отметим, что именно гомельский П. Левашов упоминается в кн.: Акты... 1994. С. 305–306 и др.

П.Н. Левашев постоянно занимался весьма заметной проповеднической и миссионерской⁴², просветительской и благотворительной деятельностью, а с 1906 г. издавал по благословению о. Иоанна Кронштадтского просветительские листки для народа и войск под названием «Правда и знание»⁴³. С 1909 г. (со времени основания) он — член благотворительного и просветительского Общества в память о. Иоанна Кронштадтского, в котором с 1911 г. состоял товарищем председателя и был пожизненным членом⁴⁴. В кратком тексте об Обществе сказано: «Правление общества в Петербурге... а район деятельности вся Россия»⁴⁵. О. Павел был также издателем и редактором упоминавшегося еженедельника «Доброе слово» (1906–1911)⁴⁶.

Кроме того, в разные годы он сотрудничал в журналах: «Новое время», «Церковные ведомости», «Церковный вестник», «Русский паломник», «Душеполезное чтение», «Колокол», «Вестник Русского собрания», «Вестник военного и морского духовенства», «Вятские епархиальные ведомости», «Известия по С.-Петербургской (Петроградской) епархии», «С.-Петербургский духовный вестник», «Душеполезное чтение», «Кормчий», «Кронштадтский пастырь», «Русский инвалид», «Петроградская газета», газета «Минута».

П.Н. Левашев постоянно ревностно занимался самой широкой благотворительностью (эта тема уже была затронута в связи с трудами Общества в память о. Иоанна Кронштадтского). О. Павел входил в различные комиссии и общества, которые принимали на себя попечение о бедных из среды воспитанников епархиального училища (в Вятке), студентов и бывших питомцев Петербургской духовной

академии, военного духовенства, ряда славянских народов (в рамках «Петроградского Славянского благотворительного общества»), инвалидов Первой мировой войны и др.

В 1905–1910 гг. о. Павел состоял членом Духовного правления при протопресвитере военного и морского духовенства А.А. Желобовском. Последний сыграл исключительную роль в развитии самого института военных и морских священников (Левашев, 1909б).

В 1909 г. о. Павел — протоиерей. С 1910 г. он был членом Епархиального миссионерского совета и членом Училищного совета при Святейшем Синоде, с 1913 г. стал, кроме того, и членом Учебного комитета при Св. Синоде. Из его наград упомянем золотой наперсный крест, полученный из кабинета Николая II, ордена св. Анны 2-й степени и св. Владимира 4-й степени.

Есть тема в деятельности П.Н. Левашева, которую стоит упомянуть отдельно. С 1903 по 1911 г. он состоял членом Русского собрания, активно участвовал в деятельности организации, был назначен первым законоучителем гимназии Русского собрания (преподавал там Закон Божий в 1907–1910 гг. и с 1913 г.)⁴⁷. Участвовал в работе Первого (февраль 1906 г.) и Четвертого (26 апреля — 1 мая 1907 г.) Всероссийских съездов Объединенного русского народа в Москве. Выступал также на Первом Всероссийском съезде представителей правой русской печати, который проходил 29 апреля 1907 г. (в рамках того же Четвертого Всероссийского съезда).

О. Павел выпустил небольшую книгу о Московском съезде Объединенного русского народа (Г.П., 1907)⁴⁸. Этот программный текст достоин стать предметом специального ана-

⁴² Так, например, П.Н. Левашев был членом Комиссии по присуждению премий за лучшие проповеди военных и морских священников в 1910–1911 гг. и председателем Миссионерского отделения района военных и морских церквей по Петербургу в 1912–1913 гг.

⁴³ К лету 1916 г. вышло до 750 номеров листов. Они имели отделы религиозно-нравственный, патриотический, русской истории, географии, истории русской литературы, сельского хозяйства, медицины и военного быта.

⁴⁴ Председателем этого Общества был придворный духовник, настоятель Петропавловского собора, протопресвитер А.А. Дернов. В связи с деятельностью Общества была написана работа: Левашев, 1910.

⁴⁵ Доброе слово. 1911. 6 / №. Текст на обложке (РГБ: 108/137).

⁴⁶ Это был духовно-нравственный и патриотический журнал.

⁴⁷ В течение многих лет П.Н. Левашев преподавал Закон Божий в целом ряде гимназий, реальных училищ, на курсах, был попечителем одного приюта в столице, двух школ в Вятской губернии и т. д., в т. ч. в учебной команде артиллерийской роты Петропавловской крепости.

⁴⁸ Заседания проходили в нескольких местах, в т. ч. в залах Дворянского собрания и РИМ.

лиза. Ограничимся здесь выводом автора о том, что главная проблема крестьянства — не в малоземелье: «Вот уж сколько лет мы слышим у себя в России один и тот же припев: “Мало земли!”... Мало земли?! Это в стране, что занимает одну шестую часть всей мировой суши? Помилуйте! Не земли у нас мало, а неба мало, вот чего у нас мало! Это верно. Мало у нас стало правды небесной, оскудела Русь Святая воздухом вечной любви, забыла наша бедная родина о просторе духа... Вопрос о малоземелье у нас решится только тогда, когда предварительно будут возвращены права неба на землю» (Г.П., 1907. С. 46). Автор остро ощущал гибельность революционных настроений и был глубоко убежден в том, что «...Русь Святая, наша, родная скажет свое слово, скажет устами Объединенного русского народа. Скажет, должна сказать, — теперь или никогда!» (Там же. С. 109)⁴⁹.

Обратимся к периоду жизни П.Н. Левашева, наступившему после 1917 г.

О его переезде в Москву и тяжелейшем существовании там уже было сказано. Недавно при изучении ряда материалов из ЦА ФСБ РФ стало известно, что в феврале 1936 г. под предлогом юбилея митрополита Сергия Страгородского было устроено весьма представительное собрание. Митрополит Сергей тогда говорил о том, что «мы еще доживем до времени ее [Церкви] расцвета и объединения» (Мазырин, 2007. С. 33). На этом собрании, в частности, присутствовал сотрудник Библиотеки им. Ленина, знаток древних рукописей Г.П. Георгиевский. Он и, как уже упоминалось, митрополит Сергей были однокурсниками П.Н. Левашева по Духовной

академии. Имя последнего (без инициалов) упомянуто среди участников аналогичного собрания, состоявшегося 21 января 1937 г. (Там же. С. 33).

Сохранилось также небольшое воспоминание о последних днях жизни о. Павла: «Время было тревожное. Пошли аресты священников, так что в некоторых храмах не было, кому служить. В Маловознесенском храме после службы молебн Божией Матери вел отец Павел, он был духовное чадо старца Алексия Зосимовского. Сама икона была небольшой, вокруг нее были клейма. Он молился Пречистой с удивительной силой, со слезами на глазах, вставая на колени. А на следующий день мне сказали, что его арестовали»⁵⁰.

П.Н. Левашева арестовали накануне его 71-летия, 10 декабря 1937 г. 20 декабря он был осужден тройкой УНКВД по Московской области, приговорен к расстрелу и через два дня принял мученическую кончину на Бутовском полигоне (Мартиролог... С. 198; Синодик...) (илл. 71). Реабилитирован в 1989 г. Недавно его внучка, М.Ф. Кравченко, познакомилась с текстом единственного допроса о. Павла в одном из томов обширного следственного дела «контрреволюционной фашистской группы церковников». О. Павлу инкриминировалась проповедь Евангелия, он был назван «белогвардейцем», т. к. до 1917 г. служил военным священником.

Дальнейшая разработка различных источников по истории Русской Православной Церкви, несомненно, выявит новые интересные сведения о жизни и деятельности незаурядной личности — протоиерея П.Н. Левашева.

⁴⁹ Приведем список некоторых других работ: Левашев, 1894а; 1894б; 1895а; 1895б; 1903; 1904; 1912. Подробнее см.: XLVII курс... С. 58–59; там же список трудов, отредактированных и изданных П.Н. Левашевым.

⁵⁰ Кавелина Ольга Александровна, позднее приняла монашеский постриг с именем Серафима (1915/1916 — 2006) — Архив Бутово. Запись небольшого текста воспоминаний сделана И.И. Ковалевой. Благодарю ее за некоторые уточнения.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

АВТОБИОГРАФИЯ ЛЕВАШЕВОЙ ВАРВАРЫ ПАВЛОВНЫ, СТАРШЕГО НАУЧНОГО СОТРУДНИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ГИМ [январь 1947 г.]

Родилась в 1901 г. в г. Ленинграде. Отец был преподавателем Петербургского Исидоровского училища⁵¹. В 1912 г. поступила в Петровскую женскую гимназию. В 1917 г. с переездом семьи в г. Вятку (Киров) перевелась в Вятскую Мариинскую женскую гимназию. С осени 1918 г. поступила работать счетчицей в Вятское Горстатбюро. Весной 1919 г. окончила сов[етскую] школу II ступени в г. Вятке и переехала в г. Москву. С весны 1919 г. до весны 1920 г. работала статистиком в Н[ародном] К[омиссариате] Ю[стиции], а с весны 1920 г. до осени 1922 г. делопроизводителем в комендатуре штаба РККА.

В 1921 г. поступила в Московский Археологический институт. В 1922 г. была переведена на Археологическое отдел[ение] Ф[акультета] О[бщественных] Н[аук] I МГУ. В 1924 г. выполнила учебный план архо [Археологическое отделение] I МГУ, откомандирована в ГИМ, где работала практиканткой до апреля 1926 г. В 1923 и 1924 г. работала в археологических экспедициях проф. В.А. Городцова, и в 1924 г. проводила самостоятельно археологические обследования и разведки по открытому листу в Московском у[езде]. Летом 1925 г. руководила отрядом археологической экспедиции в области Коми. 1/IV.1926 г. защитила при Этнофаке [Этнологическом факультете] I МГУ, дипломную работу по курсу проф. В.А. Городцова на тему «Железные топоры Восточной Европы»⁵².

С 15/IV. 1926 г. по 19/XII. 1929 г. работала в Западно-Сибирском музее в г. Омске в должности заведующего археологическим отделом. В течение этих лет руководила археологическими экспедициями музея в Омском и Барабинском округах. В 1929 г., кроме того, руководила археологической экспедицией Акмолинского музея в Акмолинском округе (илл. 72).

С 22/XII.1929 г. перевелась в Минусинский музей им. Н.М. Мартыанова, где работала до

1946 г. старшим научным сотрудником, заведующим археологическим отделом. С 1930 г. по 1945 г. ежегодно руководила археологическими экспедициями Минусинского музея в Минусинском и смежных районах и на территории Хакасской автономной области. В течение 1938–1941 г. руководила краевой Археологической экспедицией Красноярского, Хакаского и Минусинского музеев. Работая в Минусинском музее, приходилось обслуживать также и другие музеи — так, в 1938 г. мною был реэкспонирован археологический материал Красноярского музея, в 1938, 1940 и 1942 г. перестраивался археологический отдел Хакаского областного музея, в 1941 г. по разработанному мною тематико-экспозиционному плану с текстами и графиками был оформлен исторический отдел Музея Тувинской народной республики в г. Кызыле.

В 1942 г. музейный отдел Н[ародного] К[омиссариата] П[росвещения] внес мое имя в книгу почета музейных работников РСФСР.

С декабря 1944 г. до июня 1946 г. работала по совместительству в Хакасском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории в должности старшего научного сотрудника сектора истории.

В феврале 1945 г. защитила при Историческом факультете Московского государственного университета кандидатскую диссертацию на тему «История Хакасии до XVIII века» и 7/V. 1945 г. утверждена ученым советом МГУ в ученой степени кандидата исторических наук.

5 января 1946 г. награждена Президиумом Верховного Совета СССР медалью «За доблестный труд в период Великой Отечественной войны».

С 4/VI. 1946 г. была откомандирована Управлением музеев в распоряжение Арктического научно-исследовательского института Г[лавного] У[правления] С[еверного] М[орского] П[ути] для участия в Мангазей-

⁵¹ Точнее: Петербургское епархиальное Исидоровское училище для девиц духовного звания (примеч. в приложениях составлены нами. — И.Л.К.).

⁵² См. ее курсовую работу «Кинжалы открытых залов ГИМ» (Белозерова, 1988. С. 21).

ской экспедиции⁵³. По возвращении из экспедиции была переведена Комитетом по делам политпросветучреждений при Совете Министров РСФСР из Минусинского музея в Государственный Исторический музей, в котором и работаю с 1/1. 1947 г.

На обороте последнего листа документа карандашом сделана беглая надпись ру-

кой В.П. Левашевой: «С <...> 1948 г. по <...> н.с. ИИМК, с <...> 1950 г. по июль 1954 г. м.н.с. Ин[ститу]та истории [РАН] — [все по] совместительству. С 1950 (51?) состою внештатным редактором изда[тельст]ва Акад[емии] наук. Проведено редактирование М[атериалов] И[нститута] а[рхеологии] <...>» (илл. 73).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

СТРАНИЧКА ВОСПОМИНАНИЙ АВТОРА О В.П. ЛЕВАШЕВОЙ

Прекрасно и просто сказал Б.В. Шергин: «...радость, пережитая в детстве, это не воспоминание, она жива, она существует»⁵⁴. Эту радость в ранние наши годы нам с братом дарили многие: круг общения моего отца был более чем колоритен — кто только ни собирался в доме! Но особое место всегда принадлежало собратьям-археологам. Варвару Павловну мы видели не очень часто, а когда это случалось, впечатление бывало столь сильным, что осталось со мною навсегда. Ее имя звучало у нас дома чаще всего в радостном, веселом варианте — «Варечка Палычка». Это был близкий, родной человек. Много лет назад она стала первым учителем в области археологии моего отца — когда-то, еще школьником, он поступил в руководимую ею экспедицию. Это произошло в сибирском городке Абакане. Вокруг него были и степи, и тайга, и реки невиданной красоты. И, конечно, несметное число «живых» памятников, оставленных на этих землях поколениями ее древних обитателей. Мой дед тогда уже сгинул в ГУЛАГе, а совсем молодая бабушка умерла в начале войны. На нее отец-мальчик отправился в 1942 г., но уже знал, что если вернется, то должен учиться археологии в Московском университете у профессора С.В. Киселева — его блестящую лекцию в абакан-

ском городском саду удалось услышать до 1941 г. (Кызласов, 1983. С. 11; 1997. С. 23).

В 1945 г. отец уже поступил в университет, а через год в Москву вернулась Варвара Павловна. Наделенная редкостной добротой и глубинным пониманием жизни и людей, она крепко связывала отца с драгоценным для него прошлым.

Варвара Павловна жила со своими дочками в «кельях» Новодевичьего монастыря. Ничего подобного этой обители по пронзительной живописности и какой-то внутренней значительности мне долго потом еще не приходилось встречать. Обаяние всего, что можно было увидеть, идя по тропинке к домику, стоявшему за колокольной, где жил ряд сотрудников Исторического музея, было невыразимо. Звук же небольшого колокола, раздававшийся в урочный час с высоты дивного столпа, окончательно повергал в счастливое изумление. Маленькая, изящная Варвара Павловна была под стать этому загадочному и притягательному месту. Большие карие глаза всегда были лукавы, а седые волосы казались едва ли не странностью — столько в ней было радости, когда она развлекала нас с братом невиданной нами прежде игрушкой-петрушкой, который сам выскакивал из старинной коробочки⁵⁵. Первой нашей «путеводительницей»

⁵³ См. командировочное удостоверение В.П. Левашевой: приказ от 20 июня, срок работы с 15 июля по 15 ноября (Архив семьи). Вероятно, 4 июня она выехала из Минусинска в Москву.

⁵⁴ Цит. по: Шульман, 2003. С. 271.

⁵⁵ М.Ф. Кравченко заметила, что это памятная кукла-шарж на университетского латиниста (кажется, Якушкина), сделанная М.В. Городцовым в начале 1920-х гг. Студенты договорились с профессором о переносе экзамена («сдадим после экспедиции»), но экзамен отменили, а потом ввели опять. Кукла держала в руках свиток с текстом: «О, люди, люди, где ваша совесть?». На коробочке с игрушкой до сих пор можно прочитать надпись: «От Крокодила».

по Историческому музею тоже была Варвара Павловна. Прошло столько лет, но так легко перенестись в тот день! Мы уже пересекли гигантское пространство вестибюля, а нас никто не встречал. Знакомая фигурка появилась неожиданно — она вышла как бы из стены,

обогнув гипсовую статую Ленина. Казалось, Варечка Палычка прошла в невидимую дверь. Сейчас музей изменился и памятная дверь легко обозрима. Но великая тайна старших поколений подвижников науки остается. Как они смогли свершить все, ими сделанное?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдусин Д.А., 1968. Археология в московском университете (1922–1965) // Очерки по истории советской науки и культуры. М.

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994.

Артамонова Н.Я., 2003. Научная деятельность В.П. Левашевой в Государственном Историческом музее (1946–1968) // Мартыновские краеведческие чтения (1999–2002 гг.): Сб. докл. и сообщ. Минусинск. Вып. II.

Багдасаров Р.В., Фомин С.В., 1995. [Комм.] // Неизвестный Нилус. М. Т. 2.

Белозерова И.В., 1988. Музейная деятельность В.А. Городцова // Тр. ГИМ. Вып. 68.

Брюсов А.Я., 1960. В.А. Городцов // Тр. ГИМ. Вып. 37.

Василий Алексеевич Городцов и Государственный Исторический музей [Проспект выставки] / Сост. Е.Д. Каверзнева и др. М., 2003.

Ватлин А.В., Канторович А.Р., 2001. Из истории отечественной археологической науки: Несостоявшийся судебный процесс 1935 г. // РА. № 3.

Г. П. /псевдоним/ [Левашев П.Н., протопресвитер], 1907. Под впечатлением Московского съезда Объединенного русского народа. СПб.

Гончарова Л.Д., 2004. Каждый избрал свой путь... // МЖ. № 4.

Д. О., 1915. Милым защитникам нашей Родины, доброе слово о дорогом приснопамятном Батюшке. Пг.

Длужневская Г., 2003. Утраченные храмы Петербурга. СПб.

Доброе слово. 1911. б. №.

Древо. Открытая православная энциклопедия: Левашев П.Н. // <http://drevo.pravbeseda.ru/index.php>.

Дэвлет М.А., 1969. Археологическое изучение Южной Сибири в годы советской власти // КСИА. Вып. 118.

Жук А.В., 1992. Василий Алексеевич Городцов в первые годы его научной деятельности // Вопросы истории археологических исследований Сибири. Омск.

Записки петербургских Религиозно-философских собраний. 1901–1903 / Под общ. ред. С.М. Половинкина. М., 2005.

Зубков В.С., 2001. Варвара Петровна Левашева — исследователь древностей Хакаско-Минусинского края // Ежегодник Института Саяно-Алтайской тюркологии при Хакасском государственном университете. Абакан.

И за строкой воспоминаний большая жизнь... Мемуары, дневники, письма: К 125-летию ГИМ. М., 1997.

Из писем: А.Я. Брюсов — В.А. Городцову. Из Северных археологических экспедиций. 1925–1928 гг. / Публ. С.В. Студзицкой // И за строкой воспоминаний большая жизнь... Мемуары, дневники, письма: К 125-летию ГИМ. М., 1997.

Издания Государственного Исторического музея. 1873–1998: Библиографический указатель. М., 1999.

Институт археологии: история и современность: Сб. научных биографий. М., 2000.

Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1883. Вып. 7.

Каверзнева Е.Д., Канторович А.Р., Полякова Г.Ф., Рудаков В.Г., 2004. Городцов В.А. // ЭСМУ. М.

Катагощина М.В., 1993. Документы Московской секции ГАИМК (1922–1930) // Тр. ГИМ. Вып. 84.

Китова Л.Ю., 1996. В.П. Левашова как археолог Сибири // Археология Сибири: историография и источники. Омск.

Китова Л.Ю., 2001. Варвара Павловна Левашова⁵⁶: неизвестные страницы биографии (к 100-летию со дня рождения) // Кузбасский родовед: Историко-краеведческий альманах / Гос. архив Кемеровской обл. Кемерово.

Китова Л.Ю., 2007. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): изучение памятников эпохи металла. Новосибирск.

Ключкина И.В., Сидорова С.А., 1998. Материалы к «Летописи Государственного Исторического музея» (1872–1963 гг.) // Историческому музею — 125 лет. М.

Конигов Б.А., 1991. В.П. Левашова⁵⁷ — археолог Омского краеведческого музея // Областная научно-практическая конференция, посвященная 275-летию города Омска. Омск.

Конигов Б.А., 1994. Варвара Павловна Левашова — археолог Омского краеведческого музея // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск. № 3.

Крайнов Д.А., 1960. Значение трудов В.А. Городцова о палеолите // Тр. ГИМ. Вып. 37.

Кузьминых С.В., 2004. Отто Николаевич Бадер и отечественная археология эпохи раннего металла // РА. № 4.

Кызласов Л.Р., 1983. Обретение пути в науку // Путешествия в древность. М.

Кызласов Л.Р., 1997. Портреты учителей — создателей советской археологии // Вестник МГУ. Сер. 8: Ист. № 4.

Кызласова И.Л., 2007. О П.Б. Юргенсоне (1903–1971), византинисте и зоологе // Искусство христианского мира. М. Вып. 10.

Левашев П.Н., священник, 1894а. Велико-рецкий образ Святителя и Чудотворца Николая // Церковные ведомости.

Левашев П.Н., священник, 1894б. По поводу открытия Вятского отдела Императорского Православного Палестинского общества... // Церковный Вестник.

Левашев П.Н., священник, 1895а. Вера во Христа Иисуса, как сила побеждающая мир. СПб.

Левашев П.Н., священник, 1895б. Обычай употребления красных яиц в праздник св. Пасхи. СПб.

Левашев П.Н., священник, 1903. Историко-географическое описание местности, зани-

маемой ныне Санкт-Петербургом. // Известия по С.-Петербургской епархии. СПб. 1903.

Левашев П.Н., священник, 1904. Семья и школа по А.С. Хомякову: Речь, сказанная на акте 5-й С.-Петербургской гимназии... 2 октября 1904 г. Известия по С.-Петербургской епархии. СПб. 1904.

Левашев П.[Н.], протоиерей, 1905. Зачем так много у нас обрядов: По мыслям лучших русских людей. СПб. (Переизд.: СПб., 1909; 1915; М., 1997.)

Левашев П.Н., священник, 1908. Протоиерей Иоанн Ильич Сергеев (Кронштадтский) как пастырь по завету Христа. СПб.

Левашев П.Н., священник, 1909а. Благодатная сила молитвы о. Иоанна и вселенское значение его молитвенного подвига: Читано в Русском собрании 2 февраля 1909. СПб.

Левашев П.Н., протопресвитер, 1909б. Протопресвитер Александр Алексеевич Желобовский и его полувекковое служение Церкви и Отечеству // Юбилейное чествование 50-летия службы Церкви и Отечеству протопресвитера военного и морского духовенства Александра Алексеевича Желобовского / Сост. протоиерей И. Богословский. СПб.

Левашев П.Н., священник, 1910. Замечательный случай Божьего милосердия по молитвам о. Иоанна Кронштадтского в наши лукавые дни: Исцеление Павла Афанасьевича Ильинова, 16-летнего мальчика, при гробнице о. И.И. Сергиева. СПб.

Левашев П.Н., священник, 1911. Памяти доброго русского пастыря, протоиерея Иоанна Ильича Сергеева. СПб.

Левашев П.Н., священник, 1912. Историческое сказание о Смоленской иконе Божией Матери, шествовавшей в рядах русской армии в 1812 г. // Душеполезное чтение.

Левашев П.Н., священник, 1914. Взгляд о. Иоанна Кронштадтского на удовольствия: Чтение на торжественном собрании членов «Общества в память о. Иоанна Кронштадтского» 25 марта 1914 г. СПб.

Левашев П.Н., священник, б. г. Несколько слов к характеристике деятельности вожаков Киселевской секты и о том, как на самом деле относился к ним в Бозе почивший протоие-

⁵⁶ Автор по-разному писала фамилию В.П. Левашевой.

⁵⁷ Так у автора.

рей Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский). Б. м.

Левашева В.П., Трубникова Н.В., 1960. В.А. Городцов и Государственный Исторический музей // Тр. ГИМ. Вып. 37.

Мазырин А., священник, 2007. Попытки восстановления патриаршества в 1935–1937 годы: малоизвестные страницы истории // Журнал Московской патриархии. № 3.

Мартиролог расстрелянных и захороненных на полигоне НКВД «Объект Бутово» 08.08.1937 — 19.10.1938. М., 1997.

Монгайт А.Л., 1963. Возникновение и первые шаги советской археологии // История СССР. № 4.

Павел Флоренский и символисты: Опыты литературные: Статьи. Переписка / Сост., подготовка текста, вступит. статья и комм. Е.В. Ивановой. М., 2004.

Паламарчук П., 1992. Сорок сороков. М.

Памятная книга военного и морского духовенства на 1912 г. СПб., 1912.

Памятная книга военного и морского духовенства на 1913 гг. СПб., 1913.

Памятная книжка XLVII курса С.-Петербургской духовной академии / Сост. священник П.Н. Левашев. СПб., 1896 [к пятой годовщине выпуска].

Поспеловский Д., 1993. Русская православная церковь: испытания начала XX века // ВИ. № 1.

Пряхин А.Д., 1986. История советской археологии (1917 — середина 30-х гг.). Воронеж.

Пятышева Н., 1963. А.С. Башкиров // СА. № 3.

Рабинович М.Г., 2005. Записки советского интеллектуала. М.

Религиозный Петербург / Сост. П. Климов, ГРМ. СПб., 2004.

Розенталь Е.И. и др., 2000. [Комм.] // Закс А.Б. Эта долгая, долгая, долгая жизнь. М. Кн. 2.

РМЭ — Российская музейная энциклопедия. М., 2005.

Синодик пострадавших за веру и Церковь Христову в Бутово. М., 1995.

XLVII курс Императорской Петроградской духовной академии. 1890 — XXV — 1915 / Сост. протоиерей П.Н. Левашев.

Стогов Д.М., 2007. Правомонархические салоны Петербурга — Петрограда. Конец XIX — начало XX века. СПб.

Стрижова Н.Б., 1988. Педагогическая деятельность В.А. Городцова // Тр. ГИМ. Вып. 68.

Стрижова Н.Б., 1991. Московский археологический институт по материалам отдела письменных источников Исторического музея // Очерки истории русской и советской археологии. М.

Студзицкая С.В., 1988. Государственный Исторический музей и В.А. Городцов // Тр. ГИМ. Вып. 68.

Формозов А.А., 1993. Археология и идеология (20–30-е годы) // Вопросы философии. № 2.

Формозов А.А., 1995. Коротко об авторах // Антология советской археологии (1917–1933). М. Т. I.

Церковные ведомости. Русская истинно-православная церковь. Жития подвижников благочестия. Священномученик Русской истинно-православной церкви протоиерей Павел Левашов // <http://catacomb.org.ua/modules.php>.

Шульман Ю.М., 2003. Запечатленная душа: Очерк жизни и творчества Бориса Шергина. М.

ЭСМУ — Энциклопедический словарь Московского университета: Исторической факультет. М., 2004.

М.М. Якушкина
Государственный Исторический музей, Москва

ЛИЧНЫЙ АРХИВ М.Е. ФОСС В ОТДЕЛЕ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Имя Марии Евгеньевны Фосс (19.09.1899 — 9.09.1955), выдающегося советского археолога, доктора исторических наук, внесшей огромный вклад в археологическое изучение древнейшей истории севера европейской части и южных лесостепных районов России, широко известно в нашей стране и за ее пределами. Основные вехи биографии и научной деятельности М.Е. Фосс, а также значение ее трудов для современных исследований в области неолита, отмечены в статье А.А. Формозова, который справедливо считал ее одним из своих учителей (1998. С. 214–228). Вся научная и трудовая деятельность М.Е. Фосс была тесно связана с Государственным Историческим музеем и ИИМК АН СССР. Научный архив М.Е. Фосс в апреле 1960 г. поступил в ОПИ ГИМ от ее племянника и занял достойное место в ряду фондов личного происхождения под № 487 (155 ед.хр.; 14548 листов). Хронологические рамки фонда охватывают период с начала XX в. до 1955 г.

Систематизация материалов фонда в значительной степени отражает исторически сложившуюся структуру, предложенную самой М.Е. Фосс: I — личные документы; II — документы о трудовой и научной деятельности; III, IV, VIII–X — материалы полевых исследований и камеральной обработки находок на археологических памятниках, в том числе карты изучаемых местностей, полевые

дневники, планы раскопов и профили разрезов, рисунки, фото, описи находок, итоговые отчеты; V–VII — подготовительные черновые рабочие выписки, рисунки, таблицы к кандидатской и докторской диссертациям, в том числе черновики к отдельным главам с пометами автора. Раздел XI включает тематические рабочие материалы, объединяющие как научно-исследовательскую, так и научно-экспозиционную ее деятельность. Раздел XII посвящен работе М.Е. Фосс в ГИМ. Раздел XIII содержит материалы ее трудовой и научной деятельности в ИИМК АН СССР. В раздел XIV вошла научная переписка.

М.Е. Фосс отличала особая тщательность как в научной работе, так и при сборе архива. В отдельные папки ею были собраны материалы, относящиеся к подготовке и защите кандидатской («Каргопольская культура», 1945) и докторской диссертаций (монография «Древнейшая история Севера Европейской части СССР», 1952), хронологически разложены материалы археологических экспедиций, проводившихся с участием или под ее непосредственным руководством в 1924–1954 гг. Впечатляет своим размахом география научно-экспедиционной деятельности Фосс: разведки и раскопки археологических памятников в Архангельской, Белгородской, Брянской, Вологодской, Воронежской, Костромской, Курской, Липецкой, Московской,

Пензенской, Рязанской, Тамбовской, Тверской, Ярославской областях; материалы археологических памятников других областей привлекались в качестве аналогий. Таким образом, за основу при формировании архива был взят хронологический принцип, многочисленные рабочие материалы разложены по географическому принципу. В ходе обработки фонда № 487 были выявлены рукописные и машинописные варианты работ М.Е. Фосс, большинство которых опубликовано при жизни ученого, последние статьи вошли в 75 выпуск КСИИМК (1959), посвященный ее памяти (Формозов, 1956. С. 157–161). Черновые варианты опубликованных работ могут представлять интерес для исследователей, с этой целью они перечислены нами в отдельном приложении. В список не вошли только написанные в 1946–1954 гг. рецензии и отзывы М.Е. Фосс (Ед. хр. 152–153¹).

Личные документы М.Е. Фосс датируются 1950-ми гг. Это, прежде всего, черновики автобиографии М.Е. Фосс, один из которых написан на бланке Академии наук СССР 14.11.1952 г. Она пишет: «Родилась в 1899 году в семье служащего. По окончании гимназии поступила в Воронежский университет на историко-филологический факультет и одновременно работала в Воронежском музее краеведения. В 1922 г. перевелась в I Московский университет на археологическое отделение факультета общественных наук» (Ед. хр. 1. Л. 2–4). Там же — фотография (илл. 74) и пропуск М.Е. Фосс в Центральную поликлинику Министерства здравоохранения СССР от 14.11.1951 г. (Ед. хр. 1).

Основу архива составляют материалы, непосредственно связанные с научно-экспедиционной деятельностью Фосс. Открытые листы и учетные карточки выделены в отдельный II раздел. Отметим открытые листы на право проведения археологических раскопок в Ижевском районе Рязанской обл. и Галичском районе Ярославской обл., подписанный председателем Комитета полевых исследований ИИМК А.В. Арциховским, от 19.06.1945 г. и Языковской стоянки близ д. Языково Калининской области с автографами заместителя директора ИИМК

П.Н. Третьякова и ученого секретаря С.Н. Бибикова от 10.06.1941 г. (Ед. хр. 2).

Мария Евгеньевна бережно сохраняла полевые дневники (с зарисовками костяков и погребального инвентаря) студенческой практики V курса исторического факультета Московского университета 7–15 сентября 1924 г. — раскопок курганов вятичей на р. Рожай у сел Никитское, Константиновское и Ушмары в Подольском районе Московской обл., где руководителем был В.А. Городцов, а практикантами — будущие выдающиеся советские археологи М.Е. Фосс, А.В. Арциховский и С.В. Киселев, В.П. Левашева и др. Это были ее первые самостоятельные раскопки (Ед. хр. 3). С Московской областью были связаны и последующие работы Фосс. В 1947–1948 гг. вместе с В.В. Пиотровским она проводила сборы образцов керамики и кремневого инвентаря льяловской культуры у оз. Круглое, деревень Агафонихи, Рыбаки в Луховицком районе. В 1951 г. по открытому листу на имя А.Я. Брюсова исследовала неолитическую стоянку Бисерово озеро (Ед. хр. 4, 5). Статья, посвященная стоянке на Бисеровом озере, была опубликована уже после ее смерти (*Приложение*, № 87).

Студенческая археологическая практика, работа в Воронежском музее краеведения, а с 1925 г. — в Государственном Историческом музее определили на долгие годы направления научной деятельности Фосс: «при изучении коллекций и обследовании различных археологических памятников — славянских, скифских, салтовской культуры, эпохи неолита и бронзы определились основные интересы, связанные с изучением неолита. Слабая изученность в этом отношении Севера Европейской части СССР побудила, как и других начинающих археологов, заняться исследованием северного неолита. С 1925 г. по 1947 г. были проведены 15 экспедиций — в Костромскую, Архангельскую, Вологодскую область и Коми АССР» (Ед. хр. 1. Л. 2). А.А. Формозов справедливо считал, что выбор этот был в значительной степени предопределен влиянием на Фосс ее учителя — В.А. Городцова (1998. С. 216). Практически полная полевая и камеральная документация Северной экспе-

¹ Здесь и далее ссылки даются на архив М.Е. Фосс (ОПИ ГИМ. Ф. 487).

диции ГИМ составляет IV и часть V раздела архива М.Е. Фосс. По преимуществу это автографы фондообразователя. По ним можно проследить все этапы полевой деятельности Северной экспедиции — от разведок и сборов до раскопок. А.А. Формозов отмечает, что «ученики Городцова, как правило, не были археологами-разведчиками и раскапывали в основном памятники, открытые кем-то другим» (1998. С. 216). В ходе работы экспедиции учитывались как работы предшественников — в том числе сборы на стоянке в устье Кинемы И.С. Полякова 1873 г., в местности Кубенино инженера-гидролога К.В. Маркова 1916–1919 гг. (Ед. хр. 38), К.П. Ревы в Архангельской губернии, — так и современников. Сохранился автограф Фосс — список «Неолитические стоянки бассейна р. Сухоны», составленный Н.А. Черницыным на основании сборов Е.И. Праведникова и Н.А. Черницына 1925 г. на реках Тотьма и Юг (Ед. хр. 33). Традицией русской и советской археологической науки была тесная связь с местным краеведением. В фонде представлены машинописные копии статей об экскурсиях, проведенных Вологодским обществом изучения Северного края для учащихся на речку Кинему и ручей Студенец в августе 1924 г. (Ед. хр. 25), затем опубликованных в журнале «Север» (Сергиевский, 1927а, б. С. 178–184).

Начало непосредственно раскопок было положено в 1926 г. вместе с А.В. Збруевой и А.Я. Брюсовым исследованием стоянок Беломорья. В архиве отложилась полевая документация исследования неолитических стоянок — Красная гора на р. Чухча близ с. Красная гора 1926 г. (Ед. хр. 30), на реках Ольга и Ольженица в бассейне оз. Лача 1929 г., Попово на устье р. Кинема при впадении в оз. Лача 1928–1929 гг. (Ед. хр. 7, 16, 17, 24, 38), стоянок Летнего берега Белого моря и дельты Северной Двины, в том числе в междуречьях и на реках Люлинка, Галдарея, Малый Серт, у с. Ненокса, близ рек Осиповки, Сарахи и Сарайского ручья (Ед. хр. 31), Ванвиздинской стоянки на р. Вычегде 1936 г. (Ед. хр. 26), на р. Юг в Усть-Алексеевском районе у деревень Марголино, Павшино, Павлово 1937 г. (Ед. хр. 34), археологических памятников бассейна оз. Кенозера 1930 г. (Ед. хр. 37) и др. Раскопки неолитических стоянки и погребений

Кубенино 1929–1931 гг. (Ед.хр. 7, 18–23) и торфяника Веретье 1929–1934 гг. (Ед. хр. 7, 9–15) стали эталонными. Особо отметим автографы Фосс: «Отчет о раскопках на летнем берегу Белого моря, произведенных летом 1926 г. М.Е. Фосс, А.В. Збруевой, А.Я. Брюсовым» (Ед. хр. 29); «Полевой дневник 1937 г. разведок и раскопок Северной экспедиции на р. Юг в Усть-Алексеевском районе у дд. Марголино, Павшино, Павлово» (Ед. хр. 34). Полевой дневник разведок археологических памятников бассейна оз. Кенозера, проведенных Фосс в 1930 г., дает представление о сложности работы Северной экспедиции и упорном характере М.Е. Фосс. В августе 1930 г. она записывает: «Беспокоит Кубенино. Если погода повернет на дождь, то что будет с раскопками. Надо обязательно раскопать 150 метров. На Веретье ведь только 40 (!). С такой площадью возвращаться в Москву невозможно. Для выявления полноты Кубенинской стоянки надо раскопать еще 150–200 метров. Средства и продовольствие есть. Пошлю телеграмму о продолжении командировки до 20-го. Даже если будут дожди, все равно работу проведу» (Ед. хр. 37. Л. 7–8). Комплексные исследования экспедиции включали в себя изучение геологии, растительности и остеологии неолитических стоянок. В архиве отложились: опись костей животных и рыб из раскопок стоянки Веретье и материалы (рукописные и машинописные) их анализа Н.А. Евтюховой, а также отчет В.Е. Кошелева об определении палеофауны из раскопок М.Е. Фосс и Д.Н. Эдинга стоянки Веретье 1930 г. (Ед. хр. 11). Материалы Северной экспедиции ГИМ нашли отражение в статьях М.Е. Фосс, а затем стали основой ее кандидатской и докторской диссертаций (*Приложение*, № 1, 3–7, 9, 13–21, 27, 38, 68, 69). В 1935 г. М.Е. Фосс была присвоена ученая степень кандидата исторических наук за труд «Каргопольская культура», в 1943 г. ВАК лишил ее степени (в связи с арестом отца как врага народа). Окончательно она, уже будучи сотрудником ИИМК, защитила кандидатскую диссертацию в 1944 г. в Московском университете. В автобиографии 1952 г. причиной вторичного присвоения степени Фосс указывает утрату в военное время документов, удостоверяющих присуждение степени. Материалы к защите кандидатской

диссертации собраны в VI разделе архива и включают в себя рисунки, фотоматериалы, сводные таблицы, тексты (черновики), а также отзывы на нее, в том числе автографы А.Я. Брюсова: «Отзыв на кандидатскую диссертацию М.Е. Фосс от 21.12.1940 г.» и работа «О датировке памятников Каргопольской культуры (по поводу диссертации М.Е. Фосс “Каргопольская культура”)» от 2.11.1945 г. На последней — рисунки чернилами М.Е. Фосс (Ед. хр. 57). Отметим также альбом «Каргопольская культура» с рисунками тушью Фосс и фотографиями, наклеенными на картон (Ед. хр. 56).

В VII раздел архива вошли материалы докторской диссертации М.Е. Фосс, где наряду с подготовительными материалами к главам I–XII и приложениям монографии (Ед. хр. 58–81) представлена печатная монография с карандашными пометами автора (Ед. хр. 85). Материалы защиты диссертации 19 февраля 1953 г. на заседании Ученого совета ИИМК включают: машинописный отзыв А.П. Окладникова с его автографом от 1.02.1953 г., записи М.Е. Фосс с текстами выступления и ответами на вопросы. Экспозиционный интерес представляет Объявление о заседании Ученого Совета ИИМК АН СССР от 19.02.1953 г. о защите докторской диссертации М.Е. Фосс (Ед. хр. 84). Естественно, что Марию Евгеньевну интересовала оценка ее научных достижений, в архиве сохранились ее выписки из рецензии на диссертацию, опубликованную в журнале *Proceedings of the Prehistoric Society* for 1953. New Series, Vol. XIX, p. 1. June 1954. (Ед. хр. 84). В сборнике, посвященном памяти М.Е. Фосс, от имени редакции КСИИМК было выражено коллективное мнение о заслугах ученого: «Если к началу исследования М.Е. Фосс на севере Европейской части СССР были известны лишь разрозненные коллекции материалов неолитического типа, абсолютная датировка которых оставалась неясной, то после работ Марии Евгеньевны мы хорошо знаем и последовательность развития материальной культуры на этой территории в III–I тысячелетиях до н. э., и местные особенности археологических культур» (КСИИМК, 1959. С. 3).

К VIII разделу архива отнесены материалы полевых исследований и камерального

изучения находок археологических памятников Костромской области. В 1925 г. Фосс вместе с Л.Н. Казариновым, В.И. Смирновым, А.Я. Брюсовым и А.В. Збруевой в составе экспедиции Чухломского музея местного края принимала участие в раскопках Федоровской неолитической стоянки. Итогом работы стала ее первая публикация (*Приложение*, № 2). В архиве отложились уникальные зарисовки карандашом и тушью мест пребывания экспедиции: с. Федоровское Чухломского у. Костромской губ. и с. Вежа Мисковской вол. Костромского у. Костромской губ. (илл. 75) (Ед. хр. 93. Л. 37–40). Подготовительными материалами для публикации послужили полевая документация раскопок (Ед. хр. 93), работы предшественников — О.Н. Бадера, В.И. Смирнова, Л.Н. Казаринова, сделанные рукой Фосс описания и зарисовки аналогичных материалов в Костромском, Солигаличском и Чухломском музеях, а также из собрания Эрмитажа (Ед. хр. 93, 95). В 1945–1947 гг. работы продолжила Галичская экспедиция ИИМК под руководством М.Е. Фосс, были раскопаны ставшие эталонными стоянки: Галичская, Умиление и др. В архиве археолога отложилась подробнейшая полевая документация стоянки Умиление (Ед. хр. 86, 87, 91, 92). Один из полевых дневников украшен гербом, в щите которого изображена муха, и девизом «Смерть мухам!» (илл. 76) (Ед. хр. 86). Сохранилось заключение (машинопись) по исследованию остеологического материала из раскопок селища Быки, подписанное В.И. Цалкиным 12.02.1948 г. (Ед. хр. 88). Изучение Галичской стоянки вызвало дискуссии о железоделательном производстве с участием В.И. Равдоникаса, М.В. Воеводского, А.П. Окладникова, М.Е. Фосс и др. (*Приложение*, № 23–26, 32, 40, 43). Фосс были составлены карты: «Местонахождения инвентаря, аналогичного инвентарю Галичского клада и Галичской стоянки» (Ед. хр. 89) и «Распространение железных руд на территории Восточно-Европейской равнины» (Ед. хр. 90). В фонде представлены также материалы о передаче на спектральный анализ металла Галичской стоянки, в том числе автограф Б.А. Колчина и записка М.Е. Фосс А.Я. Брюсову от 22.02.1949 г. (Ед. хр. 90).

Материалы полевых исследований и камерального изучения находок из археологиче-

ских памятников лесостепи времени неолита — раннего железного века выделены в IX разделе архива. Разработка проблем археологии лесостепи стала для Фосс приоритетной в последние годы жизни, однако интерес к теме обозначился у нее еще в годы учебы в Воронеже. Сохранились материалы раскопок в 1924 г. курганного могильника в урочище Частые курганы у с. Подгорное Воронежской губернии бронзового — раннего железного века: полевой дневник М.Е. Фосс, зарисовки погребального инвентаря из экспозиции Воронежского музея, а также начерченная ею карта урочища Частые курганы с обозначением местонахождений курганов и степени их сохранности (Ед. хр. 102). В 1935 г. Фосс начинает освоение района лесостепи в составе археологической экспедиции в Донецкий бассейн, где раскапывалась неолитическая стоянка у с. Шелаево на р. Оскол в Курской области (Ед. хр. 104). В 1951–1954 гг. Фосс возглавила Лесостепную экспедицию ИИМК АН СССР: «в связи с новыми задачами, стоящими перед археологами, была начата работа по новой теме — о взаимоотношениях племен лесного неолита и южной бронзы на территории Европейской части СССР» (Ед. хр. 2. Л. 3). Были обследованы и вновь выявлены многие археологические памятники времени неолита — бронзового века Белгородской (Ед. хр. 97), Брянской (Ед. хр. 98–100), Воронежской (Ед. хр. 101–103), Курской (Ед. хр. 104), Липецкой (Ед. хр. 105), Пензенской (Ед. хр. 106–108) и Тамбовской (Ед. хр. 109–112) областей. В архиве ученого присутствует практически полная полевая и камеральная документация стоянки и курганов в урочище Бельнец, кургана и неолитической стоянки на оз. Бесец (Ед. хр. 98), селища Витховка и стоянки Пионерская в Брянской области (Ед. хр. 99). В особую папку самой Фосс были отложены материалы полевых исследований, камеральной обработки и консервации неолитического челна, являющегося ныне украшением экспозиции ГИМ. Среди них: полевые дневники и краткий отчет о раскопках с целью извлечения древнего челна близ с. Щучье в Лискинском районе Воронежской обл. 1954 г., автографы М.Е. Фосс, а также план раскопа и уникальные фотографии, фиксирующие извлечение челна из слоя (Ед. хр. 103). Пол-

ностью обработать эти материалы Фосс не успела, однако в архиве отложился черновик статьи (*Приложение*, № 84). В Пензенской области Фосс в 1951 г. были проведены разведка у с. Борковка между реками Целибухой и Сурой и раскопки торфяника «Горелый Гай» близ д. Студенки Тоимского района, дюнной стоянки Озименки и стоянки у д. Коммуна Наровчатского района. В итоге был составлен список археологических памятников Наровчатского района Пензенской области времени неолита — раннего железного века и выполнена «Карта Наровчатского района Пензенской обл. с обозначением мест расположения археологических памятников» (Ед. хр. 106, 107). В Тамбовской области в 1953–1954 гг. были освоены следующие памятники времени неолита — раннего железного века: стоянка Глинище, стоянка Подзорново около с. Старое Тарбеево Мичуринского района (Ед. хр. 109–112). По итогам работ был подготовлен ряд публикаций, некоторые из них вышли в свет уже после смерти автора (*Приложение*, № 11, 12, 81–86).

Многочисленные аналогии инвентарю, керамике, украшениям, найденным Лесостепной экспедицией под руководством М.Е. Фосс в 1930–1950-е гг., выделены в X раздел архива и описаны в алфавитном порядке. В него вошли многочисленные зарисовки и выписки из работ коллег и предшественников: В.А. Городцова, А.П. Окладникова, О.Н. Бадера, Б.С. Жукова, Д.Н. Эдинга, А.Я. Брюсова, П.Н. Третьякова, В.П. Левашевой, А.В. Збруевой, И.К. Цветковой, И.В. Яценко и др. Круг исследователей, к трудам которых обращалась М.Е. Фосс, столь же значителен, сколь велик список музеев, с фондовыми и экспозиционными материалами которых она работала. В архиве ученого упоминаются материалы более чем 15 музеев, как центральных (ГИМ, Эрмитаж), так и областных и районных тех регионов, в которых под ее руководством проводились широкомасштабные археологические исследования; среди них: Каргопольский, Сыктывкарский, Вологодский, Архангельский, Костромской, Брянский, Воронежский, Наровчатский, Владивостокский, Пензенский, музей г. Нальчика, музей Херсонеса и др.

Подобные размах и глубина научно-исследовательской деятельности М.Е. Фосс

не могли не привести ее к участию в научных дискуссиях 1950-х гг., тесно связанных между собой: о хронологии культур неолита и бронзового века в Европейской части СССР (*Приложение*, № 20, 21, 28–31, 36, 37) и о терминах «неолит», «бронзовый век», «культура» (*Приложение*, № 44). Подготовка Фосс к дискуссии сопровождалась выписками из работ О.Н. Бадера и В.И. Равдоникаса. В архиве представлены списки местонахождений и карты распространения находок меди, олова и бронзы на территории северной половины Восточно-Европейской равнины и смежных с нею областей, а также сводные таблицы археологических памятников времени неолита — бронзового века на севере Европейской части СССР и аналогии им в Западной Европе (Ед. хр. 136). Эти и другие материалы (в т. ч. выборки по отдельным археологическим культурам, категориям находок и т. д.) выделены в XI раздел архива (Ед. хр. 132–137).

XII раздел архива М.Е. Фосс содержит материалы научной, научно-экспозиционной и лекционной деятельности М.Е. Фосс в ГИМ и охватывает период с 1924 по 1955 г. О своей музейной деятельности Фосс писала: «На протяжении ряда лет, заведую в Историческом музее Отделом по изучению орудий труда каменного века, занималась с 1931 по 1933 гг. исследованием каменных орудий (этнографических и археологических) со стороны техники их изготовления, назначения и степени их эффективности (определение коэффициента полезного действия по методу проф. Горячкина). На протяжении многих лет попутно с научной работой вела работу по пропаганде археологических знаний. Во время экспедиций читала доклады и лекции в сельских клубах, школах и других учреждениях, читала лекции на кратковременных курсах для музейных работников, на темы первобытной археологии. Устраивала выставки в Историческом музее и выставки передвижки... Вела консультационную работу с музейными работниками, писателями» (Ед. хр. 2. Л. 4). М.Е. Фосс принимала участие в подготовке к экспонированию материалов Кубенинского погребения в Каргопольском музее; в архиве отложились фотографии фрагментов экспозиции на 1934 г. и Акт (машинопись) о произведении реставрации неолитического погребения № 2 в Центральном

Антирелигиозном музее, подписанный научным сотрудником ГИМ М.Е. Фосс, научным сотрудником Государственного музея Антропологии М.И. Урысоном, научным сотрудником Центрального Антирелигиозного музея С.А. Токаревым (Ед. хр. 23). В ходе Галичской экспедиции проводилась выставка по ее материалам (Ед. хр. 87).

В 1930–1950-е гг. Фосс была одним из авторов экспозиции залов Каменного века ГИМ. В фонде отложились подготовительные материалы к созданию экспозиции: тематический план выставки «Северо-запад СССР в III–I тысячелетиях до н. э.», составленный А.Я. Брюсовым, и автографы М.Е. Фосс 1940 г. — планы залов ГИМ и макеты щитов на темы «Эволюция орудий труда», «Первобытное общество», этикетаж к учебным пособиям по теме «Эволюция орудий труда от древнейшего периода до периода цивилизации», списки фото и муляжей для выставки «Первобытное общество» с заявкой на их изготовление в Музейный кабинет (Ед. хр. 138). Ею же были составлены методические разработки для проведения экскурсий, которые остаются актуальными до сегодняшнего дня (*Приложение*, № 45–52). Свидетельством высочайшего музейведческого уровня М.Е. Фосс являются описания археологических коллекций и экспозиций музеев СССР, составленные ею во время служебных командировок (Ед. хр. 141). Преподавательская деятельность Фосс представлена в фонде Программой и курсом лекций «Первобытно-общинный строй на территории СССР» и подготовительными материалами к нему (Ед. хр. 142).

XIII раздел архива содержит материалы трудовой и научной деятельности М.Е. Фосс как сотрудника и члена Ученого Совета ИИМК АН СССР (1944–1955). В нем присутствуют: пригласительные билеты на заседание ИИМК, посвященное 30-летию со дня основания ГАИМК/ИИМК от 16.04.1949 г., протоколы заседаний сектора Первобытной археологии с 12.01.1945 по 24.03.1950 г. К ним примыкают рабочие записи, выполненные в ходе этих заседаний, где заслушивались доклады М.М. Герасимова, В.А. Городцова, О.А. Граковой, М.П. Грязнова, Н.Н. Гуриной, Л.А. Евтюховой, А.В. Збруевой, С.В. Киселе-

ва, Е.И. Крупнова, Б.А. Куфтина, Т.С. Пассек, А.А. Формозова, И.К. Цветковой, В.Н. Чернецова (67 докладов), представляющие большой научный интерес (Ед. хр. 146–150). Здесь же представлены написанные в 1946–1954 гг. 33 рецензии и отзыва М.Е. Фосс, в том числе на книги А.В. Арциховского «Введение в археологию», А.Я. Брюсова «Первобытно-общинный строй на территории Карелии», Н.Н. Гуриной «Оленеостровский могильник», А.П. Окладникова «Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Бронзовый век» (Ед. хр. 152–153.). Отметим, что в архиве присутствует несколько отзывов на работы А.А. Формозова, светлой памяти которого посвящен сборник: кандидатскую диссертацию «Локальные варианты культуры эпохи мезолита Европейской части СССР» от 12.03.1954 г.; статьи «Изучение микролитических культур в СССР» от 11.12.1954 г. и «Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР» (Ед. хр. 153). В 1948–1954 гг. Фосс также писала статьи и рецензировала работы других авторов для Большой Советской энциклопедии. В архиве представлены рукописи статей и их перечень (*Приложение*, № 53–64, 66, 67, 71–74, 76–80) Отметим две рецензии: на статьи «Кунда» и «Латвийская ССР. Археологический очерк». М.Е. Фосс прекрасно владела этим материалом, в целях подготовки докторской диссертации в 1948–1949 гг. ездила в музеи Прибалтики для подробного ознакомления с фондами музеев Риги и Тарту и Археологическим кабинетом Латвийской Академии наук (Ед. хр. 44–48). По результатам командировок ею был подготовлен доклад (*Приложение*, № 22)

Научная переписка М.Е. Фосс (30.12.1925 — 5.06.1955) представлена 40 письмами от археологов, музейных работников, краеведов, сотрудников редакций и институтов АН СССР. Следует заметить, что переписка Фосс не исчерпывается материалами XIV раздела, т. к. во многих случаях письма невозможно было изъять из других тематических разделов. Письма коллег-археологов содержат сведения о проводимых ими исследованиях: П.Н. Третьяков пишет о раскопках на стоянке Борань (30.12.1925), О.Н. Бадер — о Волосовской культуре и Владычинской стоянке (15.02.1948), а также о работе экспедиции в Прикамье в зоне

КАМГЭС (26.06.1949 — 6.06.1950), И.К. Цветкова — о раскопках на стоянке Володары (21–26.05.1946), Н.Н. Гурина — об археологических исследованиях Оленеостровского могильника (1954). Письмо С.Н. Замятниной М.Е. Фосс было написано в момент дискуссии о терминах «неолит», «бронзовый век», «культура» и посвящено термину «неолитическая культура» (24.02.1949) (Ед. хр. 155). В фонде отложилась переписка М.Е. Фосс, связанная непосредственно с ее экспедиционной деятельностью. 9 писем редактора газеты «Колхозный путь» г. Шола Вологодской области В.В. Гарновского содержат сведения об археологических памятниках и случайных находках неолитического инвентаря и керамики в Вологодской и Новгородской областях (1.02.1944 — 26.06.1953). В.Я. Паровщиков (7 писем) сообщал о находках неолитических орудий у станции Тундра Сев. ж. д. и в Слободском заповеднике в Архангельской области (11.10.1953 — 11.08.1954) (Ед. хр. 155). К.К. Морозов, отвечая на запрос М.Е. Фосс, писал о неолитических стоянках бассейна оз. Вожа (15.01.1951) (Ед. хр. 36). К 1950-м гг. относится адресованная М.Е. Фосс записка с карандашными рисунками А.П. Окладникова о случайных находках на городище «Песчаные курганы» близ г. Пензы, хранящихся во Владивостокском музее (Ед. хр. 107). Переписка доцента Саратовского педагогического института П.Д. Степанова с Фосс (4 письма) посвящена распространению фатьяновской культуры на территории Чувашии и стоянке Озименки и датируется 7.01. — 27.09.1954 г. (Ед. хр. 107, 155). Два письма сотрудника Мичуринского музея Н.Ф. Соколовой содержат просьбы о помощи музею (11.12.1953 г.) (Ед. хр. 155). Значительный интерес представляет переписка, связанная с полевыми исследованиями и консервацией неолитического челна, найденного у с. Щучье, — последним полевым сезоном М.Е. Фосс; отметим письма В.П. Левенка о находках челнов близ с. Сельца Трубчевского района Брянской обл. (29.11.1954 г.) и А.В. Кирьянова о перевозе челна в ГИМ (1.10.1954 г.) (Ед. хр. 103).

В архиве М.Е. Фосс сохранился удивительный документ — черновик отчета о проделанной работе за 1954 г., написанный карандашом и чернилами, местами перечеркнутый.

Меньше чем за год до смерти тяжело больная Мария Евгеньевна подводила итоги. Восхищает плотный график и работоспособность ученого: правка корректуры статей для БСЭ, обработка археологической коллекции из раскопок 1953 г., которую она успела завершить, полевые исследования в июле — августе, а с 6 октября — организация консервации дубового челна, распаковка и передача образцов торфа из раскопок на Дону в Институт торфа на

исследование. И еще — участие в комиссиях, заседаниях, прием экзаменов у аспирантов ГИМ. 29 марта состоялось «выступление на защите Формозова (Ученый совет от 3 ч. до 8 ч.)» (Ед. хр. 2. Л. 2–9). В свете этого документа понятно последнее письмо Фосс друзьям и коллегам: «Спасибо вам за все. Очень жалею, что не успела обработать материалы за 1954 год» (Формозов, 1998. С. 214).

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ И НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ М.Е. ФОСС²

1. Раскопки на дюнах Белого моря близ селения Красной горы и у реки Галдарей // Сб. Московской секции ГАИМК к десятилетию Октября. М., 1928. (В соавт. с А.В. Збруевой) [Черновики: Отчет о раскопках на Летнем берегу Белого моря, произведенных летом 1926 года.: Автограф. 1926. (В соавт. с А.В. Збруевой, А.Я. Брюсовым); Стоянка на Летнем берегу Белого моря у р. Галдарей: Автограф. 1926–1928. (Ед. хр. 29).]

2. Керамика Федоровской стоянки // Тр. Секции археологии РАНИОН. М., 1928. Т. IV. [Черновики: Машиноп., правка-автограф. 12.09.1926 (Ед. хр. 94)]

3. Черновики: Древнейшие поселения на Северо-Западе СССР (IV–I тыс. до н. э.): Машиноп. 1930 (Ед. хр. 82). (В соавт. с А.Я. Брюсовым)

4. Стоянка доисторического человека на торфяном болоте: Из итогов археологической экспедиции Государственного Исторического музея // Торфяное дело. М.; Л., 1934. № 6.

5. Погребения на стоянке Кубенино // Тр. ГИМ. М., 1938. Вып. VIII. [Черновики: Машиноп. (Ед. хр. 23)]

6. Неолитическая стоянка Веретье // Хрестоматия по истории Карелии с древнейших времен до конца XVII века. Петрозаводск, 1939.

7. Стоянка Кубенино: Из материалов Каргопольской экспедиции Московского Государственного исторического музея 1928–1931 гг. // СА. 1940. Вып. V.

8. Валуйский район // Археологические исследования в СССР 1934–1936 гг. М.; Л., 1941.

9. Костяные и деревянные изделия стоянки Веретье // МИА. 1941. Т. 2.

10. О добывании камня и о древнейших каменоломных орудиях на Севере Восточной Европы (по материалам Государственного исторического музея) // МИА. 1941. Т. 2. (В соавт. с Л.А. Ельницким)

11. Черновики: Отчет об археологической экспедиции в Донецкий бассейн под руководством М.Е. Фосс в 1935 году: Машиноп. (Ед. хр. 104).

12. Раскопки на реке Осколе // Тр. ГИМ. М., 1941. Вып. XII. [Черновики: Раскопки стоянок на р. Осколе: Автограф. <После 1935> (Ед. хр. 104)]

13. Река Вычегда // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.; Л., 1941.

14. Черновики: Следы древнейшей культуры на территории КОМИ АССР: Автограф. 1936 (Ед. хр. 26).

15. Стоянка Веретье: Отчет Северной экспедиции ГИМ о раскопках 1926–1934 гг. тор-

² Список опубликованных работ М.Е. Фосс составлен на основании статей А.А. Формозова (1956; 1959). Неопубликованные работы из фонда № 487 представлены с указанием места хранения черновых вариантов (ед. хр.). Название черновика указывается вторично в квадратных скобках в случае разночтений с названием публикации. Если публикация автору статьи неизвестна, то упоминание работы начинается со слова: Черновики.

фяника в бассейне оз. Лача // Тр. ГИМ. М., 1941. Вып. XII. [Черновики: Отчет Северной экспедиции ГИМ о раскопках 1929–1934 гг. торфяника в бассейне оз. Лача: Автограф. 1934 (Ед.хр. 10)]

16. Черновики: Образцы искусства Северного неолита (по материалам Северной экспедиции Государственного Исторического музея. 1928–1934 гг.): Автограф. Б/д (Ед. хр. 57).

17. Черновики: Каргопольская культура: Автограф. Б/д (Ед. хр. 57).

18. Черновики: Стоянки Каргопольской культуры: Машиноп. Б/д (Ед. хр. 57).

19. Беломорская культура // Рефераты научно-исследовательских работ Отделения истории и философии Академии наук СССР за 1944 г. М.; Л. 1945. № 3.

20. К вопросу о хронологии северного неолита Европейской части СССР // Там же.

21. [Рец. на кн.:] Палеолит и неолит СССР (МИА. № 2) // ВДИ. 1946. № 3.

22. Черновики: Доклад о результатах командировки в Прибалтику: Автограф. 27.04.1949 (Ед. хр. 48).

23. Галичская экспедиция // КСИИМК. 1947. Вып. XXI.

24. Черновики: О древнейшем способе получения железа (по материалам Галичской экспедиции 1946–1947 гг.): Автограф. 1947 (Ед. хр. 90).

25. Черновики: Датировка Галичского клада и Галичской стоянки: Тез. докл. (Ед. хр. 89).

26. Черновики: Материалы дискуссии о железоделательном производстве с участием В.И. Равдоникаса, М.В. Воеводского, А.П. Окладникова, М.Е. Фосс и др.: Автограф. Б/д (Ед. хр. 90).

27. Древние поселения в Веретье // Археологический сборник научно-исследовательского института культуры Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1947.

28. Карты археологических культур Европейской части СССР // БСЭ. Изд. 1-е. Т.: СССР. М., 1947. (В соавт. с А.Я. Брюсовым, О.А. Граковой, Е.И. Крупновым, А.П. Смирновым).

29. К вопросу о хронологии северного неолита // Рефераты научно-исследовательских работ Отделения истории и философии Академии наук СССР за 1944 г. М.; Л., 1945. № 3.

30. Черновики: Об этнологических особенностях и их отношении к археологическим культурам: Автограф. Б/д (Ед. хр. 82).

31. Неолитические культуры севера Европейской части СССР // СА. 1947. Вып. IX. [Черновики: Резюме статьи «Неолитические поселения Севера Европейской части СССР»: Автограф. Б/д (Ед. хр. 82)]

32. Новые памятники в районе Галичской культуры: Раскопки Галичской экспедиции 1945 г. // КСИИМК. 1947. Вып. XVII.

33. О датировках неолита по данным естественных дисциплин // КСИИМК. 1947. Вып. XVI.

34. Черновики: Заметки о применении естественно-научных методов датировки в археологии: Автограф. Б/д (Ед. хр. 136).

35. Черновики: К методике раскопок неолитических стоянок: Автограф. Б/д (Ед. хр. 139).

36. Основы хронологии северного неолита Европейской части СССР // Рефераты научно-исследовательских работ Отделения истории и философии Академии наук СССР за 1944 г. М.; Л., 1945. № 3. [Черновики: Замечания о хронологии культур неолита и бронзового века в Европейской части СССР: Автограф. Б/д (Ед. хр. 136)]

37. Черновики: Замечания на периодизацию неолита А.Я. Брюсова: Автограф. Б/д (Ед. хр. 136).

38. Стоянка на озере Лача у устья реки Кинемы // КСИИМК. 1947. Вып. XIV.

39. Культурные связи Севера Восточной Европы во II тысячелетии до н. э. // СЭ. 1948. № 4.

40. Результаты Галичской экспедиции 1946 г. // КСИИМК. 1948. Вып. XX.

41. М.В. Воеводский (1903–1948) // КСИИМК. 1949. Вып. XXV.

42. К методике определения каменных орудий // Там же.

43. Итоги Галичской экспедиции // КСИИМК. 1949. Вып. XXVI.

44. О терминах «неолит», «бронза», «культура» // КСИИМК. 1949. Вып. XXIX. [Черновики: Материалы прений по докладу М.Е. Фосс о терминах: неолит, бронзовый век, культура: Автограф. Б/д (Ед. хр. 136)]

45. Черновики: Проспект статьи «Техника каменного периода на территории СССР»: Машиноп., правка-автограф. Б/д (Ед. хр. 138).

46. Черновики: Подготовительные материалы к экспозиции залов Каменного века ГИМ и альбому «Первобытное общество»: Автограф. Б/д (Ед. хр. 138).
47. Черновики: Схема эволюции труда и общественных форм от древнейшего периода до периода цивилизации: Машиноп., правка-автограф. Б/д (Ед. хр. 140). (В соавт. с Т. Рожковой)
48. Черновики: Путеводитель по залу № 3: Машиноп. Б/д (Ед. хр. 140).
49. Черновики: Путеводитель по залу № 4: Машиноп. Б/д (Ед. хр. 140).
50. Черновики: Обработка камня и кости в каменном веке: Автограф. Б/д (Ед. хр. 140).
51. Черновики: Подготовительные материалы к занятию по истории керамики: Автограф. Б/д (Ед. хр. 140).
52. Черновики: История печного горшка (по древней посуде из раскопок в СССР): Машиноп., правка-автограф. Б/д (Ед. хр. 140).
53. Балахнинская стоянка // БСЭ. 1950. Т. IV. [Черновики: Рукоп. 1948–1949 (Ед. хр. 154)]
54. Белевская культура // Там же. [Черновики: Рукоп. 20.09. Б/г (Ед. хр. 154)]
55. Беломорская культура // Там же. [Черновики: Рукоп. 20.09. Б/г (Ед. хр. 154)]
56. Бердыжская стоянка // Там же.
57. Бологовская стоянка // БСЭ. 1950. Т. V. [Черновики: Рукоп. 1948 г. (Ед. хр. 154)]
58. Борковская стоянка // Там же. [Черновики: Рукоп. 1948–1950 (Ед. хр. 154)]
59. Боршево // Там же.
60. Брюсов Александр Яковлевич // БСЭ. 1951. Т. VI. [Черновики: Рукоп. 1948 (Ед. хр. 154)]
61. Буреть // Там же. [Черновики: Рукоп. 1948–1949 (Ед. хр. 154)]
62. Веретье // БСЭ. 1951. Т. VII. [Черновики: Рукоп. Б/д (Ед. хр. 154)]
63. Волосовская культура // БСЭ. 1951. Т. IX. [Черновики: Рукоп. 17.12.1949 (Ед. хр. 154)]
64. Волосовская стоянка // БСЭ 1951. Т. IX.
65. Редакция и предисловие к сборнику «Поселения эпохи неолита и раннего металла на Севере Европейской части СССР» // МИА. 1951. Т. 20.
66. Галичский клад // БСЭ. 1952. Т. X.
67. Грязное озеро // БСЭ. 1952. Т. XIII. [Черновики: Рукоп. 26.02.1950 (Ед. хр. 154)]
68. Древнейшая история Европейской части СССР: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1952.
69. Древнейшая история Севера Европейской части СССР // МИА. 1953. № 29. [Черновики: Машиноп., правка-автограф. Б/д (Ед. хр. 58–84); Типографский экз. Правка-автограф. Б/д (Ед. хр. 85)]
70. Каменный век // БСЭ. 1953. Т. XIX. (В соавт. с П.И. Борисковским, А.П. Окладниковым, А.А. Формозовым)
71. Каргопольская культура // БСЭ. 1953. Т. XX. [Черновики: Автограф. Б/д (Ед. хр. 154)]
72. Кремневые орудия // БСЭ. 1953. Т. XXIII. [Черновики: Автограф. 29.03.1952. (Ед. хр. 154)]
73. Стоянка «Кубенино» // Там же. [Черновики: Автограф. 30.03.1952 (Ед. хр. 154).]
74. Культура археологическая // БСЭ. 1953. Т. XXIV. [Черновики: Автограф. Б/д (Ед. хр. 154)]
75. Рецензия на книгу А.Я Брюсова «Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху». М., 1952 // ВДИ. 1953. № 2.
76. Льяловская стоянка // БСЭ. 1954. Т. XXV. [Черновики: Автограф. 8.04.1948 (Ед. хр. 154)]
77. Неолит // БСЭ. 1954. Т. XXIX. [Черновики: Автограф. Б/д (Ед. хр. 154)]
78. Нуклеус // БСЭ. 1954. Т. XXX. [Черновики: Автограф. 18.03.1954 (Ед. хр. 154)]
79. Черновики: Панфиловская стоянка: Автограф. 1940-е гг. (Ед. хр. 154).
80. Сейминский могильник // БСЭ. 1955. Т. XXXVIII. [Черновики: Автограф. 26.10.1954 (Ед. хр. 154)]
81. Черновики: Работа Лесостепной экспедиции в 1953 году: Машиноп. Б/д (Ед. хр. 96).
82. Черновики: Краткая информация о результатах лесостепной экспедиции в Воронежскую и Брянскую область в 1954 году: Автограф. Б/д (Ед. хр. 96).
83. Черновики: Хронология культур Лесостепи: Автограф. <После 1953> (Ед. хр. 96).
84. Черновики: Редкая археологическая находка: Машиноп. 1954 (Ед. хр. 103).
85. Поселения на дюне Озименки // КСИИМК. 1959. Вып. 75.
86. Исследование неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области

в 1953 г. // КСИИМК. 1959. Вып. 75. [Черновки: Раскопки поселений эпохи неолита и бронзы в Мичуринском районе Тамбовской обл. близ с. Старое Тарбеево в 1953 году: Доклад: Автограф. Б/д (Ед. хр. 96)].

87. Неолитическая стоянка Бисерово озеро // КСИИМК. 1959. Вып. 75.

88. О терминах «неолит», «бронза», «культура» // Антология советской археологии (1941–1956). М., 1996.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Левашева В.П., 1959. К вопросу о механических свойствах древних орудий // КСИИМК. Вып. 75.

Кропоткин В.В., 1959. Новые исследования Бельнецких курганов // Там же.

Ошибкина С.В., 1994. О значении трудов М.Е. Фосс // Древности Оки. М. (Тр. ГИМ. Вып. 85).

Сергиевский Г.П., 1927а. Экскурсия на реку Кинему 25–27 августа 1924 г. // Север: Изда-

ние Вологодского общества изучения Северного края. № 6.

Сергиевский Г.П., 1927б. Экскурсия на ручей Студенец 19 августа 1924 г. // Там же.

Формозов А.А., 1956. Некролог М.Е. Фосс // КСИИМК. Вып. 64.

Формозов А.А., 1959. Памяти Марии Евгеньевны Фосс // КСИИМК. Вып. 75.

Формозов А.А., 1998. М.Е. Фосс и проблема неолитических культур // Очерки истории археологии. М. Вып. II.

А.Н. Усачук
Донецкий областной краеведческий музей (Украина)

О СБОРНИКЕ ИЗЮМСКОГО МУЗЕЯ 1923 г. ИЗДАНИЯ. ИСТОРИЯ ОДНОГО ЭКЗЕМПЛЯРА

Кто уже ... немного освоился в бессмертном мире книг, очень скоро начнет вступать в новые отношения не только с тем, что в книгах, но и с самой книгой. ...и я на правах старого любителя и обладателя немалой библиотеки могу по своему опыту заверить, что... в собирании книг... есть своя радость и своя этика.

Герман Гессе. Библиотека всемирной литературы

«Книги! Мои любезные книги! Не знаю, кому оставить их? Я уверен, что в здешней стороне они никому не надобны... Они были первое мое сокровище; они только и питали меня в моей жизни; они были главным пунктом моего удовольствия. Напоследок, если бы не они, моя жизнь была бы в непрерывном огорчении...», — так в январе 1793 г. писал в предсмертной записке в своем одиноком ярославском имении И.М. Опочинин (Лотман, 1996. С. 309). Удивительно, что строки, совсем не предназначенные для печати, сохранились. Вдвойне удивляет то, с какой силой чувств обращается к книгам человек в свой последний день! Прошло более двухсот лет, но строки И.М. Опочинина не потеряли, на мой взгляд, своей силы и печалят теперь уже нас — тех, кого окружают любовно годами собираемые профессиональные, а значит узконаправленные, библиотеки. Кому они останутся?!

Но по крайней мере в отношении одной небольшой по объему книжки из моего довольно обширного собрания археологической литературы я могу быть спокоен, поскольку место этого сборника — в фондах музея Государственного историко-архитектурного заповедника г. Святогорска (Донецкая обл., Украина) (Дедов, Дашевский, 1986. С. 36; Де-

дов, 1995. С. 3–6), куда я его передал в январе 2010 г.

Речь идет об изданных в Изюме в 1923 г. «Трудах экспедиции для изучения Изюмского края. Выпуск 1-й». Сохранность книжки хорошая, только обложка по краям немного выцвела и слегка истрепалась. На второй странице обложки внизу густыми фиолетовыми чернилами сделана надпись: «Глубокоуважаемому Александру Александровичу Спицыну Изюмский ест.-историч. музей. 29-V-1923г. Изюм» (илл. 77). Подписи нет, но почерк легко узнаваемый — например, по тексту 14 писем Н.В. Сибилева к В.А. Городцову, написанных между 28 января 1924 г. и 20 марта 1940 г. и хранящихся в архиве В.А. Городцова (ГИМ ОПИ. Ф. 431. Ед. хр. 434; Татаринов, 2005); он принадлежит известному донбасскому археологу Николаю Викентьевичу Сибилеву (Цвейбель, 2005. С. 242–248), на 1923 г. — директору Изюмского краеведческого музея (Кононенко, Косикова, 1993. С. 6; Косиков, 2001. С. 26; Цвейбель, 2005. С. 242).

Кроме посвятельной надписи, в книжке больше нет никаких пометок. Однако между страницами сохранилась аккуратно вырезанная прямоугольная часть конверта (11,7 × 10 см), в котором сборник был послан А.А. Спицыну (илл. 78). На вырезке теми

же чернилами, которыми сделана надпись в сборнике, почерком Н.В. Сибилева написано: «Петроград. Археологический Институт. Профессору Александру Александровичу Спицыну». Ниже: «От зав. Изюмск. музеем НВ.Сибилева». В правом верхнем углу конверта Н.В. Сибилев написал: «Заказное», под ним: «Печатное». Интересная деталь: подчеркнув название города «Петроград», Н.В. Сибилев подчеркнул и оставил место для будущего слова «Заказное», которое написано светло-фиолетовыми чернилами. Очевидно, это слово было вписано Н.В. Сибилевым уже на почте: точно такими же светло-фиолетовыми чернилами работником почты поставлен номер отправления «931» в светло-зеленом прямоугольном штампе «3 № ... ИЗЮМ Харьков. г.» (перед написанием номера на штамп упала небольшая клякса). У верхнего края вырезанной части конверта сохранился плохо и неполно читаемый круглый почтовый штемпель «ИЗЮМ. 29.5.23», на этот штемпель наложен небольшой круглый штамп «52». Заметим, что дата на почтовом штемпеле совпадает с датой посвятельной надписи в сборнике, т. е., подписав книжку, Н.В. Сибилев в этот же день (вторник), 29 мая 1923 г., отправил заказную бандероль А.А. Спицыну.

Интересно, что и в посвятельной надписи, и в адресе на конверте Н.В. Сибилев пишет «Александру Александровичу», хотя Спицына зовут Александр Андреевич.

Обращает на себя внимание адрес на конверте. Судя по ошибке в отчестве, Н.В. Сибилев и А.А. Спицын в мае 1923 г. не были близко знакомы, и Н.В. Сибилев вполне мог не знать домашнего адреса А.А. Спицына — ул. Провиантская, д. 8, кв. 14 (Тихонов, 2003. С. 147; Щавелев, 2008. С. 222). Но Николай Викентьевич не указал и адрес Археологического института (рис. 2). Из-за отсутствия полного адреса получателя на конверте появились пометки, связанные с почтовой службой Петрограда. Чернильным карандашом под словом «Петроград» неразборчивым почерком вписано «спр Фонт 22» («спр» — скорее всего «спросить» или «спрашивать»), а под верхним обрезом конверта над адресом четким почерком тонким твердым простым карандашом написано «Фонтанка, 22» (над

нижним обрезом по центру мягким простым карандашом поставлена чья-то подпись). Именно в доме 22 по набережной Фонтанки до 1925 г. находилось археологическое отделение Петроградского университета (до лета 1922 г. — Археологического института) (Тихонов, 2003. С. 147, 148). Получается, что Н.В. Сибилев не только не написал полный адрес, но и поставил название уже не существующего института. По поводу названия замечу, что в 1920–1930-х гг., в период становления и укрепления нового государства, довольно часто происходили реорганизации и переименования во всех сферах (см., напр.: Пиотровский, 1995. С. 38; Тихонов, 2003. С. 147; Длужневская, 1996. С. 68–71; Олійник, 2009. С. 217–219; и др.), и Н.В. Сибилев в мае 1923 г. мог просто не знать, что в Петрограде Археологический институт менее года назад претерпел организационные изменения. По поводу же неполного адреса можно предположить, что самого названия «Археологический институт», по мнению Н.В. Сибилева, было достаточно для того, чтобы корреспонденция дошла до адресата. Видимо, названия университетов или институтов говорили сами за себя — без указания улицы и номера дома. В пользу правоты подобного предположения свидетельствует и то, что в инструкции по сбору археологических материалов, помещенной, кстати, в посланном А.А. Спицыну сборнике, предлагалось всем заинтересованным лицам обращаться «...непосредственно к профессору А.С. Федоровскому, по адресу: Харьков. Университет. Археологический Музей» (Федоровский, 1923. С. 19). Кстати, Н.В. Сибилев оказался прав: судя по пометкам, почтовым работникам Петрограда не составило труда уточнить, где находится Археологический институт или, точнее, уже археологическое отделение Петроградского университета.

Получатель изюмского издания 1923 г. А.А. Спицын — известнейший ученый, профессор Петроградского университета, позднее — член-корреспондент АН СССР, «изумительный знаток археологического материала» (Пиотровский, 1995. С. 45), один из «лучших российских вещеведов» (Студзицкая, Кузьминых, 2001. С. 138), классик русской археологии (Формозов, 2004. С. 52; Клейн, 2008.

С. 62), именем которого назван целый период ее истории («спицынско-городцовский») (Клейн, 2008. С. 63; Лебедев, 1992. С. 347). Известно, что А.А. Спицын постоянно «следил за всеми раскопками» (Пиотровский, 1995. С. 45), пополняя свои описания по разным разделам археологии — знаменитые «корочки Спицына» (Бич, 1948. С. 21, 26–33; Пиотровский, 1995. С. 45–46; Качалова, 2000. С. 22; Кузьминых, Сафонов, 2008. С. 93–94; Длужневская, Медведева, 2008. С. 37; и др.). Разумеется, при такой всеобъемлющей работе с археологическим материалом различных эпох и обширных территорий ученому, «много поработавшему над первобытными древностями России» (Жебелев, 1923. С. 190), требовалась любая археологическая литература, вплоть до небольших по объему брошюр и сборников, издаваемых в провинции. Изюмские издания и исследования Н.В. Сибилева были хорошо известны А.А. Спицыну. Например, несколько позднее, в 1927 г., А.А. Спицын в статье «Донецкий неолит» отметил огромный объем работы, проделанной Н.В. Сибилевым (Кононенко, Косикова, 1993. С. 12; Косиков, 2001. С. 28–29), а в 1928 г. в очередном выпуске «Старовинності Ізюмщини» писал: «У археологов возникают особые надежды на Изюмские стоянки: так как их очень много и так как они не могли существовать все одновременно, то, при хороших сборах, здесь представится возможность более или менее точной группировки материала. Итак — больше, как можно больше сборов!» (Спицын, 1928. С. 15).

В мою библиотеку «Труды экспедиции для изучения Изюмского края. Выпуск 1-й» попали из библиотеки А.Д. Столяра — одного из старейших профессоров Санкт-Петербургского университета, крупного специалиста по первобытному искусству. Мимолетные и немногочисленные встречи с А.Д. Столяром заканчивались обычно тем, что он дарил мне какие-либо книги из своей библиотеки. Весьма символично, что Абрам Давидович подарил и свою первую работу (Столяр, 2001. С. 13), посвященную раскоп-

кам Мариупольского могильника (Столяр, 1947). Автор раскопок Мариупольского могильника Н.Е. Макаренко — еще один исследователь, оставивший заметный след в археологии Донбасса (Цвейбель, 1989. С. 62–65; Божко, 1990. С. 40–41; Усачук, 1990. С. 114–116; 1993. С. 46–47; Косиков, 2001. С. 36–41; и др.). К слову, в 1903–1905 гг. Н.Е. Макаренко учился в Петербургском Археологическом институте, слушал лекции А.А. Спицына и всю жизнь считал его своим учителем (Макаренко, 1992. С. 18). В частности, в письме к А.М. Тальгрену от 28 марта 1933 г. Н.Е. Макаренко писал: «...Через месяц заканчиваю печатать одну из работ. Ее посвящаю своему учителю А. Спицыну» (РОБХУ. Колл. 230-8). Речь в письме идет как раз о готовящейся к выходу монографии «Мариупільський могильник», которую Н.Е. Макаренко посвятил А.А. Спицыну.

Сборник Изюмского музея был подарен мне 28 декабря 2000 г. Заканчивалось тысячелетие, я почти месяц работал с материалами в Москве и устроил себе праздник — на два дня сорвался в Питер. Московские коллеги попросили передать какие-то бумаги А.Д. Столяру. Мы созвонились и встретились в метро на станции «Технологический институт». Почему-то разговор очень быстро перешел на прошлое: А.Д. Столяр вспоминал о днях «страшной и неосмысленно жестокой войны» (Столяр, 2001. С. 13), я — слушал. Рассказ длился около получаса, затем Абрам Давидович достал из портфеля тоненькую книжку «Трудов» и протянул ее мне, подчеркнув, что издание для меня почти местное. Действительно, Изюм — Донецк — теперь Святогорск, где музей, как и в Изюме, организовал Н.В. Сибилев (Кононенко, Косикова, 1993. С. 13; Мезенцева, 1997. С. 26; Цвейбель, 2005. С. 245): почти через 90 лет круг замкнулся. В музее Государственного историко-архитектурного заповедника в г. Святогорске есть сборники, выпущенные стараниями Н.В. Сибилева и с его автографами. Теперь будет еще один, сохранивший тепло рук нескольких археологов разных поколений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бич О.И., 1948. Архив А.А. Спицына: Крайние даты архивных материалов 1880–1931 гг. // СА. X.
- Божко Р.П., 1990. Исследования Н.Е. Макаренко в Приазовье (1930–1933 гг.) // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи: Тез. доп. та повід. до наук.-практ. конф. Суми; Ромни.
- Дедов В.Н., 1995. Святые горы: От забвения к возрождению. Киев.
- Дедов В.Н., Дашевский А.Б., 1986. Славяногорский историко-архитектурный заповедник: Путеводитель. Донецк.
- Длужневская Г.В., 1996. Научная и научно-просветительская деятельность РГАК-РАИМК-ГАИМК-ИИМК в 20–30-е гг. // Традиции российской археологии: Мат. методол. семинара ИИМК РАН. СПб.
- Длужневская Г.В., Медведева М.В., 2008. Научное наследие А.А. Спицына в фотоотделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН // История и практика археологических исследований: Мат. Междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР, проф. А.А. Спицына. СПб.
- Жебелев С.А., 1923. Введение в археологию. Пг. Ч. I: История археологического знания.
- Качалова Н.К., 2000. Борис Александрович Латынин. 1899–1967 // Судьба ученого: К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. СПб.
- Клейн Л.С., 2008. Место А.А. Спицына в мировой археологии // История и практика археологических исследований: Мат. Междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР, проф. А.А. Спицына. СПб.
- Кононенко Ж.А., Косикова Е.В., 1993. Археолог-краевед Николай Викентьевич Сибилев (1873–1943 гг.) // Донецкий археологический сборник. Донецк. Вып. 4.
- Косиков В.А., 2001. История исследования археологических памятников Донбасса. Донецк.
- Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., 2008. А.А. Спицын и отечественная археология эпохи раннего металла // История и практика археологических исследований: Мат. Междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР, проф. А.А. Спицына. СПб.
- Лотман Ю.М., 1996. Очерки по истории русской культуры XVIII — начала XIX века // Из истории русской культуры. М. Т. IV: XVIII — начало XIX века.
- Макаренко Д.С., 1992. Микола Омел'янович Макаренко. Київ.
- Мезенцева Г.Г., 1997. Дослідники археології України: Енциклопедичний словник-довідник. Чернівці.
- Олійник К., 2009. К питанню перейменування населених пунктів Донецької області // Південно-Східна Україна: зі стародавності у XXI сторіччя. Донецьк. (П'ята Всеукраїнська краєзнавча конференція учнівської молоді: Мат. та тези доп.)
- Пиотровский Б.Б., 1995. Страницы моей жизни. СПб.
- Спицын А.А., 1928. Изюмская керамика // Старовинності Ізюмщини. Ізюм. Вип. III.
- Столяр А.Д., 1947. Мариупольский могильник: (Мариупольский могильник как археологический источник) // Сб. студенческих и аспирантских научных работ. Л. Ч. I.
- Столяр А.Д., 2001. Мои года — мое богатство // Археология в пути или путь археолога. СПб. Ч. I: Путь археолога...
- Студзицкая С.В., Кузьминых С.В., 2001. Галицкий «клад»: к проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.
- Татаринов С.И., 2005. Известные письма Н.В. Сибилева академику В.А. Городцову // Проблемы збереження і використання культурної спадщини в Україні: Мат. Всеукр. наук.-практ. конф. Слов'янськ.
- Тихонов И.Л., 2003. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб.
- Усачук А.Н., 1990. Н.Е. Макаренко: срубные материалы // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца: Тез. докл. обл. науч.-практ. конф. Луганск.

Усачук А.Н., 1993. Раскопки Н.Е. Макаренко и В.М. Евсеева на территории Донецка // Донецкий археологический сборник. Донецк. Вып. 3.

Федоровский А.С., 1923. Инструкция и программы для археологических разведок и сбора археологических материалов // Труды экспедиции для изучения Изюмского края. Изюм. Вып. 1.

Формозов А.А., 2004. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М.

Цвейбель Д.С., 1989. К биографии Н.Е. Макаренко // Проблемы охраны и исследования

памятников археологии в Донбассе: Тез. докл. Донецк.

Цвейбель Д.С., 2005. Николай Викентьевич Сибилев: Из истории изучения древнейшего прошлого Донбасса // Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні: Мат. Всеукр. наук.-практ. конф. Слов'янськ.

Щавелев С.П., 2008. Письма А.А. Спицына М.В. Воеводскому 1928–1929 гг. об изучении среднеазиатских древностей // История и практика археологических исследований: Мат. Междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР, проф. А.А. Спицына. СПб.

О.С. Свешникова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ОСВОЕНИЯ МАРКСИЗМА В 1920–1930-Х гг. (НА ПРИМЕРЕ ГАИМК)¹

Общепризнанным является представление о том, что марксизм в 1930-е гг. становится методологией общественных наук. При этом само по себе это теоретическое учение крайне неоднозначно, «всякая интерпретация взглядов Маркса — это всегда, так или иначе, их реконструкция» (Гофман, 2005. С. 111). До начала 1920-х гг. марксизм был одним из направлений философской и теоретической мысли, знакомство с ним не являлось обязательным, а в интерпретациях существовали значительные разночтения (легальный, ортодоксальный, революционный марксизм; см.: Дмитриев, Левченко, 2001). В настоящей статье мы попытаемся понять, каким образом в 1920–1930-е гг. происходило знакомство с марксизмом археологов.

В 1923–1937 гг. прошли дискуссии о применении положений марксизма к изучению первобытной истории. Они довольно подробно описаны в монографии С.С. Алымова (2006. С. 72–87). Участниками дискуссий в большинстве своем (особенно в ГАИМК) были люди, далекие от реальной исследовательской практики. Между тем, и ученым,

которые занимались непосредственно изучением археологических материалов и созданием на их основе исторических конструкций, тоже пришлось осваивать марксизм.

На основании фондов рукописного архива ИИМК РАН можно реконструировать организационные формы изучения марксизма в 1930-е гг. В политике ГАИМК по освоению марксизма сотрудниками можно выделить два направления. Первое — обучение молодежи, осуществлявшееся в рамках аспирантского семинара, второе — работа со сложившимися учеными, включавшая различные формы.

Семинар для аспирантов по вопросам исторического материализма был организован в декабре 1930 г. В распоряжении № 89/286 от 12 декабря 1930 г. говорилось: «Присутствие всех аспирантов обязательно» (НА ИИМК. Ф. 2. 1930. Д. 11. Л. 95) Судя по сохранившемуся листу посещений (НА ИИМК. Ф. 2. 1931. Д. 758. Л. 1 об), семинар был довольно многочисленным — 18 человек, причем, это не только аспиранты, но и молодые сотрудники. Семинар посещали²

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям ГК № 02.740.11.0350.

² Лист посещений содержит фамилии без инициалов, они восстановлены на основании других документов того же дела и Распоряжения № 106/303 за 1930 г. о распределении сотрудников по секторам.

А.Н. Бернштам, П.И. Борисковский, Н.Н. Воронин, Г.В. Григорьев, А.Е. Гулямирян³, Е.Б. Козловская, К.М. Колобова, Г.В. Корзухина, Е.Ю. Кричевский, А.П. Круглов, А.М. Золотарев, В.В. Ломиа, Г.В. Подгаецкий, Смирнов⁴, А.К. Супинский, Б. Сухотина, В. Терехов, Элле, А.А. Якобсон. Для того чтобы быть принятыми в семинар, его участники написали заявления на имя заместителя председателя Академии, на тот момент Ф.В. Кипарисова⁵.

Руководителем семинара был назначен В.Б. Аптекарь (НА ИИМК. Ф. 2. 1930. Д. 11. Л. 94). Необходимо сказать несколько слов о нем самом. Валериан Борисович Аптекарь (1899–1937), выходец из Полтавской губернии, принимал активное участие в установлении советской власти на Украине. Не получил высшего образования, но уже в 23 года начал преподавать истмат, историю ВКП (б) и историю классово-борьбы. В 1925 г. познакомился с яфетической теорией, а в 1926 г. — с самим Н.Я. Марром. С этого времени В.Б. Аптекарь основной своей задачей видит пропаганду яфетической теории, чему и посвящено большинство его печатных работ. В 1929–1933 гг. был заместителем Н.Я. Марра в секции языка Института этнических и национальных культур, в 1931–1936 гг. работал в ГАИМК, в 1937 г. расстрелян⁴. В связи с историей семинара в биографии В.Б. Аптекаря важны несколько моментов: во-первых, он профессионально не связан с историей первобытной культуры, во-вторых, не намного старше своих подопечных — в 1931 г. ему только 32 года.

Участники семинара были разделены на пять групп. Каждая группа состояла из нескольких человек и занималась разработкой одной из тем: производительные силы и производственные отношения, общественно-экономическая формация, понятие «культура», первобытный коммунизм,

происхождение классов.

К январю 1931 г. каждой группой были составлены планы, о чем секретарь семинара В. Ломиа докладывал в письме от 7.01.1931 г. В.Б. Аптекарю: «Уважаемый Валериан Борисович! Присылаю планы групп нашего Семинария... Не полностью — три плана вместо пяти. По понятию культуры и первобытному коммунизму планы еще не переданы. Первая группа — по произ[водительным] силам и произ[водственным] отношениям из-за недостатка времени не может предоставить рукопись доклада для размножения на машинке. Обещает приготовить тезисы к 10-му января, т. е. за два дня до доклада. В составе наших групп произошло изменение. Из группы по формациям выбыли тт. Корзухина и Воронин и туда вошла... т. Сухотина. Из группы по “культуре” выбыл т. Бернштам. С приветом секретарь семинария по истмату [подпись]» (НА ИИМК. Ф. 2. 1931. Д. 758. Л. 2 об).

Планы представляли собой выделение подпунктов темы и определение участников, разрабатывающих определенные направления. Например: «ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФОРМАЦИЯ. А. Смирнов. 1. Общ[ественно]-экономич[еская] формация... 2. Проблема перехода общ[ественно]-экон[омических] формаций. Б. Сухотина. 3. Критика учений буржуазных социологов об обществе. В. Ломиа. 4. Проблема пережитков» (Там же. Л. 4). Сохранились планы работы других групп: «Производительные силы и производственные отношения» (Г.В. Подгаецкий, А.П. Круглов, В. Терехов) (Там же. Л. 3); «Культура» (Супинский, Григорьев, Якобсон) (Л. 5); «Первобытный коммунизм» (Золотарев, Элле, Борисковский) (Л. 6); «Происхождение классов» (Кричевский, Колобова, Гулямирян) (Л. 7).

К заседанию семинара были подготовлены и размножены на машинке для других

³ Такое написание содержится в тексте доклада к семинару, а в Распоряжении 106/303 он назван Гулямирян К.Э. (НА ИИМК. Ф. 2. 1930. Д. 11. Л. 114).

⁴ Какой Смирнов имеется в виду, точно не ясно. В списке сотрудников ГАИМК числится аспирант феодального сектора И.И. Смирнов (НА ИИМК. Ф. 2. 1930. Д. 11. Л. 114). В тексте проспекта автором одной из его частей назван А. Смирнов (НА ИИМК. Ф. 2. 1930. Д. 758. Л. 4). Как известно, Алексей Петрович Смирнов в 1929–1930 гг. работал в ГИМ, т. е. в Москве (см.: Антология... 1995. С. 223).

⁵ Заявления Г.В. Григорьева, А.П. Круглова и Г.В. Подгаецкого сохранились в архиве (РА ИИМК. Ф. 2. 1931. Д. 758. Л. 8, 10, 11).

⁶ Подробнее о нем см.: Алымов, 2004. С. 82, 83

участников тексты докладов. Сохранились всего 4 текста: «Производительные силы и производственные отношения» (Л. 15–53); В. Ломиа «Проблема пережитков» (Л. 54–67); П.И. Борисковский и А.К. Супинский «Понятие культура» (Л. 68–89); А.Е. Гюламирян «Понятие (о) класса(х)» (Л. 91–112). Эти тексты представляют собой работы объемом до 40 страниц, посвященные заявленным проблемам, часто вне связи с археологией или историей первобытного общества, и без справочного аппарата.

Семинар заседал дважды в месяц, 12 и 22 числа, и провел всего 11 заседаний, последнее из которых состоялось 22 мая 1931 г. Учет посещений, который вел секретарь семинара, свидетельствует, что его участники часто пропускали заседания, например, А.Н. Бернштам был всего 4 раза.

Аналогичный семинар с 1925 г. существовал в Москве в виде секции социологии в Институте археологии и искусствознания РАНИОН, его деятельность получила освещение в литературе (Обзор... 1927; Генинг, 1989). Сравнивая эти семинары, следует отметить, что московский опыт оказался более удачным. Во-первых, руководителем семинара был ученый с магистерской степенью и большим опытом преподавания марксизма. Справедливости ради следует отметить, что Владимир Максимович Фриче (1870–1925) был литературоведом и среди коллег не пользовался авторитетом (Перченко, 1991. С. 183). Во-вторых, секция социологии издавала сборник трудов, в котором были опубликованы удачные доклады (Арциховский, 1927; Брюсов, 1928; Киселев, 1928; Смирнов, 1928). В-третьих, и это, пожалуй, самое главное, аспиранты РАНИОН действительно пытались не изучать марксизм, а применять его к анализу конкретных археологических материалов.

Работа с опытными археологами велась по нескольким направлениям. Распоряжением от 24 ноября 1930 г. для сотрудников Академии были организованы консультации при Методологическом бюро. «По вопросам марксистской методологии консультирует М.В. Серебряков по вторым дням декад (2-го, 12-го, 22-го) каждого месяца от 2–4 часов. По вопросам яфетической теории консультиру-

ют по первым дням декад (1-го, 11-го, 21-го) каждого месяца Н.Я. Марр 11 числа от 4–6 часов, И.И. Мещанинов 1-го и 21-го числа от 4–6 часов. По вопросам этнографии и увязки ее с работой по истории материальной культуры консультирует Н.М. Маторин по седьмым дням декад (7-го, 17-го, 27-го) каждого месяца от 9–11 часов. Все консультации начинаются 1 декабря с. г. Сотрудники Академии приглашаются к самому широкому использованию представленной им возможности путем личной беседы с названными товарищами уяснить интересующие их вопросы» (НА ИИМК. Ф. 2. 1930. Д. 11. Л. 72). Проходили ли эти консультации в реальности, и кто их посещал, остается неизвестным.

Обсуждению тем, связанных с марксизмом, посвящались заседания секторов. Например, на заседании сектора архаических формаций 19 декабря 1930 г. в присутствии 32 человек был заслушан доклад А.В. Шмидта «Развитие взглядов Маркса на первобытное общество» (Там же. Д. 24. Л. 15–17). Выступление вызвало оживленную дискуссию, в ходе которой отмечалось, что автор «проделал громадную работу и очень нужную» (Л. 17). Наиболее активным оппонентом А.В. Шмидта оказался В.И. Равдоникас, написавший контртезисы по поводу доклада (Л. 18). В 1931 г. была опубликована их совместная работа «О развитии взглядов Маркса на первобытное общество» (Шмидт, Равдоникас, 1931).

Одной из форм учета научной работы сотрудников в декабре того же 1930 г. было объявлено «нанесение на карточки материала по определенным заранее установленным вопросам основной исследовательской тематики» (РА ИИМК. Ф. 2. 1930. Д. 11. Л. 106). В число таких вопросов входил и марксизм. Например, в плане работы группы изучения кочевого скотоводства (ИКС) целое заседание посвящено «обсуждению карточек по высказыванию классиков марксизма» (НА ИИМК. Ф. 2. 1931. Д. 17. Л. 2).

Кроме того, археологи для собственных нужд составляли указатели к работам К. Маркса и Ф. Энгельса. В архиве научного сотрудника 1 разряда Г.П. Сосновского сохранились 19 блокнотных листов с указанием страниц в работах К. Маркса и Ф. Энгельса,

на которых освещаются определенные темы: земледелие у древних германцев, азиатский способ производства и т. д. (НА ИИМК. Ф. 42. Д. 331. Л. 1–19). В 1935 г. был выпущен сборник цитат «Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин о первобытном обществе».

В 1933 г. ГАИМК начинает организацию пленумов и сессий, посвященных творчеству классиков марксизма. В 1933 г. в рамках отдельных подразделений состоялись сессии по теме «Маркс как историк», в 1934 г. был проведен пленум, посвященный изучению роли В.И. Ленина в осмыслении истории докапиталистических общественно-экономических формаций,

в 1935 г. — пленум, посвященный 50-летию выхода в свет работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В рамках каждого мероприятия было заслушано от 2 до 4 докладов, часть которых впоследствии опубликована в виде статей (Ефименко, 1934; Кричевский, 1933; Равдоникас, 1936; Струве, Флиттнер, 1936).

Таким образом, мы видим, что освоение марксистской методологии происходило на нескольких уровнях: личностном (отдельные ученые), групповом (исследовательские коллективы) и организационном (ГАИМК в целом).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алымов С.С., 2006. П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. М.

Арциховский А.В., 1927. Социологическое значение эволюции земледельческих орудий // Тр. социологической секции РАНИОН. Т. 1.

Богданов А.А., 1923. Исторический материализм и вопросы первобытной жизни // Вестник Социалистической академии. М.; Пг. Кн. 3.

Брюсов А.Я., 1928. Восстановление общественно-экономических отношений в культурах неолитического типа // Тр. секции теории и методологии РАНИОН. Вып. 2.

Генинг В.Ф., 1982. Очерки по истории советской археологии: У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е — первая половина 30-х гг. Киев.

Гофман А.Б., 2005. Семь лекций по истории социологии. М.

Дмитриев А., Левченко Я., 2001. Наука как прием: еще раз о методологическом наследии русского формализма // Новое литературное обозрение. М. № 50.

Ефименко П.П., 1934. Маркс и проблемы древнейшего периода первобытно-коммунистического общества // Изв. ГАИМК. Вып. 81.

Киселев С.В., 1928. Поселение: Социологический очерк // Тр. секции теории и методологии (социологической) РАНИОН. Вып. 2.

Кричевский Е.Ю., 1933. Взгляды Маркса на доклассовое общество // ПИМК. № 3–4.

Кушнер П.И., 1924. О первобытном коммунизме // Записки Коммунистического института им. Я.М. Свердлова. М. Т. 2.

Обзор деятельности социологической секции научно-исследовательского института археологии и искусствоведения // Тр. социологической секции РАНИОН. 1927. Т. 1.

Перченко Ф.Ф., 1991. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1.

Преображенский П.Ф., 1929. Курс этнологии. М.

Равдоникас В.И., 1936. Энгельс и проблема происхождения скотоводства в Европе // Вопросы истории доклассового общества. М.; Л.

Смирнов А.П., 1928. Социально-экономический строй восточных финнов IX–XIII веков нашей эры // Тр. секции теории и методологии РАНИОН. Т. 2.

Струве В.В., Флиттнер Н.Д., 1936. Энгельс и история техники Древнего Востока // История техники. М.; Л. Вып. 5.

Формозов А.А., 2004. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М.

Шмидт А.В., Равдоникас В.И., 1931. О развитии взглядов Маркса на первобытное общество // Изв. ГАИМК. Т. XI. Вып. 5–6.

Я.М. Паромов
Институт археологии РАН, Москва

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ В ГАИМК В 1930–1931 гг.

Движение ударников возникло и быстро охватило широкие слои рабочего класса в годы первой пятилетки (1929–1932). Оно стало основной формой социалистического соревнования в промышленности и на транспорте. Осуществление коллективизации создало условия для развертывания социалистического соревнования в деревне.

В 1930 г. движение ударников охватило колхозы и совхозы.

БСЭ.

В архивах есть всё!

Девиз И.В. Тункиной

Около 30 лет назад, работая в Архиве ГАИМК с материалами Таманской экспедиции 1930–1931 гг., я наткнулся на обрывки машинописного текста. Они не относились к экспедиции, а были использованы в подсобных целях — как «обложечки» или «обхваточки» для разных мелких бумаг (справок, квитанций, счетов и т. д.). Было понятно, что эти обрывки являлись когда-то одним документом, состоявшим из двух страниц. Первую можно было восстановить целиком, от второй сохранилась только половина. Удивительнее всего было содержание текста. Судите сами.

«Тов. РАВДОНИКАС, объявляя себя ударником, вызывает на социалистическое соревнование следующих товарищей по нижеперечисленным пунктам:

По пункту I-му “Вполне закончив /включая подготовку к печати/ с применением подлинно марксистской методологии по крайней мере одну научную конкретную или методологического характера, увязанную с общей коллективной работой Академии. Марксист-

ское качество работы должно быть апробировано методологическим бюро Академии”.

— ВСЕХ ЖЕЛАЮЩИХ

по пункту 2-му “закончить первичную обработку всех материалов из экспедиции 1930 г. /механическая обработка, реставрация, рисунки, чертежи, фотографии, оформление дневника для печати/ не позднее I-го февраля”.

— ВСЕХ БЫВШИХ В ЭКСПЕДИЦИЯХ 1930 г.

“персонально по обработке материала Карельской экспедиции” 1930 г. — Б.А. КОИШЕВСКОГО.

по пункту 3-му “ликвидировать все старые «полевые хвосты»”.

— ВСЕХ ИМЕЮЩИХ НА РУКАХ НЕЛИКВИДИРОВАННЫЕ ПОЛЕВЫЕ ХВОСТЫ

по пункту 5-му “Произвести детальный классовый марксистский анализ по крайней мере одного из крупных направлений в буржуазной историко-археологической науке с тем, чтобы результаты сообщить в форме до-

клада. Аprobация должна быть дана Методологическим Бюро”.

— дать такой же анализ: т. АРТАМОНОВУ — школы Кондакова и Айналова, т. ШУЛЬЦУ — школы Фармаковского; тов. ЗАМЯТНИНУ — всей русской палеоэтнологической школы; тов. ЗУСЕРУ — школы Ростовцева; т. ЗОЛОТАРЕВУ — школы Мортилье; т. ХУДЯКОВУ — Смирновской школы в финноугроведении; т. ДИНЦЕСУ — всей Уваровской эпохи; т. ТРЕТЬЯКОВУ — Самоквасова, Антоновича и споследующих авторов по русским славянам, т. БОГАЕВСКОМУ — дать исчерпывающую критику типологического (sic!) метода на конкретном материале; т. А.В. ШМИДТУ — конкретно осветить формальную методологию. Предполагаю и подчеркиваю коллективное выполнение данного пункта соревнования — каждому из...

На этом первая страница заканчивалась. Начало второй отсутствовало. Нижняя половина содержала следующее:

«время.

По пункту 7-му. “Сдать в печать хоть одну популярно-научную или антирелигиозную статью. Закончить первый опыт археологической культурно-просветительской фильмы под названием «Норманны в Приладожье». Провести по крайней мере 10 лекций или бесед в рабочих или крестьянских массах.

— КАЖДОМУ конкретно определить формы и объем своей массовой работы.

ВНЕ ПУНКТОВ, НО В ПОРЯДКЕ ПУНКТА I-го.

т. А.А. МИЛЛЕРА — разработать и изложить для печати критическую, социологически-обусловленную методику археологических раскопок.

т. ЕФИМЕНКО дать, наконец, для печати обзор русского палеолита».

Документ не имел заголовка и не был подписан. Однако по общей технической небрежности можно предположить, что он не был исполнен профессиональной машинисткой. Вероятно, его печатал сам В.И. Равдоникас, причем, как говорится, «единым духом». В «пункте 1» пропущено слово, означающее,

что, собственно, должны были совершить «все желающие» принять участие в социалистическом соревновании, пропущен «пункт 4», в конце «пункта 5» присутствует символическая опечатка и т. д. Все имена приведены без инициалов, за исключением трех случаев, где они поставлены, скорее всего, сознательно, однако по трудно объяснимым причинам. Таков стиль этого «вызова», брошенного «ударником Равдоникасом» притихшему академическому сообществу в конце 1930 г.

В наше время трудно оценить «научную новизну и практическую значимость» этого документа, его «актуальность». Еще труднее выявить его истинные «цели и задачи». Для этого надо представить события и лица такими, какими они были в те далекие, по общему определению П.И. Борисовского, «годы бури и натиска». Вспомним некоторые обстоятельства тех лет. Датой «начала большого сдвига в работе Академии» был первый год пятилетки (1929), в который со своих постов были сняты оба вице-президента, академики С.А. Жебелев и В.В. Бартольд. «На археологический участок были брошены партийные силы», руководящие посты заняли Ф.В. Кипарисов (бывший профсоюзный деятель) и С.Н. Быковский (бывший сотрудник ЧК). По мнению А.А. Формозова, в том же призыве был и В.И. Равдоникас (Формозов, 1996. С. 198). В 1929 г. была проведена «чистка» коллектива ГАИМК «от классово-чуждых элементов», в процессе которой было уволено 60 человек — более половины сотрудников. Совершенно очевидно, что Академии истории материальной культуры в том качестве, в каком она существовала в предшествующее десятилетие, больше не стало. Для Академии и для археологии в целом это были трагические события.

Оба заместителя председателя — и член ГАИМК Ф.В. Кипарисов, и ученый секретарь С.Н. Быковский — не имели специальной подготовки (хотя первый и прошел университетский курс) и научных публикаций, т. е. в конце 1930 г. они не были известны научной общественности как работники, а только как поставленные «сверху» администраторы. Положение В.И. Равдоникаса существенно отличалось. Не занимая административных должностей, он выдвинулся как идеологи-

ческий лидер. Именно университетское образование (1918–1923, ученик А.А. Спицына и Н.Я. Марра) позволило ему выступить в 1929 г. в ГАИМК с программным докладом, ставшим — под названием «За марксистскую историю материальной культуры» (Равдоникас, 1930) — его главной работой. По объему (94 с.) она больше суммы всего опубликованного им на русском языке о древностях Тихвинского края (1924; 38 с.), норманнах в Приладожье и готах в Крыму (10 заметок и небольших статей, см.: Библиография 1918–1940). При этом свою археологическую «визитную карточку» — раскопки курганов Приладожья в 1924, 1928–1929 гг. — он опубликовал в Швеции на немецком языке (Raudonikas, 1930. 151 с.). Спрашивается, почему не на родине, не на русском языке? По мнению А.В. Арциховского, большую часть «немецкой книги» составляли «протокольные» отчеты о раскопках (Арциховский, 1931. С. 31, 32). В своем отзыве он предъявил к ним серьезные претензии, касавшиеся методики исследований — стенок раскопов, «похожих на обвалы», и плохо расчищенных костяков. В «Ответе» Арциховскому В.И. Равдоникас (1931а) ни словом не обмолвился об этой стороне критики. Очевидно, русская публикация слабых в методическом отношении раскопок была для него нежелательной. Она подрывала бы весь пафос «марксистской методологии», стало бы ясно, что «король не слишком-то одет».

В конце 1930 г. социалистическое соревнование в научной среде было явлением неслыханным. Додуматься до этого мог лишь лукавый и очень изощренный ум. В этом В.И. Равдоникасу, безусловно, принадлежит первенство. Не следует, однако, обманываться тем, что за всеми его словами скрывался хотя бы какой-то подлинный соревновательный элемент. Никакого соревнования там не было и нет. В первом же пункте «Вызова» предписано «всем желающим» в обязательном порядке предъявить свои научные разработки в Методологическое бюро ГАИМК все тому же В.И. Равдоникасу (члену этого Бюро), чтобы он оценил их «марксистское качество». Таким образом, без всякого «соревнования» В.И. Равдоникас знал, кто будет «победителем». Видимая всем сторона

его карьеры строилась на присвоении права идеологической инквизиции, запугивании и власти. Была и невидимая сторона его стремительного карьерного продвижения. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранится тетрадный листок в клеточку, на котором карандашом написано:

«7/III, 10 час. 30 мин. вечера

Владислав Иосифович!

Мне звонил по телефону Борис Николаевич о следующем. Д.А. Золотарев сегодня едет в Карелию от КЭИ для обсуждения вопросов, связанных с Карельской экспедицией и для отчетного доклада об экспедиции 1929 года. Так как у него в удостоверении обозначено, что он — сотрудник КИПС, то по мнению Бориса Николаевича хорошо бы было для подрыва репутации Золотарева послать телеграмму Линевскому такого, примерно, содержания: “Золотарев отстранен (от) руководства Европейским отделом КИПС”, чтобы в Карелии знали о том, что карьера Золотарева подорвана. Сделано пред[ста]вление в Президиум Академии об отчислении Золотарева вовсе от КИПСа, но это представление через Президиум Академии еще не прошло (будет там обсуждаться 10/III, поэтому еще нельзя послать такой телеграммы “Золотарев в составе КИПСа больше не числится”).

Телеграмму Линевскому следует послать срочно, так как Давыд будет в Петрозаводске завтра (8/III) и будет делать доклад уже в 1 час дня. Если Вы найдете целесообразным такую телеграмму (об отстранении от руководства Европ. отделом) послать, то посылайте. Это будет хороший щелчок по Золотареву, который ведет себя подло. Последние дни он униженно просит у нас о том, чтобы его оставили на службе в Академии.

С приветом Ваш М. Худяков»

(СПФ АРАН. Ф. 1049. Оп. 3. № 188).

Это послание на полгода предшествовало событиям, связанным с «социалистическим соревнованием». В нем говорится о Давиде Алексеевиче Золотареве (1885–1935), российском антропологе и этнографе, происходившем из семьи священника, ученике Ф.К. Волкова (Вовка), учившемся антропологии и этнологии в Париже (Сорбонна и Рус-

ская технологическая школа), географии и антропологии — на естественном отделении физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. С 1918 г. он был профессором этого университета, а также Петербургского археологического института и других высших учебных заведений. До рокового в его жизни 1930 г. Д.А. Золотарев работал в Этнографическом отделе Русского музея хранителем, членом правления и заведующим отделением русско-финской этнографии; с 1921 по 1930 г. заведовал Европейским отделом Комиссии АН по изучению племенного состава населения России и сопредельных территорий (КИПС); в те же годы возглавлял ряд экспедиций, в том числе Северо-Западную (Карельскую) этнологическую экспедицию. В полевом сезоне 1930 г. этой экспедицией руководил уже В.И. Равдоникас (1931б). Когда я читал записку М.Г. Худякова, в голове у меня стучало: «Боже мой! Опомнитесь, что же Вы делаете! Не ройте яму, Михаил Георгиевич! Ведь через каких-нибудь шесть лет Вас расстреляют, а Владислав Иосифович печатно заклеят “вредителя Худякова”» (СА. 1937. № 3. С. VII). Увы, судя по последним словам в записке, им удалось сломить Д.А. Золотарева. В 1930 г. его арестовали первый раз, в 1933 г. — второй. Умер он в заключении. В «критических» заметках тех лет его называют буржуазным и антисоветским этнографом, великорусским шовинистом, совершившим ряд вредительских актов. Авторами их были С.Н. Быковский, Н.М. Маторин и М.Г. Худяков (СЭ. 1931. № 1–2. С. 27–29; № 3–4. С. 4; 1932. № 1. С. 118; № 2. С. 138). Более 70 лет имя его нигде не упоминалось, даже в «Советской исторической энциклопедии», вышедшей в 1964 г., хотя в 1956 г. он был реабилитирован. В новой энциклопедии, наряду с подробными сведениями, о нем говорится как об основоположнике современного изучения антропологического и этнического состава населения Северо-Западной России (БРЭ, 2008. С. 527).

Во втором пункте «вызова на социалистическое соревнование» персональное внимание уделено Борису Андреевичу Коишевскому (1902 — ?). Его имя упомянуто с инициалами, возможно потому, что он занимался обработкой материалов Карельской экспедиции

(отнятой В.И. Равдоникасом у Д.А. Золотарева). Беспокойство нового начальника легко понять, однако, скорее всего, оно было напрасным. Отчет о раскопках с фотографиями скандинавских вещей был опубликован им уже в марте 1931 г. (Равдоникас, 1931б). Это свидетельствует о том, что Б.А. Коишевский справился со своей работой в срок. Следует сказать об этом человеке несколько слов. Он происходил из дворянской семьи, с 1920 г. был музейным работником, знал немецкий язык, в 1924 г. прошел «чистку» в ЛГУ. Самостоятельными исследованиями (разведками в Псковской и Ленинградской областях) занимался с 1927 г., имел две публикации (Библиография 1918–1940. № 4109, 4110). В ГАИМК поступил в 1930 г., в мае 1935 г. был арестован и сразу уволен, скоро освобожден, восстановлен на работе и снова уволен с формулировкой «за отсутствием нужной работы» (личное дело: Архив ИИМК РАН, арх. 35, 2.3.275). Незадолго до ареста, в 1934 г., он занимался обработкой материалов из раскопок Н.И. Репникова 1909–1913 гг. в Старой Ладоге, позднее опубликованных в сборнике статей под редакцией В.И. Равдоникаса (Старая Ладога. Л., 1948). Вероятно, после 1935 г. Б.А. Коишевский уехал (или был выслан) в Башкирию, с археологией которой связана еще одна его публикация (Коишевский, 1948).

Главная и самая драматическая картина разворачивается, безусловно, в пятом пункте «вызова», где В.И. Равдоникас якобы призывает, а по сути дела обязывает, молодых сотрудников и аспирантов ГАИМК «произвести детальный классовый марксистский анализ крупных направлений в буржуазной историко-археологической науке». Замысел и размах поражают. Было предписано громить:

1) М.И. Артамонову — школу акад. Н.П. Кондакова и чл.-корр. Петерб. АН Д.В. Айналова;

2) П.Н. Шульцу — школу чл.-корр. Петерб. АН Б.В. Фармаковского;

3) С.Н. Замятнину — «всю русскую палеоэтнологическую школу» (имелся ли в виду только акад. Укр. АН Ф.К. Волков, или чл.-корр. Петерб. АН А.П. Богданов тоже, — сказать трудно);

4) С.А. Семенову-Зусеру — школу акад. М.И. Ростовцева;

5) А.М. Золотареву — школу проф. Г. де Мортилье;

6) М.Г. Худякову — «Смирновскую школу финноугроведения» (вероятно, имелся в виду А.П. Смирнов);

7) Л.А. Динцесу — «всю Уваровскую эпоху»;

8) П.Н. Третьякову — школу проф. Д.Я. Самоквасова и чл.-корр. Петерб. АН В.Б. Антоновича;

9) Б.Л. Богаевскому — «дать критику типологического метода»;

10) А.В. Шмидту — «осветить формальную методологию».

Какие же направления историко-археологической науки следовало подвергнуть «классовому марксистскому анализу» как «буржуазные»? Если посмотреть на имена, то можно представить, что это были история византийского искусства, истоки византийской изобразительной культуры, история русского монументального искусства, античная археология Северного Причерноморья, история античного искусства, палеоэтнография и этнография народов России, этнографическое картирование, палеолит Украины, скифская археология, история и археология Боспора, эллинизм и иранство на юге России, классическая периодизация палеолита, археология финно-угорских племен, Волжская Булгария, нумизматика, энеолит Украины, наконец, «Уваровская эпоха», т. е. все связанное с пятнадцатью Археологическими съездами, и многое другое.

Во всем этом поражает совершенное отсутствие чувства историзма, уважения к предшественникам и русской науке. Вероятно, это чувство у В.И. Равдоникаса было атрофировано. И если бы он собирался рушить своды отечественной науки в одиночку, то, как говорится, и Бог бы с ним... — ничего бы он с этими сводами не смог сделать, даже своей «марксистской» пешней (поцарапал бы — и только). Однако замысел его был иным, при этом вполне соответствовавшим «текущему моменту»: надо было втянуть молодых, испачкать их в общем грязном деле, создать «кублo». Постараемся проследить, как далее развивалось это «социалистическое соревнование», какое влияние на судьбы ученых оно оказало.

1. Михаил Илларионович Артамонов (1898–1972), один из создателей советской археологии, известен прежде всего большим вкладом в изучение истории и культуры скифов, истории средневековых кочевников и происхождения славян. Трудно представить его «критиком» школы Н.П. Кондакова и Д.В. Айналова, однако, с некоторой точки зрения, он мог подходить для этой роли. Начало его жизни и первые шаги в науке были весьма необычны. Имея крестьянское происхождение, он с девяти лет проживал в Петербурге. Окончив начальную школу, училище и общеобразовательные курсы, получил аттестат зрелости и поступил на работу в страховое общество. В 1916 г. вместе со сверстниками был призван в армию, участвовал в тяжелых боях, в феврале 1917 г. был избран солдатским депутатом, а в конце того же года переведен в Петроград руководителем национализированного Международного банка. В 1918 г., переболев тифом, М.И. Артамонов уехал на родину, в Тверскую губернию, где в городе Красный Холм заведовал отделом дошкольного образования, работал учителем, директором начальной школы, серьезно увлекся русской архитектурой и живописью, создал (при консультации проф. Д.А. Золотарева, о котором говорилось выше) Бюро по изучению местного края. В 1921 г. вернулся в Петроград и поступил одновременно во ВХУТЕМАС (на живопись) и в Археологический институт (присоединенный потом к университету). В студенческие годы его учителями были профессора А.А. Спицын, Н.П. Сычев, А.А. Миллер и Д.В. Айналов. Целиком сосредоточившись на университетских занятиях, в 1924 г. он окончил курс, был оставлен при университете ассистентом, но вскоре переведен в ГАИМК. В 1926 г. поступил в аспирантуру ГАИМК (к Н.П. Сычеву и А.А. Миллеру), по окончании которой в 1930 г. был зачислен в штат Академии старшим научным сотрудником. Первой экспедицией М.И. Артамонова была этнографическая (1922 г., с Д.А. Золотаревым на Верхнюю Волгу), в 1926–1927 гг. он участвовал в Северо-Кавказской экспедиции А.А. Миллера, первые самостоятельные исследования (разведки на Нижнем Дону) провел в 1929 г. Две первые публикации были посвящены русской архитектуре (1926) и мо-

нументальной живописи XII–XIII вв. (1929), в рассматриваемое время готовилась третья — о миниатюрах Кенигсбергской летописи (1931) (Библиография 1918–1940; Клейн, 1968; АСА. Т. II. С. 229, 230; Плетнева, 1998).

По мнению С.А. Плетневой, эти первые, хотя и очень серьезные историко-искусствоведческие работы, очевидно, не увлекли М.И. Артамонова. Однако выбор пути имел, скорее всего, иные причины. В то время был репрессирован один из двух его учителей — Николай Петрович Сычѳв (1883–1964), профессор университета по кафедре русского искусства, блестящий знаток и реставратор древней живописи и архитектуры, директор Русского музея и член ГАИМК, создатель музейного собрания икон (в свою очередь — ученик Н.П. Кондакова и Д.В. Айналова). В 1930 г. его арестовали первый раз, в 1933 г. — второй, и в 1948 г. — третий. В том же 1948 г. по ходатайству академиков И.Э. Грабаря и А.В. Щусева он был освобожден с ограничением по жительству. Следует сказать, что после освобождения он возглавил реставрацию памятников архитектуры Владимира, а с 1954 г., после снятия судимости, работал в Москве, где реставрировал храм Василия Блаженного. В те годы его учеником был С.В. Ямщиков (2008. С. 196–219). Можно предположить, что 1930 г. был одним из самых тяжелых в жизни М.И. Артамонова, хотя, по словам С.А. Плетневой, ему неоднократно доводилось близко подходить к рубежам, от которых редко возвращались коснувшиеся их (Плетнева, 1998. С. 202). Он избегал трагического конца, оставшись при этом глубоко порядочным человеком. Разумеется, он не принимал участия в «социалистическом соревновании», затеянном В.И. Равдоникасом, и не порочил ни имени, ни памяти своих учителей.

2. Павел Николаевич Шульц (1900–1983), крупный советский археолог и искусствовед, исследователь позднескифской и кизил-кобинской культур, древностей тавров, а также скифских и сарматских изваяний. Родился в Петербурге, в семье ученого-ботаника и университетского преподавателя. В 1918 г. закончил среднюю школу и посту-

пил на историко-филологический факультет, но вскоре прервал занятия, уйдя в Красную Армию. По возвращении, с 1921 г., продолжил обучение в университете, специализируясь по археологии и искусству древнего мира у Б.В. Фармаковского и О.В. Вальдгауера. Окончив курс в 1923 г., более двух лет работал в Отделе древностей Государственного Эрмитажа под руководством О.В. Вальдгауера. В 1926 г. был принят в аспирантуру ГАИМК к Б.В. Фармаковскому, по окончании которой в 1929 г. был зачислен в штат Академии старшим научным сотрудником. К концу 1930 г. П.Н. Шульц приобрел значительный полевой опыт, приняв участие в нескольких экспедициях: Северо-Кавказской А.А. Миллера (1924, 1928), Северо-Западной П.П. Ефименко (1927–1929), Ольвийской (1926, 1929–1930). Первые самостоятельные исследования (разведки на Верхней Волге) относятся к 1925–1926 гг. Первые публикации были посвящены археологическим исследованиям в Ржевском уезде (1926) и портретной скульптуре Антониновской эпохи (1929) (Библиография 1918–1940; Щеглов, 1984).

Если вспомнить, что в рассматриваемое время на могиле Б.В. Фармаковского (1870–1928) еще, как говорится, и земля не осела, а брат покойного — член ГАИМК М.В. Фармаковский — в 1930 г. был арестован и выслан, то стремление В.И. Равдоникаса навязать П.Н. Шульцу «марксистский анализ» школы его учителя выглядит на редкость цинично, даже как-то глумливо. Следует сказать несколько слов о его дальнейшей судьбе. Из ГАИМК ему пришлось уйти. В начале 1930-х гг. П.Н. Шульц занимался археологией Крыма и хорой Ольвии, в 1936–1941 гг. преподавал в Академии художеств в Ленинграде. На войну ушел добровольцем с университетским отрядом, воевал, был ранен, обморожен (на руках все пальцы пришлось ампутировать). После госпиталя несколько лет работал в Москве, в ИИМК и ГМИИ. Вся послевоенная научная и организационная деятельность П.Н. Шульца была связана с Крымом, где он создал современную школу крымской археологии и возглавлял ее в течение 20 лет, до возвращения в 1966 г. в Ленинград, куда был

приглашен для руководства Группой античной археологии ЛОИА (Щеглов, 1984; АСА. Т. II. С. 227, 228; Пиотровский, 1995. С. 184, 185).

3. Сергей Николаевич Замятнин (1899–1958), один из ведущих специалистов в области первобытной археологии, получивший признание в мировой науке. Родился в г. Павловске Воронежской губернии, в семье мелкого чиновника. Окончил губернскую гимназию и Воронежское отделение Московского археологического института (1920). С 1915 г. работал в Воронежском музее практикантом, научным сотрудником, заведующим археологическим отделом. После революции был губернским инструктором по делам музеев и охране памятников, служил в архивном управлении и преподавал в оконченном им ранее высшем учебном заведении. С 1915 г. участвовал в археологических исследованиях Воронежской Архивной Комиссии (раскопки Частых курганов, разведки в Павловском и Боровском уездах, изучение стоянок каменного века, курганов эпохи бронзы, могильников и городищ салтово-маяцкого времени). В 1922 г. провел первые после революции раскопки двух палеолитических стоянок в Костёнках. В 1924 г. переехал в Ленинград, работал в ГАИМК. В 1926–1929 гг., обучаясь в аспирантуре у А.А. Миллера и П.П. Ефименко, проводил широкие самостоятельные исследования памятника мустьерского времени — Ильинской стоянки, и открытой им Гагаринской стоянки на Дону, ставшей важнейшим явлением тех лет в связи с находкой остатков жилища и серии женских статуэток. К концу 1930 г. С.Н. Замятнин имел 15 печатных работ, опубликованных на родине и за рубежом (Формозов, 1959; АСА. Т. II. С. 226; Праслов, 1999; БРЭ, 2008. С. 229).

Попытка вовлечь С.Н. Замятнина в число участников «социалистического соревнования» вызывает недоумение как с точки зрения общей неопределенности задания — «дать марксистский анализ всей русской палеоэтнологической школы», — так и с точки зрения выбора его исполнителя. Почему В.И. Равдоникас остановился на Замятнине? И тогда, и позже тот был очень далек от любой суеты. Знавшие его поражались блестящему владению всем колоссальным фондом мировой и

русской археологии, широте его кругозора. При этом он был совершенно лишен тщеславия. Оставаясь всю жизнь кандидатом наук, он был равен по своей значимости П.П. Ефименко и Г.А. Бонч-Осмоловскому, заняв почетное место в истории нашей науки (Формозов, 1959. С. 145, 146; Праслов, 1999. С. 9).

4. Семен Анатольевич Семенов-Зусер (1887–1951), археолог, профессор Харьковского университета. Родился в г. Павлограде Екатеринославской губернии, в семье учителя. В 1907–1914 гг. учился в Петербурге, в лесном и Археологическом институтах, с 1915 г. преподавал на Знаменских курсах. После революции несколько лет провел на юге России. В 1920–1921 гг. занимался раскопками городища и некрополя Ольвии. В 1926 г. вернулся в Ленинград и до 1929 г. преподавал в университете и нескольких вузах. В 1929–1933 гг. работал хранителем в музее антропологии и этнографии АН СССР и, по совместительству, в ГАИМК. В 1930–1933 гг. проводил раскопки в Крыму, исследуя дольмены и другие мегалитические сооружения (экспедиции МАЭ АН СССР). До 1931 г., несмотря на свой возраст, по публикациям практически не был известен (Библиография 1918–1940; Шрамко, 1952).

В 1931 г. им были опубликованы «Отчет о раскопках в Ольвии в 1920–1921 гг.» (ИГАИМК. Т. X. Вып. 5) и «Родовая организация у скифов Геродота» (ИГАИМК. Т. IX. Вып. 1). Обе работы подверглись критике. Первая — со стороны А.П. Круглова, за методику и фиксацию исследований (СГАИМК. 1932. № 1–2. С. 67–68), вторая — В.И. Равдоникаса (СГАИМК. 1931. № 9/10. С. 20–27) и О.О. Крюгера (СГАИМК. 1932. № 5–6. С. 70–73). В результате подробного разбора оба рецензента «Родовой организации...» пришли к выводу о крайней слабости работы. С.А. Семенов-Зусер показал, таким образом, собственную непригодность к «марксистскому анализу школы Ростовцева», хотя ранее проявил готовность к действиям, клеймя С.А. Жебелева в прениях по докладам о двух академиков (Е.В. Тарле и С.Ф. Платонове), организованных Ленинградским отделением Коммунистической Академии и Обществом историков-марксистов (Формо-

зов, 2004. С. 197). После этого активность С.А. Семенова-Зусера сошла на нет и он снова уехал на Украину, где с 1937 г. до конца жизни заведовал кафедрой древней истории и археологии Харьковского университета.

5. Александр Михайлович Золотарев (1907–1943), этнограф. Родился в г. Елисаветграде Херсонской губернии, в семье инженера. С 1921 г. проживал в Москве. В 1926 г. поступил в Институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, который оставил, увлекшись изучением первобытной культуры. В 1930–1932 гг. учился в аспирантуре ГАИМК, в секторе архаической формации (доклассового общества). В аспирантские годы опубликовал три статьи — «Проблема австралийской культуры» (СГАИМК. 1931. № 2), «Общественные отношения дородовой коммуны» (в сб. «Первобытное общество». М., 1932) и «Кардинал Шмидт и Отмар Шпанн» (СГАИМК. 1932. № 1–2), а также сделал три доклада — о первобытном коммунизме, роли женского труда в охотничьем хозяйстве и происхождении рода (СГАИМК. 1932. № 1–2. С. 70, 71; № 11–12. С. 74). Никакого «марксистского анализа школы Мортилье» в его работах не содержалось. Третья из упомянутых статей имела подзаголовок «К вопросу о классовых корнях культурно-исторической школы» и была посвящена самостоятельному анализу современных течений в западноевропейской науке, без ссылок на В.И. Равдоникаса и «марксистскую историю материальной культуры». Вероятно, это явилось причиной, по которой в 1932 г. он вернулся в Москву. Судьба его сложилась трагически. С 1932 г. до войны (с перерывом в 1937–1939 гг.) работал в Московском отделении ГАИМК, Институте и музее антропологии МГУ, преподавал в ИФЛИ, Коммунистическом университете. В 1937–1939 гг., будучи уволенным из МО ГАИМК «за сочувствие троцкистской оппозиции», преподавал в Воронежском педагогическом институте. В 1934, 1936 и 1940 гг. возглавлял этнографические экспедиции на Амур и в Западную Сибирь. Опубликовал в общей сложности 25 работ — лекции по истории первобытного общества, труды по этнографии и археологии Сибири, рецензии. Статья «Каменный век» в БСЭ (первое издание)

была написана им. В 1941 г. А.М. Золотарев ушел в ополчение, попал в плен, бежал и вернулся в строй. В 1942 г. арестован и осужден. Умер в лагерях (Ухта). В новой энциклопедии о нем говорится как об одном из первых отечественных ученых, изучавших теоретические проблемы первобытного общества и религии, в его работе по дуальной организации предвосхищены идеи структурализма (Библиография 1918–1940; БРЭ, 2008. С. 526, 527).

6. Михаил Георгиевич Худяков (1894–1936), археолог. Родился в г. Малмыж Вятской губернии. Окончил Казанский университет, до 1926 г. жил и работал в Поволжье. Публиковаться начал до революции. Первые работы были посвящены древностям Малмыжа, Болгарам и Биляру. В 1926 г. поступил в аспирантуру ГАИМК по доисторической археологии. В 1920-е гг. активно печатался (в рассматриваемое время имел 35 работ научного и научно-популярного содержания). С 1930 г., после создания в ГАИМК «марксистского» Методологического бюро, стал ближайшим помощником В.И. Равдоникаса. Особую агрессивность проявил в Русском музее в кампаниях по проработке «руденковщины» и «золотаревщины». Включение М.Г. Худякова в список участников «социалистического соревнования» было, разумеется, своего рода игрой. Судя по публикуемому в данной статье документу (вечерней записке), В.И. Равдоникас знал, что он заранее готов «дать марксистский анализ Смирновской школы в финноугроведении». Об этом свидетельствуют также его статьи, доклады, выступления в дискуссиях и «проработках» тех лет и более позднего времени. В 1935 г. по рекомендации В.И. Равдоникаса, бывшего к тому времени членом двух аттестационных комиссий (ГАИМК и АН СССР), М.Г. Худяков стал доктором исторических наук. В 1936 г. жизнь его оборвалась. Он был арестован и через три месяца расстрелян как террорист (позже объявлен вредителем). Следует отметить, что в последние годы возрос интерес к некоторым его работам, таким как «Очерки по истории Казанского ханства», переизданным в 1991 г. в Москве (СЭ. 1931. № 1–2. С. 167–169; СГАИМК. 1932. № 3–4. С. 77; СЭ. 1932. № 2.

С. 138; СА. 1937. № 3. С. VII; Библиография 1918–1940; Формозов, 2004. С. 62, 106, 211, 248).

7. Лев Адольфович Динцес (1895–1948), археолог и искусствовед (крупнейший специалист по истории русского народного искусства). Родился в г. Вильно, в семье врача. Окончил Киевский коммерческий институт (1920), где был оставлен для научной работы. В 1923 г. сдал магистерские экзамены по археологии, до 1924 г. вел курсы по трипольской культуре и эпохе бронзы. В 1924 г. переехал в Ленинград. С 1925 до 1928 г. был сотрудником Государственного музейного фонда, работая в пригородных музеях-дворцах Петергофе и Александрии. В эти же годы состоял научным сотрудником Эгейской комиссии ГАИМК, председателем которой был Б.Л. Богаевский, но вскоре перешел в разряд палеоэтнологии. В 1928–1930 гг. проходил курс в аспирантуре ГАИМК по археологии дорожого общества. Исследовал неолитическую стоянку в Токсове под Ленинградом и, вместе с С.Н. Замятниным, стоянку Отрожки в Воронеже (1927). Две первые публикации посвящены прочерченному трипольскому орнаменту культуры А (1929 — часть большого исследования, оставшегося неопубликованным) и стоянке в Токсове (1929).

Уйти из археологии, по мнению А.А. Формозова, его заставили перемены в ГАИМК. Вероятно, большую роль в этом сыграло «социалистическое соревнование», в котором, по сценарию В.И. Равдоникаса, ему предстояло «дать марксистский анализ всей Уваровской эпохи». Как говорится, слуга покорный... По окончании аспирантуры он ушел в Русский музей, где организовал Отдел народных художественных ремесел и заведовал им вплоть до эвакуации из Ленинграда. Перед войной, в июне 1941 г., он защитил кандидатскую диссертацию во Всероссийской академии художеств, а весной 1942 г., совершенно больного, его вывезли из Ленинграда в Елабугу вместе с последними сотрудниками ИИМК. В 1944 г. он вернулся, преподавал в ЛГУ на Отделении истории искусств и работал над докторской диссертацией, которую окончить не успел. Нельзя не сказать, что близко знавшие его М.И. Артамонов, С.Н. Замятин и Н.Н. Воронин всегда вспоминали о нем как об очень яр-

ком, одаренном человеке (СГАИМК. 1926. Т. I. С. 29; Воронин, 1949; Бломквист, Каменская, Фалеева, 1949; Библиография 1918–1940; Формозов, 2004. С. 207).

8. Петр Николаевич Третьяков (1909–1976), известный археолог и историк, занимавшийся происхождением и ранней историей восточных славян, балтов и финнов. Родился в г. Костроме, в семье преподавателя гимназии. Еще школьником участвовал в раскопках В.И. Смирнова и В.А. Городцова. В 1926–1930 гг. учился в ЛГУ, на факультете языка и истории материальной культуры (истфак). С 1928 г. работал в ГАИМК в секторе архаической формации. Ученик П.П. Ефименко, участник его экспедиции в Чувашию и на Верхний Дон (1930). К концу 1930 г. не имел еще ни одной публикации. Первые печатные труды вышли в 1931 г. и были посвящены костромским курганам VIII–X вв., исследованиям и материалам упомянутой Средне-Волжской экспедиции 1930 г., первое выступление на секторе (в группе архаического земледелия) — костромским курганам. Ни в этих, ни в более поздних работах критика Д.Я. Самоквасова, В.Б. Антоновича и «споследующих авторов по русским славянам» не присутствовала. Более того, сравнительно скоро П.Н. Третьяков сам стал одним из этих «споследующих авторов». В 1933 г. Третьяков возглавил Верхневолжскую ново-строечную экспедицию ГАИМК. Результаты ее исследований были изданы в виде монографии, защищенной в качестве докторской диссертации (1941). В 1958 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР. В последние годы проводил широкие раскопки на севере Украины, в Белоруссии и на Смоленщине, выпустил ряд монографий по финно-уграм, балтам, славянам на Днестре и Волге, а также по раннеславянским памятникам этого региона (СГАИМК. 1931. № 6. С. 36; Библиография 1918–1940; СА. 1977. № 1. С. 323, 324; АСА. Т. II. С. 218, 219).

9. Борис Леонидович Богаевский (1882–1941), искусствовед широкого профиля, писал труды о крито-микенской культуре, восточном искусстве и археологии (от Индии до Китая и Японии), ученик Ф.Ф. Зелинского. Представитель «старой школы» (степень магистра получил еще до революции). В 1916–

1918 г. работал хранителем музея Пермского университета. В штатном расписании ГАИМК числился ученым сотрудником Разряда Греко-римского искусства Художественно-исторического отделения. Был председателем небольшой, сугубо специфической Эгейской комиссии, название которой не вполне отвечало задачам, т. к. сотрудники ее занимались исследованием орнамента керамики трипольской культуры. На общих собраниях Академии Б.Л. Богаевский выступал с докладами (речами) о древнейших связях Востока и Запада (1926) и древнеминойском Крите (1927). Печатался с 1907 г. В рассматриваемое время был автором 19 опубликованных работ. Перестройка в ГАИМК давалась ему с трудом. Но положение было безвыходным. Как и многим, ему пришлось «вооружаться марксистско-ленинской методологией», писать о базисах и надстройках, цехах и разделении труда применительно к древнему обществу. В то же время, вовсе отрешиться от привычных подходов (классификации и типологии) не представлялось возможным. На этой почве уличить его в слабости было не сложно. По навязываемым условиям «социалистического соревнования», он должен был «дать исчерпывающую критику типологического метода на конкретном материале». Исполнением этого наказа была, вероятно, работа «Археология на службе у японского империализма» (1932). Среди 32 более поздних работ есть еще три аналогичные по названиям статьи, написанные, как говорится, не от хорошей жизни. Вряд ли он был «дипломированным лакеем». Вероятно, он был человеком другой душевной культуры, скорее всего, мягким и добрым. Б.Б. Пиотровский вспоминал, что когда Н.Я. Марр решительно отказался принимать у него в студенческие годы зачет, он обратился к Б.Л. Богаевскому с просьбой помочь и поговорить с академиком. В итоге, как всем известно, все разрешилось к лучшему (СГАИМК. 1926. Т. I. С. 28, 327; 1929. Т. II. С. 10, 11, 366; Библиография 1918–1940; Пиотровский, 1995. С. 57; Библиография 1900–1917; Формозов, 2004. С. 46, 47, 246; Колпаков, Стабровский, 2006. С. 8).

10. Алексей Викторович Шмидт (1894–1935), специалист по первобытной и средневековой археологии Прикамья и Приуралья. На-

учную деятельность начинал как египтолог. В 1916 г. окончил историко-филологический факультет Петроградского университета, был оставлен при кафедре. В 1918 г. перешел в Пермский университет, где был преемником Б.Л. Богаевского по музею, в дальнейшем преподавал, заведовал кафедрой. В те годы провел широкие исследования в Волго-Камском крае, Приуралье и Западной Сибири на памятниках различных периодов — от неолита до средневековья. Общая картина древнейшей истории этого региона представлена в основном (и последнем) его труде «Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества» (1935). С 1923 г. работал в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде и в университете (с 1926). В 1929 г. был уволен из музея при «чистке». С 1930 г. работал в ГАИМК. Испытал на себе все методы принуждения, включая «социалистическое соревнование». В последние годы жизни его заставили «глубоко почувствовать всю порочность и всю безысходность буржуазной археологии, решительно, со всей искренностью приступить к самой трудной своей работе — к полной перестройке своего научного мировоззрения. Эта перестройка не оказалась легкой. Не без борьбы, не без срывов и неудач, но в конечном счете он добился своей цели...». Скажите мне, мыслимо ли жить после этого? Конечно, он умер. Хемингуэй говорил о Фицджеральде, что талант его был как крылья у бабочки — она просто летает, пока с них не сотрется пыльца. Есть люди, к которым нельзя грубо прикасаться, не надо этого делать. Я не стал бы писать об этом, если бы и в наше время не приходилось видеть подобное. Плакальщиками выступили В.И. Равдоникас, М.Г. Худяков и Е.Ю. Кричевский (Равдоникас, 1935; Худяков, 1935; Кричевский, 1935; Библиография 1918–1940; Пиотровский, 1995. С. 29; АСА. Т. II. С. 225; Формозов, 2004. С. 61, 62, 193, 207, 209, 210, 229; Колпаков, Стабровский, 2006. С. 8).

В конце вызова на «социалистическое соревнование» даны задания еще двум сотрудникам ГАИМК — заведующему сектором архаической формации А.А. Миллеру и руководителю Группы доклассового общества П.П. Ефименко. Кратко остановимся на этом пункте.

Александр Александрович Миллер (1875–1935), известный археолог и этнограф широкого профиля. Родился в г. Луганске Екатеринославской губернии, в дворянской семье. В 1886–1901 гг. окончил Донской кадетский корпус и Николаевское инженерное училище, служил в железнодорожных войсках. В 1901 г. уехал во Францию, где до 1905 г. занимался в Высшей школе социальных наук и Антропологической школе при Сорбонне. Ученик Ф.К. Волкова (Вовка) и А. де Мортилье. С 1907 г. до ареста работал в Русском музее (хранителем, заведующим Этнографическим отделом, в 1918–1921 гг. — директором). С 1918 г. член Российской государственной Археологической комиссии, преобразованной в Академию истории материальной культуры. До 1929 г. заведовал Этнологическим отделом ГАИМК. Профессор Археологического института, Петроградского (Ленинградского) университета, заведующий кафедрой. Археологические и этнографические исследования проводил с 1902 г. В ГАИМК организовал и возглавил Северо-Кавказскую экспедицию, ставшую школой для многих археологов, автор более чем 50 трудов, опубликованных на родине и за рубежом. Его учениками были М.И. Артамонов, А.А. Иессен, Б.Б. Пиотровский, А.П. Круглов, Г.В. Подгаецкий, отчасти — Т.Н. Книпович, С.Н. Замятнин, П.Н. Шульц, Т.С. Пассек и многие другие. Судя по всему, он предчувствовал беду, испытывая на себе все возраставшее агрессивное давление. Но жизнь есть жизнь, и, ознакомившись с «вызовом» В.И. Равдоникаса, он аккуратно порвал его, чтобы использовать, как уже было сказано, на «обхваточки» для мелких бумаг. В 1933 г. А.А. Миллер был арестован по «Делу Русского музея» (как и упомянутые выше Д.А. Золотарев и Н.П. Сычёв), осужден и умер в концлагере (Библиография 1918–1940; Паромов, 1993; АСА. Т. II. С. 224, 225; Библиография 1900–1917; РМЭ, 2005. С. 360).

Петр Петрович Ефименко (1884–1969), известный археолог, исследователь палеолита

и ранней истории Восточной Европы. Родился в Харькове, в семье ученых-этнографов, участников демократического движения в России в конце XIX в. Окончил Петербургский университет (1912). Ученик Д.И. Багаля и Ф.К. Волкова (Вовка). В 1913–1914 гг. по стипендии Министерства народного просвещения изучал музейные коллекции и памятники археологии в Европе, Азии и Америке. С 1915 по 1923 г. работал в Историческом музее и Московской секции ГАИМК. В 1923 г. переехал в Петроград, в ГАИМК. Первые раскопки провел в 1909 г., с 1923 г. руководил Костёнковской и Средне-Волжской экспедициями ГАИМК. В рассматриваемое время имел около 30 опубликованных работ (Библиография 1918–1940; Борисковский, 1989; АСА. Т. II. С. 218; Библиография 1900–1917; Формозов, 2004. С. 110–163; БРЭ, 2009. С. 712, 713). В рамках «социалистического соревнования» В.И. Равдоникас настоятельно просил П.П. Ефименко «дать, наконец, для печати обзор русского палеолита». Опубликованная вскоре работа «Палеолит в СССР. Итоги и перспективы его изучения» (СГАИМК. 1931. № 3) явилась, возможно, откликом на эту просьбу.

Такова обобщенная картина «социалистического соревнования» в ГАИМК в 1930–1931 гг. На первый взгляд, оно не состоялось. М.И. Артамонов, П.Н. Шульц, С.Н. Замятнин, А.М. Золотарев, Л.А. Динцес, П.Н. Третьяков, А.А. Миллер не приняли в нем участия. Однако не следует думать, что те задачи, которые ставил перед своими коллегами В.И. Равдоникас, были сняты. Позже они обрели новое звучание в созданной специально для этого Историографической бригаде, став плановыми темами ее сотрудников, но это выходит за рамки рассматриваемого нами времени. Можно сказать лишь, что и в дальнейшем простая человеческая порядочность, питающая ткань науки (ее мицелий), оказалась живучей. Если же мы попробуем вникнуть глубже во все изложенное, то перед нами проявится вечная тема противостояния света и тьмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арциховский А.В., 1931. [Рец. на кн.:] Raudonikas W.J. Die Normannen der wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930 // СГАИМК. № 7.
- Библиография 1900–1917 — Русская археологическая литература: Библиографический указатель. 1900–1917. СПб., 2003.
- Библиография 1918–1940 — Советская археологическая литература (библиография 1918–1940). М.; Л., 1965.
- Бломквист Е.Э., Каменская М.И., Фалеева В., 1949. Л.А. Динцес // СЭ. № 1.
- Борисковский П.И., 1989. Петр Петрович Ефименко: Воспоминания ученика // СА. № 3.
- БРЭ, 2008 — Большая Российская энциклопедия. М., 2008. Т. 10.
- БРЭ, 2009 — Большая Российская энциклопедия. М., 2009. Т. 9.
- Воронин Н.Н., 1949. Л.А. Динцес (1895–1948) // КСИИМК. Вып. XXV.
- Клейн Л.С., 1968. К семидесятилетию М.И. Артамонова // СА. № 4.
- Кошневский Б.А., 1948. Итоги археологического изучения Башкирской АССР // Историко-археологический сборник. М.
- Колпаков И.С., Стабровский А.С., 2006. Утро исторической легенды. Екатеринбург.
- Кричевский Е.Ю., 1935. Памяти А.В. Шмидта // СЭ. № 3.
- Паромов Я.М., 1993. К биографии А.А. Миллера // Проблемы истории отечественной археологии: Тез. докл. конф. (11–13 декабря 1990 г.). СПб.
- Пиотровский Б.Б., 1995. Страницы моей жизни. СПб.
- Плетнева С.А., 1998. Михаил Илларионович Артамонов (к 100-летию со дня рождения) // РА. № 4.
- Праслов Н.Д., 1999. Сергей Николаевич Замятнин: основные вехи жизни и творчества (21.04.1899 — 5.11.1958 гг.) // Stratum. № 1.
- Равдоникас В.И., 1930. За марксистскую историю материальной культуры // ИГАИМК. Т. VII. Вып. 3–4.
- Равдоникас В.И., 1931а. Ответ А.В. Арциховскому // СГАИМК. № 7.
- Равдоникас В.И., 1931б. Раскопки в Приладожье в 1930 г. и некоторые выводы из них // СГАИМК. № 3.
- Равдоникас В.И., 1935. Памяти А.В. Шмидта // ПИДО. № 9–10.
- РМЭ, 2005 — Российская музейная энциклопедия. М., 2005.
- Формозов А.А., 1959. Сергей Николаевич Замятнин // СА. № 2.
- Формозов А.А., 1996. К столетнему юбилею В.И. Равдоникаса // РА. № 3.
- Формозов А.А., 2004. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М.
- Худяков М.Г., 1935. Вклад А.В. Шмидта в археологию Прикамья и Приуралья // ПИДО. № 9–10.
- Шрамко Б.А., 1952. Памяти проф. С.А. Семенова-Зусера // КСИА. Вып. 1.
- Щеглов А.Н., 1984. Памяти Павла Николаевича Шульца // СА. № 3.
- Ямщиков С.В., 2008. Мой Псков: Рассказы о реставрации памятников искусства. М. Кн. 2.
- Raudonikas W.J., 1930. Die Normannen der wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm.

В.А. Коренько
Государственный музей искусства Востока

ПРОБЛЕМЫ ЭТИКИ И ПРОЯВЛЕНИЯ КРИЗИСА В СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ (ШЕСТЬ ЛЕТ СПУСТЯ)

В 2004 г., в сборнике, посвященном 75-летию А.А. Формозова и изданном Институтом археологии РАН, я опубликовал статью «Этические проблемы и кризисные явления в археологии» (Коренько, 2004. С. 36–47), в которой пытался рассмотреть следующие темы.

Во-первых, я охарактеризовал вклад А.А. Формозова в исследование этических проблем и проявлений кризиса в нашей науке. Если структурировать представления о таком вкладе, то он будет состоять по меньшей мере из шести обоснованных утверждений: 1) о доминировании «тезисной археологии» — когда, по словам А.А. Формозова, «единственным источником информации для нас порой остаются тезисы, выдвинутые без сколько-нибудь развернутой аргументации, декларации, не поддающиеся никакой проверке» (Формозов, 1977. С. 12); 2) о «некритичном использовании» современными археологами «старых материалов», описанных дилетантами (Там же. С. 8); 3) о «тенденции извлекать из материала гораздо больше, чем он может дать в действительности» (Там же. С. 8, 9); 4) о низком уровне культуры научной критики (Там же. С. 12–14); 5) о «синдроме доменизации», описанном А.А. Формозовым подробно и внятно (Там же. С. 13); 6) о причинах негативных тенденций или об их «глубоких психологических корнях», а также об отрицательной роли историзации или

историзированности археологии (Там же. С. 9–12).

Во-вторых, в статье давалась оценки и немногочисленных публикаций других авторов, обращавшихся к разработке проблем профессиональной этики, — например М.Ф. Косарева (1994. С. 12–16) и Я.А. Шера (1999. С. 18–20).

В-третьих, была подробно охарактеризована проблема авторских прав в археологии и музейном деле (Коренько, 2004. С. 40–43).

В-четвертых, была поставлена проблема «глубинной и необходимой связи науки с объективностью, честностью и этичностью», проблема «внутренней этичности» науки как познавательного процесса (Там же. С. 43, 44).

В-пятых, была сделана попытка разделить проблемы профессиональной научной этики на три группы, или блока: а) проблемы, возникающие при субъект-объектных отношениях; б) проблемы, возникающие в рамках субъект-субъектных отношений; в) проблемы, относящиеся к взаимодействию исследователей, исследовательских коллективов и научного сообщества с обществом в целом (Там же. С. 44).

В-шестых, я кратко охарактеризовал основные этические нормы (императивы) научной работы (Там же. С. 44, 45).

В-седьмых, я попытался представить классификацию отклонений (девиаций) от

профессионально-этических требований в научной работе и научных публикациях (Там же. С. 45, 46).

Наконец, в-восьмых, я кратко охарактеризовал состояние проблем этики профессиональной научной деятельности в США и западноевропейских государствах. В частности, я писал о применяемых там способах этического регулирования научного сообщества. Отмечая, что Россия в этой области отстает, я заключал: «Вполне возможно, что и российская археология приближается к ситуации, подталкивающей к выработке хотя бы профессионального этического кодекса. Во всяком случае, этот шаг не зависит ни от государства, ни от представителей других научных дисциплин. Российские археологи могут сделать его самостоятельно» (Там же. С. 39, 46).

Оценивая собственную статью 2004 г., могу надеяться на то, что мне удалось более или менее системно охарактеризовать и этические проблемы, и проявления кризиса в современной археологии (хотя это было сделано неравномерно и не по всем пунктам одинаково убедительно).

Со времени опубликования моей статьи идет шестой год. Произошли события, важность которых в российском археологическом мире или очевидна, или будет по достоинству оценена в обозримом будущем. А.А. Формозов ушел из Института археологии РАН — перешел на пенсию, но за несколько лет до своей кончины 31 января 2009 г. сумел издать книги, из которых для целей данной статьи особенно важны «Историография русской археологии на рубеже XX–XXI веков», «Рассказы об ученых», «Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки», «Человек и наука. Из записей археолога», «Статьи разных лет» (Формозов, 2004а; 2004б; 2004в; 2005; 2008).

Научная (академическая и университетская) среда, вернее, ее преуспевающие представители, не сумели остаться равнодушными к «последним успехам» Александра Александровича. В 2006 г. журнал «Российская археология» опубликовал подборку статей, откровенно направленных против пенсионера, кандидата исторических наук А.А. Формозова и работ, опубликованных им в

2004 и 2005 гг. (Герасимова, 2006. С. 176, 177; Молодин, 2006. С. 173–176; Савинов, 2006. С. 169–172; Черных, 2006. С. 177–181; Шер, 2006. С. 165–169).

Сравнительно небольшой объем и основные цели моей статьи не дают возможности проанализировать данную «академическую реакцию» на последние труды А.А. Формозова, хотя, бесспорно, такой анализ был бы очень интересен.

Продолжить свою статью 2004 г. мне представляется целесообразным с вопроса, вызвала ли эта работа какую-нибудь реакцию в профессиональной среде, а если вызвала, то какую именно.

Первой реакцией можно считать небольшую статью Л.Б. Иванова «Проблема авторских прав в археологии (юридические аспекты)», опубликованную в одном из изданий Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника (Иванов, 2006. С. 392–397). Л.Б. Иванов — не археолог. В «Сведениях об авторах» данного сборника он именуется: «к.б.н. (очевидно, кандидат биологических наук. — В.К.), юрист НП “Саморегулируемая организация арбитражных управляющих Торгово-Промышленной палаты Российской Федерации (г. Москва)”».

Л.Б. Иванов в самом начале своего текста ссылается на меня и ставит мне в вину следующее: «Однако, будучи историком, а не юристом, он, естественно, основное внимание уделил чисто этическим аспектам вопроса о наличии неких прав у исследователя — на вещевые материалы. Рассматривая правовую составляющую проблемы, он зачастую не смог четко отделить бытовое понимание таких понятий, как “авторское право”, “нормативный акт” от юридического» (Иванов, 2006. С. 392). Как же понимает проблему авторских прав в археологии сам Л.Б. Иванов?

Пожалуй, наиболее странное в статье Л.Б. Иванова то, что он считает обсуждение авторских прав и даже сам интерес к авторским правам очень поздним явлением, появившимся уже в посткоммунистической России. Л.Б. Иванов достаточно подробно пишет об этом в начале статьи. Он объявляет «обостренное, подчас болезненное, отношение научных работников к своим правам» следствием «бедственного положения в рус-

ской науке», «ничтожного финансирования научных раскопок», «чувства неудовлетворенности своим трудом и своим положением в обществе», т. е. следствием факторов, действие которых стало явным (по представлениям Л.Б. Иванова) в постсоветское время (Там же С. 392, 393).

Позднее («постсоветское») датирование раздраженного, кризисного отношения к проблеме авторских прав отнюдь не означает, что в советскую эпоху проблема авторских прав научных работников не существовала — пусть не в любезном Л.Б. Иванову «юридическом» смысле, но в третируемом им «бытовом понимании».

Будучи юристом, Л.Б. Иванов, так сказать, профессионально уверен в том, что феномен существует только тогда, когда определен юридически, и еще отчетливее — когда существует юридический акт, определяющий феномен. Именно таков смысл рассуждений Л.Б. Иванова о том, что до вступления в силу в 1993 г. Федерального закона «Об авторском и смежных правах» действовали нормы раздела 4 Гражданского Кодекса РСФСР. И поскольку «в этом правоустанавливающем документе никакого упоминания об отчетах об археологических раскопках или других производственных работах или процессах в качестве объекта авторского права нет», то по крайней мере до июля 1993 г. у археологов не было никаких авторских прав (Там же. С. 393).

«Юридический максимализм» Л.Б. Иванова можно интерпретировать пародийно: феномен существует только тогда, когда имеется «государственная бумага», определяющая феномен. Максималистское сознание отвергает любую инверсию. Например, оно не может представить себе, что в России в ближайшем будущем может быть принят Федеральный закон «Об археологических исследованиях», и после этого многие проблемы, описанные Л.Б. Ивановым, перестанут существовать (конечно, при справедливости мнения о том, что «акты гражданского законодательства не имеют обратной силы»).

Почти таким же экзотическим, как «поздняя датировка» авторских прав, представляется настойчиво повторяющееся и занимающее большую часть статьи Л.Б. Иванова

утверждение о том, что «раскопки... это всего лишь... земляные работы с целью возможного обнаружения каких-либо предметов, имеющих научную ценность (понятие достаточно субъективное)». Или что «такое понятие как “автор раскопок”, то есть “автор земляных работ” семантически бессмысленно и аналогично понятию “автор вспашки”, “автор плавания” и т. п.» (Там же. С. 394).

Далее Л.Б. Иванов обращается к различным аспектам проблемы авторских прав археологов и освещает эти аспекты неизменно отрицательно: а) археолог — всего лишь производитель земляных работ, и очень часто «просто удачливый и трудолюбивый землекоп с навыками обращения с археологическими инструментами» (Иванов, 2006. С. 396); б) Открытый лист не дает археологу авторских прав, поскольку РАН и Институт археологии РАН «органами исполнительной власти России не являются», а составленное ИА РАН «Положение об открытых листах на право производства археологических раскопок...», «не опубликовано в печатных органах, публикующих нормативные акты РФ и не зарегистрировано в Министерстве юстиции»; в) не являются предметом авторского права и отчеты об археологических полевых исследованиях, поскольку они носят информационный характер, археологи никаких открытий не совершают; г) «все найденные при раскопках предметы являются собственностью государства, а значит... только государству принадлежит и право пользования этими предметами, в том числе, их репродукция».

В конце статьи Л.Б. Иванов делает вывод: «В заключение необходимо констатировать, что законодательство Российской Федерации в настоящий момент никак не защищает права археологов, фактически не признавая творческой составляющей их специфической деятельности» (Там же. С. 396).

Оценивая статью Л.Б. Иванова в целом, можно позволить себе сделать два вывода.

Во-первых, «юридический максимализм», или «юридическая зашоренность», Л.Б. Иванова позволили ему третировать археологов с минимальными оговорками. За пределами статьи остались никак не оцененные, попросту в тексте Л.Б. Иванова исчезнувшие, огром-

ные и полезные русские археологические традиции. Л.Б. Иванов пренебрежительно называет археологические раскопки «земляными работами», а Открытый лист — «загадочно именуемым специальным разрешением». Однако и система Открытых листов, и все более совершенствующиеся нормы подготовки отчетов об археологических исследованиях возникли или зародились не в наше время, и не в советскую эпоху, а в Российской империи, точнее в 1889 г. Благодаря системе Открытых листов и отчетов в архивах Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге и Института археологии РАН в Москве созданы огромные и ценные массивы информации по археологии России. И все это — без должных «нормативных актов» в желанном Л.Б. Иванову «юридическом понимании».

Как мне кажется, Л.Б. Иванов с каким-то странным удовлетворением пишет о том, что у археологов нет авторских прав, что на авторов отчетов о раскопках можно не ссылаться и т. п. Впечатление такое, что его совершенно не занимают вопросы о том, как функционирует археологическая наука и в чем заключаются интересы и стимулы ее работников-археологов. От всех этих существеннейших проблем Л.Б. Иванов отделяется в конце статьи фразой о «сфере скорее духовной, которую законодательно не регламентируешь» (Там же. С. 397).

Как стала возможной публикация статьи Л.Б. Иванова? Отражает ли эта статья лишь «юридическую зашоренность» автора или она отражает какие-то групповые, корпоративные интересы?

Подобных вопросов я коснулся в статье 2004 г. (Коренько, 2004. С. 41–43). Я писал, что корпоративные, групповые интересы есть и у археологов — работников научно-исследовательских институтов и вузов, и у музеев (в которых работает часть археологов и хранятся археологические коллекции). Интересы первых и вторых могут вступать в острые противоречия. Такие ситуации и были описаны в статье 2004 г., в которой, надо отметить, досталось обеим сторонам: и работникам НИИ и вузов, и музейным работникам.

Очевидно, такая позиция не устроила дирекцию Азовского музея-заповедника: был

приглашен Л.Б. Иванов, который вполне упрощенно попытался и выразить корпоративные музейные интересы, и объявить большинство археологов «трудолюбивыми землекопами с навыками обращения с археологическими инструментами». Приходится признать, что ценность публикации Л.Б. Иванова невелика: при всем «юридическом пафосе» этой работы, она не способствует решению актуальных проблем археологической науки.

С иных позиций написана большая статья И.А. Сорокиной «Археологические коллекции: формирование, хранение, изучение» (2007. С. 212–249). Сразу же отмечу, что чтение работы И.А. Сорокиной очень помогает разъяснить и проблемы, поставленные, но неверно интерпретированные, Л.Б. Ивановым. Вообще И.А. Сорокина касается многих проблем и рассматривает их многосторонне и глубоко. Далеко не все содержание ее статьи относится к проблемам этики и чертам кризиса. В основном И.А. Сорокина пишет об истории российской археологии — с середины XIX по начало XXI в. (Там же. С. 217–232).

Кроме того, И.А. Сорокина подробно сообщает о документировании и хранении археологических коллекций (Там же. С. 233–241). Она пытается сбалансированно рассмотреть возникающие здесь проблемы, учитывая вину и исследователей-археологов, и музейных работников. И.А. Сорокина привлекает и мое мнение о «якобы существующих» на археологические коллекции правах музея — «таких же мифических, как и права автора раскопа» (Там же. С. 238, 240).

Подводя итоги этим рассуждениям, И.А. Сорокина сообщает: «Описанные выше негативные стороны менталитета исследователей и организации хранения в музеях и вне их отражаются крайне отрицательно на научной значимости коллекций, которые с трудом вводятся в научный оборот и теряют свойства исторического источника, даже будучи правильно сформированными и документированными. Научные и иные учреждения в нарушение закона не спешат сдавать коллекции на постоянное хранение в музеи. Многие стремятся создать собственные музейные подразделения (особенно вузы), не

являющиеся, как правило, государственной частью Музейного фонда. Представляется, что разрешить проблему можно, изменив форму передачи археологических коллекций в музеи. Необходим договор между музеем и сдающей коллекции организацией, в котором бы предусматривалась возможность для научного изучения коллекций и пропаганды полевой деятельности этой организации» (Там же. С. 241).

Заключительную часть статьи И.А. Сорокиной составляют мысли о создании государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации (его до сих пор нет), об уже созданном в Институте археологии РАН едином хранилище информации о памятниках археологии и археологических коллекциях, о проводимой музеями каталогизации музейных фондов (Там же. С. 241–246).

Таковы основные проблемы, рассмотренные в статье И.А. Сорокиной. В общем по поводу этой публикации необходимо отметить два обстоятельства. Во-первых, статья написана на хорошем профессиональном уровне — информированность и логичность мышления автора существенно выше, чем у Л.Б. Иванова. Во-вторых, этические проблемы и кризисные проявления занимали внимание И.А. Сорокиной не полностью, но только в той мере, в какой относились к предметам, обозначенным в названии статьи, — к формированию, хранению и изучению археологических коллекций.

Далее я хочу перейти к теме, уже обозначенной в статье 2004 г. и в начале данной статьи. Речь идет о выработке и принятии профессионального этического кодекса археолога.

Почему этот вопрос можно считать очень важным и хотя бы достойным обсуждения? Во-первых, потому, что в западных странах накоплен значительный опыт использования этого способа этического регулирования научного сообщества. Во-вторых, потому, что принятие или непринятие профессионального кодекса прекрасно характеризуют зрелость и ответственность научного сообщества. Ведь обсуждение и принятие профессионального кодекса археологами совершенно не зависит ни от государства, ни от представителей других научных дисциплин — это са-

мостоятельный и добровольный шаг данного научного сообщества.

Такой шаг сделали украинские археологи. В ноябре 2006 г. на заседании ученого совета Института археологии Национальной Академии наук Украины был принят «Кодекс этики профессионального археолога» (Кодекс этики... 2006. С. 105–107). Этот документ не является сводом этических норм для всех украинских археологов, в частности для работающих в музеях, вузах и вообще за пределами профильного академического института и его филиалов. Как сообщал Я.П. Гершкович, принятый ИА НАНУ текст «является результатом действительно коллективных усилий» (работала подготовительная группа, состоявшая из Н.А. Гаврилюк, Л.Л. Зализняка и Я.П. Гершковича, кодекс несколько раз корректировал директор института П.П. Толченко, были «письменные и устные советы многих других коллег») (Від редколегії... 2006. С. 105).

Небольшой «Кодекс этики профессионального археолога» (далее Кодекс) состоит из введения и пяти разделов, включающих шестнадцать статей.

Введение содержит определение статуса и функций ИА НАНУ, главной цели Кодекса. Перечислены основные акты «Законодательства Украины об охране археологического наследия» и некоторые международные документы (Кодекс деятельности Европейской Ассоциации археологов от 27.09.1997 г., Этический кодекс ИКОМ для музеев от 04.11.1986 г.).

В разделе I «Общие положения» дается определение профессионального археолога. Указано, что Кодекс предусматривает моральную ответственность за его нарушения. Очень интересна статья I.3 о Комиссии по этике: «Конкретные случаи нарушений рассматриваются Комиссией по этике, созданной при ИА НАНУ с участием представителей других археологических учреждений, которые поддерживают положения Кодекса. Эта Комиссия оглашает результаты рассмотрения той или иной конфликтной ситуации и принимает решение относительно нарушителей Кодекса в формах дружественного предупреждения, заявления или публичного осуждения» (Кодекс этики... 2006. С. 106).

Раздел II «Отношение к археологическим источникам» состоит из принципиально важных запретов и норм. Профессиональному археологу запрещается заниматься частным коллекционированием археологических предметов и сохранять археологические материалы за пределами археологических учреждений, в том числе дома. Обширная статья II.2 запрещает археологам любые формы участия в деятельности «черных археологов, дилеров и частных коллекционеров». Другие статьи регламентируют целесообразность и обеспеченность археологических раскопок, хранение оригиналов научных отчетов, внебюджетное финансирование археологических изысканий.

Раздел III «Публикация и использование материалов раскопок» касается вопросов авторского права. Профессиональный археолог — держатель Открытого листа — «имеет бессрочное право на полученные во время раскопок материалы»: в первые пять лет оно имеет исключительный характер, а затем приобретает приоритетный характер, «что предусматривает свободный доступ коллег к отчетам, а с разрешения автора и к его материалам». При этом «как полный запрет на доступ к последним, так и работа с ними без авторского разрешения не допустимы».

Ситуация осложняется в случае проведения раскопок группой археологов — тут многое зависит от руководителя, держателя Открытого листа. После смерти исследователя право на использование материалов переходит к соавторам исследования. При отсутствии таких лиц материалы раскопок «приобретают статус общедоступных, но вопрос об их использовании и полной или частичной публикации может быть также поставлен специальным решением Ученого совета ИА НАНУ или учреждений, где работал владелец Открытого листа» (Кодекс этики... 2006. С. 107).

Раздел IV «Пропаганда археологических знаний», в частности, утверждает, что «намеренная или скрытая фальсификация археологических данных, откуда и от кого бы она ни поступала, должна немедленно разоблачаться как такая, которая искажает древнюю историю». Профессиональный археолог «публично противодействует использованию ар-

хеологических данных для разжигания расовых, этнических, религиозных конфликтов».

Последний, V раздел призывает археологов «всех других учреждений Украины присоединиться к этому Кодексу, то есть способствовать приданию ему статуса Кодекса этики профессионального археолога Украины». Кроме того, устанавливается, что «дополнения или примечания к отдельным разделам или статьям Кодекса рассматриваются Комиссией по этике, и в случае целесообразности вносятся в него, о чем сообщается всем сотрудникам ИА НАНУ и археологам других учреждений, которые руководствуются Кодексом в своей деятельности» (Там же).

Судя по статьям I.3 и V.2, Комиссия по этике призвана играть важнейшую роль в этическом регулировании археологического сообщества. И это, конечно, правильно, т. к. Кодекс является лишь декларированной основой регулирования. Саму же работу по урегулированию всевозможных конкретных коллизий может и должна взять на себя Комиссия по этике — авторитетная группа известных специалистов.

В отличие от того, что сказано в Кодексе о Комиссии по этике, более сложное и двойственное впечатление оставляет попытка определить авторские права археолога — держателя Открытого листа, и его соавторов. Это делается, как я уже отметил, в разделе III Кодекса.

Наделение руководителя археологических исследований (держателя Открытого листа) авторским правом «на публикацию и использование материалов» — бессрочным, исключительным или приоритетным, а также переходящим после смерти исследователя к соавторам исследования, — все это вполне определенно вытекает из статей III.1 и III.2. Даже когда материалы получают статус общедоступных, «вопрос об их использовании и полной или частичной публикации может быть также определен специальным решением Ученого совета ИА НАНУ».

Положения III раздела выдержаны в соответствии с общим принципом: «Как полный запрет доступа к последним (т. е. к материалам. — В.К.), так и работа с ними без авторского разрешения не допустимы». Пределы, установленные этим общим принципом, так

или иначе ограничивают доступ специалистов к материалам чужих раскопок. Это противоречит ценностям, провозглашаемыми, например, «Этическим кодексом ИКОМ», на который есть ссылка во введении к Кодексу (см. выше).

Мне уже приходилось писать, что «Кодекс профессиональной этики ИКОМ (Международного совета музеев)» исходит из того руководящего принципа, по которому «музеи являются общественным достоянием и их ценность для общества прямо пропорциональна качеству оказываемых ими услуг» (пункт 5.1). Данная проблема регламентируется статьей 7, в которой сказано, что сотрудники музеев должны «давать внушающим доверие исследователям возможно более полный доступ к любому материалу и документации, порученной им, даже если объект и тема запроса со стороны затрагивает предмет их собственных изысканий и интереса». Согласно «Кодексу профессиональной этики» необходимость ограничения доступа к коллекциям и документации может быть обусловлена только «секретным характером экспонатов или соображениями безопасности» (Международный совет музеев, 1989. С. 5, 6, 12, 15–17; Коренько, 2004. С. 43).

В том же выпуске киевского журнала «Археологія», где опубликован Кодекс, были преданы гласности ответы археологов на несколько вопросов, поставленных редколлегией журнала. Вопросы предлагались в порядке обсуждения статьи Я.П. Гершковича «Хранители нелегальных древностей в Украине» (2005). Первый вопрос касался «общих впечатлений» от статьи, второй-четвертый — нелегальных раскопок, легализации продажи и скупки археологических предметов, возможности для профессиональных археологов «быть консультантами дилеров древности и частных коллекционеров». Пятый вопрос был сформулирован так: «Как Вы относитесь к предложению автора статьи разработать и принять в Украине “Кодекс этики профессиональных археологов”?» (Від редколегії... 2006. С. 95).

Были опубликованы ответы археологов Э. Кайзер (Германия), Н. Бороффки (Германия), К. Чиппендейла (Великобритания), Ф. Кола (США), Е.Н. Черных (Россия),

А.М. Лескова (США), К. Вителли (США), Э.Р. Усмановой (Казахстан) (Там же. С. 95–105).

Практически на все вопросы специалисты дали одинаковые ответы: они осудили нелегальные раскопки, частное коллекционирование и торговлю древностями, консультирование археологами дилеров и частных коллекционеров. Если археологи пожелали высказаться по поводу этического кодекса (не все), то их ответы были положительными, одобряющими идею принятия Кодекса.

Прошло более двух лет, в течение которых редколлегии «Археології», видимо, оставалось лишь все больше огорчаться: «Казалось, призыв активно включиться в обсуждение (Кодекса. — В.К.) был услышан, но с удивлением можем констатировать, что сегодня получена лишь статья Е.Н. Михайленко, а недавно — письмо известного археолога... Л.С.Клейна» (Від редколегії... 2009. С. 100). Эти два текста и опубликовал журнал.

Небольшая работа Л.С. Клейна «Кодекс этики археолога как дело чести страны» (2009. С. 100–102) в основном направлена против «рынка торговли незаконно добытыми древностями», «черной археологии», сотрудничества профессиональных археологов с «черными». От аналогичных откликов текст Л.С. Клейна отличается, на мой взгляд, двумя особенностями.

Во-первых, Л.С. Клейн подробно пишет о необходимости «археологического просвещения» и пропаганды силами специальных отделов при археологических учреждениях. «Одним из направлений деятельности таких отделов, — справедливо подчеркивает Л.С. Клейн, — должна стать борьба против националистических спекуляций на основе археологических памятников, которые не только создают атмосферу ксенофобии и урапатриотического забрасывания шапками (небезопасного для какой угодно страны), но и мостит дорогу националистическому коллекционерству, искусственно завышая цену на древности, циркулирующие в торговле» (Там же. С. 102).

Во-вторых, Л.С. Клейн справедливо указывает на то, что в принятом ИА НАНУ Кодексе определены права держателя Открытого листа на использование материалов раскопок, но

не оговорены обязанности этого держателя. Л.С. Клейн ссылается на опыты проведения больших экспедиций, в которых начальник, держатель Открытого листа, сам раскопок не ведет, а доверяет проводить их начальникам отрядов. Л.С. Клейн делает вывод: «Очевидно, Открытый лист нельзя считать документом на авторские права, это лишь документ на право производить раскопки, а то, как им пользовались — действительно проводили или поручили другим, ограничившись организационной деятельностью, — зависит от обстоятельств реальной работы. Словом, не стоит рассматривать Кодекс как направленный исключительно на противодействие разграблению» (Там же. С. 101).

Оба предложения Л.С. Клейна, конечно, заслуживают одобрения.

В том же выпуске журнала «Археологія» помещена большая статья Е.Н. Михайленко «Проблема профессиональной этики в мировой и украинской археологии» (2009. С. 102–108). Содержание статьи Е.Н. Михайленко, говоря упрощенно, — это пересказ и анализ Кодекса этики профессионального археолога НАНУ. Сильной стороной работы является постоянное и широкое сравнение Кодекса и практических ситуаций с западными этическими кодексами и «этическими практиками».

Напомнив о том, что в 2006 г. редколлегия журнала «Археологія» призывала к дискуссии по поводу Кодекса НАНУ, Е.Н. Михайленко верно описывает возникшее затем апатическое состояние: «Прошло уже более трех лет (двух лет. — В.К.), но желающих принять участие в этой дискуссии почти не нашлось. Это, к сожалению, свидетельствует о том, что украинские археологи, особенно те, которые работают за пределами Института археологии, еще не осознали важности этого документа, воспринимая его, возможно, как лишнюю формальность на манер Правил поведения пионера или Морального кодекса строителя коммунизма. Однако имеются и общие разъяснения: во-первых, научным работникам кое-где важно кинуть взгляд за границы своих собственных исследований; во-вторых, чувствуется очень поверхностный уровень знаний об опыте других стран и вообще того, что моральные принципы в

каждой науке уже давно стали предметом постоянного и оживленного обсуждения. Мировая научная общественность не считает такие обсуждения ни формальными, ни лишними. Тем больше кодексы этики значат в том случае, когда имеются “инфляция и обман в науке”, обусловленные общими кризисными явлениями в развитии общества» (С. 103).

Е.Н. Михайленко, излагая и анализируя Кодекс ИА НАНУ, последовательно приводит данные из «“Принципов археологической этики” Общества американских археологов» («Principles of Archaeological Ethics. SAA», опубликованные в США в 1996 г.) и «Кодекса этики Европейской Ассоциации археологов» (опубликован в 1997 г.).

Реферировать здесь всю публикацию Е.Н. Михайленко неуместно. Но хочется остановиться на вопросах авторского права и интеллектуальной собственности — эти вопросы соответствуют разделу III Кодекса ИА НАНУ (С. 106).

Е.Н. Михайленко напоминает, что «в статье 1 раздела III Кодекса ИА НАНУ речь идет о бессрочном праве автора раскопок на полученные во время раскопок материалы, хотя и подчеркнута недопустимость полного запрета работы с ними других научных работников и указано, что материалы должны быть опубликованы в кратчайший срок. Вполне понятно, что этот срок должен быть обозначен конкретно, его стоит ограничить пятилетним сроком или термином, который, согласно Кодексу ИА НАНУ, отводится для обработки материалов. При этом для решения этого большого вопроса крайне необходима консультация специалистов-правоведов».

Характеризуя состояние авторского права в России, Е.Н. Михайленко ссылается на мою статью и пишет, что авторское право в нашей стране «фактически осталось недифференцированным, в частности, не существует разницы между полным авторским правом и авторским правом на служебное произведение, а также разницы между объектами авторского права».

В Кодексе ИА НАНУ, по мнению Е.Н. Михайленко, «на первый взгляд, удалось найти компромиссное решение, поскольку перед держателем Открытого листа и руководите-

лем раскопок поставлены определенные условия». К таковым условиям, как можно понять, относятся отсутствие наследуемых авторских прав, их переход после смерти исследователя к соавторам, а также «возможность вмешательства в решение этого вопроса ученого совета ИА НАН Украины и его научных отделов». Но и тут «открытым остается вопрос согласования такого положения с действующими юридическими нормами».

Наконец, Е.Н. Михайленко «обращает внимание на опыт и практику американских археологов». Она указывает, что «в принципах археологической этики SAA (Общества американских археологов. — *В.К.*) указано, что «интеллектуальная собственность, которая содержится в знаниях и документах, созданных изучением археологических ресурсов, является частью археологического источника. Она должна рассматриваться в соответствии с принципами распоряжения, а не как особая собственность. Принимается во внимание, что полевые исследования в большинстве случаев разрушают археологический памятник, который был в общественной собственности, а научные отчеты и иные материалы исследований — это все, что от него остается, то есть, по справедливости, должно переходить в общественную, общую собственность. Что касается права на первоочередной доступ к материалам собственного исследования, то оно тут также действует в определенном периоде времени, за который исследователь должен активно обработать данные и опубликовать полученные результаты. В случае затягивания это право утрачивает силу, “ибо только лишь желание выполнить такую работу — это не то же, что действительно ее выполнить”. Кстати, Кодекс SAA предоставляет такое право на период не более 10 лет».

По поводу очевидных недостатков Кодекса ИА НАНУ Е.Н. Михайленко пишет, что Кодекс был предложен для обсуждения: «А это должно быть залогом его дальнейшего совершенствования и широко применения среди археологов нашего государства. Только с преодолением инертности отечественных археологов можно надеяться на преодоление ряда нынешних негативных явлений в науке» (С. 107).

Автору этих строк приходилось, вслед за Я.А. Шером (1999. С. 19, 20), писать и о принципиальной важности принятия археологическим сообществом профессионального этического кодекса. Позволю напомнить, почему эта мера представлялась необходимой.

«Кодекс профессиональной этики российских археологов» «может быть плодом только коллективных усилий, результатом работы группы тех специалистов, которые осознают наличие кризиса и способны выявить отрицательные явления. Тогда перечень кратких характеристик кризисных симптомов и кодифицированные этические нормы составят зеркально-симметричную пару. Список норм отражает актуальные и потенциальные опасности, а фиксация нарушений норм позволяет судить о масштабе кризиса. Это и есть залог системного и конструктивного подхода к проблемам. Когда же нет кодекса профессиональной этики, то и нарушения якобы “всем известных”, но почему-то до сих пор не “декларированных” норм обнаруживаются случайно, фрагментарно, часто в форме конкретных разрозненных наблюдений рефлексирующих авторов» (Коренько, 2004. С. 38, 39).

Приходится с прискорбием констатировать, что ни «Кодекса профессиональной этики российских археологов», ни «“Кодекса профессиональной этики археологов” ИА РАН» до сих пор нет. Насколько я знаю, в России попытки составить и обсудить такой документ не предпринимались.

Лишь в одном документе последних лет мне удалось обнаружить упоминание о «Кодексе поведения археолога». Речь идет о материалах круглого стола «Незаконные раскопки и археологическое наследие России», проведенного редакцией и редколлегией журнала «Российская археология» в 2002 г. Редакционная группа круглого стола представила несколько рекомендаций, среди которых была и такая: «Продумать вопрос о создании кодекса поведения археолога, четко определив отношение научного сообщества к практике несанкционированных раскопок, косвенной причастности к подобной деятельности профессионалов-археологов, к предложениям “копателей-нелегалов” о сотрудничестве, к участию в экспертизе незаконно полученных

археологических материалов, к возможности покупки подобных материалов государственными музеями и их публикации в научных изданиях, и т. д.» (Незаконные раскопки... 2002. С. 89).

Можно сказать, что начало этой рекомендации красноречиво указывало на ее беспомощность: «Продумать вопрос о создании кодекса...».

Нельзя обвинять наше время в отсутствии мыслей и публикаций на крупные, общие темы развития и организации археологических исследований в России. Только в двух московских журналах — «Российской археологии» и научно-популярном «Достоянии поколений» — в последние годы опубликовано до двадцати таких материалов (Бородин, 2006. С. 30–35; Веденин, 2008. С. 76–79; 2009. С. 8–11; Вилков, 2007. С. 2–7; Всероссийское совещание... 2006. С. 5–20; Кирпичников, 2009. С. 48–51; Кудрявцева, 2007. С. 22–27; Кулешова, 2008. С. 80–85; Молодин, Дроздов, 2002. С. 182, 183; Незаконные раскопки... 2002. С. 70–89; О принципах охраны памятников... 2009. С. 10, 11; Работкевич, 2007. С. 24–27; Решение Всероссийского археологического съезда, 2007. С. 88, 89; Решение Комиссии Общественной палаты... 2007. С. 90, 91; Решения II (XVIII) Всероссийского археологического съезда, 2009. С. 5–7; Смирнов, 2002. С. 50–59; Смирнова, 2008. С. 86–89; Торшин, 2006. С. 16–21).

Почему чтение, даже самое внимательное изучение, этих публикаций не приносит желаемого удовлетворения?

Думаю, что так получается потому, что эти публикации освещают лишь одну, и далеко не самую важную, часть научных проблем — «проблемы, относящиеся к взаимодействию

исследователей, исследовательских коллективов и научного сообщества с обществом в целом» (см. начало данной статьи).

Два других блока научных проблем — возникающих при субъект-объектных и субъект-субъектных отношениях, — как правило, остаются за пределами указанных публикаций. Однако именно эти две группы проблем, особенно первая, относятся к сути науки как «духовного производства», или «производства знаний». Именно они, обойденные вниманием публикаторов, связаны с довольно однородным комплексом классических определений науки — от простых («наука есть получение нового знания и его публикация») до сравнительно сложных («наука есть деятельность по получению нового знания и результат этой деятельности — сумма полученных к данному моменту научных знаний»).

Когда в публикациях весьма настойчиво обсуждается вопрос о «черной археологии», то является ли он вопросом научной этики? Или это глубинное и поучительное проявление кризиса науки? Думаю, что ни то, ни другое. Это простой юридический вопрос, ясность которого вполне осознана в западных странах, — вопрос о преступлении и о соучастии в нем.

Подводя итоги, хочется отметить, что конструктивные размышления о кризисе в науке, об этике научного работника и такой существенной ее черте, как профессиональный этический кодекс, вероятно, возможны только в тех случаях, когда научное сообщество достигает определенного уровня рефлексии (интроспекции). Если этого нет, то сообщество ученых будет обречено энергично обсуждать второстепенные или уже проясненные вопросы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бородин П.А., 2006. Прибрежная археология // Достояние поколений. № 1.

Веденин Ю.А., 2008. Ответственность профессионалов за сохранение наследия // Достояние поколений. № 1 (4).

Веденин Ю.А., 2009. Раскопки как способ уничтожения или сохранения археологического памятника? // Достояние поколений. № 2 (6).

Вилков А.И., 2007. Перспектива — в опоре на общественность // Достояние поколений. № 2 (3).

Від редколегії журналу «Археологія» // Археологія. 2006. № 4.

Від редколегії: 3 приводу «чорної археології», приватних колекціонерів та кодексу етики (продовження дискусії) // Археологія. 2009. № 1.

Всероссийское совещание «Взаимодействие археологических учреждений и органов охраны объектов культурного наследия России в изучении и сохранении археологических памятников» // РА. 2006. № 3.

Герасимова М.М., 2006. «Филькина грамота» А.А. Формозова: Письмо в редакцию // РА. № 3.

Гершкович Я.П., 2005. Хранителі нелегальних старожитностей в Україні // Археологія. № 3.

Иванов Л.Б., 2006. Проблема авторских прав в археологии (юридические аспекты) // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Азов. Вып. 22.

Киртичников А.Н., 2009. Закон Украины «Об охране археологического наследия» // Достояние поколений. № 2 (6).

Клейн Л.С., 2009. Кодекс етики археолога як справа честі країни // Археологія. № 1.

Кодекс етики професійного археолога (прийнятий на засіданні вченої ради Інституту археології НАН України від 09.11.2006 р.) // Археологія. 2006. № 4.

Коренько В.А., 2004. Этические проблемы и кризисные явления в археологии // Проблемы первобытной археологии Евразии: К 75-летию А.А. Формозова: Сб. статей. М.

Косарев М.Ф., 1994. Археология и нравственность // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация. Рязань.

Кудрявцева Т.Н., 2007. Участие общества в процессе государственной охраны памятников // Достояние поколений. № 2 (3).

Кулешова М.Е., 2008. Музеям-заповедникам — легитимную основу: О практике сохранения объектов археологического наследия // Достояние поколений. № 1 (4).

Международный совет музеев (ИКОМ). Кодекс профессиональной этики. М., 1989.

Михайленко Е.М., 2009. Проблема професійної етики у світовій та українській археології // Археологія. № 1.

Молодин В.И., 2006. Человек, наука и Формозов // РА. № 3.

Молодин В.И., Дроздов Н.И., 2002. Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы борьбы с проведением незаконных раскопок и незаконным оборотом пред-

метов археологии, минералогии и палеонтологии» (Красноярск, 19–25 июня 2001) // РА. № 4.

Незаконные раскопки и археологическое наследие России: Материалы круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала «Российская археология» // РА. 2002. № 4.

О принципах охраны памятников археологии и истории и музейных собраний: Совместное заявление Института археологии Российской академии наук, Американского археологического института и Германского археологического института // РА. 2009. № 3.

Работкевич А.В., 2007. Охрана археологического наследия: Достижения и задачи // Достояние поколений. № 1 (2).

Решение Всероссийского археологического съезда // Достояние поколений. 2007. № 1 (2).

Решение Комиссии Общественной палаты по вопросам сохранения культурного и духовного наследия по вопросу «Археологическое наследие России. Проблемы сохранения» // Достояние поколений. 2007. № 1 (2).

Решения II (XVIII) Всероссийского археологического съезда // РА. 2009. № 3.

Савинов Д.Г., 2006. О «юбилейных» книгах А.А. Формозова // РА. № 3.

Смирнов А.С., 2002. Сохранение археологического наследия России: История проблемы // РА. № 4.

Смирнова И.М., 2008. Памятники археологии как часть культурного ландшафта // Достояние поколений. № 1 (4).

Сорокина И.А., 2007. Археологические коллекции: формирование, хранение, изучение // Альманах-7. Музеи Российской академии наук. М.

Торшин А.П., 2006. Новостроечная археология: день нынешний и грядущий // Достояние поколений. № 1.

Формозов А.А., 1977. О критике источников в археологии // СА. № 1.

Формозов А.А., 2004а. Историография русской археологии на рубеже XX–XXI веков. Курск.

Формозов А.А., 2004б. Рассказы об ученых. Курск.

Формозов А.А., 2004в. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М.

Формозов А.А., 2005. Человек и наука: Из записей археолога. М.

Формозов А.А., 2008. Статьи разных лет. Курск.

Черных Е.Н., 2006. Об «историографической» серии книг А.А. Формозова: литературно-психологические ассоциации // РА. № 3.

Шер Я.А., 1999. Некоторые вопросы археологического образования // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово.

Шер Я.А., 2006. О некоторых особенностях освещения новейшей истории российской археологии // РА. № 3.

А.С. Щавелёв
Институт всеобщей истории РАН, Москва

ТРИ МОТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В СЛАВЯНСКИХ ЛЕГЕНДАХ О ПЕРВЫХ КНЯЗЬЯХ¹

*«Работа аналитика, систематизатора... не
менее увлекательная, чем труд теоретика»*

А.А. Формозов. Человек и наука.
Из записей археолога

Сюжеты, мотивы и отдельные реминисценции славянских легенд о первых князьях отразились во всех самых ранних историографических сочинениях Древней Руси, Польши и Чехии — «Повести временных лет», Хронике Галла Анонима и Хронике Козьмы Пражского (Banaszkiewicz, 1986; 1993; 1998; Чекова, 2003; Щавелёв, 2007). Отдельные рудименты древнейших преданий славян сохранились в болгарской «Апокрифической летописи» XI в. (Иванов Й., 1970) и поздней компилятивной сербохорватской «Летописи попа Дуклянина» (Шишић, 1928; Банашевић, 1971). Ряд отражений славянского предания «читается» в других, более поздних по происхождению средневековых текстах, а также в западноевропейских и византийских источниках. Также стоит отметить реконструкции мифопоэтической традиции славян на основе поздних (зачастую вторичных) фольклорных текстов, наиболее закончена и убедительна реконструкция так называемого «основного мифа» о поединке бога-громовержца и его антагониста (Иванов, Топоров, 1965; 1974).

Вполне угадываются и поддаются реконструкции контуры и детали единого обще-

славянского комплекса легенд, центральной фигурой которого был князь-пахарь (Kjarpe, 1919; 1923; 1930; Grafenauer, 1952; Толочко, 1994). Мотивная структура этой славянской мифопоэтической традиции была тесно связана с аграрными культами плодородия и общеславянским комплексом архаичных представлений о власти, характерных для постестарных обществ (Щавелёв, 2007).

В этом общеславянском комплексе преданий «читается» целая серия универсальных мифологем. В польских хрониках — «изгнание злого правителя» — князя Попеля. В чешских текстах — брак князя-пахаря Пржемысла и девы плодородия Либуше. В польской и древнерусской традиции: «чудесное умножение пищи» — в легенде о князе Пясте и в древнерусском предании о «белгородском киселе». А также брак культурных героев — брата и сестры «кузнеца» Кия и «девы реки» Лыбеди.

Важнейшим признаком отражения в средневековых текстах единого архаичного общеславянского комплекса преданий может служить не только структурная близость сюжетов легенд и набора их мотивов, но и пря-

---

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды социальным и техногенным трансформациям» в рамках разработки темы «Историческая традиция в дописьменных и письменных обществах: репрезентация, взаимодействие, трансформация. Компаративное исследование».

мые семантические совпадения отдельных имен героев и «этнографических» деталей в далеких друг от друга, независимых, разножанровых, ориентированных на разные образцы литературных памятниках славянского мира. Рассмотрим три такие самые яркие параллели — упоминания «жезла», комплекс орнитоморфных имен и устойчивую пару женских персонажей, олицетворяющих обряд погребальных плачей.

В большинстве историографических реминисценций славянских легенд встречаются упоминания «жезла», «посоха», «шеста». «Жезл» — универсальный для индоевропейских народов сакральный символ власти (Дергачёв, 2004. С. 338–384; Свердлов, 2003. С. 46–48, 78–79).

Имя полянского князя Кия имеет отчетливую славянскую этимологию — от **kuǫь*, **kou-*, *kov-*, «посох, жезл, деревянный молот» (Иванов, Топоров, 1974. С. 163, 176; 1995а. С. 90). Тем самым оно явно связано с образом кузнеца — ключевым для большинства архаичных мифологий, особенно для мифоэпических традиций индоевропейского круга. Также «шест» является очевидным инструментом и атрибутом другой профессиональной аватары Кия, упомянутой в летописях, — *перевозчика*. Лексема «кий» в значении какого-то специфического оружия (боевого молота? дубины?) зафиксирована в летописании древнерусского времени (ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. С. 192; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 322), причем в летописном тексте, восходящем к устной дружинной традиции.

Славянская этимология и «сказочная» семантика очевидны и для имени сестры Кия Лыбеди — от «лебедь» (Banaszkiewicz, 1998. S. 52–53; Иванов, Топоров, 1995б. С. 248). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что имена Кия и его сестры Лыбеди имеют надежную славянскую этимологию, а имена братьев Щека и Хорива скорее восходят к иноязычным (видимо, иранским) традициям и однозначно не «дешифруются». В связи с этим можно высказать предположение, что объединение трех братьев произошло под влиянием более поздней троичной модели, концепта трех братьев-князей, а изначально существовала пара «прародителей полян» — Кий и Лыбедь.

Изначальность пары Кий и Лыбедь косвенно подтверждает и славянский эпический материал. Этимология имени Кий явно отсылает к (пра)образу мифического кузнеца, а имя Лыбеди связано с рекой (имена братьев Кия летописец сближает с топонимами, а имя Лыбеди — с гидронимом). В исследовании славянского эпоса В.М. Жирмунский выделил универсальный и продуктивный мотив брачного союза кузнеца и девы воды: «Многие южнославянские песни рассказывают о женитьбе того или иного известного юнака на Виле или самовиле... водяной Виле (“бродарице”), которая во всех песнях является в образе девы-птицы (“лебединой девы”), образ хорошо известный южнославянскому и русскому сказочному фольклору» (Жирмунский, 2004. С. 254–255). А связь воды и кузнечного дела восходит к индоевропейским мифологическим концептам и практикам (Зданович, 1995. С. 37–39; Медведев, 1999. С. 149–159).

Возможно, аналогичную этимологию имеет имя прародителя рода польских князей Пяста (Pazt) — от слова **pest*, «пестик» (Фасмер, 1996. Т. III. С. 423–424). Хотя более вероятно другая вполне очевидная славянская этимология: от слова *пять* — «кисть», «кулак». Некоторые исследователи связывают с обозначением «клюки», «посоха», «палки» и имена польского и чешского героев Крака и Крока (Banaszkiewicz, 1998. S. 7, 11–14, 18–22). Но эта этимология остается сомнительной на фоне более явной ономастопоэтической (см. ниже).

В чешском предании о происхождении княжеской власти и браке князя Пржемысла и предсказательницы Либуше из хроники Козьмы Пражского упоминание посоха становится буквально плеоназмом. С тростью приходят на собрание племени, жезл передают будущему князю Пржемыслу как знак власти, по своему процветшему жезлу Пржемысл гадал о будущем династии. Характерно, что палка-жезл в качестве знака посланников использовался пруссами и полабскими славянами (Петр из Дусбурга, 1997. С. 51, 277).

Анализируя возможные этимологии имен первых славянских князей, нельзя не отметить связь значительной их части с обозначением птиц. Имена чешского и польского первокнязей Крока и Крака (основатель горо-

да Кракова), скорее всего, происходят от ономастопозитического названия птицы — ворона (Bakowski, 1899. S. 8). В свою очередь это название птицы является «звукоподражательным» от глагола «кракати»/*krakati.

В польской и чешской традициях отразились рассказы о практически идентичных цепочках прародителей племени: «Чех — Крок — его дочь» и «Лех — Крак — его дочь». Можно предполагать, что в основе этих сообщений лежит общезападнославянское (или общеславянское?) предание о предке-эпониме (или двух эпонимах: упоминание пары «Чех и Лех» сохранилось в древнерусской пословице), его преемнике, родоначальнике племени Краке/Кроке («вороне»?) и мудрой дочери последнего, унаследовавшей власть.

В древнерусском летописании можно найти аналогичный случай именования основателя города по имени собственному, восходящему к названию птицы. В Галицко-Волынской летописи есть упоминание о «Галичине могиле», с которой была как-то связана легенда «о начале Галича, откуда ся почал» (ГВЛ, 2005. С. 80, 194). Имя собственное *Галица* основателя Галича идентично имени нарицательному «галица», т. е. «галка» в широком значении «черная птица», под которое, кстати, подпадает и «ворон» (ЭССЯ, 1979. С. 92; ср.: С. 96–97).

К этому ряду примыкает и легендарный хорватский князь — установитель границ Будимир: это имя — функциональное обозначение петуха (ЭССЯ, 1976. С. 76). Он вполне вписывается в этот ряд славянских мифологизированных первопрародителей с «тотемными» «орнитоморфными» именами. В славянском фольклоре петух и ворон часто выполняют сходные защитные (апотропеические) функции (Гура, 1997. С. 541). Образ князя Будимира может быть «родствен» еще одному герою с «орнитоморфным» именем — Соловью Будимировичу русских былин (Пропп, 1999. С. 170–181). В данном случае может идти речь и об эпико-генеалогическом родстве: судя по отчеству, Соловей — *сын Будимира*; и о структурно-поэтическом сходстве функций и атрибутов персонажей, что вообще характерно для пар отцов и сыновей в эпосе.

Впечатляющую поэтико-семантическую параллель представляют собой два сообщения о парах женских персонажей. Это «Кар-

на и Жля» из «Слова о полку Игореве» (СПИ, 2002. С. 85–86, 134–135; Салмина, 1995. С. 22–25; Соколова, 1995. С. 187–190) и упомянутые в трактате византийского императора Константина Багрянородного две сестры из легендарных хорватских родов первопоселенцев в Далмации: Тоуѡа и Воуѡа, т. е. Туга и Вуга (Константин Багрянородный, 1989. С. 132–133). Этимология всех четырех имен связана с глаголами, обозначающими «плач», прежде всего, плач погребальный: «карити», «желети», «тужити», «выти/вьпити».

Появление пары «Карна и Жля» в «Слове» как раз предшествует началу погребального плача жен погибших русских воинов (Гаспаров, 2000. С. 52–55). В Ипатьевской летописи итоги похода князя Игоря Святославича характеризуются при помощи похожей устойчивой лексической пары «скорбь и туга люта» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 645). В других случаях в древнерусских летописях оплакивание покойника описывается с помощью аналогичных специальных терминов: «плакати», «карити», «желети», вьпити» (Мансикка, 2005. С. 103, 349–362). Отмечу также, что некое «божество» «З(*Ж)ела» упоминается в чешских источниках XIV в. (Ловмянский, 2003. С. 168; Топоров, 1998. С. 114).

Т. е., вероятно, перед нами две идентичные пары мифологических женских персонажей, олицетворяющие практику погребальных обрядовых плачей над погибшими. В «Слове о полку Игореве» отразилась древнерусская «мифопоэтическая память», в трактате Константина Багрянородного — «консультации» славянских информаторов. Возможно, оба сообщения отражают общий славянский мифологический архетип.

Отмеченные, пусть разрозненные, «совпадения» в самых разных историографических и фольклорных памятниках славянских народов и их соседей — важнейший признак того, что перед нами генетически-родственные рудименты некой реконструируемой общеславянской мифопоэтической традиции. При этом *достоверность «устного» мифопоэтического происхождения* известий не снимает и не подменяет совершенно отдельного вопроса об *исторической достоверности* тех или иных деталей отголосков славянского предания.

В заключение хочется сказать, что в последнее время в историографии господствовало скептическое отношение к аутентичности реконструкций славянских преданий древнейшего периода на основе очевидно поздних средневековых источников. Но сей-

час, на мой взгляд, пресловутое *onus probandi* фальсификационно-литературного, «книжного», происхождения ранних средневековых летописно-хроникальных известий о древнейшем периоде истории славян лежит уже на «скептиках».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Банашевич Н., 1971. Летопис попа Дуклянина и народна предања. Београд.
- Гаспаров Б.М., 2000. Поэтика «Слова о полку Игореве». М.
- ГВЛ — Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование / Сост. Н.Ф. Котляр, В.Ю. Франчук, А.Г. Плахонин. СПб., 2005.
- Гура А.В., 1997. Символика животных в славянской народной традиции. М.
- Дергачёв В.А., 2004. Культурная функция скипетров и модель их возможной археологизации (по данным гомеровского эпоса) // Археолог: детектив и мыслитель: Сб. статей, посвящ. 70-летию Л.С. Клейна. СПб.
- Жирмунский В.М., 2004. Фольклор Запада и Востока: Сравнительно-исторические очерки. М.
- Зданович Г.Б., 1995. Аркаим: Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск.
- Иванов Й., 1970. Богомилски книги и легенди. София.
- Иванов В.В., Топоров В.Н., 1965. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период) М.
- Иванов В.В., Топоров В.Н., 1974. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.
- Иванов В.В., Топоров В.Н., 1995а. Кий // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М.
- Иванов В.В., Топоров В.Н., 1995б. Лыбедь // Там же.
- Константин Багрянородный, 1989. Об управлении империей: Текст. Перевод. Комментарии / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М.
- Ловмянский Г., 2003. Религия славян и ее упадок (VI–XII вв.). СПб.
- Мансикка В., 2005. Религия восточных славян. М.
- Медведев А.П., 1999. Авестийский город Йимы (к истокам мифологии древних сакральных центров) // Нарция. Воронеж. Вып. 3.
- Петр из Дусбурга, 1997. Хроника земли Прусской. М.
- Пропи В.Я., 1999. Русский героический эпос. М.
- ПСРЛ. Т. II: Ипатьевская летопись. М., 1998.
- ПСРЛ. Т. XV: Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. IV. Ч. I: Новгородская четвертая летопись. М., 2000.
- Салмина М.А., 1995. Карна // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб. Т. III.
- Свердлов М.Б., 2003. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб.
- Соколова Л.В., 1995. Жля // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб. Т. II.
- СПИ — Слово о полку Игореве / Вступ. статья, подг. текста, комм. и прилож. А.А. Горского. М., 2002.
- Толочко А.П., 1994. «Князь-робичич» та «король-орач»: Східноєвропейські паралелі давньоруських генеалогічних легенд // Старожитності Русі-України: Зб. наук. праць. Київ.
- Топоров В.Н., 1998. Предыстория литературы у славян: Опыт реконструкции (введение к курсу славянских литератур). М.
- Фасмер М., 1996. Этимологический словарь русского языка. М. Т. III.
- Чекова И., 2003. Эпос, мифы и мифологемы в древнейшем летописании // Ruthenica. Київ. Т. II.
- Шииш Ф., 1928. Летопис попа Дуклянина. Београд; Загреб.
- Щавелёв А.С., 2007. Славянские легенды о первых князьях: Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М.

ЭССЯ, 1976 — Этимологический словарь славянских языков. Вып. 3 (*bratъсь — *сърку) / Под ред. О.И. Трубачева. М.

ЭССЯ, 1979 — Этимологический словарь славянских языков. Вып. 6 (*e — *golva) / Под ред. О.И. Трубачева. М.

Bakowski K., 1899. Podania i legendy krakówskie. Kraków.

Banaszkiewicz J., 1986. Podanie o Piaście i Popielu: Studium porównacze nad wczesnośredniowiecznymi tradycjami dynastycznymi. Warszawa.

Banaszkiewicz J., 1993. Slawiche Sagen de origine gentis (Al-Masudi, Nestor,

Kadłubek, Kosmas) — dioskuriche Matrizen der Überlieferungen // *Medievalia historica Bohemica*. № 3.

Banaszkiewicz J., 1998. Polskie dzieje bajeczne mistrza Wincentego Kadłubka. Wrocław.

Grafenauer B., 1952. Ustoličevanje koroških vojvod država karantanskih Slovencev. Ljubljana.

Krappe A.H., 1919. The Ploughman King // *Revue Hispanique*. T. 46.

Krappe A.H., 1923. La légende de Libuše et de Přemysl // *Revue des études slaves*. № 3.

Krappe A.H., 1930. Mythologie universelle. Paris.

О.Ф. Кудрявцев
*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России*

ДИПЛОМАТИЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО: ЦЕЛИ, ПРИНЦИПЫ, НАПРАВЛЕНИЯ (ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ)¹

Александр Невский больше известен как заслуживший высокую славу и народное почитание полководец, не знавший в войнах с иноплеменными агрессорами ни одного поражения: «побежая, а не победим», — сказано о нем (Житие Александра Невского, 2001. С. 194, 201). Меньше о нем вспоминают как о политике, стремившемся решать международные проблемы и споры прежде всего дипломатическими путями. Однако воином, — лично возглавлявшим свои дружины и участвовавшим в сражениях, — искусным, храбрым и при этом расчетливым стратегом он становился по необходимости, только тогда, когда близкие и дальние недруги, не оставляя ему никакого выбора, вторгались с оружием в руках в русские земли, которые он как князь обязан был защищать, с очевидной целью их захватить и поработить. Только тогда и только в отношении тех, кто не понимал иного языка, кроме языка силы, Александр Ярославич вынужден был вместо «дипломатии слова» прибегать к «дипломатии меча».

Впрочем, дипломатией, умелой, ответственной и твердой внешней политикой он сумел добиться не меньших результатов, чем своими воинскими подвигами. И рисковать собой и проявлять все лучшие и сильные качества своей души в посольских миссиях и

в переговорах с иноземцами у себя дома ему приходилось ничуть не меньше, чем в военных походах. И нужно признать, что ему стоили жизни успешные результаты оказавшегося последним четвертого посольства в Орду, возвращаясь из которого он занемог и скончался в пути.

Пусть наши знания о дипломатических трудах Александра Невского очень скудны и фрагментарны, тем не менее даже из того немногого, что о них сообщают источники, можно заключить о наличии вполне определенных *целей* и непреложных *принципов* его международной политики, а также ее *направлений*, значение и важность которых зависели не только от внешних обстоятельств, но и от того, какие задачи им надлежало решить.

ЦЕЛИ

Летописец храма Святой Софии в Новгороде записал по поводу кончины Александра Ярославича: «...даи, Господи милостивыи, видети ему лице Твое в будущи век...» (НПЛ. С. 84). В этой мольбе к Богу позволить новопреставленному «видети... лице Твое», т. е. обрести вечное спасение, отражены все упования эпохи, равно свойственные и человеку

---

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ № 09-01-00529а.

из народной толщи, и правителю; с той только разницей, что правитель отвечает перед Богом, взыскуя вечной жизни, не только за себя, как все прочие люди, но также за своих подданных. Конечно, он обязан оберегать от всех угроз, внутренних и внешних, их жизнь и имущество; но еще больше он должен радеть об их посмертном спасении. Именно поэтому ему следует блюсти их духовное здоровье, их веру. У Александра Невского, как и у многих других русских князей его эпохи, *охранение православной веры и церкви*, выступавших не только как религиозные институты, но и как важнейшие факторы всего духовного и гражданского устройства русской жизни, было обязательным условием и главной целью его политической деятельности (Вернадский, 2007. С. 206, 207, 216). Объясняется это тем, что впервые после принятия христианства именно в середине XIII в., в условиях тотальной внешней агрессии и явных покушений на русское православие, вопрос конфессиональный приобрел первостепенное значение, и верность религиозному выбору, сделанному Святым Владимиром, призвана была, помимо всего, обеспечить преемственность национальной идентичности русского народа², а с этим вместе и основу для его последующего самобытного исторического развития.

Кроме этой характерной для эпохи установки сохранить души людские для Бога была у Александра Невского другая близкая ей и вполне очевидная цель *сберечь самих людей*, спасти русские земли от захватов и разорений иноплеменниками, защитить — если невозможно мечом, то дипломатией, — от губительных нашествий, обеспечить условия для выживания. И следует признать, что Александру Невскому, по-разному реагировавшему на вызовы с Запада и с Востока, все это удалось как никому другому. И современниками было отмечено его великое радение о стране и людях: «...иже потрудиша за Новгородъ и за всю Русьскую землю» (НПЛ. С. 84), — сказано о нем в летописи.

Была еще одна забота, которая отчетливо прослеживается во всей политической деятельности Александра Невского, — *не дать межкняжеским отношениям развиваться в*

отношения межгосударственные, а отдельным князьям — стать орудиями, действующими в интересах внешних сил. Для этого он стремился не допускать ссоры и распри в княжеской среде и, как видно, признавая права князей-Рюриковичей на соучастие в управлении Русской землей, выделял им долю и тем самым умиротворял их, даже если когда-то они выступали или могли выступить вместе с иноземцами на Русь. Так, своего брата Андрея Ярославича, бежавшего к шведам после «Неврюевой рати» в 1252 г., он вернул, посадил княжить в Суздале и помирил с монголами (Кучкин, 2007. С. 242–244); а Ярослава Владимировича, участвовавшего в захватах немецкими рыцарями Изборска и Пскова в 1240–1241 гг., он испоместил в Торжке, и тот принимал участие, впрочем, не очень успешно, в обороне западных границ от литовцев (Карамзин, 1842. Т. IV I. Стб. 21; Соловьев, 1988. Кн. II. С. 150; Клепинин, 2004. С. 67). Со строптивыми, неуступчивыми новгородцами он предпочитал договариваться, находя убедительные способы заставить их подчиниться ему, в особенности тогда, когда их своеволие могло спровоцировать новое монгольское нашествие, губительное для и без того уже обескровленной страны. По справедливому наблюдению В.А. Кучкина, Александр Ярославич «в отличие от деда, отца, родных братьев, даже от собственных детей ни разу не участвовал в кровавых междоусобных схватках»; в крайнем случае он мог пойти на угрозу применения силы, однако до открытия военных действий против своих никогда не доходил (Кучкин, 2007. С. 247).

ПРИНЦИПЫ

Согласимся с высказанным в историографии мнением, что «деятельность Александра Невского определялась не только чисто политическими планами и расчетами», что в самой «основе его политики лежали принципы религиозно-нравственные» (Вернадский, 2007. С. 213). И пусть в источниках далеко не всегда можно найти явные формулировки этих принципов, тем не менее определенные

² См. также наблюдения: Назаренко, 2009. С. 341, 342, 347, 348.

правила, которыми он руководствовался в международных делах и которые свидетельствуют о характерном для православного сознания образе мыслей, различимы достаточно отчетливо.

Повествуя о том, как Александр Ярославич, после получения вести о появлении шведской военной экспедиции в Неве и направленного лично ему вызова от ее руководителя³, пришел в новгородский храм Святой Софии, автор Жития приводит молитву, с которой князь обратился к Господу: «Боже хвальный, праведный, Боже великий, крепкий, Боже превечный, основавший небо и землю и положивший пределы языком, *повеле жити не преступающе в чужую часть*» (выделено мною. — О. К.). Окончив молитву и выйдя из храма, он для ободрения своей дружины произнес знаменитые слова: «*Не в силах Бог, но в правде*» (Житие Александра Невского, 2001. С. 195, 201).

Сомневаться в том, что приведенные в Житии высказывания Александра Невского точно передают его установку, невозможно. Автор Жития, общавшийся с князем в последний период его жизни⁴, хорошо знал его умонастроение и никоим образом не стал бы приписывать своему патрону то, что ему не свойственно было открыто исповедовать. А кроме того, сам князь Александр никогда не предъявлял претензии на чужие территории, даже во время войны и даже в отношении тех, кто силой оружия хотел поработить русские земли и с кем он поэтому принужден был биться. Самое большое, на что он мог пойти, — это предпринять рейд во владения противника с целью заставить его вывести войска из русских пределов, разгромить его тылы, перерезать коммуникации и т. д. Так князь сделал во время войны с ливонцами в 1242 г.; и в 1256 г. он совершил очень трудный и опасный зимний поход в Финляндию,

чтобы разрушить там шведские опорные пункты, опять же только после попытки шведов и союзных с ними немцев закрепиться в новгородских землях на южном берегу Финского залива в Копорье (Шаскольский, 1978. С. 215–226; Кучкин, 2007. С. 238, 245). Словом, цель его состояла в том, чтобы предотвратить новые нападения на Русь, а не в том, чтобы присвоить вражеские территории. Как видим, сами поступки Александра Невского убеждают в том, что им вполне могла быть высказана мысль о недопустимости присвоения чужих земель. «Едва ли не впервые в средневековой Европе Александр Ярославич выдвинул идею нерушимости границ...» (Кирпичников, 2007. С. 256; 1996. С. 117), — это утверждение отечественного историка представляется вполне справедливым, поскольку неизвестно, чтобы кто-нибудь прежде него провозглашал подобный принцип и следовал ему в своей политике⁵.

С отмеченным выше принципом не посягать на чужие пределы тесно связан другой — *не искать личной выгоды* (Клепинин, 2004. С. 52). Этим Александр Невский резко выделяется в сравнении с другими государями эпохи, как на Западе, так и на Востоке. Навязанные ему войны, которые он вел со шведами, ливонскими рыцарями, литовцами и в которых он не раз рисковал собственной жизнью, не были нацелены на то, чтобы расширить подвластные ему территории, увеличить число подданных, захватить богатую добычу, стяжать ему громкую славу, но имели в виду единственно оборонить свои земли и своих людей, вызволить пленных. Так же и посольствами к монголам, смиряя себя, он предотвращал новые опустошительные набеги степняков на русские земли, облегчал участь русских невольников, выкупая и возвращая их на родину, добился прекращения выплаты «дани кровью», или поставку рус-

³ «Аще можеша противитися мне, то се есмь уже zde, пленяя землю твою» (Житие Александра Невского, 2001. С. 195, 201). Эти слова автор Жития приписывает «королю части Римския от полунощныя страны». Однако экспедицию шведов должен был возглавить не их король (в тот момент Эрик Эрикссон), а второе после него лицо в государстве, ярл Ульф Фаси (см. подробнее: Шаскольский, 1978. С. 170–178).

⁴ «Понеже... самовидец есмь възраста его (князя Александра. — О. К.)» (Житие Александра Невского, 2001. С. 194, 201).

⁵ Будем весьма признательны всем, кто сможет поправить нас и указать на выдвижение этого принципа в международных отношениях ранее Александра Невского.

ских воинских контингентов для ведения монголами войн далеко от границ Руси (итоги его четвертой и последней миссии в Орду) (Житие Александра Невского, 2001. С. 199, 206; Карамзин, 1842. Т. IV. Гл. II. Стб. 56; Соловьев, 1988. Кн. II. С. 155, 156; С. 69–71; Кучкин, 2007. С. 92). И трудно усмотреть в этом преследование князем собственной пользы⁶. Более того, известны случаи, когда Александр Невский явно поступался своими правами и подвергал свою жизнь заведомой опасности, обороняя русские земли. Так, в июле 1240 г., не дожидаясь ни помощи от своего отца Ярослава Всеволодовича, великого князя Владимирского, ни полного сбора новгородского ополчения («мнози новгородци не совокупилися бешя, понеже ускори князь пойти»), на участие которого он имел все основания рассчитывать, с малым войском («в мале дружине») выступил (Житие Александра Невского, 2001. С. 195, 201, 202) против, надо полагать, превосходящих сил шведов, чтобы сразить их неожиданным ударом. Еще более впечатляет финляндский поход Александра Ярославича 1256 г. Казалось бы, князь достиг цели, когда своим приближением заставил неприятелей бежать, а возведенные ими укрепления у Копорья по его повелению были срыты; никакой выгоды от последовавшего затем перехода зимой Финского залива и военного рейда по шведским тылам лично ему не было тем более, что новгородцы в значительной части отказались от дальнейшего участия в кампании (Шаскольский, 1978. С. 216): их

владения им были возвращены, а экспедиция в Финляндию представлялась им смелым до дерзости, но чрезвычайно опасным и не сулящим никаких серьезных приобретений предприятием. Другое дело Александр Невский, мысливший не категориями сиюминутной пользы, но умевший увидеть долгосрочные интересы своей страны, рассчитать возможную перспективу развития событий: он понимал, что присутствие шведов на северном берегу Финского залива позволит им в скором будущем собраться с силами и в удобный для них момент снова вторгнуться в русские пределы; ликвидация же вражеских укреплений и поселений, которую лучше осуществить зимой, когда шведам и их союзникам неоткуда ждать помощи, на какое-то время оградит новгородские территории от подобных вторжений. Как в этом, так и в других предприятиях (особенно в четвертой поездке в Орду), Александр Невский явил полное *самоотвержение*, готовность пожертвовать своими личными интересами и самим собой, защищая свою страну и своих людей, их веру, их жизнь (Клепинин, 2004. С. 52).

Еще одна характерная черта политики Александра Невского, разительно отличающая его от других правителей эпохи, состояла в том, чтобы *не налагать на побежденных тяжелые для них условия* мирных соглашений. Едва ли это делалось ради «нейтрализации европейских противников» с целью заключения «союза с ними для укрепления собственной самостоятельности» (Кирпичников, 2007.

⁶ И поныне в научной литературе, и даже в учебниках и учебных пособиях, воспроизводится мнение о том, что во второй раз, в 1252 г., князь Александр Ярославич ездил в Орду будто бы с целью побудить монголов лишить его брата Андрея Ярославича, опять-таки будто бы им оговоренного, ярлыка на великое княжение Владимирское и передать этот ярлык самому Александру; в этой связи Александра обвиняют в том, что именно он навел на Русь монголов, так называемую «Неврюеву рать», направленную против мятежного князя Андрея и опустошившую ряд территорий на северо-востоке (см.: Татищев, 1964. Т. V. С. 39, 40; Соловьев, 1988. Кн. II. С. 152; Вернадский, 2007. С. 212; Феннел, 1989. С. 147–149; Данилевский, 2001. С. 209, 210). Однако, как убедительно показал А.А. Горский, нападение монголов на Андрея, а равно и на Даниила Галицкого, было вызвано тем, что противная им группировка в Орде в лице Батия и поставленного им великого хана Менгу решила привести к покорности или сместить ставленников прежнего, враждебного им каракорумского правительства, коими были русские князья Даниил Галицкий и Андрей Ярославич. В этих условиях Александр Невский своим посольством должен был, скорее всего, наоборот, предотвратить или «локализовать», сделать не столь опустошительным для Руси карательный поход ордынцев (разоривших в итоге окрестности Переяславля Залеского и, возможно, Владимира); и вполне понятно, что именно ему, как старшему брату, был передан от скомпрометировавшего себя в глазах монгольских правителей Андрея ярлык на великое княжение Владимирское (Горский, 2007. С. 280–283). Подробный обзор точек зрения исследователей по этому вопросу см.: Соколов, 2004. С. 267–270.

С. 256). Но определенный политический расчет у Александра Невского, конечно, был, и состоял он, скорее всего, в том, чтобы трудно выполнимыми и унижительными для проигравшей стороны обязательствами не возбуждать в ней недовольства и не провоцировать ее тем самым на новые выступления против победителя. Мог быть и еще один мотив в подобного рода обращении — требования христианского *милосердия*. Повествуя о ходе ливонской кампании, в частности, о взятии и разрушении в 1241 г. построенной ливонцами крепости Копорье, автор Жития замечает, что из пленных одних князь Александр Ярославич повесил, других — с собой увел, а иных, помиловав, отпустил: «бе бо милостив паче меры» (Житие Александра Невского, 2001. С. 197, 203, 204)⁷. И неизвестно, чего в приведенных словах больше — восхищения князем или скрытого недовольства им. И этот второй оттенок чувства жизнеописателя Александра Невского очень понятен, невольно напрашивается сравнение с тем, как немецкие рыцари-меченосцы, взяв в 1222 г. Оденпе, его новгородских защитников повесили, а в 1224 г., захватив после долгой осады новгородский город Юрьев, оборонявшего его князя Вячко (Ветсеке) и всех его защитников перебили (Карамзин, 1842. Т. III. Гл. VI. Стб. 115–117; Соловьев, 1988. Кн. I. С. 620, 621; С. 106, 139, 189). Казнил Александр Невский скорее всего изменников, своих и из «чуди», т. е. представителей финно-угорских народностей, прежде бывших в подданстве у Новгорода, а затем по принуждению или добровольно принявших сторону его противников. Что же касается отпуска военнопленных, то такое обращение с ними не характерно для эпохи; в Европе их отпускали обычно за выкуп — деньгами или ценными вещами — или за уступки, прежде всего территориальные. После «Ледового побоища» в апреле 1242 г. Александр Невский сходным образом поступил с пленными рыцарями («иже именуют себе Божии ритори»), приведя их во Псков «босы подле конии» (Житие Александра Невского, 2001. С. 198, 204); им была сохранена жизнь и разрешено вернуться восвояси, но рыцарская честь их была публично посрамлена. И по заключенному с ливонцами в 1242 г.

мирному договору Александр Невский добился от них отказа от претензий на захваченные ими в ходе войны земли, размена пленными и возвращения заложников, среди которых должны были быть и отданные рыцарям в заложники дети псковичей (Карамзин, 1842. Т. IV. Гл. I. Стб. 20, 21; Соловьев, 1988. Кн. II. С. 150; Кучкин, 2007. С. 239).

Проводя внешнеполитическую деятельность, Александр Невский всегда стремился *иметь прочные тылы* и, по возможности, *союзников*, с которыми у него были бы общие геополитические интересы. Он вел себя уверенно и решительно, когда воевал со шведами (1240 г.) и с ливонцами (1241–1242 гг.), зная, что всегда может рассчитывать на поддержку своего отца Ярослава Всеволодовича, великого князя Владимирского, который в самый острый момент, накануне решающей битвы с немецкими рыцарями в апреле 1242 г., прислал ему дружину во главе с другим своим сыном, князем Андреем Ярославичем. Ярослав Всеволодович держал в своих руках связи с монголами и этим тоже обеспечивал тылы князя Александра Ярославича, который после смерти отца в 1246 г. сам должен был устраивать отношения с Ордой, окончательно сложившиеся, по-видимому, тогда, когда Александр Ярославич стал великим князем Владимирским (1252 г.).

Против шведов удобным союзником Александра Невского могла быть только Норвегия. По-видимому, ведя дело к союзу с ней, он начал в 1251 г. переговоры с норвежским королем Хаконом о женитьбе своего сына Василия на норвежской принцессе Кристине. Впрочем, этот брак, как и антишведский союз, не состоялись, хотя договор о разграничении земель на Севере, платящих дань соответственно Новгороду и Норвегии, был заключен (Пашуто, 1975. С. 122; Шаскольский, 1945. С. 112–116; Соколов, 2009. С. 157, 158). Другое дело литовцы, нападение которых на новгородские земли в 1245 г. Александр Невский отбил с огромными для них потерями. В отношениях с ними со временем обнаружился линии не только противостояния, но и взаимодействия. Прежде всего, против немецкого Ордена, претендовавшего как на русские, так и на литовские земли. Антиорден-

⁷ См. также: Клепинин, 2004. С. 53.

ский союз с литовцами сложился под конец жизни Александра Невского, в 1262 г. состоялся совместный с литовцами поход его сына Дмитрия на захваченный рыцарями г. Дерпт (Юрьев) (Соловьев, 1988. Кн. II. С. 157; Матузова, Назарова, 2002. С. 241–247; Соколов, 2009. С. 148, 149).

НАПРАВЛЕНИЯ

На первых этапах государственной деятельности Александра Невского исключительное место в его внешней политике принадлежало *западному и северо-западному направлению*. После смерти в 1246 г. его отца, занимавшегося отношениями с монгольскими правителями, и особенно с получением Александром Ярославичем ярлыка на великое княжение Владимирское, не меньше внимания он уделял *восточному направлению*. Стоит обратить внимание на то, что эти направления отмечены уже автором Жития, человеком, несомненно, близким Александру Невскому, знавшим и передававшим в своем сочинении его восприятие и оценки событий: так, ливонских рыцарей он называл выходцами «от *Западных* страны» (выделено здесь и далее нами. — О. К.), шведского предводителя — «король части Римьския от *полуночных* страны», а монгольского хана («царя») Батыея он отнес к «*Въсточней* стране» (Житие Александра Невского, 2001. С. 194, 195, 197, 198, 199, 201, 203, 205, 206). И политика в этих двух направлениях коренным образом различалась; с определенными оговорками можно согласиться с тем, что Александру Невскому «на Западе приходилось выступать с оружием в руках и предложениями “мягкого мира” и союза, на Востоке — методами дипломатии, уговорами, просьбами» (Кирпичников, 2007. С. 256)⁸. Политика Александра Невского, вполне возможно, была «евразийской», если характеризовать ее в понятиях историософии нашего времени, но заключалась она не «в балансировании между силами Запада и Востока» (Кирпичников, 2007. С. 256; 1996.

С. 117), а в том, чтобы в период тотальной агрессии на Русь, наступления иноплеменников на всех ее границах сделать точный геополитический выбор, дававший возможность сберечь русские земли, обеспечивавший духовное и физическое выживание русской народности. И он был сделан в пользу Востока, который — в лице монгольских правителей, — пусть и требовал признания политической зависимости, обременял покоренный народ данью и карал его за мятежи новыми опустошительными набегами, не настаивал, однако, на перемене всего внутреннего строя жизни и сложившейся на Руси системы общественных отношений, не покушался на веру (Вернадский, 2007. С. 199, 200, 206, 207; Клепинин, 2004. С. 57, 58, 95–100; Бахрушин, 1942. С. 69; Leitsch, 1978. S. 214; Кирпичников, 2007. С. 256). Всего меньше этот выбор был ходом политического «оппортуниста»⁹; совершив его, Александр Ярославич избежал «войны на два фронта» и, несомненно, упрочил свои позиции в «диалоге» — дипломатическом и военном — с Западом. Но гораздо важнее то, что этим своим шагом Александр Ярославич обеспечил в перспективе условия национального возрождения и самобытного исторического развития своего народа, сохранил почву для формирования им собственной культуры и цивилизации.

* * *

Политика Александра Невского дала свои результаты. Русские земли, находившиеся в сфере его прямой ответственности как князя Новгородского, а затем — великого князя Владимирского, были сохранены благодаря его храбрости и полководческим талантам при отстаивании северо-западных и западных рубежей Руси, благодаря искусной и мужественной дипломатии на Востоке, решимости собой заслонить свою страну, свой народ, готовности жертвовать своей жизнью, чтобы в тяжелых условиях чужеземной зависимости добиться облегчения его участи (Кучкин, 2007. С. 247). Благодаря тому также, что умел после смерти отца прекратить на се-

⁸ Мирные соглашения на «мягких условиях» Александр Невский действительно предлагал, но вот на союз с Западом он никогда не шел и пойти не мог (см.: Кудрявцев, 2009. С. 159–172).

⁹ См. характеристики Александра Невского у маркиза де Кюстина (в работе: Вернадский, 2007. С. 198) и Дж. Феннела (1989. С. 145, 149, 163).

вере Руси распри и привести к миру князей, признавших его политическое главенство. По словам австрийского историка, Александр Невский «на долгие времена стал последним русским князем, успешно отстаивавшим интересы всей страны перед лицом соседних государств» (Leitsch, 1978. S. 204).

Александр Невский не пытался и не стремился покорить себе другие народы, захватить чужие земли; он даже не стал возвращать те из русских (новгородских) владений, которые были утрачены до него, — г. Юрьев, захваченный рыцарями-меченосцами, земли финского племени емь (тавастов), перешедшие под контроль шведов. Вся его деятельность

полководца и правителя была направлена исключительно на *оборону* Руси средствами войны и дипломатии как от прямых угроз и нападений, так и от не менее опасных и губительных соблазнов — антимонгольских мятежей и восстаний или предложений союза с силами Запада и папского покровительства. Однако именно защитой границ и земель Руси, сбережением населения и охранением его православной веры Александр Ярославич Невский создал условия для последующего развития русского национального самосознания, в период тяжелейших потрясений и испытаний заложил основы грядущего возрождения страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахрушин С.В., 1942. Александр Невский и борьба русского народа с немецкой агрессией в XIII в. // Вестник АН СССР. № 4.

Вернадский Г.В., 2007. Два подвига Святого Александра Невского // Не в силе Бог, но в правде: Святой Благоверный князь Александр Невский. М.

Горский А.А., 2007. Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // Там же.

Данилевский И.Н., 2001. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М.

Житие Александра Невского // Древнерусские княжеские жития / Подгот. текстов, пер. и комм. В.В. Кускова. М., 2001.

Карамзин Н.М., 1842. История государства Российского. СПб. (Репринт — 1988 г.)

Кирпичников А.Н., 1996. Александр Невский: между Западом и Востоком // ВИ. № 11–12.

Кирпичников А.Н., 2007. Две великих битвы Александра Невского // Не в силе Бог, но в правде: Святой Благоверный князь Александр Невский. М.

Клепинин Н.А., 2004. Святой и Благоверный великий князь Александр Невский. СПб. (1-е изд. — Париж, 1927.)

Кудрявцев О.Ф., 2009. Александр Невский и папство // Александр Невский. Государь. Дипломат. Воин. М.

Кучкин В.А., 2007. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Не в силе Бог, но в правде:

Святой Благоверный князь Александр Невский. М.

Матузова В.И., Назарова Е.Л., 2002. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г.: Тексты, пер., комм. М.

Назаренко А.В., 2009. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М.

НПЛ: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.

Пашуто В.Т., 1975. Александр Невский. М.

Соколов Р.А., 2004. Александр Невский: панорама новейших мнений // Клепинин Н.А. Святой Благоверный и великий князь Александр Невский. СПб.

Соколов Р.А., 2009. Политика Александра Невского в Балтийско-Скандинавском регионе // Александр Невский. Государь. Дипломат. Воин. М.

Соловьев С.М., 1988. Сочинения. М. Кн. II. Татищев В.Н., 1964. История Российская. М.; Л. Т. V.

Фенел Дж., 1989. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М.

Шаскольский И.П., 1945. Посольство Александра Невского в Норвегию // ВИ. № 1.

Шаскольский И.П., 1978. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л.

Leitsch W., 1978. Einige Beobachtungen zum politischen Weltbild Alexandr Nevskijs // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden.

Жан Дюрен
Société d'études et de recherches préhistoriques des Eyzies,
Ronchamp, France

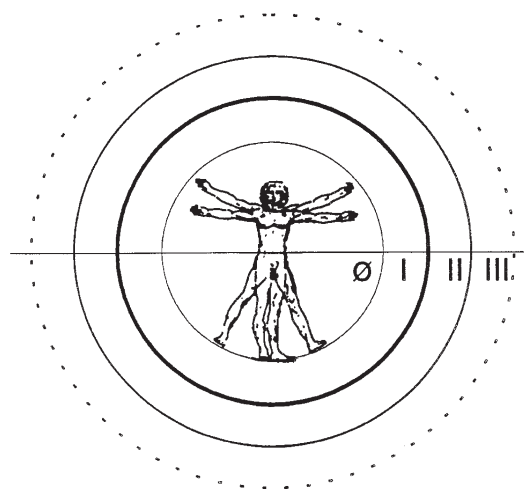
ЭМОЦИИ И ИНТОНАТИВНЫЕ КЛИШЕ В РАМКАХ СТЕРЕОЛИНГВИСТИКИ¹ (К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РЕЧИ)

Стереолингвистика основывается на идее, что любое высказывание, произносимое в стандартных условиях устной коммуникации, воспринимается говорящим (а также и слушающим) как более или менее близкое к собственному телу (*сому*) говорящего, к его «собственной шкуре», так сказать. По мере того как «участие корки в организации поведения» (Vygotski, 1998. Р. 165) становится более активным и властным, увеличивается расстояние между высказыванием и **сомой** говорящего. Все параметры приближаются к минимуму выразительности, достаточному для оптимальной узнаваемости смысловых элементов высказывания. Фразы, заранее записанные, которые мы слышим на вокзалах, в вагонах, в автомобилях, произносятся аппаратами, где о **сому** говорящего не может быть и речи. Эмоции тут ни при чем.

Можно было бы подумать, что удаление, отключение **сомы** от высказывания происходит постепенно, градуально, и не подразумевает переступания определенных порогов, качественно отличающих между собой разные виды высказываний. Так, во всяком случае, смотрит на это «классическая» лингвистика. Долгое наблюдение за человеческим поведением привело нас, однако, к той мысли,

что такие пороги существуют действительно и что отношение детской речи к детской *сому*, например, совсем не то, что отношение речи ученого, выступающего с докладом на каком-нибудь важном съезде, к *сому* этого ученого. Но если ученый, идя к трибуне, спотыкается...

Итак, мы решили моделировать голосовое (но и не голосовое) поведение человека в виде четырех концентрических сфер, внутри которых поместили изображение человека, нарисованное Леонардо да Винчи (рис. 1). Мы

---

¹ Для ознакомления с теорией, называемой нами «стереолингвистикой», мы отсылаем читателя к нашей статье (Коммуникативно-смысловые параметры... 2002. С. 275–285).

назвали эти сферы **сферами когниции**, или **когнитивными под-мирами человека**.

Можно было бы также считать, что сферы представляют собой четыре вида пространства-субстрата, о котором так убедительно говорил математик и метафизик Рене Том. Цитируем его: «Любая наука есть прежде всего изучение определенной феноменологии. Объясняю: все явления, подвластные какой-либо определенной научной дисциплине, суть акцидентные формы на фоне определенного пространства, которое можно называть **пространством-субстратом** изучаемой морфологии. В самых общих случаях (физика, биология и т. д.) **пространство-субстрат** — это просто-напросто обычное время-пространство. Иногда приходится, однако, принимать в качестве субстрата несколько иное “пространство”, вытекающее, так сказать, из обычного макроскопического пространства или создаваемое с помощью технического средства (микроскоп, телескоп и т. д.), или благодаря созданию “пространства” с новыми параметрами (не говорим ли мы, например, что акустика есть наука о звуках? и т. д.).

И наконец, некоторые дисциплины, особенно в рамках того, что называется науками о человеке/гуманитарными науками, — прежде всего, я думаю, социология, — до сих пор задаются вопросом, каковы “факты”, которые входят в их компетенцию, и до сих пор не могут дать им чисто морфологическую дескрипцию» (Thom, 1983. Р. 5)

Том пишет еще следующее: «По мне, дискретные структуры интересны постольку, поскольку они так или иначе могут быть погружаемыми в недискретное, в непрерывное».

Лингвистика претерпевает сейчас определенный кризис. Включение понятия **пространства-субстрата** в ее проблематику позволит ей, может быть, выбраться из этого кризиса.

Вернемся теперь к нашим четырем сферам, или к четырем **пространствам-субстратам**.

Долгое время мы допускали возможность только трех сфер. Первая рассматривалась под знаком **единичного**, вторая — под знаком **частного**, третья — под знаком **общего**. Эти три определения часто упоминаются в теориях, касающихся познания,

например у Энгельса, в «Диалектике природы», в главках «О классификации суждения» и «Naegeli». Мы и довольствовались ими. Однако исследование соотношения между жестами и говорением и тот факт, что известные высказывания отсутствием в них подлинной членораздельности, композиционности, похожи на настоящие «вербальные жесты» — *Ах!!! — Ох!!! — Ой!!! — Ну!!! — Ну и ну!!! — Ишь!!! — Ужас!!! — Хорош!!! — Иди!!! — Держи карман шире!!! — Не говори!!! — Этого не хватало!!!* — привели нас к открытию четвертой сферы. На вид выражение «*Держи карман шире!!!*» имеет все черты членораздельности (глагол, второе лицо, существительное и т. д.), но на самом деле оно такое же нечленораздельное, как эмоция, которая через него выражается и которая могла бы выразиться одним только жестом или одной только позой. Очень важно, принципиально важно, не терять из виду, что высказывания подобного рода нечленораздельны.

Мы назвали новую сферу **нулевой** по отношению к первым трем потому, что она выглядит как «инфра-языковая», она как будто существует до приведения в действие той парадигматико-синтагматической «игры», которая после Соссюра воспринимается как самая существенная черта языка с двойной артикуляцией (первая артикуляция — разбиение фразы на слова; вторая артикуляция — разбиение слова на фонемы).

Нулевая сфера (сфера 0) окружает **сому** не только человека, но и любого живого организма (это же можно условно сказать и о **сферах 1 и 2**). Она служит **пространством-субстратом** для поведения индивида, чье внимание целиком и полностью обращено на какое-то точечное событие или на срочное решение какой-то проблемы. Время-пространство в **сфере 0** ограничивается непосредственным окружением этого индивида и не разворачивается во времени ни в сторону прошедшего, ни в сторону будущего. Кто наступает босиком на острую кнопку и испускает крик или бранное слово, дает хороший пример того жанра «высказываний» или слуховых звуковых? форм, который характерен для **сферы 0**. Как видно, речь идет о квазинепопосредственном выражении собственно-го тела, с минимальным участием корки в

определении поведения. Психолог Анри Валлон называл этот тип мгновенных реакций на окружающую среду «пониманием ситуаций», или «практическим умом» (*intelligence des situations; intelligence pratique*), и находил его и у животных (Wallon, 1970. P. 18; 1982. P. 264–265). Сочетание обстоятельств, имеющее место в данном **пространстве-субстрате**, мы называем термином **ситуация**. **Сферу 0** мы называем **сферой ситуационного**.

Сфера 1, сфера единичного, сфера актуального в лингвистическом смысле слова есть пространство-субстрат, где пространство, пространственные обстоятельства соответствуют нормальному, обыденному поведению человека, а время разворачивается в умеренной степени в сторону прошедшего и в сторону будущего, в зоны, соприкасающиеся с данным моментом, с моментом высказывания, например. Пространство тут рассматривается как реальное конкретное окружение говорящего, с сущностями, имеющими каждая свое название: *стол, окно, букет цветов, солнце, облака, настенные часы...* **Ситуация** со своими жесткими ограничениями превращается здесь в **сцену** (другой термин). Нет уже той драматичности, которая характерна для **сферы 0**; но это не значит, что обстоятельства совершенно безразличны, — в таком случае «говорящий» не испытывал бы потребности в говорении!

Подключение корки проявляется прежде всего в том, что высказывание становится композиционным, членораздельным: по отношению к **сцене** одна часть его содержит мало нового (*стол*, например, если **сцена** включает в себя *стол*), — это то, что мы назовем **темой**, а другая часть содержит, наоборот, новую информацию, на взгляд говорящего, важную по каким-то причинам, — это то, что мы назовем **ремой**. В **сфере 1** в русском, как и во французском, а может быть, и во многих других языках, **рема занимает первое место** и несет на себе всю эмоциональную нагрузку, а **тема** идет после, с изменением всех параметров (громкость, уровень тона, темп речи и т. д.) в сторону нейтральности: *Ах!! мерзавец. — Ох!! коленки. — Ишь!! какая. — Ужас!! климат. — Хорош!! гад. — Иди!! ты. — Держи карман шире!! дорогой. — Вот так!! штука*. Очень часто, но не всегда, высказывания из **сферы**

0 могут служить **стержнем** для высказываний из **сферы 1**; при других подходах второй элемент называется **открытым элементом** (*pivot; ouvert*: François et al., 1977. P. 94; Braine, 1963).

Фразу из **сферы 1** мы называли **брошенной фразой** (*phrase jetée*).

Начиная с **брошенной фразы**, организуется парадигматико-синтагматическая игра, характерная для человеческой речи с двумя артикуляциями; вместо *Хорошо!!!* (реактивной фразы, выражающей восторг, восхищение), **брошенная фраза** составляется:

— прибеганием к парадигме существительных: *Хорош!! бизон. — Хорошо!! мясо. — Хороша!! пещера*;

— прибеганием к парадигме глаголов, т. е. элементарных глагольных времен и наклонений, что представляет собой, нам кажется, более значительный когнитивный прогресс: *Хорошо!!! — Хорошо!! было. — Хорошо!! будет. — Хорошо!! было бы*. Можно с полным правом считать, что стремление к настоящей коммуникации тут очевидно. Речь идет уже не просто о разрядке создавшегося в организме напряжения, а о подлинной ориентации на разговор с возможными вопросами и ответами: *Хорошо?? мясо. — Хорошо!!!*

Сфера 2, сфера частного, сфера итератива-дуратива, т. е., для лингвиста, сфера **неактуального**, представляет собой новое **пространство-субстрат**, уже не конкретное, уже визуально не присутствующее, а умо-зрительное, так сказать. Эта сфера как будто изображает привычное окружение и привычное каждодневное поведение говорящего. В огромном большинстве случаев разговоры имеют место между людьми, разделяющими приблизительно один и тот же **когнитивный под-мир**: между собой разговаривают, например, две русские текстильщицы, или две африканские торговки тканями, или два парижских ученика из одной школы...

Сущности, присутствующие в высказываниях, будучи частями общего для собеседников **когнитивного под-мира**, воспринимаются ими как хорошо известные (их не надо предварительно вводить в разговор путем бытийных фраз типа «У нас в доме живет большой артист»), в них нет ничего нового; можно считать, что они в высказывании

представляют собой **тему**, тематическую часть. **Ремой** будет то новое, порою неожиданное, что говорится о них. Сущности, о которых идет речь, представлены в этой части **анафорами** или **катафорами**: *Цветочки, они никогда не лишние! — Они никогда не лишние! цветочки. — Он очень добрый! твой дядя. — Твой дядя, он очень добрый!*

Из-за этого кливажа мы и называли фразу **расщепленной фразой** (phrase clivée).

Можно выдвинуть такую теорему: «Чем больше будет эмоциональная нагрузка на элементе высказывания, тем сильнее будет тенденция выдвигать этот элемент на первое место»; ср.: *Я его убью. — Убью!! я его.*

Эмоциональная нагрузка в высказываниях из **сферы 2** обычно не очень большая (не то, что в **сфере 0!**). Неудивительно тогда, что в этих высказываниях **порядок тема — рема** или **рема — тема, безразличен**: *Соль(-то), она полезная! — Она полезная! соль(-то).*

Сфера 3 есть **сфера общего**, сфера всевременного или вневременного, сфера **гномического**. Это **когнитивный под-мир**, необъятный по своим размерам, т. к. он включает в себя огромную долю того, что было написано и записано человеком (если говорить только о речевом наследии) и сохранилось до наших дней, а также и того, что им сегодня пишется. Благодаря письму все может претендовать на вечность, на универсальность. Время-пространство этой сферы характеризуется полной делокализированностью и в отношении пространства, и в отношении времени. Принадлежат к этой сфере, например, пословицы, как правило, претендующие на универсальную пригодность, но также и все достижения науки, искусства, философии... В огромном массиве письменности, ориентируемой на **сферу 3**, порядок частей очень строг: в начале высказывания подается **тема**, потом идет **рема**, т. е. новая информация; надо только иметь в виду, что есть фразы целиком **рема-тематические**, например, первая фраза канонических сказок и рассказов. Образец фразы из **сферы 3**: *Вода (тема, которая была, может быть, эксплицитно введена в разговор, или тематизирована, формулой «Сегодня будем говорить о воде») состоит из водорода и кислорода (рема). Она (тема) кипит при температуре сто градусов (рема).*

Высказывания (или фразы) классифицируются так:

сфера 0: реактивные фразы, нечленораздельные (по-французски мы их называли *phrases boullées*);

сфера 1: брошенные фразы с порядком **рема — тема** (*phrases jetées*);

сфера 2: расщепленные фразы с индифферентным порядком **тема — рема** или **рема — тема** (*phrases clivées*); с одной стороны сущности, с другой стороны — что говорится о них.

сфера 3: связные фразы со строгим порядком **тема — рема** (*phrases liées*).

Эмоциональная нагрузка указана присутствием восклицательных знаков после ремы (**сферы 0, 1 и 2**) или отсутствием таковых (**сфера 3**):

Ужас!!!

Ужас!! климат.

Они никогда не лишние! цветочки или Цветочки, они никогда не лишние!

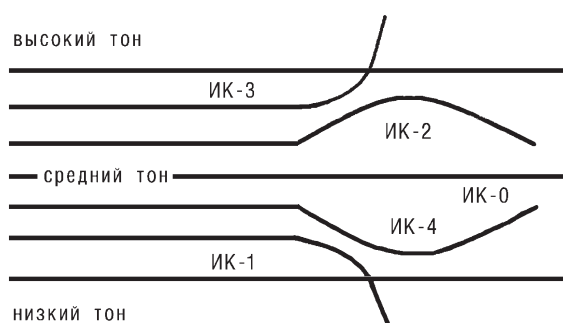
Вода состоит из водорода и кислорода.

Наша система позволяет нам дать слову «эмоция» новое однозначное определение: эмоция — это то, что происходит в организме (да и вокруг него, можно считать!) при появлении ярко выраженной активной **сферы 0** внутри **сферы 2**; **сферу 1** можно считать простой актуализацией **сферы 2**. **Чувство** имеет более интеллектуальные характеристики, чем эмоция, и продолжается дольше; оно относится к **сфере 1**. К **сфере 2** относятся **страсти**: страсть к картам, страсть к лошадям. А **сфера 3** характеризуется стремлением к уравновешенности, к **отсутствию аффектов**.

Работы по интонации очень редко включают в себя хотя бы предварительную классификацию или типологию фраз. В области разговорной речи, например, фразы распределяются по их интонационному контуру больше, чем по их синтаксическому или модальному строю: повествовательные фразы, вопросительные фразы, «восклицания», и т. д. Некоторые интонологи, особенно из тех, кто работает в области связи или старается синтезировать упрощенную речь, изучают одни только **связные фразы** и оперируют двумя только контурами: повышением тона и понижением тона.

Ценные труды Е.А. Брызгуновой придают гораздо большее значение интонации как таковой, нежели синтаксису или типологии фраз. Елена Андреевна сказала нам однажды, что «мало получила от синтаксистов». Но это она, первая и единственная в мире, определила, как выглядит самый костяк человеческой интонации. Следуя ее примеру, мы позволили себе придать более наглядный вид этому костяку, и вышло что-то вроде сагиттального разреза тюльпана (рис. 2).

ИК-1 (интонационная конструкция 1, или интонема 1): выход из медиума в низший тон; контур конечной (последней во фразе) речитативной синтагмы в повествовательной фразе (Брызгунова, 1977; 1984; Durin, 1988): *Наташа там*.

ИК-2: понижение и повышение в рамках медиума; переспрос (*А Наташа?*); неконечная синтагма (*А когда он вышел...*).

ИК-3: выход из медиума в высший тон; вопрос без вопросительного слова (*Он уходит?*); неконечная синтагма (*А когда он завыл...*).

ИК-4: повышение и понижение в рамках медиума; типичный контур «восклицания» (*Наташа!*); неконечная синтагма (*А когда он вышел...*).

ИК-0: ровный тон в медиуме; очень частая интонема; она заменяет ИК-1 и указывает на то, что говорящий еще не предоставляет возможность говорить собеседнику, собирается продолжать.

В нашей работе (Durin, 1988) мы показали, что ИК-5, ИК-6 и ИК-7 Е.А. Брызгуновой — это лишь экспрессивные, очень эмоциональные варианты ИК-2. А костяк относится к «сфере 2».

Диссертации аспирантов Е.А. Брызгуновой — носителей самых разных языков — подтверждают универсальное значение ее

взглядов на интонацию. Дальнейшее развитие изучения интонации предполагает, по-моему, обращение к понятию «**пространство-субстрат**» и к его вышеописанным следствиям.

Вернемся теперь к **реактивной фразе**. Она требует специального подхода оттого, что она самая близкая к **come** и выражает в самом чистом виде самые разные, крупнокалиберные или микроскопические, эмоции.

Как и все другие животные, человек не мог бы существовать без присутствия в его окружении так называемых «сигналов-проводников» (*signaux-guides*), позволяющих ему жить в достаточно гомеостатических условиях, без резких изменений, требующих от организма слишком большой траты энергии. Для человека это, например, привычная обстановка разных комнат в квартире, привычная утварь на кухне, круг друзей, список адресов и телефонов, обычный порядок дня и т. п. Это окружение существует и в мозгу субъекта в неактуальном виде, но актуализируется конкретно то в виде одной **сцены**, то в виде другой: *я сейчас завтракаю на кухне; я сейчас покупаю марки на почте; я сейчас учу урок*, и т. д.

Но помимо этих сигналов-проводников, обеспечивающих индивиду внутренний покой и минимальную трату энергии в его действиях («автоматический пилотаж»), окружение может подать в любой момент сигнал другого вида, идущий против нормальных ожиданий индивида в данный момент и вызывающий сразу же более живую и свежую реакцию, которую мы и будем называть эмоцией: наступает кто-то мне на ногу; бросает кто-то неожиданный вызов; отчаянно врет при мне кто-то; падает со стола ваза; узнаю из письма, что кто-то умер из старых друзей...

Обычно ребенок легко понимает (декодирует) эмоции до того еще, как начнет говорить. «Обоюдное взаимодействие, которое вызывают эмоции у всех, является, наверное, первой формой психических обменов и обуславливает разные отношения солидарности, которые могут устанавливаться между членами той или иной группы. Благодаря этому маленький ребенок, совершенно лишенный каких-либо средств в отношении внешнего мира, располагает хотя бы набором экспрес-

сивных реакций, способных вызывать в зависимости от его нужд попечение/помощь со стороны взрослых» (Wallon, 1982. P. 220).

Однако какие же этикетки мы будем наклеивать на эти эмоции, если нам захочется дать каждой из них название, наименование? В специальных словарях можно найти слова *боль, удовольствие, отчаяние, надежда, грусть, радость, страх, гнев* или еще *любовь с первого взгляда* (coup de foudre). Создается впечатление, что список мог бы увеличиваться до бесконечности, но самое название эмоции все больше и больше приближалось бы просто-напросто к описанию ситуации (здесь, например, coup de foudre).

Другой подход, который мы здесь и предлагаем, был нам подсказан практикой вирусологов. После того как была произведена сортировка первых вирусов в зависимости от их действия на более сложные организмы, специалисты, видя невероятный наплыв новых вирусов, решили классифицировать их по морфологии: круглые вирусы, овальные вирусы, квадратные вирусы, в виде колечек, в виде черточек и т. д.

Подобным же образом мы предлагаем классифицировать эмоции в зависимости от их морфологии, как прекрасно может это делать речевая практика внутри **сферы 0**. И действительно, реактивные фразы характеризуются:

— как **клише на сегментном уровне**: *Ах!!! — Пхе!!! — Рассказывай!!! — До лампочки!!!*

— как **клише на супра-сегментном уровне** (клишированные с более или менее застывшим контуром); о реактивных фразах часто говорят, как об интонационных клише;

— как **некомпозиционные** (мы очень настаиваем на этом их характере, несмотря ни на какую видимую лексико-синтаксическую сложность).

Эта **некомпозиционность** соответствует тому факту, что корень **реактивной фразы** — это цельная, то сильная, то слабая, эмоция. Впрочем, реакция на новое, неожиданное, часто выражается просто жестом (условным или нет), позой, криком, бормотанием, визгом, или даже отсутствием какого-либо зримого признака.

Итак, ничего тавтологического не будет, если мы будем говорить, что клише *Держи карман шире!!!* выражает эмоцию «Держи карман шире!!!», что клише *Пхе!!!* выражает эмоцию «Пхе!!!», что клише *Бяка!!!* выражает эмоцию «Бяка!!!» и т. д. Можно таким образом составить словарь эмоций того или другого языка с приблизительными эквивалентами на родном языке (*Держи карман шире!!! = Tu reux toujours courir!!!*). Если нужно, можно всегда объяснить многословно и подробно, в чем суть этой эмоции.

Разговор — это не просто холодный обмен информацией: это и чередование эмоций, вызванных чередованием реплик. Приятный разговор предполагает именно этот обмен микроскопическими или более яркими эмоциями. Реактивные фразы, такие как *Рассказывай!!! — Не говори!!! — Легко сказать!!! — Басни!!! — Вранье!!! — Вот оно что!!!* и т. п., подчеркивают чередование эмоций во время живого разговора.

Преимущество «длинной формы» (*Этого не хватало!!!* вместо эквивалентного *Ах!!!* или определенного жеста) в обменах заключается еще и в том, что при переходе от живой жизни к письменной передаче ее (когда теряются интонация и самая поза говорящего) эмоция легко и безошибочно воспринимается читателем, он сразу распознает ее суть на основе сегментной ее передачи. Читая «*Этого не хватало!!!*», мы буквально слышим голос персонажа и неосознанно заражаемся его эмоциональной окраской.

Каждый поймет, как важен вопрос преподавания этих клише человеку, учащему новый язык. Можно было бы начать именно с этого (а не с традиционного *Что это? — Это класс*), чтобы потом перейти к **брошенным фразам, к расщепленным, и, наконец, к связным**.

Стереолингвистика открывает новое поле перед тем, кто пытается понять, как родилась человеческая речь. Мы часто задаемся вопросом, вдруг ли она появилась, или постепенно. По-нашему, это довольно пустой вопрос, в том смысле, что речь могла развиваться постепенно, в рамках реактивной фразы, но потом произошел тот невероятный качественный скачок, когда человек вдруг понял, что все понятия, которые у него в мозгу (а их

становилось все больше и больше благодаря занятиям **фигурацией**), требуют своего имени, своего наименования: *вода, солнце, луна, голова, нога, рука, палец, мамонт, лошадь, бизон, жилище, огонь* и т. п. и т. д.

Леруа-Гуран считал, что для того, чтобы рисовать, надо уметь говорить. Мы держимся противоположного мнения. **Реактивная фраза** даже в самых простых ее формах доказывает, что благодаря интонации можно вполне адекватно выражать одно- или двусложным «высказыванием» даже самые тонкие, самые деликатные эмоции, не обладая еще речью с двойной артикуляцией. Рисовать тоже можно, еще не обладая этой речью.

Эмоция, требующая выражения, бывает иногда столь сложной, что давать ей эксплицитное выражение путем соответствующей тематической части (как в брошенной фразе типа *Ужас!! тигр. — Ужас!! змея*) невозможно. Вот интересный пример из книги А.И. Германовича «Междометия русского языка»:

«В очерке В. Овечкина об одном колхозе рассказывается о собрании, посвященном достижениям колхоза “Красное знамя”: “Расхо-дились из клуба все в каком-то приподнятом, взволнованном настроении. У женщин, как всегда, не обошлось без слез. Христина Соловьева, одной рукой вытирая слезы, другой вlepила тумак в спину своему председателю.

— Эх!

И в это слово вложила все, что пережила, почувствовала за день”» (Германович, 1966. С. 85).

Можно вполне представить себе неандертальца, еще не владеющего речью с двойной артикуляцией, еще не давшего каждому понятию свое наименование, и вложившего в эту реактивную фразу и в этот тумак все, что пережил за день охоты на бизона.

А.И. Германович не говорит, конечно, о реактивной фразе; иногда в его тексте мелькает выражение **междометие-предложение**, но в общей сложности междометие для него — это не тип фразы, а часть речи (как глагол, имя существительное, прилагательное и т. д.). Его книга — не из новейших, но нам кажется, что и в теперешних междометиях пребывает в своем старом статусе. Во всяком случае, так

оно и есть в сегодняшних французских лингвистических трудах.

А.И. Германович пишет еще: «Мы видим, таким образом, что междометия являются таким же необходимым элементом стиля, средством реалистического изображения действительности, как и другие элементы языка. И они совсем не “первичны” и не реликтовые, а являются продуктом высокоразвитого языка» (Там же. С. 104). Он уточняет, на кого обращена критика: «По этому вопросу существует ошибочное мнение не только у лингвистов, но и у философов и психологов. Выготский и Лурия, например, полагали, что “возгласы и междометия при работе, плач или смех, восторженные крики при победе или устрашающие крики при преследовании не имеют ничего общего с интеллектом, с мышлением, их корень — это простая тенденция разрядить создавшееся в организме напряжение, они не могут претендовать на большую роль, чем простые выразительные движения. Их основа эмоциональна” (Выготский — Лурия 1930: стр. 193 и сл.)».

Стереолингвистика не разделяет идеи Выготского и Лурии, что эти «возгласы и междометия» «не могут претендовать на большую роль, чем простые выразительные движения». Разрешить противоречие довольно просто: надо включить в один большой ансамбль озвученные и не озвученные формы выражения эмоций. Тумак в спину для нас — это та же реактивная фраза, что и «Эх!!!» Христины Соловьевой, но не озвученная. Громкий вздох у иного человека — это будет та же реактивная фраза, что и «Эх!!!», но озвученная по-другому. На наш взгляд, то, что мы называли **«реактивной фразой»**, — это самый «корень» речи с двойной артикуляцией, это тот мощнейший маховик, который дал этой речи возможность появиться и развиваться все больше и больше. Ведь вслед за простым *Хорошо!!!* могли появиться *Хорош!! тигр. — Хороша!! пещера. — Хорошо!! мясо* (после процесса наименования, происходившего по закону «все или ничего», о котором так часто говорят ученые, исследующие работу нейронов) и, вероятно, позже *Хорошо!!! — Хорошо!! было. — Хорошо!! будет. — Хорошо!! было бы* (после формирования элементарных глагольных времен и наклонений). Другие

примеры: *Каково!!! — Каков!! тигр. — Какова!! пещера. — Каково!! мясо. — Каково!! было. — Каково!! будет. — Каково!! было бы.*

Вот что пишет, например, Ж.-П. Шанжё о законе «все или ничего» по поводу термина **картина**: «Картина есть предмет памяти, автономный и недолговечный, вызов которого в сознании не требует непосредственного взаимодействия с окружением. Автономность картины объясняется совокупностью нейронов, стабильной во времени и существующей до вызова ее в сознании. Совместная работа нейронов графа обеспечивает характер инвазивности («все или ничего»), характер глобальности приведения в активное состояние этих нейронов при вызове в сознании данной картины» (Changeux, 1983. Р. 186 — вольный перевод).

Никто не знает, конечно, как выглядели первые **реактивные фразы** в первобытных общинах, как выглядели первые **брошенные фразы**; примеры даются на русском языке лишь для того, чтобы был понятен самый принцип.

Можно рассматривать ротовую полость как пещеру, звуковой потенциал которой человек постепенно раскрывал для себя, обогащал разными новыми голосовыми продуктами. Процесс наименования в фонетическом отношении не мог возникнуть с нуля, нужен был какой-то набор **контоидов** (прото-согласных) и **вокоидов** (прото-гласных), более или менее утвердившихся в те эпохи, когда существовала только **реактивная фраза**.

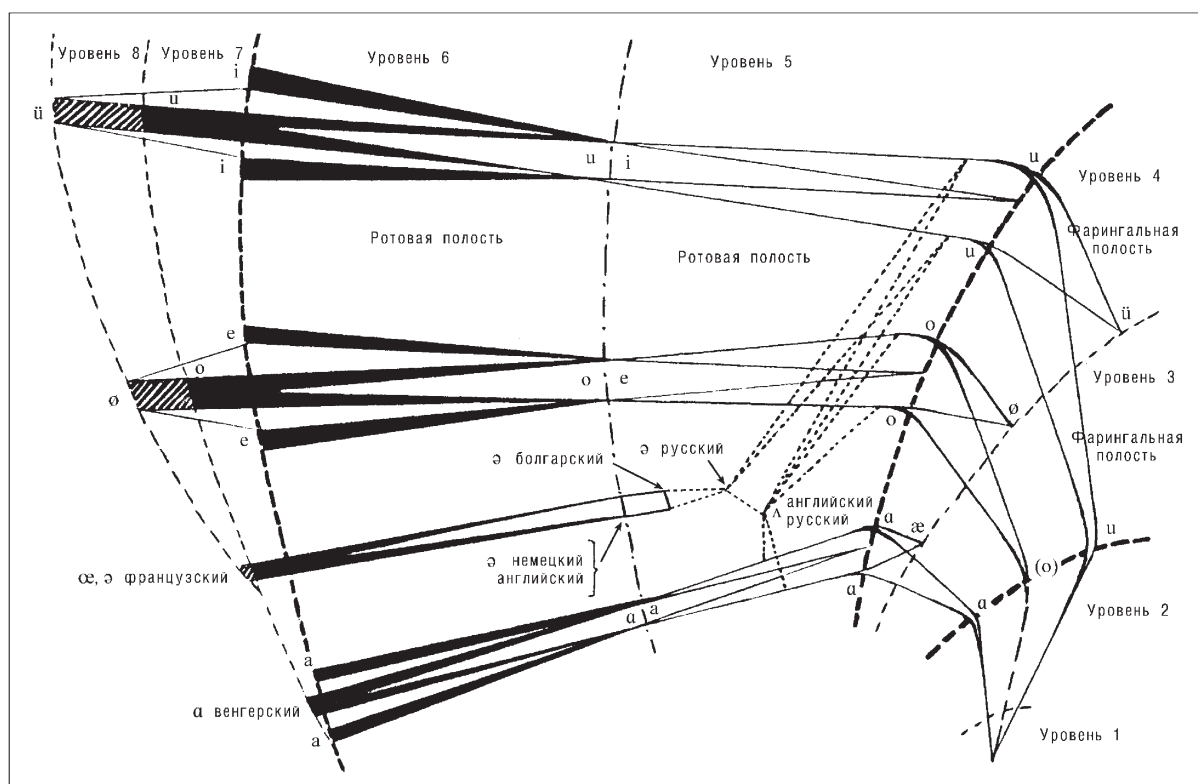
С анатомической точки зрения неандертальцы обладали, по всей видимости, мощным, при необходимости очень громким, голосом благодаря морфологии глотки, гортани, ротовой полости и челюсти. Что касается **контоидов** и **вокоидов**, можно предполагать, что их было больше у неандертальцев, чем у *Homo erectus*, но точнее сказать нельзя. И.А. Бодуэн де Куртене выдвинул в 1904 г. интересную гипотезу, но впоследствии сам к ней больше не возвращался (Бодуэн де Куртене, 1963). В своем докладе «Об одной из сторон постепенного человечения языка в области произношения, в связи с антропологией» ученый говорил, что в процессе эволюции человек осваивал все более и более передние секторы голосового тракта, тогда как в нача-

ле самыми активными секторами были самые задние, глубокие. Если Бодуэн де Куртене отказался потом от этой идеи, то потому, может быть, что применил ее к согласным и не пришел к достаточно убедительным выводам. А мы вернулись к его гипотезе и применили ее к гласным. Результатом стала большая синтетическая диаграмма, которой мы дали название *diagramme Benjamin* (рис. 3) и которую включили в свой доклад на XVIII Международном съезде славистов в Киеве (Durin, 1983). На диаграмме показано, как перемещение гласных в передние секторы придает им большую ясность и большее разнообразие. Одним из факторов, объясняющих это перемещение гласных и всей артикуляционной базы вперед, может быть то, что взрослые, обучающие детей языку, склонны приводить в движение именно самые передние артикуляторы: ребенок лучше видит и легче имитирует, например, движение губ.

Человек отличается от других животных тем, что производит звуки почти исключительно на выдохе и что выдох у него при говорении продолжается в десять раз дольше, чем вдох. Новорожденный ребенок кричит и на вдох, и на выдох. Гипотеза о «водяном человеке» (aquatic man) не очень в моде, правда, для «первобытников» могла бы в некоторой мере объяснить важность того контроля над дыханием, который вместе с другими чертами характеризует человека. Грудная клетка у него имеет вид бочки, тогда как у приматов она похожа на воронку. Диафрагма у человека фиксирована и может работать как поршень при контролируемом выдыхании; у приматов диафрагма свободная. Обезьяна не могла бы произнести более или менее длинную фразу! В замечательной, но почти всеми оспариваемой книге анатома Иветт Делуазон «Предыстория пешехода» аргументируется идея, что уже во время динозавров существовал среди известных нам других млекопитающих маленький бипед — далекий, но прямой наш предок, первоначальной зоной обитания которого был затопляемый лес на берегу океана.

В интереснейшей, но не имевшей должного успеха, мало цитированной французскими «первобытчиками», не переведенной на русский язык книге «Aux sources du langage

articulé» («У истоков членораздельной речи») замечательный анатом Роже Сабан (Roger Saban) излагает свои выводы после того, как долго изучал следы сети кровеносных сосудов на черепной кости ископаемых и современных людей. В конце книги говорится о том, что очеловечение в области речи происходило в два этапа. Первый был пройден *Homo erectus* в период от 500 до 100 (или до 30) тыс. л. до н. э. По многим чертам неандертальцы являются последними представителями этого периода. Второй этап, по мнению Р. Сабана, относится к *Homo sapiens* и начинается 100 тыс. л. н., что еще далеко не значит, что тогдашние люди говорили более или менее так, как говорят теперь все народы мира (Saban, 1993. Р. 231–233). Сто тысяч лет назад на Ближнем Востоке сосуществовали неан-

дертальцы и *Homo sapiens* с одинаковым как будто культурным уровнем (Vandermeersch, Maureille. Р. 23). Судя по сети кровеносных сосудов, Р. Сабан считает, что подлинная речь с двойной артикуляцией возникла не раньше, чем 40 или 30 тыс. л. н. (Saban, 1993. Р. 224).

Последние открытия в Денисовой пещере на Алтае, возможно, прольют новый свет на все эти сложные проблемы.

Буквально каждый день одаривает историков первобытных общин каким-нибудь новым сюрпризом. Буйно сейчас развивается эта наука. В память милого Александра Александровича Формозова, знакомство наше с которым — увы!!! — так недолго продолжалось, мы постарались внести в общее дело свою скромную лингвистическую лепту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аспекты изучения звучащей речи: К юбилею Елены Андреевны Брызгуновой / Под ред. М.Л. Ремнёвой. М., 2004.

Бодуэн де Куртене И., 1963 (1904). «Об одной из сторон постепенного очеловечения языка в области произношения, в связи с ан-

тропологией» (читано на заседании 19-ого марта 1904-ого года) // Избранные труды по общему языкознанию. М. Т. 2. (Полный пер. на фр. яз. в: Bulletin de la Société d'études et de recherches préhistoriques des Eyzies. 2000. № 49.)

Брызгунова Е.А., 1977. Звуки и интонации русской речи. М.

Брызгунова Е.А., 1984. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи: К юбилею Галины Александровны Золотовой. М.

Германович А.И., 1966. Междометия русского языка: Пособие для учителя. Киев.

Дюрен Ж., 2002. О стереолингвистике // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: К юбилею Галины Александровны Золотовой: Сб. / Под ред. Н.К. Онипенко. М.

Дюрен Ж., 2004. «Об интонациях и фраземах» // Аспекты изучения звучащей речи: К юбилею Елены Андреевны Брызгуновой: Сб. / Под ред. М.Л. Ремнёвой. М.

Зиндер Л.Р., 1979. Общая фонетика. М.

Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: К юбилею Галины Александровны Золотовой: Сб. / Под ред. Н.К. Онипенко. М., 2002.

Платонов К.К., 1982. Система психологии и теория отражения. М.

Фирсов Л.А., Плотников В.Ю., 1981. Голосовое поведение антропоидов. Л.

Фонетика спонтанной речи / Под ред. Н.Д. Светозаровой. Л.

Формозов А.А., 2005. Человек и наука. М.

Baffier D., 1999. Les derniers Néandertaliens. Le Châtelperronien. Paris.

Braine M., 1963. The Ontogeny of English Phrase Structure: the First Phase // *Language*. № 39.

Changeux J.-P., 1983. L'Homme neuronal. Paris.

Clottes J. et al., 2001. La grotte Chauvet: L'art des origines. Paris.

Conkey M.-W., 1981. «What can we do with broken bones? Paleolithic design structure, archaeological research and the potential of museum collections // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 376.

Deloison Y., 2004. Préhistoire du piéton: Essai sur les nouvelles origines de l'homme. Paris.

Dessalles J.-L., Ghadakpour L. (eds.), 2001. The Evolution of Language: 3rd International Conference (3–6 April 2000, Ecole nationale supérieure des Télécommunications, Paris): Proceedings. Paris.

Durin J., 1983. Hominisation / Base articulatoire // *Revue des études slaves*. Paris. T. 64.

Durin J., 1988. Intonème / syntagme // Xe Congrès international des Slavistes (Sofia). Paris. (*Revue des études slaves*. T. LX/1).

Durin J., 1991. Paradigme, syntagme et anthropogenèse // *Bulletin de la Société d'études et de recherches préhistoriques des Eyzies*. Les Eyzies. № 40.

Durin J., 1994a. Trois dimensions ou quatre dimensions? (à propos d'un article de Nicole Pigeot paru dans *Paléo 3*) // *Bulletin de la SERPE*. Les Eyzies. № 43.

Durin J., 1994b. Entité / substrat / propriétés (Comportement animal et comportement humain) // *Bulletin de la SERPE*. Les Eyzies. № 43.

Durin J., 1996. Sur le livre de Boris Rybakov «Le paganisme des anciens Slaves» // *Bulletin de la SERPE*. Les Eyzies. № 45.

Durin J., 1997. Intonation et figement // *La locution: entre lexique, syntaxe et pragmatique*. Identification en corpus, traitement, apprentissage. Paris.

Durin J., 1998. Emotions et clichés intonatifs dans le cadre de la stéréolingvistique // *Oralité et gestualité. Communication multimodale*. Interaction: Actes du colloque Orage'98 (Besançon, 9–11 décembre 1998). Paris.

Durin J., 2008. Le temps. L'espace. L'espace substrat // *Construire le temps. Mélanges offerts à Jean-Paul Sémon*. Paris: Institut d'études slaves.

Eco U., 1988. Le signe: Histoire et analyse d'un concept / Adapt. de l'italien par J.-M. Klinkenberg. Paris. (Le Livre de poche. № 4159. Biblio Essais.)

Engels F., 1952 (1873–1895). Dialectique de la nature / Traduction d'Emile Botigelli. Paris.

Fonagy I., Sap J., 1977. Traits prosodiques distinctifs de certaines attitudes intellectuelles et émotives // VIIIe Journées d'étude sur la parole (Aix-en-Provence, 25–27 mai 1977). Vol. I: Textes des exposés. Aix-en-Provence.

François F., François D., Sabeau-Jouannet E., Sourdot M., 1977. La syntaxe de l'enfant avant cinq ans. Paris.

Grandin T., 1997. Penser en images / Traduction de V. Schaeffer. Paris.

Hardy A.C., 1960. Was man more aquatic in the past? // *New Scientist*. 7.

Jaegle P., Roubaud P., 1980. Le réel à la recherche d'un langage // *La Pensée*. Paris. № 212 (mai).

Konopczynski G., 1995. L'exclamation chez l'enfant à l'entrée dans le langage: statut, marques prosodiques // *Faits de langue*. Paris. № 6.

Konopczynski G., Vinter S., Chalumeau P., 1996. De l'infra-syntaxique à la syntaxe: l'apport de la pathologie // *Actes du Colloque international de Besançon sur l'acquisition de la syntaxe* (24 et 25 novembre 1995). Paris; Besançon.

Levins R., Lewontin R., 1985. The Dialectical Biologist. Cambridge; Massachusetts; London. (Dans SEVE 1998: traduction par Christine Wénscher du chapitre intitulé Conclusion des deux biologistes états-uniens.)

L'intonation, de l'acoustique à la sémantique / Institut de phonétique d'Aix-en-Provence — M. Rossi, A. di Cristo, D. Hirst, P. Martin, Y. Nishinuma. Paris. 1995.

Martins-Baltar M., 1977. De l'énoncé à l'énonciation: une approche des fonctions énonciatives. Paris.

Peirce Ch. S., 1979. Ecrits sur le signe / Rassemblés, traduits et commentés par Gérard Deledalle. Paris.

Pigeot N., 1999. Réflexions sur l'histoire technique de l'homme: de l'évolution cognitive à l'évolution culturelle // *Paléo*. Les Eyzies. № 3.

René Thom, philosophe des mathématiques: Interview // *Le Monde Dimanche*. Paris. 30 octobre 1983.

Saban R., 1989. Unicité du réseau méningé chez l'Homo sapiens // *Bulletin de la SERPE*. Les Eyzies. № 38.

Saban R., 1990. Veines méningées et langage articulé dans la lignée humaine // *Bulletin de la SERPE*. Les Eyzies. № 39. (Numéro spécial Actes du colloque sur les origines et l'évolution du langage humain.)

Saban R., 1993. Aux sources du langage articulé. Paris; Milan; Barcelone.

Saussure F. de, 1978. Cours de linguistique générale / Édition critique préparée par Tullio de Mauro. Paris.

Seve L. (éd.), 1998. Sciences et dialectiques de la nature. Paris.

Thom R., 1983. Paraboles et catastrophes. Paris. (Flammarion, coll. Champs. № 186.)

Uexküll, J. von, 1984. Mondes animaux et monde humain suivi de Théorie de la signification. Paris. (Editions Denoël, coll. Médiations. № 37.)

Vandermeersch B., Maureille B. (dir.), 2007. Les Néandertaliens: Biologie et cultures. Paris. (Documents préhistoriques. 23.)

Verhaegen M., Munro S., 2000. The origin of phonetic abilities: a study of the comparative data with reference to the aquatic theory // Dessalles J.-L., Ghadakpour L. (eds.). The Evolution of Language: 3rd International Conference (3–6 April 2000, Ecole nationale supérieure des Télécommunications, Paris): Proceedings. Paris.

Vygotski L.S., 1934 (1985). Pensée et langage / Traduction de Françoise Sève. Paris.

Vygotski L.S., 1998. Théorie des émotions / Traduction et introduction de N. Zavaloff. Paris.

Wallon H., 1970. De l'acte à la pensée: Essai de psychologie comparée. Paris.

Wallon H., 1982. La vie mentale / Edition réalisée par Emile Jalley. Paris.

М.В. Добровольская
Институт археологии РАН, Москва

ПИЩЕВЫЕ СТРАТЕГИИ МУСТЬЕРСКОГО И ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЫ¹

ВВЕДЕНИЕ

Работы в области археологии каменного века занимают особое место в многоплановом творчестве Александра Александровича Формозова. Значительное внимание исследователь посвятил проблемам выяснения хронологии и механизмов сложения локальной изменчивости культурных традиций каменного века. Введение им терминов «культурная область» и «этнокультурная область» применительно к памятникам каменного века (Формозов, 1959; 1977) указывает на то, что автор анализировал социальные факторы формирования разнообразия культурных проявлений. Палеоэкологический подход позволяет дополнить представления о механизмах возникновения и сохранения вариантов археологических культур информацией о системах жизнеобеспечения древних коллективов. Как известно, выбор пищевых ресурсов во многом и определяет данную систему.

Современные методики, позволяющие исследовать питание индивидов палеолитической эпохи, существенно разнообразят наши возможности получения экологической информации о древнем человеке. Один из таких подходов — использование изотопного

анализа. Распределение стабильных изотопов азота ^{15}N и углерода ^{13}C подчинено экологическим закономерностям, к настоящему времени достаточно хорошо изученным (обзор см.: Тиунов, 2007). Накопление этих изотопов в основном структурном белке костной ткани — коллагене — подчиняется этим общим закономерностям. Это позволяет нам делать палеоэкологические реконструкции, воссоздавая усредненные рационы питания индивидов. Полученные характеристики описывают обычный пищевой рацион взрослого человека.

В связи с тем, что экология питания вида во многом определяет характер его расселения, степень подвижности/оседлости и другие важнейшие характеристики, представляется важным обсуждение данных о накоплении этих изотопов — маркеров выбора пищевых ресурсов, — а также интерпретаций полученных результатов.

В современной литературе по экологии палеолитического человека тема пищевых адаптаций находит разноплановое отражение. Редкое периодическое издание или крупное обобщение результатов комплексных исследований не включает в себя материалы по этой тематике. Можно назвать несколько

---

¹ Работа подготовлена в рамках проекта РФФИ №10-06-00447-а «Окружающая среда и традиции питания палеолитического человека по данным изотопного анализа».

крупных публикаций последнего десятилетия: коллективные монографии «Плотоядность и эволюция человека» (Stanford, Bunn, 2001), «Эволюция питания человека: известное, неизвестное и непознаваемое» (Ungar, 2007), «Питание человека: происхождение и эволюция» (Ungar, Teaford, 2002); отметить крупный международный симпозиум «Эволюция питания человека», организованный и проведенный Институтом Макса Планка (Германия) в 2006 г. В нашей стране в 2005 г. появились две книги, посвященные фундаментальным особенностям питания вида *Homo sapiens* и его предков: «Человек и его пища» (Добровольская, 2005) и «Пища людей» (Козлов, 2005).

К РЕКОНСТРУКЦИИ ОСОБЕННОСТЕЙ ПИТАНИЯ НЕАНДЕРТАЛЬЦЕВ НА БАЗЕ ИЗОТОПНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

За последние два десятилетия накоплен начальный объем данных о питании палеолитического населения Европы. Исследованные материалы относятся к эпохе мустье и верхнему палеолиту. Изучение этих эпох связано с одной из наиболее интенсивно обсуждаемых тем — взаимодействием представителей неандертальцев и анатомически современного человека.

Очевидно, дальнейшее расселение человеческих коллективов по территории Европы в позднем плейстоцене в значительной мере определялось выбором пищевых ресурсов, обеспечивающих выживание популяции. Ранее была сформулирована гипотеза о том, что расширение активно используемых пищевых источников некоторыми группами сапиенсов способствовало освоению новых экологических условий, формированию новых демографических структур (Козловская, 2000).

Исследования стабильных изотопов азота и углерода позволяет нам реконструировать типичный пищевой рацион индивидов, останки которых были обнаружены в ряде археологических памятников Западной и Центральной Европы.

В начале 1990-х гг. стали появляться реконструкции питания, выполненные для неандертальского населения. Так, в 1991 г. группа французских исследователей во главе с

Эрве Бошереном, представляющая Институт Эволюционных Наук в Монпелье (Bocherens, et al., 1991), инициировала направление палеодиетологических исследований. Ими же были сформулированы основные вопросы:

1) положение мустьерских популяций в занимаемых ими экосистемах приледниковой и бореальной Европы;

2) динамики состава их пищевого рациона;

3) основные для среднепалеолитического населения Европы промысловые виды.

Все эти вопросы очень важны для понимания экологической специфики этой группы, а также для реконструкции некоторых аспектов ее поведения. Успешность работ, проведенных исследовательскими группами во главе с Э. Бошереном и М. Ричардсом, основана, прежде всего, на высоком методическом уровне исследований и методологической строгости. Что предполагает получение не отрывочных сведений об изотопном составе костной ткани людей и животных, а обширную характеристику фракционирования изотопов в конкретной экосистеме.

К настоящему времени исследован ряд образцов костной ткани взрослых индивидов из различных европейских памятников (рис. 1). Краткую сводку результатов приводим по данным М. Ричардса с соавторами (Richards et al., 2008), с уточненными данными по публикации Т. Хайма с соавторами (Higham et al., 2005).

Первые же полученные данные указали на исключительно высокий трофический уровень, который занимали неандертальцы в своих экосистемах. Видом, наиболее близким к человеку по показателям накопления изотопов азота и углерода, оказались гиены. При аналогичном исследовании, проведенном для неандертальцев из Виндии (Хорватия), наиболее близким видом стал волк (Richards et al., 2000). Для неандертальцев из Жонзака (Южная Франция) — пещерный медведь (Richards et al., 2008). Важно отметить, что последний памятник содержит ашельские индустриальные свидетельства и датируется возрастом от 55 до 40 тыс. л. Для индивидов из классического памятника Сен Сезар наиболее близкими по уровням накопления изотопов также оказались гиены (Bocherens et al., 2005). Отметим, что изотопные показатели позволяют

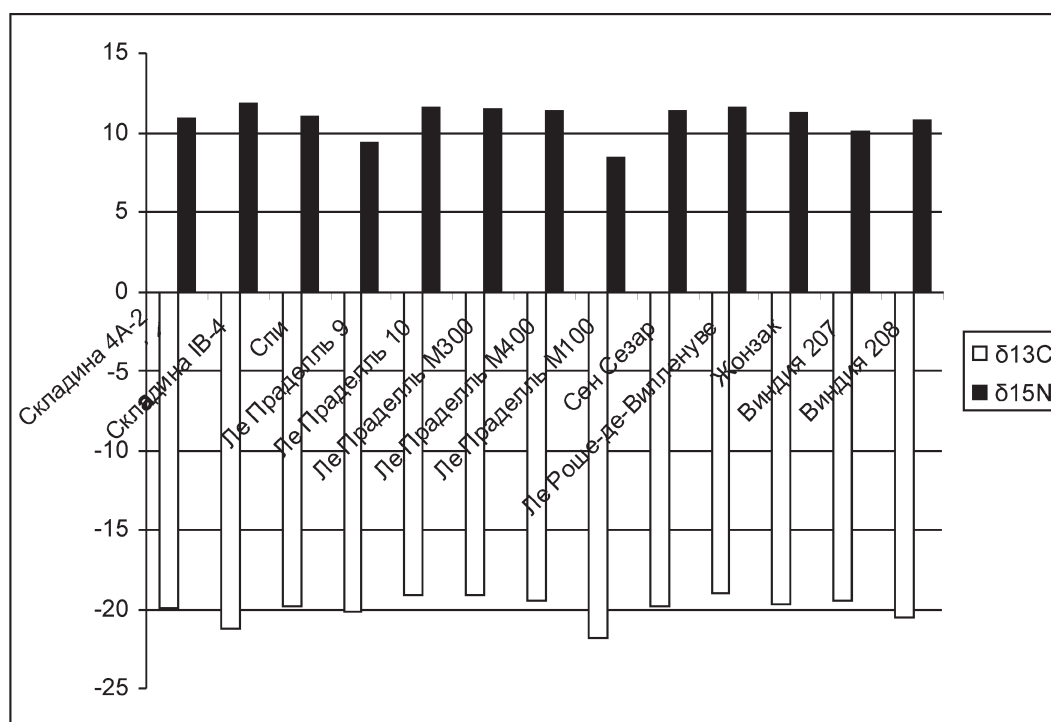

Рис. 1. Стабильные изотопы ^{13}C и ^{15}N в коллагене костной ткани взрослых европейских неандертальцев

считать этих индивидов более плотоядными, чем указанных хищников и падальщиков.

Прямые полученные данные не давали ответа на вопрос о том, являлись ли неандертальцы охотниками или падальщиками. Как известно, вопрос об употреблении туш палых животных неоднократно обсуждался в литературе при изучении динамики пищевых стратегий в антропогенезе (см., напр.: Фоули, 1990).

Специальные расчеты, проведенные группой Э. Бошерена (Bocherens et al., 2005) на основе модификации мультиресурсной смешанной модели Филиппа и Грегга (Phillips, Gregg, 2003), а затем и расчеты М. Ричардса, показали, что структура питания неандертальцев отличалась от таковой гиен. Падальщиками они, судя по полученным данным, не были. Этот вывод важен, т. к. формы поведения охотников и падальщиков существенно различаются. Для первых важна, прежде всего, высокая согласованность действий в охотничьих коллективах. Очевидно, что охота на крупных животных могла быть только коллективной.

Когда удавалось реконструировать и основные промысловые виды неандертальцев, ими

во всех случаях оказывались наиболее крупные травоядные млекопитающие. Там, где в сопутствующей фауне обнаруживались мамонт и шерстистый носорог, — лидировали именно эти виды. Там, где их не было, наиболее частой охотничьей добычей становились дикие быки и дикие лошади. Другие травоядные млекопитающие, такие как северные олени, реже становились предметом охоты. Важно отметить, что все эти животные обитают на открытых пространствах.

Достоверно известны три памятника, ассоциируемые с неандертальским населением, которые содержат свидетельства использования морских продуктов: Грот ди Масцерини (Италия), Девилс Тауэр и Вангьярд (Гибралтар) (Richards et al., 2001). Данные об изотопном составе костной ткани обитателей памятников отсутствуют.

Полученные к настоящему времени данные о стабильных изотопах углерода и азота в костной ткани неандертальцев свидетельствуют о том, что на протяжении десятков тысячелетий традиция выбора охотничьей добычи неандертальцами не менялась. Они отдавали предпочтение крупным травоядным млекопитающим. Этот выбор видов вы-

нуждал их находиться на близких расстояниях от территорий, где стада этих животных паслись. Таким образом, можно судить о четко выраженной плотоядной пищевой специализации и охотничьей поведенческой специализации. Очевидно, что вся система жизнеобеспечения европейских неандертальцев была основана именно на охоте на крупных травоядных млекопитающих.

ПИЩЕВЫЕ РЕСУРСЫ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО *HOMO SAPIENS* В ЕВРОПЕ

К настоящему времени накоплены данные о первых десятках индивидов из верхнепалеолитических памятников, датированных временем от 20 до 32 тыс. л. н.

Археозоологические материалы свидетельствуют о том, что разнообразие видов, используемых людьми анатомически современного облика, было более широким. Однако обратимся к данным об аккумуляции

изотопов азота и углерода как независимому источнику.

По данным, приведенным на рис. 2, можно заметить, что экологические особенности пищевых ресурсов, наиболее активно используемых верхнепалеолитическими населенками, отличаются от тех, что описаны для эпохи мустье. Это не только наземные травоядные млекопитающие, но и водная фауна. В данном случае мы имеем в виду пресноводную фауну. Так, исследователи считают, что индивид из Костёнок I примерно половину животных белков получал из организмов водного происхождения (рыбы, водоплавающей птицы). Доля белковой пищи водного происхождения для представителей из Дольни Вестонице 35 и Брно-Французска 2 составляет около 25%.

Проведенная нами ранее реконструкция питания индивидов из верхнепалеолитических погребений Сунгирь (*Homo sungirensis*..., 2000) позволило предположить присутствие пищи водного происхождения в рационе питания по крайней мере одного индиви-

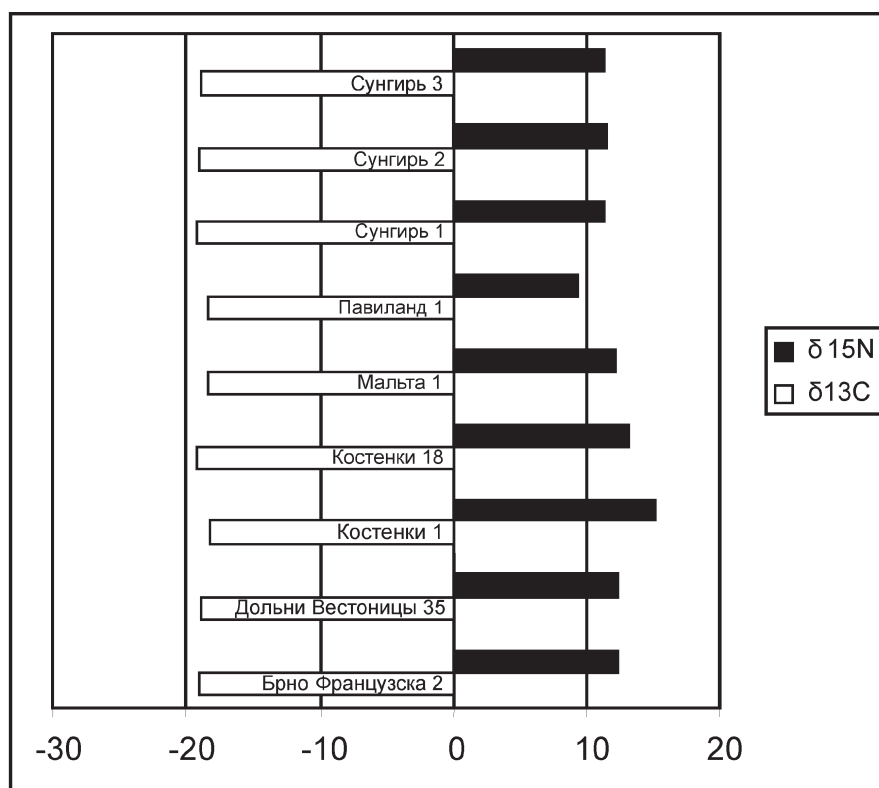

Рис. 2. Стабильные изотопы ¹³C и ¹⁵N в коллагене костной ткани евразийских представителей анатомически современного человека (по Richards et al, 2001, Richards, 2009)

да (мальчика С-2). Гипотеза основывалась на результатах микроэлементного анализа костной ткани. Указание на использование пресноводных пищевых ресурсов жителями одной из наиболее северных верхнепалеолитических стоянок Сунгирь дополняют полученную картину.

Таким образом, широкое использование водных пищевых ресурсов фиксируется уже для представителей среднего и раннего верхнего палеолита. Приведенные данные свидетельствуют об использовании пресноводных ресурсов на внутриматериковых памятниках Европы.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПИЩЕВЫХ РЕСУРСОВ ЧЕЛОВЕКОМ В ФИНАЛЬНОПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

Климатические условия финальнопалеолитического времени (12–11 тыс. л. н.) во многом определялись дальнейшим отступанием ледового щита. Археологические памятники Западной Европы фиксируются примерно до

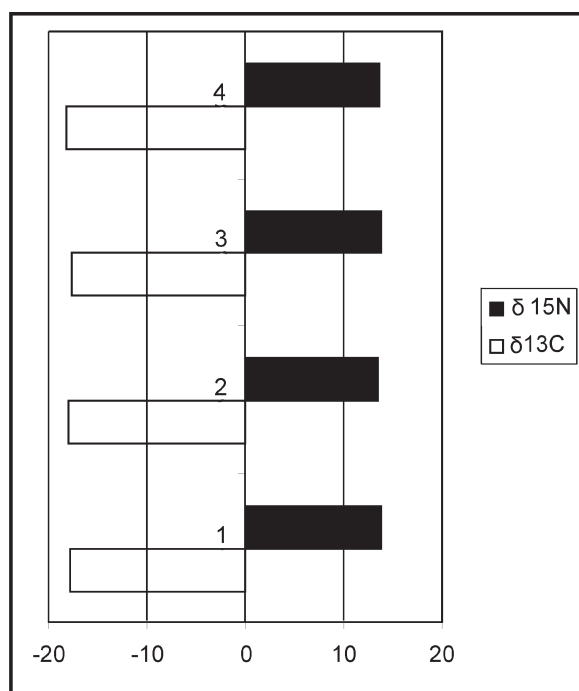

Рис. 3. Стабильные изотопы азота и углерода в коллагене костной ткани четырех индивидов из Кендрикс Кейв (по Richards et al, 2005)

54° с. ш. Изучение антропологических и археозоологических материалов позднелитического времени, полученных при раскопках памятника Кендрикс Кейв (северное побережье Уэльса, Великобритания), позволило исследователям обратиться к вопросу реконструкции особенностей питания обитателей стоянки. Хотя памятник был раскопан в конце XIX в., хорошая документация, скрупулезное описание процесса раскопок и полное сохранение костных материалов (Eskrigge, 1880) позволили обратиться к этим единицам музейного хранения. Полученные данные представлены на рис. 3. Важно отметить, что среди многочисленных находок костей животных останки морских позвоночных и беспозвоночных отсутствовали.

Данные о стабильных изотопах азота и углерода в костной ткани указывают на существенную долю морских продуктов в рационе этих людей. Сопоставление аналогичных показателей по изотопам для наземных травоядных и серого тюленя позволило моделировать долю морской пищи в каждодневном рационе. Предположительно, около 30% животных белков были морского происхождения. Исследователи предполагают, что мясо наземных травоядных и мясо тюленей составляли основу рациона людей, живших в Кендрикс Кейв (Richards et al, 2005).

О значительном распространении использования морского пищевого ресурса свидетельствует и исследование, проведенное итальянскими археологами еще в конце 1980-х гг. Образцы костной ткани десяти индивидов из эппалеолитических погребений Арене Кандид (Лигурия, Италия) исследовались с использованием микроэлементного анализа (Francalacci, 1989; Francalacci, Borgonini, 1988). Авторы исследования продемонстрировали преимущественное использование морского пищевого ресурса жителями Лигурийского побережья. Также отметим, что известные изображения рыб, обнаруженные на верхнепалеолитических памятниках Франции (Леспюг, Нио, Ларте) относятся к эпохе позднего мадлена. Итак, традиция использования водных пищевых ресурсов значительно развивается от времени граветта до позднего мадлена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставляя традиции использования пищевых ресурсов в сообществах неандертальцев и верхнепалеолитических людей анатомически современного облика на основе известных к настоящему моменту материалов, мы можем судить о существовании различных пищевых стратегий: специализированных охотников и неспециализированных охотников на наземную и водную фауну.

Палеодиетологические реконструкции позволяют нам предполагать, что системы

жизнеобеспечения различных коллективов неандертальцев базировались в основном на сходных пищевых источниках. Поэтому, вероятно, правомерно считать, что в формировании локальных культурных различий «приспособительная» составляющая была незначительна. Гораздо более широкое разнообразие систем жизнеобеспечения в обществах верхнепалеолитического человека, напротив, дает основания предполагать большую роль экологических факторов в формировании локальных вариантов культур этой эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Добровольская М.В., 2005. Человек и его пища. М.
- Козлов А.И., 2005. Пища людей. М.
- Козловская М.В., 2000. Система питания верхнепалеолитических сообществ // *Homo sungirensis*. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М.
- Тиунов А.В., 2007. Стабильные изотопы углерода и азота в почвенно-экологических исследованиях // Изв. РАН. Сер. биол. 4.
- Формозов А.А., 1959. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.
- Формозов А.А., 1997. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М.
- Фоули Р., 1990. Еще один неповторимый вид. М.
- Bocherens H., Drucker G.D., Billiou D., Patou-Mathis M., Vandermeersch B., 2005. Isotopic evidence for diet and subsistence pattern of the Saint-Cesare I Neanderthal: review and use of multi-source mixing model // JHE. 49.
- Bocherens H., Fizet M., Mariotti A., Lange-Badre B., Vandermeersch B., Borel J.-P., Bellon G., 1991. Isotopic biogeochemistry (^{13}C ^{15}N) of fossil vertebrate collagen: implications for the study of fossil food web including Neanderthal Man // JHE. 20.
- Cerling T. E., Harris J.M., Passey B.H., 2003. Diets of East African Bovidae based on stable isotope analysis // Journal of Mammology. 84.
- Eskridge R.A., 1880. Notes on the human skeletons and traces of human workmanship found in cave in Landudno // Proc. of Liverpool Geol. Soc. 2 (4).
- Francalacci P., 1989. Dietary reconstruction in Arene Candide Cave (Liguria, Italy) by means of trace elements analysis // JAS. 16.
- Francalacci P., Borgonini T.S., 1988. Multielementary analysis of trace elements and preliminary results on stable isotopes in two Italian Prehistoric sites: Methodological aspects // Trace elements in Environmental History / Eds. G. Grupe, B. Hermann. Berlin.
- Higham T., Ramsey C.B., Karavanic I., Smith F., Trinkaus E., 2005. Revised direct radiocarbon dating of the Vindija G₁ Upper Paleolithic Neanderthals // PNAS. 103 (3).
- Homo sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М., 2000.
- Phillips D.L., Gregg J.W., 2003. Source partitioning using stable isotopes: coping with too many sources // Ecologia. 130.
- Richards M. P., Petit P. B., Trinkaus E., Smith F.H., Paunovic M., Karavanic I., 2000. Neanderthal diet at Vindija and Neanderthal predation: the evidence from stable isotopes // PNAS. 97. 13.
- Richards M.P., Petit P.B., Trinkaus E., Stiner M.C., Trinkaus E., 2001. Stable isotope evidence for increasing dietary breadth in the European Mid-Upper Paleolithic // PNAS. 98. 11.
- Richards M.P., Taylor G., Steele T., McPherron S. P., Soressi M., Jaubert J., Orschiedt J., Mallye

J.B., Rendu W., Hublin J.J., 2008. Isotopic dietary analysis of a Neanderthal and associated fauna from the site of Jonzac (Charente-Maritime), France // JHE. 55.

Rowe N., 1996. The Pictorial Guide to the Living Primates. East Hampton; New York.

Snodgrass J.J., Leonard W.R., Robertson M.L., 2009. The Energetics of Encephalization in Early Hominids // The Evolution of the

Human Diet / Eds. J.-J. Hublin, M.P. Richards. Leipzig.

Stanford C.B., Bunn H.T. (eds.), 2001. Meat-Eating and Human Evolution. Oxford.

Ubgar P. (ed.), 2007. Evolution of Human Diet: The Known, the Unknown and the Unknowable. Oxford.

Unrur P.S., Teaford M.F. (eds.), 2002. Human Diet: Its Origin and Evolution. Westport.

М.Б. Медникова
*Институт археологии РАН, Москва,
Московский Городской Психолого-Педагогический Университет*

НОВЫЕ ДАННЫЕ И МЕТОДЫ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКИ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА

Изучение неполных и сильно фрагментированных скелетных останков традиционно было сопряжено со значительными ограничениями возможностей палеоантропологического исследования. В последние годы это препятствие в значительной степени преодолено благодаря возможности использования новых высокотехнологичных методов, значительно расширяющих возможности антропологического источника. Особенно пристальное внимание привлекает специальная методика рентгеновского исследования — микрофокусная рентгенография с прямым многократным увеличением рентгеновского изображения (Потрахов, 2007). Микрофокусная рентгенография уже зарекомендовала себя в травматологии, ревматологии, ортопедии и протезировании (Васильев, 1998). В 2008 г. она впервые в мировой практике была использована при изучении палеоантропологических материалов для детального описания палеопатологий и дифференциальной диагностики заболеваний (Бужилова и др., 2008а; 2008б; 2009а; 2009б; Buzhilova et al., 2008).

Микрофокусная рентгенография предполагает получение рентгеновских изображений различных объектов с помощью источников излучения, размер фокусного пятна которых не превышает 0,1 мм. Отличительной особенностью таких рентгеновских аппаратов является повышенная разрешающая

способность и получение прямого рентгеновского увеличения до 10–15 раз различных анатомических областей и объектов при сохранении резкости изображения. Этот метод создает уникальные возможности для детального рассмотрения мелких объектов, в том числе зубов и сильно разрушенных костей человека, часто встречаемых в археологических раскопках.

Данная публикация посвящена описанию некоторых итогов применения микрофокусного цифрового рентгена для анализа останков из социально значимых погребений эпохи бронзы. Иногда чрезвычайно интересные с точки зрения археологии комплексы дают слишком бедный антропологический материал, мало информативный для традиционных измерительных методов. Ниже будет представлена попытка анализа антропологического материала плохой сохранности из двух уникальных погребений.

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КОСТНЫХ ОСТАНКОВ ЧЕЛОВЕКА ИЗ РАСКОПОК КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА МАРЬИНСКАЯ 3 (КУРГАН 1, ПОГРЕБЕНИЕ 18) В 2007 г.

Курган 1 могильника Марьинская 3 на правой террасе р. Куры был исследован совместными усилиями Ставропольской экспедиции

кафедры археологии исторического факультета МГУ и Ставропольского отряда Института археологии РАН. Основное погребение этого кургана, достигавшего в высоту более 4 м и диаметра около 40 м, было интерпретировано исследователями как захоронение останков майкопского вождя (Канторович, Маслов, 2009). Основанием для отнесения погребенного к представителям социальной элиты майкопского общества послужили, в частности, такие материальные свидетельства, как втульчатый литой боевой топор, каменный молоток-скипетр, два золотых кольца, орудия деревообработки. Авторы ссылаются на авторитетное мнение С.Н. Кореневского (2004. С. 78–80), согласно которому майкопские погребения, в которых встречаются золотые колечки наряду с военно-охотничьим снаряжением и деревообрабатывающими инструментами, принадлежат к числу элитарных. Также приводится заключение Л.И. Авиловой (2008. С. 168–178) о связи между присутствием в царских захоронениях Ура различных тесел и пил и сакральными представлениями о роли строителя-демиурга. Специально отметим, что, по определениям археологов, лицо погребенного было закрашено или затерто ярко-красной охрой. Сырая обмазка стен погребальной камеры была тщательно заглажена и окрашена ярко-красной краской — охрой, реальгаром или суриком, что, возможно, символизировало сакральную модель реального жилища (Канторович, Маслов, 2009. С. 93, 95, 101).

Поступившие в лабораторию группы физической антропологии Института археологии РАН скелетные останки из раскопок кургана 1 могильника Марьинская 3 выделяются крайне фрагментарной сохранностью даже на фоне немногочисленных антропологических материалов, соотносимых с носителями майкопской археологической культуры. Вместе с тем, уникальность находки и некоторые особенности, отмеченные при экспертизе костных фрагментов, побуждают к более пристальному рассмотрению останков человека из погребения 18.

К сожалению, возможности проведенного исследования были серьезным образом ограничены сохранностью костяка данного индивидуума, поступившего в лабораторию.

Первоначально в нашем распоряжении оказались лишь два фрагмента основной кости черепа, центральная надглазничная часть лобной кости, интенсивно окрашенная реальгаром (?) в красный цвет, фрагмент свода черепа в центральной части (36 x 37 мм) с сохранившимся снаружи стреловидным швом (изнутри полностью облитерированным); изолированные 4 зуба верхней челюсти — парные клыки, премоляр и моляр; фрагмент диафиза лучевой кости в центральной части; разрушенный поясничный позвонок; концевая фаланга большого пальца правой руки и концевая фаланга большого пальца левой стопы; дистальная третья фаланга левой стопы.

Позднее мы получили возможность обследовать парные разрушенные диафизы большеберцовых, фрагмент малоберцовой, 1 грудной и 2 поясничных позвонка, фрагмент крыла тазовой кости и другой — в области вертлужной впадины, нижний эпифиз правой лучевой кости, разрушенную бедренную кость.

Определение пола и возраста. Выраженность надбровного рельефа лобной кости, массивность диафиза лучевой кости, размеры элементов стопы и кисти свидетельствуют в пользу принадлежности останков индивидууму мужского пола.

Дегенеративно-дистрофические изменения, фиксируемые на теле поясничного позвонка, средняя стертость зубных коронок, облитерация центрального участка стреловидного шва со стороны эндокрана, концевые деформации ногтевых фаланг правой руки и левой стопы позволяют говорить о соответствии биологического возраста этого человека категории *maturus* 1 (наиболее вероятно, 40–44 года).

Челюстно-зубные патологии. К сожалению, судить о состоянии зубной системы и о присутствии индикаторов физиологического стресса, являющихся, по мнению ряда специалистов, «зеркалом» образа жизни человека (Историческая экология человека, 1998), можно только принимая во внимание все возможные ограничения, связанные с сохранностью.

Кроме того, дополнительным ограничением служила частичная стертость жевательной поверхности просмотренных зубов. Однако можно отметить отсутствие признаков

кариеса, следов кратковременных задержек роста под влиянием эпизодического физиологического стресса в раннем детстве (эмалевой гипоплазии). Вместе с тем фиксируется присутствие пришеечного зубного камня, что позволяет реконструировать возможное питание индивидуума вязкой пищей (Бужилова, 1995).

Посткраниальная морфология. Особенности строения посткраниального скелета восстанавливаются по мозаичным наблюдениям. Мы можем предполагать, что костяк характеризовался повышенной массивностью, связанной с увеличением широтных и обхватных размеров диафизов длинных трубчатых костей. В частности, поперечный диаметр в середине диафиза лучевой кости (№ 4, по Мартину) составил 16 мм, а сагиттальный диаметр (Март. 5) — 14 мм. Соответственно, индекс поперечного сечения (4:5) — 87,5 или (5:4) — 114,29 (!) свидетельствует об атипично округлом диафизе.

Периметры других трубчатых костей также говорят о внешней массивности диафизов — 101 мм составляет окружность в середине правого бедра, 99 мм — соответствующая окружность правой большеберцовой.

Путем прямых измерений на сломе были получены индексы компактизации в середине бедренной кости. Если развитие переднезадней компакты укладывается в пределы референтных значений (64,71%, при размахе изменчивости 53,1–67,6), то боковые стенки бедра аномально утолщены. Индекс компактизации 83,9 существенно отличается от сводки данных по разным представителям *Ното*, укладывающихся в пределы 44,4–61,7%. Подобное гиперразвитие компакты несомненно указывает на патологию, диагностировать которую поможет в дальнейшем комплексное применение рентгенографического и гистологического методов. Однако на данном этапе обратим внимание на функциональные последствия выявленного феномена: уменьшение пространства костно-мозгового канала, создававшее несомненное напряжение функции кроветворения.

Патологии. Подвергнутые экспертизе фрагменты скелета майкопского мужчины несут целый ряд патологических изменений.

Некоторые из них имеют вполне рядовой для данной возрастной группы характер, другие выходят за рамки ординарных проявлений заболеваний костной системы и требуют, по-видимому, более пристального изучения с целью установления конкретного диагноза, в том числе в перспективе применения рентгенографического, томографического и гистологического методов.

К числу распространенных патологий старшей возрастной группы можно отнести наблюдаемые на поверхности тела разрушенного поясничного позвонка дегенеративно-дистрофические изменения. Здесь не только присутствует деформация тела позвонка, но и сформированы краевые разрастания — остеофиты, достигающие степени выраженности, соответствующей баллу 3 по шкале оценки признака, разработанной А.П. Бужиловой (1995).

Ногтевая фаланга большого пальца правой руки демонстрирует отчетливые возрастные и функциональные изменения. Имеются следы перестроек костной ткани в связи с продолжительным биомеханическим воздействием, связанным с постоянным физическим трудом.

Ногтевая фаланга большого пальца левой стопы также обнаруживает комплекс возрастных изменений, сопряженных с известной функциональной «нагруженностью».

Наибольший интерес представляет патология, выявленная при осмотре фрагментов основной или клиновидной кости (*os sphenoidale*) — структуры, располагающейся у основания черепа и поэтому редко присутствующей при полном отсутствии краниума в захоронении, а также недоступной визуальному обследованию при условии хорошей его сохранности. Однако в данном случае мы сталкиваемся с уникальной ситуацией, когда при практическом отсутствии мозгового и лицевого отделов черепа можно не только наблюдать клиновидную кость, но даже говорить о наличии у индивидуума редкого для той эпохи заболевания.

В нашем распоряжении оказались два фрагмента крыловидных отростков. Наиболее крупный из них представляет правую медиальную пластинку (*lamina medialis processus pterygoidei*), свободный конец ко-

торой заканчивается направленным вниз и наружу крючком крыловидного отростка (*hamulus pterygoideus*). В нормальной анатомии (Синельников, 1967. С. 66) задневерхний край внутренней или медиальной пластинки расширяется кверху и образует ладьевидную яму продолговатой формы (здесь начинаются пучки мышцы, натягивающей мягкое небо). Выше и медиальнее ладьевидной ямы имеется отверстие, ведущее в канал крыловидного отростка, через которое проходят сосуды и нервы. Канал идет сагиттально в толщу основания крыловидного отростка и открывается на основночелюстной поверхности в области крыловидной ямы. Под его выходным отверстием вдоль передней грани крыловидного отростка располагается крылонебная борозда.

На медиальной пластинке крыловидного отростка рассматриваемого майкопского индивидуума наблюдается сквозное отверстие подквадратной формы (11 × 8 мм). Оно представляет собой результат некротического процесса, причем на этом же фрагменте представлен еще один лизис сходных очертаний, но не сквозной (рис. 1).

Напомним, что медиальная пластинка крыловидного отростка образует боковую стенку хоаны — отверстия овальной формы, разделенного задним краем сошника. Хоаны завершают носовую полость, открытую вперед грушевидным отверстием. Обширная перфорация пластинки крыловидного отростка — очевидный результат патологического процесса, которая требует проведения дифференциальной диагностики.

В качестве предварительных ориентиров для постановки диагноза могут служить замечания ведущих специалистов в области палеопатологии в отношении костных проявлений некоторых онкологических заболеваний.

Так, по словам Д. Ортнера и В. Путчара (Ortner, Putschar, 1985. Р. 437), карцинома ротовой или назальной полости, параназальных синусов и даже кожных покровов лица может способствовать экстенсивным разрушениям нижней челюсти или любой другой костной структуры. Как правило, такое поражение де-

монстрирует «изношенные» края со слабой остеосклеротической реакцией.

Судя по размерам и локализации обнаруженных у майкопца лизисов основной кости, нельзя исключить метастатический характер поражений.

По мнению специалистов, вторичные костные опухоли по определению злокачественные. Этот тип опухолей в скелетном материале представлен чаще первичных новообразований. Даже будучи ассоциированными со старшими возрастными категориями, они имеют тенденцию чаще встречаться в археологических образцах. Однако подобно первичным доброкачественным новообразованиям, вторичные метастатические поражения создают трудности в дифференциальной диагностике и при разграничении с инфекционными заболеваниями (Ortner, Putschar, 1985. Р. 395).

Диффузная остеобластическая реакция, выявляемая на клиновидной кости у майкопца, в принципе, соответствует вторичному характеру новообразований.

Наиболее распространенный вариант онкологии в археологических образцах — остеолитический метастатический рак. Главная проблема заключается в разграничении метастатической карциномы и множественной миеломы. Множество переходных случаев делают зачастую диагностику невозможной.

На микрофокусных изображениях, полученных с разным увеличением (рис. 2а, б), можно наблюдать последствия остеолиза, приведшего к образованию неровных «изъеденных» краев и очагов мелких поверхностных лизисов в теле кости.¹ Непосредственно к выявленной перфорации примыкает небольшой очаг склеротизации. Зона лизисов окаймляет край, примыкавший к полости наружного носа. Кроме того, при рассмотрении остеолитической перфорации можно говорить о распространении патологического процесса в параназальный синус. На данном этапе более вероятным диагнозом представляется карцинома.

Впрочем, не исключено, что применение лабораторных (гистологических) методов

¹ Пользуюсь случаем принести глубокую благодарность к.м.н. И.М. Булановой, докторанту кафедры лучевой диагностики МГМСУ за неоценимую помощь в проведении этого исследования.

Рис. 1. Фрагменты основной (клиновидной) кости мужчины из погребения 18 кургана Марьинская-3

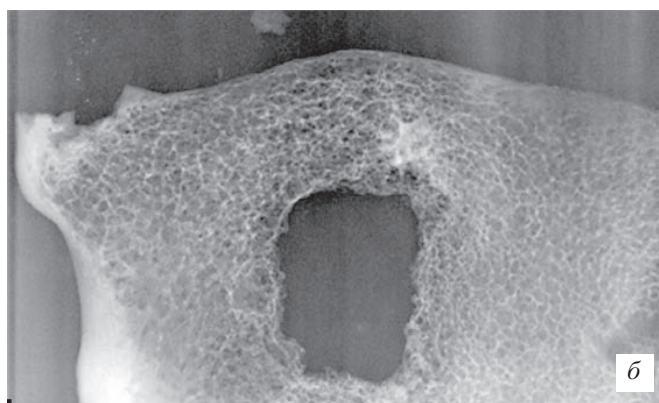

Рис. 2. а, б. Следы злокачественных остеолитических изменений на микрофокусных рентгенограммах крыловидного отростка основной кости, полученных с разным увеличением

анализа в ближайшем будущем позволит нам определить более точно характер заболевания майкопского мужчины из погребения 18 первого кургана Марьинской группы памятников.

Выявленное онкологическое заболевание у представителя майкопской элиты побуждает рассмотреть некоторые условия существования носителей этой культурной традиции.

К вопросу о факторах, способствовавших развитию онкологических заболеваний у майкопского населения. Как отмечает С.Н. Кореневский (2004. С. 95–97), для степного коридора население майкопской культуры — поставщики наиболее совершенных для своего времени форм оружия: бронзовых втульчатых топоров, кинжалов и наконечников копий, престижных украшений из золота. Майкопская бронза относится к разряду мышьяково-никелевых. С.Н. Кореневский высказывает предположение, что майкопские племена могли сами стоять у истоков сложения ювелирного дела в Передней Азии.

Теперь обратим внимание на окраску лобной кости погребенного в кургане Марьинская 3. Этот пигмент, ярко-красного цвета, использованный для натираания лица покойного, скорее всего, не был охрой. Был ли он реальгаром или суриком, ответит качественный химический анализ. Пока, на предварительной стадии исследования, мы рассмотрим обе возможности.

Французское слово «реальгар» представляет собой искаженный вариант арабского, смысл которого можно перевести как пыль пещеры или рудника. Этот минерал — моносulfид мышьяка As_2S_3 , и, как все соединения мышьяка, он ядовит. В природе реальгар находят с аурипигментом и антимонитом, а также в небольших количествах со свинцовыми, серебряными и золотыми рудами. Встречается в виде отложений из горячих источников.

На Кавказе этот минерал добывали в Эльбрусском руднике, известны месторождения в Грузии и более удаленные — в Киргизии, Румынии, бывшей Чехословакии, Греции и др.

Совершенно очевидно, что в традициях майкопской культуры было повышать жаростойкость меди при помощи реальгара. За необычайно яркий и интенсивный, «сакраль-

ный» красный цвет он применялся в декоративных и религиозных целях. Как видно по материалам раскопок кургана из Марьинской 3, в каких-то случаях было принято окрашивать лицо или голову покойного и даже погребальную камеру. Нельзя исключить, что в особо торжественных случаях этот краситель применялся для раскраски тела и строений и в повседневной жизни. В сочетании с серой и селитрой реальгар дает необычный белый огонь (так называемый «индийский» или «греческий»), в таком виде он тоже мог быть использован для церемоний.

Примечательно, что в позднейшей этнографической практике реальгар использовали кожемяки, удаляя волосы с кожи. Ответить, не применяли ли его подобным образом майкопцы, не представляется возможным.

Также трудно ответить на вопрос, что знали люди эпохи раннего металла о влиянии токсичного минерала на организм человека. До недавнего времени небольшие дозы мышьяковистых соединений применялись для лечения малокровия и некоторых других заболеваний. У майкопца из погребения 18 есть основания предполагать проблемы с функцией кроветворения. Уровень эмпирических медицинских знаний древнего населения часто бывает недооцененным. К сожалению, мы можем лишь гипотетически допускать, что широко распространенное в майкопской культурной традиции и явно имевшее большую семантическую ценность вещество употреблялось для придания сил тяжело больным людям.

Другой аспект прижизненного контакта с мышьяковистым ангидридом (реальгаром) вряд ли был известен майкопцам — реальгар приводил к некрозу и, главное, в малых дозах был канцерогеном. Поскольку нами выявлен случай онкологического заболевания, не исключено, что именно контакт с этим минералом или другими производными мышьяка мог спровоцировать в организме мужчины из Марьинской злокачественные изменения.

Примечательный факт: считалось, что микродозы мышьяка, вводимые с осторожностью в растущий организм, способствуют росту костей человека в длину и толщину, в отдельных случаях рост костей может быть вызван микродозами мышьяка в период окончания

роста (Николаев, 1943). Необычное утолщение стенок диафизов трубчатых костей и общее увеличение их массивности — характерная черта обследуемого образца.

Вторая возможность заключается в том, что при погребении использовался сурик. Свинцовый сурик (ортоплюмбат свинца, Pb_3O_4) тоже может быть ярко-красного цвета, и его единственный недостаток связан с высокой токсичностью. Прижизненный контакт с таким веществом мог ослабить иммунную систему и опосредованно спровоцировать онкологическое заболевание.

Таким образом, можно предположить, что владение тайнами ремесла, контакты с биологически активными веществами, использовавшимися в бронзолитейном и ювелирном деле, таили опасность для здоровья майкопского населения. Социальная элита, имевшая наибольший доступ к материальным ценностям, занимавшаяся их сохранением, обменом и распределением, могла в каких-то случаях подвергать свое здоровье серьезной опасности.

СЛУЧАЙ ОНКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ У АБАШЕВСКОГО КОЛЕСНИЧЕГО

Еще один рассматриваемый нами образец принадлежит представителю абашевской культуры. Следует подчеркнуть, что поступивший на экспертизу в лабораторию группы физической антропологии скелетный материал представлен единственным, незначительным по площади фрагментом свода черепа, хотя и происходит из очень значимого захоронения.

В 2005 г. в Бобровском районе Воронежской области на левобережье р. Битюг (приток Дона) местными археологами был раскопан курган с насыпью размерами 80 × 32 м (Матвеев, Сафонов, Добрынин, 2005). Установлено, что это грандиозное сооружение насыпалось в несколько приемов, значительно разделенных по времени. Вначале на возвышенности возвели круглый курган диаметром около 28 м. Найденное под ним захоронение человека, получившее в археологической документации номер 2, представляет особый

интерес благодаря уникальному набору погребального инвентаря, позволяющего установить социальный статус покойного. Фрагмент черепа именно этого человека поступил на наше рассмотрение.

Несмотря на то что захоронение подверглось ограблению еще в древности, по видимому, современниками умершего, в юго-западном углу и в центре его могилы остались щитковые орнаментированные псалы, лепной горшок и костяная пряжка. Благодаря этим предметам стало возможным установить хронологическую позицию захоронения (поздний этап доно-волжской абашевской культуры) и атрибутировать его как социально престижное погребение воина-колесничего.

К сожалению, хотя в археологической документации указана практически полная сохранность скелета этого человека, останки, поступившие в лабораторию группы физической антропологии ИА РАН, представлены единственным фрагментом свода черепа, размерами 93 × 62 мм, что, безусловно, не облегчало проведение скелетной экспертизы и половозрастной идентификации погребенного (рис. 3а, б).

Предположительно, перед нами центральная-верхняя часть левой теменной кости (стреловидный шов на фрагменте практически не присутствует). Толщина свода не выходит за рамки средних значений, составляя порядка 6 мм. На медиальном сломе можно наблюдать отчетливо слоистую структуру внутренней и внешней пластинок компакты. Лежащая между ними губчатая ткань местами разреженная, «нерегулярная». Однако расширения губчатого слоя или гипертрофии компакты не намечается.

Латеральный край фрагмента позволяет лучше видеть костные слои. Здесь обнаруживаются два небольших костных повреждения подокруглой формы, диаметром 5 и 2 мм. Края более крупного повреждения гладкие и с внутренней, и с наружной стороны. Более детальное рассмотрение показывает, что оно в слое губчатой ткани расширяется, приобретая шаровидную форму.

При взгляде сверху обращает на себя внимание ряд сквозных и поверхностных дефектов округлых очертаний.

Рис. 3. Фрагмент свода черепа индивидуума — «колесничего» из раскопок кургана Красный 1 (II тысячелетие до н. э.) А: с наружной стороны; Б: со стороны эндокрана, где хорошо виден сосудистый рисунок, окаймляющий метастазы

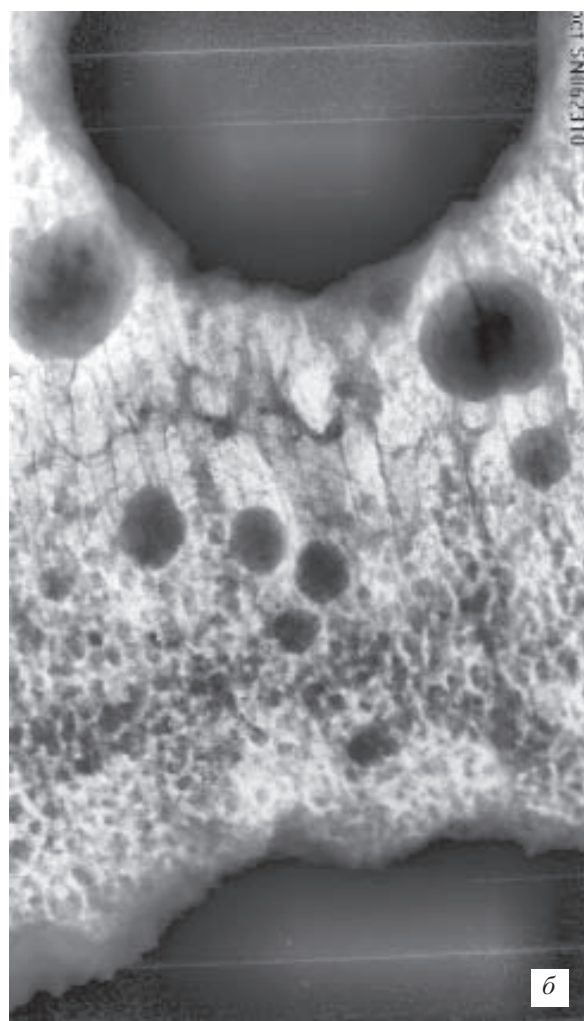
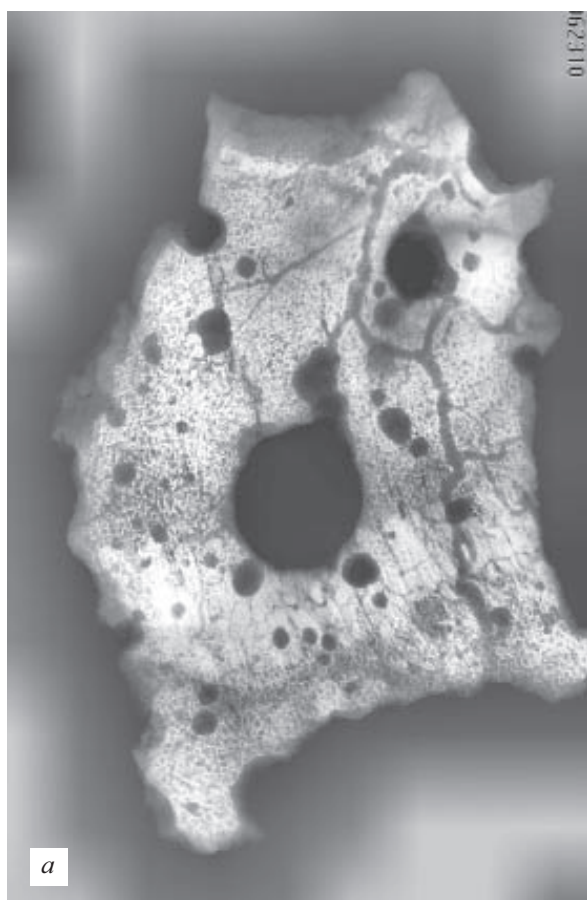

Рис. 4а, б. Изображение того же фрагмента, полученное методом микрофокусной рентгенографии с разным увеличением

Максимальное отверстие (17 × 18 мм) располагается в центре костного фрагмента. К нему примыкают несквозные отверстия 3,5 и 2,5 мм в диаметре. Еще один сквозной дефект 7 × 8 мм в диаметре расположен в передней части.

При поверхностном рассмотрении эти дефекты производят впечатление как от обстрела разнокалиберной «дробью» или могут быть восприняты как посмертные разрушения. Однако отсутствие следов характерных посттравматических разломов, диаметры входного и выходного отверстия, равно как и расширяющиеся в толщу губчатой ткани стенки повреждений, заставляют сразу же отвергнуть эти предположения.

Со стороны эндокрана заметен сосудистый рисунок на костной поверхности, окаймляющий наиболее крупное отверстие. Таким образом, становится очевиден прижизненный характер процесса, нарушившего анатомическую целостность мозгового черепа, и, кроме того, гематогенный путь распространения этого заболевания.

Изображение, полученное при помощи микрофокусной рентгенографии², позволяет видеть изменения внутренней структуры костного фрагмента (рис. 4а, б). Как можно

заметить, количество очагов деструкции увеличивается до 50, причем большинство из них выявляется только при микрофокусном увеличении. Все лизисы округлой формы, диаметром от 0,1 мм, что позволяет реконструировать интенсивность патологического процесса. Такая картина типична для онкологических заболеваний.

Локализация на своде черепа позволяет нам в рамках дифференциальной диагностики выделить группу злокачественных патологий с аналогичными проявлениями. Среди них метастатическая карцинома, множественная миелома, эозинофильная гранулема, ангиосаркома. Из этого списка менее вероятной представляется множественная миелома, для которой характерны очаги деструкции с неровными краями.

Применение метода микрофокусной рентгенографии позволило выявить и описать случаи ракового заболевания у представителей социальной элиты эпохи бронзы, живших в IV и во II тыс. до н. э. Таким образом, онкология, считающаяся «болезнью цивилизации» и ставшая характерной чертой XX–XXI вв., была печальной спутницей представителей привилегированного слоя тысячелетия назад.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авилова Л.И., 2008. Металл Ближнего Востока: модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. М.

Бужилова А.П., 1995. Древнее население: палеопатологические аспекты исследования. М.

Бужилова А.П., Добровольская М.В., Медникова М.Б., 2009а. Микрофокусная рентгенография в современных палеопатологических исследованиях // Вестник Московского Университета. Сер. XXIII: Антропология. № 2.

Бужилова А.П., Добровольская М.В., Медникова М.Б., 2009б. Лобная кость Номо из верхнепалеолитического местонахождения

Покровка: к вопросу о древнейшем заселении Сибири // Вестник Московского Университета. Сер. XXIII: Антропология. № 3.

Бужилова А.П., Добровольская М.В., Медникова М.Б., Потрахов Н.Н., Потрахов Е.Н., Грязнов А.Ю., 2008а. Применение микрофокусной рентгенографии при диагностике заболеваний древнего человека // Петербургский журнал электроники. № 2–3.

Бужилова А.П., Добровольская М.В., Медникова М.Б., Потрахов Н.Н., Потрахов Е.Н., Грязнов А.Ю., Хартанович В.И., 2008б. Взрослый неандерталец из Киик-Кобы: анализ патологий методом микрофокусной рентгенографии // Актуальные направления антро-

² Исследование выполнено на базе ЛЭТИ (Санкт-Петербург). Я в высшей степени благодарна разработчику уникального оборудования для микрофокусной рентгенографии д.т.н. Н.Н. Потрахову и моим коллегам А.П. Бужиловой и М.В. Добровольской, принимавшим участие в обследовании.

пологии: Сб., посвящ. 80-летию акад. РАН Т.И. Алексеевой / Отв. ред. А.П. Бужилова, М.В. Добровольская, М.Б. Медникова. М.

Васильев А.Ю., 1998. Рентгенография с прямым многократным увеличением в клинической практике. М.

Историческая экология человека. М., 1998.

Канторович А.Р., Маслов В.Е., 2009. Раскопки погребения майкопского вождя в кургане близ станицы Марьинской (предварительная публикация) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь. Вып. IX.

Корневский С.Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.

Николаев И.И., 1943. Фармакология. М.; Л.

Матвеев Ю.П., Сафонов И.Е., Добрынин

А.В., 2005. Исследование кургана эпохи бронзы в могильнике Красный 1 // Пастушеские скотоводы восточноевропейской степи и лесостепи эпохи бронзы (историография, публикации). Воронеж.

Потрахов Н.Н., 2007. Микрофокусная рентгенография в стоматологии и челюстно-лицевой хирургии. СПб.

Синельников Р.Д., 1967. Анатомия человека. М. Т. 1.

Buzhilova A., Mednikova M., Dobrovolskaya M., Vasiliev A., Bulanova I., 2008. Microfocus X-ray used in the analysis of skeletal lesions // Abstracts of 17th Paleopathological Association Meeting «Diseases in the Past». Copenhagen, Denmark, 25–27th August, 2008.

Ortner D.J., Putschar W.G.J., 1985. Identification of Pathological Condition in Human Skeletal Remains. Washington.

А.П. Бужилова

НИИ и Музей антропологии МГУ, Институт археологии РАН, Москва

ДОНСКИЕ АЛАНЫ ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ

Открытие Маяцкого городища в 1890 г. и катакомбного Салтовского могильника в 1900 г. дало название археологической культуре алан — салтово-маяцкой, которую впоследствии небезосновательно связывали с населением Хазарского каганата. Многие выдающиеся исследователи занимались проблемами изучения этой общности. Впервые памятники были датированы А.А. Спицыным по аналогиям с северокавказскими древностями (VIII–IX вв.), и им же была определена этническая принадлежность носителей культуры (Плетнева, 1981. С. 62).

По материалам краниологической серии из Салтовского могильника Г.И. Чучукало (1927) высказала мнение, что эта палеогруппа связана с аланским этносом. По мнению Г.Ф. Дебеца (1948), основным морфологическим типом Верхне-Салтовского могильника является длинноголовый европеоидный тип, с незначительной долей черепов брахикранного типа, характерного для Зливкинского могильника. По мнению В.П. Алексеева (1962), незначительный процент брахикранного типа черепов может быть следствием нормальной изменчивости признаков, т. е. биологической вариации.

В настоящее время ни датировка, ни этническая принадлежность не вызывают каких-либо серьезных разногласий у современных исследователей.

В конце 1920-х гг. М.И. Артамонов организовал широкие разведочные работы на Дону с целью выяснения ареала салтовской культуры. В результате сопоставления археологических и исторических источников М.И. Артамонов считал возможным отнести ее к Хазарскому каганату (Артамонов, 1940). Это территория лесостепной зоны в верховьях Дона и Северского Донца. Исследованные поселения располагались на пограничной линии Хазарского каганата и славянских земель.

Краниологическое исследование, проведенное Т.С. Кондукторовой и С.П. Сегедой по материалам Дмитриевского и Маяцкого археологических комплексов, подтвердило принадлежность этого населения к аланам (Кондукторова, Сегеда, 1987; 1990).

По палеоэкономическим реконструкциям Г.Е. Афанасьева (1993), экологическая ниша долины Дона и его притоков создавала благоприятные условия для ведения оседлого хозяйства с развитым земледелием и придомным пастушым животноводством в этот исторический период. Так, центральные поселения в бассейне Тихой Сосны выступали как аграрно-ремесленные населенные пункты с функциями торговых факторий и оборонных пунктов северо-западных рубежей.

Система обороны северо-западного хазарского пограничья наиболее наглядно фиксируется 140-километровой оборонительной

линией с шестью опорными пунктами, защищавшими правобережье Дона, вероятно, от ближайших соседей (Афанасьев, 1993).

Не вызывает сомнений у большинства исследователей заключение, что население салтово-маяцкой культуры — это мигранты из предгорий Северного Кавказа. Причины, по которым произошла эта миграция, до сих пор активно обсуждаются. По мнению С.А. Плетневой (1967; 1992), миграция явилась следствием арабо-хазарских войн, в которые были втянуты северокавказские аланы. Некоторые исследователи считают, что это могло быть следствием продвижения в Кисловодскую котловину болгарских групп, вытеснивших оттуда местное население (Кузнецов, 1964; Ковалевская, 1984). По мнению Г.Е. Афанасьева (1991), эта миграция может быть результатом социально-экономического развития алано-асского общества.

М.И. Артамонов считал, что носители «...салтовской культуры, как и северокавказские аланы, не были кочевниками». По его мнению, остатки поселений и крепостей свидетельствуют об оседлости и занятиях как скотоводством, так и земледелием (Артамонов, 1962. С. 357).

По мнению И.И. Ляпушкина (1958. С. 144), салтовская культура «...выступает как вполне сложившаяся культура оседло-земледельческого населения, ведущего пашенное земледелие... имеющего высокоразвитое гончарное ремесло, кузнечное дело и т. д.».

Палеозоологический анализ остеологических материалов Маяцкого археологического комплекса, проведенный Я. Матолчи (1984), позволяет говорить, что значительная доля в животноводстве приходится на разведение мелкого рогатого скота (43,7%). Второе место после овец и коз занимают свинья и крупный рогатый скот, что, по мнению исследователя, служит доказательством ведения оседлого хозяйства. Близкий состав стада был реконструирован С.А. Плетневой (1967) по остеологическим материалам Дмитриевского селища.

Г.Е. Афанасьев (1987. С. 75) относит выделенные им типы салтовских жилищ лесостепной зоны к категории стабильных, стационарных домов, характерных для оседлых

и в меньшей степени полуседлых этносов. В исследованных поселениях не найдены признаки, свидетельствующие о наличии каких-либо вариантов переносного разборного жилища, присущего полукочевым или кочевым этносам.

Попробуем оценить проблему миграции алан и освоения ими новых территорий с учетом анализа демографии и данных палеопатологии по материалам двух ключевых памятников донских алан: Дмитриевского и Маяцкого археологических комплексов. Раскопки Дмитриевского комплекса проводились на протяжении 1957–1979 гг. экспедицией Института археологии РАН под руководством С.А. Плетневой. Он включает в себя все три типа памятников, характерных для салтово-маяцкой культуры: городище, небольшие поселения, располагающиеся рядом, и могильник, находящийся в непосредственной близости от одного из селищ (Плетнева, 1989). Активные раскопки Маяцкого археологического комплекса были начаты в 1975 г. комплексной советско-болгарско-венгерской экспедицией под руководством С.А. Плетневой и продолжались в течение шести последующих сезонов. Раскопки могильника проводил В.С. Флеров (1984) при участии антрополога Т.С. Кондукторовой.

По мнению Т.С. Кондукторовой и С.П. Сегады (1990), краниологическая серия из Дмитриевского в целом характеризуется чертами аланского (верхнесалтовского) антропологического типа: долихокранный тип черепа со средним продольным и малым поперечным диаметрами, средней высотой, резко выраженной горизонтальной и вертикальной профилировкой лица. По одонтологическим признакам можно предположить, что население сложилось, несомненно, на европеоидной основе при некотором участии «восточного» компонента. Анализ показателей полового диморфизма и степень изменчивости краниологических признаков позволяют говорить о незначительной примеси людей болгарского (зливкинского) типа.

Череп из Маяцкого долихокранные, лицо ортогнатное, неширокое, орбиты невысокие. Выступание переносья и носовых костей по отношению к линии профиля лица сильное. Горизонтальная профилировка — резкая

(Кондукторова, Сегеда, 1987). По результатам сравнительных исследований Т.С. Кондукторова и С.П. Сегеда пришли к выводу, что для основной части населения характерны черты аланского (верхнесалтовского) типа (Там же). В серии выделяются две мужские подгруппы, что дает исследователям основание предположить участие нескольких племенных групп алан в сложении физического облика населения из Маяцкого. Это предположение подтверждается и анализом дискретно-варьирующих признаков, которые указывают на разнообразие числа аномалий и отсутствие характерных завышений частоты встречаемости определенных комплексов (Бужилова, 1995). Наличие «восточного» одонтологического типа и некоторые аналогии со зливкинской краниологической серией указывают на примесь болгарского населения, и именно той его части, в которой монголоидные черты выражены не резко (Кондукторова, Сегеда, 1987).

Более однородный по сравнению с выборкой из Маяцкого краниологический состав Дмитриевской серии дает основание допустить, что процессы смешения в последней группе происходили уже в предыдущих поколениях, если принять предположение о формировании «дмитриевцев» на основе нескольких популяций.

В обследованных сериях показатель среднего возраста умерших колеблется около отметки 38 лет¹. Интересно подчеркнуть, что показатель среднего возраста умерших у более позднего населения, жившего на сопредельной территории, такой же (Бужилова, 1995). Таким образом, пришедшее аланское население не отличается по этому показателю от более или менее аборигенных групп.

Оценим распределение показателя смертности по гендерному критерию. Средний возраст у мужчин из Дмитриевского 41,7 лет, у женщин — 36,3 лет. Средний возраст мужчин в Маяцкой серии — 41,9, у женщин — 37,6 лет. В общем, наблюдается закономерная разница в пятилетний интервал между возрастом

мужчин и женщин, и она не имеет практических различий в двух разных выборках (Бужилова, 1995; 2005).

Тем не менее, по выборкам из родовых участков Дмитриевского фиксируются несколько иные отличия среднего возраста умерших с учетом их пола. Так, у группы с высоким социальным статусом (участок 2), где отмечается максимальный возраст дожития, у женщин этот показатель такой же высокий, как и у мужчин. И в остальных выборках, организованных по социально-родовому критерию, где величина показателя продолжительности жизни колеблется в пределах средних, наблюдается некоторое завышение значений среднего возраста смерти у женщин по сравнению со средним по группе (Бужилова, 1995).

Очевидно, на увеличение средней продолжительности жизни в обследованных выборках значительным образом могли влиять социальные факторы среды, в частности высокий уровень благосостояния отдельных кланов.

По хронологическим периодам существования Дмитриевского поселения, выделенным С.А. Плетневой (1989), выявляется флуктуация показателя смертности. На ранних этапах существования поселения (I хронологический период и участок 5) средний возраст умерших заметно ниже 38 лет (табл. 1). Эту тенденцию одинаково демонстрируют как мужские, так и женские подгруппы. Увеличение средней продолжительности жизни наблюдается в последующих хронологических интервалах, и эти показатели выше средних значений по региону и группе. Для третьего хронологического этапа намечается тенденция некоторого снижения значений признака (табл. 1).

Рассмотрим процентное соотношение возрастных категорий. В табл. 2 представлены результаты фактического соотношения взрослых и детских погребений в некоторых могильниках рассматриваемого региона. Звездочками отмечены данные, полученные

¹ Для демографического анализа Дмитриевского были использованы 184 костяка различной сохранности. Из них к мужскому полу отнесено 89 скелетов, к женскому — 95. Для оценки демографических параметров Маяцкого привлекались данные о 146 фрагментарных скелетах. Из них мужских — 71, женских — 75 (Бужилова, 1995).

Г.Е. Афанасьевым (1993) по результатам археологических исследований. В процентном соотношении число взрослых погребений колеблется в пределах 66–80%, детских — 21–34%, при средних 72 и 28% соответственно.

В табл. 3 сведены результаты соотношения детских и взрослых погребений по родовым участкам Дмитриевского могильника, согласно С.А. Плетневой (1989). Число взрослых погребений колеблется в пределах от 62

до 82%, детских — от 18 до 35%, при средних 71 и 28% соответственно. Эти показатели практически совпадают с приведенными выше средними значениями, полученными в результате анализа нескольких могильников рассматриваемого региона.

Таким образом, фактическое число детских погребений в обследованных могильниках колеблется у отметки 30 %. Конечно, эта величина относительна и не отражает истин-

Таблица 1

Средний возраст умерших в подгруппах Дмитриевской серии

Хронологический период	Мужчины возраст/численность	Женщины возраст/численность	Средний возраст
Первый	38,3/11	32,2/15	35,3
Второй	44,5/30	39,2/24	41,8
Третий	42,9/8	37,4/10	40,2

Таблица 2

Соотношение погребений взрослых с детскими захоронениями на территории распространения салтовской культуры

Памятники	Взрослые % (N)	Дети % (N)
Верхнее Салтово*	71,5/221	28,5/88
Дмитриевка	65,6/120	34,4/63
Маяцкое	79,5/116	20,6/30
Маяцкое селище*	70,0/29	30,0/12
Нижние Лубянки*	69,0/77	31,0/35
Ютановка*	78,8/41	21,2/11

Таблица 3

Соотношение погребений взрослых с детскими захоронениями на участках Дмитриевского могильника

Номер участка	Общее кол-во по: арх/антр	Взрослые % (N)	Дети % (N)
1*	64/13	61,5/40	31,2/20
2**	66/46	67,4/31	32,6/15
3	29/23	78,3/18	21,7/5
4**	18/11	81,8/9	18,2/2
5	22/22	65,2/15	34,8/8
6	27/27	70,4/19	29,6/8
7	55/55	72,4/42	27,6/16
8***	32/1	-	-
Интервал min-max	—	61,5–81,8	18,2–34,8
Средние	—	71,0	27,9

* Вычисленно по данным С.А. Плетневой (1989).

** Антропологическая серия неполная, возможна ошибка выборки.

*** Данные отсутствуют.

ного числа детских смертей в аланских семьях. Тем не менее, используемый условный показатель может отражать определенные социальные условия жизни исследуемых групп. Если допустить, что у алан число детей в семье было примерно одинаковым и причины детской смертности не выходили за рамки стандартных, т. е. не вызывались какими-то дополнительными стрессовыми факторами, то и число умерших детей должно быть определенным. Именно такая тенденция и прослеживается для донских алан.

Соотношение мужчин и женщин — другой показатель, который, так же как и первый, может иллюстрировать социальные взаимоотношения в обществе.

В исследованных группах число женщин незначительно превалирует — 107–110%. По родовым участкам Дмитриевского могильника разница между числом мужчин и женщин более отчетлива (табл. 4). По мнению С.А. Плетневой (1989), это явление закономерно и отражает социальные традиции салтовских групп принимать в семью-клан женщин-жен и женщин-рабынь, большое число которых указывает на высокий социальный статус рода. По данным С.А. Плетневой (1989), участок 2 принадлежал богатому роду, а участок 5 использовался на начальных этапах освоения этой местности. И в первом, и во втором случаях число женщин значительно преобладает по сравнению с аналогичными показателями на других участках.

Преобладание числа женщин в группе может быть и достаточно красноречивым показателем оседлости населения (Бужилова, 1995; 2005). В конкретной ситуации оседлость исследованных групп убедительно доказывается данными археологии и палеозоологии (Плетнева, 1989; Маяцкий археологический комплекс... 1990; Афанасьев, 1993).

Таким образом, при очевидной картине благополучной адаптации исследованных групп (ненарушенная половозрастная структура, отсутствие тенденции увеличения детской смертности, благополучные показатели среднего возраста смертности) начальные этапы освоения местности были сопряжены с определенными стрессовыми ситуациями, повлиявшими на уменьшение продолжительности жизни населения в этот период.

Очевидно, схожесть демографических параметров для сравниваемых выборок может расцениваться как показатель одинаковых экологических условий жизни обеих групп. Единая экологическая ниша и синхронность существования позволяют не принимать в расчет биологические факторы среды. Таким образом, отличия в патологических характеристиках можно интерпретировать как последствия, главным образом, негативных социальных факторов. Сопоставим результаты демографического исследования с данными палеопатологии.

Кариес как один из маркеров пищевого стресса в серии Дмитриевское демонстрирует

Таблица 4

Соотношение мужчин и женщин в различных выборках донских алан

Памятники	Мужчины (М), п	Женщины (F), п	F/Mx100, %
Участки Дмитриевского могильника:			
1	25	15	166,7
2*	20	11	181,8
3	11	7	157,1
4*	3	6	50,0
5	10	5	200,0
6	11	8	137,5
7	22	20	110,0
8	-	-	-
Средние по участкам	102	72	141,7
Дмитриевка	63	57	110,5
Маяцкое	60	56	107,1

* Антропологическая серия неполная: возможна ошибка выборки.

увеличение показателей с течением времени. Так, на третьем хронологическом этапе частота встречаемости этого признака почти в полтора раза превышает величину, отмеченную на начальных этапах заселения. Следует обратить внимание, что в это время кариес был наиболее характерен для мужчин, а на финальных стадиях это заболевание одинаково часто встречается и у мужчин, и у женщин (табл. 5). Вероятно, уклад жизни этого населения с течением времени изменился. У населения Маяцкого частота встречаемости кариеса в среднем ниже, чем у «дмитриевцев», и соответствует примерно уровню раннего хронологического этапа Дмитриевского (табл. 5, 6).

Эмалевая гипоплазия, согласующаяся с увеличением негативных стрессов, влияющих на снижение ростовых процессов у детей, показывает увеличение значений на финальных этапах существования поселения Дмитриевское. Следует оговориться, что в целом уровень этого признака находится в пределах максимальных значений. Подобную тенденцию можно обнаружить при сопоставлении показателей неспецифических инфекций с течением времени, и выявленные инфекции наиболее характерны для мужской части популяции (табл. 5). Частота встречаемости эмалевой гипоплазии в серии Маяцкое ниже, чем у «дмитриевцев», но находится в пределах высоких значений, встречаясь практически у каждого второго (табл. 6). Следует обратить внимание на то, что уровень показателей у мужчин и женщин примерно одинаков, что указывает на присутствие стресса в популяции (табл. 5, 6).

Анализ специфических патологий в аланских группах показал, что среди 300 скелетных останков отмечено 13 случаев (8 мужчин и 5 женщин) с несомненными следами бактериальной инфекции, поражающей суставные поверхности колена, локтя и области крыльев тазовых костей. Это могут быть последствия таких заболеваний, как бруцеллез и туберкулез (Бужилова, 2005). Для одного из случаев была проведена дифференциальная диагностика, поскольку сохранность костей и отмеченные признаки позволили прийти к определенному диагнозу. Возможно, что молодой мужчина из Дмитриевского, погребенный

в могиле 101 (скелет 1), болел туберкулезом (Buzhilova et al., 1999). На левом крыле тазовой кости фиксируется холодный абсцесс, который нередко отмечается при осложнении костной системы легочным вариантом туберкулеза (рис. 1). Подобная вариация активно развивающейся формы заболевания характерна для молодых индивидов. Вероятно, у молодой женщины из Маяцкого (погребение в катакомбе 61/1) значительную по величине область холодного абсцесса на правом крыле тазовой кости также можно объяснить следствием легочного туберкулеза, т. к. локализация и характер воспаления аналогичны случаю из Дмитриевской серии (рис. 1).

Некоторые маркеры стресса в серии Дмитриевское демонстрируют флуктуации значений, с пиком, отмечаемым для выборок среднего хронологического этапа. Так, на промежуточном этапе существования поселения увеличивается число анемичных людей, причем значения этого признака преобладают в мужской части группы. У жителей Маяцкого также фиксируются высокие значения признака анемии, которые характерны как для мужской, так и для женской части по-

Рис. 1. Область холодного абсцесса на левом крыле тазовой кости как вероятное следствие костного туберкулеза

Таблица 5

Динамика показателей маркеров стресса по хронологическим периодам в серии Дмитриевское

Кариес

Хронологический период	Мужчины, %	Женщины, %
Первый	57,1	16,7
Второй	75	64,7
Третий	100	63,6

Эмалевая гипоплазия

Хронологический период	Мужчины, %	Женщины, %
Первый	100	50
Второй	78,6	61,5
Третий	100	77,8

Cribra orbitalia

Хронологический период	Мужчины, %	Женщины, %
Первый	42,9	14,3
Второй	41,2	25,0
Третий	50	8,3

Инфекции

Хронологический период	Мужчины, %	Женщины, %
Первый	9,1	11,1
Второй	21,4	4,2
Третий	57,1	0,0

Травмы

Хронологический период	Мужчины, %	Женщины, %
Первый	9,1	33,3
Второй	39,3	0,0
Третий	0,0	0,0

Признаки «комплекса всадника»

Хронологический период	Мужчины, %	Женщины, %
Первый период	85,7	25,0
Второй период	76,2	42,1
Третий период	33,3	37,5

Холодовой стресс

Хронологический период	Мужчины, %	Женщины, %
Первый период	14,3	0,0
Второй период	23,5	5,9
Третий период	25,0	8,3

Таблица 6

Частота встречаемости патологических маркеров в Маяцкой серии

Признаки	Мужчины, %	Женщины, %
Кариес	57,7	26,4
Эмалевая гипоплазия	46,1	54,3
Одонтогенный остеомиелит	18,8	16,7
Прижизненное выпадение зубов	45,2	26,4
Cribra orbitalia	40,2	45,8
Холодовой стресс	6,3	0,0
Периостит на большеберцовых костях	3,4	0,0
Отит	1,3	0,0
Инфекции	5,1	5,4
Травмы на черепе	12,6	3,6
Травмы на костях скелета	10,2	0,0
Рахит	1,7	3,6
Болезни суставов	10,2	0,0
Болезни позвоночника	1,7	0,0

пуляции (табл. 5, 6). Как известно, снижение полового диморфизма говорит о присутствии стресса (Бужилова, 1995).

На среднем хронологическом этапе у жителей Дмитриевского незначительно преобладают травмы, которые на заключительном этапе практически не фиксируются, и они характерны для мужчин, а не для женщин. У последних травмы фиксируются только на начальном этапе заселения. В Маяцком травмы также наиболее характерны для мужчин (табл. 6). Следует обратить внимание, что они одинаково часто фиксируются как на черепе, так и на различных костях скелета, в то время как у мужчин из Дмитриевского отмечается преобладание черепных травм (Бужилова, 1995). Черепные травмы у алан — это последствия ударов тупым предметом и ранений острым оружием (рис. 2). В отличие от других групп, где встречаются либо травмы верхних конечностей (древнерусское население), либо нижних («дмитриевцы»), у мужчин из Маяцкого травмы многообразны (Бужилова, 1995). Наиболее часто травмируются кости скелета левого предплечья и правой голени — менее защищенных при прямой военной атаке. Эти данные могут указывать как на использование разных приемов ведения боя, так и на присутствие в группе различных воинских специализаций (пешие воины и воины-всадники). Последнее косвенно свидетельствует о военной специализации мужчин из Маяцкого.

С течением времени в серии Дмитриевское увеличивается степень проявления холодового стресса среди мужчин, которая затем падает почти до исходных значений.

На среднем хронологическом этапе наблюдается значительное превалирование числа профессиональных наездников, причем не только среди мужской, но и среди женской части популяции (табл. 5). В маяцкой группе признаки «всадничества» отмечаются только в мужской части, причем в двух случаях — у мужчин, погребенных в катакомбах 44 и 96, — отмечены следы воспалительного процесса на голеностопе в области присоединения связки между больше- и малоберцовыми костями (ligamentum tibiofibulare). Подобные поражения могут быть следствием травмирования голеностопа при неудачном использовании стремени. Сравнительный анализ средневековых групп профессиональных всадников с территории Америки (племя Сиу) показал, что подобная патология встречается часто среди наездников, использующих стремя (Бужилова, 1998).

Представленная разнонаправленность хронологической динамики признаков отражает сложную картину постепенного процесса адаптации населения к местным условиям среды. Помимо климатической и средовой, улавливаются последствия социальной адаптации, т. е. население, стремясь к оседлости, в целом меняет свой уклад жизни. По данным антропологии выявляются подгруппы людей

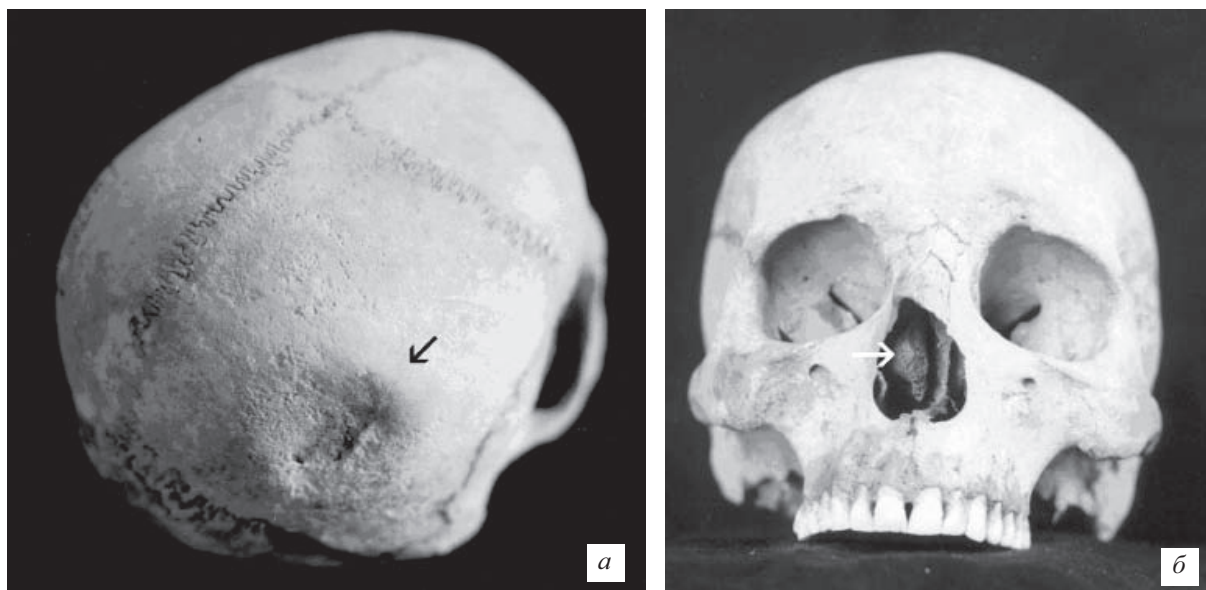

Рис. 2а, б. Травмы черепа как следствие удара тупым предметом по голове

со специализацией трудовой деятельности и социального ранга (рядовые жители, воины, воины-всадники). Анализ маркеров стресса демонстрирует разнонаправленность влияния негативных стрессов на гендерные группы, что косвенно свидетельствует о различиях в трудовой занятости мужчин и женщин. Очевидно, социальная роль тех и других была жестко детерминирована.

Следует обратить внимание на то, что на втором хронологическом этапе происходит нечто значимое в жизни Дмитриевского населения. Присутствует стрессовая ситуация, которая влияет на увеличение травматизма среди мужчин и демонстрирует в целом негативную обстановку в популяции. В этот период регистрируется резкое увеличение числа женщин — профессиональных всадников (более 40%). Сопоставляя эту тенденцию с замечанием археологов о появлении женских погребений с элементами воинской атрибутики (Плетнева, 1989), стоит заключить, что женщины в этом обществе могли достойно сражаться в момент острой необходимости.

Подводя итоги, отметим, что население Маяцкого и Дмитриевского характеризуется сходными демографическими показателями. Возможно, это сходство объясняется единством этнического субстрата, близостью культурных традиций и

хозяйственно-экономического уклада рассматриваемых групп. Незначительная частота встречаемости генетически детерминированных признаков на фоне широкого их многообразия свидетельствует о достаточно высокой разнородности исследуемого населения.

Следует подчеркнуть, что по разным показателям отмечается присутствие пищевого стресса в мужской части популяций, возможно связанного с однообразной некалорийной пищей (кариес, эмалевая гипоплазия, анемия, периоститы). Тем не менее, в выборке из Маяцкого показатели кариеса и эмалевой гипоплазии значительно уступают аналогичным данным, полученным для Дмитриевской группы. Подчеркну, что их значения выше средних, отмеченных в славянских группах, но коэффициенты полового диморфизма несколько занижены, что в целом указывает на присутствие стресса (Goodman et al., 1984).

Наличие завышенных показателей маркеров стресса в группе Дмитриевское может быть связано с определенным хронологическим периодом освоения территории. Так, по демографическим показателям, основное, наиболее массированное, воздействие среды дмитриевцы-мигранты испытали на начальном этапе освоения нового места жительства.

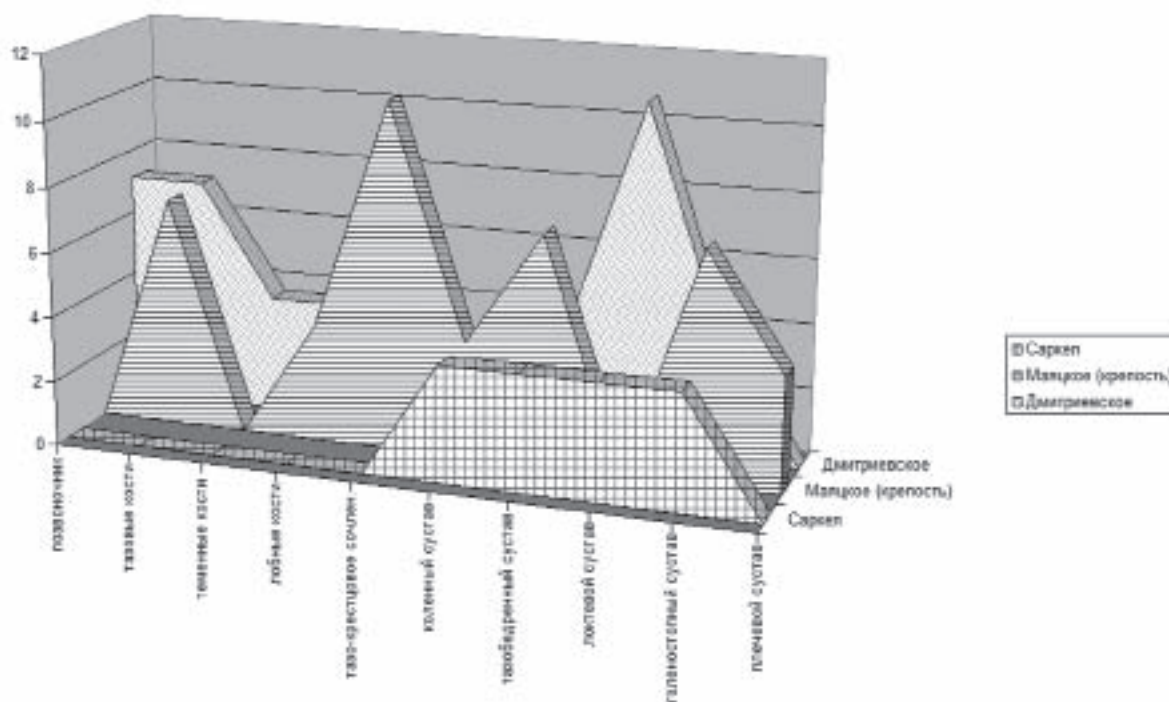

Рис. 3. Индикаторы заболеваний и патологий в мужских и женских салтово-маяцких группах

К сожалению, на Маяцком комплексе археологам не удалось выделить каких-либо характерных хронологических этапов, поэтому, опираясь на демографическое сходство показателей, можно предположить, что время стрессовых процессов в Маяцком совпадает, возможно, с третьим хронологическим этапом Дмитриевского, по схеме С.А. Плетневой (1989). Однако часть показателей физиологического стресса близка по уровню зафиксированному в серии Дмитриевского раннего хронологического этапа, причем эти значения сравнительно низки, что указывает на социальное или хронологическое различие этих популяций.

По мнению археологов, нижняя граница существования Дмитриевского комплекса — середина VIII в. (Плетнева, 1989), а Маяцкого — конец VIII и не раньше IX в. (Флеров, 1984; Плетнева, 1989). Тогда возникает предположение, что выборка из Маяцкого (хронологически более поздняя) может представлять уже более или менее адаптированную группу по сравнению с выборкой из Дмитриевского. Возможно, что популяция из Маяцкого — это «вторая волна» миграции уже

внутри территории Хазарского каганата, и ее представители — это потомки разных групп первых мигрантов-алан. Этот тезис хорошо согласуется с результатами патологического анализа. У населения Маяцкого отмечены заниженные показатели неспецифических инфекций, средний уровень развития кариеса, что указывает на высокий иммунный потенциал группы, ведь у мигрантов, как правило, наблюдается разбалансировка иммунной системы вследствие адаптивного процесса. К тому же, по данным краниологии, выборка из Маяцкого — это скорее механическая смесь из нескольких антропологических вариантов (разные племенные группировки алан), чем метисная более однородная группа, как это отмечается в дмитриевской выборке.

С другой стороны, следует учесть, что две, в общем схожие, группы, как в этническом, так и в культурном отношении, могли отличаться специфичностью условий хозяйственного уклада. Наличие стресса в мужской группе из Маяцкого можно объяснить присутствием генерализованного воздействия экзогенных факторов, определяющих некоторую дискомфортность образа жизни населе-

ния, например, недоедание, некалорийное питание, антисанитарные условия, повышенная плотность (скупенность). По многим маркерам стресса мужчины Маяцкого схожи с жителями Витичева и Старой Рязани. Возможно, это объясняется военной специализацией группы. Травматические поражения — наиболее характерные маркеры военной жизни, и в группе из Маяцкого они представлены в широком многообразии.

В маяцкой, как и в дмитриевской, выборке отмечено большое количество случаев заболеваний суставов и сухожилий (артриты и артрозы), зафиксировано несколько случаев поражений на черепе, свидетельствующих о наличии бактериальной инфекции. Она встречается преимущественно у мужчин и

поражает в значительной степени крупные суставы, сухожилия опорно-двигательной системы. Как указывалось, эти признаки можно связать с последствиями вспышек туберкулеза (очевидно, зоонозной формы) и бруцеллеза (рис. 3).

Итак, граничившее со славянскими землями население донских алан демонстрирует много общих черт, указывающих на единство культурных и хозяйственных традиций. Тем не менее, социальная занятость отдельных групп значительно влияет на спектр биологических маркеров, что позволяет определенно выделять военизированную специализацию у мужчин Маяцкого и комплексность хозяйственной деятельности с элементами животноводства у жителей Дмитриевского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В.П., 1962. Антропологія Салтівського могильника // Матеріали з антропології України. Вип. 2. Київ.
- Артамонов М.И., 1940. Саркел и некоторые другие укрепления северо-западной Хазарии // СА. Вип. 6.
- Артамонов М.И., 1962. История хазар. Л.
- Афанасьев Г.Е., 1987. Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. М.
- Афанасьев Г.Е., 1991. Донские аланы (социальные структуры алано-асского населения бассейна Среднего Дона в составе Хазарского каганата) / Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- Афанасьев Г.Е., 1993. Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.
- Бужилова А.П., 1995. Древнее население: палеопатологические аспекты исследования. М.
- Бужилова А.П., 2005. Homo sapiens: история болезни. М.
- Дебец Г.Ф., 1948. Палеоантропология СССР // ТИЭ. (Нов. сер.). М.; Л.
- Ковалевская В.Б., 1984. Кавказ и аланы: Века и народы. М.
- Кондукторова Т.С., Сегеда С.П., 1987. Краниологическая и одонтологическая характеристика людей из Маяцкого VIII–IX вв. н. э. // Вопросы антропологии. Вип. 78.
- Кондукторова Т.С., Сегеда С.П., 1990. Краниологическая и одонтологическая характеристика людей салтово-маяцкой культуры из села Дмитриевское // Вопросы антропологии. Вип. 84.
- Кузнецов В.А., 1964. Глиняные котлы Северного Кавказа // КСИА. Вип. 99.
- Ляпушкин И.И., 1958. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. № 62.
- Матолчи Я., 1984. Кости животных с городища, селища и могильника // Маяцкое городище / Под ред. С.А. Плетневой. М.
- Маяцкий археологический комплекс / Под ред. С.А. Плетневой. М., 1990.
- Маяцкое городище / Под ред. С.А. Плетневой. М., 1984.
- Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам // МИА. № 142.
- Плетнева С.А., 1981. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. (Археология СССР)
- Плетнева С.А., 1992. Кочевники и раннефеодальные государства степей Восточной

Европы // История Европы. М. Т. 2: Средневековая Европа.

Флеров В.С., 1984. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. М.

Чучукало Г.И., 1927. Черепа из Верхне-Салтовского могильника // Материалы по ан-

тропологии Украины. Киев. Т. 2.

Goodman A.H., D.L. Martin, G.J. Armelagos, G. Clark, 1984. Indications of stress from bone and teeth // Paleopathology at the Origins of Agriculture / Eds. M.N. Cohen, G.J. Armelagos. London; Orlando.

Н.Я. Березина
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КЁНИГСБЕРГА XVIII–XIX вв.

Исследованный антропологический материал был получен Самбийской экспедицией ИА РАН под руководством А.Н. Хохлова в результате охранных работ 2006 г. в центре г. Калининграда. Кладбище было обнаружено случайно, в ходе строительных работ, и часть погребений оказалась разрушенной, тем не менее, значительная численность полученной коллекции и хорошая сохранность костной ткани дали нам возможность провести многогранное антропологическое исследование. Как правило, погребальные памятники позднего времени отличаются многослойными и переотложенными захоронениями. В нашем случае большинство изученных скелетов располагалось *in situ* по одному, что значительно облегчило процедуру индивидуальной идентификации.

По планам Кёнигсберга, найденные погребения ассоциируются с так называемым Новым Росгарденским кладбищем. Количество обнаруженных артефактов невелико, что на данный момент не позволяет определить точную хронологию памятника. Тем не менее, современный облик погребального обряда

(трупоположение в гробу на спине, с вытянутыми вдоль туловища или скрещенными на животе руками) указывает на позднюю хронологию памятника. По устному сообщению А.Н. Хохлова¹, кладбище может предварительно датироваться XVIII–XIX вв. Этой дате не противоречат отдельные находки черепов с признаками краниотомии и распилов диафизов трубчатых костей и тел позвонков, отражающие возникновение и распространение методов патологоанатомии в Пруссии конца XVIII — начала XIX в. (по устному сообщению О. Дютура²). Сразу отметим, что конец XVIII — начало XIX в. — это время становления и развития медицины в Пруссии, что должно было отразиться на состоянии здоровья населения той эпохи.

Полученная серия представляет собой уникальный источник для оценки последствий физического стресса у населения в условиях города в эпоху, близкую к современности, а хорошая сохранность костной ткани исследованной серии позволила оценить морфологические особенности и патологические процессы в полном объеме.

---

¹ Пользуясь случаем, приношу благодарность А.Н. Хохлову за предоставленную возможность исследования антропологических материалов и финансовое обеспечение проекта.

² Выражаю благодарность О. Дютуру, профессору антропологии, заведующему кафедрой антропологии медицинского факультета Средиземноморского университета (г. Марсель), за предоставленную консультацию.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Археологами было вскрыто более 200 погребений, часть которых разрушена строительными работами. Нам удалось определить пол 95 погребенных (из них 52 мужчины и 43 женщины). Дети составили примерно половину серии, их численность достигла 124. Идентификация останков из разрушенных погребений позволила провести частичные исследования на останках 47 половозрелых индивидов. Таким образом, общая численность выборки составила 266 индивидов.

В нашем исследовании использовались методы и подходы, принятые как в классических палеоантропологических работах, так и в палеоэкологических реконструкциях (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Бужилова, 1995; Алексеева и др., 2003).

Основными признаками, использовавшимися при определении пола индивидов на посткраниальном скелете, являлись форма входа в малый таз, форма большой седалищной вырезки, величина продольного и поперечного диаметров головки бедренной кости. Кроме того, учитывались общие размеры скелета и такие визуальные характеристики, как общая массивность скелета, развитие костного рельефа (Алексеев, 1966; Ubelaker, 1978; Skeletal database... 1991). На черепе учитывались такие признаки, как величина угла нижней челюсти и форма ее тела, развитие надбровья, общая массивность и выраженность рельефа. В некоторых случаях определение пола оказывалось невозможным либо затрудненным из-за плохой сохранности материала.

Определение возраста у детей происходило на основании данных о развитии зубной системы (от развития закладок коронок до закрытия корня зуба) (Ubelaker, 1978; Skeletal database... 1991), о прирастании эпифизов длинных костей (Алексеев, 1966; Skeletal database... 1991), использовались измерения длинных костей (Ubelaker, 1978; Bass, 1995).

У взрослых индивидов возраст определялся с учетом комплекса признаков, регистрируемых на черепе и посткраниальном скелете. На черепе учитывается степень заращения швов, степень стертости зубов (Алексеев, Дебец, 1964). На посткраниальном

скелете фиксировались такие признаки, как наличие/отсутствие линий прирастания головок плечевой и бедренной костей (и эпифизарных частей других костей), их возрастные изменения, истончение костной ткани диафизов костей, степень изношенности суставных поверхностей костей (Бужилова, 1995).

Для определения наличия маркеров кумулятивного и эпизодического стресса мы использовали признаки из программы А.П. Бужиловой (1995). Маркеры кумулятивного стресса появляются в результате неспецифического ответа организма на неблагоприятные воздействия окружающей среды. Были зафиксированы следующие признаки:

— зубной камень (минерализованные отложения на поверхности эмали зубов). Отмечалось наличие желтоватого налета на поверхности зубов;

— пародонтоз (характеризуется прогрессирующей резорбцией костной ткани зубных альвеол). Отмечались следы резорбтивных процессов в костной ткани альвеол;

— кариес (патологический процесс, характеризующийся прогрессирующим разрушением твердых тканей зуба с образованием дефекта в виде полости). Отмечалось наличие кариозной полости.

По величине (частоте встречаемости) этих маркеров мы можем судить о характере диеты, о возможном использовании зубов в хозяйственных операциях (Бужилова, 1998).

Отмечалось также отсутствие зуба и заращание альвеолы челюсти — результат прижизненного выпадения коренных зубов с облитерацией альвеол.

По наличию маркеров эпизодического стресса мы можем судить о стрессах, перенесенных в детском возрасте.

Поротический гиперостоз — это маркер перенесенной в детстве анемии. Выражается в порозных, кривообразных изменениях на лобной, теменных, затылочной костях. Отмечалось наличие указанных изменений на лобной, теменных, затылочной костях.

Cribra orbitalia представляет собой вариант поротического гиперостоза, локализованный во внутренней полости орбит. Отмечалось наличие порозных, кривообразных изменений во внутренней полости орбит.

Также проводились измерения длинных костей детских скелетов, краниометрия целых черепов по стандартной методике и проведение дифференциальной диагностики некоторых патологических состояний.

ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ

В ходе анализа были использованы данные о 266 половозрелых и неполовозрелых индивидов из 191 идентифицированного археологами погребения и нескольких захоронений, разрушенных в ходе строительных работ. Из этого числа удалось определить 52 индивида мужского пола, 43 — женского, 124 неполовозрелых и 47 половозрелых. Пол последних не определен из-за плохой или фрагментарной сохранности скелета.

Среди взрослой части населения средний возраст смертности приходится на 36,2 года. Существуют гендерные различия в продолжительности жизни популяции. Средний возраст женщин на момент смерти — 42,3 года. Средний возраст мужчин намного ниже и составляет приблизительно 34,6 лет (табл. 1).

Зафиксировано несколько пиков смертности, которые различаются в мужской и женской выборках (рис. 1). У мужчин пик смертности приходится на 20–29 лет, а затем — плавное нарастание количества умерших, которое происходит несколько быстрее, чем у женщин. До возраста 45–49 лет доживает 21% мужчин, а до пожилого — только 8,5%.

У женщин резкое увеличение смертности приходится на 20–25 лет и, видимо, связано с периодом активного деторождения. Затем смертность снижается и с возрастом плавно нарастает. До 50 лет доживает 54,5% женщин,

и 40,6% переходит в следующую возрастную категорию.

Детская смертность высока — 45,8%, причем на младенческую смертность приходится 32,5%. Если среди младенцев и детей раннего детства существенных различий в количестве умерших не наблюдается, то после восьми лет смертность резко снижается (рис. 2).

Если сравнивать процент детской смертности среди жителей Кёнигсберга XVIII–XIX вв. и населения Польши (на примере Слабожево) в различные периоды от начала до середины XIX в., то исследованная выборка выделяется низкими показателями и согласуется с ранней хронологической группой 1828–1834 гг. Позднее, на примере этого польского населения, видно, что детская смертность увеличивается и обнаруживает тенденцию к снижению лишь во второй половине XIX в. (рис. 3). Как указывают литовские исследователи (Palubeckaite et al., 2006), в связи

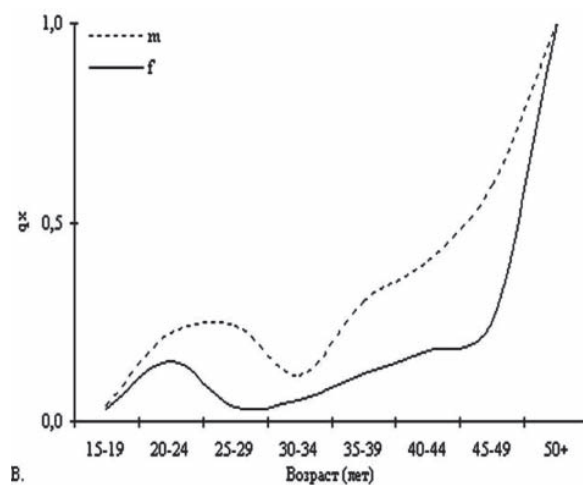

Рис. 1. Частота встречаемости индивидов по возрастным категориям в женской и мужской выборках

Таблица 1

Основные палеодемографические характеристики

	Общая выборка	Мужчины	Женщины
Реальный объем выборки (N)	262,0	52,0	43,0
Средний возраст смерти в группе (A)	21,4	34,6	42,3
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	36,2	34,6	42,3
Процент детской смертности (PCD)	45,8	-	-
Процент детей в интервале 0–1 от NCD (PBD)	32,5	-	-
Процент индивидов данного пола (PSR)	-	54,7	45,3

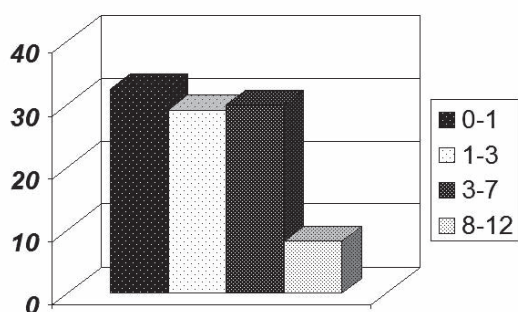

Рис. 2 Уровень детской смертности в период 0–12 лет

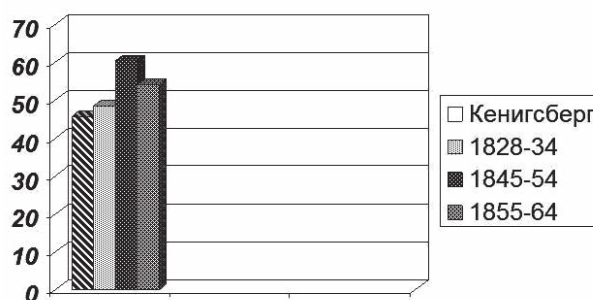

Рис. 3. Уровень детской смертности в различных синхронных европейских группах (по данным Алексеева и др., 2003)

с нестабильной экономической ситуацией во Франции того времени детская смертность в период с 1790 по 1809 г. достигла 30%, причем 47% приходилось на возраст 0–4 года. Что согласуется с нашими данными.

Таким образом, данные о половозрастном распределении в исследованной выборке позволяют обсудить несколько важных моментов. Во-первых, нам удалось выявить более низкую продолжительность жизни мужчин Кёнигсберга по сравнению с женщинами. При оценке процентного соотношения возрастных категорий становится понятным, что эта величина занижена за счет почти полного отсутствия среди мужчин лиц пожилого возраста (их всего 8,5%), в то время как у женщин эта категория многочисленна (40,6%). Представленная картина напоминает современное гендерное распределение продолжительности жизни в Европе. И все же в абсолютных значениях этот показатель значительно уступает данным, известным для современного европейского населения.

Во-вторых, средняя продолжительность жизни в эту эпоху на соседних территориях значительно выше. Так, в польских группах на примере Слабожево показатель среднего возраста смерти достигает 42 лет, причем у мужчин продолжительность жизни выше, чем у женщин (данные Д.В. Богатенкова по: Алексеева и др., 2003). Очевидно, что городское население Кёнигсберга демонстрирует определенные особенности в показателях продолжительности жизни, что, возможно, отражает специфику жизни в этом приморском городе. Без учета исторических свидетельств трудно определить круг возможных причин, повлиявших на снижение продол-

жительности жизни мужской части города. Вероятно, это определяется образом жизни, повышающим риск преждевременной смерти в этой гендерной группе. Оценивая разброс значений показателя среднего возраста смерти в европейских группах конца XIX в., мы обратили внимание на то, что показатель варьирует в узких пределах 43–46 лет (данные Д.В. Богатенкова по: Алексеева и др., 2003).

И, наконец, в серии отмечена высокая детская смертность за счет максимальных значений в младенческом возрасте. С учетом пика смертности в женской выборке в возрасте, максимально оптимальном для деторождения, это можно объяснить низким уровнем акушерской медицинской помощи. Повышение смертности женщин в период фертильной активности и одновременно высокая младенческая смертность — распространенное явление, отмечаемое разными исследователями. В.Я. Дэрумс (1970) пишет, что в странах Прибалтики в XVIII–XIX вв. родовспоможение было еще на очень низком уровне. Специально подготовленные акушерки были только в крупных центрах и редких имениях. В сельской местности первую помощь при родах оказывали опытные пожилые женщины, не имевшие медицинских знаний, и часто в антисанитарных условиях. Поэтому смертность детей и рожениц была высока. Тем не менее, высокий процент дожития женщин до старческого возраста указывает на то, что фатального влияния на демографические процессы низкий уровень акушерства и гинекологии не оказывал. Заметим, что высокая детская смертность еще долгое время будет основной проблемой народонаселения этой части Европы.

МОРФОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Для краниологического анализа оказались пригодными 27 черепов взрослых индивидов, из них 18 мужских и 7 женских. Судя по морфологическому строению черепа, население Кёнигсберга можно отнести к европеоидной расе. При этом заметим, что мужская и женская выборки отличаются по некоторым морфологическим критериям (табл. 2; 3).

Мужские черепа в целом характеризуются большими величинами продольного и поперечного диаметров, по форме мезокранные. Высота мозговой коробки по высотно-продольным пропорциям малая (ортокrania), по высотно-поперечным они тапейнокранные (низкие). Лоб узкий. Лицо, при средней высоте, среднеширокое, в вертикальной плоскости ортогнатное. Орбиты средневысокие (мезоконхия). Нос узкий, лепторинный. Средняя ширина носовых костей сочетается с большой шириной переносья и средней их высотой. Переносье — высокое. Нос сильно выступает (рис. 4).

Женские черепа относительно более грацильны и характеризуются несколько меньшими величинами продольного и поперечного диаметров. Абсолютные размеры не выходят за пределы средних величин, при этом форма черепа брахикранный, высота мозговой коробки очень малая (хемикрания). По высотно-поперечным показателям женские черепа, так же как и мужские, — тапейнокранные. Лицо средневысокое и широкое, в вертикальной плоскости ортогнатное. Нос узкий, лепторинный с плоским переносьем, слабо выступающий. Орбиты низкие (хамэконхия) (рис. 5).

Таким образом, внутригрупповой анализ позволил выявить не только очевидный половой диморфизм, но и, возможно, наличие разных антропологических типов в мужской и женской выборках. Женская группа на фоне относительно низких абсолютных размеров краниума достоверно выделяется снижением высотных размеров черепа, лица и глазниц, что в целом определяет более брахиморфную форму развития.

Мужскую выборку, как более многочисленную, сравнили со средними значениями, полученными для сводных позднесредневе-

ковых европейских групп, методами многомерного статистического анализа с использованием пакета программ Statistica 6.0.

В качестве сравнительных материалов привлекли информацию о 21 серии: франков из франко-бельгийских погребений; из могильников южной Германии и Швейцарии, по-видимому относящихся к франкам, алеманам, бургундам и баварам; из погребений средней и северо-западной Германии. Помимо вышеназванных, с территории Германии для анализа привлечены краниологические серии из могильников Майн-Рейн-Дунайского междуречья и галло-римских погребений. Северогерманские племена эпохи средневековья представлены краниологическими материалами из Дании и Швеции, Норвегии, Исландии, Британии и Ирландии. Кроме того, в анализе применены данные по позднесредневековому населению с территории современной Латвии (Алексеева, 1973; Денисова, 1977).

Таким образом, сравнительный анализ проводился в заведомо узких границах с использованием антропометрического разнообразия в рамках Северной и Западной Европы.

Метод многомерного шкалирования показал, что мужские серии распределяются в координатах переменных, отражая, прежде всего, географию происхождения. К обособлению тяготеют отдельные восточно-прибалтийские группы, а серия из Кёнигсберга, демонстрируя локальное своеобразие, по сочетанию признаков приближается к одной из них — островной выборке Мартыньсала из низовьев р. Даугавы (совр. Латвия) (рис. 6).

ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Оценивая зубочелюстные заболевания, можно сказать, что они одинаково характерны как для мужчин, так и для женщин, и, вероятно, обусловлены физиологической природой провоцирующих заболевания факторов. Подчеркнем, что частота встречаемости кариеса в группе в целом невелика на фоне показателей населения соседних государств, что показывает относительную благополучность горожан.

Маркеры стресса, ассоциирующиеся с анемией, отмечены только среди детской

Таблица 2

**Результаты краниометрических
исследований мужских черепов**

Признаки	N	Mean	SD	Min	Max
1	18	185,3	6,05	173,0	196,0
8	18	146,7	3,50	141,0	153,0
17	17	131,7	2,34	126,0	135,0
5	17	101,3	3,62	94,0	109,0
9	18	100,0	5,81	87,0	111,0
10	18	125,1	5,91	116,0	136,0
11	17	126,6	4,73	117,0	133,0
12	16	112,3	6,74	99,0	122,0
45	9	134,1	4,01	129,0	140,0
40	14	98,0	5,07	90,0	108,0
48	14	72,4	4,68	64,5	81,0
43	17	107,5	4,30	101,0	117,0
46	14	94,9	4,89	88,0	103,0
55	15	52,8	3,08	48,0	60,0
54	14	23,4	1,32	21,5	25,0
51	17	40,5	1,94	36,5	44,0
51a	17	39,5	2,70	36,0	46,0
52	17	33,6	2,11	30,0	38,0
43(1)	13	100,3	4,14	93,5	109,0
bmh	13	18,1	2,77	13,5	24,0
Zmw	15	95,0	5,11	85,5	104,5
Zmh	13	23,7	2,55	18,5	29,0
DC	15	23,9	3,63	18,0	30,0
DS	14	14,8	2,60	11,5	21,5
SC	17	9,4	1,69	7,0	13,0
SS	17	3,9	1,38	2,0	7,0
FC	15	6,3	1,58	4,0	9,5
75	15	30,3	7,13	13,0	40,0

**Описательные признаки и краниометрические
указатели мужской серии**

Признаки	Мужчины				
	N	Mean	SD	Min	Max
77	13	140,4	5,36	129,2	148,9
AZm₁	13	126,5	4,11	120,9	135,3
8:1	18	79,2	3,63	74,1	87,9
17:1	17	71,2	2,42	66,8	75,8
17:8	17	71,2	2,42	66,8	75,8
9:8	18	54,0	3,89	47,5	62,4
45:8	9	91,8	3,01	87,5	95,8
48:17	14	49,4	3,26	44,2	55,9
40:5	13	74,2	4,02	68,2	82,4
48:45	8	53,6	2,83	48,9	56,6
54:55	14	44,6	3,65	39,1	49,0
52:51	17	83,0	6,13	73,2	97,3
bmh:43(1)	12	18,1	2,77	13,9	23,8
Zmh:Zmw	12	25,3	2,28	20,6	28,3
DS:DC	14	64,4	15,87	46,2	97,7
SS:SC	17	40,9	10,30	27,8	63,6

Таблица 3

**Результаты краниометрических
исследований женских черепов**

Признаки	N	Mean	SD	Min	Max
1	7	175,7	4,89	170,0	183,0
8	7	140,4	3,21	136,0	145,0
17	7	121,9	6,36	113,0	129,0
5	7	92,6	5,62	86,0	103,0
9	7	95,5	3,91	91,0	103,0
10	6	118,3	5,39	112,0	128,0
11	7	121,1	2,62	119,0	126,5
12	7	110,1	2,67	106,0	113,0
45	3	126,3	3,51	123,0	130,0
40	5	85,7	8,80	76,0	95,0
48	5	63,9	4,75	58,0	70,0
43	7	101,7	3,68	100,0	110,0
46	3	86,5	3,91	84,0	91,0
55	5	49,1	0,89	48,0	50,5
54	5	22,5	0,71	21,5	23,0
51	5	39,2	1,92	37,0	42,0
51a	4	38,3	1,44	36,5	40,0
52	5	34,1	2,25	32,0	37,0
43(1)	3	94,0	0,50	93,5	94,5
Bmh	3	14,5	2,18	12,0	16,0
Zmw	3	92,2	3,33	90,0	96,0
Zmh	3	23,3	2,08	21,0	25,0
DC	3	20,0	2,18	17,5	21,5
DS	3	14,5	0,50	14,0	15,0
SC	5	4,0	1,17	3,0	5,5
SS	5	21,1	1,14	20,0	22,5
FC	3	5,3	1,53	4,0	7,0
75	5	27,2	3,11	24,0	31,0

**Описательные признаки и краниометрические
указатели женской серии**

Признаки	Женщины				
	N	Mean	SD	Min	Max
77	3	145,8	4,87	142,6	151,4
AZm₁	3	126,3	3,39	123,9	130,2
45:8	3	89,2	3,46	85,4	92,2
48:17	5	45,5	3,24	41,1	50,0
40:5	5	71,0	4,06	65,5	74,8
48:45	3	51,5	6,03	44,6	55,6
54:55	5	45,8	1,61	43,9	47,9
52:51	5	87,1	5,32	80,0	94,9
bmh:43(1)	3	15,4	2,31	12,8	16,9
Zmh:Zmw	3	25,3	1,85	23,2	26,7
DS:DC	3	73,1	8,99	65,1	82,9
SS:SC	5	565,3	163,02	363,6	733,3

Рис. 4. Мужской череп из погребения 2А

Рис. 5. Женский череп из погребения 3

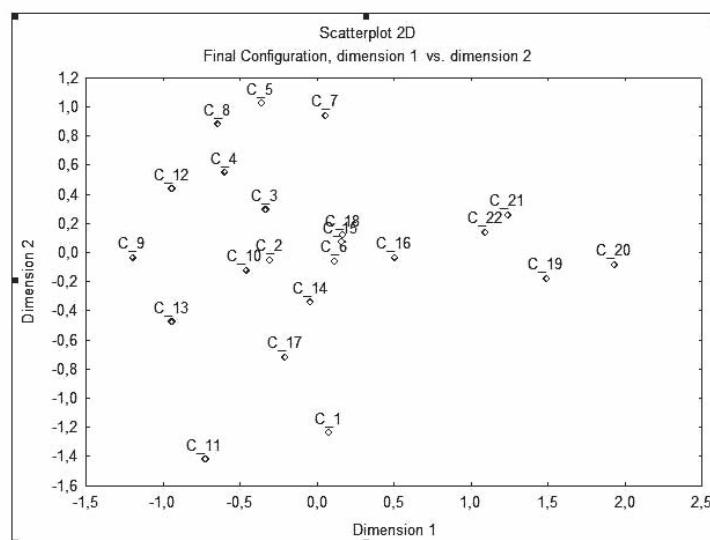

Рис. 6. Результаты многомерного шкалирования по мужским группам Северной Европы: 1 — Кенигсберг; 2 — Франко-бельгийские; 3 — Южная Германия и Швейцария; 4 — Средняя и северо-западная Германия; 5 — Майн-Рейн-Дунайский треугольник; 6 — Гало-римские могильники; 7 — Дания; 8 — Швеция; 9 — Норвегия; 10 — Исландия; 11 — Британия; 12 — Англо-саксы; 13 — Ирландия; Латвия: 14-Мартыньсала (XIV–XV); 15 — Мартыньсала (XV); 16 — Мартыньсала (XV–XVI); 17 — Мартыньсала (XVI); 18 — Мартыньсала (XVI–VXII); 19 — Кокнесе (XVI–VXII); 20 — Резнес (XVI–VXII); Айзкраукле (XVI–VXII); 21 — Пале (XVI–VXII); 22 — Яункандава (XVI–VXII)

части населения и в небольшом числе случаев. Дифференциальная диагностика позволила выявить причины этого явления. На наш взгляд, анемии детского возраста в этой группе провоцируются цингой. Возраст заболевших детей в среднем составляет 1–2 года. Поскольку истощение запасов витамина С в организме человека наступает через 1–2 месяца после его систематического отсутствия, то можно говорить о случаях недостаточного или некачественного питания в некоторых социальных слоях (Бужилова, 2005).

При анализе признаков некоторых бактериальных инфекционных заболеваний отмечено, что среди взрослого населения, возможно, было семь случаев (8,3%) сифилиса, а в детской части выборки зафиксированы два индивида с признаками туберкулеза (2,1%). Предполагаемое количество больных трипанематозом гораздо больше и составляет от 33,2 до 55,3% с учетом различных стадий заболевания. Возможное количество детей, больных туберкулезом, могло составлять от 8,4 до 14%. Аналогичные показатели в Гамбурге, Стокгольме и других крупных городах варьировали от 20 до 40%.

Таким образом, обнаруженные нами свидетельства распространения специфических инфекций в Кёнигсберге можно считать закономерными, с учетом хронологии и географии заболеваний в Европе.

Относительно нарушений анатомического строения суставных поверхностей населения Кёнигсберга можно сказать, что болезни суставов и позвоночника характерны как для мужчин, так и для женщин данной популяции и в большинстве случаев связаны с пожилым возрастом.

При анализе травм и их последствий было выявлено, что они характерны только для взрослой части выборки и большая часть переломов приходится на мужское население. Максимальное количество повреждений обнаружено на различных костях конечностей и в области ребер. Травмы ребер характерны только для мужчин, и их можно охарактеризовать как следствие удара корпуса (в грудной части) о твердую поверхность. Повреждения черепа также отмечены только в мужской выборке. Можно предположить случайный (бытовой) характер травм и закономерный более

высокий уровень агрессивности мужской части населения по сравнению с женской.

Исходы травм, зафиксированные в серии, показали, что переломы костей большей частью не лечились и заживали естественным образом. По-видимому, медицинская помощь на примере этих представителей Кёнигсберга была минимальной.

ОБСУЖДЕНИЕ

Данные, полученные в ходе изучения костных материалов Нового Росгарденского кладбища, позволяют оценить антропологические особенности этой группы.

Судя по морфологическому строению черепа, население Кёнигсберга можно отнести к европеоидной расе. При этом мужская и женская выборки отличаются по некоторым морфологическим критериям. Женская группа на фоне относительно низких абсолютных размеров краниума достоверно выделяется снижением высотных размеров черепа, лица и глазниц, что в целом определяет более брахиморфную форму развития.

Значения среднего возраста смерти у взрослого населения Кёнигсберга значительно ниже, чем у населения соседних территорий. Существуют гендерные различия в продолжительности жизни этой популяции: мужчины жили намного меньше женщин. Сходная с современностью картина в гендерном распределении демографического показателя редка для циркумбалтийского региона. Д.В. Богатенков показал, что на территории Польши в синхронное время мужчины жили дольше, чем женщины (Алексеева и др., 2003). А.П. Бужилова (2005) приводит сведения о продолжительности жизни в странах Западной Европы. В этих странах с конца XVIII в. мужчины живут меньше, чем женщины, и это, по мнению автора, связано с социальными потрясениями общества после Великой французской революции. На данном этапе работы трудно указать причины, повлиявшие на снижение продолжительности жизни в этой отдаленной провинции Западной Европы. Несомненно, что по своему происхождению это социальные факторы. Обсуждая особенности урбанизированной

среды, многие исследователи отмечают ведущее значение социальных факторов среды в формировании негативных последствий (Алексеев, 1990; Алексеева, Бужилова, 1996; Бужилова, 2005).

Высокая детская смертность за счет максимальных значений в младенческом возрасте может быть обусловлена распространением различных инфекций в плотно населенном городе. На фоне синхронных показателей других стран исследованная выборка демонстрирует сходные или более низкие величи-

ны. Возможно, уровень развития акушерства в Пруссии по сравнению с Польшей и Лифляндией был несколько выше.

Сравнительный анализ влияния урбанизации на здоровье населения Кёнигсберга показал очевидное занижение показателей пищевого стресса, уровня травматизма, болезней обмена веществ и суставов, при том, что распространенность инфекционных заболеваний довольно высока и соответствует значениям, характерным для городов того времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.П., 1966. Остеометрия: Методика антропологических исследований. М.

Алексеев В.П., 1990. Об исторической урбоэкологии // Урбоэкология / Под ред. Т.И. Алексеевой, Л.С. Белоконов, Е.З. Годинной. М.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.

Алексеева Т.И., 1973. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.

Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В., 2003. Влахи: Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.

Алексеева Т.И., Бужилова А.П., 1996. Население древнерусских городов по данным антропологии: происхождение, палеодемография, палеоэкология // РА. № 3.

Бужилова А.П., 1995. Древнее население: палеопатологические аспекты исследования. М.

Бужилова А.П., 1998. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая археология человека. Методика биологических исследований. М.

Бужилова А.П., 2005. Homo Sapiens: История болезни. М.

Денисова. Р.Я., 1977. Этногенез латышей. Рига.

Дэрумс В.Я., 1970. Болезни и врачевание в древней Прибалтике. М.

Янкаускас Р., 1993. К антропоэкологии средневекового города (на литовских палеоэкологических материалах) // Экологические проблемы в исследования средневекового населения Восточной Европы. М.

Bass W.M., 1995. Human Osteology: A Laboratory and Field Manual. 4-th edition. Columbia.

Palubeckaite Z., Jankauskas R., Ardagna Y., Macia Y., Rigeade C., Signoli M., Dutour O., 2006. Dental status of Napoleon's Great Army's (1812) mass burial of soldiers in Vilnius: Childhood peculiarities and adult dietary habits // International Journal of Osteoarchaeology. 16 (4).

Skeletal database committee recommendations / Paleopathology association. Detroit, 1991.

Ubelaker D.H., 1978. Human Skeletal Remains: Excavations, Analysis, Interpretation / Smithsonian institution. Chicago.

Т.Ю. Шведчикова
Институт археологии РАН, Москва

ИСКУССТВЕННАЯ ДЕФОРМАЦИЯ ЧЕРЕПА ЧЕЛОВЕКА: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА И СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Об обряде преднамеренной искусственной деформации черепа человека повествуют многие литературные источники. Задачей данной статьи станет обращение к историографии изучения этого сложного и неоднозначного феномена, а также описание некоторых тенденций его современного исследования.

Намеренное или непреднамеренное изменение формы черепа человека в период роста при помощи внешнего воздействия всегда привлекало умы ученых, и первые упоминания, как о традиции, так и о народах, ее практиковавших на территории Евразии и азиатского региона, мы обнаруживаем у античных авторов.

АНТИЧНЫЕ АВТОРЫ ОБ ОБРЯДЕ ДЕФОРМАЦИИ

Наиболее известна цитата из трактата основоположника медицины Гиппократ (V–IV вв. до н. э.) «О воздухе, водах и местности», в которой автор сообщает о факте обнаружения традиции у «народов, живущих направо от летнего восхода солнца до озера Меотиды, составляющего границу Европы и Азии» (Гиппократ, 21, 28): «Прежде всего, скажу о длинноголовых. Нет никакого другого народа, который бы имел подобную форму черепа; первоначально важнейшей причиной

удлиненной формы головы был обычай, а теперь и природа способствует обычаю, происшедшему оттого, что они считают самыми благородными тех, у кого наиболее длинная голова. Обычай этот состоит в следующем. Лишь только родится ребенок, пока кости его еще мягки, не отвердевшую еще головку выправляют руками или принуждают расти в длину посредством бандажей и других подходящих приспособлений, вследствие которых сферическая форма головы портится, а длина ее увеличивается». Из приведенного отрывка можно заключить, что Гиппократ описывает традицию так называемого кольцевого деформирования головы. Этот письменный источник часто используется в научной литературе для обоснования тезиса о том, что деформация головы в древности обозначала высокий социальный статус.

В V в. до н. э. Геродот (II, 104), рассуждая о предполагаемом родстве колхов и египтян, упоминает народ макронов: «А сирийцы, живущие на реках Фермодонте и Парфении, и их соседи — макроны — говорят, что лишь недавно переняли обрезание от египтян». Некоторые современные исследователи (Балабанова, 2004. С. 171) соотносят название «макроны» с «макрокефалами», т. е. людьми с кольцевым (высоким) вариантом деформации головы. По-видимому, самое первое письменное упоминание этого племени может при-

надлежать Гекатею Милетскому (Латышев, 1993). В третьей книге «Истории», сообщая о податях, поступавших Дарию из Азии и Ливии, Геродот упоминает, что «мосхам, тибаренам, макронам, моссиникам и марам было приказано платить 300 талантов подати. Это девятнадцатый округ» (Геродот, III, 94). Скилак Карианский, уроженец карийского города Карианд, по поручению Дария I объехал берега Аравийского залива. Его труд «Описание моря, прилегающего к населенной Европе, Азии и Ливии», возможно, был написан частями, в разное время во второй половине IV в. до н. э. Автор определяет Танаис как границу между Европой и Азией. При описании народов, живущих за Танаисом, среди савроматов, синдов, керкетов, меланхленов он упоминает длинноголовых: «За бехирами — народ длинноголовые и гавань Псорон (т. е. Чесоточная), эллинский город Трапезунт. За длинноголовыми — народ моссиники и гавань Зефирий, эллинский город Хойрады, остров Ареса (Хойрады — современный Керасун)» (цит. по: Латышев, 1993).

Историк Палефат Абидосский, современник Александра Македонского и любимец Аристотеля, в VII книге сочинения «О троянской войне» говорит, что длинноголовые живут в Ливии выше колхов (Там же).

Аполлоний Родосский (вторая половина III в. до н. э.), значительнейший из эпических поэтов александрийского времени, во второй книге «Похода аргонавтов», в предсказании Финея аргонавтам, упоминает макронов: «за островом (имеется в виду связанный с мифами об амазонках “остров Ареса” на Черном море против города Керасупта — современный остров Керасун-Ада) на противоположащем материке живут филиры, выше филиров — макроны, а за ними многочисленные племена бехилов, непосредственно за ними живут сапиры, за которыми следуют уже сами воинственные колхи» (Apollonii Argonautica emendavit, 1854. Цит. по: Латышев, 1993. С. 194). Диодор Сицилийский (вторая половина I в. до н. э.) составил всеобщую историю с древнейших времен до войн Цезаря в Галлии в 40 книгах, где указывает, что «эллины, пришли на гору Хений... проводник показал им дорогу к макронам и удалился». В «Географии» Страбона описывается, предпо-

жительно, уже не кольцевая деформация, как у Гиппократов, а, по мнению Л.Т. Яблонского, теменная: «...Другие племена, говорят, стараются делать так, чтобы лбы выдвигались вперед над подбородком» (Страбон. География, XI, IV; Итина, Яблонский, 1997. С. 73–78).

Современник императора Адриана, Зенобий-софист, в перечне пословиц пишет, что сираки венчают на царство наиболее длинноголового (Латышев, 1993), что также может указывать на распространение обычая деформирования головы, скорее всего, по кольцевому типу. Свидетельства письменных источников о распространении обычая деформации в азиатской части континента характеризуют значительно более поздний период.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

У средневековых арабских авторов также можно найти упоминания о традиции деформации и народах с необычной формой головы. Так, средневековый путешественник и географ Якут ибн Абдаллах ар-Руми ал-Хамави (1179–1229 г.) в составленном им «Словаре стран» («Му’джам ал-булдан»), вслед за аль-Мукаддаси (аль-Макдиси) (946/947?), описывает население Хорезма: «Головы их широки, а лбы большие. Было сказано одному из них: “Почему ваши головы иные, чем головы (других) людей”? Он ответил: “Наши предводители воевали с тюрками, брали их в плен и у них остался след от тюрков. И они не знали (этого). Иногда они попадали (в плен) к мусульманам и продавались в рабство. И они приказывали женщинам, когда они рожают, чтобы они привязывали мешки с песком на головах детей с двух сторон, чтобы голова уширялась, и после того они не обращаются в рабство, и тех из них, кто попадал к ним (мусульманам), возвращали в свой округ”» (Материалы по истории..., 1939. С. 186).

По интерпретации М.Б. Медниковой (2006. С. 21), в этом тексте можно проследить мотивы деформирования, что делает это свидетельство особенно ценным. Она обращает внимание на противопоставление в этом сюжете свободного и рабского состояния в связи с наличием деформации. Испытавшие дефор-

мацию хорезмийцы не становились рабами, так что речь может идти об обозначении высокого социального статуса.

Абу Райхон Беруни свидетельствует о том, что жители Хорезма и Ферганы «...уплощают головы грудных детей по ширине, сжимая их в колыбели спереди и сзади и превращая их в наказание среди жителей мира...» (Беруни, 1982). В этом отрывке обращает на себя внимание тема восприятия традиции деформации в качестве своеобразного «наказания». Это может отражать представление жителей оазисов Средней Азии о большей агрессивности, неуправляемости таких людей. М.Б. Медникова (2006. С. 223) в этой связи обратила внимание на литературный образ манкурта — человека, испытавшего сильное физическое давление в области головы, потерявшего память и ставшего послушным орудием убийства, — в произведении Чингиза Айтматова. Появление такого мотива в произведении современного киргизского писателя может отражать глубокую укорененность подобных представлений и даже действий и подтверждается цитированным выше средневековым источником.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Некоторые свидетельства Нового времени могут быть интерпретированы как доказательство существования деформирования головы в причерноморском регионе.

Турецкий путешественник Эвлия Челеби во время путешествия по Закавказью в XVII в. посетил и описал крепость Эрзурум, а также ее жителей: «Армянские женщины плоскоголовы, они закутываются в белые покрывала. Мусульманские женщины, надев на свои конические головы шелковые, [расшитые] золотом [и] серебром, ермолки, покрываются [еще] белым покрывалом» (Челеби, 1983).

Открытие Америки принесло нам знания о народах, у которых искусство деформации достигло своего наивысшего развития. Первые свидетельства мы можем обнаружить у Христофора Колумба, который описывает среди «некоторых особенностей индейцев» традицию деформировать головы (Dingwall,

1931). Также Бартоломе де лас Касас в своем сочинении «*Apologetica historia sumaria*» говорит о существовании различных способов деформации и народах, среди которых данный обычай получил распространение.

Диего де Ланда свидетельствует о практике деформации на американском континенте, достаточно подробно ее описывая: «Индейки воспитывали своих детей очень сурово, ибо четырех или пяти дней от роду новорожденного клали растянутым в маленькую кровать (*un lecho*), сделанную из прутьев, и там, повернув ртом вверх, они клали голову между двумя дощечками, одна на затылке, другая на лбу, между которыми ее сжимали с такой силой, и держали его там в мучениях, пока по прошествии нескольких дней голова его не становилась сплюсненной и деформированной, как это было в обычае. Было столько неудобства и опасности для бедных детей, что некоторые рисковали погибнуть. Автор этой книги видел, как у одного голова продырявилась сзади ушей, и так должно было происходить со многими» (Ланда, 1994). Рассказывая об индейцах Юкатана, де Ланда отмечает: «Индейцы Юкатана — люди хорошо сложенные, высокие, быстрые и очень сильные... У них головы сплюснены с детства» (Там же).

Как мы видим, свидетельства древних и средневековых авторов явились первой ступенью накопления знаний об обычае и послужили основой для дальнейшего изучения феномена. В XIX в., с развитием различных антропологических методов, формированием нового подхода к изучению скелетного материала, происходит переход к научному осмыслению традиции.

КОНЕЦ XIX ВЕКА. НАЧАЛО НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ ОБРЯДА ДЕФОРМАЦИИ

С конца XIX и на протяжении XX в. в результате накопления знаний об искусственной деформации черепа человека, достаточно активного развития разного рода классификаций появились обобщающие работы, в которых не только рассматривались общетеоретические вопросы, но и приводились упоминания об археологических на-

ходках деформантов на всех континентах. Такими исследованиями стали «Искусственная деформация черепа: вклад в изучение этнических изменений тела» Эрика Дингуолла (1931 г.) и «Преднамеренные деформации» Адольфо Дембо и Хосе Имбеллони. На карте распространения обычая была зафиксирована большая часть известных на тот момент находок, немало внимания уделено евразийским находкам (Dingwall, 1931; Dembo, Imbelloni, 1938). Это были попытки свести воедино все известные на тот момент случаи обнаружения культурной модификации, которые впоследствии нашли продолжение в более детальном исследовании традиции в разных историко-культурных регионах.

В 1978 г. венгерским исследователем И. Кизели опубликована обобщающая работа (Kiszely, 1978), в которой обсуждалось происхождение и распространение искусственной деформации в Евразии с VI в. до н. э. по VI в. н. э.

Обратимся к истории изучения традиции отечественной наукой начиная с конца XIX в. Стоит отметить, что наравне с учеными-антропологами в изучении искусственной деформации принимали участие исследователи, не связанные с антропологией, что с нашей точки зрения представляется достаточно любопытным, поскольку характеризует соответствующий период формирования российской науки.

Заметно влияние зарубежного научного знания на развитие изучения искусственного изменения формы черепа, в особенности на ранних стадиях исследования обычая, в конце XIX — начале XX в. Ссылки на работы зарубежных коллег в это время содержат имена Топинара, К.М. Бэра, Мейера, Лунье, П. Брока, У.Г. Флоуера. Искусственная деформация черепа человека неоднократно служила предметом обсуждения на заседаниях антропологического отдела Общества любителей естествознания (Известия... 1883. С. 207). Здесь мы можем отметить целый ряд выступлений антропологов, так или иначе касавшихся традиции искусственного изменения формы черепа. Например, на объединенном заседании Отделов антропологии и этнографии Императорского общества любителей естествознания под председательством В.Ф. Миллера

19 марта 1883 г. в большой аудитории Политехнического музея доктор медицинских наук Егор Арсеньевич Покровский представил доклад «О влиянии колыбели на деформацию черепа», в рамках которого была рассмотрена взаимосвязь искусственного изменения черепа, конструкции колыбели и практики тугого пеленания ребенка. По свидетельству Е.А. Покровского, о взаимосвязи формы головы и разных способов укладывания детей в ранний период детства рассуждал еще анатом, лейб-медик Карла V, Везалий, полагая, что плоские затылки немцев и «короткая форма головы» произошли вследствие обыкновения класть детей на спину, тогда как бельгийские женщины укладывали своих детей на бок, в результате чего их головы, наоборот, удлинялись (Известия... 1883. С. 207). Автор отмечает распространение жестких колыбелей на территории Грузии, Кавказа в целом и в азиатском регионе.

Е.А. Покровский выступал неоднократно на заседаниях Комитета антропологической выставки и Антропологического отдела Общества любителей естествознания с докладами («О деформации черепа в пределах России», «О произвольном изменении тела у детей у разных народов»), которые послужили основой для его сочинения «Физическое воспитание детей у различных народов, преимущественно России».

Описывая распространение археологических находок деформантов на территории России и Крыма, Е.А. Покровский обращается к работе К.М. Бэра, в которой тот одним из первых упомянул о находках с территории России. К самым ранним находкам он отнес черепа, обнаруженные на Керченском и Таманском полуостровах. В 1820 г., около Кремса (Нижняя Австрия), близ поместья Графеннег, которое располагалось на землях, считавшихся территориями древних аварских укреплений, был найден череп, признанный аварским. Байреном в Грузии около Мцхеты была открыта целая народность, практиковавшая этот обычай (некоторые из народностей были описаны Сцепурой). Также были отмечены факты обнаружения черепов около Эльбруса, на территориях Воронежской, Самарской, Оренбургской губерний. К.М. Бэр считал, что макрокефалов древних

можно искать на Кавказе, к северу, востоку или югу от колхов, что соответствовало бы местожительству древних макронов (Известия... 1884).

К тому моменту было сообщено о фактах встречаемости традиции в Новом Свете, особенно на территории Перу, Британской Колумбии, острова Ванкувер, Бразилии, Боливии, а также на территории Полинезии, Таити, Африки и Азии (Там же. С. 150).

Достаточно подробное описание традиции деформации черепа человека в рамках исследования физического воспитания детей у разных народов дает Е.А. Покровский, посвящая этой теме целую главу своего исследования, опубликованного в 1884 г.

Схожий с азиатским способ укладывания можно обнаружить и на территории Германии, Франции, Италии, Швеции — в небольшую колыбель или переносную деревянную люльку (Там же. С. 161). Автор рассматривает вопросы первоначального развития зародыша человека и зависимости формы черепа от целого ряда различных факторов, как внешних, так и внутренних, обосновывая каждый пункт; различные формы уплощения затылка вследствие преждевременного зарастания швов и влияния внешней деформации (Там же. С. 162–166); распространение разных колыбелей среди народов мира и России.

Е.А. Покровский описывает способы деформации и приспособления, при помощи которых она достигается. Так, индейцы восточного берега Южной Америки используют доску, длиной в рост ребенка, устилают ее мхом, сверху которого кладут ребенка, прикрывают его кожей и прикрепляют к доске. Под шеей на доске устраивают возвышение из куска дерева, заставляющее голову опрокидываться назад. При этом на лоб накладывается другая дощечка, которая притягивается к нижней доске. В этом аппарате дети находятся по несколько месяцев, даже до трех лет. «По отзывам путешественников, они имеют самый жалкий вид: личико у них вздуто, синеватого оттенка, глаза красны и несколько выпучены, голова горяча на ощупь и, вероятно, болит, потому что бедняжки стонут и очень тревожатся. От такого безжалостного и продолжительного насилия многие дети делаются жертвами преждевременной смерти,

но зато у оставшихся в живых фабрикации достигает блестящих результатов, придавая черепам их форму сильно клиновидную. Правда, когда дети вырастают, то природа нередко значительно стушевывает навязанные им уродства, так, что детский череп много отличается от взрослого; но резкий след механического влияния, как исторический документ употребленных насилий, все-таки остается на черепе взрослого (Известия... 1884. С. 150). Для достижения конусообразной формы головы неватисы, племя северного берега о. Ванкувер, сдавливали детям головы с помощью кедровой коры и ремня из оленьей кожи.

Егор Арсеньевич рассматривает распространение обычая на территории Европы, ссылаясь на данные Фовилла и Лунье об обнаружении его в Германии и Бельгии, а также южных департаментах Франции, где после рождения существовала традиция надевать тугой чепчик (1830–1840 гг.) (Известия... 1884. С. 150).

В выступлении на Московской Антропологической выставке авторитетный французский антрополог П. Брока, опираясь на свидетельство госпожи Фон-дер-Нонне, рассказывает о том, что в Грузии надевают ребенку шапочку, которая имеет сзади спускающийся кусок со спины, шапочка плотно обхватывает лоб, темя и затылок ребенка и держится на голове посредством узкого, вершка в полтора шириной, куса коленкора, идущего вокруг головы и завязываемого длинными тесемками, пришитыми к концам его. А в колыбели, по свидетельствам врача Скокова, в Тифлисской губернии, все — грузины и армяне, евреи и осетины — имеют обыкновение стягивать лоб головы крепко бинтом (Там же. С. 154).

Этнографические данные, собранные на территории Тифлисской и Эриванской губерний, позволяют достаточно подробно реконструировать способ деформации черепа при помощи головных уборов среди разных народов, как то: грузин, армян, осетин, греков, а также татар Терской области и с территории Белоруссии и Польши (Там же. С. 157).

Описывая распространение обычая на территории России, автор отмечает, что он практикуется на территории Кавказа, отча-

сти Польши, Белоруссии и у лопарей. Интересен тот факт, что по инициативе Е.А. Покровского Константином Николаевичем Иковым была выполнена работа о влиянии колыбели на деформацию черепа человека, для которой исследователем было изучено и измерено около 1700 черепов из коллекции Антропологического кабинета Университета, собранной А.П. Богдановым, принадлежащей разным народам России и разным периодам. Была исследована асимметрия затылочной области, возникающая в результате деформации. Асимметрия была разделена на 3 вида: правую, левую и резкую (когда «перекошен» весь череп). Кроме асимметрии выделяется также уплощенность (резкая, слабая, сомнительная). Уплощенность можно обнаружить на 61,5% туркестанских черепов (всего 200); 36,5% из группы монголоидных черепов (всего 260 индивидов); 45,5% из кавказских (164 человека) (Там же. С. 160). Исследованы черепа из северных курганов VII–XIII вв. с территорий Новгородской, Московской, Ярославской и Тверской губерний — в 18 % случаев были зафиксированы изменения (239 черепов). Из Старо-Московских XV–XVII вв. — 36,7% из 101 индивидов (Там же. С. 162, 163).

Рассматривая взаимовлияние укладывания ребенка в колыбели и деформации, автор рассматривает способы помещения детей в колыбели различных конструкций — грузинской и устроенной по этому типу кавказской, ногайской, сартской, туркестанской и персидской, и подробно описывает распространение колыбелей в кавказском регионе.

А.Н. Джавахов отмечает своеобразную манеру воспитания грузинских детей в первый год их жизни, которая заключается в том, что ребенка помещают в колыбель, так называемую (аквани), и «плотно завязывают голову платком, укладывают лицом вверх на небольшой шерстяной тюфячок, прикрытый двумя и тремя платками; приставив к гениталиям деревянную трубку широким концом, смазанным воском, которую через отверстие в тюфячке опускают в сосуд, приделанный к нижней части колыбели, завертывают ребенка плотно в платки, отдельно руки и грудь, отдельно ноги и после этого, перекинув через грудь и ноги ребенка широкие ленты, привязывают ребенка к колыбели». Ребенок находится в колыбели достаточно плотно зафик-

сированным, и свободной остается только голова, но и она оказывается связанной в движениях. Автор считает, что данная практика связана с деформацией затылка, а асимметричность встреченного изменения затылочной области — с несоблюдением матерями попеременного кормления грудью ребенка то на одну, то на другую сторону (Известия... 1908. С. 94, 95).

Н.В. Слюнин, сообщая о краниологических находках с Филиппинских островов во время прохождения службы на военном корабле (фрегат «Вл. Мономах», 1884–1887 гг.), отмечает, что острова Иоло и Минданао — единственные из всего архипелага, где была зафиксирована искусственная деформация черепа человека. Исследователь, имея возможность провести измерительное описание небольшой краниологической коллекции, состоящей из 16 черепов, фиксирует наличие деформации на черепе с острова Минданао, по изображению которого можно заключить, что он несет следы кольцевой деформации (Известия... 1887. С. 163).

А.Н. Харузин, в связи с представившейся в 1890 г. возможностью изучения индейцев Сиу с территории Дакоты, говорит об уплощенности лба некоторых индивидов, что связано с искусственной деформацией человека (Известия... 1890. С. 376).

Н.И. Коротневым на заседании 25 сентября 1895 г. были представлены методы, используемые ученым для измерения вместимости деформированных черепов (Известия... 1884. С. 487). На заседании антропологического отдела прозвучал также и доклад П.П. Мельгунова «О макрокефалах» (Там же. С. 471). Наравне с обширными трудами К.М. Бэра и Е.А. Покровского появилось исследование Д.Н. Анучина (1881), в котором ученый собрал все известные на тот момент данные о находках деформированных черепов на территории России.

НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФЕНОМЕНА ДЕФОРМАЦИИ В XX ВЕКЕ

Как несложно заметить из приведенных примеров, в ранней отечественной антропологической традиции искусственную деформацию в основном рассматривали с позиции

влияния на краниометрические показатели и изменение морфологии черепа, а также использовали в качестве этнического маркера при рассмотрении этногенетических и миграционных процессов. Со второй половины XX в., с развитием и совершенствованием палеопатологических методик, более пристальное внимание антропологи начинают уделять взаимосвязи искусственного изменения формы черепа и различных патологических процессов. Стоит выделить также исследование наследственных дискретно-варьирующих признаков в контексте применения деформации. Использование рентгенографирования, гистологических методов открывает новые горизонты в изучении этого непростого явления, а использование статистических способов обработки результатов позволяют выйти на новый уровень обобщений.

Достаточно обстоятельной сводкой по циркулярно (кольцевидно) деформированным черепам на территории России стала работа В.В. Гинзбурга и Е.В. Жирова (1949). В последнее время вышло несколько обобщающих работ, посвященных феномену искусственной деформации черепа человека. Среди них — коллективная монография под редакцией М.Б. Медниковой, посвященная вопросам распространения обычая на территории евразийского континента в целом и изучению некоторых специальных аспектов исследования деформированных черепов, как то: взаимосвязь феномена с патологическими проявлениями, применение различных исследовательских программ при исследовании материала (OPUS, 2006). Для понимания возникновения и распространения традиции в среднеазиатском регионе неопценимы работы Т.А. Трофимовой, В.В. Гинзбурга, М.Г. Левина, Т.П. Кияткитной, Л.Т. Яблонского, С. Тур, Т.К. Ходжайова, содержащие подробный анализ встречаемости и времени возникновения разных видов деформации в регионах Средней Азии и Казахстана (Ходжайов, 2000; 2006).

Таким образом, постепенно формируются основные дискуссионные направления, в рамках которых развиваются дальнейшие антропологические исследования феномена. Возникают новые исследовательские задачи, требующие появления новых методик и даль-

нейшего их совершенствования. Если представить основные векторы исследования вопроса, то можно получить такую схему:

- 1) разработка классификаций искусственной деформации;
- 2) изучение морфологии черепа;
- 3) изучение дискретно-варьирующих признаков;
- 4) изучение палеопатологических изменений;
- 5) исследование значения обряда деформации.

Кратко охарактеризуем каждое из направлений.

Классификации типов искусственной деформации. Каждый раз при изучении антропологами краниологических серий представителей различных культур встает вопрос о типологизации и классификации разновидностей деформаций черепа человека. Помимо этого возникает проблема объективности определения присутствия следов практики и характера внешнего воздействия, поэтому неудивительно, что одним из самых первых возникло обсуждение типологии искусственного изменения формы черепа. Результатом дискуссии с начала XIX в. стало появление различного рода классификаций искусственной деформации черепа. Подробная история формирования различных классификаторских систем была уже ранее рассмотрена (Шведчикова, 2006). Стоит отметить неопценимый вклад таких ученых как Госсе (Gosse), Уилсона (Wilson, 1862), Лунье (Lunier, 1869), Топинара (цит. по: Dingwall, 1931), Анучина (1881), Николуччи (Nicolucci, 1890), Грдлички (Hrdlička, 1919), Шапиро (Shapiro, 1928), Дембо и Имбеллони (Imbelloni, Dembo, 1938), Стюарта (Stewart, 1941), Жирова (1940). В настоящее время ученые также используют различные типологии. Как правило, это зависит от задач исследования, от традиций использования того или иного вида классификации в изучаемом ареале.

Морфология черепа. Череп человека является собой единую систему, все части которой тесно взаимосвязаны между собой процессом роста и развития. Если на одну из частей оказывается внешнее воздействие, то другая невольно должна ответить компенсаторной реакцией на изменение. Взаимосвязи

развития различных отделов подвергающегося искусственной деформации черепа посвящено довольно много антропологических работ. В этой связи в современной литературе широко обсуждаемы и спорны сообщения об изменении краниометрических показателей в связи с присутствием деформации того или иного вида. Так, одни исследователи обнаруживают увеличение в размерах верхней высоты лица, высоты основания лица, ширины лица и высоты орбит при деформации, в то время как другие сообщают о незначительных изменениях в размерах или вообще об отсутствии влияния деформации на эти признаки (Frieß, Baylac, 2003; Фирштейн, 1970). Одной из первых работ, анализирующих связь между развитием лицевого отдела черепа, его основанием и присутствием деформации, стала статья датских исследователей, которыми была изучена черепно-лицевая асимметрия, появляющаяся при применении искусственной деформации черепа (Bjork, Bjork, 1964). Исследователи используют различные методы для изучения влияния искусственной деформации на морфометрические характеристики. Меркль (Merkle) применил метод компьютерной томографии для исследования лобной кости и носовых пазух. Установлено, что различные виды изменения формы черепа не оказывает ингибиторного эффекта на пневматизацию как лобной кости, так и верхнечелюстных синусов. Вследствие применения обряда в детском возрасте изменяется костная структура, что выражается в разрежении диплоэ (rarefication of the diploe) (Merkle et al., 1998). Исследованием проблемы занимались и продолжают заниматься целый ряд исследователей (Kadanof, Jordanov, 1976; Anton, 1989; Cheverud, Midkiff, 1992; Cussenot et al., 1992; Merkle et al., 1998; Frieß, Baylac, 2003).

Изучение дискретно-варьирующих признаков. Взаимосвязь неметрических, или эпигенетических, признаков и искусственного изменения формы черепа человека достаточно подробно обсуждалась в антропологических исследованиях (Dorsey, 1897; El-Najjar, Dawson, 1977; Bjork, 1964; Vives, Bertranpetit, 1986; Anton, 1989; Konigsberg et al., 1993; O'Loughlin, 2004). В основном внимание исследователей сконцентрировано на изучении вставочных вормиевых костей в швах черепа,

присутствие незакрывшегося метопического шва и их взаимосвязи с присутствием и разными типами деформации черепа.

В одной из самых ранних работ, посвященных этой проблеме, Дорси (Dorsey) считал, что причиной сравнительно частой встречаемости вставочных костей в венечном шве на выборке черепов индейцев являлась практиковавшаяся среди этой группы анулярная деформация (Dorsey, 1897). Салливан (Sullivan), напротив, не смог найти ясной взаимосвязи между деформацией и дискретными признаками для северо-американских популяций (цит. по: Konigsberg et al., 1993). Однако в этих двух ранних исследованиях не проводилось сравнения встречаемости дискретно-варьирующих признаков и деформации внутри популяции, и было достаточно сложно сказать, являлось ли их присутствие следствием искусственного изменения формы черепа или межпопуляционной изменчивости. В более поздних работах авторы стали уделять взаимосвязи деформации и дискретных признаков более пристальное внимание.

Изучение палеопатологических изменений. Палеопатологические исследования искусственной деформации были в первую очередь направлены на выявление влияния деформации на изменение толщины костей, на которые оказывалось давление, присутствие васкулярных реакций. До конца не решена проблема влияния на психические функции человека изменения формы черепа. Некоторые авторы говорят о появлении таких изменений, как повышенное внутричерепное давление, свидетельствами которого являются усиленный сосудистый рисунок на эндокране и присутствие пальцевидных вдавлений (Маклецова, 1974; Балабанова, Сычева, 2006). Отдельным вопросом была и остается проблема диагностики краниосиностоза и дифференциации последствий этой патологии от искусственной деформации (O'Brien, Sensor, 2004; O'Loughlin, 1996).

Помимо существующей проблемы диагностики краниосиностозов и присутствия искусственной деформации черепа, в антропологической литературе обсуждается и влияние применения внешнего воздействия на проявление преждевременного зарастания швов (Carod Artal, Vazquez Cabrera, 2004).

Смысл обряда. И, наконец, следует выделить еще одно направление изучения традиции, к которому обращались и обращаются как антропологи, так и этнологи, — это объяснение смысла традиции деформации и ее функционального выражения (Las Casas, 1892; Virchow, 1892; Imbelloni, 1938; Briggs, Sancho, 1952; Шемякин, 1987; Tesler Blos, 1998; Torres-Rouff, 2002; Балабанова, 2004; Spieser, Sprumont, 2004; Медникова, 2004, 2006; Bereczki, Marcsik, 2006).

Поль Брока так говорит о стремлении человека изменить свое тело: «Склонность к деформации или изменению естественной формы некоторых частей тела является общей для человеческой природы в любом знакомом нам ее выражении, самом примитивном и варварском и наиболее цивилизованном и рафинированном». С этим высказыванием нельзя не согласиться. Преднамеренную деформацию черепа человека можно рассматривать как часть целого комплекса традиций прижизненного изменения тела человека, сопряженных с умышленным нанесением ран, увечий и изменением форм, которая имеет символическое значение.

Резюмируем, какие же тенденции возникают в исследовании этого многогранного и столь неоднозначного феномена на сегодняшний момент. Применение томографии при исследовании деформантов, построение трехмерных моделей позволяют более тщательно выявлять морфологические особенности изучаемого материала. Использование статистических подходов и новых математических моделей не только позволяет обосновывать характер взаимосвязей деформации и таких явлений, как дискретно-варьирующие признаки, палеопатологические проявления, но и становится инструментом для проверки и решения задач, поставленных на заре изучения феномена, такой, например, как дифференциация деформаций по типам. Так, Дж. Л. Кларк с соавторами используют дискриминантный функциональный анализ для

выяснения правомерности применения визуального определения деформации и степени его объективности (Clark et al., 2007). Авторы приходят к выводу, что в 91,9% случаев визуальное определение деформации совпадает с характеристиками, полученными при использовании для диагностики присутствия следов культурной модификации хордовых размеров черепов. Использование палеопатологических методик — фиксация боевых травм на костях скелета и черепа, анализ маркеров стресса в рамках биоархеологического подхода — позволяет выйти на новый уровень анализа социальной структуры изучаемого общества, что является неотъемлемой частью исторической реконструкции.

Распределение разных типов деформации в простых и сложных обществах, их связь с маркерами физиологического стресса были наглядно показаны К. Торрес-Руф при изучении населения доколумбовых Анд (Torres-Rouff, 2003). Была сделана попытка соотнести социальную стратификацию обществ и присутствие разных типов модификации черепа человека на примере антропологических материалов из 24 археологических поселений Андского региона. Не было выявлено связи между показателями здоровья и разными типами деформации ни в простых, ни в сложных обществах.

Новые подходы, полученные данные позволяют исследователям выйти на новый уровень обобщений и рассматривать традицию как достаточно сложный и комплексный элемент культуры, не поддающийся однозначной трактовке. Обращение к истории изучения обычая преднамеренной деформации головы, рассмотрение письменных источников и распространения деформации среди носителей археологических культур Старого Света позволяют уверенно говорить об устойчивости практики модификации человеческого тела, неоднократно возникавшей в результате как преемственности культур, так и их конвергентного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абу Райхон Беруни, 1982. Избранные произведения: (973–1048) / Отв. ред. С.Х. Сирожиддинов. Ташкент.
- Анучин Д.Н., 1881. О древних искусственно деформированных головах, найденных в пределах России // Изв. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. СПб. Т. XIX. Вып. 4.
- Балабанова М.А., 2004. О древних макроцефалах восточной Европы // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии М. Вып. 3.
- Балабанова М.А., Сычева А.В., 2006. Рентгенологическое исследование позднесарматских черепов // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М. Вып. 5.
- Жиров Е.В., 1940. Об искусственной деформации головы // КСИИМК. Вып. VIII.
- Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1884. Т. VII. Вып. 1–3.
- Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1890. Т. XX.
- Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1908. Т. XXVI.
- Ланда, Д. де, 1994. Сообщение о делах в Юкатане. М. (Репринт изд. 1955 г.)
- Латышев В.В., 1993. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб.
- Маклецова Н.П., 1974. Рентгенологическое изучение искусственно деформированных черепов древних эпох Средней Азии и Поволжья // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М. Л., 1939.
- Медникова М.Б., 2004. Трепанации в древнем мире и культ головы. М.
- Медникова М.Б., 2006. Феномен культурной деформации головы: евразийский контекст // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии / Отв. ред. М.Б. Медникова. М. Вып. 5.
- Фирштейн Б.В., 1970. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Т.А. Тот, Б.В. Фирштейн. Антропологические данные по вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л.
- Ходжайов Т.К., 2000. Обычай преднамеренной деформации головы в средней Азии // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. М.
- Хохлов А.А., 2006. Черепа с искусственной деформацией эпохи бронзы Волго-Уральского региона // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии / Отв. ред. М.Б. Медникова. М. Вып. 5.
- Челеби Э., 1983. Книга путешествий (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана М.
- Шведчикова Т.Ю., 2006. Ранние опыты классификации искусственной деформации черепа человека // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии / Отв. ред. М.Б. Медникова. М. Вып. 5.
- Anton S.C., 1989. Intentional cranial vault deformation and induced changes of the cranial base and face // American Journal of Physical Anthropology. № 79 (2).
- Bereczki Zs., Marcsik A., 2006. Artificial cranial deformation in Hungary // OPUS: Interdisciplinary investigations in archaeology. Moscow. Vol. 5.
- Björk A., Björk L., 1964. Artificial deformation and cranio-facial asymmetry in ancient Peruvians // Journal of Dental Research. Vol. 43 (3).
- Carod Artal F.J., Vazquez Cabrera C.B., 2004. Neurological paleopathology in the pre-Columbian cultures of the coast and the Andean plateau (I): Artificial cranial deformation // Revista Neurológica. № 38 (8).
- Cheverud J.M., Midkiff J.E., 1992. Effects of fronto-occipital cranial reshaping on mandibular form // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 87.
- Cussenot O., Pereira Da Silva M., Martin-Bouyer Y., 1992. Modifications of the skull base in artificial deformations of the circumference of the head // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 14 (1).

Dembo A., Imbelloni J., 1938. Deformaciones intencionales del cuerpo humano de caracter ethnico // Biblioteca Humanior. Buenos Aires.

Dingwal E.J., 1931. Artificial Cranial Deformation: A Contribution to the Study of Ethnic Mutilations. London.

Dorsey G.A., 1897. Wormian bones in artificially deformed Kwakiutl crania // American Anthropology. # 10.

El-Najjar M., Dawson G.L., 1977. The effect of cranial deformation on the incidence of Wormian bones in the lambdoidal suture // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 46 (1).

Frieß M., Baylac M., 2003. Artificial cranial deformation using elliptic Fourier analysis of Procrustes aligned outlines // American Journal of Physical Anthropology. # 122.

Kadanoff D., Jordanov J., 1976. Asymmetry in artificially deformed skulls from a Protobulgarian mass grave of the 9th century // Anat Anz. Vol. 140 (3).

Kiszely I., 1978. The origins of artificial cranial formation in Eurasia from the sixth millennium B.C. to the seventh century A.D. // BAR. 50.

Konigsberg L.W., Kohn L.A.P., Cheverud J.M., 1993. Cranial deformation and non-metric trait variation // American Journal of Physical Anthropology. # 90.

Lunier L., 1869. Déformations artificielles du crane // Nouveau Dictionnaire de Medecine et de Clinique. Vol. 10.

Merkle E.M., Parsche F., Vogel J., Brambs H.J., Pirsig W., 1998. Computed tomographic measurements of the nasal sinuses and frontal bone in mummy-heads artificially deformed in infancy // Am. J. Rhinol. # 12 (2).

O'Brien T.G., Sensor K.P., 2004. On the classification of abnormal head shape:

Interpreting artificial cranial deformation and craniosynostosis — a review // Journal of Paleopathology. 16 (1).

O'Loughlin V.D., 1996. Comparative endocranial vascular changes due to craniosynostosis and artificial cranial deformation // American Journal of Physical Anthropology. # 101 (3).

OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии / Отв. ред. М.Б. Медникова. М., 2006. Вып. 5.

Shapiro H.L., 1928. A correction for artificial deformation of skulls // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. New York. Vol. XXX. P. 1.

Spieser C., Sprumont P., 2004. La construction de l'image du corps de l'élite égyptienne à l'époque amarnienne // Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris. T. 16. Fasc. 3–4.

Stewart T.D., 1941. The circular type of cranial deformation in the United States // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 28. # 3.

Tiesler Blos V., 1998. La costumbre de la deformación cefálica entre los antiguos mayas / Instituto Nacional de Antropología e Historia. Mexico.

Torres-Rouf C., 2002. Cranial vault modification and ethnicity in Middle Horizon San Pedro de Atacama, Chile // CurA. Vol. 5. № 1.

Torres-Rouf C., 2003. Shaping Identity: Cranial Vault Modification in the Pre-Columbian Andes. Santa Barbara: University of California.

Vives E., Bertranpetit J., 1986. Les traits non métriques et descriptifs du crane déformé // Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris. Vol. 3. # 4.

MAN AND ANTIQUITIES

SUMMARIES

Stolyar A.D.

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

In my friend's Aleksandr Aleksandrovich Formozov memory

This paper is a narration of known St. Petersburg archaeologist A.D. Stolyar about his 60 year-long friendship with A.A. Formozov. The author recalls their relations in expedition and long-lasting personal contacts by letters and telephone calls. In the publication the reader meets a vivid image of A.A. Formozov as a scientist and person.

Formozov A.A.

“Only those having got personal attitude to the sites are able to preserve them...”

This text is the first publication of a minor part of A.A. Formozov's manuscript entitled “Russian society and protection of cultural heritage (extended version of 1962–1963)”. The text is preserved in the scientific archive of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow. The author summarizes the history of protection of cultural heritage in Russia in the XIX — the first part of the XX cc. with special stress made on the close relationship between the protection of cultural heritage and general state of civil society.

PART I. APPROACHING TO ANTIQUITY

Shchelinsky V.E.

Institute of History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
e-mail: shchelinsky@yandex.ru

Early Palaeolithic sites in the Azov Sea region

The Early Palaeolithic sites in the Azov Sea region were discovered in the mid XX. These were Tsimbal on the Taman Peninsula and Gerasimovka on the shore of the Miussky bay. A.A. Formozov

was interested in the materials from Tsimbal; in 1957 and 1962 he visited the site, and found there two Early Palaeolithic tools. Taking this into account he supposed that during the period of existence of the Taman faunal complex, early man already settled the Kuban region. New stage in studying the Early Palaeolithic in the Azov Sea zone was related to the discoveries made in XXI, when 25 km westward from the town of Temryuk three new sites were located: Bogatyri (or Sinyaya Balka), Rodniki, and Kermek. The faunal remains obtained there belong to the Taman faunal complex, their chronology established by the palaeomagnetic method ranges within 2.0–0.9 millions BP. Stone artefacts, technological features, set of categories and shapes suggest their similarity with the Olduvai industries of Africa, the Near East and the Caucasus. It becomes clear that the Azov Sea region was settled by early humans as early as the first half of the Early Pleistocene, ca. 1.4–1.6 millions BP, that is, at the same time with the Caucasus and the South Transcaucasus. There are all grounds to suppose that the Azov Sea region played an important role in the process of man's early settlement in Europe.

Golovanova L.V., Doronichev V.B.

Autonomous non-profit organization "Prehistory Laboratory", St. Petersburg, Russia

e-mail: labprehistory@yandex.ru

Replacement of Neanderthals by early modern humans: Chronology and causes

In Europe and Western Asia, the replacement of Neanderthals by early modern humans (EMH) populations between 40,000 and 30,000 years 14C BP is coeval with a significant shift in the archaeological record — the Middle to Upper Palaeolithic (MUP) transition. Understanding the timing and factors of the replacement process is critical to evaluating the competing models of Neanderthal disappearance. Recently, a growing body of research has focused on a new factor in Neanderthal disappearance — the Campanian Ignimbrite (CI) eruption from the Phlegraean Fields in Italy (Fig. 1). Given the data from Mezmaiskaya Cave and supporting evidence from other sites across the Europe, we hypothesize that the Neanderthal lineage truncated abruptly about 40,000 BP in most of their range. Our data provide support for the hypothesis that the MUP transition in Western Eurasia coincides with one of the most globally significant volcanogenic catastrophic events in the recent history of the Earth. The large and coeval volcanic eruptions had a sudden and devastating effect on the ecology and forced the fast and extreme climate deterioration of the Northern Hemisphere in the beginning of Heinrich Event 4. Early moderns initially occupied the more southern parts of Western Eurasia and Africa, and thus avoided the direct impact of the CI and coeval eruptions. Major technological and social innovations after 40,000 BP document the beginning of the early Upper Palaeolithic, they obviously enabled EMH to survive in severe environments drastically changed after this catastrophe, and supported future population growth and cultural development. These EMH groups may have further benefited from the Neanderthal population vacuum in Europe by wider colonization and the establishment of strong population source in Northern Eurasia.

Klejn L.S.

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Figurative activity in evolutionary perspective

The Biblical creationist world-view provides us a clear picture of the Universe creation, but not a long-term historical context. Quite the reverse, contemporary thought tends to present any long run of events in any field, including figurative activity, as an evolution. This is supported by Haeckel's theory of Recapitulation. In the course of human development we can point out three major anomalies destroying the evolutionist interpretation. The first abnormality is the Palaeolithic art, too perfect of primitive

man, which may be related to complicated mechanism of early man brain activity. The second point is modern art that has turned to primitivism and distortion of reality. This may be considered a response to the emergence of photography. The third anomaly is the inclination of totalitarian regimes to realistic and naturalistic images, which apparently is associated to dictators' political aims, when simple ideas with minimal conditional meanings are introduced into mass conscience. The two first anomalies bring the development of figurative activity beyond the trajectory intended by natural evolution. Yet it is they that make this development complicated, interesting and substantial, and contribute to transformation of figurative activity into arts proper. The third anomaly is aimed at turning this development backward, but totalitarian powers nevertheless leaned in this upon people's protest against too wide gap separating arts from figurative activity, against violating the sense of proportion, which makes art true art.

Smirnov Yu.A.

*Institute of Archaeology, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia
e-mail: smr495@mail.ru*

Turning back to the Neanderthal burials in Europe

The article discusses two topics: 1) The foci of taphological activity where remains of funerary activity of the Neanderthal European population are concentrated; and 2) The rediscovery in 1996 of the skeletal remains of a newborn infant (Le Moustier № 2) originally discovered in 1913 by D. Peyrony in the Lower rock-shelter of Le Moustier, that were considered lost. This discovery has also allowed to revise the skeletal remains from the Le Ferrassie № 4 and № 4 bis burials, and to identify the La Ferrassie № 4 remains (right humerus and femur) as belonging to the Le Moustier № 2 burial.

Sergin V.Ya.

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

On the history of investigation of Palaeolithic settlements in Eastern Europe (1873–1930s)

Investigations of the Palaeolithic in Eastern Europe began in 1873. There was no possibility of working out chronological columns before stratified character of some sites was determined, therefore specialists then mostly paid attention to the researches related to the cultural deposit. P.P. Yefimenko suggested new method of excavations, which made it possible to identify the remains of dwellings of various types. This became a valuable contribution of Russian scholars to the Palaeolithic studies in the antebellum period.

Grigor'ev G.P.

*Institute of History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
e-mail: grigoriev@gg11569.spb.edu*

Female images of the Gravette epoch

The beginning of studying of Palaeolithic art has led us to the idea that it had started in a limited area, and extended a short distance beyond the initial focus. Basing on materials of B. Perigord and neighbouring Spanish territory, we can see that art arose in different regions of Europe. The common view on the influence of a single centre on the adjacent regions does not seem correct at the current level of our knowledge. Different genres of art emerged in different locations. It is well known that colour painting first began in Western Europe, while sculpture of stone and bone appeared in Eastern Europe. These two kinds of art developed in parallel way. Most likely, the Palaeolithic world of Eastern

Europe was a unit. Processes in Palaeolithic art were independent from processes of development of bone and stone tools.

Vetrov V.S.

Archaeological workshop of Young Generation Centre, Lugansk, Ukraine

e-mail: vet@lep.lg.ua

**Formozov's concept of «primitive art foci» in the context of singling out stylistic provinces of the Upper Palaeolithic art
(on the materials from the territory of Ukraine)**

The basic methodological aspect suggested in the paper is based on the cultural-historical approach and complex analysis of all available materials. Special stress is made on the comparative historical analysis of separate monuments, as well as the economic-cultural models typical of the society of hunters and food gatherers of the Upper Palaeolithic that inhabited the territory of present Ukraine. The research technique is based on the methods of theoretic generalisation, synthesis, and practical modelling.

Bulochnikova E.V.*, Kudryavtsev D.I.**, Prikhod'ko D.I.*

* Institute and Museum of Anthropology, Moscow State University, Moscow, Russia

e-mail: ebulochnikova@yandex.ru, dasha-04-88@mail.ru

** Vernadsky State Geological Museum, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Stones at the Upper Palaeolithic site Avdeevo

Large amount of stones was recorded on the territory of the Upper Palaeolithic site Avdeevo, like as at the sites of Kostenki and Zaráisk. Petrographic analyses of the Avdeevo stones evidences that these are rather few rocks like quartzites and sandstones with clay cement, and a lot of phosphate and sandstones with carbonate cement; their number reaching 90 or more stones per square meter. Many of them are burnt. The hypothesis that these stones were used for lining hearths and accumulating heat is not confirmed. Probably some chemical or physical properties of the stones made ancient people bring them to the site by thousands, but the real purpose of this remains unclear.

Sorokin A.N.

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: ansorokin@rambler.ru

Once again about the problem of Post-Swidry cultures in Eastern Europe

The term Post-Swidry cultures emerged in the second part of 1970s as a derivative of the stadial concept widely spread in the national historiography in the 1920s –1930s, and rejected before the World War II. The analysis performed shows artificial character of identifying the Mesolithic cultures of Eastern Europe combined by the term Post-Swidry with the Swidry culture. No relation between their genesis and the Swidry stone industry can be established. The idea of the Post-Swidry cultures is considered groundless and hollow. No convincing arguments to support the concept have been pointed out in the recent twenty-five years. A.A. Formozov's words said over half a century ago on the specifics of the Volga-Oka collections, as compared to the Swidry ones have been eloquently proven by recent materials.

Kolosov A.V.

Kuleshov Mogilev State University, Mogilev, Byelorussia

e-mail: kolosov_arc@mail.ru

Cultural diversity in the Upper Dnieper region in the Mesolithic

The article discusses the problem of cultural and chronological interpretation of the Mesolithic sources in the Upper Dnieper region. Basing on the methods of comparative typological-technological analysis of the flint industry the author characterizes the materials of some Mesolithic cultures in the Upper Dnieper region. Abundant data on the Mesolithic collected during the large-scale excavations in the 1970s and 1980s enable essential progress in the field.

Generalized and systematized materials discovered in the late 1980s and early 1990s reveal some contradictions in the existing cultural-chronological schemes and mark a range of topical problems in the Mesolithic studies in the region under discussion. The interpretations of the Sozh and the Dnieper-Desna cultures based on their flint industry became rather debatable. The genesis of the Sozh and the Dnieper-Desna antiquities was interpreted as a result of merging of two cultural traditions: Grensk and Swidry within the Sozh culture (according to V.F. Kopytin and E.G. Kalechits) or Lingby and Swidry within the Dnieper-Desna culture (according to V.P. Ksenzov). The studies of the Mesolithic sites in the region proves that the attempts to single out local syncretic cultures as result of the mechanic mixture of the materials of different origin and chronology are groundless. It is shown that the Mesolithic population of the Byelorussian Sozh region was not homogeneous. During the Pre-Boreal and early Atlantic periods there lived groups of hunters attributed to the Mesolithic cultures of Pesochny Rov, Butovo, Kudlaevka and Yanislavitsa.

Oshibkina S.V.

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: savanna_kasper@mail.ru

Ornaments, signs, and engravings on the objects of Veretye culture

Sites of Veretye culture are known in the Lake country, eastward from the Onega Lake, on the Boreal lakeshores of the Lacha Lake. The sites have yielded numerous decorated objects made of bone, antler, and wood. The collection comprises various ornamented artefacts, including weapons bearing personal signs, engraved images, and separate anthropomorphic and zoomorphic sculptures. The most numerous collection of objects of artistic value (over 70 items) originates from Veretye 1. Ornamented objects, or those bearing personal signs come from all sites attributed to the culture, though in smaller number, which depends, as a rule, on the investigated area. The tradition of ornamentation of weapons and tools continued till the end of Veretye culture, that is to the late Boreal — early Atlantic period.

Viskalin A.V.

Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

e-mail: alvisk@mail.ru

Dynamics of climatic fluctuations and cultural processes in the Neolithic of the Volga-Ural forest-steppe

Comparison of dynamics of climatic fluctuations and changes in the Neolithic cultures of the Volga-Ural region shows certain dependences between these processes. During the periods of climatic warming, the region was occupied by the population of presumably southern origin, that settled the habitual steppe and forest-steppe landscapes. During the periods of cold snaps spreading of forest vegetation occurred, therefore the former population left the territory, instead there came the tribes related by their origin to the East European forest areas and the Urals region.

Lozovsky V.M., Lozovkaya O.V.

Sergiev-Posad State-protected Museum of History and Art, Sergiev Posad, Russia

e-mail: zamostje68@post.ru

Bone and antler tools from the Early Neolithic layers of site Zamostye 2

The article comprises a detailed analysis of a collection of bone and horn tools originating from the Early Neolithic layers of Zamostye 2 site. A detailed characteristic is provided for the whole complex, which at present is a reference site for the Volga-Oka river region. Besides, the article proves the continuity between the Early Palaeolithic complex and the Late Mesolithic layers of the site. Analogues from other sites' collections confirm the suggested conclusions.

Smirnov A.S.

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: assmirnov@mail.ru

Concerning delimitation of archaeological cultures (on the unity, and differences in the Neolithic of the Sozh, Desna and Oka rivers basins)

The author considers criteria for delimitation of archaeological cultures proceeding from the method suggested by C.G. Sampson. This technique was used for delimitation of the Neolithic cultures in the basins of the Dnieper, Desna, and Oka rivers. The investigations have brought the author to the conclusion on the cultural unity of the sites known on the Desna and Upper Oka valleys, and their dissimilarity from those located in the Sozh basin. The boundary separating the discussed cultural groups does not coincide with the Desna and Sozh rivers' watershed. At the same time, it is noted that within the outlined Desna-Oka "cultural unity" certain groups of sites show essential similarity of the material culture. Their borderlines differ in significance and do not follow the boundaries of river systems, since they are determined by characteristic geomorphologic features of the territory under investigation.

Kuzmin Ya.V*, Popov V.K. **, Glascock M.D. ***

** Institute of Geology and Mineralogy, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

e-mail: kuzmin@fulbrightmail.org

*** Far Eastern Geological Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia*

*** Investigational Reactor Centre, Missouri University, Columbia, USA

Sources of archaeological obsidian in the Southern Russian Far East: Example of multidisciplinary study

Multidisciplinary research allows us independent testing of archaeological models and interpretations, and geochemical investigation of archaeological volcanic glass is the excellent case study. Dr. A.A. Formozov used this approach in the 1950s — 1960s in the Caucasus, in order to establish long-distance prehistoric contacts. The overview of obsidian provenancing in the Russian Far East (Primorye Province, Amur River basin, and Sakhalin Island) and neighbouring East Asia (Korean Peninsula), conducted by our group since 1992, is presented. Several sources of high quality volcanic glassy material, basaltic volcanic glass (sources of Shkotovo Plateau in Primorye, and Obluchie Plateau in Amur River basin) and rhyolitic obsidian (Paektusan source on the Chinese/North Korean border; Shirataki, Oketo, and Akaigawa sources on Hokkaido Island, Japan), were determined. People have

actively acquired glassy raw material from these sources from the Upper Palaeolithic (ca. 25,000–18,000 BP) to the Palaeometal stage (ca. 2000 BP and possibly later). Several long-distance volcanic glass exchange networks in the Stone Age of Northeastern Asia were established, with distance between sources and utilization sites up to 1000 km in a straight line. This kind of research has high potential for interpretation of human prehistory, especially in terms of ways, directions, and timing of early contacts and migrations.

Serikov Yu.B.

State Social-Pedagogical Academy, Nizhnij Tagil, Russia

e-mail: u.b.serikov@mail.ru

Hoardings of stone objects in the Middle Transurals as ritual associations

The paper presents an exhaustive characteristic of four hoards of stone objects investigated by the author. Four more hoards are described in most detailed way possible. The analysis of the finds' topography, conditions these were buried, and the repertoire of objects brings the author to the conclusion on the ritual character of the discussed associations. Most probably, the hoards served as specific markers of a symbolic boundary between real and nether worlds.

Shumkin V.Ya., Kolpakov E.M.

Institute of History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

e-mail: shumkinv@mail.ru, eugen@rekvizit.ru

New rock art site in Northern Europe: Anthropomorphic compositions of Kanozero

The first rock carvings at Kanozero (the Kan Lake) at the Kola Peninsula, NW Russia, were discovered in 1997. Up to 2009, 1140 images have been documented in the Kanozero islands. Taking into account the counterparts with other rock art sites they may be dated back to the 4th — 2nd millennia BC. In this article the structural analysis of the Kanozero anthropomorphic compositions is presented; these are divided into 7 types. They are compared with known anthropomorphic compositions of rock art in Northern Europe. The discussion considers the similarity between whole compositions in terms of their formal structure rather than the similarity between single figures. Some sets of attributes characteristic of the composition structure are closely related to the images' content and meaning. The authors show an amazing similarity between some compositions of rock art in Northern Europe: some types of the Kanozero rock compositions may be pointed to in the sites of Russia (Zalavruga, The Onego Lake, Ponoï), Norway (Alta), Sweden (Nämforsen, Kville, Vitlycke, Skärvången). The paper presents preliminary results of the Kanozero rock art investigation.

Zhulnikov A.M.

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

e-mail: wigwam@karelia.ru

Flint figurines in the culture of ancient population of the White Sea zone and neighbouring regions

Flint sculpture is considered as one of the sources for studying contacts of ancient population in Eastern Europe during the Neolithic period. It was suggested that spreading of some varieties of flint sculpture in the White Sea region was caused by a local migration of a certain group of people from the Upper Volga belonging to Volosovo culture. The analysis of the context sculptured flint objects were discovered, together with close similarity of some their types coming from a series of settlements in

the forest zone of Eastern Europe evidence that this category of finds formed a set of figurines used in ritual ceremonies.

Burdo N.B.

Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
e-mail: wideiko@gmail.com

Anthropomorphic motifs in Trypillya pottery decoration

In A.A. Formozov's scientific publications two subjects related to the Copper Age Trypillya culture are discussed, namely, vessels with linear incised anthropomorphic images, and those with similar painted motifs. The present paper discusses the anthropomorphic painted images on Trypillya pottery, which first appeared after 4300–4100 BC. We have at our disposal information about around 60 objects bearing anthropomorphic images. The ornamental compositions look very complicated. Their analyses brings us to the view on painted ornament as a kind of "non-verbal text" inspired by sacral tradition and mythology of ancient population. Some of the images show certain correspondence with so-called "sign system" — a kind of ancient pictographic tradition, and are considered as its integral part.

Balabina V.I., Mishina T.N.

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
e-mail: balabina@mail.ru, tnmishina@mail.ru

The latest Eneolithic settlement at Tell Yunatsite: The history of destruction

The paper discusses the so-called «skeleton horizon» marking the terminal Eneolithic stage at Tell Yunatsite (Bulgaria). During over 10 years of investigations all over the area of the excavation trench a single horizon with destroyed and burnt buildings was revealed, that contained numerous human skeletal remains. Human skeletons, their joint parts and indefinite bones were also revealed outside the buildings. The violent death of the people is clearly indicated by their positions and the fact that the remains were mostly in burnt state. Totally 47 skeletons in different state of preservation have been revealed. Their distribution by sex and age is shown in chart 1. Besides the human remains in the building debris, at least 11 burials have been registered. The dead are orientated strictly to the cardinal points, latitudinal orientation clearly dominating (chart 2). Distribution of the people from the Yunatsite necropolis by sex and age (chart 3) shows a limited group of elderly women, those of 45 years old dominating, and a less specific group of mature men (from 26 to 50 years old). The males are on the average considerably younger than females, those 30 to 40 years old or 35 to 40 years old dominating, whereas the predominant age of the women is under 45 years, which in traditional societies is "the age of grandmothers". Strikingly, practically no young females of reproductive age (16–25 years old) have been registered.

Kotova N.S.

Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
e-mail: nadja.kotova@gmx.at

Cultural attribution of a group of the Middle Eneolithic burials in the Dnieper and Don interfluvium

The article discusses a group of 23 Middle Eneolithic burials investigated in the Dnieper and Don interfluvium, their grave goods or funerary feast comprising pottery. The dead were deposited in different positions: supine, contracted on their back or side, or face downwards. The burial rite, however, showed some features in common: stone circles, stone or timber roofing of the graves, matting the floor, the

use of fire, the remains of funeral feasts. All vessels found in the graves have their counterparts in the settlement pottery of Dereivka culture. This brings the author to the conclusion that the discussed associations should be included into the Dereivka culture together with the Igren and Dereivka cemeteries. The sites under discussion are known from the steppe and the modern southern forest-steppe zones from the Ingulets River basin to the Don. Their chronology falls within 4300–3700 BC.

Yudin A.I.

Committee on Cultural Heritage Protection in Saratov Region, Saratov, Russia
e-mail: aleyudin@yandex.ru

Altata Eneolithic culture of the Lower Volga region

The author considers materials of the Altata cultural group on the Lower Volga studied for 4 recent decades. The eponymous Altata station in the Transvolga zone is located in the southern part of the Volga-Urals steppe. Totally over 10 sites with preserved cultural deposits are known. Typical feature of their pottery is Neolithic-like ornamentation on some vessels. The cultural associations include also unified sets of stone tools shaped mostly of fine-grain quartzite (92-99%). Small tools (scrapers, knives on flakes, scrapers on blades, arrowheads) are typologically similar, but made of flint. Flake technique is considered as a characteristic indication of the discussed associations. The culture emerged on the late stage of the Neo-Eneolithic period (the second quarter of the 5th millennium BC); the late Altata sites contributed to formation of Pit-grave culture of the Volga basin.

Gei A.N.

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
e-mail: donkuban@mail.ru

An unusual vessel of pearl-and-stroke pottery culture from the Myskhako I settlement

The paper is devoted to the publication of a clay vessel excavated at the Myskhako settlement (in the city of Novorossiysk). The site is the only one attributed to the Eneolithic culture of pearl-and-stroke pottery of the late 5th — early 4th millennia BC situated on the Pontic littoral. Technically the ornament consists of so-called pearls (rounded bosses pressed from inside wall of the vessel) disposed on the rim surface, which is unusual, and forming irregular compositions. This fact suggests interpretation of the ornamentation as a kind of stylized images, or a group of signs. No close analogies are known in the Eneolithic materials from the North Caucasus and the Caucasus piedmonts, however, some parallels with the Early Bronze Age Maikop cultural entity may be pointed to, in particular unique decoration on clay and metallic vessels.

Poplevko G.N.

Institute of History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
e-mail: poplevko@yandex.ru

Microwear and technological investigation of material from the Meshoko settlement, test-pit I

The author has carried out the microwear and technological analyses of flint and bone tools from test-pit I at the Meshoko settlement (the season of 2007). Totally 3790 artefacts were studied. The microwear analysis has revealed 219 flint tools and 12 bone ones. A series of working sets are singled out. Wood-processing dominated over other occupations, processing meat and skins was on the second position, followed by processing bone and antler, stone, mollusc shells, and pottery. The upper horizons

are most rich in flint tools. As a whole, the microwear analysis has singled out two times more tools than usually, established their functions and the raw materials processed.

Rezepkin A.D.

Institute of History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

e-mail: rezeppkin@mail.ru

Concerning classification of dolmens and burial rite of the “dolmen culture”

V.I. Markovin's investigations marked a new stage in studying dolmens of the North-eastern Caucasus. After ten seasons of field works (1967–1976) abundant new material was excavated and included into scientific circulation. A series of hypotheses concerning the origin, classification, and chronology of dolmens were suggested. The author of this paper, however, disagrees with V.I. Markovin at least in one important aspect: the Novosvobodnaya-type double-chamber tombs and “portal dolmens” should not be united within the single typological line. Therefore another typology for the same megalithic constructions was suggested by the author in 1988. Accordingly, these are divided into three main types: 1) horse-shoe-shape tombs; 2) dolmens; 3) rectangular tombs. This typological scheme is presented in detailed form in the paper.

Spasovsky Yu.N.

State-protected Caucasus Biosphere Park, Maikop, Russia

e-mail: b.bonusus@mail.ru

Faunal remains from the cultural deposit of the Novosvobodnenskoe settlement

Settlement Novosvobodnenskoe was discovered in 1989 by the Maikop expedition organized in the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR and headed by A.D. Rezepkin. The site was discovered when excavating kurgan cemetery Klady located in the piedmont region of Republic Adigei. The dwelling site is attributed to the Early Bronze Age Novosvobodnaya culture. The publication presents the osteological analysis of the materials obtained during the four-season excavations (2006–2009). Stock-breeding was of the most important branches of the dwellers' economy, the first position being occupied by cow. Animals were of small size, similar to the ones known in the economy of Trialeti and Tripolye cultures.

Andreeva M.V.

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: amvlad@rambler.ru

Bronze tools from catacomb burials of the North Caucasus piedmonts: Ritual and social significance

Significant number of different bronze artefacts, mostly tools/weapons is known from the burials of the terminal stage of the Middle Bronze Age (the second part of the 3rd millennium BC) of the North Caucasus piedmonts. Many scholars interpreted these finds as sets of working tools. In the paper main categories of the discussed finds (knives, rods, hooks, flat axes, chisels, needles, shaft-hole axes) are considered within the context of burial sites of East Manych catacomb culture. The author comes to the conclusion that the bronze tools deposited in the graves, on the one hand, mirror certain ritual aspects (primarily those related to the practice of animal sacrifice), and, on the other hand, marked social status the dead occupied, their positions within the tribal community on the late stage of its development.

Otroshchenko V.V. *, Zakharova E.Yu. **

*Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine

e-mail: otroshchenko@iananu.kiev.ua

**Voronezh State University, Voronezh, Russia

e-mail: ez@hist.vsu.ru

Phenomenon of the Bronze Age vessels with signs: A.A. Formozov's heritage and present state of the problem

A.A. Formozov was the first to consider the phenomenon of clay vessels with signs known among the Timber-grave antiquities. The problem remains intriguing till now. In Formozov's publications an exhaustive overview of the scientific problem was presented; a series of formulated hypotheses is of special value. The objective of the present paper is to remind once again professional archaeologists and those interested about A.A. Formozov's pioneering contribution to the investigation of the Timber-grave vessels bearing signs.

Khovansky A.I.

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: Arkaim01@yandex.ru

Chronological sequence of the Sintashta and early Alakul population (Case study of the pottery associations)

The article is devoted to the results of the typological analysis of forms and ornamental compositions on clay vessels of Sintashta and early Alakul cultures. Proceeding from the results obtained, local chronological sequences are suggested. The author presents the conclusion on the chronological coexistence of the Sintashta and early Alakul tribes.

D'yakova O.V.

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern

Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia

e-mail: ovdovd49@yahoo.com

Ancient fortresses of the Amur basin

In the Far East over 20 fortified settlements of the Early metal period have been revealed. The sites fall within two types — those situated on promontories, and built in valleys. The fortresses were built by the bearers of Lidovo and Poltse archaeological cultures. The sites are situated on the water routes uniting the western and eastern slopes of the Sikhote-Alin mountains.

Kamenetsky I.S.

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: kameneckij@yandex.ru

Karagodeuashkh: Reliability of old field records

In 1888 Cossack officer E.D. Felitsyn undertook excavations at the outskirts of the Krymskaya Cossack village (now the town of Krymsk) investigating a rich kurgan dated back to the 4th c. BC. The material was published in 1894 by A.N. Lappo-Danilevsky. A century later O.A. Ulyanova excavated the mound again. Numerous disagreements with the published data have been revealed, the principal

one was a chamber with horse burials. For unknown reasons it was omitted during the 1888 excavations. A series of field observations let reconstructing the history of the burial and the mound construction.

Gusakov M.G.

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
e-mail: gusakov41@mail.ru

Slash-and-burn agriculture in the Iron Age of Eastern Europe

History of agriculture and its conditions are the most debatable themes both in archaeology and in historical science. "A permanent problem" was been formulated long ago: which types of agriculture — slash-and-burn, lea tillage or plough agriculture — are the earliest and the most effective forms of agriculture. To the middle of the 1980s among the specialists in the history of agriculture shared an opinion that in Europe plough agriculture superseded slash-and-burn agriculture not before the end of the 1st millennium AD. Actually, slash-and-burn system was still used in Northern and Eastern Europe till the 18th–19th centuries. However, in archaeology there still exists an opinion that slash-and-burn agriculture became obsolescent in the Early Iron Age, which is not right. The author tries to prove that slash-and-burn system was in use for a long time in forest zone of Europe.

Tugus M.B.

State Historical Museum, Moscow, Russia
e-mail: marinatugus@list.ru

On settling the Moscow locality Glinishchi in Kitaigorod in the XII–XVII centuries

The article deals with the history of settling medieval Moscow locality Glinishchi in Kitaigorod from the 12th to the mid 17th cc. The investigation is based on the records of the Moscow Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR (seasons of 1964–1967), written sources and maps preserved in the State Historical Museum, Moscow. Analysis of the archaeological materials, pottery first of all, evidences that the area under discussion was inhabited as early as the pre-Mongol period. After a long period of development in the 17th c. the locality was inhabited by typically urban population involved in trade in salt, fish, furs, grain, and other commodities, their religious centre being the Trinity church in Nikitniki. Topographic and place-name data reveal some aspects of different systems of land-ownership and development of urban estates within the locality.

Derzhavin V.L.

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
e-mail: Derzh@yandex.ru

The role of archaeological sites in territorial arguments in Arctic

In the XIX century international regulations allowed unlimited scientific and economic activity in the Spitsbergen archipelago and the Medvezhij Island, regarding these as *terra nullius*. After coal mining was started there, Norway and Russia expressed their concern about the development of the situation in Arctic. In 1899 the Russian government organized expedition of cruiser Svetlana to the Medvezhij Island, with the objective both to demonstrate military force, and to reveal old Russian settlements and burials left by the White Sea coast-dwellers (*pomors*). Thus archaeological sites could have become highly important in settling territorial arguments in Arctic. At present in one of the Russian settlements there is preserved a huge iron cross made by the cruiser Svetlana crew, with a table inscribed in three languages. The records concerning the whole episode are preserved in the Russian Foreign policy Archives in Moscow.

PART II. MEETING MAN FACE TO FACE**Melnikova O.M.**

Udmurt State University, Izhevsk, Russia
e-mail: arch@uni.udm.ru; lvovich@udm.ru

A.A. Formozov's lessons

The article considers the historic and theoretical aspects of A.A. Formozov's scientific work. The author points to the methodological significance of his publications, and singles out the key methodological problems derived from A.A. Formozov's works on historiography, that are of special importance for the modern archaeological science.

Dubrovskij A.M.

Academician Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia
e-mail: alexdubr48@mail.ru

Concerning Formozov's views on historiography of national history

The article considers the trend in Soviet historiography presented in L.V. Cherepnin's monograph "Historical views of classics of Russian literature". This tendency reveals itself in equating professional writers' work to that of professional historians. Objecting to L.V. Cherepnin, A.A. Formozov persuasively and in detail demonstrated basic difference between historians, on the one hand, and writers investigating history, on the other.

Berdinskikh V.A.

Vyatka University for Humanities, Vyatka, Russia
e-mail: bva.prof@mail.ru

A.A. Formozov as a historian**(On the materials from the author's personal archive)**

The article presents a review of a long-term (1986-2009) correspondence and mutual relations between Viktor Berdinskikh and Alexander Formozov. In that period the author's scientific work was carried out under A.A. Formozov's supervision. Of special interest are A.A. Formozov's answers to the biographic questionnaire published in the paper, as well as his opinion on A. Zimin's works given in the letters to V. Berdinskikh.

Bochkareva L.I.

High Pedagogical School, Second College, St. Petersburg, Russia
e-mail: bovad1@mail.ru

On some A.A. Formozov's views on the Russian culture of XIX century

The list of research works written by archaeologist A.A. Formozov includes over 300 titles. He viewed the development of science, literature and art in Russia as an interrelated continuous process. Formozov's principal views on the XIX century culture may be summarized as follows: 1) All the extant monuments should be studied with equal attention. 2) Young science in Russia, including archaeology, took the same path as the world science, namely, the path of evolution. 3) Specific feature of archaeological science in Russia, when compared to other countries, consists in permanent close interrelation and development of Classical, Russian and Primeval archaeology.

Beliaev L.A.

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: labeliaev@mtu-net.ru

Classical archaeology: the factor of the development of West-European culture

This article was intended in the beginning of 2000-s as a detailed and extensive text for the *Antiquity* section of *Russian Orthodox Encyclopedia* (Moscow: 2001, vol. II). However, because of technical reasons, it was not published there. This is a review on the development of Classical West-European archaeology and its influence on coming into being Art and Society. The article explores the role of Greco-Roman antiquities in European culture of both Early Modern and Modern periods. The paper is generally based on contemporary Western research because in Russian scholarship this theme is developed very little, while it appeared to be a well developed field in the West. A.A. Formozov have reviewed this article, as well as some other works written by Leonid Beliaev in 1990-s (first of all, it concerns a survey popular in Russia *Khristianskie drevnosti* (= *Archaeology of Christianity. Introduction into comparative analysis*. Moscow: 1998). Formozov's unpublished review is published as an Appendix to the article.

Tunkina I.V.

St. Petersburg Branch of Archives of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Archaeological-epigraphic investigations of F.K. von Bieberstein in the Eastern Crimea and the Caucasus in the late XVIII (according to unpublished archive records)

The article contains the unpublished archival materials of German botanist on the Russian service F.K. Bieberstein (1796), mostly the researches in the topography of Asian Bosphorus according to Strabo and copies of the Ancient Greek, Byzantine, Old-Russian, Armenian, and Arab inscriptions found in the Crimea and the North Caucasus (mainly in the Taman Peninsula) in the late 18th century. These materials were widely used by other researchers, in particular P.S. Pallas (1801) and M. Guthrie (1802). The majority of the inscriptions copied by F.K. Bieberstein were introduced into the scientific world, but often without identification of the author of these copies.

Platonova N.A.

Institute of History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

e-mail: niplaton@gmail.com

Karl Ernst von Baer and the beginnings of studies of Russia's prehistoric antiquities

The scientific approach to studies of the prehistoric antiquities in Russia was initiated by Academician Karl Ernst von Baer, the founder of the anthropological collections of the Museum of the Imperial Academy of Sciences, also a cofounder of the Russian Geographical Society and the president of its Ethnographic Department. He was the first to formulate the basic laws of ontogenesis and the concept of the types of the animal world. Von Baer left an outstanding mark in archaeology. It was he who first put forward in Russian scientific literature (1849) the problem of the influence of the geographic environment upon culture. Between the 1850s and 1860s, von Baer suggested a plan of wide-scale expeditionary investigations in the Ural, Azov Sea and Caspian regions. By force of circumstances it had never been realized. The scientific approach to antiquities proposed by von Baer implied application of the data of comparative linguistics and confirmation of the initial hypotheses by excavations. The artefacts obtained were to be systemized and regarded as "documents" on the earliest history of settling Russia. The finds were to be kept in museums and subjected to comparative studies. The scholar realized his views, when creating the first precedent of acquiring a collection of stone tools by the Museum of Imperial Academy of Sciences (early 1860s).

Shchavelyov S.P.

Kursk State Medical University, Kursk, Russia

e-mail: sergej-shhavelev@yandex.ru

“The Gochevo antiquities in Oboyan’ Uyezd of Kursk Province”, 1909:

The publication of archive report of D.Ya. Samokvasov’s last expedition

The article covers the problem of archaeological investigations of the Old Russian antiquities in Gochevo carried out by famous Russian historian D.Ya. Samokvasov (1843–1911). The paper includes a brief essay concerning the history of the long-term investigations (from XIX until XX century) of this complex, which included a burial ground and a settlement. The author presents the first publication of the report on excavations in Gochevo (1909) supplied with archaeographic description. The report contains unique details concerning the Gochevo archaeological complex.

Gusev K.A.

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: kirgus@list.ru

D.N. Anuchin visiting European museums in 1877-1879

(On development of anthropology in Russia in the second part of XIX century)

Methods used by modern archaeological science root in traditions of XIX century. Academician Dmitrij Nikolayevich Anuchin was one of the founders of the contacts among archaeology, physical anthropology, and zoology in Russia. Anuchin’s activity has essentially contributed to the development of archaeological researches. The article provides information on Anuchin’s visit to European museums, universities and archaeological excavations during his stay in Europe in 1877-1879.

Basargina E.Yu.*, Zastrozhnova E.G.**

* St. Petersburg Branch of Institute of the History of Natural Science and Techniques, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

e-mail: akhos@bsr.spb.ru

** St. Petersburg Branch of Archives of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Ch. Görtz prizes

The article is devoted to the history of a prize awarded by the Imperial Academy of Sciences. Ch. Görtz prize was established in 1896 in memory of professor of history and archaeology of art of Moscow University Ch. Görtz (1820–1883). Bonus capital (7000 rubles) was bequeathed by the scientist’s sister, who was one of a few donors who stipulated for the clauses of assignation of his donation with the Academy of Sciences beforehand. According to the agreement, Department of history and philology issued the publication of complete works by Ch. Görtz edited by Academician V.V. Latyshev (St. Petersburg, 1898-1901, Issue 1-9) and biographic essay of Ch. Görtz (by A. I. Malein, 1912). Then the Academy of Sciences met their engagements for the donor, they could use percents of the capital for the encouragement in the field of Classical archaeology: for the rewarding prizes, financing scientific researches and editions. However, the First World War and the October revolution destroyed these plans. The article includes “Ch. Görtz prize regulations”.

Smirnov A.S.

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
e-mail: assmirnov@mail.ru

The Russian might-have-been investigations in Persia

The article turns to the reaction of the Russian government and the archaeological societies to the suggestion of French archaeologist J.J. de Morgan to participate in the excavations of ancient sites in Persia that were organized in the late 90-s of XIX century. Since the Imperial government nourished then no urgent political interests in this country, it remained indifferent to the scientific circles' calls to join the French colleagues. On the other hand, the indifferentism shown by some representatives of the Russian science in this field was mostly related to the limited staff potential of the national archaeological science.

Tikhonov I.L.

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
e-mail: igor@it6949.spb.edu

Archaeology at the Museum of Anthropology and Ethnography of the Academy of Sciences in XIX — early XX centuries

The Cabinet of curiosities (Kunstkammer) started collecting first archaeological artefacts (mainly Scythian golden objects) from Siberian barrow graves in 1715. Since 1860s the Museum of Ethnography began compiling and public demonstration of archaeological collections on the Stone Age. Separate archaeological department was established in 1894 by the museum director V.V. Radlov, somewhat later there was organized the department of Middle Asiatic history and archaeology. Since 1906 the museum carried out archaeological excavations in different regions of European Russia, Middle Asia, and Siberia. In 1914 over 33.000 objects were preserved in the museum. The archaeological exposition that threw light on prehistory, Classical antiquity, and Middle Ages was open in 1912

Makarov N.P.*, Vdovin A.S.**

*Krasnoyarsk Krai Museum of Local Lore, Krasnoyarsk, Russia
e-mail: mnp@kkkm.ru

**Astaf'ev Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russia
e-mail: vdovin2002@bk.ru

Archaeology in Krasnoyarsk Museum (1889-1940)

The article discusses the Krasnoyarsk Museum's activity in the field of archaeology in first five decades of its work (1889-1940). The authors analyze archive data and literary publications to present a history of the archaeological researches in the Yenisei region. The activity of such outstanding specialists in the Siberian archaeology as P.S. Proskuryakov, A.S. Yelenev, A.P. Yermolaev, A.V. Adrianov, G.K. Mergart, N.K. Auerbakh, G.P. Sosnovsky, V.I. Gromov, V.G. Kartsov, A.F. Katkov is characterized. The published material evidences that the Krasnoyarsk Museum in the late XIX — early XX was one of the centres of archaeological science in Siberia.

Gaidukov P.G.

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
e-mail: russianchange@yandex.ru

A.V. Oreshnikov about V.A. Gorodtsov

In the paper the archive materials of A.V. Oreshnikov are published. The reader can find in the publication some valuable details concerning biography of famous Russian archaeologist

V.A. Gorodtsov. These are A.V. Oreshnikov's diary records about Gorodtsov dated from 1915 to 1932, and also the salutatory address written by Oreshnikov in 1923 in commemoration of the 35th anniversary of Gorodtsov's scientific activity. The documents are preserved in the Department of written sources of State Historic Museum, Moscow.

Belozyorova I.V.

State Historical Museum, Moscow, Russia

**V.A. Gorodtsov's life and scientific activities in the years of the Great Patriotic War
(Materials from the private archive in State Historical Museum)**

The article is devoted to the last years of famous Russian archaeologist V.A. Gorodtsov. The author used scientist's diaries from the collections of the Department of written sources in the State Historical Museum. The diaries and memories of his students are the unique sources on V.A. Gorodtsov's biography in the years of the Great Patriotic War (1941–1945). It is the first publication of the materials concerning scientist's family and his circle. In spite of the war hardships Gorodtsov continued scientific and pedagogic activities. The circle of scientific problems investigated by the scientist during the war years is important for the history of Russian archaeology. The article includes the list of his monographs, articles and lecture courses, the majority of them remains unpublished. The article presents a unique material about the life of scientists: archaeologists, historians, museum workers during the years of the Great Patriotic War. The diaries of V.A. Gorodtsov are valuable sources for studying his biography and the history of national archaeological science.

Serykh D.V.

Samara State University, Samara, Russia

e-mail: mao1864@yandex.ru

Documents concerning the Moscow period of life of V.V. Holmsten

In the article for the first time is published a set of documents related to the Moscow period of life of Russian archaeologist Vera Vladimirovna Holmsten. The documents include: christening certificate, gymnasium leaving certificate, graduating certificate of Moscow Archaeological Institute (MAI), and the correspondence between MAI and Imperial Archaeological Commission concerning Holmsten's first excavations carried out in 1909 in Ufa Province. All papers prepared for publishing were found in V.V. Holmsten's files preserved in the archives of MAI and High Women Courses in the Moscow Central Historic Archive.

Ivanova N.V.

Nizhnij Novgorod Pedagogical University, Nizhnij Novgorod, Russia

e-mail: nnbora@yandex.ru

B.S. Zhukov's letters to Nizhnij Novgorod

The paper is devoted to unknown letters written by outstanding archaeologist B.S. Zhukov in 1920s — 1930s, when the scientist worked in Nizhnij Novgorod Region, heading the complex archaeological and anthropological expedition organized by the Anthropological Institute at Ist Moscow State University. The letters were written to young historian V.T. Illarionov who lived in Nizhnij Novgorod, and were preserved in his personal archive (now in the Central Archives of Nizhnij Novgorod Region). The letters' content is of interest both for those investigating B.S. Zhukov's biography, and specialists in history of national archaeology.

Malov N.M.

Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia

e-mail: mallow.kolia@yandex.ru

Soviet archeologist Pavel Sergeevich Rykov (toward the 125th anniversary of birth)

A.A. Formozov contributed a lot to studying the history of the Lower Volga archeology in the XIX–XX centuries. He reckoned P.S. Rykov among the new generation of researchers “serving devotedly” to the Soviet system. Rykov (1884–1942) is known as professor, dean of History department at Saratov State University, director of the Saratov Regional Museum of Local Lore and the Lower Volga Institute of Local Lore. Rykov was V.A. Gorodtsov’s disciple, he communicated with A.M. Talgren. The archeologist was arrested on August 14, 1937, soon after D.B. Ryazanov, a well-known old Bolshevik, Marxist academician. The professor from Saratov was convicted as “the enemy of the people” and exiled for ten years to a prison camp near Ussurijsk (Primorskiy Krai). That was where he died on March 26, 1942. In the University Rykov was accused of deliberate contamination of History department with the “politically unreliable comrades” exiled to Saratov (D.B. Ryazanov, A.I. Dovatur, et al.). Analyses are presented of Rykov’s last monograph and reviews by his repressed and executed colleagues (B.S. Zhukov, A.A. Zakharov and others). New documents from P.S. Rykov’s family archive are published alongside with the list of his publications and the list of papers about him.

Balabina V.I.

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: balabina@mail.ru

**«...Saving us and our friends’ circle from the Lethean waves ...»
(Chronicle of a far-off expedition in drawings and verses)**

The publication presents a luckily preserved album with pictures and drawings that comment the beginning of the Pskent cemetery excavations in Uzbekistan (dated 1929). The whole is a kind of comics (Figs 1–11). The reader can see very young, but clearly recognizable M.V. Voevodsky (1903–1948), B.A. Latynin (1899–1967), T.G. Oboldueva (1908–1995), V.D. Zhukov (1902–1962), and A.A. Potapov (1894–1938), who was the records’ main author. The expedition, unfortunately, has practically not left any traces in the Central Asiatic archaeology, since the materials were never published. The comparison of some archive data from Uzbekistan and Kirghizia with A.A. Spitsyn’s letters and researches concerning the archaeologists affected by the Stalinist repressions lets us to reconstruct the history of the Palaeoethnologic expedition that worked in Pskent in 1928–1929.

Kyzlasova I.L.

Moscow State Mining University, Moscow, Russia

e-mail: maxir5@ya.ru

On archaeologist V.P. Levasheva and her father Archpriest P.N. Levashev

The paper presents a review of the publications concerning the life path of known archaeologist V.P. Levasheva (1901–1974). New sources on specific qualities of great archaeologist V.A. Gorodtsov (1860–1945) as a teacher are also published. For the first time abundant materials concerning V.P. Levasheva’s father — Archpriest P.N. Levashev are presented. He was an outstanding figure in religious life of pre-revolutionary Petersburg (1866 — executed in 1937). The compiled data help to shape a more adequate idea on his daughter’s world-view and life, so that the reader can better understand a heroic character of V.P. Levasheva’s activity.

Yakushkina M.M.

State Historic Museum, Moscow, Russia

e-mail: mugrya@mail.ru

Personal archive of M.E. Foss in the Department of written sources of State Historic Museum

The author presents a review of the personal archive of M.E. Foss (1899-1955), a known Soviet archaeologist, whose contribution to the investigations of the European Russia, both northern, and southern steppe regions remains fundamental. The chronology of the documents covers the early XX — 1955. Scientific activity of M.E. Foss was closely related to the State Historic Museum (1924–1955) and the Institute for the History of Material Culture, Academy of Sciences of the USSR (1944–1955). Substantial part of the materials represents her long-term field researches (1924–1954). The archive comprises also Foss's correspondence with known Soviet archaeologists O.N. Bader, A.P. Okladnikov, P.N. Tret'yakov, and others. The drafts of many lectures, articles, and monograph on the earliest history of the European North of the USSR preserved in the archive are undoubtedly of interest for specialists.

Usachuk A.N.

Donetsk Regional Museum of Local Lore, Donetsk, Ukraine

e-mail: doold@mail.ru

On the collection of articles of Izyum Museum published in 1923 (The history of one copy)

The essay is devoted to an episode in the history of the soviet archaeology. In 1923 N.V. Sibilev, a famous archaeologist from Donbas, then the director of Izyum Local Lore Museum released a small collection of articles on archaeology.

A copy was sent to A.A. Spitsyn, one of the prominent experts in prehistoric archaeology in Russia of the time. The analysis of the dedicatory inscription and the remains of the envelope enables us to reconstruct to a certain extent the situation in archaeology in the 1920s. The book was then preserved in the library of A.D. Stolyar, professor of St. Petersburg University, a prominent specialist in primitive art, who in his turn gave it as a present to the author of the article. Finally, the book was donated to the State Historical-Architectural Reserve of Svyatogorsk, the museum also founded by N.V. Sibilev. The adventures of a small book call up an air in history and archaeology, which A.A. Formozov was able to do in his works.

Sveshnikova O.S.

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

e-mail: pucholik@rambler.ru

Organizational forms of introduction of Marxism in 1920s - 1930s by the example of State Academy for the History of Material Culture

The article covers the work of the postgraduate seminar on historical materialism at the State Academy for the History of Material Culture based on archive materials. It describes the main forms of how the older generation of archaeologists familiarized themselves with Marxism.

Paromov Ya.M.

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: kukuoba@yandex.ru

Socialist emulation in State Academy for the History of Material Culture in 1930-1931

The paper considers the formation and the first steps of the “socialist emulation” initiated by V.I. Ravdonikas. This new movement had as its objective introduction of a new scientific world view,

based on the Marxist dogmas. The author shows what effect had the “socialist emulation” on the fates of many scholars, and how did (or did not) participate in it M.I. Artamonov, P.N. Schultz, S.N. Zamyatnin, S.A. Semenov-Zuser, A.M. Zolotarev, M.G. Khudyakov, L.A. Dintses, P.N. Tret'yakov, B.L. Bogaevsky, A.V. Schmidt, A.A. Miller, P.P. Yefimenko, B.A. Koishevsky. The archive document related to D.A. Zolotarev, a researcher of older generation, throws light upon the cruel compulsory methods used in the discussed epoch. The author dwells upon the problems of continuity in science, relations between teachers and disciples, honour and dignity of a scholar.

Korenyako V.A.

State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia
e-mail: korenyako@gmail.com

**Ethic problems and manifestations of crisis in modern archaeology
(Six years later)**

The paper is a continuation of the author's publication of 2004 on the same theme. The current article presents an assessment of the contribution to the discussion of professional ethic problems and crisis phenomena in archaeology made by A.A. Formozov, L.B. Ivanova, I.A. Sorokina, L.S. Klein, E.N. Mikhailenko, and others. Special attention is paid to the “Ethic code of a professional archaeologist” passed by the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine in 2006. Unfortunately, no document of the kind has been worked out in Russia. Probably, discussion and adoption of a code of professional ethics, as well as constructive considerations on crisis and ethics in science are possible only on certain level of introspection reached by scientific circles.

Shchavelyov A.S.

Institute of General History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
e-mail: alexis-schhavelev@mail.ru

Three related semantic motifs in Slavic legends on first princes

The article deals with the problem of reconstruction the archetypes in Slavic legendary tradition. In the medieval historiography one meets with similar motifs and details, which should be explained by their common origin from a single Slavic corpus of legends. The most striking similarities are pointed out: the motif of «sacral» staves; the birdlike names of the first Slavic princes (regarded as the remains of totemism); and some female personages, who personify the rite of funerary lamentations.

Kudryavtsev O.F.

*Moscow State Institute of International Relations (University) of Foreign Ministry of Russia,
Moscow, Russia*
e-mail: demetr22@mail.ru

**The diplomacy of Aleksandr Nevskiy: objectives,
principles and directions (an attempt of reconstruction)**

The author reconstructs the basic characteristics of Prince Aleksandr Nevskiy's Weltanschauung as reflected in his foreign policy, and its objectives, principles and directions. The conducted analysis shows that Aleksandr Nevskiy considered the protection of the orthodox faith and church as his main target, and did his utmost to stop quarrels and hostilities between the Russian princes, and to suppress wilfulness of the Novgorod citizens. It is also remarked, that Aleksandr Nevskiy had never tried to conquer foreign territories. He proved himself to be a selfless and disinterested warrior and diplomat, ready to sacrifice his life and at the same time able to conduct astute international policy, to procure

himself safe rears and allies, and decide how to treat enemies — attacking as well as throwing them down.

Durin J.

*Société d'études et de recherches préhistoriques des Eyzies,
Ronchamp, France*

e-mail: durinje@wanadoo.fr

**Emotions and intonation clichés in the field of stereolinguistics
(concerning the problem of human language origin)**

The reader is offered a new approach to the linguistic phenomena, known as stereolinguistics. The whole is centred on the soma of the speaker as such, so the problematic can easily cover issues of communication not between human beings only, but also between other organisms. The paper primarily examines different types of utterances and their corresponding intonation types. It puts forward the hypothesis that the Neanderthals used in communication exclusively reactive phrases that did not require every notion to have its own name. Homo sapiens went further, discovering the wonderful possibilities of nomination.

Dobrovolskaya M.V.

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: mk_pa@mail.ru

Nutritional strategies of the Mousterian and Upper Palaeolithic humans in Europe

Stable isotopes analysis on the base of ^{15}N and ^{13}C characteristics data can be used for the reconstruction of palaeodiet of the Stone Age humans. The comparison of the Mousterian and Upper Palaeolithic humans' food recourses allows us to assume significant differences. According to the stable isotopic analysis Neanderthals were meat-eating beings. Apparently, the Upper Palaeolithic humans did not practice food specialization. The share of water food supplies constantly increased during the Upper Palaeolithic period.

Mednikova M.B.

*Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow State Psychological and
Pedagogical University, Moscow, Russia*

e-mail: medma_pa@mail.ru

**New data and methods for diagnostics of oncological diseases among
social elite of the Early Metal Age**

The study of incomplete and fragmentary human bone remains originating from archaeological excavations by traditional metric methods is strongly limited. The use of new methods provides a possibility for investigation of remains in poor state of preservation. Microfocus X-ray investigation permits to carry out differential diagnostics of pathological condition with better results. The method was used to analyze certain features on skeletons of two individuals identified as social leaders of the Bronze Age. The first skeleton belonged to a representative of Maikop archaeological culture (Early Bronze Age). The second one probably was a chariot-driver of the Abashevo archaeological culture (Middle Bronze Age). In both cases evidence of osteolithic cancer of various etiology has been established. This suggests that some social or cultural conditions of the Early Metal Age could cause cancer in social elite.

Buzhilova A.P.

Institute and Museum of Anthropology, Moscow State University; Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
e-mail: albu_pa@mail.ru

The anthropological data concerning the Alans of the Don River area

Saltovo-Mayaki is the name given by archaeologists to the early Medieval culture of the Pontic steppe region between the Don and the Volga rivers. Their culture shows a melting pot of the nomadic tribes like the Onogurs, Khazars, Pechenegs, Magyars, Alans marked with the Slavic influence. Few skeletal groups from different sites of the Don region were investigated. The total number of investigated individuals is ca. 330. About one third of the total collection are immature individuals. The site named Dmitrievskoe is a cemetery related to a cluster of rural settlements. Under the name Mayatskoe two sites are known: a cemetery situated close to a hillfort on the northern border of the region, and a rural dwelling site. All the sites date from ca. 9th-10th cc. AD. The demography and palaeopathological characteristics of the material have been investigated. The revealed aspects of life-style influenced a spectrum of specific social features.

Berezina N.Ya.

Moscow State University, Moscow, Russia
e-mail: Berezina.natalia@gmail.com

Anthropological characteristics of Koenigsberg population in the 18th -19th AD

The paper discusses the material obtained during the excavations of the historical centre of Kaliningrad (former Koenigsberg) conducted in 2006, and a cemetery dated approximately to the 18th — 19th cc. AD. The collection totals 266 individuals, nearly a half of them being non-adults. The material was investigated with application of different anthropological methods with the objective to study demography, craniology, osteometry and palaeopathology. As a result, a series of conclusions is presented. First, the average life span in Koenigsberg in the period under study was lower than in adjacent lands, and life span of men was lower than that of women. Second, high rate of children mortality was at the same level or even a little lower than in the neighbouring lands at the same period, which may have been caused by infections at an early age. Third, the comparative analysis allowed us to establish the influence caused by the urbanization factor, among them: the rates of nutritional stress, injury level, metabolism diseases and arthropathies were understated, while the level of such infections as tuberculosis and syphilis was rather high.

Shvedchikova T.Yu.

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
e-mail: tashved@gmail.com

Artificial skull deformation: Historiography and the state of contemporary study

The paper is devoted to the consideration of historiography of studying the worldwide known tradition of artificial skull deformation. Both ancient and medieval sources associated with the problem of deliberate head modelling are discussed. The author considers the beginnings of scientific study of the phenomenon dated back to XIX century, as well as some aspects of modern trends of investigating the subject. Special attention is paid to a series of new methods applied and perspective of further investigations

---

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Марина Владимировна
Институт археологии РАН, Москва
E-mail: amvlad@rambler.ru

Балабина Вера Игоревна
Институт археологии РАН, Москва
E-mail: balabina@mail.ru

Басаргина Екатерина Юрьевна
Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН,
E-mail: akhos@bsr.spb.ru

Белозёрова Ирина Валентиновна
Государственный Исторический музей, Москва

Беляев Леонид Андреевич
Институт археологии РАН, Москва
E-mail: labeliaev@mtu-net.ru

Бердинских Виктор Аркадьевич
Вятский гуманитарный университет, Киров
E-mail: bva.prof@mail.ru

Березина Наталия Яковлевна
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
E-mail: Berezina.natalia@gmail.com

Бочкарева Людмила Ивановна
Высший педагогический колледж № 2, Санкт-Петербург
E-mail: bovad1@mail.ru

Бужилова Александра Петровна
НИИ и Музей антропологии МГУ, Институт археологии РАН, Москва
E-mail: albu_pa@mail.ru

Булочникова Евгения Вячеславовна
НИИ и Музей антропологии МГУ, Москва
E-mail: ebulochnikova@yandex.ru

Бурдо Наталия Борисовна
Институт археологии НАН Украины, Киев
E-mail: wideiko@gmail.com

Ветров Виктор Сергеевич
Археологическая студия ЦТДЮ, Луганск, Украина
E-mail: vet@lep.lg.ua

Вдовин Александр Сергеевич
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
E-mail: vdovin2002@bk.ru

Вискалин Александр Викторович
Ульяновский государственный университет, Ульяновск
E-mail: alvisk@mail.ru

Гайдуков Петр Григорьевич
Институт археологии РАН, Москва
E-mail: russianchange@yandex.ru

Гей Александр Николаевич
Институт археологии РАН, Москва
E-mail: donkuban@mail.ru

Гласкок Майкл
Исследовательский реакторный центр, Университет Миссури, Колумбия, США
E-mail: glascockm@missouri.edu

Голованова Любовь Витальевна,
Автономная некоммерческая организация «Лаборатория доистории», Санкт-Петербург
E-mail: labprehistory@yandex.ru

Григорьев Геннадий Павлович
*Институт истории материальной культуры
РАН, Санкт-Петербург*
E-mail: grigoriev@gg11569.spb.edu

Гусаков Михаил Георгиевич
Институт археологии РАН, Москва
E-mail: gusakov41@mail.ru

Гусев Кирилл Александрович
Институт археологии РАН, Москва
E-mail: kirgus@list.ru

Державин Виктор Леонидович
Институт археологии РАН, Москва
E-mail: Derzh@yandex.ru

Добровольская Мария Всеволодовна
Институт археологии РАН, Москва
E-mail: mk_pa@mail.ru

Дороничев Владимир Борисович
*Автономная некоммерческая организация
«Лаборатория доистории», Санкт-Петербург*
E-mail: labprehistory@yandex.ru

Дубровский Александр Михайлович
*Брянский государственный университет
им. акад. И.Г. Петровского*
E-mail: alex@dubr.pptus.ru

Дюрен Жан (Durin Jean)
*Société d'études et de recherches préhistoriques
des Eyzies (SEPRE)
Ronchamp, France*
E-mail: durinje@wanadoo.fr

Дьякова Ольга Васильевна
*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток*
E-mail: ovdovd49@yahoo.com

Жульников Александр Михайлович
*Петрозаводский государственный университет,
Республика Карелия*
E-mail: wigwam@karelia.ru

Застрожнова Евгения Григорьевна
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН,
E-mail: pankratova-84@bk.ru

Захарова Елена Юрьевна
Воронежский государственный университет,
E-mail: ez@hist.vsu.ru

Иванова Наталья Владимировна
*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*
E-mail: nnbora@yandex.ru

Каменецкий Игорь Сергеевич
Институт археологии РАН, Москва
E-mail: kameneckij@yandex.ru

Клейн Лев Самуилович
Санкт Петербургский госуниверситет,

Колосов Александр Владимирович
*Могилевский государственный университет
им. А.А. Кулешова, Республика Беларусь*
E-mail: kolosov_arc@mail.ru

Колпаков Евгений Михайлович
*Институт истории материальной культуры
РАН, Санкт-Петербург*
E-mail: eugen@rekvizit.ru

Коренько Владимир Александрович
*Государственный музей искусства народов
Востока, Москва*
E-mail: korenyako@gmail.com

Котова Надежда Сергеевна
*Институт археологии Национальной академии
наук Украины, Киев*
E-mail: nadja.kotova@gmx.at

Кудрявцев Дмитрий Иванович
*Государственный геологический музей РАН
им. В.И. Вернадского (ГТМ РАН), Москва*

Кудрявцев Олег Федорович
*Московский государственный институт
международных отношений
МИД России*
E-mail: demetr22@mail.ru

Кузьмин Ярослав Всеволодович
*Институт геологии и минералогии СО РАН,
Новосибирск*
E-mail: kuzmin@fulbrightmail.org

Кузьминых Сергей Владимирович
Институт археологии РАН, Москва
E-mail: kuzminykhsv@yandex.ru

Кызласова Ирина Леонидовна
*Московский государственный горный
университет*
E-mail: maxir5@ya.ru

Лозовский Владимир Михайлович

*Сергиев-Посадский историко-художественный
музей-заповедник*

E-mail: zamostje68@post.ru

Лозовская Ольга Владимировна

*Сергиев-Посадский историко-художественный
музей-заповедник*

E-mail: zamostje68@post.ru

Лопатин Николай Владимирович

Институт археологии РАН, Москва

E-mail: n.lopatin@gmail.com

Малов Николай Михайлович

*Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского*

E-mail: malow.kolia@yandex.ru

Макаров Николай Поликарпович

*Красноярский краевой краеведческий
музей*

E-mail: mnp@kkkm.ru

Медникова Мария Борисовна

*Институт археологии РАН, Московский
Городской Психолого-Педагогический
Университет, Москва*

E-mail: medma_pa@mail.ru

Мельникова Ольга Михайловна

*Удмуртский государственный университет,
Ижевск*

E-mail: arch@uni.udm.ru; lvovich@udm.ru

Мишина Татьяна Николаевна

Институт археологии РАН, Москва

E-mail: tnmishina@mail.ru

Отрошенко Виталий Васильевич

*Институт археологии Национальной академии
наук Украины, Киев*

E-mail: otrok@i.com.ua

Ошибкина Светлана Викторовна

Институт археологии РАН, Москва

E-mail: savanna_kasper@mail.ru

Паромов Яков Максимович

Институт археологии РАН, Москва

E-mail: kukuoba@yandex.ru

Платонова Надежда Игоревна

*Институт истории материальной культуры
РАН, Санкт-Петербург*

E-mail: niplaton@gmail.com

Поплевко Галина Николаевна

*Институт истории материальной культуры
РАН, Санкт-Петербург*

E-mail: poplevko@yandex.ru

Попов Владимир Константинович

*Дальневосточный геологический институт ДВО
РАН, Владивосток*

E-mail: vladpov@mail.ru

Приходько Дарья Ильинична

НИИ и Музей антропологии МГУ, Москва

E-mail: dasha-04-88@mail.ru

Резепкин Алексей Дмитриевич

*Институт истории материальной культуры
РАН, Санкт-Петербург*

E-mail: rezeppkin@mail.ru

Свешникова Ольга Сергеевна

*Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского*

E-mail: pucholik@rambler.ru

Сергин Виктор Яковлевич

Институт археологии РАН, Москва

Серигов Юрий Борисович

*Государственная социально-педагогическая
академия, Нижний Тагил*

E-mail: u.b.serikov@mail.ru

Серых Данила Витальевич

Самарский государственный университет

E-mail: mao1864@yandex.ru

Смирнов Александр Сергеевич

Институт археологии РАН, Москва

E-mail: assmirnov@mail.ru

Смирнов Юрий Александрович

Институт археологии РАН, Москва

E-mail: smr495@mail.ru

Сорокин Алексей Николаевич

Институт археологии РАН, Москва

E-mail: ansorokin@rambler.ru

Спасовский Юрий Николаевич

*Кавказский государственный природный
биосферный заповедник, Майкоп*

E-mail: b.bonasus@mail.ru

Столяр Абрам Давидович

*Санкт-Петербургский государственный
университет*

Тихонов Игорь Львович

*Санкт-Петербургский государственный
университет*

E-mail: igor@it6949.spb.edu

Тугус Марина Будиновна

Государственный Исторический музей, Москва

E-mail: marinatugus@list.ru

Тункина Ирина Владимировна

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Усачук Анатолий Николаевич

*Донецкий областной краеведческий музей,
Украина*

E-mail: doold@mail.ru

Хаванский Алексей Иванович

Институт археологии РАН, Москва

E-mail: Arkaim01@yandex.ru

Шведчикова Татьяна Юрьевна

Институт археологии РАН, Москва

E-mail: tashved@gmail.com

Шумкин Владимир Яковлевич,

*Институт истории материальной культуры
РАН, Санкт-Петербург*

E-mail: shumkinv@mail.ru

Щавелёв Алексей Сергеевич

Институт всеобщей истории РАН, Москва

E-mail: alexis-schavelev@mail.ru

Щавелёв Сергей Павлович

*Курский государственный медицинский
университет*

E-mail: sergej-shhavelev@yandex.ru

Щелинский Вячеслав Евгеньевич

*Институт истории материальной культуры
РАН, Санкт-Петербург*

E-mail: shchelinsky@yandex.ru

Юдин Александр Иванович

*ГУК «Научно-производственный центр
по охране историко-культурного наследия
Саратовской области» Саратов*

E-mail: aleyudin@yandex.ru

Якушкина Марина Михайловна

Государственный Исторический музей, Москва

E-mail: mugrya@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АА — Археологический альманах. Донецк.
АВ — Археологические вести. СПб.
АВЕС — Археология Восточно-Европейской степи. Саратов
АВПр — Архив внешней политики России.
АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.
АГЭ — Архив Государственного Эрмитажа.
АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы. Л.; М.; Новосибирск.
АКЭ — Антропологическая комплексная экспедиция 1 МГУ.
АО — Археологические открытия. М.
Арх. гр. — Сектор архитектурной графики Отдела изобразительных искусств Государственного Исторического музея.
АПО — Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург.
АС — Археологический съезд.
АСА — Антология советской археологии. М., 1995.
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР. М.
БМОИП — Бюллетень Московского общества испытателей природы. М.
БРЭ — Большая Российская энциклопедия. М.
БСЭ — Большая Советская энциклопедия. М.
ВВУ — Вестник Воронежского университета.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВИ — Вопросы истории. М.
ВКФ — Вестник Казахского филиала Академии наук СССР. Алма-Ата.
ВИ — Вопросы истории. М.
ВС — Вокруг света. М.
ВСОРГО — Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества.
ВУАК — Всеукраїнський археологічний комітет.
ВФ — Вопросы философии. М.
ВХУТЕМАС — Высшие художественно-технические мастерские.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ГАКК - Государственный архив Краснодарского края.
ГАКО — Государственный архив Курской области.

- ГАРФ — Государственный архив РФ.
ГИМ — Государственный Исторический музей.
ГИМ ОПИ — Государственный Исторический музей. Отдел письменных источников.
ГМИИ — Государственный Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.
ГМИР — Государственный Музей истории религии.
ГРМ — Государственный Русский музей.
ГУАК — губернская ученая архивная комиссия.
ГЭ — Государственный Эрмитаж.
ЗС — Знание-сила. М.
ИА НАН — Институт археологии Украины.
ИА РАН — Институт археологии РАН.
ИАК — Императорская археологическая комиссия.
ИАН — Императорская Академия наук.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л.
Изв. ГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л.
ИЗО ГИМ — Отдел изобразительных искусств Государственного Исторического музея.
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР.
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН.
ИМАО — Императорское Московское археологическое общество.
ИОАИЭ — Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском управлении.
ИРАО — Императорское Русское археологическое общество.
ИСНЦРАН — Известия Самарского научного центра Российской академии наук.
ИФЛИ — Институт философии, литературы, истории.
КБН — Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
КИПС — Комиссия РАН АН СССР по изучению племенного состава населения России и сопредельных территорий.
КККМ — Красноярский краевой краеведческий музей.
КрПВСОРГО — Красноярский подотдел Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества.
КрПРГО — Красноярский подотдел Русского географического общества.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР. Киев.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
КЭИ — Комиссия экспедиционных исследований.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МАИ — Московский археологический институт.
МАР — Материалы по археологии России. СПб.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР/РАН.
МВЖК — Московские высшие женские курсы.
МГГУ — Московский государственный горный университет.
МГУ — Московский государственный университет.
МЖ — Московский журнал. М.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИФЛИ — Московский институт философии, литературы и истории.
МК — Министерство культуры.
МОГАИМК — Московское отделение ГАМИК.
МО ИИМК — Московское отделение ИИМК.

- НА ИА РАН — Научный архив Институт археологии РАН.
НА ККМ — Научный архив Красноярского краевого краеведческого музея.
НАН Украины — Национальная Академия наук Украины.
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения РСФСР.
НАЭК — Нижегородская археолого-этнологическая комиссия.
НиЖ — Наука и жизнь. М.
НИИАиИ РАНИОН — Научно-исследовательский институт археологии и искусствоведения
Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.
НМ — Новый мир. М.
ОАК — Отчет Императорской Археологической комиссии. СПб.; Пг.
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея.
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
ПАИ — Полевые археологические исследования Археологической комиссии Грузии, Центра археологических исследований Института истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси.
ПбФ ИВ РАН — Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН.
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ. Л.
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры. Л.
Протоколы ИФО — Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской Академии наук. СПб., 1891–1914. (Печатались на правах рукописи.)
РА — Российская археология. М.
ПИШ — Преподавание истории в школе. М.
РА НА ИИМК РАН — Рукописный архив научного архива Института истории материальной культуры РАН.
РАН — Российская академия наук.
РАНИОН — Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.
РГИА — Российский государственный исторический архив.
РГО — Русское географическое общество.
РИМ — Российский Исторический музей.
РОБХУ — Рукописный отдел библиотеки Хельсинского университета.
СА — Советская археология. М.
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Л.
СГУ — Саратовский государственный университет.
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
СМАЭ — Сборник Музея археологии и этнографии. СПб.; Пг.; Л.
СОМК — Саратовский областной музей краеведения.
СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.
СУАК — Саратовская губернская ученая архивная комиссия.
СЭ — Советская этнография. М.
ТАС — Тверской археологический сборник. Тверь.
ТИИ АН КиргССР — Труды Института истории Академии наук Киргизской ССР.
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР. М.; Л.
ТМАЭ — Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола.
ТМОИП — Труды Московского общества испытателей природы.
ТМОИРВИО — Труды Московского отдела Императорского Русского военно-исторического Общества.
Тр. ВСОРГО — Труды Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества, Иркутск.

- Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея. М.
УАС — Уральское археологическое совещание.
ХакНИИЯЛИ — Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ЦА ФСБ РФ — Центральный архив ФСБ РФ.
ЦАНО — Центральный архив Нижегородской области.
ЦИАМ — Центральный исторический архив г. Москвы.
ЦЧО — Центрально-Черноземная область.
ЦПО — Центрально-Промышленная область.
ASPRB — American School of Prehistoric Research Bulletin. Cambridge.
BAR — British Archaeological Research, International Series. Oxford.
BMSAP — Bulletins et Memoires de la Societe d'Anthropologie de Paris. Paris.
CurA — Current Anthropology. Chicago.
ERAUL — Etudes et recherche archeologique de l'Unuversite de Liege.
ESA — Eurasia Septentrionalis Antigua. Helsinki.
JAS — Journal of Archaeological Science.
JHE — Journal of Human Evolution.
JWP — Journal of World Prehistory.
PNAS — Proceedings of the National Academy of Sciences (USA).
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society. London; Cambridge.
SERPE — Société d'études et de recherches préhistoriques des Eyzies.
TA — Trabalhos de Arqueologia, Instituto Português de Arqueologia, Lisboa Artes Graficas.

ЧЕЛОВЕК И ДРЕВНОСТИ

**Памяти Александра Александровича Формозова
(1928–2009)**

Подписано в печать 16.07.2010 г.
Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 114,75. Заказ № 217. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел.: (4872) 47-08-71, тел./факс: (4872) 49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru, <http://www.grif-tula.ru>